Кир

БУЛЫЧЕВ

КОСМИЧЕСКИЙ ДЕСАНТ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Эксмо

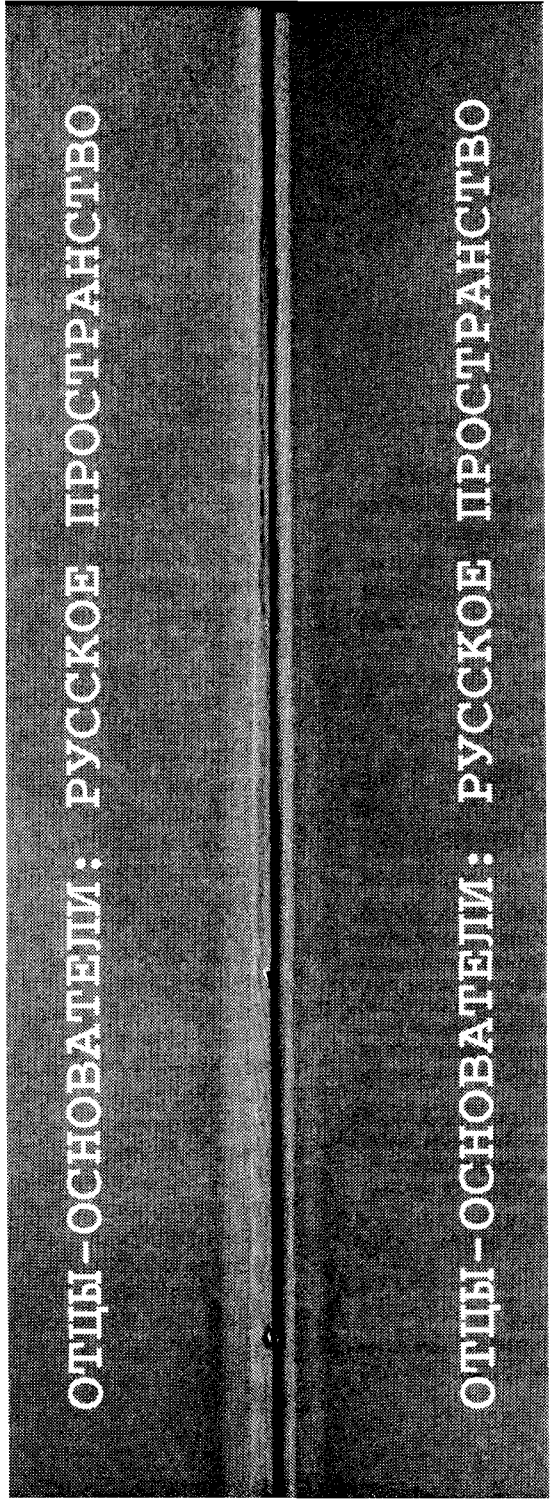
Кир

БУЛЫЧЕВ

Кир

БУЛЫЧЕВ

ПОСЕЛОК
ПОДЗЕМЕЛЬЕ ВЕДЬМ
ПОХИЩЕНИЕ ЧАРОДЕЯ
ОПЕРАЦИЯ «ГАДЮКА»
ПОКУШЕНИЕ НА ТЕСЕЯ
ПОСЛЕДНИЕ ДРАКОНЫ
ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ТРАПЕЗУНДА
ЗАПОВЕДНИК ДЛЯ АКАДЕМИКОВ
ТАКИХ НЕ УБИВАЮТ
ДВА БИЛЕТА В ИНДИЮ
МОНУМЕНТЫ МАРСА
КОСМИЧЕСКИЙ ДЕСАНТ

Кир

БУЛЫЧЕВ

КОСМИЧЕСКИЙ ДЕСАНТ

Москва
ЭКСМО
2006

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Б 90

Составитель *М. Манаков*

Оформление серии *А. Сауков*

Серия основана в 2005 году

Булычев К.

Б 90 Космический десант: Фантастические повести и рассказы / Кир Булычев; [сост. М. Манаков]. — М.: Эксмо, 2006. — 992 с. — (Отцы-основатели: Русское пространство).

ISBN 5-699-18869-X

Великий Гусляр... Этот город невозможно найти ни в одном, даже самом подробном, географическом атласе, но на карте русской фантастики он выглядит заметнее иных столиц. Кир Булычев с присущим ему неподражаемым юмором, мудрой иронией и язвительным сарказмом поведал нам о нравах и порядках Великого Гусляра, о его жителях и необычайных происшествиях, то и дело приключающихся с ними. И пусть описываемые события порой выглядят совершенно невероятными, нетрудно заметить, что вымышленный городок отразил в себе многие черты нашей родной действительности.

Любимое детище Кира Булычева, «гуслярские хроники» создавались на протяжении четырех десятилетий и включают более 100 повестей и рассказов. Автор всегда хотел собрать их воедино. «Нужна свободная планета» — первая часть первого полного двухтомного издания знаменитого цикла.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Булычев К., 2006
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2006

ISBN 5-699-18869-X

ВСТУПЛЕНИЕ

Иногда приходится слышать: почему пришельцы из космоса, избравшие Землю целью своего путешествия, опускаются не в Тихом океане, не на горах Памира, не в пустыне Такла-Макан, наконец, не в Осаке и Конотопе, а в городе Великий Гусляр? Почему некоторые странные происшествия, научного истолкования которым до сих пор не удалось найти, имеют место в Великом Гусляре?

Этот вопрос задавали себе многочисленные ученые и любители астрономии, о нем говорили участники симпозиума в Аддис-Абебе, об этом прошла дискуссия в «Литературной газете».

Недавно с новой гипотезой выступил академик Спичкин. Наблюдая за траекториями метеорологических спутников Земли, он пришел к выводу, что город Великий Гусляр стоит на земной выпуклости, совершенно незаметной для окружающих, но очевидной при взгляде на Землю с соседних звезд. Эту выпуклость никак нельзя путать с горами, холмами и другими геологическими образованиями, потому что ничего подобного в окрестностях Гусляра нет. Появление действующего вулкана у озера Копенгаген относится к 1982 году и к ранним появлениям пришельцев отношения не имеет.

Город Великий Гусляр расположен на равнине. Он окружен колхозными полями и густыми лесами. Реки, текущие в тех краях, отличаются чистой водой и медленным течением. Весной случаются наводнения, спадающие и оставляющие на берегах ил и коряги. Зимой бывают снежные заносы, отрезающие город от соседних населенных пунктов. Летом стоит умеренная жара и часты грозы. Осень здесь ласковая, многоцветная, к концу октября начинаются холодные дожди. В 1876 году старожилы наблюдали северное сияние, а за тринадцать лет до этого — тройное солнце. Самая низкая температура января достигала сорока восьми градусов ниже нуля (18 января 1923 года).

Раньше в лесах водились медведи, косули, кабаны, еноты, бобры, лисицы, росомахи и волки. Они встречаются в лесах и сегодня.

В 1952 году была сделана попытка акклиматизировать под Великим Гусляром зубробизона. Зубробизоны расплодились в Воробьевском заказнике, естественным образом скрестились с лосями и приобрели в дополнение к грозному облику могучие рога и спокойный, миролюбивый нрав. Реки и озера богаты дичью. Не так давно в реку Гусь завезены гамбузия и белый амур. Неизвестно как за последние годы там же расплодился рак бразильский, ближайший родственник омара. Рыбаки по достоинству оценили его вкусовые качества. В местной печати сообщалось о появлении в окрестностях города мухи цеце, однако случаев сонной болезни не отмечено.

Население Великого Гусляра достигает восемнадцати тысяч человек. В нем проживают люди шестнадцати национальностей. В деревне Морошки обитают четыре семьи кожухов. Кожухи — малый лесной народ угро-финской группы, говорящий на своеобразном, до сих пор не до конца разгаданном наукой языке. Письменность кожухов на основе латинской была разработана в 1926 году гуслярским учителем Ивановым, который составил букварь. В наши дни лишь три кожуха — Иван Семенов, Иван Мудрик и Александра Филипповна Малова — владеют кожухским языком.

История города Великий Гусляр насчитывает семьсот пятьдесят лет. Впервые упоминание о нем встречается в Андриановской летописи, где говорится, что потемкинский князь Гавриил Незлобивый «пришех и истребих» непокорных обитателей городка Гусляр. Это случилось в 1222 году.

Город быстро рос, будучи удобно расположен на перекрестке торговых путей, ведущих на Урал и в Сибирь, а также в южные и западные области Руси. Его пощадило монгольское иго, так как испуганные густотой и дикостью северных лесов татарские баскаки ограничивались присылкой списка требуемой дани, однако жители города эту дань платили редко и нерегулярно. Возникшее в XIV веке соперничество за Гусляр между Москвой и Новгородом закончилось окончательной победой Москвы лишь к середине XV века. В ходе соперничества город был трижды сожжен и дважды разграблен. Один раз новгородская дружина воеводы Лепехи сровняла город с землей. В последующие годы Гусляр подвергался чуме, наводнению, мору и гладу. Ежегодно бушевали пожары. После каждой эпидемии и пожара город вновь отстраивался и украшался белокаменными соборами, живописно раскинувшимися по берегу реки Гусь.

Из числа землепроходцев, пустившихся навстречу солнцу, более трети оказались уроженцами Великого Гусляра, который в шестнадцатом веке превратился в процветающий город, стал соперником Вологде, Устюгу и Нижнему Новгороду. Достаточно вспомнить Тимофея Бархатова, открывшего Аляску, Симона Трусова, с пятьюдесятью казаками вышедшего к реке Камчатке, Федьку Меркартова, первым добравшегося до Новой Земли, открывателей Курил, Калифорнии и Антарктиды. Все они возвращались на старости лет в родной город и строили двухэтажные каменные дома на Торговой улице, в Синем переулке и на Говяжьем спуске. Именно в те годы Гусляр стал зваться Великим.

Кстати, по сей день среди ученых не выработалось единого мнения: почему Гусляр зовется Гусляром? Если профессор Третьяковский в своей монографии «Освоение Севера» полагает, что источником слова служит «гусляр» или даже «гусли» (гипотеза Райзмана), ибо производство этих музыкальных инструментов было широко развито в этих краях, то Илонен и другие зарубежные историки склоняются к мысли, что название городу дала река Гусь, на берегу которой он расположен. Однако существует версия Тихонравовой, полагающей, что в этих лесных краях нашли убежище бежавшие от габсбургского ига сподвижники чешского реформатора Яна Гуса. Наконец, нельзя не упомянуть о точке зрения Иванова, выводящего слово «Гусляр» от кожухского «хус-ля», означающего «задняя нога большого медведя, живущего на горе». Среди кожухов и поныне бытует легенда о богатыре Деме, убившем в этих местах медведя и съевшем его заднюю ногу.

В конце XIX века в связи с тем, что железная дорога прошла стороной, Великий Гусляр перестал играть важную роль в торговле и превратился в заштатный уездный город и пристань на реке Гусь.

За последние годы в Гусляре развивается местная промышленность. Работает пивоваренный завод, освоено производство пуговиц и канцелярских кнопок на фабрике «Заря». Также имеются лесопилка, молочный комбинат и бондарные мастерские. В городе работают речной техникум, несколько средних школ, три библиотеки, два кинотеатра, клуб речников и музей. В число памятников архитектуры, охраняемых государством, входят Спасо-Трофимовский монастырь, церковь Параскевы Пятницы (XVI век) и Дмитровский собор. Гостиный двор и несколько церквей были снесены в 1930 году при разбивке сквера имени Землепроходцев.

Великий Гусляр — город областного подчинения и является центром Великогуслярского района, где выращиваются лен, рожь, гречиха, имеются скотоводство и лесной промысел. В распоряжении туристов, облюбовавших город в летние месяцы, находится гостиница «Великий Гусляр» с рестораном «Гусь», дом колхозника и баржа-общежитие. В городе за последние годы снимался ряд ис-

торических фильмов, в частности «Стенька Разин», «Землепроходец Бархатов», «Садко» и «Гуслярская баллада».

Главная улица, Пушкинская, тянется параллельно набережной. На ней расположены универмаг, книжный и зоологический магазины. Одним концом улица упирается в мост через реку Грязнуху, делящую город на традиционные город и слободу, с другой стороны улица заканчивается у городского парка, где находятся эстрада, тир и карусель, а также летняя читальня.

Сообщение с Вологдой автобусом (шесть часов) или самолетом (один час). С Архангельском самолетом (полтора часа) или пароходом (через Устюг и Котлас) — четверо суток.

Космические пришельцы начали появляться в городе начиная с 1967 года. Более ранние следы их не обнаружены.

Часть I

ЧУДЕСА В ГУСЛЯРЕ

КАК ЕГО УЗНАТЬ?

Над городом Великий Гусляр гремели громкоговорители, исполняя жизнерадостные песни. Солнце прорывалось сквозь облака. Пионеры в белых рубашонках пробегали туда и сюда. Горожане потоками текли под транспарантами и лозунгами, натянутыми поперек улиц. Автобусы из-под приезжих гостей выстроились в ряд на площади, где раньше стояли торговые ряды, а теперь сквер и покрытый брезентом памятник землепроходцам. Сегодня, в день семисотпятидесятилетия города, памятник будет торжественно открыт.

Жильцы дома шестнадцать сидели во дворе вокруг стола, расшатанного игрой в домино, поджидали, пока жены кончат прихорашиваться, беседовали о прошлом и настоящем.

Корнелий Удалов, в белой рубашке и синем галстуке, причесанный на косой пробор, чтобы прикрыть лысину, оспаривал мнение Погосяна, что есть города лучше Гусляра.

— Например, Ереван, — говорил Погосян. — Две тысячи лет! Три тысячи лет! Пять тысяч лет на одном месте!

— Не в цифрах дело, — возражал Удалов. — Иван Грозный чуть было сюда столицу из Москвы не перевел.

— Неглупый человек был, — упорствовал Погосян. — Передумал.

— Опричники помешали.

— Я и говорю — разве опричники глупые были?

— Трудно с тобой разговаривать, — сознался Удалов. — Плохой ты патриот нашего родного города.

Старик Ложкин, в черном костюме, грудь в медалях и значках, согласился с Удаловым. Он обвел рукой вокруг и сказал:

— Недаром наши предки назвали Гусляр Великим.

— Сами жили, сами и назвали. Ереван никто великим не называл. Зачем называть? Каждая собака знает, — нашелся Погосян.

Разговор перешел на частности. Саша Грубин, который по случаю праздника причесался и побрился, слушал их, слушал и наконец вроде бы без отношения к разговору сказал:

— А славно бы заснуть и проснуться через двести лет. И поглядеть на наш Гусляр в отдаленном будущем.

Соседи прервали спор, подумали и согласились с Грубиным.

— С другой стороны, — добавил Удалов, — на двести лет назад тоже неплохо.

— Бери уж все семьсот, — сказал на это Василь Васильич. — Прибыл в древность, вокруг люди с копьями и стрелами, платят налоги древнему городу Киеву.

— Или татаро-монгольским захватчикам, — поправил Ложкин.

— Пускай захватчикам. Медведи вокруг бродят, олени, кабаны, бой-туры. Самогон из меда гонят.

— Так бы тебе и дали попробовать медового самогона, — возразил Грубин. — Они бы тебя сразу узнали.

— Как? — удивился Василь Васильич.

Все засмеялись, а Ложкин ответил:

— По одежде бы узнали. И по акценту. Они же на другом языке говорили, на древнеславянском.

— И вместо меда получил бы мечом по шее, — подытожил Грубин.

— Ладно, ладно! — не сдался Василь Васильич. — Неужели полагаете, что я к ним без подготовки отправлюсь? Сначала я в Академию наук. Дайте, скажу, мне консультантов по древнеславянскому языку. Подучимся, подработаем. Выдадут мне также из музея форму одежды. Тогда не отличат.

Василь Васильичу не поверили. Заговорили о путешествиях во времени. Кое-кто читал об этом в фантастической литературе. Кое-кто не читал, но слышал.

Вдруг Удалова посетила интересная идея.

— Пройдет каких-нибудь сто лет, — сказал он, — и станет такое путешествие обычной возможностью. Ведь для науки нет никаких преград. Туристы будут ездить, ученые, возникнет массовое передвижение, жизнь пойдет настолько интересная, что нам даже не снилось. Нужно, допустим, школьникам узнать, как жили в Древнем Египте. Учитель нажимает на кнопку — и вот мы уже в гостях у царицы Клеопатры. Изучайте, дети, наше тяжелое прошлое.

— Вполне вероятно, — ответил Ложкин. — Только надо будет строго соблюдать правила движения. Я читал, что происходит, если нарушишь. Однажды в мезозойскую эру бабочку задавили, а в результате в Америке не того президента выбрали.

Помолчали. Подумали. Потом Грубин сказал:

— Это не вызывает сомнений. Если бы таких правил не соблюдали, то мы этих гостей из будущего уже не раз бы встречали. Как ни маскируйся, натура выдаст. Воспитание подведет, незнание ка-

кой-то мелочи, которая всем остальным известна. Откуда ему, к примеру, знать, какое место занимает наша команда в первенстве области по футболу?

— Шестое, — ответили хором Погосян, Удалов и Василь Васильич.

— Вот видите, — обрадовался Грубин. — Вас не поймаешь. А он бы не знал, потому что уже через сто лет соответствующие документы будут потеряны.

— И я не знаю, — сказал Ложкин. — Я даже не знаю, кто первое занимает.

— Сердобольский «Металлист», — пояснили Погосян, Удалов и Василь Васильич.

— А я не знаю, — упорствовал Ложкин. — Я, значит, тоже путешественник во времени?

— Может быть, — сказал Погосян и посмотрел на Ложкина сурово. — Никому в этих вопросах доверять нельзя.

— Не беспокойся, Ложкин, — вмешался добрый Грубин. — Мы тебя знаем. В случае подтвердим где надо.

— Если кто не наш человек, так это жена погосяновская, Берта, — сказал на это Удалов. — Вчера моего Максимку за ухо драла. Свой человек так делать не будет.

— За дело, — сказал Погосян. — Стекло разбил. Не будет хулиганить.

— Если бы я пришельца из будущего встретил, — сказал Грубин, — я бы ему сразу задал два-три вопроса.

— Не видать тебе пришельца, — сказал Погосян. — Что может заинтересовать культурного человека в нашем городишке?

— Какое заблуждение! — воскликнул Ложкин. — На сегодняшний день наш город представляет общесоюзный интерес. С одной стороны, семьсот пятьдесят лет. С другой — открытие памятника, то есть отдали должное нашему славному прошлому. Гости со всех сторон. По радио из Москвы передавали. Я бы на месте потомков не сомневался, куда устроить экскурсию.

— Корнелий! — позвала из окна Ксения Удалова. — Мы готовы. Плащ брать будешь?

— Не буду.

— Дождя не намечается, — сказал старик Ложкин. — Я в газете читал. Там же написано, что писатель Пацхверия на торжество прибыл. С Камчатки делегация. Ткачиха Федорова-Давыдова. Ждут одного космонавта, но фамилию пока не сообщают. Это не считая туристов.

— Подумаешь, — сказал презрительно Погосян, чтобы оставить за собой последнее слово. В действительности он был пла-

менным патриотом Великого Гусляра, но об этом знали только его родственники в Ереване.

Старуха Ложкина спустилась во двор и спросила:

— Вечно будем прохлаждаться? Без нас начнут.

— Иду, чижик, — ответил Ложкин. — Мы тут беседу провели.

Они вышли со двора первыми. За ними потянулись остальные. Соседи сразу забыли о разговоре, лишь у Удалова он не шел из головы. И настолько его поразила возможность встретить на улице гостя из будущего, что он начал с подозрением приглядываться к людям. И в людях обнаруживал странные черты, которых раньше не замечал и которые могли указывать на чужеродность, на маскировку.

Шел навстречу провизор Савич с женой, директором универмага. Казалось бы, давно знает Удалов Савичей, но сегодня лысина Савича блестела не по-нашему, и как-то неестественно держал он жену под руку. Может, Савича заслали? Но тут же Удалов сказал себе: нет. Вряд ли из-за одного праздника им стоило направлять резидента в Великий Гусляр. Ведь если Савича не подменили, то Удалов знает его лет двадцать. Подумав так, Удалов сказал:

— Здравствуйте.

— Здравствуйте, — ответили Савичи.

Прошли четыре физкультурника в голубой одежде. Физкультурники спешили на парад. Удалов понял, что гость из будущего может укрыться среди физкультурников и тогда его трудно будет отыскать. Потом отбросил эту мысль. Сложно будет им в будущем подыскать такой костюм. А все настоящие костюмы на учете.

С каждым шагом Удалов все более убеждался — пришелец из будущего проник в Гусляр. И необходимо его отыскать, побеседовать по душам. Подумать только, никто до Удалова не выходил на улицу с целью обнаружить путешественника во времени среди самых обычных людей. А новый, хоть и простой, подход к проблеме может таить в себе открытие.

— Что с тобой, Корнелий? — спросила Ксения. — Ты чего отстаешь?

Корнелий посмотрел новыми глазами на Ксению и сына Максимку.

В них сомневаться вроде бы не приходилось. С ними все в порядке. Но Удалов ощутил, что между ним и семьей вырастает стена отчуждения. Мужчина, имеющий перед собой возвышенную цель, вынужден отдалиться от обыденных забот и интересов. На всякий случай Удалов спросил жену:

— Ксюша, ты не знаешь случайно, какое место занимает наша команда в первенстве области по футболу?

— Спятил, — сказала уверенно Ксения.

— Шестое, папа, а что? — поинтересовался шустрый сын Максимка.

— Молодец, сынок, — одобрил Корнелий. И устыдился своих сомнений.

— Все-таки что с тобой происходит? — спросила Ксения.

— Я думаю, — сказал Удалов.

— Что-то я за тобой этого давно не замечала, — ответила Ксения. — Под ноги смотри, спотыкнешься.

На краю площади стояли киоски с прохладительными напитками и сигаретами. Свежесколоченная трибуна возвышалась перед памятником, покрытым брезентом. Ксения задержалась, увидев Раису Семеновну, лечащего врача. Ей захотелось в неофициальной обстановке посоветоваться о последних анализах. Раиса Семеновна обиженно щурилась под очками, но на вопросы отвечала, потому что была связана клятвой Гиппократа. Удалов, пока суд да дело, купил бутылку пива и сел за столик с верхом из голубого пластика. Столики эти, вынесенные из столовой, образовали кафе на открытом воздухе.

За столиком сидели два шофера из автобусов, на которых приехали туристы. Шоферы ругали какого-то старшину на сто десятом километре. Удалов угостил шоферов сигаретами и тоже немного поругал старшину, которого в глаза не видел.

Но лишь малая часть сознания Удалова была занята беседой с шоферами. Глаза рыскали по площади, перескакивая с одной группы людей к другой, потому что времени терять было нельзя. Упустишь пришельца сегодня — никогда больше не поймаешь.

В проходе между столиками возник немолодой мужчина. Он держал в руке бутылку и стакан, двигался неуверенно, не мог найти, куда сесть. Что-то острое кольнуло Удалова в сердце. Шестое, седьмое, восьмое чувства приказали ему: «Удалов, спокойно, это он».

— Садись к нам, — будто угадав мысли Удалова, сказал один из шоферов, которого звали Колей.

— Сердечно благодарю, — ответил с расстановкой мужчина и опустился на стул рядом с Удаловым.

И тут же маленькая, ничтожная, незаметная для других деталь бросилась Корнелию в глаза. Мужчина, садясь, не подтянул брюк, как делает каждый человек, хранящий на брюках складку.

Лицо мужчины было слишком обычным. Не гладкое и не морщинистое. Словно маска. Под мышкой у мужчины был черный потрескавшийся портфель с медным замочком. Из портфеля торчал рукав красного свитера или кофты. Брюки были коротковаты, будто достались не по размеру. А между верхом высоких ботинок и

низом штанин проглядывали клетчатые носки. Глаза прятались за дымчатыми очками.

Мужчина мог оказаться единственным шансом Удалова. Корнелий смотрел на его обычные бритые щеки и ждал: что скажет пришелец? Ведь не обратишься к человеку с вопросом: «Вы из какого века нашей эры?»

Турист пил пиво маленькими глотками и молчал.

— Ну как пиво? — спросил его шофер Коля.

— Гуслярское «Жигулевское», — добавил Удалов. — С дореволюционных времен известно.

— Знаю, — ответил коротко мужчина и улыбнулся застенчиво. — Давно собирался попробовать.

— А вы откуда будете? — спросил шофер Коля.

— Из Москвы. Специально приехал.

«Правильно, — подумал Удалов. — Вологду ему опасно упоминать. Могут найтись свидетели. А Москва большая».

— Едут же люди, — сказал шофер постарше. — Что вам, в Москве своих памятников мало?

«Молодец, — подумал Удалов о шофере. — Играет на руку».

— Памятники бывают разные, товарищ, — объяснил мужчина. — Я много лет изучаю историю русского Севера, освоение Урала и Сибири. Этот памятник говорит о многом. Я давно ждал его открытия. Но никак раньше выбраться не удавалось.

— А выбрались бы — памятника не увидели бы.

Но путешественника во времени нелегко было застать врасплох. Он ответил сразу и почти без акцента:

— Я бы и раньше увидел памятник, потому что его должны были установить много лет назад. Так что в моем воображении он уже существовал.

— Увлеченность — дело хорошее, — сказал старший шофер. — Я пойду еще пива возьму. Наша группа здесь на ночь останется. Так что старшина нипочем.

— Спасибо, мне больше пива не надо, — отказался пришелец, но по глазам шофера понял, что намерения у них твердые, и достал из кармана десятку.

Он еще только сунул руку в карман, а Удалов уже знал, какой будет эта десятка — новенькой, без единой морщинки. А если взять бумагу на анализ, окажется, что изготовлена она не сегодня, а послезавтра.

Шофер денег с путешественника во времени, разумеется, не взял, принес полдюжины бутылок, и пришлось путешественнику, когда пиво кончилось, сходить к киоску и принести еще четыре бутылки.

— Ну и как? — спросил Удалов, когда, покачиваясь от выпитого, мужчина вернулся к столику. — Продавщица ничего не заметила?

— А что она должна была заметить? — Мужчина вперился в Удалова пронзительными глазами из-под очков.

Удалов смешался.

— Я так, — сказал он. — Пошутил.

— На какую тему вы изволили шутить?

Ну и характер у этих людей будущего, подумал про себя Удалов, но вслух ничего не высказал, а отшутился:

— Анекдот такой есть. Будто решили двое фальшивые деньги делать. Сделали четырехрублевую бумажку. Думали, где бы разменять, пошли к соседу. Он им и дал взамен две бумажки по два рубля.

Никто не засмеялся. Только шофер постарше спросил:

— Разве по четыре рубля бумажки бывают?

— Нет, — твердо ответил путешественник во времени. — Я точно знаю, что советское казначейство не выпускало и не выпускает купюр по два и четыре рубля.

— За здоровье министра финансов! — предложил Коля. — Чтоб он и дальше нас не путал, выдавал зарплату десятками.

— Новенькими, — вставил Удалов.

— Нам что новенькими, что старенькими, — ответил Коля.

— Ах вот вы о чем? — сообразил мужчина. — У меня новеньких бумажек много. Перед отъездом премию получил.

Он вынул из кармана пачку денег. Бумажек двадцать, свежих, блестящих.

— Мне вот такими выдали.

— Где? — быстро проговорил Удалов.

Но ответить помешали шоферы.

— Чего к человеку привязался? — спросил Коля. — Где надо, там и выдали. Не наше дело.

Пришелец из будущего смотрел на Удалова с неприязнью, хмурился. Разоблачения ему не нравились. «Ничего, припрем тебя к стенке, — думал Удалов. — Найдем аргументы».

На трибуне перед памятником появились руководители города и почетные гости. Товарищ Батыев подошел к микрофону. Люди прислушались.

— Я пойду. Спасибо, — поднялся пришелец.

— Я с вами, — сказал Удалов.

— Обойдусь без вашей компании, — ответил мужчина, блеснул очками и стал бочком, как краб, протискиваться поближе к трибуне.

— Отстань ты от него, — сказал шофер Коля. — Пускай себе гуляет.

— Надо, — отрезал Удалов. — Не наш он человек.

И тут же пожалел, что проговорился. Шоферы сразу заинтересовались.

— В каком смысле не наш? — спросил старший. — Ты, брат, не темни, откройся.

— Есть у меня подозрения, — сказал Удалов и нырнул в толпу вслед за пришельцем. В голове ощущался звон от выпитого пива, хотелось прилечь на травку, но сделать этого было нельзя, потому что до полного разоблачения оставался один шаг.

— Корнелий! — крикнула Ксения, разглядев в толпе его лысину. — Ты куда?

К счастью, товарищ Батыев взмахнул рукой, грянул духовой оркестр, рухнул брезент, обнаружив под собой бронзовую фигуру землепроходца.

Удалов ввинчивался в толпу, стараясь не потерять направления, в котором скрылся упрямый гость из будущего.

И вдруг Удалов уперся в спину пришельца. Тот не заметил приближения преследователя, потому что был занят. Записывал сведения в книжечку. Удалов деликатно ждал, пока мужчина кончит записывать, потому что бежать тому было некуда.

Наконец начались речи, пришелец спрятал книжечку в портфель, и тут Удалов легонько тронул его за плечо.

— Вы здесь? — удивился мужчина. — Что вам нужно?

— Чтобы вы во всем сознались, — прямо сказал Удалов.

— Вы меня удивляете, — ответил пришелец и попытался углубиться в толпу.

Но Удалов крепко держал его за полу пиджака.

— Поймите, — объяснил Удалов. — Вы там должны быть гуманными и разумными. Так что раз попался, поговорим.

— С чего вы решили, что мы там гуманные и разумные? — удивился пришелец. — Где вы об этом прочитали?

— Предполагаю, — ответил Удалов. — Иначе нету смысла жить на свете.

— Благородный образ мыслей, — согласился пришелец. — Но ко мне это не относится. Я эгоистичный человек, проживший без пользы большую часть жизни, любящий деньги и не любящий собственную жену. Уверяю вас, это чистая правда.

— Ладно, ладно, везде бывают моральные уроды. В порядке исключения, — сказал Удалов. — Хотел бы я к вам приехать.

— Ну и приезжайте.

— Ну и приеду.

— Поселиться? — спросил пришелец.

— Да. Или на время.

— Многие хотят, — сказал пришелец.

Произошла пауза. Удалову хотелось еще что-нибудь сказать, проявить гостеприимство, наладить отношения.

— А у нас здесь тоже места хорошие, — сказал Удалов. — Окрестности просто изумительные. Лес, холмы, охота на тетерева.

— Охота — жестокое занятие, — сказал гость из будущего. — Животных надо охранять, стремиться к пониманию, а не истреблять.

— Правильно, — поддержал его Удалов, который на прошлой неделе собрался было на охоту, да проспал, без него охотники ушли. — Совершенно с вами согласен. Вот только если с удочкой посидеть...

— А какая разница? — строго спросил пришелец. — Рыбе разве не хочется жить?

— Ой как хочется, — ответил Удалов.

Наступила пауза. Контакт не получался. Мужчина рассеянно прислушивался к речам и поводил взглядом вокруг, будто разыскивал в толпе разреженность, хотелось сбежать.

— Но многие порядочные люди, — нашелся наконец Удалов, — были страстными охотниками. Возьмите, к примеру, Тургенева. Это писатель прошлого века, автор книги «Записки охотника».

— Читал, — сказал пришелец. — И все-таки хладнокровное убийство живого существа аморально.

— Верующий он, что ли? — раздался голос за спиной Удалова.

Обернувшись, Удалов увидел шофера Колю, который, движимый любопытством и желанием помочь Корнелию в охоте на постороннего человека, пробился к трибуне и слышал весь разговор.

Пришелец блеснул очками на Колю и сказал с обидой:

— Если вы хотите узнать, есть ли у меня идеалы, отвечу, что нет.

— Сам, наверное, свиную отбивную уважает, — сказал Коля Удалову, достал пачку «Беломора», закурил. — А возражает против животноводства.

Бороться с двумя соперниками зараз пришельцу из будущего было не под силу. Он извернулся с ловкостью, неожиданной у такого пожилого человека, проскочил под локтем у соседа и замелькал в толпе, удаляясь к краю площади. Удалов рванулся было за ним, но шофер Коля, перебравший пива, пыхнул дымом в лицо Корнелию и потребовал:

— Ты не крути, не рвись за человеком. Ты лучше объясни, что в нем такого? Я сам чувствую — не то, а сформулировать не могу.

— Да это так, личное, — попытался уйти от ответа Удалов.

— Нет, не пойдет, — ответил Коля. — Выкладывай.

Он крепко держал Удалова за грудки, люди вокруг стали оглядываться, и тогда, опасаясь скандала, Удалов сказал:

— Выйдем отсюда.

— Выйдем, — согласился Коля.

Они выбрались из толпы. Пиво булькало в голове.

Пришельца не было видно. Погоня за человеком из будущего не удалась. И Удалов, взяв у Коли папиросу, рассказал ему честно, как на духу, о своих подозрениях.

Коля оказался неглупым парнем. Он основную идею понял, хотя отнесся к ней критически. Возражения у него были, как у Погосяна:

— С чего это из будущего являться в Гусляр, хоть и в праздник?

— Ничего не понимаешь, — сказал Удалов, прислоняясь к широкой, чуть пахнущей бензином груди шофера. — Хоть ты мне и друг, но не понимаешь, какой мы с тобой сегодня шанс упустили. Мы бы у него все узнали.

Коля посмотрел на Удалова сочувственно, столкнул на затылок эстонскую восьмиугольную фуражку, сплюнул окурок и произнес:

— А ты, друг, не расстраивайся. Если нужно, твой Коля всегда кого надо к стенке прижмет. Он тебя обидел? Обидел, не возражай. Мы его найдем и припрем. Ты только Николаю скажи, и припрем. Пошли поймаем этого шпиона.

Друг Николай шел впереди не очень уверенными широкими шагами. Удалов семенил сзади и бормотал:

— Ты не так понял, Коля. Он меня не обидел. С ним так нельзя...

— Не отставай, — сказал Коля. — Его давно разыскивают. В книжечку записывал, а мяса не ест. Сейчас мы у него все узнаем. Не отвертится.

Пришелец из будущего убежал к реке, к большому собору. Там присел на зеленую скамейку в сквере и снова раскрыл записную книжку. Отсюда площадь была не видна, лишь глухой гул и отдельные слова ораторов, усиленные динамиками, доносились до кустов. Пришелец чувствовал себя в безопасности. Но непрямой путь, наугад выбранный Колей и Удаловым, привел их в скверик. Именно к этой скамейке.

При виде преследователей пришелец затолкал в карман записную книжку, подхватил портфель и хотел было бежать. Но Коля узнал его.

— Стой! — крикнул он. — Руки вверх! Не пытайся от нас скрыться!

— И не подумаю, — ответил с достоинством пришелец. — Если

вам нужны деньги, возьмите, сколько нужно. У меня скромные запросы.

Он попытался вытащить свои новенькие червонцы, но Удалов жестом остановил его.

— Мы не грабители. Вы не так поняли.

— Мы не грабители, — сказал Коля. — От нас не откупишься. Мы тебя раскололи. Ты к нам из будущего явился. Сознавайся.

Удалов взглянул на Колю с укоризной. Прямота могла все испортить.

— Это неправда, — возразил пришелец. — Вы этого никогда не докажете.

— А нам доказывать не надо, — сказал Коля. — Сейчас тебя осмотрим и найдем при тебе фальшивые документы.

— У меня нет с собой документов. Они в гостинице остались.

— Они с собой документов не берут, — согласился Удалов. — Это вполне даже разумно. А может, тогда и не будет документов.

— Все? — спросил пришелец. — Я могу идти?

— Сознаешься — пойдешь, — сказал Коля.

— В конце концов, — убеждал Удалов, — мы тратим время, вы тратите время. А у нас к вам только научный интерес. Никакого другого.

— Точно, — сказал Коля. — Нас тугриками не подкупишь.

Пришелец нахмурился, размышляя. Видно, понял, что ему уже не скрыться и лучше на самом деле покаяться. И уйти восвояси.

— Ну, — торопил его Удалов. — Из какого вы века?

Пришелец глубоко вздохнул. Под очками блеснули слезы.

И в этот момент две девушки в брючках и разноцветных кофточках возникли на ступенях собора.

— Ах, — сказала одна из них, не замечая драматической сцены. — Какие изумительные фрески семнадцатого века. Какая экспрессия!

— А изразцовая печь? Ты видела, Нелли, изразцовую печь?

— Видела. Смотри, кто там, внизу?

Девушки сбежали по ступеням и устремились к мужчинам.

— Сергей Петрович! — верещали они наперебой. — Вы были совершенно, абсолютно правы! Страшный суд расположен не канонически! Гуслярская школа существовала! Рапопорт посрамлен!

«Вызвал подкрепление с помощью телепатии, — подумал Удалов. — Теперь их трое, а нас только двое. И эти девушки, может, даже не девушки, а будущие милиционеры».

— Какое счастье! — воскликнул пришелец. — А я уж не надеялся вас увидеть!

— Вам угрожают? — спросила подозрительно одна из девушек, обжигая взглядом Удалова.

— Ни в коем случае, — сказал шофер Коля и потянул Удалова за рукав.

— Сейчас все наши придут, — пригрозила девушка.

«Сколько их здесь? — подумал Удалов. — Ведь меня могут ликвидировать, если покажусь опасным».

И в самом деле, словно услышав девушку, в дверях храма показалось человек десять, с фотоаппаратами, блокнотами и кинокамерами, высокие и низкие, молодые и старые, с ними Елена Сергеевна из городского музея.

— А, вот и вы, профессор! — воскликнул один из них. — Сектор истории искусств рад приветствовать своего шефа у этих древних стен.

— Сергей Петрович!

— Сергей Петрович! — неслись возгласы.

— Уважаете своего профессора? — поинтересовался Коля.

— Еще бы, — ответила девушка. — Он нас всех воспитал! Его весь мир знает!

Уходя в окружении учеников и сотрудников, профессор оглянулся и подмигнул Удалову. Доволен был, что отделался от психов.

Корнелий опустился на скамейку, понурив голову. Коля сел рядом, снова закурил и сказал:

— Не повезло нам, друг Корнелий. Хоть идея у тебя была богатая!

— Забыть бы о ней. Ты уж, попрошу, никому ни слова.

— Мне что — я за баранку, только меня и видели. А ты на что рассчитывал? Если бы он и в самом деле оттуда?

— Ну, чтобы рассказал нам о светлом будущем.

— М-да, дела. Я пошел. Ты парень хороший, только кавардак у тебя в чердаке. Еще в школе учили, что таких путешествий быть не может. Держи на память! — Он сунул что-то Корнелию в наружный карман пиджака и ушел. Обернулся, помахал рукой и улыбнулся дружески.

Удалов не спешил возвращаться на площадь. Охоту за профессором мог заметить кто-нибудь из знакомых. Нехорошо. Удалов залез себе в карман, поглядел, что за подарок оставил шофер. Оказалось — карточка, календарик размером с игральную карту, какие предусмотрительные люди носят в бумажниках. На нем было написано золотыми буквами:

КАЛЕНДАРЬ НА 2075 ГОД

На обороте картинка — город с длинными домами, над ним парят летательные аппараты и светит солнце. Картинка была объемной, и микроскопические листочки на деревьях чуть шелестели под ветром будущего.

— Стой! — крикнул Удалов в пустоту. Потом сказал: — Эх, Коля!

ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ ЗОЛОТЫЕ РЫБКИ

Зоомагазин в городе Великий Гусляр делит скромное помещение с магазином канцпринадлежностей. На двух прилавках под стеклом лежат шариковые авторучки, ученические тетради в клетку, альбом с белой чайкой на синей обложке, кисти щетинковые, охра темная в тюбиках, точилки для карандашей и контурные карты. Третий прилавок, слева от двери, деревянный. На нем пакеты с расфасованным по полкило кормом для канареек, клетка с колесом для белки и небольшие сооружения из камней и цемента с вкрапленными ракушками. Эти сооружения имеют отдаленное сходство с развалинами средневековых замков и ставятся в аквариум, чтобы рыбки чувствовали себя в своей стихии.

Магазин канцпринадлежностей всегда выполняет план. Особенно во время учебного года. Зоомагазину хуже. Зоомагазин живет надеждой на цыплят, инкубаторных цыплят, которых привозят раз в квартал, и тогда очередь за ними выстраивается до самого рынка. В остальные дни у прилавка пусто. И если приходят мальчишки поглазеть на гуппи и мечехвостов в освещенном лампочкой аквариуме в углу, то они этих мечехвостов здесь не покупают. Они покупают их у Кольки длинного, который по субботам дежурит у входа и раскачивает на длинной веревке литровую банку с мальками. В другой руке у него кулек с мотылем.

— Опять он здесь, — говорит Зиночка Вере Яковлевне, продавщице в канцелярском магазине, и пишет требование в область, чтобы прислали мотыля и породистых голубей.

Нельзя сказать, что у Зиночки совсем нет покупателей. Есть несколько человек. Провизор Савич держит канарейку и приходит раз в неделю в конце дня, по пути домой из аптеки. Покупает полкило корма. Забегает иногда Грубин, изобретатель и неудавшийся человек. Он интересуется всякой живностью и лелеет надежду, что рано или поздно в магазин поступит амазонский попугай ара, которого нетрудно научить человеческой речи.

Есть еще один человек, не покупатель, совсем особый случай. Бывший пожарник, инвалид Эрик. Он приходит тихо, встает в уг-

лу за аквариумом, пустой рукав заткнут за пояс, обожженная сторона лица отвернута к стенке. Эрика все в городе знают. В позапрошлом году одна бабушка утюг забыла выключить, спать легла. Эрик первым в дом успел, тащил бабушку на свежий воздух, но опоздал — балка сверху рухнула. Вот и стал инвалидом. В двадцать три года. Много было сочувствия со стороны граждан, пенсию Эрику дали по инвалидности, но старую работу пришлось бросить. Он, правда, остался в пожарной команде, сторожем при гараже. Учится левой рукой писать, но слабость у него большая и стеснительность. Даже на улицу выходить не любит.

Эрик приходит в магазин после работы, чаще если плохая погода, прихрамывает (нога у него тоже повреждена), забивается в уголок за аквариум и глядит на Зиночку, в которую он влюблен без взаимности. Да и какая может быть взаимность, если Зиночка хороша собой, пользуется вниманием многих ребят в речном техникуме и сама вздыхает по учителю биологии в первой средней школе. Но Зиночка никогда Эрику плохого слова не скажет.

Третий квартал кончался. Осень на дворе. Зиночка очень надеялась получить хороший товар, потому что в области тоже должны понимать — план сорвется, по головке не погладят.

Зина угадала. 26 сентября день выдался ровный, безветренный. От магазина виден спуск к реке, даже лес на том берегу. По реке, лазурной, в цвет неба, но гуще, тянутся баржи, плоты, катера. Облака медленно плывут по небу, чтобы каждым в отдельности можно полюбоваться. Зиночка товар с ночи получила, самолетом прислали, «Ан-2», пришла на работу пораньше, полюбовалась облаками и вывесила объявление у двери:

ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ ЗОЛОТЫЕ РЫБКИ.

Вернулась в магазин. Рыбки за ночь в большом аквариуме ожили, плавали важно, чуть шевелили хвостами. Было их много, десятка два, и они собой являли исключительное зрелище. Ростом невелики, сантиметров десять-пятнадцать, спинки ярко-золотые, а к брюшку розовеют, словно начищенные самоварчики. Глаза крупные, черного цвета, плавники ярко-красные.

И еще прислали из области бидон с мотылем. Зиночка выложила его в ванночку для фотопечати. Мотыль кишел темно-красной массой и все норовил выползти наверх по скользкой белой эмали.

— Ах, — сказала Вера Яковлевна, придя на работу и увидев рыбок. — Такое чудо, даже жалко продавать. Я бы оставила их как инвентарь.

— Все двадцать?

— Ну не все, а половину. Сегодня у тебя большой день намечается.

И тут хлопнула дверь и вошел старик Ложкин, любящий всех поучать. Он прошел прямо к прилавку, постоял, пошевелил губами, взял двумя пальцами щепоть мотыля и сказал:

— Мотыль столичный. Достойный мотыль.

— А как рыбки? — спросила Зиночка.

— Обыкновенный товар, — ответил Ложкин, сохраняя гордую позу. — Китайского происхождения. В Китае эти рыбки в любом бассейне содержатся из декоративных соображений. Миллионами.

— Ну уж не говорите, — обиделась Вера Яковлевна. — Миллионами!

— Литературу специальную надо читать, — сказал старик Ложкин. — Погляди в накладную. Там все сказано.

Зиночка достала накладную.

— Смотрите сами, — сказала она. — Я уж проверяла. Не сказано там ничего про китайское их происхождение. Наши рыбки. Два сорок штука.

— Дороговато, — определил Ложкин, надевая старинное пенсне. — Дай самому убедиться.

Вошел Грубин. Был он высок ростом, растрепан, стремителен и быстр в суждениях.

— Доброе утро, Зиночка, — сказал он. — Доброе утро, Вера Яковлевна. У вас новости?

— Да, — сказала Зиночка.

— А как насчет попугая? Не выполнили моего заказа?

— Нет еще — ищут, наверное.

По правде говоря, Зиночка бразильского попугая ара и не заказывала. Подозревала, что засмеют ее в области с таким заказом.

— Любопытные рыбки, — сказал Грубин. — Характерный золотистый оттенок.

— Для чего характерный? — строго спросил старик Ложкин.

— Для этих, — ответил Грубин. — Ну, я пошел.

— Пустяковый человек, — сказал ему вслед Ложкин. — Нет в накладной их латинского названия.

В магазин заглянул Колька Длинный. Длинным его прозвали, наверное, в насмешку. Был он маленького роста, волосы на лице, несмотря на сорокалетний возраст, у него не росли, и был он похож на большого грудного младенца. В обычные дни Зиночка его в магазин не допускала, выгоняла криком и угрозами. Но сегодня, как увидала в дверях, восторжествовала и громко поизнесла:

— Заходи, частный сектор.

Коля подходил к прилавку осторожно, чувствуя подвох. Пакет с

мотылем он зажал под мышкой, а банку с мальками спрятал за спину.

— Я на золотых рыбок только посмотреть, — проговорил он тихо.

— Смотри, жалко, что ли?

Но Коля смотрел не на рыбок. Он смотрел на ванночку с мотылем. Ложкин этот взгляд заметил и сказал:

— Вчетверо меньше государственная цена, чем у кровососов. И мотыль качественнее.

— Ну насчет качественнее — это мы посмотрим, — ответил Коля. И стал пятиться к двери, где налетел спиной на депутацию школьников, сбежавших с урока, лишь слух о золотых рыбках разнесся по городу.

Старик Ложкин покинул магазин через пять минут, сходил домой за банкой и тремя рублями, купил золотую рыбку, а на остальные деньги мотыля. К этому времени приковылял и Эрик. Принес букетик астр и подложил под аквариум — боялся, что Зиночка заметит дар и засмеет. Школьники глазели на рыбок, переговаривались и планировали купить одну рыбку на всех — для живого уголка. Зиночка закинула в аквариум сачок, и Ложкин, пригнувшись, прижав пенсне к стеклу, управлял ее действиями, выбирая лучшую из рыбок.

— Не ту, — говорил он. — Мне такой товар не подсовывайте. Я в рыбах крайне начитан. Левее заноси, левее... Дай-ка я сам.

— Нет уж, — сказала Зиночка. Сегодня она была полной хозяйкой положения. — Вы мне говорите, а я найду, выловлю.

— Нет уж, я сам, — отвечал на это старик Ложкин и тянул к себе сачок за проволочную ручку.

— Перестаньте, гражданин, — вмешался Эрик. — Для вас же стараются.

— Молчать! — обиделся Ложкин. — От больно умного слышу. Кому бы учить, да не тебе.

Старик был несправедлив и говорил обидно. Эрик хотел было возразить, но раздумал и отвернулся к стене.

— Такому человеку я бы вообще рыбок не давала, — возмутилась с другого конца помещения Вера Яковлевна.

Вера Яковлевна держала в руке рейсшину, занеся ее словно для удара наотмашь.

Старик сник, больше не спорил, подставил банку, рыбка осторожно соскользнула в нее с сачка и уткнулась золотым рылом в стекло.

Зиночка отвешивала Ложкину мотыля в молчании, в молчании же приняла деньги и выдала две копейки сдачи, которые старик

попытался было оставить на прилавке, но был возвращен от двери громким голосом, подобрал сдачу и еще более сник.

Когда Ложкин вышел на улицу и солнечный луч попал в банку с рыбкой, из банки вылетел встречный луч, еще более яркий, заиграл зайчиками по стеклам домов, и окна стали открываться, и люди стали выглядывать наружу, спрашивая, что случилось. Рыбка плеснула хвостом, водяные брызги полетели на тротуар, и каждая капля тоже сверкала.

Резко затормозил рядом автобус, водитель высунулся наружу и крикнул:

— Что дают, дед?

Ложкин погладил пакетиком мотыля выбритый морщинистый подбородок и ответил с достоинством:

— Только для любителей, для тех, кто понимает.

Ложкин шел домой, смущала его некоторая неловкость от грубости, учиненной им в магазине, но неловкость понемногу исчезала, потому что за Ложкиным шли, сами того не замечая, взволнованные люди, перебрасывались удивленными словами и восхищались золотой красавицей в банке.

— Принес чего? — спросила супруга Ложкина из кухни, не замечая, как светло стало в комнате у нее за спиной. — Небось пол-литра принес?

— Пол-литра чистой воды, — согласился старик. — Пол-литра в банке, и вам того же желаю.

— Нет, — сказала старуха, не оборачиваясь. — Там, на улице, и принял.

— Почему это?

— Чушь несешь.

Старик спорить не стал, раздвинул кактусы на подоконнике, подмигнул канарейкам, которые защебетали ошеломленно, увидев банку, достал запасной аквариум и понес его к крану, на кухню.

— Подвинься, — сказал он супруге. — Дай воды набрать.

Тут супруга поняла, что муж ее не пьяный, и, вытерев руки передником, заглянула в комнату.

— Батюшки! — воскликнула она. — Нам еще золотой рыбки не хватало!

Супруга нагнулась над банкой, а рыбка высунула ей навстречу острое рыльце, приоткрыла рот, будто задыхалась, и сказала негромко:

— Отпустили бы вы меня, товарищи, в речку.

— Чего? — спросила супруга.

— Воздействуйте на мужа, — объяснила рыбка почти шепотом. — Он меня без вашего влияния никогда не отпустит.

— Чего-чего? — спросила супруга.

— Ты с кем это? — удивился старик, возвращаясь в комнату с полным аквариумом.

— И не знаю, — сказала жена. — Не знаю.

— Красивая? — спросил Ложкин.

— Даже и не знаю, — повторила жена. Подумала чуть-чуть и добавила: — Отпустил бы ты ее в речку. Беды не оберешься.

— Ты чего, с ума сошла? Ей же цена два рубля сорок копеек в государственном магазине.

— В государственном? — спросила жена. — Уже дают?

— Дают, да никто не берет. Не понимают. Цена велика. Да разве два сорок для такого сказочного чуда большая цена?

— Коля, — сказала супруга, — я тебе три рубля дам. Четыре и закуски куплю. Ты только отпусти ее. Боюсь я.

— Сумасшедшая баба, — уверился старик. — Сейчас мы ее в аквариум пересадим.

— Отпусти.

— И не подумаю. Я, может быть, ее всю жизнь жду. С Москвой переписывался. Два сорок уплатил.

— Ну как хочешь. — Старуха заплакала и пошла на кухню.

В этот момент нервы у рыбки не выдержали.

— Не уходи! — крикнула она пронзительно. — Еще не все аргументы исчерпаны. Если отпустите, три желания выполню.

Старик был человек крепкий, сухой, но аквариум при этих словах уронил, разбил и стоял по щиколотку в воде.

— Не надо нам ничего! — ответила старуха из кухни. — Ничего не надо. Убирайся в свою реку! От тебя одни неприятности.

— Не-ет, — сказал старик медленно. — Не-е-ет. Это что же получается, разговоры?

— Это я говорю, — ответила рыбка. — И мое слово твердое.

— А как же это может быть? — спросил старик, поджимая промокшую ногу. — Рыбы не говорят.

— Я гибридная, — сообщила рыбка. — Долго рассказывать.

— Изотопы?

— И изотопы тоже.

— Выкинь ее, — настаивала старуха.

— Погоди. Мы сейчас испытаем. Ну-ка, восстанови аквариум в прежнем виде, и чтобы на окне стоял, а в комнате сухо.

— А отпустишь, не обманешь?

— Честное слово, отпущу. Тебя на три желания хватает?

— На три.

— Тогда ты мне аквариум восстанови — если получится, сбегаю

в магазин, еще десяток таких куплю. Или, может, ты одна говорящая?

— Нет, все, — призналась рыбка.

— Тогда ставь аквариум.

В комнате произошло мгновенное помутнение воздуха, шум, будто от пролетевшей мимо большой птицы, и тут же на окне возник целый, небитый, полный воды аквариум.

— Идет, — сказал старик. — Нормально.

— Два желания осталось, — напомнила рыбка.

— Тогда мне этот аквариум мал. Приказать, что ли, новый изобразить? Столитровый, с водорослями, а?

Старуха подошла между тем к старику, все еще находясь в состоянии смятения. Теперь же к смятению прибавился новый страх — старик легкомысленный, истратит все желания рыбки, а что, если врет она? Если она такая единственная?

— Стой! — сказала она старику. — Ты сначала других испытай. Других рыбок. Они и в малом аквариуме проживут. Ей же аквариумы строить плевое дело. Нам новый дом с палисадником куда нужнее.

— Ага, — согласился старик. — Это дело, доставай деньги из шкафа, ведро неси. Пока я буду в отлучке, глаз с нее не спускай.

— Так большой аквариум делать или как? — спросила рыбка без особой надежды.

— И не мечтай! — озлился старик. — Хитра больно. В коллективе работать будешь. У меня желаний много — не смотри, что пожилой человек.

Ксения Удалова, соседка сверху, зашла за пять минут до этих слов к Ложкиным за солью. Соль вышла вся. Дверь открыта, соседи — свои люди, чего ж не зайти. И незамеченная весь тот разговор услышала. Старики к ней спиной стояли, а рыбка если ее и заметила, то виду не подала. Ксения Удалова, мать двоих детей, жена начальника стройконторы, отличалась живым умом и ничему не удивлялась. Как тихо вошла, так тихо и ушла, подсчитала, что Ложкиным время понадобится, чтобы ведро с водой взять, деньги достать, выбежала на двор, где Корнелий Удалов, ее муж, по случаю субботы в домино играл под опадающей липой, и крикнула ему командирским голосом:

— Корнелий, ко мне!

— Прости, — сказал Корнелий напарнику. — Отзывают.

— Это конечно, — ответил напарник. — Ты побыстрей только.

— Я сейчас!

Ксения Удалова протянула мужу плохо отмытую банку с наклейкой «Баклажаны», пятерку денег и сказала громким шепотом:

— Беги со всех ног в зоомагазин, покупай двух золотых рыбок!

— Кого покупать? — переспросил Корнелий, послушно беря банку.

— Зо-ло-тых рыбок. И бери покрупнее.

— Зачем?

— Не спрашивать! Бегом — одна нога здесь, другая там, никому ни слова. Воду не расплескай. Ну! А я их задержу.

— Кого?

— Ложкиных.

— Ксаночка, я ровным счетом ничего не понимаю, — сказал Корнелий, и его носик-пуговка сразу вспотел.

— Потом поймешь!

Ксения услышала шаги внутри дома и метнулась туда.

— Куда это тебя? — спросил Саша Грубин, сосед. — Проводить, дружище?

— Проводи, — ответил Удалов все еще в смятении. — Проводи до зоомагазина. Золотых рыбок пойду покупать.

— Быть того не может, — сказал Погосян, партнер по домино. — Твоя Ксения в жизни ничего подобного не совершала. Если только пожарить.

— А ведь и вправду, может, пожарить, — несколько успокоился Удалов. — Пошли.

Они покинули с Грубиным двор, а игроки весело рассмеялись, потому что хорошо знали и Ксению, и мужа ее Корнелия.

Не успели шаги друзей затихнуть в переулке, как в дверях дома вновь показалась Ксения Удалова. Выходила она из них спиной вперед, объемистая спина колыхалась, выдерживала большой напор. И уже видно было, что напор этот производят супруги Ложкины. Ложкин тащил ведро с водой, а старуха помогала ему толкать Ксению.

— И куда это вы так спешите, соседи дорогие? — распевала, ворковала Ксения.

— Пусти, — настаивал старик. — По воду иду.

— По какую же по воду, когда дома водопровод провели?

— Пусти! — кричал старик. — За квасом иду!

— С полным-то ведром? А я хотела у вас соли одолжить.

— И одалживай, меня только пропусти.

— А уж не в зоомагазин ли спешите? — спросила ехидно Ксения.

— Хоть и в зоомагазин, — ответила старуха. — Только нет у тебя права нас задерживать.

— Откуда знаешь? — возмутился старик. — Откуда знаешь? Подслушивала?

— А что подслушивала? Чего подслушивать?

Старик извернулся, чуть не сшиб Ксению и бросился к воротам. Старуха повисла на Удаловой, чтобы остановить ее, метнувшуюся было вслед.

— Ой-ой, — произнес Погосян. — Он тоже за золотой рыбкой побежал. Зачем побежал?

— Жили без золотых рыбок, — ответил ему Кац, — и проживем, мешай кости.

— Ой-ой, — сказал Погосян. — Ксения Удалова настолько хитрая баба, что ужас иногда берет. Смотри-ка, тоже побежала. И старуха Ложкина за ней. Играйте без меня. Я, пожалуй, понимаешь, пойду по городу погуляю.

— Валентин! — крикнула Кацу жена со второго этажа. Она услышала шум на дворе и внимательно к нему прислушивалась. — Валентин, у тебя есть деньги? Дойди до зоомагазина и посмотри, что дают. Может, нам уже не достанется.

Через полторы минуты весь дом в составе тридцати-сорока человек бежал по Пушкинской улице к зоомагазину, кто с банками, кто с бутылками, кто с пластиковыми пакетами, кто просто так, полюбопытствовать.

Когда первые из них подбежали к зоомагазину, перед дверью с надписью «Поступили в продажу золотые рыбки» стояла толпа.

Город Великий Гусляр невелик, и жизнь в нем движется по привычным и установившимся путям. Люди ходят в кино, на работу, в техникум, в библиотеку, и в том нет ничего удивительного. Но стоит случиться чему-то необычайному, как по городу прокатывается волна тревоги и возбуждения. Совсем как в муравейнике, где вести проносятся по всем ходам за долю секунды, потому что у муравьев есть на этот счет шестое чувство. Так вот, Великий Гусляр тоже пронизан шестым чувством. Шестое чувство привело многочисленных любопытных поглядеть на золотых рыбок. Шестое же чувство разрешило их сомнения — покупать или не покупать. Покупать, поняли граждане Гусляра в тот момент, когда в магазин влетели, не совсем еще понимая, зачем они это делают, Удалов с Грубиным и Удалов, запыхавшись, сунул Зиночке пять рублей и сказал:

— Две рыбки золотые заверните, пожалуйста.

— Это вы, Корнелий Иванович? — удивилась Зиночка, которая жила на той же улице, что и Удалов. — Вам Ложкин посоветовал? Вам самца с самочкой?

— Зиночка, не продавай им рыбок, — сказал из-за аквариума инвалид Эрик, который все никак не мог собраться с силами, чтобы покинуть магазин.

— Молодой человек, — прервал его Грубин. — Только из уважения к вашему героическому прошлому я воздерживаюсь от ответа. Зиночка, вот банка, кладите товар.

У Зиночки на глазах были слезы. Она взяла сачок и сунула его в аквариум. Рыбки бросились от него врассыпную.

— Тоже понимают, — проговорил кто-то.

В дверях возникло шевеление — старик Ложкин пытался с ведром пробиться поближе к прилавку.

— Вы не церемоньтесь с ними, — сказал Удалов. — Все равно поджарим.

— Мне дайте, мне! — кричал от двери Ложкин. — Я любитель. Я их жарить не буду!

В общем шуме потонули отдельные возгласы. К Зиночке тянулись руки с зажатыми рублями, и, желая оградить ее от мятежа, Эрик приподнял костыль, стукнул им об пол и крикнул:

— Тишина! Соблюдайте порядок!

И наступила тишина.

И в этой тишине все услышали, что рыбка, высунувшая голову из аквариума, сказала:

— Это совершенное безумие нас жарить. Все равно что уничтожать куриц, несущих золотые яйца. Мы будем жаловаться.

Тишина завладела магазином.

Вторая рыбка подплыла к первой и произнесла:

— Мы должны получить гарантии.

— Какие? — спросил Грубин тонким голосом.

— Три желания на каждую. И ни слова больше. Потом — на свободу.

Наступила пауза.

Потом медленное движение к прилавку, ибо любопытство — сильное чувство и желание посмотреть на настоящих говорящих рыбок влекло людей, как магнит.

Через пять минут все было окончено. В пустом магазине на пустом прилавке стоял пустой аквариум. Вода в нем еще покачивалась. Зиночка тихо плакала, пересчитывая выручку. Эрик все так же стоял в углу и потирал здоровой рукой помятый бок. Потом нагнулся, поднял с пола почти не пострадавший букетик цветов и вновь положил на прилавок.

— Не расстраивайтесь, Зиночка. Может, в следующем квартале снова пришлют. Я только жалею, что мне не досталось. Я бы вам свою отдал.

— Я не об этом, — всхлипнула Зиночка. — Какая-то жадность в людях проснулась. Даже стыдно. И старик Ложкин кричит — мне десять штук, и вообще.

— Я очень жалею, что не смог для вас взять, — повторил Эрик. — До свидания.

Он ушел. Вера Яковлевна, дожидавшаяся, пока никого в магазине не останется, подошла к Зиночке, держа в руке палехскую шкатулку. В шкатулке еле умещались две рыбки.

— Я все-таки купила, — сообщила она. — Ты ведь и не заметила. Я поняла, что, если стоять и ждать, пока это столпотворение продолжается, ничего не достанется. Ведь ты не догадалась хотя бы две-три штуки отложить.

— Куда там, — сказала Зиночка. — Я очень рада, что вы успели. А я и не заметила. Такая свалка — я только деньги принимала и рыбок вылавливала.

— Одна твоя. Деньги мне с получки отдашь.

— Не надо мне, — отказалась Зиночка. — Я и права не имею их взять.

— Тогда я тебе дарю. На день рождения. И не сходи с ума. Кто от счастья отказывается? У тебя даже шубки нет, а зима на носу.

— Нет, нет, ни за что! — И Зиночка заплакала еще горше.

— Чего уж там, — сказала из шкатулки рыбка. — Все равно одному человеку больше трех желаний нельзя загадать. Хоть бы у него сто рыбок было. А шубу тебе надо — я сделаю. Ты какую хочешь — норковую или каракуль?

— Вот и отлично, — проговорила Вера Яковлевна. — Где сачок? Мы ее тебе пересадим. Я очень рада.

— Ну как же можно, — сопротивлялась Зиночка.

В дверь заглянула незнакомая женщина и спросила:

— Рыбки еще остались?

— Кончились, — ответила Вера Яковлевна, прикрывая крышку палехской шкатулки. — Теперь они будут приходить. Закроем магазин? Все равно — какая сегодня торговля?

— Я должна в область, в управление торговли отчет написать, — сказала Зиночка. — Я очень боюсь, что нам товар по ошибке отгрузили.

— Вот и напишешь дома. Пошли.

Зиночка послушалась. Сняла объявление с двери, заперла ее, спрятала выручку. Вера Яковлевна достала еще одну шкатулку и отсадила в нее рыбку для Зиночки. Продавщицы вышли из магазина через заднюю дверь.

— А ты хоть помнишь кого-нибудь, кто рыбок покупал? — спросила Вера Яковлевна.

— Мало кого помню. Ну, сначала, еще до всей этой истории, Ложкин был. И кружок юннатов из средней школы. Потом снова

Ложкин. И Савич. И этот длинный из горздрава, и Удалов с Грубиным по штуке. А остальных разве припомнишь?

— Боюсь, — сказала на это Вера Яковлевна, — боюсь, что поздно гадать — результаты скоро будут налицо.

— То есть как так?

— Ты думаешь, что за желания будут?

— Не знаю. Разные. Ну, может, денег попросят...

— Денег нельзя. Только ограниченные суммы, — вмешалась из коробочки рыбка. Голос ее был глух и с трудом проникал сквозь лаковую крышку.

— Ой! — вскрикнула Зиночка.

Они вышли в переулок, утром еще пыльный и неровный. Переулок был покрыт сверкающим ровным бетоном. Бетон расстилался во всю его ширину, лишь по обочинам вместо утренних канав тянулись аккуратные полосы тротуара. Заборы вдоль переулка были выкрашены в приятный глазу зеленый цвет, а в палисадниках благоухали герани.

— Ничего особенного, — сказала Вера Яковлевна, морально готовая к чудесам. — Наверно, кто-то из горсовета рыбку купил. Вот и выполнил годовой план по благоустройству.

— Что же будет?.. — сказала Зиночка, осторожно ступая на тротуар.

— Я так полагаю, — ответила Вера Яковлевна, по-солдатски печатая шаг по асфальту, — я так полагаю, что надо получить отдельную квартиру. Впрочем, ты, рыбка, не спеши, я еще подумаю...

Дома Зиночка достала большую банку. Выплеснула туда рыбку из шкатулки и понесла на кухню, чтобы долить водой.

— Сейчас будет тебе чистая вода, — сказала она. — Потерпи минутку.

Зиночка открыла кран, и прозрачная жидкость хлынула в банку.

— Стой! — крикнула рыбка. — Стой, ты с ума сошла! Ты меня погубить хочешь? Закрой кран! Вынь меня сейчас же! Ой-ой-ой!

Зиночка испугалась, выхватила рыбку, сжала в кулаке... По кухне распространялся волнами едкий запах водки.

— Что такое? — удивилась Зиночка. — Что случилось?

— Воды! — прошептала рыбка. — Воды... умираю...

Зиночка метнулась по кухне, нашла чайник. На счастье, в нем была вода. Рыбка ожила. Струйка водки все текла из крана, дурманом заполняя кухню.

— Откуда же водка? — поразилась Зиночка.

— Понимать надо, — сказала рыбка. — Какой-то идиот проверить захотел — приказал, чтобы вместо воды в водопроводе водка текла. Видно, на молодую рыбку попал, на неопытную. Я бы на ее

месте отказалась. Категорически. Это не желание, а вредительство и головотяпство.

— А где же вода теперь?

— Я так полагаю, что водка скоро кончится. Кто-нибудь другой обратное желание загадает.

— А если нет?

— Если нет — терпи. А вообще-то это безобразие! Водка попадает в трубы канализации. Оттуда, возможно, в водоемы — так всю живность перевести можно. Вот что, Зиночка, у меня к тебе личная просьба. Преврати водку в воду. Используй желание. Мы тебе за это уникальную шубу придумаем.

— Мне уникальной не нужно, — сказала Зиночка. — На что мне уникальная. Я бы очень хотела дубленку. Болгарскую. У моей тетки в Вологде такая есть.

— Значит, тратим сразу два желания, да?

— Тратим, — согласилась Зиночка и немного пожалела, что останется лишь одно.

Шуба материализовалась на спинке стула. Шуба была светло-коричневого, нежного, теплого цвета. Ее украшал меховой белый воротник.

— Прости, но я ее подбила норкой, — призналась рыбка. — Приятно услужить хорошему человеку. Третье желание будем сейчас делать или подождем?

— Можно подождать немного? — попросила Зиночка. — Я подумаю.

— Думай, думай. Пообедай пока. И мне крошек насыпь. Ведь я как-никак живое существо.

— Простите, рада бога. Я совсем забыла.

Удалов с Ложкиным вместе вошли в дом. Грубин во дворе задержался, чтобы поделиться впечатлениями с соседями. Удалов с Ложкиным по лестнице поднимались вместе, были недовольны друг другом. Удалов укорял Ложкина:

— Хотели по секрету все сделать? Все себе?

Ложкин не отвечал.

— Чтобы, значит, весь город как раньше, один вы будете жить, как миллионер Рокфеллер? Стыдно просто ужасно.

— А твоя жена шпионила, — сказал Ложкин резко и юркнул в дверь, за которой уже стояла, приложив к ней ухо, его супруга.

Удалов хотел было ответить нечто обидное, но и его супруга выбежала из комнаты, выхватила из рук банку и огорчилась:

— Почему только одна? Я же на две деньги давала.

— Вторую Грубин взял, — ответил Удалов. — Мы с ним вместе ходили.

— Сам бы покупал себе, — обиделась Ксения. — У тебя же дети. А он холостой.

— Ну ладно уж. Тебе что, трех желаний не хватит?

— Было бы шесть. У Ложкиных-то шесть.

— Не огорчайтесь, гражданка, — успокоила золотая рыбка. — Больше трех все равно нельзя, сколько бы рыбок ни было.

— На человека?

— На человека, или на семью, или на коллектив — все равно.

— Так, значит, Ложкин зря за второй рыбкой бегал? Зря хотел десяток купить?

— Зря. Вы не могли бы поспешить с желаниями? И отпустили бы меня подобру-поздорову.

— Потерпишь, — решительно произнесла Ксения. — А ты, Корнелий, иди руки мой и обедать садись. Все остыло.

Корнелий подчинился, хотя и опасался, что жена в его отсутствие загадает всякую чепуху.

У умывальника Удалова ждал приятный сюрприз. Кто-то догадался заменить воду в водопроводе водкой. Удалов не стал поднимать шума. Умылся водкой, хоть и щипало глаза, потом напился из ладошек, без закуски, и еще налил полную кастрюлю.

— Ты куда пропал? — нетерпеливо крикнула жена из комнаты.

— Сейчас, — ответил Удалов, язык которого уже чуть заплетался.

На кухню, полотенце через плечо, пришел Ложкин. Смотрел волком. Потянул носом и зыркнул глазом на кастрюлю с водкой. Удалов прижал кастрюлю к животу и быстро ушел в комнату.

— Вот, — сказал он жене. — Готовь закуску. Не мое желание, чужое.

Ксения сразу поняла, разлила по пустым бутылкам и закупорила.

— Какой человек! Какая государственная голова! — хвалил неизвестного доброжелателя Удалов. — Нет чтобы себе только заказать. Всему городу радость. То-то Ложкин удивится, на меня подумает!

— А вдруг он сам!

— Никогда. Он эгоист.

— А если он на тебя подумает и сообщит куда следует, что отравляешь воду в городе, — по головке не погладят.

— Пусть докажут. То ведь не я, а золотая рыбка.

Со двора грянула песня.

— Вот, — сказал Удалов. — Слышишь? Народ уже использует.

А Ложкин тем временем принялся умываться водкой, удивился, отплевался, потом сообразил, в чем дело, побежал с женой советоваться, а когда та пришла с посудой, вместо водки текла уже

вода — результат Зиночкиного пожелания. Старуха изругала Ложкина за неповоротливость, и они стали думать, как им использовать пять желаний — два от первой рыбки да три от второй.

Грубин основное желание выполнил тут же, во дворе.

— Мне, — сказал он в присутствии многочисленных свидетелей, — желательно от тебя, золотая рыбка, получить бразильского попугая ара, который может научиться человеческой речи.

— Это несложно, — оценила рыбка. — Я сама обладаю человеческой речью.

— Согласен. — Грубин поставил банку с рыбкой на скамейку, вынул гребешок и пригладил в ожидании торжественного момента густые непослушные вихры. — Чего же ты мешкаешь?

— Одну минутку. Из Бразилии путь долог... Три, четыре, пять.

Роскошный, громадный, многоцветный, гордый попугай ара сидел на ветке дерева над головой Грубина и, чуть склонив набок голову, смотрел на собравшихся внизу обитателей двора.

Грубин задрал голову и позвал:

— Цып-цып, иди сюда, дорогая птица.

Попугай раздумывал, спуститься или нет к протянутой руке Грубина, и в этот момент во двор вышли, обнявшись и распевая громкую песню, Погосян с Кацем, также обладатели золотых рыбок. Как потом выяснилось, именно они независимо друг от друга превратили всю питьевую воду в городе в водку и, довольные результатами опыта и сходством желаний, шли теперь к людям возвестить о начале новой эры.

— Каррамба! — проговорил попугай, тяжело снялся с ветки дерева и взлетел выше крыш. Там он сделал круг, распугивая ворон, и крылья его переливались радугой. — Каррамба! — крикнул он снова и взял курс на запад, в родную Бразилию.

— Верни его! — крикнул Грубин. — Верни его немедленно!

— Это второе желание? — спросила ехидно рыбка.

— Первое! Ты же его не выполнила!

— Ты заказывал попугая, товарищ Грубин?

— Заказывал. Так где же он, золотая рыбка?

— Улетел.

— Вот я и говорю.

— Но он был.

— И улетел. Почему не в клетке?

— Потому что ты, товарищ Грубин, клетку не заказывал.

Грубин задумался. Он был человеком в принципе справедливым. Рыбка была права. Клетки он не заказывал.

— Хорошо, — согласился он. Попугая ему очень хотелось. — Пусть будет попугай ара в клетке.

Так Грубин истратил второе желание и потому, взяв клетку в одну руку, банку с рыбкой в другую, пошел к дому. И тут-то во двор вошел инвалид Эрик.

Эрик обошел уже полгорода. Он искал рыбку для Зиночки, не подозревая, что та получила ее в подарок от Веры Яковлевны.

— Здравствуйте, — сказал он. — Нет ли у кого-нибудь лишней золотой рыбки?

Грубин сгорбился и тихо пошел к двери со своей ношей. У него оставалось всего одно желание и множество потребностей. Погосян помог Кацу повернуть обратно к двери. У них рыбки были также частично использованы.

Окна в комнатах Удалова и Ложкина захлопнулись.

— Я не для себя! — крикнул в пустоту Эрик.

Никто не ответил.

Эрик поправил пустой рукав и поплелся, хромая, со двора.

— Нам необходимо тщательно продумать, что будем просить, — говорила в это время Ксения Удалова мужу.

— Мне велосипед надо, — сказал их сын Максимка.

— Молчать! — повторила Ксения. — Иди погуляй. Без тебя найдем, чего пожелать.

— Вы бы там поскорее, — поторопила золотая рыбка. — К вечеру нам бы хотелось в реке уже быть. До холодов нужно попасть в Саргассово море.

— Смотри-ка, — удивился Удалов. — Тоже ведь на родину тянутся.

— Икру метать, — объяснила рыбка.

— Хочу велосипед! — крикнул со двора Максимка.

— Ну угодили бы парнишке, в самом деле хочет велосипед, — сказала рыбка.

— А может, и в самом деле? — спросил Удалов.

— Я больше не могу! — возмутилась Ксения. — Все подсказывают, все мешают, все чего-то требуют...

Грубин поставил клетку с попугаем на стол и залюбовался птицей.

— Ты чудо, — сказал он ей.

Попугай не ответил.

— Так он что, не умеет, что ли? — спросил Грубин.

— Не умеет, — ответила рыбка.

— Так чего же? Ведь вроде только что «каррамба» говорил.

— Это другой был, ручной, из бразильской состоятельной семьи. А второго пришлось дикого брать.

— И чего же делать?

— Хочешь — третье желание загадай. Я его мигом обучу.

— Да? — Грубин подумал немного. — Нет уж. Сам обучу.

— Может, ты и прав, — согласилась рыбка. — И что же дальше делать будем? Хочешь электронный микроскоп?

Первым своим желанием члены биологического кружка первой средней школы — коллективный владелец одной из рыбок — создали на заднем дворе школы зоопарк с тигрятами, моржом и множеством кроликов.

Вторым желанием сделали так, чтобы им целую неделю не задавали ничего на дом.

С третьим желанием вышла заминка, споры, сильный шум. Споры затянулись почти до вечера.

Провизор Савич дошел до самого своего дома, перебирая в мыслях множество вариантов. У самых ворот его догнал незнакомый человек в очень большой плоской кепке.

— Послушай, — сказал ему человек, — ты десять тысяч хочешь?

— Почему? — спросил Савич.

— Десять тысяч даю — рыбка моя, деньги твои. Мне, понимаешь, не досталось. На базаре стоял, фруктами торговал, опоздал, понимаешь.

— А зачем вам рыбка? — спросил провизор.

— Не твое дело. Хочешь деньги? Сегодня же телеграфом.

— Так вы объясните, в конце концов, — повторил Савич, — зачем вам рыбка? Ведь я тоже, наверное, могу с ее помощью получить много денег.

— Нет, — объяснил человек в кепке. — Рыбка много денег не может.

— Он прав, — подтвердила рыбка. — Много денег я не могу сделать.

— Пятнадцать тысяч, — сказал человек в кепке и протянул руку к банке с рыбкой. — Больше никто не даст.

— Нет, — произнес Савич твердо.

Человек шел за ним, тянул руку и набавлял по тысяче. Когда он добрался до двадцати, Савич совсем озлился.

— Это безобразие! — воскликнул он. — Я иду домой, никому не мешаю. Ко мне пристают, предлагают какую-то сомнительную сделку. Рыбка-то стоит два рубля сорок копеек.

— Я тебе и два рубля тоже дам, — обрадовался человек в кепке. — И еще двадцать тысяч дам. Двадцать одну!

— Так скажите, зачем вам?

Человек в кепке приблизил губы к уху Савича.

— Машину «Волга» покупать буду.

— Так покупайте, если у вас столько денег.

— Нетрудовые доходы, — признался человек в кепке. — А так фининспектор придет, я ему рыбку покажу, вот, пожалуйста. Вы только мне квитанцию дайте, расписку, что два сорок уплатил.

— Уходите немедленно! — возмутился Савич. — Вы жулик!

— Зачем так грубо? Двадцать три тысячи даю. Хорошие деньги. Голый по миру пойду.

— Гони его, — сказала рыбка. — Он мне тоже неприятен.

— Вот видите, — сказал Савич.

— Двадцать четыре тысячи!

— Вот что, — решил Савич. — Чтобы этот человек немедленно улетел отсюда к себе домой. Чтобы и следа его не было. Я больше не могу.

— Исполнять? — спросила рыбка.

— Немедленно!

И человек закрутился в смерчике и пропал. Лишь кепка осталась на мостовой.

— Спасибо, — сказал Савич рыбке. — Вы не представляете, как он мне надоел. Теперь пойдемте ко мне домой, и мы с честью используем оставшиеся желания.

В тот день в городе произошло еще много чудес. Некоторые остались достоянием частных лиц и их семей, некоторые стали известны всему Великому Гусляру. Тут и детский зоопарк, который поныне одна из достопримечательностей города, и история с водкой в водопроводе, и замощенный переулок, и появление в универмаге большого количества французских духов, загадочное и необъясненное, и грузовик, полный белых грибов, виденный многими у дома Сенькиных, и даже типун на языке одной скандальной особы, три свадьбы, неожиданные для окружающих, и еще, и еще, и еще...

К вечеру, к сроку, когда рыбок надо было нести к реке, большинство желаний было исчерпано.

По Пушкинской, по направлению к набережной, двигался народ. Это были и владельцы рыбок, и просто любопытные.

Шли Удаловы всем семейством. Впереди Максим на велосипеде. За ним остальная семья. Ксения сжимала в руке тряпочку, которой незадолго перед тем стирала пыль с нового рояля фирмы «Беккер».

Шел Грубин. Нес не только банку с рыбкой, но и клетку с попугаем. Хотел, чтобы все видели — мечта его сбылась.

Шли Ложкины. Был старик в новом костюме из шевиота, и еще восемь неплохих костюмов осталось в шкафу.

Шли, обнявшись, Погосян с Кацем. Несли вдвоем бутыль. Чтобы не оставлять на завтра.

Шла Зиночка.

Шел Савич.

Шли все другие.

Остановились на берегу.

— Минутку, — сказала одна из золотых рыбок. — Мы благодарны вам, обитатели этого чудесного города. Желания ваши, хоть и были зачастую скороспелы, порадовали нас разнообразием.

— Не все, — возразили ей рыбки из банки Погосяна — Каца.

— Не все, — согласилась рыбка. — Завтра многие из вас начнут мучиться. Корить себя за то, что не потребовали золотых чертогов. Не надо. Мы говорим вам: завтра никто не почувствует разочарования. Так мы хотим, и это наше коллективное рыбье желание. Понятно?

— Понятно, — ответили жители города.

— Дурраки, — сказал попугай ара, который оказался способным к обучению и уже знал несколько слов.

— Теперь нас можно опускать в воду, — произнесла рыбка.

— Стойте! — раздался крик сверху.

Все обернулись в сторону города и оцепенели от ужаса. Ибо зрелище, представшее глазам, было необычайно и трагично.

К берегу бежал человек о десяти ногах, о множестве рук, и он махал этими руками одновременно.

И когда человек подбежал ближе, его узнали.

— Эрик! — сказал кто-то.

— Эрик, — повторяли люди, расступаясь.

— Что со мной случилось? — кричал Эрик. — Что со мной случилось? Кто виноват? Зачем это?

Лицо его было чистым, без следов ожога, волосы встрепаны.

— Я по городу бегал, рыбку просил, — продолжал страшный Эрик, жестикулируя двадцатью руками, из которых одна была слева, а остальные справа. — Я отдохнуть прилег, а проснулся — и вот что со мной случилось!

— Ой, — сказала Зиночка. — Я во всем виновата. Что я наделала. Но я хотела как лучше, я загадала, чтобы у Эрика новая рука была, чтобы новая нога стала и лицо вылечилось. Я думала как лучше — ведь у меня желание оставалось.

— Я виноват, — добавил Ложкин. — Я подумал — зря человека обижаем. Я ему тоже руку пожелал.

— И я, — произнес Грубин.

— И я, — сказал Савич.

И всего в этом созналось восемнадцать человек. Кто-то нервно хихикнул в наступившей тишине. И Савич спросил свою рыбку:

— Вы нам помочь не можете?

— Нет, к сожалению, — ответила рыбка. — Все желания исчерпаны. Придется его в Москву везти, отрезать лишние конечности.

— Да, история, — сказал Грубин. — В общем, если нужно, то берите обратно моего чертова попугая.

— Дуррак, — сказал попугай.

— Не поможет, — ответила рыбка. — Обратной силы желания не имеют.

И тут на сцене появились юннаты из первой средней школы.

— Кому нужно лишнее желание? — спросил один из них. — Мы два использовали, а на одном не сговорились.

Тут дети увидели Эрика и испугались.

— Не бойтесь, дети, — успокоила их золотая рыбка. — Если вы не возражаете, мы приведем в человеческий вид пожарника Эрика.

— Мы не возражаем, — сказали юннаты.

— А вы, жители города?

— Нет, — ответили люди рыбкам.

В тот же момент произошло помутнение воздуха, и Эрик вернулся в свое естественное, здоровое состояние. И оказался, кстати, вполне красивым и привлекательным парнем.

— Оп-ля! — воскликнули рыбки хором, выпрыгнули из банок, аквариумов и прочей посуды и золотыми молниями исчезли в реке.

Они очень спешили в Саргассово море метать икру.

ЛЮБИМЫЙ УЧЕНИК ФАКИРА

События, впоследствии смутившие мирную жизнь города Великий Гусляр, начались, как и положено, буднично.

Автобус, шедший в Великий Гусляр от станции Лысый Бор, находился в пути уже полтора часа. Он миновал богатое рыбой озеро Копенгаген, проехал дом отдыха лесных работников, пронесся мимо небольшого потухшего вулкана. Вот-вот должен был открыться за поворотом характерный силуэт старинного города, как автобус затормозил, съехал к обочине и замер, чуть накренившись, под сенью могучих сосен и елей. В автобусе люди просыпались, тревожились, будили утреннюю прохладу удивленными голосами.

— Что случилось? — спрашивали они друг у друга и у шофера. — Почему встали? Может, поломка? Неужели авария?

Дремавший у окна молодой человек приятной наружности с небольшими черными усиками над полной верхней губой также раскрыл глаза и несколько удивился, увидев, что еловая лапа залезла в открытое окно автобуса и практически уперлась ему в лицо.

— Вылезай! — донесся до молодого человека скучный голос водителя. — Загорать будем. Говорил же я им: куда мне на линию без домкрата? Обязательно прокол будет. А мне механик свое: не будет сегодня прокола, а у домкрата все равно резьба сошла!..

Молодой человек представил себе домкрат с намертво стертой резьбой и поморщился: у него было сильно развито воображение. Он поднялся и вышел из автобуса.

Шофер, окруженный пассажирами, стоял на земле и рассматривал заднее колесо, словно картину Рембрандта.

Мирно шумел лес. Покачивали гордыми вершинами деревья. Дорога была пустынна. Лето уже вступило в свои права. В кювете цвели одуванчики, и кареглазая девушка в костюме джерси и голубом платочке, присев на пенечек, уже плела венок из желтых цветов.

— Или ждать, или в город идти, — сказал шофер.

— Может, мимо кто проедет? — выразил надежду невысокий плотный белобрысый мужчина с редкими блестящими волосами, еле закрывающими лысину. — Если проедет, мы из города помощь пришлем.

Говорил он авторитетно, но с некоторой поспешностью в голосе, что свидетельствовало о мягкости и суетливости характера. Его лицо показалось молодому человеку знакомым, да и сам мужчина, закончив беседу с шофером, обернулся к нему и спросил прямо:

— Вот я к вам присматриваюсь с самой станции, а не могу определить. Вы в Гусляр едете?

— Разумеется, — ответил молодой человек. — А разве эта дорога еще куда-нибудь ведет?

— Нет, далее она не ведет, если не считать проселочных путей к соседним деревням, — ответил плотный блондин.

— Значит, я еду в Гусляр, — сказал молодой человек, большой сторонник формальной логики в речи и поступках.

— И надолго?

— В отпуск, — сказал молодой человек. — Мне ваше лицо также знакомо.

— А на какой улице в Великом Гусляре вы собираетесь остановиться?

— На своей, — сказал молодой человек, показав в улыбке ровные белые зубы, которые особенно ярко выделялись на смуглом, загорелом и несколько изможденном лице.

— А точнее?

— На Пушкинской.

— Вот видите, — обрадовался плотный мужчина и наклонил голову так, что луч солнца отразился от его лысинки, попал в глаз девушке, создававшей венок из одуванчиков, и девушка зажмурилась. — А я что говорил?

Он радовался, как следователь, получивший при допросе упрямого свидетеля очень важные показания.

— А в каком доме вы остановитесь?

— В нашем, — сказал молодой человек, отходя к группе людей, изучавших сплюснутую шину.

— В шестнадцатом?

— В шестнадцатом.

— Я так и думал. Вы будете Георгий Боровков, Ложкин по матери.

— Он самый, — ответил молодой человек.

— А я — Корнелий Удалов, — сказал плотный блондин. — Помните ли вы меня — я вас в детстве качал на колене?

— Помню, — сказал молодой человек. — Ясно помню. И я у вас с колена упал. Вот шрам на переносице.

— Ох! — безмерно обрадовался Корнелий Удалов. — Какая встреча. И неужели ты, сорванец, все эти годы о том падении помнил?

— Еще бы, — сказал Георгий Боровков. — Меня из-за этого почти незаметного шрама не хотели брать в лесную академию раджа-йога гуру Кумарасвами, ибо это есть физический недостаток, свидетельствующий о некотором неблагожелательстве богов по отношению к моему сосуду скорби.

— К кому? — спросил Удалов в смятении.

— К моему смертному телу, к оболочке, в которой якобы спрятана нетленная идеалистическая сущность.

— Ага, — сказал Удалов и решил больше в этот вопрос не углубляться. — И надолго к нам?

— На месяц или меньше, — сказал молодой человек. — Как дела повернутся. Может, вызовут обратно в Москву... А с колесом-то плохо дело. Запаска есть?

— Без тебя вижу, — ответил шофер, с некоторым презрением глядя на синий костюм, на импортный галстук, повязанный несмотря на утреннее время и будний день, и на весь изысканный облик молодого человека.

— Запаска есть, спрашивают? — вмешался Удалов. — Или тоже на базе оставил?

— Запаска есть, а на что она без домкрата?

— Ни к чему она без домкрата, — подтвердил Удалов и спросил у Боровкова: — А ты за границей был?

— Стажировался, — сказал Боровков. — В порядке научного обмена. Надо будет автобус приподнять, а вы тем временем подмените колесо. Становится жарко, а люди спешат в город.

— Ну и подними, — буркнул шофер.

— Подниму, — сказал Боровков. — Только прошу вас не терять времени даром.

— Давай, давай, шофер, — сказала ветхая бабушка из толпы пассажиров. — Человек тебе помощь предлагает.

— И она туда же! — сказал шофер. — Вот ты, бабка, с ним на пару автобус и подымай.

Но Боровков буднично снял пиджак, передал его Удалову и обернулся к шоферу с видом человека, который уже собрался работать, а рабочее место оказалось ему не подготовлено.

— Ну, — сказал он стальным голосом. Шофер не посмел противоречить такому голосу и поспешил за запаской.

— Расступитесь, — строго сказал Удалов. — Разве не видите?

Пассажиры немного подались назад. Шофер с усилием подкатил колесо и брякнул на гравий разводной ключ.

— Отвинчивайте, — сказал Боровков.

Шофер медленно отвинчивал болты, и его губы складывались в ругательное слово, но присутствие пассажирок удерживало.

Удалов стоял в виде вешалки, держа пиджак Боровкова на согнутом мизинце и спиною оттесняя тех, кто норовил приблизиться.

— А теперь, — сказал Боровков, — я приподниму автобус, а вы меняйте колесо.

Он провел руками под корпусом автобуса, разыскивая место, где можно взяться понадежнее, затем вцепился в это место тонкими смуглыми пальцами и без натуги приподнял машину. Автобус наклонился вперед, будто ему надо было что-то разглядеть внизу перед собой, и вид у него стал глупый, потому что автобусам так стоять не положено.

В толпе ахнули, и все отошли подальше. Только Корнелий Удалов, как причастный к событию, остался вблизи.

Шофер был настолько поражен, что мгновенно снял колесо, ни слова не говоря, подкатил другое и начал надевать его на положенное место.

— Тебе не тяжело? — спросил Удалов Боровкова.

— Нет, — ответил тот просто.

И Удалов с уважением оглядел племянника своего соседа по дому, дивясь его внешней субтильности. Но тот держал машину

так легко, что Удалову подумалось, что, может, автобус и впрямь не такой уж тяжелый, а это лишь сплошная видимость.

— Все, — сказал шофер, вытирая со лба пот. — Опускай.

И Боровков осторожно поставил задние колеса автобуса наземь.

Он даже не вспотел и ничем не показывал усталости. В толпе пассажиров кто-то захлопал в ладоши, а кареглазая девушка, которая кончила плести венок из одуванчиков, подошла к Боровкову и надела венок ему на голову. Боровков не возражал, а Удалов заметил:

— Размер маловат.

— В самый раз, — возразила девушка. — Я будто заранее знала, что он пригодится.

— Пиджачок извольте, — сказал Удалов, но Боровков засмущался, отверг помощь Корнелия Ивановича, сам натянул пиджак, одарил девушку белозубой улыбкой и, почесав свои черные усики, поднялся в автобус на свое место.

Шофер мрачно молчал, потому что не знал, объяснять ли на базе, как автобус голыми руками поднимал незнакомый молодой человек, или правдивее будет сказать, что выпросил домкрат у проезжего «МАЗа». А Удалов сидел на два сиденья впереди Боровкова и всю дорогу до города оборачивался, улыбался молодому человеку, подмигивал и уже на въезде в город не выдержал и спросил:

— Ты штангой занимался?

— Нет, — скромно ответил Боровков. — Это неиспользованные резервы тела.

По Пушкинской они до самого дома шли вместе. Удалов лучше поговорил бы с Боровковым о дальних странах и местах, но Боровков сам все задавал вопросы о родственниках и знакомых. Удалову хотелось вставить что-нибудь серьезное, чтобы и себя показать в выгодном свете: он заикнулся было о том, что в Гусляре побывали пришельцы из космоса, но Боровков ответил:

— Я этим не интересуюсь.

— А как же, — спросил тогда Удалов, — загадочные строения древности, в том числе пирамида Хеопса и Баальбекская веранда?

— Все веранды — дело рук человека, — отрезал Боровков. — Иного пути нет. Человек — это звучит гордо.

— Горький, — подсказал Удалов. — «Старуха Изергиль».

Он все поглядывал на два боровковских заграничных чемодана с личными вещами и подарками для родственников: если бы он не видел физических достижений соседа, наверняка предложил бы

свою помощь, но теперь предлагать было — все равно что над собой насмехаться.

Вечером Николай Ложкин, боровковский дядя по материной линии, заглянул к Удалову и пригласил его вместе с женой Ксенией провести вечер в приятной компании по поводу приезда в отпуск племянника Георгия. Ксения, которая уже была наслышана от Удалова о способностях молодого человека, собралась так быстро, что они через пять минут уже находились в ложкинской столовой, бывшей заодно и кабинетом: там располагались аквариумы, клетки с певчими птицами и книжные полки.

За столом собрался узкий круг друзей и соседей Ложкиных. Старуха Ложкина расщедрилась по этому случаю настойкой, которую берегла к октябрьским, потому что — а это и сказал в своей застольной речи сам Ложкин — молодые люди редко вспоминают о стариках, ибо живут своей, занятой и посторонней жизнью, и в этом свете знаменательно возвращение Гарика, то есть Георгия, к своим дяде и тете, когда он мог выбрать любой санаторий или дом отдыха на кавказском берегу или на Золотых Песках.

Все аплодировали, а потом Удалов тоже произнес тост. Он сказал:

— Наша молодежь разлетается из родного гнезда кто куда, как перелетные птицы. У меня вот тоже подрастают Максимка и дочка. Тоже оперятся и улетят. Туда им и дорога. Широкая дорога открыта нашим перелетным птицам. Но если уж они залетят обратно, то мы просто поражаемся, какими сильными и здоровыми мы их воспитали.

И он показал пальцем на смущенного и скромно сидящего во главе стола Георгия Боровкова.

— Так поднимем же этот тост, — закончил свою речь Корнелий, — за нашего родного богатыря, который сегодня на моих глазах вознес автобус с пассажирами и держал его в руках до тех пор, пока не был завершен текущий ремонт. Ура!

Многие ничего не поняли, кто понял — не поверил, а сам Боровков попросил слова.

— Конечно, мне лестно. Однако я должен внести уточнения. Во-первых, я автобус на руки не брал, а только приподнял его, что при определенной тренировке может сделать каждый. Во-вторых, в автобусе не было пассажиров, поскольку они стояли в стороне, так как я не стал бы рисковать человеческим здоровьем.

Соседям и родственникам приятно было смотреть на недавнего подростка, который бегал по двору и купался в реке, а теперь, по получении образования и заграничной командировки, не потеряв скромности, вернулся в родные пенаты.

— И по какой специальности ты там стажировался? — спросил усатый Грубин, сосед снизу, когда принялись за чай с пирогом.

— Мне, — ответил Боровков, — в дружественной Индии была предоставлена возможность пробыть два года на обучении у одного известного факира, отшельника и йога — гуру Кумарасвами.

— Ну и как ты там? Показал себя?

— Я старался, — скромно ответил Гарик, — не уронить достоинства.

— Не скромничай, — вставил Корнелий Удалов. — Небось был самым выдающимся среди учеников?

— Нет, были и более выдающиеся, — сказал Боровков. — Хотя гуру иногда называл меня своим любимым учеником. Может, потому, что у меня неплохое общее образование.

— А как там с питанием? — поинтересовалась Ксения Удалова.

— Мы питались молоком и овощами. Я с тех пор не потребляю мяса.

— Это правильно, — сказала Ксения, — я тоже не потребляю мяса. Для диеты.

Боровков вежливо промолчал и потом обернулся к Удалову, который задал ему следующий вопрос:

— Вот у нас в прессе дискуссия была: хорошо это йоги или мистика?

— Мистики на свете не существует, — ответил Боровков. — Весь вопрос в мобилизации ресурсов человеческого тела. Опасно, когда этим занимаются шарлатаны и невежды. Но глубокие корни народной мудрости, имеющие начало в Ригведе, требуют углубленного изучения.

И после этого Гарик с выражением прочитал на древнем индийском языке несколько строф из поэмы «Махабхарата».

— А на голове ты стоять умеешь? — спросил неугомонный Корнелий.

— А как же? — даже удивился Гарик и тут же, легонько опершись ладонями о край стола, подкинул кверху ноги, встал на голову, уперев подошвы в потолок, и дальнейшую беседу со своими ближними вел в таком вот, неудобном для простого человека, положении.

— Ну это все понятно, это мы читали, — сказал Грубин, глядя на Боровкова наискосок. — А какая польза от твоих знаний для народного хозяйства?

— Этот вопрос мы сейчас исследуем, — ответил Боровков, сложил губы трубочкой и отпил из своей чашки без помощи рук. Потом отпустил одну руку, потянулся к вазончику с черешней и взял ягоду. — Возможности открываются значительные. Маленький

пример, который я продемонстрировал сегодня на глазах товарища Корнелия Ивановича, тому доказательство. Каждый может внутренне мобилизоваться и сделать то, что считается не под силу человеку.

— Это он о том, как автобус поднял, — напомнил Удалов, и все согласно закивали головами.

— Ты бы перевернулся, Гарик, и сел, — сказала старуха Ложкина. — Кровь в голову прильет.

— Спасибо, я постою, — сказал Гарик.

Общая беседа продолжалась, и постепенно все привыкли к тому, что Боровков пребывает в иной, чем остальные, позе. Он рассказывал о социальных контрастах в Индии, о тамошней жизни, о культурных памятниках, о гипнозе, хатха-йоге и раджа-йоге. И разошлись гости поздно, очень довольные.

А на следующее утро Боровков вышел на двор погулять уже в ковбойке и джинсах и оттого казался своим, гуслярским. Удалов, собираясь на службу, выглянул из окна, увидел, как Боровков делает движения руками, и вышел.

— Доброе утро, Гарик, — сказал он, присев на лавочку. — Что делаешь?

— Доброе утро, — ответил Боровков, — тренирую мысль и пальцы. Нужно все время тренироваться, как исполнитель на музыкальных инструментах, иначе мышцы потеряют форму.

— Это правильно, — согласился Удалов. — Я тебя вот о чем хотел спросить: мне приходилось читать, что некоторые факиры в Индии умеют укрощать диких кобр звуками мелодии на дудке. Как ты на основании своего опыта полагаешь, они это в самом деле или обманывают?

Наверное, он мог бы придумать вопрос получше, поумнее, но спросить чего-нибудь хотелось, вот и сказал первое, что на ум пришло. И не спроси он про змей, может, все бы и обошлось.

— Есть мнение, что кобры в самом деле гипнотизируются звуком музыки, — ответил с готовностью Боровков. — Но у них чаще всего вырывают ядовитые зубы.

— Не приходилось мне кобру видеть, — сказал Удалов, заглаживая белесые волоски на лысину. — Она внушительного размера?

— Да вот такая, — сказал Боровков и наморщил лоб. Он помолчал с полминуты или минуту, а потом Удалов увидел, как на песочке в метре от них появилась свернутая в кольцо большая змея.

Змея развернулась и подняла голову, раздувая шею, а Удалов подобрал ноги на скамью и поинтересовался:

— А не укусит?

— Нет, Корнелий Иванович, — сказал молодой человек. — Змея воображаемая. Я же вчера рассказывал.

Кобра тем временем подползла ближе. Боровков извлек из кармана джинсов небольшую дудочку, приставил к губам и воспроизвел на ней незнакомую простую мелодию, отчего змея прекратила ползание, повыше подняла голову и начала раскачиваться в такт музыке.

— И это тоже мне кажется? — спросил Удалов.

Боровков, не переставая играть, кивнул. Но тут пошла с авоськой через двор гражданка Гаврилова из соседнего флигеля.

— Змея! — закричала она страшным голосом и бросилась бежать.

Змея испугалась ее крика и поползла к кустам сирени, чтобы в них спрятаться.

— Ты ее исчезни, — сказал Удалов Боровкову, не спуская ног.

Тот согласился, отнял от губ дудочку, провел ею в воздухе, змея растаяла и вся уже скрылась, но Удалов не мог сказать, вообще она исчезла или в кустах.

— Неудобно получилось, — сказал Гарик, почесывая усики. — Женщину испугали.

— Да. Неловко. Но ведь это видимость?

— Видимость, — согласился Боровков. — Хотите, Корнелий Иванович, я вас провожу немного? А сам по городу прогуляюсь.

— Правильно, — сказал Удалов. — Я только портфель возьму.

Они пошли рядышком по утренним улицам. Удалов задавал вопросы, а Гарик с готовностью отвечал.

— А этот гипноз на многих людей действует?

— Почти на всех.

— А если много людей?

— Тоже действует. Я же рассказывал.

— Послушай, — пришла неожиданная мысль в голову Удалову. — А с автобусом там тоже гипноз был?

— Ну что вы! — сказал Гарик. — Колесо же поменяли.

— Правильно, колесо поменяли.

Удалов задумался.

— Скажи, Гарик, — спросил он, — а эту видимость использовать можно?

— Как?

— Ну, допустим, в военных условиях, с целью маскировки. Ты внушаешь фашистам, что перед ними непроходимая река, они и отступают. А на самом деле перед ними мирный город.

— Теоретически возможно, но только, чтобы фашистов загипнотизировать, надо обязательно к ним приблизиться...

— Другое предложение сделаю: в театре. Видимый эффект. Ты гипнотизируешь зрителей, и им кажется, что буря на сцене самая настоящая, даже дождь идет. Все как будто мокрые сидят.

— Это можно, — согласился Боровков.

— Или еще. — Тут уж Удалов ближе подошел к производственным проблемам. — Мне дом сдавать надо, а у меня недоделки. Подходит приемочная комиссия, а ты их для меня гипнотизируешь, и кажется им, что дом ну просто импортный.

— Дом — это много. Большой формат, — сказал любимый ученик факира. — Мой учитель когда-то смог воссоздать Тадж-Махал, великий памятник прошлого Индии. Но это было дикое напряжение ума и души. Он до сих пор не совсем пришел в себя. А нам, ученикам, можно материализовать вещи не больше метра в диаметре.

— Любопытно, — с сомнением сказал Удалов. — Но я пошутил. Я никого в заблуждение вводить не намерен. Это мы оставим для очковтирателей.

— А я бы, — мягко поддержал его Боровков, — даже при всем к вам уважении помощь в таком деле не хотел бы оказывать.

И тут по дороге имел место еще один инцидент, который укрепил веру Удалова в способности Гарика.

Навстречу им шел ребенок, весь в слезах и соплях, который громко горевал по поводу утерянного мяча.

— Какой у тебя был мяч, мальчик? — спросил Боровков.

— Си-иний! — И ребенок заплакал пуще прежнего.

— Такой? — спросил Боровков и, к удивлению мальчика, а также и Удалова, тут же создал синий мяч среднего размера; мяч подпрыгнул и подкатился мальчику под ноги.

— Не то-от, — заплакал мальчик еще громче. — Мой был большой!

— Большой? — ничуть не растерялся Боровков. — Будет большой.

И тут же в воздухе возник шар размером с десятикилограммовый арбуз. Шар повисел немного и лениво упал на землю.

— Такой? — спросил Боровков ласковым голосом, потому что он любил детей.

А Удалов уловил в сообразительных глазенках ребенка лукавство: глазенки сразу просохли — мальчик решил использовать волшебника.

— Мой был больше! — завопил он. — Мой был с золотыми звездочками. Мой был как дом!

— Я постараюсь, — сказал виновато Боровков. — Но мои возможности ограничены.

— Врет мальчонка, — сказал Удалов убежденно. — Таких мячей у нас в универмаге никогда не было. Если бы были, знаешь какая бы очередь стояла? Таких промышленность не выпускает.

— А мне папа из Москвы привез, — сказал ребенок трезвым голосом дельца. — Там такие продаются.

— Нет, — сказал Удалов. — ГОСТ не позволяет такие большие мячи делать и таких импортных не завозят. Можно кого-нибудь зашибить невзначай.

— Вы так думаете? — спросил Боровков. — Я, знаете, два года был оторван...

— Отдай мой мяч! — скомандовал ребенок.

Боровков очень сильно нахмурился, и рядом с мальчиком возник шар даже больше метра в диаметре. Он был синий и переливался золотыми звездочками.

— Такой подойдет? — спросил Боровков.

— Такой? — Мальчик смерил мяч взглядом и сказал не очень уверенно: — А мой был больше. И на нем звезд было больше...

— Пойдем, Гарик, — возмутился Удалов. — Сними с него гипноз. Пусть останется без мячей..

— Не надо, — сказал Боровков, с укоризной посмотрел на мальчика, пытавшегося обхватить мячи, и пошел вслед за Удаловым.

— А вот и мой объект, — сказал Корнелий. — Как, нравится?

Боровков ответил не сразу. Дом, созданный конторой, которой руководил Корнелий Удалов, был далеко не самым красивым в городе. И, наверное, Гарику Боровкову приходилось видеть тщательнее построенные дома как в Бомбее и Дели, так и в Париже и Москве. Но он был вежлив и потому только вздохнул, а Удалов сказал:

— Поставщики замучили. Некачественный материал давали. Ну что с ними поделаешь?

— Да, да, конечно, — согласился Боровков.

— Зайдем? — спросил Удалов.

— Зачем?

— Интерьером полюбуешься. Сейчас как раз комиссия придет, сдавать дом будем.

Боровков не посмел отказаться и последовал за хитроумным Корнелием Ивановичем, который, конечно, решил использовать его талант в одном сложном деле.

— Погляди, — сказал он молодому человеку, вводя его в совмещенный санузел квартиры на первом этаже. — Как здесь люди жить будут?

Боровков огляделся. Санузел был похож на настоящий. Все в

нем было: и умывальник, и унитаз, и ванна, и кафельная плитка, хоть и неровно положенная.

— Чего не хватает? — спросил Удалов.

— Как не хватает?

— Кранов не хватает, эх ты, голова! — подсказал Удалов. — Обманули нас поставщики. Заявку, говорят, вовремя не представил. А сейчас комиссия придет. И кто пострадает? Пострадает твой сосед и почти родственник Корнелий Удалов. На него всех собак повесят.

— Жаль, — с чувством сказал Боровков. — Но ведь еще больше пострадают те, кто здесь будет жить.

— Им не так печально, — вздохнул Корнелий Иванович. — Им в конце концов все поставят. И краны, и шпингалеты. Они напишут, поскандалят, и поставят им краны. А вот меня уже ничто не спасет. Дом комиссия не примет — и прощай премия! Не о себе пекусь, а о моих сотрудниках, вот о тех же, например, плиточниках, которые, себя не щадя, стремились закончить строительство к сроку.

Боровков молчал, видимо, более сочувствуя жильцам дома, чем Удалову. А Удалов ощущал внутреннее родство с мальчиком, который выпросил у Боровкова мячи. Внешне он лил слезы и метался, но изнутри в нем радовалось ожидание, потому что Боровков был человек мягкий и оттого обреченный на капитуляцию.

— Скажи, а для чистого опыта ты бы смог изобразить водопроводный кран? — спросил Удалов.

— Зачем это? — ответил вопросом Боровков. — Обманывать ведь никого нельзя. Разве для шутки?

Он глубоко вздохнул, как человек, который делает что-то помимо своей воли, и в том месте, где положено быть крану, возник медный кран в форме рыбки с открытым ртом. Видно, такие краны Боровков видел в Индии.

— Нет, — сказал Удалов, совсем как тот мальчик. — Кран не такой. Наши краны попроще, без финтифлюшек. Как у твоего дяди. Помнишь?

Боровков убрал образ изысканного крана и на его место посадил стандартный образ.

Удалов подошел к крану поближе и, опасаясь даже тронуть его пальцем, пристально проверил, прикреплен ли кран к соответствующей трубе. Как он и опасался, кран прикреплен не был, и любой член комиссии углядел бы это сразу.

— Нет, ты посмотри вот сюда, — сказал Удалов возмущенным голосом. — Разве так краны делают? Халтурщик ты, Гарик, чест-

ное слово. Как вода из него пойдет, если он к трубе не присоединен?

Боровков даже оскорбился:

— Как так вода не пойдет? — И тут же из крана, ни к чему не присоединенного, разбрызгиваясь по раковине, хлынула вода.

— Стой! — крикнул Удалов. — Она же еще не подключена! Дом с сетью не соединен. Ты что, меня под монастырь хочешь подвести?

— Я могу и горячую пустить! — азартно сказал Гарик, и вода помутнела, и от нее пошел пар.

— Брось свои гипнотизерские штучки, — строго сказал Удалов. — Я тебе как старший товарищ говорю. Закрой воду и оставь кран в покое.

И тут в квартиру ворвался молодой человек, весь в штукатурке и в сложенной из газеты шляпе, похожей на треуголку полководца Наполеона.

— Идут! — крикнул он сдавленным голосом. — Что будет, что будет!

— Гарик! — приказал Удалов. — За мной. Поздно рассуждать. Спасать надо.

И они пошли навстречу комиссии.

Комиссия стояла перед домом на площадке, где благоустройство еще не было завершено, и рассматривала объект снаружи. Удалов вышел навстречу как радушный хозяин. Председатель комиссии, Иван Андреевич, человек давно ему знакомый, вредный, придирчивый и вообще непреклонный, протянул Корнелию руку и произнес:

— Плохо строишь. Неаккуратно.

— Это как сказать, — осторожно возразил Удалов, пожимая руку. — Как сказать. Вот Екатерина из райисполкома... — Он запнулся и тотчас поправился: — То есть представитель Екатерина Павловна в курсе наших временных затруднений. — И он наморщил лоб, изображая работу мысли.

— Ты всех в комиссии знаешь, — сказал председатель. — Может, только с Ветлугиной не встречался.

И он показал Удалову на кареглазую девушку в костюме джерси, ту самую, которая у автобуса сплела венок из одуванчиков и возложила его на голову Боровкову. У девушки была мужественная профессия сантехника. Боровков тоже ее узнал и покраснел, и девушка слегка покраснела, потому что теперь она была при исполнении служебных обязанностей и не хотела, чтобы ей напоминали о романтических движениях души.

Она только спросила Гарика:

— Вы тоже строитель?

И тот ответил:

— Нет, меня товарищ Удалов пригласил осмотреть дом.

— Ну, — Удалов приподнялся на цыпочки, чтобы дотянуться до уха Боровкова, — или ты спасешь, или мне, сам понимаешь...

Боровков вновь вздохнул, поглядел на кареглазую Ветлугину, потрогал усики и послушно последовал за нею внутрь дома. Удалов решил не отставать от них ни на шаг. Что там другие члены комиссии, если главная опасность — сантехник!

Они начали с квартиры, в которой Боровков уже пускал воду. Кран был на месте, но не присоединен к трубе.

Девушка опытным взглядом специалиста оценила блеск и чистоту исполнения крана, но тут же подозрительно взглянула в его основание. Удалов ахнул. Боровков понял. Тут же от крана протянулась труба, и сантехник Ветлугина удивленно приподняла брови, похожие на перевернутых чаек, как их рисуют в детском саду. Но придраться было не к чему, и Ветлугина перешла на кухню. Удалов щипнул Боровкова, и Гарик, не отрывая взгляда от Ветлугиной, сотворил кран и там.

Так они и переходили из квартиры в квартиру, и везде Боровков гипнотизировал Ветлугину блистающими кранами, а Удалов боялся, что ей захочется проверить, хорошо ли краны действуют, ибо, когда ее пальчики провалятся сквозь несуществующие металлические части, получится великий скандал.

Но обошлось. Спас Боровков. Ветлугина слишком часто поднимала к нему свой взор, а Боровков слишком часто искал ее взгляд, так что в качестве члена комиссии Ветлугина была почти нейтрализована.

Они вышли наконец на лестничную площадку последнего этажа и остановились.

— У тебя, Ветлугина, все в порядке? — спросил Иван Андреевич.

— Почти, — ответила девушка, глядя на Гарика.

«Пронесло, — подумал Удалов. — Замутили мы с Боровковым ее взор!»

— А почему почти? — спросил Иван Андреевич.

— Кранов нет, — сказала девушка. Эти слова прогрохотали для Удалова как зловещий гром, и в нем вдруг вскипела ненависть. Тысячи людей, по науке, поддаются гипнозу, а она, ведьма, не желает поддаваться!..

— Как нет кранов! — заспешил с опровержением Удалов. — Вы же видали. Все видали! И члены комиссии видали, и лично Иван Андреевич.

— Это лишь одна фикция и видимость материализации, — грустно ответила девушка. — И я знаю, чьих рук это дело.

Она глядела на Боровкова завороженным взглядом, а тот молчал.

— Я знаю, что вот этот товарищ, — продолжала коварная девушка, не сводя с Гарика глаз, — находился в Индии по научному обмену и научился там гипнозу и факирским фокусам. При мне еще вчера он сделал вид, что поднимает автобус за задние колеса, а это он нас загипнотизировал. И моя бабушка была в гостях у Ложкиных, и там всем казалось, что он целый вечер стоял на голове. И пил чай...

А Боровков молчал.

«Ну вот теперь и ты в ней разочаруешься за свой позор!» — подумал с надеждой Удалов. Им овладело мстительное чувство: он уже погиб, и пускай теперь гибнет весь мир — как, примерно, рассуждали французские короли эпохи абсолютизма.

— Пошли, — сказал сурово Иван Андреевич. — Пошли заново, очковтиратель. Были у меня подозрения, что по тебе ОБХСС плачет, а теперь они наконец материализовались.

Боровков молчал.

— А этого юношу, — продолжал Иван Андреевич, — который за рубежом нахватался чуждых для нас веяний, мы тоже призовем к порядку... Выйдите на улицу, — сказал он Боровкову. — И не надейтесь в дом заглядывать!..

— Правильно, — пролепетала коварная Ветлугина. — А то он снова нас всех загипнотизирует.

— Может, и дома не существует? Надо проверить, — сказал Иван Андреевич.

— Нет, — сказала Екатерина из райисполкома. — Дом и раньше стоял, его у нас на глазах строили. А этот молодой человек только вчера к нам явился.

Гусляр — город небольшой, и новости в нем распространяются почти мгновенно.

Удалов шел в хвосте комиссии. Он чувствовал себя обреченным. Завязывалась неприятность всерайонного масштаба. И он подумал, что в его возрасте не поздно начать новую жизнь и устроиться штукатуром, с чего Удалов когда-то и начал свой путь к руководящей работе. Но вот жена!..

— Показывайте ваши воображаемые краны, — сказал Иван Андреевич, входя в квартиру.

В санузел Удалов не пошел, остался в комнате, выглянул в окно. Внизу Боровков задумчиво писал что-то веткой по песку. «И зачем я только втянул его в это дело?» — запечалился Удалов, и

тут же его мысль перекинулась на то, как хорошо бы жить на свете без женщин. За тонкой стенкой бурлили голоса. Никто из санузла не выходил: что-то у них там случилось. Удалов сделал два шага и заглянул внутрь через плечо Екатерины из райисполкома. Состав комиссии с громадным трудом разместился в санузле. Ветлугина сидела на краю ванны, Иван Андреевич щупал кран, но его пальцы никуда не проваливались.

— Что-то ты путаешь, — сказал Иван Андреевич Ветлугиной.

— Все равно одна видимость, — настаивала Ветлугина растерянно, ибо получалось, что она оклеветала и Удалова, и Гарика, и всю факирскую науку.

— А какая же видимость, если он твердый? — удивился Иван Андреевич.

— Настоящий, — поспешил подтвердить Удалов.

— Тогда пускай он скажет, когда и откуда краны получил, — нашлась упрямая Ветлугина. — Пускай по документам проверят!

— Детский разговор, — сказал Удалов, к которому вернулось присутствие духа. — Что же, я краны на рынке за собственные деньги покупал?

Тут уж терпение покинуло Ивана Андреевича.

— Ты, Ветлугина, специалист молодой, и нехорошо тебе начинать трудовой путь с клеветы на наших заслуженных товарищей.

И Иван Андреевич показал размашистым жестом на голову Удалова, которая высовывалась из-за плеча Екатерины.

— Правильно, Иван Андреевич, — без зазрения совести присоединился к его мнению Удалов. — Мы работаем, вы работаете, все стараются, а некоторые граждане занимаются распространением непроверенных слухов.

Ветлугина, пунцовая, выбежала из санузла, и Корнелий возблагодарил судьбу за то, что Боровков на улице и ничего не видит: его мягкое сердце ни за что бы не выдержало этого зрелища.

Удалов поспешил увести комиссию. В таких острых ситуациях никогда не знаешь, чем может обернуться дело через пять минут. И в последний момент впрямь все чуть не погубило излишнее старание Боровкова, ибо Иван Андреевич машинально повернул кран и из него хлынула струя горячей воды. Иван Андреевич кран, конечно, тут же закрыл, вышел из комнаты, а на лестнице вдруг остановился и спросил с некоторым удивлением:

— А что, и вода уже подключена?

— Нет, это от пробы в трубах осталась.

Удалов смотрел на председателя наивно и чисто.

— А почему горячая? — спросил председатель.

— Горячая? А она была горячая?

— Горячая, — подтвердила Екатерина из райисполкома. — Я сама наблюдала.

— Значит, на солнце нагрелась. Под крышей.

Иван Андреевич поглядел на Удалова с некоторым обалдением во взоре, потом махнул рукой, проворчал:

— Одни факиры собрались!..

И как раз тут они вышли из подъезда и увидели рыдающую на плече у Боровкова сантехника Ветлугину.

— Пошли, — сказал Иван Андреевич. — В контору. Акт будем составлять. Екатерина Павловна! Позови Ветлугину. Кричать все мастера, а от критики в слезы...

Когда все бумаги были разложены и Екатерина — у нее был лучший почерк — начала заполнять первый бланк, Корнелий Иванович вдруг забеспокоился, извинился и выбежал к Гарику.

— Но краны-то останутся? — спросил он. — Краны никуда не исчезнут? Признайся, это не гипноз?

— Краны останутся. Нужно же жильцам воду пить и мыться? А то с вашей, Корнелий Иванович, заботой им пришлось бы с ведрами за водой бегать.

— Ага! Значит, краны настоящие!

— Самые настоящие.

— А откуда они взялись? Может, это идеализм?

— Ничего подобного, — возразил Боровков. — Никакого идеализма. Просто надо в народной мудрости искать и находить рациональное зерно.

— А если материализм, то откуда металл взялся? Где закон сохранения вещества? А ты уверен, что краны не ворованные, что ты их силой воли из готового дома сюда не перенес?

— Уверен, — ответил Боровков. — Не перенес. Сколько металла пошло на краны, столько металла исчезло из недр земли. Ни больше ни меньше.

— А ты, — в глазенках Удалова опять появился мальчишеский блеск: ему захотелось еще один мяч, побольше прежнего, — ты все-таки дом можешь сотворить?

— Говорил уже — не могу. Мой учитель гуру Кумарасвами один раз смог, но потом лежал в прострации четыре года и почти не дышал.

— И большой дом?

— Да говорил же — гробницу Тадж-Махал в городе Агре.

Ветерок налетел с реки и растрепал реденькие волосы Удалова. Тот полез в карман за расческой.

— А Ветлугиной ты признался?

— Нет, я ее разубедил. Я сказал, что умею тяжести подымать, на голове стоять, на гвоздях спать, но никакой материализации.

И рассудительно заключил:

— Да и вообще я ей понравился не за это...

— Конечно, не за это, — согласился Удалов. — За это ты ей вовсе не понравился, потому что она девушка принципиальная. Значит, надеяться на тебя в будущем не следует?..

— Ни в коем случае.

— Ну, и на том спасибо, что для меня сделал. Куда же я расческу задевал?

И тут же в руке Удалова обнаружилась расческа из черепахового панциря.

— Это вам на память, — сказал Гарик, усаживаясь на бетонную трубу: ему предстояло долго еще здесь торчать в ожидании Танечки Ветлугиной.

— Спасибо, — сказал Удалов, причесался, привел лысину в официальный вид и пошел к конторе.

НЕДОСТОЙНЫЙ БОГАТЫРЬ

Иван Дегустатов шел по весеннему лесу. Листья берез еще не раскрылись и острыми концами свисали к земле, словно подвешенные куколки бабочек. Из темной лежалой хвои выглядывали яркие трилистники заячьей капусты. На концах еловых ветвей топорщились тугие, почти желтые кулачки. Сорвешь один, помнешь в пальцах — окажется, что он составлен из мягких душистых иголочек. Птицы суетились и пели, привыкали к теплу и солнцу.

— Эх, — сказал Дегустатов скворцу, поющему на ветке. — Пользуешься тем, что работники дома отдыха сделали тебе скворечник. Отдыхаешь. — Потом хитро улыбнулся и пошутил: — Вместо песен взялся бы и соорудил гнездо для товарища, которому скворечника не досталось.

Скворец склонил голову, поглядел на Дегустатова с сомнением.

— Я шучу, — сказал Дегустатов. — Пой. Ты птица, значит, твоя задача — петь и развлекать.

Дегустатов свернул с дорожки, нахоженной отдыхающими. Дорожка была забросана бурыми листьями, и, если бы отдыхающие в этом году не приехали, на ней выросла бы трава. Но отдыхающие приедут. Скоро. Через неделю начнется первый заезд, на автобусе будут прибывать трудящиеся из недалекого Великого Гусляра, чтобы вкусить заслуженный отдых, и тогда Дегустатов вплотную примется за свои директорские обязанности. Будет следить, чтобы

у всех были чистые простыни, чтобы не проносили в столовую спиртные напитки, чтобы вытирали ноги при входе и не приглашали знакомых с ночевкой.

Дегустатов нагнулся, подобрал консервную банку, что осталась с прошлого года. Банка была ржавой, на ней сохранилась поблекшая этикетка — «Частик в томате». Рядом должна валяться бутылка. Бутылки часто встречаются рядом с такими банками, если люди, которые ели и пили, не взяли бутылку с собой, сдать. Бутылка нашлась. В нее набрались вода и ржавая хвоя. Банку Дегустатов спрятал под куст, чтобы не портить пейзаж, а пустую бутылку засунул в карман брюк. Его долг заключался в том, чтобы хранить окружающую экологию в чистоте.

Лес шел гуще. Здесь, за низиной, начинались холмы, поросшие елями. Назывались они Гуслярской Швейцарией. Таких мест вокруг города немало. У холмов иногда отдыхали туристы. Там тоже могли встретиться разные вещи. Дегустатов не считал себя жадным, но был бережлив, ценил копейку, потому что ее надо заработать. Если нужно, он не задумываясь выкинул бы три рубля, чтобы посидеть с человеком, но для собственного удовольствия такого не допускал.

Дегустатов продрался сквозь черемуху, всю в бутонах, перешел ручей по гнилому бревну. В ручье встретилась еще одна бутылка, но она была с щербинкой, и пришлось кинуть ее в черемуху. По узкой тропинке Дегустатов взобрался на холм. Воздух был свежий, с запахами, и на сердце у Дегустатова стало легко, и захотелось запустить найденной бутылкой прямо в небо.

Через тропинку лежало дерево. Большое и корявое, Дегустатов помнил его. Оно росло всегда на склоне холма и превосходило прочие деревья в лесу своими размерами.

— Ой-ой-ой, — произнес Дегустатов вслух. — Вот тебе и конец пришел. Не думал, что тебя так скоро подмоет вешними водами.

Дерево, видно, упало только-только — даже молодые листья не успели завять. Если был бы трактор да была бы хорошая проезжая дорога к самому дереву, то можно бы перетащить дерево на территорию дома отдыха. И Дегустатов решил упросить лесника, когда дерево будут пилить, чтобы пень достался дому отдыха. Из него можно сделать стол на множество посадочных мест.

Неспешно размышляя таким образом, Дегустатов поднимался вдоль ствола, машинально считая шаги, досчитал до восьмидесяти трех, запыхался и увидел наконец вывороченные кверху громадные корни.

Корни были так разлаписты, что, стоя рядом с комлем, Дегустатов не мог заглянуть на ту сторону, узнать, какая получилась

яма. Осторожно, чтобы не измараться, он продвинулся в сторону и заглянул в просвет между корнями.

Яма была велика. Дна не было видно. Как будто дерево росло над пещерой, прикрывая ее от атмосферных осадков.

Дегустатов обогнул корни и нагнулся над дырой. Она полого уходила в холм, а там могли таиться археологические находки и даже клады. Ведь в этих местах, у большой дороги, водились когда-то разбойники.

Дегустатов достал из кармана зажигалку и засветил ее. Были, правда, некоторые опасения, что в пещере может скрываться хищный зверь или ядовитая змея, но шансов к тому было немного. Ведь за последние сотни лет доступного входа в пещеру не наблюдалось. А то бы отдыхающие давно заметили его и использовали.

— Эй! — крикнул Дегустатов негромко в пещеру. — Есть кто живой?

Никто не откликнулся. Дегустатов наклонился и вошел в пещеру. Зажигалка давала мало света, и Дегустатов прикрывал ее ладонью от себя, чтобы огонек не мешал смотреть вперед. Пол в пещере оказался гладким, без бугров, и потолок вскоре повысился настолько, что удалось поднять голову. Дегустатов держал свободную руку над шляпой, чтобы невзначай не случилось сотрясения мозга.

Пещера все расширялась и уводила в глубь земли. В ней было зябко и сыро. Дегустатов остановился, застегнул пиджак. Потом оглянулся — светлое неровное отверстие казалось далеким, и хотелось к нему вернуться. Ну, несколько шагов, сказал себе Дегустатов. И обратно.

Скорее угадав, чем увидев препятствие под ногами, Дегустатов замер. Впереди виднелось что-то белое. Дегустатов поднес к белому зажигалку, и обнаружилось, что это череп с пустыми глазницами. За черепом валялись кости, прикрытые истлевшей одеждой. Другой скелет сидел у стены, опершись о ржавое копье...

Дегустатов очнулся на свежем воздухе, шагах в пятидесяти вниз по склону. Как выскочил из пещеры, как добежал — не помнил. Здесь он заставил себя остановиться, осмотреться в мирной благодати и звуках весеннего леса. Никто его не преследовал и не убивал. Зажигалка погасла, но грела ладонь.

Можно было убежать дальше и позвать на помощь. Сообщить в музей. Но тут же пришла в голову мысль: скелет держал в руке копье, и это значило, что он в пещере много лет, с дореволюционных времен. Может, даже с тех, когда никакого дерева не было и в пещеру легко было войти любому. Люди, которые туда забрались и остались, вполне могли оказаться именно охранниками клада.

В литературе рассказывается, что разбойники убивали своих товарищей, которые много знали. И их вид впоследствии отпугивал охотников до чужого. Шансы на клад увеличивались. И бояться было нечего. Скелеты не кусаются. Дегустатов понял, что его долг — снова забраться в пещеру и посмотреть, нет ли ценностей. И он вернулся в темноту и сырость.

За скелетами было несколько метров гладкого пола. Потом обнаружился еще один скелет. На этот раз не человеческий. У скелета было три головы, черепа которых напоминали коровьи, но превосходили их массивностью, длиной и обладали рядом крупных заостренных зубов. Когда-то умершее животное обладало также чешуйчатым телом, и отдельные чешуи, рассыпанные по полу, костяные и темные, достигали длины в полметра. Громоздкий позвоночник заканчивался хвостом с носорожьими рогами на конце. Останки принадлежали ископаемому, и Дегустатов даже пожалел, что плохо учил биологию и никого из ископаемых, кроме мамонта, не помнит. Скелет вымершего животного подтвердил, что пещера старая. А то бы такие крокодилы и сейчас водились в лесах, пугали людей. Дегустатов осторожно промерил длину скелета, и получилось более двенадцати метров. Он решил взять на память рог с хвоста, а остальное сдать в музей.

Под ногами звякнуло. Дегустатов посветил зажигалкой и обнаружил толстую цепь. Каждое звено килограммов на пять. Цепь была одним концом прикована к стене. Другим охватывала ископаемую ногу. Дегустатов подивился тому, какие цепи умели делать наши пещерные предки и как они не боялись первобытных крокодилов. И пошел дальше.

Впереди, как ни странно, снова замаячил свет. Будто другой вход в пещеру. Но свет этот был неживым, не солнечным и шел из непонятного источника. Пещера расширилась до размеров зала, и дальний конец ее, освещенный наиболее ярко, был окутан туманом. Дегустатов кинул взгляд под ноги, обнаружил, что под ногами пол из плиток, как в бане, и смело пошел вперед. Сердце его забилось сильнее, и он подумал, что весь клад сдавать не будет. Государству и так много достанется, а он имеет моральное право передать в свое личное пользование несколько сувениров.

С таким твердым решением Дегустатов пересек высокий зал и оказался перед тюлевой занавеской, висевшей неизвестно на чем. Дегустатов раздвинул занавеску и замер, пораженный представшим его взору зрелищем.

На самом высоком месте находился стеклянный или пластиковый гроб, в котором кто-то лежал. Вокруг сидели и стояли в странных позах люди в древних одеждах, словно изображали исторический спектакль. Дегустатов даже повертел головой, думая увидеть где-то кинокамеру и кинооператоров. Но никого, кроме него, здесь не оказалось.

— Эй, товарищи! — сказал им Дегустатов, который к тому времени совсем осмелел. — Что происходит?

Никто не ответил.

Манекены, куклы в натуральный рост — понял Дегустатов и взошел на возвышение. Он приблизился к одному из манекенов и пригляделся. Манекен был крайне похож на человека. Глаза его были закрыты, длинные космы сделаны из натуральных волос, на бледном лице проглядывались жилки и щетина. На ощупь манекен оказался даже чуть теплым, мягким и податливым.

Чертовщина какая-то. Дегустатов перешел к другому манекену. Манекен изображал собой толстую женщину в длинном узорном платье и головном уборе, как в ансамбле народной песни. Женщина тоже была как живая. Приподняв ее вялую руку, Дегустатов с удивлением обнаружил в ней редкий и слабый пульс. Захотелось уйти. Но хотелось поискать клад. Дегустатов отодвинул женщину, и та мягко упала на пол, явственно вздохнула, подложила руку под щеку и замерла.

Дегустатов переступил через нее, подошел к следующему, к старику. Старика Дегустатов легонько толкнул. Старик покачнулся, но сохранил равновесие. Дегустатов толкнул посильнее. Старик согнулся пополам и рухнул к его ногам. Если бы Дегустатов знал, что эти люди настоящие, он толкаться бы не стал. Но люди были ненастоящие и мешали пройти наверх, к стеклянному гробу.

В гробу кто-то лежал, но сразу рассмотреть было трудно, потому что крышка была толстая, не совсем ровная, отражала свет и мешала глядеть внутрь.

Дегустатов попробовал приподнять крышку, но сделать это оказалось нелегко, пришлось долго тужиться, отобрать копье у одного из людей и крышку своротить. Крышка съехала на пол, ударилась углом и разбилась. Дегустатов крышку пожалел. Крышка могла стоить больших денег.

Но тут же забыл о крышке.

В гробу лежала девушка ослепительной красоты. Она спала или была мертвой. Глаза ее были прикрыты длинными черными ресницами, щеки были бледными, в голубизну, лобик чистый, высокий, коса золотая, тонкие пальчики сложены на груди, а на пальцах драгоценные кольца. Полные розовые губы были приоткрыты, и из-под них, словно цепочка жемчужинок, виднелись зубы.

Такой красоты Дегустатову видеть не приходилось даже в кино. Несколько тысяч женщин побывали в доме отдыха, среди них не

было ни одной, хоть слегка похожей на эту. Дегустатов почувствовал ущемление сердца, наклонился пониже, чтобы насладиться видом прекрасного лица, потом снял с пальца драгоценное изумрудное кольцо и положил его в карман, где уже лежала бутылка. Девушка не сопротивлялась.

Дегустатов понимал, что пора уходить. Собрать, что можно, из интересных сувениров и уходить. Все равно здесь нужна медицина, а не он. И уже перед самым уходом, не в силах побороть странное волнение, наклонился он над девушкой и поцеловал ее в теплые розовые губы. Поцелуй был сладок, и прекратить его Дегустатов не смог, потому что почувствовал, как девичьи губы дрогнули, ответили ему, и поцелуй получился вполне настоящий и взаимный.

— Да-а, — сказал Дегустатов в волнении, отрываясь от розовых губ.

— Ой! — воскликнула девушка, открыла глаза и увидела Дегустатова. — Здравствуйте. Я долго спала?

Сзади началось шевеление. Потягивались и поднимались прочие люди. Звенели оружием, откашливались, сморкались, оправляли платья и обменивались удивленными возгласами.

— Что случилось? — поинтересовался Дегустатов. — Почему такое изменение?

Закряхтел старик, которого Дегустатов уронил на пол, и сказал:

— Похоже, у меня растяжение жил.

— Спасибо тебе, храбрый богатырь, — произнесла девушка, садясь в гробу. — Всю спину отлежала. Даже больно.

— Спинка у принцессы болит, — обеспокоилась женщина позади Дегустатова. — Царевна спинку отлежала.

Началась суета, подкладывание подушек, а один из воинов подставил свою спину, чтобы царевне удобнее было покинуть стеклянный гроб.

— Не беспокойтесь, — сказала царевна. Глаза ее, теперь открытые, напоминали зеленые омуты, и в них, как пескари в глубине, проплывали золотые искры. — Оставьте эту суету. Мой богатырь поможет мне. Возьми меня, князь, в сильные руки и поставь на пол.

Дегустатов повиновался. Действовал он словно в оцепенении. Ничего не соображал.

Царевна оказалась невелика ростом, Дегустатову по плечо, тонка станом и очень молода.

— Сколько вам лет? — спросил Дегустатов, ставя ее на пол.

— Царевне шестнадцатая весна пошла, — ответила толстая баба. — Замуж пора. А мы тебя, богатырь, ждали, не дождались. Сколько лет прошло...

— А сколько?

— Небось много, — предположил старик, потирая ушибленные места. — Очень ты не по-нашему выглядишь.

— Так вы что здесь делали?

Мешала память о поцелуе, который он столь незаконно сорвал с губ царевны. Он надеялся, что никто, кроме него и царевны, об этом не знает. Ну, добро бы царевне было лет двадцать пять — тридцать. А то шестнадцатый год, в школу ходить надо, а не целоваться со взрослыми мужчинами. Может выйти скандал.

— Мы спали, — объяснила царевна.

И все эти люди, окружив Дегустатова, стали наперебой рассказывать о своих неприятностях, о том, почему они все, в странных одеждах, находятся в лесу, в пещере на территории дома отдыха.

Оказывается, случилось это давно, несколько сотен лет назад. Эта девушка по имени Лена была дочкой местного феодала, царя. На какой-то день рождения или иной придворный праздник пригласили всех окружающих феодалов и гостей из-за рубежа, но забыли позвать одну вредную женщину, которая потом, через много лет, подсунула Лене ядовитое яблочко, ввиду чего и она, и все окружающие погрузились в глубокий сон.

А другая женщина, отдаленная родственница, узнав о таком несчастье, предсказала, что Лена проснется, если найдется рыцарь, который сможет проникнуть в пещеру и поцеловать царевну в губы.

И когда вся эта неправдоподобная история была рассказана Дегустатову, тот почувствовал себя выше ростом, поправил шляпу, приосанился и отряхнул с пиджака крошки земли.

— А как ты дракона одолел? — спросил старик.

— Дракона? — переспросил Дегустатов. — Дракона не знаю.

— Да он же вход в пещеру охранял и уничтожал недостойных.

— Не было дракона, — сказал окончательно Дегустатов. — Я бы заметил.

— С ума сойти, — возмутилась толстая женщина по имени княгиня Пустовойт. — Он же мне много лет спать мешал, хрипел и фыркал. А ты его уничтожил и даже не заметил. Герой.

— Да, — согласился Дегустатов, занятый своими мыслями. — Значит, у вас паспортов нет, никаких документов, места жительства нет, ничего нет?

— Как же, — обиделась принцесса. — Здесь где-то неподалеку должен стоять дворец моего батюшки. Может, он немного обветшал, но дворец хороший, с хоромами, переходами, кельями и светелками.

— Нет этого, — ответил Дегустатов. — Дворца не знаю. Наверное, снесли, когда я еще здесь не работал. Тут один дворец — мой. Неподалеку. Если его, извините, дворцом назвать можно. Правда, с электричеством. Сосновый бор, бильярд, пинг-понг.

— Послушайте, ваше высочество, — обратился к нему старик, которого, оказывается, звали спальником Еремой. — Как же так, нет ли ошибки какой? Царство наше было велико, простиралось оно до самого синего моря. Нам многие дань платили... И берендеи, и шкербореи, и черемисы, и вятичи.

— Молчи, старый, — перебила его царевна. — А то велю голову отрубить. Если мой жених говорит — нет, значит, нет. Теперь он нас в свой дворец проводит.

— А там и свадебку сыграем, — обрадовалась княгиня Пустовойт. — Детки пойдут.

Царевна зарделась от этих слов, слуги засуетились, стали скатывать ковры и связывать в тюки платья и занавески.

— А где мое любимое колечко? — закричала вдруг царевна. — Где мое любимое, волшебное изумрудное кольцо? Кто его украл, пока я почивала?

Никто в этом не признался, тем более Дегустатов, который никак не мог придумать, как ему поступать дальше. Похоже было, что эта девушка собиралась выйти за него замуж. Этого допускать нельзя. Во-первых, потому, что она несовершеннолетняя и можно заработать большие неприятности. Во-вторых, у Дегустатова уже была жена, и проживала она в Архангельске с сыном Петькой. Им Дегустатов, хоть и не был в разводе, посылал алименты — двадцать пять процентов с твердой зарплаты, без приработков. Наконец, непонятно, как можно ему, директору дома отдыха, показаться в городе в окружении персон, которые появились неизвестно откуда. Но бросать людей здесь нельзя. Негуманно. Придется, пока суд да дело, перевести их в дом отдыха.

— Давай, царевна, — предложила княгиня Пустовойт, — обыщем всех без исключения, потому что такое редкое кольцо никак нельзя оставлять в неумелых руках.

— Нет-нет, — сказал на это Дегустатов. — Нам пора идти. Потом разберемся.

— Если боя-тура опасаетесь или единорога, — вмешался молодой солдатик с топором на длинной рукоятке, — мы за вас постоим.

— Нет, бой-тура не будет, — резко ответил Дегустатов. — Бой-туров не держим.

— Наверное, разбойников много развелось, — предположил старик Ерема.

— На это есть милиция. Слушайте меня внимательно, времена

теперь изменились, титулы и почитания отменены. Так что будете меня слушаться. Пойдете, куда скажу, останетесь, где скажу. А там разберемся. Зовите меня просто — Иван Юрьевич.

— А свадьба? — спросила лукаво одна из придворных, женщина в самом соку, чернобровая и смуглая, что выдавало ее шамаханское происхождение.

— Свадьба в свое время.

Дегустатов шел впереди, и, когда свет из пещеры иссяк, он засветил зажигалку. За ним шагали два солдата с топорами и дышали ему в затылок. Затем шуршали юбками царевна, ее дамы и девки. Сзади опять шли солдаты, несли тюки и узлы с барахлом, и старик Ерема. В таком порядке добрались до скелетов.

— Это мой богатырь сделал, — произнесла царевна с гордостью, когда увидела при скудном свете зажигалки остов ископаемого животного. — Даже мясо с него содрал.

— Нет, царевна, — ответил ей старик Ерема. — Более похоже, что дракон умер своей смертью со скуки или задохнулся от недостатка воздуха.

— А может, и от старости, — добавила княгиня Пустовойт.

— Может, и от старости, — согласился старик. — Хотя драконы долго живут.

— Я недовольна, — сказала принцесса. — Я вам говорю, что это дело рук моего суженого, а вы мне прекословите. Это гадко и противно. Если бы был жив мой папа, он бы вас всех повесил. Но еще не поздно. Друг мой, рыцарь, отруби им головы. Они мне надоели.

— Помилуйте, царевна, — взмолились придворные, падая в ноги ей и Дегустатову. — Не велите казнить, велите слово вымолвить.

— Без этих штучек, — строго проговорил Дегустатов. — Никого казнить не будем. Не время. Потом разберемся. А если вы, Леночка, полагаете, что это и есть дракон, то я думал, что это ископаемое животное типа мамонта или крокодила. И думал, что оно представляет интерес для науки. А раз это дракон из вашей компании, то оставим его как есть. Он ни для нас, ни для науки интереса не представляет.

— Правильно, — одобрила царевна. — Ты у меня умный.

— Гордый принц, — прошептал уважительно один из стражников.

Через несколько шагов натолкнулись на скелеты людей. Снова задержались.

Спальник Ерема заметил медяшку на ребрах одного из скелетов и сказал:

— По этому образку я его признал. Помните, царевна, богем-

ский витязь к вам сватался? Тогда еще говорил — голову положу, а с царевной ничего плохого не случится.

— Не помню, — ответила равнодушно царевна. — Много их было.

Она взяла Дегустатова под руку. Дегустатов чуть отстранился, чтобы она невзначай не нащупала в кармане пустую бутылку и взятое без спросу кольцо.

— Тебя в темноте плохо видно, — говорила Дегустатову царевна, — но твой богатырский облик мне снился много лет.

— Спасибо, — сказал Дегустатов. — Вылезайте осторожно, по одному, вперед не кидайтесь, без моей команды никуда не отходить.

Сам встал в сторонке, щурясь от яркого света. На свежем воздухе новые знакомые Дегустатова не производили такого странного и волшебного впечатления, как под землей. Были они бледны от длительного пребывания при искусственном освещении, одежда покрыта пылью, дряхла, требовала чистки и штопки. На оружии стражников обнаружилась ржавчина, и от нее подтекло на старинные мундиры. Пудра и румяна на лицах женщин также производили грустное впечатление. А сама царевна казалась уж совсем ребенком, максимум восьмиклассницей.

Дегустатов приглядывался к людям, и ему хотелось достать из кармана изумрудное кольцо и проверить, чистой ли оно воды, хотя в изумрудах, честно говоря, Дегустатов не разбирался.

Спасенные жмурились, покачивались с непривычки, закрывали лица руками, и Дегустатов, хоть и спешил, чтобы отвести их в безопасное место, пожалел и не торопил. Пусть немного освоятся. А то потеряются по дороге и подведут спасителя под монастырь.

— У тебя кафтан странный, — произнесла царевна, робко касаясь дегустатовского пиджака.

— Какой есть, — ответил Дегустатов. Из пещеры вылез последний стражник и положил на землю сундучок с царевниным приданым. Дегустатов присматривался к сундучку с интересом. Сундучок был окован медными полосами, на нем висел крепкий замок.

— Давай помогу, — предложил Дегустатов и сделал шаг к сундучку. Хотел проверить вес.

— Государь, вы себя унижаете, — одернула его княгиня Пустовойт. — В вашем положении можно победить дракона или вызвать на смертный бой другого богатыря, из хазаров или половцев. Но носить тяжести вам не к лицу.

— Правильно, милый, — поддержала царевна. — Тебе к лицу меч, а не сундук.

А спальник Ерема, проморгавшись к тому времени, поглядел

на спасителя проницательным стариковским взглядом, вздохнул и сказал стражнику:

— Сундук никому не передавать. Неизвестно, что за народ здесь обитает.

Вот гад подозрительный, подумал про старика Ерему Дегустатов.

— Ну, все в сборе? — спросил он. — Тогда следуйте за мной.

Вниз по склону спускались медленно, будто учились ходить, а когда подошли к ручью, то остановились умыться, привести себя в порядок. Тут чуть было не представился случай взять сундучок и попрощаться. Пролетал над лесом самолет. Рейсовый. Самый обычный. И при шуме моторов и виде его обтекаемого фюзеляжа все люди из пещеры вдруг попадали на траву, в грязь и стали громко причитать. Оказалось, по отсталости приняли самолет за летающего дракона. Дегустатов громко смеялся над ними, обмахиваясь шляпой, и оттого их уважение к нему еще более выросло.

Дом отдыха, двухэтажное здание с колоннами, когда-то принадлежавшее купцам Анучкиным, а после революции достроенное и расширенное, красиво стоял на пригорке, откуда шел спуск к реке. Остальные корпуса и службы частично скрывались за растительностью.

— Ах! — сказала чернобровая придворная шамаханка. — И это ваш дворец?

Дегустатов не понял, ирония здесь или восхищение, и ответил:

— Какой есть.

— Он куда лучше, чем у батюшки царя, — оценила чернобровая.

— Вас как зовут? — спросил ее Дегустатов.

— Анфиса Магометовна, — ответила придворная.

— Анфиской ее звать, — поправила княгиня Пустовойт.

— Можно Анфиской, — согласилась придворная и повела плечами, разминаясь.

От свежего воздуха и солнца она порозовела, щеки обрели видимую упругость, и в глазах был блеск. Дегустатов вздохнул, сравнил ее мысленно с царевной и повел группу дальше, к флигелю № 2, который прятался глубоко в кустах сирени.

— Ноги вытирайте, — велел людям Дегустатов. Люди послушно вытирали ноги о резиновый пупырчатый половик, и все им было в диковинку: стекла в окнах, да и величина самих окон, крашеная крыша, водосточная труба и даже обычный асфальт на дорожке.

А когда оказались на скрипучей застекленной веранде, где стоял бильярдный стол и откуда сквозь открытую дверь был виден ко-

ридор с дверями по обе стороны, царевна подошла снова к Дегустатову и сказала:

— Ты, видать, могучий царь, наш спаситель.

— Ага, — согласился Дегустатов. — Погодите здесь. Я посмотрю, в каких вас комнатах разместить.

Анфиса провела ладонью по зеленому сукну.

— А полога-то на кровати нету, — отметила она.

— Какого полога? — обернулся Дегустатов.

Анфиса, коварная бестия, втайне двоюродная племянница той колдуньи, что всех усыпила, с улыбкой, ямочки на щеках, показала на бильярдный стал и добавила:

— А перину, государь, где хранишь?

— Ошибаетесь, — улыбнулся ей Дегустатов, — это не кровать, а игра бильярд. Шары гоняем.

Он заглянул в одну из спален. Там стояли четыре еще не застеленные кровати. «Здесь мы стражу разместим, — подумал он. — В следующей — баб и княгинь. Для них придется еще одну комнату оставить. Старику Ереме и пятому солдату маленькую, подальше от царевны. Царевне выделим двухкоечный номер. Остается еще одна комната. Надо бы отдать ее Анфисе. Но неизвестно, вдруг начнутся трения. Строй у них феодальный. А сундучок и барахло сложить бы в кладовку у туалета. Еще неизвестно, умеют ли они туалетом пользоваться — в пещере ничего подобного не заметил».

Дегустатов задержался в туалете. Кафель сверкал под лучами проникшего сквозь матовое стекло солнца. Можно было махнуть на все рукой и вызвать директора музея. И дело с концом. Останутся изумрудное колечко и заметка в местной печати. Дегустатов достал из кармана колечко. Колечко было массивным, на вид золотое, а камень испускал зеленое сияние. Нет, придется проверить, что в сундучке. И было оправдание: раз велят жениться на царевне, которую целовал, то с этой ситуацией надо распутаться деликатно.

Дегустатов строил планы и машинально крутил кольцо на мизинце. Кольцо крутилось с трудом. Дегустатов даже поднатужился, стараясь повернуть его так, чтобы увидеть снова блестящий камушек. И лишь успел это сделать, как в туалете рядом с ним образовался конь вороной масти. Коню было тесно. Он упирался хвостом в стену и воротил морду кверху, чтобы не задеть Дегустатова.

— Еще чего не хватало, — сказал Дегустатов с раздражением.

— Что прикажешь, доблестный богатырь? — спросил конь человеческим голосом. — Если Кощея победить или еще для какого подвига — я готов. Так ты и есть жених моей дорогой царевны?

— Потише, люди услышат, — сказал Дегустатов с раздражением.

— Пусть слышат, — ответил конь. — Даже лучше, что услышат. Пусть все знают, что я, конь Ветерок, твой слуга. Пусть враги твои трепещут.

Дегустатов поглядел на коня и мысленно пересчитал врагов. Во врагах он считал директора стройконторы Удалова, который тянет с ремонтом, соседа по дому и еще многих. В борьбе с ними нужнее были чернила, чем говорящие лошади.

— Мои враги, — произнес Дегустатов дипломатично, — от меня пешего трепещут. Так что в услугах не нуждаемся.

— Ну не нуждаешься, так не нуждайся, — сказал конь. — Поверни кольцо вокруг пальца, и я снова исчезну. А меч-кладенец тебе достать?

— И не думай, — ответил Дегустатов. — Еще порежешь кого.

— Что-то ты мне, богатырь, не показался, — проговорил конь, постукивая копытом по плиткам туалета. — Чего-то в тебе не хватает. Как бы царевна не отказалась замуж за тебя пойти.

— Я ее не заставляю, — сказал Дегустатов и, пока конь вновь не пустился в рассуждения, повернул кольцо вокруг пальца — и конь Ветерок исчез, будто его и не было. Лишь запах конского пота остался в воздухе.

Дегустатов даже подошел к форточке и растворил ее. Кольцо спрятал во внутренний карман пиджака. Бутылку поставил на подоконник. А с конем надо будет обдумать. Но не сейчас, не сейчас. Сейчас надо народ с веранды убрать. А то кто-нибудь забредет в дом отдыха, тогда начнется представление!

Дегустатов поспешил на веранду.

— Живы еще? — произнес он бодро.

— Живы, — ответили гости.

— А есть опасность? — поинтересовалась княгиня Пустовойт.

— Да. У меня много врагов.

— А где твои слуги? — спросила царевна. — Где охрана?

— Мои слуги отпущены, Леночка, — сообщил вежливо Дегустатов. — Частично их заменяют различные невидимые духи, а частично они не здесь...

— Они в походе, — сказал один из стражников.

— Правильно, — подтвердил Дегустатов. — Пока устроимся в этом доме. Вести себя ниже травы и тише воды, понятно?

— Странно как-то, — заметила княгиня Пустовойт. — Сам спасает и сам пугает. Мы думали, будет пир и веселье. А привел нас в пустой дом.

— Потом спасибо скажете, — ответил Дегустатов.

— Мы голодные, Иван, — напомнила царевна.

— У меня отчество есть, — поправил царевну Дегустатов, — Иван Юрьевич.

Царевна покраснела, обиделась.

— Какое красивое имя-отчество, — польстила Анфиса.

И Дегустатову от этой похвалы стало приятно. Княгиня Пустовойт заметила обмен взглядами и сурово дернула Анфису за косу. Анфиса взвизгнула, а Дегустатов сказал:

— Вы, княгиня, без этих старорежимных штучек. Может быть, Анфиса как личность даст вам десять очков вперед.

— Чего даст?

— Ничего я ей не дам, — сказала Анфиса.

— Так держать, — приободрил ее Дегустатов. — Сейчас, товарищи, разместитесь, устроитесь, я на склад сбегаю, белье чистое выдам, ничего не жалко. Мой долг — о вас позаботиться. Насчет расплаты не беспокойтесь, уладим. Свет включается здесь вот и здесь, сюда — охрану, сюда — руководство. Леночка поживет пока в двухкоечном номере. Если вопросов больше нет, я на несколько минут вас оставлю. Все самому приходится делать, поймите меня правильно.

— А до ветру куда? — шепнул Дегустатову старик Ерема.

— По коридору последняя дверь направо.

Дегустатов вспомнил, как топотал в туалете сказочный конь, и решил старика туда не провожать. Пускай сам догадывается, что к чему. И в этом было даже некоторое злорадство.

На прощание Дегустатов щелкнул два раза выключателем. Продемонстрировал электричество. Ожидал, что снова они повалятся в ноги. Но в ноги не повалились, наверное, потому, что лампочки в коридоре и комнатах были слабые, по пятнадцать свечей.

Уборщицу тетю Шуру и сестру-хозяйку Александру Евгеньевну Дегустатов разыскал в дежурке. Они пили чай из электросамовара.

— Где-то вы гуляли, Иван Юрьевич? — поинтересовалась Александра Евгеньевна, завидя в дверях крепкую, широкую в плечах и бедрах фигуру директора. — Владения проверяли? А мы уж думали, забыл, что чай стынет.

— Новости есть? — спросил Дегустатов.

— Нет. Звонил Удалов из стройконторы, спрашивал, не возражаем ли против шиферу?

— Мне хоть шифер, хоть солома — только чтоб не текло. Из города к нам никто не собирается?

— Нет, не звонили.

— Тогда вот что: достань-ка мне двенадцать комплектов белья и одеял.

— Зачем же? Заезда еще не было.

— Был заезд. Проспала, Александра Евгеньевна.

— Да я безвылазно здесь сижу с самого утра, — обиделась сестра-хозяйка и опустила подбородок на мягкие складки шеи.

— Киногруппа приехала, — соврал Дегустатов. — На автобусе. Ворота были открыты. Я их сам во втором корпусе разместил. Исторический фильм снимать будут. В трех сериях. Про восстание Степана Разина.

— Ой, — обрадовалась уборщица Шура. — А артистка Соловей приехала?

— Я их в лицо не всех знаю, — признался Дегустатов. — Может, и Соловей.

— И Папанов?

— Папанова нет, — уверенно сказал Дегустатов. — Пошли за бельем. Неудобно, люди ждут. С дороги устали. Из Москвы ехали. Расплачиваться будут по безналичному. И попрошу артистов не беспокоить. С вопросами не соваться и так далее. Среди них есть иностранцы.

— И иностранцы?

— Да. Русский язык знают, но нашей действительности не понимают. Несите все добро во второй корпус. Я там ждать буду.

Дегустатов покинул дежурку и уже снаружи, заглянув в окно, крикнул тете Шуре:

— Самовар долей. Чаем гостей угостим.

Тетя Шура быстро закивала головой. Она и сама уже об этом подумала.

Тетя Шура с Александрой Евгеньевной притащили ворох простыней и наволочек к веранде второго корпуса и хотели было заправить постели, а заодно и посмотреть на артистов, но Дегустатов уже сторожил у входа.

— Здесь складывайте, — велел он. — Внутрь ни шагу.

— Конечно, конечно, — согласились женщины, хотя заглянуть внутрь хотелось хоть одним глазком.

Они пошли вокруг корпуса, дальней дорогой, издали косясь на закрытые окна, за которыми были шевеление и яркие одежды. И уж совсем отчаялись увидеть что-нибудь, как одно из окон растворилось и чернобровая женщина выглянула наружу и сделала круглые глаза. Это была Анфиса, которую в самое сердце поразили одежды обслуживающего персонала, надо сказать, самые обычные, без претензий, юбки чуть ниже колен и волосы не в косу, а за-

бранные в пучок на затылке у Александры Евгеньевны и довольно коротко остриженные у тети Шуры.

— А-ба-ба-ба, — проговорила актриса и остановилась с открытым ртом.

— Вы, гражданка, в каких фильмах снимались? — вежливо спросила тетя Шура, большая любительница киноискусства.

— А-ба-ба, — повторила Анфиса и перекрестилась двумя перстами.

— Иностранный язык, — вздохнула Александра Евгеньевна. — Страшно уважаю людей, знающих иностранные языки.

Больше разговора не получилось. Из-за спины Анфисы выдвинулся суровый Дегустатов, погрозил пальцем и захлопнул окно.

— Заметила? — сказала тетя Шура. — В кокошнике и древнем сарафане. Совместная постановка.

Они пошли дальше по дорожке, обсуждая новость, а Анфиса подвернула юбку до колена, прошлась по комнате, показывая крепкие, ладные ноги, и спросила Дегустатова:

— Так у тебя в царстве юбки носят?

— И еще короче, — сознался Дегустатов. Хотел было показать на Анфисиной юбке, как короче, но в дверях появилась княгиня Пустовойт, оценила обстановку и произнесла:

— Может, государь, в твоем царстве все бабы ходят простоволосыми и бесстыдно ноги заголяют, но учти, что царевне такого знать не можно. Так что прикажи своим служанкам подолы опустить. И до свадьбы вокруг Анфиски не вейся.

Когда тетя Шура и Александра Евгеньевна вернулись в дежурку, чтобы заварить чай, там уже сидел гость. Гость не гость, пожарник Эрик. Он сидел у поющего самовара, читал книжку, готовился к экзамену в педагогический институт.

— Ты чего к нам? — поинтересовалась тетя Шура, поздоровавшись. — Все у тебя в порядке?

— Все в порядке, — ответил Эрик. — Пришел по долгу службы. Перед началом сезона оборудование проверить. Как тут огнетушители, лопаты, крюки, щиты пожарные, все ли на месте.

— До директора не доберешься, — бросила Александра Евгеньевна.

— Уехал?

— Нет, никуда не уехал. Но окружен московскими красавицами.

— Приехала к нам киногруппа, — сообщила тетя Шура. — Снимает исторический фильм про Пугачева. Расплачиваться будут по безналичному расчету.

— Странно, — сказал Эрик. — Неужели они через Гусляр проехали и никто не заметил?

— Значит, проехали.

— И надолго?

— Пока не снимут.

— Пойду посмотрю, — решил Эрик, откладывая книжку.

— И не думай, — сказала тетя Шура. — Дегустатов тебя на месте убьет. Ты же знаешь, какой он въедливый. Все по нему не так.

— Пойду. Ничего он со мной не сделает. Мне огнетушители проверить надо.

По пути ко второму корпусу Эрик проверил красный пожарный щит у волейбольной площадки. Огнетушители с него были сняты, но одна лопата сохранилась. Из-за того, что пришлось сделать круг, Эрик подошел к дому не со стороны веранды, а сзади, где были умывалка и туалет. Оттуда доносились голоса, спорили. И так громко, что Эрику пришлось подслушать.

— Послушай, боярин, — произнес молодой голос. Принадлежал он стражнику, но Эрик об этом, конечно, не знал. — Где ты видел такое царство, чтобы две бесстыдницы, заголившись, гуляли и больше никого? Ни людей, ни коней. А у богатыря колпак на голове посередке продавленный. Может, он вовсе не Иван-царевич, а Иван-дурак?

— За такие речи языки рвут, — ответил наставительно старческий голос. — Боюсь только, что дураков здесь нет. Какие свечи у него!

— Видал. С потолка висят, а воск не капает.

— Вот я и говорю. А кровати на железных ногах. Крыша железом крыта. Зуб во рту золотой. Как бы не попали мы в плен к нечистой силе. Я-то старый, помирать скоро. Вас, молодых, жалко. Вам бы жить и жить.

— Господи, с нами крестная сила, — напугался молодой голос. — А ответь мне, дед Ерема, были ли в старых книгах намеки на такое колдовство?

— Были. Антихрист на железной колеснице истребит все живое. Может, уже и истребил своих, пусто в его дворцах. Теперь за нас принялся. Я старому царю страшную клятву давал дочь его от всех зол сберегать. В ту роковую минуту успел ей на палец надеть изумрудное кольцо-перстень. Повернешь его — придет на помощь конь Ветерок и унесет Аленушку куда следует. А где кольцо? Пропало. Уж не Иван ли кольцо схоронил? А если так — кто ему подсказал? Враг рода человеческого...

Голоса зазвучали потише, будто говорившие отвернулись от окна.

Репетируют, подумал Эрик. И как естественно у них получается. Снова до него донесся молодой голос:

— Иван сказал, что здесь отхожее место. Так ведь сказал?

— Так. И соврал, не иначе. Здесь все стены белым камнем выложены, словно во дворце. И чаши из белого камня. И вода хрустальная льется. Хотел, наверное, чтобы мы это чистое место загадили, чтобы потом нас казни предать.

— Ох и мудрый ты, дед Ерема, — сказал молодой голос. — Пойдем на двор. Обманем злодея.

Звякнул крючок на задней двери, и два человека вышли из дома. Первым шел прямой еще старик со впалыми щеками и седой бородой. На голове у старика высокая шапка-кубанка, а рукава длинного тяжелого плаща разрезаны спереди. Из-под плаща при каждом шаге появлялись острые носки загнутых кверху красных сапог. Второй человек, нестарый, был одет похоже на старика. Только на голове шлем, плащ покороче, в талию, рукава обыкновенные, бородка острая, короткая, и усы закручены кверху. Молодой тащил за собой топор на длинной ручке.

И тут же учебник истории вспомнился Эрику. Одежда была древнерусской, допетровской эпохи, если не ранее. И было в одежде нечто странное — естественность, будто вышла она не из костюмерной мастерской, а была сшита для ежедневного ношения.

Актеры направились к кустам, за которыми стоял Эрик, и прятаться ему было поздно.

«Что вы здесь делаете, молодой человек? — спросит сейчас старик, может быть, народный артист республики. — Вы подслушиваете под окном туалета наш шутливый разговор?» Эрик в растерянности надел на голову каску — не мог не надеть. Дело в том, что пришел он в дом отдыха не в форме, а в свитере и джинсах. Только каску захватил с собой. И то случайно. Каска была старая, блестящая, с гребнем поверху. Такие уже сняты с вооружения пожарников. Он нашел ее утром на чердаке пожарной команды, когда начальник послал его туда посмотреть, не завалялся ли там обрывок шланга. Каска понравилась, оставлять ее на чердаке было жалко, носить на выездах нельзя — у всех армейские, зеленые. Решил тогда Эрик отнести ее домой, да не успел. Вот и шел по дому отдыха, размахивая каской, словно лукошком для грибов. А тут, перед встречей с киноработниками, непроизвольно надел на голову — чтобы самого себя убедить в том, что он здесь не просто так, а по заданию руководства. И в таком виде — в медной каске, сером свитере и джинсах — выступил из-за кустов.

Старик от неожиданности и сверкания каски осел, ноги подогнулись, а второй не растерялся, взмахнул топориком, но топор

длинной рукояткой запутался в ветвях сирени, и молодой парень рвал его, дергал, но оказался безоружным.

— Извините, — сказал Эрик. — Я, наверное, вас напугал. Извините.

— Не напугал, — сказал старик, приходя в себя. Держался он с достоинством и, когда первый испуг прошел, вновь приобрел осанку народного артиста.

Молодой парень выпростал наконец топор из куста и поставил к ноге. Помолчали. Потом Эрик поинтересовался, чтобы поддержать разговор:

— Вы что здесь снимаете?

— Как? — спросил старик.

— Какую картину снимаете?

Старик с молодым переглянулись и не ответили.

— Вы не думайте, — успокоил Эрик. — Я здесь по долгу службы. Проверяю. Инвентарь, оборудование, огнетушители. Служба. — И Эрик улыбнулся чуть заискивающе. Уж очень неловкой получилась беседа.

— Значит, ты нездешний? — сказал старик.

— Нет, я из Гусляра.

— Непонятно говоришь. А Ивану-царевичу ты кем приходишься?

— Кому?

— Ивану-царевичу, который царевну поцеловал и нас сюда привел? Главному в этих местах. Ивану свет Юрьевичу.

— Так вы Дегустатова имеете в виду, — рассмеялся, поняв наконец шутку, Эрик. — Я ему никем не прихожусь. Я из независимой организации.

— А чего же тогда по его владениям ходишь? — спросил подозрительно старик.

— Мне можно. Я пожарник.

— Так, — сказал старик. — Вижу я, нет в тебе опасения пред страшной мощью и властью Ивана Юрьевича.

— Нету, — сознался Эрик и совсем развеселился. — Это у вас здорово получается. Просто как на самом деле. И одежда, кафтаны просто замечательные. И топор. Как настоящий.

— Чего? — обиделся молодой человек. — Как настоящий? Да я тебе сейчас этим как настоящим огрею, тогда узнаешь, как славное боевое оружие хулить.

— Ну, умора просто, — только и смог вымолвить Эрик. — Мне сказали, что вы делаете историческую картину. А я теперь понимаю, что комедию. Меня к себе возьмете?

— А у тебя, что ли, своего господина нету?

— Господин у меня есть, — поддержал его игру Эрик. — У него таких, как я, двадцать рыцарей. Все в шлемах боевых, с топорами в руках, зовутся пожарной командой, огонь нам не страшен и вода. И медные трубы.

— Славная дружина, — вежливо одобрил дед Ерема.

— Конечно, славная. Первое место в районе по пожаротушениям.

— А как твоего господина зовут? — спросил старик Ерема. Так, будто надеялся встретить старого знакомого.

— Брандмейстер, — схитрил Эрик.

— Немец?

— Слово немецкое. А сам молдаванин.

— Как же, — подтвердил Ерема. — Слышал. Достойный человек.

Молодой стражник посмотрел на него с уважением. Старик Ерема много знал.

— А не обижает ли твоего господина Иван Юрьевич? — задал следующий вопрос старик. — Не беспокоит своей колдовской силой?

— Во дает, — восхитился Эрик. И разъяснил: — Если бы и захотел, на него сразу управа найдется. Чуть что — мы в райсовет. И отнимут у него домотдыховское царство, отправят работать банщиком. Как вам такой вариант нравится?

— Не знаю, — серьезно ответил старик. — Не знаю. Может, к лучшему, а может, и к худшему. Царевна наша с ним обручена. И если бросит он ее — позор и расстройство. И если женится, тоже добра не жду.

— А царевну кто играет?

— Про царевну так, отрок, говорить нельзя, — ответил старик. — Царевна тебе — не игрушка.

— А поглядеть на царевну можно? Или подождем, пока съемки начнутся?

— Мы не сарацины, которые девкам лица закрывают. Гляди.

Старик провел Эрика по прошлогодней листве и молоденьким иголочкам новой травы к окну, занавешенному изнутри, и постучал по стеклу согнутым пальцем.

Занавеска отъехала в сторону, и за стеклом показалось неясное девичье лицо.

— Отвори, — попросил старик. — Слово сказать надобно.

Окно распахнулось. Девушка обозначилась в нем, словно старинный портрет в простенькой раме, отчего несказанная красота ее выигрывала втрое.

Девушка держала в руке зеркало на длинной ручке и, видно,

только что расчесывала свои длинные золотые волосы, не успела даже забрать их в пучок, поддерживала, чтобы не рассыпались. В окружении черных ресниц горели зеленым огнем глаза, и в них был вопрос — зачем и кто меня, такую прекрасную, беспокоит? Кто этот неизвестный рыцарь в золотом шлеме?

Эрику следовало бы представиться, сообщить, кто он такой, почему такой смелый. Сказать, что уважает киноискусство и особенно любит фильмы с участием этой самой кинозвезды.

Но Эрик не смог вспомнить ни одного фильма с участием этой поразительной красавицы. Но если бы он и смотрел пятнадцать фильмов с ее участием, все равно бы не посмел открыть рта. Эрик влюбился. С первого взгляда. На всю жизнь. И чувства его отразились в глазах и странной бледности лица.

Спальник Ерема, всю эту сцену наблюдавший и довольный ее исходом, так как он был старым политиканом, пережившим трех государей и многих других придворных, сказал:

— Поражен, отрок?

Эрик кивнул и проглотил слюну. Язык у него отсох.

— Добро, — сказал старик Ерема. — И вот такую раскрасавицу отдаем мы за Ивана свет Юрьевича.

Старик ожидал взрыва негодования, начала междоусобицы, выгодной для него, но в ответ Эрик, принявший эти слова за злую шутку, резко повернулся и отошел в сторону, потому что понял, как велика пропасть между ним, рядовым пожарником, и московской кинозвездой, которой звонят по телефону известные поэты, чтобы прочесть ей новые, для нее написанные стихи и поэмы. Как непреодолима пропасть между будущим заочником педагогического института и красавицей, регулярно выезжающей в Канн на международный кинофестиваль. А о Дегустатове Эрик и не подумал.

Но сам Дегустатов, услышав голоса, ворвался в комнату, оттолкнул от окна царевну, глядящую сочувственно на стройного юношу в шлеме, и со злостью крикнул:

— Ты что здесь делаешь?

Эрик обернулся на голос директора и грустно ответил:

— Я противопожарное оборудование проверяю. Акт составить нужно.

Царевна, которую толкнул Дегустатов и которой было не столько больно от толчка, сколько обидно, потому что, кроме папы-государя, никто не смел прикоснуться к царской особе, заплакала. Старик Ерема сказал, чтобы не уронить гордости:

— Негоже так поступать, Иван Юрьевич.

— Надоели вы мне, — вырвалось у Дегустатова. — Сдам вас в музей, и дело с концом.

— Куда-куда? — угрожающе спросил старик, все еще недовольный тоном и поступками своего спасителя.

— Неважно, — вздохнул Дегустатов, понимая, что объяснить им ничего не объяснишь. Надо было форсировать действия, чтобы заглянуть в сундучок и потом отделаться от всей этой подозрительной компании.

— Государь, — проговорила, появляясь из-за спины Дегустатова и прикасаясь к его плечу Анфиса. — Вы устали. Вы в горести. Пойдем отсюда.

— Ага, — согласился Дегустатов и увидел тетю Шуру и Александру Евгеньевну, выплывающих из-за кустов.

Тетя Шура несла шипящий самовар, а Александра Евгеньевна — картонный ящик, в котором были чашки, блюдца, пачки с вафлями, сахар-рафинад, чайные ложки и конфеты «Сливочная помадка».

Они шли, широко улыбаясь и всем своим видом стараясь подчеркнуть гостеприимную радость по поводу прибытия столь дорогих гостей.

— Сейчас чайку попьем, — ласковым голосом сказала Александра Евгеньевна.

— Я сам, — предупредил Дегустатов, протягивая руки из окна, чтобы принять самовар.

— Не беспокойтесь, Иван Юрьевич, — сказала Александра Евгеньевна, а тетя Шура даже сделала шаг назад, чтобы не отдавать самовара.

— Давай я тебе помогу, тетя, — предложил Эрик, забрал самовар и, не слушая дальнейших разговоров, прошел на веранду.

Александра Евгеньевна достала из картонного ящика белую скатерть и ловко расстелила ее на бильярдном столе.

— Вот и чайком побалуемся, погреем свои старые кости, — обрадовался старик Ерема, входя на веранду вслед за Эриком. — Сколько лет росинки в рот не брал.

— Воздерживаетесь? — спросил Эрик.

— Ага, — согласился старик с непонятным словом.

Из коридора вышла, уже в кокошнике, царевна Леночка в сопровождении княгини Пустовойт. Глаза ее распухли от слез. Потом потянулись стражники и слуги. Столпились вокруг бильярдного стола, глядя с жадностью, как тетя Шура с Александрой Евгеньевной расставляют чашки и распаковывают пачки с вафлями. Старик Ерема даже взял кусок обертки, помял в руках и сказал для всеобщего сведения:

— Такое я встречал. Пергамен зовется, привозят из заморских стран. Книги писать.

Эрик женщинам не помогал. Стоял, не снимая каски, и глазел на царевну. Царевна смущалась и отводила глаза.

— Проголодались? — пожалела ее тетя Шура. — Такая молоденькая, а уже на кочевом образе жизни.

— На кочевом образе язычники, — произнес строго дед Ерема, — а мы в Бога веруем. Мы оседлые.

— Бога нет, — сообщил Эрик.

— Куда же это мы попали? — сказала в сердцах княгиня Пустовойт. — Хоть обратно в пещеру.

— Проживем, проживем как-нибудь, — поддержал ее молодой стражник. — Как раньше жили, так и проживем. Другого богатыря ждать будем. Настоящего.

— А может, теперь настоящих и не осталось? — спросил на это старик Ерема и покосился на Эрика с надеждой.

Старика мучил прострел, и он готов был на любую интригу, только бы не возвращаться в сырость.

Эрик слушал этот удивительный разговор, никак не понятный в устах московских киноартистов, и в нем бурлили подозрения. Про тетю Шуру и Александру Евгеньевну говорить не приходится. Они застыли у стола, забыв, что пора разливать чай, и только хлопали газами.

Царевна выслушала мнение придворных и снова заплакала.

— Не могу я назад идти, — говорила она. — Неужели это непонятно? Я же обручена. С Иваном обручена. И нет мне пути назад. Что я, девка, что ли, гулящая?

Принцесса закрылась платочком. Эрик думал о том, что ни автобуса, ни кинокамер, ни прожекторов — ничего такого он не видел. И сколько времени, скажите вы мне, можно ходить в театральной одежде, не переодеваясь?

— Остается мне одно, — продолжала царевна сквозь слезы, — найти берег покруче и с него в реку кинуться. А вы уж как хотите. Вы свободны. Всем волю даю.

— Такая молоденькая, а так убивается, — посочувствовала тетя Шура, которая была женщина добрая и отзывчивая. — Не иначе как у наших дорогих товарищей случилась неприятность.

— Слышишь, Шура, Иван Юрьевич на ней жениться обещал и обманул, — сказала Александра Евгеньевна.

— Как же он мог? — возмутилась тетя Шура. — У него жена неразведенная в Архангельске живет.

— Чего? — возопил дед Ерема. — Жена, говоришь?

— Кстати, где он сам? — спросил Эрик, еще не разобравшийся

в своих чувствах, но кипящий желанием сначала помочь прекрасной девушке, а потом уж разбираться.

— Да, где он? — поддержала княгиня Пустовойт.

— Где он?! — вскричал старик Ерема. — Где обманщик?! Целовал, а сам женатый!

Толкаясь в узких дверях и забыв о чае, все бросились обратно в коридор. И остановились как вкопанные. Перед распахнутой дверью в комнату, где хранился сундук с невестиным приданым, лежал связанный стражник с кляпом во рту. Он бешено вращал глазами и корчился как червяк.

Комната была пуста. Ни сундука, ни Дегустатова.

— Может, он где-нибудь еще? — предположила тетя Шура, понявшая, что гостей обокрали, но болевшая за репутацию дома отдыха.

— Дегустатов! — крикнул Эрик.

И в ответ по асфальтовой дорожке у окна грянули копыта, из-под них брызнули искры до сосновых вершин, и черный конь, взмахнув длинным хвостом, рванул с места к темнеющему лесу. На коне сидел Дегустатов, под мышкой тяжелый сундук, а сзади, обхватив его живот гладкими руками, Анфиса.

— Спелись, — сказал стражник.

— Держи вора! — воскликнула княгиня Пустовойт, а мудрый старик Ерема ответил на это скорбно:

— Не догонишь. Это же Ветерок... Конь Ветерок, волшебное животное. Ни одна тварь на свете его не обгонит.

— Значит, Иван мое кольцо украл?

— Он самый, больше некому. Конь Ветерок только хозяина кольца слушается.

— Значит, он меня во сне, еще не поцеловавши, обокрал? — настаивала царевна.

— Так, Елена, так, — повторил старик.

Тут терпению Эрика пришел конец. Он встал в дверях и произнес громко:

— Вы вовсе не те, за кого себя выдаете. Никакая вы не киногруппа. Рассказывайте, кто вы на самом деле, почему здесь оказались. Тогда примем меры.

— Достойный разговор, — сказала Александра Евгеньевна. — Давно по Дегустатову Уголовный кодекс плачет.

— Мы себя ни за кого не выдаем, — ответил старик Ерема. — Не то что ваш друг Иван Юрьевич.

— Не друг он нам, — поправил Эрик. — Попрошу перейти к делу.

В Эрике появились серьезность и собранность, как на пожаре.

Впереди языки пламени, опасность для жизни, в руках лестница, и надо приставить ее к многоэтажному зданию и лезть наверх, спасать женщин, стариков и детей.

— Так вот, — сказал старик, оценив серьезный вид отрока в золотом шлеме. — Мы родом из тридевятого царства, тридесятого государства. Случилось так, что на рождение царевны Алены вредная колдунья, Анфисина притом двоюродная бабушка, приглашения не получила. И поклялась она страшной клятвой нашу царевну со света свести. Но другая колдунья, близкая нашему царю, царство ему небесное, на это так сказала: «Не будет смерти Алене прекрасной при ее совершеннолетии, а заснет она глубоким сном, и спасет ее один рыцарь, который полюбит ее навечно, поцелует в хрустальном гробу и разбудит. Ее и всех придворных людей».

— Спящая царевна! — воскликнула Александра Евгеньевна.

— Она самая, — согласился старик Ерема. — А ты откуда знаешь?

— Так о вашем приключении сохранилась память в художественной литературе.

— И в устном творчестве, — добавил Эрик, не сводя глаз со спящей царевны.

«Алена, — шептали беззвучно его губы, — Аленушка». И царевна, хоть момент был очень тревожный, на взгляд ответила и потупилась.

— О вас, — продолжала Александра Евгеньевна, — множество сказок написано. Фильм снят. И даже мультипликация, про иностранный вариант. С гномами.

— Такого не знаем, — сказал старик. — Значит, заснули мы, как и было приказано, в день Леночкина совершеннолетия. Что дальше было — не помним. Дракон нас охранял, чтобы случайный человек не польстился на наше беспомощное состояние. Потом, видно, пещера заросла, пути к ней потерялись, и дракон помер. Так и случилось — проснулись мы от постороннего присутствия. Видим — незнакомый витязь в странной одежде нашу царевну в губы целует. Значит, кончилось наше затворничество и будет свадьба.

— Конечно, — подтвердила Александра Евгеньевна. — Как сейчас помню. Потом была свадьба, и сказке конец.

— Да не сказка это, — ответила царевна, сморщив носик. — Я в самом деле все эти годы в хрустальном гробу пролежала. На пуховой перине.

— Мы поверили, пошли за вашим Иваном Юрьевичем. Он нас сюда привел, а дальше сами знаете.

— Он про вас сказал, что вы артисты.

— Кто-кто?

— Артисты.

— Таких не знаем. Ошибся он.

— Ряженые, — подсказал Эрик. — Так раньше назывались скоморохи.

— Да за такое... За такое... — У старика слов не нашлось, и он сплюнул на пол в негодовании.

— Я чистых голубых кровей, — топнула ножкой царевна и посмотрела на Эрика.

— Это нам все равно, — заметила тетя Шура, которая до этого молчала. — Нам бы человек был хороший, не жулик.

— Тоже бывает, — согласился старик Ерема. — А все-таки царевна.

— Царевна, — вздохнула Александра Евгеньевна. — Люди на Луну летают, реки от химии спасают, телевизор смотрят, а тут на тебе, царевна...

— Ладно, потом разберемся, — сказал Эрик. — Помочь надо.

— Нет, — ответил старик Ерема. — Помочь ничем нельзя. Ветерка не догнать. Они сейчас в другое царство ускакали.

— До другого царства не доскакать, — ответил Эрик, улыбнувшись. — До другого царства много дней скакать. Да и границу ему на коне не переехать.

— Стража? — спросил с надеждой Ерема.

— Пограничники. Пошли позвоним в город.

— В колокола звонить будет, — объяснил старик остальным. — Народ поднимать.

— Нет, — возразил Эрик. — Я своему начальнику позвоню. Может, придумаем что. Есть у меня одна идея.

— Брандмейстеру? Молдаванину?

Память у старика была хорошая.

— Ему самому.

— Зачем ему? — удивилась тетя Шура. — В милицию звонить надо.

— В милиции не поверят. Что я им, сказку о Спящей царевне по телефону расскажу? Товарищи, скажу, в сказке возникли осложнения?

— А начальнику?

— Начальнику я знаю что сказать.

Эрик оставил зареванную царевну с ее обслугой в домике, приказал стражникам никого близко не подпускать: чуть что — в топоры. Им придал для усиления Александру Евгеньевну. И поспешил в главный корпус. Тетя Шура и старик Ерема отправились за ним.

День клонился к вечеру. Небо загустело, тени просвечивали зо-

лотом, и в воздухе стояла удивительная прозрачность, так что за несколько километров долетел гудок электрички.

— Знаю, куда он поскакал, — сообщил Эрик. — К железнодорожной станции. К Дальнебродной.

— Очень возможно, — согласилась тетя Шура.

— И еще неизвестно, когда поезд. Далеко не каждый в Дальнебродной останавливается.

Старик Ерема не вмешивался в разговор, а представлял себе в воображении железную дорогу — накатанную, блестящую, с неглубокими сверкающими колеями, и была она знаком страшного богатства и могущества этих людей. Ему нравилась деловитость отрока в золотом шлеме и внушала некоторые надежды. Но, конечно, больше всего он рассчитывал на помощь князя Брандмейстера. Если Брандмейстер не поможет, то страшный позор обрушится на царский род, вымерший почти начисто много веков назад.

В дежурке стоял серый телефон. Эрик снял трубку.

— Девушка, мне ноль-один. Пожарную.

Ерема присел на просиженный диван. На стене висели листки с буквами и картинки, но икон в красном углу не оказалось. Вместо икон обнаружилась картинка «Мойте руки перед едой». Там же была изображена страшная муха, таких крупных старику еще видеть не приходилось. Старик зажмурился. Если у них такие мухи, то какие же коровы?

— Ноль-один, — повторил Эрик. — Срочно.

Старик вытянул ноги в красных сапожках, раскидал по груди седую бороду и глубоко задумался. Поздно проснулись. Что стоило какому-нибудь рыцарю проникнуть в пещеру лет пятьсот назад?

Эрик дозвонился до пожарной команды, обрадовался и сказал дежурному:

— Это я, Эрик. Узнаешь? Докладываю, пожар в доме отдыха на восьмом километре. Одной машины будет достаточно. Небольшую пошли. У нее скорость.

— Влетит тебе от начальства, — сказала тетя Шура.

— Ничего, разберемся. Поймут. У нас в пожарной команде на первом месте гуманность, а стоимость бензина я из зарплаты погашу. Через десять минут здесь будут.

Старик зашевелился на диване, поморгал и спросил:

— Князь Брандмейстер к нам будет?

— Нет, — ответил Эрик. — Будут его славные дружинники. Пойдем к нашим, предупредим. А то испугаются с непривычки.

У второго корпуса были суматоха и мелькание людей.

Княгиня Пустовойт бежала навстречу и причитала:

— Царевна себя жизни лишила! Позора не вынесла.

— При чем тут позор! — воскликнул Эрик. Каска на голове стала тяжелой, и в ногах появилась слабость.

— Не беспокойтесь, товарищи, — сказала из окошка Александра Евгеньевна. — Я ее валерьянкой отпаиваю. Леночка только погрозилась повеситься, поясок сняла, в комнатку к себе побежала, да не знала, к чему поясок крепить.

— Я все равно повешусь. Или утоплюсь, — заявила царевна, высовывая встрепанную голову из-под руки Александры Евгеньевны. — Лучше умереть, чем позориться. Мне же теперь ворота дегтем измажут.

Тут она увидела расстроенного Эрика и добавила, глядя на него в упор:

— Потому что я, опозоренная, никому не нужна.

— Вы нам всем нужны! — крикнул Эрик, имея в виду лично себя, и царевна поняла его правильно, а Александра Евгеньевна, глядя в будущее, предупредила:

— Ужасно избалованный подросток. В школе с ней намучаются.

Эрик с ней не согласился, но ничего не сказал.

— Сейчас князь-Брандмейстерова дружина здесь будет, — заявил старик Ерема осведомленным голосом. Потом обернулся к Эрику и спросил: — А стрельцов наших с собой возьмешь?

— Нет, обойдемся. Вы, если хотите, можете с нами поехать.

— Блюсти охрану! — приказал старик твердо стрельцам. — Что, карета будет?

— Будет карета, — согласился Эрик, — красного цвета. И предупреждаю, товарищи, что машина может вам показаться...

В этот момент жуткий вой сирены разнесся по лесу, и, завывая на поворотах, скрипя тормозами, на территорию дома отдыха влетела пожарная машина красного цвета с лестницей поверх кузова, с восьмерыми пожарниками в зеленых касках и брезентовых костюмах.

Нервы древних людей не выдержали. Стрельцы пали ниц, старик зажмурился и бросился наутек, в кусты сирени, а царевна обняла тоненькими ручками обширную талию Александры Евгеньевны и закатила истерику.

Машина затормозила. Пожарники соскочили на землю и приготовились разматывать шланг, сержант вылетел пулей из кабины и по сверкающей каске узнал своего подчиненного.

— Что случилось? — потребовал он. — Где загорание?

— Здравствуйте, Синицын, — проговорил Эрик твердо. — Вы мне верите?

— Верю, — так же твердо ответил сержант, потому что оба они были при исполнении обязанностей.

— Бензин я оплачу и за ложный вызов понесу соответствующее наказание, — сообщил Эрик. — Вот вы видите здесь людей. Они попали сюда нечаянно, не по своей воле. И оказались жертвами злостного обмана. Их обокрал директор дома отдыха Дегустатов. И ускакал на коне с драгоценностями исторического значения и своей сообщницей.

— Дегустатова знаю, — подтвердил сержант. — Встречался в райсовете. Пожарные правила нарушает.

— Он самый, — согласился Эрик. — Дегустатова надо догнать. И отнять украденные вещи.

— Мое приданое, — объяснила, всхлипывая, царевна.

— Ого! — воскликнули пожарники, заметив такую сказочную красоту.

— Да, приданое этой девушки, — сказал Эрик.

— Поможем, — сказали пожарники и, не дожидаясь, что ответит сержант, прыгнули обратно в красную машину.

Сержант еще колебался.

— Помоги, князь Брандмейстер, — взмолился старик Ерема.

— Помогите, добрый витязь, — попросила царевна и добавила, обращаясь к придворным: — Пади! В ноги нашему благодетелю!

И все, кто был во дворе, вновь повалились на землю, стараясь добраться до кирзовых сапог сержанта, чтоб заметнее была мольба.

— Ну, что вы, что вы, товарищи, — засмущался сержант. — Наш долг помочь людям, мы и не отказываемся... — Затем деловым голосом приказал: — По машинам! Заводи мотор!.. В какую сторону скрылся злоумышленник?

— К станции Дальнебродной, — ответил Эрик. — Больше некуда.

Подсадили в кабину старика Ерему. Эрик вспрыгнул на подножку — и со страшным ревом пожарная машина умчалась. А царевна, глядя машине вслед, сказала Александре Евгеньевне, к которой уже немного привыкла:

— А все-таки у Эрика самый красивый шлем.

— Молода еще ты, — отрезала Александра Евгеньевна. — Тебе учиться надо.

— Я уже совершеннолетняя, — не согласилась принцесса. — А учиться царевнам нечему. Мы и так все знаем.

...Конь Ветерок уже полчаса со сказочной скоростью несся по лесной, почти пустынной дороге, стуча копытами и высекая искры из асфальта. Рука Дегустатова онемела, и пришлось переложить сундук на другую сторону. Ветви деревьев стегали по лицу, и

с непривычки ноги выскакивали из стремян, на что конь сердился и ворчал, оборачиваясь:

— Не умеешь — не садился бы. Всю спину мне собьешь.

— Молчи, скотина, — возражала ему Анфиса, которая тесно прижималась к спине Дегустатова, сплетя руки на его круглом гладком животе. — Послушание — вот главная заповедь животного.

— Всему приходит конец, — говорил конь и ёкал селезенкой. — Скоро мое терпение лопнет.

Наконец Дегустатов понял, что больше держать сундук и скакать на лошади он не в силах.

— Тпру, — сказал он, углядев полянку со стогом. — Привал.

Он тяжело соскочил на траву, сделал два неверных шага, не выпуская из рук драгоценного сундука, и рухнул у стога.

Анфиса также сошла и прилегла рядом. Конь Ветерок молча забрал губами клок сена и принялся пережевывать его. Иногда он поводил шелковой спиной, махал хвостом, отгоняя комаров.

— Ну и дела, — произнес он. — Стыдно людям в глаза глядеть.

— Нам бы до станции добраться, — сказал наконец Дегустатов. — Там в поезд. Только нас и видели.

— В другое царство? — спросила Анфиса.

— В другое царство нельзя. Визы нету. Мы в Москве устроимся. Там у меня двоюродный брат проживает. Сундук тяжелый, сволочь, так бы и выкинул.

— Врешь ты, не выкинешь, — сказала Анфиса, которая была женщиной практичной и уже свела в могилу двух мужей, о чем Дегустатов, разумеется, не знал. — Это теперь мое приданое будет. Хотя я и без приданого хороша.

— Посмотрим, — проговорил Дегустатов. — Открыть бы его, по карманам добро разложить.

— Открыть нельзя, — объяснила Анфиса. — Ключ у княгини Пустовойт хранится. Некогда было взять.

— Ох и попал я в ситуацию, — размышлял Дегустатов. — Но положение, надо признать, было безвыходное. Жениться мне на ней ни к чему. В любом случае я шел или под суд, или под моральное разложение. Ничего, все равно пора профессию менять. Ну скажи, Анфиса, какие могут быть перспективы у директора дома отдыха?

— Да никаких, — согласилась Анфиса, которая раньше не слыхала ни про дома отдыха, ни про перспективы. — Поскачем дальше? А то погоня может объявиться.

Дегустатову было лень подниматься.

— Какая теперь погоня? На чем они нас догонят?

— Меня никто не догонит, — подтвердил со сдержанной гордостью конь Ветерок. — Я скачу быстрее ветра. — Взмахнул большой красивой головой и добавил: — Если, конечно, всадник достойный, а не тюфяк, как ты.

— Ты Ваню не обижай, — вмешалась Анфиса. — Нас теперь ни огонь, ни вода не разлучат. Правда, Ваня?

— Правда. — Дегустатов погладил Анфису по спине. — Мы с тобой такие дела завернем — жутко станет. Дом купим в Переделкине, комнаты сдавать будем.

— Вот, — сказала Анфиса, глядя на коня. — А на тебе воду возить будем.

— В цирк его сдадим за большие деньги.

Издали донесся вой сирены.

— Это что? — спросил конь, навострив уши.

— Это? — Дегустатов поднялся на ноги и подхватил сундук. — Машина едет.

— Погоня?

— Может, мимо.

Но, несмотря на эти свои успокаивающие слова, Дегустатов взобрался в седло, а Анфиса подошла поближе, протянув к нему руку, чтобы он помог взобраться вверх.

Дорога здесь была видна вдаль, и, когда из леса выскочила с ревом пожарная машина и поддала с пригорка, когда замахал руками из кабины старик Ерема, узнавший коня Ветерка, Дегустатовым овладели ужас и отчаяние. Никак он не ждал такой сообразительности от пожарника. Полагал, что, если его враги будут звонить в милицию, там решат — шутят. И с погоней произойдет задержка.

— Гони! — крикнул он Ветерку, позабыв о своей подруге.

— А я как же? — закричала Анфиса, почуяв неладное.

Всю жизнь она бросала других, а ее еще никто бросить не осмеливался.

— Я ж тебе помогала, я ж стрельца по голове туфлей била! Я ж в тебя храбрость вливала!

— Гони! — кричал Дегустатов Ветерку, не слушая женщину.

Ветерок переступил копытами и сказал со вздохом:

— Неудобно как-то получается, Иван Юрьевич. Женщина все-таки.

— Боливар двоих не свезет, — ответил ему Дегустатов строкой из забытого иностранного рассказа. И стукнул каблуками по бокам жеребца.

— Эх, служба проклятая! — выругался конь и поскакал дальше.

Сундучок мешался, толкал в бок, сзади бежала по молодой траве черноволосая женщина шамаханской национальности и проклинала обманщика древними оскорбительными словами. Даже

конь вздрагивал. А Дегустатов не слышал. Он мчал к станции Дальнебродной и приговаривал:

— Нас не возьмешь! Живыми не дадимся.

Ветерок, почуяв, что погоня настигает, перешел в карьер. Асфальт прогибался и трескался под мощными копытами.

Пожарная машина неслась вслед, словно горел родильный дом. Сирена выла, колокол звенел, пожарники привстали на сиденьях и торопили шофера.

— Вот разложенец, — сказал строго сержант, — женщину бросил, сообщницу. Ничего ему не дорого.

— Я и говорю, — ответил Эрик.

— Ничего с ней не станется, — вмешался старик Ерема. — Натура у ней преподлая. Если бы не связи, никогда бы ее близко к царевне не подпустили. Вполне возможно, что это она отравленное яблочко Елене подсунула.

Скоро фигурка Анфисы растаяла вдали, а конь, хоть и волшебный, стал понемногу сдавать, так как в машине было более ста лошадиных сил, даже Ветерку не под силу конкурировать.

Впереди за березами возник кирпичный палец водокачки, пошли по сторонам дороги картофельные участки с прошлогодней ботвой и домики поселка. Люди выскакивали в палисадники, смотрели с изумлением, как полный мужчина на вороном красавце-коне удирал от пожарной машины, и делились на болельщиков: одни хотели, чтобы победил всадник, другие болели за пожарную машину.

У самого перрона, куда только что, по редкому совпадению, подошел поезд и остановился на минуту, машина настигла коня, но тот вскочил, повинуясь приказу Дегустатова, на платформу и поскакал, распугивая мирных пассажиров, прямо к железнодорожной кассе.

Пожарная машина затормозила у перрона, и на ходу пожарники соскакивали с нее, разбегаясь цепочкой, чтобы вору никуда не скрыться. Да и Дегустатов уже понял, что билет покупать некогда.

— Стой! — крикнул он коню, и тот замер. Да так резко, хитрец, что Дегустатов перелетел через голову и покатился по платформе, по затоптанным доскам. Но сундучка не выпустил.

Пока он поднимался, потерял секунды, и за эти секунды высокий молодой человек в сверкающей медной пожарной каске и джинсах, первым соскочивший с машины, оказался совсем рядом и отрезал Дегустатову путь к вагонной двери.

Вид у того был ужасен. Дегустатов был доведен до крайности. Он крикнул, испугав пассажиров и заставив остановиться железнодорожного милиционера, который надвигался, свисток у губ, к месту происшествия:

— Меч-кладенец быстро!

Ветерок тряхнул головой, не хотел подчиняться, но пришлось. Правда, пошел на хитрость, может, даже решившую исход дела. Он вложил меч-кладенец в ту же руку Дегустатова, под мышкой которой находился заветный сундук с приданым. Сундук выпал.

Поезд в этот момент уже тронулся. Дегустатов неловко взмахнул тяжелым мечом, стараясь в то же время подобрать сундучок и поспеть к поезду.

— Отойди, убьет! — крикнул старик Эрику. — Меч-кладенец сам собой наводится!

Но Эрик не обратил никакого внимания и бросился к Дегустатову. Тому было поздно прыгать на поезд, и он толкнул мечом в Эрика. Меч своим хищным концом потянулся прямо к сердцу пожарника. И в этот момент сержант с помощниками, успевшими размотать шланг, пустили в Дегустатова сильную струю холодной воды. Меч, так и не достав до сердца Эрика, выпал из руки директора, ударил по сундучку и раскроил его надвое...

Когда ехали обратно в дом отдыха, Дегустатов сидел смирно, оправдывался и сваливал вину на Анфису. Конь Ветерок трусил рядом с пожарной машиной, заглядывал внутрь и поводил глазом, когда пожарники расхваливали его стать и масть.

Эрик разложил на свободной скамье приданое из сундука. Там были две простыни из тонкого голландского полотна, ночная рубашка из настоящего китайского шелка, стеклянный стакан, которому, как объяснил Ерема, цены в сказочном древнем царстве не было. И разные другие вещи музейного значения, нужные девушке царских кровей на первое время в замужестве.

Дегустатов, когда замолкал в своих оправданиях, смотрел на вещи с ненавистью, потому что получалось — страдал он понапрасну.

Подобрали Анфису. Она сидела, пригорюнившись, у дороги. Как только Анфиса забралась в машину, она принялась корить Дегустатова, и они сильно поссорились.

А конь громко ржал, заглядывая внутрь, и пожарники говорили:

— Жеребец, а все понимает.

Когда доехали до дома отдыха, пожарники уже знали всю историю с самого начала и задавали много вопросов про древнюю жизнь, и, если дед Ерема чего забыл или не знал, конь Ветерок приходил на помощь — он многое повидал на своем веку.

С длинным гудком машина въехала на территорию дома отдыха.

— Эй, есть кто живой? — громко спросил конь Ветерок, обо-

гнавший машину, чтобы первому сообщить приятные новости. — Выходи! Победа!

И встреча была радостной и веселой.

Потом пили чай, решали вопросы будущего. И царевна задала вопрос старику Ереме:

— Теперь мне можно замуж за Эрика?

Эрик покраснел, а Александра Евгеньевна строго произнесла:

— Без глупостей, Леночка. Рано тебе об этом думать.

— Здесь порядки строгие, — сказал старик Ерема. — Придется тебе сначала научиться грамоте и счету.

Дверь открылась, вошли директор музея и несколько краеведов.

— Где здесь выходцы из прошлого? — спросил директор.

ДОМАШНИЙ ПЛЕННИК

1

Известный ученый и изобретатель профессор Лев Христофорович Минц жил в доме №16 по Пушкинской улице. Был он человеком отзывчивым и добрым, считал своим долгом помогать человечеству. В первую очередь этой слабостью профессора пользовались его соседи. Они были людьми ординарными, не любили заглядывать в будущее и зачастую разменивали талант профессора по мелочам. Тому можно привести немало примеров.

У Гавриловой пропала кошка. Гаврилова вся в слезах бросилась к профессору. Лев Христофорович отвлекся от изобретения невидимости и изготовил к вечеру единственный в мире «искатель кошек», который мог найти животное по волоску. Кошка нашлась в парке культуры и отдыха на высоком дереве, и снять ее оттуда или сманить оказалось невозможным. Тогда Лев Христофорович тут же, в парке, соорудил из сучьев, палок и сачка пробегавшего мимо мальчика-энтомолога уникальный «сниматель кошек с деревьев». А мальчику, чтобы его утешить, изготовил из спичечных коробков и перегоревшей электрической лампочки «безотказную ловушку для редких бабочек». И так почти каждый день.

Особенно оценили соседи своего профессора, когда он выполнил просьбу старика Ложкина, у которого сломалась вставная челюсть. Он велел Ложкину выкинуть челюсть на помойку и смазать десны специально изобретенным средством для ращения зубов, приготовленным из экстракта хвоста крокодила. Через два дня у

старика выросли многочисленные заостренные зубы. Все лучше, чем вставная челюсть.

Как-то Корнелий Удалов спросил свою жену:

— Ксюша, тебе не кажется, что я лысею?

Облысел Удалов давно, и все к тому привыкли.

— Ты с детства плешивый, — отрезала Ксения, отрываясь от приготовленного завтрака.

— Может, сходить ко Льву Христофоровичу? — спросил Удалов.

— Тебе не поможет, — сказала Ксения.

— Почему же? Вон у Ложкина новые зубы выросли.

— Не тебе это нужно! — озлилась тут Ксения. — Это ей нужно!

— Кому?

— Той, которую твоя лысина не устраивает!

— Твоя ревность, — сказал Удалов, — переходит границы.

— Это шпионы переходят границы, — ответила Ксения, смахивая слезу. — А моя ревность дома сидит, проводит одинокие вечера.

Упреки были напрасными, но Корнелий, чтобы не раздражать жену, тут же отказался от своей идеи. Ксения эту уступчивость приняла за признание вины и расстроилась того больше. А когда Удалов сказал, что завтра, в субботу, уедет на весь день на рыбалку, Ксения больно закусила губу и стала смотреть на большую фотографию в рамке, где были изображены рука об руку Корнелий и Ксения в день свадьбы.

Неудивительно, что, как только Удалов ушел на службу, Ксения бросилась к профессору.

— Лев Христофорович! — взмолилась она. — Сил моих нету! Выручай!

— Чем могу быть полезен? — вежливо спросил профессор, отрываясь от написания научной статьи.

— Не могу больше, — сказала Ксения. — Даже если он и вправду на рыбалку едет, меня подозрения душат. Я чрезвычайно ревнивая. Прямо заперла бы его в комнате и никуда не пускала.

— А как же его работа? — удивился Лев Христофорович. — А как же его обязанности перед обществом?

— У него обязанности перед семьей, — отрезала Ксения. — Кроме того, я бы его только на выходные запирала и по вечерам.

— Вряд ли это реально, — сказал Минц. — И не входит в мою компетенцию.

— Входит, — возразила Ксения. Она уселась на свободный стул, сложила руки на животе и сделала вид, что никогда отсюда не уйдет. — Думай, на то ты и профессор, чтобы семью сохранять.

— Не представляю, — развел руками Минц. — Мужчину средних лет трудно удержать дома.

— Тогда сделай ему временный паралич, — сказала Ксения.

— Бесчеловечно. — Минц краем глаза покосился на статью, лежащую на столе. Больше всего на свете ему хотелось вернуться к ней. Но отделаться от Ксении Удаловой, не утихомирив ее, было невозможно.

Минц бросил взгляд на шкаф с пробирками и колбами, где хранились всевозможные химические и биологические препараты, но ничего не придумал. И вот тогда Ксения сказала:

— Мне иногда хочется, чтобы был мой Удалов маленький, носила бы я его в сумочке и никогда с ним не расставалась... Люблю я его, дурака.

— Маленьким... — Минц сделал шаг к шкафу.

Появился шанс вернуться к статье. Дело в том, что управление лесного хозяйства обратилось недавно к Минцу с просьбой помочь избавиться от расплодившихся волков. Минц, как всегда, пошел по необычному пути. Он разработал средство уменьшать волков до размера кузнечика. Сохранять этим поголовье хищников и спасать скот от гибели, ведь волк-кузнечик на корову напасть не сможет. Правда, это изобретение затормозилось, потому что Минцу никак не удавалось сделать средство долгодействующим.

Минц достал с полки флакон с желтыми гранулами, отсыпал несколько гранул в бумажку и передал Ксении.

— Я надеюсь на ваше благоразумие, — сказал он. — Применяйте это средство лишь в крайнем случае. Когда вы почувствуете реальную угрозу семейной жизни. Если ваш супруг примет гранулу — на двадцать четыре часа он станет маленьким. А затем без вреда для здоровья вернется в прежний облик. Все ясно?

— Спасибо, профессор, — произнесла Ксения с чувством, принимая пакетик с гранулами. — От меня, от детей, от всех женщин нашей планеты. Теперь они у нас попрыгают!

Но Минц не слышал последних, необдуманных слов женщины. Он уже устремился к письменному столу. Профессор был одержим слепотой, свойственной некоторым гениям. Он забывал о потенциальной опасности, которую несут миру его открытия, если попадут в руки людей, не созревших к использованию этих открытий. Минц не знал, что даже те скромные подарки, что он сделал соседям, далеко не всегда ведут к окончательному благу. Ведь мальчик-энтомолог, которому Минц подарил «безотказную ловушку для редких бабочек», начал с ее помощью таскать вишни из школьного сада и был больно бит собственным отцом, а кошка,

найденная и снятая с дерева, утащила свиную отбивную с прилавка магазина, отчего возник большой скандал. Что же касается Ксении, она была типичным представителем племени современных любящих женщин и как таковая тоже не думала о последствиях...

2

Удалов вернулся со службы раньше обычного, потому что хотел выспаться перед рыбалкой. Он собирал удочки и проверял лески, когда Ксения внесла в комнату суп, в котором развела гранулу, и сказала сладким голосом:

— Иди поешь, испытуемый.

Ксения находилась в счастливом, но тревожном настроении. Она верила Минцу, не сомневалась, что, если бы лекарство угрожало мужу плохим, Минц бы его не дал. И все-таки проверила: за час до того скормила одну гранулку котенку, тот сделался меньше таракана и куда-то запропастился.

Ксения приготовила старую сумку, уложила на ее плоское дно вату и замшевую тряпочку, проверила замочек и установила сумку на комод.

— Кто я? — удивился Удалов.

— Испытуемый.

— Ага, — согласился Удалов, который привык не обращать внимания на слова жены. — Ты меня в пять тридцать разбудишь?

Ксения решила дать Удалову последнюю возможность исправиться.

— Корнюша, — сказала она. — Может, отложишь свою рыбалку? Возьмем детей, пойдем завтра к Антонине?

При имени тетки Антонины Удалова передернуло.

— Погоди, — не дала ему ответить Ксения. — Мы же у Антонины полгода не были. Обижается. А если не хочешь, к Семицветовым сходим, а?

Удалов только отрицательно покачал головой. Не стал тратить времени на возражения.

— Или в кино. А?

— Сходи, — ответил Удалов коротко, и это решило его судьбу.

Ксения поставила перед ним тарелку, а сама встала рядом с тряпкой в руке, чтобы подхватить мужа со стула, если будет падать.

Удалов был голоден, потому не мешкая уселся за стол, взял ложку и начал есть суп.

— А хлеб где? — спросил он. — Хлеб дать забыла.

— Сейчас, — ответила Ксения, но не двинулась с места, потому что боялась оставить мужа одного в комнате.

— Неси же, — велел Удалов и тут же стал уменьшаться. — Ой, — сказал он, не понимая еще, куда делась тарелка с супом и почему голова его находится под столом.

Ксения подхватила его тряпкой под бока, извлекла из одежды и с радостью ощущала, как Корнелий съеживается под руками, словно воздушный шарик, из которого выпускают воздух. Корнелий, видно, опомнился, начал дергаться, сопротивляться, но движения его были схожи с трепетанием птенца, и потому без особого труда Ксения, так и не вынимая его из тряпки, сунула в сумку и вывалила на белую вату.

Корнелий все еще ничего не мог сообразить. Он понял, что находится в темном глубоком погребе, на жестких, упругих стеблях, вроде бы на выцветшей соломе, сверху колеблется огромное лицо, странным образом знакомое, словно в кошмаре, а на лице видна улыбка. Рот, в котором мог бы, согнувшись, разместиться весь Удалов, широко раскрылся, и из него вывалились тяжелые, громовые слова:

— Хорошо тебе, моя лапушка?

И тогда Удалов понял, что лицо принадлежит его жене, вернее, не его жене, а какой-то великанше с чертами Ксении Удаловой. Удалов зажмурился, чтобы прогнать видение и вернуться за стол, к недоеденной тарелке супа. Но жесткая солома под рукой никуда не пропадала, и Удалов ущипнул себя за бок, вызвав тем оглушительный хохот чудовища.

— Ни на какую рыбалку ты не поедешь, — сказала тогда Ксения. — Посидишь дома. С семьей. Спасибо Льву Христофоровичу, что пожалел бедную женщину. Теперь-то я с тобой, бесстыдник, хоть на выходные дни не расстанусь.

И видя тут, что человечек в сумке засуетился, осознавая наконец масштаб беды, в которую угодил, Ксения заговорила ласковым голосом:

— Корнюша, для твоего же блага! Это все любовь моя виновата. Век бы с тобой не расставалась, ласкала бы тебя, нежила.

К Удалову сверху свесился палец размером с него самого, и этот палец нежно погладил Удалова по макушке, чуть не содрав с нее последние волосики. Удалов изловчился и укусил кончик пальца.

— Ну что ты, лапушка, ну что ты волнуешься, — огорчилась Ксения. — Посидишь немножко, придешь в себя. Поймешь, что так полезнее. Потом телевизор посмотрим. Я тебя в канареечную клетку посажу. Все равно пустует. Детишки не увидят. Детишек я

на первый вечер к мамаше послала, потому что ты с непривычки можешь чего-нибудь лишнего натворить.

— Прекрати! — крикнул Удалов. — Немедленно прекрати. Ты что, с ума сошла со своим Львом Христофоровичем? Да я вас по судам загоняю! Мне на работу в понедельник.

Ксения только покачала сокрушенно головой, и ее волос канатом упал рядом с Удаловым.

— Завтра к вечеру, — сказала Ксения, — будешь как прежде. Ты кушать хочешь?

Удалов рухнул на вату и уткнулся в ее жесткие толстые волокна лицом. Положение было обидное. Рыбалка погибла. Ксения полагала, что протест Корнелия вскоре иссякнет и тогда можно будет поговорить с ним по-хорошему и даже добиться его согласия проводить в канареечной клетке выходные дни. Тут же подумалось и об экономии: маленький Удалов съест что птичка. Нет. Ксения, как вам известно, женщина не жестокая. И она честно полагала, что, как только проучит мужа, как только добьется от него обещания уделять больше внимания семье, согласия ходить в гости к Антонине и другим родственникам, она его сразу выпустит на волю. Ведь должен же Удалов понять, что иного выхода нету. Если будет упрямиться, всегда можно снова подложить желтую крупинку. Не откажется же Удалов от домашней пищи — к другой он не приучен.

Но Удалов думал иначе. Он не смирится. Он собирался продолжать борьбу, потому что был глубоко оскорблен и кипел жаждой мести — от развода с женой до убийства изобретателя Минца.

Ксения закрыла сумку на «молнию» и на замочек. Удалов, нащупав в кромешной темноте толстый и длинный Ксюшин волос, принялся плести из него лестницу, чтобы выбраться на волю.

Ксения приготовила манной кашки и налила ее в блюдечко для варенья. Туда же капнула меда и отломила кусочек печенья. Пускай Корнюша побалуется, он так любит сладкое.

— Тебе хорошо, цыпочка? — спросила Ксения.

Маленький муж ей нравился даже больше, чем большой. Она с удовольствием носила бы его в ладонях, только боялась, что он будет царапаться. Удалов лежал недвижно на дне сумки.

— Корнелий, — сказала Ксения, — не притворяйся.

Корнелий не шевельнулся.

— Корнелий... — Ксения потрогала мужа пальцем, и тот безжизненно и податливо перевернулся на спину.

Ксения попыталась было нащупать пульс, но поняла, что так недолго сломать мужу ручку.

Обливаясь нахлынувшими слезами, Ксения вытащила мужа из

сумки и положила на диван. Сама же бросилась к Минцу. Того не было дома. Метнулась обратно в комнату, и Удалов, который к тому времени уже вскочил и бегал по дивану, ища место, чтобы спрыгнуть, еле успел улечься снова и принять безжизненную позу. Ксения не обратила внимания на то, что ее муж лежит не там, где был оставлен. Она вслух проклинала Минца, который погубил ее Корнелия, и собралась уже бежать в «неотложку», но спохватилась — «неотложка» приезжает за людьми, что ей делать с птенчиком?

Удалов сам себя погубил. Ему показалось, что жена отвернулась, и он легонько подпрыгнул и сделал короткую перебежку к диванной подушке. Ксения увидела его притворство и ужасно оскорбилась.

— Ах так! — сказала она. — Притворяешься? Пугаешь самого близкого тебе человека, любящую тебя жену? Просидишь до завтрашнего вечера в сумке. Одумаешься.

И она бросила его в сумку, брезгливо держа двумя пальцами, словно гусеницу.

Удалов немного ушибся и проклял свое нетерпение. И снова принялся плести лестницу из волоса Ксении.

Ксения отказалась от мысли кормить Удалова. Пускай помучается. Правда, поставила ему в сумку свой наперсток и пояснила:

— Это тебе как ночной горшок. Понял?

— Я тебя ненавижу, — ответил Удалов с горечью.

И тут же его охватило бессильное озлобление, он начал бегать, проваливаясь по колено в вату, и махать кулачонками.

— Ах так, — сказала Ксения и села к телевизору, включив его на полную громкость, чтобы не слышать упреков и оскорблений. А если до нее доносился голосок мужа, то она отвечала однообразно: — Для твоего блага. Для твоего перевоспитания.

Но спокойствия в душе Ксении не было. Она приобрела то, что не смогла приобрести ни одна женщина на свете, — карманного мужчину. Но торжество ее было неполным. Во-первых, мужчина не желал быть карманным, во-вторых, ей не с кем было поделиться своим триумфом. И тогда Ксения решилась.

Она выключила телевизор на самом интересном месте, застегнула сумочку и собралась в гости к Антонине.

3

В пути Удалова укачало. Он перестал буянить и только заткнул уши, чтобы не слышать, как Ксения размышляет вслух об их будущей счастливой жизни.

Антонина не ожидала поздних гостей.

— Ксюша, — сказала она. — А я вас завтра звала.

Антонина отличалась удивительной бестактностью.

— Ничего, — ответила Ксения. — Мы ненадолго.

— А Корнелий придет? — спросила Антонина. — Мой-то дрыхнет. На футбол ходил. Вот и дрыхнет. Только пирога не жди. Пирог я на завтра запланировала. Придется кого-то еще звать на завтра вместо тебя. Как здоровье, Ксения? Ноги не беспокоят?

Ноги болели не у Ксении, а у ее двоюродной сестры Насти. Но Ксения спорить не стала, да и не было никакой возможности спорить, если ты пришла к тетке Антонине.

— Ты проходи, — пригласила Антонина, — чего стоишь в прихожей?

Ксения послушно прошла в комнату, тесно заставленную мебелью, потому что Антонина любила покупать новые вещи, но не могла заставить себя расстаться со старыми.

На тахте, зажатой между двумя буфетами — старым и новым, лежал Антонинин муж Геннадий, такой же сухой, жилистый и длинноносый, как Антонина, и, закрыв голову газетой, делал вид, что спит, надеялся, что его не тронут и уйдут в другую комнату.

— Вставай, — сказала строго Антонина. — Развлекай гостей. Я пойду чай поставлю. Нет хуже, чем гость не ко времени. А твой-то где?

— Со мной, — лукаво ответила Ксения.

— А, — согласилась Антонина, которая, как всегда, слушала плохо и была занята своими мыслями. — Никогда он ко мне не приходит. Брезгует. Ты вставай, Геннадий, вставай.

И Антонина ушла на кухню, оставив Ксению на попечение мужа, который так и не снял с лица газеты.

В другой раз Ксения, может быть, и обиделась бы, ушла. Но сейчас понимала, что явилась к людям, когда не звали, а потому сама виновата. Но желание удивить родственников подавило все остальные чувства, так что Ксения послушно уселась за стол, поставив сумку рядом с собой на скатерть.

Минут через пять, в течение которых в комнате царило молчание, нарушаемое лишь демонстративным посапыванием Геннадия, вернулась Антонина.

— Так и знала, — сказала она. — Ты, глупая, сидишь, словно клуша, а мой изображает из себя спящую красавицу. Ну, уж это слишком.

Антонина, быстро и споро накрывая на стол, выкроила секунду, чтобы потянуть мужа за ногу.

— А, племянница, — произнес Геннадий, словно и в самом деле только проснулся. — А где Корнелий?

— Здесь он.

— Ага. — Геннадий в одних носках подошел к столу и сел напротив Ксении. — Я тоже по гостям ходить не терплю. Все это сплошные бабские разговоры. Нет, меня не затянешь. А Корнелия за его упрямство даже уважаю.

Корнелий пошевелился в сумке, отчего та вздрогнула, а Ксения подвинула ее к себе.

— Шшшш! — велела она строго.

— Чего? — удивился дядя Геннадий.

— Не тебе, — сказала Ксения. — Это я Удалову.

Удалов больше не двигался. Он испугался, что его будут показывать, а это было унижение хуже смерти.

Тут Антонина принесла самовар. Сели пить чай.

— Ты сумку со стола убери, — сказала Антонина племяннице. — Не дело сумку на столе держать.

Ксения улыбнулась, но сумку убрала, поставила на пол, между туфель, чтобы кто случайно не задел, потому что очень любила своего Корнелия.

От толчка Корнелий пискнул: «Ой!»

— Все-таки, — сказала Ксения сладким голосом, чтобы заглушить крик мужа, а также навести разговор на нужную тему, — все-таки, будь моя воля, я бы мужиков далеко не отпускала. Ну, отработал, пришел домой, а дальше — никуда.

— Всю жизнь мучаюсь, — ответила Антонина в сердцах. — Всю жизнь.

— Это есть спесь и тщеславие, — рассудил дядя Геннадий. — Ты нам по маленькой не поставишь по случаю праздника?

— Молчи, — ответила Антонина. — В одиночестве пить — алкоголизм. Сам же читал в журнале «Здоровье».

— Если по маленькой — не алкоголизм, а удовольствие. Ведь и Ксения не откажется. Не откажешься, Ксюша?

Дядя Геннадий глядел на племянницу с надеждой.

— Не откажусь, — ответила Ксения. — И Корнелий не откажется.

Тут тетя Антонина не выдержала.

— Ксюша, ты здорова? — спросила она. — Если что, аспирину дам. Я же заметила, думаешь, глухая? Ты все твердишь — со мной Корнелий, рядом Корнелий. А мы-то видим, что нет его. Ты говори всю правду. Может, ушел совсем? Может, что случилось? Может, кого еще нашел?

— Ой нет, тетя Антонина. — Ксения так и лучилась удовольст-

вием. — Только с мужем обращаться надо уметь. Вот ты всю жизнь прожила с дядей Геннадием, а он тебя избегает.

— Я бы от нее в Австралию убежал, к антиподам, — подтвердил Геннадий. — Может, еще завербуюсь на Сахалин.

— Молчи, — ответила Антонина. — Все равно выпить не дам.

Потом Антонина обернулась к племяннице и произнесла назидательно:

— Мужчину не удержишь. Мужчина — такое дикое животное, что требует свободы. Так что привыкай. К себе его не привяжешь и в сумку не положишь.

— Это точно, — сказал дядя Геннадий.

Наступил миг Ксенина торжества.

— Кто не положит, — проговорила она, — а кто и положит.

С этими словами она достала сумку из-под стола, поставила ее рядом с чашкой и сказала, расстегивая:

— Может, тетя, Корнелию чайку нальешь? А то он у меня не ужинавши.

Она извлекла из сумки сопротивляющегося нагого человечка и двумя пальцами поставила на стол.

— Вот он, мой ласковый...

Ласковый стоял согнувшись, стеснялся и готов был плакать.

— Господи, — всплеснула руками Антонина, — ты что же с мужем сделала, безобразница?

— Уменьшила его, — ответила Ксения, — до удобного размера, чтобы носить с собой и не расставаться в выходные дни. Добрые люди помогли, дали средство.

— Так нельзя, — сказал Геннадий. — Это уж слишком. Если вы, бабы, будете своих мужей приводить в такое состояние, это вам даром не пройдет.

— Не пройдет! — закричал комаром Удалов. — Я требую развода! При свидетелях!

— Не спеши, — остановила его рассудительная Антонина. — Ты у своих, не опасайся. Мы тут в семье все и уладим.

Потом она поглядела на Ксению с укоризной:

— Ну зачем ты так, Ксюша? Мужчине перед людьми стыдно. Ему на службу идти, а как он, такой жалкий, на службу пойдет? Кто его слушаться будет? А если его завтра в горсовет вызовут?

— Я требую развода! — настаивал Удалов. Он забыл о своей наготе и бегал между чашек, норовя прорваться к Ксении, а Ксения отодвигала его ложкой от края стола, чтобы не свалился.

— А ты помолчи, — сказала ему Антонина. — Прикрой стыд. Не маленький.

Удалов опомнился, метнулся к чайнику с заваркой, но укрыть-

ся за ним не смог, в полном отчаянии схватился за край пол-литровой банки с вареньем, подтянулся и перевалился внутрь.

— Не беспокойся, тетечка, — сказала Ксения, следя, чтобы Удалов не утонул. — Это только на выходные и на праздники. С понедельника он придет в состояние.

— Не одобряю. — Антонина многого не одобряла. И шумела Антонина не из любви к Удалову, не из жалости, а из боязни всякого новшества, пускай даже на первый взгляд новшества, удобного для женщин. — А ты вылезай, — строго сказала Антонина Удалову. — После тебя продукт придется выкидывать.

— А ты вынь меня, — пискнул Удалов. — Я же сам не вылезу.

Голосок у него стал слабенький, еле доносился из банки.

— Пчела! — закричал Удалов.

Пчела и в самом деле кружилась над ним, примериваясь. И спокойно могла бы закусать Удалова до смерти. Теперь ему многое грозило смертью.

Ксения вскочила, достала платок и стала гонять пчелу, а Антонина чем больше смотрела на это безобразие, тем больше сердилась, мрачнела и даже совсем замолкла, как пар в котле, прежде чем произойдет взрыв.

Чувствуя это и не желая терять времени понапрасну, дядя Геннадий тихонько встал из-за стола, подмигнул Удалову, к которому проникся сочувствием, на цыпочках отошел к буфету, открыл его и налил из графина себе в стакан, а Удалову в маленькую рюмочку, которая хоть и маленькая, а для Удалова была как ведро.

Прогнав пчелу, Ксения достала Удалова двумя пальцами из варенья и, налив в блюдце горячей заварки из чайника и подув в нее, чтобы не обжечь мужа, окунула в заварку Удалова. Тому было горячо, он сопротивлялся, а Ксения смывала с него сироп и приговаривала:

— Потерпи, цыпочка, потерпи, лапочка.

— Вот что, — взорвалась наконец тетя Антонина. — Я тебя, Ксения, сегодня не звала. Так что можешь идти домой. В милицию я на твое поведение, так и быть, жаловаться не буду, но матери твоей непременно сообщу. Дожили. С голым карликом заявилась. А ты, Геннадий, рюмки спрячь. Не время пить!

— Тоня, — произнес Геннадий миролюбиво, но стакан отставил и рюмку от Удалова отодвинул.

— Может, это в Париже так с мужьями поступают, но у себя мы этого не позволим. В крайнем случае в газету напишу. Там меня знают. А то сегодня я тебя, а завтра ты меня — человек человеку волк, да?

— Тетя Тоня, — пыталась возразить Ксения. — Я же для его блага. Чтобы муж не пил, не гулял, был при доме. Это же любовь!

Но Антонина подошла к Геннадию, вцепилась пятерней в его седые волосы, будто испугалась, как бы он и на самом деле не уменьшился, и ответила твердо:

— Я своего в обиду не дам. Пусть какой ни на есть паршивый да гулящий, но такой уж мне достался, и менять его не буду. Живи со своими штучками, как ты того желаешь, но нас уволь. И если ты еще раз посмеешь с этим уродом ко мне в дом прийти, с порога выгоню. Иди.

Тут Антонина еще раз взглянула на бывшего Удалова, потерявшего от унижений и мучений дар речи, и по ее щекам неожиданно покатились слезы.

Ксения поняла, что делать ей в этом доме больше нечего. Она быстро затолкала мужа в сумочку и, не допив чая, пошла к двери. Антонина ее провожать не стала, а, когда племянница ушла, повернулась к мужу и сказала сквозь слезы:

— Если выпить хочется, то выпей маленькую.

— Нет уж, спасибо, — отказался Геннадий, который тоже внутренне переживал эту тяжелую сцену.

Антонина уселась, подперла голову ладонью и думала, что счастье — это когда у тебя муж в настоящем размере, и опасалась немного, как бы старик сдуру не вздумал ее в сумку запихать, чтобы не ворчала. И дала себе слово сдерживаться и старика не пилить. И держала это слово два дня, не меньше.

Ксения шла домой не спеша, переживала разлад в семье, сумка раскачивалась в руке, и Удалова бросало из угла в угол. Он хватался за вату, стонал и пытался слизать с себя остатки вишневого варенья.

4

К приходу домой настроение Ксении немного улучшилось. Она поставила сумку на трельяж, между духами и пудрой, а сама улеглась спать. Решила, что завтра покажет Удалова подруге Римме, которая работала в женской парикмахерской и была большой модницей. И с этой мыслью Ксения счастливо заснула, закрыв дверь в соседнюю комнату, чтобы ночью Удалов криками и стонами не мешал ей спать. Ей снилось, как все женщины города ходят по улицам и носят в сумках, а то и водят на голубых ленточках своих мужчин.

Все спали в шестнадцатом доме. Лишь Удалов мучился, словно

граф Монте-Кристо в своей тюрьме, и кипел местью. Он уже проверил все швы и углы в сумке, но швы были крепкие, а нитки для него — как канаты, не разорвешь. И ножа нет. Даже перочинный ножик остался в кармане утерянных при уменьшении брюк.

Удалов попробовал подпрыгнуть, чтобы достать до потолка, но потолок сумки был далек, не достать. Удалов присел на вату, стараясь придумать какой-нибудь выход и мечтая о том, как, выбравшись наружу, он навсегда уйдет из дома и будет лишь раз в месяц присылать деньги на воспитание детей. Детей было жалко.

Вдруг Удалову показалось, что потолок чуть приблизился. И стенки сумки тоже приблизились. Несмотря на кромешную тьму, ощущение это было совершенно явственным.

Удалов протянул руку вперед, и она уткнулась в материю. Удалов поднялся, без труда дотянулся до крыши. И тут он понял, что действие крупинки кончается.

— Ура! — сказал он шепотом, чтобы не разбудить Ксению и не нарушить благоприятного процесса роста.

Еще ни один ребенок на свете так не радовался росту, как радовался Удалов. Тягостный плен кончался. Без труда Удалов провел рукой по потолку, но застежка «молнии» находилась снаружи. Становилось тесно. Пришлось сесть.

И тут Удалов немного испугался. Стенки сумки крепкие. Так можно и задохнуться. Рост все ускорялся. Удалов даже не успел позвать на помощь, как его тесно сдавила материя. Сумка оказалась, как назло, крепкой. Голова вжалась в плечи, и коленки отчаянно вдавливались в ребра. И когда Удалов уже готов был завопить от боли и ужаса, сумка со страшным треском разлетелась в клочки, а Удалов грохнулся на пол. Зеркала на трельяже разлетелись вдребезги, осколки пулеметной очередью прошили стекло буфета, пронзив по очереди все чешские бокалы и праздничный сервиз, а упавшая от этого с буфета хрустальная ваза, врученная Удалову восемь лет назад за победу в городских соревнованиях по городкам, умудрилась врезаться в этажерку с любимыми комнатными растениями Ксении. Комнатные растения принялись прыгать вниз и вверх, спасаясь от несчастья, и один из горшков задел люстру, подвески которой принялись выбивать дробь по стеклам и оставшимся до того целыми стеклянным и фарфоровым предметам в комнате. От люстры осталась всего одна голая лампочка, и эта лампочка сама по себе загорелась и осветила помещение, по которому, не в силах остановиться, носились в разные стороны разбитые и поломанные предметы.

Удалов слушал этот грохот и наблюдал разрушение, словно прелестный сердцу балетный спектакль, потому что им владело

чувство мести, и месть эта была удовлетворена. И по мере того как разрушение комнаты, в которой было совершено посягательство на самое дорогое — на личную свободу Удалова, заканчивалось, Удалова охватило внутреннее удовлетворение и даже удовольствие. Он уже не сердился ни на Ксению, ни на слишком изобретательного Минца.

Когда через полторы минуты, теряя на бегу бигуди, в комнату ворвалась Ксения, она увидала жуткую картину мамаева побоища. А на полу, посреди этого сидел совершенно обнаженный Корнелий Удалов и приводил в порядок удочки, чего не успел сделать перед ужином. До отъезда на рыбалку оставалось всего ничего.

Перед тем как грохнуться в обморок, Ксения успела спросить:

— Это все ты?

— Нет, ты, — ответил Удалов, перекусывая леску.

ДВЕ КАПЛИ НА СТАКАН ВИНА

Профессор Лев Христофорович Минц, который поселился в городе Великий Гусляр, не мог сосредоточиться. Еще утром он приблизился к созданию формулы передачи энергии без проводов, но ему мешали эту формулу завершить. Мешал Коля Гаврилов, который крутил пластинку с вызывающей музыкой. Мешали маляры, которые ремонтировали у Ложкиных, но утомились и, выпив вина, пели песни под самым окном. Мешали соседи, которые сидели за столом под отцветшей сиренью, играли в домино и с размаху ударяли ладонями о шатучий стол.

— Я больше не могу! — воскликнул профессор, спрятав свою лысую гениальную голову между ладоней. В дверь постучали, и вошла Гаврилова, соседка, мать Николая.

— И я больше не могу, Лев Христофорович! — тоже воскликнула она, прикладывая ладонь ко лбу.

— Что случилось? — спросил профессор.

— Вместо сына у меня вырос бездельник! — сказала несчастная женщина. — Я в его годы минуту по дому впустую не сидела. Чуть мне кто из родителей подскажет какое дело, сразу бегу справить. Да что там, и просить не надо было: корову из стада привести, подоить, за свинками прибрать, во дворе подмести — все могла, все в охотку.

Гаврилова кривила душой — в деревне она бывала только на каникулах, и работой ее там не терзали. Но в беседах с сыном она настолько вжилась в роль трудолюбивого крестьянского подростка, что сама в это поверила.

— Меня в детстве тоже не баловали, — поддержал Гаврилову Минц. — Мой папа был настройщиком роялей, я носил за ним тяжелый чемодан с инструментами и часами на холоде ждал его у чужих подъездов. Приходя из школы, я садился за старый, полученный папой в подарок рояль и играл гаммы. Без всякого напоминания со стороны родителей.

Профессор тоже кривил душой, но столь же невинно, ибо верил в свои слова. У настройщиков не бывает тяжелых чемоданов, и, если маленький Левушка увязывался с отцом, тот чемоданчика ему не доверял. Что касается занятий музыкой, Минц их ненавидел и часто подпиливал струны, потому что уже тогда был изобретателем.

— Помогли бы мне, — сказала Гаврилова. — Сил больше нету.

— Ну как я могу? — ответил Минц, не поднимая глаз. — Мои возможности ограниченны.

— Не говорите, — возразила Гаврилова. — Народ вам верит, Лев Христофорыч.

— Спасибо, — ответил Минц и задумался. Столь глубоко, что, когда Гаврилова покинула комнату, он этого не заметил.

Наступила ночь. Во всех окнах дома № 16 погасли огни. Утомились игроки и певцы. Лишь в окне профессора Минца горел свет. Иногда высокая, с выступающим животом тень профессора проплывала по освещенному окну. Порой через форточку на двор вырывались шуршание и треск разрезаемых страниц — профессор листал зарубежные журналы, заглядывая в достижения смежных наук.

От прочих ученых профессора Минца отличает не только феноменальный склад памяти, которая удерживает в себе все, что может пригодиться ученому, но также потрясающая скорость чтения, знакомство с двадцатью четырьмя языками и умение постичь специальные работы в любой области науки, от философии и ядерной физики до переплетного дела. И хоть формально профессор Минц — химик, работающий в области сельского хозяйства, и именно здесь он принес наибольшее количество пользы и вреда, в действительности он энциклопедист.

Утром профессор на двадцать минут сомкнул глаза. Когда он чувствовал, что близок к решению задачи, то закрывал глаза, засыпал быстро и безмятежно, как ребенок, и бодрствующая часть его мозга находила решение.

В 8 часов 40 минут утра профессор Минц проснулся и пошел чистить зубы. Решение было готово. Оставалось занести его на бумагу, воплотить в химическое соединение и подготовить краткое сообщение для коллег.

В 10 часов 30 минут заглянула Гаврилова, и Минц встретил несчастную женщину доброй улыбкой победителя.

— Садитесь. Мне кажется, что мы с вами у цели.

— Спасибо, — растроганно сказала Гаврилова. — А то я его сегодня еле разбудила. В техникум на занятия идти не желает. А у них сейчас практика, мастер жутко требовательный. Чуть что — останешься без специальности.

Минц включил маленькую центрифугу, наполнившую комнату приятным деловитым гудением.

— Действовать наш с вами препарат будет по принципу противодействия, — объяснил Минц.

— Значит, капли? — спросила с недоверием Гаврилова.

— Лекарство. Без вкуса и запаха.

— Мой Коля никакого лекарства не принимает.

— А вы ему в чай накапайте.

— А в борщ можно? Борщ у меня сегодня.

— В борщ можно, — сказал Минц. — Итак, наше средство действует по принципу противодействия. Если я его приму, то ничего не произойдет. Как я работал, так и буду работать. Ибо я трудолюбив.

— Может, тогда и с Колей не произойдет?

— Не перебивайте меня. Со мной ничего не произойдет, потому что в моем организме нет никакого противодействия труду. С каплями или без капель, я все равно работаю. Но чем противодействие больше, тем сильнее действие нашего с вами средства. Натолкнувшись на сопротивление, лекарство перерождает каждую клетку, которая до того пребывала в состоянии безделья и неги. Понимаете?

— Сложно у вас это получается, Лев Христофорыч. Но мне главное, чтобы мой Коленька поменьше баклуши бил.

— Желаю успехов, — произнес Лев Христофорович и передал Гавриловой склянку со средством.

А сам с чувством выполненного долга направился к своему рабочему столу и принялся было за восстановление в памяти формулы передачи энергии без проводов, но его отвлек голос Гавриловой, крикнувшей со двора:

— А по сколько капель?

— По десять, — ответил Минц, подходя к окну.

— А если по пять? — спросила Гаврилова.

Профессор махнул рукой. Он понимал, что сердце матери заставляет ее дать сыну минимальную дозу, чтобы мальчик не отравился. В действительности одной капли хватило бы для перевоспитания двух человек. И средство было совершенно безвредным.

Под окном два маляра затянули песню. Песня была скучная и, по случаю раннего времени, негромкая. Маляры проработали уже минут тридцать и теперь намерены были ждать обеда.

Минц на минуту задумался, потом вспомнил, что где-то под столом должна стоять непочатая бутылка пива. Он разворошил бумаги, отыскал бутылку и, раскупорив, разлил пиво в два стакана. Затем, плеснув в стаканы средства от безделья, направился к окну.

— Доброе утро, орлы, — проговорил профессор бодро.

— С приветом, — ответил один из маляров.

— Пить хотите?

— Если воды или чаю — ответим твердое «нет», — сказал маляр. — Вот если бы вина предложил, дядя, мы бы тебе всю комнату побелили. В двадцать минут.

Через двор медленной походкой усталого человека шел Николай Гаврилов, который сбежал с практики и придумывал на ходу, как бы обмануть родную мать и убедить ее, что мастер заболел свинкой. Гаврилов обратил внимание, как солнце, отражаясь от лысины профессора, разлетается по двору зайчиками, и испытал полузабытое детское желание выстрелить в эту лысину из рогатки. Но он отвернулся, чтобы не соблазниться.

— А вы пиво уважаете? — заискивающе спросил профессор Минц.

— Шутишь, — ответил обиженно маляр. — Пива третий день как в магазине нет по случаю жаркой погоды.

— А у меня бутылка осталась, — сообщил Минц. Он поставил полные стаканы на подоконник, а малярам показал темно-зеленую бутылку.

— Погоди, — сказал деловито маляр. — Не двигайся с места, сейчас мы к тебе зайдем и разберемся.

Маляры вели себя деликатно, осмотрели потолок, дали профессору ценные советы насчет побелки и только потом с благодарностью выпили по стакану пива.

— Самогон изготовляешь? — спросил с надеждой один из маляров, разглядывая колбы и банки.

— Нет, — ответил профессор. — Вам не хочется вернуться к ремонту квартиры товарища Ложкина?

Маляры весело засмеялись.

Минц смотрел на них внимательно, желая уловить момент, когда рвение трудиться охватит их с невиданной силой. Но маляры попрощались и ушли обратно во двор, допевать песню.

Было 11 часов 20 минут утра.

Вскоре Гаврилова принесла сыну тарелку борща с двумя каплями средства профессора Минца. Пять капель дать сыну не реши-

лась. Николай смотрел на мать подозрительно. Почему-то она не ругалась и не укоряла сына. Это было странно и даже опасно. Мать могла принять какое-нибудь тревожное решение: написать отцу в Вологду, вызвать дядю или пойти в техникум. Гаврилов ел борщ безо всякого удовольствия. Потом кое-как управился с котлетами, и его потянуло в сон. Николай включил музыку не на полную мощность и задремал на диване, прикрыв глаза учебником математики: он верил, что когда спишь, то из книги в голову может что-нибудь перейти.

Минц не мог работать. В расчетах что-то не ладилось. Маляры лениво спорили со старухой Ложкиной, которая призывала их вернуться на трудовой пост. Потом стали выяснять, кому первому идти за вином. Из окна Гавриловых доносилась музыка. За стол под сиренью сели Кац с Василь Васильичем. Кац был на бюллетене и выздоравливал, а Василь Васильич работал в ночную смену. Они ждали, когда подойдет кто еще из партнеров. Жена Каца кричала из окна:

— Валентин, сколько раз тебе говорила, чтобы починил выключатель? Ты же все равно ничего не делаешь.

— Я заслуженно ничего не делаю, кисочка, — отвечал Валя Кац. — Я на бюллетене по поводу гриппа.

— Вот, — сказал сурово Минц. — Эти будут у меня в числе подопытных.

Он взял хозяйственную сумку и отправился в магазин. Там продавали сухое вино из Венгрии, но брали его слабо, без энтузиазма. Ждали, когда привезут портвейн. Среди ожидавших уже был маляр. Минца он встретил как доброго знакомого и посоветовал ему:

— Ты погоди деньги-то тратить. Сейчас портвейн выбросят. Там у Риммы еще четыре ящика.

— Ничего, — смутился профессор Минц. — Мне для опыта. Мне не пить.

— Для опыта можно и молоко, — сказал осуждающе человек с сизым носом.

Цвет был такой интенсивный, что Минц засмотрелся на нос, а человек произнес с некоторой гордостью:

— Это я загорал. Кожа слезла.

Римма поставила перед Минцем шесть бутылок сухого вина.

— Большой опыт, — оценил маляр. — В гости позовешь?

И тут Минц решился.

— Всем ставлю! — воскликнул он голосом загулявшего купчика. — Все пьют!

В магазине стояли человек пятнадцать. Все, на взгляд Минца, бездельники. Все заслуживали перевоспитания.

— И не думайте, и не мечтайте, чтобы распивать! — возмутилась Римма, ложась большой грудью на прилавок и пронзая взглядом Минца. — Я вам покажу, алкоголики! Я живо милицию вызову.

— Пошли в парк, — предложил человек с сизым носом. — Здесь правды нет.

Они остановились на минуту у автоматов с газированной водой. Минц мог бы поклясться, что ни один из его новых знакомых не приближался к ним ближе чем на три шага, но шесть стаканов, стоявших в автоматах, тут же исчезли.

— Тебе первому, — сказал человек с сизым носом, вырывая зубами пробку. — Ты, старик, человек отзывчивый.

— Нет, что вы, я потом, — ответил Минц, поняв, что совершил ошибку. Как он подольет в вино свое средство? Ведь на него глядят пятнадцать пар глаз.

— Не тяни, не мучь душу, — поторопил маляр, поднося профессору стакан.

— Погодите, — нашелся тут Минц. — У меня одна штучка есть. Для крепости. Капнешь три капли, на десять градусов укрепляется.

Профессор достал из кармана склянку и быстро накапал себе в стакан.

На него смотрели недоверчиво и строго.

— Не знаю я такого, — проговорил маляр.

— А я читал. В одном журнале, — подтвердил человек с сизым носом. — Конденсатор называется.

— Правильно, — ответил Минц и быстро выпил вино.

Вино было прохладное, приятное на вкус. Профессор никогда не пил вина стаканами.

К этому времени остальные пять стаканов тоже были наполнены. Владельцы их смотрели на профессора выжидающе. Профессор тоже не спешил. Молчал.

— Слушай, старик, — сказал маляр. — Что-то ты меня не уважаешь.

— А что? — удивился Минц.

— Конденсатора капни, не жалей. У тебя же целая бутылка.

Рискованный психологический этюд удался.

— Ну, только по две капли, не больше, — смилостивился профессор, чтобы не раздражать собутыльников.

Он капал поочередно в протянутые стаканы, хвалил себя за сообразительность и чуть не стал причиной острой вражды.

— Это что же? — воскликнул вдруг маляр. — Ты ему почему три капли?

— Мне? Три? Да ты глаза протри!

— Спокойно, — втиснулся профессор между спорщиками. — Кому не хватило капли?

Маляр первым пригубил вино. Все смотрели на него.

У профессора замерло сердце.

Маляр опрокинул стакан, и вино с журчанием рухнуло в горло.

Маляр вздохнул и сказал:

— Десяти градусов не будет, а пять-шесть прибавляет. Поверьте моему опыту.

Остальные пришли к такому же выводу.

Из парка шли дружно, весело, обнявшись, пели песни, уговорили профессора еще раз заглянуть к Римме — может, принесли портвейн. У профессора шумело в голове, ему было хорошо, тепло, и он полюбил этих таких разных и непохожих людей, которые еще не знают, какими трудолюбивыми они вскоре станут.

У Риммы портвейн был.

...Профессора проводили до дома и оставили у входа во двор, прислонив к стойке ворот. Первым его увидел Николай Гаврилов. Николай проснулся от странного свербящего чувства. Ему чего-то хотелось. И чувство было таким незнакомым и будоражащим, что он встал у окна и начал рассуждать, чего же ему хочется. Руки сами нашли пыльную тряпку, и Николай начал стирать пыль с подоконника и рамы. В этот момент он увидел профессора и сказал тем, кто играл внизу в домино:

— Смотрите, профессор-то насосался, как комар!

Слова Гаврилова возмутили Василь Васильича, который велел подростку закрыть окно и прекратить хулиганство. Но потом Василь Васильич поглядел все-таки в сторону ворот и был настолько поражен, что открыл рот и замолчал.

А Минц вспомнил, что у него еще много дел и часть дел связана с людьми, которые сидят вокруг стола и стучат по нему костяшками домино. Профессор оторвался от столба и нащупал в одном кармане пузырек со средством, в другом — недопитую бутылку портвейна, которую дали ему на прощание собутыльники. Вошедший во двор Корнелий Удалов подхватил профессора.

— Выпьем — и за работу, — сказал профессор Удалову.

— Стыд какой! — воскликнула Ложкина, закрывая окно.

— Надо помочь человеку, — решил Ложкин. — Это какой-то заговор. Товарищ Минц живет в нашем доме уже три месяца, и он непьющий.

— Вот и прорвало, — сказала старуха Ложкина. — Они иногда по полгода терпят, а потом прорывает. Теперь мы с ним намучаемся.

— Не хочу верить, — сказал Ложкин.

Коля Гаврилов протирал тряпкой окно, но в разговоры внизу не вмешивался. Ему жаль было отрываться от такого увлекательного занятия...

Профессор Минц, тяжело опираясь на Удалова, проследовал к столу. Соседи поднялись ему навстречу.

— Выпьем, — произнес профессор строго. — За успехи труда.

Он широким жестом сеятеля провел перед лицами соседей бутылкой портвейна. Никто к бутылке не потянулся.

— Не время, — ответил Удалов смущенно. — Если вечером, в кругу и так далее, мы будем польщены.

— И все-таки, — настаивал профессор. — Вы должны уважать в моем лице науку. Я могу оскорбиться. И наука оскорбится. И тогда произойдет нечто ужасное, чему нет названия.

Василь Васильич вздрогнул и сказал:

— Только из уважения.

Профессор Минц поставил бутылку на стол, провел непослушными руками по карманам, будто отыскивая пистолет, и, к удивлению присутствующих, достал оттуда граненый стакан.

— Вот, — показал он, — все будет по науке.

Он капал из склянки в стакан, доливал вином и заставлял пить, приговаривая:

— Как лекарство, как настойку, как триоксазин.

И соседи пили, не получая от этого никакого удовольствия и ощущая неловкость. Пили, как касторку.

Коля Гаврилов этого не видел. Он уже мыл пол и потому стоял на четвереньках.

Один из маляров, который беспутничал с Минцем в городском парке и за углом магазина, еще не вернулся, он заблудился и пришел в тот дом, где завершил работу две недели назад, зато другой подумал, что зря он здесь прохлаждается, взял кисть и поспешил наверх, к Ложкиным, предвкушая сладкое чувство приступа к любимой работе.

— Спасибо, — сказал профессор Минц, сел на скамью и глубоко задумался. Он утомился. Ради науки пришлось отступить от некоторых принципов.

Соседи расходились. В воротах показалась Гаврилова с хозяйственной сумкой. Она возвращалась из магазина. Несчастная мать остановилась в воротах и прислушалась. Ее сын Коля не включил проигрыватель. Это было странно. Наверное, он заболел. Не отравила ли она ребенка с помощью профессора Минца?

И тут Гаврилова увидела Минца. Минц сидел за столом, где соседи обычно играли в домино, и, раскачиваясь, мычал какую-то

песню. Над ним склонился Корнелий Удалов. В отдалении, понурившись, стояли Василь Васильич с Валей Кацем, и вид у них был смущенный.

— Что случилось? — воскликнула Гаврилова и крикнула громче: — Коля! Где ты! Что с тобой, Коля?

Сердце ее почуяло неладное.

Коля не отозвался. В этот момент он как раз отправился на кухню, чтобы вылить из таза грязную воду и набрать чистой. Ему захотелось вымыть пол снова, чтобы добиться первозданной белизны дерева.

Гаврилова, метнув гневный взгляд в сторону Минца, побежала домой.

— Я помогу вам, — сказал Удалов, поддерживая Минца. — Я вас провожу.

— Спасибо, друг, — ответил профессор Минц. Они шли через двор в обнимку, профессор навалился на Удалова, старуха Ложкина глядела на них в окно и качала головой с осуждением. То, что один из маляров вновь принялся за работу, удивило ее, но не настолько, чтобы забыть о позоре профессора.

У дверей Минца с Удаловым обогнал второй маляр. Широкими шагами, подобно Петру Первому, он спешил на рабочее место.

— С дороги, — сказал он деловито.

И профессор Минц понял, что эксперимент удался.

Удалов помог профессору прилечь на его узкую девичью кроватку. Профессор тут же смежил веки и заснул. Удалов некоторое время стоял посреди комнаты, вдыхая запах химикалиев. Профессор вел себя странно. А Удалов не верил в случайность такого поведения.

Профессор проснулся через три часа. Голова была чистой и готовой к новым испытаниям. Что-то хорошее и большое случилось в его жизни. Да, решена кардинальная проблема современности. Гениальный ум профессора нашел решение загадки, которая не давалась в руки таким людям, как Ньютон, Парацельс и Раздобудько.

За стеной слышалось шуршание и постукивание. Какие-то невнятные звуки доносились со двора. Профессор сел на кровати и сквозь скрип пружин услышал деликатный стук в дверь.

— Войдите, — разрешил профессор.

— Это я, — произнесла Гаврилова шепотом, протискиваясь в дверь.

— Ну и как? — спросил профессор голосом зубного врача, поглаживая лысину и легонько подмигивая несчастной матери.

У Гавриловой были безумные глаза.

— Ой, — сказала Гаврилова и села на край кровати. Она прижала ладони к покрасневшим щекам. — И не знаю.

— Ну так чего же? — Профессор вскочил с кроватки и быстрыми шагами начал мерить комнату. — Появилось ли трудолюбие? Я что-то не слышу музыки.

— Какая там музыка, — вздохнула Гаврилова. — Страшно мне. Два раза сегодня в обмороке лежала. При моей комплекции. Что он с полом сделал? Что он со мной сделал...

Тут добрая женщина зарыдала, и профессор Минц неловко утешал ее, дотрагиваясь до ее пышных волос, и предлагал ей воду в стакане.

— Послушайте, — сказал он наконец, так как рыдания не прекращались. — Предлагаю вместе отправиться на место происшествия. Может, я смогу быть полезен.

— Пойдем, — согласилась женщина сквозь рыдания. — Если бы моя покойная мама...

В коридоре им пришлось задержаться. Маляры, завершив ремонт квартиры Ложкиных, принялись за коридор, что в их задание не входило. Тем более что рабочий день кончился. Маляры уже ободрали со стен старую краску, прокупоросили плоскости. Работали они споро, весело, с прибаутками, не тратя зазря ни минуты. Лишь на мгновение один из них оторвался от работы, чтобы подмигнуть профессору Минцу и кинуть ему вслед:

— Что прохлаждаешься, дядя? Так и жизнь пролетит без пользы и без толку.

Профессор был согласен с малярами. Он улыбнулся им доброй улыбкой. Старуха Ложкина выглядывала в щелку двери, смотрела на маляров загнанно, потянула проходившего мимо профессора за рукав и прошептала ему в ухо:

— Я им ни одной копейки. Пусть не надеются. Они на государственной службе.

— А мы не за деньги, мамаша, — услышал ее шепот маляр. — Сам труд увлекает нас. Это дороже всяких денег.

— И славы, — добавил другой, размешивая краску в ведре.

Во дворе глазам профессора предстало странное зрелище. Василь Васильич с Валей Кацем благоустраивали территорию, подрезали кусты, разравнивали дорожки, подстригали траву. А сосед, имени которого профессор не знал, катил в ворота тачку с песком, чтобы соорудить песочницу для игр маленьким детям.

Соседи трудились так самозабвенно, что не обратили на Минца никакого внимания.

Гаврилова поглядела на них с некоторым страхом, и тут ей пришла в голову интересная мысль.

— Это не вы ли, Лев Христофорыч? — спросила она.

— Я, — скромно ответил профессор.

— Ой, что же это делается! — сказала Гаврилова.

В этот момент во дворе показался Корнелий Удалов, который нес на плече две доски для детского загончика. Он услышал слова Гавриловой, и они укрепили его подозрения. А так как Удалов в принципе никогда не испытывал неприязни к труду, то лекарство профессора подействовало на него умеренно, он смог пересилить страсть к работе, положил доски и последовал за профессором в квартиру Гавриловых.

Квартира встретила профессора невероятной, сказочной чистотой. Пол ее был выскоблен до серебряного блеска и покрыт сверкающей мастикой, подоконники и двери тщательно вымыты. В распахнутую дверь кухни были видны развешанные в ряд выстиранные занавески, вещи Коли Гаврилова и постельное белье, а в промежутках между простынями блистали бока начищенных кастрюль. Самого Николая нигде не было видно. Гаврилова остановилась на пороге, не смея вступить в свой дом.

— Коля, — позвала она слабым голосом. — Коленька.

Коля не отозвался.

Профессор тщательно вытер ноги о выстиранный половик и сделал шаг в комнату. Коля лежал на диване, обложившись учебниками, и быстро конспектировал их содержание.

Профессор склонился над ним и спросил:

— Как вы себя чувствуете, молодой человек?

Коля отмахнулся от голоса, как от мухи, и подвинул к себе новый учебник.

— Коля, — сказал профессор. — Ты так много сделал сегодня. Не пора ли немного отдохнуть?

— Как вы заблуждаетесь, — ответил ему Коля, не отрывая глаз от учебника. — Ведь столько надо совершить. А жизнь дьявольски коротка. У меня задолженность за этот курс, а мне по-человечески, глубоко и серьезно хочется пройти в этом году два курса. Может, три. Так что, умоляю, не отрывайте меня от учебы.

— Мальчик прав, — сказал профессор, оборачиваясь к Гавриловой и Удалову, наблюдавшим эту сцену от двери.

— Но он же переутомится, — сказала Гаврилова. — Он к этому непривычный.

— Мама, не тревожься, — возразил на это Коля Гаврилов. — В мозгу человека используется жалкая часть работоспособных клеток. Ты не представляешь, мама, какие у меня резервы. Кстати, обед на плите, ужин там же. Пожалуйста, не утруждай себя излиш-

ним трудом, отдохни, почитай, посмотри телевизор, у тебя же давление.

Добрая женщина Гаврилова вновь зарыдала. Удалов с профессором спустились во двор. При виде соседей Удалову захотелось включиться в трудовой процесс, но он сдержатся и обернулся к Минцу.

— Лев Христофорыч, — сказал он проницательно. — Это ведь ваше средство. Вы у нас единственный химик.

— И гениальный, — без улыбки поддержал его профессор, довольный результатами эксперимента.

— И без вреда для здоровья? — спрашивал Удалов.

— Без вреда, — отвечал профессор. — Но с опасностью для образа жизни.

— И скоро в производство? — спросил Удалов, обламывая, чтобы не тратить времени задаром, сухие сучки на дереве.

— Что в производство?

— Средство от лени.

Удалов всегда брал быка за рога и называл вещи своими именами.

— Поймите, мой друг, — сказал профессор. — Какие бы лекарства ни изобретала наука для исправления человеческих недостатков, они всегда будут не более как протезами. Мы пока не можем химическим путем изменить натуру человека. Планомерное, последовательное, терпеливое воспитание человека-творца, человека-строителя — вот наша задача.

— Так, значит, все вернется на свои места? — Удалов был разочарован.

— Боюсь, что так.

— А если побольше дать? Вот вы нам по капле давали, а ведь можно и по стакану? Что, вредно?

— Нет, средство безвредное. Но мы не имеем права проводить эксперименты, пока препарат не испытают в Москве, пока его не утвердит Министерство здравоохранения, пока мы не запатентуем его для избежания международных конфликтов.

— Ну зачем столько ждать? И при чем здесь международные конфликты? — возмутился Удалов.

— Очень просто. — Лицо профессора приобрело мудрое и чуть печальное выражение. — Представьте себе, что средство попадает в лапы акул империализма, эксплуататоров и неоколонизаторов. Вы подумали о последствиях? Любое самое благородное изобретение может быть обращено во вред человечеству.

— Да, — вздохнул Удалов. Он представил себе, как владельцы плантаций в некоторых странах Латинской Америки будут выжи-

мать с помощью нового препарата последние соки из батраков и сезонных рабочих, как колонизаторы будут поить препаратом рабов в глубоких алмазных шахтах. Как будут неустанно строчить перьями наемные писаки и болтать в телевизор реакционные комментаторы. А дальше — еще хуже. Неустанно и терпеливо будут рыть подкопы под банки ожесточенные гангстеры. День и ночь будут трудиться фальшивомонетчики. Нет, такое средство надо охранять, а не пропагандировать!

Это Удалов высказал Минцу и тут же отправился пропалывать цветы на клумбе.

Теплый, душистый, приятный вечер опустился на город. Зажглись звезды. Ночные мотыльки бились о стекла уличных фонарей, на реке протяжно и мирно загудел пароходик. Профессор Минц стоял у ворот и смотрел на улицу. По улице двигалась небольшая группа людей, вооруженных метлами и совками. Среди этих людей Минц узнал знакомые по утренним похождениям лица. Люди подметали улицы, по дороге некоторые из них останавливались, влезали на столбы и заменяли перегоревшие фонари. За этой группой тружеников шли толпой обыватели и рассуждали, что все это может значить. То ли это заключенные, которым дали по пятнадцать суток за мелкое хулиганство, ведь среди них были завзятые алкоголики и тунеядцы, то ли эта компания пытается выиграть какой-то спор или даже делает это из озорства. Но, несмотря на насмешки, переродившиеся тунеядцы продолжали шествовать по улице.

Минц был встревожен. Он не смел никому признаться, что не предусмотрел таившейся в эксперименте опасности. Он не знал интенсивности взаимодействия препарата с бездельными клетками человеческого тела, он не знал, когда закончится действие лекарства.

За спиной Погосяна слышалось тяжелое дыхание маляров. Они неутомимо и воодушевленно красили стену дома в веселенький желтый цвет и, словно полярники, стремящиеся к полюсу, поддерживали друг друга примерами из жизни героев.

На скамейке неутешно горевала Гаврилова. Ее сын уже одолел физику и химию за первое полугодие и для разнообразия решил переклеить обои, а потом перебрать паркет у соседки, одинокой женщины. Никто не обращал внимания на горе Гавриловой. Жильцы дома, за редким исключением, превращали ранее пустынную заднюю часть двора в спортивную площадку для молодежи всего квартала. Они уже вкопали столбы для баскетбола и волейбола и теперь сооружали небольшой бассейн для прыжков в воду.

— Что делать? Что делать? — беззвучно шевелились губы профессора. — Нужно противоядие.

Он быстро миновал двор, прижимаясь к стенам, чтобы не встретиться с затравленным взглядом Гавриловой, и поднялся к себе. Брызги желтой краски бабочками залетали в распахнутое окно. Профессор уселся за вычисления.

Он завершил их глубокой ночью. Маляры уже закончили покраску дома и за неимением новой краски скребли забор, чтобы покрыть его мебельным лаком для придания благородного вида. Жильцы дома уже выкопали бассейн, обмазали его цементом и подводили к нему трубы. Лишь Василь Васильич покинул свой пост. И то не по доброй воле. Просто его жена, беспокоясь за здоровье своего пожилого мужа, уговорила товарищей связать Василь Васильича и отнести на кровать для отдыха. Василь Васильич не соглашался засыпать, беспокоился, как без него трудятся товарищи, подбадривал их с постели громкими советами и пожеланиями успехов в труде.

Тунеядцы и пьяницы уже вычистили весь город, добрались до реки, там сортировали бревна по размеру и сорту и складывали их для погрузки на баржи.

Глубокой ночью Минц сделал два открытия. Во-первых, он вывел формулу ослабленного препарата, который не вызывал в человеке ничего, кроме нормального трудолюбия. Во-вторых, вычислил, что действие средства, введенного утром, закончится примерно через час.

Другой бы на месте Минца отправился спать. Но Минц был не таков. Он хотел на деле убедиться в правильности своих вычислений. Для этого надо было бодрствовать еще час. И Лев Христофорович решил потратить это время на приготовление ослабленной смеси. Правда, он пришел к выводу, что опыты с людьми слишком рискованны и нормальный препарат он будет испытывать на ложкинском коте, который настолько обленился, что не ловил мышей.

Для начала следовало найти бутыль с остатками препарата и разбавить его до кондиции. Бутылка нашлась в кармане пиджака. На дне ее плескалась темная жидкость, которой хватило бы, чтобы на день привлечь к труду целое учреждение.

Поставив бутылку на стол, Минц начал разыскивать пустую посуду. Он доставал бутылки, колбы, бутылочки и пузырьки с полки, из-под стола и из других мест. О некоторых он давно уже забыл, другие вызывали в памяти профессора приятные воспоминания об удачах или тяжелые вздохи, свидетельствующие о временных отступлениях.

Вот колба, в которой незаменимое средство от комаров, не убивающее их, но заставляющее отлететь на два метра в сторону. От этого средства пришлось отказаться, потому что в порядке естественного отбора комары отращивали хоботки длиной ровно в два метра и доставали ими профессора из-за пределов охранной зоны.

Вот средство для развития музыкального слуха, вот пробирки неизвеєтно с чем, вот бутыль со стимулятором роста для шампиньонов, под влиянием которого грибы за одну ночь достигают метрового размера...

Профессор любовно перебирал сосуды и так увлекся, что не заметил, как пролетел час. Его вернул к действительности шум на дворе. Оказывается, маляры завершили работу и собирали кисти и ведра, с некоторым удивлением поглядывая на плоды своего труда, соседи прервали сооружение бассейна и прощались, отходя ко сну. Поодиночке, усталой походкой, с реки возвращались тунеядцы.

— Что-то будет завтра, — произнес Лев Христофорович и лег спать. Он питал надежды на то, что препарат не совсем выветрился из организмов хорошо потрудившихся людей.

Профессор спал крепко и смотрел сны, в которых всегда находил темы для завтрашней научной работы. Он не слышал, как тихонько отворилась дверь и темная человеческая фигура, прикрывая ладонью свет электрического фонарика, проникла внутрь и остановилась у порога. Луч фонарика робко обшарил комнату, задержался на мгновение на кровати, зайчиком отразился от лысины профессора и замер на столе, среди бутылочек.

Человек на цыпочках подкрался к столу и остановился перед рядом сосудов. Он поднимал и просвечивал фонариком бутылки до тех пор, пока не отыскал нужную. Тогда он спрятал ее за пазуху и покинул комнату, беззвучно закрыв за собою дверь. Профессор безмятежно спал и видел во сне пути к решению задачи увеличения веса крупного рогатого скота.

Утром профессор поднялся раньше всех и, перед тем как взяться за новые опыты, уселся у окна, глядя во двор.

Первыми прошли на работу Василь Васильич и Валя Кац. Были они оживленны и веселы. Казалось, вчерашнее переутомление никак на них не отразилось.

— Как дела? — спросил Минц.

— Отлично, Лев Христофорович, — ответил Валя. — Сегодня после работы будем бассейн завершать. Вы к нам не присоединитесь?

— С удовольствием, — согласился профессор.

Настроение у него улучшилось. Налицо был остаточный эффект, возможно, длительного свойства.

Показался Корнелий Удалов! Он тоже спешил на работу. При виде профессора он кивнул ему и почему-то схватился за оттопыренный карман. Профессор не заподозрил ничего неладного и спросил:

— Как самочувствие, Корнелий Иванович?

— Лучше некуда, — ответил Удалов и подмигнул ему.

Вслед за Удаловым вышел подросток Николай Гаврилов с учебниками и тетрадками под мышкой и сказал матери, высунувшейся из окна ему вслед:

— Мама, не утруждай себя. У тебя давление. А картошку я почищу, как только вернусь с практики.

Это тоже был добрый знак. Профессор проводил Гаврилова взглядом и потом перекинулся несколькими словами с его матерью.

Убедившись, что препарат никому из его знакомых не повредил, профессор совершил разведочный поход в магазин к Римме.

Римма скучала. Ей не с кем было воевать и ругаться. Вместо обычной нетерпеливой толпы тунеядцев в магазине ошивались лишь два субъекта, их лица профессору были незнакомы.

Лев Христофорович купил у Риммы две бутылки лимонада и сказал тунеядцам лукаво: «Вы у меня еще напьетесь. Вы еще потрудитесь, голубчики». Тунеядцы огрызнулись, не поняв слов профессора. А Минц поспешил домой.

По дороге он повстречался со знакомыми малярами. Они несли кисти и ведра на новый объект.

— Привет, папаша, — сказали они профессору. — Славно мы вчера потрудились.

— Сегодня не переутомляйтесь, — заботливо проговорил Минц.

— Не беспокойся, не переутомимся, — ответили маляры. — Но и поработаем с удовольствием.

Счастливая улыбка не покидала лица профессора. Он дошел до угла Пушкинской улицы, и тут улыбка сменилась выражением крайней тревоги.

Посреди Пушкинской улицы, рядом с катком и генератором, стояли группой дорожники в оранжевых жилетах и пластиковых касках. Перед бригадой, как Суворов перед строем Фанагорийского полка, шагал Удалов, держа в одной руке темную, знакомую профессору бутылку, в другой — столовую ложку. Он наливал в нее жидкость из бутылки и протягивал ложку очередному ремонтнику.

— Это вакцина, — приговаривал Удалов. — От эпидемии гриппа. Из области прислали. По списку. Обязательный прием внутрь.

Рабочие и техники послушно раскрывали рты и принимали жидкость.

— Корнелий Иванович, остановитесь! — крикнул профессор, подбегая к Удалову.

Но Удалов сначала убедился, что последний член бригады принял лекарство, и лишь затем обернулся к профессору и отвел к стоящему поодаль дереву.

— Вы меня, конечно, простите, что без разрешения. Но в интересах дела, — сказал он вполголоса, чтобы не услышали дорожники. — Они сегодня у меня до ночи проработают, а то квартальный план горит. Это не повредит. Пусть хоть разок выложатся. Я и в конторе вакцинацию провел, и в диспетчерской. По моим расчетам, к вечеру план выполним и выйдем в передовики.

— Ну как же так, — укоризненно произнес профессор. — Вам же пришлось, наверное, ночью ко мне в комнату заходить. Вы же могли споткнуться, упасть...

Добрый профессор был расстроен.

— Не беспокойтесь, Лев Христофорович, — ответил Удалов. — Я же с фонариком.

Он обернулся к дорожникам и сказал зычно:

— За работу, друзья.

Но с дорожниками творилось нечто странное. Они не стремились к лопатам и технике. Напевая, они сошлись в кружок, и бригадир помахал в воздухе рукой, наводя среди них музыкальный порядок.

— Что происходит? — удивился Удалов.

Бригадир поднял ладонь кверху, призывая к молчанию. Затем сказал:

— Раз-два-три!

И бригада затянула в четыре голоса сложную для исполнения грузинскую песню «Сулико».

Как пораженный громом, Удалов стоял под деревом. Окна в домах раскрывались, и люди прислушивались к пению, которому мог бы позавидовать ансамбль «Орэра».

— Что? Что? — Удалов гневно смотрел на профессора. — Это ваши штучки?

— Минутку... — Профессор поднес к носу пустую бутылочку. — Я так и думал. В темноте вы перепутали посуду. Это препарат для исправления музыкального слуха и создания хоровых коллективов.

— О, ужас! — воскликнул Удалов. — И сколько они будут петь?

— Долго, — ответил профессор.

— Но что тогда творится в конторе?

— Не убивайтесь, — сказал профессор, прислушиваясь к стройному пению дорожников, — можно гарантировать, что ваша стройконтора возьмет в области первое место среди коллективов самодеятельности.

— Ну что ж, — сказал печально Удалов. — Хоть что-то...

ПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ

Новая модель машины времени, сооруженная профессором Львом Христофоровичем Минцем с помощью золотых рук Саши Грубина, помещалась на первом этаже, под лестницей дома № 16 по Пушкинской улице. Она была замаскирована дверью в чулан, чтобы никто из детей, играя, не провалился случайно в другую эпоху.

Представляя собой тончайшую ленту, машина времени облегала изнутри раму двери и была покрашена суриком, так что посторонний взгляд никогда бы не заметил этого величайшего изобретения.

Если ты, открыв дверь в чулан, переместишь стрелочку на потайном циферблатике, а потом нажмешь синюю кнопочку, то окажешься в прошедшем времени.

Теоретически можно отправиться и к динозаврам, но только на это не хватало энергии, так что полвека были пределом.

Профессор Минц и узкий круг посвященных в составе соседей по дому и друзей — Александра Грубина, Корнелия Удалова и старика Ложкина — машиной не злоупотребляли и ее существование хранили в тайне. Полагали, что, когда наладят изобретение, отдадут его народу.

Порой кто-нибудь из экспериментаторов со всеми предосторожностями посещал прошлое. И это сходило с рук, пока не проштрафился Удалов.

Как-то вечером, с разрешения Минца, Корнелий Иванович решил заглянуть в пору собственного детства.

Минц контролировал опыт снаружи.

Удалов прошел в дверь чулана, набрал на циферблате 1948 год, нажал на синюю кнопочку и оказался в том же чулане, но не таком пыльном и загроможденном. Отодвинув доску в задней стене, Удалов вышел во двор. Двор был почти таким же, как сегодня, только сирень еще не разрослась и стол для домино был небольшим.

Одет был Удалов в соответствии с эпохой. Об этом позаботился старик Ложкин, который ничего никогда не выкидывал и потому смог ссудить Корнелию военный френч со споротыми петлицами

и широкие брюки. В кармане лежали сорок пять рублей дореформенными деньгами, сделанные Минцем на дубликаторе.

Никем не замеченный, Удалов прошел по улице и оказался в городском парке. Там играл духовой оркестр, а на веранде танцевали молодые люди, не сносившие еще своих гимнастерок, и подростки, постриженные под полубокс. Но куда больше там было девушек и женщин.

Ноги сами взнесли Удалова на веранду. Играли «Рио Риту», а потом «Розалинду». И тут Удалов увидел Леку, Леокадию.

И воспоминания ожгли сердце Удалова. В том году Удалову было чуть больше десяти лет, а Леке около тридцати. Она была первой, недоступной, сказочной любовью Корнелия.

Лека торговала мороженым на углу Пушкинской и Советской. У нее была повозка, похожая на сундук голубого цвета. Сверху крышки: под одной — мороженое, под другой — вафельные крышечки, под третьей — банка с водой. Лека брала в руку прибор, похожий на небольшой олимпийский факел, вкладывала в расширение круглую вафельку, потом окунала ложку в воду, зачерпывала ею мороженое и клала на вафельку. Затем Лека прикрывала мороженое другой вафелькой и выталкивала готовую порцию из факела. Мороженое было круглым, зажатым между вафельками, его можно было сначала облизывать вокруг, а уж потом кусать.

Других детей интересовало только само мороженое, а Удалова потрясал процесс его изготовления. Увлечение процессом он перенес на саму Леку, большую, веселую, зеленоглазую, рыжую и добрую.

У Леки, как говорили, убили на фронте жениха, но она его все равно ждала.

Удалова Лека выделяла за верность. Она иногда предлагала ему порцию бесплатно, но Удалов и тогда уже был гордым. Даже если денег совсем не было, он терпел, но от подарка отказывался.

Через три года Лека вышла замуж за одного шахтера из Караганды, который приезжал в Великий Гусляр в отпуск, к тете. И уехала. И забылась.

И вдруг Удалов увидел ее на танцверанде. И сразу узнал. Хоть она оказалась совсем небольшой, ему по ухо.

Лека танцевала с незнакомой девушкой. Удалов глядел на Леку и любовался ею. А Лека заметила настойчивый взгляд, сама подошла к нему после танца и сказала с улыбкой:

— Вроде ваше лицо знакомое, но не помню, кто вы. А вы все смотрите на меня так настойчиво. Почему?

— Мы с вами когда-то встречались, — ответил Удалов.

Аккордеонист заиграл «Брызги шампанского», и они пошли

танцевать. Удалов сначала не знал, о чем говорить, и спросил, как идет торговля. Лека рассмеялась: «Какая там торговля! Одни детишки покупают!»

Когда танцы кончились, Удалов пошел провожать Леку до дома. Они посидели на лавочке над рекой. Там, на дальнем берегу, еще не было района пятиэтажек, а за слободой виднелся лес. Он казался черной пилой, а над самыми зубьями плыла полная луна.

Удалов держал руку Леки в ладонях. Ему было хорошо. Потом Лека сказала, что ей пора, потому что у нее сердитая хозяйка квартиры.

Удалов проводил Леку по темному, совсем заснувшему городку. У фонаря, что горел на перекрестке, они остановились. Лека сообщила, что дальше нельзя, хозяйка подсматривает из окна. Удалов вдруг произнес, что умеет гадать по руке. Лека не удержалась, попросила погадать. Удалов сказал, что через три года она выйдет замуж за шахтера из Караганды. Лека расстроилась. Три года показались ей бесконечным временем. А может быть, она еще немножко ждала своего погибшего жениха.

Потом Лека поняла шутку, рассмеялась и спросила, придет ли завтра Удалов на танцверанду.

— Я уже старый, — сказал Удалов.

— Я тоже не первой молодости, — улыбнулась Лека. — Мне уже под тридцать. И я предпочитаю солидных мужчин.

Она поцеловала Удалова в щеку и убежала. А Удалов пошел домой и только у самого дома сообразил, что уже первый час ночи, что он пропал в прошедшем времени и Минц сходит с ума от беспокойства, а может, соображает спасательную экспедицию.

Но сходил с ума не Минц, а жена Удалова, Ксения. Она ждала у выхода из чулана. Она уже выдавила из Минца всю правду об эксперименте. Сначала она обрадовалась мужу, но потом уловила запах духов «Красная Москва» и чуть было не убила Корнелия.

— Ясно теперь, какая у вас машина времени! — кричала она. — Я в партком пойду!

Минц еле уговорил Ксению подождать с походом в партком до утра.

Всю ночь Ксения прорыдала, собирала вещи, чтобы ехать к сестре в Саратов, а утром поставила ультиматум. Или ее пустят в прошлое на проверку, или она будет убеждена, что Удалов подземным ходом бегает из чулана к своей неизвестной любовнице.

Пришлось взять с Ксении слово о неразглашении и передать ей сорок пять экспериментальных рублей...

Ксения переоделась в платье Ложкиной, которое принес Ложкин, а экспериментаторы остались у двери в чулан и переживали.

Но Ксения вернулась, как и обещала, через час. В путешествие во времени она поверила в тот момент, когда издали увидела в 1948 году свою маму, которая гуляла с ней, с Ксенией, в сквере у церкви Параскевы Пятницы.

Денег она с собой не принесла, потому что забрела в коммерческий магазин, о котором смутно помнила как о райском месте. Раньше ей там не приходилось бывать, потому что ее семья, как и большинство семей в городе, жила на карточки и бедствовала. А к коммерческому магазину она с подружками бегала поглядеть на изобилие на витрине. Так что было бы слишком жестоко корить Ксению за то, что она навела историческую справедливость, купив в коммерческом магазине банку красной икры, три банки крабов и шмат осетрины.

Когда Ксения признавалась в этом экспериментаторам, ее глаза тихо светились удовлетворенным сиянием, будто у львицы, скушавшей толстую зебру.

Объяснять, как случилось, что на следующее утро о покупках Ксении узнала жена Ложкина, нет нужды. И так все ясно. Но вот почему Ксения поведала об икре своей родственнице Антонине, которую не выносила, загадка. А как узнали о продуктах двоюродные сестры Грубина — Шура и Оля, — догадаться можно.

С утра следующего дня профессор Минц попал в осаду. Друзья его покинули. Они уже проиграли свои битвы. Несколько женщин разного возраста сидели в его тесно заставленном книгами и приборами кабинете и осыпали профессора несправедливыми упреками. Минц понимал, что работы придется прекратить и, еще тщательнее засекретив, перенести за город. Но с женщинами надо было что-то делать. А так как Минц был добрым человеком, то придумал он следующее.

Коммерческий магазин образца 1948 года располагался на Пушкинской в старом особняке сосланного в Гусляр польского конфедерата пана Игнация Зомбковского. Теперь в помещении магазина устроили станцию юных авиамоделистов.

Во второй половине дня, когда авиамоделисты разошлись по домам, к дверям особняка подошли экспериментаторы. Они споро прикрепили ко входу металлическую ленту машины времени. Так что теперь прошедший сквозь дверь немедленно оказывался в коммерческом магазине № 1 города Великий Гусляр в июле 1948 года.

Сделано так было потому, что Минц не мог допустить, дабы целый отряд наших современниц носился в поисках дефицита по улицам прошлого. Это неизбежно вызвало бы подозрения и скан-

дал. Теперь же Минц запускал дам в магазин, минуя улицу. И можно было надеяться, что такой рейд не успеет привести к скандалу.

Все было готово. Женщины, числом восемь человек, с сумками в руках, перешептывались, волновались. Минц раздал им по сто рублей и сказал:

— Вести себя прилично, не ронять достоинства советского человека. Взяла, выходи, уступай очередь следующей.

По знаку Минца первой вошла в магазин Антонина. На улице было тихо. Из соседнего дома вышла любопытствующая старушка. Ложкина отрядили отвлечь ее и увести из зоны.

Время шло. По расчетам Минца, покупки должны были занять пять минут. Но и через десять Антонина не появилась. Минц и Грубин не беспокоились, они понимали, что Антонина так просто из магазина не уйдет. Но женщины с каждой минутой переживали все более, опасаясь, что Антонина купит слишком много и остальным не хватит.

И когда прошло пятнадцать минут, произошел неожиданный бунт.

С криком: «Мы не можем больше ждать!» — жены, сестры и матери смели Минца, сторожившего вход, и, сшибая друг дружку, пробились в дверь. Оказавшись в проеме, они исчезали. И когда исчезла последняя, старуха Ложкина, наступила трагическая тишина.

— Что делать? — спросил Удалов.

— А ничего, — ответил легкомысленный Грубин. — Купят, вернутся. Много денег вы им дали, Лев Христофорович. Раньше чем через полчаса ждать их не следует.

Грубин оказался прав. Наступила долгая пауза. И тянулась она более двадцати минут.

По истечении этого времени в проеме двери возник плотный молодой человек в военной форме с лейтенантскими погонами и в фуражке с бирюзовым околышем.

Он окинул наших современников грозным взглядом и спросил:

— Минц Лев Христофорович присутствует?

— Это я, — признался профессор.

— Оставаться на месте, — приказал лейтенант и тут же исчез снова.

Через минуту в проеме двери появился письменный стол. На нем стоял стул. Лейтенант двигался сзади стола, подталкивая его.

Затем лейтенант установил стул возле двери, уселся на него и сказал:

— Плохо ваше дело, гражданин Минц.

— Объясните! — воскликнул Минц. — Я ничего не понимаю.

— Вы признаетесь в организации антисоветского заговора? — спросил лейтенант. — Все ваши сообщницы уже признались.

Удалов ахнул. Он догадался, что Ксения попала в беду.

— В чем вы меня обвиняете? — произнес Минц дрогнувшим голосом.

Откуда-то лейтенант извлек папку с надписью «Дело № 2451». Раскрыл ее.

— В обвинительном заключении говорится, — прочел он. — Отправив в город Великий Гусляр диверсионную группу в составе восьми человек, гражданин Минц Л.Х. поручил диверсанткам под видом приезжих покупательниц икры отравить руководство города, а также взорвать мост через реку Гусь.

— Это чепуха! — возмутился Минц.

— Они признались, — кратко и даже печально отозвался лейтенант. — Здесь есть все их показания.

— Отпустите их, немедленно! — воскликнул Минц. — Они ни в чем не виноваты.

— Значит, признаете? — Губы лейтенанта тронула улыбка.

— Я признаюсь в чем угодно, — сказал Минц. — Вам все равно не понять.

— Следуйте за мной! — приказал лейтенант. — Заодно возьмите стол.

— Не ходи! — закричал Удалов. — Они не выпустят.

— Дело не во мне, — объяснил Минц. — Я отправил наших женщин в прошлое. Я несу за это ответственность.

— Но он же их не отпустит, — вмешался Грубин. — Они же с тобой по одному делу проходят.

— Разумеется, — сказал лейтенант. — Чрезвычайная тройка скажет свое слово. Если диверсантки не виновны, они вернутся к вам. Но если... — И с улыбкой лейтенант приложил ко лбу палец и щелкнул языком.

Удалов пошатнулся от ужаса.

— Прощайте, товарищи, — сказал Минц Удалову и Грубину и сделал шаг к двери.

И тут они услышали голос Ложкина, который вернулся к двери.

— Что тут происходит? — спросил он.

— Вы, гражданин, проходите, не задерживайтесь, — приказал лейтенант. — А то тоже попадетесь.

— Постой, постой, — проговорил Ложкин.

— Они арестовали наших женщин, — сообщил Удалов. — И теперь Минц идет жертвовать собой.

— Никуда он не идет, — не согласился Ложкин.

— С дороги! — прикрикнул на старика лейтенант.

А тот произнес:

— Узнаю, узнаю тебя, Коля.

— Что такое? Мы незнакомы.

— Мы еще как знакомы, — сказал Ложкин. — Был у меня в молодости эпизод. Демобилизовавшись, я прослужил некоторое время в органах. Знакомьтесь!

И тут все поняли, что лейтенант и есть Николай Ложкин, только сильно помолодевший.

— Не верю, — сказал лейтенант.

— Придется поверить. — Ложкин достал паспорт и протянул самому себе.

Лейтенант раскрыл паспорт, долго изучал фотографию, посмотрел на старика Ложкина. Закрыл паспорт.

— Черт знает что, — сказал он наконец, и что-то человеческое промелькнуло в его глазах.

— Так что, Коля, — заключил старик Ложкин, — я твое будущее. Пенсионер районного масштаба. Честный, уважаемый человек.

— Ты тоже заговорщик! — сказал лейтенант неуверенно. — Тебя тоже к стенке нужно.

— А Верку уже бросил или еще живешь с ней? — спросил старик Ложкин.

— Я ничего не знаю!

— Верку Рабинович, свою тайную любовь, дочку репрессированного врага народа, бросил, спрашиваю? Я себе этого до сих пор простить не могу. Своей трусости.

Друзья смотрели на старика Ложкина в изумлении.

Знали они его уже много лет, всю жизнь он проработал бухгалтером... И вот, оказывается, эпизод!

— Бросил, — ответил лейтенант, потупив глаза.

— А к матери на могилку съездил, как дал себе клятву? Или все дела, процессы, заговоры?

— Я съезжу, — пообещал лейтенант, и Удалов подумал, что он еще не погибший человек, только исполнительный и недалекий. Жертва эпохи.

— Так вот, слушай меня внимательно, — сказал Ложкин самому себе. — Никто, кроме тебя, этих женщин не видел и никто об этом липовом заговоре не знает. Никакой карьеры ты на нем не сделаешь. Сейчас отпустишь их всех, в том числе, должен тебе сказать, собственную жену, на которой ты женишься в конце пятьдесят первого, но не здесь, а в Тюмени. И знаешь, почему в Тюмени?

— Почему? — упавшим голосом произнес лейтенант Ложкин.

— Потому что сегодня же ты подашь в отставку по поводу раны,

которая мучает тебя с сорок второго года. Уедешь в Тюмень и станешь работать бухгалтером. Тебе все ясно? — Голос Ложкина-старшего стал громовым. — Исполняй, мальчишка!

— Есть.

Лейтенант оставил стол и стул и исчез в дверном проеме.

— Какой мерзавец, — сказал Ложкин-старший. — Неужели я так жил?

— Все бывает, — сказал Минц устало. Он смотрел на дверь, ожидая, когда в ней появятся женщины. Но женщины не появлялись.

Удалову казалось, что кровь стучит в ушах, отбивая секунды.

— Так, — произнес наконец Ложкин. — Этого я и опасался. В молодости во мне сидел мерзавец. Это бывает с людьми. Пока нет обстоятельств, мерзавец спит, а появится возможность сделать карьеру, начинает нашептывать на ухо опасные слова... Я пошел туда!

— Нет, — возразил Минц. — Это опасно.

— Если я не остановлю его, он получит награду, поднимется по служебной лестнице. И тогда уже не остановится. А куда мне тогда деваться?

И Ложкин сделал шаг к двери.

— Эврика! — закричал Минц. — Мы все сделаем иначе.

Он достал из кармана маленький циферблат, осторожно кончиком ногтя подвинул назад стрелку.

— Поняли? — спросил он.

— Понятно, — улыбнулся Грубин.

— Сейчас я войду в магазин, но это сейчас будет не сейчас, а через секунду после того, как там окажутся наши женщины.

И с этими словами Минц скрылся в проеме двери.

И тут же началось невообразимое.

Одна за другой из двери начали вылетать женщины с сумками в руках. Они визжали, ругались, сопротивлялись, хватались руками за раму двери, стараясь вернуться в коммерческий магазин. Но Минц в гневе может быть ужасен, а друзья его так быстро и ловко подхватывали женщин и так энергично оттаскивали их от магазина, что через три минуты все участницы путешествия во времени оказались в 1988 году. И, разумеется, ни о каком лейтенанте они и слыхом не слыхивали. Затем вышел Минц.

Удалов с Грубиным утешали женщин, пытались объяснить им, какой ужасной участи они чудом миновали. Но женщин гневило более всего не то, что они остались без икры, а то, что Антонина, самая первая, успела купить икры на сто рублей старыми деньгами.

Удалов пустил в ход все свои дипломатические способности и кое-как уговорил Антонину поделиться икрой с товарками. Грубин быстро смотал с дверной рамы ленту машины времени, чтобы лейтенант Ложкин не вернулся за своим письменным столом.

А сам старик Ложкин обнял Минца и заплакал от радости. Ведь Минц спас его честь и биографию.

Но проницательный Грубин сказал:

— А я не особенно беспокоился. Ведь ты, Ложкин, среди нас. И честный пенсионер. А что это значит? А это значит, что лейтенант обязательно уйдет в отставку и уедет в Тюмень искать свою супругу.

РЕТРОГЕНЕТИКА

Славный майский день завершился небольшой образцово-показательной грозой с несколькими яркими молниями, жестяным нестрашным громом, пятиминутным ливнем и приятной свежестью в воздухе, напоенном запахом сирени. Районный центр Великий Гусляр нежился в этой свежести и запахах. Пенсионер Николай Ложкин вышел на курчавый от молодой зелени, чистый и даже кокетливый по весне двор с большой книгой в руках. По двору гулял плотный лысый мужчина — профессор Лев Христофорович Минц, который приехал в тихий Гусляр для поправки здоровья, подорванного напряженной научной деятельностью. Николай Ложкин любил побеседовать с профессором на умственные темы, даже порой поспорить, так как сам считал себя знатоком природы.

— Чем увлекаетесь? — спросил профессор. — Что за книгу вы так любовно прижимаете к груди?

— Увлекся антропологией, — сказал Ложкин. — Интересуюсь проблемой происхождения человека от обезьяны.

— Ну и как, что-нибудь новенькое?

— Боюсь, что наука в тупике, — пожаловался Ложкин. — Сколько всего откопали, а до главного не докопались: как, где и когда обезьяна превратилась в человека.

— Да, момент этот уловить трудно, — согласился Лев Христофорович. — Может быть, его и не было?

— Должен быть, — убежденно ответил Ложкин. — Не могло не быть такого момента. Ведь что получается? Выкопают где-нибудь в Индонезии или Африке отдельный доисторический зуб и гадают: человек его обронил или обезьяна. Один скажет: «человек». И назовет этого человека, скажем, древнеантропом. А другой по-

глядит на тот же зуб и отвечает: «Нет, это зуб обезьяний, и принадлежал он, конечно, древнепитеку». Казалось бы, какая разница — никто не знает! А разница в принципе!

Минц наклонил умную лысую голову, скрестил руки на тугом, обтянутом пиджаком животе и спросил строго:

— И что же вы предлагаете?

— Ума не приложу, — сознался Ложкин. — Надо бы туда заглянуть. Но как? Ведь путешествие во времени вроде бы невозможно.

— Совершенная чепуха, — ответил Минц. — Я пытался сконструировать машину времени, забрался во вчерашний день и там остался.

— Не может быть! — воскликнул Ложкин. — Так и не вернулись?

— Так и не вернулся, — сказал Минц.

— А как же я вас наблюдаю?

— Ошибка зрения. Что для вас сегодня, для меня вчерашний день, — загадочно ответил Минц.

— Значит, никакой надежды?

Профессор глубоко задумался и ничего не ответил.

Дня через три профессор встретил Ложкина на улице.

— Послушайте, Ложкин, — сказал он. — Я вам очень благодарен.

— За что? — удивился Ложкин.

— За грандиозную идею.

— Что же, — ответил Ложкин, который не страдал излишней скромностью. — Пользуйтесь, мне не жалко.

— Вы открыли новое направление в биологии!

— Какое же? — поинтересовался Ложкин.

— Вы открыли генетику наоборот.

— Поясните, — сказал Ложкин ученым голосом.

— Помните нашу беседу о недостающем звене в происхождении человека?

— Как же не помнить.

— И ваше желание заглянуть во мглу веков, чтобы отыскать момент превращения обезьяны в человека?

— Помню.

— Тогда я задумался: что такое жизнь на Земле? И сам себе ответил: непрерывная цепь генетических изменений. Вот среди амеб появился счастливый мутант, он быстрее других плавал в первобытном океане или глотка у него была шире... От него пошло прожорливое и шустрое потомство. Встретился внук этой амебы с жуткой хищной амебихой — вот и еще шаг в эволюции. И так далее, вплоть до человека. Улавливаете связь времен?

— Улавливаю, — ответил Ложкин и добавил: — В беседе со мной нет нужды прибегать к упрощениям.

— Хорошо. Мы, люди, активно вмешиваемся в этот процесс. Мы подглядели, как это делает природа, и продолжаем за нее скрещивание, отбор, создаем новые сорта пшеницы, продолжаем эволюцию собственными руками.

— Продолжаем, — согласился Ложкин. — Хочу на досуге вывести быстрорастущий забор.

— Молодец. Всегда у вас свежая идея. Так вот, после беседы с вами я задумался, а всегда ли правильно мы следуем за природой? Природа слепа. Она знает лишь один путь — вперед, независимо от того, хорош он или плох.

— Путь вперед всегда прогрессивен, — заметил Ложкин.

— Тонкое наблюдение. А если нарушить порядок? Если все перевернуть? Вы сказали: как бы увидеть недостающее звено? Отвечаю — распутать цепь наследственности. Прокрутить эволюцию наоборот. Углубляясь в историю, добраться до ее истоков.

— Нам и без этого дел хватает, — возразил Ложкин.

— А перспективы? — спросил профессор, наклонив голову и прищурившись.

— Это не перспективы, а ретроспективы, — сказал Ложкин.

— Великолепно! — воскликнул Минц. — Чем пользуется генетика? Скрещиванием и отбором. Нашу с вами новую науку мы назовем ретрогенетикой. Ретрогенетика будет пользоваться раскрещиванием, открещиванием и разбором. Генетика будет выводить новую породу овец, которой еще нет, а ретрогенетика — ту породу, которой уже нет. И ученым не надо будет копаться в земле. Заказал палеонтолог в лаборатории: выведите мне первого неандертальца, хочу поглядеть, как он выглядел. Ему отвечают: будет сделано.

— Слабое место, — заявил Ложкин.

— Слабое место? У меня?

— Ваш неандерталец жил миллион лет назад. Вы что же, собираетесь миллион лет ждать, пока его снова выведете?

— Слушайте, Ложкин. Если бы мы отдавались на милость природе, то сорта пшеницы, которые колосятся на колхозных полях, вывелись бы сами по себе через миллион лет. А может, и не вывелись бы, потому что природе они не нужны.

— Ну, не миллион лет, так тысячу, — не сдавался Ложкин. — Пока ваш неандерталец родится да еще своих предков народит...

— Нет, нет и еще раз нет, — сказал профессор. — Зачем же нам реализовывать все поколения? В каждой клетке закодирована ее история. Все будет, дорогой друг, на молекулярном уровне, как учит академик Энгельгардт.

— Ну ладно, выведете вы что было раньше. А что дальше? Какая польза от этого народному хозяйству?

Ответ на свой вопрос Ложкин получил через три месяца, когда пожелтели липы в городском саду и дети вернулись из пионерских лагерей.

Лев Христофорович стоял у ворот и чего-то ждал, когда Ложкин, возвращаясь из магазина с кефиром, увидел его.

— Как успехи? — поинтересовался он. — Когда увидим живого неандертальца?

— Мы его не увидим, — отрезал профессор. Он осунулся за последние недели: видно, много было умственной работы. — Есть более важные проблемы.

— Какие же?

— Вы знакомы с Иваном Сидоровичем Хатой?

— Не приходилось, — сказал Ложкин.

— Достойный человек, заведующий фермой нашего пригородного хозяйства «Гуслярец». Зоотехник, смелый, рискованный. Большой души человек.

Тут в ворота въехал «газик», из которого выскочил шустрый очкастый человечек большой души.

— Поехали? — предложил он, поздоровавшись.

— С нами Ложкин, — сказал Минц. — Представитель общественности. Пора общественность знакомить.

— Не рано ли? — обеспокоился Хата. — Спугнут...

— Нам ли опасаться гласности? — спросил Минц.

После короткого путешествия «газик» достиг животноводческой фермы. Рядом с коровником стоял новый высокий сарай.

— Ну что же, заходите, только халат наденьте.

Хата выдал Ложкину и Минцу халаты и сам тоже облачился. Ложкин ощутил покалывание в желудке и приготовился увидеть что-нибудь необычное. Может, даже страшное. Но ничего страшного не увидел.

Под потолком горело несколько ярких ламп, освещая кучку мохнатых животных, жевавших сено в дальнем углу.

Ложкин присмотрелся. Животные были странными, таких ему раньше видеть не приходилось. Они были покрыты длинной рыжей шерстью, носы у них были длинные, ноги толстые, как столбы. При виде вошедших людей животные перестали жевать и уставились на них маленькими черными глазками. И вдруг захрюкали, заревели и со всех ног бросились навстречу Хате и Минцу, чуть не сшибли их, ластились, неуклюже прыгали, а профессор начал доставать из карманов халата куски сахара и угощать животных.

— Что за звери? — спросил Ложкин, отошедший к стенке, подальше от суматохи. — Почему не знаю?

— Не догадались? — удивился Хата. — Мамонтята. Каждому ясно.

— Мне не ясно, — сказал Ложкин, отступая перед мамонтенком, который тянул к нему недоразвитый хоботок, требуя угощения. — Где бивни, где хоботы? Почему мелкий размер?

— Все будет, — успокоил Ложкина Минц, оттаскивая мамонтенка за короткий хвостик, чтобы не приставал к гостю. — Все с возрастом отрастет. Ваше удивление мне понятно, потому что вам не приходилось еще сталкиваться с юными представителями этого славного рода.

— Я и со старыми не сталкивался, — возразил Ложкин. — И прожил, не жалуюсь. Откуда вы их откопали?

— Неужели не догадались? Они же выведены методом ретрогенетики — раскрещиванием и разбором. Из слона мы получили предка слонов и мамонтов, близкого к мастодонтам. Потом люди пошли обратно и вывели мамонта.

— Так быстро?

— На молекулярном уровне, Ложкин, на молекулярном уровне. Под электронным микроскопом. Методом раскрещивания, открещивания и разбора. И вы понимаете теперь, почему я отказался от соблазнительной идеи отыскать недостающее звено, а занялся мамонтами?

— Не понимаю, — сказал Ложкин.

— Вы, товарищ, видно, далеки от проблем животноводства, — вмешался Иван Хата. — Ни черта не понимаете, а критикуете. Нам мамонт совершенно необходим. Для нашей природной зоны.

— Жили без мамонта и прожили бы еще, — упорствовал Ложкин.

— Эх, товарищ Ложкин. — В голосе Хаты звучало сострадание. — Вы когда-нибудь думали, что мы имеем с мамонта?

— Не думал. Не было у меня мамонта.

— С мамонта мы имеем шерсть. С мамонта мы имеем питательное мясо, калорийное молоко и даже мамонтовую кость...

— Но главное, — воскликнул Минц, — бесстойловое содержание! Круглый год на открытом воздухе, ни тебе утепленных коровников, ни специальной пищи. А подумайте о труднодоступных районах Крайнего Севера: мамонт там — незаменимое транспортное средство для геологов и изыскателей.

Прошло еще три месяца.

Однажды к дому № 16 по Пушкинской, где проживал Лев Христофорович, подъехала сизая «Волга», из которой вышел скромный на вид человек средних лет в дубленке. Он вынул изо рта трубку, поправил массивные очки, снисходительно оглядел непритязательный двор, и его взгляд остановился на Ксении Удаловой, которая развешивала белье:

— Скажите, гражданка, если меня не ввели в заблуждение...

— Вы корреспондент будете? — спросила Ксения.

— Вот именно. Из Москвы. А как вы догадались?

— А чего не догадаться, — ответила Ксения. — Восемнадцатый за неделю. Поднимитесь на второй этаж, дверь открыта. Лев Христофорович отдыхает.

Поднимаясь по скрипучей лестнице в скромную обитель великого профессора, журналист бормотал: «Шарлатанство. Ясно шарлатанство. Вводят в заблуждение общественность...»

— Заходите, — откликнулся на стук профессор Минц.

Он в тот момент отдыхал, а именно: читал «Химию и жизнь», слушал последние известия по радио, смотрел хоккей по телевизору, гладил брюки и думал.

— Из Москвы. Журналист, — сказал гость, протягивая удостоверение. — Это вы тут мамонтов разводите?

Журналист произнес это таким тоном, словно подразумевал: «Это вы водите за нос общественность?»

— И мамонтов, — скромно ответил профессор, прислушиваясь к сообщениям из Канберры и радуясь мастерству лучшего в сезоне хоккеиста.

— С помощью... — журналист извлек из замшевого кармана записную книжку, — ретро, простите, генетики?

Доверчивый Минц не уловил иронии в голосе журналиста.

— Именно так, — подтвердил он и набрал из стакана в рот воды, чтобы обрызгать брюки.

— И есть результаты?

Минц провел раскаленным утюгом по складке, поднялось облако пара.

— С этим надо что-то делать, — сказал Минц. Он имел в виду брюки и ситуацию в Австралии.

— И все-таки, — настаивал журналист. — Можно взглянуть на ваших мамонтов?

— А почему бы и нет? Они в поле пасутся. Добывают корм из-под снега.

— Ясно. А еще каких-нибудь животных вы можете вывести?

— Будете проходить мимо речки, — сказал Минц, — поглядите в полынью. Там бронтозавры. Думаем потом отправить их в Среднюю Азию для расчистки ирригационных сооружений.

В этот момент в окно постучала длинным, усеянным острыми зубами клювом образина. Крылья у образины были перепончатые,

как у летучей мыши. Образина гаркнула так, что зазвенели стекла и форточка сама собой открылась.

— Не может быть! — сказал журналист, отступая к стене. — Это что такое? Мамонт?

— Мамонт? Нет, это Фомка. Фомка — птеродактиль. Когда вырастет, размахнет свои крылья на восемь метров.

Минц отыскал под столом пакет с тресковым филе, подошел к форточке и бросил пакет в разинутый клюв образине. Птеродактиль подхватил пакет и заглотнул, не разворачивая.

— Зачем вам птеродактиль? — спросил журналист. — Только людей пугать.

Он был уже не так скептически настроен, как в первый момент.

— Как зачем? Птеродактили нам позарез нужны. Из их крыльев мы будем делать плащи-болоньи, парашюты, зонтики, наконец. К тому же научим их пасти овец и охранять стада от волков.

— От волков? Ну да, конечно... — Журналист прекратил расспросы и вскоре удалился.

«Возможно, это, до определенной степени, и не шарлатанство, — думал он, спускаясь по лестнице к своей машине, — но по большому счету это все-таки шарлатанство».

Весь день до обеда корреспондент ездил по городу, издали наблюдал за играми молодых мамонтов, недовольно морщился, когда на него падала тень пролетающего птеродактиля, и вздрагивал, заслышав рев пещерного медвежонка.

— Нет, не шарлатанство, — повторял он упрямо. — Но кое в чем хуже, чем шарлатанство.

Весной в журнале, где состоял тот корреспондент, появилась статья под суровым заглавием:

ПЛОДЫ ЛЕГКОМЫСЛИЯ

Нет смысла передавать опасения и измышления гостя. Он предупреждал, что новые звери нарушат и без того неустойчивый экологический баланс, что пещерные медведи и мамонты представляют опасность для детей и взрослых. А в заключение журналист развернул страшную картину перспектив ретрогенетики:

«Безответственность периферийного ученого и пошедших у него на поводу практических работников гуслярского животноводства заставляет меня бить тревогу. Эксперимент, не проверенный на мелких и безобидных тварях (жуках, кроликах и т.д.), наверняка приведет к плачевным результатам. Где гарантия тому, что мамонты не взбесятся и не потопчут зеленые насаждения? Что они не убегут в леса? Где гарантия тому, что бронтозавры не выползут на берег и не отправятся на поиски новых водоемов? Представьте себе этих рептилий, ползущих по улицам, сносящих столбы и киоски. Я убежден, что птеродактили, вместо того чтобы пасти овец и жертвовать крыльями на изготовление зонтиков, начнут охотиться на домашнюю птицу, а может быть, на тех же овец. И все кончится тем, что на ликвидацию последствий непродуманного эксперимента придется мобилизовать трудящихся и тратить народные средства...»

Статья попалась на глаза профессору Минцу лишь летом.

Читая ее, профессор лукаво улыбался, а потом захватил журнал с собой на открытие межрайонной выставки. Центром выставки, как и следовало предполагать, был павильон «Ретрогенетика». Именно сюда спешили люди со всех сторон, из других городов, областей и государств. Пробившись сквозь интернациональную толпу к павильону, Лев Христофорович оказался у вольеры, где гуляли мамонты.

Было жарко, поэтому мамонты были коротко острижены и казались поджарыми, словно собаки породы эрдельтерьер. У некоторых уже прорезались бивни. Птеродактили сидели у них на спинах и выклевывали паразитов. В круглом бассейне посреди павильона плавали два бронтозавра. Время от времени они тяжело поднимались на задние лапы и, прижимая передние к блестящей груди, выпрашивали у зрителей плюшки. У кого из зрителей не было плюшки, кидали пятаки.

Здесь, между вольерой и бассейном, Минц увидел Ложкина и Хату и прочел друзьям скептическую статью.

Смеялись не только люди. Булькали от хохота бронтозавры, трубили мамонты, а один птеродактиль так расхохотался, что не мог закрыть пасть, пока не прибежал служитель и не стукнул весельчаку как следует деревянным молотком по нижней челюсти.

— Неужели, — сказал профессор, когда все отсмеялись, — этот наивный человек полагает, что мы стали бы выводить вымерших чудовищ, если бы не привили им генетически любви и уважения к человеку?

— Никогда, — отрезал Ложкин. — Ни в коем случае.

Птеродактиль, все еще вздрагивая от смеха, стуча когтями по полу, подошел к профессору, и тот угостил его конфетой. Маленькие дети по очереди катались верхом на мамонтах, подложив под попки подушечки, чтобы не колола остриженная жесткая шерсть. Бронтозавры собирали со дна бассейна монетки и честно передавали их служителям. В стороне скулил пещерный медведь, потому что его с утра никто не приласкал.

...В тот день столичного журналиста, неудачливого пророка, до полусмерти искусала его домашняя сиамская кошка.

ЛЕНЕЧКА-ЛЕОНАРДО

— Ты чего так поздно? Опять у Щеглов была? — Всем своим видом Ложкин изображал покинутого, неухоженного мужа.

— Что ж поделаешь, — вздохнула его жена, спеша на кухню поставить чайник. — Надо помочь. Больше у них родственников нету. А сегодня — профсоюзное собрание. Боря — член месткома, а Клара — в кассе взаимопомощи. Кому с Ленечкой сидеть?

— И все, конечно, тебе. В конце концов, родили ребенка, должны были осознавать ответственность.

— Ты чего пирожки не ел? Я тебе на буфете оставила.

— Не хотелось.

Жена Ложкина быстро собирала на стол, разговаривала оживленно, чувствовала вину перед мужем, которого бросила ради чужого ребенка.

— А Ленечка такой веселенький. Такой милый, улыбается... Садись за стол, все готово. Сегодня увидел меня и лепечет: «Баба, баба!»

— Сколько ему?

— Третий месяц пошел.

— Преувеличиваешь. В три месяца они еще не разговаривают.

— Я и сама удивилась. Говорю Кларе: «Слышишь?», а Клара не слышала.

— Ну вот, не слышала...

— Возьми пирожок, ты любишь с капустой. А он вообще мальчик очень продвинутый. Мать сегодня в спешке кофту наизнанку надела, а он мне подмигнул — разве не смешно, тетя Даша?

— Воображение, — сказал Ложкин. — Пустое женское воображение.

— Не веришь? Пойди погляди. Всего два квартала до этого чуда природы.

— И пойду, — согласился Ложкин. — Завтра же пойду. Чтобы изгнать дурь из твоей головы.

В четверг Ложкин, сдержав слово, пошел к Щеглам. Щеглы, дальние родственники по материнской линии, как раз собирались в кино.

— Мы уж решили, что вы обманете, — с укором сказала Клара. Она умела и любила принимать одолжения.

— Сегодня Николай Иванович с Ленечкой посидит, — сообщила баба Даша. — Мне по дому дел много.

— Не с Ленечкой, а с Леонардо, — поправил Борис Щегол, завязывая галстук. — А у вас, Николай Иванович, есть опыт общения с грудными детьми?

— Троим высшее образование дал, — произнес Ложкин. — Разлетелись мои птенцы.

— Высшее образование — не аргумент, — сказал Щегол. — Клара, помоги узел завязать. Высшее образование дает государство. Грудной ребенок — иная проблема. Почитайте книгу «Ваш ребенок», вон на полке стоит. Вы, наверное, ничего не слыхали о научном обращении с детьми.

Ложкин не слушал. Он смотрел на ребенка, лежавшего в кроватке. Ребенок осмысленно разглядывал погремушку, крутил в руках, думал.

— Агу, — проговорил Ложкин, — агусеньки.

— Агу, — откликнулся ребенок, как бы отвечая на приветствие.

— Боря, осталось десять минут, — напомнила Клара. — Где сахарная водичка, найдете? Пеленки в комоде на верхней полке.

Николай Иванович остался с ребенком один на один.

Он постоял у постельки, любуясь мальчиком, потом, неожиданно для самого себя, произнес:

— Тебе почитать чего-нибудь?

— Да, — сказал младенец.

— А что почитать-то?

— Селебряные коньки, — ответил Ленечка. — Баба читала.

Язык еще не полностью повиновался мальчику.

Ленечка-Леонардо протянул ручонку к шкафу, показывая, где стоит книжка.

— Может, про репку почитаем? — спросил Ложкин, но ребенок отрицательно подвигал головкой и отложил погремушку в сторону.

Ложкин читал книжку более часа, утомился, сам выпил всю сахарную водичку, а ребенок ни разу не намочил пеленок, не ныл, не спал, увлеченно слушал, лишь иногда прерывал чтение конкретными вопросами: «А что такое коньки? А что такое Амстелдам? А что такое опухоль головного мозга?»

Ложкин как мог удовлетворял любопытство младенца, все более попадая под очарование его открытой яркой личности.

К тому времени, когда родители вернулись из кино, дед с мальчиком подружились, на прощание Леонардик махал деду ручкой и лепетал:

— Сколей плиходи, завтла плиходи, деда.

Родители не прислушивались к щебетанию крошки. С этого дня Ложкин старался почаще подменять жену. Фактически превратился в сиделку у мальчика. Щеглы не возражали. Они были молодыми активными людьми, любили кататься на коньках и лы-

жах, ходить в туристские походы, посещать кино и общаться с друзьями.

Месяца через два Ленечка научился садиться в постельке, язык его слушался, запас слов значительно вырос. Ленечка не раз выражал деду сожаление, что неокрепшие ножки не позволяют ему выйти на улицу и побывать в интересующих его местах.

Порой Ложкин вывозил Ленечку в коляске, тот жадно крутил головкой по сторонам и непрестанно задавал вопросы: почему идет снег, что делает собачка у столба, почему у женщин усы не растут и так далее. Ложкин как мог удовлетворял его любопытство. Дома они вновь принимались за чтение или Ложкин рассказывал младенцу о своей долгой жизни, об интересных людях, с которыми встречался, о редких местах и необычных профессиях. Как-то Ленечка сказал деду:

— Попроси маму Клару, пусть разрешит мне учиться читать. Ведь шестой месяц уже пошел. Я полагаю, что в моем возрасте Лев Толстой не только читал, но и начал замышлять сюжет «Войны и мира».

— Сомневаюсь, — ответил Ложкин, имея в виду и Льва Толстого, и маму Клару. — Но попробую.

Он прошел на кухню, где Клара, только что вернувшись из гостей, готовила на утро сырники.

— Клара, — начал он, — что будем с Ленечкой делать?

— А что? Плохо себя чувствует? Лобик горячий?

Клара была неплохой матерью. Сына она любила, переживала за него, сама укачивала перед сном, что, правда, ребенку не нравилось, потому что отвлекало от серьезных мыслей.

— Лобик у него хороший. Только мы с ним думали, не пора ли научиться читать. В его возрасте Лев Толстой, возможно, уже и писал.

— Что старый, что малый, — усмехнулась Клара. — Шли бы вы домой, дядя Коля. Завтра не придете? А то я должна на службе задержаться. Да, и зайдите с утра на питательный пункт, за молоком и кефиром.

Ребенка Клара не кормила, да Ленечка и не настаивал на этом. Ему было бы неловко кормиться таким первобытным способом.

Как-то Ленечку отнесли к врачу, сдать анализы и проверить здоровье. Все оказалось в порядке, Ленечка, по совету Ложкина, держал язык за зубами, но заинтересовался медициной — на него произвели впечатление обстановка в больнице и медицинская аппаратура.

— Знаешь, дедушка, — сообщил он Ложкину по возвращении, — мне захотелось стать врачом. Это благородная профессия. Я понимаю, что придется упорно учиться, но я к этому готов.

В последующие недели Ленечка все-таки научился читать, и Ложкин подарил ему электрический фонарик, чтобы читать под одеялом, когда родители уснут.

Возникает естественный вопрос: а как же родители? Неужели они были так слепы и проглядели то, что было очевидно приходящему старику, который повторял своей жене: «Я углядываю знак судьбы в том, что ребенка назвали Леонардо Борисовичем. Полтысячи лет Земля ждала своего следующего универсального гения. И вот дождалась». Нет, родители оставались в слепом убеждении, что произвели на свет обычного ребенка.

За примерами недалеко ходить. В день Ленечкина девятимесячного юбилея Борис Щегол пришел к нему в комнату с новой погремушкой. Ленечка в это время сидел в кроватке и слушал, как Ложкин читает ему вслух «Опыты» Монтеня.

— Гляди, какая игрушечка, — показал Борис. Он, как всегда, спешил и поэтому собирался тут же покинуть сына, но Леонардик сказал вслух:

— Любопытно, что эта игрушка напоминает мне пространственную модель Солнечной системы.

Борис возмутился:

— Дядя Коля, что за чепуху вы ребенку читаете? Как будто нет хороших детских книг. Про курочку и яичко, например, я сам покупал. Куда вы ее задевали?

Ложкин не ответил, потому что Ленечка из книжки про курочку делал бумажных голубей, чтобы выяснить принципы планирующего полета.

Борис Щегол отобрал «Опыты» Монтеня и унес книжку из комнаты.

Еще через несколько дней произошла сцена с участием Клары Щегол. Она принесла Ленечке тарелочку с протертым супом, и, для того чтобы поставить ее, ей пришлось смахнуть со столика несколько свежих медицинских журналов и словарей.

— Вы о чем здесь бормочете? — спросила она миролюбиво у Ложкина.

— Шведским языком занимаемся, — откровенно ответил Николай Иванович.

— Ну ладно, бормочите, — разрешила Клара.

Ленечка положил ручку на ладонь старику: не обращай, мол, внимания.

Тут же они услышали, как в соседней комнате Клара рассказывает приятельнице:

— Мой-то кроха, сейчас захожу в комнату, а он бормочет на птичьем языке.

— Он у тебя уже разговаривает?

— Скоро начнет. Он развитой. И что удивительно, к нам один старичок ходит, по хозяйству помогает, так он этот птичий язык понимает.

— Старики часто впадают в детство, — произнесла подруга.

Леонардик вздохнул и прошептал Ложкину:

— Не обижайся. В сущности, мои родители добрые, милые люди. Но как я порой от них устаю!

В комнату вошла Клара с приятельницей. Приятельница принялась ахать и повторять, какой крохотулечка и тютютенька этот ребенок, и умоляла:

— Скажи: ма-ма.

— Мам-ма, — послушно ответил Ленечка.

— Прелестный младенец. И как на тебя похож!

Тут младенцу надоело, и он обернулся к Ложкину:

— Продолжим наши занятия?

Женщины этих слов не слышали. Они уже говорили о своем.

Когда Ленечка научился ходить, они с Ложкиным устроили тайник под половицей, куда старик складывал новые книги. Леонардик как раз принялся за свою первую статью о причинах детского диатеза. Чтобы не смущать родителей, он продиктовал Ложкину, и тот послал статью в химический журнал.

Где-то к полутора годам Леня, неожиданно для Ложкина, начал охладевать к естественным наукам и принялся поглощать литературу на морально-этические темы. Его детское воображение поразил Фрейд.

— Что с тобой творится? — допытывался Ложкин. — Ты забываешь о своем предназначении — стать новым Леонардо и обогатить человечество великими открытиями. Ты забыл, что ты — гомо футурис, человек будущего?

— Допускаю такую возможность, — печально согласился ребенок. — Но должен сказать, что я стою перед неразрешимой дилеммой. Помимо долга перед человечеством, у меня долг перед родителями. Я не хочу пугать их тем, что я — моральный урод. Их инстинкт самосохранения протестует против моей исключительности. Они хотят, чтобы все было как положено или немного лучше. Они хотели бы гордиться мною, но только в тех рамках, в которых это понятно их друзьям. И я, жалея их, вынужден таиться. С каждым днем все более.

— Поговорим с ними в открытую. Еще раз.

— Ничего не выйдет.

Когда на следующий день Ложкин пришел к Щеглам, держа под мышкой с трудом добытый томик Спинозы, он увидел, что мальчик сидит за столом рядом с отцом и учится читать по складам.

— Ма-ма, Ма-ша, ка-ша... — покорно повторял он.

— Какие успехи! — торжествовал Борис. — В два года начинает читать! Мне никто на работе не поверит!

И тут Ложкин не выдержал.

— Это не так! — воскликнул он. — Ваш ребенок тратит половину своей творческой энергии на то, чтобы показаться вам таким, каким вы хотели бы его увидеть. Он постепенно превращается из универсального гения в гения лицемерия.

— Дедушка, не надо! — в голосе Ленечки булькали слезы.

— Чтобы угодить вам, он забросил научную работу.

— Издеваешься, дядя Коля? — спросил Щегол.

— Неужели вы не замечаете, что дома лежат книги, в которых вы, Боря, не понимаете ни слова? Я напишу в Академию наук!

— Ах, напишешь? — Борис поднялся со стула. — Писать вы все умеете. А как позаботиться о ребенке — вас не дозовешься. Так вот, обойдемся мы без советчиков. Не дам тебе калечить ребенка!

— Он вундеркинд!

Ложкин схватился за сердце, и тогда Борис понял, что наговорил лишнего, и сказал:

— И вообще не вмешивайтесь в нашу семейную жизнь. Леонардик — обыкновенный ребенок, и я этим горжусь.

— Не вмешивайся, деда, — попросил Ленечка. — Ничего хорошего из этого не выйдет. Мы бессильны преодолеть инерцию родительских стереотипов.

— Но ведь вас тоже ждет слава, — прибегнул к последнему аргументу Ложкин. — Как родителей гения. Ну представьте, что вы родили чемпиона мира по фигурному катанию...

— Это другое дело, — ответил Борис. — Это всем ясно. Это бывает.

И тогда Ложкин догадался, что Щегол давно обо всем подозревает, но отметает подозрения.

— Мы сегодня выучили пять букв алфавита, — вмешался в беседу Ленечка. — И у папы хорошее настроение. С точки зрения морали, мне это важнее, чем все возможные открытия в области прикладной химии или свободного полета.

— Боря, неужели вы не слышите, как он говорит? — спросил Ложкин. — Ну откуда младенцу знать о прикладной химии?

— От вас набрался, — отрезал Боря. — И забудет.

— Забуду, папочка, — пообещал Леонардик.

С тех пор прошло три года.

Скоро Леонардик пойдет в школу. Он научился сносно читать и пишет почти без ошибок. Ложкин к Щеглам не ходит. Один раз он встретил Ленечку на улице, ринулся было к нему, но мальчик остановил его движением руки.

— Не надо, дедушка, — сказал он. — Подождем до института.

— Ты в это веришь?

Ленечка пожал плечами.

Сзади, в десяти шагах, шла Клара, катила коляску, в которой лежала девочка месяцев трех от роду и тихо напевала: «Под крылом самолета...» Клара остановилась, улыбнулась, с умилением глядя на своего второго ребенка, вынула из-под подушечки соску и дала ее девочке.

ПЕРПЕНДИКУЛЯРНЫЙ МИР

За десять минут до старта к народу вышел старик Ложкин.

Он был в длинных черных трусах и выцветшей розовой футболке с надписью «ЦДКА». В раскинутых руках Ложкин держал плакат с маршрутом. Маршрут меняли каждый день, чтобы было интересно бежать.

Участники пробега сгрудились, разглядывая сегодняшнюю задачу.

Бежать следовало в гору, до парка. Затем — по аллее до статуи девушки с веслом, вокруг летней эстрады, к строительной площадке нового цеха пластиковых игрушек, потом площадью Землепроходцев до пруда-бассейна за церковью Параскевы Пятницы. Финиш — перед городским музеем.

Без пяти восемь грянул духовой оркестр.

Оркестр стоял у самой реки, в начищенных трубах отражались зайчики от утренней ряби. С воды поднялись испуганные утки и понеслись к дальнему берегу.

Две пенсионерки, которые бегать не могли, но хотели участвовать, держали натянутой красную ленточку. Ложкин свернул плакат в трубку, передал его одной из старушек, а сам, приняв у нее мегафон, занял место во главе забега. В задачу Ложкина входил краеведческий комментарий о памятниках архитектуры и истории, которые встретятся на пути.

Отдаленно пробили куранты на пожарной каланче. Старушки опустили ленту, и толпа разноцветно и различно одетых бегунов двинулась в гору, к вековым липам городского парка.

Николай Белосельский бежал рядом с Удаловым. Бежал он легко, не скрывая счастливой улыбки. Ежедневные забеги здоровья перед началом трудового дня были его инициативой, и за последних два года он старался ни одного не пропустить.

Жилистый старик Ложкин не отставал. На бегу он обернулся и крикнул в мегафон:

— Оглянитесь назад! Полюбуйтесь, как мирно несет свои прозрачные, очищенные от промышленных отходов воды наша любимая река Гусь. Даже отсюда видно, как резвятся в ней осетры и лещи!

Удалов послушно оглянулся. Осетров и лещей он не увидел, но подумал, что надо будет в субботу съездить на рыбалку на озеро Копенгаген. Позвать, что ли, Белосельского? Пора ему отдохнуть. Третий год без отпуска. По самой середине реки весело плыли три дельфина. Дельфины были приписаны к спасательной станции, но работы у них было мало — к этой весне в Великом Гусляре обучили плаванию последних упрямцев.

Рядом с Белосельским бежала директорша музыкальной школы. Разговорчивая хохотушка Зина Сочкина. Удалов знал, что она опять доказывает предгору необходимость создания класса арф в ее учебном заведении. Но с арфами трудно, даже в области они дефицит.

Бегуны растянулись по крутой тропинке. Оркестр заметно отстал. Только флейты держались в основной группе. Среди отставших оказался и профессор Минц, человек грузный и к физкультуре непривычный. Но упрямый. Он уже три недели бился над проблемой гравитации. И хоть утверждал, что гравитация нужна любимому городу в строительстве, Удалов подозревал, что действительная причина — желание с помощью такого изобретения прославиться в утренних забегах.

Удалова оттолкнул редактор городской газеты Малюжкин. Его небольшое квадратное тело несло громадную львиную голову. В двух шагах сзади бежал, сверкая очками, Миша Стендаль, корреспондент той же газеты. У Миши был редакторский портфель.

Малюжкин втиснулся между Белосельским и директоршей Зиной.

— Будем писать передовую? — строго спросил он.

Белосельский вздрогнул. Как и все в городе, он боялся Малюжкина, неукротимого борца за гласность, правду и демократию. Это «Гуслярское знамя», возглавляемое Малюжкиным, разоблачило коррупцию на городском рынке, добилось регулярной подачи горячей воды в баню № 1, свалило презиравшего экологию директора фабрики игрушек, поддержало по крайней мере шесть смелых инициатив и раскрыло несколько случаев очковтирательства,

включая приписки на звероферме. В последнем случае досталось, и за дело, самому профессору Минцу. Это он вывел для зверофермы новую породу черно-бурых лис с двумя хвостами, но не удосужился отразить в печати свое изобретение. А Пупыкин, который после снятия с должности предгора работал директором зверофермы, каждую лису сдавал государству за две, отчего перевыполнил все планы, получил множество премий и еще приторговывал хвостами на стороне. Борец за правду, Малюжкин опирался на широкие круги разбуженной общественности, а общественность опиралась на Малюжкина. Белосельский, как исполнительная власть в городе, от Малюжкина нередко страдал.

— Передовую писать не буду, — откликнулся Белосельский, переходя на спринтерскую скорость. Он нарушил маршрут и свернул на узкие дорожки биологического городка, где были воспроизведены для детишек ландшафты планеты. Заверещали макаки, разинул пасть крокодил. Белосельский обогнул баобаб и полагал, что он в безопасности, но тут ему дорогу перекрыли три мамонта, выведенные методом ретрогенетики и сбежавшие по недосмотру зоотехника Левочки из пригородного хозяйства. Белосельский затормозил, Малюжкин настиг его и приставил диктофон к лицу Белосельского. Предгор был готов сдаться на милость прессы, но, к счастью, одна из макак выхватила магнитофон у Малюжкина.

Белосельский нагнал Удалова на главной аллее, у статуи девушки с веслом.

— Трудно? — спросил Корнелий Иванович.

— Нелегко, — согласился Белосельский. — Но трудности нас закаляют. Сделаем рывок до музея? На время?

«И не подумаешь, что в одном классе учились, — вздохнул Удалов. — На вид он лет на десять моложе. Вот что значит активная жизнь и умеренность во всем».

— На рыбалку в субботу поедем? — спросил Удалов, стараясь не сбить дыхание.

— В субботу? В субботу у меня жюри. Конкурс детских танцев. Потом будем на общественных началах палаты купца Демушкина реставрировать. Давай в эту субботу вместе переставрируем, а на рыбалку через неделю?

Удалов не ответил, потому что перед ним затормозил Ложкин и начал кричать в мегафон:

— Дорогие товарищи бегающие! Вы видите бывший пруд у памятника шестнадцатого века церкви Параскевы Пятницы. Этот пруд стараниями общественности и учащихся речного техникума превращен в лучший в области открытый бассейн. На нем установлена девятиметровая вышка. Желающие прервать забег могут нырнуть с вышки.

Белосельский сразу побежал на вышку прыгать. А Удалов вспомнил, что у него в девять совещание в стройконторе, которой он руководил. А он еще не завтракал.

Удалов повернул на Цветочную, чтобы срезать квартал у рынка. К рынку тянулись подводы и автомашины — окрестные жители везли продукты и цветы на продажу.

Вот и Пушкинская. Скоро дом.

Хлопнула калитка. Из палисадника выскочил бывший предгор и завзверофермой Пупыкин. Был он в тренировочном костюме фирмы «Адидас», который некогда привез из командировки в Швейцарию. Он догнал Удалова и спросил:

— Белосельский участвовал?

— И Малюжкин тоже, — ответил Удалов, прибавляя ходу.

Пупыкина он не выносил — пустой человек, мелкий склочник и нечист на руку. Правильно сделали, что отправили его на пенсию.

— Скажешь Белосельскому, что я тоже участвовал, — сказал Пупыкин. — Я тренируюсь по индивидуальной программе.

Произнеся эти лживые слова, Пупыкин взмахнул руками как крыльями, сделал разворот и потрусил обратно к дому.

«Всегда у него так, — подумал Удалов. — Даже в добровольном кроссе втирает очки».

Удалов перешел на шаг. Надо привести в норму дыхание.

Солнце поднялось высоко, припекало. От быстрорастущих кедров, которыми была засажена Пушкинская, на розовые и голубые плитки мостовой падала рваная тень. Белка соскочила с нижней ветки и перебежала улицу. Удалов наклонился над фонтанчиком, который предлагал прохожему газированную воду, и напился.

Римма Казачкина, непутевая пышногрудая девица из соседнего дома, по слухам, новая пассия архитектора Оболенского, проходя мимо, умудрилась задеть Удалова крутым бедром. Удалов сделал вид, что не заметил намека. Появился профессор Минц.

Минц устал, лысина блестела от пота. Он сопел и кашлял.

— Каждый забег, — сообщил он Удалову, — прибавляет мне день жизни. Я теряю четыреста граммов.

— Это пустое, Лев Христофорович, — возразил Удалов, входя вместе с профессором во двор дома шестнадцать. — За первым же обедом вы прибавляете полкило.

Минц насупился. Никто не любит горькой правды.

Ксения Удалова высунулась из окна второго этажа и крикнула:

— Два раза из конторы звонили. Каша тоже остыла.

Удалов взбежал по лестнице, легко перепрыгивая через две ступеньки.

— Ну как козел, — сказала Ксения, открывая дверь. — Для кого молодишься?

— А ты займись, — предложил Удалов, проходя в ванную. — Тоже помолодеешь.

— Нам это не надо, — возразила Ксения.

Она ценила свое тело, круглое, налитое, солидное.

— Максимка в техникуме? — спросил Удалов.

— Ты бы ему велел патлы остричь. Люди на улицах показывают пальцами.

— Перебесится, — ответил Удалов. — Ты тоже в мини-юбке ходила.

Снизу негромко застучало — значит, сосед Грубин включил вечный двигатель. Он у него по ночам отдыхал. Под окном гуднула машина, что развозила по квартирам молоко и сметану. Ксения брякнула на стол тарелку с кашей и побежала вниз. Начинался трудовой день в городе Великий Гусляр.

Удалов и Минц вместе пошли на совещание к Белосельскому.

Минц достал платок и высморкался.

— Боюсь, — сказал он, — что я сегодня простудился. Не надо было мне прыгать с вышки.

Площадь перед Гордомом была запружена народом. Ближе всех к дверям стояли пенсионеры. Тесной, крепкой толпой. Две бабушки, которых Удалов видел утром, развернули длинный плакат: «Спасем родной Гусляр от варварства!» Старик Ложкин уже в черном костюме, но с тем же мегафоном медленно шел вдоль лозунга и проверял, нет ли грамматических ошибок.

Студенты речного техникума плакатов не принесли. Им достаточно было портретов архитектора Оболенского. Портреты были увеличены из паспортных фотографий, к ним были пририсованы усы, а сорочка с галстуком замарана зеленым, так что получился френч. Фотографии покачивались на палках, и при виде этого зрелища Удалов перенесся мыслями назад, в годы своего детства, когда первомайская демонстрация в Гусляре текла к трибуне на центральной площади, а над ней покачивались портреты вождя.

Удалов подумал, что студенты зашли слишком далеко. О чем и сказал профессору Минцу, который тоже шел на совещание в горисполком.

— Мы с вами — люди старшего поколения, — ответил профессор. — Чувство юмора мы склонны рассматривать как чью-то провокацию.

— Это уже не юмор, — откликнулся старик Ложкин. — Это недопустимый сарказм. Я думаю, что нам придется размежеваться с молодежью.

— Сейчас? — удивился Минц.

— Нет. Как только победим бездушных бюрократов!

Удалову стало стыдно под горящим савонароловским взглядом Ложкина. Но тут на площадь влетели рокеры на ревущих мотоциклах. Они тоже были одержимы гражданским чувством. Они носились вокруг толпы и выкрикивали нечто революционное. Сержант Пилипенко, который должен был следить за порядком, побежал к ним, размахивая жезлом, но рокеры умело уклонялись от его увещеваний.

В стороне от входа, без лозунгов и плакатов, но настроенная решительно, стояла интеллигенция — общество охраны памятников, общество любителей книги, общество защиты животных, общество защиты детей... Их Удалов всех знал, ходил в гости. Но сейчас чувствовал отчуждение.

«Нет, — хотелось крикнуть ему, — нет! Я всей душой с вами! Я желаю охранять и множить памятники древности! Но я вынужден выполнять приказы вышестоящего начальства, я должен экономить народные деньги и продвигать наш город по пути прогресса. В нашем городе за годы Советской власти уже снесли семнадцать церквей и сто других памятников, зато почти решили жилищную проблему».

Тут Удалов оборвал этот внутренний монолог, потому что понял, что монолог этот принадлежит не ему: это буквальное воспроизведение речи начстроя Слабенко на последнем совещании.

А вот и Пупыкин! Он что здесь делает?

Пупыкин стоял в сторонке, с ним его семья — Марфа Варфоломеевна и двое детей. Все в зеленом, даже лица зеленые. Дети держат вдвоем портрет неприятного мужчины в папахе.

Пупыкин нервно схватил Удалова за рукав и спросил шепотом:

— Ты ему сказал, что я участвовал в забеге?

— Скажу, — пообещал Удалов. — А ты что, покрасился?

— Мы всей семьей, — сообщил Пупыкин, — организовали неформальное объединение: партию зеленых. Мы охраняем природу.

— Похвально, — сказал Минц. — А чей это портрет? Что-то не припомню такого эколога.

— Это самый главный зеленый, — сообщил Пупыкин. — Мы его в книжке нашли. Атаман Махно.

— Пупыкин, советую, спрячь портрет. Этот зеленый экологией не занимался, — сказал Удалов.

— А чем занимался? — спросил Пупыкин.

— Совершал ошибки.

К тому времени, когда Удалов вошел в дом, Пупыкины успели растоптать портрет.

Минц с Удаловым поднялись по неширокой лестнице в кабинет Белосельского. Дверь была настежь. У Белосельского всегда так — дверь настежь.

Внутри уже действовал главный архитектор города, подтянутый, благородный Елисей Оболенский. С помощью юной архитекторши он прикнопливал к стене виды проспекта Прогресса.

Редактор Малюжкин стоял в отдалении, смотрел на перспективы в бинокль. Миша Стендаль записывал что-то в блокнот.

Начстрой Слабенко уже сел и крепко положил локти на стол. Он был готов к бою.

Музейная дама Финифлюкина смотрела ему в спину пронзительным взглядом, но пронзить его не могла.

— Начнем? — спросил Белосельский.

Начали рассаживаться. Разговаривали, кто-то даже пошутил. Происходило это от волнения. Предстояла борьба.

«Живем в обстановке гласности, — подумал Удалов. — Вроде бы научились демократии, пожинаем плоды. А силы прошлого не сдаются».

Сила прошлого в лице главного архитектора Оболенского получила слово, взяла в руку указку из самшита и подошла к стене.

Оболенский любил и умел выступать. Но сначала спросил:

— Может, закроем окна? Мы ведь работать пришли, а не с общественностью спорить.

— Ничего, — ответил Белосельский. — Нам не впервой. Чего нам народа бояться?

Часть толпы роилась за окнами. Шмелями жужжали винты, прикрепленные к наспинным ранцам. Эти летательные аппаратики, что продавались в спортивном отделе универмага под названием «Дружок Карлсон», были изобретены Минцем по просьбе туристов для преодоления водных преград и оврагов. Были они слабенькие, но, как оказалось, полюбились народу. И не все использовали их в туристических целях. Некоторые школьники забирались с их помощью во фруктовые сады, некий Иваницкий выследил свою жену в объятиях Ландруса на третьем этаже, были и другие нарушения. Удалов с грустью подумал: насколько гениален его сосед по дому Лев Христофорович! Все подвластно ему — и химия, и физика. Но последствия его блестящих изобретений, как

назло, непредсказуемы. Только вчера птеродактиль, выведенный методом ретрогенетики из петуха, искусал липкинского доберман-пинчера, который своим лаем мешал птеродактилю отдыхать на ветвях кедра. Хорошо еще, что не самого Липкина. А взять скоростные яблони — шестнадцать урожаев собрали прошлым летом в пригородном хозяйстве. В результате лопнула овощная база, не справившись с нагрузками. Нет, за Минцем нужен глаз да глаз.

Оболенский держал указку как шпагу и в поисках моральной поддержки посмотрел на начстроя Слабенко. Тот еще крепче сплел свои крепкие пальцы и едва заметно кивнул союзнику. Бой начался.

— Вы видите, — сказал Оболенский, — светлое будущее нашего города.

Широкий проспект был застроен небоскребами с колоннами и портиками и усажен одинаковыми подстриженными липами, которые водятся только в Версалях и на архитектурных перспективах.

Над проспектом расстилалось синее небо с розовыми облаками. В конце его возвышались голубые горы со снежными вершинами. Неужели он хочет свой проспект дотянуть до Кавказа, испугался Удалов. Но потом спохватился, понял, что это архитектурная условность.

В комнате царило молчание. Проспект гипнотизировал.

Оболенский победоносно окинул взглядом аудиторию, ткнул указкой в первый из небоскребов и заявил:

— Здесь мы расположим управление коммунального хозяйства.

Архитектор Елисей Оболенский в Гусляре человек новый, но уже укоренившийся.

Его импортировал Пупыкин.

Случилось это лет пять назад, когда Пупыкин совершал восхождение по служебной лестнице. Но пределов еще не достиг.

Как-то он прибыл в Москву, в командировку.

Помимо целей деловых, были у него идеалы. Хотелось найти в столице единомышленников, друзей. Особенно среди творческой интеллигенции. Пупыкин и сам был интеллигентом — учился в текстильном техникуме в Вологде, а затем на различных курсах. Он регулярно читал журналы и прессу.

Повезло Пупыкину на третий день. Он познакомился в гостиничном буфете с литературным критиком из Сызрани. Тот прибыл в Москву на семинар по реализму и хотел укрепиться в столице, потому что в Сызрани трудно развернуться таланту. Критик с Пу-

пыкиным друг другу понравились, вместе ходили в шашлычную и в кино, а потом критик повез его к своему покровителю, молодежному поэту. У поэта сильно выпили, говорили о врагах и национальном духе. Поэт громко читал стихи о масонах, а когда жена поэта всех их выгнала из дома, поехали к Елику Оболенскому.

Елик Оболенский, разведясь с очередной женой, жил в мастерской. Мастерская располагалась в подвале, по стенам висели иконы и прялки, в углах много пустых бутылок. Сам Елик Оболенский с первого взгляда Пупыкину не понравился. Показался духовно чужим по причине высокого роста, меньшевистской бородки, худобы и бархатной кофты. Оболенский курил трубку и грассировал.

Но товарищи сказали, что Оболенский — свой парень, из князей, Рюрикович. В мастерской тоже пили, ругали масонов, захвативших в Москве ключевые посты, поэт читал стихи о Перуне и этрусках, от которых, как известно каждому культурному человеку, пошел русский народ. Потом поэт с критиком, обнявшись, уснули на диванчике, а Оболенский показал Пупыкину свои заветные картины. Город будущего.

Эти картины Оболенский показывал только близким друзьям.

Картины были плодом двадцатилетнего творческого пути, который начался еще в средней школе.

Однажды мальчик Елик Залипухин — фамилию отчима Оболенского он примет лишь при получении паспорта — пошел с мамой на Выставку достижений народного хозяйства. Они гуляли по аллеям, любовались павильонами, сфотографировались у фонтана «Золотой колос». Так Елик ознакомился с архитектурой. И заболел ею. В тетрадках по алгебре он рисовал колоннады и портики, стену над своей кроватью обклеил фотографиями любимых памятников архитектуры — выставочных павильонов, греческих храмов, вокзалов на Комсомольской площади и станций Кольцевой линии Московского метро. Даже гуляя по городу с любимой девушкой, Елик всегда приводил ее в конце концов на ВДНХ, где забывал о девушке, очарованный совершенством линий павильона Украинской ССР.

Поступил он, конечно, в АХИ, то есть в Архитектурный институт, поступал четыре года подряд, и все неудачно. Но настолько за эти годы примелькался в институте, что постепенно все, включая директора, уверовали в то, что Оболенский — давнишний студент. У него принимали зачеты и посылали в подшефный колхоз на картошку. Вскоре он стал первым специалистом по отмывкам классических образцов. Никто не мог лучше его изобразить светотень на бюсте Аполлона.

Оболенский стал своего рода знаменитостью.

В иные времена завершил бы образование с блеском, но тут для романтиков наступили тяжелые времена. В архитектуру стало внедряться типовое проектирование, а студенты принялись изучать творчество неприемлемых оболенскому сердцу Нимейеров и Корбюзье.

Успеваемость Оболенского пошла под уклон, он затерялся в толпе середнячков, обзавелся хвостами, а как раз перед дипломом обнаружилось, что в институте он не числится, как не прошедший по конкурсу.

Без сожаления Оболенский оставил институт, не отказавшись от своей великой мечты — перестроить должным образом все города мира. Устроился он не по специальности, но работал с удовольствием: изобретал и проектировал торты на кондитерской фабрике. Он соединил в тортах крем и архитектуру и тем прославился в кондитерских кругах. Ему персонально заказывали юбилейные торты для министров и народных артистов.

Но для интеллигентных друзей Елик Оболенский оставался архитектором и князем. Раздобыв через свою любовницу, что работала в отделе нежилых помещений, подвал и устроив там мастерскую, Оболенский подружился с борцами за национальный дух. В его мастерскую всегда можно было приехать с другом или девочкой, выпить и поговорить о насущных проблемах. Проекты городов будущего Оболенский показывал только близким, доверенным лицам, а молодежные поэты довольствовались лицезрением икон и прялок.

Как только Пупыкин стал предгором, он тут же выписал Оболенского. Дал ему квартиру и пост главного архитектора города. Оболенский привез с собой вагон планшетов и начал лихорадочно готовить снос и воссоздание Великого Гусляра. Но не успел: Пупыкин потерял свой высокий пост и неудержимо покатился вниз.

Оболенский, которому некуда было деваться, остался в главных архитекторах, может, потому, что не завел себе врагов, если не считать обиженных мужей и брошенных девиц, может, потому, что сблизился с начстроем Слабенко. Слабенко тоже хотелось снести Великий Гусляр, мешавший начстрою развернуться. Правда, от полной переделки Гусляра пришлось отказаться, но одну магистраль Оболенский со Слабенко надеялись пробить.

Магистраль должна была разрезать город пополам и тем сразу решить все транспортные проблемы, а также обеспечить СУ-1 впечатляющей работой на десятилетку. Замыслил ее Пупыкин, чтобы возить по ней областные и иностранные делегации. Но общественность давно уже подняла свою многоголовую голову и на-

чала возражать. Так что магистраль, ради которой надо было снести шесть церквей, последний гостиный двор и шестнадцать зданий позапрошлого века, оказалась под угрозой.

— Без магистрали, — говорил Оболенский, расхаживая вдоль перспективы и иногда указывая на тот или иной ее участок, — наш город обречен задохнуться в транспортных проблемах и оказаться за бортом прогресса. Некоторые мои оппоненты твердят, что историческое лицо города разрушится. Это не то лицо, которое нам нужно. Позвольте спросить — хотят ли люди тащиться на работу по узким кривым улочкам наших дней или желают мчаться к воротам родного предприятия на скоростном автобусе по прямому проспекту...

Когда Оболенский кончил свою речь, в тишине раздался твердый голос Слабенко:

— Мы согласны.

Сам строитель, хоть и небольшого масштаба, Удалов понимал, что Слабенко куда удобнее и выгоднее получить для застройки большую, в полгорода, площадку и одним ударом развернуть эпопею. Когда куешь эпопею, не надо мелочиться. Что за жизнь у Слабенко сегодня? То на Грязнухе детский садик, то новый корпус для общежития, то втискиваешь жилой квартал над парком, то срываешь ремонт музыкальной школы — вот и бегаешь вдоль плотины, как тот самый голландский мальчик с вытянутым пальчиком. А вокруг бушуют зрители — то есть общественность, и все недовольны, что не так затыкаешь, как им хочется.

Ох и сердит Слабенко на общественность, ох и недоволен он Белосельским, который пошел у нее на поводу, развел гласность без пределов. Даже секретаршу отменил. Дверь не запирает. А если враг проникнет?

Клевреты спешат подражать предгору. Малюжкин, главный редактор газеты, уже второй год как переметнулся на сторону гласности. Пошел даже дальше, чем городское руководство. Сорвал с петель дверь в свой кабинет и выкинул на свалку. А над дверным проемом прикрепил неоновую вывеску: «Прием в любое время суток!» В «Гуслярском знамени» любое начинание поддерживают. Правда, Малюжкин всегда сначала позвонит Белосельскому: «Как, Николай Иванович, есть мнение?» И каждый раз отвечает ему Белосельский: «А как твое мнение?» Тогда Малюжкин смело идет вперед.

— Сколько лет горе-проектировщики измываются над нашим городом? — воскликнул, поднимаясь, Малюжкин. — У меня в руках печальная статистика тридцатых и сороковых годов. Снесено несчетное количество памятников архитектуры. В оставшихся

устроены склады, а колокольня собора превращена в парашютную вышку...

— Разве мы пришли сюда слушать лекцию о парашютах? — спросил Слабенко.

— При чем тут парашюты! — закричал Малюжкин. — Вы меня не сбивайте. Вы лучше ответьте народу, зачем в позапрошлом году затеяли реконструкцию под баню палат купца Гамоватого?

— Под сауну, — поправил Слабенко. — Для сотрудников зверофермы. Труженики хотели мыться.

— Под личную сауну для пресловутого Пупыкина, — подала реплику директорша библиотеки.

Кипел большой бой.

Трижды он прерывался, потому что массы под окнами требовали информации о ходе совещания, и эту информацию массам, разумеется, давали, поскольку в Великом Гусляре не бывает тайных дискуссий и закрытых совещаний.

Трудность была в том, что даже самые страстные ревнители города понимали: магистраль пробивать придется — иначе с транспортом не справиться. Но даже если отвергнуть планы Оболенского, часовня Святого Филиппа и три старых особняка окажутся на ее пути.

На втором часу дискуссии Белосельский обернулся к профессору Минцу и спросил:

— А что думает городская наука? Неужели нет никакого выхода?

— Я держу на контроле эту проблему, — откликнулся Минц. — Конечно, неплохо бы построить туннель под городом, но, к сожалению, бюджет Великого Гусляра этого не выдержит.

— Вот видите, — сказал Оболенский. — Даже Лев Христофорович осознает.

— Есть ли другой путь? — спросил Белосельский.

— Есть, и кардинальный, — произнес Минц.

— Подскажите, — попросил Белосельский.

— Гравитация, — сказал Минц. — Как только мы овладеем силами гравитации, мы сможем подвинуть любой дом, и, кстати, обойтись без подъемных кранов.

— За чем же дело стало?

— К сожалению, антигравитацию я еще не изобрел, — виновато ответил Минц. — Теоретически все получается, но на практике...

— Чем вам помочь? — спросил Белосельский, переждав волну удивленных возгласов. — Может, нужны средства, помощники, аппаратура?

— Вряд ли кто-нибудь в мире сможет мне помочь, — ответил Минц и чихнул. — Второго такого гения Земля еще не родила... — Минц замолчал, медленно закрыл рот и задумчиво опустился на стул.

— Что с вами? — спросила Финифлюкина. — Может, воды принести?

Минц отрицательно покачал головой.

С минуту все молчали. Лишь с площади доносился ровный шум толпы. Наконец Минц поднял голову и оглядел присутствующих.

— Завтра я дам ответ.

— Это чепуха! — сказал Оболенский. — Это шарлатанство. Ни один институт в мире этого не добился, даже в Японии нет никакой гравитации. Надо хорошо проверить, из чьего колодца черпает Минц свои сомнительные идеи.

Слабенко лишь саркастически улыбался.

И тогда Белосельский сказал так:

— Я надеюсь, присутствующие здесь товарищи и представители общественности согласятся, что вопрос настолько серьезен, что лучше отложить его решение на два дня. Я лично глубоко верю в гений товарища Льва Христофоровича. Он не раз нам это доказывал.

Когда Оболенский стал выковыривать кнопки, чтобы снять свои радужные перспективы, Белосельский сказал:

— А вы, Елисей Елисеевич, оставьте эти произведения здесь. Пусть люди ходят в мой кабинет, смотрят, создают мнение.

Удалов проводил Минца до дома. Тот совсем расклеился. Чихал, хрипел — утренний пробег роковым образом сказался на его здоровье, подорванном мыслительной деятельностью.

— Вы что замолчали, Лев Христофорович? — спросил Удалов. — Что за светлая идея пришла вам в голову?

— А вы догадались? — удивился профессор. — Я думал, что никто не заметил.

— Я вас хорошо знаю, сосед, — сказал Удалов. — Вспомните, сколько мы с вами всяких приключений пережили!

Удалов остановился, приложил ладонь ко лбу профессора и определил:

— Лев Христофорович, у вас жар. Сейчас примите аспирин и сразу в постельку.

— Нет! — воскликнул Минц. — Ни в коем случае! Я должен немедленно ехать... идти... перейти... Я дал слово. Город ждет!

— Лев Христофорович, — возразил Удалов. — Вы не правы.

В таком состоянии вы ничего сделать не сможете. И если надо куда-то съездить, вы же знаете — я всегда готов. Тем более для родного города.

— Нет, — не согласился Лев Христофорович, пошатываясь от слабости. Простуда брала свое. — Предстоящее мне путешествие очень опасно. Потому что оно совершенно непредсказуемо.

— Путешествие?

— Да, своего рода путешествие.

Они дошли до ворот дома шестнадцать. Погода испортилась, начал накрапывать дождик. Желтые листья срывались с деревьев и приклеивались к мокрому асфальту. Минц остановился в воротах и сказал:

— Вам, Корнелий, я могу открыть опасную тайну, которая не должна стать достоянием корыстных людей и милитаристских кругов.

— Погодите, — перебил друга Корнелий. — Сначала мы пойдем домой, чайку согреем, аспиринчику хлопнем, а потом поговорим.

— К сожалению, у нас нет времени, — упирался Минц. — Вы же видите, в каком критическом положении оказался наш город. Слабенко имеет поддержку в области... От меня ждут быстрых решений. Я дал слово...

Все же Удалову, который был помоложе, удалось затащить Минца в подъезд. Он оставил его перед дверью в его квартиру и велел переодеться, а сам обещал тут же прийти.

Тут же прийти, конечно, не удалось. Пока сам умылся да рассказал все Ксении...

За обедом включил телевизор, местную программу. Показывали общественный суд над Передоновым, который кинул на мостовую автобусный билет. Прокурор требовал изгнания из Гусляра, защитник нажимал на возраст и славную биографию. Преступник рыдал и клялся исправиться. Ограничились строгим порицанием. Потом была беседа с сержантом Пилипенко о бродячих кошках. Пилипенко полагал, что это происходит от недостаточной нашей любви к кошкам. Если кошку ласкать, она не уйдет из дома.

Вдруг словно звякнул внутри звоночек. Как там Минц? А вдруг он, презрев температуру, уйдет из дома?

В одну секунду Удалов сбросил домашние туфли, натянул ботинки и накинул пиджак. Еще через минуту он уже был у Минца, который без сил лежал на диване.

— Сейчас я согрею вам чаю, — сказал Удалов, включая плиту. — Вам нужен постельный режим.

— Нет! — закричал Минц.

Он попытался встать, но ноги его не держали.

Удалов принес чай и таблетки. Минц сдался. Он покорно выпил горячего чая, проглотил таблетки, и только потом Удалов согласился его слушать.

— Я знаю, — сказал Минц слабым голосом, — что за два дня проблему гравитации мне не решить. Слишком много еще не сделано. Но есть надежда, что один человек ближе меня подошел к решению загадки.

— И вы к нему собирались ехать?

— Вот именно.

— И куда, если не секрет? В Японию? В Конотоп?

В голосе Удалова звучала ирония. Уж он-то знал, что на Земле нет никого, кто сравнился бы гениальностью с профессором Минцем.

— Еще дальше, — улыбнулся Минц.

— Разумеется, за лесом вас ждет космический корабль.

— Вы почти угадали, мой друг, — сказал Минц.

— И как же зовут этого вашего благодетеля?

— Минц, — ответил профессор. — Его зовут Лев Христофорович Минц.

— Бредите, что ли? — испугался Удалов.

— Нет, я в полном сознании. Я хочу воспользоваться фактом существования параллельных миров.

— А они есть?

— Есть, и множество. Но каждый чем-то отличается от нашего. Я обнаружил тот из них, что развивается вместе с нами и различия которого с нашим минимальные.

— То есть существует Земля, — сразу сообразил Удалов, — где есть Великий Гусляр, есть профессор Минц...

— И даже Корнелий Удалов, — сказал профессор.

— Это точно?

— Это доказано теоретически.

— И вы хотите поехать туда?

— Вот именно. Там живет мой двойник.

— Но если вы не изобрели этой самой гравитации, почему вы решили, что он изобрел гравитацию?

— Параллельный мир, назовем его Земля-2, не совсем точная наша копия. Кое в чем он отличается. И если верить моим расчетам, он движется во времени на месяц впереди нашего. А уж за месяц я наверняка изобрету антигравитацию.

— Ну и отлично, — сказал Удалов, который умом, конечно же, согласился с очередным открытием Минца, но душа его такого оборота событий не восприняла. Трудно представить, что где-то за миллиарды галактик или миллионы световых лет живешь ты сам,

и жена твоя Ксения, и профессор Минц, и даже товарищ Белосельский.

— Не верите? — спросил Минц.

— Верю-то верю, да не знаю... А далеко до него?

— Этого наука сказать не может, — ответил Минц. — Потому что существование параллельных миров подразумевает многомерность Вселенной. Она изогнута так сложно, что параллельные миры фактически соприкасаются и в то же время отстоят на миллиарды световых лет. Нет, это выше понимания человека!

— Ну раз выше, то не надо объяснять, — согласился Удалов. — Выздоровеете, отлежитесь — и отправляйтесь в ваш параллельный мир, поговорите с самим собой, может, и в самом деле поможет.

— Вы ничего не поняли! — воскликнул простуженный профессор. — Я же дал слово! Город ждет! Если через два дня я не изобрету антигравитацию, Оболенский начнет...

Голос профессора прервался.

— Не переживайте, — возразил Удалов. — Вы не один. С вами общественность.

— Я обещал, — слабым голосом повторил профессор.

Тут он принялся биться, бредить и довел Удалова своими стенаниями до того, что он заявил:

— Ладно уж, схожу вместо вас.

— Нет, это опасно!

— Почему?

— Мы не знаем, в чем разница между нашим и тем миром.

— А какая может быть разница, если миры параллельные?

— Параллельные, но не обязательно идентичные.

— Тогда тем более интересно.

— Я не могу взять на себя ответственность.

— Утречком, до работы, и схожу.

— А если придется задержаться?

— Перекушу там. Деньги небось одинаковые?

— Удалов, вы задаете бессмысленные вопросы! — рассердился профессор. — Я там не был, никто там не был. Проголодаетесь, зайдите к самому себе, неужели не накормят?

— Значит, можно идти налегке, — сказал Удалов.

— По моим расчетам, путешествие займет часа два. Вам надо заглянуть в собственный дом, встретить меня, поговорить, все объяснить, взять формулы гравитации, если они есть, — и тут же обратно.

— Вот и договорились, — обрадовался Удалов. — Отдыхайте. Может, все же врача вызвать?

— Нет, мой организм справится, — ответил Минц.

— Дайте мне слово, что до утра с дивана не встанете!

После некоторого колебания Минц дал слово, и Удалов ушел к себе успокоенный. Слово Льва Христофоровича нерушимо.

К путешествию в параллельный мир Удалов отнесся без паники. Ему уже приходилось путешествовать. Правда, новое путешествие давало пищу для размышлений. И Удалов размышлял.

В тот вечер они пошли с Ксенией в отреставрированный городской театр, где давал концерт камерный оркестр под управлением Спивака. Теперь, когда духовная жизнь Великого Гусляра оживилась, туда приезжали многие выдающиеся артисты, даже из-за рубежа. На некоторые концерты было трудно попасть. Например, на вечер Адриано Челентано съехались зрители со всего района, даже из Тотьмы и Пьяного Бора.

Гастролеры также были довольны Гусляром. И его памятниками старины, и мирным добродушным гуслярским населением, и энтузиазмом любителей искусства. Но больше всего они ценили гуслярский театр, построенный в конце XVIII века радением купца Семибратова, правда, к концу прошлого века обветшавший и заброшенный. В годы первых пятилеток в нем был склад, затем его перестроили под галошную артель. Пупыкин, в краткую бытность свою главой города, хотел сделать в бывшем театре Дом приемов, но Оболенский уговорил его театр снести и на его месте воздвигнуть Дом приемов из белого мрамора. К счастью, Пупыкина сняли, а театр восстановили методом народной стройки. Каждый второй гуслярец выходил на эту стройку добровольно, а кто не мог выйти, способствовал в меру сил шитьем портьер, изготовлением бронзовых дверных ручек или выпиливанием деревянных деталей. Когда театр, скромный, уютный, открыл свои двери, специалисты всего мира были поражены его акустикой. Даже шуршание актерских ресниц долетало до последнего ряда, облагораживаясь в полете.

А что касается музыкальных инструментов, то их звучание в зале, созданном руками безвестных гуслярских умельцев, резко менялось к лучшему. Стоявший на сцене рояль фабрики «Красный Октябрь» звучал чуть-чуть лучше «Стенвея», а скрипки... Страдивари умер бы от зависти!

Удалов с Ксенией сидели в третьем ряду, наслаждаясь музыкой, вернее, Ксения наслаждалась, а Удалов думал. Если в том мире с гравитацией не выгорит, придется, видимо, искать еще один — ведь их бесконечное множество. Если с первого раза не удастся, придется взять отпуск за свой счет. Да, прав Минц: параллельные

миры должны оставаться государственной тайной. Не дай бог, если мерзавец решит воспользоваться ими для своих целей... А что, если уже воспользовался? Что, если где-то другой Минц уже разработал такое путешествие, но у него нет верного друга в лице Удалова? Доверился он какому-нибудь проходимцу, и тот уже здесь... Зачем он здесь? А затем, чтобы похитить ценную вещь из музея!

Эта мысль Удалова испугала, и он стал крутить головой, опасаясь увидеть пришельца. Потом понял — не увидишь. Ведь все пришельцы — двойники. Ты смотришь на него, думаешь: вот провизор Савич со своей супругой Вандой Казимировной. А на самом деле это дубль Савича и дубль его супруги. Или еще хуже — дубль Савича, а супруга настоящая... Постой, постой, а как же с Ксенией? Значит, там есть вторая Ксения? Такая же или чуть другая?

Удалов поглядел на свою жену. Она ничего не видела вокруг, сжимала в пальцах платок — печальная музыка Сибелиуса привела ее в состояние экстаза.

Когда они шли домой из театра, Удалов сказал Ксении, что завтра поедет в местную командировку, может задержаться.

— Куда? — спросила Ксения рассеянно. Она все еще находилась во власти искусства.

— Ты мне теплые носки приготовь. И пуговицу к плащу пришей.

Если бы не музыка, Ксения, конечно, выпытала бы у Удалова, куда он собрался. Но сейчас ей не хотелось ничего выпытывать. Вечер был тихий, чудесный, дождь перестал, ветер стих. По разноцветным плиткам новой мостовой медленно гуляли жители города, обогащенные искусством. Уютно светились витрины магазинов и кооперативных кафе. По дороге Удалов с Ксенией заглянули в гастроном, купили сервелата, немного красной икры, бананов и сливок — на завтрак. Продавщица Дуся очень жалела, что не смогла побывать на концерте, но говорили, что Спивак обещал дать утренний концерт для тех, кто не смог послушать его вечером.

Отослав Ксению с покупками домой, Удалов осторожно заглянул к Минцу.

Минц спал. Во сне он шевелил губами, бормотал, волновался.

Утром Удалов чуть было все не погубил. Когда оделся, сделал уже шаг к двери, обернулся, поглядел на Ксению и подумал: «А вдруг я ее больше не увижу?» Потому он вернулся, обнял жену и поцеловал.

Эта нежность встревожила Ксению.

— Ты что? — испугалась она. — Ты куда?

— К вечеру вернусь, — произнес Удалов, но голос его дрогнул.

— Что-то тут неладно, — сказала Ксения. — Признавайся, кто она?

— Клянусь тебе, Ксюша, — ответил Удалов. — Отправляюсь в деловую командировку, в интересах города. А поцеловал тебя от возникшего чувства. Неужели этого не может быть?

— Что-то раньше ты меня по утрам не целовал, — резонно заметила Ксения. — А раз раньше не целовал, а теперь полез, значит, дело нечисто.

— Господи! — возмутился Удалов. — Собственную жену уже поцеловать нельзя без скандала!

Обиделся он на Ксению.

Ушел, хлопнув дверью. Чем, правда, Ксению несколько успокоил.

К Минцу Удалов вошел шумно, распахнул дверь, чуть не свалив этажерку с журналами.

Минц уже проснулся, он сидел на диване, закутанный в одеяло.

— Удивительное дело, — сказал он при виде Удалова. — Не могу встать. Слабость такая, даже стыдно.

— Ничего, — ответил Удалов. — Давайте не будем терять времени даром. Лекарства принимали?

Удалов скинул плащ, быстро согрел чайник, по-товарищески приготовил завтрак, а тем временем Минц рассказал ему, что надо делать.

Переходить в параллельный мир придется в особой точке, которую вычислил Минц. Находится она в лесу, за городом, на шестом километре. И это хорошо, потому что переход сопровождается выбросом энергии, а выбрасывать ее лучше в безлюдном месте, чем среди людей, которых можно повредить. Для перехода надо вынуть из чемодана набор ограничителей, похожих на столовые ножи, воткнуть их в землю вокруг себя, затем нажать на кнопку энерготранслятора. Там, в параллельном мире, следует также оградить места входа ограничителями и запомнить место — в другом не перейдешь.

Выслушав инструкции, сложив в портфель набор ограничителей и прикрепив к рубашке маленький энерготранслятор, Удалов был готов к походу.

— Учтите, мой друг, — сказал Минц. — Перейти может только один человек. Я не смогу прийти к вам на помощь. Но я убежден, что в любом параллельном мире профессор Минц останется таким же профессором Минцем, а Корнелий Удалов — таким же отважным и добрым, как здесь. Так что при любых трудностях обращайтесь ко мне или к себе.

Минц приподнял слабую руку.

— Жду! — сказал он вслед Корнелию. — Со щитом, но не на щите.

Удалов вышел, раздумывая над смыслом неизвестной ему поговорки. Что, интересно, имел в виду профессор под щитом? Но вскоре он выкинул эту мысль из головы и поспешил к автобусу.

Автобус был полон — час пик, все спешат на работу. Он долго крутил по узким улицам, минут пять стоял на перекрестке — такое интенсивное движение было в Гусляре. И Удалов проникся важностью своей миссии. Именно он призван разгрузить транспортные потоки и спасти город. Народу трудно.

У гастронома в автобус влез Пупыкин. Как всегда, подобострастный, улыбающийся.

Как странно, подумал Удалов, что этот человечек с потными ладошками целый год пробыл во главе города и, не возмутись общественность, не наступи эра демократии, сейчас продолжал бы сживать со света честных людей.

— Корнелий Иванович! — пискнул Пупыкин. — Какое счастье. А я на утренний пробег спешу. Вы не бежите сегодня?

— Дела, — сказал Удалов. — Некогда сегодня. Завтра побегу.

— Ах, у меня тоже дела, — признался Пупыкин. — Но надо показаться товарищу Белосельскому. Он может подумать, что я манкирую своим здоровьем. Правда?

— Не знаю, что думает товарищ Белосельский, — ответил Удалов. — У него и без вас забот много.

— Да, Николай Иванович страшно занят! Я лучше любого другого могу понять и разделить его заботы. Я слышал, что в управлении охраны природы ищут инструктора по пернатым. Вы не могли бы замолвить за меня словечко?

— Но я-то при чем? — с тоской спросил Удалов, глядя в окно автобуса.

— Вы имеете связи, — сказал Пупыкин убежденно. — Сам товарищ Белосельский с вами советуется.

— Какие уж там связи...

— Нет! — взвизгнул Пупыкин и попытался игриво ткнуть Удалова пальчиком в живот. — Есть связи, есть! А мне на пенсию рано. Бурлит энергия, хочу внести вклад!

Тут автобус остановился, и водитель произнес:

— Пристань. Следующая остановка — городской парк.

Удалов сильно подтолкнул Пупыкина к выходу, и тот пропал в толпе.

Еще недавно ты был другой, подумал Удалов, совсем другой. А какой настоящий? Этот Пупыкин или тот, кто вызывал Удалова на ковер и прочищал ему мозги?

...В лесу на шестом километре Удалов отыскал нужное место.

Там Минц уже пометил мелом два ствола, между которыми надо ставить ограничители.

Удалов открыл портфель. В лесу было тихо, даже птицы не пели. Осень. Только случайный комар крутился возле уха.

Будем надеяться, сказал себе Удалов, что там, в параллельном, тоже нет дождя.

Он расставил ограничители, воткнул их поглубже в землю, чтобы кто из грибников не польстился на блестящие ножики, забросал их бурыми листьями.

Потом вошел в круг, нащупал у воротника кнопку на энерготрансляторе и, зажмурившись, нажал на нее.

И тут же его куда-то понесло, закрутило, он потерял равновесие и стал падать, ввинчиваясь в пространство.

На самом же деле он никуда не падал, и если бы случайный прохожий увидел его, то поразился бы полному, средних лет человеку, который отчаянно машет руками, будто идет по проволоке, но притом не двигается с места. И постепенно растворяется в воздухе.

Когда верчение и дурнота пропали, Удалов открыл глаза.

Путешествие закончилось. А может, и не начиналось. Потому что вокруг стоял такой же тихий лес и точно так же звенел у уха поздний комар.

Потом далеко-далеко закуковала кукушка. Удалов стоял, слушал, сколько лет ему осталось прожить. Получалось тринадцать. Приемлемо. Как раз до пенсии. Откуда-то донеслись выстрелы. Неужели и здесь не истребили браконьеров?

Удалов огляделся, посмотрел, стоят ли ограничители. Ограничителей не было. Земля пустая. А раз сказок и чудес на свете не бывает, значит, Удалов уже в параллельном мире. И надо его тоже пометить ограничителями.

Что Удалов и сделал. И так же, как в своем мире, он засыпал их сухими листьями.

Потом посмотрел на небо. Небо было пасмурным, дождь мог начаться в любую минуту. Куда идти?

«Глупый вопрос, — ответил сам себе Удалов. — Идти надо в город, к себе домой».

Удалов решительно пошел к шоссе.

Первое различие с собственным миром Удалов заметил на автобусной остановке.

Сама остановка была такая же — бетонная площадка, на ней столб с номером и расписанием. Только столб покосился, а расписание было настолько избито дождями и ветрами, что не разберешь, когда ждать автобуса.

Время шло, автобус не появлялся. Мимо проехало несколько машин, но ни одна не остановилась, чтобы подобрать Удалова.

Тогда Удалов пошел пешком. До города шесть километров, но километра через два будут Выселки, а оттуда ходит «двадцатка» до самой Пушкинской.

Шагая, Удалов внимательно осматривался, отыскивая различия.

Различий было немного. Например, шоссе. В нашем мире его еще прошлой весной привели в порядок. Здесь, видно, недосуг это сделать. Встречались выбоины, ямы, кое-где большие трещины. Как специалист, Удалов понимал, что, если не заняться шоссе в ближайшее время, придется вкладывать в ремонт большие деньги. Надо будет сказать... А кому сказать? «Скажу Удалову», — решил Удалов.

Наконец впереди показались крыши Выселков. Удалов вышел на единственную улицу поселка. У магазина на завалинке сидели два грустных местных жителя. Дверь в магазин была раскрыта. На автобусной остановке ни души.

Удалов подошел к магазину и спросил у местного жителя:

— Автобус давно был?

— Автобус? — человек поглядел на Удалова как на психа. — Какой тебе автобус?

— До центра, — сказал Удалов.

— Ему нужен автобус до центра, — сообщил человек своему напарнику.

— Бывает, — ответил тот.

Из дверей вышел еще один человек, постарше. Он нес в руке темную бутыль.

— Есть политура, — сказал он и быстро пошел прочь. Собеседники Удалова помчались вслед за обладателем бутылки.

Удалов закричал:

— Автобус когда будет?

Мужчины не ответили, но старушка, что вышла из магазина вслед за человеком с бутылью, сказала:

— Не будет автобуса, милок. Отменили.

— Как отменили? Надолго?

— В виде исключения по просьбе трудящихся.

— А когда он придет?

— Никогда он не придет, — объяснила старушка. — Зачем ему приходить, если у нас есть такая просьба, чтобы он не приходил.

— Но до города четыре версты пехом!

— А ты не спеши, воздухом дыши. Потому автобус и отменили, чтобы люди больше воздухом дышали. Для здоровья.

— Ты, бабушка, не шутишь?

— Не дай бог! Васька Иванов пошутил. Где он теперь? Молчишь? То-то.

Удалов не знал ни Васьки, ни его местопребывания. Но спрашивать не стал. Пошел дальше.

Четыре километра не такое большое расстояние. Тем более когда дождя нет, ветер не дует, погода прохладная.

Вскоре Удалов догнал молодую женщину с рюкзаком и чемоданом.

Женщина была одета в ватник и лыжные штаны. На ногах мужские башмаки, голова закутана серым платком.

— Помочь? — предложил Удалов, поравнявшись.

— Не надо, — ответила женщина, отворачиваясь. Чем-то ее лицо Удалову было знакомо. Он пошел рядом, стараясь вспомнить.

— Чего смотрите? — спросила женщина, не глядя в его сторону. — Не признаете, что ли?

— Знакомое лицо, — сказал он. — Недавно видел... Вы простите, конечно, но одежда совсем у вас непривычная.

— Ну Удалов! — рассмеялась тут женщина. — Ну вы осторожный!

И по тому, как женщина произнесла слова, и как улыбнулась, и как блеснула стальная коронка в правом углу рта, Удалов признал Зиночку Сочкину — хохотушку, резвушку, директоршу музыкальной школы и активную общественницу. Еще вчера они бежали рядом в утреннем забеге и она требовала открыть класс арф. Но перемена, произошедшая с этой милой интеллигентной женщиной, была столь разительна, что ее не сразу узнал бы собственный отец. Лицо ее осунулось, обгорело под солнцем, покрылось сеточкой ранних морщин. Курчавые волосы были скрыты под платком, ресницы не накрашены, губы обкусаны. Да и взгляд пустой, без смелости и озорства.

— Нет, — сказал Удалов, — я честно не узнал, Зиночка. Я же тебя совсем другой знаю. Что с тобой произошло?

И тут же Удалов спохватился: «Ты не дома, Корнелий, ты в параллельном мире! И изменение в Зиночке — еще одно отличие мира тутошнего от нашего».

— Шутите? — спросила Зина, спрятав улыбку. — Вам легко шутить.

И так горько сказала, что Удалов понял — допустил нетактичность.

Но сейчас ему было не до дипломатии. «Считай, что повезло,

встретил знакомую, которая тебя узнала. Надо осторожно вытащить из нее информацию, так, чтобы не поставить под удар собственного двойника, который и не подозревает, что ты разгуливаешь по его Великому Гусляру».

— Откуда возвращаешься? — спросил Удалов. При этом он сделал еще одну попытку отобрать у молодой женщины чемодан. Видно, от неожиданности она чемодан отпустила, но тут же спохватилась и стала тащить на себя. Чемодан был тяжелый, Удалов сопротивлялся и повторял: — Я же только помочь хочу, понимаешь?

Но женщина упрямо продолжала тянуть чемодан, и тот не выдержал такой борьбы, раскрылся, и из него покатилась по асфальту картошка — мокрая, грязная...

Женщина в ужасе отпрянула, закрыла глаза руками и зарыдала.

— Ты прости, я не знал, — сказал Удалов. — Я не хотел.

Он поставил открытый чемодан на дорогу и, нагнувшись, стал собирать в него картошку.

Раздался скрип тормозов.

— Ты чего здесь расселся, мать твою так-перетак!

Удалов поднял голову.

Над ним стоял мотоцикл. В седле, упершись одной ногой в асфальт, сидел старый знакомый — сержант Пилипенко. Только он был при усах и в капитанских погонах.

— Ты что, не знаешь, какая это трасса?! Я тебя живо изолирую!

— Сема Пилипенко! — удивился Удалов. — Какая трасса?

— А, это ты, — сказал Пилипенко. Узнал все-таки. — Ты чего вырядился?..

А ничего странного на Удалове не было надето — модный плащ, сделанный в Гусляре кооперативной фабрикой «Мода Парижской коммуны», голландская шляпа, купленная в универмаге, и знаменитые армянские штиблеты — одежда как одежда.

— Что ты здесь делаешь? — спросил с подозрением бывший сержант, а ныне капитан Пилипенко.

— Видишь же, — ответил Удалов, — картошку рассыпал.

— Картошку? Откуда взял?

— Послушай, Пилипенко, что ты себе позволяешь? Я же тебя с детства знаю.

Удалов оглянулся в поисках Зины, но ее нигде не было, и потому он решил взять все на себя — хуже не будет.

— Моя картошка, — ответил Удалов, почти не колеблясь.

— Ты меня удивляешь, — сказал Пилипенко. — В твоем-то положении.

— А чем тебе не нравится мое положение?

— Шутишь?

— Не шучу — спрашиваю.

— Давай скорее собирай, чего дорогу занимаешь? — совсем осерчал Пилипенко. Отталкиваясь правой ногой, он подкатил мотоцикл и стал подгонять носком сапога картофелины поближе к Удалову.

Вдали послышался тревожный вой.

— Долой! — взревел Пилипенко.

Удалов, так и не закрыв чемодана, оттащил его в сторону.

— Закрывай! — крикнул Пилипенко и нажал на газ.

Мотоцикл подпрыгнул и понесся вперед.

Удалов закрыл чемодан и распрямился.

Тут же из-за поворота вылетела черная «Волга» с двумя флажками, как у посольской машины, — справа государственный, слева с гуслярским гербом: ладья под парусом, на корме сидит певец с гуслями, а над мачтой медвежья нога под красной звездочкой.

В машине мелькнул чей-то знакомый профиль, на мгновение голова повернулась, и глаза уперлись в лицо Удалова. Удалов не успел угадать, кто же едет.

За первой машиной мчались еще две «Волги», серая и зеленая, потом «жигуленок» и напоследок — мотоциклист в милицейской форме.

Кортеж пролетел мимо и растворился, оставив газовый туман и ошметки пронзительных звуков.

Удалов обернулся к кустам у дороги, спросил:

— Зина, ты здесь?

— Я здесь, — послышалось в ответ. Сочкина выбралась из кустов. Она была бледной, даже руки тряслись.

— Кто это был? — спросил Удалов.

— Он, — ответила Зина, — с охоты возвращаются. Неужели не догадались?

— Я пошутил, — сказал Удалов.

— А мне было не до шуток. Думала, конец мне пришел.

— Да ты что? — удивился Удалов. — Что ты такого сделала, чтобы пугаться?

— А не понимаете?

— Ума не приложу.

— Корнелий Иванович, — произнесла с укором Зиночка. — Вы со мной в одном городе живете, ваша роль мне, к сожалению, известна. Мне одно непонятно — почему вы на себя мое преступление взяли, головой рискуете?

— Ничем я не рискую, — признался Удалов, — но многого не понимаю.

Он поднял чемодан и пошел по шоссе. Зина шла рядом.

— Я знаю, в чем дело, — сказала она. — В вас совесть проснулась. Мне Ксения говорила, что вы не такой подонок, как кажетесь. Я ей не поверила.

— Где же она тебе это говорила?

Тут Зина остановилась, поглядела на Удалова и проговорила загадочно:

— Там, где картошка растет. — И вдруг взъярилась: — Лицемер проклятый! Отдайте мне чемодан!

Удалов вернул чемодан.

— А теперь уходите, — велела Зина. — Я не знаю, может, у вас в душе и шевельнулось что-то, но, скорее всего, это страх перед расплатой. Прощайте. Я вас не видела, вы меня не видели. И в город я не ходила.

Удалову стало ясно, что вопросов далее лучше не задавать. Чего-то он не понимает, за что-то Зина его не любит. А ведь еще вчера у них были чудесные отношения. Правда, не здесь.

Зина свернула с шоссе на тропинку, а Удалов вошел в Великий Гусляр.

Начались одноэтажные домики окраины, спрятанные в облетающих садах, дальше — темная чаща городского парка. За ним дома повыше, колокольни и купола церквей. Издали похоже на родной город.

Вот и первая, куда как знакомая Удалову улица. В нее превращается, вливаясь в город, шоссе. Ленивая улица — так ее испокон веку кличут. Вряд ли потому, что на ней жили ленивцы или лентяи, — просто течет эта улица лениво, чуть изгибаясь, как речка.

На первом же заборе Удалов увидел свежую табличку. Белую, с черной строгой надписью: «Ул. Трудящаяся».

Еще одно различие, подумал Удалов. И внутренне согласился — пожалуй, давно пора переименовать, а то приезжают туристы, иностранные делегации, могут составить превратное представление о характере гуслярцев. Надо будет и у себя поднять вопрос.

Поперек улицы висел широкий красный транспарант. На нем белыми буквами: «Превратим наш город в образцовый!»

Удалов и против такого призыва не возражал. К этому всегда надо стремиться...

Заборы были недавно покрашены, красиво, в зеленый цвет. Одинаково. И этому Удалов нашел объяснение: видно, бывают здесь с масляной краской перебои, а тут завезли зеленую, прият-

ную для глаза, вот обыватели и покрасились. Мысль о том, что заборы покрашены, чтобы радовать глаз проезжающего после охоты начальства, ему и в голову не пришла.

Тротуаров нет — пыльные тропинки среди пыльных лопухов. «Тут у вас отставание, — подумал Удалов. — Мы это все в позапрошлом году замостили». Ему было интересно идти и сравнивать. Как на картинке, какие бывают в детских журналах: отыщите десять различий в двух одинаковых рисунках. Вот и ломаешь голову — на одной стул с длинной ножкой, а на второй с короткой, на одной три птицы летят, на второй — четыре.

На пересечении бывшей Ленивой улицы с Торговым переулком, который здесь, как установил Удалов, именовался проспектом Бескорыстия, стоял большой деревянный щит на ножках. Щит изображал девицу в народном костюме с громадным снопом, который она прижимала к груди как доброго молодца. Над ней надпись: «Завалим родную Гуслярщину хлебами!»

Удалов вздохнул: у этих оформителей порой не хватает образования. Они, конечно, хотели как лучше, но получилось неточно.

Здесь надо повернуть налево, вспомнил Удалов. Так короче выйти к Горной. Мимо рынка, задами артели инвалидов.

Он свернул в проход: сейчас перед ним откроется бурная, привычная глазу картина продовольственного рынка.

Удалов обрадовался, углядев дыру в рыночном заборе, точно такую же, как дома. Единственная разница — там дыра как дыра, а здесь над ней небольшая надпись: «Проход воспрещен».

Тут Удалов увидел, как из прохода вылезает парнишка с соломенным веником в руке. Лицо вроде знакомое. Парнишка даже кивнул Удалову, и Удалов ему кивнул.

Потом сообразил: вчера только его видел — длинноволосым рокером, — младший брат Гаврилова! Но этот парень был коротко подстрижен, почти под нуль, а вместо кожаной куртки серый пиджачок. Вот и не узнал сразу.

Осмелев, Удалов тоже преодолел дыру и оказался на рынке.

С первого же взгляда рынок поразил Удалова. Если где и чувствовалась разница с нашим Гусляром, так это на рынке.

На нашем рынке жизнь кипит. Ближе к дыре должны быть ряды картофельные, свекольные и капустные. Там картошка одна к одной, отборная, кочаны крепкие, белые. Дальше ряд фруктовый. Там свои яблоки да груши, персики да хурма из экспериментального тепличного хозяйства, поздняя малина и банки с вареньями, соленьями, маринадами. Тут и гости с юга: узбеки с виноградом «дамские пальчики», грузины с сухим вином и мандаринами, армяне с персиками славной формы и вкуса, индусы с кокосовыми

орехами и плодами манго, китайцы... нет, китайцы большей частью в мясном павильоне. Там они торгуют пекинскими утками, мясом трепангов и особенной кисло-сладкой свининой. Рядом с датчанами — те привозят на гуслярский рынок лучшее в мире масло — да с исландцами — кто лучше их засолит селедочку?

Эти мысли пронеслись в голове Удалова, вызвав обычный образ обычного гуслярского рынка, и даже вызвали слюноотделение. Но параллельная действительность предстала совсем иной.

Картофельный и свекольный ряды были пусты, если не считать одной женщины, что торговала семечками.

Удалов подошел к ней, спросил:

— Попробовать можно?

Та пожала плечами.

Удалов взял семечко — было оно горелым и пересушенным.

— Плохо, — сказал он.

— Скажи спасибо, что такое есть.

Удалов направился мимо пустых прилавков, где не видно было ни кокосов, ни яблок, к мясному павильону, но увидел над ним яркий плакат: «Выставка-продажа веников».

И в самом деле — внутри торговали вениками, шибко торговали, люди в очереди стояли. А мяса не было и в помине.

«В неудачный день я попал», — подумал Удалов. Он взглянул на прилавки, где обычно продавали молоко, сметану и творог.

Там стоял один мужик мрачного вида, перед ним банки.

— Что есть? — спросил Удалов, полагая, что масло и сметана таятся под прилавком.

— Как что? — удивился мужик. — Не видишь, что ли? Банки.

— Пустые?

— А тебе полные, что ли, подавай?

— Понял, — сказал Удалов и пошел дальше.

Присмотрелся к очереди за вениками, нашел в ней знакомые лица. Даже возникло желание — купить веник Ксюше. Правда, дома веник есть, но раз все стоят, очень хочется встать. Это атавизм, понял Удалов, превозмогая себя. Атавизм, оставшийся с тех времен, когда еще был дефицит. Это надо выдавливать из себя по капле — так, кажется, учил писатель Чехов.

Удалов ничего на рынке не приобрел. Но от этого проголодался. Вроде бы обедать рано, но когда видишь, что пищи вокруг нет, — начинает мучить голод. Удалов не стал заходить в музей рынка, что стоял на месте кооператива «Розы и гвоздики», а поспешил к выходу. Там, направо от входа, есть столовая «Пышка», славная столовая, сытная, недорогая, на семейном подряде Муссалимовых.

У входа Удалов нагнал знакомого провизора Савича.

Савич нес два веника.

— Никита! — позвал Удалов. — Ты почему не на службе?

Это он так сказал, в шутку.

— Что? — Савич испуганно оглянулся. — Я имею бюллетень! — Но тут узнал Удалова и оттаял. — Чего пугаешь? Так и до инфаркта довести недолго. Я уж решил, что дружинник.

Лицо Савича было потное, мучнистого цвета. Свободной рукой он стянул с лица шляпу и начал вытирать ею лоб и щеки.

— Прости, — сказал Удалов. — Я и не подумал, что тебя испугаю. Вижу, ты — вот, думаю, хорошо, родную душу встретил. Ты веники покупал?

— Вот, выкинули.

— Хорошие веники, — вежливо согласился Удалов. — А как вообще жизнь?

— Ты же знаешь, что жизнь отличная, лучшая жизнь, — произнес Савич странным, срывающимся голосом.

— Это правильно, — сказал Удалов. — В утренних забегах участвуешь?

— Ты что имеешь в виду? — насторожился Савич.

Они уже вышли с рынка и остановились.

— Так, к слову пришлось. — Удалов понял, что опять проговорился.

— Корнелий Иванович, — сказал вдруг Савич. — Тебе направо, мне налево. Нехорошо, если нас вместе увидят.

— Чего в этом плохого?

— Не хочешь, как хочешь, — согласился Савич уныло. — Только учти — у меня бюллетень. Все по закону. И за Ванду я не обижаюсь.

— А что с Вандой? — спросил Удалов.

— С Вандой? Ты еще спрашиваешь? — Лицо Савича было трагическое, вот-вот заплачет.

— Ну, привет ей передавай, — сказал Удалов. Пора прощаться, пока не наговорил еще чего лишнего.

— Ей? Привет? От тебя?

Савич повернулся и побежал прочь, волоча за собой два веника как ненужный букет.

Надо срочно поговорить с самим собой, решил Удалов. Без этого тайны только накапливаются.

Поэтому он повернул направо. В сторону Пушкинской улицы.

Прошел под плакатом, натянутым над улицей: «Хозяйство должно быть хозяйственным!» Не понял его, посмотрел направо, где должен был стоять кооператив «Пышка». Кооператива там не

было. На месте вывески скромная надпись: «Прокат флагов и лозунгов».

Прохожих на улице было немного, некоторые лица знакомые, с ними Удалов по инерции раскланивался. Люди кланялись в ответ, но кое-кто при виде его прятал глаза и спешил мимо с опущенной головой.

«Тут должен быть гастроном, — сказал себе Удалов. — Зайду, куплю своему двойнику что-нибудь. Ведь неудобно в гости сваливаться без подарка. Икорки возьму, шампанского — впрочем, неизвестно, что здесь есть, чего нет. Возьму что есть».

Витрина гастронома обрадовала Удалова. Наконец-то все вернулось на свои места. Она почти такая же, как в родном Гусляре. Грудой лежит посреди витрины бычья туша, по бокам поленницами разные колбасы, за колбасами разделанная осетрина и лососина. Именно лососина Удалова и обрадовала, потому что такой розовой и крупной он давно не видел. Значит, с рынком ложная тревога — второй Гусляр кое в чем нас даже обогнал. Удалов вошел в магазин и удивился его пустынности. Смотри-ка, сказал он себе: свято здесь соблюдают рабочее время. Даже домашние хозяйки по магазинам в рабочее время не ходят. А может быть, здесь разработана всеобщая система доставки товаров на дом?

Удалов подошел к рыбному отделу. Но на прилавке не обнаружил ни лососины, ни осетрины. Даже шпротов не было.

— Девушка! — позвал он продавщицу, что вязала в углу.

— Чего? — спросила она, поднимая голову.

Господи, понял Удалов, это же Ванда Казимировна, жена Савича, директор универмага.

— Вандочка! — воскликнул Удалов в большой радости. — Ты что здесь делаешь?

— Корнелий? — Ванда отложила вязание. И замолчала, глядя враждебными глазами.

— У тебя неприятности? — спросил Удалов. — Я сейчас Никиту встретил на рынке, он веники покупал. Я его про тебя спросил, а он мне ничего не рассказал.

— И что же прикажете рассказывать? — спросила Ванда.

Она осунулась, выглядела лет на десять старше, глаза тусклые.

Удалов осознал: беда. Каждый торговый работник живет под угрозой ревизии. У нас в Гусляре милиции и общественности пришлось потрудиться, прежде чем всех торговых жуликов разогнали. Но Ванда! Ванда всегда честной была! Ее универмаг первое место в области занял! И хор продавщиц в Москву выезжал!

Здешняя Ванда была совсем другой. Может, согрешила? Человек слаб...

— Чего вам надо, Корнелий Иванович? — спросила Ванда.

— Я там на витрине лососину видел, — сказал Удалов. — Ты мне не свешаешь граммов триста?

— Что? — тихо проговорила Ванда. Так, словно Удалов сказал неприличное слово, к которому она не была приучена.

— Граммов триста, не больше.

— И, может, еще осетрины захотел, провокатор? — произнесла Ванда угрожающе.

— Кончилась, да? — спросил Удалов миролюбиво. — Если кончилась, я понимаю. Но ты мне можешь и с витрины снять.

— Слушай, а пошел ты... — И тут Ванда произнесла такую фразу, что не только сама знать ее не могла, но и Удалов лишь подозревал, что люди умеют так ругаться. — Мне терять нечего! Так что можешь принимать меры, жаловаться, уничтожать... Не запугаешь!

— Ванда, Вандочка, но я-то при чем? — лепетал Удалов. — Я шел, вижу, продукты на витрине лежат...

— Какие продукты? Картонные продукты лежат, из папье-маше продукты лежат, на случай иностранной делегации или областной комиссии...

Тут Ванда зарыдала и убежала в подсобку.

Удалов стоял в растерянности.

Вокруг было тихо. И тут до Удалова дошло, что немногочисленные посетители магазина, стоявшие в очереди в бакалейный отдел за кофейным напитком «Овсяный крепкий», обернулись в его сторону. Смотрели на него и продавцы. Все молчали.

— Простите, — сказал Удалов. — Я не знал...

И он вышел из магазина.

С улицы он еще раз посмотрел на витрину. И понял, что только наивный взор человека, привыкшего к продуктовому изобилию — скажем, взор бельгийского туриста или жителя нашего, настоящего Гусляра, — мог принять этот муляж за настоящую лососину.

«Ой, неладно, — подумал Удалов. — Пожалуй, хватит гулять по городу. Скорей бы добраться до дома и все узнать у себя самого».

Изнутри к стеклу витрины прижались лица покупателей и продавцов — все смотрели на Удалова. Как голодные рыбки из аквариума.

Удалов поспешил домой.

Правда, ушел он недалеко. Дорогу ему преградила длинная колонна школьников. Они шли по двое, в ногу, впереди учительница и сзади учительница. Школьники несли флажки и маленькие лопатки.

Они хором пели:

Наш родной счастливый дом
Воздвигается трудом,
Чем склонения зубрить,
Лучше сваю в землю вбить.
Левой — правой, левой — правой!
География — отрава,
Все науки — ерунда,
Без созида-ательного труда.

Учительница подняла руку. Дети перестали петь и приоткрыли ротики.

— Безродному Чебурашке! — закричала она.

— Позор, позор, позор! — со страстью закричали детишки.

— Тунеядца Карлсона! — закричала вторая учительница, что шла сзади.

— Долой, долой, долой! — вопили дети.

Движение колонны возобновилось, и Удалов пошел сзади, размышляя над словами детей.

Но ему недолго пришлось сопровождать эту охваченную энтузиазмом колонну. Дети вышли на площадь. На такую знакомую площадь, ограниченную с одной стороны торговыми рядами, с другой — Городским домом. Там должна возвышаться статуя землепроходцам, уходившим с незапамятных времен из Великого Гусляра, чтобы открывать Чукотку, Камчатку и Калифорнию. Тут Удалова ждало потрясение. Статуи — коллективного портрета землепроходцев, сгрудившихся на носу стилизованной ладьи, — не было. Остался только постамент в виде ладьи. А из ладьи вырастали громадные бетонные ноги в брюках. Ноги сходились на высоте трехэтажного дома. Дальше монумент еще не был возведен — наверху суетились бетонщики.

Площадь вокруг монумента была перекопана. Бульдозеры разравнивали землю, экскаваторы рыли траншеи, множество людей трудились, разгружая саженцы и внедряя их в специальные ямы. Школьников, с песней вышедших на площадь, сразу погнали в сторону, где создавались клумбы. И школьники, достав лопаточки, принялись вскапывать почву.

На балконе Гордома сгрудился духовой оркестр и оглашал окрестности веселыми маршевыми звуками.

Удалов стоял как прикованный к месту и лихорадочно рассуждал: кто из великих людей проживал в Гусляре или хотя бы бывал здесь проездом? Пушкин? Не было здесь Пушкина. Толстой? А может, Ломоносов на пути из Холмогор? Но зачем для этого свергать землепроходцев?

Тут Удалов узнал бульдозериста. Это был Эдик из его ремстройконторы.

Удалов подошел к бульдозеру, понимая, что вопрос следует задавать не в лоб, осторожно.

Бульдозерист Эдик тоже увидел своего начальника и удивился:

— Корнелий Иваныч, почему не в спецбуфете?

По крайней мере Эдик на Удалова не сердился.

— Расхотелось, — ответил Удалов. — Как дела продвигаются?

— С опережением, — сказал бульдозерист. — Взятые обязательства перевыполним! Сделаем монумент на три метра выше проекта!

— Сделаем, — согласился Удалов, понимая, что к разгадке монумента не приблизился. Конечно, надо уходить, не маячить же на площади. Но любопытство — страшный порок. — Внушительно получилось, правда? — спросил он.

— Чего внушительно?

— Фигура внушительная.

— Вам лучше знать, Корнелий Иванович, — ответил бульдозерист.

— Крупная личность? Большой ученый?

— Это вам виднее, — неуверенно ответил бульдозерист. Значит, не ученый. Или писатель, или политический деятель.

— А когда он умер, не помнишь? — спросил Удалов, показывая на памятник.

Взгляд бульдозериста был дикий. Видно, Удалов сморозил глупость. И дата смерти человека, нижняя половина которого уже стояла на площади, была известна каждому ребенку.

— Нет, ты не думай, — поспешил Удалов исправить положение. — Я знаю, когда он умер. Просто тебя проверить хотел.

— Проверил?

Но тут бульдозер начал медленно разворачиваться ножом на Удалова. В движении была какая-то угроза.

— Если бы не очередь на квартиру, — сказал без улыбки Эдик, — я бы иначе с тобой поговорил.

— Все! — закричал Удалов. — Ухожу. Я пошутил.

Он быстро пошел в сторону, стараясь не попасть под лопату бульдозера, и чуть не наступил на девчушку, которая ручками размельчала комья земли на будущей клумбе.

— Девочка, девочка, как тебя зовут? — спросил Удалов.

— Ниночка, — ответила девочка.

— Молодец, а ты в садик ходишь?

— В садик, — сказала девочка. — А ты кто?

— А я на работу хожу, — признался Удалов. — Скажи, крошка, это какому дяде памятник делают?

— Хорошему дяде, — ответила девочка уверенно.

— Он книжки пишет? — спросил Удалов.

— Книжки пишет, — подтвердила девочка.

— Он с бородой?

— С бородой, — сказала девочка покорно.

— Это дядя Толстой? — догадался Удалов.

— Ой! — воскликнула девочка, дивясь такой догадливости Удалова.

Она вскочила и побежала к воспитательнице, которая в окружении других малышей высаживала в землю кусты роз.

— Марья Пална! — закричала девочка. — Марья Пална! А этот дядя говорит, что наш памятник толстый!

— Гражданин! — Воспитательница оказалась красивой женщиной ниже среднего роста. — Вы что здесь делаете?

— Не обращайте внимания, — сказал Удалов. — Я обедать иду. Хотел девчушке помочь — пускай воспитывается. А она у вас молодчина. Знает, что памятник Толстому возводится.

— Что? — Женщина дернула девочку к себе, чтобы добрая рука Удалова не успела опуститься на ее головку. — Уйдите! Не травмируйте ребенка! Я буду жаловаться!

На крик стали оборачиваться люди, и Удалов быстрыми шагами пошел к пьедесталу. Сзади был шум, какие-то объяснения, вроде бы готовилась погоня.

Он обогнул пьедестал и увидел, что там лежит отдельно громадная бетонная рука с зажатым в ней портфелем, другая рука с раскрытыми пальцами, куски бюста, но главное, под большим брезентом — голова. Шар в рост человека.

Ноги сами понесли Удалова посмотреть на голову. Хоть и призналась девочка, что памятник будет Толстому, все равно хотелось проверить.

Удалов деловито подошел к голове, протянул руку, приподнял край тяжелого брезента, но увидел только ухо. И в этот момент сзади раздался пронзительный свист, к нему бежал милиционер, за ним — другие люди и дети.

Удалов понял: дело плохо. Он кинулся бежать с площади.

Но далеко не убежал — с другой стороны уже ехала «Скорая помощь». Она затормозила у раскопанной траншеи, из машины выскочили санитары с носилками и также кинулись к Удалову. Удалов, как заяц, метался по полю, перепрыгивая через ямы, но кольцо преследователей все сужалось.

Удалова поймали бы, если бы не неожиданное отвлечение.

Внезапно воздух потемнел, на город наползла черная туча.

— Красная игрушка! — раздались крики в толпе. — Красная игрушка!

И тут же люди побежали прочь, ища укрытия, подхватывая на пути детишек.

Через полминуты Удалов остался один посреди площади.

Гроза идет, понял он и, благодаря природу за своевременное вмешательство, поспешил к торговым рядам, чтобы укрыться там. Но далеко отойти не успел, потому что все время оглядывался.

И с неба сорвались первые капли влаги.

Капли были черными, едкими, они жгли лицо и проникали сквозь одежду. Удалов побежал быстрее, но дождь становился все гуще. К тому времени, когда Удалов добежал до какого-то пустого подъезда, все тело горело от ожогов, а одежда начала расползаться и слезать с тела.

«Черт знает что, — рассердился Удалов. — Знал бы, никогда бы не согласился на такое путешествие. Вечно этот Минц с его открытиями!» Но внутренний голос поправил Удалова. «Корнелий, — сказал он, — тебя никто не заставлял бегать по площадям и задавать вопросы. Пошел бы прямо на Пушкинскую, уже, наверное, возвратился бы домой с формулами в руках. Сам виноват».

Удалов согласился с внутренним голосом, хотя ему было жалко костюма, плаща и шляпы, не говоря уж о ботинках.

Кислотный дождь прекратился, но туча еще висела над городом, и улицы были пустынными. Удалов побежал домой.

Бежал он с трудом. Тротуары были скользкими и черными от зловонной жижи, плащ расползся, костюм держался еле-еле, у правого ботинка отклеилась подошва, а брюки пришлось поддерживать руками.

В таком плачевном виде Удалов пробежал по Пушкинской, влетел в ворота своего дома и сразу нырнул в подъезд.

Вот и родная лестница, вот и привычная дверь. Удалов нажал на кнопку и услышал столь знакомый звон, прозвучавший в квартире.

Дверь открылась далеко не сразу.

В дверях стояла чем-то знакомая молодая блондинка. Приятной внешности, в цветастом халатике, натянувшемся на высокой груди.

— Корнелий! — воскликнула молодая женщина. — Как же ты не уберегся!

— Я... понимаете... понимаешь... — Тут Удалов совсем смешался, потому что ожидал встретить совсем другую женщину. Бывает, смотришь на человека и понимаешь: где-то ты его видел — или в детском саду с ним состоял, или в школу ходил, или в Ялте отдыхал. Но кто она? Кто она? Почему она здесь? Где Ксюша?

— Тебе лучше не заходить, — сказала молодая женщина, загораживая проход. — Сначала погуляй, обсохни.

— Я с тобой не согласен, — возразил Удалов. У него зуб на зуб не попадал.

— Только в комнаты не заходи. — Женщина отступила, не скрывая отвращения от запаха и вида Удалова. — Все здесь сбрасывай — и сразу в ванную!

Перед Удаловым стояла трудная проблема. Ему предлагали раздеться догола, полагая, что он не тот Удалов. Причем ладно бы предлагала Ксюша — перед Ксюшей, даже чужой, можно было не стесняться. Но с этой молодой красоткой... как при ней разденешься?

— Ты что? — спросила молодая женщина. — Оробел, что ли, мой орел общипанный?

— Знаешь, — сказал Удалов, — я лучше так в ванную пройду. Там я разденусь.

— Чтобы всю ванную провонял? У меня там импортные шампуни стоят.

В голосе молодой женщины послышались пронзительные нотки, и этим она напомнила Удалову Ксению. Но только напомнила. Была она лет на двадцать моложе его жены, глаза намазаны, щеки подрумянены, во взгляде поволока...

Удалов, возя ногой по ноге, стянул с себя распадающиеся ботинки, с ними сошли и носки. Потом все же двинулся к двери в комнату.

— Стой! — Молодая женщина загородила руками проход. — Убью!

Халат ее распахнулся, обнаружив кружевное нижнее белье, но это совсем не смутило красотку.

Тогда Удалов, понимая, что выхода нет, начал стаскивать с себя остатки костюма, делая это очень медленно, оттягивая время в надежде, что другой Удалов придет и освободит его от позорного действия, и в то же время опасаясь, что другой Удалов может его неправильно понять.

— Ты чего домой пришел? — спросила тем временем красотка.

— Я... я обедать пришел, — вспомнил Удалов.

— Обедать? Домой? Ты же в спецбуфете обедаешь! Откуда у меня для тебя обед?

Костюм упал на пол, Удалов остался в трусах и майке — хоро-

шо, что они не расползлись от кислотного дождя. Но были ветхими, ненадежными. Приходилось поддерживать трусы руками.

Удалов готов был сгореть от стыда, но понимал: если он сейчас признается, что он не настоящий Удалов, может произойти трагедия.

От страха и полной растерянности Удалов стал агрессивным. Ну что за отношение к нему в собственном доме? Куда-то дели родную жену и еще приказывают!

— Дай мне халат какой-нибудь, — сказал Удалов.

— Вымоешься, получишь халат, — ответила молодая женщина.

«А вдруг это моя новая жена? — подумал Удалов. — Все в этом мире так же, как в нашем, только жена у меня не Ксения, а молодая и красивая».

И как только он об этом подумал, он поглядел на женщину совсем другими, можно сказать, хозяйскими глазами. Но в то же время что-то смущало, и было неловко перед Ксенией.

— Дай халат, — повторил он, делая еще один шаг вперед.

Женщина отступила, но не столько от страха перед Удаловым, сколько от нежелания об него испачкаться.

Прихожая в доме Удаловых невелика, так что в три шага Удалов достиг входа в комнату и повторил еще громче и смелее:

— Дай халат!

Тут произошло совсем уж странное событие — его халат возник в приоткрытой двери. Он двигался по воздуху, потому что его держала обнаженная мужская рука.

Удалов принял из мужской руки халат и увидел в щели главного архитектора города Оболенского, можно сказать, в одних кальсонах.

— Это что? — спросил Удалов, полностью переключаясь на роль своего двойника.

— А что? — спросила молодая женщина, стараясь закрыть спиной дверь.

«Может, не жена? — подумал Удалов. — Я тут бушую, а она, может, и не жена, а вовсе жена архитектора Оболенского?»

— Что Оболенский там делает? — спросил Удалов.

— Оболенский? — удивилась молодая женщина. — Какой такой Оболенский?

— Архитектор! — воскликнул Удалов и, отодвинув женщину, распахнул дверь в комнату.

В окне мелькнула темная тень, послышался треск ветвей и глухой удар о землю.

Удалов кинулся к окну.

Оболенский с трудом поднялся с земли и, прихрамывая, заковылял к воротам. Он был полураздет, под мышкой нес недостающую одежду.

— Эй! — крикнул ему Удалов. — Стой! Поговорить надо.

Но архитектор Оболенский даже не обернулся.

Тогда Удалов обернулся к молодой женщине.

— Попрошу объяснения, — сказал он.

— Объяснения? — Женщина была возмущена. — Кто ты такой, чтобы давать тебе объяснения?!

— А вот такой! — ответил Удалов, потому что не знал, кто он такой.

— Человек в гости пришел, чаю попить.

Видно, не хватало наглости у молодой женщины — в голосе прозвучала попытка оправдаться.

— Чаю попить? — закричал Удалов. — Чаю попить в халате?

— А у него горячей воды нет, — ответила женщина, отступая перед яростью Удалова. — Воды нет, вот и пришел ванну принять. И в конце концов — какое твое дело?

— Какое мое дело? — Удалов понял, что открылась возможность выяснить, кем ему приходится эта женщина. — Ты мне жена или не жена?

— Ну жена, — ответила женщина. — Ну и что?

— А то, что таких жен душат на месте!

— А ты придуши, придуши, Отелло! Посмотрим, какой ты завтра будешь!

— А мне плевать, какой я буду завтра! — зарычал Удалов и, подняв растопыренные руки, пошел на молодую жену. Молодая жена отступала в комнату, нагло хихикая и покачивая бедрами. И по этим бедрам Удалов узнал непутевую Римку, что заигрывала с ним на улице. Может показаться невероятным, что Удалов не сразу узнал ее, увидев дома. Но встаньте на его место — придите домой, найдите там молодую малознакомую соседку, облаченную в халат вашей жены, еще посмотрим, сразу ли вы ее узнаете.

Тут Римма завопила, словно он ее уже начал душить.

Бешеными глазами она уставилась за спину Удалова.

А от двери послышался удивленный голос:

— Что такое?

Рот Риммы раскрылся, глаза закатились, и она медленно опустилась на пол.

Удалов тоже оглянулся и увидел, что в дверях стоит он сам собственной персоной. Только в плаще, костюме и кепке, надвинутой на уши.

— Ты кто такой? — грозно спросил пришедший Удалов.

— Стой, стой, стой! — закричал первый Удалов. — Все в порядке! Все путем. Навожу порядок в нашей семье.

Но тут пришедший Удалов узнал первого Удалова.

Он, конечно, не поверил собственным глазам, потому что зажмурился и долго не разожмуривался.

А молодая жена лежала на ковре у его ног и почти не дышала.

— Слушай меня внимательно! — быстро сказал первый Удалов своему двойнику. Говорил он напористо, чтобы не дать двойнику опомниться. — Я — это ты, тут никакой мистики, одна наука. Все объясню потом. Возьми себя в руки, Корнелий.

— А она? — спросил, не разожмуриваясь, двойник.

— Римма пускай полежит в обмороке, — сказал Удалов. — Ничего не случится. Есть дела более важные.

— Вот это ты брось! — Двойник открыл глаза. Характер у него был удаловский, упрямый.

Он резким движением сбросил плащ, присел на корточки возле молодой женщины и взял ее пальцами за кисть руки. Слушал пульс.

— Ну что я тебе говорил? — спросил Удалов. — Нормальный пульс?

— Пульс слабый, — ответил двойник.

— Давай ее на диван положим, — предложил Удалов.

— Я сам, — сказал двойник. — Ты же грязный.

Он поднатужился, поднял крепкое молодое тело и дотащил его до дивана. Молодая жена не проявляла признаков жизни.

Сделав это, двойник обратился к Удалову:

— Ты чего здесь в одних трусах делаешь?

В голосе его прозвучала ревность.

— Не по адресу обращаешься, — ответил Удалов. — Ты не меня подозревай, а того, кто через окно сбежал.

— Через окно? — Двойник бросился к окну.

— Нет его там, — сообщил Удалов.

— А кто был?

— Кто? Сам небось знаешь.

— Честное слово, не знаю, — ответил двойник.

— Архитектор Оболенский.

— Так я и знал! — сказал двойник. — Козел старый!

— А ты чего хотел? — вскинулся Удалов. — Если старую жену на молодую поменял, учитывай риск. Сам небось не Аполлон.

— Да помолчи ты! — огрызнулся двойник. Он смотрел на свою молодую жену со странным чувством, которого Удалов разгадать не смог.

— Она думала, что ты обедать будешь в буфете, — добавил Удалов.

— Буфет кислотным дождем затопило. Сквозь крышу просочилось. Даже Сам без обеда остался, — ответил двойник. — А ты откуда?

— Знаешь что, — сказал Удалов, — можно, я помоюсь сначала?

— У тебя что, дома своего нет? — спросил двойник.

— Есть, но далеко, в трусах не добежать. А мне с тобой поговорить нужно.

— О чем? — Видно, двойник все еще был в шоке.

— Пойдешь со мной, — сказал Удалов. — Побудешь со мной в ванной, пока я буду мыться.

— Не хочу. Мне на совещание надо.

— Корнелий, не спорь — разговор у нас секретный. А секретные разговоры лучше вести в ванной, когда там вода течет и никто подслушать не может.

Удалов решительно пошел в ванную, двойник колебался. Молодая неверная жена лежала без чувств, неизвестно было, то ли ее жалеть, то ли убить.

Для начала он накрыл ее пледом, потом все же пошел в ванную.

Удалов включил газовую горелку, разделся. Двойника он не стеснялся. Двойник с удивлением смотрел на большую родинку под правым плечом. Понятно почему — наверняка у него такая же.

— Потерпи, — сказал Удалов двойнику. — Сначала ополоснусь.

— А ты Оболенского точно видел? — спросил двойник.

— Точно, — ответил Удалов. Щадить двойника он не хотел.

— Этого не может быть, — усомнился двойник. — Она меня любит.

— Дверь закрой на крючок, — сказал Удалов. — Чтобы Римма случайно не заглянула.

— Объясни, прошу, что это значит? — взмолился двойник.

— Все в свое время, — ответил Удалов, садясь на край ванны и указывая двойнику на табуретку.

Теперь они могли говорить, сблизив головы. Головы отражались в зеркале — это было видно обоим, и оба этому дивились.

«Ох и молодец Минц, — думал Удалов. — Вот гений человечества!»

«Что творится, — думал второй Удалов. — Неужели я сплю? Или это вражеская провокация?»

Но когда он попытался ущипнуть себя, Удалов сказал ему:

— Не старайся, все это объективная реальность. Я твой двойник из параллельного мира.

— Ага, — согласился двойник, но вроде бы не понял.

— Где Ксения? — спросил Удалов.

— Развод, — ответил двойник.

— А я в нашем мире с ней живу. И разводиться не собираюсь.

— Долг выше привычки, — сказал двойник.

— Ты меня удивил. Я, конечно, понимаю, что наша Ксения — не подарок. Но когда четверть века отбарабанили вместе... А где Максимка?

— С ней, — кратко ответил двойник. Говорить ему об этом не хотелось.

«Ну ладно, — решил Удалов, — мы еще вернемся к этой проблеме».

— А новая, Римма? — спросил он. — Как она тебя подцепила?

— Она секретаршей была. У Самого. А когда я развелся, он мне ее рекомендовал.

— Кто, Белосельский?

— Белосельский?

— Ты что, Колю Белосельского не знаешь? Мы же с ним в одном классе учились. Он у нас предгор!

— Не знаю, — сказал двойник, косясь на дверь. — Тебе уходить пора.

— Что-то у вас здесь неладно, — определил Удалов. — Я, когда сюда приехал, думал, что все как у нас. А вижу, что у вас не параллельный мир, а в некотором смысле... перпендикулярный.

— Какой еще мир? Что ты городишь?

— Ты о параллельных мирах разве не слыхал? Известная теория. Наш профессор Минц ее разработал и отправил меня к вам, чтобы одно дельце решить... Ты что отворачиваешься?

— Не знаю никакого профессора Минца, — ответил ему двойник.

— Вот это ты брось, — сказал Удалов. — Этот номер у тебя не пройдет. Сейчас пойду к Минцу, он мне все объяснит.

— Не ходи.

— Почему?

— Нет там Минца.

— Как так нет Минца?

— Нет, и с концами.

— А где же он?

— Где положено.

— Мне трудно поверить глазам, — сказал Удалов. — Ты — это я. И в то же время ты — это не я. Как это могло произойти? У нас и мама с папой одинаковые, и в школы мы ходили одинаково. И характер должен быть одинаковый.

— Я не хочу тебя слушать.

— Почему?

— Потому что надо разобраться, на чью мельницу ты льешь воду.

— Ну вопе! — возмутился Удалов. — Сейчас же говори, что произошло в Гусляре, что за катаклизмы такие? И почему ты изменился? То-то я чувствую — Ванда на меня волком смотрела. И Савич. Они не на меня волком смотрели — они на тебя волком смотрели.

— Открой! — раздался голос за дверью. — Открой, мне надо!

Голос принадлежал Римме-секретарше.

— Подожди, кисочка! — испугался двойник. — Подожди, я к тебе выйду.

— Открой, тебе говорят! — воскликнула Римма.

— Что будет, что будет? — Двойник стал крутить головой, искать, куда бы спрятать Удалова.

Над их головами было небольшое окошко — оно вело на черную лестницу.

— Лезь туда! — шепотом приказал двойник.

— Не полезу!

— Лезь, ты погубить меня хочешь?

Дверь зашаталась — видно, Римма пыталась ее сломать.

— Открой, мерзавец! — вопила она. — Довел меня до инфаркта, это тебе даром не пройдет!

Двойник буквально на руках поднял Удалова, стараясь выпихнуть его через окошечко, но пролезала только голова. Двойник был в такой панике, что не понимал этого, а только шипел:

— Ну же! Скорей! Скорей!

Тут дверь все же распахнулась — не выдержал крючок, и Римма увидела, как ее муж пытается себя же, только совершенно голого, поднять на руках, как Атлант Землю.

От неожиданности двойник выпустил Удалова, тот упал в ванну, двойник — на него, а Римма завопила, как зарезанная, и выпала из ванной на спину — снова в обморок.

Удалов поднялся, скользя по мокрой ванне, потер ушибленный бок и помог выбраться из ванны своему обалдевшему двойнику.

Тот лишь вздыхал, охал и не мог сказать ни слова.

И тут со двора послышался резкий звук сирены.

— Меня, — сказал двойник, глядя на распростертое тело жены. — Вызывают. Уже актив начинается, а я здесь...

И в голосе его была полная безнадежность.

Со двора снова донесся звук сирены.

— А ты пойди, — посоветовал Удалов. — Скажи, что не можешь, жена заболела.

— Да ты что? — удивился двойник. — Меня же вызывают! Я опоздал!

— Ну тогда я скажу, — заявил Удалов.

Двойник повис на нем, как мать, которая не пускает сына на фронт. Волоча двойника на себе, Удалов дошел до середины комнаты, но тут вспомнил о своем внешнем виде и, сбросив двойника, завернулся в штору — только голова наружу. Высунулся в окно.

Под окном стоял мотоцикл с коляской. В нем капитан Пилипенко. Давил на сигнал.

— Ты чего? — спросил Удалов. — Весь дом перепугаешь.

— Удалов! — ответил Пилипенко. — Личное приказание — тебя на ковер. Садись в коляску!

— Я не могу, я из ванны! — ответил Удалов. Он почувствовал, что сзади шевелится, вот-вот вылезет на свет двойник, и, не оборачиваясь, оттолкнул его подальше, а сам, сбросив штору, предстал перед капитаном в полной наготе. — Видишь?

— Мне плевать, — ответил Пилипенко. — Если сам не спустишься, под конвоем поведу.

Тут, видно, нервы у двойника не выдержали, потому что за спиной Удалова раздался крик:

— Иду, спешу! Сейчас!

И послышался топот.

Удалов понял, что в таком состоянии его двойник не боец. Нет, не боец. Он догнал его у дверей ванной, где двойник замер над распростертым телом Риммы.

— Послушай, — сказал Удалов. — Давай рассуждать спокойно. Нельзя тебе в таком состоянии на актив. Отговорись чем-нибудь.

— Ты ничего не понимаешь! Дело идет о жизни и смерти!

Римма шевельнулась, попыталась открыть глаза.

— Сейчас она в себя придет, — предупредил Удалов. — Если ты ей не сможешь доказать...

— Она к нему побежит! Она меня погубит!

— Не рыдай, — сказал Удалов. — Есть выход. Я сейчас с Пилипенко поеду на этот самый актив. И отсижу там...

— Тебя узнают!

— Кто меня узнает? Я же — ты.

— Но тебе надо будет говорить, и они догадаются!

За окном снова взревела сирена.

— Я буду молчать. Не впервой отмалчиваться на совещаниях. Я привычный. У тебя специфических грехов нету?

— У меня вообще грехов нету!

Римма снова пошевелилась, и двойник вздрогнул.

— Улаживай свои семейные дела — и бегом на центральную

площадь. Затаись там, за памятником. Я в перерыве к тебе выбегу, и ты меня заменишь. Ясно?

Двойник кивнул и лихорадочно прошептал:

— Только молчи! Кивай и молчи. Ты ничего не знаешь, а погубить меня — проще простого.

Удалов не стал тратить времени даром, кинулся в комнату, распахнул шкаф. Слава богу — шкаф на месте и вещи лежат как положено. Вытащил выходной костюм, тот, что Ксюша в Вологде покупала, начал было натягивать на голое тело, сообразил, вытащил белье — и с бельем в руке, как с белым флагом, выскочил к окну, помахав Пилипенко.

— Айн момент! — крикнул ему.

Сжимая галстук в кулаке, выбежал в коридор. Его двойник сидел на корточках перед своей молодой женой — ничего не соображал.

Удалов повторил:

— За памятником! Черные очки надень, помнишь, где лежат?

И выбежал на лестницу.

Но не сразу вниз: метнулся по коридору до минцевской квартиры, хотел предупредить Минца, что скоро придет, потом остановился в изумлении: на месте замочной скважины — веревочка, на ней пластилиновая пломба — опечатана квартира. Значит, и в самом деле умер старик? Да какой он старик? Шестидесяти нет. Но что случилось? Сердце у Льва Христофоровича как мотор... Эх, зря связался со спасением двойника — скорее надо узнать, что произошло с профессором, ведь такая же опасность ему может грозить и в нашем мире. Не думаем мы о здоровье, а потом становится поздно.

С этой мыслью под вой сирены Пилипенко Удалов выбежал во двор, с ходу вскочил в коляску. Пилипенко лишь рявкнул:

— Убью! — И дал газ. Мотоцикл, как норовистый конь, выскочил на улицу.

С Пилипенко говорить невозможно: мотоцикл ревет, Пилипенко матерится, люди шарахаются с улицы.

В пять минут долетели до Гордома, Пилипенко затормозил так, что Удалов вылетел головой вперед из коляски, и его подхватил какой-то незнакомый молодой человек.

— Эх, Корнелий Иванович! — сказал он укоризненно, помогая Удалову подняться. — Ждут вас, серчают. — И он буквально поволок Удалова наверх по знакомой лестнице, к кабинету предгора.

Удалов старался на ходу завязать галстук.

В приемной было тесновато — три стола, за ними три секретар-

ши. Все молодые, яркие, наглые, наманикюренные, перманентные, все похожи на Римму.

А у двери, обитой натуральной кожей, по обе стороны стояли два молодых спортсмена в серых костюмах, как часовые джинны из восточной сказки, но с красными повязками дружинников на рукавах.

Молодой человек подтолкнул Удалова.

Один из спортсменов быстро подтянул его к себе, второй провел ручищами по бокам.

— Ты чего? — удивился Удалов.

А спортсмены даже не стали отвечать, правда, может, и не умели. Молодой человек раскрыл дверь, и спортсмены втолкнули Удалова внутрь кабинета. Там сразу наступила тишина.

Знакомо, буквой Т, стояли полированные столы. За главным столом, на месте Белосельского, сидел Пупыкин.

Именно Пупыкин, никто другой.

Оттого, что он сидел, он казался крупнее, даже выше ростом. Но Удалову настоящий рост Пупыкина был известен.

Пупыкин здешний от нашего Пупыкина отличался разительно.

И не только потому, что отрастил усы и еще более облысел, и не только потому, что одет был в строгий черный костюм с красным галстуком, но взгляд — боже мой, у него же другой взгляд! Разве такой человек смог бы участвовать в утренних забегах и пресмыкаться перед Удаловым? Разве такой Пупыкин мог бы таиться на краю общественности, измазанный зеленкой, и ратовать за сохранение часовни Филиппа? Взгляд у Пупыкина был тигриный, тяжелый, из-под сведенных бровей.

Другой Пупыкин, куда добрее, с лукавой усмешкой, глядел на Удалова с большой картины, что висела на стене, за живым Пупыкиным. На картине он принимал букет роз от девчушки, в которой Удалов сразу узнал младшую дочку Пупыкина. На заднем плане толпились рукоплещущие зрители, среди них, как ни странно, и сам Удалов.

Тяжелым взглядом Пупыкин уперся в Удалова.

И все люди, что сидели за ножкой буквы Т, тоже уперлись в Удалова тяжелыми взглядами.

Встречаясь с этими взглядами, Удалов узнавал их обладателей, но порой с трудом.

Вот смотрит на него главстрой Слабенко. Ох и тяжел этот взгляд! Вот уставился, наглец какой, архитектор Оболенский. Забыл уже, как из окна выпадал? А это взгляд редактора Малюжкина. Тоже не без тяжести. Неужели и Малюжкин, радетель за гласность, так переменился? Вот смотрит Финифлюкина, директорша музея, — куда делась приветливость во взоре? А старик Ложкин...

Удалов не успел рассмотреть остальных, как Пупыкин открыл рот, медленно открыл, с оттяжкой, показал неровные мелкие зубы и рявкнул:

— Садись, с тобой потом разберемся!

И тут же все отвернулись от Удалова. Будто его и не было.

Удалов нашел место с краю стола, сел, а Малюжкин, что был рядом, отодвинулся, скрипнув стулом. И наступила тишина.

— Нас прервали, — сказал Пупыкин. — Но мы продолжим.

И Удалов вздрогнул от угрозы в голосе Пупыкина.

— Продолжай, Мимеонов, — приказал Пупыкин.

— Спонтанный выброс в атмосферу незначительного количества загрязненного воздуха, — сказал, покорно поднявшись, Мимеонов, уже год как снятый с должности директора фабрики пластмассовых игрушек, потому что был ретроградом; он принялся перебирать бумажки, что держал в руках.

— А ты нам не по бумажке, — велел Пупыкин. — По бумажке каждый наврет, недорого возьмет. Бумажки ты для ревизии подготовь, а с нами, со своими товарищами, говори открытым текстом. Опозорился?

— Опозорился, — сказал Мимеонов, — но имею объективные причины. — Он все же развернул бумажку и быстро начал читать: — За прошедший год вверенная мне фабрика перевыполнила план на два и три десятых процента, выпустив для нужд населения изделий номер один — шестьсот двадцать пять, изделий номер два-бис — двести тридцать четыре, в том числе восемнадцать сверх плана. Изделий номер пять...

— Стой! — остановил Мимеонова Пупыкин.

— Расшифровать?

— Ты с ума сошел! Ты лучше расскажи, почему ты наш родной город чуть не погубил.

— А я неоднократно писал, говорил даже вам, Василий Парфеныч, — сгнили фильтры, кончились. Надо из Вологды специалистов звать, производство останавливать. Сами знаете...

— Какие будут предложения? — спросил Пупыкин.

— Я думаю, что сделаем фельетон, — предложил Малюжкин. — О некоторых хозяйственниках. Не пощадим.

— Хорошая мысль, — согласился Пупыкин. — Пускай народ знает, что мы ни одного отрицательного факта без внимания не оставим.

— А вдруг в области прочтут? — спросил Оболенский, нагло улыбаясь. — И комиссию к нам, а?

— А пускай прочтут. Нам гласность не страшна, — ответил Пупыкин твердо. — Пускай весь мир читает.

— И там тоже? — выкрикнул старик Ложкин. — Империалисты тоже?

— Это ты, Ложкин, брось! — рассердился Пупыкин. — Тебя здесь как ветерана держат, а не как провокатора.

— У меня есть предложение, можно? — спросил Савульский — его Удалов тоже знал, он работал санитарным главврачом.

— Говори. Только короче, надоел ты нам со своими речами, — поморщился Пупыкин.

— Я буду краток. — Савульский потер ладоши. — Факт вопиющий. Он еще почему вопиющий — многие не ожидали, попали под дождик и потеряли одежду. А при том напряженном положении, которое существует в торговле...

— Савульский, я тебе сказал, — пригрозил Пупыкин. — Не рассусоливай. Про положение в торговле я лучше тебя знаю и знаю, что оно улучшается, правда?

Пупыкин взглянул на начальника торга, и тот сразу с места ответил:

— Принимаем меры!

— Видишь, человек меры принимает, а ты обезоруживаешь. Ты к делу. Но учти, если твое предложение будет неподходящим, головы тебе не сносить. Давно уже общественность тобой недовольна, плохо ты охраняешь нашу экологию. Так что на растерзание тебя можно в любой момент кинуть, правда, Малюжкин?

Лицо редактора газеты озарила лукавая усмешка.

— Фельетон уже готов, — сообщил он. — Лежит у меня в столе.

Савульский побледнел и качнулся.

— Ничего, продолжай. Что ты нам хотел сказать?

— Вы бы провели анализы, — сказал Савульский глухо, будто набрал полон рот картошки. — И выяснили, что выброса с завода детской игрушки не было.

— Вот это да! — даже Пупыкин удивился.

— А что же было?

— А была туча неизвестного происхождения, которая прорвалась в наше родное небо из-за пределов района.

— А что, идея? — спросил Пупыкин.

— Можно поправку? — вмешалась директорша музея.

— Только по делу.

— Мне кажется, что туча могла прийти и из-за пределов нашей области.

— Слушай, а что, если... — Голос Пупыкина замер. И тут Удалова черт дернул за язык.

— Я думаю, — сказал он, — что этот дождик, вернее всего, к нам приплыл из Южно-Африканской Республики, от тамошних расистов.

— А что? — Пупыкин даже привстал в кресле. — А что? Расисты — они плохо к народу относятся... — Но тут до него дошло, что Удалов шутит и допускает перебор. Он сел обратно, насупился и сказал: — Ладно. Ты, Малюжкин, подготовь материал про тучу из Потемского района. А ты, Удалов, считай, уже допрыгался.

Люди стали отодвигать стулья подальше от Удалова, а тот себя проклинал: ведь ему-то что — он сегодня дома будет, а все неприятности достанутся его двойнику.

— И учти, Мимеонов, — закончил Пупыкин, — твой вопрос с повестки дня не снят. Допустишь еще такой выброс — выброшу тебя из города. Сам знаешь куда.

— Но ведь план...

— А план ты нам дашь. И с перевыполнением. Какой следующий вопрос?

— Градостроительство, — сказал Оболенский.

— Вот это мне по душе. Это настоящий прогресс. Давай сюда изобразительную продукцию.

По знаку Оболенского молодой порученец открыл дверь. Десять юношей и девушек втащили десять стендов и установили их рядком, чтобы было общее ощущение.

Удалов с ужасом понял, что призывы и надежды Оболенского, который хотел в нашем мире изгадить магистраль, здесь достигли сказочных масштабов.

— Вот наша главная улица. Наше завтра, — сказал Оболенский тихо и радостно. Но непроизвольно почесал ушибленное бедро.

— Улица имени Василия Пупыкина, — прошелестел чей-то голос.

— Кто сказал? — нахмурился Пупыкин. — Молчите? А ведь знаете, чего я не терплю. Ты, Ложкин?

Пойманный на месте преступления, Ложкин потупился, встал, как нашкодивший первоклассник, и сказал:

— Вы, Василий Парфенович, не терпите лести и подхалимства.

— И заруби себе это на носу. Народ будет решать, как назвать наш проспект. Народ, а не ты, Ложкин.

— Ну, это вы не правы! — вдруг взвился Малюжкин. — Ложкин — представитель народа. Лучшей его части, ветеран труда.

— Ладно, ладно, без прений, — смилостивился Пупыкин. — Садись, ветеран, чтобы больше с такими предложениями не лез.

Оболенский дождался паузы и обернулся к перспективе.

Через весь город, как стало ясно Удалову, протянется широкая магистраль. Шириной в полкилометра. По обе стороны ее возвысятся различные, но чем-то схожие здания. Каждое здание опирается на множество колонн, над каждым рядом колонн — портики с одинаковыми фигурами. На крышах зданий также стоят статуи. Все здания при этом украшены финтифлюшками и похожи на торты, сделанные к юбилею древнегреческой церкви.

«Как же пройдет у них эта магистраль? — лихорадочно старался представить Удалов. — Видно, от всего центра ничего не останется».

Конечно же — вот она, центральная площадь, вот он, выросший вдесятеро, напоминающий одновременно египетскую пирамиду и китайскую пагоду Гордом. Вот она — десятиэтажная статуя в центре... Уже с головой, с портфелем... Статуя самого Пупыкина!

Удалов говорил себе: «Только не смеяться! Только не улыбаться. Все это меня не касается, а засмеюсь — накажут двойника».

— Мы с вами шествуем, — донесся до обалдевшего Удалова голос архитектора Оболенского, — мимо городского театра. Здание его, прекрасное, выдержанное в стиле гуслярского социалистического ампир-барокко, встанет на месте устаревшей развалюхи, которая была построена космополитически настроенными купцами...

«Молчи, Корнелий, — повторял про себя Удалов, — молчи, крепись...»

Но язык его предал.

Язык сам по себе сказал:

— В старом театре лучшая в мире акустика. Сюда симфонические оркестры приезжают.

Оболенский поперхнулся.

— Вы что хотите сказать, Корнелий Иванович, — мягко спросил он, — наш новый театр хуже старого?

Что здесь поднялось! Как все накинулись на Удалова! Он оказался ретроградом, отсталым элементом и, уж конечно, чьим-то наймитом. Слово «наймит» носилось по воздуху и било наотмашь Удалова.

Но язык Удалова — о враг его! — не выдержал снова и, выискав паузу в хоре осуждения, крикнул:

— Это бред, а не проект!

— Что? Он ставит под сомнение мою компетентность?

Оболенский так растерялся, что обернулся за поддержкой к Пупыкину. А Пупыкин молча покручивал ус, ждал, хотел, видно, чтобы Удалов окончательно высказался.

— Меньше по чужим женам бегать надо! — крикнул неуправляемый Удалов. — Лучше бы архитектуре учился!

Тут и у Оболенского нервы не выдержали.

В наступившей роковой тишине он закричал в ответ:

— Она меня любит! У нас любовь! Ты ее недостоин!

— Поговорили? — раздался громовой голос.

Удалов взглянул на Пупыкина и понял, что говорит тот в мегафон — достал откуда-то трубу раструбом. Видно, берег для особых случаев.

— Поговорили — и хватит! Всем сидеть!

Все сели. И замолчали.

— Оболенский, сядь. С тобой все ясно, старый козел. Заключительное слово по данному вопросу имеет товарищ Слабенко. После этого перерыв. После перерыва обсуждение персонального дела бывшего директора стройконторы, бывшего члена городского президиума, бывшего, не побоюсь этого слова, моего друга, Корнелия Удалова.

И так всем стало страшно, что даже твердокаменный Слабенко не сразу смог начать свою речь. Он отпил воды из графина, стоявшего перед ним, и руки его дрожали.

А от Удалова не только все отодвинулись, но даже стол отодвинули. Он теперь сидел один на пустынном пространстве ковра.

— Снос, — сказал Слабенко, — начинаем с понедельника. Мобилизуем общественность. Она уже подготовлена, радуется.

— Это хорошо, — одобрил Пупыкин. — Пресса, от тебя зависит многое. Если что не так — ответишь головой!

— Я вам завтра полосу принесу, — сказал Малюжкин. — У меня уже голоса народа подготовлены, пожелания трудящихся, все как надо. Народ жаждет преобразований.

— За полгода управимся, — сообщил Слабенко.

— Что? За полгода?

— Техники маловато. К тому же эти чертовы эксплуататоры из кирпича строили...

— Взорвать! — сказал Пупыкин.

— Там жилые кварталы — трудно.

— Выселить, — решил Пупыкин. — Пилипенко ко мне вызовешь и прокурора, подумаем, как оформить. Чтобы за две недели центр снести.

— Постараемся, конечно. — Слабенко сомневался.

Удалов поглядел на Оболенского. Оболенский прожигал его ненавидящим взглядом и скалился; но укусить не мог — далеко.

— Ты мне не старайся, ты сделай. Сносить это барахло будем

методом народной стройки. Главное — энтузиазм, ясно, Малюжкин?

— Надо будет трудящимся перспективу дать, — напомнил Малюжкин. — Надо будет сообщить, что всем нуждающимся на проспекте вашего имени будут отдельные квартиры.

— Этого делать нельзя, — вдруг возразил Ложкин. — Это будет неправда. Народ нас не поймет. У нас же на проспекте только общественные здания.

— Как так общественные? — вскинулся Оболенский. — А жилой дом для отцов города?

— Но это же один дом... и для отцов.

— Ложкин, — перебил его Пупыкин. — Учти, что у нас в Гусляре нет проблемы отцов и детей и даже конфликтов таких нету. Они надуманные. Так что если мы строим для отцов города, значит, строим и для детей. У меня у самого двое детей. Все знают.

Тут людей прорвало, все начали аплодировать, а когда отаплодировали, постановили намекнуть на квартиры в следующем номере газеты. Без деталей.

Хотелось, конечно, Удалову встать и объяснить, что он думает, но удерживался — и без того уже погубил карьеру своего двойника.

Потом выступали другие отцы города. Каждый рапортовал, какую лепту внесет в общий котел. Тут Удалову открылась тайна — что же за изделия изготавливались на фабрике пластмассовых игрушек, которая чуть не отравила город. Оказалось, что изделие номер один — это статуя Пупыкина в полный рост для украшения крыш на проспекте, а изделие номер два — Пупыкин в детстве. Такие статуи народ требовал для детских садов. И делали те статуи не из гипса, а из долговечного пластика под мрамор. Вот и работала фабрика с таким напряжением, что допускала выбросы в атмосферу.

Потом Слабенко снова выступил по вопросу о главной статуе, что возводилась на главной площади.

— Саботаж, — произнес он твердо, — до которого докатился так называемый якобы профессор Минц, поставил нас в тяжелое положение.

— Тяжелое, но не безвыходное, — сказал Пупыкин.

— Безвыходных положений, конечно, не бывает, — согласился Слабенко. — Но как нам, простите, вашу голову поднять на такую высоту, куда ни один кран не достанет, — мы еще не решили. Без этого... гравитатора... не уложимся. Да и в сооружении проспекта он нам нужен.

— Мы эти речи слышали, — поморщился Пупыкин. — Я бы назвал их капитулянтскими. Тысячи лет различные народы строили

великие сооружения и без башенных кранов, а тем более — без профессора Минца.

— Еще надо выяснить, на какую разведку он работает! — крикнула с места директорша музея Финифлюкина.

— Ясно на какую, — сказал Ложкин. — На сионистскую.

«Господи, — испугался Удалов. — Что же это происходит? Даже Ложкин — милый сварливый старик, всю жизнь рядом прожили! Он же Минца как брата уважает». Но тут же Удалов себя поправил: ведь это в нашем мире. А тут перпендикулярный.

— С Минцем ведется разъяснительная работа, — произнес Пупыкин. — Мы не теряем надежд. Однако должен предупредить тебя, Слабенко, что пирамиды в Египте и колокольня Ивана Великого строились без башенных кранов.

— Так на них голов нету, — неудачно возразил Слабенко.

На него так зашикали, что ему пришлось сесть.

И тут Пупыкин объявил перерыв.

— Идите в буфет, — сказал он, — крышу починили, икру привезли. А ты, Удалов, задержись.

Удалов задержался. Те, кто спешил в буфет есть икру, обходили Удалова по стенке.

— Что-то ты у меня сегодня не трепещешь? По глазам вижу, что не трепещешь, — заметил Пупыкин.

«Проницательный, черт, — подумал Удалов. — И в самом деле не трепещу. Но по какой причине — ему не догадаться. А ведь жил бы я здесь, наверное, трепетал бы. У него весь город в руках».

— Для меня твое провокационное выступление на активе не неожиданность, — сказал Пупыкин, задумчиво покручивая усы. — С утра мне сигналы на тебя поступают. Но я тебе не враг, мы с тобой славно вместе поработали — ты от меня ничего, кроме добра, не видел. Потому хочу сначала разобраться. Может быть, обойдемся без персонального дела, как ты думаешь?

Удалову стало жалко своего двойника, и он ответил:

— Лучше, чтобы без персонального.

— Ну и молодец, Корнюша. Ты садись, в ногах правды нет.

Пупыкин подождал, пока Удалов сел, и сам уселся напротив Удалова.

— Смешно прямо, — сказал он, — как барбосы, ну прямо как барбосы. Стоило мне неудовольствие к тебе выразить, как они уже тебя растерзать готовы. А я понимаю — у тебя душевный стресс. В самом деле Оболенского с Римкой поймал?

— Поймал, — признался Удалов. — Он в окно выскочил, со второго этажа.

— То-то хромает, бес в ребро! Я-то, когда тебе Римку переда-

вал, можно сказать, с собственного плеча, думал, что достигнешь ты простого человеческого счастья. А сейчас вижу — ошибся я. Виноват, я свои ошибки всегда признаю. Жаль только, что другие не следуют моему примеру. Знаешь что, ради дружбы я тебе Верку уступлю. Огонь-баба — блондинка. А хочешь, Светку? Она справа сидит, новая, у нее в роду цыгане были, честное слово! Ты ее дома запрешь, чадру повесишь, как занавеску. В виде исключения. А если нужно справку — директор поликлиники выдаст: экзема лица. Ну как, подходит? А Римку мы Оболенскому всучим. Лежалый товар!

И Пупыкин зашелся в смехе, совсем под стол ушел, такой махонький стал, одним ногтем придавить можно.

— Не в этом дело, — сказал Удалов. — Мне и с Ксюшей неплохо было.

— Ну это ты брось! Нам такие Ксюши не нужны. Пускай знает свое место. Нет, дорогой, мы с тобой еще молодые, мы еще дров наломаем, на всю землю прославимся. Так что об этой интриганке забудь!

«Ага, — подумал Удалов, — значит, Ксения чем-то Пупыкину не угодила. Может, двойник ее все же любит? Хорошо бы любил — приятнее так думать».

— Чего задумался? Не согласен?

— Как скажете, — ответил Удалов.

— В покорность играешь? Ой непрост ты, Удалов, ой непрост. Скажи мне, дружище, ты чего сегодня утром на шоссе картошку собирал? Или тебе из распределителя мало картошки выдают?

— А как вы думаете? — нашелся Удалов.

— Есть у меня подозрение, — произнес Пупыкин. — Но такое тяжелое, такое, можно сказать, страшное, что и не смею сказать.

— А вы скажите.

— А я скажу. Я скажу, что, может быть, ты врагам нашего народа картошку носил?

— Каким таким врагам?

— Вот видишь, таишься, значит — врешь! По глазам вижу, что врешь! Кому носил? Все равно донесут, все равно дознаюсь!

— Нет, просто так, — решил спасти своего двойника Удалов. — Увидал, что рассыпанная, вот и собрал.

— Это чтобы в моем городе кто-то картошку рассыпал? Опять врешь. И что делал в такое время на шоссе, тоже забыл?

— Гулял.

— А о чем с Савичем на рынке разговаривал? — Пупыкин вскочил и побежал по кабинету. Удалов увидел, какие у него высокие каблуки. Вопросы сыпались из него быстро, один за другим: — За-

чем в магазине изображал черт знает что? Зачем хотел картонную лососину покупать? В оппозицию играешь? А на площади, у моего монумента, зачем крутился? Зачем народ агитировал, что я уже умер?

— Я Льва Толстого имел в виду.

— Кто у нас предгор? Я или Толстой?

— Вы.

— Ты меня свалить захотел?

— Все — набор случайностей.

— Случайность — это осознанная необходимость, — сказал Пупыкин. — Учить теорию надо. Ну что, будешь каяться или разгромим, в пример другим маловерам?

— Как знаете. — Удалов посмотрел на часы. Скоро перерыв кончится. А надо еще настоящего Удалова предупредить, что его ждет.

— Тогда идейный и организационный разгром, — подвел итог беседе Пупыкин.

— Ну, вы прямо диктатор.

— Не лично я диктатор, — ответил Пупыкин, — но осуществляю диктатуру масс. Массы мне доверяют, и я осуществляю.

— Ох раскусят тебя массы, — предупредил Удалов. Он тоже поднялся, и от этого движения Пупыкин метнулся в угол, протянул руку к кнопке. — Не зови свою охрану, — сказал Удалов. — Я пойду перекушу в буфет.

— А вот в буфет тебе вход уже закрыт, — осклабился Пупыкин. — Мне на таких, как ты, тратить икру нежелательно.

— Значит, еще до начала разговора со мной знал, чем он кончится?

— А моя работа такая — знать заранее, что чем кончится. Подожди в приемной, далеко не отходи. Никуда тебе от меня не скрыться.

Удалов вышел из кабинета. Спортсмены с повязками дружинников его пропустили. Удалов поглядел на секретарш. Вот черненькая — могла бы стать его женой и таить личико под занавеской, а вот и беленькая — тоже мог получить. «Где же ты, Ксюша, где же ты, родная моя?» И Удалов затосковал по Ксюше за двоих — за себя и за своего двойника.

На улице моросил дождик, но работы вокруг монумента не прекращались. Детишки вскапывали клумбы, воспитательницы сажали рассаду, монтажники крепили к боку статуи руку с портфелем, бригада дорожников сыпала щебенку под асфальтовое покрытие.

Удалов, отворачиваясь от людей, быстро прошел к памятнику.

За массивным постаментом таился невысокий полный мужчина в плаще с поднятым воротником, в шляпе, натянутой на уши, и в черных очках. «Значит, вот как я выгляжу со стороны», — подумал Удалов и подошел к двойнику.

— Ждешь? — сказал он.

— Тише! Тут люди рядом. Ты куда пропал?

— Пупыкин меня допрашивал.

— Ой, тогда я пошел! Лучше сразу в ноги!

— Погоди, разве не хочешь послушать, что тебя ждет?

— А что?

— И переодеться не хочешь?

— Зачем?

— Затем, что Удалов не может выйти на перерыв из кабинета в одном костюме, а вернуться в другом. Вижу, ты, мой брат, совсем поглупел.

— Тогда бежим — вон там подсобка, вроде пустая.

— Бежим.

Они побежали, а Удалов сказал по пути двойнику:

— Ты хорошенько подумай, прежде чем туда возвращаться.

— А что?

— Как только они икру съедят...

— Сегодня икру в буфете дают? — с тоской спросил двойник. С такой искренней тоской, что Удалов даже остановился.

— Ты что, серьезно?

— Но мне же положено, — ответил двойник.

— А раз положено, надо взять?

— Как же не взять, раз положено?

Они побежали дальше, забрались в вагончик. Он в самом деле был пуст. На крючках висели пиджаки, на столике стояли пустые миски.

Двойник сразу начал раздеваться. Удалов последовал его примеру.

— Смотрю я на тебя, — сказал он, — и думаю: если ты, мой полный двойник, смог так превратиться в такое... значит, и во мне это сидит?

— Что сидит? — не понял двойник.

— Рабство. Лакейство.

— Я, прости, не раб и не лакей, — ответил второй Удалов, — я на ответственной работе, не ворую, морально устойчив...

— И воруешь, и морально неустойчив, — отрезал Удалов. — Только сам уже этого не замечаешь. Если икру тебе в буфете дают, а другим не положено, значит, ты ее воруешь. Понял?

— Ты с ума сошел! Разве ты не понимаешь, что мы, руководящие работники, должны поддерживать свои умственные способности? У нас же особенная работа, организационная!

— А в детском саду икру дают?

— Не знаю. Там молоко дают.

— Ну и погряз ты, Корнелий, не ожидал я от тебя.

— А чем ты лучше?

— Я светлое будущее строю.

— Я тоже. Под водительством товарища Пупыкина. А ты под чьим водительством?

— Дурак ты, Корнелий. У нас водительство демократическое.

— У нас тоже.

— Не путай демократию с круговой порукой.

Второй Корнелий начал натягивать брюки. Разговор с двойником его встревожил и даже разозлил.

— Может, у вас и демократия, — сказал он. — Только твоей заслуги в том нет. Не прижали тебя, вот и гордый. А попал бы на мое место, куда бы делся? Некоторые сопротивлялись. Что это им дало? Что это дало народу? Где Стендаль? Где Ксения? Где Минц? Где Ванда?

— Где?

— В разных местах. Наш народ еще не дорос до демократии. Нам твердая рука нужна. Хорошо служишь — тебя ценят.

— Как ценят, не знаю, но сейчас будут разбирать твое персональное дело.

— Чего? — Двойник сжался, как от удара в живот.

— Не чевокай, а слушай. Меня утром на шоссе видели, что я картошку собирал. Решили, что это ты.

— А зачем ты картошку собирал?

— Зиночке Сочкиной помочь хотел. Она ее в город несла.

— Это же преступление! Картошка по талонам, а она ее с поля украла!

— Помочь человеку, учти, это никогда не преступление. Потом я в магазине хотел купить лососины...

— Откуда лососина в магазине? Что за глупость?

— Я и говорю, что нет лососины в магазине. Так что эту глупость тебе припишут. Потом я на этой площади сказал, что Пупыкин уже помер...

— Я тебя убью! Ты меня погубить вздумал?

— Откуда я знал, что у вас такие порядки? Но главное то, что я на вашем активе Оболенскому про его моральный уровень сообщил.

— Ну кто тебя просил! Оболенский же пупыкинский друг!

— А никто меня не просил, кроме чувства собственного достоинства. Честь твою защищал.

— Что ты понимаешь в чести!

— А ты?

— Я-то понимаю. Честь — это дисциплина.

— Вот именно. В этом у нас расхождение. Так пойдешь на свою казнь или смоемся, пока не поздно?

— Я все объясню. Василий Парфенович меня простит.

— Ты там от всего отпирайся, — посоветовал Удалов. — Я не я, корова не моя.

Но двойник уже не слушал. Он рвался прочь.

— Погоди! — крикнул ему вслед Удалов. — Где мне Минца отыскать?

Двойник ничего не ответил. Ежась от дождя, он бежал через площадь к входу в Гордом, навстречу своей горькой судьбе.

Тогда Удалов, избегая людных мест, поспешил к своему дому. Он знал, кого ему искать. Старый друг и сосед, изобретатель Грубин не мог измениться.

Но и Грубин изменился.

Удалов заглянул к нему со двора. Комната была еще более захламлена, чем обычно. В ней почему-то было много частей человеческого тела, изготовленных из белой пластмассы, и Грубин сидел на продавленной кровати, держал голову в руках, будто хотел отвинтить. И медленно раскачивался.

Наверное, зубы болят, решил Удалов и постучал в окно. Грубин поднял голову, посмотрел на Удалова тупым взглядом и вновь опустил голову.

Удалов тихонько вошел в дом, поглядел наверх — не смотрит ли кто со второго этажа — и толкнул дверь к Грубину. К счастью, она была открыта.

Удалов вошел в комнату и сказал:

— Привет, Саша. Ты чем-то расстроен?

— А ты не знаешь? — спросил Грубин, не поднимая головы.

— Пытаюсь понять.

— Тебе все ясно, — ответил Грубин. — Ты нашел свое место.

— А ты?

— Вот в том и ужас! — закричал Грубин. — Как же я так мог попасться? Ты мне скажи, как я мог попасться? Ну ладно, ты человек слабый, угодил в силки, даже биться не стал. Куда несут, туда и идешь. Но я-то творческая интеллигенция, всю жизнь гордился своей независимостью. И вот — стал соучастником преступления!

— Погоди, не все сразу. Давай по порядку.

Удалову захотелось понять, что произошло с Грубиным. Может быть, изменения только внешние, тогда еще не все потеряно.

— Мне с тобой говорить не о чем, — сказал Грубин.

— Почему же?

— Сам знаешь. Ты — номенклатура. Я — продавшаяся интеллигенция.

— А ты все-таки скажи. Допусти, что перед тобой не Удалов, а какой-то другой человек.

— Какой-то другой к Пилипенко доносить не побежит. А Удалов побежит.

— Не побегу, — возразил Удалов. — Честное слово.

— Ты правды захотел? Тогда держись! Скажу тебе, Корнелий, что за последние три года ты сильно изменился. С тех пор как тебя этот Пупыкин приблизил, ты сам на себя не похож. Готов землю за ним лизать. А с Ксенией что вы сделали?

— А что?

— Только не говори, что ты подчинился силе! Другой бы никогда жену не отдал. Залег бы в прихожей с пулеметом, отбивался бы до последнего патрона. А ты выбрал Пупыкина. Ну, выбрал и пресмыкайся.

— А еще что? — спросил Удалов. Горько ему было слушать такие слова о своем двойнике. Но надо слушать. На чужих ошибках учатся.

— А с Минцем ты как поступил? Ты зачем Минца топил?

— Я? Минца?

— Зря я с тобой разговариваю — время впустую трачу. Только удивительно — как быстро меняются люди.

— Тогда слушай ты, — решился Удалов. — И постарайся мне поверить.

Он произнес эти слова так значительно, что Грубин в удивлении уставился на него...

— Я не Удалов, — сказал Корнелий Иванович. — То есть я Удалов, но вовсе другой Удалов. А настоящий Удалов сидит сейчас в Гордоме, на активе, и соратники топчут его ногами.

Вот что удивительно — Грубин поверил Удалову мгновенно!

— У тебя глаза другие, — признал он. — У тебя глаза прежние. Может, даже смелее. Объясни.

И Удалов объяснил. И про изобретение Минца, и про то, как Минц простудился и пришлось Удалову идти в параллельный мир вместо друга.

По мере того как он рассказывал, лицо Грубина светлело, морщины разглаживались, даже волосы начали завиваться.

Грубин вскочил, принялся бегать по комнате, опрокидывая предметы и расшвыривая пластиковые руки и ноги.

— Сейчас же! — закричал он, не дав Удалову договорить. — Сейчас же обратно! Беги отсюда! Тебе здесь не место. И если можешь, возьми меня с собой. Больше я здесь жить не могу!

— Спокойно, — остановил его Удалов. — Без паники. У меня задача — найти Минца. И вторая — во всем разобраться. А как исправлять положение, подумаем вместе. Рассказывай. Коротко, внятно. Начинай!

Последнее слово прозвучало приказом, и Грубин подчинился ему. Он остановился у стола, задумался.

— Даже не знаю, как начать. Произошло это три с половиной года назад. Был у нас предгором Селиванов.

— Помню, — подтвердил Удалов. — У нас он тоже предгором был. Потом на пенсию ушел.

— И занял то место его заместитель Пупыкин, Василий Парфеныч.

— У нас тоже. Все пока сходится.

— Времена, ты знаешь, были тихие, ни шатко ни валко... Утвердили Пупыкина предгором, он сначала ничего вроде бы и не делал. Все повторял: как нас учил товарищ Селиванов... Продолжая дело товарища Селиванова...

— Смотри-ка, у нас тоже так начинал!

— Потом начались кадровые перестановки. То один на пенсию, то другой, того с места убрали, того на новое место назначили... и тон у Пупыкина менялся. Уверенный тон становился. Ботинки заказал себе в Вологде на высоких каблуках... Пилипенку приблизил... Это наш старшина милиции.

— Знаю, он у нас до сих пор старшина. Простой мужик, душевный. Председатель общества охраны животных.

— Против Пупыкина боролись. Был у нас такой Белосельский, не знаешь? Коля? В классе с нами учился.

— Еще бы не знать, — улыбнулся Удалов.

— Так этот Белосельский выступил. Потребовал, чтобы покончить с приписками и обманом, а развивать трудовую инициативу и демократию... да, демократию...

Удалов кивнул. Он эту историю отлично помнил.

— Не знаю уж, каким образом, все было сделано тихо — куда-то Пупыкин написал, кому-то позвонил, что-то против Белосельского раскопал. Только слетел Белосельский со своего места. И пришлось ему уехать за правдой в область. Не знаю уж, отыскал он ее там или нет — только в город он не вернулся. А для многих

его поражение стало хорошим уроком. Поняли: опасно идти против Пупыкина.

— Вот как у вас дело повернулось, — вздохнул Удалов. — Теперь мне многое понятно.

— А дальше — *пошло, покатилось*. Пупыкин всюду выступал, говорил, какие мы счастливые, как наш город движется вперед семимильными шагами. И чем меньше товаров в магазинах становилось, тем громче выступал Пупыкин. И что грустно — как только люди убедились, что Пупыкин твердо сидит, не сковырнуть его, они по углам разбежались, каждый у себя дома боролся за демократию и гласность, а на собраниях голосовали как надо.

— Понятно.

— Через год и ты, прости, Корнелий, сообразил, что лучше быть при начальнике, чем против. Как-то на собрании ты выступил против Пупыкина. И тут же тебе выговор за выговором, а потом открыли против тебя уголовное дело за хищение стройматериалов.

— Да чтобы я похищал!

— Верю, что не похищал. Только ты после этого сник, со мной даже разговаривать перестал, а стал рядом с Пупыкиным на трибуне стоять.

— Быстро вы ко всему привыкли!

— А что откладывать в долгий ящик? Если тебе с утра до вечера объясняют, как повезло тебе с таким хорошим начальником, то лучше согласиться.

— И ты тоже согласился?

— В этом мое преступление! — воскликнул Грубин. — Ты же знаешь, я неплохой изобретатель. Я предложение сделал, чтобы пластмассу усовершенствовать, из которой игрушки на фабрике делали. И формы новые изобрел — думал сделать для дома отдыха шахматы в виде рыцарей ростом с человека, но легкие. А директор фабрики Мимеонов в то время решил Пупыкину угодить, наладить массовое производство его бюстов. Для того чтобы в каждом учреждении и в каждой квартире стояли. Вот он этим способом и воспользовался. Пупыкину эта инициатива понравилась. Меня консультантом на фабрику пригласили, премию дали. А когда Мимеонов начал для будущего счастливого города Великого Пупыкина статуи в натуральную величину изготавливать, приложил я руку к этому безобразию. Теперь мучаюсь.

— Значит, другие не мучились и воспевали, а ты мучился, но тоже воспевал? — спросил Удалов.

— Только не надо иронии, — сказал Грубин. — Я же все понимал. И даже предупреждал Мимеонова — умерь свой пыл! Фильт-

ров на заводе нету, отбросы у нас вредные, прорвет — весь город погубим. Ты когда к нам приехал?

— Сегодня утром. Видел я, до чего ваша деятельность довела. Костюм погубил и вообще всю одежду.

— Больше я на фабрику не выйду! Лучше пусть меня выселяют на сельское шефство, лучше на принудотдых. Что угодно — больше я с ними вместе шагу не сделаю.

— Погоди, не части. Мне ваша система не совсем понятна.

— А у вас иначе?

— Мне сейчас некогда тебе объяснять — скажу только, что твой Пупыкин уже на пенсии, уголовное дело против него возбуждено...

— Что? Не может быть! Какое счастье!

— Не суетись. Будет время — расскажу. Мне сейчас главное — узнать, где Минц, что с ним, здоров ли, почему его дверь опечатана.

— Не знаешь? Он же на принудотдыхе. За саботаж.

— Минц? За саботаж?

— Он не оправдал. Гравитационный подъемник собственными руками сломал, чтобы статую не воздвигать.

— Говоришь, гравитацию изобрел?

— Точно знаю — изобрел, мы с ним вместе испытывали.

— А для Пупыкина — ни-ни?

— Он принципиальный.

— Значит, есть все-таки принципиальные?

— Принципиальные, конечно, есть. Немного, но есть, — признался Грубин. — Но за принципы приходится дорого платить. И Минц заплатил. И Ксюша твоя...

— Да, совсем забыл. Что за история с Риммой?

— Когда Ксюшу на сельхозшефство отправили...

— Понятнее!

— У нас сельское население разбежалось, — объяснил Грубин. — По другим областям. Хозяйства обезлюдели. А Пупыкин в область всегда рапортует, что у нас постоянный прогресс. Что ни год, сеем на пять дней раньше, собираем на три дня раньше, и растут урожаи на три процента в год. Поставки он всегда выполняет. Только из-за этого в городе жрать нечего, а в поле работать отправляют всех, кто несогласный или подозрительный или кто не нужен. Половину учителей отправили, врачей больше половины, весь речной техникум там копает и пропалывает... А из футболистов и самбистов Пупыкин создал дружины, которые людей придерживают. Их на усиленном питании держат.

— Значит, крепостное хозяйство?

— Нет, это сельхозшефством у нас называется. Но что странно,

Корнелий, — те, кто в городе остался, считают, что с сельским хозяйством все нормально. Потому что каждый день в газете нам рассказывают, как мы хорошо живем.

— А что случилось с Ксюшей?

— Как-то товарищ Пупыкин лично к тебе домой, то есть к Удалову, приехал, чтобы показать свое к нему расположение. А Ксения вместо обеда ему скандал закатила, всю правду выложила. Ты знаешь Ксению — она неуправляемая. Обиделся Пупыкин, на следующее утро ее скрутили, посадили на мотоцикл к Пилипенко — и в деревню, перевоспитываться, на сельхозшефство без права возвращения в город.

— А я? То есть а он?

— А он... он побежал к Пупыкину, просит — верни мою жену! А Пупыкин, говорят, погладил его по головке и говорит: «Не нужна тебе такая старая и непослушная жена. Она меня не уважает, значит, и тебя не уважает, и нашу великую родину не уважает. Мы тебе сделаем сегодня же развод, и отдам я тебе любую из своих секретарш». Так и сделал. Развел, на Римке женил. Она мне сама рассказывала.

— Ясно, — сказал Удалов. — Общая картина мне понятна. Пошли к Минцу. Где он отдыхает?

— Принудотдых, Корнелий, это по-старому тюрьма. Находится она в подвалах под гостиным двором, где раньше склады были. Там особо недовольные отдыхают.

— Ты хочешь сказать, что профессор Лев Христофорович Минц, лауреат двадцати премий, профессор тридцати университетов, находится в подвалах инквизиции?

— Ну, не то чтобы инквизиции, — смутился Грубин. — Но в подвалах...

— Срочно едем в область! Это не должно продолжаться.

— До области ты не доедешь, — ответил Грубин. — Некоторые пытались. В область специальное разрешение нужно. Его лично Пилипенко подписывает. Только проверенные оптимисты туда попадают. Так что в области о Великом Гусляре самое лучшее представление.

— Но ведь кто-то приезжает!

— Если приезжает, то на витрины с картонной лососиной смотрят, а потом в предгорском буфете обедают. Ясно?

— Минца надо освободить!

— Надо. Но не знаю как.

— Может, прессу поднять?

— Малюжкина? Ты сам видел. Его голове нужна ясность. А ясность он получает сверху.

— Ну что ж, — сказал Удалов, — тогда пошли в подвал.

— Подвалы заперты, там дружинники.

— Саша, ведь недаром я столько лет ремонтами занимаюсь. Неужели мне подземные ходы в этом городе неизвестны?

— А есть ход?

— Должен быть. По крайней мере, в моем мире есть и даже расчищен археологами. Его воры в пятнадцатом веке прокопали — тюки из гостиного двора выносили.

Когда они с Грубиным вышли во двор, Удалов вдруг услышал:

— Корнелий, ты куда? Ты почему домой не идешь?

Голос был женский, жалобный.

Удалов поднял голову. В окне его квартиры стояла молодая жена Римма, неглиже, лицо опухло от слез.

— Я раскаиваюсь! — крикнула она. — Это была минутная слабость. Он старался меня безуспешно соблазнить. Вернись, Корнелий. И не верь клевете Грубина. Он тебе завидует! Вернись в мои страстные объятия!

— Не по адресу обращаетесь, гражданка, — ехидно ответил Удалов.

А Грубин добавил:

— Чего на тебя клеветать? На тебя клевещи не клевещи — пробы ставить некуда.

И молодая жена Римма плюнула им вслед.

По бывшей Яблоневой, а ныне Прогрессивной улице, мимо лозунга на столбах: «Пупыкин сказал — народ сделает!», мимо дома-музея В.П. Пупыкина друзья спустились к реке в том месте, где к обрыву примыкают реставрационные мастерские. В удаловском мире эти мастерские кипят жизнью и деятельностью. В этом они стояли пустынные, ворота прикрыты, всюду грязь.

Удалов уверенно прошел за сарай, там отодвинул гнилую доску, и перед ними обнаружился вход в подземелье, кое-как укрепленный седыми бревнами. Грубин достал заготовленный дома фонарик.

Идти пришлось долго, порой Удалов останавливался, заглядывал в боковые ответвления, выкопанные то ли кладоискателями, то ли разбойниками, но ни разу дороги не потерял. Ход окончился возле окованной железными полосами двери.

— Здесь, — сказал Удалов. — Теперь полная тишина!

И тут же раздался жуткий скрип, потому что Удалов стал открывать дверь, которую лет сто никто не открывал. К счастью, никто скрипа не услышал. Его заглушил отчаянный человеческий

крик. Они стояли в подземных складах гостиного двора, превращенных волей Пупыкина в место для изоляции и принудотдыха.

Впереди тянулся низкий сводчатый туннель, кое-где освещенный голыми лампочками. Крик доносился из-за одной двери — туда и поспешили друзья, полагая, что именно там пытают непокорного профессора. Но они ошиблись.

Сквозь приоткрытую дверь они увидели, что в побеленной камере на стуле сидит удрученный Удалов. Перед ним, широко расставив ноги, стоит капитан Пилипенко.

Пилипенко Удалова не бил. Он только читал ему что-то по бумажке.

— Нет! — кричал Удалов. — Не было заговора! И долларов я в глаза не видал.

Пилипенко подождал, пока Удалов кончит вопить, и спокойно продолжал чтение.

Было слышно:

— «Получив тридцать серебряных долларов от сионистского агента Минца, я согласился поджечь детский сад номер два и отравить колодец у родильного дома...»

— Нет! — закричал Удалов. — Я люблю детей!

— Ну что, освободим? — спросил шепотом Удалов у Грубина.

— Не стоит тебя освобождать, — искренне возразил Грубин. — Не стоишь ты этого. А то вмешаемся в драку, сами погибнем и Минца не спасем.

Нельзя сказать, что Удалов был полностью согласен с другом. Трудно наблюдать, когда тебя самого заточили в тюрьму и еще издеваются. Но Удалов признал правоту Грубина. Есть цель. И цель благородная. Она — в первую очередь.

Они прошли на цыпочках мимо камеры, в которую угодил двойник Удалова, и остановились перед следующей, которая была закрыта на засов.

Грубин резко отодвинул засов и открыл дверь.

В камере было темно.

— Лев Христофорович, — позвал Грубин, — вы здесь?

— Ошиблись адресом, — ответил спокойный голос. — Лев Христофорович живет в следующем номере. Имею честь с ним перестукиваться.

— А вы кто? — спросил Удалов.

— Учитель рисования Елистратов, — послышалось в ответ.

— Семен Борисович! — воскликнул Удалов. — А вас за что?

— За то, что я отказался писать картину «Пупыкин обозревает плодородные нивы».

— Выходите, пожалуйста, — попросил Грубин.

— Это официальное решение?

— Нет, мы хотим вас освободить.

— Простите, я останусь, — ответил учитель рисования. — Я выйду только после моей полной и абсолютной реабилитации.

— Тогда ждите, — сказал Удалов.

Времени терять было нельзя. В любой момент в коридоре могли появиться охранники. Они перебежали к следующей двери. Грубин открыл и ее.

— Лев Христофорович?

— Собственной персоной. Вы почему здесь, Саша?

— Я к вам гостя привел, — произнес Грубин. Они вошли в камеру, закрыли за собой дверь. Грубин посветил фонариком. Профессор Минц, сидевший на каменном полу, подстелив под себя пиджак, прикрыл глаза ладонью.

— Потушите, — попросил он. — Мои глаза отвыкли от света.

— Я к вам гостя привел, — повторил Грубин.

— Кого? Кто осмелился залезть в это узилище? Кто мой друг?

— Это я, Корнелий, — проговорил Удалов.

— Отказываюсь верить собственным ушам! Разве не вы первый на разборе моего персонального дела предложили изолировать меня в этом доме подземного отдыха?

— Нет, не я, — честно ответил Удалов.

— Не вы ли заклеймили меня званием врага народа и иностранного агента?

— Нет, не я.

— Вы лжец, Удалов! — воскликнул Минц. — И я не намерен с вами разговаривать.

— Тот Удалов, который голосовал и призывал, — ответил Корнелий, — сейчас сидит через две камеры от вас. Пилипенко ему террористический заговор шьет. А я — совсем другой Удалов.

— Не понял!

— Я живу в параллельном мире. Меня послал сюда наш Лев Христофорович. По делу. Но когда я узнал, что у вас творится...

— Стойте! — закричал профессор. — Это же великолепно! Грубин, посветите фонариком.

И Минц бросился в объятия к Удалову.

— Значит, параллельные миры существуют! — радовался ученый. — Значит, мои предположения и теоретические расчеты были правильны. Да здравствует наука! И что же просил передать мой двойник?

— Лев Христофорович стоит перед проблемой, — сказал Удалов. — Нам нужно прокладывать магистраль через Гусляр, а у него

никак не получается с антигравитацией. Он сам простудился и просил меня сгонять к вам и взять расчеты.

— Вы говорите правду? — насторожился Минц.

— А зачем мне врать?

— А затем, что это может быть дьявольской выдумкой Пупыкина. Ему нужна моя гравитация. Ради нее он пойдет на все. Он способен даже выдумать параллельный мир.

— Нет, Удалов правду говорит! — сказал Грубин. — Я верю.

— А я не верю! — сказал Минц. — Если в вашем параллельном мире тоже прокладывают магистраль, мой двойник никогда не согласится участвовать в преступлении против нашего города. Он, как и я, предпочел бы кончить свои дни в темнице, но не пошел бы в услужение к варварам.

— Но в нашем мире, — возразил Удалов, — антигравитация нужна, чтобы подвинуть часовню Святого Филиппа и не разрушить памятники.

Минц все еще колебался.

Тогда Грубин сказал:

— Есть выход. Хотите доказательства?

— Хочу.

— Тогда пошли с нами, я покажу второго Удалова.

Минц поднялся и, поддерживаемый Грубиным, вышел в коридор.

Через минуту они были у камеры, где Пилипенко допрашивал второго Удалова.

Минц заглянул в дверь, потом обернулся к Удалову.

— Простите, что я вам не поверил. Но доверчивость нам слишком дорого обходится.

— Как мне приятно это слышать, — ответил Удалов. — Я сначала испугался, что здесь все смирились с тираном.

— Это не тиран. Это мелкий бандит, — возразил Минц. — Тираны отжили свой век, но тиранство еще живет.

Последние слова он произнес слишком громко. Пилипенко услышал шум в коридоре, метнулся к двери, отворил ее и увидел Минца.

— Выскочил? Бежать вздумал? — заревел капитан, засовывая руку в кобуру.

Минц оторопел. Он не знал, что делать в таких случаях. Но Удалов, который вырос без отца, на улице, отлично знал, что надо в таких случаях делать. Он отодвинул в сторону Минца, шагнул вперед и сказал:

— Все, Пилипенко. Доигрался ты.

У Пилипенко отвисла челюсть. Он, как кролик на удава, смот-

рел на Удалова. Потом метнул глазами в открытую дверь и увидел там второго Удалова.

— Аааа, — лепетал Пилипенко...

Грубин не терял времени даром.

— Корнелий! — крикнул он двойнику Удалова. — Выходи!

А первый Корнелий тем временем отобрал у оторопевшего милиционера пистолет, а самого его затолкал в камеру и закрыл дверь на засов. Пилипенко даже не возражал.

— Теперь бежать, — поторопил Грубин.

Они побежали по коридору к подземному ходу. И вовремя. Потому что Пилипенко опомнился, стал молотить в дверь, звать на помощь, и издали послышались шаги — от входа в подземелье бежали дружинники-самбисты.

Но дверь в подземелье уже была закрыта, и, незамеченные, наши герои поспешили к реставрационным мастерским.

Если погоня и была, она их потеряла.

Без приключений они выбрались из-под земли, уселись за сараем, чтобы перевести дух.

Был хороший осенний вечер. Солнце уже спряталось за строениями, небо прояснилось, было бесцветным, а редкие облака подсвечивало золотом по краям, словно они были большими осенними листьями.

Удалов смотрел на своего двойника — у того синяк под глазом, царапина на щеке, и вообще вид потрепанный.

— Били? — спросил Удалов с сочувствием.

— Пилипенко, — ответил двойник. — Я до него доберусь.

— Нет, — сказал профессор Минц. — Судить его будет народ.

— Кто? — вздохнул двойник Удалова. — Прокурор? Судья? Так они все у Пупыкина в кармане.

— Бригаду пришлют, из области, — произнес Грубин. — Или даже из Москвы. Неподкупную.

— Революция! — сказал Удалов-двойник мрачно. — Только революция сможет смести весь этот вертеп.

— Революцию устраивать нельзя, — объяснил Грубин. — Мы живем в социалистическом государстве, у нас законы, профсоюзы, против кого ты хочешь революцию устраивать?

— Без революции не обойтись.

— А как ты ее организуешь?

— Пойду к народу, раскрою ему глаза.

— Скажи, — спросил Грубин, — а у тебя до сегодняшнего дня глаза что, закрыты были?

— Нет, я видел, конечно, недостатки... — Удалов смешался, замолчал.

— И заедал их черной икрой из спецбуфета, — закончил за него фразу Грубин. И горько улыбнулся. И все улыбнулись, потому что в словах Грубина была жизненная правда.

— Надо писать, — предложил Минц, — пришлют комиссию.

— Многие писали, — возразил Грубин. — Только все письма на почте перехватывают, а потом, где этот писатель? На трудовом шефстве. Да еще, как назло, наш город железной дороги не имеет и окружен непроходимыми лесами.

— Не такими уж непроходимыми, — вмешался Удалов.

— Я боюсь, Пупыкин справится с любой комиссией. У него по этой части опыт. У него документация отработана — комар носу не подточит.

— Странно мне смотреть на вас, друзья, — сказал Удалов. — Вы все такие же самые, как и в настоящем мире. И внешне, и по голосу. И в то же время — не такие. Ну, мог ли я когда предположить, что Корнелий Удалов, человек честный, прямой и даже добрый, может стать прислужником у мелкого диктатора?

— Не надо, — попросил двойник. — Это в прошлом. Я все осознал.

— Что же, одного Пупыкина достаточно, чтобы вы из энтузиастов, строителей светлого будущего превратились в болото?

— Пупыкин не один, — вздохнул Минц. — Это целое направление: пупыковщина. Подлая личность не может изменить историю, если не сколотит банду таких же подлецов. У них на словах все так же, как в нормальных местах. А бумаги фиксируют счастье и прогресс. Пупыкин многим нужен. При Пупыкине можно не думать. А служить. Хорошо служишь — все имеешь. Даже жену молодую тебе могут на дом доставить. Не проявляешь верности... сами понимаете. И с каждым днем становится все больше верных служителей. И пресса у него в руках.

— Вернусь домой — скажу Малюжкину, какую он роль играет при Пупыкине, — он меня убьет, собственными руками убьет. Он же жизнь отдаст за свободу и демократию, — проговорил Удалов.

— И ветераны, — продолжал Минц.

— Вы Ложкина не знаете — он вчера на площади демонстрацией руководил за спасение часовни Святого Филиппа!

— Нет, я сам видел, как Ложкин эту часовню собственными руками на субботнике рушил, — возразил Грубин.

— А ты, Грубин, молчи. Я-то знаю, на что ты в самом деле способен. Весь наш город гордится твоими изобретениями!

Стало прохладно. Облака потемнели, снова подул ветер.

— Мне пора возвращаться, — напомнил Удалов. — Только желательно от Минца формулы получить.

— Формулы у меня в голове, — сказал Минц, — я все бумаги сжег.

Ситуация была какая-то ненастоящая, мистическая, словно приснилась. Стоял Удалов в своем родном Гусляре, окруженный не только друзьями, но и самим собой. Сейчас бы пойти посидеть в кафе или в театр махнуть, как культурные люди. А вместо этого они таятся за сараем на опустевшей базе реставраторов и даже не знают, куда деться и что делать дальше.

— Я в подшефное хозяйство пойду, — решил вдруг двойник Удалова. — Пойду Ксюшу проведаю. Мне ведь тоже домой нельзя.

Слова двойника Удалова обрадовали — значит, все же не чужие они люди. И он принял решение.

— Значит, так, — начал он, и все его внимательно слушали.

Потому что Удалов приехал из нормального мира.

— В наш мир сейчас отправится Лев Христофорович. Он сразу пойдет в гости к нашему Минцу и все ему расскажет. Заодно и формулы сообщит. У Минца голова государственная, что-нибудь придумает. А два Минца тем более придумают. Если нужно, сходите к Белосельскому, он может подсказать, к кому в области обращаться. А то и в Москву. Как решите — сразу обратно. Мы будем ждать.

— А вы, Корнелий Иванович? — спросил Минц.

— А я вместе с моим близнецом на сельскохозяйственные работы отправлюсь. Боюсь, что ему без меня у Ксюши прощения не получить.

— Спасибо, ты настоящий друг, — произнес второй Удалов, и скупая слеза покатилась по его грязной исцарапанной щеке.

Удалов достал платок, вытер ему слезу.

— А мне что делать? — спросил Грубин. — Я тоже хочу участвовать.

— Ты будешь ждать. В резерве, — определил Удалов. — Веди пропаганду в народе, готовь перевыборы.

Все послушались Удалова и, выйдя из-за сарая, стали подниматься вверх, переулком, чтобы не попасть на глаза противникам.

Уже поднялись до половины склона, как вдруг Минц остановился.

— То, что вы предложили, Корнелий, — сказал он, — очень разумно. В каком-нибудь фантастическом романе, наверное, так бы и произошло. Я бы отправился в параллельный мир, оттуда получил бы совет и помощь, вы бы с Удаловым подняли восстание в подшефном хозяйстве, где много горючего человеческого материала. И был бы счастливый конец. Но я сейчас сообразил: мы же не в романе!

— Ты прав, Лев Христофорович, — поддержал Грубин. — Мы в реальной жизни. И действовать должны, как будто никаких параллельных миров и нет. Может, их и в самом деле нет?

— Как так? А я? — спросил Удалов.

— А ты нам только снишься, — заключил Грубин.

— Точно, — подтвердил второй Удалов. — Ты прав, Саша. Сами мы Пупыкина вырастили, сами и ликвидируем.

— У нас не может быть революции! — напомнил Удалов.

— Кто говорит о революции? — ответил Минц. — Мы собираемся навести порядок в своем доме.

Трое друзей переглянулись и согласно кивнули.

— Минутку, — сказал Минц и вытащил из кармана записную книжку. Быстро набросал на ней три строчки цифр и протянул Удалову: — Вот это передай моему двойнику. Это, конечно, не расчеты, но если бы я был на его месте, то обязательно бы догадался, каким путем идти.

— Спасибо, — произнес Удалов. — Хотя все равно считаю, что вас, как ведущего ученого, мы должны эвакуировать в наш мир.

— Эвакуировать пришлось бы весь город, — ответил Минц. Он протянул Удалову руку и добавил: — Спасибо, что к нам заехали. Вы нам сильно помогли. Действием и примером.

— Спасибо, Корнелий, — сказал Грубин, прощаясь с Удаловым. — Рад был встретиться.

Последним с ним попрощался двойник.

— Надеюсь, что Ксения поймет, — сказал он.

— Все образуется, — успокоил его Удалов. — Она у нас отходчивая.

И они втроем, как три мушкетера, так и не объяснив Удалову, что намерены делать, быстро пошли вверх по улице.

Страшно за них было. И приятно смотреть на мужскую дружбу. Прямо как крейсер «Варяг», подумал Удалов, когда он уходил в свой последний неравный бой. Удалову стало одиноко.

Он сложил вчетверо бумажку с формулами, спрятал в ботинок. Если задержат, может, не найдут.

Когда распрямлялся, услышал сверху короткий хлопок. Выстрел?

Он вгляделся. Нет, не выстрел. Это хлопнула калитка. Кто-то вышел на улицу и пошел рядом с тремя мушкетерами. Удалов потоптался на месте еще с минуту... И припустил в гору за друзьями, которые уже скрылись за ее гребнем.

А когда догнал их, увидел, что рядом с ними идут человек десять, не меньше. А двери и калитки все раскрываются...

МАРСИАНСКОЕ ЗЕЛЬЕ

1

Корнелий Удалов не решился один идти с жалобой в универмаг. Он спустился вниз, позвал на помощь соседа. Грубин, услыхав просьбу, долго хохотал, но не отказал и даже был польщен. Отодвинул микроскоп, закатал рисовое зернышко в мягкую бумагу, положил в ящик стола. Потом шагнул к трехсотлитровому самодельному аквариуму и взял наброшенный на него черный пиджак с блеском на локтях. Пиджаком Грубин спасал тропических рыбок от говорящего ворона. Ворон их пугал, болтал клювом в воде.

— Ты, Корнелий, не робей, — говорил Грубин, надевая пиджак поверх голубой застиранной майки. — В ракетостроении перекосов быть не должно.

Ворон забил крыльями, запросился на волю, но Грубин его с собой не взял, напротив — сунул в шкаф, запер.

Удалов подхватил большой прозрачный мешок, в котором покоилась оказавшаяся дефектной красная пластиковая ракета на желтой пусковой установке, купленная в подарок сыну Максимке, пониже надвинул соломенную шляпу и первым направился к двери.

Грубин, превосходивший Корнелия ростом на три головы, шагал размашисто, мотал нечесаной шевелюрой, посмеивался и громко рассуждал.

Удалов шел мелко, потел и боялся, что его увидят знакомые.

Жена Удалова, Ксения, крикнула им вслед со двора:

— Без замены не являйся!

— Ну-ну, — сказал Грубин негромко.

Они пошли по улице.

Двухэтажный, большей частью каменный, некогда купеческий, а теперь районный центр, город Великий Гусляр к концу июня раскалился от затяжной засухи. Редкие грузовики, «газики» и автобусы, проезжавшие по Пушкинской улице, тянули за собой длинные конусы желтой пыли и оттого напоминали приземлившихся парашютистов.

Был второй час дня и самая жара. На улицах показывались только те люди, которым это было крайне необходимо. Потому Корнелий и выбрал такое время, а не вечер. Он даже пожертвовал обеденным перерывом: надеялся, универмаг пуст и не стыдно будет поднимать разговор из-за пустяковой игрушки.

Миновали аптеку. Грубин поздоровался с сидевшим у открытого окна провизором Савичем.

— Не жарко? — спросил Савич, поглядев на Грубина поверх очков. Сам Савич был потный и дышал ртом.

— Идем на конфликт! — громко известил Грубин. — Вменяем иск против государства!

Удалов уже жалел, что позвал Грубина. Он дернул соседа за полу пиджака, чтобы тот не задерживался.

— И вы тоже, товарищ Удалов? — провизор обрадовался случаю отвлечься. — У вас опять неприятности?

Удалов буркнул невнятное и прибавил ходу. Головой повертел, чтобы поглубже ушла в шляпу, и даже стал прихрамывать: хотел быть неузнаваемым.

Грубин догнал его в два шага и сказал:

— Правильно он тебе намекнул. Я давно задумываюсь, как с помощью материализма объяснить, что половина всех невезений в городе падает на тебя?

— Архив покрасить пора, — уклончиво сказал Корнелий.

Грубин удивился и посмотрел на церковь Параскевы Пятницы, в которой размещался районный архив.

— Твое дело, — сказал Грубин. — Ты у нас начальник.

По другую сторону улицы стоял Спасо-Трофимовский монастырь, отданный после революции речному техникуму. Дюжие мальчики на велосипедах выезжали оттуда и катили на пляж. Монастырь в отличие от Параскевы Пятницы был хорошо покрашен, и купола главного собора сверкали, как стеклянные адские котлы, наполненные лавой.

— Мне твоя жена говорила, — продолжал Грубин, — что тебе в десятом классе на экзамене тринадцатый билет по истории достался и ты медаль не получил. Правда?

— *Я бы ее и так не получил*, — возразил Удалов.

А сам подумал: «Зря Ксения такие сплетни распространяет. Это дело старое, счеты с Кастельской, тогдашней историчкой. Если бы можно жизнь повторить сначала, выучил бы все про Радищева». Сколько лет прошло, не думал тогда, что станет директором ремстройконторы, а видел перед собой прямую дорогу вдаль.

— Я жизнью удовлетворен, — произнес Удалов твердо, и Грубин хохотнул, глядя сверху. То ли не поверил другу, то ли был сам не удовлетворен.

Универмаг находился в бывшем магазине купца Титова. Купец перед самой Первой мировой получил потомственное дворянство и герб с тремя кабанами: Смелость, Упорство, Благополучие. Теперь кабаны с герба осыпались, а рыцарская шляпа с перьями над щитом осталась. И купидоны по сторонам.

У входа в универмаг сидели в ряд обалдевшие от жары бабки из

пригородного совхоза. Сидели с ночи — поддались слухам, что будут давать трикотажные кофточки по низким ценам.

Удалов отвернулся от бабок и боком постарался вспрыгнуть на три ступеньки. Он хотел сделать это легко, спортивно, но споткнулся о верхнюю ступеньку и упал животом на прозрачный пакет с пластиковой ракетой.

Грубин только ахнул.

Бабки очнулись и зашептались. Ракета жалобно скрипнула и распалась, как пустой гороховый стручок. Пусковая установка желтого цвета сплющилась в квадратную лепешку.

Корнелий, не смея обернуться, вскочил, взглянул дико на останки ракеты, закинул мешок за спину и, пригнувшись, вбежал в полутьму магазина.

— Ну, что я говорил? — спросил у бабок Грубин.

Те оробели от дикого вида и значительного роста Грубина и затихли.

— Задача осложняется, — объяснил им Грубин и поспешил за Корнелием в нутро магазина.

Удалов передвигался по магазину медленно, будто по колено в воде. Свободной рукой растирал ушибленный бок. Так дошел до прилавка с игрушками, остановился и подождал, прислушиваясь, пока не подошел Грубин.

— Плохо дело, — сказал Грубин. — Может, пойдем домой?

— Жена, — прошептал Корнелий.

Шурочка Родионова, продавщица игрушек, ждала обеденного перерыва и читала переводную книгу Зенона Косидовского «Библейские сказания». Шурочка собиралась быть археологом и три года занималась в историческом кружке у Елены Сергеевны Кастельской, которая была тогда директором музея. Школу Шурочка окончила хорошо, но в Вологду в институт поступать не поехала: с деньгами плохо. Пошла на год в продавщицы, хотя от планов не отказалась, читала книги и учила английский язык. К девятнадцати годам стала Шурочка так хороша, что многие мужчины, у которых не было детей, ходили в универмаг покупать игрушки.

Шурочка слышала шум у дверей, но не отвлеклась, читала комментарий про ошибки автора. Только когда Грубин с Удаловым подошли вплотную, она подняла голову, поправила золотую челку и сказала: «Пожалуйста».

А мысленно еще оставалась вблизи города Иерихона на Ближнем Востоке и переживала его трагедию.

Обоих посетителей она знала. Один, маленький, толстый, — Удалов, директор ремконторы. Второй — длинный, колючий, лохматый — заведовал пунктом вторсырья у рынка и принимал пустые бутылки.

— Здравствуйте, — сказали посетители.

Удалов поморщился и вытащил из-за спины большой прозрачный мешок с жалкими остатками пластиковой ракеты.

— Ой! — воскликнула Шурочка. — Что же у вас случилось?

— Замените! — произнес Удалов. — Брак!

— Как же так?

Шурочка положила книжку на прилавок и забыла об Иерихоне.

— Не видите, что ли? — все так же сердито спросил Удалов.

Шурочка не знала, что говорит он строго от робости и сознания своей неправоты. Она обиделась и отвечала:

— Я вам, гражданин, такого не продавала. Я сейчас заведующую позову... Ванда Казимировна!

Корнелий совсем оробел и сказал:

— Ну-ка, дайте мне жалобную книгу!

Он хотел отодвинуть шляпу на затылок, но не рассчитал, шляпа слетела и шмякнулась на пол. Удалов пошел за шляпой.

— Вы нас поймите правильно, — разъяснил Грубин. — Брак заключался в ракете раньше, чем случился инцидент.

Пришла заведующая, Ванда Казимировна, женщина масштабная, решительная и жена провизора Савича.

— Такое добро, — сказала она Грубину с намеком, — надо в утильсырье нести, а не в универмаг.

Бабки от входа пришли на разговор, и одна сказала:

— Чем торгуют! Постыдились бы.

Другая спросила:

— Кофточки сегодня будут давать?

— Спокойствие, — настаивал Грубин. — Я вам все покажу.

Он вынул из мешка две половинки ракеты, сложил их в стручок и показал заведующей:

— Трещину видите в хвостовой части? Вот с этой трещиной нам товар и продали.

Трещин в хвостовой части было несколько, и найти нужную было нелегко.

Шурочка совсем обиделась.

— Они издеваются, что ли? — спросила она.

— Алкоголики, — определила одна из бабок.

— Вот чек, — сказал, подходя, Корнелий. Шляпу он держал под мышкой. — Только вчера покупали. У меня чек сохранился. Пришел домой, вижу — трещина.

— Какая там трещина! — возмутилась заведующая. — Шурочка,

не расстраивайся. Мы им на работу сообщим. Это не ракета, а результат землетрясения.

— Вы не обращайте внимания, что ракета расколота, — произнес Грубин. — Это потом уже случилось. А землетрясений у нас не бывает. Людям доверять надо.

И в этот момент в Великом Гусляре началось землетрясение.

Глухой шум возник на улице. Земля рванулась из-под ног. Дрогнули полки. Стопки тарелок, будто выпущенные неопытным жонглером, разлетелись по магазину, чашки и чайники, хлопая о прилавки, разбивались гранатами-«лимонками», целлулоидные куклы и плюшевые медведи поскакали вниз, цветастые платки и наволочки воспарили коврами-самолетами, стойки с костюмами и плащами зашатались — казалось, пожелали выйти на улицу вслед за бабками, убежавшими из универмага с криками и плачем. Разбившиеся пузырьки с духами и одеколоном окутали магазин неповторимым, фантастическим букетом запахов. С потолка хлопьями посыпалась известка...

Грубин одной рукой подхватил прозрачный мешок с остатками ракетной установки, другой поддержал через прилавок Шурочку Родионову. Он единственный не потерял присутствия духа. Крикнул:

— Сохранять спокойствие!

Корнелий вцепился в шляпу, будто она могла помочь в эти жуткие секунды. Быстрое его воображение породило образ разрушенного стихией Великого Гусляра, развалины вдоль засоренных кирпичами улиц, бушующие по городу пожары, стоны жертв и плач бездомных детей и стариков. И он, Корнелий, идет по улице, не зная, с чего начать, чувствуя беспомощность и понимая, что, как руководитель ремконторы, он основная надежда засыпанных и бездомных. Но нет техники, нет рабочих рук, царят отчаяние и паника.

И тут над головой рев реактивных самолетов — белыми лилиями распускаются в небе парашюты. Это другие города прислали помощь. Сборные дома, мосты и заводы спускаются медленно и занимают места, заранее запланированные в Центре, сыплется с неба дождем калорийный зеленый горошек, стукаются о землю, гнутся, но не разбиваются банки со сгущенным молоком и сардинами. Помощь пришла вовремя. Корнелий поднимает голову выше и слушает наступившую мирную тишину... И в самом деле наступила мирная тишина. Подземное возмущение окончилось так же неожиданно, как и началось. Тяжелое, катастрофическое безмолвие охватило универмаг и давило на уши, как рев реактивного самолета.

— Покинуть помещение! — оглушительно крикнул Грубин. Он бросил на пол мешок, взял одну из половинок ракетного стручка, вторую сунул Удалову и повлек всех за собой раскапывать дома и оказывать помощь населению.

Корнелий послушно бежал сзади, хоть ничего перед собой не видел — скатерть опустилась ему на голову и сделала его похожим на бедуина или английского разведчика Лоуренса.

К счастью, раскапывать никого не пришлось. Стихийное бедствие, поразившее Великий Гусляр, не было землетрясением.

Метрах в двадцати от входа в универмаг мостовая расступилась, и в провал ушел задними колесами тяжело груженный лесовоз. Еще не улегшаяся пыль висела вокруг машины и, подсвеченная солнцем, придавала картине загадочный, неземной характер.

— Провал, — сказал обыкновенным голосом Удалов, стаскивая с головы скатерть и аккуратно складывая ее.

Провалы в городе случались нередко, так как он был стар и богат подземными ходами и подвалами царских времен.

— Опять не повезло тебе, Корнелий! — Грубин бросил в досаде на землю половинку ракеты. — Теперь тебе не до замен. Мостовую ремонтировать придется.

— Квартал, кстати, кончается, — ответил Корнелий. Он обернулся к заведующей и добавил: — Я, Ванда Казимировна, вашим телефончиком воспользуюсь. Надо экскаватор вызвать.

Из пылевой завесы вышел бледный, мелко дрожащий от пережитого шофер лесовоза. Он узнал Удалова и обратился к нему с претензией.

— Товарищ директор, — заявил он, — до каких пор мы должны жизнью рисковать? А если бы я стекло вез? Или взрывчатку?

— Ну уж, взрывчатку! — передразнил Грубин. — Кто тебе ее доверит?

— Кому надо, тот и доверит, — обиделся шофер. Увидев Шурочку, перестал дрожать, подтянулся.

— Провал как провал, — сказал Удалов. — Не первый и не последний. Сейчас вытащим, дыру засыплем, все будет как в аптеке. Сходили бы до милиции, пусть поставят знак, что проезда нет. А автобус пустят по Красноармейской.

2

Елена Сергеевна прищурилась и отсыпала в кастрюлю ровно полстакана манки из синей квадратной банки с надписью «Сахар». Молоко вздыбилось, будто крупа жестоко обожгла его, но Елена

Сергеевна успела взболтнуть кашу серебряной ложкой, которую держала наготове.

Ваня втащил на кухню танк, сделанный из тома «Современника» за 1865 год и спичечных коробков.

— Не нужна мне твоя каша, — сказал он.

— Подай соль, — велела Елена Сергеевна.

— Посолить забыла, баба? — спросил Ваня.

Елена Сергеевна не стала дожидаться, пока Ваня развернет танк в сторону черного буфета, сама широко шагнула туда, достала солонку и при виде ее вспомнила, что уже сыпала соль в молоко. Елена Сергеевна поставила солонку обратно.

— Баба, — заныл Ваня противным голосом, — не нужна мне твоя каша... Хочу гоголь-моголь...

На самом деле он не хотел ни того, ни другого. Он хотел устроить скандал.

Елена Сергеевна отлично поняла его и потому ничего не ответила. За месяц они с Ваней надоели друг другу, но дочь заберет его только через две недели.

Елена Сергеевна обнаружила, что к шестидесяти годам она охладела к детям. Она утеряла способность быть с ними снисходительной и терпимой. После скандалов с Ваней она успокаивалась медленней, чем внук.

А ведь Елена Сергеевна сама попросила дочь прислать Ваню в Великий Гусляр. Она устала от одиночества долгих сумерек, когда неверный синий свет вливается в комнату, в нем чернеют и разбухают старые шкафы, которые давно следовало бы освободить от старых журналов и разного барахла.

Раньше Елена Сергеевна думала, что на пенсии она не только отдохнет, но и сможет многое сделать из того, что откладывалось за делами и совещаниями. Написать, например, историю Гусляра, съездить к сестре в Ленинград, разобрать на досуге фонды музея и библиотеку, там все время сменялись бестолковые девчонки, которые через месяц выходили замуж или убегали на другую работу, где платили хотя бы на десятку больше, чем в бедном зарплатой городском музее.

Но ничего не вышло. История Великого Гусляра лежала на столе и почти не продвигалась. У сестры болели дети; и, вместо того чтобы не спеша обойти все ленинградские музеи и театры, Елене Сергеевне пришлось возиться по хозяйству.

В музее появился новый директор, ранее руководитель речного техникума. Директор рассматривал свое пребывание в музее как несправедливое наказание и ждал, пока утихнет гнев высокого районного начальства, чтобы вновь двинуться вверх по служебной

лестнице. Директор был Елене Сергеевне враждебен. Ее заботы о кружках и фондах отвлекали от важного начинания: сооружения памятника землепроходцам, уходившим в отдаленные времена на освоение Сибири и Дальнего Востока. Землепроходцы часто уходили из Великого Гусляра — города купеческого, беспокойного, соперника Архангельска и Вологды.

— Баба, а в каше много будет комков? — спросил Ваня.

Елена Сергеевна покачала головой и чуть улыбнулась. Комки, конечно, будут. За шестьдесят с лишним лет она так и не научилась варить манную кашу. Если бы удалось начать жизнь сначала, Елена Сергеевна обязательно подсмотрела бы, как это делала покойная мама. Кто-то стукнул в окно.

Ваня забыл о танке и побежал открыть занавеску. Он никого не увидел — в окно стучали знакомые, прежде чем войти в калитку, обогнуть дом и постучать со двора.

Елена Сергеевна убавила огонь и решила, что успеет открыть дверь, прежде чем каша закипит. Она быстро прошла в темные сени. От каждого шага, сухого и короткого, взвизгивали половицы.

За дверью стояла Шурочка Родионова, повзрослевшая и похорошевшая за весну и остригшая косу, чтобы казаться старше.

— Вытри ноги, — сказала Елена Сергеевна, любуясь Шурочкой.

Шурочка покраснела; у нее была тонкая, персиковая кожа, Шурочка легко краснела и становилась похожей на кустодиевских барышень.

Шурочка поздоровалась, вытерла ноги, хоть на улице было сухо, и прошла на кухню за Еленой Сергеевной.

Девушка была взволнована и говорила быстро, без знаков препинания:

— Такое событие Елена Сергеевна грузовик ехал по Пушкинской и провалился народу видимо-невидимо думали землетрясение и Удалов из ремконторы говорит засыпать будем и там подвал а директора музея нет уехал в область на совещание по землепроходцам и надо остановить это безобразие там могут быть ценности.

— Погоди, — сказала Елена Сергеевна. — Я вот тут Ваню кормить собралась. Садись и повтори все медленнее и логичнее.

Когда Шурочка говорила, она из молодой и красивой женщины превращалась в ученицу-отличницу, в старосту исторического кружка.

Елена Сергеевна положила кашу в тарелку и посыпала ее сахарным песком.

Ваня хотел было потребовать малинового варенья, но забыл.

Он был заинтригован неожиданным визитом и быстрой речью гостьи. Он послушно сел к столу, взял ложку и смотрел в рот Шурочке. Как во сне, зачерпнул ложкой кашу и замер, беззвучно шевеля губами, повторяя рассказ Шурочки слово за словом, чтобы стало понятнее.

— Значит, ехал грузовик по Пушкинской, — говорила Шурочка чуть медленнее, но все равно без знаков. — И сразу провалился задними колесами думали землетрясение все из магазина выскочили а там подвал...

— Где именно? — спросила Елена Сергеевна.

— Недалеко от угла Толстовской.

— Там когда-то проходил Адов переулок. — Елена Сергеевна прищурилась и представила себе карту города в промежутках между пятнадцатым и восемнадцатым веками.

— Правильно, — обрадовалась Шурочка. — Вы нам еще в кружке рассказывали там Адов переулок был и кузнецы работали ширина два метра и упирался в городскую стену я так и сказала Удалову из ремконторы а он говорит что квартал кончается и он обязан сдать Пушкинскую они ее три месяца асфальтировали а то премии не получат.

— Безобразие! — возмутилась Елена Сергеевна. — Ваня, не дуй в ложку... Мне не с кем его оставить.

— Так я посижу, Елена Сергеевна, — сказала Шурочка. — Без вас они засыплют, а вас даже Белосельский слушается.

— Я власти не имею, — напомнила Елена Сергеевна. — Я в отставке.

— Вас весь город знает.

— Я сейчас.

Елена Сергеевна прошла в маленькую комнату и скоро вернулась. Она причесалась, заколола седые волосы в пучок на затылке. На ней было темное учительское платье с отложным, очень белым воротничком, и Шурочка снова почувствовала робость, как пять лет назад, когда она в первый раз пришла в исторический кружок. Елена Сергеевна, в таком же темном платье, повела их наверх, в первый зал музея, где стоял прислоненный к стене потертый бивень мамонта, висела картина, изображающая повседневный быт людей каменного века, а на витрине под стеклом лежали в ряд черепки и наконечники стрел из неолита, найденные у реки Гусь дореволюционными гимназистами.

— Так ты посидишь немного? — спросила Елена Сергеевна.

— Конечно, я сегодня с обеда свободна.

Елена Сергеевна спустилась с крыльца, молодо процокала каблучками по деревянной дорожке двора, прикрыла калитку и по-

шла по Слободской к центру, через мост над Грязнухой, что испокон веку делит город на Гусляр и Слободу.

За мостом по правую руку стоит здание детской больницы. Раньше там был дом купцов Синицыных, и в нем сохранились чудесные изразцовые печи второй половины восемнадцатого века. По левую руку — церковь Бориса и Глеба, шестнадцатый век, уникальное строение, требует реставрации. За церковью — одним фасадом на улицу, другим на реку — мужская гимназия, ныне первая средняя школа. За гимназией — широкая и всегда ветреная площадь, наполовину занятая газонами. Здесь до революции стояли гостиные ряды, но в тридцатом, когда ломали церкви, сломали заодно и их, хотя можно было использовать ряды под колхозный рынок. Теперь здесь стоит, вглядываясь в даль, бронзовый землепроходец.

По ту сторону площади — двухэтажный музей, памятник городской архитектуры восемнадцатого века, охраняется государством.

Но Елена Сергеевна переходить площадь не стала, а у продовольственного свернула на Толстовскую.

На углу встретился провизор Савич, давнишний знакомый.

— Ты слышала, Лена, — сообщил он, отдуваясь и обмахиваясь растрепанной книжкой, — грузовик провалился?

— А куда, ты полагаешь, я иду? — спросила Елена Сергеевна. — Обследовать финифтяную артель?

— Ну уж, Леночка, — ответил мягко Савич, — не надо волноваться. Если мне не изменяет память, это третий провал за последние годы?

— Четвертый, Никита, — сказала Елена Сергеевна. — Четвертый. Я пойду, а то как бы они чего не натворили.

— Разумеется. Если б не такая жара, я бы сам посмотрел. Но обеденный перерыв короток, а мое брюхо требует пищи. Я так и полагал, что тебя встречу. Тебя все в городе касается.

— Касалось. Теперь я на пенсии. Передай привет Ванде Казимировне.

— Спасибо, мы все к вам в гости собираемся...

Но последних слов Елена Сергеевна уже не слышала. Она быстро шла к Пушкинской.

Савич поправил очки и побрел дальше, размышляя, есть ли в холодильнике бутылка пива. Он представил запотевшую темно-зеленую бутылку, шипение освобожденного напитка, зажмурился и заспешил.

На Пушкинской, не доходя до универмага, стояла толпа. Толпа казалась неподвижным, неживым телом, и только мальчишки кружились вокруг нее, влетая внутрь и снова выскакивая, как пчелы

из роя. По улице не спеша шел гусеничный экскаватор. Вблизи толпа распалась на отдельных людей, большей частью знакомых — учеников, друзей, соседей и просто горожан, о которых ничего не знаешь, но здороваешься на улице.

Елена Сергеевна пронзила толпу и оказалась у провала. Асфальт расходился трещинами, прогибался, будто был мягким, как резиновый коврик, и обрывался овальным черным колодцем. По другую сторону колодца стоял лесовоз — его уже вытащили из ямы. Бревна лежали на мостовой рядком.

У провала спорили два человека. Один из них был низок ростом, агрессивен, и лицо его было скрыто под соломенной шляпой. Второй — баскетбольного типа, с нечесаной шевелюрой, в черном пиджаке, надетом прямо на голубую майку, — отступал под натиском низенького, но сопротивления не прекращал.

— Для меня это скандал и безобразие, — уверял низкий.

Елена Сергеевна сразу поняла, что это и есть директор ремконторы.

— Мы окончили асфальтирование участка, рапортовали и ожидаем заслуженной премии — не лично я, а коллектив, — а ты что мне советуешь?

Низенький сделал шаг вперед, и длинный отступил, рискуя свалиться в пропасть.

— Корнелий, ты забыл о науке, о славе родного города, — протестовал он, балансируя над провалом.

— А люди премии лишатся?.. Эй, Эрик! — Это низенький увидел экскаватор. — Давай сюда, Эрик!

— Подождите, — произнесла Елена Сергеевна.

— А вы еще по какому праву? — спросил низенький, не поднимая головы. — Давай, Эрик!

— Вот что, Корнелий, — сказала тогда Елена Сергеевна, которая наконец узнала, кто же скрывается под соломенной шляпой. — Сними шляпу и подними голову.

Кто-то в толпе хихикнул. Экскаваторщик заглушил мотор и подошел поближе.

— Где тут яма, — спросил он, — которая представляет исторический интерес?

Директор ремконторы послушно снял шляпу и поднял вверх чистые голубые глаза неуспевающего ученика.

Он уже все понял и сдался.

— Здравствуйте, Елена Сергеевна, — сказал он. — Я вас сразу не узнал.

— Дело не в этом, Корнелий.

— Правильно, не в этом. Но вы войдите в мое положение.

— А если бы на Красной площади такое случилось? — спросила строго Елена Сергеевна. — Ты думаешь, Удалов, что правительство разрешило бы вызвать экскаватор и засыпать провал, не дав возможности ученым его обследовать?

— Так то Красная площадь...

— Так его! — пришел в восторг Грубин. — Я сейчас мигом все осмотрю.

— Кстати, если не исследовать, куда ведет провал, — добавила Елена Сергеевна, — то не исключено, что завтра произойдет катастрофа в десяти метрах отсюда, вон там, например.

Все испуганно посмотрели в направлении, указанном Еленой Сергеевной.

Грубин присел на корточки и постарался разглядеть, что таится в провале. Но ничего не увидел.

— Фонарь нужен, — сказал он.

— Фонарь есть. — Из толпы вышел мальчик с длинным электрическим фонарем. — Только меня с собой возьмите.

— Здесь мы не шутки шутить собрались. — Грубин отобрал фонарь у мальчика. — Я пойду, а, Елена Сергеевна?

— Подождите. Нужно, чтобы туда спустился представитель музея.

— Так там нет никого. А вы отсюда будете контролировать.

Рядом с Еленой Сергеевной возник человек с фотоаппаратом.

— Я готов, — сказал он. — Я работаю в районной газете, и моя фамилия Стендаль. Миша Стендаль. Я окончил истфак.

— Так будем стоять или будем засыпать? — спросил экскаваторщик. — Простой получается.

— Идите, — согласилась с Мишей Елена Сергеевна.

— Тогда и я пойду, — сказал вдруг экскаваторщик. — Мне нужно посмотреть, куда землю сыпать. Да и физическая сила может пригодиться.

И на это Елена Сергеевна согласилась.

Удалов хотел было возразить, но потом махнул рукой. Не везет, так никогда не везет.

— Здесь неглубоко, — оповестил Грубин, посветив фонариком вглубь.

Он лег на асфальт, свесил ноги в провал и съехал на животе в темноту. Ухнул и пропал.

— Давайте сюда! — прилетел через несколько секунд утробный подземный голос.

Толпа сдвинулась поближе к краям провала, и Елена Сергеевна сказала:

— Отойдите, товарищи. Сами упадете и других покалечите.

— Сказано же, — оживился Удалов, — осадите!

Экскаваторщик спрыгнул вниз и подхватил Мишу Стендаля.

— Ну, как там? — крикнул Удалов. Он опустился на колени, крепко упершись пухлыми ладошками в асфальт, и голос его прозвучал тихо, отраженный невидимыми стенами провала.

— Тут ход есть! — отозвался снизу чей-то голос.

— Там ход есть, — повторил кто-то в толпе.

— Ход...

И все замерли, замолчали. Даже мальчишки замолчали, охваченные близостью тайны. В людях зашевелились древние инстинкты кладоискателей, которые дремлют в каждом человеке и только в редких деятельных натурах неожиданно просыпаются и влекут к приключениям и дальним странствиям.

3

Сверху провал представлялся Милице Федоровне Бакшт чернильной кляксой. Она наблюдала за событиями из окна второго этажа. Пододвинула качалку к самому подоконнику и положила на подоконник розовую атласную подушечку, чтобы локтям было мягче. Подушечка уместилась между двумя большими цветочными горшками, украшенными бумажными фестончиками.

Очень старая сиамская кошка с разными глазами взмахнула хвостом и тяжело вспрыгнула на подоконник. Она тоже смотрела на улицу в щель между горшками.

В отличие от остальных Милица Федоровна хорошо помнила то время, когда улица не была мощеной и звалась Елизаветинской. Тогда напротив дома Бакштов, рядом с лабазом Титовых, стоял богатый дом отца Серафима с резными наличниками и дубовыми колоннами, покрашенными под мрамор. Дом отца Серафима сгорел в шестидесятом, за год до освобождения крестьян, и отец Серафим, не согласившись в душе с суровостью провидения, горько запил.

Отлично помнила Милица Федоровна и приезд губернатора. Тот был у Бакштов с визитом, ибо обучался со вторым супругом Милицы Федоровны в пажеском корпусе. Хозяйка велела в тот вечер не жалеть свечей, и его высокопревосходительство, презрев условности, весь вечер провел у ее ног, шевеля бакенбардами, а господин Бакшт был польщен и вскоре стал предводителем уездного дворянского собрания.

Память играла в последние годы странные шутки с Милицей Федоровной. Она отказывалась удерживать события последних

лет и услужливо подсовывала образы давно усопших родственников и приятелей мужа и даже куда более давние сцены: петербургские, окутанные дымкой романтических увлечений.

В годы революции Милица Федоровна была уже очень стара, и за ней ходила компаньонка из монашек. С тех лет ей почему-то врезалось в память какое-то шествие.

Перед шествием молодые люди несли черный гроб с белой надписью «Керзон». Кто такой Керзон, Милица Федоровна так и не сподобилась узнать.

И еще помнился последний визит Любезного друга. Любезный друг сильно сдал, ходил с клюкой, и борода его поседела. Задерживаться в городе он не смог и вынужден был покинуть гостеприимный дом вдовы Бакшт, не исполнив своих планов.

Появление провала на Пушкинской отвлекло Милицу Федоровну от привычных мыслей. Она даже запамятовала, что ровно в три к ней должны были прийти пионеры. Им Милица Федоровна обещала рассказать о прошлом родного города. Задумала этот визит настойчивая соседка ее, Шурочка, девица интеллигентная, однако носящая короткие юбки. Милица Федоровна обещала показать пионерам альбом, в который ее знакомые еще до революции записывали мысли и стихотворения.

Шурочку Милица Федоровна разглядела среди людей, окруживших провал. На зрение госпожа Бакшт не жаловалась: грех жаловаться в таком возрасте.

Потом Милица Федоровна задремала, но сон был короток и непрочен. Нечто необъяснимое волновало ее. Нечто необъяснимое было связано с провалом. Ей привиделся Любезный друг, грозивший костлявым пальцем и повторявший: «Как на духу, Милица!»

Когда Милица Федоровна вновь открыла глаза, у провала уже командовала известная ей Елена Сергеевна Кастельская, худая дама, работавшая в музее и приходившая лет десять-пятнадцать назад к Бакшт в поисках старых документов. Но Милице Федоровне не понравились сухость и некоторая резкость в обращении музейной дамы, и той пришлось уйти ни с чем. При этом воспоминании Милица Федоровна позволила улыбке чуть тронуть уголки ее сухих, поджатых губ. Раньше губы были другими — и цветом, и полнотой. Но улыбка, та же улыбка, когда-то сводила с ума кавалергардов.

Тут Милицу Федоровну вновь сморила дремота. Она зевнула, смежила веки и отъехала на кресле в угол, в уютную полутьму у печки.

Сиамская кошка привычно прыгнула ей на колени. «В три часа придут... В три часа...» — сквозь дремоту думала Милица Федоров-

на, но так и не вспомнила, кто же придет в три часа, а вместо этого опять увидела Любезного друга, который был разгневан и суров. Взор его пронзал трепетную душу Милицы Федоровны и наэлектризовывал душный, застойный воздух в гостиной — единственной комнате, оставленной после революции госпоже Бакшт.

4

За те полчаса, что было открыто влиянию жаркого воздуха, подземелье почти не проветрилось. Вековая прохлада наполняла его, как старое вино. Миша Стендаль оперся на протянутую из тьмы квадратную ладонь экскаваторщика, прижал к груди фотоаппарат и сиганул туда, в неизвестность.

В провале стояла тишина. Тяжелое дыхание людей металось по нему и глохло у невидимых стен.

В голубом овальном окне над головой обрисовывался круглый предмет, превышающий размером человеческую голову. Из предмета донесся голос:

— Ну как там?

Голос принадлежал маленькому директору ремконторы, которого так ловко поставила на место старуха Кастельская из музея. Предмет был соломенной шляпой, скрывавшей лицо Удалова.

— Тут ход есть, — ответил другой голос, в стороне, неподалеку от Миши.

По темноте елозил луч фонарика. Грубин начал исследования.

— Там ход... ход... — шелестом донеслись голоса в толпе наверху. Голоса были далеки и невнятны.

Миша Стендаль сделал шаг в сторону хода, но наткнулся на спину экскаваторщика. Спина была жесткая.

Глаза начали привыкать к темноте. В той стороне, куда двигался Грубин, она была гуще.

— Пошли, — сказал экскаваторщик.

Миша по-слепому протянул вперед руку, и через два шага пальцы уперлись во что-то — испугались, отдернулись, сжались в кулак.

— Тут стена, скользкая, — прошептал Миша. Шепот был приемлемее в темноте.

Толстые, надежные бревна поднимались вверх, под самый асфальт. Комната получалась длинная, потолок к углу провалился. Дальняя стена, у которой стоял Грубин и шарил лучом, была кирпичной. Кирпичи осели, пошли трещинами. Посреди стены — ни-

зенькая, перетянутая, как старый сундук, железными ржавыми полосами дверь.

Грубин уже изучил дверь: замка не было, кольцо кованое, но за него тяни не тяни — не поддается.

— Дай-ка мне, — сказал экскаваторщик.

— Нет, — возразил Миша Стендаль. — На это мы не имеем права. У нас нет открытого листа. Надо хотя бы сфотографировать.

Миша Стендаль читал незадолго до этого книгу про то, как была открыта в Египте гробница Тутанхамона. Там тоже были дверь и исследователи перед ней. И момент, вошедший в историю.

— Мы не на раскопках, — возразил Грубин. — Там, может, тоже земля. И конец нашему путешествию.

— Чего уж! — сказал Эрик. — Директорша велела посмотреть, так мы посмотрим. Все равно Удалов своего добьется. Засыплет, и поминай как звали — у него план.

Экскаваторщик присмотрелся к двери.

— Ты фонарь держи покрепче. Не дрожи рукой. Сюда, левее...

Он стал похож на хирурга. Грубин ассистировал ему. Миша Стендаль — студент-практикант, человек без пользы делу.

— Она внутрь открывается, — сказал экскаваторщик. Нашел место, то самое, единственное, в которое надо было упереться плечом, и нажал.

Дверь заскрипела жутко, ушла в темноту, кирпичи зашуршали, оседая, и экскаваторщик — береженого бог бережет — прыгнул назад, чуть не сбив Мишу с ног. Фонарь погас — видно, Грубин отпустил кнопку, — в подвале возникла грозная тишина, и все были оглушены звоном в ушах.

— Что случилось? — спросил голос сверху. Голос был близок до странности. Вроде бы за эти минуты трое исследователей ушли далеко от людей, а тут, в трех метрах, Удалов задает вопросы голосом тревожным, но обычным.

— Полный порядок, — сказал экскаваторщик. Он бодрился и о прыжке своем уже позабыл. — Свети прямо, — приказал он.

Грубин послушался и посветил.

Экскаваторщик закрыл спиной большую часть двери — всматривался, а Миша Стендаль почувствовал обиду. Он был наиболее исторически образован и морально чувствовал себя вправе руководить поисками. Но экскаваторщик этого не чувствовал, и как-то случилось, что впереди был он. Миша даже сделал шаг, хотел оттеснить экскаваторщика и дать какое-нибудь пусть зряшное, но указание. Тут экскаваторщик обернулся и посмотрел на Мишу. Глаз его, в который попал луч фонаря, засветился желто и недобро.

Миша ощутил внутреннее стеснение и приостановил дыхание.

Там, за дверью, могли таиться сундуки с золотом и жемчужными ожерельями, серебряные кубки, украшенные сценами княжеской охоты на бой-туров, булатные мечи-кладенцы и скелет неудачливого грабителя — глазницы черепа черные, пустые... А экскаваторщик сейчас выхватит острый, чуть зазубренный от частого употребления кинжал и вонзит под сердце Стендалю.

Экскаваторщик отнял у Грубина фонарь: так ему было удобнее.

— Тоже комната, товарищи, — сказал он.

Скорчившись вдвое, он перешагнул высокий порог и пропал во тьме.

Грубин с Мишей стояли и ждали.

Изнутри голос произнес:

— Давайте за мной. Не оступитесь.

Вторая комната оказалась меньше первой. Луч фонаря, не успев достаточно расшириться, уперся желтым блюдцем в противоположную стену, порезав по пути светлым лезвием странные предметы и, что совсем непонятно, осветив пыльные гнутые стекла — бутыли, колбы и крупные сосуды темного стекла. Луч метался и позволял глазам по частям обозреть комнату — кирпичную, сводчатую, длинный стол посреди, — а дальний конец комнаты обвален и видится мешаниной кирпичей и железа.

— Типография, — определил Грубин. Помолчал. Подумал. — Может, здесь печаталась «Искра». Или даже «Колокол».

— Печатного станка нету, — резонно заметил экскаваторщик.

— Отойдите, — сказал Миша. — Ничего не трогайте. У меня вспышка. Сделаем кадры.

Послушались. В руках у Миши была техника. Его спутники технику уважали.

Миша долго копался, готовил в темноте аппарат к действию. Эрик помогал, светил начавшим тускнеть фонариком. Потом вспыхнула лампа. Еще раз.

— Все? — спросил экскаваторщик.

— Все, — кивнул Стендаль.

— На свет вынуть придется, — сказал Эрик. Он вернул фонарь Грубину, подхватил бутыль покрупнее и понес к выходу.

— Какого времени подвал? — спросил Грубин.

— Трудно сказать, — ответил Миша. — Вернее всего, не очень старый.

— Жаль, — произнес Грубин. — Второе расстройство за день.

— А первое?..

— Первое, когда думал, что землетрясение началось. Так вы уверены, товарищ Стендаль?

— Посуда довольно современная. И книги...

Миша подошел к столу, распахнул книгу в кожаном переплете.

— Ну, скоро? — спросил Эрик. — Там уже заждались.

— Наверху посмотрим, — решил Грубин. Подхватил еще одну бутыль и колбу.

Миша шел сзади с книгами в руках.

Шляпа Удалова отпрянула от провала. Зажмурившись от дневного, неистового сияния, Эрик протянул ему бутыль. Миша стоял в трех шагах сзади. Столб света, спускавшийся в провал, показался ему вещественным и упругим. Экскаваторщик, озаренный светом, был подобен скульптуре человека, стремящегося к звездам. Бутыль надежно покоилась у него на ладонях.

Вместо шляпы в провал спустились сухие руки Елены Сергеевны. Она приняла бутыль. Миша поднял вверх тяжелые фолианты.

— Вот так-то, — проговорил некто в толпе осуждающе. — А он засыпать хотел.

Удалов сделал вид, что не слышит. Он взял у Стендаля книги и положил их на асфальт. Рядом уже стояла бутыль, обросшая плесенью. Сквозь разрывы плесени проглядывала черная жидкость. Другие сосуды тоже встали рядом.

Удалову было холодно. Он даже застегнул верхнюю пуговицу синей шелковой рубашки. Удалова мучила совесть. Когда он вызвал экскаватор для засыпки провала, он действовал в интересах родного города. Его буйное воображение уже подсказывало страшные картины, торопившие к принятию мер и будившие энергию. Одна картина представляла собой автобус с пассажирами, едущий по Пушкинской улице. Автобус ухнул в провал, и только задний мост торчит наружу. А рядом иностранный корреспондент щелкает неустанно своим аппаратом, и потом в обкоме или даже в ЦК смотрят на фото в иностранной газете и говорят: «Ну уж этот Удалов! Довел-таки до ручки городское хозяйство в своем древнем городе!» И качают головами.

Была другая причина — куда более трагичная. Малое дитя в школьном передничке бежит с прыгалками по мостовой. И вокруг летают бабочки и певчие птицы. И ребенок смеется. И даже Удалов, наблюдающий за этой картиной, смеется. И вдруг — черной пастью провал. И отдаленный крик ребенка. И только осиротевшие прыгалки на растерзанном трещинами асфальте. И мать, несчастная мать ребенка, которая кричит: «Ничего мне не надо! Дайте мне только Удалова! Дайте его мне, я разорву его на части!..»

Пока не приехал экскаватор, Удалов неустанно боролся со своим воображением и все оглядывался, не бежит ли ребенок с прыгалками, не видел ли иностранный корреспондент, которому здесь делать нечего.

Удалов верил, что в провале ничего не обнаружится. Сколько их было на его памяти, и ничего не обнаруживалось. Он и причуды Кастельской не принял всерьез. Просто не стал воевать с общественностью. Накладно. Все равно засыплем. Все провалы — и тот, у архиерейского дома, и тот, что был на строительстве бани, и тот, у мясокомбината, — все они вызывали оживление в районном музее, даже в области. Но Удалову и городским властям никакой радости — провал не запланируешь. В провале есть что-то постыдное для хозяйственного работника — стихия мелкого порядка, пакостная стихия.

Теперь у ямы стояли бутыли. И книги. И были они не только прошлым — будущим тоже. Будущим, в котором имя Удалова будут склонять работники культуры вплоть до Вологды и корить за узкоглядство. Он даже слово такое знал — «узкоглядство». Так что надо было спасать положение и руководить.

— Много там добра? — спросил Удалов, приподнимая шляпу и показывая щенячий лоб с залысинками.

— Целая лаборатория, — ответил из-под земли экскаваторщик, который уже забыл о своей первоначальной задаче — переметнулся.

— Стоит законсервировать находку, — отозвался Миша из-за спины экскаваторщика. — Пригласить специалистов из области.

— Ошибка, — трезво рассудил Удалов. — Специалисты у нас не хуже областных. У нас есть, товарищи, Кастельская!

Последнее слово он произнес громко, будто ждал аплодисментов. И удивительное дело — есть такая особенная интонация, которую знают люди, поднаторевшие в речах, и эта интонация заставляет присутствующих сложить ладони одна к другой и бессознательно шлепнуть ими.

При слове «Кастельская» в толпе раздались аплодисменты.

Удалов потаенно улыбнулся. Он овладел толпой. Положение спасено. Подвал будет засыпан.

Елена Сергеевна в любом другом случае на такой ход не поддалась бы. Отшутилась бы, съязвила — она это умела делать. Но тут, пока стояла и ждала, что найдут, пока смотрела на принесенные вещи, поняла — нет смысла начинать войну с Удаловым. Вещи были не бог весть какими древними.

— Сейчас мы, товарищи, под наблюдением Елены Сергеевны спасем культурные ценности и отправим их в музей. Правильно?

— Правильно, — сказали слушатели.

— Ну, где у нас культурная ценность номер один?

Корнелий посмотрел на большую бутыль и поймал себя на жгучем желании наподдать ногой по ценности номер один. Даже захотелось сказать народу, что все эти штуки — дореволюционная самогонная мастерская. Но Удалов сдержался.

Исследователи подземелья, прослушав речь Удалова, пошли снова в дальнюю комнату выносить остальные вещи. Удалов послал гонцов в универмаг за оберточной бумагой. Елена Сергеевна присела на корточки и подняла одну из книг. Осторожно, поддев ногтем, открыла ржавые застежки переплета и перевернула первый лист.

Зрители склонились над книгой и шевелили в два десятка губ, разбирая ее название.

5

Милица Федоровна проснулась. Ее томило предчувствие. В виске по-молодому тревожила-билась жилка. Что-то произошло за минуты сна. Каретные часы Павла Буре показывали три. Альбом в сафьяновом переплете лежал на столе, был приготовлен для чего-то. Сквозь стекло, с улицы, прилетали обрывки голосов. Надо было вернуться к окну. Тогда мысли проснутся, как проснулось тело, и все станет на места. Потревоженная кошка удивилась резвости движений хозяйки. Портреты знакомых, акварели и желтые фотографии взирали на Милицу Федоровну равнодушно или враждебно. Одни умерли давно, другие не простили госпоже Бакшт завидного долголетия.

Розовая подушечка ждала на подоконнике. Милица Федоровна уперла острый локоток и выглянула между горшками. На улице мало что изменилось. Толпа поредела. Перед Еленой Сергеевной Кастельской стояли на асфальте какие-то предметы и бутыли старинного вида. Сама же музейная дама на корточках, в непристойной возрасту позе, листала трепаную книгу.

Значит, подвал не пуст. В подвале оказались находки. Милица Федоровна заставила себя задуматься. В мозгу вздрогнули склеротические сосуды, живее побежала кровь, и по дому разнесся тихий треск — будто заводили бронзовым ключиком старые часы.

Куда вел ход из того подвала? Ведь не с улицы заходили в него?.. К отцу Серафиму? Нет, дом его, пока не сгорел, стоял в глубине, за кустами персидской сирени. Может, в дом, соседний с бакштовским, по той же стороне? И того быть не могло — там испокон веку был лабаз. Может, во флигель? Там были зеленые ставни с прорезями в виде сердец. И что-то еще связано с флигелем...

— Милица! — Мужской голос возник от двери, голос знакомый и вечно молодой. — Не пугайтесь. Вы узнаете меня?

— Я не пугаюсь, друг мой, — ответила Милица Федоровна, стараясь обернуться. Ответила степенно и тихо. — Я отвыкла пугаться. Подойдите к свету.

Старик подошел поближе к окну. Он тяжело опирался на суковатую палку из самшита. Борода седая, в желть, недавно подстрижена. Грубый запах одеколона «Шипр», запах дешевой парикмахерской, разнесся по комнате, чужой другим, обжившимся здесь запахам. Те, родные — нафталиновый, ванильный, шерстяной, камфарный, — толкали пришельца, гнали его, но шипровый нагло занял самую середину комнаты.

— Простите, Милица, — сказал старик. — Я сейчас из парикмахерской.

— Давно у нас, Любезный друг? — спросила Милица Федоровна. Она протянула старику тонкую, изящную, хоть и опухшую подагрически в суставах руку.

Старик оперся покрепче о палку, нагнулся и поцеловал пальцы.

— Сдал я, — сознался он, распрямляясь. — Сильно сдал.

— Садитесь, Любезный друг, — предложила Милица Федоровна. — Там стул есть.

— Спасибо. Я с черного хода пришел. Задами. Не хотел встречать людей.

— Надолго к нам?

— Не скажу, Милица. Сам не знаю. Если то дело, что ранее не совершил, удастся — может, задержусь. А то помирать придется.

— Не говорите о смерти, — запротестовала Милица. — Она может услышать. Мы слишком слабо связаны с жизнью. Нить тонка.

— Пустое, — проговорил Любезный друг. — Вами, Милица, движет любопытство. Это значит — вы еще живы.

— Там странное, — сказала Милица Федоровна. — Провалилась мостовая. Волнуются, бегают.

— Суета сует, — сказал старик. — Сколько я вас не видел? Лет пятьдесят.

— Вы опять за свое.

— Я и прям неделикатен. И жизнь меня ожесточила. Пятьдесят лет — большой срок.

Милице Федоровне не хотелось расспрашивать гостя о том, что произошло с ним за эти годы. Для нее они протекли однообразно. Одиноко. Иногда голодно. Последнее время — лучше. Соседи выхлопотали старухе пенсию. Нет, лучше не расспрашивать. Пусть будет встреча, хоть и долгожданная, без времени, вне его пут и шагов.

Старик осмотрелся. Портреты узнали его. Он их признал тоже. Кивнул вежливо. Те в ответ закивали, взмахнули бакенбардами,

бородами, усами, многократно улыбнулись знаменитой улыбкой Милицы, пожали обнаженными плечами, качнули локонами и кудрями...

Милица смотрела на него, узнавала то, что уже скрылось под сетью морщин. Предчувствия и сны указывали верно — Любезный друг пришел.

— Откройте форточку, — попросила Милица, стесняясь своей немощи. — Мне душно. А встаю редко. Весьма редко.

Старик встал, подошел к окну. Был он высок. Взглянул, открывая форточку, на улицу, вниз, увидел дыру в асфальте и книги рядом. И бутыли с ретортами.

— О боже! — сказал он. Сказал, как человек, к которому смерть пришла за час до свадьбы.

Старик вцепился в раму, и узловатые пальцы заметно побелели. Ноги не держали его.

— Что с вами? — спросила Милица, не поняв причины смятения. — Вам плохо?

Старик не смотрел на нее.

— Ничего, — ответил он. — Это пройдет. Все пройдет.

— Кстати, — проговорила успокоенная Милица Федоровна, которой знакомы по себе были приступы слабости и удушья, — куда бы мог вести ход из этого подвала?

— Куда?

— Ну конечно. Я сначала подумала — не в дом ли отца Серафима? Вы помните отца Серафима? Он страшно пил, когда дом у него сгорел. Нет, думаю, не туда. Тот дом в глубине стоял. Еще колонны были покрашены под мрамор. И лабаз рядом. Зачем лабазу такой подвал?.. Может, в лабаз?

— Не в лабаз, — прохрипел старик. — Не в лабаз. Какой еще лабаз? Ход к вам шел во флигель. Господи, несчастье-то какое...

«Правильно, — резонно подумала Милица Федоровна. — Конечно, выход из подвала должен быть под флигелем». Но она такого не помнит. Совсем не помнит. Запамятовала. А может, и не знала о подвале.

А Любезный друг сердился. Глаза его увеличивались, росли и гневались. И он взлетел под потолок, и оттуда грозил сухим пальцем, и говорил беззвучно...

Это Милице Федоровне уже снилось. Она задремала. Старик не взлетал и не грозил пальцем. Он стоял, прислонившись лбом к стеклу, и тяжко стонал.

6

Елена Сергеевна задерживалась. Шурочка отвечала на Ванины вопросы, и было это подобно клубку — ниточка тянулась, вопрос за вопросом, и смысла в них не заключалось. За беготней Шурочка чуть не забыла — обещала с пионерами пойти на экскурсию к старухе Бакшт.

Кукушка нехотя выползла из деревянных ходиков и два раза скрипнула, не раскрывая клюва. На третий раз ее не хватило. Стрелки стояли на трех без пяти. А Елены Сергеевны все не было.

В магазине Шурочку отпустили после обеда. Там не хватятся. Но пионеры ждут.

— Пошли погуляем, Ванечка, — сказала Шура, подлизываясь. (Ванечка мог и не пожелать.) — Может, бабушку найдем.

Шурочка убедила Ваню надеть панаму. Ваня потащил за собой танк на спичечных коробках — согласился гулять на таких условиях.

На мосту через Грязнуху Шурочку с Ваней обогнали знакомые из речного техникума. Дюжие мальчики на велосипедах. Ехали с купания и потому были бодры. Увидев Шурочку, стали делать вид, что Ваня — ее сын, отчего очень развеселились. Шурочка обиделась на грубые шутки, Ваня испугался, захотел вниз к речке — посидеть на берегу. Он бил каблуками по булыжникам и упирался. Речникам надоело шутить на жаре, они нажали на педали. Один отстал, обернулся, сказал, что купил два билета в кино, на девять, и будет ждать. Шурочка почти не слушала. Она уговаривала Ваню.

— Ванечка, — говорила она, — пойдем к бабушке. Я тебе конфетку дам, «Золотой ключик».

— *Нельзя мне конфеты... — канючил Ваня. — Я хочу ананас.* У меня коренной зуб болит...

— А мы сейчас посмотрим твой зуб, — послышался добрый голос сзади. — И, может, даже вырвем его с корнем.

Провизор Савич поравнялся с ними. Он возвращался с обеда в аптеку.

— Я за Елену Сергеевну посидеть взялась, — сказала Шурочка. — А она не идет.

Савич посмотрел на внука Елены Сергеевны и пожалел, что нет с собой конфеты или другого предмета, которые обычно дарят детям. У него детей не было, а могли бы быть внуки.

— Я хочу золотую рыбку поймать, — сообщил Ваня, не испугавшись доктора.

— Золотая рыбка достается трудом, мальчик, — произнес Савич. Он не умел говорить с детьми.

— Я буду с трудом, — согласился Ваня.

Шурочка воспользовалась разговором и сдвинула Ваню с места. Савич шел рядом и старался по-свойски говорить с ребенком, но отвечал невпопад. Провизор в это время думал о жизни, которая не удалась.

От снесенных торговых рядов осталась башня с часами. Сначала ее использовали как каланчу, а потом пристроили четырехэтажный дом для исполкомовцев и прикрепили электрические часы, что висят на столбах в больших городах, — круглые и неточные. Часы показывали десять минут четвертого.

— Ой! — испугалась Шурочка. — Нас пионеры ждут. Мы побежали...

Ваня бежать согласился: Савич ему надоел. Шурочка с Ваней побежали к школе, и за ними по пустой горячей мостовой запрыгал танк, сделанный из тома «Современника» и спичечных коробков. Один из коробков вскоре оторвался и остался лежать на мостовой. Провизор поднял его. Повертел рассеянно в пальцах. На коробке было изображено дерево без листьев и написано: «Себялюбивый человек засыхает, словно одинокое бесплодное дерево. Тургенев».

Шурочка увлекла Ваню в переулок. У новой кирпичной школы стоял дуб. Дуб был очень стар. Завуч школы любил повторять древнее предание о том, как землепроходец Бархатов, перед тем как уйти открывать левые притоки Амура, посадил дуб в родном городе. Завуч сам это предание и выдумал. Новому директору музея оно нравилось. Он надеялся найти ему документальное подтверждение.

В тени дуба маялись шесть пионеров из исторического кружка. Летом кружок не занимался, но Шурочка разыскала его активных членов, оставшихся в городе, и уговорила пойти к старухе Бакшт.

Стояла жара, и пионеры беспокоились. Они любили историю, но им хотелось купаться.

Золотая челка Шурочки Родионовой прилипла ко лбу. Рядом семенил дошкольник.

Пионеры зашевелились и достали записные книжки.

— Пошли, ребята, — сказала Шурочка, — а то опоздаем.

Пионеры нехотя выползли на солнцепек.

Путь их лежал мимо провала, и потому начало экскурсии пришлось отложить еще на несколько минут. Пионеры влились в толпу у ямы, через минуту были уже в курсе всех событий, и Шурочка, даже если захотела бы увести их в дом к Бакшт, не смогла бы этого сделать.

Удалов под наблюдением Елены Сергеевны заворачивал в

оберточную бумагу принесенные вещи. Эрик с Грубиным вынимали из подземелья последние предметы, Миша Стендаль принимал их, складывал на асфальт.

Пахло одеколоном «Шипр». Запах испускал высокий костлявый старик с желтоватой, недавно подстриженной бородой. Старик нервничал, ломал корявые пальцы.

Провизор Никита Савич, обогнавший Шурочку, увидел Ваню и вернул ему спичечный коробок.

— Баба, — сказал Ваня, — пошли домой.

— Ты что тут делаешь? — удивилась Елена Сергеевна. — Где Шурочка?

— Я здесь, — откликнулась Шурочка. — Я беспокоиться начала, куда вы пропали, но потом пошла с Ваней и вспомнила: у меня экскурсия и пионеры ждут, и мы пошли в школу и зашли к вам.

Ваня тем временем заинтересовался дыркой в земле, подошел поближе, нагнулся и свалился в провал. Толпа ахнула.

Но с Ваней ничего страшного не случилось. В этот момент кверху поднимался стул. Ваня встретился с ним на полпути, упал на него и через несколько секунд уже вернулся на поверхность.

Однако его падение послужило завязкой других событий.

К провалу бросились провизор Савич, старик, пахнувший одеколоном «Шипр», Миша Стендаль и Удалов, который понял, что его видение оказалось вещим. Четверо столкнулись над провалом и помешали друг другу подхватить ребенка. Удалов, самый несчастливый, натолкнулся на старика, потерял равновесие и кулем свалился вниз.

В замешательстве, вызванном возвращением Вани и исчезновением Удалова, старик с палкой неожиданно подхватил одну из бутылей, отбросил самшитовую палку и, взметывая колени, побежал по улице.

Елена Сергеевна прижимала к груди ничуть не испуганного Ваню. Она этого не видела.

Провизор Савич хотел было крикнуть: «Стой!», но счел неудобным. Только Миша Стендаль, быстро сообразивший, что к чему, бросился вслед. Старик нырнул за угол.

За углом был двор. Во дворе стояла бутыль. Старик прислонился к стенке. Он дышал редко, втягивая воздух, как чай — с хлюпаньем.

— Возьмите, — сказал он. — Я пошутил. Только не разбейте.

Стендаль все-таки сделал шаг к нему, не к бутылке. Бутыль сама не уйдет.

— Не трогайте меня, — произнес старик строго. — Возьмите бутыль и идите обратно.

В глазах старика вспыхнули яростные огни, и Стендаль не посмел ослушаться.

Он обнял бутыль, тяжелую и согревшуюся под солнцем. Повернулся и шагнул за угол. И встретил остальных преследователей. Он шел быстро, решительно, и никто не подумал, что преступник не задержан. Люди послушно последовали за бутылью. Так и вернулись к провалу.

Тем временем Грубин и экскаваторщик вытащили Удалова, у которого была повреждена рука. Первую помощь ему оказали в аптеке.

Добычу понесли в музей. Идти недалеко, и помощников достаточно: впереди шла Елена Сергеевна, вела за руку Ваню и несла одну из книг, потоньше прочих, порастрепанней. За ней Миша Стендаль с двумя бутылями. Темная жидкость полоскалась в них и раскачивала Мишу. Фотоаппарат бился между бутылями и стучал в грудь.

Потом шли пионеры с Шурочкой во главе. Каждому досталось по находке. Последним шел экскаваторщик Эрик и нес стул.

Музей был заперт по случаю выходного дня. Но сторожиха вышла с ключами — она хранила верность старому директору, хотя и дотошной, но образованной.

Елена Сергеевна прошла прямо в кабинет директора. Там все и сложили частично на пол, частично на кожаный диван для посетителей из области.

Когда все ушли, Елена Сергеевна уложила Ваню на диван, подвинув находки, а сама провела еще час, проглядывая книги и разбирая надписи на бумажках, приклеенных к бутылям костяным клеем. Потом две малых бутылки заперла в сейф, а с собой взяла потрепанную тетрадку.

Ваня все время хныкал, требовал мороженого. Елена Сергеевна была задумчива, вспоминала прочитанное, недоуменно покачивала головой.

...Удалову Савич наложил шины и спросил, дойдет ли он сам до больницы сделать рентген. Но Удалову стало совсем худо. Он лежал в комнате, где делают лекарства. Обе молоденькие помощницы Савича ему сочувствовали, и одна принесла воды, другая приготовила шприц — сделать обезболивающий укол. Но Удалова это внимание не трогало. Его мутило от аптекарского запаха, который ни девушки, ни провизор не замечали, привыкли. Грубин рассматривал химикалии, запоминая на будущее, что есть в наличии: может, когда-нибудь пригодится.

Савич позвонил по телефону, и приехала «Скорая помощь».

Приехала с опозданием — пришлось объезжать по переулкам: провал мешал движению.

Удалов все порывался отдать распоряжения, но голос ему отказывал. Ему казалось, что он говорит, но окружающие слышали только невнятные стоны и послушно кивали, чтобы успокоить больного. Корнелию, отуманенному уколом и дурнотой, чудилось, как не засыпанный вовремя провал начинает осыпаться с краев и поглощать дома. Вот уполз внутрь универмаг, и через черный ход выскакивают продавщицы во главе с Вандой Казимировной. И пытаются спасти некоторые товары из ювелирного отдела. За универмагом — Корнелий увидел это явственно — уползает в глубь земли церковь Параскевы Пятницы (слава богу, что хоть покрасить не успел), архивные материалы, сметенные катаклизмом, вырываются из узких окон и взлетают белыми лебедями в гуслярское небо. А навстречу архиву в пропасть едет речной техникум. Толстостенные монастырские здания сопротивляются земному тяготению, гнутся на краю. Дюжие мальчики, взявшись за канаты, стараются помочь своим общежитиям и классным комнатам, но все без толку — как нитки, рвутся канаты, бегут врассыпную мальчики, и монастырь, вплоть до золотых куполов, проваливается в бездну...

Тут Корнелий Удалов потерял сознание. Грубин проводил носилки с Удаловым до «Скорой помощи», попрощался с провизором и его помощницами, велел врачам активнее бороться за жизнь и здоровье больного, потом пошел домой.

Первое дело было самым тяжелым — рассказать жене соседа о беде.

Грубин постучал к ней в дверь.

— Ну как? — спросила Ксения Удалова, не оборачиваясь. Она была занята у плиты, готовила обед. — Обменяли?

— Корнелий в больницу попал, — без подготовки сказал Грубин. — Да!

Жена Корнелия уронила кусок мяса мимо кастрюли, прямо в помойное ведро.

— Что с ним? Я не переживу... — прошептала она.

— Ничего страшного, — смягчил удар Грубин, — руку вывихнул. Максимум — трещина в кости.

Жена Корнелия смотрела на Грубина круглыми злыми глазами — не верила.

— А почему домой не пришел? — спросила она.

— Ему в больницу пришлось идти. Может срастись неправильно. Но врачи обещают — все обойдется.

Жена Корнелия все не верила. Она сняла фартук, бросила на пол, и фартук мягко опустился вниз, храня форму ее объемистого

живота. Она наступала на Грубина, как пума, у которой хотят отнять котенка, будто Грубин во всем виноват. Мысли ее были сложными. С одной стороны, она не верила Грубину, думала, что хочет успокоить, а в самом деле Удалову плохо, очень плохо. Но тут же, зная мужа, она предполагала заговор: пребывание Удалова в пивной или, того хуже, в вытрезвителе. Такого с Удаловым не случалось, но случиться должно было обязательно в силу его невезучести.

— Где он? — требовала она.

И Грубин не верил глазам своим. Еще вчера вечером была она добра к нему, стучалась в холостяцкую комнату, звала пить чай.

— В городской больнице, — сказал Грубин быстро, мотнул шевелюрой, шмыгнул к себе, двери захлопнул и прислушался — не рвется ли?

Не рвалась. Выскочила во двор и побежала к больнице. Грубин снял черный пиджак, постоял немного, держа его на вытянутой руке. От пиджака веяло жаром, исходил пар. В шкафу скреблись.

— Погоди. — Грубин положил проветренный пиджак на аквариум. Достал ключик, отворил шкаф.

Ворон вышел на пол, застучал когтями, разминаясь, расправил крылья, поглядел зло на аквариум и по-куриному протрусил к старому кожаному креслу с вылезающими пружинами.

Кресло, как и многое другое в комнате Грубина, досталось ему почти задаром, через лавку вторсырья, которой он заведовал. Любая вещь, кроме микроскопа, стоявшая, лежавшая либо валявшаяся в углу, была добыта им по случаю и могла похвастаться длительной историей.

Взять, к примеру, кресло. Пружины его были сломаны от излишнего пользования, торчали опасно. Один подлокотник был начисто лишен кожи, второй — цел. Очевидно, владелец любил опираться на локоть. Еще были два пореза на сиденье, будто кто-то вспарывал кресло саблей, да сквозные отверстия в спинке. Может быть, стреляли в спину сидевшему. Картину дополняли всевозможные пятна, от чернильных до яичных, разбросанные в различных местах.

Ворон метко вспрыгнул на кресло, чтобы не напороться на обломок пружины, нахохлился.

Ворон был обижен недоверием.

— Хочешь погулять? — спросил Грубин.

Он подошел к окошку и открыл его.

Ворон еще с минуту крепился, обижался. Потом прыгнул на подоконник. И улетел.

— Ну ладно. — Грубин заткнул за пояс голубую майку. Идти на

рынок, открывать лавку, принимать от населения бутылки и вторичное сырье не хотелось. День вышел увлекательный.

Грубин поднял ногу, повозил ею о другую, стаскивая ботинок. Повторил операцию со вторым ботинком. Со двора в комнату плыли истома и медовый запах лип. Грубин улегся на кровать с никелированными шарами на спинке, но спать не стал — смотрел, как на захламленном верстаке крутится, поскрипывает «вечный двигатель». Маленький, опытная модель. Двигатель крутился второй месяц, только в плохую погоду отсыревал, и его приходилось тогда подталкивать рукой.

Грубин был доволен жизнью. Она ничего не требовала от него, но оставляла время для невинных удовольствий и рукоделий.

7

Шурочка подвела пионеров к комнате Милицы Федоровны Бакшт. С ними увязался Миша Стендаль. Пришлось и его взять. Постучала осторожно. Знала, что у старухи слух хороший. Если не спит, откроет. Прислушалась. Ей показалось: за дверью голоса, шепот, шаги. Потом стихло.

— Сейчас, — сказала за дверью Бакшт. — Входите.

Все в комнате как прежде: та же застойность замкнутого воздуха, те же акварели и гравюра на выцветших обоях, банки с дремучими цветами на подоконнике, в углу фикус в расползшейся кадке. Милица Федоровна сидит за круглым столом. На скатерти, темно-зеленой, чуть тронутой молью, альбом в красном сафьяновом переплете с золотыми застежками в виде львиных голов.

Милица Федоровна выглядела странно. Она будто утеряла долю своей царственности, обмякла, сломалась. Редкие белоснежные волосы, сквозь которые просвечивала розовая сухая кожа, чуть растрепались на висках, чего никогда ранее не было. Пергаментные щеки были в пятнах, темных, почти красных.

— Извините, — сказала Шурочка. — Мы к вам пришли, как договаривались. Вы нам рассказать обещали.

— Помню. — Бакшт кивнула. — Пусть дети войдут.

Дети вошли, поздоровались. Старуху Бакшт они раньше не видели и удивились, что бывают такие старые люди. Голова Милицы Федоровны совсем ушла в плечи, руки раскинулись и лежали на столе будто чужие, неживые. Нос спустился к верхней губе, и даже на нем были глубокие морщины. Только глаза, большие, серые, в темных ресницах, разнились от остального.

— Садитесь, — предложила Милица Федоровна. — Ведите себя тихо и не курите.

— Не курю, — сказал Стендаль, потому что Шурочка посмотрела на него строго.

— Я не могу уделить вам время, коего вы бы желали, — продолжала старуха. — Посмотрите мой альбом. Подойдите к столу, не робейте.

В комнате произошло движение, воздух качнулся, запахи шафрана, камфары, ванили перемешались между собой, и к ним прибавился выскочивший из-за ширмы запах одеколона «Шипр».

Стендаль потянул носом, посмотрел на ширму. Из-под нее были видны носки мужских сапог. Знакомые носки. Сапоги принадлежали старику-похитителю. Но Миша ничего резкого предпринимать не стал. Пока дети склонялись над альбомом, начал незаметно передвигаться к ширме.

— На этой фотографии, — говорила размеренно старуха, — изображена я в форме сестры милосердия.

— До революции? — спросил рыженький пионер.

— Да, в Севастополе.

Значение этих слов ускользнуло от пионеров. Шурочка удивилась. Она этот альбом раньше не видела. Средних лет женщина в длинном белом платье и наколке на голове стояла на фоне мешков с песком, окружавших старинную пушку. По обе стороны ее — офицеры в высоких фуражках. Лицо одного было чем-то знакомо...

— Кто это? — спросила Шурочка.

— Один знакомый. Не помню уж сейчас, как его звали, — сказала Бакшт. — Кажется, Левочкой.

Стендаль продолжал движение к ширме. Он наступал на носки и только потом опускал пятки. Пока его движение не было замечено.

— А тут стихи поэта Полонского. Вы, очевидно, не знаете такого. Это был отличный поэт. Сам государь император высоко о нем отзывался. Стихи были посвящены хозяйке дома.

Милица Федоровна начала читать их на память, и пионеры следили за ней по тексту. Читала она правильно.

До ширмы оставалось метра полтора. Носки зашевелились и отступили вглубь. Облезлая серая кошка выскочила из-под ширмы и бросилась на грудь Стендалю. Миша от неожиданности отскочил. Чуть не свалил фикус.

— Господи! Что происходит? — закричала молодым голосом Милица Федоровна.

— Кошка, — объяснил Стендаль.

— Вернитесь немедленно сюда, — велела Милица Федоровна. — В ином случае я буду вынуждена указать всем на дверь.

— Я ничего... — смутился Стендаль. — Мне показалось...

— Миша! — строго произнесла Шурочка.

В комнате наступил мир. Стендаль вернулся к столу.

Он тоже стал смотреть альбом, но глазом косил на ширму. Кошка улеглась старухе на колени и тоже косила глаза — на Мишу. Как бы угрожала.

— А теперь обратимся к моей молодости, — сказала Бакшт. Она торопилась, волновалась. Говорила громко.

На следующей странице была нарисована акварелью девушка в платье с глубоким вырезом на груди.

— Это я, — сказала Милица Федоровна. — В бытность мою в Санкт-Петербурге. А эти стихи написал мне в альбом Александр Сергеевич Пушкин. Он танцевал со мной на балу у Вяземских.

Пионеры, Шурочка и Стендаль замерли как пораженные громом. Старуха сказала эти слова так просто, что не оставалось места для недоверия. Страница была испещрена быстрыми летучими буквами. И внизу была подпись: «Пушкинъ».

В этот момент из-за ширмы быстро вышел старик с желтоватой бородой и, в два шага достигнув двери, исчез за нею, унеся с собой настойчивый одеколонный запах. Никто не заметил его. Даже Стендаль. Только сиамская кошка проводила его разными глазами: один — красный, другой — голубой.

8

Вечер, пожалев измученный жарой и происшествиями город, выполз из-за синего леса, отогнал солнце к горизонту и принялся играть красками заката. Пыль отсвечивала розовым, дома порозовели, зазолотились стекла. Лишь провал оставался черным на сизом асфальте. Вокруг уже было надежное ограждение: веревки на столбиках. Все смягчилось — и воздух, и люди. Кто шел в кино или просто погулять, останавливались у провала, распространяли различные слухи о сказочных находках, сделанных в нем.

Рассказывали об одном экскаваторщике, унесшем втихомолку золотую цепь в два пуда весом, и хвалились знакомством с ним. Указывали на следователя, что гулял с женой по Пушкинской, уверяли, что не гуляет, а выслеживает. Экскаваторщику сильно завидовали, но надеялись, что его поймают и дадут по заслугам.

Удалов лежал у окна в небольшой палате. Боль в руке утихла. Грубин угадал — оказалась трещина. Хоть в этом повезло. Обещали завтра отпустить домой. Прибегала жена. Сначала беспокоилась, сердилась, потом оттаяла, принесла из дома пирог с капустой. Перед уходом постояла у окна, подержала мужа за здоровую руку.

Прибегал сын Максимка, приводил друзей из школы, хвастался отцом в больничном окошке.

Проходившие люди кивали, здоровались. Удалову внимание надоело, он отодвинулся от окна, подогнув ноги и переложив подушку на середину кровати. Он не знал, что его имя также склоняют в связи с сокровищем. Одни говорили, что Удалов пострадал, задерживая человека с золотой цепью. Другие — что старался убежать вместе с преступником для дележа добычи, но оступился.

Пришел к провалу и провизор Савич. Посмотрел в непроглядную глубину и решил все-таки зайти в гости к Елене. Давно не был. Домой ему идти не хотелось.

Пока Савич добрался до Кастельской, наступили сумерки. Первые фонари зажелтели по улицам. В окне Елены горел свет. Она читала. Савич вдруг оробел.

Напротив, у автобусной остановки, стояла скамейка — чугунные ножки в виде лап. Савич сел, сделал вид, что поджидает автобус, а сам повторял мысленно речь, которую произнес бы, если бы набрался храбрости и вошел к Елене.

Он сказал бы: «Елена, сорок лет назад мы не закончили разговора. Я понимаю, дело прошлое, время необратимо. Где-то на перекрестке мы избрали не ту дорогу. Но если, Елена, ошибку нельзя исправить, в ней стоит хотя бы признаться».

Темнело медленно, и небо на западе было зеленым. Дюжий мальчик из речного техникума не дождался Шурочку на девятичасовой сеанс, продал лишний билет и пошел один. И пил с горя лимонад в буфете.

Удалов поужинал без аппетита и задремал, обдумывая один план.

Старухе Милице Федоровне Бакшт не спалось. Она достала трость, с которой выходила в собес или на рынок, накинула кашемировую шаль с розами темно-красного цвета и пошла погулять. По пути раздумывала, не совершила ли ошибки, показав автограф Пушкина пионерам. Но дело шло о ее женской чести — Любезному другу надо было уйти незамеченным.

Грубин проснулся, покормил рыбок, потушил свет и отправился проведать соседа, Корнелия Удалова.

Ванда Казимировна, директор универмага и супруга Савича, съела в одиночестве остывший ужин, взгрустнула и стала мучиться ревностью.

Совсем стемнело. Над лесами собралась гроза, и зарницы вырывались из-за гребенки деревьев, будто злоумышленник сигналил фонарем.

Удалов шептался с Грубиным, стоявшим под окном больницы. Удалов решил убежать и ждал удобного момента. Назавтра ему вновь собирались делать рентген и процедуры — он их боялся. Было и другое соображение. Кончался квартал — надо срочно покончить с провалом и другими недостатками. Удалов сильно рассчитывал на премию.

Сторожиха музея проверила, заперты ли все двери-окна. Посидела на лавочке под отцветшим кустом сирени, но комары скоро прогнали ее в дом. Она вздохнула, перекрестилась на здание городского архива и ушла.

На реке было тихо, и ее лента с черными полосками заснувших барж была чуть светлее синего неба.

Во двор музея вошел старик с тяжелой палкой. Запах одеколона отпугивал комаров, те кружили, кричали комариными тонкими голосами, сердились на старика, но сесть не осмеливались. Старик медленно поднялся по лестнице на крыльцо, не спешил, утихомиривая скрип ступенек. Прислушался у двери, рассеянно водя пальцем по стеклянной вывеске «Городской музей».

Из парка долетало буханье барабана — играли вальс «На сопках Маньчжурии». Никого.

Старик вынул из кармана отмычку и принялся елозить ею в солидном музейном замке. Замок долго сопротивлялся — старый был, надежный, — но поддался, оглушительно щелкнул. От замочного звука заахали, замельтешили окрестные собаки. Старик поглядел на дверь сторожки — нет, сторожиха не обеспокоилась... Старик снял замок, положил осторожно на перила и потянул на себя дверь, обшитую коленкором. Тянул и ждал скрипа. При скрипе замирал, потом снова на полвершка оттягивал дверь на себя. Наконец образовалась щель. Старик просунул вперед палку, потом сам проскользнул внутрь с ловкостью, неожиданной для своего возраста. Прикрыл за собой дверь. Прислонился к ней широкой сгорбленной спиной и долго хрипел — отдыхал от волнения.

Сначала старик сделал ошибку — отправился в музейные фонды. Он знал расположение комнат. В темноте спустился вниз, в полуподвал, поработал отмычкой над фондовой металлической дверью — торопился и потратил на открывание минуты три. Анфилада фондовых комнат тонула во тьме. Старик вынул из кармана тонкий, с авторучку, фонарик и, прикрывая его ладонью от окон, медленно прошел по комнатам.

Портреты уездных помещиков в золотых багетах глядели со

стен, разрозненные гарнитуры, впритык друг к другу, заполняли комнаты. В шкафах таились выцветшие сарафаны, купеческие платья и мундиры городовых. Керосиновые лампы с бронзовыми и фарфоровыми подставками тянули к потолкам пыльные фитили, и давно остановившиеся позолоченные часы — пастух и пастушка — поблескивали под случайно упавшим лучом фонарика.

В фондах не было того, что искал старик. Он вышел, закрыл за собой дверь — запирать не стал: времени нет — и остановился в задумчивости. Куда они могли все спрятать? Потом крякнул: как же раньше не догадался? И поспешил, постукивая палкой, в кабинет директора на втором этаже.

На этот раз он не ошибся. Три бутылки и колба стояли на столе, рядом с макетом памятника землепроходцам. И две книги. Еще книги и пустые реторты лежали на черном кожаном диване.

Движения старика приобрели силу и уверенность. Он ощупывал бутылки, светил им фонариком в бока, угадывая жидкость по цвету. Одну бутыль раскупорил и понюхал. Сморщился, как от доброго табаку, чихнул и заткнул снова резиновой пробкой. Перебрал книги на диване. Одну реторту, с порошком на дне, положил осторожно за пазуху. Еще раз пересмотрел бутыли и книги.

Никак не мог найти чего-то крайне нужного, ценного, ради чего пришел сюда в такой час.

Старик тяжело вздохнул и остановился в задумчивости у сейфа. Сейф вызывал в нем подозрения. Двух бутылок не хватало. Старик с минуту постоял, раздумывая: почему пропали именно те две бутыли? Ему вдруг захотелось, чтобы их в сейфе не оказалось, ибо если они отделены от остальных, значит, кто-то разгадал, хотя бы частично, его секрет.

Сейф сдался через двадцать минут. На верхней полке его лежали музейные важные дела, ведомости членских взносов, печать и менее нужные бумаги. На нижней полке — две небольшие бутыли. Старик угадал, и правильность догадки его не обрадовала. Тем более отсутствовала одна вещь, наличие которой было необходимо для успеха предприятия. И он начал догадываться, куда она могла деться.

Старик медленно и грустно спустился по лестнице, утопив бутыли в обширных карманах. Забыл, что находится в музее нелегально, широко распахнул входную дверь. Дверь взвизгнула петлями. Старик не слышал визга. Он думал. Дверь гулко захлопнулась. Внизу под лестницей поджидала перепуганная сторожиха, прижав к губам милицейский свисток.

Старик не сразу заметил сторожиху. Из задумчивости его вывел

свист, короткий, захлебнувшийся, — сторожиха оробела и не смогла толком дунуть. Рука дрожала, свисток молотил по зубам.

— Ты что здесь делаешь? — спросил старик, все еще думая о другом. — Ты зачем здесь? — повторил он с пристрастием.

— Батюшки! — Сторожиха отступила назад, топча музейную клумбу. — Туда же нельзя. Музей закрыт.

— А я в музей не собираюсь, — сказал старик. Он пришел в себя, вспомнил, где он и почему здесь.

— Батюшки... — повторила сторожиха. — Неужто это вы? По голосу узнала. Дитем была, а по голосу узнала.

— Обозналась, — сказал старик. — Я приезжий. Хотел с достопримечательностями ознакомиться. Хожу. Смотрю.

— Да чего же от меня скрываться, — обиделась сторожиха. — Я хоть и дитем была, но помню, как сейчас помню.

— Ладно, — сказал старик. Он уже спустился по лестнице и стоял на дорожке, высясь над сторожихой. Карманы оттопыривались, и жидкость явственно булькала в бутылях.

Сторожиха, смущенная встречей, растерянная, уже не злилась. С горечью решила, что старик пьет и спиртное носит в карманах.

— Может, переночевать негде? — спросила она.

Старик помягчел.

— Не беспокойся, старая, — сказал он. — Лето сейчас. Комар меня не берет. Добро всякое кто сегодня приносил в музей?

— Старая директорша. Елена Сергеевна. Они потом еще долго здесь просидели.

— Чего с собой унесла?

— С внуком она была, с Ваней. На пенсии она теперь.

— Книжка была у нее? Старая.

— Она зачастую с книжками ходит.

— Она уходила — книжка была у нее?

— Была, была. Конечно, была, как не быть книжке.

— Давно ушла?

— Еще светло было...

— Куда пошла?

— Домой к себе, на Слободскую...

9

Удалов уже совсем собрался бежать из больницы, но тут кончился девятичасовой сеанс в кино, по улице пошли люди, с разговорами и смехом. Зажигали спички, прикуривали. Луны не было — из-за леса натянуло грозовые тучи. Грубин прижался к стене.

Удалов присел за подоконником. В палате уже было темно, свет выключен, больные спят.

— Миновали, — прошептал наконец Грубин, давая сигнал.

Последним прошел киномеханик, звеня ключами от кинобудки.

Можно было начинать бегство. Удалову очень хотелось, чтобы прошло оно незаметно и благополучно. Если его поймают сейчас и вернут, будет немало смеха и издевательских разговоров. Но утра ждать нельзя. Утром в больнице наберется много врачей и персонала. Не отпустят. Удалов оперся на здоровую руку и сел на подоконник.

Сзади скрипнула дверь... Сестра. Удалов зажмурился и прыгнул вниз, в руки Грубину. Больную руку держал кверху, чтобы не повредить. Так и замерли под окном скульптурной группой.

Перед носом Корнелия шевелились грубинские пышные волосы. Удалов зажмурился, ожидая сестринского крика. И ему уже чудилось, как зажигаются во всех больничных окнах огни, как начинают суетиться по коридорам нянечки и медсестры и все кричат: «Убежал! Убежал! Обманул доверие!»

— Ай! — простонал Корнелий.

Грубин толкнул его головой в рот, чтобы хранил молчание.

В палате было тихо. Может, сестра не заметила, что одного пациента не хватает. А может, и не сестра это была, а кто-нибудь из ходячих больных пошел в коридор. Корнелий тяжело вздохнул, обмяк и попросил:

— Подожди минутку, передохну. Я все-таки больной человек.

И тут они услышали тяжелые неровные шаги. Шаги приближались неумолимо и сурово, будто передвигается не человек, а памятник. По самой середине улицы, не скрываясь, прошел высокий старик с палкой. Прошел, неровно и скупо освещенный редкими фонарями, и только тень его еще некоторое время удлинялась и покачивала головой у ног Удалова.

Остался запах одеколона, странное бульканье, исходившее от старика, да постук палки.

— Подозрительный старик, — сказал Удалов шепотом. Старика он испугался и потому теперь хотел его унизить. — У провала вертелся, помнишь? Меня в пропасть толкнул.

— Ты сам толкнулся. Нечего уж... — отозвался справедливый Грубин.

— И не извинился, — добавил Удалов. — Человека довел до больницы, до травмы, а не извинился. Травма моя бытовая, и по бюллетеню платить не будут. Надо с него взыскать.

— Кончай, Корнелий, — увещевал Грубин. — Чего возьмешь со старика.

— Я ему иск вменю, — решил Удалов. Теперь он понял, кто во всем виноват.

Удалов вскочил и, неся впереди больную руку как ручной пулемет, мелко побежал по улице вслед за стариком. Бежал негромко: ему хотелось узнать, где живет старик, но говорить с ним сейчас, на темной улице, не стоило. У старика палка. А Удалов вне закона. Беглец.

Грубин вздохнул и догнал Корнелия. Он шел рядом и отговаривал. Намекал, что такая погоня может отразиться на здоровье. Удалов отмахивался. От друга и от злых комаров...

Шурочка уже три раза сказала Стендалю, что ей пора домой, но не уходила. Ей и в самом деле пора было домой. Стендаль отвечал: «Нет, посидим еще». Он неоднократно ходил на угол, где стояла мороженщица, и приносил Шурочке эскимо. И снова разговаривал о поэзии, чудесных совпадениях, планах на будущее, преимуществах журналистской жизни, маме, оставшейся в Ленинграде, любви к животным, долголетии и все прерывал себя вопросом: «Посидим еще?»

Шурочке было чуть зябко от предчувствий, но, когда стало совсем поздно, она встала и сказала:

— Я пошла. Мама будет ругаться.

— Завтра вы свободны? — спросил Стендаль.

— Не знаю, — сказала Шурочка. — Ты меня не провожай.

Она боялась, что дюжие мальчики из техникума увидят Стендаля с ней и побьют Мишу.

И тут раздались шаги. Шаги были тяжелые, с палочным пристуком. По улице, направляясь к мосту через Грязнуху, шел старик с палкой. Знакомый запах одеколона сопровождал его.

Стендаль почувствовал, как все внутри его напружинилось. Старик был тайной. В нем было нечто зловещее.

— Идем, — сказал Стендаль. — Этого человека упускать нельзя.

...Милица Федоровна Бакшт в задумчивости гуляла куда дольше, чем положено в ее возрасте. Попала даже на Слободу, чего не случалось уже лет тридцать. Она брела домой в ночи, пора бы спать, слабые ноги онемели, и проносившиеся с ревом автобусы пугали, заставляли прижиматься к стенам домов. Может, уже и не дойти до дома, до фикуса и шафранной полутьмы. Кошка послушно семенила сзади, стараясь не отставать, и глаза ее горели тускло, как в тумане.

Крупная женщина обогнала Милицу Федоровну, но не посмотрела в ее сторону. Женщину Милица Федоровна знала плохо — видела раза два из окна, когда та выходила из универмага.

Савич узнал жену по походке. Когда-то этот перезвон каблуков

его пленял, казался легким, элегантным. Потом прошло — осталось умение гадать издали, среагировать. И сейчас среагировал. Понял, что жена мучается ревностью, разыскивает его. В два прыжка перемахнул через улицу и спрятался за калиткой во дворе Кастельской. Ванда Казимировна задержалась перед окном, заглянула, увидела, что Кастельская одна. Сидит за столом, читает. Савича там нет. Успокоилась и пошла дальше, к мосту, медленнее, как бы прогуливаясь.

Савич собрался было вернуться на улицу, но только сделал движение, как снова послышались шаги. С двух сторон. Одни — тихие, шаркающие, будто человек не двигается с места, а устало вытирает ноги о шершавый половик. Другие — тяжелые, уверенные. Савич остался в тени. Калитка дернулась под ударом, распахнулась. Задрожал заборчик. Высокий старик с палкой ворвался во двор, чуть не задел Савича плечом, обогнул дом и — раз-два-три! — взгромоздился по ступенькам к двери. Постучал.

Савич выпрямился. Старика он где-то видел. Старик ему не понравился. Было в нем нечто агрессивное, угрожающее Елене. Савич хотел подойти к старику, задать вопрос, но удержался, боялся попасть в неудобное положение: сам-то он что здесь делает?

Пока Савич колебался, произошли другие события. Во-первых, дверь к Елене открылась и старик, не спрашивая разрешения, шагнул внутрь. Во-вторых, в калитку вбежал молодой человек в очках. Он тащил за руку очаровательную Шурочку Родионову, подчиненную Ванды. Молодые люди остановились, не зная, куда идти дальше. Тут же перед калиткой обозначились еще две фигуры: одна держала перед собой вытянутую вперед белую толстую руку; вторая была высока, и лохматая ее голова под светом уличного фонаря казалась головой Медузы горгоны. Удалов заметался перед калиткой, а Грубин вытянул жилистую шею, заглянул в окно Кастельской и сказал:

— Он там.

Удалов тут же устремился во двор, обогнал, не видя ничего перед собой, Шурочку с ее спутником и принялся барабанить в дверь.

— Что-нибудь случилось? — спросил Савич, выйдя из темноты.

— Не знаю, — искренне ответил Грубин. — Может быть.

— Я ж тебе говорил, — сказал Миша Стендаль Шурочке и тоже подошел к крыльцу.

Первым вбежал в комнату Удалов. Хотел даже поздороваться, но слова застряли в горле. Старик прижал Елену Сергеевну в углу и старался отнять у нее растрепанную тетрадь в кожаной обложке.

Елена Сергеевна прижимала тетрадь к груди обеими руками, молчала, смотрела на старика пронзительным взором.

— Ах ты!.. — сказал Удалов. Он выставил вперед загипсованную руку и с размаху ткнул ею старика в спину.

Старик сопротивлялся.

На помощь Удалову подоспел Савич: им двигал страх за судьбу некогда любимой женщины. Старик охал, рычал, но не сдавался. Уже и Грубин, и Удалов, и Стендаль, даже Шурочка отрывали его, тянули, а он все сопротивлялся, поддаваясь, правда, понемногу совместным усилиям противников.

Бой шел в пыхтении, вздохах, кряканье, но без слов. А слова прозвучали от двери.

— Прекратите! — произнес старческий голос. — Немедленно прекратите.

В дверях, опираясь на трость, стояла вконец утомленная Милица Федоровна Бакшт. У ног ее, сжавшись пантерой, присела старая сиамская кошка.

Старик отпустил тетрадь и отступил под тяжестью насевших на него врагов. Повел плечами, стряхнул всех и как ни в чем не бывало сел на стул.

— Как дети, — сказала Милица Федоровна. — Дайте стул и мне. Я устала.

10

— Любезный друг, — начала Милица Федоровна, — вы вели себя недостойно. Вы позволили себе поднять руку на даму. Извинитесь.

— Прошу прощения, — проговорил старик смущенно. Елена Сергеевна еще не пришла в себя. Прижимала к груди тетрадь, не садилась.

— Мой друг не имел в мыслях дурного, — продолжала Милица Федоровна. — Однако он взволнован возможной потерей.

— Мне он с самого начала не понравился, — сказал Удалов. — Милицию надо вызвать.

— Справимся, — успокоил Стендаль.

— Так разговора не получится, Елена Сергеевна, — сказал старик.

— Ну-ну, — возразил Удалов. Он был смел: с ним была общественность. — Я руку из-за вас сломал.

— Сам прыгнул, — сказал старик без уважения.

— Любезный друг, — произнесла старуха Бакшт, — боюсь, что теперь поздно ставить условия.

Затем она обернулась к Удалову и Стендалю.

— Мой друг не повторит прискорбных поступков. Я ручаюсь. — В голосе ее звучала нестарушечья твердость.

Удалову стало неловко. Он потупился. Стендаль хотел возразить, но Шурочка дернула его за рукав.

— Я полагаю, — продолжала Бакшт, — что наступило время обо всем рассказать.

— Да, стоит объясниться, — согласилась Елена Сергеевна. Она положила злополучную тетрадь на стол, на видное место.

— Что вы знаете? — спросил старик у Елены Сергеевны.

— То, что написано здесь.

Старик кивнул. Оперся широкими ладонями о набалдашник палки. Был он очень стар. Неправдоподобно стар.

— Ладно, — сказал он. — Суть дела в том, что я родился в тысяча шестьсот третьем году.

Удалов хихикнул. Засмеялся негромко, поглаживая курчавые ростки вокруг лысины, Савич. Заразился смехом, прыснул Стендаль. Широко улыбался Грубин. Шурочка тоже улыбнулась, но осеклась, согнала улыбку, вспомнила альбом старухи Бакшт.

Сама Бакшт не смеялась.

...Ванда Казимировна заглянула в окно, увидела мужа веселым, в компании. Это переполнило чашу ее терпения. Она вошла в дом. Она была в гневе. Топнула мускулистой ногой, прерывая веселье, и спросила, обращаясь большей частью к мужу:

— Смеетесь? Веселитесь?

Савич опал с лица. Хотел встать, извиниться, хотя и не был виноват. Но и тут порядок навела старуха Бакшт.

Она сказала громко и строго:

— Кто хочет смеяться, идите в синематограф. А вы, мадам, садитесь и не мешайте разговору.

Удивительно, но всем расхотелось смеяться. И Ванда Казимировна села на свободный стул рядом с Шурочкой и притихла.

Старик будто ждал этой паузы. Он произнес размеренно:

— Я родился в тысяча шестьсот третьем году.

На этот раз никто его не перебил, никто не улыбнулся. Стало ясно, что старик не врет. Что он в самом деле родился так давно, что он — чудо природы, уникум, судьба которого таинственным и чудесным образом связана с провалом на Пушкинской улице.

— Отец мой был беден. Мать умерла от родов. Жили мы здесь, в городе Великий Гусляр, на Вологодской улице. Отец был сапожником, крестили меня в Никольской церкви, что и поныне возвы-

шается на углу улиц Красногвардейской и Мира. Окрестили Алмазом. Ныне имя редкое и неизвестное.

Старик закашлялся. Кашлял долго, сотрясал большое, видно, совсем уже пустое внутри тело.

— Испить не найдется, Елена Сергеевна? — спросил старик.

Шурочка сбегала на кухню, принесла стакан холодного молока. Старик выпил молоко, вытер не спеша усы синим платком.

— Мальчиком отдали меня в услужение купцу Томиле Перфирьеву, человеку скаредному, нечистому на руку. Бил он меня нещадно. Но рос я ребенком сильным, хотя мясо видал лишь по большим церковным праздникам. Помню, были слухи о поляках, которые взяли Москву. До нас поляки, правда, не добрались, но было великое смятение.

Старик говорил медленно, стараясь вобрать в современные, понятные слушателям слова события семнадцатого века. Будто сам уже не очень верил в то, что были они. И сам себе казался лживым — что за дело этим людям до бестолкового шума базарной площади, до заикающегося дьяка с грамотой в руках, до затоптанной нищенки и тройного солнца — зловещего знамения! Было ли такое или подсмотрено в кино через триста лет?

— Кому скучно, может уйти, не настаиваю, — сказал вдруг зло старик. Ему почудились насмешки на лицах.

Никто не ответил. Провизор Савич понимал, что надо требовать доказательств, потому что иначе получается кошмар. Нереальность подчеркивалась тем, что в одной комнате, впервые за много лет, оказались Ванда и Елена.

Старик молчал, смотрел пронзительно, и утихал скрип стульев, шевеление, перегляды.

— Уличил я как-то хозяина в обмере, и это случилось на людях... Шрамы эти до сего дня не совсем сгладились — избил он меня. Ничего, отдышался, но кличку приобрел — Битый. Так звали. Получается — Алмаз Битый. Правда, я имя неоднократно менял, и в советском паспорте написано Битов. Но это не так важно. Подрос я, убежал из Великого Гусляра, и начались мои многолетние странствия. Сначала пристал я к торговым людям, что шли в Сибирь. Молодой я еще был и многое принял на себя. Если рассказывать, получится длинный роман со многими приключениями.

Дошел я с казаками до земли камчатской, бывал и в Индии, а когда вернулся в Россию, было мне уже под пятьдесят, обладал я некоторой известностью как отважный и склонный к правде человек, и если кто из вас имеет доступ к архивам, то сможет найти там, коли уцелели после многих пожаров, столбцы, в которых упомянуто о моих делах и походах. Было вокруг угнетение и чванство,

обиды и скорбь. И тогда я подался на юг, в Запорожскую Сечь. Стал я полковником запорожского войска и думал, что завершу жизнь в походах и боях, но случилось однажды такое событие...

Старец Алмаз прервал речь, помолчал с полминуты.

Слушатели заинтересовались, поддались гипнозу сухих фраз, за которыми вставали события, правдивые потому, что говорилось о них так кратко и сдержанно.

— Вам такого имени, как Брюховецкий, Ивашка Брюховецкий, слыхать не приходилось? И вам, Елена Сергеевна? Это понятно. Человек этот канул в Лету и известен только историкам-специалистам. А ведь в мое время имя его на Сечи, да и во всей Руси, было весьма знаменитым. Для людей он был гетманом запорожским, для меня прямым начальником...

Вызывает этот Брюховецкий меня к себе и говорит: «Есть к тебе, Алмаз Федотович, тайное и срочное дело. Порадовал меня царь грамотой, велел охрану выслать, старца Мелетия встретить и до безопасных мест проводить. Я-то людей послал, да они пощипали того старца, все, что при нем было — шесть возов да грамоты заморские, — себе взяли. Теперь царь гневается. Где, спрашивает, награбленное? Второй день у меня подьячий Тайного приказа Порфирий Оловенников сидит, списки награбленного показывает, требует вернуть. Грозит... Выручай, Алмаз. Что делать?» Я сразу понял: юлит Ивашка Брюховецкий, потому как не иначе грабители с ним щедро поделились. А расставаться с добром кому захочется. Я и спрашиваю: «Грамотки где? Вряд ли царь стал Оловенникова, хитрого человека, к тебе посылать из-за шести возов. Грамотки покажи». Брюховецкий поотнекивался — вроде не знает, где грамоты, слыхом не слыхивал. Потом вспомнил вроде, принес. Я попросил разобраться. Брюховецкий спорить не стал. Сказал только — с утра призовет, чтобы все было ясно. И вернулся я к себе домой...

«По-моему, я встречала эту фамилию — Брюховецкий», — думала Елена Сергеевна. Разогнала воздух перед лицом — надымили курильщики.

Стендалю стало скучно. Он вертелся на стуле, шуметь не осмеливался, кидал взгляды на Шурочку. Удалов баюкал руку — видно, ныла. Грубин слушал внимательно — представлял спесивого гетмана, у которого под дверью сидит московский подьячий из приказа тайных дел.

— Я позвал одного писаря, грека, не помню, как его звали. С ним мы грамотки разобрали. И были они любопытные — в них восточные патриархи признавали власть Алексея Михайловича беспредельной. А Никона, русского патриарха, ставили ниже ца-

ря. Грамоты были куда как важны — подьячий не зря тратил время. Царь хотел с Никоном покончить, да не смел своей властью патриаршего сана лишить. Послов в Иерусалим, в Антиохию слал, тамошних патриархов задабривал, помощи просил. Был среди бумаг один список — очень меня заинтересовал. Список был с грамоты самого Никона. Честил в ней Никон царя и бояр, звал к правде, жаловался на произвол царский, грозил войной. Очень эта грамота соответствовала моему душевному состоянию — я много лет справедливости искал, и вот она, писцами переписанная, справедливость, великим человеком высказанная, который против царя и бояр идет. Я тогда в патриаршей политике не разбирался, решил — буду жив, увижу старца, попрошу, чтобы направил меня на путь истинный.

Утром пришел к Ивашке Брюховецкому и советую ему: «Ты, — говорю, — отдай чего-то из взятого, пустяк отдай. Но вот эти четыре грамоты, патриархами написанные, обязательно возврати. И от тебя царь отступится. Скажи, все у казаков забрал, в церковь сложил, а церковь возьми и сгори». Ивашка меня пытает: «А обойдется ли?» — «Обойдется», — говорю.

Так Брюховецкий и сделал. Подьячий, как увидел патриаршие грамотки, в лице цветом восстановился — за этим и ехал...

Старик разговорился, голос окреп; он взмахивал палкой, словно булавой либо саблей, забыл о слушателях — не до них было. События обрастали плотью, пыльные имена превращались в людей.

— Я стремился в Москву. Но попал туда только года через два-три, когда уже к Москве подъезжали через Грузию, по Волге, царем созванные восточные патриархи, чтобы судить Никона. Брюховецкий тогда в Москву поехал, к царю на поклон. И удалось мне через подставных людей с Никоном связь установить. В то время грозила ему ссылка простым монахом-чернецом в северный монастырь, но старик не сдавался, борьбу конченой не считал. По-современному говоря, были у него еще большие связи в верхах. За них держался. А с другой стороны, обратил свое внимание к народу. Может, и не от большой любви — а что делать? Бой-то проигран. Меня Никон пригрел в одном монастыре, старцем Сергием называли. Но саблю я еще в руках держать мог. Сидение в монастыре томило меня, хотя Никон обнадеживал: надвигаются, говорил, времена. Послужишь ты еще, Алмаз, правому делу...

Вы уж потерпите, — сказал вдруг старик миролюбиво Стендалю, который вынул записную книжку и что-то свое стал писать в ней. — Мне недолго осталось. Сейчас к делу перейду. Без этого, что рассказал, вам моя позиция и судьба останутся неясными.

— Я ничего, я конспектирую, — смутился Стендаль и закрыл книжечку.

— С юга, с Волги, пришли вести: поднялся Стенька Разин. Он Долгорукому смерть брата своего Ивана простить не мог. Смелый был человек. И хоть Прозоровский, астраханский воевода, ему прощение за старые дела от царского имени высказал, он все равно по Волге пошел, царя решил скинуть. Как на подворье у нас об этом заговорили, понял я: не сегодня-завтра меня к Никону призовут. Был тогда Никон простым монахом, опозоренный, в Ферапонтовом монастыре, в наших вологодских местах заточен. Но в монастыре его знали, опасались, что он мог еще властью пользоваться. Призвал меня, сказал: «Ты, казак Алмаз, иди к Степану Тимофеевичу на Волгу. Без меня, — говорит, — Степану с царем не совладать. Он сам это знает. Слыхал я, есть среди его стругов один, черным бархатом обит, и пустил Степан слух, что в этом струге я плыву. Так поезжай туда, посмотри, вроде как мой посол будешь». Благословил меня Никон, и ушел я на Волгу. Я и в Астрахани был, когда Прозоровского с раската кинули, и Царицын брал, и под Симбирском с войском стоял. Все было. Только, конечно, рясу-то скинул и, хоть звали меня по-прежнему старцем Сергием, дрался я по-казачьи. Тогда-то с Милицей я и познакомился.

Алмаз указал узловатым пальцем на старушку, дремавшую в углу с кошкой на коленях.

Все послушно обернулись к ней.

— Была она тогда и сейчас есть — персидская княжна, про которую известную песню сложили. Будто ее Степан Тимофеевич за борт в Волгу кидал.

— Ой! — удивилась Шурочка Родионова. — Я думала, что это — сказка.

— Не будите ее, — сказал Алмаз. Да никто и не собирался будить Милицу Федоровну. — В песне говорится, что Степан Тимофеевич ее за борт кинул, так неправда это. Грозился, клялся даже, чтобы ревнивых казаков успокоить. Но ведь не бандитом он был. Был он к тому времени государственным деятелем, армию вел за собой.

Инцидент, правда, был, признаю. Я тогда на том же струге, что и Степан, находился. Мы спорили с ним сильно. Расхождения у нас были. А тут пришли некоторые руководители. Сказали: Симбирск скоро, там законная супруга ожидает; нехорошо, коли с княжной появитесь, для морального состояния войск. И Степан Тимофеевич согласился. Девка по-русски ни слова не знала. Только глазищами вертела, казаков с ума сводила. Степан выругался, велел ее мне, как человеку надежному, взять ночью, перевезти на

черный никоновский струг. Там она и была. А в Симбирске мы ее в доме одном поселили. И ты, кудрявый, не скалься. Если все будет как надо, завтра вы ее не узнаете. Первая красавица в Персии она была. Первой красавицей и здесь будет.

Старик уморился, перевел дыхание. Воздух проходил в легкие тяжело, громко. Старик вынул пачку «Беломора», закурил.

Вокруг заговорили, но слова были будничные, никто о рассказанном не упоминал, не знал еще, как и что надо будет сказать.

Шурочка принесла напиться Ванде Казимировне. Елена накинула шаль на плечи Милице Федоровне, чтобы та не замерзла.

За окном были тишь, темень, прохлада. Собака вдали брехала лениво, сонно. Будто комар ее укусил, вот и отругивала его.

— Дальше рассказывать — одна печаль, — сказал старик. — Восстание, как вы знаете, было подавлено. В Арзамасе князь Долгорукий двести виселиц поставил. На каждой по полсотне людей погибло. Вот и считайте... Но меня при том не было. Я с двумя сотнями казаков на север пошел, к Ферапонтову монастырю. Узнал меня Никон, обрадовался, да поосторожничал. Мы его уговаривали: возьмем Кириллов монастырь — там казна большая, пушки — и на Волгу, на помощь Степану спешить надо. Да не осмелился Никон. Остался... А нам возвращаться поздно было. К тому времени Степана с Фролом уже в Москву везли. Казаков я отпустил — пусть каждый как может счастья ищет. А сам хотел в лес уйти. Да был один, князь Самойла Шайсупов, приставленный к Никону царем... У Шайсупова соглядатаи, всюду свои люди. Донесли. Поймали меня неподалеку от монастыря, заковали — и в Москву, как самого опасного государева преступника. Я царю — как подарок. Если сознаюсь — конец Никону, что на наш приход да на зазывные речи не донес. Никона и так уже в крепость, в Кириллов монастырь, в строгость перевели. А мои показания были бы ему могильным камнем. Привезли меня в Москву, и тут случилось непредвиденное происшествие, которое к сегодняшнему дню имеет отношение.

11

Руки Сергию завязывали подле кистей веревками, обшитыми войлоком, ноги стягивали ремнями, и поднимали тело на воздух. Палач наступал ногой на конец ремня, тянул, разрывал тело, суставы выворачивались из рук, и потом палач бил по спине кнутом изредка, в час ударов тридцать, и от каждого удара будто ножом

вырезана полоса. Разжигали железные клещи напрасно, хватали за ребра...

Старец Сергий от наветов отказывался. Фрола Разина, его признавшего, встретил глазами пустыми, а чернецам, которые его у бывшего патриарха Никона видели входящим и выходящим, противные слова говорил. Старец Сергий силен еще, но после пыток сдал, голова болталась, язык распух, и говорить он не мог.

Алексей Михайлович, мучаясь одышкой и страхами, перешел ночью из дворца в подвал Тайного приказа. Нес с собой бумажку, на которой собственной рукой записал вопросы для старца.

«За что вселенских Стенька побить хотел? Они по правде ли извергли Никона и что он им приказывал?» — повторял про себя государь слова записки. «О Кореле. Грамоту от него за Никоновой печатью к царскому величеству шлют из-за рубежа». Это о шведах. Шведы ненадежны, вредны, Котошихина, беглого бунтовщика, спрятали, печатные дворы держат, в курантах про вора Стеньку печатают и ложные известия о Никоне сообщают. Старец знать про это должен.

Дьяк Данило Полянский шел сзади, на полшага, держал свечу, чтобы государю не удариться головой о притолоку. В переходе было смрадно, вонюче, стрелец у дверей в пыточную засуетился, открывал, пятился, и оттого государю было еще тошней. Полянский сказывал, что старец Сергий молчит. Худо. А еще людишки, верные вроде, твердят, что Сергий не Сергий вовсе, не старец, а казачий полковник.

Ступеньки в подвал склизкие, грязные, могли бы и помыть, все-таки государь ходит, да не стал государь говорить Полянскому, твердил слова вопросов, и слова улетали, запутывались в разных тревожных мыслях, и горело внутри, пекло — видно, напустили порчу немчины, лекари. Горько было царю на людскую неблагодарность, на вражду, местничество, злобу, наветы.

— Лестницы бы вымыли, — сказал вдруг государь Полянскому, хотя говорить уже раздумал.

Мимо камор шли в пыточную. За решетками шевелились тени, бледные руки лезли из тряпья, и цепи звенели, будто отбивали зубную дробь.

Старец Сергий висел на дыбе безжизненно. Седые волосы, в грязи и крови, колтуном торчали вбок, будто боярский сын набекрень надел шапку. Подьячий, что вел допрос, вскочил из-за стола, но царь в его сторону не посмотрел. Подошел к Сергию, заглянул в лицо. Палач, чтобы удобнее государю было, шустро отбежал, отпустил веревку, и Сергий ногами стал на пол, только ноги пошли в сторону — не держали.

— Что сказал? — спросил царь, глядя на старца, столь нужного для спокойствия и торжества власти.

— Молчит, — ответил подьячий тихо. Боялся царского гнева.

Язык Сергия, распухший, черный, вылезал изо рта, не помещался. Глаза закатились — не закрывались.

— Мне он живой нужен, — произнес вдруг царь обыкновенно, будто без гнева, а с тоской.

И даже Полянский дрожь почувствовал. Тишайший государь был весьма озабочен, и это многим могло стоить жизни.

— Пусть поутру его дохтур осмотрит, зелье даст. И не пытать, пока сам не кончу.

Алмаза окатили водой, втащили бесчувственного в камору, кинули на пол. До утра дохтура звать не стали. Старик крепкий.

Алмазу казалось, что он в пустыне. Жарко и больно ногам, ободранным о камни. И озера лишь манят, а оказываются вихрями, бьющими по обожженной коже. Потом ласковая прохлада коснулась лба. Вода холодная — зубы ломило — сама влилась в рот. Стало легко и блаженно.

— Вам лучше? — спросил тихий нежный голос, будто прохлада в пустыне.

— Да, — ответил Алмаз. Открыл глаза.

В теле была боль, ломота, но была она не так важна, и голова стала ясней. Голос звучал где-то внутри, будто кто-то пальчиком гладил по темени. Рядом, на куче прелой соломы, лежал маленький человек, ниц распростершись, и касался исхудалыми руками Алмаза: во тьме зрачки его светились по-кошачьи.

— Нечистая сила, — сказал Алмаз. — Изыди...

— Тише, — произнес голос в голове у Алмаза. И рот у маленького человека не открывался, сжат был, губы в струночку. Только глаза зеленью светятся. — Тише, — голос покоил, нежил, — услышат — придут. Снова казнить примутся. Я добра желаю. Немощен я, измучен, ноги переломаны.

Темь в каморе стояла, но Алмаз увидал: ноги соседа на соломе распластались, неживы. Кровь изо рта запеклась на щеке. У Алмаза страх миновал. Язык тяжел, но ворочается.

— Пей, — беззвучно сказал сосед, протянул ладошку, а в ней вода, как на листе роса. Не было зла и порчи в малом человеке.

Алмаз наклонил голову, слизал росу.

— На дыбе был? — спросил сосед.

— Не жить мне, — отозвался Алмаз. — Сам государь поутру примется.

— Бунтовщик ты? Со Стенькой разбойничал?

— Неважно, — сказал Алмаз. Было в нем подозрение, не дьяками ли тайными человек подставлен.

— Не опасайся, — сказал человек. — Я твои мысли знаю. Считай, что дохтур я. Из фрязинской земли. В колдовстве меня обвинили. Огнем пытали, ноги ломали. Я секрет знаю, как уйти отсюда, да ног нет.

Алмаз долгую жизнь прожил, многого нагляделся. Дохтур так дохтур. На фрязинских землях, на немецких чудес много. И сам Алмаз до Индии ходил, Турцию видел, но в чудеса само собой верил.

— Ты мне о себе расскажи, — молил сосед. — Хоть не словами. Думай — я пойму.

Зеленоватые глаза заглядывали в душу, высматривали, что скрыл; а скрыл Алмаз в рассказе немногое, лишь то, что касалось патриарха Никона. Это пускай сосед читает сам — нечистой ли силой, просто колдовством.

Порой сосед просил повторить, подробности выспрашивал, интересовался, будто не обречен, как и Алмаз, на неминуемую смерть. Доволен оказался. Говорил, что надежда в нем появилась, повезло ему, что сосед Алмаз. Не надеялся уже, веру потерял. Смерть близка.

Бежать из Тайного приказа некуда, это Алмаз понимал. Никто отсюда не скрылся еще. Может, малый человек ума лишился? А может, слово знает?

— Нет, — возразил сосед. — Слова не знаю. Но вижу сквозь стены. Как ни пытай, не отвечу, не понять тебе.

Алмаз не спорил. Секретные и странные вещи признавал, но сам колдунов и тайных людей бежал. Может, и сквозь стены зрит человек. Дано ему.

— Здесь стена в одном месте тонка, — сообщил человек. — В один кирпич. Дверь заложена. В старые времена ход был в другое подземелье, но, видно, после пожара забыли, замуровали. Под Кремлем в разных местах ходы и подвалы вырыты, многие и не найдешь. Давно здесь государи живут, а государям надо тайны иметь, тайники и пыточные места.

За решеткой прошел стрелец. Заглянул в темноту, ничего не увидел. Окликнул:

— Старец Сергий, а старец Сергий, живой ты?

Алмаз промычал нераздельно, простонал.

— Живой, — определил стрелец. — С утра дохтура приведут. Равно как к боярину. — Стрелец рассмеялся. — Как к боярину, — повторил. Пошел дальше.

— Как же мы кирпичи разберем? — спросил Алмаз.

— Тише, не говори языком, — прозвучал как бы внутри головы голос соседа. — Ты думай, я все угадаю.

— Тяжко, привычки нет.

— Я кирпичи еще со вчера расшатал. Ты меня вытащишь, понесешь. Кирпичи на место положишь. Может, не сразу спохватятся.

— Согласен я, — сказал Алмаз, потому что был человеком трезвым и понимал: не убежишь ночью — новые пытки, а там и смерть, покажется она благостной, долгожданной, как невеста.

— Жди, — услышал он голос внутри.

Человек, опираясь на локти, поволочил безжизненное тело к дальней стене, и от боли его, что передавалась нечаянно Алмазу, мутило, ибо ложилась она на боль Алмаза.

— Сюда ползи, только не шуми, — был приказ оттуда. И Алмаз подобрался, рукой нащупал тело рядом. Тот подхватил руку, поднес к стене. Один кирпич уже вынут был. Второй шатался.

— Ты сильнее, — слышал Алмаз мысли. — Вынимай их. Раствор старый, крошится. Я перекладывать буду.

Снова прошел стрелец, топотал сапогами: озяб в подвале.

— Караула ждет, — объяснил ему сосед. — Думает о том, как бы согреться. Думает, что ты за ночь отойдешь, дохтура не надо будет. И тебе легче. Добрый человек.

Алмаз кивнул, согласился.

Алмаз кирпичи вынимал из стены, сосед перекладывал их в сторону. Ощупал дыру — узка, но пробраться можно. Сосед подтолкнул в спину: давай, мол, — угадал, о чем Алмаз подумал. Алмаз пролез в дыру. Оттуда шел холод и мрак, пыточные камеры Тайного приказа рядом с ним теплым раем казались. Руки уперлись в ледяную жижу. Плечи схватило болью, сил не было тело протащить. Человек сзади подталкивал, да был немощен, без пользы помогал. Свое дыхание Алмаз слышал — как отдается хрипом по длинному невидимому ходу, шумит, словно домовой в печи.

— Давай, давай еще, поднатужься, немного осталось. Там воля!..

Слова человека, уговоры в голосе стучали, как кровь, и Алмаз елозил руками по жиже, тянул непослушное тело свое, и оно перевесило, голова упала в вонь и лед, и от того прибавилось силы — от отвращения и жути. Отдохнул самую малость, выпростал из дыры ноги и приподнялся, чтобы лицо отвратить от жижи.

— Меня возьми, не забудь... — умолял человек.

Но Алмаз и не помышлял оставить в беде товарища, тот ему дорогу к воле показал, а Алмаз никогда людей не предавал. И видно, человек угадал его мысли, затих и ждал покорно, пока Алмаз, отдохнувши, протянет к нему в дыру руки и вытянет, немощного, бессильного, невесомого, в черный ход.

Алмаз поднялся во весь рост, морщась от боли и злобы на свои непослушные члены. Свод был низок, пришлось пригнуться, и холодные капли падали ожогами на израненную спину. Человека Алмаз взял на руки, словно младенца; на закорках нести не мог, хоть сподручней, — поротая спина саднила. Через несколько шагов переложил было под мышку, чтобы рукой одной впереди шарить. Да это и не нужно оказалось — человек подсказывал, куда идти, где поворачивать, словно кошка во тьме дорогу различал, и Алмаз уже не удивлялся — сил не было на думы: слушался, шел, спотыкался, скользил по грязи.

Прошли подземную палату, потолок вверх ушел, распрямиться можно. Рукой сбоку ощупал — ящики, ларцы, сундуки. Видно, богатства затерянные.

— Нет, — сказал человек, — это книги, столбцы, грамоты. Старые. От царя Ивана Васильича остались.

— Не слыхал, чтобы царь книгами баловался.

— Интересовался. Тут большие богатства спрятаны. Государственные тайны. Их многие уже ищут, да не найти. Ходы с земли не видны.

Далеко сзади, усиленный ходами, будто боевыми трубами, пришел шум, сбивался в кучу, разделялся на голоса.

— Нас хватились, — сообщил человек. — Теперь не найдут. Пока решатся в ходы сунуться да пока по ним проплутают, мы далеко будем.

...Вышли они населенным летучими мышами и крысами, полузаваленным мусором подземным ходом, что кончался на том берегу Москвы-реки, у Кадашевской слободы. Куча бревен да камни — все, что осталось от часовенки, — скрывали древний ход. Рассветало. Мальчишка гнал из ночного коней, а навстречу, чуть видная в тумане, шла баба с ведрами к озерку у Болота. Слева были сады, и там перекликались сторожа — берегли царское добро. Из тумана вылезали, словно копья, колокольни кадашевских церквей. Было мирно, и даже собаки не лаяли, не беспокоили людей в такую обычную ночь.

— Пойдем берегом, — сказал человек. — Знаю, где лодка.

Тут только Алмаз увидел толком спутника. Боль в нем, избитом и истерзанном, была великая. Сквозь рубище смотрели кровоподтеки и синяки, руки были исцарапаны, словно кто-то с них кожу сдергивал, да и на лике целы были одни глаза. Глаза под утренней синевой потеряли кошачий блеск и нутряной свет — были синими, словно воздух, и бездонными, и были в них мысль и мука.

— Ты уж потерпи, — попросил человек. — Донеси меня.

— Неужто, — отозвался Алмаз и даже улыбнулся: подумал, что и сам, видно, страшен и непотребен.

— Что правда, то правда, — подтвердил человек.

Алмаз уже привычно взял его под мышку — перебитые ноги болтались почти до земли, рассекали высокую прибрежную траву.

Лодка была в положенном месте. Человек снова прав. И весла, забытые либо нарочно оставленные, лежали в уключинах.

Через час добрались до леса, а там пролежали весь день, упрятав в камышах лодку.

Алмаз набрал ягод, сыроежек — поел; спутник от всего отказался, только пил воду, но не из реки, как Алмаз, а из своих ладоней, как в Тайном приказе, когда поил этой водой-росой своего соседа.

Потом снова они шли, обходили деревни, шли и ночью и лишь ко второму утру, чуть живые, добрались до яра, в котором стояло, прикрытое пожелтевшими ветками, нечто невиданное, схожее со стругом либо ковчегом, и Алмаз тогда оробел и лишился чувств от бессилия и конца пути.

Очнулся Алмаз внутри ковчега, на мягкой постели, при солнечном свете, хоть и был ковчег без окон. Был Алмаз гол и намазан снадобьями и зельями. Спутник его, в иное переодетый, ковылял вокруг на самодельных костылях, посмеивался тонкими губами, бормотал по-своему, был рад, уговаривал Алмаза, что он не нечистая сила, а странник. Но Алмаз слушал плохо, тяжко — его тело отказывалось жить и переносить такие муки, била его горячка, и разум мутился.

— Что ж, — услыхал он в последний раз, — придется прибегнуть к особым мерам.

Может, и так сказал странник — снова было забытье, словно глубокий сон, и во сне надо было удержаться за борт ладьи, а не удержишься — унесет волжская волна, ударит о крутой утес. Но Алмаз удержался, и, когда очнулся вновь, все в том же ковчеге, человек сказал ему:

— Опасался я, что сердце твое не выдержит. Но ты сильный человек, выдержало сердце.

Был человек уже без костылей, бегал резво. Видно, немало времени прошло.

— Нет, — улыбнулся он, опять мысль Алмаза угадал, — один день всего прошел. Погляди на себя.

Человек протянул Алмазу круглое зеркало, и на Алмаза глянуло молодое лицо, чем-то знакомое, чем-то чужое, и подумал сначала Алмаз, что это портрет, писаный лик, но человек все смеялся и велел в зеркало смотреть.

И тогда Алмаз понял, что стал молодым...

— ...Ну вот и все, — закончил старик и снова потянулся к пачке за папиросой. — Он улетел к своим. Я тогда понятия не имел, кто он такой, что такое, откуда. Объяснение воспринял для себя самое простое — дух, вернее всего, божий посланник. Оставил он мне все снадобья, которыми мне молодость вернул, взял с меня клятву, что тайну сохраню, ибо рано еще людям о таком знать. И улетел. Еще велел пользоваться зельем, ждать его, обещал через сто лет вернуться и меня обязательно найти. Я больше ста лет ждал. Не вернулся он. Может, что случилось. Может, прилетит еще. Один раз я нарушил его завет. Был в Симбирске, разыскал подругу свою Милицу и вернул ей молодость. А с тех пор как себя молодил, так и к ней приезжал, где бы она ни была. И все. Хотите казните меня за скрытность, хотите — хвалите. Но скоро триста лет будет, а ведь даже Милица по сей день не знала, почему с ней волшебство такое происходит. Думала, моя заслуга. А уж какая там...

Старик замолчал. Устал. Возвращались в двадцатый век слушатели, переглядывались, качали головами, и не было недоверия. Уж очень странная история. Да и зачем старику ночью рассказывать сказки людям, которые в сказки давно не верят.

Милица все дремала на кресле, кошка — на коленях. Голова склонилась к морщинистым рукам.

— Если так, то пришельцы — не миф, — произнес Стендаль.

Он первым нарушил тишину, что наступает после окончания длинного доклада, прежде чем слушатели соберутся с мыслями, начнут посылать на трибуну записки с вопросами.

— Ну что же теперь? Дадите мне выпить мою долю? — спросил старик. — Я все как на духу рассказал. Мне молодость не для шуток, для дела нужна. И за Милицу прошу. Она мне верит.

— Я и не спала, — проговорила вдруг Милица Федоровна. — И все, что Любезный друг здесь говорил, могу клятвенно подтвердить. Мы с Любезным другом монополию на напиток не желаем. Правда?

Старик кивнул.

— Может, кто-нибудь из присутствующих здесь дам и кавалеров захочет присоединиться к нам?

12

Человеку свойственно совершать ошибки. И раскаиваться в них.

И чем дольше он живет, тем больше накапливается этих ошибок и тем горше сознание того, что далеко не все из них можно исправить.

Как только человек осознает, что есть связь между причиной и следствием, он догадывается, что не надо было пожирать разом коробку шоколадных конфет, растянул бы удовольствие на два дня и живот бы не болел. Это ошибка еще дошкольная. А помните, как вы засиделись у телевизора, глядя уже известный мультфильм, не выучили стихотворение Некрасова, получили двойку и лишились похода в зоопарк. Казалось бы, пустяк, а помнишь об этом всю жизнь.

Дальше — хуже. Накапливается неисправимость глупых слов, легкомысленных поступков, упущенных возможностей и несостоявшихся свиданий. И в какой-то момент все эти ошибки складываются в жизнь, которая пошла по неверному пути.

А где тот перекресток, где тот поворот на жизненной дороге, после которого неправильное течение жизни стало необратимым? Где тот проклятый момент, после которого уже ничего нельзя исправить?

Некоторые даже и не догадываются, что совершили роковую ошибку, другие — догадываются, но смиряются и стараются отыскать утешение в том, что еще осталось. Но есть люди, которые всю жизнь маются, вновь и вновь возвращаясь к роковому моменту и втуне изыскивая возможность исправить неисправимое. Нелюбимая жена уже родила тебе троих сорванцов, а любимая, но покинутая Таня живет с ненавистным ей Васей, и вы лишь раскланиваетесь на улице, так и не простив друг друга. Друг Иванов, решивший плюнуть на теплое и спокойное место и шагнувший в новое, ненадежное дело, уже стал министром или академиком, а ты так и сидишь на этом теплом месте. По радио рассказывают о боксере Н., который только что с триумфом вернулся из дальней зарубежной поездки, ввергнув там в нокаут известного всем Билли Джонса, а ты вспоминаешь, как бросил боксерскую секцию, где подавал куда больше надежд, чем Н., бросил, потому что поленился ездить через весь город на двух трамваях.

И вот из всех жизненных разочарований и ошибок вырастают великие и пустые слова: «Если бы».

Вот если бы я женился на любимой, но не имевшей жилплощади Тане!

Вот если бы я вместе с другом Ивановым пожертвовал зарплатой и премиальными ради интересной работы!

Вот если бы я не бросил секцию бокса!

Вот если бы...

Миллион лет назад первый питекантроп превратился в человека. Прожил свою относительно короткую жизнь и перед смертью сказал:

— Вот если бы начать жизнь сначала...

С этого и пошло.

Короли и рыцари, епископы и землепашцы, писатели и художники — неустанно и безрезультатно твердили волшебные слова: «Если бы...»

По мере роста культурного уровня человечества оно изобрело буквы и начало писать книги. И если приглядеться к истории мировой литературы, окажется, что значительная часть ее посвящена той же проклятой проблеме: «Если бы...»

Некий доктор Фауст даже продал свою бессмертную душу ради молодости. А Дориан Грей возложил старение на собственный портрет. Если заглянуть поглубже, то окажется, что даже древний мифологический персонаж Гильгамеш занимался поисками эликсира молодости. И лишь чешский писатель Чапек эту проблему разрешил положительно, описав биографию дамы, которая, пользуясь средством Макропулоса, прожила, не старея, лет шестьсот. Но ведь это все художественная литература, фантастика, вымысел. А вот если бы... И представьте себе ситуацию. В небольшом городке поздним вечером нескольким самым обыкновенным людям, прожившим большую часть жизни и неудовлетворенным тем, как они ее прожили, предлагают воспользоваться случаем и начать все сначала.

Разумеется, никто, кроме наивного Грубина, всерьез слова старика не принял. Не было для этого никаких оснований. И, отвергнув нелепую возможность, улыбнувшись и глубоко вздохнув, наши герои готовы были уже разойтись по домам. Но никто не разошелся.

Это чепуха, подумал каждый. Это совершенно невероятная чепуха.

И именно крайняя нелепость чепухи сводила с ума. Если бы старик предложил, допустим, разгладить морщины на челе или излечить от гастрита, все бы поняли — простой знахарь, мошенник. Но ни один знахарь не посмеет предложить молодость. Даром, за компанию с ним. Никакого псевдонаучного объяснения, кроме дикой истории о космическом пришельце и царе Алексее Михайловиче, старик не предложил. И ни на чем не настаивал. Сам спешил принять.

И пока тикали минуты, пока люди старались переварить и както увязать со своим жизненным опытом происходящие события, в каждом просыпался и начинал стучаться, просясь на волю, проклятый вопрос: «А что, если бы...»

И была долгая пауза.

Ее прервал старик Алмаз. Неожиданно и даже громко он сказал:

— Итак, средство состоит из трех частей. Порошок у меня в кармане. Растворитель в бутылках, что я взял в музее. Добавки составляются из разных снадобий, и рецепт на это заключен в тетради.

Старик Алмаз взял тетрадь со стола и помахал ею как веером: становилось душно от многолюдного взволнованного дыхания.

Елена Сергеевна постукивала по столу ногтями, старалась разогнать внутреннее смятение, звон в ушах. Сквозь тугой, вязкий воздух пробился к ней внимательный взгляд. Подняла голову, встретилась глазами с Савичем и поняла, что он не ее видит, а видит сейчас Леночку Кастельскую, которую любил так неудачно. И Елена Сергеевна поняла, что Савич скажет «да». В нем это «если бы» ворошилось долгие годы, спать не давало.

Елена Сергеевна чуть перевела взгляд, посмотрела на Ванду Казимировну. Но странно, та смотрела не на мужа, а в синь за окном. Улыбалась своим потаенным мыслям. И Елена Сергеевна вспомнила, какой яркой, крепкой была Ванда, пока не расползлась от малоподвижной жизни и обильной пищи.

— Формально вы не имеете права на пользование находкой. Она — собственность музея, — сказал Миша Стендаль. — Тем более что вы совершили кражу. У государства.

— И это карается, — вмешался Удалов.

— Уже говорили, — сказала старуха Бакшт. — Не ведите себя как российские либералы. Они всегда много говорили в земстве и в дворянском собрании. Ничего из этого не получилось.

Елена Сергеевна пыталась угадать в старухе черты прекрасной персиянки, но, конечно, не угадала — старческая маска была надежна, крепка и непрозрачна.

— Нет, так не пойдет, — возразил Стендаль. — Необходимо подключить власти и общественные организации.

— Правильно, — согласился Удалов, недовольный тем, что его сравнили с царским либералом. — Что скажут в райкоме? В Академии наук? Потом уж в централизованном порядке будет распределение...

— Сколько времени это займет? — невежливо перебил его старик.

— Сколько надо.

— Год?

— Может, и год. Может, и два.

— Нельзя. У меня дела. Милице тоже ждать негоже. Помрет.

Милица прискорбно склонила голову, кивнула согласно.

— Чепуху говорите, товарищ Удалов, — вмешался Савич, которому хотелось верить в эликсир. — Вы что думаете, придете в райком или даже в Академию наук и скажете: в этой банке находится эликсир молодости, полученный одним вашим знакомым в семнадцатом веке от марсианского путешественника. А знаете, что вам скажут?

— Температуру скажут измерить! — хихикнула Шурочка Родионова. Вообще-то она молчала, робела, но тут представила себе Удалова с градусником и осмелилась.

— Если бы ко мне пришел такой человек, — сказал Савич, — я бы его постарался немедленно изолировать.

Удалов услышал слово «изолировать» и замолчал. Лучше промолчать. В любом случае он свое возражение высказал. Надо будет — вспомнят.

Грубин не удержался, вскочил, принялся шагать по комнате, перешагивая через ноги и стулья.

— Русские врачи, — сказал он, — прививали себе чуму. Умирали. В плохих условиях. Нам же никто умирать не предлагает. Зато перед наукой и человечеством можем оказаться героями.

Голос Грубина возвысился и оборвался. Он пальцами, рыжими от частого курения, старался застегнуть верхнюю пуговицу пиджака, скрыть голубую майку — ощущал разнобой между высокими словами и своим обликом.

— Это не смешно, — сказал Савич хмыкнувшему Удалову.

— К научным организациям мы обратиться не можем, — продолжал, собравшись с духом, Грубин. — Над нами начнут смеяться, если не хуже. Отказаться от опыта мы не имеем права. По крайней мере я не имею права. Откажемся — бутылки либо затеряются в музее, либо товарищ Алмаз Битый поставит опыт сам по себе, и мы ничего не узнаем.

— Если получится, — произнес Савич, которому хотелось верить, — то мы придем к ученым не с пустыми руками.

— С метриками и паспортами, — добавил Грубин, — в которых наш возраст не соответствует действительному.

— Кошмар какой-то! — сказала Ванда Казимировна. — А если это яд?

— Первым буду я, — ответил старик Алмаз.

— И я, — поддержала Милица Федоровна. — Для меня это не в первый раз.

— Мы никого не заставляем, — сказал Грубин. — Только желающие. Остальные будут контрольными.

— Разрешите мне, — поднял руку Миша Стендаль. — А что будет, если я соглашусь участвовать?

— Младенцем станешь, — сказала Шурочка Родионова. — И я тоже. Увезут нас в колясках.

— А действует сразу? — спросил Удалов. Он не хотел выделяться, но думал о возвращении домой, к супруге.

— Нет, действует не сразу, — объяснил Алмаз. — Действует поразному, но пока организмом не впитается, несколько часов пройдет. К утру ясно станет. Каждый вернется к расцвету физической сущности. Потому молодым пользы нет. Только добро переводить.

Алмаз почувствовал, что общее мнение склоняется в его пользу. Человеческое любопытство, страсть к новому, проклятое «если бы», нежелание оказаться трусливее других — все эти причины способствовали стариковским идеям. И он поспешил поставить на середину стола бутыль, и велел Елене принести стаканы, другую посуду и ложку столовую, и еще спросил соли, обычной, мелкого помола, и мелу или извести, а сам листал тетрадь, вспоминал — спешил, пока кто-нибудь из людей не спохватился, не высказал насмешки, так как насмешка в таких случаях страшнее хулы и сомнения. Стоит кому-то решить, что сказочность затеи никак не вяжется с тихой комнатой и временем, в котором живут эти люди, и тогда отберут бутыли, отнесут их в музей, положат в сейф. А если так, погибнет дело, ради которого проделал Любезный друг столь долгий путь, да и жизнь его, от которой мало осталось, вскоре завершится. Этого допускать было нельзя, потому что старик, проживя на свете свои первые триста лет, только-только начал входить во вкус человеческого существования.

Пока шли приготовления и были они обыденны, как приготовления к чаю, начались тихие разговоры — по двое, по трое. Иногда раздавался смешок, но он был без издевки, нервный, подавленный.

Алмаз Федотович отсыпал в миску весь порошок, чтобы на всех хватило. Потом откупорил бутылки с растворителем, слил содержимое в одну, примерился и плеснул в миску темной жидкости. Начал столовой ложкой размешивать порошок, тщательно, деловито и умело, доставая рукой из кармана штанов пакетики и свертки.

— Это все добавки, — пояснил он, — купил в аптеке. Ничего сложного, даже аспирин есть — для усиления эффекта.

— Потом надо будет все зафиксировать для передачи ученым, — напомнил Грубин.

— Не забудем, — согласился старик, для которого общение с учеными оставалось далеким и не очень реальным. Одна мысль занимала его — только бы успеть приготовить все, выпить, а дальше как судьбе угодно.

— Лист бумаги попрошу, — сказал Грубин Елене Сергеевне. — Начнем запись опыта. Никто не возражает?

— Зачем это? — спросил Удалов.

— Передадим в компетентные органы.

— А если кто не желает?

— Тогда оставайтесь как есть. Нам наблюдатели тоже нужны.

Удалов хотел еще что-то сказать, но Грубин не дал ему слова — остановил поднятой ладонью, взял лист, шариковую ручку и написал крупными буквами: «12 июля 1979 года. Г. Великий Гусляр Вологодской области. Участники эксперимента по омоложению организма». Написал себя первым:

«1) Грубин Александр Евдокимович, 1935 года рождения».

Затем следовал старик Алмаз:

«2) Битый Алмаз Федотович, 1603 года рождения, 3) Бакшт Милица Федоровна».

— Вы когда родились?

— Пишите приблизительно, — сказала Милица Федоровна. — В паспорте написан 1872 год, но это неправда. Пишите — середина XVII века.

Грубин написал: «Середина XVII в.».

В действиях Грубина были уверенность, деловитость, и потому все без шуток, а как положено ответили на вопросы.

И таблица выглядела так: «4) Кастельская Елена Сергеевна, 1918 г. рожд., 5) Удалов Корнелий Иванович, 1933, 6) Савич Никита Николаевич, 1919, 7) Савич Ванда Казимировна, 1923, 8) Родионова Александра Николаевна, 1960, 9) Стендаль Михаил Артурович, 1956».

— Итого девять человек, — заключил Грубин. — Делю условно на две группы. Первая — те, кто участвует в эксперименте. Номера с первого по седьмой. Вторая — контрольная. Для сравнения.

— Простите, — сказал Миша. — Я тоже хочу попробовать.

— Количество эликсира ограниченно, — отрезал Грубин. — Я категорически возражаю.

В глазах Грубина зажегся священный огонь подвижника, свет Галилея и Бруно. Он руководил экспериментом, и Удалову очень хотелось оказаться в контрольной группе. Изменения в старом друге были непонятны и пугали.

— Вы готовы? — спросил Грубина Алмаз, поворачиваясь к нему всем телом и взмахивая листком как знаменем. — Можно разливать? — Старик сильно притомился от волнения и физических напряжений. Его заметно шатало.

— Помочь? — спросила Елена Сергеевна и, не дожидаясь ответа, разлила жидкость из миски по стаканам и чашкам. Семь сосу-

дов стояли тесно посреди стола, и кто-то должен был первым протянуть руку.

Старик размашисто перекрестился, что противоречило научному эксперименту, но возражений не вызвало, провел рукой над скоплением чашек и выбрал себе голубую с золотым ободком.

— Ну, — сказал он, внимательно оглядев остальных, — с богом.

Зажмурился, вылил содержимое чашки в себя, и кадык от глотков заходил под дряблой кожей, а жидкость булькала. Потом поставил пустую чашку на стол, перевел дух, сказал хрипло:

— Хорошее зелье. Елена, воды дай — запить.

И сразу тишина в комнате, возникшая, когда старик взял чашку со стола, окончилась, все зашевелились и потянулись к столу, к стаканам, будто в них было налито шампанское...

13

Следующим поднял чашку Грубин. Понюхал, шевельнул ноздрями, покосился на часы. Старик поднес чашку Милице Федоровне, и та, кивнув, словно получила стакан обычной воды, стала пить маленькими осторожными глотками.

Грубин выпил быстро, почти залпом.

— Ну и как? — спросил Удалов. Он держал чашку здоровой рукой, на весу.

— Ничего особенного, — ответил Грубин. Поставил чашку на стол и тут же стал записывать, повторяя вслух: — Опыт начат в 23 часа 54 минуты. Порядок приема средства следующий. Номер один — Битый Алмаз, номер два — Бакшт Милица, номер три — Грубин Александр... — Он поднял голову и строго приказал другу: — Ну!

Удалов все не решался. Странное видение посетило его. Ему казалось, что он находится на большой площади, края которой теряются в тумане. Перед ним стоят бесконечным рядом старики и старухи — ветераны труда и войны, абхазские долгожители, пенсионеры из разных республик. И все эти люди глядят на Удалова с надеждой и настойчивостью. Тут же и Грубин, который медленно катит громадную бочку, стоящую на тележке. А Шурочка Родионова держит в руках поднос с небольшими рюмками. Серебряным черпаком Грубин разливает из бочки зелье по рюмочкам. Удалов берет рюмочки с подноса и медленно шествует вдоль строя стариков. Каждый пенсионер, получив рюмочку, говорит:

— Спасибо, товарищ Удалов.

И выпивает зелье.

Мгновенная трансформация происходит с выпившим. Разглаживаются морщины, выпрямляется стан, густеют волосы, и неистовым сверканием наполняются глаза. И вот уже молод пенсионер и готов к новым трудам и подвигам. Но еще много желающих впереди — тысячи и тысячи ждут приближения Корнелия. Рука немеет от усталости. А надо всех обеспечить зельем, потому что все достойны.

— Корнелий, — донесся, словно сквозь туман, голос Грубина. — Расплескаешь.

Корнелий пришел в себя. Рука с чашкой дрогнула и рискованно наклонилась. Удалов смущенно улыбнулся.

— Я задумался.

— О чем? Время идет.

— Надо Ксении отнести. А то как же получится — я молодой, а она в годах останется?

— Разберемся, — ответил Грубин. — Я тебя уже отметил. Как принявшего.

— Закусить бы, — попытался оттянуть пугающий момент Удалов, но понял — невозможно. И быстро выпил то, что было в чашке.

Зелье было горьковатым, невкусным, правда, на спиртовой основе.

Савич поднял чашку со стола и мысленно уговаривал Елену тоже выпить, не раздумать. И, не смея сказать о том вслух, не спускал с Елены взгляда.

Этот взгляд, разумеется, перехватила Ванда Казимировна, которая умела угадывать взгляды мужа. До того момента она сомневалась, участвовать ли в этом дурацком распитии, так как долгая хозяйственная деятельность научила ее не верить в чудеса. Но взгляд Савича выдал его с головой и родил сомнения. Скорее это были сомнения в собственном здравом смысле, который питался упорядоченностью вселенной. Но если вселенная допускает глупости в виде космических пришельцев, здравый смысл начинает шататься. История с зельем была невероятна, но в принципе не более невероятна, чем привоз в универмаг тысячи пар мексиканских сапог со шпорами. Поэтому проблема, стоявшая перед Вандой Казимировной, была лишь проблемой выбора: что опаснее — испортить себе желудок неизвестным пойлом или отдать в руки разлучницы Елены горячо любимого Савича, собственность не менее ценную, чем финский спальный гарнитур «Нельсон».

И Ванда Казимировна, морщась, выпила это пойло до дна, обогнав и Савича, и, уж конечно, Елену, которую она всегда обгоняла, а потом, уже победив и не глядя на них, пошла на кухню смыть водой неприятный привкус во рту.

— Ну, Лена, — произнес Савич негромко, потому что неловко было на виду у всех подгонять к молодости Елену Сергеевну, но на помощь неожиданно пришел старик Алмаз.

— Директорша, — сказал он добродушно, — неужели тебе не хочется снова по лужам пробежать, на траве поваляться? Молодая была, наверное, не сомневалась?

— Зачем все это? — спросила Елена Сергеевна, словно просыпаясь.

И тут все чуть не испортила простодушная Шурочка, которая воскликнула:

— Вы же мне подружкой будете, то есть ровесницей. Это так интересно.

И Елена Сергеевна отставила поднесенную было ко рту чашку.

— Я не так сказала? — испугалась Шурочка.

— Ты все правильно сказала.

— Елена Сергеевна, вы нас задерживаете, — напомнил Грубин.

— Уж полночь, — добавил Удалов. — Пустой бутылочки не найдется? Я бы Ксюше отлил.

Он поднялся и сам пошел на кухню, в дверях столкнулся с Вандой Казимировной. Та увидела, что и Савич, и Елена Сергеевна так и не выпили зелья.

— Никитушка, — удивилась Ванда Казимировна. — Ты что же, решил меня одну оставить? Ведь я тебя брошу. На что мне старик? — И засмеялась.

И тогда Савич отхлебнул, стараясь ни на кого не смотреть, словно совершал какое-то предательство. Профессионально отметил возможные компоненты снадобья и потому еще более разуверился в его действенности. И, может, не стал бы допивать, но тут увидел, что Алмаз крупными шагами подошел к Елене, сам взял ее чашку, поднес ей к губам, как маленькому ребенку. Вот-вот скажет: «За маму, за папу...» Вместо этого Алмаз произнес, улыбаясь почти лукаво:

— Выполни мою личную просьбу. Я ведь тоже хочу с тобой завтра на равных увидеться. Сделай милость, не откажи.

И был старик убедителен настолько, что Елена улыбнулась в ответ. В ее улыбке Савич увидел то, чего не заметил никто, — то давнее прошлое, ту легкость милого доброжелательства, умение согласиться на неприятное, чтобы другому было приятно. И Савич, видя, как Елена пьет зелье, с облегчением, камень с плеч, одним глотком допил, что было в чашке.

Вошел Удалов с пыльной бутылкой из-под фруктовой воды «Буратино», отлил туда зелья из кастрюли сколько оставалось. Начал затыкать бумажкой.

— Все, — проговорил Грубин. — Эксперимент закончен.

И тут заскрипели, зажужжали, готовясь к бою, старые настенные, темного дерева часы.

— Ноль ноль три, — сказал Грубин с последним ударом и занес свои слова на бумагу.

— Ура! — вдруг провозгласил Савич, ощутивший подъем сил. Он покосился на Ванду. Та только улыбнулась. — Ура!!! — опять крикнул Савич так громко, что Елена Сергеевна невольно шикнула на него:

— Потише, Ваню разбудишь.

От крика очнулась Бакштина кошка. Она дремала у ног хозяйки, старчески шмыгая носом. Кошка открыла глаза, один — голубой, другой — красный, метнулась между ног собравшихся и, чтобы вырваться, спастись, прыгнула вверх, плюхнулась на стол, заметалась по скатерти, опрокидывая пустые стаканы и чашки, толкнула бутыль с оставшейся жидкостью.

Бутыль рухнула на пол, сверкнула и разлетелась в зеленые осколки...

— Обормоты! — только и смог сказать старик. Кошка спрыгнула со стола, села рядом с лужей, поводя кончиком хвоста, а затем начала лакать черную жидкость.

— Все, — сказал Грубин и утерся рукавом пиджака.

— Как же теперь? — спросила Шурочка. — А нельзя восстановить?

— Если бы можно, все молодыми ходили бы, — ответил старик. — У нас такой техники еще нет.

— А по чему будете восстанавливать? — спросил Грубин Шурочку, будто она была во всем виновата. — По пробке?

— Тем более возрастет ваша ценность для науки, — сказал Миша Стендаль, защищая Шурочку. — Вас будут изучать в Москве.

Миша совсем разуверился в событиях. Даже кошка показалась ему частью большого розыгрыша.

— У вас порошок остался, — напомнил Грубин старику, без особой, правда, надежды.

— Порошок — дело второе, — ответил тот. — Одним порошком молод не будешь. Пошли, что ли? Утро уже скоро.

...Ночь завершалась. На востоке, в промежутке между колокольнями и домами, небо уже принялось светлеть, наливаться живой, прозрачной синевой, и звезды помельче таяли в этой синеве. По дворам звучно и гулко перекликались петухи, и уж совсем из фантастического далека, из-за реки, принесся звон колокольчика — выгоняли коров.

Предутренний сон города был крепок и безмятежен. Скрип ка-

литки, тихие голоса не мешали сну, не прерывали его, а лишь подчеркивали его глубину.

Елена Сергеевна стояла у окна и слушала, как исчезали, удаляясь, звуки. Четкие каблучки Шурочки; неровная, будто рваная, поступь Грубина; почти не слышные шаги Милицы; звучное, долгое, как стариковский кашель, шарканье подошв Алмаза; деликатный, мягкий шаг Удалова; переплетение шагов Савича и его жены.

Шаги расходились в разные стороны, удалялись, глохли. Еще несколько минут, как отдаленный барабан, доносился постук стариковской палки. И — тихо. Предутренний сон города крепок и безмятежен.

14

Удалов поднял руку к звонку, но замешкался. Появилось опасение. Он покопался в карманах пижамы, раздобыл черный бумажник. В нем, в отдалении, лежало круглое зеркальце. Удалов подышал на зеркальце, потер его о штанину и долго себя разглядывал. Свет на лестнице был слабый, в пятнадцать свечей. Удалову казалось, что он заметно помолодел.

Удалов думал, дышал, возился у своей двери.

Жена Удалова, спавшая чутко и одиноко, пробудилась от шорохов и заподозрила злоумышленников. Она подошла босиком к двери, прислушалась и спросила в дверную скважину:

— Кто там?

Удалов от неожиданности уронил зеркальце.

— Я, — сказал он. Хотя сознаваться не хотелось.

— Кто «я»? — спросила жена. Она голоса мужа не узнала, полагая, что он надежно прикован к больничной койке.

— Корнелий, — ответил Удалов и смутился, будто ночью позволил себе побеспокоить чужих людей. В нем зародилась отчужденность от старого мира.

Жена охнула и раскрыла дверь. Тут же увидела на полу осколки зеркальца. Осколки блестели, как рассыпанное бриллиантовое ожерелье.

— Кто тебя провожал? — произнесла она строго. Она мужу не доверяла.

— Я сам. — Корнелий огорчился. — Плохая примета. Зеркало разбилось.

— Ты, значит, под утро стоишь себе на лестнице и смотришься в зеркало? Любуешься? Хорош гусь. А я тебе должна верить?

— Не кричи, пожалуйста, — сказал Удалов. — Максимку разбудишь.

— Максимка спит, наплакавшись без отца. Одна я...

Жена правдиво всхлипнула.

— Важное задание, — попытался остановить ее Удалов. — Меня даже из больницы выпустили. Опыт проводили.

— Опыт? Ночью? Предупреждала меня мама — за Корнелия не выходи! Намаешься! Не послушалась я, дура.

— Ксюша, дай в дом войти.

— Зачем тебе в дом? Нечего тебе дома делать.

— Опыт мы проводили. Уникальный опыт. Омолаживались.

— Значит, омолаживался?

— Я принял и тебе принес. Видишь? — Удалов здоровой рукой вытащил из кармана пижамы заткнутую бумажкой бутылку из-под фруктовой воды «Буратино».

— Издеваешься? — Чуткий нос Ксении уловил легкий запах спиртного, доносившийся то ли от Удалова, то ли от бутылки, в которой вздрагивала темная жидкость. — Я тебе ужин грею, в больницу бегу, переживаю, а он, видите ли, омолаживаться навострился. С кем омолаживался, мерзавец?

— Там целая группа была, — оправдывался Удалов громким шепотом. — Коллектив. Ты не всех знаешь. У Грубина спроси.

— И Грубин твой туда же! Ему что, его дело холостяцкое. А у тебя семья. — Ксения сделала паузу, которая вселила в Удалова надежду на прощение, но надежды оказались ложными: — Была семья, да нет!

И с этими словами Ксения хотела закрыть дверь. Удалов успел вставить ногу в шлепанце, чтобы осталась щель. Ноге было больно.

— Ксюша, — зашептал он быстро. — Ты тоже молодой станешь. Гарантирую. Марсианское средство. Мы в Москву поедем, на испытания.

Ксения ловко ударила носком по ноге Удалова, выбила преграду и захлопнула дверь. Дверь была нетолстая, и Удалов слышал сквозь нее, как громко дышит жена.

— Ксюша, — сказал он. — Если ты возражаешь, я без тебя в Москву поеду. Мне только переодеться.

Ксения всхлипнула.

— Пойми же, неудобно в пижаме в Академию наук.

— Академия наук! — В эти слова Ксения вложила все свое возмущение моральным падением Корнелия. — Туда только в пижаме и ходят!

— Еще не поздно, — гнул свое Удалов. — Мы будем бегать по лужам и плести венки, ты слышишь?

— Уйди! — загремел из-за двери голос Ксении. В нем было столько гнева, что Удалов понял — прощения не будет. — Уезжай с ней в Академию наук, на Черноморское побережье. Уходи, а то я так закричу, что весь дом проснется!

И Удалов, сжимая в руке бутылку с Ксюшиной долей зелья, быстро на цыпочках сбежал с лестницы. Он знал, что Ксения, скажи он еще слово, выполнит свою угрозу.

А Ксения, стоявшая, прижав к двери ухо, услышала, как удаляются шаги Корнелия. Кляня мужа, Ксения полагала, что он будет покорно стоять у двери. А он ушел. Значит, все ее подозрения были оправданны. И, задыхаясь от боли и обиды, она кинулась в комнату, растворила шкаф и стала выхватывать оттуда носильные вещи Корнелия. Потом отворила окно.

Удалов остановился в нерешительности.

Будь ситуация иной, он бы вел себя по правилам. Вымаливал прощение. Но жизнь изменилась, и в ней появились перспективы. Ксения этих перспектив не поняла и оказалась по большому счету недостойна молодости. «Ну и пожалуйста, — думал Удалов, — стану молодым, разведусь с Ксенией, сына отберу, будет он мне как младший брат. Снимем комнату, будем жить дружно, женимся. К примеру, на Шурочке Родионовой. Характер у нее хороший, мирный».

И в этот момент из окна второго этажа на него начали сыпаться вещи.

Удалову попало ботинком по голове. Белыми птицами летали рубашки, черным орлом спускался сверху пиджак, тускло сверкающим снарядом пролетел возле уха портфель и, не взорвавшись, ударился о траву. Копьем пронзила темноту любимая удочка...

Последним аккордом прозвучало рыдание Ксении. Хлопнуло, закрываясь, окно. Удалов был изгнан из дома. Навсегда.

Что-то надо было предпринять.

Удалов хотел было собрать с земли вещи, но мешала бутылка, зажатая в руке.

Выкидывать ее было неразумно. В ней находилось ценное лекарство. На спиртовой основе. Удалов подумал, что, когда раздавали чашки, ему вроде бы досталась самая маленькая. Он вытащил бумажную затычку и выпил зелье. Так надежнее.

Удалов выкинул бутылку в крапиву и негромко сказал:

— Тебе предлагали, ты отказалась, — имея в виду Ксению.

Затем собрал в охапку вещи, пиджак и брюки повесил на загипсованную руку и побрел со двора.

Рубикон был перейден. Но что за местность лежит за ним, было неизвестно.

Хотелось уйти подальше от дома, туда, где его поймут. К Грубину нельзя. Грубин будет смеяться. В больницу тоже нельзя, там Ксения подняла панику и будут неприятные разговоры. Оставалась Елена Сергеевна, бывшая учительница. Она все знает, она должна понять.

По голубой рассветной улице брел Корнелий Удалов в полосатой больничной пижаме. Он искал убежища.

15

Елена Сергеевна устроила Удалова в маленькой комнатке, где выросли ее дети, где сейчас спал Ваня. Она поставила ему раскладушку, и Удалов непрестанно благодарил ее, конфузился и не знал, куда деть развешанные на гипсовой руке носильные вещи.

За время бега по городу Удалов как-то забыл о надвигающемся омоложении. Он находился в состоянии восторженном и нервном, но причиной тому были, скорее всего, уход от жены и бессонная ночь.

— Я ничего, — говорил он. — Вы не беспокойтесь, мне одеяла не надо и простыни не надо, я по-солдатски, как Суворов. Вы сами идите спать, уже утро скоро. Я-то на бюллетене... Мне и подушки не надо.

А сам думал, что следовало бы захватить из дома простыни. Бог знает, сколько еще придется ночевать по чужим углам. Но и эта, казалось бы, печальная мысль наполняла его грудь щекотным чувством мужской свободы.

Елена Сергеевна не послушалась Удалова. Постелила простыню и дала одеяло, подушку с наволочкой. И ушла.

Удалов, лишь голова его коснулась подушки, заснул праведным сном и заливисто всхрапывал, отчего Елена Сергеевна заснуть никак не могла.

Елена Сергеевна понимала, что в ее жизни появилась возможность помолодеть. Физически помолодеть. Как умная и образованная женщина, она даже представляла себе, как это произойдет, что с ней случится. Очевидно, состав старика стимулирует работу желез внутренней секреции. Значит, в оптимальном варианте разгладятся морщины, усилится кровообращение и так далее. Елена Сергеевна старалась остаться на сугубо научной почве, обойтись без чудес и сомнительных марсиан. Но было страшно. Хотя бы потому, что диалектически каждому действию соответствует проти-

водействие. За омоложение организму придется расплачиваться. Но чем? Не сократят ли любители экспериментов себе жизнь вместо того, чтобы продлить ее? Все-таки правильно, что медики сначала все опыты ставят на мышах.

Удалов разнообразно похрапывал и бормотал во сне. Кстати, когда произойдет омоложение? Старик сказал: проснетесь другими людьми. Мучителен ли этот процесс?

Елене Сергеевне захотелось убедиться в том, что еще ничего не произошло. Она босиком подошла к шкафу, зажгла лампу на столе рядом и присмотрелась. Никаких изменений. Правда, покраснели веки, но это потому, что день был долог и утомителен...

Елена Сергеевна потушила свет, вернулась на кровать. И постаралась заснуть. За окном уже почти рассвело, и часа через три проснется Ваня.

Ей показалось, что она так и не спала. На мгновение провалилась в темноту, а уже Ваня трясет ее за плечо:

— Баба, вставай!

Елена Сергеевна не открывала глаз. Знала, что Ваня сейчас протопает в сени, где стоит горшок, и засядет там минут на десять. За эти минуты надо окончательно проснуться, встать, накинуть халат и вымыться. И еще зажечь плиту.

Елена Сергеевна мысленно проделала все утренние дела, и тут же, по мере того как просыпался мозг, очнулись другие мысли, вылезли на поверхность.

Существовала необходимость посмотреть в зеркало. Подойти к шкафу и посмотреть в зеркало. Почему? Ах да, старик, сказочные истории, разбитая бутылка... Елена Сергеевна сбросила одеяло, села. Шкаф с зеркалом стоял неудобно, боком, зеркало казалось узкой щелью, голубой от неба, отраженного в нем.

Надо было встать и сделать два шага. И оказалось, что это трудно. Даже странно. И, глядя не отрываясь на голубую щель, Елена Сергеевна сделала эти два шага...

В том невероятном, даже ужасном, что произошло с Еленой Сергеевной, пока она спала, не было никакой науки, никакого ровным счетом гормонального воздействия. И не разглаживались морщины, и не усиливалось кровообращение. А было чудо, антинаучное, необъяснимое, от которого никуда не денешься и которое влечет за собой множество осложнений, неприятностей и тяжелых объяснений. Первой неприятностью, думала Елена Сергеевна, глядя в зеркало, узнавая себя, знакомясь с собой заново, станет встреча с Ваней, который в любой момент может выйти из сеней. Ребенок остался без бабушки. Кто она ему теперь? Мать? Нет, она слишком молода для матери. Сестра? Елена Сергеевна

провела рукой по лицу, дивясь забытому ощущению свежести и нежности своей кожи.

Ваня вошел в комнату и подбежал к Елене Сергеевне. Остановился, положил медленно и задумчиво в рот палец и замер. Замерла и Елена Сергеевна. Она ощущала глубокий стыд перед внуком. Она мечтала о том, чтобы чудо кончилось и она проснулась. Это был тот сон, прерывать который очень жалко, но прервать необходимо для блага других. Елена Сергеевна больно ущипнула себя за ухо.

Ваня заметил ее движение и сказал, не вынимая пальца изо рта:

— Какая ты сегодня красивая, бабушка! Даже молодая. А чего щиплешься?

— Милый! — сказала Елена Сергеевна. — Узнал меня!

— Конечно, узнал, — басом ответил Ваня, — ты же в бабушкином халате.

Она схватила Ваню, прижала к себе — каким легким он стал за ночь! Подняла к потолку и закружилась с ним по комнате.

Ваня хохотал, радовался и, чтобы использовать бабушкино хорошее настроение, кричал сверху:

— Ты мне купи велосипед!.. Ты мне купишь велосипед?

Развевался в кружении старенький халат. Елена Сергеевна крепко и легко переступала сухими стройными ногами, пушистые молодые волосы закрывали глаза, взвихряясь от движения.

Опустив Ваню на пол, Елена Сергеевна вспомнила вдруг, что у нее в доме гость — Удалов. Спит еще, наверное, подумала она. Каков он? Елена осторожно приоткрыла дверь в маленькую комнату.

Кровать была смята. Одеяло свесилось на пол. Пиджак висел на спинке стула. Сброшенным коконом лежал на полу белый гипсовый цилиндр — оболочка сломанной руки.

Удалова не было.

16

Старуха Бакшт задремала, не раздеваясь, в кресле. Это было вредно в ее возрасте, но она не хотела упустить возвращение молодости. Она совсем запамятовала прошлое омоложение, а будет ли еще одно, не знала.

Дремота была нервной, с провалами, разрозненными снами и возвращением к полутьме комнаты, тусклой лампе под абажуром с кистями.

Беспокоилась кошка, царапала ширму...

Случилось все незаметно. Казалось, на минуту прикрыла глаза

и в быстролетном кошмаре полетела вниз, к далекой земле, домикам с острыми крышами, открыла глаза, чтобы прервать страшный полет, и встретила в зеркале взгляд двадцатилетней красавицы Милицы. И было неудобно в тесном старушечьем платье. Жало в груди и в бедрах, и было стыдно за это платье и за собственную недавнюю старость.

— Господи, — сказала Милица Бакшт, — как я хороша!

И она одним прыжком — тело повиновалось, летело — достала дверь, накинула крючок, чтобы кто не вошел, и, торопясь, смеясь и плача, сдернула, разорвала старушечьи обноски, зашвырнула высокие, раздутые суставами ботинки за ширму, сорвала с волос нелепый чепец. И встала перед зеркалом, нагая, прекрасная.

Помолодевшая, неузнаваемая кошка вскочила на стол и тоже любовалась и собой, и хозяйкой.

Милица Федоровна Бакшт сказала ей тягучим, страстным шепотом:

— Вот такой любил меня Александр Сергеевич. Саша Пушкин.

Стало душно, и мешали устоявшиеся запахи. На цыпочках подбежала Милица к окну и растворила его. Взлетела пыль, и клочья желтой, ломкой бумаги, налепленной бог весть когда на рамы, бабочками-капустницами расселись по комнате. Скрип окна был слышен далеко по рассветному городу, но никто не проснулся и никто не увидел голубую от рассветного воздуха обнаженную красавицу в окне на втором этаже старого дома.

— «Я помню чудное мгновенье...» — пропела тихо Милица.

И замерла, ибо заглушенный чувствами и острыми ощущениями, но живучий голос старухи Бакшт проснулся в ней и обеспокоился, не простудится ли она с непривычки. Надо беречь себя. Еще столько лет впереди. Но беззаботная молодость взяла верх.

— Ничего, — сказала Милица самой себе. — Ничего со мной не случится. Мне же не сто лет. — Накинула халатик, засмеялась в голос и добавила: — Куда больше.

Захотелось есть. Где-то были коржики. Сухие уже. Милица распахнула буфет. Взвизгнула, возмутившись, дверь, привыкшая к деликатному обхождению.

С коржиком в кулаке красавица заснула, свернувшись клубком в мягком кресле. И не видела снов, потому что спала крепко и даже весело.

В ночь, описываемую в повести, все герои ее, как никогда прежде, ощутили власть зеркал. Верили они в то, что станут моложе, или относились к этому скептически, все равно старались от зеркал не отдаляться.

Грубин также извлек из-за шкафа зеркало, пыльное, сколотое

на углу. Он зеркала презирал и никогда в них не смотрелся, даже при бритье и причесывании. Но все-таки Грубин был прежде всего исследователем, участником эксперимента и потому счел своим долгом этот эксперимент пронаблюдать.

До утра оставалось часа три, и следовало провести их на ногах, чтобы меньше клонило ко сну. Грубин подключил вечный двигатель к патефону — крутить ручку — и поставил пластинку. И патефон, и пластинки были старыми, добытыми на работе среди старья и утиля. Если бы не вечный двигатель, Грубин бы музыку и не слушал — уж очень утомительно прокручивать тугую патефонную ручку. Подбор пластинок также был случаен. Одна была старой и надтреснутой. На ней некогда популярные комики Бим и Бом рассказывали анекдоты. Про что, Грубин так и не узнал за шипением и треском. Была также песня «Из-за острова на стрежень» в исполнении Шаляпина, но без начала.

Под могучий бас певца Грубин принялся вырезать на рисовом зерне «Песнь о вещем Олеге». Он занимался этим натужным делом второй год и дошел лишь до третьей строфы. Он уже понял, что последним строкам места не хватит, но работу не прекращал, потому что был самолюбив и полагал себя способным превзойти любого умельца.

Работа шла медленно, под микроскопом. Грубин устал, но увлекся. Зеркало стояло прямо перед ним, чтобы можно было время от времени бросать на него взгляд в ожидании изменений.

В комнате было не шумно, но и не тихо. Приглушенно гремела пластинка. Грубин мурлыкал под нее различные песни, жужжала микродрель, ворон терся о скрипучую ножку стола, возились под кроватью мыши, сонно всплескивали золотые рыбки. Надвигался рассвет.

Грубин кончил изображать букву «х» в слове «волхвы», и тут что-то кольнуло в сердце, произошло мгновенное затуманивание сознания, дурнота. Почувствовав неладное, Грубин взглянул в зеркало. Он опоздал.

Он был уже молод. Худ по-прежнему, по-прежнему растрепан и дик глазами, но молод так, как не был уже лет двадцать пять.

— Дела... — сказал Грубин. — Волхвы проклятые...

Он был недоволен. Подготовленный эксперимент не удался.

Потом Грубин успокоился, пригляделся поближе и даже сам себе приглянулся.

— Так, — произнес он и уселся размышлять.

Грубин чувствовал себя сродни тому человеку, что выиграл по облигации десять тысяч рублей. Вот они, деньги, лежат, принесенные из сберкассы, толстая пачка из красных десятирублевок. Их

слишком много, чтобы купить новый костюм или погасить задолженность по квартирной плате. Их так много, что вряд ли можно истратить сразу на какую-нибудь одну крайне ценную вещь. Правда, дома немало расходов, срочных и неотложных, на которые можно пустить часть выигрыша. Но в том-то и заключается психологическая каверза крутой суммы, что дробить ее на мелкие части унизительно и непристойно. Купить дом? Поехать в круиз вокруг Европы? А зачем новый дом? Зачем ему Европа? А что потом? И начинает охватывать безысходная жуть. Деньги давят, гнетут и порабощают свободного человека.

Двадцать пять лет жизни получил Грубин. Молодость получил Грубин. На что истратить эти свалившиеся с неба годы? Написать на рисовом зерне «Слово о полку Игореве»? И о том сообщат в журнале «Огонек»? Да, три года, пять лет можно истратить на такое занятие. И, только подумав об этом, Грубин ощутил всю его бессмысленность, да так явственно, что выхватил из-под микроскопа исписанное зернышко и метко запустил им в открытую форточку. И нет зернышка. Склюют его куры, не прочтя написанного стихотворения. Что делать?

Еще два часа назад Грубин, не обладая молодостью, мог рассуждать спокойно и мудро: если он получит эти годы, то потратит их на творческую изобретательскую деятельность. Не будет ничего менять в образе жизни, лишь удлинит ее.

А сейчас, поглядывая в зеркало на двадцатилетнего косматого молодого человека, Грубин осознавал, что преступно предоставить жизни течь по старому руслу. Если жизнь дается человеку дважды, надо начать ее сызнова. И начать красиво, гордо, с учетом всех совершенных когда-то ошибок. И подняться до высот. Правда, как он это сделает, Грубин не придумал, но томление, терзавшее его сердце, не позволяло дальше сидеть в пыльной комнате перед пыльным зеркалом. Надо действовать.

И Грубин начал свои действия с того, что открыл шкаф и вытащил оттуда чистую праздничную рубашку, запасную майку и полосатые носки. Одежда, употребляемая им ранее, казалась уже неприятной, а главное — нечистой. Удивительно, как Грубин мог не замечать этого раньше.

17

Савич проснулся не сразу.

Сон отступил, играя воображением. Чудилось, что он молод, крепок, строен и преследует по кустам кудрявую нимфу. Вот-вот

он настигнет ее, пальцы уже дотронулись до атласной кожи. Нимфа оборачивается, совсем не страшась преследователя, даже улыбается и неожиданно для себя спотыкается о розовый куст, что позволяет Савичу дотянуться до ее плеч и схватить надежно, повелительно. Нимфа задыхается от беззвучного смеха, готова уже сдаться, и губы ее раскрываются для нежного поцелуя. Савич запутывает пальцы в густых кудрях нимфы и думает: на кого же похожа эта хозяйка сказочного леса? Ладно, потом разберемся, решает он и прижимает к себе трепещущее тело.

— Ай! — кричит нимфа пронзительно. — На помощь! Милиция!

И Савич немедленно проснулся.

Глаза его, открывшись, не сразу привыкли к рассветному полумраку в комнате, и потому ему показалось, что сон продолжается, потому что в его сильных руках билась, как золотая рыбка, прекрасная нимфа. Только дело происходило не в лесу, а в его собственной постели, что было еще удивительней.

— Оставьте меня! — кричала прекрасная нимфа знакомым голосом.

Разумеется, Савич, будучи человеком воспитанным и мягким, прекратил обнимать нимфу и постарался сообразить, что же происходит.

— Хулиган! — кричала нимфа, путаясь в одеяле и стараясь соскочить с широкой постели.

И Савич понял — кричит и волнуется его собственная жена Ванда Казимировна, директор универмага, помолодевшая лет на сорок.

Его рука совершила короткое путешествие к собственной голове и обнаружила, что голова покрыта густыми встрепанными волосами. И другая рука метнулась к животу и обнаружила, что толстого, мягкого живота нет, а есть на том месте впадина.

И Савич сразу все вспомнил и осознал.

— Ванда, — сказал он, схватив нимфу за локоть и стараясь не допустить, чтобы она в одной ночной рубашке бежала за милицией. — Вандочка, это я, Никита. Мы с тобой стали молодыми.

Нимфа еще продолжала вырываться, сопротивляться, но сопротивление на глазах теряло силу, потому что Ванда Казимировна была женщиной быстрого, решительного ума — иначе не удержишься на посту директора универмага.

Она оглянулась и присмотрелась к Никите.

Она узнала его.

Она протянула руку к зеркалу с ручкой, что лежало на тумбочке у кровати, и посмотрелась в него.

— Так, — сказала она медленно. — Значит, не врал старик.

Савич любовался ее гибким, упругим, плотным телом. Именно эта девушка, уверенная в себе, яркая и властная, заставила его забыть скромную Елену...

— Так, — повторила Ванда Казимировна, и изящным движением рыси, выходящей на охоту, она соскочила с кровати, пробежала, стуча босыми пятками, к окну и опустила плотную штору, что забыли опустить вчера, после волнений сумасшедшей ночи.

Стало почти совсем темно.

— Ты что? — спросил Савич. — Зачем?

— Никитушка, — послышался совсем близко страстный шепот, — мальчик мой.

Горячие руки нимфы обвили шею Савича, пылающее девичье тело прижалось к нему.

— Ну что ты... — сказал Савич, понимая, что сходит с ума от вспыхнувшей страсти. — Разве можно, так сразу...

18

Тщательно умытый холодной водой, с чищенными белыми зубами, в полосатых носках и свежей белой рубашке, шел Грубин по рассветным улицам Великого Гусляра и радовался прохладному воздуху, прозрачным облакам над рекой, гомону ранних птиц, скрипу телег, съезжавшихся на базар, и далекому гудку парохода.

Он не знал, куда и зачем идет. Он нес в себе секрет и радость, хотел поделиться ими с другими людьми, сделать нечто хорошее, что достойно отметило бы начало новой жизни.

Остановился у провала. Заглянул через загородку вглубь, в темноту, из которой возникла столь недавно его новая жизнь, и даже присвистнул, дивясь собственному везению. Не пошел бы Удалов в универмаг, не испугался бы одиночества, сидел бы Грубин сейчас дома и, ни о чем не подозревая, пилил бы себе «Песнь о вещем Олеге». Грубину даже гадко стало от мысли, что существуют люди, грабящие себя и человечество столь бездарным способом. И он пожалел на мгновение, что не выкинул заодно и микроскоп, но потом сообразил: микроскоп его может пригодиться для дела. Для настоящего дела.

Окно во втором этаже было распахнуто, и на подоконнике среди горшков с цветами сидела элегантная сиамская кошка и умывалась.

— Милая, — сказал ей Грубин, — уж не Бакштин ли ты зверь?

Тут Грубина посетила мысль о том, что чудесное превращение

произошло не только с ним одним. Ведь этой же ночью помолодели и его друг Удалов (а как же с его женой?), и Елена Сергеевна, и старуха Бакшт, которой он помог доплестись ночью до дома. И сзади, вспомнил он, семенила старая сиамская кошка. Теперь на подоконнике сидит молодая сиамская кошка, и также с разными глазами. Маловероятно, что в Великом Гусляре есть две сиамские кошки с разными глазами, тем более в одном доме.

— Кис-кис... — позвал Грубин. — А где твоя хозяюшка?

Кошка ничего не ответила.

Грубин поискал, чем бы привлечь внимание старухи. Уж очень его терзало любопытство: что с нею произошло за ночь, сколько лет ей удалось скинуть? А вдруг на нее и не подействовало? Грубину стало искренне жаль бабушку, находящуюся на пороге смерти.

Грубин подошел к стенду с вчерашней газетой, оторвал пол-листа, свернул в тугой комок и сильно запустил в открытое окошко.

Кошка сиганула в ужасе с подоконника, задев горшок с настурциями, горшок свалился внутрь и произвел значительный шум.

— Ах! — вскрикнул кто-то в комнате.

Грубину стало неловко и захотелось убежать, и он сделал бы это, если бы в окне не показалась прелестная, сказочной красоты девушка. Длинные волосы цвета воронова крыла спадали волнами на ее плечи, глаза были огромны и лучезарны, нос прям и короток, губы полны и смешливы.

— Ах! — сказала девушка, увидав, что с улицы на нее восторженно глазеет косматый молодой человек в белой рубашке. Она смущенно запахнула старенький халатик и вдруг захохотала звонко, не боясь разбудить всю улицу. — Глупец... — смеялась она. — Этот горшок простоял сто лет. Но мне его не жалко. Вы же Грубин. Поспешите ко мне в гости, и мы будем пить кофе.

— Бегу, — ответил Грубин, сделал стойку на руках и на руках же пошел через улицу к двери, потому что у него были сильные руки и когда-то он имел первый разряд по гимнастике.

Милица угощала гостя соленьями, коржиками, повидлами — кушаньями вкусными, домашними, старушечьими. Забывала, где что лежит, и смеялась над собой. Многолетние запахи комнаты умчались в открытое окно, будто только того и ждали.

В комнате было солнечно и прохладно.

— Сначала выкину всю эту рухлядь, — говорила Милица. — Вы мне поможете, Александр Евдокимович? Я давно собиралась, но, когда так стара и немощна, приходится мириться с вещами. Они с

тобой старились и с тобой умрут. Теперь все иначе. Я неблагодарная, да?

— Почему же? — удивился Грубин. — У меня вообще никогда вещей не было. А это правда, что Степан Разин вас чуть не кинул в реку?

— Не помню. Только по рассказам Любезного друга. Я думаю, что не стал бы.

— Наверное, не хотел, — сказал Грубин, стесняясь в присутствии такой красавицы своей неприглядности и лохматого вида. — Его казаки заставили.

— Ревновали, — поддержала его Милица.

Она, проходя по комнате, не забывала поглядеть в зеркало. Очень себе нравилась.

Грубин отчистил ногтем застарелое пятно на брюках, отхлебнул крепкого кофе из старинной чашечки и заел коржиком. Есть он тоже стеснялся, но очень хотелось. Милица, как ящерка, за столом усидеть не могла. Она вскакивала, поправляла что-то в комнате, составляла на пол горшки с цветами, потом распахнула комод и вывалила на пол платья, салопы, пальто, платки. На минуту комнату окутал нафталиновый чад, но его быстро вытянуло на улицу.

— Это выкинуть и это выкинуть, из этого еще что-то можно сделать. А когда откроются газетные киоски, вы мне купите модный журнал?

— Конечно, хоть сейчас пойду.

Грубина удивляло, что в Милице начисто нет прошлого. Будто она никогда не ходила в старухах. Сам он груз лет ощущал. Не сильно, но ощущал в душе. А Милица словно вчера родилась на свет.

— Я вам нравлюсь? — спросила она.

— Как? — Грубину давно никто не задавал таких вопросов.

— Я красивая? Я привлекательная женщина?

— Очень.

— Вы пейте кофе, я еще налью... Я за ширму пойду и примерю платье. Вы не возражаете?

Грубин не возражал. Он был в трансе, в загадочном сладком сне, в котором поят горячим кофе с коржиками.

Из-за ширмы Милица, роняя вещи и шурша материей, продолжала задавать вопросы:

— Александр Евдокимович, вы бывали в Москве?

— Вы меня Сашей зовите, — предложил Грубин. — А то неудобно.

— Очень мило, мне нравится этот современный стиль. А знаете, несмотря на то что мы с Александром Сергеевичем Пушкиным,

поэтом, были очень близки, он всегда обращался ко мне по имени-отчеству. Интересно, правда? И вас тоже Сашей зовут.

Грубин мысленно проклял себя за невоспитанность. Даже не так поразился знакомству Милицы Федоровны, ибо знакомство было давним и ничего удивительного при ее возрасте и красоте в этом не было.

— Надо будет, Милица Федоровна, — сказал он официальным, несколько обиженным голосом, — пойти к Елене Сергеевне. Посоветоваться.

— Правильно, Сашенька, — засмеялась серебряным голосом из-за ширмы Милица. — А вы меня будете называть Милой? Мне так больше нравится. Ведь мы живем в двадцатом веке.

— Конечно, — ответил Грубин. Он продолжал еще обижаться, и это было приятно — обижаться на столь красивую женщину.

— Я только кое-что подгоню по себе. Ничего не годится, ну ровным счетом ничего. Потом поедем.

— Чего уж ехать. Десять минут пешком.

— А вы, Сашенька, инженер?

— Почему вы так решили? У меня образования не хватает. Я в конторе работаю.

Грубин говорил неправду, но эта неправда относилась к прошлому. Он знал, что с сегодняшнего дня он уже не руководит точкой по сбору вторичного сырья. Он скорее инженер, чем старьевщик. Прошлое было его личным делом. Ведь Мила тоже была старухой-домохозяйкой. А это ушло.

Милица вышла из-за ширмы, неся на руках платье. Она разложила его на столе, оттеснив Грубина на самый край, достала ножницы и задумалась.

— От моды я отстала. Придется будить Шурочку.

— Да, Шурочка, — вспомнил Грубин. — Она за вас обрадуется.

19

Грубин остановился за дверью Родионовых, позади Милицы. Та позвонила.

— Они рано встают. Я знаю, — сказала Милица.

— Вам кого? — спросила, открыв, женщина средних лет, чертами лица и голосом весьма схожая с Шурочкой, из тех женщин, что сохраняют стать и крепость тела на долгие годы и умеют рожать таких же крепких детей. Более того, отлично умеют с ними обращаться, не создавая лишнего шума, волнений и не опасаясь сквозняков.

За ней стояли двое парнишек, также схожих с Шурочкой чертами лица.

— Вы к Шурочке? — спросила женщина. — Из магазина?

— Здравствуйте, — произнесла весело Милица. — Вы меня не узнаете?

— Может, видела, — согласилась Шурочкина мать. — Заходите, чего в коридоре стоять. Шурка вчера под утро прибежала. Я на нее сердитая.

— Спасибо. Мы на минутку. — Милице было радостно, что ее не узнали.

— Ваша дочь здорова? — спросил из полутьмы коридора Грубин.

— А что с ней станется? Шура! К тебе пришли!

Женщина уплыла по коридору, и за ней, как утята, зашлепали Шурочкины братья.

— Она меня не узнала! — объявила торжественно Милица Федоровна. — А я только позавчера у нее соль занимала.

Шурочка, заспанная, сердитая после домашнего выговора, выглянула в коридор, приняла при плохом освещении Милицу за одну из своих подруг и спросила:

— Ты чего ни свет ни заря? Я еще не проснулась.

— Не узнала! — воскликнула Милица. — И мама твоя не узнала. А его узнаешь? Пойдите сюда, Сашенька.

Грубин неловко ухмыльнулся и переступил раза два длинными ногами.

— Мамочки мои родные! — ахнула Шурочка. — Товарищ Грубин! Неужели в самом деле подействовало?

— Как видите, — ответил Грубин и повернулся, медленно и нескладно, как у портного.

— А как остальные?

Шурочка говорила с Грубиным, а на Милицу даже не смотрела.

— Остальные? — Грубин хихикнул и подмигнул Милице. — Про всех не скажу, а вот одна твоя знакомая рядом стоит.

— Какая знакомая?

Шурочка наморщила лоб, поправила челку, приглядываясь пристально к Милице. Но все равно угадать не смогла.

— То ли меня разыгрываете, то ли я совсем дурой стала...

— Я твоя соседка, Бакшт, — прошептала Милица. — И ты мне нужна. Как сверстница.

— Ой, мамочки! — вырвалось у Шурочки. — Этого быть не может, я сейчас умру, если вы меня не разыгрываете.

— Полно, душечка, — сказала Милица. — У меня на стенке висят акварели. Я там очень похожа. Пошли, время не ждет. Надо

уходить, а я без платья. Не в салопе же мне ходить по улицам. Мне придется сообразить что-нибудь из обносков.

— Чудеса, да и только, — говорила Шурочка. — Пойдемте на свет.

Тут она от волнения совсем перестала выговаривать знаки препинания.

— Мы сейчас у меня какое-нибудь платье возьмем, — предложила она, входя в комнату с Бакшт и подводя ее к окну, чтобы разглядеть получше. — Конечно это вы и я отсюда вижу что на акварели это тоже вы но с товарищем Грубиным меньше изменений теперь наука сделает громадный шаг вперед и стариков вообще не будет а с платьем мы что-нибудь придумаем мое возьмете вы тут подождите а я утащу одно наверное подойдет чего возиться только чтобы мама не увидела...

И Шурочка испарилась, исчезла, только слова ее еще витали несколько секунд в комнате.

— Ну вот, — сказала Милица. — Разве она не прелесть?

— Вы обе прелесть, — ответил Грубин, смутился и подошел к окну.

Он вдруг вспомнил, что Мила как-никак персидская княжна и была знакома с Александром Сергеевичем Пушкиным.

20

Савич сидел за столом, слушая, как щебечет Ванда. Он уже все осознал и готов был себя убить. И Ванду, разумеется, тоже. Не прожив и часа молодым, он уже изменил Елене вновь. И снова с Вандой. Как же это могло случиться?

Он же специально пил зелье для того, чтобы жизнь пошла по иному пути.

— Никитушка, — Ванда подкралась сзади и поцеловала его в затылок, — я так соскучилась по твоим кудрям, лет тридцать их не видала. Тебе кофе со сливками?

— Все равно, — сказал Савич.

— Сейчас гренки будут готовы. Ах ты мой донжуанчик! А я просыпаюсь — в кровати насильник. С ума можно сойти. А никому не расскажешь. Вот бы покойная мама смеялась!

Ванда носилась по комнате легко, как настоящая нимфа. Правда, теперь Савич уже понимал, что для нимфы она слишком крепка телом и широка в бедрах. Впрочем, кто их видел, этих нимф?

— Пей, мой мальчик. — Чашка кофе исходила ароматным па-

ром, гренки были золотыми — и на них еще пузырилось масло. — Колбаски порезать?

«Какой нежной она может быть, — подумал Савич. — А я уже и забыл. Надо отдать Ванде должное, она меня любит. А какой стала Елена? Может, еще не поздно? Я ничего ей не скажу. В конце концов, ничего не произошло. Мы с Вандой официально расписаны, и она имеет право на супружеские отношения».

Оправдание было неубедительным.

Ванда уселась напротив, в халатике, волосы чернокрылой сумятицей над белым лбом, глаза сверкают, щеки розовые, словно намазаны румянами. И такая в ней была сила здоровья, такая бездна энергии... Глаза ее вдруг затуманились, грудь высоко поднялась, и голос стал низким и страстным.

— Мальчик мой, — произнесла она. — Иди ко мне...

«Съест, — подумал Савич, — ей только дай волю, она съест. А в моем возрасте это опасно для сердца. В каком возрасте? Что я несу?»

— Пора идти, — сказал Савич, стараясь не глядеть в глаза жены.

— Куда идти?

— К Елене Сергеевне. Ведь мы не одни были. С другими тоже произошло.

— А какое нам дело до других? — Ванда обежала стол, наклонилась над Савичем, губами щекотала ухо.

— Ванда, не сходи с ума, — остановил ее Савич. Так бы он сорок лет назад не сказал. Не имел жизненного опыта. — Мы с тобой в коллективе. В любую минуту они могут прийти сюда, чтобы проверить.

Ванда выпрямилась.

— Ой, Никитушка. Ты что имеешь в виду?

— Ты же понимаешь — надо осознать.

— Осознаю. К Елене спешишь?

— При чем тут Елена?

— А при том. Что я, не видела, как ты на нее вчера вечером глядел? Думал, я старой останусь, а вы с ней молоденькими — и сразу любовь закрутите. Что, разве не так? Я ваши шашни сразу раскусила.

— У меня таких мыслей и в помине не было.

Но слова прозвучали неубедительно. Савич был как школьник, отрицающий перед мамой очевидное прегрешение.

Ванда криво усмехнулась. Полные розовые губки сложились в презрительную гримасу.

— А я уж решила... я уж думала, что ты меня увидел и понял.

— Понял?

— Понял, что тебе от меня никуда не деться. Тогда я тебя почти

не знала — девчонкой была. А сейчас я тебя как облупленного знаю. Не решишься ты ни на что. Даже если она красивее, чем раньше, стала.

— А чего я испугаюсь?

— Всего. Общественности. Моих когтей. Ответственности — всего испугаешься, мой зайчик.

— Ванда, ты забываешься. — Савич тоже поднялся: ему неудобно было спорить сидя. — Ты позволяешь себе инсинуации. Мы с тобой скоро сорок лет женаты, и я ни разу не давал тебе повода...

— Помолчи. Это я не давала тебе дать повод. И контроль над тобой стоил мне нервов и усилий. Каждую девочку в аптеке под контролем держала!

— Я и не подозревал, что ты так низко пала.

— Почему же низко? Я семью берегла. Я ведь тоже могла бы другого найти, получше тебя. Но я — человек твердый. Нашла — держу. Мужья, мой милый, на дороге не валяются. Их надо хранить и беречь. Даже таких паршивеньких, как ты...

— Ванда!

Слова жены были обидны. Но Савич со всем своим многолетним опытом общения с Вандой вдруг понял, что дальнейшая перепалка не в его пользу. Он может услышать о себе совсем неприятные слова — а кому это хочется слышать?

— В сущности, мы ничего с тобой не знаем, — сказал он. — Возможно, средство подействовало только на нас. А остальные остались...

— Вряд ли, — усомнилась Ванда, но такая версия ей понравилась.

Она тут же направилась к шкафу одеваться.

— Да, это было бы смешно, — предположила Ванда, доставая платье.

— Это было бы смешно, — невесело повторил Савич, глядя, как жена надевает платье.

Платье было безнадежно, невероятно велико. Но Ванда не сразу заметила это, а подойдя к трюмо, стала примерять рыжий парик, который обычно носила, чтобы прикрыть поредевшие и поседевшие волосы. Парик никак не налезал на пышные молодые волосы, и Савич спросил:

— Ванда, зачем ты это делаешь?

— Что делаю?

— Тебе парик не нужен. У тебя теперь свои волосы лучше.

— Ага, — сказала Ванда рассеянно, продолжая натягивать парик.

— Чепуха какая-то, — удивился Савич. — Свою красоту прятать.

— Не красоту, — ответила Ванда. — Красота при мне останется.

Савич тоже достал свой костюм и стал думать, как его подогнать, — он ведь на человека вдвое более толстого.

Ванда кинула на мужа взгляд и расхохоталась.

— Мы тебе, Никитушка, джинсы купим.

— А пока?

— Пока? — Но Ванда уже смотрела в зеркало, рассуждая, что делать с ее платьем. Потом предложила: — Может, тебе подушку подложить?

21

Уже собирались уходить, как Милица ахнула:

— Самое главное забыла!

Она вытащила из комода шкатулку, вытрясла из нее на стол всякую старую дребедень, среди дребедени отыскался толстый медный ключ.

— Сейчас будет сюрприз, — сказала она. — Господа, прошу следовать за мной.

Они пересекли двор и остановились перед вросшим в землю, покосившимся сараем, почти скрытым за кустами сирени.

— Сашенька, — попросила Милица, — откройте дверь. Я думаю, вам это будет очень интересно.

Грубин потрогал тяжелый ржавый замок. Замок лениво качнулся.

— Его давно не открывали? — спросил он.

— Как-то я сюда заглядывала, — ответила Милица. — После революции. Не помню уж зачем.

Ключ с трудом влез в скважину. Грубин нажал посильнее. Ключ повернулся.

— Не ожидал, — сказал Саша, вынимая дужку.

— Но он же был смазан, — сообщила Милица.

— А что там? — не выдержала Шурочка.

— Идите, — сказала Милица. — Я надеюсь, что все в порядке.

Саша Грубин шагнул внутрь. Поднялась пыль, закружилась в солнечных лучах. Темные углы сарая были завалены мешками и ящиками. Середину занимало нечто большое, как автомобильный контейнер, покрытое серым брезентом.

— Смелее, Саша, — велела Милица. — Я себя чувствую Дедом Морозом.

Брезент оказался легким, сухим. Он послушно сполз с невероятного сооружения — белого, с красными кожаными сиденьями автомобиля. Большие на спицах колеса, схожие с велосипедными, несли грациозное, созданное с полным презрением к аэродинамике, но с оглядкой на карету тело машины. Множество чуть потускневших бронзовых и позолоченных деталей придавало машине совсем уж неправдоподобное ощущение старинного канделябра.

— Ой! — Шурочка прижала руки к груди. — Что это такое?

— Мой последний супруг, — сообщила Милица, — присяжный поверенный Бакшт, выписал мне это из Парижа. А полицейский исправник страшно возражал, потому что все свиньи и обыватели боялись. Даже у губернатора такого не было.

— Она бензиновая? — спросил Грубин, не в силах оторвать взора от совершенства нелепых линий этого мастодонта автомобильной истории.

— Нет. Вы видите этот котел? Он паровой. А сюда нужно класть дрова. У меня они есть, вон в том углу.

— Паровоз? — спросила Шурочка.

— И вы думаете, что она поедет? — спросил Грубин. — Она не поедет.

Ему очень хотелось, чтобы машина поехала.

— Сашенька, я пригласила вас сюда, — объяснила Милица, — именно потому, что вы единственный талант из моих знакомых. Я не ошибаюсь в людях.

— Да, Саша, — поддержала Милицу Шурочка, — у Милицы Федоровны большой жизненный опыт.

— Глупенькая, — сказала прекрасная персидская княжна, — при чем здесь жизненный опыт? Разве хоть одну женщину любили за жизненный опыт?

— Но ведь любовь — это не главное?

— Милая моя девочка, вы еще слишком мало прожили, чтобы так говорить. Сначала столкнитесь с любовью по-настоящему, а потом делайте выводы. Я убеждена, что лет через сто вы меня поймете. — И Милица рассмеялась, словно зазвенели колокольчики.

Грубин даже задохнулся от этого серебряного смеха.

— Трудитесь, Саша, — напомнила, отсмеявшись, Милица.

И Грубин продолжал трудиться. Он выяснил, как работает машина, загрузил котел, положил под него хорошо просохшие за сто лет поленца, разжег их, залил котел водой. Вскоре из высокой медной позолоченной трубы пыхнуло дымом, и еще через несколько минут старая, но совсем не состарившаяся паровая машина господина Бакшта медленно выехала из сарая. Девушки принялись протирать тряпками ее металлические части.

В багажном отделении Милица обнаружила черный цилиндр, который водрузила на голову Грубину, и деревянный ящик с дуэльными пистолетами, хищными и красивыми, как пантеры.

— Спрячьте их, — испугалась Шурочка. — А то они выстрелят.

— Они слишком стары, чтобы стрелять, — сказала Милица. — К тому же мой муж никогда их не заряжал.

— Вы не знаете, — настаивала Шурочка. — Если в первом действии на стене висит ружье, то в четвертом оно обязательно выстрелит.

— Ах, помню, — улыбнулась Милица. — Мне об этом говорил Чехов.

И Шурочка совсем не удивилась.

22

Елена Сергеевна убрала за ухо светлую прядь, прищурилась и отсыпала в кастрюлю ровно полстакана манки из синей квадратной банки с надписью «Сахар». Молоко вздыбилось, будто крупа жестоко обожгла его. Но Елена Сергеевна успела взболтнуть кашу серебряной ложкой, которую держала наготове.

Движения были вчерашними, привычными, и любопытно было глядеть на собственные руки. Они были знакомыми и чужими.

— Не нужна мне твоя каша, — сказал по привычке Ваня. — Ты посолить забыла, баба.

— А я и в самом деле забыла посолить, — засмеялась Елена Сергеевна.

В дверь постучали. Вошел незнакомый молодой человек большого роста. Он наполнял пиджак так туго, что в рукавах прорисовывались бицепсы и пуговицы с трудом удерживались в петлях.

— Простите, — произнес он знакомым глуховатым голосом. — Извините великодушно. У вас не заперто, и я себе позволил вторгнуться. Утро доброе.

Он по-хозяйски присел за стол, отодвинул масленку и сказал:

— Чайку бы, Елена.

Елене Сергеевне пришлось несколько минут вглядываться в лицо гостя, прежде чем она догадалась, что это Алмаз Битый.

— Угадала? — спросил Алмаз. Он где-то раздобыл новые полуботинки и джинсы. — Как сказал, так и вышло. Проснулась и себя не узнала. И хороша, ей-богу, хороша. Не так хороша, как моя Милица, но пригожа. Теперь замуж тебя отдадим.

— Не шутите, — сказала Елена Сергеевна, указывая на замершего в изумлении Ваню. — В моем возрасте...

Алмаз засмеялся.

На улице послышался странный рокот. Заскрипели тормоза, закрякал клаксон.

— Есть кто живой? — спросила, заглядывая в окно, чернокудрая красавица. — Ой, да вас не узнать! Мы к вам в гости. И на автомобиле.

23

— Вот и Милица! — произнес Алмаз, легко поднимаясь из-за стола. — Я же говорил, что хороша. Правда, Елена?

Елена не ответила. Среди вошедших увидала молодого Савича, и было это еще невероятнее собственной молодости. Будто уходил Никитка всего на неделю, не больше, была пустая размолвка и кончилась.

Вокруг, как на школьном балу, мелькали и дергались смеющиеся лица. Ванда хохотала громче других, притопывала, будто хотела пойти в пляс.

Грубин схватил Елену за руку, показывал другим, как свою невесту, уговаривал Шурочку познакомиться с бывшей учительницей, а Шурочка конфузилась, потому что знала — прочие куда старше ее и солиднее, просто сейчас притворяются равными ее возрасту.

Савич замер в углу, пялил глаза и шевелил губами, словно повторял: «Средь шумного бала, случайно...» И когда Алмаз, подойдя к Елене, положил ей руку на плечо, Никита сморщился, как от зубной боли.

Елена заметила и улыбнулась.

— Я тебя, Лена, такой отлично помню, — сказала Ванда.

— И я тебя, — согласилась Елена. И подумала, что у Ванды склонность к полноте.

«Пройдет несколько лет — растолстеет, расплывется, станет сварливой... Ну и чепуха в голову лезет, — оборвала себя Елена. — Она же теперь все знает, будет следить за собой».

— Я тебе чай помогу поставить. Буду за мужика в доме, — предложил Алмаз.

— Хорошо, — согласилась Елена. Мелькнуло желание, чтобы вызвался помочь ей Савич.

Никита и вправду сделал движение к ней, но тут же кинул взгляд на Ванду, остался. Привычки, приобретенные за тридцать лет, были сильнее воспоминаний.

«Ну и бог с тобой, — подумала Елена, выходя в сени. — Всегда

ты был тряпкой и, сколько ни дай тебе жизней, тряпкой и останешься. И не нужен ты мне. Просто удивилась в первую минуту, как увидела».

Ваня помогал Елене с Алмазом разжечь самовар, задавал вопросы, почему все сегодня такие молодые и веселые.

Алмаз удивлялся, как ребенок всех узнал. Даже в прекрасной персидской княжне — старуху Милицу. Алмаз нравился Ване своими сказочными размерами и серьезным к нему, Ване, отношением.

Вежливо постучался и вошел в дом Миша Стендаль. Он был приглажен, респектабелен и немного похож на молодого Грибоедова, пришедшего просить руку княжны Чавчавадзе.

— Елена Сергеевна дома? — спросил он Елену Сергеевну.

Ваня восхитился невежеством гостя, ткнул пальцем бабушку в бедро и сказал:

— Дурак, бабу не узнал.

— Сенсация, — огорчился тихо Стендаль. — Сенсация века.

Он схватился за переносицу, будто хотел снять грибоедовское пенсне.

— Ох-хо! — рявкнул Алмаз. — Разве это сенсация? Вот в той комнате сенсация!

Стендаль поглядел на Алмаза как на отца Нины Чавчавадзе, давшего согласие на брак дочери с русским драматургом.

— И вы тоже? — спросил он.

— И я тоже. Иди-иди. И Шурочка там.

— А я камеру не взял, — огорчился Стендаль. — Вам уже сколько лет?

— Шура! — гаркнул Алмаз. — К тебе молодой человек!

Миша отступил к двери и приоткрыл ее. И сразу в кухню ворвался разноцветный водопад звуков. Мишу встретили как запоздавшего дорогого гостя на вечере встречи однокашников.

— Молодой человек! Молодой человек! — хохотала Милица. — Маска, я тебя знаю, теперь угадай, кто я.

— Покормить нас надо, — сказал Алмаз, прикрывая дверь за Мишей. — Такая орава... Картошка у тебя, Елена, есть?

— Сейчас принесу, — отозвалась Елена.

— Я сам, — сказал Алмаз. — Во мне сила играет.

Он достал из чулана мешок и выжал его раза три как гирю, отчего Ваня зашелся в восторге.

Алмаз заглянул в большую комнату, прервал на минутку веселье, скомандовав:

— Михаил, возьми вот десятку и сходи, будь ласков, в магазин.

Купишь колбасы и так далее к чаю. Остальным вроде бы не стоит излишне по улицам бродить. Чтобы без этой, без сенсации.

— Я с тобой пойду, — сказала Шурочка. — Ты что-нибудь не то купишь. Мужчины всегда не то покупают.

Грубин протянул Мише еще одну десятку.

— Щедрее покупай, — велел он. — «Белую головку», может, возьмешь. Все-таки праздник.

— Ни в коем случае, — сказала Шурочка. — Я уж прослежу, чтобы без этого.

В голосе ее прозвучали сухие, наверное, подслушанные неоднократно материнские интонации.

— Возьмите шампанского, — велела Елена Сергеевна.

— У меня есть деньги, — сказал Миша Грубину. — Не надо.

Шурочка с Мишей ушли, забрав все хозяйственные сумки, что нашлись в доме. Алмаз очистил картошку споро и привычно.

— Где вы так научились? — спросила Елена Сергеевна. — В армии?

— У меня была трудная жизнь. Как-нибудь расскажу. Где только я картошку не чистил.

Елене Сергеевне показалось, что за дверью засмеялся Савич.

Дверь на улицу была полуоткрыта. Шурочка с Мишей, убегая, не захлопнули. В щель проникали солнечные лучи, косым прямоугольником ложились на пол, и Елена отчетливо видела каждую щербинку на половицах.

Залетевшая с улицы оса кружилась, поблескивая крыльями, у самой двери, будто решала, углубиться ли ей в полутьму кухни или не стоит.

Вдруг оса взмыла вверх и пропала. Ее испугало движение за дверью. Освещенный прямоугольник на полу расширился, и солнце добралось до ног Елены.

В двери обозначился маленький силуэт. Против солнца никак не разглядишь, кто это пришел. Елена Сергеевна решила было, что кто-то из соседских детей, хотела подойти и не пустить в дом — ведь не было еще договорено, как вести себя.

Маленькая фигурка решительно шагнула от двери внутрь, солнце зазолотило на миг светлый мальчишеский хохолок на затылке. Ребенок сделал еще шаг и, вдруг размахнувшись, по-футбольному наподдал ногой в большом башмаке ведро с чищеной картошкой. Ведро опрокинулось. Наводнением хлынула по полу вода, утекая в щели. Картофелины покатились по углам.

— Как я тебе сейчас! — сказал угрожающе Ваня. Но вошедший мальчик его не слушал. Он бегал по кухне и давил башмаками картофелины. Те с хрустом и скрипом лопались, превращались в бе-

лую кашу. Мальчик при этом озлобленно плакал, и, когда он попадал под солнечный луч, уши его малиновели.

— Кто отвечать будет? — вскрикивал мальчик, пытаясь говорить басом. — Кто отвечать будет?

Алмаз медленно поднялся во весь свой двухметровый рост, не спеша, точно и ловко протянул руку, взял ребенка за шиворот, поднял повыше и поднес к свету. Ребенок сучил башмаками и монотонно визжал.

— Поди-ка сюда, Елена, — позвал Алмаз, поворачивая пальцем свободной руки личико мальчика к солнцу. — Присмотрись.

Мальчик зашелся от плача, из широко открытого рта выскакивали отдельные невнятные, скорбные звуки, и розовый язычок мелко бился о зубы.

— Узнаешь? — спросил Алмаз. И когда Елена отрицательно покачала головой, сказал: — Прямо скандал получается. То ли я дозу не рассчитал, то ли организм у него особенный.

— Это Удалов? — предположила Елена, начиная угадывать в белобрысой головке тугое, щекастое мужское лицо.

— А кто отвечать будет? — бормотал мальчик, вертясь в руке Алмаза.

— Вы Корнелий? — спросила Елена, и вдруг ей стало смешно. Чтобы не рассмеяться некстати над человеческим горем, она закашлялась, прикрыла рукой лицо.

— Не узнаете? — плакал мальчик. — Меня теперь мать родная не узнает. Отпусти на пол, а то получишь! Кто отвечать будет? Я в милицию пойду!

Гнев мальчика был не страшен — уж очень тонка шея и велики полупрозрачные под солнцем уши.

— Грубин! — крикнул Алмаз. — Где твой гроссбух? Записать надо.

— Это жестоко, Алмаз Федотович, — сказала Елена.

Грубин уже вошел. Стоял сзади. Вслед за ним, не согнав еще улыбок с лиц, вбежали остальные. И Удалов взрыдал, увидев, насколько молоды и здоровы все они.

— Не повезло Корнелию, — оценил Грубин.

Когда Корнелий говорил, что пойдет в милицию, угроза его не была пустой. В милицию он уже ходил.

24

Удалов проснулся оттого, что в глаз попал солнечный луч, проник сквозь сомкнутое веко, вселил тревогу и беспокойство.

Он открыл глаза и некоторое время лежал недвижно, глядел в

требующий побелки потолок, пытался сообразить, где он, что с ним. Потом, будто кинолента прокрутилась назад, вспомнил прошлое — от прихода к Елене Сергеевне к ссоре с женой, рассказу старика и злосчастному провалу.

Он повернулся на бок, раскладушка скрипнула, зашаталась.

В углу, у кафельной печи, на маленькой кровати посапывал мальчик Ваня.

Удалов приподнял загипсованную руку, и, к его удивлению, гипс легко слетел с нее и упал на пол. Рука была маленькой. Тонкой! Детской! Немощной!

Сначала это показалось сном. Удалов зажмурился и приоткрыл глаза снова, медленно, уговаривая себя не верить снам. Рука была на месте, такая же маленькая.

Удалов спрыгнул на пол, еле удержался на ногах. Со стороны могло показаться — он исполняет дикий танец: подносит к глазам и бросает в стороны руки и ноги, ощупывает конечности и тело и при том беззвучно завывает.

На самом деле Удалову было не до танцев — таким странным и нервным способом он осознавал трагедию, происшедшую с ним за ночь по вине старика и прочей компании.

Ваня забормотал во сне, и Корнелий в ужасе замер на одной ноге. Удаловым внезапно завладел страх, желание вырваться из замкнутого пространства, где его могут увидеть, удивиться, обнаружив вместо солидного мужчины белобрысого мальчика лет восьми. Разобраться можно будет после...

Детскому, неразвитому тельцу было зябко в спадающей с плеч майке и пижамных штанах, которые приходилось придерживать рукой, чтобы не потерять.

Удалов выгреб из-под кровати ботинки и утопил в них ноги. Ботинки были не в подъем тяжелы, и пришлось обмотать концы шнурков под коленками. Хуже всего было с полосатыми штанами. Подгибай их, не подгибай — они слишком обширны и смешны...

Чувство полного одиночества в этом мире овладело Корнелием.

Вновь зашебаршился в постельке Ваня. За стеной вздохнула во сне Кастельская.

Удалов подставил стул к окну, переполз на животе подоконник и ухнул в бурьян под окном...

Удалов долго и бесцельно брел по пустым, прохладным рассветным улицам Гусляра. Когда его обгоняли грузовики или автобусы, прижимался к заборам, нырял в подъезды, калитки. Особо избегал пешеходов. Мысли были туманными, злыми и неконкрет-

ными. Надо было кого-то привлечь, чтобы кто-то ответил и прекратил издевательство.

Наконец Удалов укрылся в сквере у церкви Параскевы Пятницы, в которой помещался районный архив. Он отдышался. Он сидел под кустами, невидный с улицы, и старался продумать образ действий. Проснувшиеся с солнцем трудолюбивые насекомые жужжали над ним и доверчиво садились на плечи и голову. Которых мог, Удалов давил. И думал.

Низко пролетел рейсовый «Ан-2» на Вологду. Проехала с базара плохо смазанная телега — в мешках шевелились, повизгивали поросята.

Удалов думал. Можно было вернуться к Елене Сергеевне и пригрозить разоблачением. А вдруг они откажутся его признать? Было ли все подстроено? А если так, то зачем? Значит, был подстроен и провал? С далеко идущими целями? А может, все это — часть громадного заговора с участием марсиан? Началось с Удалова, а там начнут превращать в детей районных и даже областных работников, может, доберутся и до центральных органов? Если пригрозить разоблачением, они отрекутся или даже уничтожат нежелательного свидетеля. Кто будет разыскивать мальчика, у которого нет родителей и прописки? Ведь жена Ксения откажется угадать в нем супруга. Может, все же побежать в милицию? В таком виде?.. Вопросов было много, а ответов на них пока не было.

Удалов прихлопнул подлетевшую близко пчелу, и та перед смертью успела вогнать в ладонь жало. Ладонь распухла. Боль, передвигаясь по нервным волоконцам, достигла мозга и превратилась на пути в слепой гнев. Гнев лишил возможности рассуждать и привел к решению неразумному, срочно сообщить куда следует, ударить в набат. Тогда они попляшут! У Удалова отняли самое дорогое — тело, которое придется нагуливать много лет, проходя унизительные и тоскливые ступеньки отрочества и юности.

Удалов резко поднялся, и пижамные штаны спали на землю. Он наклонился, чтобы подобрать их, и увидел, что по дорожке, совсем рядом, идет мальчик его же возраста, с оттопыренными ушами и кнопочным носом. На мальчике были синие штанишки до колен на синих помочах, в руках сачок для ловли насекомых. Мальчик был удивительно знаком.

Мальчик был Максимкой, родным сыном Корнелия Удалова.

— Максим! — сказал Удалов властно. — Поди-ка сюда.

Голос предал Удалова — он был не властным. Он был тонким.

Максимка удивился и остановился.

— Поди-ка сюда, — повторил Удалов-старший. Мальчик не видел отца за кустами, но в зовущем голосе звучали взрослые инто-

нации, которых он не посмел ослушаться. Оробев, Максимка сделал шаг к кустам.

Удалов вытянул руку навстречу сыну, ухватился за торчащий конец сачка и, перебирая руками по древку (ладонь болела и саднила), приблизился к мальчику, будто взобрался по канату.

— Ты чего здесь в такую рань делаешь? — спросил он, лишив сына возможности убежать.

— Бабочек ловить пошел, — ответил Максимка.

Если бы при этой сцене присутствовал сторонний наблюдатель, могущий при этом воспарить в воздухе, он увидел бы, как схожи дети, держащиеся за концы сачка.

Но наблюдателей не было.

— А мать где?

В душе Удалова проснулись семейные чувства. В воздухе ему чудился аромат утреннего кофе и шипение яичницы.

— Мать плачет, — сказал просто Максимка. — У нас отец сбежал.

— Да, — сказал Удалов. И тут только осознал, что сын его не принимает за отца, беседует как с однолеткой. И вообще нет больше прежнего Удалова. Есть ничей ребенок. И вновь вскипел гнев. И ради удовлетворения его приходилось жертвовать сыном. — Снимай штаны, — приказал он мальчику.

Не поддерживаемые более пижамные штаны Удалова опять упали, и он стоял перед пойманным сыном в длинной майке, подобной сарафану или ночной рубашке.

— Уйди, — сказал мальчик нерешительно своему двойнику. Его еще никогда не грабили, и он не знал, что полагается говорить в таких случаях.

Удалов-старший вздохнул и ударил сына по носу остреньким жестким кулачком. Нос сразу покраснел, увеличился в размере, и капля крови упала на белую рубашку.

— А я как же? — спросил мальчик, который понял, что штанишки придется отдать.

— Мои возьмешь. — Удалов показал себе под ноги. — Они большие. И трусы снимай.

— Без трусов нельзя, — отказался мальчик.

— Еще захотел? Забыл, как тебе от меня позавчера попало?

Максимка удивился. Позавчера ему ни от кого, кроме отца, не попадало.

Белая рубашка доставала Максимке только до пупа, и он прикрылся поднятыми с земли, свернутыми в узел пижамными брюками.

— Из этих брюк мы тебе три пары сделаем, — пообещал подоб-

ревший Удалов, натягивая синие штанишки. — А теперь беги. И скажи Ксении, чтоб не беспокоилась. Я вернусь. Ясно?

— Ясно, — ответил Максим, который ничего не понял. Прикрываясь спереди пижамными штанами, он побежал по улице, и его беленькие ягодицы жалобно вздрагивали на бегу, вызывая в отце горькое, сиротливое чувство.

25

Дежурный лейтенант посмотрел на женщину. Она робко облокотилась о деревянный шаткий барьер. Слезы оставили на щеках искрящиеся под солнечным светом соляные дорожки.

— Сына у меня ограбили, — сказала она. — Только что. И муж скрылся. Удалов. Из ремконторы. Среди бела дня, в сквере.

— Разберемся, — успокоил лейтенант. — Только попрошу по порядку.

— У него рука сломанная, в гипсе, — сказала женщина. Она смотрела на лейтенанта требовательно. По соляным руслам струились ручейки слез.

— У кого? — спросил лейтенант.

— У Корнелия. Вот фотокарточка. Я принесла.

Женщина протянула лейтенанту фотографию — любительскую, серую. Там угадывалась она сама в центре. Рядом были полный невыразительный мужчина и мальчик, похожий на него.

— Средь бела дня, — продолжала женщина. — Я как раз к вам собралась, соседи посоветовали. А тут прибегает Максимка, без штанов. Синие такие были, на помочах...

Женщина широким движением сеятеля выбросила на барьер светлые в полоску пижамные штаны.

Лейтенант посмотрел на нее как обреченный...

— Может, напишете? — спросил он. — Все по порядку. Где, кто, что, у кого отнял, кто куда сбежал — только по порядку, и не волнуйтесь.

Говоря так, лейтенант подошел к графину с кипяченой водой, налил воды в граненый стакан, дал ей напиться.

Женщина пила, изливая выпитое слезами, писать отказывалась и все норовила рассказать лейтенанту яркие детали, упуская целое, ибо целое ей было уже известно.

Минут через десять лейтенант наконец понял, что два трагических события в жизни семьи Удаловых между собой не связаны. Муж пропал вечером, вернее, ночью; пришел из больницы, сослался на командировку и исчез в пижаме. Сына ограбили утром,

только что, в скверике у Параскевы Пятницы, и ограбление было совершено малолетним преступником.

Разобравшись, лейтенант позвонил в больницу.

— Больной Удалов на излечении находится? — спросил он.

Подождал ответа, поблагодарил. Потом подумал и задал еще вопрос:

— А вы его выписывать не собирались?.. Ах так. Ночью? В двадцать три? Ясно.

Потом обратился к Удаловой.

— Правильно говорите, гражданка, — сказал он ей. — Ушел ваш супруг из больницы. В неизвестном направлении. Медперсонал предполагал, что домой. А вы думаете, что нет?

— Так и думаю, — ответила Удалова. — И еще сына ограбили. Оставили пижаму.

Лейтенант разложил пижамные штаны на столе.

— От взрослого человека, — показал он. — А вы говорите — ребенок.

— Я и сама не понимаю, — согласилась Удалова. — И мальчик такой правдивый. Тихий. Смирный. И штаны с помочами были. Синие. Вот как на этом.

Гражданка Удалова показала на мальчика в синих штанишках, вошедшего тем временем в помещение милиции и робко отпрянувшего к двери при виде Удаловой.

Ксения не узнала своего мужа. Не узнала она и штанов, принадлежавших ранее Максиму, ибо они пришлись Корнелию в самый раз.

— Так вы свою жалобу напишете? — спросил лейтенант.

— Напишу. Все как есть напишу, — сказала Ксения. — Только домой сбегаю и там напишу. Кормить сына надо.

При таком свидетельстве заботы жены о доме Корнелию захотелось плакать слезами раскаяния, но он удержался — не смел обратить на себя внимание.

— Тебе чего, мальчик? — спросил лейтенант, когда Удалова ушла писать заявление и кормить сына.

Удалов, почесывая ладонь, подошел к барьеру. Голова его белым курганчиком возвышалась над деревянными перилами, и ему пришлось стать на цыпочки, чтобы начать разговор с дежурным.

— Не тебе, а вам, — поправил Удалов. Когда себя не видел, както забывал о своих истинных размерах.

— Ну, вам, — не стал спорить лейтенант. — Говори, пацан.

— Дело государственной важности, — произнес Удалов и оробел.

— Молодец, — одобрил лейтенант. — Хорошо, когда дети о

большом думают. Погляди, старшина, мы в его возрасте только футболом интересовались.

Старшина, сидевший в другом углу, согласился.

— Я поближе хочу, — сказал Удалов. — За барьер.

— Заходи, садись. И начинай, а то у меня дежурство кончается. Домой пора. Жена ждет, понимаешь?

Удалов это понимал. И кивнул головой сокрушенно.

Мальчик в слишком больших башмаках, завязанных, чтобы не упали, под коленками шнурками, вскарабкался на стул.

Лейтенант смотрел на мальчика с сочувствием. У него детей не было, но он их любил. И хоть дело мальчика касалось какой-нибудь малой несправедливости, обижать его лейтенант не хотел и слушал как взрослого.

— Существует заговор! — начал Удалов. — Я еще не знаю, кто его финансирует. Но может оказаться, что и не марсиане.

— Во дает. — Старшина поднялся со стула и подошел поближе.

— Шпиона видел? — ласково спросил лейтенант.

— Да вы послушайте! — воскликнул мальчик, и глаза его увлажнились. — Говорю, заговор. Я сам тому доказательство.

Лейтенант незаметно подмигнул старшине, но мальчик заметил это и сказал строго:

— Попрошу без подмигиваний, товарищ лейтенант. Они сейчас обсуждают дальнейшие планы. Со мной разделались, а что дальше, страшно подумать. Возможно, на очереди руководящие работники в районе и области.

— Во дает! — повторил старшина совсем тихо.

Он подумал, что жизнь ускоряет темпы, и если следить за прессой, то увидишь, что в западных странах психические заболевания приняли тревожный размах. Теперь подбираются к нам. А мальчика жалко.

— Ну а как тебя зовут, мальчик? — спросил лейтенант.

— Удалов, — ответил мальчик. — Корнелий Удалов. Мне сорок лет.

— Та-ак, — произнес лейтенант.

— Я женат, — продолжал Удалов, и лопоухое личико порозовело. — У меня сын, Максимка, в школу ходит.

Тут Удалова посетили воспоминания о преступлении против собственного ребенка, и он еще ярче зарделся.

— Та-ак, — протянул лейтенант. — Тоже, значит, Удалов.

Неожиданно во взоре его появилась пронзительность.

И он спросил отрывисто:

— А штаны с тебя в парке сняли?

— Какие штаны?

— А мамаша твоя с жалобой приходила?

— Так она же меня не узнала! — взмолился Удалов. — Потому что я не сын, а муж. Только меня превратили в ребенка, в мальчика. Я про это и говорю. А вы не верите. Если бы я был сын, то меня бы она узнала. А я муж, и она меня не узнала. Понятно?

— Во дает! — в очередной раз удивился старшина и начал продвижение к двери, чтобы из другой комнаты позвонить в «Скорую помощь».

— Ты лучше к его мамаше сходи. Она адрес оставила, — сказал лейтенант, понявший замысел старшины. — Погоди, мальчика сначала в детскую комнату определим.

— Нет! — закричал Удалов. — Я этого не перенесу! У меня паспорт есть, только не с собой. Я вам такие детали из своей жизни расскажу! Я ремконторой руковожу!

Лейтенант печально потупился, чтобы не встречаться взглядом с заболевшим мальчиком. Ну что он мог сказать, кроме общих слов сочувствия? Да и эти слова могли еще более разволновать ребенка, считающего себя руководителем ремконторы Удаловым.

Старшина сделал шаг по направлению к мальчику, но тот с криками и плачем, с туманными угрозами дойти до Вологды и даже до Москвы соскочил со стула, затопал тяжелыми ботинками, вильнул между рук старшины, увернулся от броска лейтенанта и выскользнул за дверь, а затем скрылся от преследователей среди куч строительного мусора, накопленного во дворе реставрационных мастерских.

Научный склад мышления — явление редкое и не обязательно свойственное ученым. Он предусматривает внутреннюю объективность и желание добиться истины. Удалов не обладал этим складом, потому что стать мальчиком, когда внутренне подготовился к превращению в полного сил юношу, слишком обидно и стыдно. Поэтому воображение Удалова, богатое, но неорганизованное, подменило эксперимент заговором, и заговор этот рос по мере того, как запыхавшийся Корнелий передвигался по городу, распугивая кур и гусей. И чудилось Корнелию, что заговорщики в черных масках подкрадываются к системе водоснабжения и отрава проникает в воду, пиво, водку и даже в капли от насморка.

Просыпается утром страна, и обнаруживается — нет в ней больше взрослых людей. Лишь дети, путаясь в штанах и башмаках, выходят с плачем на улицы. Остановился транспорт — детские ножки не могут достать до тормозных педалей. Остановились станки — детские ручки не могут удержать тяжелую деталь. Плачет на углу мальчик — намеревался сегодня выходить на пенсию, а что теперь? Плачет девочка — собралась сегодня выйти замуж, а что

теперь? Плачет другая девочка — завтра ее очередь лететь в космос. Плачет второй мальчик — вчера только толкнул штангу весом в двести килограммов, а сегодня не поднять и двадцати.

Мальчик-милиционер двумя ручками силится поднять палочку-регулировочку. Девочка-балерина не может приподняться на носки. Мальчик-бас, оперный певец, пищит-пищит: «Сатана там правит бал!»

А враги хохочут, шепчутся: «Теперь вам не взобраться в танки и не защитить своей страны от врагов...»

И тут, по мере того как блекла и расплывалась страшная картина всеобщего помоложения, Удалова посетила новая мысль: «А вдруг уже началось? Вдруг я не единственная жертва старика? А что, если все — и Кастельская, и Шурочка Родионова, и друг Грубин, и даже подозрительная старуха Бакшт, — все они стали детьми и с плачем стучатся в дверь Кастельской?»

Новая мысль поразила Удалова своей простотой и очевидностью, подсказала путь дальнейших действий, столь нужный.

К дому Кастельской Удалов подкрадывался со всей осторожностью и к играющим на тротуаре детям приглядывался с опаской и надеждой — любой ребенок мог оказаться Еленой Сергеевной или Сашей Грубиным. Да и вообще детей в городе было очень много — более, чем вчера. Это свое наблюдение Удалов также был склонен отнести за счет сговора старика с марсианами, а не за счет хорошей погоды, как это было на самом деле.

Но стоило Удалову войти в сени, как все иллюзии разлетелись. Пострадал лишь он.

26

Перед Удаловым стояла чашка с какао, батон, порезанный толсто и намазанный вологодским маслом. На тарелке посреди стола горкой возвышался колотый сахар. В кастрюле дымилась крупная картошка.

О Корнелии заботились, его жалели очаровательные женщины, угощали шампанским (из наперстка), мужчины легонько постукивали по плечику, шутили, сочувствовали. Здесь, по крайней мере, никто не ставил под сомнение действительную сущность Удалова. Он весь сжался и чувствовал себя подобно одинокому разведчику в логове коварного врага. Каждый шаг грозил разоблачением. Удалов улыбался напряженно и сухо.

— И неужели никакого противоядия? — шептала Милица Грубину, тот глядел на Алмаза, Алмаз разводил под столом ладонями-лопатами.

Может, где-то на отдаленной звезде это противоядие давно испытано и продается в аптеках, а на Земле пока в нем необходимости нет. Алмаз Удалова особо не жалел — получил человек дополнительно десять лет жизни. Потом поймет, успокоится. Другому бы это счастье, спасение.

— В дозе ошибки не было? — спросил Грубин.

— Не было, — сказал Алмаз.

Грубин листал тетрадь, шевелил губами, снова спросил:

— А ошибиться вы не могли?

— Сколько всем, столько и ему, — сказал Алмаз.

— А если он сам? — спросила Шурочка.

— Я только свою чашку выпил, — проговорил быстро Удалов.

— «А косточку я выкинул в окошко», — весело процитировала Шурочка. Она быстро свыклась с тем, что Удалов — мальчик, и только. И общалась с ним как с мальчиком.

— Я ж говорю, что не пил. — Удалов внезапно заплакал. Убежал из-за стола, размазывая кулачками слезы.

Елена Сергеевна укоризненно поглядела на Шурочку, покачала головой.

Алмаз заметил это движение, ухмыльнулся: укоризна Елены Сергеевны была от прошлого, с нынешним девичьим обликом вязалась плохо.

— Я только Ксюшину бутылочку выпил. Маленькую. Она меня из дома выгнала! — крикнул Удалов от двери.

Грубин продолжал листать тетрадь старика. Его интересовал состав зелья, хотя из тетради, записанной множество лет назад, узнать что-либо было трудно.

Савич искоса поглядывал на Елену, порой приглаживал волосы так, будто гладил лысину. Савич был растерян, так как еще недавно, вчера ночью, дал овладеть собой иллюзии, что, как только он помолодеет, начнет жизнь снова, откажется от Ванды, придет к Елене и скажет ей: «Перед нами новая жизнь, Леночка. Давай забудем обо всем, ведь мы нужны друг другу». Или что-то похожее.

Теперь же вновь наступили трудности. Сказать Елене? А Ванда? Ну кто мог подумать, что так произойдет? И кроме того, они ведь связаны законным браком. И Савич чувствовал раздражение против старика Алмаза, поставившего его в столь неловкое, двусмысленное положение.

А Елена тоже посматривала на Савича. Думала о другом. Думала о том, что превращение, происшедшее с ними, — обман. Не очевидный, но все-таки самый настоящий обман. Ведь в самом де-

ле никто из них, за исключением, может быть, старухи Милицы, почти впавшей в детство и потерявшей память, не стал в самом деле молодым. Осталась память о прошлом, остались привычки, накопленные за много лет, остались разочарования, горести и радости — и никуда от них не деться, даже если тебе на вид лет восемь, как Удалову.

Вот сидит Савич. В глазах у него обида и растерянность. Но обида эта и растерянность не свойственны были Савичу-юноше. И возникли они давно, постепенно, от постоянного ощущения неудовлетворенности собой, своей работой, своей квартирой, характером своей жены. И даже жест, которым Савич поглаживает волосы, пришел с лысиной, с горестным недоверием к слишком быстрому и жестокому бегу времени.

Если сорок лет назад можно было сидеть вдвоем на лавочке, целоваться, глядеть в звездное небо, удивляться необыкновенности и новизне мира и своих чувств, то теперь этого сделать будет нельзя. Как ни обманывай себя, не избавишься от спрятанного под личиной юноши тучного, тяжело дышащего лысого провизора.

Омоложение было иллюзией, но вот насколько она нужна и зачем нужна, Елена еще не разобралась. Пока будущее пугало. И не столько необходимостью жить еще несколько десятков лет, сколько вытекающими из омоложения осложнениями житейскими.

— Семь человек приняли эликсир, — сказал деловито Грубин, захлопывая тетрадь. — Все здорово помолодели. Один даже слишком.

Удалов громко всхлипывал в маленькой комнате. Даже Ваня пожалел его, взял мяч и пошел туда, к грустному мальчику.

— Все-таки процент большой, — определил Савич.

— Но главное — эксперимент удачен. И это раскрывает перед человечеством большие перспективы. А на нас накладывает обязательства. Ведь бутыль-то разбилась.

— Нам вряд ли поверят, — сказал Савич. — Уж очень все невероятно.

— Обязательно поверят, — возразил Грубин. — Нас девять человек. У нас, в конце концов, есть документы, воспоминания, люди, которых мы можем представить в качестве свидетелей. Ведь мы-то, наше прошлое куда-то делись. Нет, придется признать.

— Не признают, — вмешался Удалов, вошедший тем временем в комнату, чтобы избавиться от общества Вани с мячиком. — Я правду скажу: я уже ходил в милицию. Не поверили. Чуть было маме не отдали, то есть моей жене. Пришлось бежать.

Удалов виновато поведал историю своих похождений. Он уже

понял, что стал жертвой ошибки, жертвой своего исключительно злокачественного невезения.

— Эх, Удалов, Удалов! — сказал наконец Грубин. — И когда ты станешь взрослым человеком?

— Лет через десять, — хихикнула Шурочка.

— Шурочка! — остановила ее Елена.

— Вам бы только издеваться, — пожаловался Удалов. — А я без работы остался и без семьи. Как мне исполнять свои обязанности, семью кормить, отчитываться перед руководящими органами?

— Да, — сказал Грубин. — Дело нелегкое. И в милицию теперь не пойдешь за помощью. Им Удаловы так голову закрутили — чуть что, сразу вызовут «Скорую помощь» и санитаров со смирительной рубашкой. Да и другие органы, верно, предупреждены. Надо в Москву ехать. Прямо в Академию наук. Всем вместе.

— Уже? — спросила Милица. — Я хотела пожить в свое удовольствие.

— В Москве для этого возможностей больше, — бросил Алмаз. — Только уж обойдитесь без меня. Я потом подъеду. Вернуться надо к своим делам.

— Да как же так? Без вас научного объяснения не будет.

— А мое объяснение меньше всего на научное похоже.

— Что за дела, если не секрет? — заинтересовалась вдруг Елена.

— Спрашиваешь, будто я по крайней мере до министра за триста лет дослужился. Разочарую, милая. В Сибири я осел, в рыбной инспекции. Завод там один реку портит, химию пускает. Скоро уже и рыбы не останется, когда-нибудь, будет времени побольше, расскажу, какую я борьбу веду с ними четвертый год. Но возраст меня подводил, немощь старческая. Теперь уж я их замотаю. Попляшут. Главный инженер или фильтры поставит, или вместо меня на тот свет. Я человек крутой, жизнью обученный. Вот так.

Алмаз положил руку на плечо Елены, и та не возражала. Рука была тяжелая, горячая, уверенная. Савич отвернулся. Ему этот жест был неприятен.

— Учиться вам надо, Алмаз Федотович, — сказала Милица. — Тогда, может, и министром станете.

— Не исключено, — согласился Алмаз. — Но сначала я главного инженера допеку. И всех вас приглашу на уху. Добро?

Грубин опустился тем временем на колени и заглянул под стол. Он увидел, что в том месте, где на пол пролился эликсир, из досок за ночь поднялись ветки с зелеными листочками. Пол тоже помолодел.

— А в Москву ехать на какие деньги? — спросил Грубин из-под стола.

27

Никто уже не сомневался, что в Москву ехать надо. Слово такое появилось и овладело всеми: «Надо». Жили люди, старели, занимались своими делами и никак не связывали свою судьбу с судьбами человечества. И даже когда соглашались на необычный эксперимент, делали это по самым различным причинам, опять же не связывая себя с человечеством.

Но когда обнаружилось, что таинственный эликсир и в самом деле действует, возвращает молодость, оказалось, что на людей свалилась ответственность, хотели они того или нет. Да и в самом деле, что будешь делать, если в руки тебе дается подобный секрет? Уедешь в другой город, чтобы тихо прожить жизнь еще раз?

Раньше Алмаз так и делал. Хоть и проживал очередную жизнь не тихо, а в смятении и бодрствовании, но к людям пойти, поделиться с ними тайной не мог, не смел — погубили бы его, отняли тайну, передрались бы за нее. Так предупреждал пришелец. Но то был один Алмаз. Теперь семь человек.

Слово «надо», коли оно не пришло извне, а родилось самостоятельно, складывается из весьма различных слов и мыслей, и нелегко порой определить его истоки. Грубин, например, с первого же момента рассматривал все как чисто научный эксперимент, так к нему и относился. Когда же помолодел и осознал тщету предыдущей жизни, то в нем проснулся настоящий ученый, для которого сущность открытия лежит в возможности его использования.

Удалов внес свою лепту в рождение необходимости, потому что был уверен, что в Москве хорошие врачи. Если придется к ним попасть, вылечат от младенчества, вернут в очевидный облик. Его «надо» было чисто эгоистическим.

Савич готов был ехать куда угодно — его ничто не удерживало в Гусляре. В аптеку путь закрыт — кому нужен юный провизор, который вчера был солидным мужчиной предпенсионного возраста? О том, чем он будет заниматься, Савич не думал — его главные проблемы были личными. Что делать с двумя девушками, на одной из которых за последних сорок лет он дважды женился, а другую дважды бросил? Увидев молодую Елену, Савич испытал раздражение против себя и понял, что вчера был совершенно прав, надеясь связать свою новую жизнь именно с Еленой. Когда тебе двадцать — в самом деле двадцать, — ты можешь не разглядеть за соблазнительной девичьей оболочкой вульгарность, грубость и даже — Савич не боялся этого слова — пошлость. Но с сорокалетним опытом совместной жизни пришло и полное осознание прежней ошибки. Теперь оставалось сделать один лишь шаг — честно рас-

сказать обо всем Елене, прекрасной, тонкой, понимающей, и добиться ее взаимности. Ведь была же эта взаимность сорок лет назад? Ведь страдала Лена, когда он оставил ее! Теперь должно наступить искупление и затем — счастье.

Но, размышляя так, Савич сам себе не верил. Он всей шкурой ощущал, что у него неожиданно появился соперник, который не даст возможности не спеша осмотреться, все обсудить и принять нужные меры. Этот бывший старик был нахален и, видно, привык забирать от жизни все, что ему приглянулось. А у Елены совершенно нет опыта обращения с подобными субъектами. И осмотрительность Савича, которую Елена может ложно истолковать, также работает против него — с каждой минутой шансы Савича тают.

Елена Сергеевна также была в растерянности, но Савич не занимал в ее мыслях главного места. Она поняла, что возврата к прошлой жизни нет, надо искать выход, но ведь вся старая жизнь с ее требованиями и обязанностями оставалась. Оставалась дочь, которая вернется из отпуска за Ваней, оставались должности в общественных организациях и незавершенные дела, оставались друзья и знакомые, от которых придется отказаться. И отъезд в Москву, хоть и был бегством, оказывался наиболее разумным выходом из тупика. А что касается Никиты, конечно же, шок от появления молодого, курчавого, милого и доброго Никитушки был велик. И был бы больше, если бы рядом не оказалось Ванды Казимировны с ее хозяйскими повадками и взглядом женщины, которая Никитушкой владеет. Да и неудивительно — она же была первой, кто увидел Савича помолодевшим, и, наверное, уж успела принять меры, чтобы оставить его за собой. Да и взгляд Никиты, виноватый и растерянный, выдавал его с головой. Ясно было, что вчера он решился принять участие в опыте, потому что мечтал изменить жизнь. Сегодня же он вновь колеблется. И хорошо — все было решено сорок лет назад, зачем же начинать снова эту волынку?

Так Елена Сергеевна утешала себя, потому что нуждалась в утешении. Оказывается, ее чувство к Савичу не совсем испарилось за эти годы — да и много ли сорок лет в жизни человека? Кажется, только вчера она выслушивала клятвы в вечной верности и только вчера они с Никитой обсуждали свои совместные планы на жизнь.

И неудивительно, что Елена тянулась к Алмазу. Бывают мужчины, которых надо утешать. Значительно реже встречаются такие, которые сами могут тебя защитить и утешить. Алмаз не просил жалости, да и нелепо было бы его жалеть. Вот он, думала Елена, незаметно глядя на Алмаза, может взять тебя на руки и унести,

куда пожелает, потому что знает, как хочется иногда женщине не принимать решений.

Алмаз перехватил этот несмелый взгляд и широко улыбнулся.

— Нашел тебя, — сказал он, поднимая бокал шампанского. — Теперь не упущу.

Ванда Казимировна, не спускавшая глаз с мужа и Елены, настороженная, как кошка перед мышиной норой, с радостью отметила эти слова. «Плохо твое дело, мой зайчик», — подумала она о муже.

А если так, то можно поехать в Москву. Взять отпуск в магазине за свой счет и прокатиться. Тысячу лет там не была. Заодно надо будет и приодеться. Ведь когда ты солидная пожилая дама, то подчиняешься одной моде, чтобы все было из дорогого материала и с драгоценностями. Когда тебе двадцать, надо менять стиль. В Москве театры, концерты, может быть, придется сверкать. Правда, для этого требуются средства. И значительные. Доехать, устроиться и там пожить. А почему и не пожить? Сорок лет накапливала. Можно позволить, накопления есть. Надо будет взять сберкнижку, которая хранится в сейфе, в универмаге.

— У меня совершенно нет сбережений, — призналась Милица. — Знаете, я как-то все свои жизни прожила без сбережений. Это так неинтересно — сберегать.

— И в поклонниках отказа не было, — сказал Алмаз.

— Не только в поклонниках — в мужьях, — поправила его с улыбкой Милица.

И поглядела, расширив глазищи, на Сашу. Тому показалось, что острые черные ресницы вонзаются ему в сердце. И ему стало стыдно, что у него тоже нет никаких сбережений. Последние он истратил на детали для вечного двигателя.

— Но в Москву попасть мечтаю, — сказала Милица. — Меня всегда тянуло в столицу.

Миша Стендаль поправил очки и приобрел сходство с Грибоедовым, прибывшим на первую аудиенцию к персидскому шаху. Он решился:

— Деньги достать можно.

— Откуда? — сокрушенно произнес Грубин. — Нам даже занять не у кого. Если я к своей двоюродной сестре приду, она меня с лестницы спустит. Решит, что я авантюрист.

— А ты ей паспорт покажи, — пискнул от двери Удалов, но никто не обратил внимания на его слова.

— Может, у тебя, Ванда Казимировна? — спросил Грубин. — Ты же директор.

— Нет, — сказала Ванда, не задумываясь, — мы только что гарнитур купили. Савич, подтверди.

— Купили, — сказал Савич и расстроился, потому что жене не поверил, но не посмел оспорить ее слова. Сам он свободных денег не имел, да и не нуждался в них. Зарплату сдавал домой, получал рубль на обед и когда нужно — на книгу.

«Так мы и не стали молодыми», — подумала Елена. Ванда когда-то была мотовкой, хохотушкой, цены деньгам не знала и знать не желала. А привыкла к деньгам постепенно. И сидит сейчас в юной Ванде пожилая директорша, которая не любит расставаться с копейкой. Так что молодость наша — только видимость.

— У меня есть шестьдесят рублей, — проговорила Елена.

— Не тот масштаб, — сказал Грубин.

— Может, отложим отъезд? — спросил Савич.

— Нельзя, — ответил Грубин. — Вы же знаете.

Он вылез из-под стола с букетиком зеленых листьев, что выросли за ночь в том месте пола, куда пролилось зелье. Листья он намеревался исследовать, попытаться определить состав жидкости.

— Вы же знаете, — сказал Грубин, — с каждой минутой следы эликсира в нашей крови рассасываются. День-два — и ничего не останется. На основе чего будут работать московские ученые? Любая минута на учете. Или мы выезжаем ночным поездом, либо можно вообще не ехать.

— Вот я и говорю, — продолжил Стендаль. — Деньги достать можно, и вполне официально. Я начну с того, что наши события произошли именно в городе Великий Гусляр. А кто знает о нашем городе? Историки? Статистики? Географы? А почему? Да потому, что Москва всегда перехватывает славу других городов. Я сам из Ленинграда, хотя уже считаю себя гуслярцем. И что получается? В Кировском театре почти балерин не осталось — Москва переманила. Команда «Зенит» успехов добиться не может — футболистов Москва перетягивает. А почему метро в Ленинграде позже, чем в Москве, построили? Все средства Москва забрала. А о Гусляре и говорить нечего, даже и соперничать не приходится. А почему бы не посоперничать? Обратимся в нашу газету!

— Правильно, Миша, — поддержала его Шурочка. — А раньше Гусляр, в шестнадцатом веке, Москве почти не уступал. Иван Грозный сюда чуть столицу не перенес.

— Красиво говоришь, — сказал Алмаз. — Город добрый, да больно мелок. Даже если здесь совершенное бессмертие изобретут, все равно с Москвой не тягаться.

— Газета добудет нам денег, — продолжал Стендаль, — опубликует срочно материал. И завтра утром мы отбываем в Москву.

И нас уже встречают там. Разве не ясно? И Гусляр прославлен в анналах истории.

— Ну-ну, — сказал Алмаз. — Попробуй.

Стендаль блеснул очками, обводя взглядом аудиторию. Остановил взгляд на Милице.

— Милица Федоровна, вы со мной не пойдете?

— Ой, с удовольствием, — согласилась Милица. — А редактор молодой?

— Средних лет, — сдержанно ответил Стендаль.

— Тогда я возьму мой альбом. Там есть стихи Пушкина.

28

Пленка, которую принес с птицефермы фотограф, никуда не годилась. Ее стоило выкинуть в корзину, пусть мыши разбираются, где там несушки, а где красный уголок. Так Малюжкин фотографу и сказал. Фотограф обиделся. Машинистка сделала восемь непростительных опечаток в сводке, которая пойдет на стол к Белосельскому. Малюжкин поговорил с ней, машинистка обиделась, ее всхлипывания за тонкой перегородкой мешали сосредоточиться.

Степан Степанов из сельхозотдела, консультант по культуре, проверял статью о художниках-земляках. Пропустил ляп: в очерке сообщено, что Рерих — баталист. Малюжкин поговорил со Степановым, и тот обиделся.

К одиннадцати половина редакции была обижена на главного, и оттого Малюжкин испытывал горечь. Положение человека, имеющего право справедливо обидеть подчиненных, возносит его над ними и лишает человеческих слабостей. Малюжкину хотелось самому на кого-нибудь обидеться, чтоб поняли, как ему нелегко.

День разыгрался жаркий. Сломался вентилятор; недавно побеленный подоконник слепил глаза; вода в графине согрелась и не утоляла жажды.

Малюжкин был патриотом газеты. Всю сознательную жизнь он был патриотом газеты. В школе он получал плохие отметки, потому что вечерами переписывал от руки письма в редакцию и призывал хорошо учиться. В институте он пропускал свидания и лекции и подкармливал пирожками с повидлом нерадивых художников. Каждый номер вывешивал сам, ломал, волнуясь, кнопки и долго стоял в углу — глядел, чем и как интересуются товарищи. Новое полотнище, висящее в коридоре, было для Малюжкина лучшей, желанной наградой, правда, наградой странного свойства — со

временем она переставала радовать, теряла ценность, требовала замены.

Иногда вечерами, когда институт таинственно замолкал и лишь в коридорах горели тусклые лампочки, Малюжкин забирался в комнату профкома, где за сейфом старились пыльные рулоны прошлогодних стенгазет, вытаскивал их, сдувал пыль, разворачивал на длинном столе, придавливал углы тяжелыми предметами, приклеивал отставшие края заметок и похож был на донжуана, перебирающего коллекцию дареных фотографий с надписями «Любимому» и «Единственному».

И теперь, дослужившись к вершине жизни до поста редактора городской газеты, Малюжкин уходил из редакции последним, перед уходом перелистывая подшивки газеты за последние годы.

Перед Малюжкиным стоял литсотрудник Миша Стендаль. Вид его был неряшлив, очки запылились.

— Что у тебя? — спросил Малюжкин.

— Важное дело.

— Важное дело здесь. — Малюжкин показал на недописанную передовицу о подготовке школ к учебному году. — К сожалению, не все понимают.

Малюжкин прижал палец к губам, затем им провел по воздуху и упер в стенку. Из-за стены шло всхлипывание. Стендаль понял, что машинистка снова допустила опечатки.

— Итак? — произнес Малюжкин, склонный к красивым словам.

— Итак, поверить мне трудно, но я принес настоящую сенсацию.

— Сенсация сенсации рознь, — заметил Малюжкин.

Само слово «сенсация» имело неприятный оттенок, связывалось в уме с унизительными эпитетами.

— Только без дешевых сенсаций, — сказал Малюжкин. — В одной центральной газете напечатали про снежного человека — и что? — Малюжкин резко провел ребром ладони по горлу, показывая судьбу редактора. — Ну, ты говори, не обижайся.

— У нас есть возможность стать первой, самой знаменитой газетой в мире. Интересует?

— Посмотрим.

Машинистка за стеной перестала всхлипывать — прислушивалась.

— Но в любом случае, — продолжал Малюжкин, — передовую заканчивать придется. Ты же за меня ее дописать не сможешь?

Малюжкин прикрыл на несколько секунд глаза и чуть склонил седеющую голову благородного отца. Ждал лестного ответа.

— Передовицу — в корзину, — сказал невежливо Стендаль. — На первую полосу другое.

Малюжкин терпеливо улыбнулся. Он умел угадывать нужное, своевременное. По виду Стендаля понял — блажь. И мысли переключил на завершение передовой.

— Вчера, — начал Стендаль, — в нашем городе произошло величайшее событие, сенсация века. Впервые удачно произведен эксперимент по коренному омоложению человеческого организма.

Торжественные слова, как рассчитывал Стендаль, легче проникают в мозг Малюжкина, но тот, слыша их, не вникал в смысл, а старался приспособить к делу, к передовой. «Впервые в стране произведен эксперимент, — повторял мысленно Малюжкин, — по полному охвату подрастающего поколения сетью восьмилетнего обучения». Внешне Малюжкин продолжал поддерживать беседу со Стендалем.

— В больнице, говоришь, эксперимент? — переспросил он. — Там у нас способная молодежь.

Из собственной фразы в передовицу пошли слова «способная молодежь». Надо было подыскать им нужное обрамление.

— Нет, не в больнице. На частной квартире.

— Не бегай по кабинету, садись.

Бегающий в волнении Стендаль, махающий руками Стендаль, протирающий на ходу очки Стендаль мешал Малюжкину сосредоточиться.

— Несколько человек, — продолжал Стендаль, присаживаясь на кончик стула и продолжая двигать ногами, — получили возможность овладеть секретом вечной молодости.

Обрамление для «способной молодежи» нашлось: «Способная молодежь получила возможность овладеть секретом науки». Малюжкин мысленно записал эту фразу.

— Да-да, — произнес он вслух. — Как же, читал.

— Где? — Стендаль даже перестал двигать ногами. — И ничего не сказали?

— Где? — удивился Малюжкин. — «Наука и жизнь» писала. — Редактор был уверен, что во лжи его не уличить. — «Наука и жизнь» уже писала обо всем. В Штатах опыты производились. У нас тоже — на собаках.

— Ясно, — сказал Стендаль. Понял, что редактор невнимателен. — И вы могли бы! — неожиданно крикнул он.

Малюжкин забыл все фразы для передовой. Испугался. Машинистки за стеной ахнули.

— И вы могли бы стать молодым! — кричал Стендаль. — Каждый может стать молодым! Вчера старик, сегодня юноша. Понимаете?

— Спокойно, — приказал Малюжкин. — Ты нервничаешь, Цезарь, значит, ты не прав. — Малюжкин указал пальцем на перегородку и продолжал шепотом: — За стеной люди, понял? Пойдут сплетни. А ты не проверил, а кричишь. Свидетели есть? Проверка была?

— Я сам свидетель, — сказал Стендаль, также переходя на шепот, наклоняясь через стол.

Они сидели как заговорщики, обсуждающие план ограбления банка.

— И еще свидетель есть, — пролепетал Стендаль. — Позвать?

— Ну-ну, — согласился Малюжкин. Передовицу все равно придется придумывать снова.

Стендаль высунулся в окно, крикнул:

— Мила, будьте любезны, поднимитесь! Комната пять, я вас встречу.

Стоило Стендалю отойти, как Малюжкин вернулся к передовой. Стендалю это не понравилось. Схватил лист, разорвал, бросил в корзинку.

— Ты с ума сошел, — зашипел Малюжкин. Обида завладела им.

— Сейчас придет женщина, — сообщил Стендаль. — Ей минимум двести лет. Она была знакома с Александром Сергеевичем Пушкиным.

Стендаль убежал.

«Женщины... — думал Малюжкин, склоняясь над мусорной корзиной, — везде женщины, все знакомы или с Пушкиным, или с Евтушенко, а верить никому нельзя».

За дверью послышался голос Стендаля:

— Сюда, Милица, главный ждет вас.

— Спасибо, — засмеялся серебряный голос в ответ.

«Театр, — подумал Малюжкин. — Показуха». Дверь распахнулась, и возникло чудо. Вошла шамаханская царица, прекрасная девушка в сарафане с альбомом в руках. Этой девушки раньше не было и быть не могло. Эту девушку можно было увидать однажды и всю жизнь питаться воспоминаниями.

— Здравствуйте. — Девушка протянула Малюжкину руку. Она держала ее выше, чем принято, и потому рука оказалась поблизости от губ редактора.

Малюжкин неожиданно для себя поцеловал тонкую атласную кисть и сел, заливаясь краской.

— Я тоже сяду? — спросила девушка.

— Очень приятно, — ответил Малюжкин. — Познакомиться

очень приятно. Садитесь, ради всего святого... — Редактору хотелось говорить очень красиво, хотя бы как говорили герои Льва Толстого. — Крайне польщен, — закончил он.

— Мишенька, наверное, про меня рассказал, — улыбнулась девушка, и из ее глаз вылетели острые сладкие стрелы. — Меня зовут Милицей Бакшт, я живу в этом городе более ста лет.

— Не может быть, — сказал Малюжкин, приглаживая волосы на висках, — я бы запомнил ваше чудесное лицо...

По редакции уже прошел слух о появлении неизвестной красавицы. Думали, что из киногруппы, снимающей в городе историко-революционный фильм. Все мужчины пошли в коридор покурить. Курили рядом с дверью главного.

— А вы меня узнать и не можете, — сказала Милица. — Я еще вчера была древней старухой с клюкой. Ужасное зрелище, вспоминать не хочется. Вы меня понимаете?

— О да, — проговорил Малюжкин.

Милица гибко вскочила со стула, повернулась кругом, сарафан взметнулся и обнажил стройные ноги, и тут же она согнулась, оперлась на воображаемую палку, скривила спину, зашаркала, еле переставляя ноги, и руками двигала с трудом.

Смешно и радостно стало Малюжкину, и он сказал:

— Вы актриса, вы талантливая актриса, вам надо сниматься.

Машинистки, услышавшие эти слова через стенку, вынесли в коридор подтверждение новости: незнакомка была киноактрисой, главный ее хвалит.

Степанов вспомнил две картины, в которых он эту киноактрису видел. И многие согласились.

— Очень похоже, — подтвердил Стендаль. — Примерно так это и выглядело. Я сам помню.

— Вы верите мне? — спросила Милица, садясь снова на стул, и глаза ее настолько приблизились к лицу редактора, что тот ощутил головокружение.

— Вам верю во всем, в большом и в малом.

— Вы ему паспорт покажите, Мила, — посоветовал Стендаль.

— Не надо, — возразил Малюжкин. — Не надо никакого паспорта. Сейчас Миша подготовит материал, и вы не уходите, ради бога, не уходите. Вы расскажете мне все как было, что, как, когда. Сейчас же в номер.

— Вместо передовой, — напомнил Стендаль, который был еще молод и легко верил в добро.

— Вместо передовой, — подтвердил Малюжкин.

— Мишенька, — сказала Милица, — он, по-моему, в меня влю-

бился. Он рассудок теряет. Что же теперь делать? Вы в меня влюблены?

— Кажется, да, — произнес тихо редактор, не смея отрицать, но и не желая, чтобы сотрудники услышали об этом.

— Ну, я готовлю материал и в номер? — спросил Миша.

— Конечно. А вы... — в голосе Малюжкина проявилась жалкая просьба, — а вы посидите здесь, со мной? А?

— Посижу, конечно, посижу. Ведь ты недолго, Миша?

— Да я здесь же, на подоконнике, напишу. У меня вчерне все готово.

— Ну вот, — улыбнулась Милица. — Мы с вами знакомы и теперь будем разговаривать. Разве не чудесно, что я вчера была старухой, а сегодня молода?

— Чудесно, — согласился Малюжкин. — У вас чудесные зубы.

— Фу, это говорят только некрасивым девушкам, чтобы их не обидеть. — Милица засмеялась так звонко, что машинистки нахмурились.

— Нет, что вы, у вас красивые руки, и волосы, и нос, — сказал Малюжкин. Он хотел было продолжить перечисление, но тут зазвонил телефон, и редактор, не желавший ни с кем разговаривать, все-таки поднял трубку и сказал резко, чтобы отвязаться: — У меня совещание.

Трубка забулькала отдаленным человеческим голосом, и Малюжкин, не положивший ее вовремя, стал слушать. Миша подмигнул Милице, считая, что дело сделано, а та подмигнула в ответ, ибо была довольна своей красотой.

— Да, — ответил вежливым голосом Малюжкин. — Конечно. В завтрашнем номере, товарищ Белосельский. Я сам этим займусь, лично... Я отлично понимаю. Наше упущение, товарищ Белосельский.

Голос в трубке все урчал, и понемногу лицо Малюжкина собиралось в обычные деловые морщины, а волосы, завернувшиеся было в тугие цыганские завитки, на глазах распрямлялись и ложились организованно по обе стороны пробора.

— Отразим, разумеется, будет сделано, — закончил он разговор и повесил трубку. — Вот, — сказал он, глядя на Милицу, и потрогал пальцем кончик носа. — Такие дела. Передовица идет о прополке. Ясно, Стендаль? О прополке, а не о подготовке школ. Со школами еще не горит. Наше упущение. Самим следовало догадаться. Позовите ко мне Степанова. Одна нога здесь, другая там. Пусть захватит график прополки.

— Как же? — спросил Стендаль. — А статья?

— Да-да, — сказал Малюжкин. — Очень приятно было позна-

комиться. Всегда рад. Иди же, Стендаль! Время не ждет. В газете главное — сохранять спокойствие. Ясно?

В голосе Малюжкина была настойчивость. Стендаль не смог ослушаться. Вышел в коридор и нашел Степанова. Степанов задавал вопросы, касающиеся девушки, но Стендаль не отвечал.

— Пошли, — произнес он. — Передовую будете писать. Зайдите в отдел, возьмите данные по прополке. Одна нога здесь, другая там. Так сказал шеф.

— Я же в самом деле омолодилась, — говорила Милица редактору, когда Стендаль вернулся в кабинет.

Малюжкин поднял на Стендаля обиженные глаза — его отвлекали от дела.

— Завтра чтобы быть на работе вовремя, — велел он Мише.

— Но мне же Александр Сергеевич Пушкин стихи в альбом писал! — повторяла Милица. — Личные стихи. Только мне. И нигде их не печатали.

— Очень любопытно, — сказал Малюжкин. — Оставьте альбом, посмотрим. Поместим в рубрике «Из истории нашего края». Хорошо? Значит, по рукам. Молодцы, что стихи разыскали!

И Малюжкину, переключившемуся на прополку, казалось, что он хорошо обошелся с посетителями.

— Вы не волнуйтесь, мы стихов не затеряем, понимаем ценность, девушка.

— Вы звали? — спросил Степанов, глядя на Милицу Бакшт.

Малюжкин проследил за взглядом вошедшего сотрудника, что-то забытое шевельнулось в сердце.

— Сюда, Степанов, садись. Данные по прополке захватил? Звонили, надо срочно. Так что понимаешь...

— Ну, мы пошли, — сказал печально Стендаль.

— Конечно, конечно... — сказал Малюжкин, вожделенно глядя на графики в руке Степанова. Малюжкин любил газету и любил газетную работу. Обида прошла. — Не задерживайся! — крикнул он вслед Стендалю и забыл о нем.

Хлопнула дверь за посетителями. Колыхнулись тюлевые занавески на окне.

Степанов пожалел, что девушка ушла, в такую жару писать о прополке не хотелось. Хотелось на пляж. Он подвинул к себе раскрытый альбом в сафьяновом переплете. Почерк на желтоватой странице был знаком. Рядом той же рукой был нарисован профиль только что заходившей девушки.

— Это ее альбом? — спросил Степанов.

Малюжкин удивился, но ответил:

— Ее. Говорит, Пушкин писал. — И он хихикнул. — В «Крас-

ном знамени» все агрегаты простаивают, а в сводке завышают. А? Каковы гуси?..

Конечно, это был почерк Пушкина. Или изумительная совершенная подделка, которой место в музее Пушкина в Москве.

— «Оставь меня, персидская княжна...» — прочел Степанов. — «Оставь меня, персидская княжна...» — прочел он еще раз вслух.

— Потише, — предупредил Малюжкин. — Не отвлекайтесь стихами.

Степанов не слышал: он шевелил губами, разбирал строки дальше. Этого стихотворения он не знал. И никто не знал. Степанов был первым в мире пушкинистом, читающим стихотворение, которое начиналось словами: «Оставь меня, персидская княжна...»

— Это же открытие! — воскликнул он. — Мировой важности, надо писать в Москву. Завтра прилетит Андроников.

— Что вы, сговорились, что ли? — возмутился Малюжкин. — Давай по-товарищески, Степан. Кончим передовицу — звоним Андроникову, Льву Толстому, Пушкину, выпиваем по кружке пива — что угодно! Послушай начало: «Полным ходом идет прополка на полях колхозов нашего района». Не банально?

Но Степанов не слышал, так же как за несколько минут до этого Малюжкин перестал слышать и видеть Милицу Бакшт.

Степан Степанович Степанов был одержим Пушкиным. Он был одержим упорной надеждой узнать о великом поэте все и, изучая каждое слово, сказанное им, распорядок каждого дня его жизни, терпеливо ждал, когда судьба смилостивится и подарит ему открытие в пушкинистике, открытие случайное, находку, ибо закономерные открытия там уже все сделаны.

Прошло тридцать лет с тех пор, как Степан Степанов, отыскав на чердаке старого дома первое издание «Евгения Онегина», стал солдатом маленькой интернациональной армии пушкинистов. Степан Степанович постарел, обрюзг, страдал печенью, одышкой, похоронил жену, вырастил дочь Любу, и та уже выходит замуж, но открытие не давалось.

Ни сам Пушкин, ни его родственники, ни друзья декабристы не бывали в Великом Гусляре и не оставили там дневников, записных книжек и устных воспоминаний. Но Степанов искал, посещал забытые пыльные чердаки, за бешеные деньги покупал редкие издания, поддерживал переписку с Ираклием Андрониковым и пастором Грюнвальдом в Швейцарии, изучил два европейских языка, не продвинулся по службе, а открытие все медлило, не приходило.

И вот неизвестные строки Пушкина, сами, без всяких усилий

со стороны Степанова, оказавшиеся перед ним. Степанов грузно поднялся со стула, держа на вытянутой руке альбом в сафьяновом переплете, и подошел к окну, к свету, чтобы под солнцем убедиться в том, что счастье в самом деле посетило его, что одно из решающих открытий в пушкинистике второй половины двадцатого века сделано именно им.

— Сядь, — догнал его голос Малюжкина. — Послушай: «Однако в отдельных хозяйствах темпы прополки недостаточно высоки». Или, может, написать просто «невысоки»? Или «низки»?

— Кто та девушка? — спросил Степанов.

— Какая девушка?

— Девушка, которая к тебе приходила. С Мишей Стендалем.

— Так ты у нее и спроси. Почему у меня? Не знаю я никакой девушки.

Малюжкин тоже был одержимым человеком. Он был одержим желанием сделать газету самой лучшей в области.

— Так, — сказал Степанов, стряхнул пепел с мятых брюк, с трудом стянул на обширном животе расстегнувшуюся пуговицу и, громко запев: «Оставь меня, персидская княжна...», ушел из кабинета главного редактора, убыстряя шаги, протопал по коридору и выскочил на улицу.

Малюжкин посмотрел ему вслед и обиделся до слез.

29

Милица со Стендалем доплелись до пивного ларька, у которого под разноцветными пляжными зонтиками стояли шаткие столики с голубым пластиковым верхом.

Миша отстоял в очереди, поставил на столик две кружки с шапками теплой пены. Он был разочарован в жизни и в идеалах.

— Что же, не оценили нас? — спросила Милица.

— Я совершил тактическую ошибку, — признал Стендаль, не зная еще, в чем она заключалась.

— Сначала я ему понравилась, — произнесла Милица.

Стендаль пил пиво, морщился.

— Придется прямо в Москву, — сказал он. — И Великий Гусляр останется никому не известным, заштатным городком. И они будут кусать себе локти. Пускай кусают.

— Немного он все-таки прославился, — напомнила Милица. — Я же здесь жила. — Она улыбалась. Она шутила, хотела развеселить Стендаля. — Все уладится.

— И никто не верит, — сказал Стендаль. — Даже в милиции

Удалову не поверили. А мне в газете. Что мы, проходимцы, что ли? Вот Грубин побежал опыты ставить, чтобы ничего не упустить. И вы тоже не только о себе думаете. Ведь правда?

— Ага, — подтвердила прекрасная Милица. — Смотрите, тот смешной дядька бежит.

По площади бежал, вертел головой мягкий, колышущийся мужчина, голый череп которого выглядывал из войлочного венца серых волос, как орлиное яйцо из гнезда. У мужчины были толстые актерские губы и нос римского императора времен упадка. Под мышкой он держал большой альбом. Весь он, от нечищеных ботинок, за что его журил Малюжкин, до обсыпанного пеплом пиджака, являл собой сочетание неуверенности, робости и фантастической целеустремленности.

— Мой альбом несет, — определила Милица.

— Это Степан Степанов, — сказал Миша Стендаль. — Они спохватились. Они поняли и разыскивают нас. Сюда! — махал рукой Стендаль, призывая Степанова. — Сюда, Степан Степаныч!

Степанов протопал к столику. Очень обрадовался.

— А я вас ищу, — сказал он, придавливая к земле стул, — вернее, вашу спутницу. Я уж боялся, что не найду, что мне все почудилось.

— Вас Малюжкин все-таки прислал? — спросил утвердительным тоном Стендаль.

— Какой Малюжкин? Ни в коем случае. Он, знаете, резко возражал. Он не осознает. Девушка, откуда у вас этот альбом?

— Это мой альбом, — ответила Милица.

Степанов подвинул к себе кружку Стендаля, отхлебнул в волнении.

— А вы знаете, что в нем находится? — спросил Степанов, сощурив и без того маленькие глазки.

— Знаю, мне писали мои друзья и знакомые: Тютчев, Фет, Державин, Сикоморский, Пушкин и еще один из земской управы.

— Пушкин, говорите? — Степанов был строг и настойчив. — А вы его читали?

— Конечно. У вас, Мишенька, все в редакции такие чудаки?

— Если Степаныч не убедит главного, никто этого не сделает, — сказал Миша, в котором проснулась надежда.

— И не буду, — сказал Степанов. — А вы знаете, девушка, что это стихотворение нигде не публиковалось?

— А как же? — удивилась Милица. — Он же мне сам его написал. Сидел, кусая перо, лохматый такой, я даже смеялась. Я только друзьям показывала.

— Так, — проговорил Степанов задыхаясь, допивая стендалевское пиво. — А если серьезно? Откуда у вас, девушка, этот альбом?

— Объясни ему, — попросила Милица. — Я больше не могу.

— Альбом — это только малая часть того, что мы пытались втолковать Малюжкину, — начал Стендаль, подвигая к себе кружку Милицы. — Дело не в альбоме.

— Не сходите с ума, — произнес Степанов, — дело именно в альбоме. Ничего не может быть важнее.

— Степан Степаныч, вы же знаете, как я вас уважаю. Никогда не шутил над вами. Послушайте и не перебивайте. Вы только, пожалуйста, дослушайте, а потом можете звонить, если не поверите, в сумасшедший дом или вызывать «Скорую помощь»...

Когда Стендаль закончил рассказ о чудесных превращениях, перед ним и Степановым стояла уже целая батарея пустых кружек. Их покупала и приносила Милица, которой скучно было слушать, которая жалела мужчин, была добра и неспесива. Продавщица уже привыкла к ней, отпускала пиво без очереди, и никто из мужчин, стоявших под солнцем, не возражал. И странно было бы, если бы возразил, — ведь раньше никто из них не видал такой красивой девушки.

— А альбом? — спросил Степанов, когда Миша замолчал.

— Альбом заберем в Москву. Как вещественное доказательство. Как только соберем деньги на билеты.

— К Андроникову?

— Там придумаем, может, и к Андроникову.

— Он его получит от меня, — сказал Степанов. — Я еду с вами.

— Как можно? — удивился Стендаль. — Неужели вы нам не верите?

— Я буду предельно откровенен, — ответил Степанов, поглаживая сафьяновый переплет. — Мне хотелось бы встретиться, чтобы развеять последние сомнения, с Еленой Кастельской. Имею честь быть с ней знакомым в течение трех десятилетий. Если она ваш рассказ подтвердит, сомнения отпадут.

— Вы ее можете не узнать, ей сейчас двадцать лет. Как и мне.

— А я задам ей два-три наводящих вопроса. К примеру, кто, кроме нее, голосовал в прошлом году на депутатской комиссии за ассигнования на реставрацию церкви Серафима. Я тоже не лыком шит.

— Вы голосовали, — сказала Милица. — Пиво еще хотите?

— Я, — сознался Степанов и очень удивился. — Спасибо. Пойдем?

— А не кажется ли вам, — спросил осмелевший и преисполнившийся оптимизмом Стендаль, — что все это сказочно, невероятно, таинственно и даже подозрительно?

— Послушайте, молодой человек, — ответил с достоинством Степанов, — на моих глазах родились телефон и радио. Я собственными глазами видел фотокопию пушкинского письма, обнаруженного недавно в небольшом городе на Амазонке. Почему я не должен доверять уважаемым людям только потому, что чувства мои и глаза отказываются верить реальности? Человеческие чувства ненадежны. Ими не постигнешь даже элементарную теорию относительности. Разум же всесилен. Обопремся на него, и все станет на свои места. В таком случае стихотворение получает хоть и необычное, но объяснение, а это лучше, чем ничего.

30

— Елена Сергеевна, — произнес от двери Стендаль, пропуская Милицу и Степанова вперед, — скажите, кто, кроме вас, голосовал в прошлом году на депутатской комиссии за срочные ассигнования на реставрацию церкви Серафима?

— Степанов, — ответила Елена Сергеевна.

— Узнал, — обрадовался Степанов. — Я бы и без того узнал. Вы вообще мало изменились. Здравствуйте, Елена Сергеевна. Поздравляю с перевоплощением.

— Степан Степанович, как я рада! — воскликнула Елена. — Хоть живая душа. А то мы очутились в каком-то ложном положении.

— По ту сторону добра и зла, — сказал Алмаз Битый с полу.

Он строил вместе с Ваней подвесную дорогу из ниток, спичечных коробков и различных мелких вещей. Ноги Алмаза упирались в стену, ему было неудобно лежать, но иначе не управишься.

Степанов заполнил комнату объемистым телом, положил на стол альбом.

— Весьма сочувствую, — сказал он. — Только что был свидетелем очередной неудачи наших юных друзей в редакции. Одно дело мечтать о журавле в небе, лежа на диване, другое — догадаться, что это именно он опустился к тебе на подоконник, и протянуть руку.

— Битый, — представился Алмаз, поднимаясь с пола, как молодой дог: медленно подбирая под себя и распрямляя могучие члены. — Один из виновников происшедшего. Но не раскаиваюсь.

— Как же, как же, — согласился Степанов. — С вашей стороны благородно было поделиться таким интересным секретом.

— Не хотел я сначала, — сказал Алмаз. — Думал, произойдут от этого только неприятности.

— А сейчас? — спросила Елена.

— Сейчас поздно раскаиваться. Но кто мне ответит, нужна ли людям вечная молодость? К ней тоже привыкнуть надо.

— А вы привыкли?

— Не сразу. Настоящая молодость бывает только один раз. Пока ты не знаешь, что последует за ней.

— Это правильно, — согласилась Елена.

— Но ты не расстраивайся, — сказал Алмаз. — Я тебя увезу в Сибирь. Дело найдется. Вот вы, — обратился он к Степанову, — вы уже все о наших приключениях знаете, согласились бы сейчас, если бы зелье сохранилось, присоединиться к нам?

— Не знаю, — произнес медленно Степанов. — Нет, наверное. Меня вполне устраивает мой возраст. Может, только чтобы похудеть немного. Лишний вес мешает.

— Ну, это ничего, — сказал Стендаль. — В Москве устроим вас в Институт питания. Станете Аполлоном. У нас будут большие связи в медицинском мире. И вообще все великие открытия сначала вызывали возражения, столкновения, споры и так далее. Может быть, в Москве, когда мы явимся с рецептом вечной молодости, хотя и с неполным рецептом, нам не все поверят. И даже те, кто поверит, поверят не сразу.

— Но я же поверил. Больше того, зная о ваших временных финансовых затруднениях, согласен пойти навстречу. Человек я одинокий, и есть у меня кое-какие сбережения. Потом, будете при деньгах, отдадите.

— Вот это правильно, — одобрил Алмаз.

— Степан Степаныч — пушкиновед, — сказал Стендаль. — Он нас признал, когда с альбомом ознакомился.

— Да, я интересуюсь творчеством Александра Сергеевича.

— Милица с ним была знакома, — сказал Алмаз.

— Знаете, как-то трудно поверить, — сознался Степанов. — Хоть я и поверил.

— А мне лично с Пушкиным сталкиваться не приходилось. Хотя был в то время в Петербурге. Я в январе тридцать седьмого возвращался в Россию из Парижа и должен был в Санкт-Петербурге встретить одного человека, передать ему письма и деньги. А человека я того знал еще с совместного пребывания на Дворцовой площади в двадцать пятом...

— Вы имеете в виду декабрьское восстание? — спросил Степанов.

— Конечно.

— С ума сойти, — сказал Степанов.

31

Пока взрослые разговаривали со Степановым, Удалов страдал. Он страдал по утерянной зрелости, страдал от того, что стал сиротой, что никто не принимает его всерьез, даже те, кто знает о его действительном возрасте и положении. Играть с Ванечкой в мячик и кубики было унизительно и глупо, а когда Алмаз, не желая дурного, походя сунул ему книжку «Серебряные коньки» и сказал: «Почитал бы, Корнелий, чего маешься бездельем», Удалов понял, что единственное место на свете, где он может рассчитывать на человеческое участие, — это собственный дом. Но и дома мало шансов на прощение.

С книжкой в руке Удалов вышел во двор. Там стоял самовар, то есть машина господина Бакшта, и из-под нее торчали длинные ноги Саши Грубина, который проверял подвеску. Удалов подошел к ногам и подумал, что ботинки у Грубина старые, он их видел тысячу раз, а ноги новые. Как будто новый Грубин у старого отобрал ботинки.

— Саша, — позвал Удалов. — Поговорить надо.

Голос его был тонкий, не слушался, и Грубин из-под машины не сразу сообразил, кто его зовет. Но потом сообразил.

— Сейчас, — сказал он. — Погоди, Корнелий.

Корнелий встал на цыпочки и заглянул внутрь машины. На красном кожаном сиденье лежал открытый ящик с двумя старинными пистолетами. В Удалове вдруг проснулось желание бабахнуть из пистолета по всем врагам. Он потянулся к пистолету, размышляя, кто у него главный враг, но тут рука Грубина перехватила его пальцы.

— Нельзя тебе, — сказал старый друг Саша. — Мал еще.

— И ты, Брут?

— Шучу, — спохватился Грубин, хотя, в общем, и не шутил.

— Все ясно, — сказал Удалов и пошел прочь.

— Корнелий, ты куда? — крикнул Грубин. — Не делай глупостей!

— Я уже сделал главную глупость. Не бойся.

Его маленькая фигурка скрылась за воротами. Грубин хотел было побежать следом, остановить, может быть, утешить, но вспомнил, что машина еще не приведена в порядок, и остался.

А Удалов брел по улице, как старый человек, остановился перед небольшой лужей. Детское тело готово было перепрыгнуть через лужу, но умудренный долгой жизнью мозг отказал ему в этом. И Удалов осторожно обошел лужу. Грустные видения вставали перед его мысленным взором. Ему казалось, что он сидит за одной

партой с сыном Максимкой и пытается списать из его тетрадки решение задачи, потому что сам давно забыл все правила математики, а сын закрывает тетрадку ладошкой и зло шепчет: «Надо было в свое время учиться». А учительница в образе Елены Сергеевны говорит: «Удалов-младший, выйди из класса и без отца не возвращайся». — «Нет у меня отца, — отвечает Корнелий. — Есть только супруга». И весь класс хохочет.

Нечто знакомое привлекло внимание Удалова. Оказывается, он проходил мимо здания бани, которое возводилось силами его конторы. Над возведением бани трудилась бригада Курзанова и работала с большим отставанием от графика. Удалов поднял голову, рассчитывая увидеть каменщиков, кладущих кирпичи второго этажа, но каменщиков не увидел. Это его встревожило. Обеденный перерыв еще не наступил. Следовало разобраться.

Удалов обогнул стройку и вошел во двор, засыпанный стройматериалами.

Он увидел, что вся бригада собралась вокруг большого ящика, на котором разложена газета. Бригадир Курзанов держит в руке карандаш, уткнув его в газету, и руководит разгадыванием кроссворда. Все остальные строители помогают советами.

Эта картина возмутила Удалова. Прижимая ручонками к груди книгу «Серебряные коньки», мальчик подошел к строителям и строго спросил:

— В чем дело, Курзанов? Почему бригада простаивает?

— А ведь перерыв, — не поднимая головы, ответил бригадир.

— Какой перерыв в одиннадцать тридцать? — рассердился Удалов.

Удивленный командирскими интонациями в детском голосе, бригадир поднял голову и увидел мальчика.

— Пошел отсюда, — сказал он добродушно. — Не мешай.

Удалов не сдавался. Он поднял руку вверх, как бы призывая к вниманию, и сказал так:

— Товарищи, неужели вы забыли, что мы с вами принимали повышенные обязательства? Вот ты, Курзанов, бригадир. Как ты посмотришь в глаза общественности, которая доверила тебе возведение очень нужного объекта? А ты, Тюрин? Сколько раз ты клялся на собраниях исправиться и прекратить прогулы? А ты, Вяткин, неужели приятно, что тебя склоняют ввиду твоей лени?

Реакция строителей была острой. Они даже отступили на несколько шагов перед мальчиком, который отчитывал их, размахивая детской книжкой. Особенно смущала информированность ребенка.

— Мальчик, ты чего? — спросил Курзанов.

— Что, не узнаешь своего начальника? — Удалов продолжал наступать на строителей. — Думаешь, если я сегодня плохо выгляжу, то, значит, можно лясы точить? Вы учтите, мое терпение лопнуло. Я принимаю меры!

Вот этих, последних слов Удалову, пожалуй, не следовало произносить. Уж очень они не соответствовали его внешнему виду. Кто-то из строителей засмеялся. За ним — другие. И дальнейшая речь Удалова утонула в хохоте. Хохот был добродушный, не злой.

— Иди, мальчик, — вымолвил наконец Курзанов. — Тебе в школу надо. А ты прогуливаешь.

И только тогда Удалов как бы взглянул на себя со стороны и понял, что никогда ему не доказать этим лентяям, что он их начальник. Но отступать было нельзя — стройка находилась под угрозой срыва. И когда строители, все еще посмеиваясь, вернулись к разгадыванию кроссворда, Удалов понял, что надо делать. Он решительно поднялся по лесам на второй этаж, нашел там ведро с раствором, мастерок и принялся сам класть кирпичи в стену.

Руки ему не повиновались, кирпичи казались тяжелыми, как будто были отлиты из свинца, трудно было набрать и донести до стены сколько нужно густого раствора. Но кирпич за кирпичом ложился на место — недаром в молодости Удалов поработал каменщиком.

Строители все это видели. Но сначала они лишь улыбались, хотя сноровка мальчика их удивляла.

Но прошло пять минут, десять. Пошатываясь от усталости, обливаясь слезами, мальчик продолжал класть кирпичи.

— Психованный какой-то, — проговорил наконец Тюрин.

— Что-то он мне знакомый, — сказал бригадир.

— А может, это удаловский сын? — спросил Вяткин. — Максимка?

— Похож, — согласился Тюрин. — Вот и про нас все знает.

— Может, пойдем поработаем? — предложил Вяткин.

— И вообще, сколько можно прохлаждаться? — разгневался бригадир Курзанов. — Мы же обязательства давали как-никак.

И он первым поднялся на леса, подхватил под локотки безнадежно уморившегося Удалова и отставил в сторону.

И через минуту уже кипела работа.

Все забыли о настырном мальчике.

Удалов подобрал книжку и потихоньку ушел.

Конечно, плохо быть мальчиком, но все же он победил целую бригаду и личным примером показал им путь. Главное — решительность. Она должна помочь и в разговоре с Ксенией.

32

Подобное же испытание в эти минуты выпало на долю Ванды Казимировны.

Она подошла к универмагу в тот момент, когда перед ним разгружали машину.

— Что привезли? — спросила она у шофера.

— Детскую обувь, — ответил шофер, любуясь крепконогой красивой девушкой в очень свободном платье. — А ты здесь работаешь, что ли?

— Работаю, — подтвердила девушка и направилась к главному входу.

Этого шофера Ванда знала, он приезжал в универмаг лет пять. И вот не узнал.

С каждым шагом настроение ее портилось. Магазин, такой родной и знакомый, куда более важный, чем дом, магазин, с которым связаны многие годы жизни, трагедии и достижения, опасности и праздники, именно ее трудом ставший лучшим универмагом в области, — этот магазин Ванду не замечал.

Она шла торговым залом, огибая очереди и останавливаясь у прилавков. Она знала каждого из продавцов, кто замужем, а кто одинок, кто честен, а кто требует надзора, кто работящ, а кто уклоняется от труда, у кого язва, а у кого ребенок на пятидневке. И все эти люди, что вчера еще радостно или боязливо раскланивались с Вандой, теперь скользили по ней равнодушными взглядами как по обыкновенной покупательнице. Магазин ее предал! Уходя от Елены, когда там шел разговор со Степановым, Ванда сказала мужу, что пойдет домой, соберется в дорогу. Савича она с собой звать не стала, а он и не напрашивался. Ему сладко и горько было оставаться рядом с Еленой. Ему казалось, что еще не все кончено, надо найти нужное слово и сказать его в нужный момент. Ванда же, стремясь скорее в универмаг, была убеждена, что ни нужного момента, ни нужного слова не будет. Так что уходила почти спокойно. Цель ее была проста — зайти к себе в кабинет, взять сберкнижку из сейфа, снять с нее деньги, чтобы в Москве не было недостатка. И если будет возможность, оформить отпуск за свой счет.

Сложность и даже безнадежность ее положения стали очевидными только в самом магазине. Когда оказалось, что ее не узнала ни одна живая душа. Это было более чем обидно. Именно в этот момент в голове Ванды Казимировны впервые прозвучала мысль, которая будет мучить ее в следующие часы: «И зачем мне нужна эта молодость? Жили без нее».

Вопрос об отпуске за свой счет уже не стоял. Оставалось одно:

проникнуть в собственный кабинет и изъять сберегательную книжку.

Пришлось хитрить. Ванда смело зашла за прилавок галантерейного отдела, и, когда ее остановила Вера Пушкина, она сказала ей: «Я к Ванде Казимировне». Мимо склада и женского туалета Ванда поднялась в коридорчик, где были бухгалтерия и ее кабинет. К счастью, кабинет был пуст. И открыт.

Ванда быстро прошла в угол, за стол, вынула из сумочки ключи и в волнении — ведь не каждый день приходится тайком вскрывать свой собственный сейф — не сразу нашла нужный. И в тот момент, когда ключ послушно повернулся в замке, Ванда услышала рядом голос:

— Ты что здесь делаешь?

Испуганно обернувшись, Ванда увидела, что над ней нависает громоздкое тело Риммы Сарафановой — ее заместительницы.

— Сейф открыла, — глупо ответила Ванда.

— Вижу, что открыла, — сказала Римма, перекрывая телом пути отступления. — Давай сюда ключи.

— Ты что, не узнала? — спросила Ванда, беря себя в руки.

— Кого же я должна узнать?

— Так я же Ванда, Ванда Казимировна. Твоя директорша.

— Ты Иван Грозный, — добавила Римма. — И еще Бриджит Бардо.

— Ну как же! — в отчаянии сопротивлялась Ванда. — Платье мое?

— Твое.

— И туфли мои? — Римма посмотрела вниз.

— Вроде твои.

— Кольцо мое? — Она сунула под нос Римме руку.

Кольцо еле держалось на пальце.

— Кольцо ее, — сказала Римма. — Тебе велико.

— Я и есть Ванда. Глаза мои?

— Не скажу, — ответила Римма. — Я сейчас милицию вызову. Она и разберется, чьи глаза.

— Римма, девочка, я же все про тебя знаю. И про Васю. И где ты дачу строишь. Хочешь скажу, какие у тебя шторы в большой комнате?

— Ключи, — повторила железным голосом Римма.

Ванда была вынуждена сдать ключи. Но сама еще не сдалась.

— Омолаживалась я, — сказала она, чуть не плача. — Опыт такой был. И Никитушка мой омолодился. Со временем и тебе устроим.

Римма была в сомнении — уж очень ситуация была необычной.

В самом деле, платье Вандино и глаза вроде бы Вандины, а в остальном авантюристка. Римма привыкла верить своим глазам, они ее еще никогда не обманывали. И хоть эта девушка напоминала Ванду, Вандой она не была.

Ванда в отчаянии подыскивала аргументы, хотела было показать паспорт, но сообразила, что паспорт будет козырем против нее. Там есть год рождения и фотокарточка, которая ничего общего с ней не имеет.

Тут ее осенила светлая мысль.

— Простите, Римма Ивановна. Я вас обманула.

— И без тебя знаю.

— Я племянница Ванды Казимировны. Я из Вологды приехала.

— А Ванда где?

— А Ванда болеет. Грипп у нее.

— Дома лежит? — спросила Римма и потянулась к телефонной трубке.

— Нет, — быстро сказала Ванда. — Тетя в поликлинику пошла.

— В какую?

— В третью.

— К какому доктору?

— Семичастной.

— В какой кабинет?

— В шестой.

— А откуда ты знаешь кабинет, если из Вологды приехала?

Ванда поняла, что терпение Риммы истощилось. Никакой надежды получить обратно ключи и сберкнижку нет. Оставалось одно — бежать.

— А вот и тетя! — закричала она, глядя поверх плеча Риммы.

Та непроизвольно оглянулась.

Ванда нырнула ей под руку и кинулась наружу. Кубарем слетела по служебной лестнице во двор. Выбежала двором в садик и спряталась за церковью Параскевы Пятницы. Только там отдышалась.

Все погибло. Даже домой опасно возвращаться. Римма может и милицию вызвать, сказав, что какая-то авантюристка обокрала Ванду Казимировну, сняла с нее кольцо и старалась вскрыть сейф. С Риммы станется. Хотя за что Римму винить? Она же Вандины интересы охраняет.

Ванда Казимировна стояла в кустах, где недавно Удалов напал на своего сына Максимку, и горько рыдала. Много лет так не рыдала.

— Господи, — повторяла она. — Зачем мне эта молодость? В свой кабинет зайти нельзя! Подчиненные не узнают...

Она еще долго стояла там, тщетно придумывая, как ей перехитрить Римму. Но ничего не придумала. И пошла дворами и переулками к Елене, потому что помнила — Савич оставлен там без присмотра.

33

Солнце клонилось к закату, тени стали длиннее, под кустом сирени собрались, как всегда, любители поиграть в домино.

Во двор вошел мальчик с книжкой «Серебряные коньки» в руке. Мальчик был печален и даже испуган. Он нерешительно остановился посреди двора и стал глядеть наверх, где были окна квартиры Удаловых.

В этот самый момент кто-то из играющих в домино спросил громко:

— Как там, Ксения? Не нашелся еще твой?

Из открытого окна на втором этаже женский голос произнес сурово и холодно:

— Пусть только попробует явиться! За все ответит. Его ко мне с милицией приведут. Лейтенант такой симпатичный, лично обещал.

— Ксения! Ксюша! — позвал Удалов, остановившись посреди двора.

Доминошники прервали стук. Из окна напротив женский голос помог Удалову:

— Ксения, тебя мальчонка спрашивает. Может, новости какие?

— Ксения! — рявкнул один из игроков. — Выгляни в окошко.

— Ксюша, — мягко сказал Удалов, увидев в окне родное лицо. — Я вернулся.

— Что тебе? — спросила Ксения взволнованно.

— Я вернулся, Ксения, — повторил Удалов. — Я к тебе совсем вернулся. Ты меня пустишь?

Доминошники засмеялись.

— Ты от Корнелия? — спросила Ксения.

— Я не от Корнелия, — сказал мальчик. — Я и есть Корнелий. Ты меня не узнаешь?

— Он! — закричал другой мальчишеский голос. Это высунувшийся в окно Максимка, сын Удалова, узнал утреннего грабителя. — Он меня раздел! Мама, зови милицию!

— Хулиганье! — возмутилась Ксения. — Сейчас я спущусь.

— Я не виноват, — сказал Корнелий и не смог удержать слез. — Меня помимо моей воли... Я свидетелей приведу...

— Смотри-ка, как на Максимку твоего похож, — удивился один из доминошников. — Как две капли воды.

— И правда, — подтвердила женщина с того конца двора.

— Я же муж твой, Корнелий! — плакал мальчик. — Я только в таком виде не по своей воле...

Корнелий двинулся было к дому, чтобы подняться по лестнице и принять наказание у своих дверей, но непочтительные возгласы сзади, смех из раскрытых окон — все это заставило задержаться. Мальчик взмолился:

— Вы не смейтесь... У меня драма. У меня сын старше меня самого. Это ничего, что я внешне изменился. Я с тобой, Ложкин, позавчера «козла» забивал. Ты еще три «рыбы» подряд сделал. Так ведь?

— Сделал, — сказал сосед. — А ты откуда знаешь?

— Как же мне не знать? Я же с тобой в паре играл. Против Васи и Каца. Его нет сегодня. Это все медицина... Надо мной опыт произвели, с моего, правда, согласия, и, может, даже очень нужный для науки, а у меня семья...

Ксения тем временем спустилась во двор. В руке она держала плетеную выбивалку для ковров. Максимка шел сзади с сачком.

— А ну-ка, — велела она, — подойди поближе.

Корнелий опустил голову, приподнял повыше узкие плечики. Подошел. Ксения схватила мальчишку за ворот рубашки, быстрым, привычным движением расстегнула лямки, спустила штанишки и, приподняв ребенка в воздух, звучно шлепнула его выбивалкой.

— Ой! — вскрикнул Корнелий.

— Погодила бы, — сказал Ложкин. — Может, и в самом деле наука!

— Он самый! — радовался Максимка. — Так его!..

Неожиданно рука Ксении, занесенная для следующего удара, замерла на полпути. Изумление ее было столь очевидно, что двор замер. На спине мальчика находилась большая, в форме человеческого сердца, коричневая родинка.

— Что это? — спросила Ксения тихо.

Корнелий попытался в висячем положении повернуть голову таким образом, чтобы увидеть собственную спину.

— Люди добрые, — сказала Ксения, — клянусь здоровьем моих деточек, у Корнелия на этом самом месте эта самая родинка находилась.

— Я и говорю, — раздался в мертвой тишине голос Ложкина, — прежде чем бить, надо проверить.

— Ксения, присмотрись, — сказала женщина с другой стороны двора. — Человек переживает. Он ведь у тебя невезучий.

Корнелий, переживавший позор и боль, обмяк на руках Ксе-

нии, заплакал горько и безутешно. Ксения подхватила его другой рукой, прижала к груди — почувствовала родное — и быстро пошла к дому.

34

Савич истомился. Он то выходил во двор, к Грубину, который возился с автомобилем, то возвращался в дом, где было много шумных людей, все разговаривали, и никому не было дела до Савича. Он вдруг понял, что двигается по дому и двору не случайно — старается оказаться там, где Елена может уединиться с Алмазом. Ее очевидная расположенность к Битому и его откровенные ухаживания все более наполняли Савича справедливым негодованием. Он видел, что Елена, ради которой он пошел на такую жертву, в самом деле не обращает на него никакого внимания, а старается общаться с бывшим стариком. И это когда он, Савич, почти готов ради нее разрушить свою семью.

Поэтому, когда Савич в своем круговращении в очередной раз подошел к комнате, где Елена собиралась в дорогу, он застал там Алмаза, обогнавшего его на две минуты. И, остановившись за приоткрытой дверью, услышал, как Алмаз говорит:

— Хочу сообщить тебе, Елена Сергеевна, важную новость. Не помешаю?

— Нет, — ответила Елена. — Я же не спешу.

— Триста лет я прожил на свете, — сказал бывший старик, — и все триста лет искал одну женщину, ту самую, которую полюблю с первого взгляда и навсегда.

— И нашли Милицу, — добавила Елена.

И хоть Савич не видал ее, он уловил в голосе след улыбки.

— Милица — моя старая приятельница. Она не в счет. Я о тебе говорю.

— Вы меня знаете несколько часов.

— Больше. Я уже вчера вечером все понял. Помнишь, как уговаривал тебя выпить зелья. Если бы дальше отказывалась, силком бы влил.

— Вы хотите сказать, что в пожилой женщине...

— Это и хотел сказать. И второе. Я тебя в Сибирь увезу. Если хочешь, и Ванечку возьмем.

— А что я там буду делать?

— Что хочешь. Детей учить. В музей пойдешь, в клуб — мало ли работы для молодой культурной девицы?

— Это шутка? — вдруг голос Елены дрогнул.

Савич весь подобрался, как тигр перед прыжком.

— Это правда, Елена, — сказал Алмаз.

В комнате произошло какое-то движение, шорох...

И Савич влетел в комнату.

Он увидел, что Елена стоит, прижавшись к Алмазу, почти пропав в его громадных руках. И даже не вырывается.

— Прекратите! — закричал Савич. И голос его сорвался. Он закашлялся.

Елена сняла с плеч руки Алмаза, тот обернулся удивленно.

— Никита, — удивилась Елена. — Что с тобой?

— Ты изменила! — сказал Никита. — Ты изменила нашим словам и клятвам. Тебе нет прощения.

— Клятвам сорокалетней давности? От которых ты сам отказался?

— Я ради тебя пошел на все! Буквально на все! Я не позволю этому случиться. Приезжает неизвестный авантюрист и тут же толкает тебя к сожительству.

— Ну зачем ты так, аптека, — сказал Алмаз. — Я замуж зову, а не к сожительству.

— Будьте вы прокляты! — с этим криком Савич выбежал из комнаты и кинулся во двор.

Он должен был что-то немедленно сделать. Убить этого негодяя, взорвать дом, может, даже покончить с собой. Весь стыд, вся растерянность прошедших часов слились в этой вспышке гнева.

— Ты что, Никита? — спросил Грубин, разводивший в машине пары. — Какая муха тебя укусила?

— Они! — Савич наконец-то отыскал человека, который его выслушает. — Они за моей спиной вступили в сговор!

— Кто вступил?

— Елена мне изменяет с Алмазом. Он зовет ее в Сибирь! Это выше моих сил.

— А ты что, с Еленой хотел в Сибирь ехать? — не понял Грубин.

— Я ради нее пошел на все! Чтобы исправить прошлое! Ты понимаешь?

— Ничего не понимаю, — сказал Грубин. — А как же Ванда Казимировна?

— Кто?

— Жена твоя, Ванда.

— А она тут при чем? — возмутился Савич.

Взгляд его упал на открытый ящик с пистолетами. И его осенила мысль.

— Только кровью, — сказал он тихо.

— Савич, успокойся, — велел Грубин. — Ты не волнуйся.

Но Савич уже достал из машины ящик и прижал его к груди.

— Нас рассудит пуля, — произнес он.

— Положи на место! — крикнул Грубин. В этот момент из дома вышел Алмаз. За ним — Елена. Неожиданное бегство Савича их встревожило. Никита увидел Алмаза и быстро пошел к нему, держа ящик с пистолетами на вытянутых руках.

— Один из нас должен погибнуть, — сообщил он Алмазу.

— Стреляться, что ли, вздумал? — спросил Алмаз.

— Вот именно.

— Не сходи с ума, Никита, — сказала Елена учительским голосом.

— Ой, как интересно! — как назло, во двор выбежали Милица с Шурочкой. — Настоящая дуэль. Господа, я буду вашим секундантом.

Милица подбежала к Савичу, вынула один из пистолетов и протянула его Алмазу.

— Они же убьют друг друга! — испугалась Шурочка.

— Не бойся, — засмеялась Милица, — пистолетам по сто лет. Они не заряжены.

— Ну что, трепещешь? — спросил Савич.

— Чего трепетать. — Алмаз взял пистолет. — Если хочешь в игрушки играть, я не возражаю. Давненько я на дуэли не дрался.

— Вы дрались на дуэли? — спросила Елена.

— Из-за женщины — в первый раз.

Милица развела дуэлянтов в концы двора и вынула белый платочек.

— Когда я махну, стреляйте, — распорядилась она.

— Это глупо, — сказала Елена Алмазу. — Это мальчишество.

— Он не отвяжется, — ответил Алмаз тихо.

Савич сжимал округлую, хищную рукоять пистолета.

Все было кончено. Черная речка, снег, секунданты в черных плащах...

— Ну, господа, господа, не отвлекайтесь, — потребовала Милица и махнула платком.

Алмаз поднял руку и нажал курок, держа пистолет дулом к небу — не хотел рисковать. Курок сухо щелкнул.

— Ну вот, что я говорила! — воскликнула Милица. — Никто не пострадал.

— Мой выстрел, — напряженно произнес Савич. Он целился, и рука его мелко дрожала. Нажать на курок было трудно, курок не поддавался.

Наконец Савич справился с упрямым курком. Тот поддался под пальцем, и раздался оглушительный выстрел. Пистолет дернулся в

руке так, словно хотел вырваться. И серый дым на мгновение закрыл от Савича его врага.

И Савичу стало плохо. Весь мир закружился перед его глазами.

Поехал в сторону дом, трава медленно двинулась навстречу... Савич упал во весь рост. Пистолет отлетел на несколько шагов в сторону.

Алмаз стоял, как прежде, не скрывая удивления.

— Надо же, — удивился он. — Сто лет пуля пролежала...

Елена кинулась к нему.

— Антон Павлович Чехов говорил мне, — сказала Милица, вытирая лоб белым платочком, — что если в первом действии на стене висит ружье...

Но договорить она не успела, потому что во двор вбежала Ванда и, увидев, что Савич лежит на земле, быстрее всех успела к нему, подняла его голову, положила себе на колени и принялась баюкать мужа, как маленького, повторяя:

— Что же они с тобой сделали? Мы их накажем, мы на них управу найдем...

Савич открыл глаза. Ему было стыдно. Он сказал:

— Я не хотел, Вандочка.

— Я знаю, лежи...

И тут появилась еще одна пара. Ксения тяжело вошла в ворота, неся на руках Корнелия Удалова.

— Что же это получается? — спросила она. — Где это видано?

Удалов тихо хныкал.

— Помирились? — спросил Грубин.

— По детям стреляют. Куда это годится? — сказала Ксения. — Глядите. Отсюда пуля прилетела. Штаны разорваны. На теле ранение.

Все сбежались к Удалову. Штаны в самом деле были разорваны, и на теле был небольшой синяк.

Ксения поставила Удалова на траву и принялась всем показывать круглую пулю, которая ударилась в Удалова на излете.

— Ну и невезучий ты у нас, — произнес Грубин. Удалов отошел в сторону, а Ксения, отбросив пулю, вспомнила, зачем пришла.

— Кто у вас главный? — спросила она.

— Можно считать меня главным, — сказал Алмаз.

— Так вот, гражданин, — заявила Ксения. — Берите нас в Москву. Чтобы от молодости вылечили. Была я замужней женщиной, а вы меня сделали матерью-одиночкой с двумя детьми. С этим надо кончать.

35

Шурочка и Стендаль проводили машину до ворот. Они бы поехали дальше, но машина была так перегружена, что Грубин боялся, она не доедет до станции. И без того, помимо помолодевших, в ней поместились два новичка — Ксения и Степан Степанович, люди крупные, грузные.

Грубин вел автомобиль осторожно, медленно, так что мальчишки, которые бежали рядом, смогли сопровождать его до самой окраины. Люди на улицах смотрели на машину с улыбками, считали, что снимается кино, и даже узнавали в своих бывших горожанах известных киноартистов. Машину увидел из своего окна и редактор Малюжкин. Он узнал среди пассажиров Милицу и Степанова, открыл окно и крикнул Степанову, чтобы тот возвращался на работу.

— Считайте меня в командировке, — ответил Степанов.

Малюжкин обиделся на сотрудника и захлопнул окно. Его никто не понимал.

Уже начало темнеть, когда машина въехала в лес. Разговаривали мало, все устали и не выспались. Удалов задремал на коленях у жены.

Легкий туман поднялся с земли и светлыми полосами переползал дорогу. Фары в машине оказались слабыми, они не могли пронзить туман и лишь высвечивали на нем золотистые пятна. Уютно пыхтел паровой котел, и дым из трубы тянулся за машиной, смешиваясь с туманом.

Лес был тих и загадочен. Даже птицы молчали. И вдруг сверху, из-за вершин елей, на землю опустился зеленый луч. Он был ярок и тревожен. В том месте, где он ушел в туман, возникло зеленое сияние.

— Стой, — сказал Алмаз.

Грубин затормозил.

— Чего встали? — спросила Ванда. — Уже сломалась?

Но тут и она увидела зеленое сияние и осеклась.

В центре сияния материализовалось нечто темное, продолговатое, словно веретено. Веретено крутилось, замедляя вращение, пока не превратилось в существо, схожее с человеком, хрупкое, тонкое, одетое в неземную одежду.

Существо подняло руку, как бы призывая к молчанию, и начало говорить, причем не видно было, чтобы у существа шевелились губы. Тем не менее каждое его слово явственно доносилось до всех пассажиров автомобиля.

— Алмаз, ты узнаешь меня? — спросило существо.

— Здравствуй, пришелец, — сказал Алмаз. — Вот мы и встретились.

— Я бы не хотел с тобой встречаться, — ответил пришелец.

Ксения привстала на сиденье и, не выпуская из рук Удалова, обратилась к пришельцу:

— Мужчина, отойдите с дороги. Мы спешим, нам вот в Москву надо, от молодости лечиться.

— Знаю, — сказал пришелец. — Молчи, женщина.

И в голосе его была такая власть, что даже Ксения, которая мало кому подчинялась, замолчала.

— Ты нарушил соглашение, — произнес пришелец, обращаясь к Алмазу. — Ты помнишь условие?

— Помню. Я хотел жить. И пожалел этих людей. Они были немолоды, и им грозила смерть.

— Когда ты поделился средством с Милицей, — сказал пришелец, — я не стал принимать мер. Но сегодня ты открыл тайну многим. И вынудил меня отнять у тебя дар.

— Я понимаю. Но прошу тебя о милости. Погляди на Милицу, она молода и прекрасна. И если ты лишишь ее молодости, она завтра умрет. Погляди на Елену — мы с ней хотели счастья. Погляди на Грубина, он же может стать ученым...

— Хватит, — прервал его пришелец. — Ты зря стараешься вызвать во мне жалость. Я справедлив. Я дал тебе дар, чтобы ты пользовался им один. Земле еще рано знать о бессмертии. Земля еще не готова к этому. Люди сами должны дойти до такого открытия.

— Не о себе прошу... — начал было Алмаз, вылезая из машины и делая шаг к пришельцу.

Но тот не слушал. Он развел в стороны руки, в которых заблестели какие-то шарики, и от них во все стороны побежали молниевые дорожки. В воздухе запахло грозой, и зеленый туман, заклубившись, поднявшись до вершин деревьев, окутал машину и Алмаза, замершего перед ней.

Грубин, уже догадавшись, что произошло, успел лишь поднять глаза к Милице, что стояла за его спиной, и встретить ее ясный взгляд, полный смертельной тоски. И протянул к ней руку. А Алмаз, который хотел в этот последний момент быть рядом с Еленой, сделать этого не успел, потому что странная слабость овладела им и заставила опуститься на землю.

Было очень тихо.

Зеленый туман смешался с белым и уполз в лес. Постепенно в сумерках голубым саркофагом вновь образовался автомобиль, и в нем, склонившись друг к другу, сидели и лежали бесчувственные люди.

— Как грустно быть справедливым, — произнес пришелец на своем языке, подходя к машине.

Он увидел толстую пожилую женщину, Ксению Удалову, которая держала на коленях курносого полного мужчину ее лет. Он вгляделся во властное и резкое лицо другой немолодой женщины, Ванды Казимировны, которая даже в беспамятстве крепко обнимала лысого рыхлого Савича... Степан Степаныч, разумеется, не изменился.

Он сидел на заднем сиденье, закрыв глаза и прижимая к груди бесценный альбом с автографом Пушкина.

И вдруг пришелец ахнул.

Он протер глаза. Он им не поверил.

За рулем машины сидел, положив на него голову, курчавый юноша Саша Грубин. И, протянув к нему тонкую руку, легко дышала прекрасная персидская княжна.

Взгляд пришельца метнулся дальше.

Елена Сергеевна была так же молода, как десять минут назад.

— Этого не может быть, — произнес пришелец. — Это невозможно.

— Возможно, — ответил Алмаз, который первым пришел в себя и подошел сзади. Он тоже был молод и уже весел. — Есть, видать, вещи, которые не поддаются твоей инопланетной науке.

— Но почему? Как?

— Могу предположить, — сказал Алмаз. — Бывают люди, которым молодость не нужна. Ни к чему она им, они уже с юных лет внутри состарились. И нечего им со второй молодостью делать. А другие... другие всегда молоды, сколько бы лет ни прожили.

Люди в машине приходили в себя, открывали глаза. Первым опомнился Удалов. Он сразу увидал, что его детский костюмчик разорвался на животе в момент возвращения в прежний облик. Он провел рукой по толстым щекам, лысине и затем громко поцеловал в щеку свою жену.

— Вставай, Ксюша! — воскликнул он. — Обошлось!

Эти слова разбудили Савичей.

Ванда принялась радостно гладить Никиту, а тот глядел на жену и думал: «Как дурной сон, буквально дурной сон».

— Ничего, Саша, — проговорил Удалов, протягивая руку, чтобы утешить Грубина. — Обойдемся и без этих инопланетных штучек.

Очнувшийся Грубин, смертельно подавленный разочарованием, обернулся к Удалову, и тот, увидев перед собой юное лицо старого друга, вдруг закричал:

— Ты что, Грубин, с ума сошел?

Но Грубин на него не смотрел, он искал глазами Милицу, боясь ее найти. И нашел...

А Милица, встретив восторженный взгляд Грубина, поглядела на свои руки и, когда поняла, что они молоды и нежны, закрыла ими лицо и зарыдала от счастья.

— Вылезай, Елена, — сказал Алмаз, помогая Елене выйти из машины. — Хочу познакомить тебя со старым другом. Помнишь, я тебе рассказывал, как мы из тюрьмы бежали?

— Очень приятно, — сказал пришелец, который все еще не мог пережить своего поражения. — Я думаю, вы собираетесь создать семью?

— Не знаю.

Елена посмотрела на Алмаза, а тот произнес уверенно:

— В ближайшие дни.

И тут они услышали возмущенный крик Савича:

— Что же получается? Все остались молодыми, а я должен стать старым. Это несправедливо! Я всю жизнь хотел стать молодым! Я имею такое же право на молодость, как и остальные.

— Пойдем, мой зайчик, пойдем, — повторяла Ванда, стараясь увести его прочь. — Это у тебя нервное, это пройдет.

— Пошли, соседи, — предложил Удалов. — А то дотемна в город не успеем вернуться.

— Елена, — рыдал Савич, — все эти годы я тебя безответно любил!

— Ты мне только попробуй при живой жене! — Ванда сильно дернула его за руку, и Савич был вынужден отойти от машины.

— Извините, — сказал пришелец. — Я полетел.

— До встречи, — попрощался Алмаз.

Пришелец превратился в зеленое сияние, потом в луч. И исчез.

Елена посмотрела вслед уходящим к городу. Савич все оглядывался, норовил вернуться. Удаловы шли спокойно, обнявшись.

— Ну что ж, — сказал Алмаз, — по местам! А то к поезду не успеем.

Часть II

ПРИШЕЛЬЦЫ В ГУСЛЯРЕ

КОСМИЧЕСКИЙ ДЕСАНТ

Было это в августе, в субботу, в жаркий ветреный день. Николай Ложкин, пенсионер, уговорил своих соседей профессора Минца Льва Христофоровича и Корнелия Удалова провести этот день на озере Копенгаген, отдохнуть от городской суеты, от семьи и работы.

Озеро Копенгаген лежит в двадцати километрах от города, туда надо добираться автобусом, потом пешком по тропинке, через смешанный лес.

Название озера объясняется просто. Когда-то там стояла усадьба помещика Гуля (Гулькина), большого англомана, который полагал, что Копенгаген — английский адмирал. Название прижилось из-за странного для окрестных жителей звучания.

Корнелий Удалов притащил с собой удочки, чтобы порыбачить, профессор Минц — чемоданчик со складной лабораторией, хотел взять воду на пробу: он задумал разводить в озере мидий для народного хозяйства. Николай Ложкин желал загорать по системе йогов. Для начала они выбрали место в тени, под коренастой сосной, устроили там лагерь — расстелили одеяло, положили на него припасы, перекусили и завели разговор о разных проблемах. На озере был еще кой-какой народ, но из-за жары никто рыбу не ловил, отдыхали.

— Давно не было событий, — сказал Удалов. Он разделся, был в синих плавках с цветочком на боку и в газетной треуголке, чтобы не обжечь солнцем лысину.

— Обязательно будут события, — заверил старик Ложкин. — Погода стоит хорошая. Такого в наших местах не наблюдалось с 1878 года. — Для наглядности он нарисовал дату на песке, протянул стрелочку и написал рядом другую: 1978. — Столетие.

В этот момент над ними появился космический корабль. Он беззвучно завис над озером, словно облетел всю Галактику в поисках столь красивого озера, а теперь не мог налюбоваться.

— Глядите, — показал Удалов. — Космические пришельцы.

— Я же говорил, — сказал Ложкин.

— Такие к нам еще не прилетали, — сказал Удалов, поднимаясь и сдвигая назад газетную треуголку. Вид у него был серьезный.

Профессор Минц, который еще не раздевался, лишь ослабил галстук, также встал на ноги и расставил пальцы на определенном расстоянии от глаз, чтобы определить размеры корабля.

— Таких еще не видели, — подтвердил Ложкин. — Это что-то новенькое.

— Издалека летел, — определил профессор Минц, закончив измерения. — Пю-мезонные ускорители совсем износились.

Удалов с Ложкиным пригляделись и согласились с Минцем. Пю-мезонные ускорители требовали ремонта.

Корабль медленно снижался, продвигаясь к берегу, и наконец завис над самой кромкой воды, бросив тень на песок.

— Скоро высадку начнут, — сообщил Удалов.

«Да, — подумал Ложкин. — Сейчас откроется люк, и на песок сойдет неизвестная цивилизация. Вернее всего, она дружественная, но не исключено, что могла пожаловать злобная и чуждая нам космическая сила с целью покорения Земли. А ведь никаких действий не предпримешь. До города двадцать километров, к тому же автобус ходит редко».

Из корабля выдвинулись многочисленные щупы и анализаторы.

— Измеряют условия, — произнес Удалов.

Минц только кивнул. Это было ясно без слов.

Анализаторы спрятались.

И тут случилось неожиданное.

Открылся другой люк, снизу. Вместо космонавтов на берег, словно из силосной башни, вывалился ком зеленой массы, похожий на консервированный шпинат, такие консервы были недавно в гастрономе и шли на приготовление супа. Люк тут же захлопнулся. Зеленая масса расползлась по песку густым киселем и приблизилась к воде. Корабль взвился вверх и исчез.

— Похоже, — сказал Минц, — на водную цивилизацию.

Ложкин, который уже про себя отрепетировал приветственное слово, так как обладал жизненным опытом и опытом общественной работы, молчал. Зеленая масса не имела никаких органов, к которым можно было бы обратиться с речью. Поэтому Ложкин сказал шепотом, чтобы кисельный пришелец не подслушал:

— Хулиганство в некотором роде. Все озеро загадит, а люди купаются.

— Купаться пока не придется, — ответил Корнелий Удалов. — Возможно, у пришельца нежные части и можно их повредить.

— Плесень он, а не пришелец, — пришел к окончательному выводу Ложкин.

— Может, он радиоактивный? — спросил Удалов.

— Сейчас проверим.

Минц раскрыл чемоданчик, в котором находились складной микроскоп, спектрограф, счетчик Гейгера, пробирки, химикалии и другие приборы.

Старик Ложкин, проникшись недоверием к зеленому пришельцу, который уже частично вполз в воду и расплылся по ее поверхности зеленой пленкой, достал химический карандаш и на листе фанеры написал печатными буквами:

Купаться,
ловить рыбу,
стирать белье
ЗАПРЕЩАЕТСЯ.
ОПАСНО!

Потом он прикрепил фанеру к сосновому стволу, и люди, сходившиеся к месту происшествия с других участков берега, останавливались перед объявлением и читали его.

Минц спустился к воде и нагнулся над зеленой жижей. Счетчик радиации молчал, что было утешительно.

— А не исключено, — сказал он Удалову, который стоял над ним, страховал сзади, — что это — космический десант.

— Жалко, — огорчился Удалов. — Я всегда стою за дружбу между космическими цивилизациями.

— Если эта зеленая плесень начнет быстро размножаться, покроет слоем всю нашу планету, то инопланетным агрессорам нетрудно будет взять нас голыми руками.

— Можно попроще способ придумать.

— Что мы знаем об их психологии? — спросил Минц. — А если они всегда так покоряют чужие планеты?

Один из рыболовов сказал:

— Поеду домой. Мне с огорода надо помидоры снять. А то пришельцы все потравят.

За ним последовали некоторые другие из купальщиков и рыболовов. Неосновная масса осталась, потому что для среднего горожанина нет большего удовольствия, чем встреча с неведомым, прикосновение к тайнам космоса.

— Теперь, — заявил профессор Минц, — надо исследовать поведение плесени в водной среде.

Он начал брать пробы и смотреть на пришельца в микроскоп.

Удалов также не терял времени даром. Он сначала нарисовал в

воздухе круг и треугольник, взывая к общему для всех разумных существ знанию геометрии, а затем достал из-под сосны свои брюки, чтобы наглядно объяснить пришельцу теорему Пифагора о штанах. Плесень не обратила внимания на усилия Удалова, но тут были обнародованы выводы Минца:

— Совершенно безопасная субстанция. Микроскопические водоросли, примитивные организмы, встречаются на Земле. Разумом не отличаются.

— Это еще не факт, — возразил Удалов, но штанами махать перестал, а надел их. — Может, если сложить их вместе, получится коллективный разум.

— Если даже целое поле капусты сложить вместе, получится большая куча капусты, но никакого разума, — возразил Минц.

— А если она размножится и покорит Землю? — спросил Ложкин. — Вы же сами предупреждали, Лев Христофорович.

— У нее было много времени, чтобы это сделать в далеком прошлом. Миллиарды лет эта водоросль обитает на Земле.

— Она рыбу всю поморит, — высказал предположение молодой человек в тельняшке.

— Рыба ее уже кушает, — сказал Минц.

Так рухнула теория о космическом десанте, пропала втуне заготовленная Ложкиным речь и провалились усилия Удалова по поводу теоремы Пифагора. Минц свое дело знал. Если он сказал, что космический корабль вывалил на берег озера Копенгаген просто кучу мелких водорослей, значит, так оно и есть.

Разочарованные зрители разошлись по берегу, а Минц с соседями сел под сосну у запретительной надписи и стал думать, что бы это все значило. Не может быть, чтобы из космоса прислали корабль только для того, чтобы привезти кучу водорослей.

Водоросли, оставшиеся на берегу, быстро сохли под солнцем, чернели, впитывались в песок.

— Нам поставили логическую загадку, — предположил Удалов. — Нас испытывают. Испугаемся или нет.

— А сами наблюдают? — спросил Ложкин.

— Сами наблюдают.

Минц поднялся и пошел по берегу, чтобы определить границы выпадения водорослей. Озеро жило своей мирной, тихой субботней жизнью, и ничто не напоминало о недавнем визите космического корабля. Минц споткнулся обо что-то твердое. Полагая, что это камень, он ударил носком по препятствию, но препятствие не поддалось, зато Минц, который был в легких сандалиях, ссадил большой палец.

— Ой! — сказал он.

Удалов уже спешил к нему на помощь:

— Что такое?

— Камень. Он водорослями покрыт.

Интуиция подсказала Удалову, что это не камень. Он быстро опустился на корточки, разгреб водоросли, еще влажные и липкие. И его старания были вознаграждены. Небольшой золотистый цилиндр, верхняя часть которого выступала из песка, медленно ввинчиваясь, уползал вглубь.

— А вот и пришелец, — сказал Удалов, по-собачьи разгребая обеими руками песок, чтобы извлечь цилиндр.

Цилиндр был невелик, но тяжел. Минц живо достал из чемоданчика ультракоротковолновый приемник, который оказался там только потому, что в чемоданчике было все, что могло пригодиться, настроил его и сообщил:

— Так я и думал. Цилиндр издает сигнал на постоянной волне.

— И на нем что-то написано, — сказал Удалов.

И вправду, на нем было что-то написано.

Цилиндр развинтили. Внутри обнаружили свернутый в трубочку свиток металлической фольги с такими же буквами, как и на его оболочке.

— Похоже на эсперанто, — размышлял Минц, разглядывая текст. — Только другой язык. И неизвестная мне графика. Но ничего, окончания и префиксы просматриваются, знаки препинания угадываются, структура проста. Дайте мне десять минут, и я, как и любой на моем месте лингвистический гений, прочту этот текст.

— Вот и хорошо, — заключил Удалов. — А я побегу колбасу порежу и пиво открою.

Удалов приготовил пищу, Минцу тоже дали бутерброд, и через десять минут расшифровка была закончена, ибо Минц использовал в своей работе опыт Шампольона — Кнорозова и других великолепных мастеров, специалистов по клинописи и письменности майя.

— Внимание, — сказал Минц. — Если вы заинтересованы, я прочту перевод космического послания. Оно не лишено интереса. — Минц тихо хихикнул. — Сначала надпись на цилиндре: «Вскрыть через четыре миллиарда лет».

— Чего? — спросил Ложкин.

— За точность перевода ручаюсь.

— Тогда зря мы это сделали, — сказал Удалов. — Они надеялись, а мы нарушили.

— Мне столько не прожить, — сказал Ложкин. — Поэтому раскаиваться нечего. Кроме того, мы сначала вскрыли, а потом уже прочли запрещение.

— А теперь текст, — напомнил Минц. — «Дорогие жители планеты, название которой еще не придумано...»

— Как так? — удивился Ложкин. — Наша планета уже называется.

— И это в космосе многим известно, — поддержал его Удалов.

Минц переждал возражения и продолжал:

— «Сегодня минуло четыре миллиарда лет с того дня, как автоматический корабль-сеялка с нашей родной планеты Прекрупицан совершил незаметный, но принципиальный шаг в вашей эволюции. Будучи адептами теории и практики панспермии, мы рассылаем во все концы Галактики корабли, груженные примитивной формой жизни — водорослями. Попадая на ненаселенную планету, они развиваются, так как являются простейшими и неприхотливыми живыми существами. Через много миллионов лет они дадут начало более сложным существам, затем появятся динозавры и мастодонты, и наконец наступит тот счастливый в жизни любой планеты день, когда обезьяночеловек возьмет в лапы палку и начнет произносить отдельные слова. Затем он построит себе дом и изобретет радио. Знайте же, что вы, наши отдаленные во времени-пространстве родственники по эволюции, благодаря изобретению радио поймали сигнал нашей капсулы, захороненной четыре миллиарда лет назад на берегу необитаемого и пустынного озера, потому что мы засеяли его воду примитивными водорослями. Мы не оставляем нашего обратного адреса — срок слишком велик. Мы подарили вашей планете жизнь и создали вас совершенно бескорыстно. Если вы нашли капсулу и прочли послание, — значит, наша цель достигнута. Скажите нам спасибо. Счастливой эволюции, друзья!»

Вот и все, — закончил Минц, не скрывая некоторой грусти. — Они немного опоздали.

— Я же говорил, что они разумные, — сказал Удалов. — И никакой враждебности.

Удалов верил в космическую дружбу, и записка в цилиндре лишь укрепила его в этой уверенности.

Микроскопические водоросли плавали по озеру, и их ели караси. Но Ложкин вдруг закручинился...

— Ты чего? — спросил Удалов. — Чем недоволен? Адреса нету? Адрес мы узнаем. Слетаем к ним, вместе посмеемся.

— Я не об адресе. Я думаю, может, поискать еще одну капсулу?

— Какую еще?

— Ну, ту самую, которую кто-то оставил на Земле четыре миллиарда лет назад.

СВОБОДНЫЙ ТИРАН

Хоть горючее было на исходе, приземлился Удалов удачно: ничего не разбилось и сам не пострадал.

Удалов поглядел в иллюминатор — дождя не было, температура плюс семнадцать. Удалов надел пиджак, проверил, не забыл ли бумажник с документами, и спустился по трапу на незнакомую планету.

Корабль стоял на пустоши, в кустах, засеянное поле удалось не повредить, и это Удалова порадовало. Он зашагал по пыльной дорожке к городу.

В городе у крайнего дома копался пожилой мужчина в серой куртке и серых штанах.

— Простите, — обратился к нему Удалов на космолингве, языке, понятном во всей цивилизованной Галактике. — Вы не скажете, где у вас продают топливо для космических кораблей?

— Нет у нас космических кораблей, — ответил местный житель.

— А керосин у вас есть? Мне в крайнем случае керосин подойдет.

— Керосин есть, — ответил местный житель. — Только вам не продадут.

— Почему?

— Потому что вы нарушили. В зону спустились.

— Я с мирными целями, — сказал Удалов. — Пролетом. У меня все документы в порядке.

— Мое дело маленькое, — ответил местный житель. — Я просто заключенный.

И он снова принялся копать огород. А Удалов только тут заметил, что на груди и на спине поселянина нашит черный семизначный номер.

Эта новость несколько встревожила Удалова, но он продолжил путь. Встречались редкие прохожие. На Удалова они смотрели с любопытством, но вопросов не задавали. И он молчал. Все прохожие были в сером и с черными номерами.

Тут Удалов увидел человека со стопкой книг под мышкой. Удалов смело подошел к нему, полагая, что с интеллигентом всегда легче договориться. Он задал ему вопрос о керосине. Человек ответил, что керосин достать трудно — в стране нет автомобильного и подобного транспорта. Еще три года назад по приказу тирана все двигатели были уничтожены, чтобы злоумышленники не убежали, воспользовавшись ими, из зоны.

— Надо ли ваш ответ понимать так, будто я нечаянно опустился на территорию концлагеря, а вы все тут заключенные?

— Вы правильно рассуждаете, инопланетянин, — ответил интеллигент.

— За что же вы арестованы? — спросил Удалов.

— Кто за что! — уклончиво ответил интеллигент.

— А есть ли автомобили за пределами зоны?

— Я не могу ответить на этот вопрос, — сказал интеллигент, — так как я не знаю, что делается в остальном мире.

— Неужели без права переписки? — удивился Удалов.

Интеллигент кивнул.

— А как же семья?

— Нет у меня семьи, — вздохнул интеллигент и поспешил прочь.

Возможно, потому, что к Удалову приближался полицейский. Его можно было отличить по фуражке, палке в руке и высоким сапогам. В остальном он был одет как заключенный, и номер у него был тоже семизначный.

— Что происходит? — спросил полицейский.

Удалов сразу во всем признался и был арестован. Полицейский повел его по главной улице лагерного города. Тот мало чем отличался от обыкновенного, лишь вместо названий улиц на углах висели номера блоков или зон, а вместо номеров домов — надписи «Барак № 456» или «Карцер № 24». Но это не мешало работать парикмахерским и извозчикам. Правда, даже на лошадях были лагерные номера.

В помещении лагерной комендатуры Удалова попросили подождать. Удалов уселся на лавку в узком коридоре. По одну сторону от него сидел оживленный подросток, по другую — девица легкого поведения. Ее профессию можно было угадать по укороченной серой юбке и глубокому вырезу в лагерной робе.

— Удивляет меня ваш лагерь, — сказал Удалов. — Все занимаются своими делами, и никто не перевоспитывается специфическим трудом.

Подросток угодливо засмеялся, а девица схватила мальчишку за вихры и принялась трясти. Она трясла подростка до тех пор, пока он не выплюнул часы Удалова. Как и многие проститутки, та девица в обыденной жизни была сердобольным человеком.

Вернулся полицейский и отвел его к коменданту.

— Как? — удивился Удалов. — Вы тоже заключенный?

— Разумеется, — ответил комендант.

— И давно сидите?

— Давно, — ответил комендант. — Но вам припаяют куда больше.

— За что?

— За бегство.

— Но я никуда не бегал.

— Границу зоны пересек? Значит, бегал.

— Но я же внутрь пересек, а не наружу!

— Не все ли равно, в какую сторону?

— А что же теперь делать?

— После обеда суд соберется. А пока пойдите перекусите. Направо за углом неплохое кафе. Сам там питаюсь. У вас деньги есть?

— Межпланетные кредиты и советские рубли.

— Лучше рубли, — сказал комендант. — Устойчивей. Давайте разменяю.

— Но если я арестованный, — сказал Удалов, пока комендант разменивал деньги, — как же вы меня в кафе отпускаете?

— Я вас не отпускаю, — резонно ответил комендант. — Вы уже в заключении. И ваш срок уже идет.

Девица легкого поведения ждала Удалова у комендатуры.

— Накормишь, кавалер? — спросила она.

Удалов не мог отказать доброй девушке. Она вела себя пристойно, а кафе оказалось чистым и кушанья добротными.

Говорили о пустяках. Удалов поведал о своих проблемах, а девушка рассказала о неудачно сложившейся судьбе.

Только Удалов, допив чай, собрался узнать побольше о заключенном городе, как в кафе вошел генерал в эполетах, пришитых к тюремной робе.

Он сразу направился к Удалову и сказал:

— Инопланетного пришельца ждут в резиденции.

— Счастливый, — сказала девица, — на свободе побываешь.

Заключенный генерал посадил Удалова в карету с зарешеченными окошками, выглядывать наружу запретил, и они поехали в резиденцию.

Карета остановилась перед высокой решеткой, разделявшей надвое обширный газон. Двое часовых по приказу генерала отперли калитку в решетке, обыскали Удалова и запустили на свободную территорию.

Посреди газона под небольшим балдахином стоял письменный стол. За ним — золотое кресло. В кресле сидел тиран, разительно отличавшийся от всех, кого пришлось здесь увидеть Удалову. Он был облачен в пышный мундир, украшенный орденскими звездами и аксельбантами.

— Простите, — сказал тиран, — что не приглашаю вас сесть. Не выношу, когда сидят в моем присутствии.

Удалов возражать не стал.

— Мне сказали, что вы ищете керосин, — сказал тиран. — Но вас задержали при нарушении границы лагеря. Теперь вам грозит длительное заключение. Я правильно излагаю?

С тиранами не спорят. Удалов кивнул.

Тиран поднялся с кресла, обошел стол и протянул Удалову руку.

— Я вам сочувствую, — сказал он. — Мне приходится иметь дело с наивными людьми. Если они сами попали в лагерь, то они считают, что и наши гости тоже должны там сидеть.

Тиран захохотал и принялся трясти руку Удалова:

— А меня зовут Тиран-справедливый. Смешно, правда?

Потом они стали гулять по газону, и тиран упросил Удалова рассказать подробно о галактической обстановке, о новостях на других планетах, куда тирану давно хотелось слетать, но дела не пускали.

Установилась непринужденная атмосфера, и Удалов спросил:

— Зачем же так много людей держать в лагере?

— К этому приводит логика жизни, — печально ответил тиран.

— Простите, но я не понимаю.

— Когда я победил в борьбе за власть, мне пришлось изолировать оппозицию. Не мог же я всех убить? Вскоре обнаружилось, что содержание лагерей для врагов очень дорого обходится моему любимому народу. Все им подавай — и парикмахеров, и поваров, и палачей — и всем плати зарплату... — Тут тиран встал в позу, звякнул орденами и воскликнул: — Но недаром же я гений! Я арестовал нужное число парикмахеров, поваров и палачей. И всех посадил в лагерь. Пускай исполняют обязанности бесплатно. Ясно?

Удалов неопределенно наклонил голову. Тирану было достаточно такой похвалы. Он продолжал:

— Но чем их всех кормить? Во что одевать? Пришлось посадить в лагеря крестьянство и рабочих, инженеров и даже писателей вместе с типографиями... — Тиран удовлетворенно вздохнул. — Проблема была решена, — закончил он.

Они еще немного погуляли. Потом тиран доверительно сообщил гостю:

— Дорого нам обходится правительство...

И тут же светлая идея пришла в голову тирану. Он кинулся к письменному столу и принялся писать указ. Дописав, вызвал заключенного генерала и рявкнул:

— Правительство арестовать! Зону расширить на соответствующий блок. А моего личного гостя отведите в зону и найдите ему койку в приличном бараке. Завтра я с ним продолжу беседу.

Генерал вывел Удалова в зону, запер калитку и тут же велел подбежавшим охранникам арестовать министров.

Затем отвез Удалова обратно в центр и высадил у трехэтажного здания, по фасаду которого протянулись черные буквы: «Барак № 21». А внизу поменьше, золотом и с финтифлюшками: «Отель «Каторга».

Администратор в лагерной одежде велел охраннику проводить Удалова на второй этаж. Там ему открыли дверь «одиночки № 45». Карцер был уютный, с двуспальной кроватью. На рассвете Удалова разбудили. В карцере стоял заключенный генерал. Через руку у него висела серая одежда.

— Тиран-справедливый требует к себе заключенного номер 6789421! — гаркнул он. — Переодевайтесь.

Удалов послушно переоделся. Наверное, тиран забыл, что Удалов еще свободный, придется напомнить.

Когда Удалов с генералом проходили через холл, из-за колонны выскользнула девица легкого поведения.

— Здравствуй, — сказала она. — Наша фирменная одежда тебе к лицу. А я достала керосину. Тридцать гекалитров. До Альдебарана должно хватить.

Она была славной девушкой. И бескорыстной. Удалов пожелал ей скорейшего освобождения и счастья в личной жизни.

Договорились, что керосин девица подвезет к кораблю. Потом Удалов вернулся к генералу, и они поехали в резиденцию.

— Как вчера прошли аресты? — спросил Удалов. — Удачно?

— Как положено, — сухо ответил генерал.

Они вышли на знакомый газон.

Середина его была обнесена решеткой. Внутри ее размещались письменный стол и золотое кресло. За столом сидел тиран в красивом мундире и что-то писал. На остальной территории газона, отошедшей теперь к концлагерю, резвились дети и загорали заключенные няни.

Удалов остановился у входа в клетку.

— Заходи, — узнал его тиран. — Почувствуй себя свободным человеком. Ты уж прости, но мне пришлось тебя осудить. Все-таки нарушение границы зоны — серьезное преступление.

— Что же получается? — спросил Удалов. — Вы теперь один на свободе остались?

— Да! — твердо ответил тиран.

— Тогда я пошел, — сказал Удалов.

Тиран сильно гневался вслед, но покинуть свободную клетку не решился.

Лагерную одежду с номером 6789421 Удалов оставил себе на память.

ТИТАНИЧЕСКОЕ ПОРАЖЕНИЕ

Удалов вошел в кабинет к Николаю Белосельскому. Вернее, ворвался, потому что был вне себя.

— Коля! — воскликнул он с порога. — Я больше не могу.

Предгор Белосельский отложил карандаш, которым делал пометки на бумагах, пришедших с утренней почтой, ласково улыбнулся и спросил:

— Что случилось, Корнелий?

Когда-то предгор учился с Удаловым в одном классе, и их дружеские отношения, сохранившиеся в зрелые годы, не мешали взаимному уважению и не нарушали их принципиальности.

— Я получил сегодня утром восемь новых форм отчетности, четыре срочные анкеты по шестьсот пунктов в каждой, не считая сорока трех прочих документов и инструкций.

С этими словами Удалов поставил на стол предгора объемистый портфель, щелкнул замками, наклонил, и гора бумаг вывалилась на стол.

— Ну чем я могу тебе помочь, — вздохнул Белосельский, который сразу все понял. — Я сам завален бумагами — работать некогда.

— Так мы перестраиваемся или не перестраиваемся? — спросил Удалов. — Неужели ты не понимаешь, Коля, что бюрократы нас скоро погребут под бумагами? Бумаги нужны им для того, чтобы оправдать свое бессмысленное существование. А мы терпим.

— Мы боремся, — сообщил Белосельский. — Три дня назад мы уговорили Горагропром сократить на шесть процентов квартальную отчетность. После долгого боя они согласились.

— Ну и что?

— А то, что оставшиеся девяносто четыре процента они увеличили втрое в объеме.

— Надо разогнать.

— Мы не можем разогнать, — сказал Белосельский. — Все наши организации подчиняются вышестоящим организациям, а все вышестоящие организации подчиняются очень высоко стоящим организациям, и так до министерств...

— Тогда подаю заявление о пенсии, — заявил Удалов. — Я уже три дня не был на стройплощадке. У меня рука сохнет.

— Так не пойдет, — сказал Белосельский. — Своим капитулянтским шагом ты лишаешь меня союзников. Мы должны думать, а не плакать.

— Тогда думай! — закричал Удалов. — Тебя же для этого сделали городским начальником.

— Если бы я знал! — с тоской произнес Белосельский и, подойдя к окну, вжался горячим лбом в стекло. Ему хотелось плакать.

— Простите, друзья, — раздался голос от двери. Там стоял незаметно вошедший в кабинет профессор Лев Христофорович Минц.

— Заходите, Лев Христофорович, — откликнулся Белосельский. — Беда у нас общая, хоть от вас и далекая.

— Я все слышал, — сказал Минц. — Но не понимаю, почему такая безысходность?

— Бюрократия непобедима, — ответил Белосельский.

— Вы не правы. К этой проблеме надо подойти научно, чего вы не сделали.

— Но как?

— Отыскать причинно-следственные связи, — пояснил профессор. — К примеру, если я собираюсь морить тараканов, я первым делом выявляю круг их интересов, повадки, намерения. И после этого бью их по самому больному месту.

— Так то ж тараканы! — воскликнул Удалов.

— А тараканы, должен вам сказать, Корнелий Иванович, не менее живучи, чем бюрократы.

— Что же вы предлагаете? — спросил Белосельский.

— Я предлагаю задуматься. В чем сила бюрократа?.. Ну? Ну?

Друзья задумались.

— В связях, — произнес наконец Белосельский.

— В нежелании заниматься дедом, — сказал Удалов.

— Все это правильно, но не это главное. Объективная сила бюрократии заключается в том, что она владеет бумагой. А бумага, в свою очередь, имеет в нашем обществе магическую силу. Особенно если она снабжена подписью и печатью. При взгляде на такую бумагу самые смелые люди теряют присутствие духа, цветы засыхают, заводы останавливаются, поезда сталкиваются с самолетами, писатели вместо хороших книг пишут нужные книги, художники изображают на холстах сцены коллективного восторга, миллионы людей покорно снимаются с насиженных мест и отправляются в теплушках, куда велит бумага...

— Понял, — перебил профессора Удалов. — Нужно запретить

учить будущих бюрократов читать и писать. Оставим их неграмотными!

— Они уже грамотные, — сказал Белосельский.

А Минц добавил:

— К тому же бюрократами не рождаются, ими становятся. И опять же по велению бумаги. Потому я предлагаю лишить нашу бюрократию бумаги!

— Как так лишить? — удивился Белосельский.

— Физически. Не давать им больше бумаги. А не будет бумаги, им не на чем будет писать инструкции и запреты, а вам не на чем будет составлять для них отчетность.

— Но как?

— Вы не можете закрыть все учреждения, вы не можете выгнать бюрократов на улицу. Но в вашей власти отказать им в бумаге. Вся власть Советам!

Слова мудрого Льва Христофоровича запали Белосельскому в душу. Не сразу, а собрав вокруг себя сторонников, обдумав процедуру, он издал указ, радостно встреченный всем населением.

«Отныне и навсегда ни одно учреждение города Великий Гусляр не имеет права держать в своих стенах никакой бумаги, кроме туалетной и предназначенной для написания заявления об уходе (по листку на каждого чиновника)».

Мы не будем описывать здесь, как сложно было перекрыть доступ бумаги в учреждения и конторы, как хитрили и изворачивались руководители этих контор, как пришлось ставить добровольцев на городских заставах, чтобы пресечь контрабанду бумаги из области и даже из Москвы. Но если народ решил, то народ справится!

Бумажный поток был перекрыт. Город вздохнул свободно. Бравые патрули перехватывали врывающийся в город поток бумаги и тут же сдавали в макулатуру. Уже через две недели на эту макулатуру каждый житель города получил по книге Дюма и собранию сочинений писателя Пикуля.

С каким наслаждением шли утром на работу Корнелий Удалов, а также все его сограждане! Они были уверены, что никто не будет отвлекать их от созидательного труда. А производительность этого труда между тем резко возросла.

Учреждения затаились. В их недрах шли бесконечные совещания, но так как протоколы приходилось вести на туалетной бумаге, они оказывались недолговечными, и наутро приходилось совещание повторять, так как совещание, не оформленное протоколом, считается недействительным.

Удалов с Белосельским со дня на день ждали светлого момента,

когда откроются двери Горснаба, Горстата, Горотчета, Горпромплана и других контор, откуда выйдут сотрудники и сотрудницы, чтобы сдаться на милость победителей и перейти наконец к станкам, больничным койкам, классным доскам и прочим местам, где так не хватает людей. Но двери не открывались.

Прошла неделя. И вдруг Удалов, проходя по Пушкинской, увидел скромное объявление. Оно звучало так: «Горотчету на постоянную работу требуются каменщики, ткачи, вышивальщики, граверы и чеканщики. Оплата по ставкам ведущих экономистов, тринадцатая зарплата гарантирована».

Сердце тревожно забилось, но еще тревожней стало Удалову, когда он на следующей улице увидел такое же объявление, вывешенное Горпромпланом.

Худшие подозрения Удалова подтвердились в тот же день. Примерно за час до обеда к нему в контору вошли три дюжих молодца. Они волокли большую гранитную плиту. На плите были тщательно выбиты буквы:

ИНСТРУКЦИЯ
по учету использования арматуры в пересчете
на погонные метры и кубические сантиметры.
Для служебного пользования. Срочно. Ответ предоставить
в течение 24 часов под личную ответственность.

Молодцы поставили плиту к стене. Солнце, заглянувшее в комнату, осветило своими теплыми лучами глубоко выбитые строчки.

— Распишитесь в получении. — Один из молодцов протянул Удалову медный лист и молоток с долотом. — Вот тут выбейте свою фамилию.

До обеда Удалов выбивал по меди свою фамилию. А из соседних фабрик, контор, магазинов и учебных заведений ответно постукивали молотки — руководители и директора расписывались в получении инструкций.

Вместо обеда Удалов кинулся к Белосельскому.

Тот был в трауре: стены его кабинета были заставлены разного рода каменными плитами, медными и железными листами, на столе лежали грудой шелковые и хлопчатобумажные свитки с вышитыми на них запросами, жалобами, анкетами и рекомендациями.

Посреди кабинета стоял профессор Минц и сдержанно улыбался.

— Ну что вы улыбаетесь! — завопил Удалов с порога. — Они нас победили! Лучше я буду расписываться на бумаге, чем, как египетский раб, выбивать свою фамилию на твердых предметах.

— Не падайте духом, Корнелий, — произнес Лев Христофорович. — И вы не падайте, товарищ Белосельский. Враг пошел на последние, крайние меры. Значит, он слабеет.

— Да вы посмотрите в окно, — сказал Николай. — Отсюда видно — они беспрерывно куют и вышивают! Они все при деле! Они расширяют штаты.

— А мы хитрее, — возразил Минц. — На прошлом заседании вы отказали в создании кооператива гранильщиков, кооператива вышивальщиц, артели чеканщиков?

— Мы не отказали. Мы перенесли вопрос на будущее, потому что не были подготовлены нужные бумаги.

— Вот именно! Бумаги! А теперь у нас нет бумаг!

— А как же...

— И ты туда же, Коля? — строго спросил Удалов.

Лицо Белосельского озарила лукавая усмешка.

— Верочка! — позвал он секретаршу. — Вы можете вызвать ко мне представителей всех кооперативов? Сейчас. Спасибо.

Через час, без единой бумаги, оперативно и решительно в городе были организованы кооперативы чеканщиков, гранильщиков, каменщиков, вышивальщиц и прочие добровольные организации, готовые внести свой вклад в развитие экономики и заработать при этом больше, чем могли заплатить городские учреждения, даже с учетом тринадцатой зарплаты. Бюрократия лишилась рабочих рук.

Прошло еще пять дней. Жизнь в городе текла спокойно. Новые инструкции не появлялись.

Утром во вторник Удалов сказал жене Ксении:

— Ксюша, наша титаническая борьба с бюрократией кончилась в нашу пользу. Бюрократия потерпела поражение!

Тут из другой комнаты вышел сын Удалова, подросток Максимка.

— Папа, — сообщил он, — мы в поход не пойдем.

— Почему же? — удивился Корнелий. — Ты же так готовился.

— Вчера приходил к нам один дядя из Горпромплана и всем нам предложил заработать.

— Вам? На каникулах?

— Папа, ты совершенно не следишь за дискуссиями о просвещении. Пора наконец приблизить школу к жизни. Наше образование находится в критическом положении. Я не хочу быть недорослем! Мой сверстник в Соединенных Штатах зарабатывает на каникулах сотни и даже тысячи долларов, разнося молоко и газеты!

— Остановись! — закричал Удалов. — Все стали образованные! Иди зарабатывай. Но честным трудом!

— Я понял, папа. Если мне предложат что-то бесчестное, я откажусь, даже если на эти деньги я мог бы купить мотороллер.

Вечером они встретились с сыном за ужином.

— Ну что, сынок? — спросил Удалов.

— Очень интересная идея, — ответил Максимка. — Все мы будем работать курьерами.

Удалов искренне рассмеялся:

— Какими же вы будете курьерами, если бумаг нету?

— А мы и будем бумагами. Каждый из нас получает номер. Я, например, исходящий 18-24 от 14 июня. Состою из шестидесяти пунктов и завтра с утра направляюсь в область.

— Не выйдет, — ответил Удалов, все еще не в силах поверить в дьявольскую выдумку Горпромплана. — Ты не запомнишь все пункты.

— Запомню, — улыбнулся подросток.

Он вытащил из кармана длинную тонкую веревку, от которой отходили короткие веревочки со множеством узелков.

— Письмо туземцев майя, — пояснил он отцу. — Докладывая мое содержание, я пользуюсь этим письмом как подсказкой. Показать?

— Ну... — неуверенно сказал Удалов.

Максимка встал в позу, потянул пальцами конец веревки и монотонно заговорил:

— Исходящий 18-24 от 14 июня. В областное управление Главпромпланстройкомплекта заместителю подзаведующего сектором вторичного учета товарищу Богаткину Гы Мы...

— Хватит, — махнул рукой Удалов. — Сдаюсь. Боюсь только, что они там тебя заприходуют, пришьют к делу, положат на полку и забудут покормить.

Сын только отмахнулся. Он ходил по комнате, перебирал пальцами веревочки и тихо бубнил.

Наутро Удалов, проходя мимо открытых окон Горучетинспекции, услышал доносящееся оттуда бормотание. Он остановился, заглянул внутрь. Перед начальственным столом стояла девчушка лет десяти и послушно повторяла за начснабом Лапкиным, которого Удалов давно знал:

— Пункт третий: поручить руководителям нижних упадочнических звеньев...

— Не упадочнических, а управленческих, девочка! Если не запомнишь до обеда — лишишься компота.

На автобусной остановке в ожидании машины в область томились два десятка школьников с веревочками в руках...

Трое юношей и первоклассник в очках ждали Удалова в конторе.

Они были вежливы, но настойчивы. Удалову пришлось выслушать их тексты и послания соответствующих организаций. Затем Удалов покорно спросил:

— А где расписываться в получении?

— Если есть круглая печать, — ответил один из ходячих документов, — ставьте мне на лоб.

— На лоб?

— Разумеется, чтобы видно было.

Удалов улыбнулся. Он достал из стола круглую печать, густо намазал ее чернилами и злорадно припечатал круглые лобики детей.

— Пускай теперь вас папы с мамами отмывают! — сказал он.

Но когда подошел к очкастому первокласснику, рука его не поднялась.

— А еще куда можно? — спросил он.

Мальчик протянул ему ладошку. И Удалов припечатал ладошку.

Весь день по городу шастали входящие и исходящие. У некоторых детишек на лобиках стояло уже по три-четыре печати. А на щеках были подписи фломастерами. Удалов перестал улыбаться.

А когда вечером вернулся из города усталый Максимка, лоб и щеки которого были густо разукрашены штампами и печатями, он собственноручно, несмотря на громкие вопли мальчика, который лишался честно заработанных денег, отмыл его в ванной так, что только кожа не слезла.

Впрочем, та же сцена повторилась во многих домах, что сильно обесценило детей в качестве документов.

А на следующий день после короткого и бурного совещания в Гордоме все дети города были отправлены в палаточный лесной городок, который мгновенно выстроили родители.

— Ну вот вроде и все, — сказал Удалов еще через день.

Ему только что позвонил Коля Белосельский, который сообщил, что к нему прорвались курьеры из области. Один принес инструкцию, вырезанную из березовых листьев, второй прямо в кабинете снял майку и показал письмо, написанное на его животе. Следовательно, в других городах и даже в области почин великогуслярцев был подхвачен.

— Титаническая борьба подошла к концу, — сообщил Удалов жене, уходя на службу.

— Ты мне это уже говорил, — ответила Ксения. — Погоди, они еще не сдались.

Удалов только отмахнулся от пророческих слов супруги. Светило солнце, пели птицы, впереди гудели автомобили. На центральной площади города, обширной и заасфальтированной, что-то происходило.

Машины и автобусы, которые намеревались было пересечь площадь, вынуждены были остановиться.

Туда, на площадь, чиновники из различных учреждений, здания которых окружали площадь, выносили свои столы. Сотни столов, тысячи столов...

Руководители учреждений и контор, руководствуясь планчиками, нарисованными на клочках туалетной бумаги, указывали, где ставить столы.

Удалов остановился на краю площади среди зевак, стараясь понять, что же замыслила гибнущая бюрократия.

Постепенно стал вырисовываться рисунок, согласно которому устанавливались столы. В сумме они составили три громадные буквы:

SOS

Затем по команде сотрудники уселись за столы и стали смотреть в небо.

Удалов тоже посмотрел в небо. Небо было голубым и пустым.

— Чего вы хотите? — спросил он у ближайшего чиновника.

— Нам не объясняли, — ответил тот. — Сказали, чтобы сидеть и ждать. Начальству виднее.

Начальство с Удаловым разговаривать не стало.

Удалов поднялся к Белосельскому. Белосельский был встревожен. Они стояли у окна, и буквы SOS были отлично видны.

Подошел Минц.

— Глупо, — сказал он. — Если они надеются на область, то там идут те же процессы.

— Знаю, — сказал Белосельский. — По всей стране идут процессы. Но все равно на сердце тревожно.

И в этот момент сверху послышался ровный нарастающий гул.

Темные быстрые тени мелькнули над площадью.

Одна за другой между буквами тревожного послания опускались летающие тарелочки. На них были опознавательные знаки, которые были Удалову знакомы.

— Это с Альдебарана, — произнес он, глядя, как открывается люк и из первой тарелочки выходят трехногие зеленые пришельцы с портфелями. — А это с альфы Водолея.

Из второй тарелочки выползли крабовидные существа в черных костюмах.

Вот открываются люки в третьей, пятой, двадцатой тарелочках...

Один из пришельцев, крупного размера, с четырьмя щупальцами, вынул из-за пазухи микрофон, и его голос раскатился над площадью:

— Дорогие братья! Узнав о том, в каком катастрофическом положении вы находитесь, и увидев ваш сигнал бедствия, мы по зову сердец откликнулись на вашу беду. Мы, представители могучих организаций и учреждений Альдебарана, Сириуса, Паталипутры и многих других разумных миров, доставили нашу скромную помощь. Вы не одиноки, друзья и коллеги!

Под аплодисменты гуслярских чиновников пришельцы стали выносить из тарелочек толстые стопки бумаги, копирки, ксероксы, новенькие печатные машинки...

Чиновники смирно и деловито выстраивались в очередь, и каждый из них получил достаточно бумаги, чтобы завалить Удалова с головой.

— Да, — сказал Минц, — мы потерпели поражение.

— Титаническое поражение, — добавил Удалов.

Белосельский не выдержал. Он заплакал.

— Коля, — сказал Удалов, кладя руку на плечо другу, — не падай духом. И на Альдебаране мы с тобой отыщем союзников.

— А они... они... из соседней галактики...

— Мы и до соседней галактики доберемся.

СПО́НСОРА!

В последние годы, видно обеспокоенные нашими земными событиями, пришельцы осмелели. Мало им Великого Гусляра, принялись кружить над Брюсселем, Бангладешем и Выхино-Владыкино.

В западном, зажравшемся мире многие относятся к пришельцам без интереса, а нам они внушают надежды. Нам нужна валюта, нам нужен ширпотреб, нам нужны спонсоры. Например, вчера по телевизору передавали объявление: «Уважаемые дамы, господа и товарищи! Ассоциации матерей-одиночек и девушек-идеалисток ищут спонсоров, обладающих скромными запасами конвертируемой валюты. Предложения инопланетян рассматриваются с интересом. Отечественных рублей или купонов не предлагать».

...Корабль пришельцев опустился якобы отдохнуть и для мелкого ремонта на старой лесосеке за озером Копенгаген, как раз когда Корнелий Удалов собирал там лисички. Удалов поздоровался, а пришельцы предложили ему сыграть с ними в карты, для отдыха. Играли в «дурака»; они втроем, а Корнелий — один. И, надо сказать, Удалову притом подливали.

Сначала Удалов проиграл корзинку с лисичками, но это еще полбеды. Потом Удалов проиграл пиджак, хороший, почти новый. К тому времени Удалов вошел в азарт, достал бумажник и выгреб из него все свои деньги, которые откладывал на спиннинг, но все не мог купить — то спиннингов нет, то снова подорожали. Но пришельцы на деньги играть не согласились.

— Что мы с твоей мелочью на Альдебаране делать будем? — спросили они. И даже засмеялись. — Давай играть на твои брюки.

Тут уж Удалов заартачился. Он человек солидный, ему домой через весь город идти.

— Тогда, — сказал главный пришелец, — сыграем на недвижимость.

— Ну какая у меня недвижимость, — вздохнул Удалов.

— Давай играть на Землю. Ты Землю ставишь на кон, а мы — наш космический корабль.

Удалов вошел в азарт. И согласился.

Ему бы подумать, зачем пришельцам Земля со всеми ее людьми и природными ресурсами. А он:

— Раздавай карту!

Ну и проиграл.

Потом опечалился и спросил:

— Зачем вам наша родная Земля?

— А она нам нужна, чтобы ее поработить. Мы заставим вас гнуть на нас спину, мы обесчестим ваших женщин, мы подчиним себе вашу экономику и вывезем ваши природные богатства, завалив вас в ответ дешевым, никому не нужным ширпотребом.

— А выкупить назад ее у вас можно? — спросил Удалов.

Пришельцы посчитали на своем компьютере и ответили:

— Если ты к завтрашнему вечеру достанешь сто сорок три тысячи рублей с копейками, возвратим тебе Землю. А нет — не обессудь. У нас все по-честному.

Тут начало темнеть, пришельцы улетели, чтобы засветло успеть на свою базу на обратной стороне Луны, а Удалов поехал домой. Без грибов, без пиджака, и еще проиграл Землю в карты.

Приехал домой туча тучей. А Ксения учуяла запах спиртного и увидела отсутствие пиджака. Ей бы догадаться, что произошла трагедия, а она говорит:

— Опять заместо рыбалки бегал к этой Римке? Лысый уже, а как был козлом, так и помрешь.

— Нет, — отвечал Удалов. — Дело куда хуже. Я Землю пришельцам в карты проиграл.

Ксения рассердилась на такую ложь, стала бить посуду, но Удалов понимал: Ксюша-то побуйствует и успокоится, а ему надо завтра сто сорок три тысячи рублей достать.

— Ксюша, — спросил Удалов, — а что у нас на книжке?

— А ты не знаешь? — сказала Ксюша и саркастически расхохоталась. — Ветер гуляет у нас на книжке, не на что ребенку велосипед купить. Так что неоткуда взять нам денег ей на драгоценности!

— Ты все о том же, — вздохнул Удалов и пошел к соседу, профессору Льву Христофоровичу Минцу, великому изобретателю.

Профессор отдыхал: давал сам себе сеанс одновременной игры в шахматы на двенадцати досках.

— Погоди, — сказал он Удалову, — кажется, наметился вечный шах.

— Некогда годить, — сказал Удалов. — Над планетой нависла беда. Я проиграл Землю в карты.

— Кому? — спросил профессор.

— Пришельцам.

— Откуда?

— Черт их знает. Зеленые, в военной форме.

— Ну что ж, — сказал Минц, ставя себе мат на шестой доске. — Я давно хотел тебя спросить, Корнелий, ты кто будешь по национальности?

— Местный.

— Странно. Если бы ты был евреем, я бы понял: сначала продали Христа, потом Россию, теперь — Землю. Но от русского человека я такого не ждал.

— Я в азарт вошел, — признался Удалов. — Если я завтра к вечеру сто сорок три тысячи не наберу, они нас поработят.

— Значит, это не пришельцы, — сказал Минц и поставил себе мат на восьмой доске. — Пришельцы умеют считать. Они отлично знают, что Земля стоит дороже, чем сто сорок три тысячи. Во много раз.

— А кто же они?

— Переодетые хулиганы. Из Вологды.

— Настоящие, — возразил Удалов. — Метр ростом, три ноги, глаз посреди лба, ну как в такого переоденешься?

— Нет. Это авантюра. И не вмешивайся ты в нее.

— Так не дадите взаймы? Я верну при первой возможности.

— Не из чего тебе такую сумму отдавать. Лучше иди спать.

— Неужели вам Землю не жалко?

— Мне ее еще вчера жалко было. Может быть, к лучшему, если ее захватят пришельцы?

— Что вы говорите, Лев Христофорович! Ведь они же не скрывают, что поработят нас, обесчестят наших женщин, расхитят наши природные ресурсы.

— Что-то не вижу разницы, — сказал профессор и сыграл с собой вничью на третьей доске.

Удалов попрощался и пошел на первый этаж, к Саше Грубину. «Все-таки хороший человек Минц, образованный, — думал он, — а еврейская национальность сказывается. Ему все равно — порабощенные мы или нет. А русскому сердцу порабощение недопустимо!»

Так он и сказал Саше Грубину, когда отвлек его от изобретения вечного двигателя.

— У меня денег нет, — сказал на это Саша, запустил пальцы в свои патлы и начал бегать по комнате, сшибая приборы. — Но если бы были... не знаю, дал ли бы я их тебе.

— И ты тоже?

— Нет, тут не национальная проблема, — сказал Грубин. — Евреи и татары тоже бросались на дзоты. Тут вопрос в том, что у нас в магазине совсем электрические лампочки кончились.

— А разве что не кончилось? — удивился Удалов.

— Резиновые сапоги были, — сказал Грубин. — Сорок шестого размера.

— Это вчера были, — ответил Удалов. — Сегодня утром и они кончились. Значит, не дашь денег?

— А может, пускай поработят? — вопросом на вопрос ответил Грубин. — Хоть какая надежда...

Удалов ушел от Грубина. У Корнелия были принципы, и ему невозможно было от них отказаться. Его любимым героем в детстве был Иван Сусанин.

Ночью Удалов спал плохо. Ему снились эротические кошмары про то, что делают с нашими девушками инопланетяне. Проснулся он на рассвете полный решимости погибнуть, но спасти Землю от порабощения.

Он взял письменный стол сына Максимки, вынес его на Советскую площадь, на газон у памятника Первопроходцам, рядом вбил в землю лопату, к черенку которой было прикреплено:

СБОР СРЕДСТВ НА СПАСЕНИЕ ЗЕМЛИ
ОТ ИНОПЛАНЕТНОГО ПОКОРЕНИЯ

Вскоре стали появляться первые прохожие. Они останавливались, задавали вопросы, и всем без исключения Удалов честно отвечал: так-то и так, проиграл Землю в карты, нужно сто сорок три тысячи, чтобы спасти ее от порабощения.

Нельзя сказать, чтобы сильно осуждали, хотя, конечно же, и не одобряли. «Сегодня ты Землю в карты проиграешь, а завтра еще за что возьмешься — проигрывал бы собственную жену!» Тут все начинали смеяться. Понимали, что далеко не каждый пришелец захочет выигрывать Ксюшу с ее характером.

Подавали немного, Ложкин положил в банку из-под растворимки несколько монет, потом, возвращаясь из магазина, взял одну монету обратно. Школьники пробегали — сложились на сто рублей. Проходил Пупыкин, он теперь работает в малом предприятии «Удавка» — собирается разводить удавов на шкуры. Он вложил в благородное дело пожелание успехов.

Больше интересовались — какие условия порабощения, когда сдавать Землю, как обещали угнетать. Римма, старая приятельница Удалова, которую не любит Ксения, все пыталась узнать, как пришельцы ее обесчестят. А если обесчестят, то будет компенсация или только для удовольствия.

К обеду накопилось тысячи две пожертвований, а паники в городе все не было. Удалов, который нервничал, относил это спокойствие за счет фатализма: ведь куда убежишь — Земля круглая и проиграна целиком.

Тогда Удалов пошел в горсовет, но там было закрыто — все уехали в Вологду на курсы менеджеров. В горвоенкомате сочувствие выразили, бывший полковник Иван Потапыч решил пожертвовать собой, взял учебный автомат, с дыркой, вызвался сопровождать Удалова на последний бой.

В последний момент присоединился Пупыкин. Принес с собой недопитую бутылку. Выпили и втроем пошли в лес.

Шли пешком до самого озера Копенгаген. Любопытных, что увязались следом, Удалов шуганул обратно — в предстоящем бою может задеть случайной пулей. В шесть сорок добрались до старой лесосеки.

Тут и спустилось летающее блюдце. Медленно и зловеще открылся люк. В нем появился главный пришелец. В руке он держал бластер. За его спиной еще пришельцы, тоже вооруженные, так что наши оказались в меньшинстве, но не отступили.

— Погоди стрелять, — сказал пришелец. — Может, договоримся. Мы согласны на денежную компенсацию.

Удалов показал банку из-под растворимки. Пришелец пересчитал деньги.

— Мало, — обиделся пришелец.

— Я сам понимаю, что мало, — сказал Удалов. — Но вот мы решили сопротивляться до последней капли.

Он показал на спутников. Спутник был один, Иван Потапыч с учебным автоматом. Пупыкин уже убежал.

— Так мы не согласны, — сказал пришелец. — Давай сюда сколько есть, автомат и живите, как хотите. Мы к таким больше прилетать не будем.

И пришелец повернулся, чтобы уйти.

И в этот момент раздались громкие крики и топот многих тысяч ног. Удалов понял — народ поднялся на борьбу, хоть и поздно, но бежит сопротивляться.

— Не надо, граждане! — закричал Удалов, оборачиваясь к толпе сограждан. — Они улетают! Мы победили!

Но тут случилось непредвиденное. Ревущие толпы гуслярцев отрезали пришельцев от корабля. Девушки размахивали плакатами: «Обесчести меня, пришелец!» и еще «Я готова, я все отдам!» Пенсионеры кричали: «Унизьте нас пенсией, оскорбите нас сыром и колбасой!» Кооператоры волокли торты, на которых кремом было выведено: «Кушай нас, угнетатель, мы вкусные и дешевые!»... Вся эта толпа громко, утробно, зловеще скандировала:

— Спон-сора! Спон-сора! Спон-сора!

Люди начали хватать пришельцев и кидать в воздух. Некоторые качали и Удалова с криками:

— Спасибо, что ты нашел нам спонсоров!

Удалов взлетел в небо рядом с главным пришельцем.

— Странные люди! — крикнул пришелец.

— И я не ожидал! — согласился Удалов.

Когда их снова подкинули, Удалов крикнул:

— Мне обидно!

— Почему?

— Мы, русские, очень свободолюбивый народ.

— Я и вижу! — крикнул в ответ пришелец, но тут их с Удаловым уронили на землю и забыли, потому что в корабле открылся товарный люк и землян начали унижать жалкими подачками ширпотреба.

— А я не возьму! — сказал Удалов, поднимаясь с травы. — Умру с голода, босой и голый, но не продам свободу.

— Это ты брось, — рассердился пришелец. — Ты теперь порабощенный. Забудь о воле.

И Удалов, последний свободный человек в Гусляре, глотая слезы, сдался и унизил себя банкой черной икры.

ОТВЕТНОЕ ЧУВСТВО

Мише Стендалю было стыдно таиться под окнами Алены Вишняк, но он ничего не мог с собой поделать. Уже взошла луна и беззвучно кралась над Великим Гусляром, ныряя в полупрозрачные облака, отбрасывая их назад, словно шлейф, и представая перед миром в серебряной наготе. Перекликались собаки. Рядом, по другую сторону забора, мерно дышала Антарктида, злобная сука, принадлежащая Алениной тетке. Антарктида не лаяла. Она пыталась просунуть морду в штакетник и откусить Мише руку.

Окно отбрасывало на кусты тревожный оранжевый свет. Причиной тому был абажур, висевший низко над столом. Тетка сидела спиной к окну и пила чай. Алена читала. Когда она переворачивала страницу, то поправляла упавшую на лоб прядь волос, и Миша любовался движением руки и цветом пряди. Один раз Алена задумчиво обернулась к окну, и Мише показалось, что глаза их встретились. Он сразу ослаб и ухватился за забор. Но успел отдернуть руку — Антарктида лишь щелкнула зубами.

Тетка зашевелила головой. Видно, сказала что-то Алене. Алена провела ладонью по книге, чтобы не закрылась, поднялась и пошла к двери. Миша отступил на шаг. Хлопнула дверь, Алена вышла на крыльцо и звякнула ручкой ведра. Антарктида взвыла и в три прыжка очутилась у крыльца. В собачьем подвывании Миша различил сплетню и жалобу. Но Алена не поняла. Она сказала:

— Пойдешь со мной до колонки?

Глядя на силуэт Алены, Миша связывал себя с ней крепкими нитями горячего чувства. Он понял даже, что в настроении его наступил настолько критический момент, что он готов подойти и объясниться. Мешала злая собака, от которой трудно избавиться.

И пока Миша размышлял таким образом, Алена подошла к калитке, отодвинула щеколду, и тень ее обозначилась в прямоугольнике оранжевого света. Антарктида, не дожидаясь, пока калитка растворится, выскочила на улицу, в прыжок достигла Стендаля и, схватив за рукав, подтащила к Алене. Собака урчала сквозь тесно сдвинутые зубы. Миша сопротивлялся. Алена сказала, рассмотрев, кого привела Антарктида:

— Это вы, Миша? Я чуть было не испугалась. Что вы делаете здесь в такое позднее время?

Миша счел неудобным открыто бороться с собакой. Он ответил, подергивая рукой так, чтобы не разорвать пиджак:

— Я проходил мимо.

Собака заурчала громче, обличая Мишу во лжи.

— Куда же вы ходили? — спросила Алена.

— Тут, в соседний дом. Я просто гулял.

— Отпусти его, Анка, — сказала Алена собаке. — Он просто гулял.

Алена пошла к колонке. Собака не отпускала Мишу, а повела за хозяйкой. Тогда Миша решил продолжить разговор.

— Я хотел вас увидеть, — признался он. — Я остановился под вашими окнами.

— Вы же ведете себя неприлично, — заявила Алена. — Вы и вчера днем меня смущали своими взглядами.

— Извините. Я не нарочно. Я не мог глаз отвести.

— Я не давала вам никакого повода, — сказала Алена. Она повесила ведро на крюк колонки и принялась качать воду.

— Разрешите, я помогу вам, — предложил Миша, забыв про собаку.

— Как хотите.

Алена выпрямилась, уступая Мише место. Миша качал воду, а собака мешала ему, повисая на руке, так что приходилось качать и воду, и собаку. Алена смотрела на луну.

— Вы хотели бы попасть туда? — спросила она.

— Скажите, пожалуйста, собаке, чтобы она меня отпустила.

— Ой, как смешно, — сказала Алена. — Анка, сколько раз тебе надо повторять одно и то же? Видите, она меня не слушается. Придется мне закончить за вас.

— Ведро уже давно полное. Я качаю, чтобы вы не уходили домой.

— Чудак, — сказала Алена. — Спокойной ночи. И, пожалуйста, ко мне не приставайте. Если тетя узнает, она добьется, чтобы вас сняли с работы.

— Пустяки. Я думаю не об этом.

Они шли обратно к калитке. В одной руке Миша нес ведро, на другой висела собака.

— Еще раз спокойной ночи, — сказала Алена. — И запомните, что хоть Анка и дворняга, у нее мертвая хватка. В следующий раз она может схватить вас за горло.

— Мне грустно без вас, — ответил Стендаль.

Собака отпустила Мишу и юркнула в калитку.

Миша подождал, пока Алена не скрылась в двери, и пошел домой. Он решил, что немедленно пойдет к Глумушке.

Глумушка жила за лесопилкой, на краю старой вырубки, в доме, который когда-то, до революции, принадлежал леснику. С годами лесник вслед за лесом переехал километров на десять от города, и в доме менялись случайные хозяева, пока не бросили его на произвол судьбы. И тогда в нем поселилась Глумушка.

Откуда она пришла, что делала раньше, никто не знал. Жила она в развалюхе второй год, питалась скудно, в церковь, на кладбище не ходила, подбирала бутылки, оставленные в лесочке после субботних пикников, и сдавала их в пункт на базаре.

Вначале на Глумушку никто не обращал внимания. Как-то зашла женщина из собеса узнать о пенсии, но оснований для пенсии у Глумушки не было, и Глумушка сказала, что ежемесячно получает переводы из Вологды, от племянницы, что было неправдой. Глумушка любила бродить по лесу, забиралась далеко, за Конопатовку и даже на Сидоровские болота. Собирала травы и грибы. Однажды вылечила Миловидовым корову, от которой уже отступился ветеринар. Потом был такой случай, что она пришла в контору лесопилки и сказала сторожу, что ночью будет сделана попытка вывезти на грузовике доски. Сторож не поверил, но все-таки немного взволновался, не спал и полуторку с досками задержал. За это он получил благодарность, а про Глумушку рассказал жене, и та как-то, встретив Глумушку на дороге, спросила ее, кто родится у дочери — сын или дочь. Глумушка попросила два дня сроку для ответа и сказала, что сын. Сына назвали Юрой, а жена сторожа отнесла Глумушке десяток яиц.

Так росла слава. Слава была неровной и ненадежной, ибо с поклонниками Глумушкиного таланта умножались и враги, завистники и скептики. Особенно усилились противоречия, когда Глумушка, по слухам, склонила к браку со Столыпиным приезжую женщину, имевшую в Архангельске жениха. Столыпин, шофер с лесопилки, отрицал, что получил от Глумушки приворотное зелье, и чем более он отрицал, тем менее ему верили. А молодая жена была от него без ума.

К Глумушке бегали девчата из универмага, школьники десятого класса, отдельные старухи и домашние хозяйки. Под покровом ночи в окошко к ней стучались мужчины. Глумушка понемногу опутала город Великий Гусляр своим тайным колдовством, но поймать ее с поличным не удавалось никому. Когда к старухе пришли два активиста из атеистического кружка и потребовали, чтобы Глумушка приготовила им за вознаграждение средство избавиться от местного священника, она ответила им так:

— Зря стараетесь. Я не волшебница и тем более не знахарка. Даже стыдно слышать такие предложения от внешне культурных людей. Идите, а то я сообщу о вас по месту работы.

Активистам пришлось уйти.

Миша Стендаль, естественно, относился к рассказам о способностях старухи скептически. Он даже как-то обратился к редактору городской газеты с предложением сделать разоблачительный

материал о шарлатанке, но редактор поднял над столом красивую массивную голову и отсоветовал. Объяснял, что социальной опасности старуха не несет, а газета не может опускаться до разбора бабьих сплетен. Влекомый любознательностью, Миша опросил по-дружески знакомых и даже встретился с одной женщиной средних лет, которая уверяла, что Глумушка помирила ее с мужем. Женщина работала библиотекарем в речном техникуме, и ее нельзя было заподозрить в излишних суевериях.

Глумушка забылась. Отошла в глубь сознания. И может быть, Миша Стендаль, литсотрудник газеты, не скоро бы вспомнил снова о ней, если бы в гости к тетке не приехала Алена Вишняк, мастер спорта по теннису, финалистка первенства Союза в женском парном разряде, блондинка с карими глазами, в которую Стендаль быстро и безнадежно влюбился. Стендаль был неспортивным мужчиной и даже не любил ходить на пляж, потому что стеснялся своей белой кожи и мягкого белого живота. Кроме того, он носил очки и был похож на молодого Грибоедова.

Миша сделал несколько попыток приблизиться к Алене Вишняк, даже прочел книгу о теннисе и подписался на журнал «Теннис». Миша взял у Алены интервью, которое в газете не прошло, потому что надвигались прополка и косовица, а также первенство мира по футболу. Миша преследовал Алену на улицах и в общественных местах, плохо ел и путал очевидные факты в своих корреспонденциях. Миша, человек интеллигентный, выпускник Ленинградского университета, лишенный всяких потусторонних мыслей, исписал толстую тетрадь плохими стихами, исхудал, пришел в отчаяние и решил наконец пойти к Глумушке, понимая, насколько это стыдно и нелогично. Но в жизни наступает такой момент, когда соображения разума отступают. У Миши они отступили.

В последний раз обернувшись на оранжевое окно, Миша снял очки, протер их платком, нервно оглянулся и пошел к лесопилке, делая вид, что гуляет, и подогревая себя воспоминаниями о лице Алены, озаренном серебряным светом луны. По лицу пробегали тени облаков, глаза казались черными и бездонными, а зубы светились, будто были сделаны из лунного света.

У самой лесопилки кончился асфальт, и далее дорога была неровной, с глубокими, еще весной, в дожди, пробитыми колеями. В них застыла вода, и в каждой луже поблескивала луна. Крайние домики города уже спали и слепо таращились темными окнами на путника. Фонари были далеко расставлены один от другого, и тень Миши вырастала до немыслимой длины, затем двоилась, перево-

рачивалась и сокращалась по мере того, как он приближался к следующему фонарю. Собаки просыпались за заборами, брехали яростно, провожая Мишу до границ своей территории. Было чуть жутко, и не столько от одиночества, сколько от возможной случайной встречи в это время в этом месте с кем-то из дневных, обычных знакомых.

За последними домами пришлось свернуть с дороги к соснам. Луна все не заходила, тропинка к дому Глумушки была видна отчетливо, и Миша каждый раз успевал перешагнуть через корень, подставленный деревом. Незаметно для себя Миша прибавил шаг и последние метры перед избушкой колдуньи протрусил, словно за тронувшимся поездом. И остановился.

Он стоял на прогалине. Дом Глумушки покосился и осел на один угол. Дранка на крыше, седая от старости, поблескивала под луной. Забор из неровных кольев казался рядом копий, оставленных улегшимися спать дружинниками. Ставни были закрыты, но сквозь них пробивался тусклый свет. Глумушка не спала. Но примет ли она его? А вдруг у нее клиент? Мише представилось даже, что клиентом может оказаться некто из редакции. И тогда последствия будут ужасны. Миша переступил на месте, как переступает прыгун в высоту, прежде чем выверенными шагами, наращивая скорость, броситься к планке. Но он не бросился, а пошел на цыпочках, желая вначале заглянуть в щель ставни, убедиться, что войти можно.

У окна рос густой бурьян, крапива, под ногами оглушительно хрустнула палка, затем Миша провалился по колено в невидимую яму и застыл в неудобной позе. Дверь открылась.

— Заходите, — сказал голос. — Зачем стоять под окном?

Миша выбрался из бурьяна и вступил на крыльцо. Чувствовал он себя препогано. В конце концов, почему он должен шастать ночью у подозрительной избушки? Кто его заставляет? И чувство это было постыдным, потому что задевало чистоту его стремлений к Алене Вишняк.

За приоткрытой дверью никого не было. Лишь низкие пустые сени, слабо освещенные голой лампочкой под потолком.

— Вытирайте ноги, — сказал голос.

Миша послушно потер подошвами о половик.

Больше указаний не последовало, и Миша толкнул дверь в горницу. Дверь растворилась мягко и беззвучно. Оттуда ударил в лицо яркий свет медицинского учреждения. Миша очутился в сравнительно большой комнате с белыми аккуратными стенами и скамейками вдоль них. На скамейках сидели люди, обернувшиеся при виде вновь пришедшего.

— Добрый вечер, — сказал человек с завязанной щекой, в котором Миша узнал Корнелия Удалова, начальника стройконторы. — Какими судьбами? Садитесь рядом, тут место есть. У вас какая очередь?

— Я... У меня никакой. Я, наверно, пойду. Я завтра зайду.

— И не мечтайте, — сказал Удалов. — Завтра не принимают. Я и так три дня стоял по записи.

Удалов раскрыл ладонь, на которой химическим карандашом был изображен крупный номер «двадцать восемь».

— Садитесь, — сказал он. — Если дверь была открыта, то примут. Нас уже мало осталось.

И так как Стендаль был последним и никому из присутствовавших не был конкурентом, то к Удалову присоединились прочие пациенты.

— Садитесь, — неслось со скамеек. — Она быстро принимает.

И Миша сел на край скамейки.

В приемной Миша насчитал шесть человек. Были они различны, и, видно, различны были причины, приведшие их сюда.

У Удалова болел зуб.

— У вас тоже? — спросил Удалов Мишу.

— Нет, — сказал Миша.

— А я три ночи не спал. Пошел в поликлинику, а врачиха говорит — надо удалять. А жена мне тогда сказала: «Корнелий, Глумушка может заговорить. Она Погосяну в нашем дворе заговорила. И нерв даже извлекать не пришлось». Вот я и пришел.

— А что с этим? — спросил Миша тихо.

— Не узнаете? С метеостанции.

— С метеостанции?

— Чего шепчетесь? — сказал человек напротив в низко надвинутой шляпе и плаще с поднятым воротником. — Я попрошу без разглашения.

— Ясное дело, — согласился Удалов. — Мы здесь все без разглашения. Какой дурак сознается? Просто мой знакомый вами заинтересовался. Я и говорю, что вы с метеостанции. Даже фамилию не назвал.

— Ваш знакомый работает в городской газете и, возможно, пришел сюда по заданию, — ответил человек в надвинутой шляпе. — Мы ему доверять не можем.

— Из газеты? — спросил толстяк с козлом на поводке. — Вы лучше тогда уйдите. Нам в фельетон попадать не с руки. И без вас горя много. У меня репутация.

Козел задрал бородатую морду к толстяку, легко приподнял пе-

редние ноги, уперся копытом в колени и лизнул толстяка в подбородок.

— Пусть уходит, — поддержала его маленькая женщина в сером платке, пока толстяк отталкивал козла.

— Я не от газеты, — сказал тогда Стендаль. — Даю честное слово. Я по собственной инициативе.

Обитая черной клеенкой дверь в горницу распахнулась, и оттуда вышел бородатый мужчина с рюкзаком за плечами. Он счастливо улыбался, не замечая окружающих.

Человек с метеостанции вскочил, засуетился, подбежал к двери и спросил:

— Можно заходить или вы пригласите?

— Снимите шляпу, — сказал в ответ из горницы старушечий голос. — И заходите. Не могу же я до утра вас принимать.

— Так что же он? — спросил снова Миша Удалова, как только в приемной наступила тишина.

— Прогноз делает, — ответил Удалов. — Он уже жаловался. Десять ошибок за две недели. Климат в настоящее время жутко испортился — никакой надежности, несмотря на метеорологические спутники.

— А она при чем?

— Говорят, может. А то у него никакой надежды. Его крестьянство замучило — косить или подождать? А что он может ответить?

— Странно, — сказал Миша.

— А все-таки, — настаивал Удалов, — у вас-то какое дело? Не задание, надеюсь, чтобы разоблачить?

— У меня личное дело. И сильно зуб болит?

— Сейчас ничего. У меня всегда, как приду в поликлинику, боль унимается.

— Это нервы, — сказал человек с козлом. Козел тянул за поводок, хотел уйти на улицу.

— А зубы вообще нервная болезнь, — поддержала его женщина в сером платке. — Язва тоже.

— А у вас язва? — спросил Миша.

— Нет, — сказала женщина. — У меня дочка замуж собралась. А ему в армию осенью уходить. Какая уж там семья! Так вы не из газеты?

— Вообще-то из газеты, но сейчас не из газеты, — объяснил Миша.

— Если вам нужно приворотное зелье, — сказал человек с козлом, — то советую быть крайне осторожным.

— Нет, что вы.

Миша покраснел.

— Ясно, что не от газеты, — сказал молчавший до того мужчина с выгоревшими бровями и ресницами, в высоких охотничьих сапогах и ватнике. — Влюбился. Смотри, Иван, он влюбился.

Сосед его, пожарный, дремавший, прислонивши каску к бадье с фикусом, проснулся и согласился.

— Спокойный, черт, — сказал мужчина в ватнике про пожарного. — Пятый раз приходит. Привык уже. А я вот нет, не могу.

— Пятый раз? — подивился Удалов. — А что такое, что такое?

— Шланг потерял, — сказал мужчина в ватнике. — Часто теряет всякие предметы пожарного обихода.

— И она находит?

— Обязательно, — ответил мужчина в ватнике. — В прошлый раз три огнетушителя ему отыскала. Хороший она человек. Душевный. А меня браконьеры замучили. Тропу знают. Вот и хочу старуху про тропу спросить. Из рыбоохраны я.

Вышел метеоролог, быстрыми движениями свертывая в рулон синоптическую карту.

— Ну как? — спросил его человек в ватнике.

— С завтрашнего дня без осадков! И до конца недели. Что я им говорил! — Шляпа у метеоролога перекочевала со лба на затылок, лицо его блестело от пота. — Сегейда антициклон у Антильских не учитывал. Я ему говорил — заденет. А он — далеко. А надо было учесть!

Следующей исчезла за дверью женщина в сером платке. И лишь скрылась, как из кабинета донеслось бормотание, быстро повысившееся до отдельных резких возгласов. За дверью ссорились, спорили. Через минуту женщина выскочила наружу, прижимая к груди узелок с дарами Глумушке.

— И не приставайте ко мне с непристойными предложениями! — кричала ей вслед колдунья. — Вы хотите лишить людей счастья? Да? Так вам это не удастся.

— Я мать! — крикнула женщина, уходя. — Я буду жаловаться.

— Следующий, — пригласила Глумушка.

Мише никак не удавалось увидеть ее — дверь раскрывалась в его сторону, и лишь сварливый голос доносился до него.

— Иван, тебе, — сказал человек в ватнике.

— Что потерял? — спросила Глумушка, не закрывая двери.

— Шланг куда-то задевался. Лейтенант говорит: «Ты, Сидоренков, последним шланг в руке держал. Ты, — говорит, — и отыскивай».

— Завтра зайдешь до восьми тридцати, — велела Глумушка. — Следующий.

— Ну, тогда моя очередь, — сказал человек в ватнике.

Пожарный снова задремал у фикуса.

Неожиданность увиденных сцен отвлекла Стендаля от мыслей о возлюбленной. Вместо темной избушки, черного кота на печке, тяжелого и пряного запаха снадобий была приемная с фикусом. И синоптик. И Иван со шлангом. Уходя к колдунье, Стендаль презирал себя и клял Алену, заставившую его опуститься до отчаянных действий. Но именно порочность, неестественность похода к колдунье сливались в его сознании с безответной любовью, у которой не было выхода. А здесь была поликлиника. Неофициальная, но будничная, отличавшаяся от районной только жалобами пациентов. И, к ужасу своему, Стендаль вдруг понял, что ему могут здесь помочь, и он уже не знал, хочет ли, чтобы ему помогли.

— И тогда я ей говорю... — донеслись до Стендаля слова толстяка с козлом. — Или она меня полюбит, или я буду вынужден обратиться в суд. Безвыходное положение.

— Да, — сказал Удалов. — Положение безвыходное.

— Я получаю от нее приворотное зелье...

— Наконец-то, — вырвалось у Стендаля.

— Что?

— Я так, про себя.

Стендаль думал: наконец-то нашелся человек, который не терял шланга, не интересуется путями циклонов и не ловит браконьеров. Человек, который полюбил и ждет взаимности.

— Получаю я от нее приворотное зелье — и сразу туда. А она меня уже ждет с угрозами. Тогда встает проблема, как мне ее этим зельем напоить.

Из двери вышел человек в ватнике, задумчиво насвистывая песню. Растолкал пожарного, они ушли, а их место в кабинете занял Удалов. У толстяка не осталось слушателей, кроме Стендаля, и он обратился к Мише с вопросом:

— Продолжать ли мое повествование?

— Да, конечно, — сказал Миша. — У меня такая же проблема.

— Тоже она?

— Тоже. Только я не слышал начала вашей истории. И если вы не возражаете...

— Конечно, я повторю. Тем более если у вас та же беда. Уйди! Уйди в сторонку! Не терплю!

Последние слова относились к козлу, который по-собачьи трется о колени толстяка.

— Значит, есть у меня соседка. Аида. Стерва, каких свет не видывал. Старая дева, сухая как палка и тому подобное. Ненавижу ее, а меня довести до ненависти не так легко. Дважды за последний месяц ломала общий забор, помои выплескивает только под моими окнами и еще изводит меня презрением. Змея.

— Так вы о ней? — спросил Стендаль.

— Конечно, о ней, пропади она пропадом. Я понял: еще день таких измывательств, и я или попадаю в сумасшедший дом, или подаю на нее в суд, или даже иду на физические действия. И к тому же этот проклятый козел!

Толстяк указал пальцем на козла, и козел ухитрился изогнуть шею и длинным шершавым языком ласково лизнуть указательный палец.

— Этот козел регулярно, будучи подпускаем в мой огород, съедает все плоды моего досуга. Все. Причем в первую очередь слабые, нежные ростки ценных растений. И тогда я иду к этой Глумушке и получаю от нее приворотное зелье. Возвращаюсь домой и думаю, как бы мне соседку приворотным зельем накормить, заставить относиться к себе по-человечески и кончить этим долгую распрю...

Из двери вышел Корнелий Удалов, сжимая в руке повязку, из которой вываливалась смятая вата.

— Спасибо, доктор, — сказал он колдунье. — Я боялся, что придется рвать. А у меня и так уже три моста.

Вслед за Корнелием Удаловым в приемную вышла маленькая сморщенная старушка в сером домотканом платье и шлепанцах. Старушка держалась прямо, и острые глаза ее блестели ярко и целенаправленно. Седые волосы были убраны под голубой платочек.

— Двое осталось?

— Двое, — ответил Миша, холодея от ближайшего будущего.

— Тогда оба и заходите. Проблема у вас схожая, — сказала Глумушка.

— Я тебя здесь, Миша, подожду, — сказал Удалов вслед. — Мне не к спеху, а то идти одному скучно.

Первым в горницу вошел козел, за ним толстяк. Потом Миша.

— Садитесь, — сказала старушка. — Уморилась я за сегодняшний день. Скоро доберется до меня фининспектор. Вот до чего доброта доводит.

Колдунья села за старый канцелярский стол, измазанный чернилами, с нацарапанными на крышке различными словами и узорами. Толстяк занял место напротив, усевшись на стул. Миша пока примостился у печки.

Горница была чисто выметена и почти пуста. Лишь потертый половик пересекал ее наискось да окно загораживали два горшка с геранью. У окна стоял шкафчик с застекленными дверцами. В шкафчике были банки, бутылки с наклеенными бумажными этикетками. На печке сушились травы.

— Вы у меня, друг милый, уже были на днях, — сказала Глумушка. — Чего, не так вышло?

— Не так, — сознался толстяк.

— Рассказывайте, — приказала Глумушка. — Только короче.

— Я домой пришел. А она меня уже поджидает. С криками, будто я ее нижнее белье с веревки украл. Я думаю: ну как мне выдержать такое нервное напряжение, как мне ей в пищу подсунуть приворотное зелье? И не вижу пути. А она неистовствует. Я до вечера промытарился...

— Короче, — сказала Глумушка.

Козел топнул ногой. Ему не понравился тон колдуньи.

— Я короче. Я, как стемнело, к ее окну подкрался и тогда ей в чайник для заварки зелье выплеснул. Чайник на подоконнике стоял. А потом вижу, она собралась чай пить, открыла крышку, понюхала и говорит вслух: «Чай-то старый, спитой, надо новый заварить». Ну вот, она все зелье в ведро с помоями выплеснула, а ведро на улицу выставила. Прежде чем я принять меры успел, будучи в полном отчаянии, ее вредный и ненавидящий меня козел к этому ведру подошел и помоев похлебал. А утром уже у моей двери меня поджидал, чтобы любовь выказать. Вот с тех пор и ходит за мной как привязанный. Я уж от него скрыться пытался, на автобусе ездил, запирался в доме, а он через окно лезет, а Аида кричит на всю улицу, а я... Господи, ну что я за несчастный человек!

— Любопытно, — удивилась старушка. — Говорите, козел вас полюбил?

— А разве не видно?

— У него метаболизм другой, — сказала колдунья. — И не знаю уж, чем вам помочь... А вы, молодой человек, перестаньте хихикать. Ничего смешного нет. Человеку не повезло.

— Я не хихикаю, — ответил Миша, не в силах согнать с лица идиотскую улыбку. — Это нервное.

— Нет, я понимаю, я смешон, — произнес толстяк со слезами в голосе. — Мне нужна была любовь этой женщины не ради корысти, а ради покоя и сохранности слабых ростков на моем огороде.

— Росткам теперь ничего не угрожает. Козел вас не обидит.

— Ах, еще этот козел! — В горле толстяка забулькало, и он положил голову на канцелярский стол.

«Действует, — думал Миша. — Действует приворотное зелье! И я завтра его испробую». Было страшно и весело. И снова виделось лицо Алены таким, как было под лунным светом. Но губы ее шептали нечто ласковое, и пока Стендаль пытался разобраться в видении, мимо протопал толстяк с припрыгивающим восторженно козлом, и Глумушка обратилась к Мише с вопросом:

— Вы в кого влюбились, молодой человек?

— В девушку, — сказал Миша. — В Алену. Она к нам приехала, у тетки своей живет. Вы извините, пожалуйста, за беспокойство.

— Ничего, ничего, это мой долг, — ответила Глумушка. — Вы что кончали?

— Ленинградский университет. Филологический факультет. А тут в газете работаю литсотрудником, имею благодарность.

— Очень приятно. А не стыдно вам, молодой человек, ходить за снадобьем к отсталой старухе? Вы пересядьте сюда, за стол, а то через всю горницу разговаривать приходится.

Миша пересел и от близости старушечьих пронзительных глаз чувствовал себя неловко, словно на экзамене или в отделе кадров.

— Вы похожи на молодого Грибоедова, — сказала задумчиво старушка.

— Мне говорили, — согласился Стендаль.

— Страсть вас схватила неожиданно или была подготовлена какими-то событиями?

— Пожалуй, неожиданно, — сказал Стендаль. — Я ее увидел — и все.

— Я хочу предупредить вас. Ответное чувство, вызванное искусственными средствами, может со временем изгладиться, что приведет к трагическим результатам.

— Я понимаю. Но не могу более выдерживать презрения и невнимания. Вы, наверное, никогда сами не влюблялись.

— Я? Влюблялась, — ответила Глумушка.

— Извините. Я не хотел вас обидеть.

— И все-таки, может быть, вы обратитесь к более консервативным средствам? — сказала колдунья. — Может, вы будете проявлять к девушке внимание, заботу, проявите себя мужественным, честным человеком? И она вас полюбит.

— Когда? — возразил Стендаль. — Через десять дней она уезжает на сборы в Калугу. И я ее больше не увижу.

— Воля ваша, — сказала Глумушка. — Я предупредила. Для начала придется вас сфотографировать и сделать анализ крови.

— Нет, не надо формальностей. Дайте мне приворотное зелье.

— Ох-ох-охо, — вздохнула старушка. — Неужели вы, культурный человек, верите в такую чепуху?

— А то как же? Ведь я видел результаты.

— Чепуху мелете, Стендаль. Вы что, хотите сказать, что в двух километрах от города Великий Гусляр живет действующая колдунья, ведьма, другими словами?

— А как же вас еще назвать?

— Как хотите — экспериментатором, филантропом, гостем из

соседней звездной системы, отставшим от своего корабля, наконец лауреатом Нобелевской премии по генетике.

— Но вы же не отрицаете, что вы, Глумушка, колдунья?

— Я ни на что не претендовала. Встаньте к стенке, сейчас я включу освещение. Вот так, чуть левее. Я ни на что не претендовала. Тихо жила, вела отдельные наблюдения, собирала в лесу пустые бутылки и сдавала их по двенадцать копеек за штуку. Дальнейшее произошло совершенно случайно. Все, можете садиться. Дайте мне левую руку, мизинец. Куда спирт запропастился? Вы не знаете, в аптеку вату не подвезли? Да, на чем я остановилась? Так вот, дальнейшее произошло совершенно случайно. Я полюбила жителей этого города. И не смогла отказать им в некоторых маленьких услугах. Если я знаю больше их, умею больше их, могу помочь в беде, неужели я имею моральное право отказаться? Не дергайте пальцем. Я вынуждена буду вас уколоть еще раз. Как не стыдно, взрослый человек, влюбился безнадежно, а боится простой иглы.

— И зачем вам моя кровь? — спросил Стендаль.

Колдунья отжала несколько капель в пробирку, заткнула пробирку ватой и потрясла, глядя на просвет.

— Вторая группа, — определила она. — Вторая группа и повышенный лейкоцитоз.

— Ничего не понимаю, — сказал Стендаль.

— И не надо ничего понимать. Люди поверили, что я темная личность, ведьма, может быть. Я не стала спорить. А кровь ваша мне нужна для того, чтобы изготовить то, что вы называете приворотным зельем. Зелье это, несущее в себе ваши генетические характеристики, будучи подмешано в пищу объекту ваших притязаний, перестроит несколько его нервную систему. Другими словами, вы станете в чем-то единокровными близнецами — нет, неточная формулировка. Вы станете близки по духу. У вас, то есть у нее возникнет к вам симпатия того же рода, что и вы испытываете к ней. Я бы могла объяснить это подробнее, с помощью формул, но вы в них ни черта не поймете с вашим гуманитарным образованием. Боже мой, как я истосковалась по интеллигентному, образованному человеку! Даже перед вами начинаю открывать душу. Нет, пора мне отсюда уходить. Пора.

— Так это все-таки волшебство?

— Вот те раз. Объясняешь ему, объясняешь, а он опять за свое. Волшебства нет и не бывает. Это химия. Хи-ми-я. А почему у вас лейкоцитоз повышен? Зубы не беспокоят?

— Почти нет. Ну а как же история с ворами на лесопилке? Или

поиски вещей пожарного? Или зуб Удалова? Как же это? Тоже химия?

— Вы мне не верите. Конечно, не верите. С пожарными обычный детектор. Он у меня на печке стоит. С ворами — телепатический локатор. Он, правда, уже сломался. Нет запчастей. Все это так просто, что даже разговаривать стыдно. Кстати, без телепатолокатора труднее работать. Я взяла себе за правило помогать лишь тем, чьи намерения чисты и благородны. До определенной степени. А как я могу быть уверена, что не ошибусь без локатора?

— Но у меня самые чистые намерения.

— Сомнительно. Хотите замутить голову невинной девушке. Ну ладно, я все равно от вас уеду.

Глумушка расставила на столе различного размера и вида пузырьки, смешивала что-то, вызывала в пузырьках шипение и изменение цвета.

— Я бы заставила вас еще разок прийти, да, боюсь, вы не посмеете. Застыдились. Вы ведь не ожидали увидеть у меня такую клиентуру? Не беспокойтесь. Получите средство через пять минут.

Почти до самого дома Мишу провожал Удалов, боявшийся в одиночестве идти по ночному городу. Удалов был одержим болтливостью человека, нежданно избавившегося от неприятностей.

— А этот, с козлом, — говорил он. — Ну просто удивительно. Такая любовь со стороны вонючего животного. А она мне даже в рот не залезала, а только что-то к щеке приложила и говорит — канал прочищен, полоскайте рот два раза в день теплой водой с содой. Понимаешь, с содой, говорит, а я соду совершенно не выношу. У меня воображение богатое...

Луна зашла, фонари горели вполнакала. Когда они проходили мимо дома Алены, Стендаль старался не смотреть на ее окна. Бутылку с приворотным зельем он сжимал в кармане потной рукой, чтобы случайно не вывалилась или не разлилась.

— Вот, — продолжал между тем Удалов, заглядывая снизу в лицо Стендаля. — Удивительная история, что обитаем мы во второй половине двадцатого века, в период ракет и электроники. И тут же рядом, словно остаток далекого прошлого, живет старушка, которая может творить подобные чудеса. Никогда бы не поверил, если бы сам не посетил. С одной стороны, суеверие, а с другой — еще необъяснимые явления человеческой психики. Ведь не зря люди верили в колдовство. В прошлом, при царской власти. И теперь еще некоторые верят. В век электроники.

— Может, она вас с помощью электроники и вылечила, — сказал Миша.

— Ха-ха, смешно. С помощью электроники. И вам приворот-

ное зелье дала? Я-то понимаю. И козла тоже с помощью электроники?

— Во что только это выльется? — сказал Стендаль.

— Вы про себя? Полюбит. Как миленькая полюбит. Уже есть несколько случаев.

— Я про старушку. Ей не место в нашем городе.

— Вот тебе и благодарность, — обиделся за колдунью Удалов. — Фельетон писать будете?

— Какой уж там фельетон.

— То-то. Вот и ваш дом. Желаю счастья в любви.

Удалов поспешил к своему дому, кварталом дальше. Стендаль осторожно достал свободной рукой ключ и медленно сунул его в замочную скважину, чтобы не разбудить хозяйку квартиры, где он снимал комнату.

Ночь он провел тревожно, часто просыпался, мучился кошмарами, в которых Глумушка заставляла его пить всякую дрянь и угрожала персональным делом.

Утро выдалось солнечным, ясным, и Стендаль долго смотрел на бутылочку с зельем, прежде чем все подробности ночного визита восстановились в памяти.

— Быть того не может, ибо это нереально и похоже на бред, — сказал он вслух и намеревался уже выбросить бутылочку за окно, но тут внезапно взглянул в окно и увидел Алену, идущую к рынку с хозяйственной сумкой в руке. Алена источала такое сияние, что Стендаль сжал бутылочку в руке и бросился в закуток к умывальнику, чтобы скорее покончить с утренними формальностями туалета и поспешить на рынок вслед за Аленой.

Он разминулся с ней, проискал ее по улицам, отчаялся, собрался уже ринуться к ее дому, рискуя встретить злую Антарктиду, но тут силуэт Алены мелькнул за витриной продовольственного магазина. Стендаль влетел в магазин и оробел.

Больше всего народа стояло в винном отделе. Стендаль метнулся туда, затесался в очередь и, прячась за спиной какого-то большого человека, подобрался к самому прилавку. Алена тем временем покупала сыр и масло и Стендаля не замечала.

— Вам что, молодой человек? — спросила продавщица.

— Банку мангового сока, — сказал Стендаль.

— Во фруктовом отделе, — ответила продавщица с удивлением. — Не видите, что ли, торгую алкогольными напитками, будь они прокляты.

— Да, да, вижу. Отлично вижу.

Алена поглядела в его сторону, и Стендаль чуть присел.

— Ненормальный какой-то, — сказали сзади в очереди.

— Нормальнее вас, — ответила с неожиданным раздражением продавщица. — Потому что хочет пить натуральный продукт.

Стендаль на полусогнутых ногах перекочевал к фруктовому отделу. Алена вышла из магазина, и ему удалось наконец купить манговый сок без осложнений.

Стакан Стендаль украл в столовой самообслуживания, спрятал его под рубашку, и, как назло, в этот момент к нему приблизился с утренним приветствием сослуживец по редакции из отдела писем. Рубашка оттопыривалась на животе, и сослуживец здороваться не стал. Вздохнул сочувственно и деликатно отвернулся.

«Ну вот, — подумал сокрушенно Стендаль, спеша к выходу, лавируя между подносами, — ко всему прочему мне еще не хватало, чтобы на работе распространился слух, что я алкоголик да еще нечист на руку».

И тут, на улице, Стендаль понял, что все его усилия пропали даром: Алены нигде не было видно. Да и почему бы она должна его ждать?

Стендаль метнулся вверх по Пушкинской, заглянул на Красноармейскую, прижался на мгновение к витрине книжного магазина. Алена как сквозь землю провалилась.

И тогда Стендаль, сжимая в одной руке банку мангового сока, в другой украденный стакан, пошел куда глаза глядят.

Ноги сами привели его в городской парк. Утренние аллеи были залиты солнцем, исчерчены тенями старых лип и пустынны. Стендаль отыскал лавочку под раскидистым деревом, уселся на нее и закручинился. Так все хорошо начиналось и так бесславно кончилось. Надо было идти в столовую и возвращать стакан, рискуя встретить там еще одного сослуживца.

Хотя нет, сначала следует его использовать по назначению. Все равно пить хочется.

Стендаль достал из кармана перочинный ножик, проткнул в банке две дырочки и только собрался напоить себя экзотическим соком, как услышал шаги. Он поднял голову.

К скамейке подходила Алена Вишняк. Она легко несла тяжелую сумку с продуктами и глядела на Стендаля карими спокойными глазами.

— Пить захотелось? — спросила она, и рука Стендаля попыталась спрятаться за спину вместе с банкой, словно его поймали на чем-то постыдном. — Что же вы?

Алена возвышалась над Стендалем, словно греческая богиня, и солнечные лучи пронзали ее пышные волосы, золотили пушок на щеках. И тут к Стендалю вернулось самообладание. Он понял, что

не боится прекрасной Алены, что сегодня же она перестанет над ним издеваться, смотреть на него свысока...

— Я сумку поставлю на скамейку, — сказала Алена. — А где вы взяли стакан? Принесли из дома?

— Украл.

— Как нехорошо, — заметила Алена. — Вы угостите меня соком? Жутко умоталась.

— Конечно, — обрадовался Стендаль. Добыча сама шла в руки. — Я вас ведь и ждал.

— Да?

Наступило неловкое молчание. Алена, прищурившись, смотрела на солнце, будто в любой момент могла встать и уйти, но не находила сил, таким добрым и ласковым было утро. Стендаль забыл о снадобье, он глядел на очаровательный профиль и не дышал.

— Пожалуй, я пойду, — сказала вдруг Алена. — Вы обо мне забыли.

— Погодите! — воскликнул Стендаль. — Почему? Я о вас помню.

— Тогда выполняйте свое обещание.

— Обещание?

— Послушайте, Стендаль. Вы ведете себя странно. Я хочу пить, а вы держите банку в руке, словно жалеете для меня глоток самого обыкновенного мангового сока.

— Да-да, — сказал Стендаль и наклонил банку. Желтая густая струя пролетела мимо стакана, и Алена протянула руку, помогла Стендалю. Рука у нее была теплая.

Стендаль вспомнил о снадобье. Надо было налить его в стакан. Чтобы Алена не заметила.

— Ну хватит, — остановила его Алена. — Мне хватит. А то вам ничего не останется.

— Сейчас, — сказал Стендаль, ставя банку с соком на скамейку и отводя руку со стаканом подальше от Алены. Освободившейся рукой он старался в кармане открыть пузырек.

Глядя на его неловкие движения, Алена расхохоталась, и весь парк зазвенел серебряными колокольчиками.

— Глядите! — сказал Стендаль, глядя поверх ее плеча. — Скорее!

Алена обернулась.

Стендаль выхватил пузырек и опрокинул его над стаканом.

— Что случилось? — Алена снова посмотрела на Стендаля. Но пузырек уже улетел за спинку скамейки. Стендаль перевел дух.

— Очень смешной голубь, — сказал он. — Уже улетел.

Напившись, Алена передала стакан Стендалю. Он долил в стакан остаток сока и пил, не спуская глаз с Алены. Сок стекал на рубашку, но он не замечал этого, он спешил, он боялся, что Алена уйдет, обидится и тогда не подействует средство, в которое Стендаль уже не верил.

— Хватит, — сказала Алена. — Сюда идут. Вы молодец, Миша. Только не бойтесь меня. Я к вам отношусь совсем не так, как вы думаете.

«Началось», — с сотрясением в сердце подумал Стендаль.

— Я в душе очень стеснительная. Только теперь набралась смелости сказать вам. Я, когда вы вчера ушли, написала вам письмо. Вы не рассердитесь?

— Вчера? — глупо спросил Миша.

— А почему вы удивляетесь?

— Вчера, — тупо повторил Миша.

— Я вдруг подумала... Дайте мне еще сока. Я веду себя как девчонка...

Алена допила сок, поставила стакан на скамейку. Стендаль подвинулся, банка упала, и остатки сока вылились на землю.

— Возьмите, — сказала Алена, протягивая Мише голубой конверт.

Она схватила сумку и убежала по аллее. Миша раскрыл конверт.

Миша, извините, что я беспокою вас, но, наверное, я глупая и слишком откровенная. Такие вещи нельзя писать малознакомым мужчинам. Но когда я вас увидела в первый раз, такого умного и похожего на молодого Грибоедова, я вдруг поняла, что уже несколько лет именно вас хотела увидеть... Вы не сердитесь, что я вела себя с вами так грубо и даже пренебрежительно, но я стеснялась, что вы догадаетесь о моих истинных чувствах...

Миша читал письмо, покрываясь мурашками и даже вздрагивая от счастья и стыда. Слепой болван!.. Воробьи и другие птицы стайкой собрались у ног Стендаля и подбирали остатки пролитого сока. Миша сказал себе: «А вдруг плюс на плюс даст минус? И она после этого сока меня разлюбит?»

Миша вскочил со скамейки и бросился бежать по аллее, стараясь догнать Алену и во всем признаться. Он бежал так быстро, что люди на улицах шарахались в разные стороны и укоряли его громкими голосами, а птицы, уже влюбленные в Мишу, резвились над его головой и старались сесть на плечи, чтобы выразить чувства.

Миша догнал Алену у самого ее дома, у колонки. Они долго стояли там, и собака Антарктида бесновалась за забором. Ее раздражал не только Миша, но и птицы, одурманенные соком и любовью. Миша говорил и говорил. Алена смотрела на него добрыми карими глазами, забыв, как тяжела сумка в ее руке.

Вечером Миша уговорил Алену пойти погулять за лесопилку. Его, словно убийцу, тянуло на место преступления. И хоть Алена знала о ночном походе Стендаля к колдунье, она не обижалась, смеялась и пугала Мишу тем, что он, тоже выпив сока с зельем, полюбит себя больше, чем всех остальных, включая Алену. Миша отрицал такую возможность и отчаянно боролся с любовью к самому себе. Любовь эта была, она крепла и звала приблизиться к зеркалу и посмотреть на свое приятное лицо.

— Ничего, — сказала Алена, — по крайней мере вы теперь не будете таким робким, как раньше. Это вам поможет в жизни.

— В нашей жизни, — поправил ее Стендаль.

Они пошли в лесок за лесопилкой. Снова светила луна, и снова лицо Алены казалось втрое прекрасней и загадочней.

— Вот и избушка, — сказал Стендаль. — Там, наверно, опять очередь. Надо бы поблагодарить Глумушку.

— За что? — удивилась Алена.

— За все. За доброту. Вы могли бы меня и не заметить.

— Негодяй, — произнесла Алена без особой злости. — Хотели украсть мои чувства, одурманить меня волшебным ядом.

Нет, она не сердилась. Ей даже было лестно, что молодой журналист ради нее ходил к колдунье.

— Что-то не видно света, — сказал Стендаль. — Неужели она не принимает?

Они стояли на краю полянки, в тени сосен. Дверь бесшумно раскрылась, и Глумушка все в том же платье и платочке выскользнула наружу и резво побежала направо, к речке.

Стендаль открыл было рот, чтобы окликнуть старуху, но Алена толкнула его локтем.

— Молчи, — прошептала она.

Колдунья остановилась на берегу, вынула из-за пазухи черный предмет, и острый луч света ушел в небо.

— Странная бабушка, — прошептала Алена.

Прошла минута, вторая... Что-то вспыхнуло в небе, и оттуда мягко снизилась громадная летающая тарелка. Она зависла над землей. Из люка внизу вывалилась, раскручиваясь, веревочная лестница.

Глумушка сбросила с себя платье, платочек и парик, превратилась в двуногое изящное существо, точно такое же, как и те, что спускались по веревочной лестнице на землю.

— Наконец-то! — сказала Глумушка.

Пришельцы затарабанили что-то в ответ, торопя ее погрузиться в корабль.

— Нет.

Глумушка показала в направлении домика. Двуногие существа побежали туда и помогли Глумушке перенести к кораблю несколько ящиков и свертков.

— Спасибо, — сказал Глумушке один из пришельцев. Язык их не был схож ни с одним из земных языков, но Алена с Мишей отлично понимали его: слова звучали внутри головы. — Спасибо. Оказавшись в тяжелых условиях, одна на чужой планете, вы не забыли об интересах науки. И за два года собрали неоценимый этнографический материал. Надеюсь, вы никому не выдали своей действительной сущности? Ничем не проявили своих сверхчеловеческих способностей и знаний?

Глумушка ответила не сразу. Но ответила твердо:

— Нет, капитан.

Корабль улетел к своей звезде так же беззвучно, как и появился. Алена взяла Мишу за руку, и они пошли обратно к городу.

КЛАДЕЗЬ МУДРОСТИ

Явился Корнелию Удалову во сне пришелец.

— Корнелий, послушай, — сказал пришелец. — Мы, в Галактике, знаем, что ты очень расположен к космической дружбе.

— Да, — согласился Корнелий. — Верю в возможность контактов и по мере сил...

— Погоди, — перебил его пришелец. — Времени у меня в обрез.

Пришелец был окружен чем-то голубым, и за сиянием трудно было различить его формы. Корнелий понимал, что встреча происходит во сне, но просыпаться не торопился: любил поговорить с новым человеком.

— Мы в Галактике посоветовались, — продолжал пришелец, подлетая ближе и заключая Удалова в пределы своего сияния, — и решили, что ты нам подходишь. Сам понимаешь.

— Понимаю, — сказал Удалов.

— И вот в благодарность за твои прошлые и будущие заслуги мы тебе даем дар. Космического масштаба. Одновременно должен тебя предупредить, дар этот — испытание всей планете, всему че-

ловечеству. Сможешь подарком распорядиться — значит, человечество доросло. Нет — придется подождать.

— А почему ваш выбор пал на меня? — спросил Удалов из скромности.

— Я же сказал — за заслуги. И к тому же ты самый что ни на есть средний и обычный человек в Гусляре.

— Я-то? — спросил Удалов с некоторой обидой.

— Не важно, — ответил пришелец. — Спешу я. Энергия на исходе. За то время, пока я с тобой нахожусь в телепатической связи, пришлось выключить свет на двадцати трех планетах. Так что принимай дар — и до свидания. В случае если не справишься, только скажи вслух: «Игра закончена». И все вернется на свои места.

Не успел Удалов ничего ответить, не успел даже руки протянуть за даром, как сверкнула молния, и Удалов проснулся.

Было раннее утро. За окном шел дождь. Рядом спала Ксения и вздыхала во сне. «Интересно, — подумал Удалов, — она наш разговор слышала?» Где-то за тремя стенами зазвонил будильник. Пять тридцать, старик Ложкин встает делать зарядку и кормить птичек. А может, сон как сон? Может, и не было пришельца?

Удалов выпростал из-под одеяла руки. Руки были пусты. Никакого дара.

— Чепуха, — сказал Удалов и снова заснул. Вторично он раскрыл глаза в половине восьмого. Сын Максим собирался в школу, Ксения хлопотала на кухне.

— Уроки выучил? — спросила она сына. — Опять вчера с Сашкой мяч гонял до темноты?

— А нам ничего не задали, — ответил Максим Удалов, очень похожий на своего отца курносым носом, цветом пшеничных волос и склонностью к излишнему фантазированию.

— Как так не задали? — сердилась Ксения. — Я в дневник смотрела. По истории про бунт стрельцов кому задавали?

— Я про бунт знаю, — сказал Максим.

— Господи, если бы я проверить могла, — говорила Ксения. — Я бы тебя по урокам гоняла как сидорову козу. Все дела, хозяйство.

— Ксения, разбудила ты меня, — произнес Удалов. — Мне сегодня только к одиннадцати в контору. Вчера говорил.

— Все равно вставай, — ответила Ксения, которая легко переносила свое раздражение с одного члена семейства на другого. — Сколько раз просила — почини замок в прихожей. В один прекрасный день всех нас унесут, ты даже не заметишь. Сын опять уроков не выучил. Опять двойку принесет. Про стрелецкий бунт ничего не знает.

— Ничего не знаю, да больше вас, — ответил грубо Максимка. — Если вам сказать, что Суворов его подавлял, даже не удивитесь.

— Историю я крепко подзабыл, — сознался Удалов.

И тут что-то щелкнуло у него в мозгу. Будто открытая страница учебника возникла перед глазами. Удалов просмотрел страницу и сказал совершенно спокойно:

— Плохо вас учат, сынок, если Суворов стрелецкое восстание подавлял. Особенно если учесть, что за спинами стрельцов стояла царица Софья, старшая сестра Петра Первого, и князь Голицын, ее основной полководец. Суворов, кстати родившийся лишь в 1730 году, никакого участия в этом принимать не мог.

Сказав так, Удалов спустил ноги с постели, нащупал шлепанцы и поднялся во весь рост. Сын Максимка как стоял у двери, так и замер. Ксения выглянула из кухни с крышкой от кастрюли в руке и спросила:

— Ты это сам или заглянул куда?

— Сам, — ответил Удалов. — Спеши, Максимка, в школу и в будущем не обманывай папу. Скажет тоже, Суворов...

— Иди к столу, — сказала Ксения, подобрев. — Каша остынет.

— Сон я удивительный видел, — начал Удалов, заливая кашу молоком. — Будто явился ко мне космический пришелец и говорит: «Получай, товарищ Корнелий Удалов, за твои передовые дела необыкновенный подарок».

— Рехнешься ты со своими пришельцами, Корнюша, — пожалела его Ксения. — А подарок какой?

— Вот в том и беда, что не знаю. Проснулся я, а подарка нет.

— То-то и оно. Мне вчера, например, танк приснился. А на нем соседское белье висит. Тоже, наверное, чего-нибудь значит.

— Наверное, — произнес Удалов разочарованно. Ему было жалко такого редкого сна.

— Между прочим, — продолжала Ксения, — вчера нам счета принесли. Опять за электричество два сорок два. Это надо только подумать, сколько энергии холодильник жрет!

— Два сорок три, — автоматически поправил ее Удалов. — А пришельцу для того, чтобы к моему разуму проникнуть, пришлось без света несколько планет оставить.

— Два сорок два, — сказала Ксения. — Я смотрела.

— Ну да, два сорок три.

— Ты что, шутить со мной вздумал? Ведь я как счет получила, сразу его в шкатулку спрятала. Когда залезть успел?

— Не видел я твоего счета, — искренне обиделся Удалов. — Просто так показалось мне, что два сорок три.

— Ну уж погоди.

Ксения вынула из комода под зеркалом расписную шкатулку федоскинской работы с изображением тачанки, подаренную к свадьбе удаловскими соучениками по школе, раскрыла ее и сверху достала голубой листок — счет за электроэнергию.

— Вот. Полюбуйся.

Но листок мужу не отдала, потому что увидела, что на нем написано: «2 руб. 43 коп.».

— Лазил, — сказала она убежденно.

— Не лазил, а догадался, — ответил Удалов.

— Лазил. Ревнуешь, проверяешь, где письма храню.

— Нужна ты кому-то.

— Вот-вот, была нужна, Семенской мне какие предложения делал!

— Так этот Семенской тебя двадцать лет как забыл.

— А почему забыл? Потому что я лучшие годы на тебя потратила. Все тебе отдала, что было во мне свежего, нераспустившегося. Как березка в весеннем наряде...

Ксения провела руками по широким бедрам и заплакала.

— Ну-ну, — сказал Удалов, собираясь на службу. — Ну не надо, чего уж там...

Удалов шел на работу не спеша. Пришлось покинуть дом раньше, чем рассчитывал, и он выбрал дальний путь — по набережной, мимо собора, мимо дома купцов Анучиных восемнадцатого века, через рынок, сентябрьский, разнообразный, веселый.

По пути Удалов думал о событиях, приведших к власти Петра Первого. Раньше ему об этом думать не приходилось, все недосуг. А сейчас он понял, что, к сожалению, знает мало, крайне мало, в объеме школьного учебника. И очень хотелось разобраться в роли боярина Шакловитого, но учебник об этой роли сообщал крайне мало.

Впереди Удалова спешили в школу дети. Корнелий догнал одну девочку, поглядел на ее тонкий блестящий портфельчик из искусственной кожи и произнес вслух:

— Афта морнинг ти ай гоу ту скул.

Причем произнес с более-менее правильным произношением.

— Что? — спросила девочка, обернувшись. — Вы тоже этот урок проходите?

— Прохожу, — признался Удалов. И покраснел от нечаянной лжи. В школе он учил немецкий, а потом языками не занимался. И странно было не то, что он сказал английскую фразу и знал притом, что она английская. Фразу можно было случайно подслушать и запомнить. Беда заключалась в другом: Удалов знал весь учебник

английского языка для пятого класса средней школы. Весь, целиком, и мог по первому требованию процитировать любую страницу, включая выходные данные книги, помещенные на последней странице: тираж, имя корректора и дату сдачи учебника в печать.

Потом, думая о событиях, Удалов даже удивлялся, как он не догадался к тому времени, что это и есть космический дар. Но он не догадался. Удивился и пошел дальше.

На скамейке у техникума сидели будущие речники и зубрили тригонометрию. В голову Удалова хлынули тангенсы и прочие функции и тут же перемешались с исчерпывающими сведениями о приготовлении мучных блюд, потому что из соседнего дома вышла крайне толстая женщина с поваренной книгой в руке.

«Дела, — подумал Удалов. — Чего только не взбредет в ум».

У входа на рынок на шатком столике лежала стопка белых книжек. Рядом — мелочь в розовой мыльнице. На белой книжке была изображена древняя царица и имелась надпись: «Тайна золотого гроба». Многие люди, выходя с рынка, останавливались у столика и приобретали книжку, надеясь, что она просто про шпионов. Знакомый Удалову работник местной газеты Миша Стендаль тоже купил книжку про золотой гроб и, поздоровавшись с Корнелием, спросил:

— А вы чего же?

— Я археологией не интересуюсь, — громко ответил Удалов. — Скучновато изложено.

— Граждане! — перебила Удалова продавщица. — Покупайте новый роман о тайнах Египта! Кто убил Нефертити? Загадка старого дома на берегу африканской реки Нил!

— Вот, — сказал поучительно Стендаль. — Мало читаете, Корнелий Иваныч.

— Читаю, сколько могу, — произнес Удалов с достоинством. — Не меньше других. А этот труд имеет специальный характер. Для специалистов.

— Он знать не может, — возразила продавщица. — Мы эту книгу сегодня в ночь получили. Да и стою я здесь всего минут пятнадцать. Бывают же люди, придумывают что угодно, только чтобы настроение испортить.

— Ах так! — возмутился Удалов, теряя контроль над собой. — Откройте вашу тайну на странице... допустим, на странице сто тридцать. Открыли? Начинаю с одиннадцатой строчки сверху.

Стендаль шелестел страницами. Вокруг останавливались любопытные.

— «Тут же, на севере столицы, — полуприкрыв глаза, барабанил Удалов, — были найдены украшения с именами других царей

и цариц: в ограниченном количестве Аменхотеп IV, в большом количестве Семнох-ке-ре, далее его жены Ми-йот, Тут-анх-йо-та, его жены Анес-эм-ийот. Однако вместе с щитками Нефр-эт...»

— Стой! — вскричал Стендаль. — Вы фокусник?

— Миша, — ответил Удалов укоризненно. — Вы же меня знаете. Меня каждая собака в городе знает.

Удалов обернулся за поддержкой к населению. Многочисленные люди стояли вокруг, держа в руках раскрытые на сто тридцатой странице белые книжки, и шевелили губами, проверяя Удалова.

— А ну-ка, — сказал лысый дядя в гимнастерке. — Ты читай нам со страницы сто двадцатой. И с самого верха. Может, ты сто тридцатую специально заучил.

— Сколько угодно, — сказал Удалов. — Только дело не в том...

— Читай-читай.

Люди принялись искать сто двадцатую страницу.

— Вы бы за книжки платили, а то обложка белая, хватают все, кто потом купит? — говорила продавщица, но ее не слушали.

— «Го», — сказал Удалов. — Это перенос со страницы сто девятнадцать. «Го для Рэ. Кийа» с добавлением многолетия «жива она»!

— Правильно, так тебе перетак! — пришел в восторг человек в гимнастерке, достал из кармана галифе большое красное яблоко и протянул Удалову: — Ешь, не стесняйся. С твоими талантами учиться надо.

— Спасибо, — сказал Удалов, застеснявшись.

Ему вдруг представился собственный вид со стороны. Стоит начальник ремстройконторы у входа на рынок и бормочет про Древний Египет. Стало стыдно.

— Корнелий Иваныч, — сказал Стендаль, догоняя кинувшегося наутек Удалова. — Мне с вами надо поговорить.

Вслед несся голос опомнившейся продавщицы:

— Покупайте новый детектив о тайнах саркофагов! Кто убил Нефертити и ее мужа! Сегодня получено из Москвы!

Стендаль не успел схватить Удалова за локоть, как новые события отвлекли его внимание. По улице, задрав единодушно головы к маковкам церкви Параскевы Пятницы, шла группа иностранных туристов, довольно редких в Великом Гусляре. Группа состояла по большей части из пожилых дам с хорошо завитыми седыми буклями, в шляпках, украшенных бумажными и нейлоновыми цветами. Мужья этих женщин, заокеанские пенсионеры, были увешаны фотоаппаратами «Полароид» и «Кэнон» и имели бодрый вид.

Туристы оживленно переговаривались друг с другом. Удалов ел

красное яблоко и не мог сдвинуться с места, потому что все понимал. До последнего слова. И даже знал слово в слово содержание англо-русских разговорников в руках интуристов.

Туристы говорили между собой с восклицательными знаками:

— Это же черт знает что за порядки!

— Великолепная варварская архитектура!

— Боже мой, какая сырость в этом городишке!

— Это похоже на Тадж-Махал!

— Миссис Генри, вы только посмотрите на этого туземца с яблоком во рту. Как он уморителен! Какая славянская непосредственность!

— Черт знает что за порядки! Пора завтракать, а переводчица куда-то делась!

— Эта церковь изумительно бы гляделась на фоне Нотр-Дам-де-Пари!

— Что за безобразие! Мы платим полнокровную валюту, а переводчица куда-то делась!

— Вы только посмотрите на этого туземца с яблоком во рту!

Тут Удалов понял, что туземец — это он. Тогда его охватило негодование, смешанное с жалостью к этим далеко оторвавшимся от родины людям, потерявшим переводчицу и завтрак. Он сделал шаг вперед и сказал с приятным бруклинским акцентом:

— Извините необразованного туземца, но, очевидно, вам следует сейчас повернуть налево, и вы выйдете непосредственно к гостинице «Великий Гусляр».

— Ах! — удивилась миссис Генри. — Простите, что вы сказали?

— Джентльмен выразился ясно, — сказал ее муж. — Послушаемся его и пойдем налево. Простите, сэр.

Вся группа туристов послушно повернулась за мужем миссис Генри, и лишь небольшого роста турист с напомаженными курчавыми волосами остался на месте.

— А вы чего стоите? — спросил его по-английски Удалов. — Ах да, конечно, вы пуэрториканец и не все поняли.

Удалов небрежно перешел на испанский язык и повторил инструкции на родном языке пуэрториканца.

— О, спасибо, сеньор! — воскликнул турист. — Я не всегда понимаю, когда говорят по-английски так быстро, как вы.

И, взмахнув фалдами длинного песочного цвета пиджачка, турист бросился догонять спутников.

Миссис Генри, сворачивая за угол, сказала мужу в надежде, что Удалов не услышит:

— Здесь прохода нет от агентов ГПУ. По-моему, я видела его около «Националя» в форме генерал-лейтенанта.

Удалов услышал и улыбнулся горькой, снисходительной улыбкой.

Наконец Стендаль пришел в себя настолько, что смог открыть рот и спросить:

— Корнелий Иванович, почему вы никогда не говорили...

— А что тут говорить... — Удалов махнул рукой и быстро зашагал к конторе, чтобы в пути обдумать события и принять решение.

Быстрое воображение уже представило его, Корнелия, главным интуристским переводчиком. Вот он встречает самолет на Шереметьевском аэродроме, и оттуда выходят высокие негры. «Здравствуйте», — говорит им Удалов на языке суахили. За неграми следуют жители республики Мальдивских островов.

«Добро пожаловать», — приветствует их Удалов на родном языке островов.

Сбегают по трапу японские дети с белыми журавликами в ручках.

«С прибытием вас», — говорит им Удалов на языке Страны восходящего солнца.

А сзади уже бежит большой начальник из международного отдела. «Товарищ Удалов! — кричит он не своим голосом. — Товарищ Удалов. Вот ваш дипломатический паспорт. Срочно садитесь на самолет. Вы нужны в Аддис-Абебе. Там найдена надпись на непонятном науке языке. Организация Объединенных Наций настаивает на вашей кандидатуре».

Летит Удалов к Аддис-Абебе. Черная Африка разворачивается под крылом. Слоны, носороги поднимают любопытные взоры и провожают самолет мычанием и дружественными криками. А на аэродроме ждут эфиопские академики.

«Как долетели?» — спрашивают они Корнелия.

«Спасибо», — отвечает он на безукоризненном эфиопском языке.

А там назначение послом или даже советником в одну африканскую страну, национального языка которой не знает никто, кроме Удалова...

«Диметилфталат — восемь граммов, — появилась мысль в мозгу Удалова, — водный раствор аммиака...» Нет, при чем здесь водный раствор аммиака?

Удалов поднял глаза и увидел в открытом окне аптеки провизора Савича, писавшего что-то в толстом провизорском блокноте.

— Лекарства изобретаете? — спросил Удалов.

— Да, вспоминаю кое-что.

— А водный раствор аммиака, — пошутил Удалов, — это как по-нашему?

— Нашатырный спирт, — сообщил Савич, и глаза его стали круглыми от удивления. — Я что, вслух разговаривал?

— Как сказать, — ответил Удалов и поспешил дальше.

К тому времени голова его была полна знаниями, приобретенными походя, за два часа. И Корнелий уже начал понимать, что его личная память здесь совершенно ни при чем. Ситуация складывалась куда более сложная. По какой-то причине он обрел способность моментально впитывать, как губка, любую письменную информацию, возле которой он оказывался. И для этого ему совсем не надо было раскрывать книгу или заглядывать в чужие блокноты. Можно было, к примеру, положить возле себя несколько учебников или справочников, и через секунду Удалов знал, что в них написано, до последней запятой.

— Любопытная чертовщина, — сказал Удалов. — А если голова лопнет?

К счастью, в этот момент Удалов прошел мимо киоска Союзпечати.

Он вобрал в себя содержание всех газет и журналов, даже старых, что лежали на прилавке и были развешаны по бокам. В том числе и того самого номера «Здоровье», где говорилось, что нормальный человек использует свой мозг, дай бог, на один процент. Остальные клетки лежат без движения и дармоедствуют, зря потребляют пищу и витамины.

— Ага, — сообразил Удалов и остановился посреди улицы. — Все понятно. Это и есть дар. Значит, был не сон, а фантастическая очевидность. Как же я с моими новыми способностями до такой очевидной штуки не додумался? Это стыд и позор.

А если сияющий пришелец сказал правду, то подарком надо уметь распорядиться. Его надо направить на пользу человечеству и способствовать таким образом межзвездной дружбе и взаимопониманию.

Какой следующий шаг должен предпринять разумный человек, который, если захочет, завтра станет академиком или по крайней мере членом-корреспондентом Академии наук? Пойти в библиотеку? Нет, не стоит. Там нечаянно впитаешь столько всякой чепухи, что даже девяносто девять процентов мозга не справятся. Отдать себя в руки медицины? Жалко свободы.

А ноги между тем независимо от мыслей несли и несли Удалова вперед и привели к дверям стройконторы. Руки сами собой открыли дверь, а язык сам по себе поздоровался с присутствующими сотрудниками. А так как голова Удалова была занята посторонними мыслями, то в ответ на вопрос бухгалтера, закрывать ли ведомости

третьему участку, Удалов ответил туманно: «Академии наук виднее» — и проследовал за перегородку, в кабинет.

Там он опустился на стул, положил локти на кипу сводок и, все еще не сознавая, где находится, продолжал размышлять.

Прельщала дипломатическая карьера. Черная машина «Волга» у подъезда резиденции, уважительные иностранцы с коктейлями из виски в холеных пальцах и их секретарши в платьях декольте. Хотелось также попробовать себя в космической программе. «Только вы, профессор Удалов, можете подсказать нам, стоит ли подключать к этой ракете третью ступень». А вокруг стоят герои-космонавты и ждут ответа. Ведь от решения Удалова зависит, лететь им на Марс или погодить. Или еще можно разгадать тайны древних цивилизаций и знать, была ли Атлантида или только померещилось. Такой путь вел к тихому академическому кабинету и бесплатным путевкам в дом отдыха для ведущих мыслителей. Ну и, конечно, к международным конгрессам...

«Нет, — решил наконец Удалов. — Спешить с опубликованием не будем. Не исключено, что завтра все пройдет и окажешься в дураках. В обеденный перерыв зайду в техникум и впитаю в себя высшую математику. Никогда не помешает. Потом в музей, узнаю, что там есть про Петра Первого. Вот так-то».

— Вы ко мне? — спросил он, поднимая голову.

— Мы уж пятнадцать минут стараемся добиться вашего внимания, Корнелий Иванович, — сказал мужчина с шоколадными глазами, боксерским носом и желтым импортным портфелем.

— Даже больше, — поддержал его маленький старичок.

Старичок был в очках, и линзы очков были такими толстыми и сильными, что в них помещался лишь вдесятеро увеличенный зрачок голубого цвета с прожилками. Старичок тоже держал в руках желтый импортный портфель.

— Ага, явились, — сказал Удалов. И в тот же момент он знал до последней строчки содержимое толстых портфелей. Там лежали в основном ведомости, справки, накладные и чистые бланки артели, поставлявшей стройконторе скобянку, замки, ключи и всякую мелочь.

Гости уселись напротив Удалова, и мужчина с боксерским носом произнес:

— День сегодня хороший, Корнелий Иванович.

День был плохой, ветреный, сумрачный, пасмурный. Слава богу, что хоть дождь перестал. Удалов молча согласился с гостем и изучил между тем все бумаги, лежавшие у того в карманах. И понял, что может стать величайшим ревизором современности, исключительным ревизором, которого ввиду знания языков будут

приглашать в командировки в союзные республики, страны социалистического содружества, может, даже на Запад. И на двери его кабинета будет скромная табличка: «Комиссар милиции первого ранга, заведующий специальным отделом по особо важным ревизиям К.И. Удалов».

— Да, день неплохой, — сказал старичок, и увеличенные жилки под очками заметно покраснели. — А вы на нас, говорят, в претензии. Незаслуженно и обидно.

— Так, — проговорил Удалов загадочно и постучал пальцами по столу.

— Нет, Корнелий Иванович, так дальше не пойдет, — сказал мужчина с боксерским носом и повел широкими плечами. — Артель старается, выполняет и перевыполняет план, бесперебойно снабжает вашу контору высококачественным товаром, а в ответ никакой благодарности. Я дойду до горсовета.

— А хоть до Вологды, — отрезал Удалов. Содержание одной из бумажек в правом верхнем кармане пиджака человека с боксерским носом его очень заинтересовало. Подчистка на накладной была сделана грубо, невооруженным глазом видно.

— Зачем так, товарищ Удалов, — огорчился старичок. — У нас все документы с собой. Лучший металл мы пустили на те задвижки. Опытных мастеров привлекли. Дней и ночей не спали. И все, получается, впустую?

— Погоди, — прервал его спутник. — Если чем недоволен — зачем по официальным каналам? Скажи мне, я скажу Порфирьичу, Порфирьич сделает.

— Сделаю, — сказал старичок. — Всегда полюбовно.

— А задвижки от ветра гнутся, — сказал Удалов. — Замки вилкой вскрыть нетрудно. Строительство дома отдыха сорвано. А товар вы налево пустили. Разве не так?

— Не так, — убежденно возразил Порфирьич.

— А три тысячи восемьсот нечестных рублей поделили между собой?

— Какие деньги? — возмутился старичок.

А у его спутника неожиданно выступил пот на лбу.

— Сколько? — спросил он.

— Три тысячи восемьсот как одна копеечка. Ведь до сих пор все ваши преступные расчеты у вас в кармане лежат. Карандашом написано: «Порфирьичу выделить семьсот двадцать. Шурову — триста. Удалову, если будет артачиться, сто в зубы». Разве не правда?

Человек с шоколадными глазами потерял присутствие духа. Он вскочил со стула, схватился толстыми дрожащими пальцами за карман.

— Продали! — воскликнул он.

Порфирьич со стула не встал. Порфирьич побледнел. Даже глаза побледнели.

— Три тысячи восемьсот? А мне семьсот двадцать? Так... Не будет тебе, бесчестный жулик, никакой пощады от народа ни на этом, ни на том свете, — сказал он тонким суровым голоском.

— И заявление в милицию напишем сейчас же, — закончил Удалов, куя железо, пока горячо.

— Я ничего не знаю, — сказал человек с боксерским носом, пытаясь сжевать вытащенную из кармана записку.

Записка была на хорошей, толстой бумаге и не жевалась.

— Не поможет, — заметил Удалов. — В правом верхнем кармане пиджака Порфирьича лежит подчищенная накладная на листовую сталь.

— Лежит, — подтвердил Порфирьич. — Лучше я сам сяду как невинный сообщник, но эту змею на много лет укатаю.

— Правильно, — одобрил Удалов. — Он вас и раньше за нос водил.

— Фи не шмеете! — прокричал с набитым ртом директор артели. — Я путу шалофаться!

— Жалуйся, жалуйся, — сказал мстительно Порфирьич.

— Некуда ему деваться, — согласился Удалов. — У вас же в портфеле неотразимая бухгалтерия.

И, видя, что надо нанести последний удар и повергнуть противника в нокаут, Удалов постарался вспомнить, что говорят в таких случаях следователи в кино. Недавно слышанные слова крутились в голове... «Ваша ставка бита!» Нет, не то... «Руки вверх...» Нет. Близко, совсем близко. Ага! И Удалов произнес страшным голосом, так что у самого встали дыбом на затылке редкие золотистые волосы:

— Игра закончена! Садитесь и пишите заявление. Чистосердечное покаяние — вот единственное, что может облегчить вашу участь!

Сверкнула молния, запахло озоном, бледный как полотно директор артели опустился на стул, достал шариковую ручку и с помощью Порфирьича стал писать признание.

А Удалов вдруг ощутил страшную пустоту в голове. Первозданную, нелепую пустоту. Он не помнил содержания ни единой из бумажек, лежавших в портфелях у артельщиков. Он забыл английский и испанский языки, он не мог вспомнить ни одной тригонометрической функции. Он даже запамятовал чеканные рифмы поэмы, напечатанной в последнем номере журнала «Огонек».

— Но почему? — воскликнул он. — За что?

Артельщики метнули на него перепуганные взоры и еще быстрее стали писать признание.

— Сами отнесете в милицию, — приказал им Удалов и, более не сознавая ничего, бросился к выходу.

Снова крапал дождик по пожелтевшим листьям. Было тихо и обыкновенно. И с ясностью отдаленного ночного грома прозвучали в ушах Удалова слова пришельца: «В случае, если не справишься, скажи вслух: «Игра закончена», и все вернется на свои места».

— Я же не хотел! — взмолился, простирая к небу руки, Корнелий Удалов. — Это ошибка. Это случайная ошибка!

...Удалов вернулся домой и до вечера не промолвил ни слова. Он отказался говорить с Мишей Стендалем, который поджидал его у ворот, он не стал есть любимого супа с клецками. Он лежал на диване в брюках и переживал свою оплошность, не только закрывшую перед ним путь к дипломатическому будущему, но и лишившую все человечество немедленной дружбы с развитой Галактикой. И лишь вечером, выпив для успокоения сто граммов перцовки и сказав непонятные домашним слова: «Может, разберутся, отменят решение», Удалов подошел к столику сына и спросил его:

— Где у тебя учебник истории?

— А что, папа? У нас завтра истории нет. Не задавали.

— Глупый, — ответил отец. — Я просто хочу почитать про Петра Первого. И тригонометрию не прячь... Век живи, век учись... В Галактике с нашей серостью появляться стыдно.

НАДО ПОМОЧЬ

Корнелий Удалов сидел дома один, смотрел телевизор. Погода стояла паршивая, дождь, ветер, мокрые листья носятся по улицам, хороший хозяин собаку не выгонит. Жена Ксения взяла детей, ушла через улицу, к подруге, а Удалов отказался. Передача была скучная, хоть выключай и иди спать. Но выключать было лень. И когда Удалов собрался все-таки с духом, нажал на кнопку, в комнате возникло существо с тремя ногами, красными глазами и в очках.

— Здравствуйте, — сказало существо с сильным акцентом. — Извините мой произношение. Я учил ваш язык в спешке. Не беспокойтесь моим внешний вид. Я можно сесть?

— Садитесь, — предложил Удалов. — Как на улице, еще моросит?

— Я прямо из космос, — ответило существо. — Летел в силовое поле, и дождь не попадает.

— И чего пожаловали? — спросил Удалов.

— Я вам есть помешал?

— Нет, все равно делать нечего. Рассказывайте. Чай пить будете?

— Это для меня есть быстродействующий яд. Нет, спасибо.

— Ничего, если вредно, то не пейте.

— Я умирать от чай в судорогах, — признался гость.

— Ладно, обойдемся без чая.

Существо подобрало все три ноги под себя, забралось в кресло и вытянуло вперед лапку с сорока коготочками.

— Удалов, — сказало оно с чувством. — Надо помочь.

— Хорошо. Чем можем, будем полезны. Только чтобы на улицу не выходить.

— Придется выходить на улицу, — ответило существо.

— Жалко.

— Я прошу извинений, но сначала давайте нас слушать. — Существо выпустило изо рта клуб розового, остро пахнущего дыма. — Простуда, — сказало оно. — Очень есть далекий путь. Три тысяча световой год и восемьсот лет туда-обратно. Большой неприятность. Помирай крупики.

— Жалко, — произнес Удалов. — Родственниками вам приходятся?

— Я объясняю? — спросило существо.

Удалов кивнул, взял лист бумаги, шариковую ручку, чтобы, если надо, записывать.

— У меня есть восемь минута. Меня зовут Фыва. Я есть с одна планета в констеласьон весьма отдаленный, ваш астроном знает, а вы не знает.

Удалов согласился.

— Мы есть давно прилетали к вам на Земля, брали опыты и экземпляры. Немножко помогай строить пирамиды Хеопса и писал «Махабхарата», индийский эпос. Очень относились с уважением, чужой не трогали. Один раз взяли ваши крупики и повезли на нашу планету.

— Погодите, — прервал его Удалов. — Кто такие крупики?

— Я забывай ваш слово. Маленький, серый, с ушами, сидит под елочкой, прыгает. Крупики.

— Заяц? — спросил Удалов.

— Нет, — возразило существо. — Заяц я знай, кролик знай, кенгуру знай. Другой зверь. Не очень важно. Генетика пробовали, большого вырастили, новую породу. Вся планета в крупиках. Очень важно в хозяйстве. Крупики подохли — начинается экономический кризис. Каждый день кушаем крупика.

«Кто же такие крупики? — мучился Удалов. — Может, тушканчики?»

— Нет, — ответило существо на мысль Удалова. — Тушканчики нет. Много лет проходит, три день назад крупики начинают болеть. И подыхать. Все ученые делают опыт, средство нет. Средство только у вас, на Земле. Сегодня утром меня вызывают и сказать — лети, Фыва, спаси наш цивилизация. Я понятно сказал?

— Понятно, — ответил Удалов. — Только вопрос: когда, говорите, к нам полетели?

— Сегодня. Завтрак кушай и полетел.

— И сколько, говорите, пролетели?

— Три тысячи световой год.

— Чепуха, — сказал Удалов. — Таких скоростей наука не знает.

— Если прямо лететь — не знает, — согласился гость. — Только другой принцип: я лечу во времени.

— Ну-ка, расскажите, — попросил Удалов. Он был очень любопытен и тянулся к новому.

— Одна минута рассказал, очень коротко. Время мало. Мы путешествуем во времени. Одно мгновение тысячу лет назад.

— Ну и приземлитесь на своей планете тысячу лет назад.

— Какой наивность! Не смей читать фантастическая книжка! Фантастический писатель наука не знает, друг у друга списывает. Неужели твой Земля на месте стоит?

— Нет, летает вокруг Солнца.

— А Солнце?

— Тоже летит.

— Вот, простой директор стройконтора, а знает. Писатель Уэллс не знает, писатель Парнов не знает. Какой стыд! Ты прыгни в завтра, прыгни в один час вперед — выскочил из камеры — нет под тобой никакой Земли — ты уже в космос, а Земля улетел дальше — из-под тебя улетел. Так просто. А если я на сто лет вперед или назад прыгну, Земля за это время далеко-далеко улетел. А другой планета или звезда на то место прилетел. Ты выскочил — уже на другой планете. Только надо считать. Очень много расчет делать. А то промахнулся — и задвижка.

— Крышка, — поправил гостя Удалов. Ему понравилось, что он оказался умнее известных писателей. — И вперед тоже прыгать можно?

— Нет, — ответило существо. — Время как океан. Что было — есть, чего не было — еще нет. Ты можешь в океан прыгай, ныряй, снова выныряй. Очень хорошо считал — на сто лет назад прыгай — одна планета. Еще пятьдесят лет в другой сторону — еще планета. Три раза прыгай — вынырнул на верх океана, уже на Земля. Толь-

ко очень сложно. Каждый день нельзя прыгай. Иногда раз в сто лет совпадет. Иногда три раза в один час. У меня три минуты остался. А то не смогу домой идти.

— Ладно. Все мне ясно. А крупики — может, это мыши?

— Нет, мыши нет, — сказал гость. — Помогать будешь?

— Обязательно, — ответил Удалов.

— В твой город есть один средство. Красный цветок. Растет на окно одна бабочка.

— Бабушка?

— Бабушка. Дом три, улица Меркартова. Цветок надо сорвал и давал мне. Я сказал спасибо от имени вся планета. Крупики тоже живут. Тоже спасибо. Один час время у тебя есть. Я обратно лечу и цветок взял.

— А чего же сам не купил цветок?

— Нельзя, бабушка очень пугайт. Три нога из меня расти. Не получайт. На тебя вся надежда есть...

И тут пришелец растворился в воздухе, потому что его время истекло. И он, видно, начал свои прыжки во времени, чтобы вернуться домой и там доложить, что нащупал контакт с Корнелием Удаловым и Корнелий согласился помочь.

Удалов протер глаза, посмотрел еще на кресло, в котором только что беседовал пришелец. Кресло сохранило примятость в середине. Все это не было сном, а раз так, то придется помочь братьям по разуму. Но кто же такие крупики? Может, лисица? Или песец?

Удалов застегнул плащ, взял зонт и вышел на улицу. Пришельцу хорошо было в его силовом поле. А на Удалова обрушились бешеный ветер, дождевые брызги и скрип деревьев. Под ногами таились черные лужи, а путь на Меркартовскую улицу, хоть и не очень далек, пролегает в стороне от центра Великого Гусляра.

Пока Удалов добрался до дома три, он изрядно промок, в ботинках хлюпало, затекло за уши и под воротник. Домик был мал, выходил на улицу двумя окошками, в заборе виднелась калитка. Но прежде чем войти во двор, Удалов деликатно постучал в освещенное окно. Занавеска отодвинулась в сторону, и круглое румяное старушечье лицо приблизилось к окну. Удалов улыбнулся ему и пошел к калитке. Открыл мокрый холодный крючок и прислушался. В доме было тихо. В соседнем дворе забрехала отчаянно собачонка. Удалов подошел к шаткому крыльцу и поднялся на три ступеньки. Собачонка суетилась у забора, захлебывалась, словно охраняла два дома по совместительству.

Удалов толкнул дверь, и та отошла тяжело, со вздохом и скрипением.

— Есть кто живой? — спросил Удалов вежливо и шагнул в тем-

ноту. В тот же момент что-то тяжелое упало ему на голову и отключило его сознание. Последней мыслью Удалова было: «Наверное, крупики — это белки».

Удалов пришел в себя в горнице. Здесь было светло. Он сидел на скамье, прислонясь спиной к печке, чуть теплой, топленной утром. Напротив стоял грузный человек в пижаме и ватнике. В руке у человека была скалка. У человека были красный нос и грустные глаза.

«Все-таки крупики — это белки», — подумал Удалов, возвращаясь к действительности, и пощупал затылок. На затылке была шишка.

— Вы простите, если что не так, — сказал мужчина. — Меня тетя Нюша на помощь позвала. Я думал, что тот самый возвратился. В черных очках. Пристал, в окно стучится, угрожает: отдай, говорит, цветок. Иностранец, наверно. Бандит. А в дом не вошел. Тетя Нюша его шуганула, а меня на помощь позвала. Все-таки мужчина в доме. Я ее сосед, из соседнего дома.

Тут Удалов, разогнав из глаз разноцветные круги, заметил в стороне смущенную бабушку с румяными щеками.

— Я женщина одинокая, — объяснила бабушка. — Меня просто и ограбить можно.

— Правильно, — ответил Удалов и разозлился на скрытного пришельца.

Значит, тот не сразу к Удалову, а сначала побывал здесь, попытался цветок раздобыть. И все испортил. Ну хоть бы проинформировал Удалова об этом заранее. Теперь голова болеть будет. Может, даже сотрясение мозга. Это бывает. От скалки.

— Воды, — сказал Удалов.

— Нюша, дай воды.

Мужчина положил скалку на стол.

— А ты, Иннокентий, смотри за ним, — сказала Нюша, уходя в сени, где стала греметь кружкой, зачерпывая воды.

— Вы ее извините. Женщина одинокая, подозрительная. Я-то знаю, что взять у нее нечего. А она думает, что представляет интерес.

Удалов покосился на окно. Там стояли горшки с цветами. Одно из растений было осыпано красными бутонами.

— Вот-вот, — заметил его взгляд мужчина. — Из-за этих ничего не стоящих цветов вся катавасия вышла.

Бабушка принесла кружку с водой. Пока Удалов пил, она оглядела его с головы до промокших ног, и неизвестно, осталась ли довольна осмотром. В глазах ее не пропадало подозрение.

— Зачем пожаловали, батюшка? — спросила она Удалова.

В ином случае Удалов оставил бы разговор до завтра. Не время было приобретать цветок. Но теперь, судя по часам, до возвращения пришельца оставалось чуть больше получаса. Из них пятнадцать минут уйдет на обратную дорогу.

— Я мимо проходил. Заглянул в окошко и решил зайти.

— Зачем? — спросила бабушка.

— Ну, я пойду, тетя Нюша, — сказал грузный мужчина.

— Нет, Иннокентий, погоди, — возразила бабушка, — меня одну не оставляй.

Мужчина вздохнул, развел руками, словно извиняясь перед Удаловым.

— Чудесные цветы вы разводите, — сказал тогда Удалов.

— Опять? — спросила бабушка.

— Так разве я виноват, что такое совпадение получилось?

— Может, и виноват.

— Жена у меня любительница растений, — заспешил Удалов. Время шло. Пришелец уже торопится обратно, минуя звездные скопления и облетая метеорные потоки. — У нее день рождения завтра. Вот я и решил — куплю ей что-нибудь необычное. Как-никак шестнадцать лет вместе прожили. Ксенией мою жену зовут. Ксения Удалова. Я здесь, в Гусляре, работаю, директором стройконторы.

— Как же, слышал, — сказал мужчина. — В случае чего поможет тебе, тетя Нюша, стройматериалами.

— Если в пределах законности, помогу, — подтвердил Удалов.

Тетя Нюша чуть оттаяла.

— И шифер есть? — спросила она.

— И шифер, — сказал Удалов, хотя с шифером были трудности.

— А цветок не продается. Вы к моей соседке сходите. У нее герань чудесная.

— Герань у меня самого есть, — объяснил Удалов. — Три горшка.

— Да чего ты человека мучаешь, — сказал мужчина. — Продай ему цветок. Он не забудет.

— Не забуду, — сказал Удалов. — Вот этот красный цветок продайте. Сколько нужно — заплачу. Ведь не зря я по голове скалкой получил. Ведь тоже увечье. Пожаловаться можно.

— Жаловаться он имеет право, — сказал грузный мужчина. — У него шишка, не меньше, на затылке.

— Есть шишка.

— А ведь я, тетя Нюша, твое задание выполнял. Тебя защищал. — Грузному мужчине хотелось поскорее домой.

Тетя Нюша пригорюнилась.

— Вот, думала, помру, буду перед смертью цветком любоваться. Он у меня единственный, больше такого во всем городе нету. А кроме того, я к дочке собиралась съездить. В Архангельск. Дорога не дешевая.

— Дорогу оплачу, — сказал Удалов. — Сколько надо?

— Сто рублей, — произнесла бабушка и зажмурилась. Ждала, что скажет Удалов на такую наглость.

— Сто рублей нельзя, — ответил Удалов.

— Тетя Нюша, постыдись, — произнес сосед.

— Лучше я отсюда прямо в дежурную поликлинику, — сказал Удалов. — Пусть меня медицински освидетельствуют, что мне нанесены побои.

— Тридцать пять, и ни копейки меньше, — сбавила цену бабушка.

— Ой, ты же, тетя Нюша, самоубийца.

— Придется идти, — решил Удалов.

— А сколько дашь? — спросила быстро бабушка.

— Десять рублей дам.

— Десять мало. Десять один горшок стоит.

— А я горшок оставлю.

— А мне горшок без цветка не нужен.

— Двенадцать рублей — больше у меня денег с собой нету.

— А в поликлинику не пойдешь?

— Не пойду.

— А шифер достанешь?

— Постараюсь.

Тетя Нюша вздохнула:

— Бери, бог с тобой.

Удалов вытащил из кармана деньги. Хорошо еще, что захватил с собой. Отсчитал две пятерки, рубль и девяносто копеек мелочью. Тетя Нюша взяла с него обещание занести завтра гривенник, и Удалов обхватил пыльный тяжелый горшок.

Вышли во двор вместе с соседом. Сосед кутался в ватник, подбирал по-птичьи ноги в шлепанцах. Проводил Удалова до калитки, отворил ее. Бабушка загремела в сенях щеколдой.

— Послушай, — сказал грузный мужчина на прощанье, — ты про жену все врал. Почему двенадцать рублей за простой цветок отдал? Скажи, я никому ни слова.

— Да что там, — ответил Удалов, отклоняя головой ветви, чтобы не мешали смотреть вперед. — Все равно не поверите. На одной планете крупики дохнут. Их вылечить можно только этим цветком. Так что ко мне обратились за помощью.

— Ага, — сказал мужчина. — Вот это уже больше похоже на правду.

И когда Удалов уже отошел, ступая в лужи, он крикнул:

— А кто такие крупики?

— Не знаю! — крикнул в ответ Удалов. — Серые, говорят, пушистые, сидят под кустом.

— Наверное, кролики, — сказал мужчина.

— Может быть, — ответил Удалов и поспешил к дому, скользя по глине и прижимая к груди тяжелый горшок.

Пришелец ждал его возле дома, на улице, под деревом.

— Достал? — спросил он, выходя из тени. — Спасибо тебе огромного размера. Давай сюда. Домой я не мог. Твой жена пришел.

Удалов поставил горшок с цветком на землю.

— Не узнали там у себя, кто такие крупики? — спросил он.

— Нет, не успел, — ответил пришелец. — Такой трагедия. На нас с вами весь надежда.

Он принялся быстро обрывать с веток красные бутоны.

— А весь горшок брать не будете?

— С горшком мне сквозь пространственно-временной континуум не прорваться. Нет такая возможность.

— Я бы знал, сам оборвал. А скажите, крупики — это не белки?

— Нет. Я полетел. Большой спасибо. Знаете что, наш планета будет ставить вам один большой памятник. В три роста. Я уже делал фотографий. Вы идете сквозь дождь и буря, а в руке у вас красный цветок.

— Спасибо. Одна деталь только, если вы не возражаете. Понимаете, какая история получилась: я все свои деньги на этот цветок истратил, а мне завтра взносы платить.

— Ой, какой есть позор для наша планета! Конечно, все деньги я тебе давай. Совсем забыл. Вот, держи. Доллар. Три тысячи доллар.

— Да вы с ума сошли, — возразил Удалов. — На что мне доллары? Мне нужно двенадцать рублей. Точнее, одиннадцать рублей и девяносто копеек. Если считаете, что я много заплатил за цветок, сами понимаете — такая срочность. А красная цена ему — рубля четыре с горшком.

— Красный цена ему — сто миллион ваши рублей.

— Мне лишнего не надо. Мне хотя бы рублей восемь.

— Бери доллары, — суетился пришелец. — Другой деньги со мной нет. Через три года снова удачный положение планеты, и я приеду и тебе даю рублей. А сегодня бери доллар.

Удалов хотел было возразить, но пришелец сунул ему в руку пачку хрустящих бумажек, крикнул:

— Спасибо! Фотографий памятник привезу со следующий визит!

И исчез.

Удалов вздохнул и пошел домой.

Ксения ждала его, не ложилась спать. Она встретила его упреками и не дала раздеться, требовала, чтобы сознался, с кем ходил на свидание.

— Да не было никакого свидания, — сказал Удалов, думая при этом: «А может, крупики — это вовсе слоны или леопарды? Ведь неизвестно, под каким деревом этот серенький ушастенький сидит. Может, под баобабом?»

— Стоит из дому уйти, — волновалась Ксения, — тебя уж и след простыл.

— Не волнуйся, — ответил Удалов, все еще думая о крупиках.

— А что у тебя в руке? — спросила Ксения, глядя на пачку долларов.

— Это так, доллары.

Удалов протянул жене деньги.

— Дожили, — сказала Ксения и заплакала.

РАЗУМ В ПЛЕНУ

Если говорить о невезении, то мне ужасно, трагически не повезло. Если говорить о везении, то меня можно считать счастливчиком.

Не повезло мне в том, что уже на втором витке я понял, что придется садиться. Двигатель, беспокоивший меня уже давно, отказывал. А не может быть ничего хуже, чем отказавший двигатель, когда между тобой и домом распростерлась добрая половина Галактики.

Повезло мне, и сказочно повезло, в том, что на планете обнаружилась пригодная для дыхания атмосфера. А это вселяло надежду на то, что я когда-нибудь, если смогу исправить двигатель, вновь поднимусь в космос и увижу близких.

Лик планеты был страшно изуродован катаклизмами. Глубокие трещины разрывали ее кору, невероятной высоты пики и горные хребты поднимались над атмосферой, и вершины их овевались космическим холодом.

Но у меня не было времени спокойно изучать мое временное, а может быть, и постоянное пристанище. Для этого наступит свой час. Я был занят одним — найти удобное для посадки и по возможности безопасное место. И я нашел его на поверхности обширного

плато и решил уже, что опущусь там на следующем витке, но именно в этот момент двигатель совсем отказал.

Тогда я пролетел над темной стороной планеты, над горным плоскогорьем, громадным плато, которое так высоко поднималось над поверхностью планеты, что упасть там — значило обречь себя на верную смерть: атмосфера, вернее — остатки ее, таилась в этой части планеты в неглубоких ущельях и понижениях. Если я промахнусь — я погиб.

В последний момент перед крушением приборы показали: прямо по курсу котловина. Словно метеор, пронесся я над безжизненной горной страной, корабль врезался в плотную атмосферу, иллюминаторы затянуло мглой, снижение замедлилось — и вот я на поверхности планеты. Я жив. Я потерпел крушение. Одинок ли я здесь или чуждый разум следит за мной? Готов прийти на помощь? Точит оружие, чтобы убить меня?

Я прильнул к иллюминатору. Включил биощупы. Корабль ощетинился иглами, шлангами, отрылись глаза датчиков и уши локаторов. Наступил момент первого знакомства.

К тому времени, когда забрезжил рассвет, слабый, голубой, робкий, я уже многое знал о котловине, в которую попал. Разумной жизни здесь не было, но жизнь неразумная кипела вокруг, была опасна, кровожадна, и все особи в этом мире были в состоянии войны друг с другом: сильные пожирали слабых, слабые подстерегали еще более слабых.

Но сидеть без дела было нельзя. Пора покинуть надежные стены корабля, встретить новый мир лицом к лицу. Я вооружился бластером и открыл люк. Воздух оказался затхлым, стоячим, но дышать можно было. Мне надо было обойти корпус корабля, добраться до дюз и проверить их состояние. Приборы могли врать: слишком долго от них требовалась правда и только правда.

Я передвигался медленно, стараясь, чтобы за спиной все время оставался надежный корпус корабля. Но не сделал я и двух шагов, как пришлось остановиться. Из рыхлой предательской почвы показалась круглая голова большого червя. Я поднял было бластер, но голова тут же нырнула в землю, и в немом изумлении я долго следил за тем, как из земли вылезали все новые сегменты розового тела, аркой подымались вверх и исчезали вновь в земле. Червяк был не так уж и велик — может, в половину моего роста, но я видел лишь часть его, и потому он показался бесконечно длинным и страшным.

Надо взять себя в руки, подумал я. Если дать нервам власть, можно попасть в беду. В конце концов, чем угрожал мне гигантский червь? У него даже рта не было.

Черная тень мелькнула надо мной. Я бросился назад, прижался к холодному металлу корабля. Огромная летучая тварь, зловещая и изящная в легкости движений, изогнувшись, бросилась на меня сверху. Разверзлась громадная пасть, усеянная множеством острых зубов, зловонное дыхание донеслось до меня...

Я успел выхватить бластер и всадить заряд в глотку твари. Тяжелое тело сбило меня с ног, и я покатился по земле. Длинная зеленоватая пятнистая туша летающего дракона корчилась на земле. По телу пробегали конвульсии. Я не осмелился приблизиться к чудовищу. Стараясь унять запоздалую дрожь, я поднялся с земли и тут же увидел, что путь к кораблю отрезан. Ко мне не спеша, словно зная, что ничто его не остановит, приближался другой зверь. Множество членистых ног поддерживало зеленое грязное туловище. Глаза далеко выступали вперед, чуть покачиваясь на отростках, и по сторонам глаз покачивались громоздкие убийственные клешни. Зверь приподнялся на лапах и развел клешни шире.

Мне не хотелось знаменовать свое вступление в этот мир убийствами, кровью — ее и без меня хватало здесь. Я отступил назад. Зверь крутил глазами, пугал меня, но не бросался. Я попытался обойти его так, чтобы вернуться под защиту корабля. Меня не оставляло противное чувство опасности сзади, казалось, что внимательные взоры обитателей котловины стерегут каждый мой шаг.

Не спуская глаз со зверя, я сделал еще два шага в сторону, и тут под ногами что-то блеснуло. На земле лежал странный предмет, сделанный из белого металла. Именно сделанный, ибо только руки разумного существа могли придать металлу форму эллипса, чуть заостренного на концах. Предмет был плоским, и поверхность его была тщательно обработана. Лишь существа, далеко шагнувшие вперед по пути цивилизации, могли так освоить металлургию.

Я приподнял предмет. Он был тяжел, и я пожалел, что вряд ли сейчас смогу занести его в корабль — на пути все еще угрожающе покачивал клешнями зверь, и мне не хотелось обременять себя лишней ношей, когда могло потребоваться все мое умение, чтобы пробиться обратно к кораблю.

И в этот момент нечто продолговатое вновь кинуло на меня тень. Я подумал было, что это еще один дракон, и поднял взор кверху. Но это был не дракон. Я мог бы поклясться, что вижу воздушный корабль, летающий корабль. Он был велик, не меньше моего космического корабля, и двигался медленно. Мне трудно было разобрать, каким образом его приводят в движение. Правильность формы, взаимная неподвижность его частей совершенно исключали всякую возможность того, что он мог оказаться жи-

вым существом. Возможно, меня уже разыскивали — кто-то заметил, как мой корабль опустился на планету. И вот прошло немного времени, и меня ищут. Но с добром или со злом в уме?

Летающий корабль замер надо мной. Зверь с клешнями, почуяв неладное, стал медленно пятиться в заросли, подступавшие совсем близко к месту аварии. Я не выпускал металлического предмета, впервые указавшего мне на разумных обитателей планеты. Воздушный корабль парил на верхней границе атмосферы. Я поднял металлический предмет, чтобы обратить на себя внимание, — будь что будет. Разум, хоть и не встреченный нами до сих пор ни на одной из планет, должен быть дружелюбен.

На корабле меня заметили. С борта опустился штормтрап. Вот он уже покачивается совсем рядом. На конце его поблескивало приспособление для крепления предметов. Меня приглашали наверх. Ну что ж, рискнем. Я захватил с собой металлический предмет. Он мог быть потерян кем-нибудь из обитателей планеты. Жест доброй воли будет истолкован положительно любым разумным существом. Я кинул последний взгляд на мой осиротевший корабль, обхватил штормтрап и осторожно дернул за него трижды, давая сигнал поднять себя на корабль. В ответ на мой сигнал штормтрап начал быстро подниматься вверх.

— Так вот кто мою блесну откусил, — сказал охваченный гневом и радостью Корнелий Удалов, вытаскивая удочку.

— Не на то смотришь, нелюбопытный ты человек, — ответил ему Александр Грубин, его друг, с которым они только что выехали по зорьке на рыбалку на озеро Копенгаген. — Когда ты видел, чтобы в нашем озере водились осьминоги?

Последние отрезки пути штормтрап поднимался стремительно. Я понял, что еще немного, и я вылечу за пределы атмосферы. А ведь скафандр остался на борту моего корабля! Я могу погибнуть! Я попытался соскочить со штормтрапа — лучше рискнуть разбиться о землю, чем погибнуть от удушья, но острый крюк на конце штормтрапа вонзился мне в тело. Еще секунда, и, теряя сознание, я вылетел в безвоздушное пространство. Громадные чудовища — их было двое — протянули ко мне массивные конечности.

— Банку! — закричал Грубин растерявшемуся Удалову. — Банку с водой! Ведро, наконец! Ты не понимаешь, какое мы с тобой открытие совершили!

— А может, осьминоги здесь водятся? — спросил Удалов с сомнением. — Может, встречаются редко, осторожные?

— Откуда, голова ты непутевая? — кричал Грубин. — Ведром воду черпай! Осьминоги живут только в морях и океанах!

— Тише ты, — сказал Удалов. — Всю рыбу распугаешь. Что дальше делать-то будем?

— Какая теперь рыбалка! — Грубин осторожно стаскивал осьминога с крючка. — О нас в научном журнале напишут.

— Спят и видят, как бы о нас написать. А ты подумал, что осьминоги здесь, может быть, заповедные? Выпустили их на развод, а мы браконьерствуем.

— Не может быть, — возразил Грубин. — Тогда бы было объявление о запрете. А ты видел здесь на берегу какое-нибудь объявление?

— Видел. Не разводить костров, беречь лес от пожара.

— При чем здесь пожар? Про осьминогов видел?

— Про осьминогов не видел. Но уверен, что может быть такое объявление. Мы его пропустили в темноте.

— Нет, — сказал Грубин, опуская осьминога в ведро с водой, подставленное сомневающимся Удаловым. — Если бы у нас в озере Копенгаген разводили осьминогов, весь город бы знал об этом. Притом обрати внимание, что у осьминога десять ног и он сравнительно крупный. Это, вполне возможно, неизвестный науке вид. На что я и надеюсь.

— Славы захотел, — произнес Удалов укоризненно. — Дай бог тебе штрафом отделаться.

Осьминог безжизненно опустился на дно ведра. Одно из щупалец все еще сжимало упущенную Удаловым блесну.

— Саша, — произнес Удалов. — Отними у него блесну.

— Почему я?

— А он, может быть, ядовитый.

— Для тебя ядовитый, а для меня безвредный?

— Зацепи чем-нибудь. Не бросать же блесну.

Из-за елей на берегу показался край солнца, запели птицы, засеребрилось ведро. Осьминог в ведре шевельнул щупальцами, приходил в себя.

— Отлично, — обрадовался Грубин. — Я очень опасался, что он сдох.

— А тебе какая разница, — сказал Удалов с раздражением.

Блесна все еще оставалась в ведре, и рыбалка была под угрозой. Не скажешь ведь жене Ксении, что вместо обещанных лещей придется довольствоваться половиной осьминога, возможно, несъе-

добного и ядовитого. Нет, и половины Грубин не отдаст — захочет исследовать и, может, даже разводить в аквариуме.

— Дай мне блесну, будь другом, — попросил Удалов. — Может, чего еще поймаем. Жалко же возвращаться.

— Дураком помрешь. Немедленно назад!

— Да что с твоим осьминогом случится?

— Может подохнуть.

— Ну и пускай, в спирту его содержать будешь.

Но Грубин уже схватил весла и принялся грести к берегу.

— Ты как хочешь, — сказал он Удалову со всей решительностью, — но я спешу в город.

Я пришел в себя. Медленно покачивался металлический цилиндр, в котором я был заточен. Цилиндр был открыт сверху, но атмосфера кончалась у верхнего края цилиндра — любая моя попытка вырваться привела бы к гибели. Внутренние стенки цилиндра были гладкими и холодными.

Я попался глупо. Простить себе не мог доверчивости.

Раса, населяющая планету, казалась коварной и жестокой. Да, в разуме им отказать было нельзя — они строили воздушные корабли и умели обрабатывать металлы. Но, видно, идеи межпланетного братства, даже идеи простого внутрипланетного братства еще не нашли дороги к их сердцам. Я осторожно постучал концом пальца в стенку цилиндра. Звук был слаб, и они могли не услышать его. Я нащупал бластер. По крайней мере я дорого отдам свою жизнь.

Круглая голова одного из моих тюремщиков показалась над краем цилиндра. Он был огромен. Только его голова превышала по размерам все мое тело, не считая конечностей. Глаза редко мигали и по краям поросли щеткой шерсти. Пасть его была окружена полосой красной кожи, и там, внутри, виднелись желтоватые плоские зубы. Даже в тот ужасный момент во мне не умер исследователь. Я сделал поразительное открытие: оказалось, что это существо находится в безвоздушном пространстве, и я готов был поклясться, что оно без скафандра. Но ведь известно, что ни одно существо, развитое более, чем бактерия, не может обитать вне атмосферы.

Чудовище присматривалось ко мне, и я приподнял две руки и развел ими в общеизвестном жесте мира и доброты.

— Угрожает, — сообщил Удалов. — Щупальцами шевелит. Если бы не блесна, стал бы я с ним связываться?

...Пасть чудовища угрожающе распахнулась, и внутри зашевелился какой-то красный орган. Я подумал, что они могли бы вытащить меня наружу, но пожалели, поместили в цилиндр с воздухом. А может быть, они просто хотят продлить мои муки?

Над краем цилиндра появилась конечность, завершенная пятью уродливыми малоподвижными отростками. Отростки погрузились в атмосферу, приближались ко мне. Он хотел меня задушить! А я-то, наивный, принес им металлический предмет, хотел порадовать. Я выхватил мой маленький бластер. Наступил критический и, может быть, последний момент в моей жизни. Мелькнули перед мысленным взором картинки далекого детства, минуты первой любви, угар научной работы, долгие дни в космосе... Лапа приближалась, и когти уже касались моего беззащитного тела. Я выхватил бластер и всадил заряд в лапу. Взбурлила атмосфера в цилиндре...

— Гад ползучий! — закричал Удалов. — Придушить его мало! Ой-ой, как током дернул, тварь ядовитая.

— Я тебя предупредил, — сказал Грубин, не переставая грести к близкому берегу. — Животное только защищалось. Как защищаются муравьи, когда такой дурак, как ты, наступает на муравейник.

— Ты еще скажешь, что комары тоже защищаются.

— Про комаров не скажу, они питаются человеческой кровью.

— Этот, может, тоже человеческой кровью питается.

— Не исключено.

Лодка ткнулась в песок, вода выплеснулась из ведра, и осьминог засуетился в ведре.

— Не исключено, — повторил Грубин, выпрыгивая и подтаскивая лодку повыше, к кустам. — Но можем ли мы винить животное в том, что предписано ему природой? Нет, не можем. Давай сюда ведро, только осторожно, не повреди.

— Умный нашелся, — ответил Удалов, собирая удочки. — Я, может, вообще тут останусь, порыбачу еще.

— Боишься?

— Еще бы. Ведро железное. А железо для электричества лучший проводник, еще в школе учили.

— Обмотай ручку чем-нибудь.

Но Удалов уже не слушал, он быстро удалялся по берегу, отмахиваясь свободной рукой от долетающих слов Грубина. И только отойдя на солидное расстояние, обернулся и крикнул:

— Будешь эту гадину выбрасывать, блесну подбери. Таких у нас в магазине нету. Из Вологды специально привозил.

Грубин дотронулся пальцем до ведра. Ведро током не било. Удалову могло это показаться со страху.

— Пожалеешь, Корнелий! — крикнул Грубин другу, взвалил на спину рюкзак, взял в одну руку удочки, в другую ведро и пошел не спеша через лес к остановке автобуса, на шоссе, стараясь не плескать водой и не беспокоить животное.

Это путешествие будет преследовать меня в кошмарах, если мне еще суждены кошмары. Цилиндр покачивался, воздух завихрялся в турбулентных потоках, перехватывало дыхание, и приходилось цепляться за гладкие скользкие стены цилиндра, чтобы меня не перевернуло. Мутило. Я готов был просить пощады — но у кого, как?

Положение мое ухудшалось. Еще недавно мне казалось, что нельзя попасть в худшее положение, нежели то, в котором я нахожусь. Но теперь стало хуже. И в первую очередь потому, что мне не найти пути обратно, к космическому кораблю, ибо мой тюремщик нес цилиндр над безжизненным высокогорным плато, с каждым шагом отдаляясь от котловины. Я включил вживленный в меня компас-спидометр, и прибор автоматически вычислил маршрут, по которому мы двигались. Я сделал это механически, я не верил, что информация мне когда-нибудь пригодится.

Вокруг посветлело. Темные твердые образования, прикрывавшие от меня небо, исчезли. Прекратилась и тряска. Мы ждали чего-то. Удивительны размеры этих существ — очевидно, жизнь в разреженной атмосфере, почти в безвоздушном пространстве позволяет им достигать столь фантастических размеров. Ах, если бы мне когда-нибудь вернуться домой — какой бы сенсацией оказалось мое сообщение о жестокой разумной расе, обитающей на границе космоса!

Непонятный грохот достиг моих ушей сквозь слой воздуха. Дно цилиндра задрожало. Тюремщик подхватил цилиндр, и мы поднялись в какое-то помещение или экипаж. Тряска, еще более ужасная, чем раньше, возобновилась.

— Что везешь? — спросил знакомый с маслозавода. — Неужели столько наловил? Дай посмотреть.

Грубин сел на свободное сиденье, поставил ведро на колени, чтобы меньше тряслось.

— Загляни.

Автобус быстро мчался по шоссе, убегали назад сосны, но Грубину казалось, что движется он недостаточно быстро. Осьминог мог подохнуть.

— Не разберу, — признался знакомый. — Что у тебя, Саша? Головастиков, что ли, наловил?

— Нет. Осьминог.

— Чего?

— Осьминога поймал.

— Ага, — сказал знакомый. — Редкое животное.

И больше интереса к осьминогу не проявлял, чем Грубина немного обидел.

— Ты раньше-то осьминогов видел? — спросил Грубин.

Автобус резко затормозил на остановке. Вода плеснула из ведра, осьминог замельтешил в ведре, словно возражал.

— На картинках. А ловить не приходилось.

— И не придется, — резко ответил Грубин.

— Почему не придется? — сказал знакомый, разворачивая газету. — Сегодня ты поймал, завтра мне повезет. Хотя я рыбалкой не очень интересуюсь.

«С ума сойти, — подумал Грубин. — Я поймал осьминога, а он не удивляется. Как будто осьминогов у нас пруд пруди».

— Детям везешь? — обернулся сосед с переднего сиденья. — Детям интересно. Я недавно своим скворца принес. Крыло ему подвязали, и живет. Забавная птичка.

— Скворца, — произнес Грубин с презрением. — А я осьминога поймал.

— Где? — спросил сосед спереди.

— В озере нашем, в Копенгагене.

— Не слыхал, чтобы там осьминоги водились.

— Никто не слыхал, — сказал Грубин.

— А я видел осьминога, — сообщил юноша, стоявший сбоку. — Даже ел. В рыбном магазине были. Мороженые. Кальмары.

— Из них консервы делают, — согласился сосед спереди.

«С ума сойти, серость какая! — возмущался мысленно Грубин. — Если бы я вез тигренка, сказал бы, что поймал в лесу, неужели они тоже бы не удивились?»

Осьминог свивал и развивал щупальца. Тряска ему не нравилась.

— А я бы никогда детям осьминога не привезла, — сказала бабка с мешком. Она сидела сзади и прислушивалась к разговору. — Страсть-то какая! Может, он ядовитый.

— Нет, — ответил Грубин. — Только электричеством бьет.

— Кто ядовитый? — спросили с дальнего конца автобуса.

— Да змею ядовитую один тип везет, — откликнулись спереди.

— Не змею, а осьминога, — громко поправил Грубин. — Редчайшее животное.

— Да он всех перекусает! Водитель, остановите машину! — крикнули сзади.

— Он у меня в ведре, — успокоил Грубин. — Не опасайтесь.

— Гадюку везут, — пронесся слух по автобусу.

Люди отступали от Грубина. Водитель обернулся, притормозил.

— Какое хулиганство в автобусе? — спросил он.

— Высадите его, — сказала старушка, которая никогда бы не принесла детям осьминога. — Он тут всех перекусает.

— Гражданин, правила не нарушайте, — произнес водитель, прижимая машину к обочине. — Взрывчатые вещества и так далее перевозить запрещено.

— Это же ценное, безобидное животное, — возмутился Грубин. — Музейная редкость, никому зла не сделает. Некоторые товарищи здесь присутствуют, которые его даже ели в мороженом виде, правда же?

Но юноша, который ел мороженых кальмаров, отрекся от своих слов:

— Я не таких ел. Таких у нас не продают.

— Каждая минута промедления, — кричал Грубин, — может стоить жизни единственному в нашей области пресноводному осьминогу! Кто может взять на себя такую ответственность?

— Я возьму, — сказал водитель. — У меня пассажиры.

И Грубина высадили из автобуса на самой окраине Великого Гусляра.

Ужасно сознавать, что вокруг тебя имеют место какие-то драматические события, но не понимать, в чем же дело. Обитатели планеты шумели, тряска то кончалась, то возобновлялась, мой тюремщик издавал громкие звуки. Вернее всего, происходил жаркий спор между членами экспедиции, посланной на мое пленение: откуда я родом, какую планету представляю. А может быть, они опасались, что мы уже вторглись на их планету, или полагают меня разведчиком, подготавливающим вторжение. А у меня нет никаких средств рассказать о широко известном миролюбии моих соотечественников.

Мой тюремщик покинул грохочущую машину и понес цилиндр со мной дальше. Солнце дробилось зайчиками на поверхности атмосферы. Меня мутило. Воздух стал затхлым, и скоро, если они не найдут способа освежить его, я умру от удушья. Смерть подстерегала меня на этой планете на каждом шагу.

Солнце пекло, от каждого шага поднималось облачко пыли и тащилось за Грубиным. Вода в ведре помутнела, и от нее тянуло неприятным запахом. Грубин поставил ведро на землю и приглядеся к животному. Тот вроде бы еще шевелился. К счастью, по пути встретился колодец. Вода в нем была холодная, и Грубин доливал ее в ведро понемножку, чтобы не простудить осьминога, потому что в массе своей осьминоги — дети тропических морей.

Обливаясь потом, задыхаясь от жары, Грубин втащился во двор дома номер шестнадцать. Двор был пуст, даже доминошники, занимающие по субботам с утра места вокруг стола под сиренью, где-то скрывались от жары. Грубин, не заходя домой, поднялся на второй этаж, к старику Ложкину, известному в Гусляре натуралисту и любителю птиц.

Ложкин был дома.

— С чем пожаловал? — спросил он строго, потому что считал Грубина дилетантом и легкомысленным человеком.

— Здравствуйте, — сказал Грубин. — У вас запасного аквариума не найдется?

— Это зачем же?

— Вот, — произнес Грубин скромно, — поймал одну штуку, не знаю, представляет ли интерес.

Грубин хитрил. Ему важно было узнать, что скажет Ложкин. Может, и в самом деле существует озерная порода осьминогов.

Ложкин не спеша достал с комода футляр, вынул очки, велел поднести ведро к свету и начал изучать его содержимое. Изучал долго. Молчал. Грубин извелся от нетерпения, но не вмешивался.

Наконец Ложкин вздохнул, развел жилистыми руками, поскреб на груди тенниску, почесал лысину и сказал:

— Как минимум новый вид.

— Как?

— Новый вид осьминога, — пояснил Ложкин, не отрывая глаз от пленника. — Или генетический уродец, мутант. Ног у него десять. Вот так. Можешь оставить его здесь, у меня, на досуге почитаю Брема и дам исчерпывающую консультацию.

— Нет, пусть лучше у меня поживет. — Грубин не ошибся. Животное оказалось редким. — А вообще-то они у нас водятся?

— Бывают. В зоомагазине брал?

— Сам поймал.

— Любопытно. Оставь его здесь. Я в Москву напишу. У тебя его кот съест.

— Кот не съест, осьминог электричеством бьет. Удалова ударил.

— Корнелия даже соловей может током ударить. Это не аргумент. Но если настаиваешь, аквариум тебе дам. На время. И письмо в Москву сам напишу. Тебя там не знают, а меня многие знают. Я многим уже написал.

Если бы я вел дневник, то написал бы в нем: «Мое положение улучшается. Если бы не голод, который начал меня мучить, как только прошел первый шок, я бы сказал, что наконец-то я попал в руки к ученым, возможно, к специалистам по контактам с инопланетными цивилизациями. Может, даже в специальную комиссию по контактам. Из темного цилиндра меня перевели в квадратный прозрачный куб, наполненный свежим воздухом. По трубке воздух стекает внутрь, так что я могу не беспокоиться о дыхании».

Но я не писал дневника. Я осматривался. Странные предметы и приборы заполняли огромное помещение, окружающее мою тюрьму. Внизу непрерывно бродило некое животное, превышающее меня размерами, покрытое шерстью. Животное открывало пасть и облизывалось красным языком. Животное смотрело на мою тюрьму с вожделением. Напрашивалось два вывода: раньше моя тюрьма была его жилищем, из которого животное было выселено и потому желало вернуться обратно, или, что менее приятно, животное было сторожевым и поставлено было следить за мной. Оно могло быть и разумным.

Изучением меня, попытками контакта занялись две местные особи. Один из аборигенов нес меня в цилиндре. Второй, видно крупный специалист, присоединился к нему только здесь, в научном центре. Их пасти раздвигались и сдвигались — таков, видно, их способ обмена информацией. Теперь передо мной стояла задача — доказать им, что я превосхожу их интеллектом, и не ущемить их достоинства при этом. Хотелось есть.

— Чем осьминоги питаются? — спросил Грубин Ложкина, принесшего сверху том Брема. — А то заморим его голодом.

— «Наиболее широко распространен обыкновенный спрут, — читал Ложкин, — октопус вульгарис, тело его обычной окраски,

которая, однако, в состоянии возбуждения животного переходит в коричневую, красную или желтую, причем вся кожа на спинной стороне покрыта неравномерными бородавчатыми пупырышками».

— Но хищник он или травоядный?

— Хищник, — сказал Ложкин. — Возьми палку, приведи его в состояние возбуждения, посмотрим на пупырышки.

Пока Грубин искал палку, Ложкин убедился в том, что осьминоги — хищники, и узнал, как они размножаются. Но о размножении говорить было рано, пока не поймали осьминогу подругу.

— Я его сильно тыкать не буду, — сказал Грубин, подходя с палкой.

— Ты и не тычь сильно. Нам только посмотреть, будет ли он цвет менять.

— Только он уже не серый.

— Не важно.

Грубин сунул палку в аквариум и потрогал ею осьминога.

После длительного совещания и изучения каких-то фолиантов они принесли шест и ввели его в атмосферу. Первая попытка контакта. Я даже покраснел от приятной неожиданности. Моя застенчивость, вошедшая в поговорку среди моих коллег, и теперь сыграла надо мной шутку. Я взялся за конец шеста и три раза дернул за него. Шест был немедленно убран. Поняли или не поняли?

— Изменил цвет на красный, — подтвердил Ложкин. — Все сходится. Наверно, не новый вид, а просто урод. Как теленок с двумя головами.

Грубин сходил на кухню, вернулся с куском мяса. Кот бежал за ним, подпрыгивая, полагая, что мясо предназначается ему, верному другу.

Мясо полетело в аквариум.

— Вымыл мясо? — спросил Ложкин.

— Под холодной водой.

Кусок отвратительной плоти, сочащейся кровью, упал на меня сверху. Что это? Провокация? Или попытка меня накормить? А есть хочется. Но не есть же мясо мне, убежденному вегетарианцу. Я взял кусок мяса и выбросил его из моей тюрьмы.

— ...Кривляется, — определил Ложкин. — Значит, не голодный. В Бреме ясно сказано — хищник. Ракушки любит, рыб и так далее.

— Да, мяса он не желает. Прямо даже выкинул его из аквариума.

Кот подобрал кусок мяса и рвал его, обкусывая, на полу. Осьминог уставился на него своими бессмысленными глазами.

— За рыбой придется тебе сбегать, — сказал Ложкин Грубину.

— Сбегаем. Только сначала еще какие-нибудь опыты произведем.

* * *

Я отстукивал последовательные числа по поверхности моего дома. Они не реагировали на это. Тогда я стал показывать им мои конечности по очереди. Сначала одну. Потом две, потом три, потом четыре сразу. Это тоже не произвело впечатления. Я подобрал камешек с пола и начал выстукивать им по стенке. Наконец, надеясь на то, что начала геометрии должны быть понятны любому разумному существу, я попытался нацарапать на твердой прозрачной стенке равнобедренный треугольник.

— Суетится, — сказал Ложкин. — Несладко ему в неволе. Как и любому существу.

— Смотри-ка, ему камешек в щупальце попал. Как бы он не повредил себе чего-нибудь.

— Не повредит. Все-таки я полагаю, что живьем его довезти будет трудно. Тем более что он от пищи отказывается. Придется усыпить.

— Жалко, — повторил свой единственный аргумент Грубин. — Все-таки живое существо.

— Живое, но безмозглое, — произнес категорически Ложкин. — Очень низко организованное, в первом томе Брема помещен. Там, где простейшие. Даже беспозвоночные.

— Саша, ты здесь? — спросил Удалов, заходя в комнату. — А я не один. Я с Мишей Стендалем, из газеты.

— Говорят, вы осьминога поймали в нашем озере. Так ли это? — спросил Миша. — Живого?

— Живого, — ответил Грубин. — А ты, Корнелий, что же на рыбалке не остался?

— Плохая рыбалка. Поздно уже. Не клюет. Твой осьминог всех рыб, наверно, пожрал в нашем озере. Если такие разведутся — прощай рыбная ловля. Не сдох он еще у тебя?

— Нет, — ответил Ложкин. — Мы его изучаем.

— Очаровательное существо, — сказал Миша Стендаль, поправляя очки и становясь очень похожим на молодого Грибоедова. — Сколько у него щупалец! Это же сенсация. Первый в области осьминог! Пустим в разделе «Субботняя смесь». Кто поймал?

— Вместе поймали, — ответил Удалов.

— Значит, так и запишем: «Рыболовы-любители нашего города...»

Стендаль записывал, Удалов объяснял, а Грубин вернулся к аквариуму. Осьминог, видно проголодавшись, суетился, складывал и разводил щупальца, поднимал округлую голову и поводил круглыми бессмысленными глазами.

Весь арсенал моих средств убеждения был исчерпан. Они не понимали. Почему-то мне никогда не приходило раньше в голову, что контакт может оказаться столь сложным процессом. Вот я, разумное существо, известный ученый, нахожусь перед глазами представителей другой разумной расы. Да, среда обитания у нас разная, да, мы отличаемся размерами, да, облик наш различен. Но почему же я понимаю, что они разумны, и стараюсь войти с ними в контакт? Они же упорствуют, не реагируют на мои знаки, кидают в меня кусками мяса, морят голодом.

Заглянула жена Удалова Ксения, подивилась на уродца в банке:

— Я такого видала. В книге «Дары моря». Там показано, как их готовить.

Стендаль убежал в редакцию. Грубин собрался в магазин за рыбой, подкормить пленника. Ксения Удалова, движимая злорадством, поднесла картинку из «Даров моря» к аквариуму и сказал:

— Видал, как вашего брата? А?

— Убери, — велел Грубин.

Мне удалось выцарапать на стенке равнобедренный треугольник. Они должны были его заметить. Я указал на треугольник конечностью. В ответ один из присутствующих открыл громадную книгу и показал мне картинку в ней. На картинке было изображено существо, схожее со мной анатомически. Над этим существом был занесен нож. Мне все стало ясно.

Я оказался не первым космическим путешественником, потерпевшим аварию над безжизненными плоскогорьями. Да и чего еще можно ожидать от существ, живущих в столь не приспособленных для жизни условиях, в безвоздушной среде. Нет, я не мог их укорять.

— Ладно, Корнюша, — сказала Ксения. — Бери книгу, пойдем завтракать. Обойдемся без осьминога.

Ложкин остался один. Он читал Брема, зачитался, перешел к медузам и другим обитателям моря. Грубин как убежал за рыбой, так и не возвращался. Ложкин задремал.

Одно из этих чудовищ осталось меня сторожить. Остальные разошлись. Видно, готовились к пиру. Но я не мог без сопротивления сдаться на милость победителя. Нет, тем более что милости ждать не приходилось.

Неужели, если провалилась попытка контактов, я не найду выхода? Это позорно для разумного существа. Бороться до последнего вздоха, до последнего заряда в бластере! Именно так.

Я задумался. Последний заряд в бластере я приберегу для себя. Их убить я не могу — выстрел мой в одного из них лишь причинил ему боль. И все. Но бластер может мне пригодиться. Причем надо спешить.

Я ощупал стенки и пол. Стенки были сделаны из хрупкого материала. Другое дело пол. Пол был металлическим, и металл был мягким. Это внушало некоторые надежды.

Я включил бластер на полную мощность и направил его в пол. Воздух вскипел, обжигая меня. В полу образовалось отверстие. Я не обращал внимания на боль от ожога, заткнул отверстие одной из моих десяти конечностей. Потом бросил взгляд на сторожа. Он спал. Очень хорошо. Я пробуравил еще одно отверстие в полу. И также заткнул его конечностью. Я успел пробуравить шесть отверстий — этого было достаточно. Но тут в помещение вошел мой главный тюремщик. Он нес нечто завернутое в белый материал. Он положил нечто рядом с моим домом, развернул его с шуршанием. Там обнаружилась часть существа, подобного тому, что напало на меня столь недавно в злосчастной котловине. Тюремщик отодрал кусок и бросил ко мне.

— ...Не жрет, ну что ты будешь делать! — огорчился Грубин.

Ложкин проснулся, сказал, что пойдет писать письмо в Академию наук, потом вернется.

— А мне надо сходить на работу, — сообщил Грубин. — Постараюсь вернуться поскорее. Может, у реки ракушку найду.

— Бесполезно, — сказал Ложкин. — Мы отвезем его в спирте.

Я еле дождался того момента, когда все, кроме покрытого шерстью существа с острыми зубами, сожравшего мясо, ушли. Существо вроде бы не обращало на меня внимания. Я просунул в отверстия шесть конечностей. Четырьмя оставшимися я придерживал верхние края открытого сверху прозрачного дома. Я был готов к нелегкому и, всего вернее, трагическому пути.

Конечности коснулись возвышения, на котором стояла моя тюрьма. Я поднатужился, просунул их подальше, приподнял себя вместе с тюрьмой и вновь обрел подвижность. Превратив свою тюрьму в своеобразный неуклюжий скафандр, я подошел к краю возвышения. Далеко внизу находился пол комнаты. Придется прыгать — другого выхода нет.

Покрытое шерстью существо с острыми зубами приподнялось, заметив мои движения, и выгнуло спину. Я переложил бластер в одно из свободных щупалец. С ним я постараюсь справиться.

Самый решительный момент! Я оттолкнулся шестью конечностями и прыгнул вниз, стараясь не нарушать равновесия. Конечности мои вошли в соприкосновение с твердым полом помещения. Меня пронзила жуткая боль. С трудом я удержался на ногах. Но, стиснув зубы, я поборол дурноту и поспешил к выходу.

Применять бластер не пришлось. Увидев, как я вместе с прозрачным домом спрыгнул с возвышения и направился в его сторону, страж, покрытый шерстью и вооруженный острыми зубами, поднял кверху пушистый хвост и в панике, издавая громкие звуки, бросился вон из помещения. Я внутренне ухмыльнулся. Жестокие твари всегда самые трусливые.

Весь мой расчет был на неожиданность и на мою хорошую память. Направление к котловине, к моему кораблю было известно. Только успеть, пока не кончится воздух. Только успеть!

Я прошел по длинному коридору и по ступеням, превышавшим меня ростом, спустился на равнину, окруженную со всех сторон жилищами чудовищ. В одном месте в жилищах был разрыв — туда и направил я свои шаги.

Но не прошел я и половины пути через пыльную равнину, как громкий крик донесся до меня. Я обернулся. В одном из окон появилась голова того существа, которое показывало мне жестокую картинку в книге. Существо кричало, показывая на меня. Задыхаясь от напряжения, на подгибающихся от неимоверной тяжести конечностях я припустился дальше.

— ...Ой, батюшки мои светы! — закричала Ксения не своим голосом. — Что же это творится!

— Чего там? — спросил Корнелий, не отрываясь от супа, потому что привык к тому, что жена его всегда преувеличивала важность и трагичность событий.

— Ой! — голосила Ксения. — Оно бежит на шести ногах! Спасайтесь, кто может!

Этого Удалов уже вынести не смог. Он подошел к окну, выглянул наружу, и глазам его предстало невероятное зрелище. По двору, направляясь к воротам, бежал аквариум.

Из-под аквариума высовывались щупальца осьминога, остальными он придерживал края, чтобы не расплескать воду. Бежал осьминог со скоростью трехлетнего ребенка, и глаза его угрожающе поблескивали сквозь толщу воды.

Удалов укусил ложку, которую держал во рту, и чуть не сломал зуб.

Из окна сверху высунулся Ложкин, а из других окон прочие обитатели дома, и те, кто знал об осьминоге, и те, кто о нем и слыхом не слыхивал. Поднялся невероятный шум, переживания, некоторые испугались, а некоторые не поняли и стали аквариум приободрять и подстегивать: «Давай, жми!»

В воротах аквариум чуть не столкнулся со Стендалем, который забыл записать данные о жизни осьминогов в естественных условиях и возвращался к Ложкину, чтобы поглядеть в Брема.

Миша Стендаль при виде бегущего аквариума подлетел кверху, схватился за перекладину ворот и повис, поджав ноги, хотя был не очень трусливым человеком. Аквариум задержался на мгновение под Стендалем, одно из щупалец поднялось над стенками, и оттуда вылетела маленькая молния, вонзившаяся в Стендаля сзади.

Аквариум выбежал из ворот и бросился вдоль по улице. Опомнившееся население дома № 16 выскакивало из окон и дверей и мчалось вслед. Прохожие на улице останавливались, жались к домам, ахали или смеялись, полагая, что это не осьминог, а детская проделка, шалость.

Аквариум чуть было не угодил под автобус, но автобус успел затормозить. Потом на пути его встал постовой милиционер Семенов, и аквариум попытался его объехать. Но не тут-то было. Семенов стоял как скала. Тогда аквариум, вернее, осьминог выстрелил в него молнией. Семенов выдержал и это нападение. Со всех сторон сбегалась толпа.

* * *

Я понял, что погиб, тогда, когда на пути моем встал один из них, облаченный в серую одежду с блестящими пуговицами.

Я метнулся в сторону, разрядил в него бластер. Пути вперед не было. Все кончено. И самое ужасное, что бластер полностью разряжен. И я не могу пустить себе заряд в голову.

Массы чудовищ сбегались со всех сторон. Для них это оказалось развлечением. Для меня — трагедией.

Тогда я вытащил конечности из отверстий в полу домика, и воздух с журчанием потек наружу, пыль вокруг меня темнела. Живым я им в руки решил не даваться.

Грубин подоспел к сбежавшему осьминогу, когда в аквариуме уже почти не осталось воды. Люди смотрели на это растерянно и не понимали, что осьминог собирается кончить жизнь самоубийством.

— Воды! — закричал Грубин. — Немедленно воды! Он погибнет без воды!

— Воды, — сказал постовой Семенов.

Осьминог безжизненной кучкой слизи лежал на мокром дырявом полу аквариума.

Кто принес кастрюлю, кто ведро, кто просто чашку или стакан. Грубин выбрал ведро почище, осторожно положил туда осьминога, потом взял в другую руку аквариум.

В этом виде его и сфотографировал Миша Стендаль. И этот снимок обошел потом многие газеты мира.

Я пишу эти строки специально сконструированной для меня ручкой на белых пластиковых листах. Пишу крупно, чтобы академик Полосов, милейший старик, мог разобрать мои записки без микроскопа.

Сейчас, когда кончится моя содержательная беседа с Полосовым и Машенькой, нашей секретаршей, придет Ксения Удалова, принесет мне вишен. Чудесные вишни растут в городе Великий Гусляр, даже не представляю себе, как я обойдусь без вишен в Москве. Но Саша Грубин, мой старый друг и спаситель, поклялся, что возьмет с собой в Москву килограмма два. И я ему верю, он тоже милейший человек. Не так образован, как академик Полосов, но ведь Грубин не имеет высшего образования. Но что-что, а докторскую степень я помогу ему получить. Хотя бы за открытие меня.

РОДИМЫЕ ПЯТНА

Беда случилась часов в шесть вечера, но сначала никто не сообразил, что же произошло.

Инопланетный корабль в лучах вечернего солнца казался облаком, лишенным четких форм, переливчатым и совершенно безопасным.

Он отделился от облачной гряды и медленно поплыл над лесом, снижаясь к окраине городка, где вдоль пыльных улиц выстроились за палисадниками одноэтажные домики. Над последним, еще новым домом корабль-облако завис надолго, но это не вызвало ни в ком тревоги. Даже собака Тренога, существо на редкость злобное и сварливое, тявкнула раза два на облако, потом забралась в будку и задремала. В тот момент в доме находились Марья Степановна, ее дочь Леокадия и внучка Сашенька, которая была больна ангиной и капризничала. Семенский, муж Леокадии, еще не вернулся с работы.

Очевидцы рассказывали: облако, повисев несколько минут над домом Семенских, вдруг обрушилось на него, окутало дом, как туманом, затем поднялось вновь, набирая скорость, пока не смешалось с прочими облаками и тучами.

Дом исчез. Исчезли также палисадник, заросший сорняками, будка с Треногой и хозяйственные постройки. Осталось пустынное место, где не росло ни травинки, а также квадратная яма от фундамента.

Примерно через пять минут пустоту на месте соседского дома увидела Прасковья Ильинична. Она не поверила собственным глазам, выбежала из дому, потом дошла до границы своего участка, заглянула через забор, но дальше двигаться не посмела, а вернулась в дом и разбудила мужа. Муж сперва отказался идти смотреть на соседский дом, но, видя, что Прасковья рыдает, выглянул в окно и послал жену за милицией.

Старшина Пилипенко прибыл на место происшествия через десять минут. После исследования пустой площадки, вокруг которой собрался уже народ, старшина задал вопрос:

— Кто последним видел здесь дом?

Никто не смог в этом признаться, хотя многие подтвердили, что обычно здесь стоит дом Семенского, еще не вернувшегося со службы.

Затем приехала «Скорая помощь», водитель которой подтвердил общее мнение, что дом Семенского должен стоять на этом месте. Старшина Пилипенко пребывал в растерянности, так как должен был принять меры, прежде чем докладывать начальству,

но характера мер он не знал. Кто-то предложил оцепить пустую площадку веревкой, но площадка и без того была отгорожена забором. Тогда Пилипенко послал в райисполком за планом квартала.

Семенский, который шел домой, не подозревая дурного, издали заметил густую толпу, но своего дома не увидел. Он сразу понял, что дом сгорел, что было наиболее вероятным объяснением. Это его так поразило, что он остановился посреди дороги. Тут его увидели, и толпа расступилась, открывая Семенскому проход к старшине Пилипенко, стоявшему посреди пустого участка.

— Люди живы? — крикнул Семенский издали, не в силах сделать ни шагу.

— Вы хозяин? — спросил Пилипенко.

— А где дом? — крикнул Семенский.

— Не бойтесь! — ответил Пилипенко. — Пожара не было.

Кто-то из присутствующих всхлипнул.

Семенский вышел на пустое место, огляделся, не узнавая своего участка, и куда бы он ни бросал взгляд, наталкивался на внимательные и печальные взгляды.

— Люди где? — спросил он у старшины Пилипенко.

— Какие люди?

— Моя семья. Дочь, жена, теща Марья Степановна?

Старшина Пилипенко обратил глаза к зрителям, и в толпе закивали.

— Еще утром были, — сказал кто-то.

— Может, уехали? — спросил старшина.

— Его теща от дому никуда, — объяснили из толпы. — Страшного нрава и дикости женщина.

— У меня и жена была, — сообщил Семенский, присел на корточки и поковырял ногтем землю.

— Там ничего нет, — сказал водитель «Скорой помощи». — Материк. Провалиться не могли.

— А где дом? — спросил тогда Семенский у старшины.

— По этому поводу меня и вызывали, — произнес старшина. — Но вы не волнуйтесь, разберемся.

— Может, вам укол сделать? — предложил врач «Скорой помощи».

— Зачем? — спросил Семенский. — Это уже не поможет.

— Держись, — сказал водитель «Скорой помощи».

— Утром я уходил, они здесь были, — проговорил Семенский.

— Леокадия ко мне днем забегала, — подтвердила одна из соседок. — За солью. Если бы что, она бы рассказала.

— Тут облако странное висело, — вспомнила другая соседка. — Я в небо смотрю, а оно висит. Вот, думаю, странное облако.

— Почему не сообщили? — спросил строго старшина.

— Куда сообщать? — удивилась соседка. — Об чем сообщать?

Старшина не ответил.

— Нет, — решил Семенский. — Надо что-то делать. Что же вы стоите?

Прибежал посланный из райисполкома. Принес план квартала.

Стали смотреть, сверять план с действительностью. Оказалось, что дом Семенского на плане не значился. Тогда старшина Пилипенко ушел в отделение доложить и испросить указаний. Семенский остался на участке, сказал, что подождет, хотя соседи звали его к себе. Кто-то принес стул. Семенский сел на стул посреди пустого места. Соседи разошлись по домам, но часто подходили к окнам, выглядывали и говорили:

— Сидит.

Семенский думал. Он прожил на свете сорок один год, работал сантехником, зарабатывал прилично, почти не пил, значительных событий до того с ним не происходило, он их и не ждал.

Пустота участка, даже какая-то подметенность говорили за то, что дом убран надолго, может, навсегда. Соседи или недоброжелатели сделать это с корыстными целями не могли, теща при всей своей вредности и нелюбви к Семенскому не решилась бы на такой шаг. Да и Леокадия бы не позволила — новый дом, второй год как построен, в нем жить да жить... А вдруг они уже не вернутся? Эта мысль смутила и расстроила Семенского, и вот по какой причине: дело в том, что еще час назад он мечтал как раз об этом. Он подумал тогда, как хорошо бы прийти домой, а на дверях бумажка: «Мы уехали к тете Анастасии в Мелитополь. Вернемся через два месяца». Или еще лучше: «Мы уехали в Бразилию. Жди через...» Вот было бы блаженство. Приходишь домой. Тренога не норовит тяпнуть за пятку, теща не кричит на тебя за то, что ты ноги не вытер, жена не пилит, что премию маленькую дали, дочка не упрекает, что у нее нет велосипеда. Тишина, благодать... А вдруг есть какая-то высшая сила? И эта сила услышала его желание. И приняла меры. Как бы вняла его молитвам.

«Постой-ка, — сказал себе Семенский. — Получается, что я ликвидировал своих ближайших родственников посредством глупого желания. А им каково? Где они теперь? Может быть, пойти в милицию, все объяснить и потребовать себе наказания? Нет, сначала попробуем сами исправить».

Соседи, глядевшие из окон, увидели, как Семенский сполз со стула, встал на колени и, обратив к небу лицо, начал шевелить губами: «Господи или какая там есть высшая сила! Я же не всерьез просил. Это была минутная слабость. Верни их, пожалуйста, и тещу, и жену, и дочку, и собаку Треногу». Соседи не слышали, конечно, шепота, но понимали, что в поисках утешения Семенский обратился к небу, и некоторые сочувствовали ему. Они понимали, что нет ничего хуже, как вернуться с работы домой в ожидании борща и телевизора, а вместо этого найти голый участок.

Когда Семенский убедился, что ответа с неба ему не будет, он снова сел на стул и так просидел до самой ночи, раскаиваясь и вспоминая редкие добрые моменты своей жизни, а иногда принимался беззвучно плакать, раскачиваясь на стуле. Соседи по очереди приходили к нему, приглашали к себе, но он мотал головой.

Без четверти двенадцать ночи на участок пришел старшина Пилипенко. Поняв, что добром Семенского не уговоришь, старшина препроводил его в отделение милиции, поместил в пустовавшую камеру предварительного заключения и дал две таблетки элениума. Потом накрыл Семенского поверх казенного одеяла своей шинелью и запер до утра, чтобы в расстройстве Семенский чего не натворил.

Утром на голый участок начали ходить люди с других улиц. Посетило его городское начальство. Всем старшина Пилипенко показывал план квартала. Семенский снова сидел на стуле. «Вот теща Марья Степановна, — думал он, — она кажется злобной и сварливой. Но ведь она думает, как сделать лучше, в ней есть доброта, только скрывается она под грубой и неприятной оболочкой. И вообще, в людях надо искать доброе. Даже в животных. Что из того, что Тренога бросается на своих? Она и на чужих лает, значит, и от нее есть польза. А что жена жадная и не очень умная женщина, что ж, другой я не заслужил, тоже мне — красавец. Она по-своему меня жалеет. Когда третьего дня теща бойкот затеяла, Леокадия мне тарелку супа налила, добровольно...»

Тут на двух «Волгах» приехала комиссия из области. В комиссию входили два профессора, полковник и люди в темных костюмах, которым положено разгадывать тайны. Они долго рассматривали, брали пробы земли и воздуха, сомневались, расспрашивали Семенского, правда ли он вчера еще здесь жил? Семенский подтверждал, стоял на своем твердо, хотя в глубине души уже начал сомневаться, даже показывал им паспорт, в котором были штамп о браке, прописка и запись о дочери.

Отойдя в сторону и совещаясь, гости из области несколько раз повторили слова «космический вариант», «неопознанные объекты», потом заспорили, а уезжая, вежливо попрощались с Семенским за руку и выразили сочувствие.

Пилипенко остался на участке. С Семенским они уже сблизились, Пилипенко принес Семенскому бутылку пива, потом стал рассказывать историю своей неудачной женитьбы. Семенский тоже рассказал о своей семье, но мягко, вспоминая только хорошее. Они так разговорились, что не заметили, как над участком повисло сизое облако, а потом начало медленно снижаться. Не исключено, что их пришибло бы, но сосед разглядел в облаке космический корабль и закричал из своего окна, чтобы они бежали в сторону.

Они отбежали. Из корабля спустились дом, собачья конура, огород и хозяйственные постройки. Семенский и Пилипенко смогли вблизи разглядеть космический корабль, который поблескивал сквозь облако, и увидели, как осторожно разжимаются огромные металлические клешни, освобождая пленный дом.

Дом чуть покачнулся и встал точно на положенное место.

— Повезло, — сказал Пилипенко. — Могло и придавить.

В мгновение ока улица заполнилась народом, хотя никто не осмелился подойти близко. Все наблюдали и ждали появления людей или хотя бы действий со стороны Семенского.

Семенский не сразу сдвинулся с места. А вдруг он откроет дверь, а там обнаружатся бездыханные тела?

Семенский посмотрел на Пилипенко. Пилипенко ответил выразительным взглядом. Пилипенко, конечно, понимал, что ему, как представителю власти, следовало бы сделать первый шаг. Но ведь и милиционер остается в глубине души просто человеком и страшится неизвестности. Пилипенко легче было бы знать, что в доме скрывается особо опасный и вооруженный преступник, чем погибшие в небе невинные женщины и дети.

И в этот страшный момент неизвестности из конуры выглянула собака Тренога, увидела хозяина и со всех ног бросилась к нему. Семенский отступил было, опасаясь злобного нападения, но собака ни о чем подобном и не помышляла. Мотая хвостом, она принялась ласкаться к Семенскому, прыгать на задних лапах, радуясь после разлуки. Семенский растрогался, осторожно погладил ее по курчавой макушке, а Пилипенко сказал:

— Возможен благополучный исход.

И он был прав.

В тот же миг растворилось окошко, и оттуда выглянула Марья Степановна, полная женщина с выразительным, но обычно суровым лицом.

— Коля, милый! Чего стоишь, заходи! Товарища милиционера приглашай.

Семенский открыл рот, чтобы ответить, но ответить не смог,

потому что никогда еще не слышал от тещи подобного приглашения.

— Пошли, — поторопил Пилипенко. — Зовут.

Из двери выбежали Леокадия и дочка Сашенька. Они со всех ног подбежали к отцу, обхватили его руками, принялись целовать и ласкаться.

— Как ты тут без нас? — воскликнула Леокадия.

— Он ничего не ел! — крикнула теща из окна. — Я разжигаю плиту!

А дочка Сашенька безмолвно прижалась к папиной ноге.

Старшина Пилипенко сказал, что вообще-то ему надо снять с семьи Семенских показания по части таинственного отсутствия, но делать это он будет не сейчас, а завтра, чтобы не мешать семейной встрече. И ушел.

Семенский, сопровождаемый подобревшей Треногой, вошел в дом и с первого взгляда поразился происшедшим в нем переменам. В доме было чисто. Хрустально, окончательно, невероятно. Куда исчезли жуткие следы деятельности тещи, которая имела обыкновение собирать по улицам барахло (а вдруг пригодится?). Где пыль, которую полгода не могла собраться вытереть ленивая Леокадия? Где ломаные игрушки Сашеньки, почему они не валяются под ногами?

Но как следует разобраться Семенский не успел — теща расторопно накрывала на стол, поглядывая на него ласковыми глазами, которые так украшали ее прежде недоброе лицо. Сашенька добровольно и безропотно побежала мыть ручки, а Леокадия достала из буфета графинчик, сама поставила на стол, чтобы выпить за благополучное возвращение.

— Как вы? — обрел наконец дар речи Семенский, усаживаясь за стол.

— У нас все в порядке, — первой отозвалась Сашенька. — Мы очень по тебе скучали. А ты?

— Я тоже, — сказал Семенский. — Я думал, что вас совсем унесло.

— И почувствовал некоторое облегчение, — добавила теща с улыбкой. — Что греха таить, нелегко с нами приходилось.

Семенский открыл рот, услышав такое странное признание от несгибаемой Марьи Степановны, и тут взгляд его упал на шею жены Леокадии. Что-то было не так. Потом понял: отсутствовало родимое пятно под ухом.

— Леокадия, — произнес он тихо, потрясенный страшным подозрением. — Где пятно?

Он показал пальцем на шею жены, и тревожные мысли побежа-

ли в его мозгу: это не его семья! Его семья не такая. Его дом не такой... Он машинально поднес ко рту ложку с борщом и понял, что и борщ не тот — такого вкусного борща ему в жизни не приходилось есть. Его семью подменили!

— А-а-а! — закричал Семенский, в ужасе вскакивая из-за стола. — Пустите меня! Это не вы!

Никто не поднялся вслед за ним. Печальными взглядами семейство проводило его до дверей. В дверях Семенский остановился.

— Возражайте! — закричал он. — Вы мои родственники или космические пришельцы, засланные, чтобы уничтожить нас изнутри?

— Если ты о родимом пятне, — спокойно объяснила Леокадия, — то мне его удалили, потому что со временем оно могло превратиться в злокачественное образование.

— А мне аппендицит вырезали, — сообщила Сашенька. — И гланды. Хочешь посмотреть, папочка?

Семенский вернулся в комнату и посмотрел в широко открытый ротик дочери. Ничего там не увидел, но это действие и теплая доверчивость ребенка немного развеяли тревогу.

— А зачем? — спросил он. — Кто им позволил?

— Ты садись, Коля, остынет, — напомнила Марья Степановна. — Мы от тебя ничего не скроем.

Семенский послушно ел борщ и наслаждался его вкусом после столь долгой и нервной голодовки. А Марья Степановна с помощью Леокадии рассказывала:

— Мы сначала очень испугались. Даже плакали. Живем на Земле, ждем тебя с работы, а вдруг нас уносят в небо. Мы сначала даже не сообразили, что к чему.

— Но нам объяснили, — вмешалась Леокадия. — С нами лично имел беседу Поколвух.

— Кто?

— Поколвух, их начальник, очень культурный человек, — ответила Марья Степановна. — Он искренне полюбил Леокадию.

— И я его полюбила, — сообщила Леокадия.

— Еще чего! — воскликнул Семенский. — Еще этого не хватало.

— Папочка, не ревнуй, — проговорила Сашенька. — Он зеленый, мне по плечо и на трех ножках.

Это немного успокоило Семенского. Если его дочка — его дочка, а не обман, она врать не будет.

— Они к нам прилетели, — сказала Марья Степановна, — для изучения нашей жизни.

— Кто их звал? — сопротивлялся Семенский. — Что это за маневры?

— Ученые они, понимаешь, папочка. Им очень интересно, как мы живем, к чему стремимся.

— Сашенька права, — поддержала Марья Степановна, снимая с плиты восхитительные котлеты. — Мы сначала сопротивлялись, а потом с нами побеседовали, все объяснили.

— И мы поняли, — заключила Сашенька.

Собака Тренога вежливо тявкнула из-под стола.

— Вопрос был принципиальный, — продолжала Марья Степановна. — Доросли ли люди до контактов с межзвездной цивилизацией или еще нет? Тогда они выбрали самый обычный дом в самом обычном городе и взяли нас на время, поглядеть...

— Мы очень сначала расстроились, — перебила Леокадия. — Ох, как много оказалось в нас всякой требухи, всяких родимых пятен, мещанства, суеверий, злобы и сварливости.

— Особенно во мне, — улыбнулась Марья Степановна.

— И во мне тоже, — призналась Леокадия.

— Нам показали возможности, которые открываются перед человечеством в галактическом содружестве, показали счастливый мир общемировой дружбы и потом спросили, не возражаем ли мы, если они попробуют избавить нас от недостатков как физических, так и моральных, — сказала теща.

— Мы их сначала не поняли, — добавила Леокадия. — Мы думали, что в нас нет недостатков, что все недостатки в окружающих.

«Ох, — подумал Семенский, — как она гладко говорит. Может, это все-таки подставная жена?»

Но тут Леокадия кинула на него ласковый взгляд, какого не кидала со времени свадьбы. Этот взгляд Семенский ни с чем бы не спутал.

— Их интересовало, — сказала Марья Степановна, — можно ли нас от недостатков избавить? Наносные ли они или неисправимые? Если неисправимые, то придется объявить на Земле карантин на тысячу лет. А если в основе своей люди не так уж злы и плохи, то еще, как бы сказать, не все потеряно.

— И вы согласились?

— Мы несли ответственность за всю планету, — серьезно ответила Марья Степановна.

— Зато когда нас отпускали обратно, то жали нам руки и очень радовались, что теперь не надо карантина. Все исправимо. Ты кушай, кушай. Я там краткий курс всемирной кухни прошла, буду тебя баловать разносолами...

Ночью, нежась в сладких объятиях жены, Семенский испытал большое чувство благодарности к зеленым исследователям. Правда, это чувство несколько уменьшилось, когда Леокадия шепнула ему:

— С завтрашнего дня будем с тобой, мой драгоценный, готовиться к институту. За нашей семьей налажено деликатное космическое наблюдение. Нам бы не хотелось тебя стыдиться...

— Надеюсь, ты не обидишься за нашу прямоту, — сказала утром Марья Степановна. — Но человеку свойственно стремиться к прогрессу, к свершениям.

— По большому счету, — закончила Сашенька, подняв пальчик.

Давно не плакал Семенский. Даже потеряв семью, он не проронил ни слезинки. Но сейчас что-то горячее заструилось по его щекам. Семенский зарыдал. Семенский с душевным трепетом и глубокой радостью вступал в новую жизнь...

Соседи и знакомые завидуют Семенским. Загляните к ним домой, пусть даже невзначай, не ко времени. Даже если в этот момент Семенский повторяет неправильные глаголы, Леокадия погружена в тайны интегрального исчисления, Марья Степановна пишет очередное эссе об охране животного мира, а Сашенька, закончив уроки, дышит по системе йогов. Даже в такой момент вам будут рады. Любой гость — награда для этой скромной семьи. Марья Степановна, с помощью родных, быстро приготовит скромное, но вкусное угощение, остальные будут развлекать вас интересным разговором об Эрмитаже, о новых археологических открытиях и моральном совершенствовании. И если вы не укоренившийся в отсталости человек, вы уйдете от Семенских душевно обогащенным, удовлетворенным и чуть подросшим.

Сам Семенский за прошедшие полгода сильно изменился в лучшую сторону. Он пополнел, но не чересчур, от хорошей калорийной пищи и обязательных утренних пробежек рысцой. Во взгляде его присутствует светлая задумчивость, даже увлеченность. Семейное счастье, буквально обрушившееся на него с неба, требует ответных действий. Он отличный работник, передовик, после работы всегда успевает забежать в магазин, купить картофель или стиральный порошок, уделить час, а то и больше общественной деятельности — и торопится домой, где его ждут занятия и добрые улыбки ненаглядных родственников.

Вот именно в такой момент его и встретил недавно старшина Пилипенко. Семенский тяжело ступал по мостовой, потому что

нес на голове телевизор «Горизонт» из починки, в правой руке сумку с бананами, в левой портфель, набитый научными монографиями.

— Здравствуй, Коля, — сказал ему старшина. — Не трудно тебе? Может, помочь?

— А кто будет бороться с трудностями? Кто будет закаляться? — спросил Семенский.

— Ты прав, — вздохнул старшина. — Тебе сказочно повезло. Ведь могли другой дом захватить. И оставался бы ты со злой тещей и отрицательной женой, как другие несчастливцы.

— Могли. — Коля осторожно опустил на землю тяжелые сумки. — И все было бы как у людей.

— Тебе, наверное, теперь на нас смотреть противно, — предположил старшина.

— А я не смотрю. Некогда.

— Может, пива выпьем?

— Пиво вредно, — ответил Семенский.

— Ты прав, — согласился старшина. — Вредно. Но я уже сменился. Приму кружку.

И вдруг, к своему удивлению, старшина увидел, как глаза Семенского наполняются слезами.

— Ты чего?

— Ничего, все в норме... Пройдет... Ну хоть бы разок тявкнула!

— Ты о ком?

— О собаке своей, Треноге. Знаешь, Пилипенко, она со всей улицы бездомных котят собирает к себе в конуру. И облизывает.

— Смотри-ка...

— А теща их шампунем импортным моет. А у жены ни одного родимого пятна не осталось!

— Да, приходится соответствовать, — сказал Пилипенко. И не знал уже, радоваться за Семенского или...

Вдруг телевизор на голове Семенского покачнулся, рухнул со всего размаха в пыль — Пилипенко его подхватить не успел — и вдребезги. Семенский обратил тоскующий взор к небу, где висело одинокое вечернее облако, и спросил:

— Наблюдаешь?

— Ты чего? — удивился Пилипенко, который стоял в пыли на коленях, сгребая в кучу остатки телевизора. — Это же просто облако.

— А вдруг не просто?

Стояла вечерняя тишина, даже собаки молчали. И в этой тишине к небу несся усталый голос Семенского:

— Может, возьмете их обратно? Хоть временно...

СОБЛАЗН

1

Ипполит Иванов возвращался домой по Пушкинской. Шел бесконечный дождик, к которому за неделю все уже привыкли. Воздух так насытился водой, что зонт не высыхал и пропускал воду. Ипполит смотрел под ноги, потому что встречались глубокие лужи.

Когда он перепрыгнул через очередную лужу, то увидел, что в следующей плавает, вниз лицом, ценнейшая марка, посвященная перелету Леваневского через Северный полюс. Марка настолько ценная, что Ипполит Иванов никогда ее раньше не видел.

Впоследствии Ипполит Иванов не раз задавал себе вопрос, как он мог угадать марку, которую никогда раньше не видел, с первого взгляда при условии, что она плавала в луже лицом вниз, то есть была недоступна обозрению.

Но сомнений у Ипполита не было.

Он замер над лужей, как обыкновенная гончая над выводком райских птиц. Потом почему-то сложил зонт и уронил его на землю. Затем сел на корточки и осторожно подвел ладонь под плавающую марку. Та, как рыбка, скользнула подальше от края лужи, не далась. Ипполит Иванов сделал шаг в лужу, уйдя по щиколотку в воду, и другой рукой отрезал марке путь к отступлению. Она попыталась было прорваться в открытую воду, но вскоре сдалась и легла на ладонь Ипполита. Ипполит поднял ладонь к глазам, пальцами другой руки приподнял марку за уголок, перевернул и снова положил на ладонь. Да, это была марка, посвященная перелету Леваневского через Северный полюс, перелету, из которого отважный летчик не вернулся. Мокрое мужественное лицо летчика смотрело на Ипполита, надпечатка выглядела четко, буква «ф» в слове Сан-Франциско была маленькой, что умножало редкость и цену марки.

Держа ладонь ложечкой, Ипполит достал свободной рукой из верхнего кармана пиджака пробирочку с валидолом и, зубами вырвав пробку, высыпал в рот три таблетки. Он жевал их, как изюм, и думал, что теперь не имеет права болеть или умирать, потому что его жизнь обрела новый смысл.

Придя домой, Ипполит Иванов посмотрел на жену отсутствующим взглядом, отказался от обеда и, принеся из туалета рулон бумаги, отмотал метра два, чтобы соорудить ложе для марки, которой надо было высохнуть, согреться и привыкнуть к новому дому.

Только когда она уютно устроилась в колыбели из туалетной

бумаги и вроде бы задремала, Ипполит Иванов догадался, что марка эта — чужая.

Коллекционеры бывают двух типов. Первый тип довольствуется самим фактом обладания. Он может держать в банковском сейфе голубого Маврикия или стодолларовик Джохора и встречаться со своими сокровищами раз в два года. Второй тип должен общаться с иными филателистами, чтобы те могли оценить его приобретения и достижения, разделить его радость или, что бывает чаще, горько позавидовать его удаче. Удача, выпавшая на долю Ипполита, была невероятной, сказочной, недоступной трезвому разуму, и потому, как только миновал первый восторг, Ипполит понял, что так быть не может.

Город Великий Гусляр сравнительно невелик, организованных филателистов, включая школьную секцию, там восемьдесят шесть человек, и все солидные коллекционеры не только знакомы друг с другом, но и знают, у кого что где лежит.

Известно, что одна такая марка была у старика Ложкина. Но старик Ложкин относится к нечастому в нашей стране первому типу замкнутых коллекционеров, его коллекцию мало кто видел. Ипполит в число избранных не попал. Наверное, окажись такая редкость у кого-нибудь еще, об этом знал бы весь Великий Гусляр.

Значит, сказал себе Ипполит Иванов, это марка Ложкина. Значит, Ложкин вышел в дождь гулять со своей бесценной маркой, она выскользнула у него из руки и упала в лужу.

Маловероятно.

Ни один коллекционер не возьмет с собой под дождь такую ценнейшую вещь и не отпустит ее в лужу. А если вдруг такое случится, бросится за ней вплавь.

Но если Ложкин не заметил? Нес, допустим, свой альбом, чтобы спрятать от возможных грабителей в камере хранения... Не получается. Железной дороги в Гусляре нет, и камеры хранения нету тоже. Ну ладно, нес он альбом показать своему близкому другу... Да какие могут быть друзья у этого скопидома и скандалиста?

— Я честный человек? — спросил Ипполит Иванов у жены.

— Ты обедать будешь, в конце концов? — ответила вопросом жена.

— Я честный человек? — повторил Ипполит.

— Это еще испытать надо, — сказала жена.

— Вот именно, — подтвердил Ипполит. — Вот именно.

И он решил тут же отнести марку старику Ложкину.

Марка уже чуть подсохла, в туалетной бумаге ей нравилось, но она не возражала, когда Ипполит вложил ее, не разворачивая, в паспорт, сунул во внутренний карман пиджака и пошел к двери.

— Ты, значит, обедать не будешь? — спросила жена.

— Значит, не буду, — согласился Иванов.

Ипполит был с Ложкиным еле знаком — иногда встречались в обществе коллекционеров, но даже не всегда здоровались. Иванова начали раздирать сомнения иного рода. Вот он, Ипполит Иванов, получил в руки негаданное счастье, сразу же подумал о собственной честности. И собственная честность повлекла Ипполита Иванова к старику Ложкину. Но означает ли это, что старик Ложкин настолько же чист и благороден, как Иванов? Допустим, он не терял этой марки. Допустим, она лежит спокойно в его альбоме. Но, увидев вторую марку, старик Ложкин быстро сообразит, что ему тоже улыбнулось счастье, и скажет: «Ах, я эту марку сегодня утром потерял. Какое большое спасибо, что вы ее вернули мне!» И останется он с двумя марками. А Ипполит Иванов, спаситель этого ничтожного клочка бумаги, останется с носом. И опасения Иванова были не беспочвенны, так как среди филателистов иногда, в виде исключения, встречаются нечестные люди. Один из них — не будем называть его фамилии — в прошлом году подсунул Ипполиту марку с подклеенными угловыми зубцами, а когда Иванов обнаружил подлог, то притворился, будто видит эту марку впервые в жизни. Но такие граждане не типичны для нашего общества и в ближайшем будущем вообще исчезнут.

Размышляя таким образом, Иванов замер у ворот дома № 16 и довольно долго топтался, не замечая, как дождь стекает по лицу. В этой нерешительной позе Иванова застал Корнелий Удалов, который как раз шел домой, потому что у него жил гость и гостя пора было кормить, а жена Ксения отказывалась это делать.

— К нам? — спросил Удалов. — Давно не заходил.

— К Ложкину, — ответил Ипполит.

Они были знакомы с Удаловым и даже учились в школе в параллельных классах.

— Так чего же стоишь? У него свет горит, — сказал Удалов.

И Ипполиту ничего не оставалось, как последовать за Корнелием.

Удалов повернул с лестницы к своей квартире, а Ипполит позвонил Ложкину.

Ложкин долго не открывал. Потом наконец дверь дрогнула и уехала внутрь квартиры. Ложкин был встрепан, небрит, озабочен, одет в старый халат до полу и шлепанцы.

— Здравствуйте! — слишком громко и радостно воскликнул Иванов. — Принимаете филателистов?

— Добрый вечер, — ответил Ложкин, не двигаясь с места и не пропуская гостя. — Занят я, устал, отдыхаю.

— Я на минутку, — сообщил Ипполит. — Только получить совет — ваша эрудиция широко известна.

Лесть была надежным способом проникнуть в сердце Ложкина. Об этом многие знали.

— Какая уж у меня эрудиция, — возразил Ложкин. — Нет у меня эрудиции. Не осталось. Один маразм.

— И все-таки по части довоенных марок у вас лучшая коллекция. И если вы мне не поможете, никто не поможет. Клянусь, что больше минуты времени не отниму. Один вопрос — и я ушел.

— Ну ладно, проходи, — сдался Ложкин. — Только в прихожей побудь. С тебя капает.

— Это правильно, — согласился Иванов. — На улице дождь.

— Что за вопрос?

— Хочу взглянуть на вашего Леваневского. На перелет.

Лицо Ложкина изменилось к худшему. Оно побледнело, и щеки опустились к углам рта.

— Какой еще Леваневский! — закричал Ложкин. — Не знаю никакого Леваневского.

Но забота о возможной потере, происшедшей у Ложкина, соединенная с надеждой оставить марку себе, заставила несмелого в обычной жизни Иванова проявить упрямство.

— Леваневского у вас Штормилло видел, — сказал он, прижимаясь к стене, чтобы не закапать квартиру. — С тонким местом.

— С тон-ким мес-том? — Ложкин вздрогнул, как от удара. — Мой Леваневский с тонким местом? Это твой Штормилло с тонким местом. Ну, погоди!

Ложкин бросился в комнату, и Иванов сделал нечаянный шаг вслед.

— Стой! — приказал ему Ложкин. — У меня квартира сухая!

Ипполит отступил назад, но потом, слыша, что Ложкин вываливает из шкафа кляссеры и альбомы, вытянул шею, любопытствуя, как тот содержит свои марки. И увидел: Ложкин достал толстый кляссер, открыл его и замер. Стоял, согнувшись, спиной к Ипполиту. И не двигался.

— Ну что же! — поторопил Ложкина Ипполит. Марка, завернутая в туалетную бумагу, жгла его сердце. — Нет марки?

Ипполит сказал это, и сердце его, обожженное, натруженное, сжалось до опасного предела.

— Есть марка! — закричал в ответ Ложкин. — Не спровоцируешь!

Он обернулся и пошел к Ипполиту, неся перед собой раскрытый кляссер, как на похоронах генералов несут подушки с орденами.

2

Тем временем Удалов пришел к себе домой, вынул из большой продуктовой сумки гостя, и тот принялся быстро, ловко и изящно зализывать, поправлять раздвоенным языком перышки на своем длинноватом теле. Удалов выложил на стол принесенные из магазина продукты и невольно залюбовался статью и законченностью форм пришельца из космоса, что третий день проживал у Удалова, известного всей Галактике сторонника справедливой дружбы космических цивилизаций и крупного межпланетного деятеля, хоть и занимал он скромный пост заведующего стройконторой в городе Великий Гусляр.

Пока Удалов разворачивал покупки, чтобы обеспечить себе и гостю скромную трапезу, в комнату заглянула его жена Ксения и, увидев на столе пернатую ящерицу с хвостом, почему-то напоминающим деревянную расписную ложку, скривилась, крикнула:

— И сына из дома уведу!

— Не обращай внимания, — сказала ящерица Удалову, когда Ксения, хлопнув дверью, убежала. — У нее нормальная идиосинкразия к ползучим гадам. Это у двуногих случается. Но мы с тобой знаем, как я красив, в первую очередь душевно.

— И внешне ты тоже не урод, — согласился Удалов, хотя был расстроен.

Приятнее, когда в доме царит мир и жена проявляет гостеприимство.

— Ксении характер также небезызвестен в Галактике, — угадал мысли Удалова пришелец, которого для простоты звали Коко. — Бывают жены и хуже. Ты мне кефир согрей. Я предпочитаю разогретый кефир.

И уже потом, когда сели ужинать, Коко добавил:

— Моя жена тебя бы тоже не вынесла.

3

— Посмотрел? — спросил Ложкин, стараясь захлопнуть кляссер. — Убедился?

Ипполит Иванов ловко прижал пальцами край кляссера, не давая ему закрыться. Он пытался разглядеть марку получше. Марка была на листе в гордом одиночестве. Тот же мужественный взгляд пилота, та же скромная надпечатка, даже та же маленькая буква «ф» в слове «Сан-Франциско».

Но не это смутило Ипполита. Не это привлекло его тренированное зрение. Человек, который смог угадать такую марку в луже, да еще оборотной стороной наружу, сразу увидел деталь, которая повергла его в растерянность.

Правый нижний угол марки занимал почтовый штемпель. Ясный, четкий, на котором без труда угадывались буквы «...нинград». Причем первая буква наполовину была срезана зубцами марки, а последняя чуть-чуть вылезала на боковое поле. Точно такой же почтовый штемпель, точно так же расположенный, был на марке, найденной Ивановым. Но штемпели на двух марках не могут быть идентичными!

— Все! — Старик Ложкин вырвал кляссер из рук Иванова, захлопнул его и прижал к впалой груди.

— Нет, — ответил Иванов. — Не все.

Тяжелое предчувствие требовало энергичных действий. Он не мог остаться при подозрении. Любая ложь невыносима!

Иванов достал из кармана паспорт, из него сложенную вчетверо туалетную бумагу, из нее почтовую марку. Смело сделал три шага в комнату и положил свое сокровище на стол.

— Объяснитесь, — сказал он тихо.

Старик Ложкин смертельно побледнел и спросил, еле шевеля губами:

— Откуда это у тебя?

4

— Сколько еще пробудешь у нас? — спросил Удалов у Коко. Коко допил из блюдца кефир, закусил конфеткой, облизал зеленые губы и лениво разлегся среди чашек и тарелок.

— Как дела пойдут, — сказал он. — Сам понимаешь, научная командировка. Пока задание не выполню, придется у вас оши-ваться. Но я не в обиде на начальство. И на Землю летать люблю.

— А в чем задание, если не секрет? — спросил Корнелий Удалов.

— Дирекция института запланировала коллективную монографию «Концепция честности и чести в масштабе Галактики». В тридцати томах. Сроки поджимают, а еще и половина полевых исследований не завершена.

— И многих мобилизовали?

— Всех этот деспот разогнал, отсохни его хвост!

Удалов вздрогнул. Ему еще не приходилось слышать, чтобы друг Коко употреблял такие сильные выражения.

— Могло быть хуже, — произнес Удалов. — Для тебя.

— Мне повезло. Попал на сравнительно устойчивую планету.

— Чай будешь?

— Три кусочка сахару. А у тебя прошлогоднего клубничного варенья не осталось?

— Ксюша куда-то спрятала.

— Этого следовало ожидать.

— Ты уже с кем-нибудь встречался?

— Нет, неделю провел в библиотеках. Ночами работал, сам понимаешь, приходится сохранять инкогнито. В Историчке меня чуть кот не сожрал. И зачем они только допускают кошек в библиотеку? Я анонимку написал их директору, чтобы котов не пускали.

— Это правильно, — согласился Удалов. — Правда, от мышей тоже вред бывает.

— Здесь я кое-кого опросил, — продолжал Коко, постукивая твердым концом хвоста по столу. — Побеседовал.

— Как же так? В твоем облике?

— Не беспокойся, я своими ограничивался. С Сашей Грубиным провел вечерок, старика Ложкина навестил. Только доставил старику неприятность.

— Ты? При твоей деликатности?

— Нечаянно. Он свои почтовые марки смотрел. Знаешь, ведь некоторые люди странно себя ведут — собирают кусочки бумаги — так называемый сорочий эффект. Занятие бессмысленное, но любопытное для строительства поведенческой модели землян.

— Не всегда бессмысленное, — заметил Удалов. — Эти марки больших денег стоят. А у вас что, сороки водятся?

— Сорок нет. Это из моего земельного опыта. Или земляного?

— Земного.

— Спасибо. Об относительной ценности марки я наслышан. Ты бы видел, какое лицо было у Ложкина, когда я хвостом задел его любимую бумажку. Можно было подумать, что сгорел дом. Но я это объясняю не жадностью в чистом виде, а коллекционным остервенением. Тебе нравится термин? Я сам его придумал.

— Так, значит, ты ему любимую марку погубил?

— Не бойся, как погубил, так и восстановил.

5

— Я, понимаешь, спешил под дождем, я, понимаешь, переживал! — возмутился в соседней квартире Иванов. — А я марку, оказывается, возвращал не человеку, а жулику!

— Жулику? А ну, бери свои слова обратно! Пинцетом проткну за такое оскорбление!

Руки Ложкина тряслись, в уголках рта появилась пена.

— Моя марка и твоя марка — копии или не копии?

— Похожие марки, и все тут. Совпадение!

— Совпадение в луже не валяется. Рассказывайте все, а то созову филателистическую общественность. Ни перед чем не остановлюсь!

— Ничего не знаю, — сказал Ложкин, отводя взор в сторону, к комоду.

— Ладно, — произнес устало Иванов. Он подобрал со стола свою марку, к которой уже не испытывал никакого душевного расположения, и отступил в переднюю, откуда объявил: — Первым делом поднимаю Гинзбурга. С ним едем к Смоленскому, оттуда прямым ходом к Штормилле — нашей совести и контролю.

Ложкин упрямо молчал.

— Вам больше нечего сказать? — спросил на прощание Иванов.

— За всю мою долгую жизнь... — начал было Ложкин, но голос его сорвался.

В иной ситуации Иванов пожалел бы старика. Но дело шло о серьезном. Если в Великом Гусляре кто-то научился подделывать такие марки, как «перелет Леваневского», значит, в будущем коллекционеру просто некуда деваться.

Иванов решительно спустился по лестнице, вышел во двор, кинул последний взгляд на освещенные окна Ложкина. Дождь не ослабел, капли были мелкие, острые и холодные. Иванов подошел к воротам.

— Стой! — раздался крик сзади.

Ложкин, как был, в халате, выбежал из дверей шатающимся привидением.

— Не губи! — закричал он.

— Нет, пойду, — упрямо откликнулся Ипполит Иванов.

— Не пойдешь, а то убью! Вернись, я все объясню! Клянусь тебе памятью о маме!

Эти слова заставили Иванова остановиться. Вид Ложкина был жалок и нелеп. Халат сразу промок и тяжело обвис. Ложкин стоял в глубокой луже, не замечая этого, и Иванов понял, что если не вернуть старика в дом, то он обязательно и опасно простудится.

— Хорошо, — сказал он. — Только без лжи.

— Какая уж тут ложь! — ответил Ложкин, отступая в дверь. — Это все Коко виноват, крокодил недоношенный!

6

— Слышишь, как тебя называют? — спросил Удалов. Он стоял у окна и наблюдал сцену, происходившую под дождем.

Коко соскользнул со стола, ловко вскарабкался по стене на подоконник и высунул длинное лицо в приоткрытое окно.

— Слышу, — сказал он. — Но не обижаюсь. Хотя мог бы и обидеться.

— С крокодилом сравнение не понравилось?

— При чем тут крокодил? Неблагодарность человеческая не нравится.

Внизу собеседники скрылись под навесом подъезда, и сквозь шум дождя до Удалова доносились быстрые, сбивчивые слова старика:

— Этот крокодил мне Леваневского хвостом смял, понимаешь? Прилетел, извините, с другой планеты, напросился в гости, весь чай дома выпил, чуть ли не нагадил...

— Вот именно, что чуть ли не... — согласился обиженно Коко. — Варвары...

— Ну, я его прижал, — слышен был голос Ложкина. — Я ему сказал кое-что о космической дружбе. Он у меня закрутился, как черт на сковороде...

— Он в самом деле на крокодила похож? — спросил Иванов.

— Хуже.

— Крокодилов не встречал, — заметил негромко Коко. — Но теперь обязательно познакомлюсь.

— Нет смысла, — ответил Удалов. — Хищники эти крокодилы.

— На, говорит он мне, — слышен был голос Ложкина, — возьми копирку. И дает мне машинку. Небольшую. Заложи, говорит, в нее любой листок бумаги и свою попорченную марку. Через минуту будешь иметь точную копию. До атома. Починишь марку, говорит, вернешь мне машинку. Понимаешь?

— И починил? — спросил Ипполит Иванов.

— Точно такую сделал. Без обмана. У них там, в космическом пространстве, какой только техники нет, страшно подумать! Они ею буквально кидаются.

— Лучше бы с нами поделились. Мы с такими машинками замечательное бы производство наладили.

— Не хотят, — сказал Ложкин. — Невмешательство у них. Желают, чтобы мы сами. А на самом деле скопидомничают.

Коко обиделся:

— Какое он имеет моральное право судить...

— Погоди, — перебил его Удалов.

— Значит, починил и вернул? — спросил Иванов.

— Грех попутал, — признался Ложкин. — Я одну марку сделал. А потом еще одну захотел. Так, на случай обмена. Понимаешь, у Гинзбурга в обмене антивоенная серия лежит, ты ведь знаешь.

— Знаю, — вздохнул Ипполит.

— Пойми меня правильно. Сделаю, решил я, еще одну марку, для Гинзбурга. И ему приятно, и мне польза. Марка ведь не поддельная. Марка настоящая, скопированная на уровне космических стандартов.

— Стыдно, — сказал Иванов.

— Еще как стыдно. Но удержаться невозможно.

— А я вот под дождем пошел к вам марку возвращать.

— И не говори... Ну ладно, сделал я еще одну, а потом вспомнил о Штормилле. Помнишь, что у Штормиллы в обмене лежит? Забыл? Беззубцовый Дзержинский у него лежит!

— Помню, — произнес Иванов.

— Ну, ради этого стоило еще одного Леваневского сделать?

— Погодите. Сколько же вы Леваневских отшлепали?

— Уже все, уже остановился. Что, разве я не понимаю всей глубины моего морального падения?

— Так завтра же Гинзбург своего Леваневского Штормилле покажет. И все, и где ваша честь?

— Вот именно, — сказал Коко. — Где честь?

— Я только Штормилле отнес, — сказал Ложкин. — А гинзбурговскую марку я по дороге потерял. Тебе она на глаза и попалась.

— Ваше счастье, что попалась, — заключил Иванов твердо. — Все равно надо было остановиться.

— Да я и остановился! Я же сегодня приборчик Коко возвращаю.

— И все?

— И все...

— Ну и возвращайте. Немедленно! А Леваневского мы разорвем!

— Вот молодец! Нравится мне этот Иванов, — проговорил Корнелий.

— Погоди с выводами, — ответил Коко.

— Верну. А Леваневского, может, рвать не будем? — спросил Ложкин заискивающим голосом. — Беззубцового Дзержинского я уже в коллекцию положил. Когда еще попадется! Да и ты себе оставь. Марка хорошая, настоящая. До атома.

— Нет, — сказал Иванов уже не так уверенно. — Все равно я обязан проинформировать Штормиллу.

— И расстроишь его смертельно. Он же сейчас живет в наслаж-

дении, что выгодный обмен со мной совершил. А как узнает, что ему делать? Оставаться без Леваневского?

— Конечно, так...

— Постой-ка, — сообразил Ложкин. — Может, ты хочешь на эту машинку взглянуть? Может, тебе еще какая из моих марок нужна? Я быстренько копии сделаю. Задаром. И нет в том обмана и жульничества. Помню, ты консульской почтой интересовался. Интересовался, да?

— Нет, не буду я в этом участвовать, — сказал Иванов.

— А ты и не будешь, — ответил Ложкин. — Только поднимемся ко мне, поглядишь на машинку, чайку попьем. Ладно, а? Я совсем промок. Заработаю из-за тебя воспаление легких, помру еще...

— Если так, то поднимемся, — согласился Иванов.

Хлопнула входная дверь.

7

— Нам бы тоже не мешало чайку выпить, — сказал Коко Удалову.

В мгновение ока галактическая ящерица перемахнула на стол.

Удалов был задумчив. Он несколько раз подходил к окну, прислушивался, не хлопнет ли дверь, а Коко откровенно над ним посмеивался.

— Не спеши, — говорил он. — Твой Иванов уже совращен.

— В каком смысле?

— Изготавливает марки честным способом.

— Он не такой человек, — возразил Удалов. — Он под дождем чужую вещь хозяину понес.

— Это была для него непонятная ситуация. Он знал, что в таком случае положено делать. А в ситуации сомнительной он легко поддался уговорам Ложкина, который чувствует, что морально погиб, и сейчас идет на все, чтобы только нейтрализовать свидетеля.

— Ты рассуждаешь, будто про уголовников, — обиделся Удалов.

— Да какие они уголовники! Обыкновенные люди. Пока соблазн невелик, они честные, а как соблазн перейдет через допустимые пределы, они уже начинают шататься, как тростник на ветру.

— Грустно мне, что ты такого низкого мнения о землянах.

— Почему низкого? Нормального мнения... Кстати, уже одиннадцатый час, спать пора. Послушай, Корнелий, ты мне сделаешь личное одолжение?

— А что?

— Зайди к Ложкину, возьми копирку. Мне ее уничтожить надо. Сам понимаешь...

— Может, ты сам сходишь?..

— Могу, конечно, ты не думай, что я тебя принуждаю. Только вот спина что-то побаливает, радикулит опять одолел...

И пришлось Удалову идти к соседу за машинкой, понимая притом, что хитрец Коко сделал это не случайно: хочет он, чтобы Удалов собственными глазами убедился, насколько моральный облик отдельных жителей нашей планеты оставляет желать лучшего... И Удалов пересек лестничную площадку, злой на Коко, злой тем более на Ложкина с Ивановым. И он, хоть и надеялся в глубине души, что коллекционеры мирно пьют чай, сам себе не верил, и потому, как только Ложкин приоткрыл дверь, Корнелий отстранил его, метнулся в комнату и увидел, как Иванов пытается прикрыть телом машинку, кляссеры, марки, все орудия преступления.

— Не старайся, Ипполит, — произнес Удалов голосом Командора, который застукал Дон Жуана, хотя никакого морального удовлетворения от этого не получил. — Я в курсе.

— Он в курсе, — сказал за его спиной Ложкин. — Этот Коко у него остановился.

— Сдавайте копирку. Нельзя вам доверять...

— Мы только испытывали, — проговорил Ипполит, красный, как свекла, хватаясь за сердце.

— Солидно наиспытывали, — сказал Удалов. — Если вам машинку еще на час оставить, вы за деньги возьметесь или как?

— Деньги в нее не поместятся, — возразил Ложкин.

И Удалов понял, что даже такая отвратительная мысль уже посещала его соседа. Человека, которого он знал много лет, не очень любил, но не сомневался в его порядочности...

Удалов снял со стола машинку, хотел было порвать марки, но не знал, какие из них настоящие, а какие — копии. И ему ли судить этих людей?.. Они сами себя осудят.

Удалов без единого слова вышел на лестничную площадку, закрыл за собой дверь. И остановился. Машинка, плоская, похожая на портсигар, лежала на ладони. Что хочешь можно сунуть в нее. Ну хоть автобусный билет. Интересно, а что будет? Удалов достал автобусный билет из кармана. На лестничной площадке было не очень светло — одна лампочка в двадцать пять свечей. Удалов оглянулся: никто не наблюдает? Никто за ним не наблюдал. Удалов вложил автобусный билет в щель на торце портсигара. Ага, нужна еще бумажка, чтобы из нее сделать копию. Бумажку он вырвал из записной книжки. Сунул туда же. Машинка тихо зажужжала. По-

том с другого конца выскочили две одинаковые бумажки. Две странички из записной книжки, совершенно одинаковые. Видно, Удалов в чем-то ошибся, и машинка скопировала не билет, а наоборот. И тут Корнелий словно проснулся.

«Понятно, — думал он мрачно, комкая в кулаке листочки. — Все понятно. Как же я сразу не сообразил! Тоже мне называется — галактический друг! Как же я мимо ушей пропустил, что он монографию пишет о чести и честности! Испытываешь. Старика Ложкина испытывал. Иванова испытывал. А потом меня, друга своего, послал на испытание!» И почудилось Удалову, что электрическая лампочка в двадцать пять вольт над головой подозрительно пощелкивает. Может быть, снимает его действия на пленку, чтобы сделать из него, Удалова, иллюстрацию к тридцатитомному труду.

Удалов распахнул дверь к себе в квартиру. Коко метнулся от двери, прыгнул на диван.

— Что тебя так долго не было? — спросил он ласково.

— Возьми машинку, — сказал Удалов. — Провокатор паршивый.

— Ну что ты, что ты... — быстро заговорил Коко. — На тебя эксперимент не распространялся.

— Это мне без разницы. Собирай свои вещи и вон из моего дома, понял? У Иванова сердце плохое, старик Ложкин наверняка простудился...

— Корнелий, дорогой, будь разумен!

— Не буду! Мы тебе не морские свинки. Убирайся.

— А как же космическая дружба? — спросил Коко.

— О ней ты и подумай на досуге.

— Но на улице дождь! Куда я денусь? В гостиницу меня не пустят...

Удалов не слушал. Он подошел к окну и, прижавшись лбом к холодному стеклу, стоял, глядя в темный двор. Одинокий фонарь освещал полукруг земли у подъезда. Дверь растворилась, из нее вышел Ипполит Иванов и побрел куда-то, не замечая дождя. Потом дверь приоткрылась вновь, и из дома выскользнула изящная пернатая ящерица.

Тогда Удалов пошел спать.

ТЕХНОЛОГИЯ РАССКАЗА

Я не знаю еще, о чем будет рассказ. И тем более не подозреваю, как он будет называться. Я намерен написать его, не скрывая от читателя, как это будет делаться. Тому есть причины.

Мне приходилось выслушивать упреки, что я не настоящий фантаст, потому что не отражаю последних научно-технических достижений, а ограничиваюсь, подобно презренным реалистам, прописными морально-этическими истинами.

Я принимаю вызов и объявляю о намерении написать подлинно научно-фантастический рассказ, в основе которого будет лежать частный факт научного прогресса. Я попытаюсь умилостивить членов клубов научной фантастики, которые совершенно не реагируют на художественную литературу, но готовы восхвалить любую окололитературную подделку, буде она сдобрена наукообразностью. Я намерен проникнуть в содружество истинных фантастов.

Теперь следует отыскать в море прогресса зацепку для сюжета.

Написав последнюю строку, я отошел от пишущей машинки и занялся поисками.

...Следующую строку я пишу через четыре часа после предыдущей. За это время я проглядел несколько научно-популярных журналов, в которых наука излагается настолько примитивно, что суть дела может уяснить даже доктор исторических наук. К сожалению, пока мне не удалось извлечь из статей и заметок литературного позыва. Хотя я значительно расширил свой горизонт. Я узнал, что глицин, простейшая аминокислота, был обнаружен в 1969 году в Мерчисоновском метеорите, и с той поры найти его не удавалось, даже с помощью радиотелескопа ФИАН РТ-22. Но что мне глицин, если за последние годы без всякого телескопа я отыскал в космосе кучу цивилизаций!

Я узнал, что, изучая спектры гамма-квантов сверхвысоких энергий, можно сделать вывод о том, какая из космологических гипотез справедлива. Так как этого еще никто не сделал, то любая из предложенных мною тоже годится.

Я познакомился с умозаключением, согласно которому становление гения есть проблема биосоциальная. Великолепны открытия, о которых можно сказать: я и сам так думал!

Наконец, мне удалось обнаружить, что вирусы некоторых бородавок способны передаваться половым путем. Последнее, конечно, может быть использовано в художественной литературе, но не в нашей.

Не найдя счастья в периодике, я собрался было обратить взор к глобальным проблемам — к угрозе атомной войны, экологическому бедствию или достижениям кибернетики. Но это путь наименьшего сопротивления. Что бы я ни сказал, все уже сказано другими. Поэтому оставляю лист в машинке и отправляюсь к полке с научно-популярными брошюрами.

...По-моему, мне удалось отыскать нечто перспективное!

Года три назад я купил книгу Мишеля Сифра «В безднах Земли», потому что я завидую Мишелю и его единомышленникам. Они забираются в глубокие пещеры и сидят там безвылазно по нескольку месяцев, а их преданные жены и друзья все это время мучаются в палатках на поверхности, мерзнут, простужаются, порой голодают, зато ежедневно получают снизу, из темной глубины, бутылки с мочой спелеологов. За исключением регулярной сдачи анализов, испытуемые обязанностей не имеют. Они могут рассуждать о смысле жизни, читать книги и рисовать картинки. Телефон у них не звонит, гости к ним не ходят, и никто не требует от них выполнения плана.

Сколько раз я мечтал о том, что заберусь в пещеру и там, вне волнений и суеты, напишу что-нибудь стоящее. Ничего, кроме зависти, книга Сифра во мне в свое время не вызвала, я не почерпнул из нее никакой идеи для рассказа. Но ведь я и не искал идей! А сейчас ищу. Посмотрим, не может ли пригодиться абзац со стр. 111:

«Тони и Жози, не располагая никакими ориентирами времени, жили, повинуясь природному инстинкту. Их ритм смены бодрствования и сна постоянно менялся и день за днем сдвигался. 3 января 1965 года Тони праздновал Рождество! И Жози встретила Новый год лишь 13 января. Под землей длительность одной минуты казалась иной, чем на поверхности».

В дальнейшем Сифр уделяет немало места описанию этого феномена. Оказывается, он характерен для всех спелеонавтов. Через определенное время жизни под землей каждый из них неизбежно переходил к иному, чем на поверхности, внутреннему календарю. Как ни пытались организаторы экспериментов сбить, запутать спелеонавтов, через несколько недель одиночества у них устанавливался одинаковый, единый для всех ритм — 48 часов, причем 12 часов они спали, а 36 часов без особых усилий бодрствовали.

Особенно интересна в этом смысле история, приключившаяся с первой женщиной-спелеонавтом, двадцатипятилетней Жози Лорес. Она провела в пещере три месяца. Так же, как все мужчины до и после нее, она постепенно перешла на 48-часовой ритм, будучи уверена, что за это время проходит 24 часа. Но в отличие от мужчин у нее были внутренние часы, которые этому ритму не подчинились. Месячные вводили Жози в растерянность. По здравом размышлении она предположила, что организм — более надежный источник информации, нежели ощущения, и потому старалась корректировать чувства физиологией. В результате она совсем запуталась в календаре.

Сведения, приведенные Сифром и подтвержденные многими другими авторами, не вызывают сомнений, но остаются на уровне констатации. Я же в поисках идеи понял, что этот факт многозначителен. Однако существование научного факта, вызывающего интерес, еще не делает рассказа: в рассказе должны фигурировать люди.

В настоящем рассказе люди нужны для того, чтобы мы могли еще раз заглянуть внутрь человеческой души. В рассказе научно-фантастическом это, к сожалению, совсем не обязательно. Люди там разговаривают между собой для того, чтобы как можно популярнее изложить концепции. Для удобства концепция делится на фразы, и они последовательно вкладываются в уста персонажей. Редактор научно-популярного журнала, специалист в той или иной области знания, редко бывает притом специалистом в художественной литературе, и его можно убедить, что это и есть художественная литература.

Так и поступим.

Чтобы этот еще не написанный рассказ занял почетное место на страницах журнала, проще всего сделать его персонажей учеными. Желательно, чтобы один из них был седовласым профессором, который все знает, а второй — молодым ученым, который знает пока не все и потому задает нужные нам вопросы...

— Вас никогда не удивлял, коллега, странный феномен, с которым столкнулись в последние годы спелеологи? — спросил профессор Сыромятников у младшего научного сотрудника Института физиологии высшей нервной деятельности Махмуда Магомето-ва, который уже третий месяц стажировался в институте.

Стояла ранняя осень, желтые листья плавали в лужах институтского парка. Небо с утра было серым и холодным.

Махмуд кутался в демисезонное пальто: московская осень его удручала.

— Как же, — произнес он хрипло. — Меня тоже удивляло, что все спелеонавты обязательно переходят на 48-часовой цикл, в котором 36 часов занимает бодрствование, а 12 часов сон.

Написав эти строки, я порадовался тому, как экономно и энергично ввел читателя в суть дела.

— Учтите, — продолжал профессор, глядя на стройные ножки пробежавшей мимо аспирантки Ниночки Дудкиной, — что в пещере человек полностью оторван от привычного образа жизни, и

организм его устанавливает те часы, к которым его приспособила природа.

— Вы правы, — сказал Махмуд, тоже глядя на стройные ножки аспирантки.

Ножки аспирантки придется убрать. В научно-фантастической литературе дети могут быть выращены методом клонирования, созданы в пробирке, в крайнем случае найдены в капусте, но намеки на возможность создания их ортодоксальным путем считаются неэтичными.

* * *

— Не наводит ли это вас на некие мысли, коллега? — спросил седовласый профессор, глядя, как за оградой парка проезжает троллейбус.

— Я сегодня как раз всю ночь думал об этом, — горячо откликнулся Махмуд. — Ведь до сих пор не найдено недостающее звено.

— Да, никто еще не доказал, что человек произошел от обезьяны, — покачал головой профессор, глядя...

На что бы ему еще поглядеть, чтобы рассказ получался художественным?

...глядя на то, как с дерева планирует желтый кленовый лист.

— Между кроманьонцами, физически не отличающимися от человека, и его обезьяноподобными предками нет переходной формы, — сказал Махмуд и кашлянул.

— У меня есть сухая фиалка, — предложил профессор. — Заварите две столовые ложки на стакан кипятка. Очень помогает как отхаркивающее средство.

Последний абзац надо снять, он отвлекает читателя. Лучше это сделаю я, чем редактор.

— А что, если мы с вами вернемся к проблеме панспермии? — рассуждал вслух профессор. — Разумная жизнь каким-то образом — допустим, в виде спор — была занесена на Землю. Я не имею в виду идеалистических концепций. Я был и остаюсь материалистом.

Хорошо сказал профессор! Прямо и твердо!

— И на той планете, где зародились наши предки, — развил мысль профессора Махмуд, — в сутках 48 часов!

— Мне надо немедленно позвонить моему другу профессору Брауну в Саскачеванскую обсерваторию, — взволнованно сказал профессор Сыромятников. — Он как раз занимается изучением периодов обращения планет ближайших к нам звездных систем. Если бы только найти такую планету...

— И наших братьев по разуму! — воскликнул Махмуд.

— Да, я бы сказал — старших братьев, отцов, дедов...

Дальше рассказ можно писать, а можно и не писать. Потому что известно, о чем писать. Профессор Сыромятников связывается со своим другом профессором Брауном. В окончательной редакции тот станет профессором Тер-Ованесяном из Ленинакана, потому что Тер-Ованесян лучше разбирается в периодах обращения планет, чем любой Браун. Тер-Ованесян ответит профессору, что как раз прошлой ночью он столкнулся с интереснейшим явлением: одна планета в системе Альдебарана испускает некие странные сигналы, которые намекают на их искусственное происхождение. И именно эта планета делает полный оборот вокруг своей оси за 48 часов.

Точку в рассказе лучше не ставить.

Может, именно эта планета и есть наша прародина...

Рассказ мне понравился. Я надеюсь, что кто-нибудь из моих коллег его допишет и опубликует. Но для меня, при всех достоинствах рассказа, не хватало действия.

А что, подумал я, если его драматизировать? Ввести и приключенческий элемент? Это вполне дозволено в научной фантастике, при условии, конечно, что элемент не будет отвлекать от главного.

Возвращаемся к середине рассказа.

Помните, на что посмотрел профессор? Правильно.

— Учтите, — продолжал профессор, глядя на стройные ножки пробежавшей мимо аспирантки Ниночки Дудкиной, — что в пещере человек полностью оторван от привычного образа жизни, и

организм устанавливает те часы, к которым его приспособила природа.

Шаги Ниночки замерли.

— Здравствуйте, — сказала она мелодично. — Можно присоединиться к вашей беседе?

— Разумеется, — сказал профессор. — Мы говорим о том, что 48-часовой ритм спелеонавтов доказывает — человек рожден не на Земле. Человек по сути своей пришелец. Он чужой здесь.

— Какой ужас! — воскликнула Ниночка. — И я тоже?

— Мы все, — грустно улыбнулся Махмуд.

Странная нечеловеческая гримаса исказила лицо Ниночки. Казалось, что оно сразу постарело лет на сорок.

— К сожалению, — произнесла аспирантка хрипло, — мне придется ликвидировать вас.

В ее руке мутно поблескивал бластер.

— Об этом, — сказала она, — никто не должен знать. Тайна панспермии должна остаться нераскрытой!

Пришелец направил (направила?) бластер на профессора, но в последний момент Махмуд ринулся вперед и во вратарском прыжке дотянулся до руки пришельца. Со страшным криком тот боролся (боролась?) за бластер. В пылу борьбы дуло бластера обернулось против пришельца. Раздался выстрел. У ног профессора и Махмуда лежала кучка серого пепла. Это было все, что осталось от Ракришината Фе, третьего лейтенанта секретной галактической стражи планеты Эпсилон.

А что, тоже неплохо! Рассказ не потерял познавательности, но приобрел энергичность. Однако чего-то хочется еще. Детали, пустяка, сюжетного изворота.

Может, так?

— Жаль, — вздохнул профессор. — Она всегда казалась мне такой милой...

— Да, — поддержал его Махмуд. — Под оболочкой Ниночки Дудкиной скрывался...

— Кто скрывался под моей оболочкой? — послышался сзади мелодичный голос.

Ученые разом оглянулись.

Сзади стояла, улыбаясь, Ниночка.

— Вы... вы не погибли? — ахнул профессор, бросив взгляд на кучку серого пепла.

— Нет, — улыбнулась Ниночка, бросив лукавый взгляд на Махмуда. — Меня связывают с жизнью личные интересы.

Махмуд покраснел.

Вот, пожалуй, и все. Над рассказом еще стоит поработать. Может, ввести инопланетного хранителя тайны несколько раньше? Пускай следит за нашими героями, подслушивает их разговоры, пускай его постепенно охватывает жуткое подозрение: люди догадались! И когда все станет ясно, он вытащит свой проклятый бластер... Правда, придется придумывать оправдание его странному поведению. Не все ли равно нашим старшим братьям — знаем мы о своей прародине или нет? Предположим, они боятся, что мы выросли слишком агрессивными и наглыми, и пока мы тут занимаемся войнами и атомными бомбами, нас нельзя пускать в галактическое содружество...

Тут я увидел, как рассказ перерастает в повесть с определенным гражданским звучанием. Нет, о повести мы не договаривались. Пускай мотивы останутся нераскрытыми — кто их знает, пришельцев, чего им хочется.

Итак, рассказ готов, осталось пройтись рукой мастера по запятым и многоточиям...

А что скажет Лев Христофорович?

Как же я раньше не подумал? Лев Христофорович Минц, великий ученый, временно поселенный мною в городок Великий Гусляр, еще не знает, что в сутках у спелеонавтов 48 часов. Надо ему срочно сообщить.

...Они пошли к краеведу Сидякину.

Впереди шагал профессор Минц. Замшевый пиджак туго обтягивал его живот, осеннее солнышко игриво отражалось от профессорской лысины. Вторым шел его сосед Корнелий Удалов, курносый начальник гуслярской стройконторы.

Дом краеведа и фенолога Сидякина ничем бы не отличался от прочих домов на Голубиной улице, если бы не мемориальная доска.

Доска стояла, прислоненная к стене и отделенная от тротуара штакетником. На сером мраморе было выбито золотыми буквами: «В этом доме с 12.01.1878-го по 1 мая 2012 г. проживал выдающийся краевед, почетный гражданин города Великий Гусляр Артемий Сидорович Сидякин».

Сидякин был глубоко убежден, что судьба не посмеет спорить с

мрамором и потому до начала XXI века он обязательно дотянет. Тем более что на самом деле он родился не так давно, а в нашем столетии, сразу после революции.

То место на стене, где доске предстояло висеть, было аккуратно побелено, по углам до половины вкручены латунные толстые болты.

У приоткрытого окна, подсвеченное зубоврачебной яркой лампой, сидело нечто белое и величественное с рыжим котом на коленях. Сидякин редко покидал свой дом — он предпочитал, чтобы к нему приходили за советом. Он так и говорил: «Не имею права покинуть пост, могу понадобиться человеку». На самом деле он ждал, когда из горсовета принесут грамоту о возведении его в звание почетного гражданина.

Увидев людей, остановившихся перед мемориальной доской, Сидякин принялся причесывать усы, седые, пышные — к сожалению, накладные. Он понял, что идут к нему, но не со званием, а за советом. В связи с борьбой за экологию к краеведу заходили нередко — то из газеты, то из школы, то даже из области.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Минц, занимая указанный перстом гостевой табурет.

Удалов встал за его спиной. Они оробели в комнате краеведа, украшенной по стенам рогами копытных животных, видами Гусляра и портретами хозяина дома, выполненными методом чеканки. Старик сам освоил этот метод, так как был убежден, что чеканные портреты лучше сохраняются.

— Устал, — сказал Сидякин. — Старость. Вчера отмечали мое стодесятилетие. Выпили, потанцевали.

Сидякин искоса поглядел на гостей — верят или нет. Гости вежливо склонили головы. Старик понял — не верят, но он им нужен.

— Чем могу быть полезен? — спросил он, поглаживая кота.

— Нам нужна пещера, — сказал профессор Минц. — Глубокая. Чем ближе к Гусляру, тем лучше.

— Пещер у нас не водится, — ответил Сидякин, покачав львиной снежной шевелюрой, к сожалению, накладной.

— Я же говорил, — сказал Удалов. — Придется ехать в Крым.

— Зачем пещера? — спросил Сидякин.

— Пещера нам нужна для очень важных экспериментов, которые могут повлиять на судьбу всего человечества.

— Организуем в Крыму, — повторил Удалов. — Там и море, и климат помягче.

— Какой может быть климат в пещере? — поморщился Минц.

— Вы все забываете, — возразил Удалов, — что нам, контрольной группе, сверху сидеть, продукты вам подавать.

— А что за эксперимент? — спросил Сидякин.

— Вам это неинтересно, — сказал Удалов. — Все равно же здесь пещер нету.

— Есть пещеры или нет, решаю здесь я, — сказал краевед.

— Выяснилось, — пояснил Минц, — что человечество зародилось не на Земле, а совсем на другой планете.

Сидякин нахмурился. Кот зашипел.

Минц продолжал:

— Французские спелеологи обнаружили, что жизненный цикл человека — 48 часов. Значит, когда-то люди жили на планете, где сутки вдвое длиннее земных. Именно оттуда в незапамятные времена и были посланы сюда первые люди.

— Французы? — спросил с недоверием Сидякин.

— Не только французы. Все люди. Включая китайцев.

— Французы, может быть, и жили, — сказал Сидякин. — Они лягушек едят. Но русский человек — местный. Я знаю.

— Вопрос не требует обсуждения, — отрезал Минц. — Нам нужна пещера, в которой мы продолжим опыты.

— Мне с вами не по пути, — упорствовал Сидякин. — Русский человек всегда на Земле жил. Еще до татаро-монгольского нашествия.

И Сидякин сделал рукой жест, указывающий гостям на дверь.

На улице они на минуту задержались возле мемориальной доски. Удалов поглядел в окно, встретил колючий взгляд из-за занавески и громко сказал:

— Не стать тебе, Сидякин, почетным гражданином.

Окно захлопнулось.

Исследователи вернулись домой расстроенные. Беседа с Сидякиным перечеркнула последние надежды. В Великом Гусляре они могли надеяться на поддержку общественности и бескорыстную помощь молодежи, но жители Крыма вряд ли разделят их энтузиазм.

На Минца было жалко глядеть.

— Не печалься, — сказал Удалов. — У меня интуиция. Сейчас постучат в окно и скажут: «Есть пещера!»

Минц грустно улыбнулся.

В окно постучали. За окном стоял краевед Сидякин в черном пальто до пят и надвинутой на брови заячьей шапке. Усы тяжело свешивались на красный мохеровый шарф.

— Я, — сказал Сидякин, — много думал. И пришел к выводу: вас требуется разоблачить. Вас и ваших французов.

— Господи! — вздохнул Минц. — А мы думали, что вы нам пещеру принесли.

— Пещера будет, — сказал Сидякин. — Но в пещере буду я.

— Как так? — не понял Минц.

— Я пойду в пещеру и докажу вам, что, в отличие от некоторых, лично я происхожу из этих мест. И что мой ритм — 24 часа. Можете сообщать прессе.

Сидякин сунул руку за пазуху и извлек оттуда пожелтевший листок.

— Вот координаты. Я надеюсь, что вы, как честные люди, забронируете мне место в пещере.

Минц протянул было руку за листком, но удержался.

— Нет, — произнес он. — Я не могу согласиться на это. В вашем возрасте пребывание в пещере совершенно исключено.

— Я приму меры, — уверенно сказал Сидякин. — К тому же я куда лучше сохранился, чем некоторые думают.

Через шесть дней в Черном яре, глубоком, заросшем осиной овраге, что тянется почти до озера Копенгаген, закипела работа. С утра туда пробивались грузовики, груженные ящиками, клетками и коробками, которые издавали различные звуки. За грузовиками шли автокран и слониха Магарани из цирка шапито. За ними на велосипедах и пешком двигалась общественность. Шли пионеры, шел кружок юных краеведов, общество любителей театра, хор пенсионерок и речной техникум.

Когда дорога кончилась, грузовики разгрузили, и дальше молодежь несла ящики и корзины на руках. Сидякина спустили в овраг на пожарном вертолете. Он сидел смирно, рядом была медсестра, которая мерила ему пульс. Сидякин читал гранки статьи из «Гуслярского знамени». Он был недоволен: во всей статье его ни разу не назвали почетным гражданином.

В пещере никто не бывал с тех пор, как в середине прошлого века ее покинул благородный разбойник Петька Кровь-в-Песок.

Он хранил там сундуки с награбленным у помещиков-угнетателей добром, прежде чем раздать его труженикам-крестьянам. Сидякин писал о том в областной газете и требовал создания в пещере дома-музея Петьки Кровь-в-Песок.

Перед спуском в пещеру профессор Минц и краевед Сидякин дали последние интервью прессе. Сначала говорил Минц.

— Не вызывает сомнений, — сказал он, — что люди прибыли когда-то с другой планеты. Астрономы найдут ее со временем. А нам важнее узнать иное: кто сопровождал человека при переселении на нашу планету? Я глубоко убежден, что среди птиц и животных, что спускаются со мной в пещеру, обязательно отыщется

существо, чей суточный цикл равен 48 часам. И тогда все споры о том, кто лучший друг человека, отпадут сами собой.

— Ура Льву Христофоровичу, — закричал Корнелий Удалов, — который добровольно уходит от нас на три месяца, чтобы добыть научную истину!

Раздались аплодисменты. Их прервал краевед Сидякин. Несмотря на теплый сентябрьский день, он возвышался над толпой, облаченный в громадный тулуп, валенки и заячью шапку.

— Профессор уходит не один, — сказал старик, придерживая пальцем накладной белый ус. — С профессором ухожу я. Я взял на себя руководство экспедицией, чтобы доказать: все это ложь! Может, за рубежом некоторые и будут бахвалиться своим иноземным происхождением, но мы с Трифоном этого не допустим!

Из широкого рукава тулупа Сидякин извлек своего рыжего злобного кота. Кот прыгнул на плечо краеведу и взметнул трубой хвост.

А вокруг уже кипела работа. В пещеру опускали ящики, контейнеры и аквариумы. В них были собаки, куры, индюшки, караси, теленок, конь Сивый, слониха Магарани и еще много других живых существ. Они блеяли, кричали, лаяли и не желали покидать белый свет.

Затем спустился профессор Минц в оранжевой каске. Он контролировал расстановку клеток в темном подземном зале. Когда все было расставлено, вниз сошел краевед Сидякин с грелкой, амбарной книгой и пачкой телеграфных бланков.

Так началось трехмесячное героическое пребывание под землей профессора Минца и краеведа Сидякина с их свитой. Наверху остались дежурные во главе с Удаловым. Они опускали в пещеру пищу, принимали оттуда дневники и телеграммы, страдали под дождем, мучились от заморозков, и постепенно их число таяло.

Краевед Сидякин на удивление хорошо переносил подземное пребывание. Минцу он не помогал, но и не мешал, а вел личный дневник.

С каждым днем настроение Минца падало. Все животные, включая коня Сивого, которому в пещере было тесно и очень страшно, засыпали, просыпались и питались, словно и не опускались в пещеру. Старик Сидякин также не менял привычного ритма жизни. Каждое утро ровно в восемь часов он дергал за свою личную веревку, спрашивая у дежурных на поверхности, скоро ли ему доставят кефир и сметану. Вслед за тем раздавалось отвратительное мяуканье кота Трифона, который тоже требовал свою сметану. И так день за днем. Иногда Сидякин посылал из преисподней телеграммы в горсовет, напоминая о почетном звании.

Возможно, эксперимент так бы и провалился, если бы не случайность.

Оборвался трос. То ли перетерло его об острый выступ, то ли не выдержал подземного климата, но однажды перед рассветом Удалов обнаружил, что трос свободно вытягивается из черного провала.

Следовало навести порядок.

Удалов спустил в пропасть веревочную лестницу и полез в глубину. Издалека доносилось тоскливое ржание — просился на волю Сивый. Замычал в ответ теленок...

Удалов связал трос и собрался уже подняться наверх, но тут его одолело любопытство — взглянуть бы одним глазком, как они там, горемыки, существуют. Прикрывая фонарик ладонью, он осторожно добрался до лагеря. Края подземного зала терялись во тьме.

Удалов сразу разглядел профессора Минца, который спал на раскладушке, прикрывшись плащом, и во сне морщил высокий лоб. На другой раскладушке лежал краевед, покрытый тулупом.

Вдруг в гулкой тишине раздался еле слышный звон.

Удалов замер.

Что могло звенеть?

Тулуп, под которым лежал краевед, зашевелился, из-под него показалась лысина, потом белая рука с зажатой в ней львиной шевелюрой. Шевелюра легла на лысину. Освободившаяся рука полезла в валенок, звон затих, и Удалов понял, что в валенке краеведа таится будильник.

— Вставай, бездельник, — раздался шепот краеведа.

Валенок дернулся, сбрасывая на камни кота Трифона. Кот обиженно мяукнул. Начинался новый день.

— Вставай, — повторил краевед. — А то Минц услышит.

Удалов поднялся наверх и написал обо всем донесение профессору. Вечером того же дня он получил краткий ответ: «Будильник обезврежен. Эксперимент продолжается. Л.Х.».

Изъяв будильник, Минц спрятал его в трещине, а Сидякин не только сменил ритм жизни на 48 часов, но вскоре перешел на 70-часовые сутки. Удалов не скрыл этот факт от общественности, и весь город узнал о том, что Сидякин — не просто иноземец, но, вернее всего, инопланетянин из совершенно чуждой нам галактики. А Минц сделал свое великое открытие. Он отыскал лучшего друга человека, который вместе с ним прибыл на Землю из глубин космоса. Этим существом оказался кот Трифон. Как только Сидякин перестал будить его по утрам, Трифон благополучно доказал, что для него в сутках гораздо больше 24 часов.

...Тысячи жителей Великого Гусляра, невзирая на снег и метель, собрались у входа в пещеру, откуда бережно и любовно были извлечены все участники эксперимента. Они немного пошатывались и щурились, аплодисменты публики казались им слишком громкими.

Минц скромно отошел в сторону, дав возможность Сидякину сказать свою речь.

Сидякин вытащил из кармана бумажку и сказал:

— Дорогие товарищи. Западная наука посрамлена. Вот мой дневник, я в нем каждый день записывал число. Вы можете сравнить его с календарем и узнать, что именно я — настоящий землянин.

— И какое же сегодня число? — спросил Корнелий Удалов.

— Девятое ноября! — сказал Сидякин.

В публике раздался смех, потому что декабрь уже подходил к концу. О чем и сообщили краеведу.

— Не может быть! — закричал тот и пошатнулся.

Пока медики отпаивали старика валерьянкой, на трибуну поднялся профессор Минц.

— Их было трое, — сказал он, переждав бурю аплодисментов. — Это был человек... — При этих словах Минц оглянулся на Сидякина. — Это был... — Профессор сделал паузу, и все увидели, как кот Трифон, словно поняв, что от него требуется, стал потягиваться. — Кот!

— Не позорь животное! — кричал из «Скорой помощи» краевед. — Оно наше, родное!

— Кто третий? — спросили из толпы.

Минц вытащил из кармана спичечный коробок, открыл — черная точка выскочила из нее и пропала в снегу.

— Я не был бы настоящим ученым, — сказал Минц, — если бы не охватил своими опытами всех живых существ, близких как человеку, так и котам. Эта блоха жила на Трифоне. Вот она, биологическая триада пришельцев!

— Тришка, предатель, задушу! — бесновался краевед.

Но никто его не слышал. Великий Гусляр ликовал. Наконец-то в нем было совершено великое открытие.

Тут я спохватился и понял, что увлекся. Убийцу тянет на место преступления, писателя — на проторенную дорожку. Столько сил я потратил на то, чтобы написать настоящий научно-фантастический рассказ, а закончил еще одной гуслярской историей. И какой! Опыт, поставленный профессором Минцем, антинаучен, за

его пределами остались многие возможные пришельцы. Краевед Сидякин в рассказе необязателен. Гораздо интереснее было бы описать жизнь в пещере, повседневный труд исследователей...

Перед тем как нести рассказ редактору, я понял, чего в нем не хватает, — благополучного конца. Поэтому я дописал следующее.

— Что может город сделать для вас? — спросил товарищ Белосельский, подходя к профессору, чтобы пожать ему руку.

— У меня есть просьба, — ответил Минц, улыбнувшись. — Нельзя ли присвоить звание почетного гражданина Великого Гусляра краеведу Сидякину?

— Положительное решение уже принято, — ответил Белосельский и тоже улыбнулся.

Так завершился этот великий день.

По-моему, лучше не скажешь.

В заключение у меня есть вопрос к читателям, имеющим отношение к астрономии. Не знаете ли вы какую-нибудь планету, которая обращается вокруг своей оси за 48 часов? Каждому писателю в глубине души хочется стать провидцем.

ПОВЕСТЬ О КОНТАКТЕ

Часть первая

Случилось это в застойные времена. Сам товарищ Чингисов обещал быть к открытию районного чемпионата по игре в домино. Открытие решено было проводить на площади перед горкомом, у памятника Землепроходцам.

Все знали, как радеет Чингисов о вопросах благоустройства: если по маршруту следования увидит колдобину или рытвину, сразу слетает повинная голова. Поэтому задача номер один была: замостить площадь таким образом, чтобы горошина, пущенная с западного угла, где стоит памятник, без препятствий докатилась бы до восточного угла, где стоит горком.

Поручили операцию Корнелию Удалову.

Предварительно Батыев вызвал его к себе и долго «возил носом» по ковру. Чтобы Удалов проникся...

Удалов проникся. Перекрыли движение. Сняли асфальт. Стали копать глубже.

За два дня до приезда Чингисова ковш экскаватора натолкнулся на металл — чуть правее памятника, совсем близко к поверхности земли находился верх металлического предмета громадного размера.

Правда, про размер выяснилось к вечеру, когда предмет окопали с целью извлечения. Он оказался космическим кораблем неизвестного происхождения и возраста.

Батыев стоял у окна своего кабинета и гневался. Еще бы ему не гневаться! Если Чингисов увидит, до чего докатилось благоустройство в Великом Гусляре, без наказаний не обойтись.

— Засыпай! — крикнул Батыев из окна.

Удалов, который стоял на краю глубокой ямы и глядел на матовую, обожженную миллионами парсеков овальную поверхность космического корабля, поднял на крик голову и развел руками, потому что за его спиной сплоченной толпой стояла местная общественность. Общественность была готова к бою.

— Людмила, — велел проницательный Батыев, — прикажи немедленно закрыть почту и телеграф. На ремонт.

— Зачем? — спросила секретарша.

— А затем, что в любую минуту общественники начнут сыпать в Москву письма и телеграммы, чтобы к нам приехала комиссия.

— В ГАИ сообщить?

— Умница, — сказал Батыев и ласково ущипнул секретаршу. — Ни один интеллигент не покинет город.

А между тем из окна уже было видно, как общественность спускается к кораблю и постукивает кулаками по обшивке. Даже до кабинета Батыева долетал котельный гул.

Через десять минут профессор Минц, Елена Сергеевна из музея и провизор Савич от творческой интеллигенции попросились к Батыеву на прием.

Батыев демократично обошел стол, чтобы встретить их на полпути. Пожал всем руки. Мысленно пожелав им провалиться сквозь землю, спросил о здоровье и успехах.

— Как вы знаете... — начал профессор.

— Знаю, знаю, — вздохнул Батыев. — Рад бы вытащить, да нет у меня такого крана. И распилить нечем. Так что придется засыпать.

— Мы же не варвары? — спросила Елена Сергеевна.

— Если бы варвары, — сказал задумчиво Батыев, почесывая крепкую малиновую шею, — тогда бы взорвали к чертовой матери.

— Ах! — перепугалась Елена Сергеевна.

— Но мы не варвары! — воскликнул Батыев. — Мы сохраним это произведение природы. Для потомков.

— Правильно, — обрадовался провизор Савич. — Наш город

прославится на весь мир. Еще бы — первый космический корабль с другой планеты.

— С другой? — насторожился Батыев и подошел к окну. — С чего вы решили?

— Это же очевидно.

— Ничего не очевидно. Может, он здесь всегда лежал, — сказал Батыев. — Но заверяю вас: как только завершим соревнования по игре в домино, сразу же займемся исследованиями. Тем более что Родине нужен металл!

— Когда? — не понял Минц. — Когда займемся?

— По завершении. Не хотите же вы погубить репутацию города в глазах гостей и лично товарища Чингисова?

— Как можно сравнивать? — удивился профессор Минц. —Какое-то районное мероприятие и веху в истории человечества...

— Я тебе, Минц, так скажу, — ответил Батыев. — Лично для меня нет ничего выше интересов родного города, который дал мне жизнь, образование и достойный пост. Как патриот и гражданин, приказываю засыпать этот метеорит, а когда соревнования завершатся, посмотрим. Может, и раскопаем.

— Мы будем жаловаться, — сказал Минц.

— Жалуйтесь... — ответил Батыев, и по его тону было ясно, сколько слов он недоговорил.

Как только общественность покинула кабинет, Батыев призвал Удалова:

— Почему не засыпаешь?

— Как же, засыплешь, — плачущим голосом сказал Удалов. — Там уже пионеры понабежали.

— Так, — подытожил Батыев. — Значит, иди домой, Удалов. Не оправдал ты доверия. Не быть тебе начстроем.

Удалов ушел, а Батыев вызвал Слабенко и сказал, что из спецфондов управления всем, кто станет ночью засыпать железяку, будет выдано по тридцать рублей и по бутылке...

Перед отъездом домой Батыев вышел на площадь и постоял на земляном валу, глядя вниз, на округлый бок космического корабля.

Потом растолкал толпу и поехал домой немного поспать, чтобы ночью лично выйти для руководства действиями. Но он еще не знал, что общественники уже отрядили Сашу Грубина в область за подмогой. Грубина сквозь кордоны провез в багажнике «Жигулей» пригородный кооператор Силантьев — кордон он угостил недораспроданными на рынке дынями.

К сожалению, в любом городе найдутся темные силы, готовые порушить идею галактического контакта за тридцать рублей и бу-

тылку водки. Общественность проморгала акцию: частично спала, а частично заседала на квартире у Минца.

Ранним утром люди снова начали стекаться к площади.

Площадь была неузнаваема. Она была залита свежим асфальтом. И обнесена заборчиком, чтобы никто этот асфальт раньше времени не топтал.

— Вы совершили тяжкое преступление! — закричал профессор Минц, стараясь пробиться на площадь мимо старшины Пилипенко.

— Какое преступление? — поинтересовался из окна Батыев.

— Здесь был космический корабль.

— Да вы с ума сошли! — крикнул в ответ Батыев. — В космосе жизни нет.

И тут на площадь въехала серая «Волга», остановилась перед горкомом, и из нее появились три пожилых человека. Они поднялись наверх, вошли к Батыеву.

— Я академик Вайнер, — сказал главный из пришедших. — Нам сообщили, что у вас раскопан древний космический корабль. Поздравляю!

Батыев послушно тряс руку академика, судорожно размышляя, что делать дальше.

Спас его Карась, который как раз находился в кабинете Батыева — они обсуждали, как приструнить общественность.

— Действительно нашли корабль! — подтвердил Карась радостно. — Только почему космический?

— А какой? — удивился академик.

— Поехали, — предложил Карась. — Сейчас покажем.

Батыев пошатнулся. Неужели даже Карась продаст?

Они спустились к подъезду. Академик задержался на секунду, с удивлением глядя на толпу людей, что рвались на огороженное пространство, громко конфликтуя с милиционерами.

— К кроссу готовимся, — быстро сказал Карась. — Сейчас старт будет. Бегом от инфаркта!

Машины не спеша добрались до пристани. Там стоял старый пароход, еще дореволюционный. Который год его собирались переделать под общежитие для туристов.

— Смотрите, — сказал Карась, подводя гостей к пароходу. — Он только на вид дряхлый. Мы нашли его, подняли со дна и теперь устроим здесь музей. Красиво? Хотите ознакомиться?

— Но нам сообщили, что космический... — пробормотал академик Вайнер.

— Если не секрет, кто сообщил? — быстро спросил Карась.

— Молодой человек, назвавшийся Александром Грубиным. Он

привез письмо от профессора Минца. Кстати, мы хотим с ним поговорить.

— Ах, Грубин, Грубин, — вздохнул Карась. — Вечно он со своими розыгрышами. Хулиган.

— Хулиган, — согласился Батыев.

— Сам же провожал Минца в отпуск, — сказал Карась. — Позавчера. Отдыхает профессор.

Проводив до шоссе растерянных гостей, Батыев с Карасем победителями вернулись в город.

— Ну, спасибо, Карась, — сказал Батыев. — Помог ты мне.

— Себе тоже, — ответил Карась. — Мы с вами одной ниточкой повязаны. Если Чингисов увидит, что асфальта нет, обе головы полететь могут.

— Живем тихо, планы выполняем, культуру помаленьку развиваем, — произнес Батыев. — Зачем нездоровое внимание?

— Еще, не дай бог, — сказал Карась, — примчатся иностранные корреспонденты...

— И шпионы, — понизив голос, добавил Батыев. — Обязательно.

— Я так думаю, — предложил Карась, — когда проведем соревнование по домино, надо будет этот корабль все же вытащить, распилить или взорвать.

— Правильно говоришь, — согласился Батыев. — Пока он таится под площадью, мы с тобой сидим на бомбе замедленного действия.

Машина подъехала к площади.

На площади было неладно.

Уже громадная толпа кишела в ее центре. Точно огромные скомканные пласты копировальной бумаги, корежился на площади асфальт. Лопатами, кирками, а то и голыми руками население восстановило злополучную яму.

Открыв люк, Минц первым вошел в корабль. Там лежал в состоянии анабиоза вполне живой космонавт. Его перенесли в больницу и начали оживлять. И корабль на ночь заперли, чтобы никто не забрался внутрь.

Пока медицина возилась с космонавтом, на город опустилась летняя ночь. И никто не видел, как на площадь вышла массивная фигура Батыева. Он взял лопату и принялся засыпать яму.

Батыев работал до рассвета, но яма почти не уменьшалась.

Наступило утро, уже пошли на работу люди, местное радио передало второй бюллетень о состоянии здоровья пришельца, который раскрыл глаза и сказал всем спасибо. А Батыев все засыпал яму.

В девять часов к Батыеву присоединился Кобчиков из общего отдела. Он рассчитывал на повышение. Секретарша Людмила принесла Батыеву стакан чая с лимоном.

И тут на площадь въехала кавалькада машин во главе с товарищем Чингисовым.

Чингисов сидел на заднем сиденье и уже перекатывал пальцами в кармане горошину, с помощью которой проверял, хорошо ли заботятся о дорогах и площадях во вверенных ему городах и поселках. И что же он увидел? На центральной площади Великого Гусляра зияла яма с пятиэтажный дом, в которой лежала железяка гигантского размера. Возле ямы стоял Батыев и пил чай с лимоном.

Именно эта деталь более всего взбесила Чингисова — районный руководитель не только довел мостовые до жуткого состояния, но еще и цинично распивал чаи.

Все это Чингисов высказал Батыеву. И, не выслушав его объяснений, уехал.

Батыев уселся на краю ямы и первый раз в жизни заплакал.

А в больнице пришелец скушал чашку куриного бульона и сказал, что теперь положит жизнь, чтобы отблагодарить город.

Часть вторая

В кабинет осунувшегося Батыева вошел человек махонького роста с зеленоватым личиком.

— Я пришел, — сказал он, — от имени цивилизованной галактики высказать вам благодарность как отцу города за мое спасение.

— Садитесь, — сказал Батыев. — В ногах правды нет.

Батыев старался улыбаться, хотя улыбаться было не из-за чего — вот-вот в город должны нагрянуть корреспонденты и шпионы.

— Чем могу быть вам полезен? — спросил пришелец.

— Вас, наверное, тянет домой, — сказал Батыев. — К родным. Мы вас не задерживаем.

— Вы благородны, — ответил пришелец. — Но родные подождут. Они ждали восемьсот лет, и ничего с ними не случится.

— Но ваш корабль мешает движению, — сказал Батыев.

— Разумеется, — согласился пришелец. — Десять минут назад я его перенес на берег реки.

Батыев метнулся к окну.

И в самом деле — корабля не было. И ямы не было. И площадь была гладкой, хоть катай горошины. Только покрытие было не

привычного асфальтового цвета, а розового, с жемчужным отливом.

Батыев ахнул.

— Если не возражаете, — сказал пришелец, — я могу сделать покрытие для всех улиц вашего города.

Он полез в карман своего сиреневого комбинезона и достал мешочек.

— Здесь, — сказал пришелец, — затравка. Достаточно разбавить ее в стакане воды — один грамм, не более, а потом вот из этого пульверизатора разбрызгать смесь по улице, мысленно представляя себе, какой ширины должно быть покрытие. И улица замощена.

— Ну, молодец! — восхитился Батыев. — Чаю хочешь?

— Чаю не хочу, пил у Минца. Какую улицу будем мостить?

— Погоди, — сказал Батыев. — Вызовем начстроя и решим...

— Слушай, Слабенко, — сказал Батыев начстрою. — Вот тут товарищ имеет предложение по поводу благоустройства.

— Знаю, — сказал Слабенко, кивая пришельцу. — Площадь-то замостил в рекордные сроки. Плохо только, что без разрешения.

— Слабенко, не будь бюрократом! Лучше планируй, как дальше работать. Чтобы город к завтрему был образцовым. А то приедут иностранцы — что увидят? Вы сколько у нас еще останетесь?

— Сколько надо, — ответил пришелец. — Но не связывайте мое пребывание с хозяйственными работами. Затравку я вам оставлю. И каждый сможет делать любые дороги и так далее...

— Что значит «так далее»? — насторожился Батыев.

— Можно дома строить...

— Какие дома?

— Любые, — сказал пришелец. — Берете затравку, смешиваете со стаканом воды, поливаете на землю и мысленно представляете, какой нужен дом. И он растет.

— А скобянка? А сантехника?

— Все будет как положено, — сказал пришелец.

Батыев прошелся по кабинету, затем поглядел на Слабенко:

— Сечешь? Выходим на первое место в области. А ты — пришельцы, пришельцы... Надо верить в космическое братство!..

Батыев ласково положил руку на плечо пришельца.

— Так я пошел делать улицы? — спросил пришелец.

— Иди, — сказал Батыев. — С богом!

Пришелец ушел, а Слабенко, оставшись в кабинете с Батыевым, сказал:

— Кранты нам, товарищ Батыев.

— Ты о чем?

— Давно вы сидите начальником, а простых вещей не понимаете. Для чего я в городе?

— Чтобы строить, — сказал Батыев.

— Правильно. Поэтому у меня бухгалтеры есть, рабочий класс, кассиры — всего двести шестьдесят человек, не считая подразделений. И все при деле.

— И все план не выполняют! — перебил начстроя Батыев. — Зачем только хлеб едите? Пришел вот один пришелец...

— Вот именно, — сказал Слабенко. — Не выполняем, но стараемся, принимаем социалистические обязательства, боремся. А теперь что? Куда мне девать аппарат?

Батыев задумался. Потом спросил:

— У тебя все?

— Нет, не все! Он дороги строит вечные. Их ремонтировать не надо. Понял, какая для нас катастрофа?

— Займешься жилищным строительством... — Голос Батыева дрогнул.

— Жилищным? А ты посмотри в окно!

Они подошли к окну. Вдали, на берегу реки, медленно поднимался, этаж за этажом, белоснежный дом. На глазах поднимался. И окна уже были застекленные.

— К обеду жилищная проблема в городе будет решена, — сказал Слабенко. — Значит, еще тысячу человек без работы оставим. А у тебя в конторе отделы промстроя, культстроя — куда их денешь? А меня куда денешь?

— Ну уж ты преувеличиваешь.

— Преувеличиваю? А знаешь, что он в интервью сказал?

— В каком?

— Он вчера интервью дал «Гуслярскому знамени». Он сказал, что покажет, как можно наладить производство тканей и обуви без фабрик и заводов. Он сказал, как можно навести порядок в бухгалтерском учете, установив компьютер, который никогда не сломается... Это же провокация!

— Карась! — крикнул Батыев громовым голосом. — На выход!

И они втроем побежали по улице к растущим небоскребам.

А там пришелец уже показывал Удалову и другим гуслярцам, как можно самому построить за пять минут комфортабельный дом.

— Товарищ пришелец! — закричал Батыев. — Остановитесь!

— Чем могу служить?

— Это правда, что вы компьютер установите?

— Разумеется, но после обеда, — сказал пришелец.

Общественность, что сгрудилась вокруг, захлопала в ладоши.

— А как же бухгалтерия? — спросил Батыев. Он еще не до конца поверил пессимисту Слабенко. Но уже сильно боялся.

— Не нужна больше бухгалтерия, — сказал пришелец.

— И заводы автоматические построите?

— И заводы. И даже автоматические свинофермы. Зачем цивилизованному человеку заниматься таким отсталым трудом?

— Но чем же мы будем управлять? — спросил Батыев.

— А ничем, — сказал пришелец. — Все будет само делаться.

— А мы? А я? А они?

— Вы все займетесь творческим трудом, — сказал пришелец. — У нас на планете все занимаются творческим трудом и никто ничем не управляет.

Ужас охватил Батыева. Нет, он не сдастся!

— Товарищ пришелец, — сказал Батыев, — как я понимаю, скоро корреспонденты приедут, надо бы нам с вами обсудить некоторые организационные вопросы.

— Пожалуйста, — сказал пришелец. — Сейчас я кончу небоскреб, гостиницу и освобожусь.

— Я займу тебя только минут на пять, — сказал Батыев твердо. — Проблемы есть.

— Хорошо, — согласился пришелец. — Корнелий Иванович, вы сможете кончить небоскреб без меня?

— Почему нет? — ответил Удалов. — Дело простое.

Он взял стакан с раствором и занялся строительством.

Батыев подхватил пришельца под одну ручку, Слабенко под вторую, и они быстро поволокли его к реке.

У космического корабля остановились.

Слабенко уже понял, чего хочет Батыев. Он подтолкнул пришельца к открытому люку корабля и сказал:

— Давай вали отсюда! Чтобы твоего духу не было!

— Я вас не понял, — промямлил пришелец. — Разве я нарушил какой-то ваш обычай?

Батыев испугался, что пришелец начнет звать на помощь общественность — тогда неприятностей не оберешься.

— Слушай, — сказал он как можно сердечнее. — Мы тебя очень просим: немедленно улетай и больше не прилетай.

— Но почему?

— Из гуманизма, — сказал Батыев. — Из любви к людям.

— Я не понимаю. Я все делаю из гуманизма. У меня нет других намерений, кроме космического сотрудничества.

— Мы, люди, — сказал Батыев, — привыкли жить в борьбе. Все, что сделано вокруг, — Батыев обвел рукой окрестности: недостроенное здание общежития, мусорную свалку, трубу, из которой лилась в реку вонючая жидкость, замусоренный пляж, — все добыто в труде и бою. Мы боремся с природой, мы выигрываем и проигрываем битвы за урожай, мы боремся даже за товарищеское отношение к женщинам. Что же ты, пришелец, нам предлагаешь? Разоружиться? Опустить руки? Нет! Мы не сдадимся на милость прогресса, мы сами придем к высотам. И в этом есть великий гуманизм.

— Это странно, — сказал пришелец.

— Вы видели, сколько людей сидит в доме, где я работаю? — спросил Батыев. — Триста с лишним человек. И это только кажется, что они курят и пишут бумаги. Они борются и помогают бороться другим. Не лишайте нас права на бой!

— Давай, давай! — сказал Слабенко и как следует подтолкнул пришельца.

Тот влетел в люк.

— Все же удивительно, — донесся голос из корабля. — Я хотел как лучше...

Батыев собственноручно захлопнул крышку люка. Пришелец выглянул в иллюминатор, что-то говорил, но его уже не было слышно. Батыев властно показал пришельцу пальцем вверх. Тот кивнул, и корабль взмыл к небу.

— Значит, так, — сказал Батыев Слабенко. — Беги к Удалову, отними у него стакан, но не выбрасывай. Нам с тобой еще бы по даче построить.

— Понял, — лукаво улыбнулся Слабенко.

— И подготовь документы себе на премию за площадь и небоскреб. А я пойду звонить Чингисову. Пускай приезжает, покатает горошину.

О ЛЮБВИ К БЕССЛОВЕСНЫМ ТВАРЯМ

В то июньское утро Корнелий Иванович проснулся рано. Настроение было хорошее, в теле бодрость. Он потянулся и подошел к окну, чтобы посмотреть, какая погода.

Погода была солнечная, безоблачная, располагающая к действиям. И, окинув взглядом небо, Удалов поглядел вниз, во двор.

Посреди двора стоял небольшой бегемот. Он мерно распахивал розовую пасть, обхрупывая цветущий куст сирени.

— Эй, — бросил Удалов негромко, чтобы не разбудить домашних. — Так не годится.

Сирень выдалась пышная, а бегемоту куст — на один зуб.

Бегемот Удалова не слышал, и поэтому Корнелий Иванович в одной пижаме выскочил из комнаты, побежал вниз по лестнице и только перед дверью спохватился: «Что же это я делаю? Бегу на улицу в одной пижаме, словно у нас во дворе бегемот. Если кому расскажешь, смеяться будут. Ведь у нас во дворе отродясь не было бегемотов».

Удалов стоял перед дверью и не решался на следующий шаг. Следовало либо приоткрыть дверь и убедиться, что глаза тебя не обманули, либо отправиться обратно чистить зубы и умываться.

Вот в этой нерешительной позе Удалова застал Александр Грубин, сосед с первого этажа, который услышал топот и заинтересовался, кому топот принадлежит.

— Ты что? — спросил он.

— Стою, — сказал Удалов.

— Так ты же бежал.

— Куда?

— На улицу бежал. Там что-нибудь есть?

Удалов чуть было не ответил, что там бегемот, но сдержался.

— Ничего там нет. Не веришь, посмотри.

— И посмотрю. — Грубин отвел рукой Удалова от двери.

Он приоткрыл дверь, а Удалов отступил на шаг. Пышная, лохматая шевелюра Грубина, подсвеченная утренним солнцем, покачивалась в дверном проеме. Сейчас, сказал себе Удалов, он обернется и произнесет: «И в самом деле ничего».

— Бегемот, — сказал, обернувшись, Грубин. — Так он у нас всю сирень объест. И, как назло, ни палки, ничего.

— Ты его рукой отгони, он смирный. — У Корнелия от сердца отлегло: лучше бегемот, чем сойти с ума.

Грубин вышел на солнце, Удалов следом. Грубин широкими шагами пошел через двор к бегемоту, Удалов остался у стены.

— Эй! — крикнул Грубин. — Тебе что, травы не хватает?

Бегемот медленно повернул морду — из пасти торчала лиловая гроздь.

Грубин остановился в трех шагах от бегемота.

— Ну иди, иди, — приказал он.

Растворилось окно на втором этаже.

— Это чье животное? — спросил старик Ложкин.

— Сам пришел, — объяснил Удалов. — Вот и прогоняем.

— Разве так бегемотов прогоняют?

— А как?

— Сейчас я в Бреме погляжу, — сказал старик Ложкин и исчез.

— Мама! — закричал сын Удалова Максимка, также высунувшийся из окна. — Мама, погляди, у нас бегемот.

— Иди мойся, — послышался изнутри дома голос Ксении Удаловой. — Куда это Корнелий ни свет ни заря навострился?

Голос Ксении приблизился к окну. Удалов вжался в стену: в пижаме он чувствовал себя неловко.

— Ой! — вскрикнула Ксения пронзительным голосом.

Бегемот испугался, отворил пасть и уронил сирень на землю.

— Он папу съел? — спросил Максимка.

— Корнелий! — закричала Ксения, высовываясь по пояс из окна и заглядывая в бегемотову пасть, словно надеялась увидеть там ноги Удалова.

— Ксюша, — сказал Удалов, отделяясь от стены, — бегемоты, как известно, травоядные.

— Балбес! — откликнулась Ксения. — Я тебя в бегемоте гляжу, а ты, оказывается, на улице в голом виде выступаешь? Где на нем написано, что он травоядный? Может, он тебя за траву считает? Вон будку какую нагулял... Грубин, гони его со двора! Детям скоро в школу.

— Погодите, — вмешался старик Ложкин, появляясь в окне с коричневым томом Брема в руках. — Бегемоты совершенно безопасны, если их не дразнить. Кроме того, перед нами молодая особь, подросток. Грубин, смерь его в длину.

— Чем я его смерю?

— Руками.

— Я его трогать не стану. Дикое же животное.

— Откуда у нас во дворе дикое животное? — спросил Ложкин. — Ты соображаешь, Грубин, что говоришь? Он что, своим ходом из Африки пришел?

— Не знаю.

— То-то. Цирковой он. Я по телевизору смотрел, как в цирке бегемоты выступают.

— Правильно, — добавила старуха Ложкина. — Выполняют функции слона, только размером экономнее. А ты бы, Грубин, пошел штаны надел. В одних трусах на общественной площадке бегаешь. К тебе, Корнелий Иванович, это тоже относится.

— Ну! — поддержала старуху Ложкину Ксения. — Докатился!

— Так бегемот же во дворе, — оправдался Удалов, послушно отправляясь к дому.

Когда минут через десять Удалов вернулся во двор, возле бегемота стояли Ложкин и Василь Васильич, а также гражданка Гаврилова. Думали, что делать. В руке у Ложкина был Брем. В руке у Василь Васильича — длинная палка, которой он постукивал бегемота по морде, чтобы сохранить сирень.

— Стоит? — спросил Удалов.

— Куда же ему деться?

— Так, говоришь, в цирке выступает? — спросил Василь Васильич Ложкина. — Значит, ему приказать можно?

— Попробуй.

— Сидеть! — приказал бегемоту Василь Васильич.

Бегемот потянулся к сирени, и снова пришлось легонько стукнуть его палкой по ноздрям.

— Где же его цирк выступает? — спросил Удалов.

— Где угодно, только не в нашем Гусляре, — ответил вернувшийся Грубин. — Я точно знаю. Цирк уж месяц как закрыт.

— Мужчины, скоро его со двора прогоните? — крикнула сверху Ксения Удалова. — Что, мне за милицией бежать прикажете?

— Из зоопарка, — сказала Гаврилова. — Я точно знаю.

— Ближайший зоопарк в трехстах километрах. И все больше лесом, — возразил Грубин. — Вернее всего, это животное синтетическое, теперь химия достигла громадных успехов. Может быть, где-то здесь уже целая фабрика работает. Смешивают белки и аминокислоты.

Бегемот с тоской и укором взглянул на Грубина. Тот замолчал.

Удалов взял у Василь Васильича палку и стал подталкивать бегемота в бок. Делал он это не очень энергично и с опаской. Раньше ему не приходилось гнать со двора бегемотов.

— Мое терпение лопнуло! — пригрозила из окна Ксения.

Бегемот глядел на Удалова. Из маленьких глаз текли крупные слезы.

— Погоди, Корнелий, — остановил его Василь Васильич, — ты же его палкой, как корову. Нехорошо получается.

— Вдали от дома, от семьи, — проговорила старуха Ложкина. — Одинокий подросток, а что он будет в лесу делать?

— Пропустите, — послышался детский голос.

Сквозь тесную группу жильцов прошел сын Удалова Максимка. Он прижимал к груди батон. Поравнявшись с отцом, Максимка остановился и поглядел Корнелию в глаза. Удалов безмолвно кивнул.

Обеими руками Максимка протянул бегемоту батон, и животное, после некоторого колебания, словно не сразу поверив в человеческую доброту, приоткрыло пасть и приняло дар.

Затем Максимка достал из кармана школьной курточки чистый носовой платок и утер бегемоту слезы. Удалов громко кашлянул:

— Всегда бы так.

...К вечеру освободили от рухляди сарай в углу двора. Когда-то там стоял мотоцикл Погосяна, да потом Погосян уехал из Гусляра, и в сарай складывали что не нужно, но жалко выкинуть.

В старое корыто налили воды, а в детскую ванночку собирали пищу — у кого остался недоеденный суп или овощи. Дверь в сарай закрывать не стали, чтобы бегемот не скучал.

К вечеру полгорода знало, что в доме шестнадцать по Пушкинской живет приблудный бегемот, неизвестно чей, не кусается, питается пищевыми отходами. Люди с других улиц приходили посмотреть. Экскурсиями ведал Ложкин: как пенсионер, он был свободнее других.

На следующее утро в городской газете появилось такое объявление:

Найден молодой бегемот.
Масть серая, на клички не отзывается.
Владельца просят обращаться по адресу:
г. Великий Гусляр, Пушкинская ул., 16, вход со двора

Никто на объявление не откликнулся. Дали телеграмму в областной зоопарк, запрашивали, не потеряли ли там бегемота. Если потеряли, то можно взять обратно в целости.

А тем временем проходили дни. Бегемот много ел, спал, гулял, узнавал Максимку, ходил с ним гулять к колонке, где Максимка обливал его водой и тер щеткой. Как-то через неделю Грубин с Василь Васильичем взяли с собой бегемота на пляж. Была сенсация. Бегемоту на пляже нравилось, он опускался в реку Гусь по самые ноздри, ребятишки забирались на его широкую спину и ныряли. Спасатель Савелий, играя мышцами, предложил Грубину:

— Может, уступишь его нам заместо дельфина, вытаскивать утопающих?

— Нет, — ответил Грубин. — Спасибо за предложение.

— Почему же? — удивился Савелий. — Мы ему зарплату определим, пойдет на благоустройство вашего двора.

— Во-первых, — объяснил Грубин, — бегемот не наш. Во-вторых, он по сравнению с дельфином — круглый дурак. Еще потопит кого. Ты где-нибудь читал, чтобы бегемоты людей спасали?

— Ничего я не читал, — признался Савелий. — Некогда. Дела.

В последующие дни были другие события: ночью бегемот убежал, и его поймали с фонарями у самой реки, еще через день он наступил на кошку, и пришлось кошку везти к ветеринару, в четверг он догнал Гаврилову, схватил сумку с продуктами и проглотил целиком, включая пачку стирального порошка «Лотос», отчего

целый день из бегемота шла пена. В пятницу он забрался на кухню к Василь Васильичу и выпил горячий суп из кастрюли на плите — потом ему мазали язык сливочным маслом. В субботу жильцы дома № 16, охваченные грустью, сошлись на совещание.

— Разумеется, — начал Ложкин, — мы ставим эксперимент для науки и делаем благородное дело...

— Принюхайся, сосед, — перебил его Удалов. Во дворе сильно пахло хлевом. Бегемот, как и всякое живое существо, не только ел. — Жаль, что он не синтетический, как Грубин предполагал.

— Я от своей теории не отказываюсь, — сказал Грубин. — Вы даже представить не можете могущества современной химии.

— И кормить его не очень просто, — сказала жена Ложкина. — Мы теперь себя даже ограничиваем.

— А куда его денешь? — спросил Удалов. — Куда, спрашивается? Что ответил на нашу телеграмму областной зоопарк?

Все помолчали. Ответ на бланке читали и обижались, но работников зоопарка тоже можно понять. Как бы вы на их месте ответили людям из северного городка, которые запрашивают, что им делать с бегемотом? Ясно, как бы вы ответили? Вот они и ответили.

— А я сегодня на животноводческую ферму ходил, — сказал Василь Васильич.

Бегемот высунул из сарая тупую морду и тихонько замычал. Требовал, чтобы вели к колонке. Удалов отмахнулся.

— Ну и что на ферме?

— Отказались. Наотрез. Бегемот, говорят, молока не дает, а вкусовые качества его мяса под большим сомнением.

— То есть как под сомнением? — удивился Грубин. — Они что, резать его хотели?

— Я бы не дал, — сказал Василь Васильич. — Вы не думайте. Но вообще-то говоря, они скот держат либо за молоко, либо за мясо, либо за шерсть. Четвертого им не дано.

Бегемот выбрался из сарая, подошел поближе.

— Ну вот, опять жрать захотел, — сообщил Ложкин.

Во двор вышла Гаврилова с миской щей. Бегемот увидел ее и поспешил за кормежкой, раскачивая толстым задом.

— Вот что, — решил наконец Удалов. — Я завтра перед работой зайду в домоуправление за справкой, что у нас обитает бегемот. С этой справкой ты, Ложкин, съездишь в область, пригласишь сотрудника из зоопарка. Ведь должны они документу поверить.

На том и порешили. Бегемот в тот вечер обошелся без купания. А Удалов лег спать в смятении чувств, долго ворочался и вздыхал...

* * *

...Он встал в сиреневой мгле разбитый и злой. Вспомнил, что его очередь убирать за скотиной. Взял в коридоре поганое ведро и метлу и отправился во двор к сараю.

— Небось дрыхнешь, — сказал он, заглядывая в теплый, пропахший бегемотовым навозом сарай.

Он ожидал услышать знакомый храп, но в сарае было совсем пусто.

Удалов сразу же выглянул во двор — не открыты ли ворота? Не хватало, чтобы бегемот выскочил на улицу и пошел сам купаться. Еще с машиной столкнется. Но ворота были закрыты.

— Эй, толстый, — позвал Удалов. — Ты где прячешься?

Никакого ответа.

Тревожное чувство подкатилось к груди Удалова.

На полу, на перевернутом корыте, лежала записка:

Дорогие друзья! Простите за то, что, по незнанию языка, я не мог с вами объясниться и сразу поблагодарить за заботу обо мне, бессловесной твари, за человеческое тепло, которым вы окружили меня в этом скромном доме. Как приятно сознавать, что, несмотря на значительную разницу в форме тела и габаритах, вы не пожалели разделить со мной кров и великолепную пищу. Вот воистину замечательный пример галактического содружества! Я не понял ни слова из того, о чем вы говорили в моем присутствии, но дружеские интонации убедили меня в вашей отзывчивости. Благодарю судьбу за то, что она заставила мой космический корабль потерпеть крушение именно над вашим домом! Теперь за мной прилетели друзья, они перевели мою скромную благодарность на ваш язык, и я спешу присоединиться к ним. Но ненадолго. Как только я им объясню ситуацию, они прибудут к вам в гости, потому что я хочу доказать им, что самые добрые и щедрые существа в Галактике обитают именно в доме № 16 по Пушкинской улице.

Искренне ваш Тримбукаунл-пру

— Ну и дела, — сказал Удалов, дочитав записку. — Может, даже лучше, что бегемот ничего не понял. Мы же его за дурака принимали. А это любому неприятно.

Надо было будить соседей, рассказать им, что произошло, и вместе с ними порадоваться. Но тут ворота затрещали и упали внутрь.

Во двор входило целое стадо бегемотов. Разного роста и толщи-

ны бегемоты толпились, чтобы скорей добраться до Удалова и подивиться на самых добрых людей в Галактике.

— Погодите! — воскликнул Удалов, вздымая руки. — Вы же меня растопчете.

Два бегемотика уже бросились к сирени и принялись доедать куст, громадный бегемот в синих очках походя сломал березку и хрупал ее, как былинку, остальные запрудили двор и вежливо ждали, когда их начнут угощать завтраком.

Удалов почувствовал, что теряет сознание...

Светило солнце. Было утро. За окном тихо.

Сон. Всего-навсего. Ну и ладушки. Что-то надо сделать? Ага, сегодня его очередь убирать за бегемотом.

Удалов спустился вниз, взял поганое ведро и метлу и пошел через двор к сараю.

Бегемот еще спал. Он лежал на боку и громко храпел. Удалов стал убирать навоз и думал, что сегодня придется остаться без завтрака: надо успеть до работы получить справку в домоуправлении, что во дворе живет бегемот, а не плод коллективной галлюцинации. И пора Ложкину ехать в зоопарк за специалистом. Скучает животное в одиночестве, да и дом долго не выдержит такого гостя.

Бегемот всхлипнул во сне и медленно перевернулся на другой бок. Удалов замер, опершись на метлу. Печальная мысль пришла ему в голову:

«...Вот свезем мы его в зоопарк, а прилетят его товарищи? Что мы им скажем? Что отдали астронавта в зверинец, поместили в клетку на потеху толпе?

А что они нам на это ответят?»

ПАРОВОЗ ДЛЯ ЦАРЯ

Небольшой космический корабль упал во дворе дома № 16 по Пушкинской улице. Шел дождь со снегом, осень заканчивала свое дело. Упал он бесшумно, так что Корнелий Удалов, который шел на работу, сначала даже не сообразил, какие гости пожаловали прямо к дому.

Корабль повредил край сарая, шмякнулся в лужу, поднял грязь и брызги. И замер.

Удалов вернулся от ворот, обошел корабль вокруг, прикрываясь от дождя цветным пляжным зонтиком, позаимствованным у жены, постучал корабль по боку, надеясь на ответный сигнал, и, не дождавшись, отправился будить соседа Александра Грубина.

— Саша, — сказал Удалов, толкнув пальцем форточку на первом этаже. Форточка отворилась. — Саша, вставай, к нам космический корабль во двор упал.

— Рано еще, — послышался сонный голос Грубина. — Восьми нету.

— Молчит, не откликается, — сказал Удалов. — Может, авария случилась?

— А большой корабль? — спросил Грубин.

— Нет, метра три... Системы «летающее блюдце»...

— А опознавательные знаки есть?

— Опознавательных знаков не видно.

— Ты посторожи, я сейчас оденусь. Дождь на дворе?

— Мерзкая погода. И надо же было ему именно сегодня упасть! У меня в девять совещание.

Удалов вернулся к кораблю, отыскал люк, постучал в него.

— Стемивурам зас? — спросили изнутри.

— Это я, Удалов, — представился Корнелий Иванович. — Вы нарочно к нам приземлились или как?

— Послити, маратакра, — сказал голос изнутри.

— Открывай, открывай, я подожду, — ответил Удалов.

Люк щелкнул, отворился.

Внутри стоял, протирая заспанные глаза, неизвестный Удалову встрепанный космонавт в пижаме.

Внешне он напоминал человека, если не считать чрезвычайно маленького, по пояс Удалову, роста, зеленоватой кожи и жестких волос, которые пучками росли на лбу и на кончике носа.

— Прекрани вслука! — воскликнул космонавт, поглядев на небо, потом на Удалова и на строения, окружающие двор.

— Погода как погода. Для этого времени года в наших широтах мы лучшего и не ждем.

Космонавт поежился на ветру и произнес:

— Струку, крапатака.

— Оденься, — сказал Удалов. — Я подожду.

Он заботливо прикрыл за ушедшим космонавтом люк, а сам зашел за бок корабля: там меньше хлестало дождем. Розовая краска с корабля облезла — видно, не первый день его носило по космическим далям.

Пришел Грубин, накрытый армейской плащ-палаткой.

— Этот? — спросил он, указывая на корабль.

— Вот именно, — подтвердил Удалов.

— Некрупный. А ты как, достучался?

— Сейчас оденется, выйдет.

— Он к нам с визитом или как?

— Еще не выяснил. Погода ему наша не понравилась.

— Кому такая понравится! Не Сочи.

— Всегда я жду чего-нибудь интересного от прилета межзвездных гостей. Развития технологии, науки, искусств, — сказал Удалов. — Даже сердце замирает от перспектив.

— Погоди, может, у него враждебные цели, — сказал Грубин.

— Не похоже. Он в пижаме был, видно, проспал посадку.

— А на каком языке говорит?

— Язык пока непонятен. Ну ничего, расшифруем.

Расшифровывать язык не пришлось. Люк заскрипел, отворился, на землю соскочил космонавт, на этот раз в прозрачном плаще и такой же шляпе.

— Ну что ж, — проговорил Удалов. — Только учтите, что у меня в девять начинается совещание.

Космонавт вытащил из кармана черную коробочку с дырками, затянутыми сеточкой. Включил нажатием кнопки.

— Переводчик у тебя такой, что ли? — догадался Грубин.

Черная коробочка сразу произнесла:

— Вокрочитук па ла-там-пракава?

— Воста, — сказал космонавт, и коробочка повторила:

— Правильно.

С этого момента общение между космонавтом и людьми упростилось. Да и догадка Удалова оказалась правильной: космонавт принадлежал к развитой и продвинутой цивилизации.

Общаться с таким представляло большой интерес.

— Что за планета? — спросил космонавт.

Ему было холодно, он переступал с ножки на ножку, и потому Грубин предложил:

— Зайдемте ко мне, поговорим в тепле. Ну что за беседа на такой погоде.

— Если, конечно, не спешите, — добавил Удалов.

Космонавт махнул ручкой, что означало: куда уж спешить, и они пошли через двор к Грубину.

Космонавт вел себя прилично, вытер ноги, правда, по причине малых размеров на стул его пришлось подсадить.

— Планета наша называется Землей, — начал, когда все устроились, Удалов. — Завтракать будете?

— Нет, спасибо, — отказался космонавт. — Это в каком секторе?

— Сами понимаете, — объяснил Удалов, — у вас свой счет на сектора, у нас — свой.

Тем временем Грубин принес бутылку кефира, налил себе и космонавту. Удалов отказался, потому что завтракал. Космонавт

принюхался к кефиру и сообщил, что слишком кисло, а у него желудок слабый.

— А вы откуда будете? — спросил Удалов.

— С Вапраксилы, — ответил космонавт.

Но это тоже ничего не сказало Удалову. Потому что Вапраксила свободно могла именоваться альфой Птолемея или бетой Центавра.

— И чего пожаловали? Экспедиция?

— Нет, — сказал космонавт, которого звали Вусцем, — нечаянно я к вам попал. Сломалось у меня что-то. Или в приборах, или в двигателе. Вообще-то я летел к моей тетке на Крупису, а вылезаю — оказывается, не Круписа.

— Нет, у нас не Круписа... — сказал Удалов.

— Хотя погоди, — перебил его Грубин. — А не исключено, что они Землю Круписой называют.

— Нет, — возразил Вусц, — на Круписе я бывал неоднократно. Там ничего похожего и совершенно иное население. Не говоря уж о климате.

— Да, неприятная история, — согласился Удалов.

Тут в дверь постучали.

— Кто там? — спросил Грубин.

— Это я, Ложкин, — ответили за дверью. — Выходи скорей. У нас на дворе пустой космический корабль стоит. Может, его обитатели уже разбежались по квартирам с целью грабежа.

— Заходи, Ложкин, — пригласил Грубин. — И будь спокоен.

Ложкин зашел, увидел космонавта и смутился. По суетности своего характера он нечаянно оклеветал гостя.

— Мне очень обидно, — заметил Вусц. — Неужели подобные подозрения свойственны населению Земли? Должен отметить, что это говорит о низкой цивилизованности местного населения.

— Да я же не хотел. Но поймите, выхожу на двор, стоит корабль, незапертый, может, кто из мальчишек заберется.

— Да, — вздохнул космонавт. — Грустно попасть в отсталое общество и подвергнуться подозрениям. Было бы время, многому бы вас научил и просветил.

— Мы никогда не отказываемся от уроков, — сказал Удалов.

— Так что же теперь делать? — спросил Грубин.

— Делать? — Вусц поглядел в окно. Дождь перестал, выглянуло блеклое осеннее солнце. — Есть ли среди вас кто-нибудь, кто разбирается в гравитационных моторах?

— Вообще-то я техникой интересуюсь, — сказал Грубин. — Но с гравитационными двигателями дела не имел.

— Жаль, — огорчился Вусц. — У нас на каждом углу станции

обслуживания. И миллионы, может быть, даже десятки миллионов механиков отлично разбираются в гравитационных двигателях.

— Ну, это понятно. — Ложкин хотел загладить свою вину. — При вашей цивилизации это неудивительно.

— Что ж, — сказал Вусц, — пойдем поглядим, что там...

Они с Грубиным пошли к кораблю. Грубин захватил с собой отвертку и плоскогубцы. Ложкин с Удаловым последовали за ними.

— Больших успехов вы добились в науке? — спросил Удалов по пути.

— Громадных, — ответил космонавт. — По сравнению с вами — даже поразительных.

— Рассказали бы, — попросил Удалов. — Мы соберем общественность, многие придут. А вы расскажете.

— Ну что ж, может быть, и выберу минутку, — предположил Вусц.

Космонавт жестом пригласил Грубина в корабль. Грубин с трудом пролез в люк. Подошвы его ботинок скрылись внутри, потом вновь показалось лицо.

— Тут мне, простите, без вас не разобраться. Где, к примеру, свет зажигается?

Вусц глубоко вздохнул и развел ручонками, словно хотел сказать присутствующим: «Какая темнота! Разве можно доверяться вашим механикам, если они даже не умеют зажигать свет!» Присутствующим стало неловко, и Удалов сказал укоризненно:

— Ну, Саша, чего же ты!

— Выключатель справа в каюте, — сообщил космонавт.

Когда Грубин снова исчез внутри, космонавт сказал:

— Кстати, у нас механики производят починку в отсутствие заказчика. Они пользуются телепатией. Заглянет механик в душу, узнает, на что вы жалуетесь, и тут же принимается за дело. Пять минут, и любая неисправность ликвидирована.

— Да, — согласился Удалов, — у нас до этого еще далеко.

— Этот метод, — продолжал Вусц, — распространяется и на медицину.

— В отсутствие? — спросил Ложкин.

— Нет, с помощью телепатии, — ответил космонавт и сокрушенно покачал головой.

«Да, — подумал Удалов, — трудно ему у нас, когда такой удручающий разрыв в уровне цивилизаций».

В люке снова показалась голова Грубина.

— Послушайте, — начал он. — А в чем у вас поломка? Может,

покажете? Я, честно говоря, так и не разобрался, где тут двигатель, а где кухня.

— На меня не рассчитывайте, — отрезал космонавт. — Я вам, простите, не механик. Если бы у нас каждый занимался не своим делом, мы никогда бы не достигли таких великих успехов.

— Ну и я тогда не буду чинить, — сказал Грубин.

Он уже наполовину вылез из люка, и Ложкин с Удаловым начали запихивать его обратно, чтобы занимался делом.

— Но что я могу поделать! — возражал Грубин. — Они на сто лет нас обогнали, а у меня нет специального образования. К тому же там на всех приборах пломбы висят.

— Вы чего ж нам про пломбы не сказали? — обернулся Удалов к Вусцу.

— Откуда я знаю, есть там пломбы или нет! — возмутился тот. — Я лечу на Крупису, случается поломка не по моей вине, и я оказываюсь на дикой, отсталой планете, в окружении грубых аборигенов, меня никто не понимает, мне никто не хочет помочь.

— Не волнуйтесь, — успокаивал его Удалов. — Мы понимаем ваше состояние. Я сейчас схожу на автобазу, там есть мастер Мишутин, золотые руки.

— Так зовите его! Меня ждут дома!

Удалов, понимая вину человечества перед случайным гостем, поспешил за два квартала за Флором Мишутиным и вскоре возвратился с ним. К тому времени уже все обитатели дома № 16 вышли во двор, познакомились с новым пришельцем, а Коля Гаврилов даже угостил его яблоком.

Флор Мишутин был человек серьезный, он посмотрел на космический корабль и спросил:

— Какой принцип полета?

— Вроде бы на легких гравитонах, — ответил Вусц. — Хотя я не уверен. Но в школе мы проходили, что на легких гравитонах. Если бы на тяжелых, то другая форма корпуса.

— Ага, — сказал Мишутин. — А тип двигателя вы в школе проходили?

— Ни в коем случае. Я специализировался в географии и счетоводстве.

— Мало от тебя проку, — сказал Флор Мишутин.

— Вы не имеете права так говорить, — сказал космонавт. — Вы еще не доросли до критики вышестоящей цивилизации.

— Это точно, — кивнул Флор Мишутин и полез в люк.

Он долго не возвращался, так что все ушли в комнату к Грубину, чтобы послушать пришельца. Правда, тот сначала отнекивался, говорил, что времени у него в обрез, но потом согласился.

— Расскажите нам, дорогой гость, — обратился к нему Удалов, — о своем просвещенном мире. Приобщите нас, так сказать, к тайнам будущего.

Гость вытащил носовой платочек, высморкался и проговорил:

— Наш мир далеко обогнал вас в своем развитии.

Об этом все уже знали. Стали ждать, что еще им скажут.

— Мы достигли полного изобилия и развития техники. Например, я работаю в отдельном кабинете и только нажимаю на кнопки, а порой передаю результаты своих трудов мысленно на специальную машину, которая потом все сводит воедино и кладет на стол руководителю нашего учреждения.

— Вот это здорово! — сказал Удалов, чтобы подбодрить Вусца.

— Это обыкновенно, — поправил его Вусц. — Я удивляюсь, что может быть иначе. На работу и с работы я приезжаю мгновенно. Вхожу в будку около моего дома, нажимаю на кнопку и тут же оказываюсь в такой же будке, только у дверей учреждения.

— А как же эта будка работает? — спросил Грубин.

— Не интересовался, — ответил Вусц. — Дома у нас строят за одну ночь. Вечером очищают площадку, а утром уже дом готов, вплоть до тридцатого этажа.

— Замечательно! — воскликнул Ложкин. — Как же это делается?

— Об этом лучше спросите у строителей. Обеденный перерыв я использую для просмотра новых кинофильмов, которые я выбираю по списку, когда сижу за обеденным столом. А обед я выбираю, нажимая кнопки на столе.

— Как же это делается? — поинтересовался Удалов, который ненавидел очереди в столовой.

— Не знаю, — сказал Вусц. — Это не важно. Важен результат. Когда мне нужно отправиться на соседнюю планету, я вызываю космический корабль, и его присылают к моему дому. Я нажимаю кнопку с названием планеты и потом смотрю кино.

— Эх! — произнес от двери Флор Мишутин, который незаметно вошел и стоял, вытирая руки ветошью. — Если бы ты еще интересовался, что там внутри двигателя, цены бы тебе не было.

— А что случилось? — вскинулся пришелец.

— Течь в гравитонном баке. Горючее кончилось. И вот эта деталь, видишь, треснула. Для чего она — не усек.

Флор вытащил из кармана треснувший посередине шарик размером с грецкий орех.

— Для чего это? В школе не проходили?

— Не издевайтесь надо мной, — возмутился Вусц. — У нас высокоразвитое общество и каждый занимается своим делом. Я чи-

новник. Другой кто-нибудь — техник, еще кто-то — строитель. Это же естественно. То, что произвожу я, потребляют другие. То, что производят другие, потребляю я.

Флор сунул шарик в карман и сказал:

— Пойду еще погляжу.

Помолчали. Удалов испытывал жалость к пришельцу, оторвавшемуся от привычной обстановки. Но старик Ложкин, который затаил некоторую обиду, заметил не без ехидства:

— Не повезло нам с гостем. Надо же, попался такой, который ничего не знает.

— Это не так! — ответил Вусц. — Я отлично знаю, какие кнопки когда нажимать.

— Вот именно. — Ложкин ухмыльнулся.

— А ведь зря к человеку пристал, — защитил гостя Удалов. — Представь себя на его месте.

— Даже и не буду пытаться, — ответил Ложкин. — До такого контраста между развитой цивилизацией и темным ее представителем я бы никогда не упал. Мы-то, чудаки, сбежались: космонавт прилетел с отдаленной планеты, сейчас нас просветит...

— Это только в фантастических рассказах так бывает, — сказал Грубин. — Там всегда пришельцы прилетают и сразу нас учат.

— Пришелец пришельцу рознь! — не согласился Ложкин.

— А ведь проще простого, — нашелся Удалов, глядя на опечаленного Вусца, который скорчился на стуле, поджал ножки и являл собой прискорбное зрелище — будто ребенок, потерявший маму в Центральном универмаге города Москвы. — Я тебе, Ложкин, сейчас в два счета докажу твою неправоту. Хочешь?

— Докажи.

— Тогда представь себе, что я — царь Иван Грозный.

— Еще чего не хватало!

— А ты представь, не сопротивляйся. А Грубин, допустим, его друг — Малюта Скуратов.

— И что?

— А ты — Николай Ложкин, который сел в машину «Жигули» и по непредвиденному стечению обстоятельств сбился с пути и вместо Вологды попал к Ивану Грозному, в его загородный дворец.

— Так нет у меня «Жигулей», ты же знаешь! — сопротивлялся Ложкин. — Зачем такие передержки?

— Это мысленный эксперимент, — настаивал Удалов. — Неужели у тебя вовсе нет воображения?

— Ну ладно, — сдался Ложкин. — А дальше что?

— А дальше я тебя попрошу рассказать, какие у вас в двадцатом веке технические достижения. А ну-ка, расскажи.

— О чем?

— Ну, хотя бы о том, как мне, Ивану Грозному, построить такую же карету, как у тебя.

— «Жигули», что ли?

— Ну, хотя бы что-нибудь попроще. Мотоцикл.

— Это просто. Вот перед тобой машина, скопируй и поезжай.

— А что копировать-то? Я принципа не понимаю.

— Сперва нужен бензин, — ответил Ложкин. Он хотел доказать друзьям, что пришелец Вусц — недоразумение, и потому старался все объяснить доступно. — Ты заливаешь бензин в бак.

— Погоди. — Корнелий Иванович «Грозный» погладил несуществующую бороду. — А что такое бензин?

— Бензин?.. Нефть, знаешь?

— Знаю.

— Очисти ее...

— От чего?

— Как от чего? От мазута.

— Не понимаю! Щеткой, что ли, мне ее чистить?

— Для этого специальная промышленность есть... — Тут Ложкин осекся.

— А ты продолжай, — улыбнулся «царь». — Расскажи мне об этой промышленности. И заодно шинную индустрию опиши.

— Ну ладно, — решил тогда Ложкин, который не любил сдаваться на милость царей. — Я тебе лучше паровоз объясню.

— Ну как? — спросил Удалов у «Малюты Скуратова». — Послушаем про паровоз?

— Давай, — согласился придворный фаворит. — Только если не объяснит, придется его казнить.

— Паровоз движется по принципу сжимания пара, — сообщил Ложкин. — Там поршень ходит, и оттого крутятся колеса.

— Ах, как интересно! — сказал «царь». — И где же поршень ходит?

— Как где? В котле, разумеется.

— Слушай, — предложил «Малюта Скуратов», — может, его сразу казнить? А то время зря тратим.

Ложкин молчал. Вошел Мишутин.

— Не пойдет, — сказал он. — Точно тебе говорю, не пойдет твоя машина. Вызывай аварийку.

— Не может быть! — воскликнул космический гость. — Не губите меня! Может быть, вы пригласите специалистов из вашей столицы?

— Нет, — сказал Мишутин уверенно. — У нас гравитонов не производят. Это точно.

Ложкин проговорил:

— В паровозе два поршня. Пар на них по очереди давит.

— Мы тебя уже казнили, — объяснил ему Грубин. — Так что не беспокойся, не будет у Ивана Грозного своего паровоза.

Пришелец заплакал, не мог смириться с тем, что превратился в Робинзона Крузо, окруженного Пятницами.

Пошел мокрый снег и быстро покрыл густым слоем розовый космический корабль.

С тех пор прошло уже четыре месяца.

Пришелец Вусц, пока суд да дело, устроился счетоводом к Удалову в контору, освоил русский язык, с обязанностями справляется сносно, правда, звезд с неба не хватает. Хотел было он, по наущению Грубина, уехать в Вологду, поступить там в цирк лилипутом, но потом передумал: боязно отрываться от корабля — вдруг его найдут, прилетят за ним.

А корабль схож с громадным сугробом, даже со снежной горой. Дети катаются с него на санках.

Весной, если ничего до тех пор не случится, должен приехать из Архангельска Камаринский, большой друг Флора Мишутина, знаменитый механик. Если уж он не поможет, никто не поможет.

СВЯЗИ ЛИЧНОГО ХАРАКТЕРА

Сидели во дворе, играли в домино. Дело было летом, после дождя, в хорошую погоду. Облака, вытрясая воду, плыли над головой пышные и умиротворенные, лужи сохли быстро, от них поднимался невидимый пар, скоро идти ужинать, игра малость приелась, и пришло время побеседовать о разных вещах.

— Устал я сегодня чего-то, — сказал Василь Васильич, принюхиваясь к сложным ароматам, слетавшимся вниз, к игрокам, из двенадцати кухонь дома.

— Жарко было, — согласился Валентин Кац, размешал костяшки и спросил товарищей: — Еще одну «рыбу» забьем?

И в этот момент во двор вошел Корнелий Удалов. Был он потен, светлые волосики завились, штаны грязные, пиджак через плечо, в руках, вся в белых потеках, банка из-под белил. В ней болтается малярная кисть.

— Корнелий-то, — сказал Погосян, — Корнелий стал маляром, да?

— Дурачье, — сказал Удалов, покосился на свои окна, не наблюдает ли за ним жена его Ксения, и, поставив банку посреди

двора, уселся на скамью. — История со мной случилась. Фантастическая.

— Всегда с тобой что-нибудь случается, — сказал Валентин. — Может, все-таки забьем еще одну «рыбу»?

— Что за история, а? — спросил Погосян.

Удалов, которому очень хотелось поговорить, сразу ответил:

— Дорогу на Грязнуху знаете? К санаторию?

— Ну.

— Там вот все и произошло. Не было сегодня дороги.

— Куда же она, болезная, делась?

— Даже не знаю, что на это ответить, — сказал Удалов. — Рано человечеству об этом знать.

— Ты, Корнелий, не крути, — обиделся Василь Васильич. — Ты всегда в истории попадаешь. И придаешь им космическое значение.

— Вот именно, что космическое. Не менее чем космическое.

— Ясно, — сказал из открытого окна своей комнатки Грубин, который весь этот разговор отлично слышал — занимался работой скучной, но творческой: вырезал на рисовом зерне «Песнь о вещем Олеге». — Ясно, американцы с Луны камень везли, обронили на полпути и по Корнелиевой дороге угодили.

— Циник ты, Грубин, — сказал с тоской Корнелий Удалов.

И видно всем было, что и в самом деле очень ему хочется рассказать, но пока не решается. На выступающих частях его пухлого лица показались капельки пота.

— Циник ты, Грубин, и самое удивительное, что почти угадал, хотя не можешь себе представить всей глубины такого события. Я же слово дал, почти подписку, что не разглашу.

— Ну и не разглашай, — отозвался Грубин.

— Ну и не разглашу, — повторил Удалов.

— Нужны нам твои истории, — сказал Грубин, который, несмотря на эти резкие слова, был лучшим другом Удалова.

— Так что с дорогой приключилось? — спросил Валя Кац. — А то меня сейчас жена ужинать позовет.

— Не поверите, — сказал Удалов.

— Не поверим, — согласился из окна Грубин.

Но Удалов уже решился на рассказ, не слышал грубинских слов, глаза у него помутнели и приобрели отсутствующее выражение, с каким былинные сказители в отдаленные времена вынимали гусли из торбы, обращали лицо к самому князю и начинали разворачивать длинное, увлекательное повествование, правдоподобное для слушателей и совсем невероятное для потомков.

— Я сегодня до Грязнухи пешком пошел, — сказал Удалов. —

До маслозавода автобусом, а там пешком. Нам через месяц нужно будет в санатории крышу перекрывать. Вот и пошел посмотреть.

— А как же твой, Корнелий, персональный грузовик? — спросил Грубин.

— Машина в Потьму за генератором ушла. А я в санаторий отправился. А куда мне спешить, я спрашиваю? Куда мне спешить, если дорога лесом, местами над самым берегом, птицы поют, вокруг никакого движения и даже отдыхающих не видно.

— А это правда, что санаторий прикрыли? — спросил Василь Васильич.

— Временно, — сказал Удалов. — Временно грязевой источник иссяк. Будем, наверно, нарзан возить. Это как решим. Вот я их и встретил.

— Отдыхающих?

— Каких отдыхающих? Людей на «Москвиче». Целая семья. Туристы, наверное. На крыше все привязано: и палатка, и матрац, и детская коляска. Потому я к ним и не подсел — пять человек в машине.

— Зачем тебе к ним подсаживаться?

— Как зачем? Чтобы до санатория подбросили.

— Так они же тебе навстречу ехали.

— Нет, Валентин, ты все путаешь. Сначала они меня обогнали. И я к ним не подсел. Куда спешить? А потом они обратно поехали. Навстречу. Он сам, который за рулем сидит, бледный весь, детишки плачут, высунулся из машины и машет рукой — давай, в смысле, обратно. Вот, думаю, чудак. Не знал я еще, что меня ждет за поворотом.

— За поворотом Корнелия ждал холодный труп, — произнес Грубин.

— Не перебивай, — возмутился Погосян. — Человек рассказывает, понимаешь, а ты перебиваешь.

— За поворотом меня знак ждал. «Идут дорожные работы», знаете такой знак? Треугольный, а в нем человек с лопатой. Я даже удивился: какие такие дорожные работы без ведома ремстройконторы? Город наш небольшой, и не может быть неизвестных работ. И еще меня удивило, что знак странный. Плохо выполнен с точки зрения художественного образа. У рабочего три ноги.

— А кто у вас знаки делает?

— Знаки из Вологды присылают. Знаки — дело милицейское. Да не в этом дело. Плохой ли знак, хороший, но что характерно — три ноги.

— Хулиганство, — сказала старуха Ложкина, которая своего

мужа покормила и теперь высунулась в просвет между аквариумом и канареечной клеткой, чтобы послушать интересную историю.

— И я так подумал, — согласился Удалов. — И меня еще люди в «Москвиче» обеспокоили. Чего они испугались?

— Хулиганство, ясное дело, хулиганство, — повторила старуха Ложкина.

— Знак, значит, стоит, закопан в землю, а из-за поворота слышны звон металла и всевозможные звуки строительных работ. Делаю еще десять шагов, признаюсь, что делаю их со всей осторожностью. Вижу: поперек дороги барьер. И на нем надпись черными буквами: «Проезд воспрещен». А прямо за барьером разворачивается бульдозер странного вида, а на бульдозере сидит, вы мне не поверите, инопланетный пришелец из космоса, и у него четыре руки и три глаза.

— Во дает, — сказал Погосян, который ничему не поверил.

— Валентин, обед стынет! — крикнула жена Каца из окошка.

— Погоди, — ответил Кац. — Дослушаю и приду.

— Вы только подумайте, что делается, — сказала жена Каца через весь двор старухе Ложкиной. — Валентин не бежит, когда его зовут кушать!

— На голове у него был прозрачный шлем, как у космонавтов, — продолжал Удалов, прикрыв глаза, чтобы яснее представить эту картину. — Из шлема торчат проводочки, а костюм на нем оранжевого цвета. Он меня увидел, вида не подал, заглушил мотор, соскочил на землю, и вижу я, что ног у него минимум три, и что характерно — все в различной обуви. Я поздоровался, потому что был в состоянии шока, и он мне тоже говорит: «Здравствуйте».

— Во дает! — сказал Погосян. — «Здравствуйте», значит, на межпланетном языке, а Корнелий, ясное дело, ему обучен, да?

— С детства, — согласился с шуткой Грубин, который оставил свое дело и ни слова из сказанного не пропускал.

— Он мне сказал по-русски, — возразил Удалов. — Ну и я ему ответил: «Кто дал указание работы проводить?»

— Конечно, — сказал Грубин. — Видим мы человека на трех ногах, гостя из далеких звездных миров, а вместо «добро пожаловать» сразу ему ляпаем: «Кто дал указание?»

— Я перепугался, — проговорил Удалов. — В другом случае я бы ему все как надо сказал. А тут с перепугу взял быка за рога.

— А у него и рога были? — удивилась старуха Ложкина.

— Это он фигурально, — пояснил Василь Васильич.

— Я пошел, — сказал Погосян. — Я пошел, а то он меня вместо ужина, понимаешь, баснями кормит.

Но Погосян никуда не ушел. Ему хотелось, чтобы его стали ос-

танавливать, говорить, что все это шутка, но никто не останавливал и не говорил. Все знали, что, хотя у Удалова сильно развито воображение, хотя он человек нервный, он крайне правдив.

— Я его спрашиваю, — продолжал между тем Удалов, — а он машет своими ручонками и говорит: «Скандал, безобразие получается».

— Крупные они, пришельцы? — спросил Василь Васильич.

— Нет, не крупные, с третьеклассника.

— Я так и думал, — сказал Василь Васильич. — Откуда им быть крупными?

— Я хотел под шлагбаум подлезть, а он сначала не пускал, на надпись показывал, лопотал, что вход воспрещен. Ну, я ему и указал, что являюсь начальником ремстройконторы города Великий Гусляр, на окраине которого он ведет неизвестные работы.

— И не испугался?

— Испугался я потом, — признался Удалов. — А сначала меня взяло возмущение. Ездит тут на бульдозере, не пускает, людей пугает, и что характерно, бульдозер также не нашей марки. Тогда пришелец этот оробел и говорит мне: «Извините, не будете ли так любезны проследовать за мной, поговорить с нашим руководством?»

Жена Каца высунулась из окошка по талию и чуть не свалилась вниз.

— И ты пошел?

— А чего же? Пошел. Подлез под бульдозер, завернул за поворот, а там за холмиком открылось мне удивительное зрелище. И тогда я внутренне все осознал. Метров за тридцать дорога там была полностью разрушена, будто по ней громадным молотком стукнули или лавину обрушили сверху. Но я-то сразу понял, в чем фокус, — пониже на склоне лежала, накренившись, их летающая тарелочка.

— А какие опознавательные знаки были? — спросил подозрительно Погосян.

— Без опознавательных знаков. Им это не нужно. Лежала эта тарелочка, вокруг нее масса пришельцев. Одни тарелочку чинят, другие на дороге возятся. Техника, приспособления, дорожные машины — удивительно даже, сколько добра в этой тарелочке поместилось.

Грубин вылез из окна — ноги сначала, сам потом — и подошел поближе.

— Я их спрашиваю: «Вынужденная посадка?» Из толпы ко мне один подходит, тоже на трех ногах, и отвечает: «Безобразная посадка. Хулиганская посадка. Я, скажу честно, сделал штурману

строгое предупреждение». Я спрашиваю: «Зачем же так строго?» И тогда он отвечал...

В этот момент Удалов прервал свои речи, ибо почувствовал, как Шехерезада, что слушатели полностью захвачены повествованием.

Удалов повернулся к своему окну и строго спросил:

— Ксения, скоро ужинать?

Ксения ничего не ответила.

— Успеешь еще, поужинаешь, — остановил его Кац. — Ты сначала свою байку доскажи.

— Кому байка, а кому действительность, — сказал Удалов, и никто не засмеялся.

— Давай дальше, — поторопил Василь Васильич. — Прохладно становится.

— Я спрашиваю, значит, — продолжал Удалов, закурив, — «Почему так строго?» А мне главный пришелец отвечает: «А что делать? Представьте, — говорит, — себя на нашем месте. Прилетаем мы на чужую планету. Имеем, — говорит, — строгий приказ в контакты не входить, а лишь проводить визуальные наблюдения. Туземные, — говорит, — цивилизации должны развиваться по своим законам».

— Это кто такие туземные цивилизации? — спросил Погосян.

— Мы, — ответил за Удалова Грубин.

— Мы не туземная, — сказал Погосян. — Это оскорбительное слово. Мы что, получается, голыми бегаем? Голые, да?

— Не оскорбляйся, — сказал Грубин.

А Удалов между тем продолжал:

— «Избираем, — говорит мне главный пришелец, — тихое место на окраине мелкого городка...»

— Это кто такой мелкий городок? — опять перебил Погосян. — Великий Гусляр — мелкий городок, да?

— «Избираем мелкий, тихий городок, хотим сесть неподалеку, чтобы собрать образцы растительной флоры и сделать всякие снимки. И вот по вине этого головотяпа штурмана совершается катастрофа!»

— И правильно, — сказала старуха Ложкина. — Правильно, что строго предупредил штурмана. Если пустили в космос, так работай, а не ушами хлопай.

— Может, он увидел сверху, какая прекрасная наша Земля в окрестностях Великого Гусляра, — сказала жена Каца, — и рука у него дрогнула?

— А что, ихние предупреждения, они с изоляцией или как? — спросил Василь Васильич.

— Не знаю, не спрашивал, — ответил Удалов. — Если кому неинтересно, уходите. Не мешайте. Развели дискуссию.

Находясь в центре внимания, Удалов заметно обнаглел, и в тоне его появились металлические нотки. Слушатели замолкли.

— Вокруг нас роботы суетятся, машины, космонавты, спешат, чтобы их позор не стал достоянием земной общественности. Начальник шлемом качает, вздыхает по-своему и говорит далее: «А каково нам будет, если Галактика узнает, что наш корабль разрушил дорогу на Земле, в окрестностях Великого Гусляра? А представляете себе, как будут хохотать над нами нахальные акарили с планеты Цук? Как будут мяукать в припадке издевательства низменные душой тумсы? Как будут качать всеми своими головами мудрые йыкики? Ведь нас же предупредят на всю Галактику...»

— Нет, не иначе как у них предупреждение со строгой изоляцией, — сказал Василь Васильич.

— И как это ты, Корнелий, запомнил все эти имена? — спросил Грубин.

— Они знали, с кем на Земле встречаться, — ответил с достоинством Корнелий. — «Представляете мое состояние», — говорит этот пришелец, и я, конечно, выражаю ему сочувствие. И тут подходит к нам еще один, в полосатом комбинезончике, черненький, с глазками врозь. И что-то по-своему лопочет. Я пока осматриваюсь, полагаю, что им с дорогой и ремонтом тарелочки придется до ночи провозиться. Даже с ихней хваленой техникой. «Не знаю, — переходит тем временем на русский язык главный пришелец. — Но надеюсь, что сама судьба послала нам разумного и доброго туземца».

— Так и сказал — туземец? — спросил Погосян.

— Так и сказал.

— Тут бы я ему ответил, — произнес Погосян. — Поставил бы его на место. Ведь ты же не голый был!

— Не голый, в пиджаке, — сказал Удалов. — Только я об этом не думал. Они со мной как с братом по разуму разговаривали. Зачем же междупланетные отношения обострять без надобности?

— Правильно, — сказал Василь Васильич, — а то они бы тебя предупредили, только мы тебя и видели.

— Ой! — сказала жена Каца. — Какая опасность.

— Ничего, — успокоил ее Удалов. — Я им сразу ответил: если есть просьба или поручение, люди Земли и Великого Гусляра в моем лице готовы прийти им на помощь.

— Молодец! — одобрил Василь Васильич. — По-нашему ответил.

— И тогда он мне говорит, что есть просьба. Дорогу они починят, следов не останется, тарелочку свою уберут на околоземную орбиту. Но вот белил у них нету.

— Чего?

— Белил. Масляных. Они по обочине дороги вывернули столбики, в труху превратили. А столбики должны быть окрашены в белый цвет во избежание аварии движущегося транспорта. Он меня и просит: принеси, дорогой брат по разуму, нам банку белил. Мы тебя по-царски отблагодарим. Я ему отвечаю: не надо мне наград, всегда готов. А он мне отвечает, что Галактика моей скромной услуги никогда не забудет. Ну и побежал я обратно в город...

Слушатели с минуту сидели в молчании, осознавали, то ли Удалов свой рассказ завершил, то ли будет продолжение. Солнце клонилось к реке, тени стали длиннее, прохладный ветерок потянул из-за леса. У Кацев пригорел ужин, но жена Валентина этого не замечала.

— И все? — спросил наконец Грубин.

— Почти что, — ответил Удалов. Его праздник кончался. Кончался вместе с рассказом. — Я целый час эту банку искал. И кисть тоже. Хозяйственный закрыт, на складе сторож обедать ушел и так далее. Потом прибежал все-таки к ним, нельзя же людей подводить. Прибежал, а знака дорожного нету. И ничего нету. Ни тарелочки, ни машин, ни роботов. Пустота.

— А дорога?

— Дорога полностью починена.

— И ты домой пришел?

— Нет, — сказал Удалов. — Сначала я свое обещание выполнил. Я столбики покрасил.

— А они некрашеные были?

— Некрашеные. Четыре столбика. Новенькие, но некрашеные. И около одного записка лежала. Показать?

— Конечно.

— Глядите.

Удалов достал из кармана сложенную вчетверо записку. Развернул, разгладил на столе. И прочел вслух. Остальные склонились к столу и читали, повторяли за ним слово в слово. Вот что написано было в записке. Печатными буквами, черными чернилами:

Заранее благодарны за помощь. Столбики к вашим услугам. Ваша помощь не будет забыта. Просьба о происшедшем не распространяться.

— И без подписи, — сказал Погосян.

— И правильно, что без подписи, — сказал Василь Васильич. — Только ты, Удалов, доверия не оправдал, и будет тебе при первом же случае серьезное предупреждение с последствиями.

— Это почему же? — вскинулся Удалов.

— Просили не разглашать. А ты разгласил. Знаешь, что за это бывает?

— Ничего подобного! — сказал Удалов с обидой. — Они тоже хороши. Я бы молчал, а они улетели — и никаких следов. Может, мне хотелось им вопросы задать? Может, мне хотелось с ними о будущем посоветоваться? Может, они из благодарности могли не записочку оставить, а хоть какой бульдозер ихней марки для нашей конторы? Разве не правильно я говорю?

И все согласились, что правильно.

— Я даже адреса их не спросил, с какой планеты они прилетели, даже не узнал, что они будут делать, если агрессоры развяжут на Земле ядерную войну. Разве так себя ведут настоящие пришельцы?

И все согласились, что настоящие пришельцы себя так не ведут.

Потом опять все немного помолчали, переваривая серьезное событие. И Погосян спросил:

— А доказательства у тебя, Удалов, есть?

— Какие еще доказательства?

— А доказательства, что ты сегодня с пришельцами виделся?

— Ну, знаете! — возмутился Удалов. — Ну, знаете! А банка эта, которая на виду у вас посреди двора стоит? Из-под белил. Сегодня же брал на складе. За наличный расчет. Зачем мне белила? Зачем мне, спрашиваю, белила? Вы же в курсе, что состою на руководящей работе.

— Правильно говорит, — сказал Василь Васильич. — Зачем ему про белила было врать?

— И завтра же, в воскресенье, — сказал Удалов нервно, — пойдем все вместе на ту дорогу. И вы эти столбики увидите, свежепокрашенные. И такие эти столбики гладкие и ровные, что нашим плотникам никогда не сделать. Словно импортная мебель. И краска на четырех еще свежая.

— Кор-не-лий! — крикнула из окна Ксения Удалова, которая была не в курсе и потому к Удалову уважения не ощущала. — Мне что, третий раз суп греть?

— Иду, Ксюша, иду, — ответил Удалов. — До завтра, — сказал он друзьям и соседям.

— Чего уж там, — сказал ему вслед Василь Васильич, — почему не верить человеку? Конечно, мы ему поверим.

И все поверили. И не поехали на следующий день на ту дорогу, хоть Удалов и уговаривал. Что толку на столбики смотреть?

С тех пор в Великом Гусляре ждали нового прилета братьев по разуму. Потому что уже какие-никакие связи налажены. Связи личного характера.

ОБИДА

Восьмого числа, вечером, Удалов и Грубин решили пойти к профессору Минцу поговорить о таинственных явлениях. Собирался зайти и старик Ложкин, но запаздывал. Радиоприемник на письменном столе, еле видимый за грудами научных статей и рукописей, наигрывал нежные мелодии Моцарта. Когда Лев Христофорович предложил гостям по второй чашке чая, музыка в приемнике прервалась, и послышался резкий голос, говоривший на непонятном языке.

— Хулиганят, — сказал Корнелий Удалов. — Своей волны им не хватает, лезут на Моцарта с комментариями.

— С комментариями? — спросил профессор Минц, поглаживая лысину. — А вы, Корнелий, понимаете их язык?

— Так, через пень-колоду, — смутился Удалов. — Похоже на венгерский.

— Какие еще есть версии? — спросил Минц, обернувшись к Грубину.

— Я настрою, — предложил Грубин. — Я больше музыку люблю.

— Не надо, — остановил его Минц. — Очень любопытно.

Минц задумался. Даже забыл долить друзьям чаю. И не заметил, как вошел Ложкин и громко поздоровался.

Из этого состояния Минц вышел лишь через три минуты.

— Все ясно, — сказал он. — Такого языка на Земле нет. Я мысленно перебрал возможные варианты...

— Но, может, не венгерский, — предположил Удалов. — Может, какой-нибудь очень отдаленный, с которым вы, Лев Христофорович, времени не имели ознакомиться?

— Я не знаю многих языков, — возразил Минц. — Но могу читать на любом. Дело в системе, в структуре языка. Достаточно знать элементарный минимум — языков пятнадцать-шестнадцать, которым я располагаю, чтобы дальнейшие действия диктовались законами лингвистики. Вам понятно, коллеги?

— Понятно, — сказал польщенный Удалов. — Так что же это за язык?

— Инопланетный, — просто ответил Минц. — Итак, что будем делать?

— А то делать, что перевести их воззвание и ответить. Это наш гражданский долг.

— Правильно, Корнелий, — поддержал Грубин. — Если вам, Лев Христофорович, понадобится моя помощь, прошу рассчитывать.

— Невозможно. Этот язык нам не расшифровать, потому что у них нет с нами ни одного общего корня и ни одного общего падежа.

— Вот, — вздохнул Ложкин. — Даже способности профессора Минца ограниченны. Придется писать в Академию наук, а пока получим ответ, пришельцы могут улететь.

— То есть как так ограниченны? — не понял Минц. — Это мои способности ограниченны?

— К сожалению, — согласился Ложкин.

— Саша, — сказал Минц, — вы в самом деле не торопитесь?

— Куда мне торопиться, если предстоит эксперимент?

— Тогда, — Минц строго посмотрел на гостей, — попрошу всех посторонних очистить помещение. Жду всех по окончании работы.

— В смысле когда? — спросил Удалов, послушно направляясь к двери.

— Мы вас вызовем.

Минц широким жестом стряхнул со стола бумаги, в то время как догадливый Грубин тащил из-под кровати небольшой электронный мозг.

— Вызовите, — согласился Ложкин, — не стесняйтесь. Даже если рано будет.

— Может быть поздно, — сказал Минц, включая портативный магнитофон.

Удалов с Ложкиным постояли немножко в коридоре у дверей Минца, не зная, то ли им обижаться, то ли ждать без обиды.

— Ты не помнишь, на какой волне передача была? — спросил наконец Удалов.

— На тридцать одном метре, — ответил Ложкин. — Сам попробуешь расшифровать?

Удалов только покачал отрицательно головой, пошел к себе, тихонько включил приемник и начал искать передачу на инопланетном языке. Передачу он нашел, правда, не на тридцати одном метре — перепутал, как всегда, самоуверенный Ложкин, — а на

шестидесяти. И потом долго сидел Корнелий Иванович, слушая треск и шум в эфире и стараясь по интонациям угадать, как там дела у пришельцев. Жалел он их, сочувствовал и беспокоился. Даже взял приемник с собой в постель, надеясь немного, что во сне сможет овладеть языком методом гипнопедии.

Удалов проснулся от того, что в стекло что-то стукнуло. Может быть, в другой день он бы не обратил внимания на этот стук, но нервы у спящего Удалова были напряжены: ему все время снились пришельцы, протягивающие ему руки за помощью. Удалов осторожно сполз с постели, подбежал к окну. Там, под фонарем, стоял Грубин и махал рукой, вызывая его к себе.

Корнелий взглянул на часы. Половина четвертого. Что ж, немного времени понадобилось его товарищам, чтобы расколоть этот орешек. Стараясь не шуметь, Удалов натянул башмаки, накинул пиджак поверх пижамы и пошел к Минцу. Не так уж важны формальности, когда собираются только мужчины и только единомышленники.

Грубина Удалов нашел в коридоре. Тот стоял перед дверью Ложкина и постукивал в нее костяшками пальцев.

— Я его через окно пытался будить, — сообщил Грубин, — но старик не отзывается. Может, обойдемся без него?

— А что, решили?

— Решили. Уже кое-что понимаем.

— Тогда надо будить. Иначе он нас никогда не простит. Дай-ка я.

Удалов ударил в дверь, но не рассчитал: получилось громче, чем нужно, послышались шаркающие шаги, потом голос ложкинской жены:

— Что? Что случилось? Кто стучит?

— Это я, Удалов. Вашего супруга можно побеспокоить?

— С ума сошли, бродяги проклятые, — зашипела старуха. — Я сейчас вам покажу, как людям ночью покоя не давать.

— Он сам просил, — объяснил Удалов. — Он очень желает присутствовать при открытии.

— Уходите, — сказала Ложкина. — Иначе пожалеете.

— Кто там пришел? — послышался отдаленный голос Ложкина.

— Удалов хулиганит, — откликнулась жена.

— Это с ним бывает, — ответил Ложкин. — Гони его.

— Ну как хотите, — сказал Удалов. — Потом пожалеете.

И они с Грубиным ушли к Минцу.

В кабинете Минца было накурено, гудели многочисленные приборы, слышно было, что из приемника все еще доносятся чуж-

дые слова, но их заглушал другой, механический, переводческий голос, исходивший из приставки. Этот голос говорил по-русски.

— Где Ложкин? — спросил Минц. Он за ночь осунулся, постарел, но улыбался не без гордости. — Где этот скептик?

— Ложкин не хочет просыпаться, — ответил Грубин. — А Удалов сразу пришел.

— В Удалове я не сомневался. Жаль, что не могу разоблачить маловера. Ну ладно, слушайте. Может представить интерес. Только с самого начала должен предупредить вас, Удалов, чтобы не беспокоились. Никакой аварии нет. Их корабль завис над нашим городом на высоте ста тридцати километров и разослал разведчиков.

— Цели мирные? — поинтересовался Удалов.

— Какие могут быть мирные? — послышался голос от двери. Там стоял сонный, растрепанный, злой Ложкин, в халате и шлепанцах.

— Встал все-таки, — ухмыльнулся Удалов.

— Молчи, — сказал Ложкин. — Военная хитрость. Так бы она меня никогда не пустила. Я ей сказал, что за милицией побежал, чтобы тебя к порядку привлечь. На такое благородное дело она меня выпустила. Понимаешь?

— Понимаю, что собственную выгоду за счет товарищей достигаешь. Но не обижаюсь, а даже улыбаюсь.

— И правильно, — оценил Грубин. — Главное, что мы в сборе.

— Не отвлекайтесь, — попросил Минц. — Слушайте. Это интересно.

— Разведчик-два, — произнес голос переводческой машины. — Разведчик-два. Почему не отзываетесь?

— Провожу наблюдение. Очень интересное существо. Четыре конечности. Хвост. Покрыто шерстью. Несет в зубах кость. Возможно, разумное.

— Собака, что ли? — предположил Ложкин. — Что же они, разумных от неразумных не отличают?

— Разведчик-два, — откликнулся корабль пришельцев. — Пора знать, что четвероногие не бывают разумными, так как у них нет рук, чтобы заниматься трудом.

— Вот именно, — согласился Ложкин. — Мы это тоже учили.

— Вижу, как четвероногое с костью пошло на сближение с двуногим в костюме и с руками, — послышался голос разведчика-два.

— И чего они вмешиваются? — рассердился Ложкин. — Типичные агрессоры.

— Наблюдают, — ответил Удалов. — Чего бы им не наблюдать?

— Не по-людски, — сказал Ложкин. — Надо было сперва спус-

титься, поговорить с нами, получить разрешение. Потом бы и наблюдали. Мало ли какие секретные объекты они высмотрят?

— Ну, у нас в Гусляре секретных объектов пока что не было, — усмехнулся Грубин.

— Не исключено, — возразил упрямый пенсионер, — что они есть, но такие секретные, что ты и не подозреваешь.

— Разведчик-три, разведчик-три, — заговорила переводческая машина. — Почему не отвечаешь?

— Заметил странное скопление аборигенов. Стоят в очереди перед хозяйственным магазином. Жду от них разумных поступков.

— Обещали завтра обои выкинуть, — объяснял Грубин. — Три дня уже люди дежурят.

— Стояние в очереди еще не признак разумности, — заключила переводческая машина. — Поищите что-нибудь более перспективное.

— В этом они правы, — вздохнул профессор.

— Неразумные бы толкались, — сказал Ложкин, — а если в очереди, значит, порядок.

— Только бы они днем очередь за водкой не увидели! — всполошился Удалов.

— Вызывает разведчик-два, — услышали они тут, — срочное сообщение. Двуногое существо бежит за четвероногим. Вот оно догнало его... О, я не переживу этого! Двуногое ударило четвероногое ногой! Четвероногое издает жалобные звуки!

Издалека, с улицы, донесся собачий визг. Удалов кинулся к окну. Улица была темна, под отдаленным фонарем мелькнула человеческая тень.

— Ну и что? — воскликнул Ложкин. — Ну шел человек по улице, увидел собаку. Мог же он испугаться? Имел право с испугу ее ногой отогнать? Я спрашиваю, имел ли он право...

Минц поднял руку, стараясь остановить Ложкина.

Голос корабля пришельцев был тверд и категоричен:

— Это важное открытие. Если двуногие бьют четвероногих, следовательно, двуногие неразумны.

— Разумны, но ошибаются! — поправил его Ложкин.

— Говорит разведчик-четыре, — произнесла переводческая машина. — Разрешите вернуться на корабль. Попал в облако дыма, выбрасываемое здешним заводом. Мне плохо... мне плохо...

— Разведчик-четыре, держитесь! Высылаю спасательную команду.

— Ну вот, — вздохнул устало Удалов. — Сколько раз говорили директору фабрики пластиковых игрушек, чтобы установил фильтры...

— Может, это не наша фабрика? — сказал Грубин с надеждой.

— Наша.

И все знали, что наша...

— Надо что-то делать, — решил Удалов. — А то у них останется превратное представление... Фонарик есть?

Минц без слов достал из-под подушки электрический фонарик. Хоть он уже давно жил один, но в детстве мама не давала ему читать по ночам, и он так привык читать под одеялом с электрическим фонариком, что до старости не смог избавиться от такой привычки.

— Я пойду.

Удалов вышел в коридор и спустился во двор. Никто его не остановил.

Удалов встал посреди двора, направил фонарик в небо и зажег его. Затем стал включать и выключать его. Сначала два раза включил и выключил. Потом еще два раза. А еще подождав, включил и выключил его четыре раза подряд.

— Доказывай не доказывай, — проворчал Ложкин, глядевший на это дело в окно, — все равно одиночными действиями агрессию не остановишь.

— Центр! — раздался голос в переводческой приставке. — Во дворе дома № 16 по улице Пушкина наблюдаю двуногую фигуру с электрическим фонариком. По-моему, он пытается доказать мне, что их цивилизация уже достигла умения складывать два и два.

— Вас понял, — послышался ответ. — Вас понял. Разведчик-два, продолжайте наблюдения. Но особенно не переоценивайте своего открытия. Известно несколько видов рыб, которые считают даже до пятнадцати.

— Ну, это им так не пройдет, — возмутился тогда Грубин, выскочил, как есть, через окно во двор со второго этажа, отобрал у Удалова фонарь и начал очень быстро перемещаться по двору, держа фонарь огоньком вверх. Он так быстро бегал, что на фоне черной земли возникли очертания известной теоремы Пифагора.

Когда Грубин уморился от беготни и остановился, в приемнике снова раздались два голоса:

— Докладывает разведчик-два. Центр, слушай, может быть, мне показалось, но другой абориген бегал по двору того же дома и с помощью фонарика пытался показать мне общее начертание известной теоремы «штаны Приудоникса».

— Пифагоровы, Пифагоровы, — поправил строго Ложкин.

— Прекратите наблюдение за ничтожным объектом, — сказал голос Центра. — Уровень цивилизации измеряется не отдельными попытками научиться считать или даже читать, а ее общими дос-

тижениями. Разведчик-один, сообщите мне, каковы результаты замеров у края их муравьиного скопления.

— Я потрясен, — раздался голос первого разведчика. — Они выбрасывают грязь в водоемы и воздух, которым дышат, причем не только сами дышат, но и заставляют дышать окружающих.

— Слышите, разведчик-два? Они буквально ходят под себя. Вам понятно это грубоватое выражение?

Ложкин протянул руку и хлопнул ладонью по кнопкам.

Разговор инопланетных исследователей прервался.

— Хватит, — не выдержал Ложкин. — Это мне противно слушать.

— Погодите.

Минц включил систему вновь.

Вернулись Грубин с Удаловым.

— Как результаты? — спросил Грубин. — Они теорему угадали?

— Они Пифагора Приудониксом зовут, — сообщил Ложкин. — Нечего нам с ними разговаривать.

— Неужели связь налажена? — обрадовался Удалов.

— Боюсь, что наоборот, — сказал Минц. — Они не хотят признавать нас разумными.

— За что же?

— Их не убеждает, что мы знаем теоремы. Они считают, что мы грязно живем.

— Лев Христофорович! — взмолился Удалов. — Нельзя ли машину наоборот переставить? Чтобы мы им сказали...

— Постараюсь. — Профессор начал щелкать кнопками. — Вот, можете, Корнелий Иванович, общаться с братьями по разуму, сколько вам хочется.

Удалов взял микрофон, прокашлялся и начал:

— Вы меня слышите, братья по разуму?

— Кто вышел на связь, кто вышел на связь без разрешения? — рявкнул в ответ Центр.

— К вам обращаются представители земной цивилизации. Цивилизации, которую вы сейчас увидели собственными глазами и величия которой вы не смогли осознать!

— Хорошо излагает, — одобрил Ложкин. — Ты не стесняйся.

— Выйдите из эфира, вы мешаете нормальной работе, — ответил Центр. — Мы не вступаем в переговоры с аборигенами.

— Мы не аборигены, — возразил Удалов. — Мы можем похвастаться большими успехами в науке, сельском хозяйстве, а также в искусстве и литературе.

— Я его взял на луч, — сообщил другой голос, принадлежавший

одному из разведчиков. — Это тот самый, который умеет два и два складывать. Я его узнал.

— Правильно, — согласился Удалов. — Я умею не только считать и писать, как вы высказались в своих разговорах. Я умею также многое другое.

— С ума сойти, — возмутился Центр. — Мы теряем время, а он занимает эфир.

— Присмотритесь к нам! — закричал в отчаянии Удалов. — Нам обидно, что вы нас не признаете. Мы достойны дружбы и товарищества.

— Придется улетать, — решил Центр. — Разведчиков прошу вернуться на корабль. Никогда не думал, что аборигены могут быть настолько назойливы и бестактны.

— Так вы не хотите? — угрожающе спросил Ложкин, отобрав у соседа микрофон.

— Мы ничего не хотим, — сказал Центр. — Оставьте нас в покое. Мы прилетаем к планете, открываем ее...

— Не надо нас открывать, — произнес Ложкин. — Мы уже открыты.

— Мы открываем, — настаивал Центр, — разочаровываемся низким уровнем культуры и технологии, узнаем, что вы живете в муравейниках, портите воду и воздух, истребляете других живых существ, делаем вывод, что вам еще надо развиваться миллионы лет, чтобы получить право зваться цивилизацией, и вдруг вы имеете наглость вмешиваться в наши разговоры, в нашу деятельность и начинаете выпрашивать наше внимание... нет... Нет, так не пойдет. Разведчики на борту?

— Погодите! — воскликнул Удалов. — Еще не все потеряно. Мы будем учиться!

— Все по местам! — скомандовал Центр. — Дети, наша школьная экскурсия на дикую планету закончилась раньше, чем мы предполагали. Но главное вы поняли — когда видите дикаря, старайтесь держаться от него подальше. Дикарь злобен, нахален и навязчив...

Последние слова донеслись уже тихо — понятно было, что корабль пришельцев улетает от Земли в неведомые дали космоса.

— Да... — вздохнул Грубин. — Это были дети.

— От детей разве дождешься чуткости, — сказал Ложкин. — Дети во всем мире нахальные, а если им разрешают еще по космосу шастать, то таких детей лучше и не слушать.

— Разумеется, — согласился Минц, отключая аппаратуру и протирая глаза — его клонило в сон. — Разумеется, мы можем

скептически отнестись к выводам о нашей жизни, которые принадлежат инопланетным школьникам.

— Если бы взрослые, то поняли бы, — проговорил Удалов.

— Если бы это были взрослые, — тихо поправил его Грубин, — они могли бы и не такие выводы сделать... не в нашу пользу.

— Сколько можно! — возмутился вдруг Ложкин. — Говорю я, говорю везде, что пора заняться очисткой окружающей среды, а то перед космосом стыдно. Ноль внимания! К нам уже космических детей не пускают!

Остальные промолчали.

КОПИЛКА

Моральные нормы в разных концах Галактики различны, а соблазны, порожденные наукой, велики. Попробуйте поставить себя на место существа, с вашей точки зрения безнравственного: как бы вы повели себя на его безнравственном месте? Вот, скажем, поступок Миши Стендаля — он понятен для жителей города Великий Гусляр, но будет ли одобрен на отдаленной планете? И не вызовет ли ответных мер?

Миша Стендаль сидел в городском сквере у центральной площади и ждал автобуса, на котором должна была приехать из Вологды Шурочка Родионова. Автобус запаздывал, и розы, купленные у тетки Ариадны, уже повяли. Было жарко. Шел третий час дня.

Когда пришелец из космоса проходил мимо скамейки, Стендаль не сразу сообразил, что это пришелец, так убедительно он был замаскирован под человека. Но тут Миша увидел копилку.

Пришелец прижимал ее левой рукой к боку, как толкатель прижимает ядро, входя в сектор. Это был шар, покрашенный в красный и желтый цвета таким образом, что мог сойти издали за большое яблоко.

— Разрешите? — спросил пришелец у Стендаля.

— Пожалуйста.

Пришелец сел рядом, положил копилку на колени и прикрыл ее ладонями. С минуту он молчал, глядя на колокольню и ворон над ней, затем обернулся к Стендалю и сказал:

— Автобус опаздывает. Будет через час.

Природа обделила его вопросительной интонацией.

— Как вы узнали? — спросил Стендаль.

— Знаю.

Теперь у Стендаля не оставалось сомнений, что перед ним пришелец из космоса.

— Издалека к нам прилетели?

Жители других городов удивляются обыденности гуслярской реакции на пришельцев. А что удивляться — привыкли, вот и все.

— Имя моей планеты ничего вам не скажет.

Стендаль кивнул, соглашаясь с пришельцем.

— Вы хорошо говорите по-русски, — отметил он.

— Прошел курс обучения. А сейчас мы теряем время.

— Но мы не можем поторопить автобус.

— Но можем поторопить время.

Стендаль сдержал улыбку.

Пришелец поглядел на него в упор. Глаза у него были темные, скучные, настойчивые.

— Люди, — произнес он с осуждением, — враги времени. Они выбрасывают его, терзают, убивают и топчут.

— С вами трудно спорить, — вежливо ответил Стендаль, поглядывая направо, откуда должен был показаться автобус.

— Уже час вы ничего не делаете, — сказал пришелец, — а ждете автобус, который в данный момент меняет спущенный баллон в сорока километрах от вашего города. Я вам могу помочь. Я возьму у вас лишнее время.

— И что произойдет?

— Приедет автобус. Вы встретите свою возлюбленную. А я положу час времени в этот аккумулятор.

Пришелец приподнял ладони, чтобы Стендаль мог лучше рассмотреть копилку.

— Никель-кадмиевый? — спросил Миша, проявляя некоторое знакомство с научно-популярной литературой.

— Нет, стеклянно-оловянный, — ответил пришелец серьезно. — Но с двойным деревянным микросепаратором. Уникальная вещь.

— Понятно, — проговорил Стендаль, потому что ничего не понял. — Но зачем вам время?

Он сразу поверил пришельцу, однако принцип аккумуляции времени был для него нов.

— Время — самая большая ценность во Вселенной. От его недостатка гибнут цивилизации. Я агент по сбору времени. То, что не нужно вам, в ином месте стоит бешеных денег.

Говоря так, пришелец вытащил из кармана серебряный проводок, один конец которого он прикрепил к копилке, а второй, с иголкой на конце, протянул к руке Стендаля.

— Больно не будет, — сказал пришелец. — Только дотроньтесь до конца проводка, и время, которое для вас лишнее, перейдет в мою копилку.

Жара не спадала, автобус опаздывал. Стендаль протянул руку. Правда, оставалась опасность, что пришельцу нужно не время, а, допустим, кровь Стендаля, но вероятность ее была очень мала: среди высокоразвитых цивилизаций, которые посылали корабли к Земле, изуверы еще не встречались.

Стендаль ощутил легкий укол, за которым последовал негромкий щелчок в голове.

— Спасибо, — сказал пришелец. — Надеюсь, мы еще увидимся.

Он сунул проводок в карман и поднялся. Миша вежливо наклонил голову и увидел, что тени на земле стали длиннее. Он поднял голову — кучевые облака, которые висели посреди неба, куда-то исчезли. Стендаль не успел обдумать это, потому что справа из-за угла показался пыльный, усталый автобус. Надо бы поблагодарить пришельца, подумал Стендаль, но того не было видно: наверное, охотился за другими бездельниками. А может, и не надо благодарить, потому что автобус, конечно же, приехал сам по себе. А пришелец ничем не отличался от тех надоедливых гостей из космоса, которые то и дело возникали в Великом Гусляре со своими блокнотами и магнитофонами, чтобы проводить психологические исследования землян.

Шурочка была рада тому, что Стендаль ждет ее. Стендаль сказал:

— Прости, что цветы завяли. Жарко очень.

— Ничего, — успокоила Шурочка. — Я их в воду поставлю. Мы бы не опоздали, если бы не этот баллон.

— Какой баллон?

— Ну, колесо. Целый час меняли, если не больше.

Стендаль посмотрел на часы: начало пятого. Правда, не исключено, что он задремал на скамейке. И все же ему хотелось еще раз встретиться с пришельцем. Если тот не лжет, в Великом Гусляре он найдет золотую жилу.

Вечером, проводив Шурочку из кино, Стендаль столкнулся на улице с Корнелием Удаловым, начальником стройконторы. Тот спешил.

— Миша, — сказал он, — как насчет субботней рыбалки?

— До субботы еще дожить надо, — ответил Стендаль. — Пять дней.

— Если не меньше, — загадочно сказал Удалов и поспешил дальше.

— Я вас провожу! — крикнул Стендаль вдогонку.

— Не стоит.

— Почему?

— Личная встреча.

И тогда Стендаль задал вопрос в лоб:

— Пришельцу время отдаете?

— Что? — Удалов остановился. — Ты знаешь?

— Сам отдавал.

— Тогда идем.

Они шли быстро. Удалов рассказывал:

— Я в магазине был, леску покупал. Там еще другие были. Грубин, Ложкин. Тот пришелец слушал, как мы говорим, а потом подходит ко мне и спрашивает: «Трудно, Корнелий Иванович?» — «Что трудно?» — говорю. «Ждать трудно. Пять дней до субботы, пять дней ждать такого сладкого момента, когда можно будет поплевать на червяка, широко размахнуться и закинуть крючок в тихие воды озера Копенгаген». Ясное дело, человек понимающий. А он продолжает: «Хотел бы ты, Удалов, чтобы завтра с утра была суббота?» — «Шутите!» — отвечаю. «Какие шутки, — говорит он. — Приходи вечером в гостиницу «Гусь», в комнату три, сдашь мне лишнее время». Я решил — шутит, бывают же пришельцы с чувством юмора. Но потом пришел домой, на столе квартальный отчет, жена ворчит. Не выдержал, написал записку...

— Какую записку? — перебил Стендаль.

— А он велел. Напиши, говорит, записку, что тебя в командировку послали. Чтобы другие не спрашивали: где Удалов?

— То-то не нравится мне эта благотворительность, — сказал Стендаль.

Но развить свою мысль не успел, потому что подошли к гостинице и Удалов скрылся за дверью.

А Стендаль остался на улице, чтобы подумать и подождать. Прошло минут пятнадцать. И тут под светом фонаря Стендаль угадал еще одно знакомое лицо. Лицо принадлежало Серафимову. Слегка одутловатое, оно приелось всему городу, потому что не сходило со щита «Не проходите мимо». После того как Стендаль в хлестком фельетоне разоблачил его антиобщественную сущность, Серафимов пить не прекратил, но проникся к Мише уважением, так как благодаря ему приобрел репутацию первого пьяницы в Гусляре. А слава всегда приятна.

Завидев Стендаля, Серафимов широко усмехнулся, вытащил из-за пазухи сильно потертую вырезку из газеты и помахал ею вместо приветствия.

— Помню, — сказал он. — Перечитываю. Здорово ты меня!

— Вы куда собрались? — спросил строго Стендаль, который нес ответственность за судьбу своего антигероя.

— Есть один хороший человек, — ответил Серафимов. — Поможет.

— В чем поможет?

— Комната три. Лишнее время собирает.

— А вы тут при чем?

— До получки сколько, а? Шесть дней. А от прошлой что осталось?

И вместо ответа Серафимов поболтал рукой в кармане, откуда донесся жидкий звон.

— Что он вам обещал?

— Ты, говорит, заснешь, понимаешь, а проснешься — уже и получка.

— А до получки кто за вас работать будет?

— Тоже мне работа, — вздохнул Серафимов. — Одно перевоспитание.

И с этими словами он исчез в дверях гостиницы.

В течение следующего получаса в гостиницу входили разные люди. Некоторые выходили обратно, некоторые — нет. Пробило одиннадцать часов, а Удалов так и не вернулся. Стендаль решительно вошел в гостиницу и постучал в дверь третьего номера.

— Войдите, — послышалось в ответ.

Комната была невелика. Кровать под розовым байковым одеялом с белочками, шкаф, стол с графином и двумя стаканами. На столе рядом с графином лежала копилка.

— Сколько отдаете? — сразу спросил пришелец, не узнав Стендаля.

— Я не отдаю, — сказал Стендаль. — Хочу поговорить.

— Давайте. Только недолго. Трудный день. Собираюсь поспать. Завтра будет еще труднее.

— А как со временем? Не жалко тратить на сон?

— *С моими запасами, — пришелец любовно погладил копилку,* — я могу смело проспать неделю.

— Много набрали?

— Сегодня больше, чем вчера, — туманно ответил пришелец. — Лавинообразный эффект.

— А где Удалов?

— Ищите его в субботу. Он на рыбалку спешил.

— Нет, где он сейчас?

— Не знаю. Я торговый агент, в технические подробности не вдаюсь. Нет его до субботы, нигде нет.

— А Серафимов?

— Возникнет в день зарплаты. И остальные — кто когда. Кстати, хотя мой рабочий день закончился, по дружбе могу взять у вас время до шести завтрашнего вечера.

— Зачем? — не сразу понял Стендаль.

— Шурочка Родионова кончает работу в шесть, — проявил информированность пришелец.

— Нет, спасибо, — сказал Стендаль и откланялся.

Настроение у него было поганое. Он был растерян. Особенно его смущал лавинообразный эффект.

На следующий день Стендаль понял, что пришелец не теряет даром ни минуты. На улицах было меньше людей, чем обычно, автобус оказался полупустым, да и в редакции городской газеты, где Стендаль работал, кое-кого не хватало. Слух о пришельце прошел по всему Великому Гусляру. Стендалю представились ужасные картины опустевшего города, последние жители которого мнутся в очереди к гостиничному номеру.

Надо было что-то делать.

Хорошо бы, конечно, разбить к чертовой бабушке эту копилку. Но вдруг люди, которые неизвестно где отбывают отданное время, не вернутся к своим семьям? Стендалю не давали сосредоточиться визиты и телефонные звонки: женщины, потерявшие мужей, а также мужья, потерявшие жен, штурмовали газету, полагая, что она может им помочь. Особенно тяжелой оказалась встреча с Ксенией Удаловой, которая не поверила в пришельца, поскольку была уверена, что Корнелий уехал в Потьму к мифической возлюбленной Римме.

Сначала Стендаль объяснял, в чем дело, но потом перестал, потому что некоторые тут же кидались к пришельцу, чтобы отдать ему свое время и воссоединиться с близкими.

Шурочка ждала Стендаля в сквере. Сердце его забилось горячо и быстро.

— Мишенька, — произнесла она, глядя на него сияющим взором. — Я так без тебя скучала.

— Я тоже.

— Я освободилась в два часа и стала звонить тебе на работу, а там занято.

— Сумасшедший день, — ответил Стендаль. — Сейчас все расскажу.

— Хорошо, что Мила подсказала, — продолжала Шурочка. — Тут есть один пришелец, он лишнее время берет.

— И что? — Стендалю стало холодно.

— Я к нему сбегала, четыре часа отдала — и сразу сюда.

— Это же не лишнее время! — закричал Стендаль на весь сквер. — Лишнего времени не бывает! Тебя обокрали!

— Но зато сразу встретились...

— Стой здесь, — сказал Стендаль. — Никуда не уходи.

Шурочка послушно замерла.

Стендаль добежал до гостиницы, растолкал очередь жаждущих отдать время и ворвался в номер пришельца в тот момент, когда бабушка Степанкина, которая, как знал Стендаль, через полгода ждала из армии внука, растворялась в воздухе.

— А, это вы, — сказал пришелец. — Давно не виделись. У меня неплохое приобретение. Видели, старушка исчезла? Я ее на шесть месяцев убрал.

— Вы знаете, что вы вор и разрушитель? — спросил зловеще Стендаль.

— Неправда. — Пришелец придвинул к себе копилку, потому что у него была отлично развита интуиция. — Я делаю то, о чем меня просят. Все эти люди живы и здоровы.

— Где живы?

— А это неважно. Если я вам скажу, что они пребывают в компактном подпространстве, вы успокоитесь?

— Не успокоюсь. У нас, людей, есть слабости. Нам кажется, что жизнь построена на ожидании. Кому нечего ждать, тот ни к чему не стремится. И вам это известно.

— Я иду людям навстречу. В чем же моя вина? — Пришелец нахально улыбнулся.

— Вы преступник, — твердо сказал Стендаль. — Вы вор.

— Кстати, о преступниках, — сказал пришелец. — Есть у меня задумка. Имею в виду тюрьму. Но не знаю, как туда проникнуть. Может быть, скромное преступление? За что у вас дают пятнадцать суток? Этого срока мне достаточно.

— Проникнуть туда вам, может, и удастся, но всех пребывающих там... В общем, копилку вам взять не разрешат.

— Вы уверены? Тогда есть другая задумка...

И Стендаль понял, что ждать больше нельзя.

Как тигр, он бросился на копилку и со всего размаха грохнул ее об пол. Микроскопические детали брызнули во все стороны, словно копилка была набита муравьями.

— Простите, — извинился Стендаль, — у меня не было другого выхода.

— Я буду жаловаться! — кричал пришелец, становясь на колени и сгребая руками детали. — Вы думаете, сепараторы на дороге валяются? Ни одна мастерская в ремонт не примет!

Стендаль вышел из номера. Навстречу ему шла Ксения Удалова и тащила за руку сына Максимку. На щеках у нее были две вертикальные полосы от долгих слез.

— Где он? — крикнула Ксения. — Нету больше мочи ждать. Пустите нас к мужу и отцу!

— Возвращайтесь домой, — сказал Стендаль. — Надеюсь, что он вас уже ждет.

Взгляд его упал на часы, висевшие над столом администратора. Маятник их замер в неудобном положении. Стендаль поднес к уху свои часы. Часы молчали.

— Еще бы, — сказал он вслух. — Сколько его там, в копилке, набралось!

Шурочка послушно ждала его в сквере.

— Я разбил копилку, — доложил Стендаль.

— Я поняла, — сказала Шурочка. — Вон сколько народу на улице. И часы у меня остановились. Это теперь всегда так будет?

— Скоро кончится.

— Многие будут недовольны твоим поступком, Миша.

— Я знаю. Но не раскаиваюсь. Ведь ты меня понимаешь?

— Понимаю, — ответила Шурочка с некоторой грустью. — Но иногда так трудно тебя дождаться.

К ним подошел грустный Серафимов.

— Писатель, — сказал он, — дай рубль до получки.

ОНИ УЖЕ ЗДЕСЬ!

Инопланетянин Коко повадился к Удалову. Он третий день ночевал на шкафу, таился от Ксении, которая гнала его метлой. Ксении не нравились ящерицы, покрытые розовыми перьями.

Вечерело. Косые лучи солнца ласкали подоконник, на котором нежился Коко, кося фиолетовым глазом на Удалова, чинившего спиннинг. Из городского парка доносилось хоровое пение: хор речников готовился к юбилею городской пристани.

— Ничего у тебя не получится, Корнелий, — сказал вдруг Коко.

— Ты о чем?

— О твоей мечте. Завтра ты намерен первым катером отправиться вниз по реке, потому что в омуте за Хомутовкой живет налим-долгожитель. Но с рассвета движение катеров по реке отменяется, пристань превратят в трибуну и эстраду. Пока мероприятие не завершится и не будут спеты все песни, никуда ты не отплывешь.

— Ну, это ты преувеличиваешь, — возразил Удалов. — До Хомутовки и даже до Раскола, кроме как катером, ничем не доберешься. Люди по делам, на работу, на рынок ездят...

— Смотрю я на тебя и удивляюсь. — Коко потянулся, почесал коготками гладкий животик. — Знаешь, что я прав, а все равно

завтра попрешься на ту пристань, будешь надеяться, что здравый смысл восторжествует. Что хоть один катер отправят вниз по реке.

— Но зачем все катера отменять? — воскликнул Удалов. — Почему из-за пустого юбилея людям столько неудобств?

— Потому что другим людям на этих людей наплевать.

— Но это неправильно! Об этом по радио теперь критикуют.

Коко мелодично засмеялся.

— Я в школе учил, — продолжал Удалов, — человек человеку друг, товарищ...

— И волк, — нахально вмешался Коко.

— Пришибу, — сказал Удалов. — Надоел ты мне. Никакой ты не галактический брат, а просто провокатор и демагог.

— Ругаться легче легкого, — возразил Коко. — Ты ругаешься, чтобы поменьше думать. Потому-то вы, люди, и станете легкой добычей...

Но чьей добычей, Удалов не услышал, потому что со двора грянула музыка. Это пришел из техникума подросток Гаврилов и включил на полную мощность японскую систему.

— Этого еще не хватало! — возмущался Удалов, закрывая окно. — Сам оглохнет и других изуродует.

— А ему наплевать, — сказал Коко.

— Это что, болезнь?

— Болезнь? — Коко поглядел на Удалова в упор и прикрыл глаза шершавыми пленками. — Да, это болезнь. Хуже СПИДа.

Уголки узкого рта пришельца загнулись кверху — он улыбнулся.

— Ты что-то знаешь?

— Знаю.

— Признавайся.

— Не могу, подписку давал.

— Где?

— На моей планете.

— Как же ты мог подписку на своей планете давать, если это наша, земная болезнь?

Коко вздохнул.

— Люблю я тебя, Удалов, — сказал он. — И ты меня терпишь. Хочешь, правду скажу? Только в обморок не падай.

— Говори.

— Происходит инопланетное вторжение, — сказал Коко.

— Это кто же вторгается?

— Есть желающие.

— Коко, не темни!

— Мы давно собирались Землю завоевать. Искали разные пути.

Ведь мы кто? Гуманисты. Не хотим мы вас бомбами закидывать. Все должно быть культурно. Пришлось нам в людей внедряться.

— Не понимаю.

— Чего тут непонятного? Внедрится, допустим, в подростка Гаврилова наш агент. Тот об этом и не подозревает. И не замечает, как заболевает страшной и неизлечимой болезнью. Название ее слишком научно, чтобы ты понял. Смысл его можно перевести словом «наплевизм». К примеру, решил кто-то поставить галочку в отчете и устроить юбилей речной пристани. Для этого он сорвал с учебы весь речной техникум и заставил учащихся три дня подряд репетировать в городском парке хоровое пение и ходьбу строем. Потом деньги, что выделены на ремонт общежития, он пустил на изготовление трех тысяч цветных флажков и двадцати лозунгов общей длиной четыреста метров. Закрыл движение по реке. Еще много чего совершил, ко всеобщему неудобству.

— Нет, — сказал Удалов. — Ты шутишь. У нас это давно наблюдается.

— Мы тоже не первый год внедряемся.

— Но зачем? Что за смысл?

— Ослабляем сопротивляемость. Кто свяжет рядового наплевиста с инопланетным вторжением? Скажи ты кому об этом — на смех поднимут. Но уже близко то время, когда все будут заражены. Вас и завоевывать не надо будет. Сами свалитесь к нам в лапки, как перезрелые груши.

Удалов зажмурился. Куда идти? В какой набат бить?

— Основной симптом наплевизма — полное несоответствие масштаба собственной выгоды и конечного катастрофического результата. Допустим, страдающий наплевизмом чиновник подписывает бумагу об уничтожении какой-нибудь речки, а то и моря. В каких масштабах он мыслит? В мелких. Он же больной, он же держит в голове только премию в сколько-то рублей, которую получит за новое начинание. А на то, что миллион человек без воды останется, что миллион голов рыбы подохнет, ему наплевать.

— Нет, — сказал Удалов. — Не может быть, чтобы вы это издалека спланировали. Это наше, родное. Газеты читай.

— Не веришь — не надо, — сказал Коко. Он спрыгнул к холодильнику, открыл его, вытащил бутылку кефира, коготком прорвал крышку и стал пить из горлышка. — Еще десять лет, и наплевисты вас по миру пустят. И тогда мы голыми лапками...

— Погоди, — сказал Удалов. — А как отличить, кто зараженный, а кто свой?

— Отличить можно. У них взгляд особый. Вовнутрь. И некото-

рая заторможенность движений. Ведь наплевист, сам того не зная, все время ждет приказа от внедренного паразита.

Тут хлопнула дверь, вошла Ксения. Коко сиганул на шкаф, и разговор прервался.

Но он оставил в душе Удалова глубокую рану. Даже когда Ксения погнала мужа за хлебом и маслом, он ни о чем другом, как о космической угрозе, думать не мог. Смотрел на прохожих с недоверием, заглядывал им в глаза, и верил инопланетному мерзавцу, и не верил.

По улице ехала поливальная машина, поравнялась с толпой, что ждала на остановке автобус, и облила людей. Люди ругались, прыгали во все стороны, а Удалов заглянул в кабину: какой взгляд у водителя? Взгляд ему показался направленным вовнутрь. Вошел Удалов в магазин, продавщица давно ушла куда-то, люди волновались, звали. Наконец продавщица вернулась, в ответ на сетования очереди рявкнула что-то, но показалось Удалову, что с опозданием, словно дождалась приказа внедренного пришельца. И с каждой минутой Удалову становилось все горше.

Он вышел на улицу. Мимо с хоровой песней нестройно шагала колонна речников. И взгляды у них... нет, черт побери! Взгляды разные, старался убедить себя Удалов.

Дорогу ему преградил поток. Прорвало трубу. Из нее хлестало. Водопроводчики сидели поодаль, пили лимонад.

«Сейчас подойду к ним, — сказал себе Удалов, — и прямо скажу: вы же больные люди. В вас внедрили наплевизм. Давайте вместе бороться. А что они мне ответят? Ох, как они мне ответят!» Удалов ускорил шаги и миновал водопроводчиков, так ничего и не сказав. «В конце концов, — убеждал он себя, — что мне, больше всех нужно? Я же ничего не могу поделать. Плевал я...»

Услышав собственную мысль, Удалов замер от ужаса.

Потом сделал два шага, подошел к большой витрине, заглянул в нее. Какой у него взгляд? Вовнутрь или наружу?

Ничего не разберешь.

Сверху донесся мелодичный смех. На крыше табачного киоска сидел пришелец Коко и смеялся.

— Пошутил я, — сказал он. — Не бойся. Ваше это. Ваше. Родное.

ПРОЩАЙ, РЫБАЛКА

Когда Попси-кон с планеты Палистрата посетил Великий Гусляр, он пользовался бескорыстным гостеприимством Корнелия Удалова. Улетая, Попси-кон пригласил Удалова в гости в удобное

для того время. Удобное время случилось следующим летом, и Корнелий Иванович собрался на Палистрату.

Невысокий стройный Попси-кон ждал Удалова на космодроме. Он был несказанно рад другу, обнял и поцеловал в щеки, чему научился на Земле. Беспрестанно болтая, расспрашивая об общих знакомых, о погоде, о жилищном строительстве и видах на урожай в Гусляре, он провел Удалова к своей машине, и они поехали в город.

Удалов с интересом смотрел по сторонам, разглядывая обитателей Палистраты и знакомясь с условиями их жизни.

Машина мягко катила по подметенным улицам столицы, обсаженным невысокими пышными деревьями, мимо скромных, изящных вывесок и со вкусом оформленных витрин. Казалось, что никто в этом городе не спешил, люди терпеливо ждали на перекрестках зеленый свет, чтобы пересечь улицу, дети были вымытые и аккуратные.

— Вот и наш дом, — сказал Попси-кон, останавливая машину у одноэтажного особняка, утопавшего в саду. — Здесь все, Удалов, к твоим услугам. Живи, сколько хочешь, развлекайся, телевизор на столе. Но поначалу на улицу без меня не выходи.

— А что, не изжиты случаи хулиганства? — спросил Удалов.

— Изжиты, — ответил Попси-кон. — Хулиганства у нас почти не наблюдается. Живем тихо. Заняты работой и творчеством. Но есть одна опасность для непосвященного...

Договорить Попси-кон не успел, потому что они вошли в гостиную, где поджидали домочадцы, и Удалов начал с ними знакомиться.

Сначала к Удалову подошла маленькая девочка и сказала:

— Здравствуйте. Как долетели, голубчик? Не трясло?

— Спасибо, крошка, — сказал Удалов. — Долетел отлично. А ты уже в школу ходишь?

Он отыскал в кармане конфету трюфель и протянул ребенку.

Девочка хихикнула и взяла конфету.

— Ты мне не писал, что у тебя дочка есть, — сказал Удалов хозяину дома.

— Дочка? Нет, — ответил Попси, ласково улыбаясь. — Разреши представить. Это мой папа.

Девочка вежливо поклонилась и, сжимая в ручке конфету, бросилась бегом из комнаты.

Удалов откашлялся, но переварить информацию не успел, потому что к нему подошел, протягивая руку, суровый старец с сизой бородой, заплетенной в косички.

Пожимая старику руку, Удалов услышал слова Попси-кона:

— Моя младшая сестра, Куцилия-коп.

— Здравствуйте, — сказал Удалов, вглядываясь: настоящая борода у младшей сестры или так, украшение.

— А жена твоя... — начал Удалов.

— Вот моя жена, знакомьтесь, — сказал Попси-кон, показывая на большую рыжую собаку, которая сидела на стуле.

Собака подняла переднюю лапу, и Удалов вынужден был пожать конечность, но при этом ощутил некоторое раздражение, подумав, что его безжалостно разыгрывают.

— Пойми нас правильно, — сказал Попси-кон, но Удалов перебил его, показывая на белого попугая в клетке:

— А это твой дедушка?

— Нет, — ответил попугай, отодвигая лапкой крючок на дверце. — Меня зовут Клопси-кон, я дядя Попси-кона.

— Ясно, — сказал Удалов, не скрывая сарказма. — Еще родственники есть?

— Есть, — ответила изысканно одетая девушка, выходя из-за портьеры. — Можете меня называть просто Кукси.

— Вы его дедушка? — спросил Удалов не без ехидства.

— Нет, — добродушно улыбнулась Кукси, — я племянница Попси.

— Ну хоть здесь все ясно, — обрадовался Удалов.

Он невольно залюбовался девичьей статью и румянцем Кукси.

— Я уже накрыла на стол, — сказала Кукси. — Мойте руки и спешите, а то остынет.

Попси провел Удалова в туалет, и Корнелий быстро привел себя в порядок, лихорадочно раздумывая, обидеться ли ему на Попси-кона за розыгрыш или пошутить в ответ. Так ничего и не придумав, Удалов вышел к столу, где собрались его новые знакомые, а также еще два ребенка, которые назвались Попсиными тетками, и большой рыжий кот, сказавший басом, что он — племянник жены Попси от первого брака.

Кукси заботливо ухаживала за Удаловым, а Попси и его родственники развлекали Удалова разговорами и были столь многоречивы, что Удалову не удавалось самому задать ни одного вопроса. Но атмосфера, царившая за столом, была настолько теплой и дружеской, что Корнелий чувствовал себя как дома. За кофе кот с попугаем спели для Удалова местную народную песню, а девочка-папа сплясала чечетку. И Удалов решил воздержаться от расспросов — мало ли какие у людей бывают обычаи, мало ли кто и как называет своих родственников и домашних животных. Ведь завела же соседка Удалова Гаврилова собаку породы боксер-такса, а называет ее кисочкой.

После обильного обеда Удалова начало клонить в сон, и Попси отвел его в небольшую уютную спальню и оставил одного.

Удалов спал спокойно. Ему снилось, что к нему подходит шкаф и говорит:

— Я твоя жена Ксения, ты не узнаешь меня, козлик?

— Никогда не подозревал, что ты из красного дерева, — отвечал растерянно Удалов.

— Не беспокойся, это только фанеровка, — говорит шкаф.

— А кто же будет по хозяйству? — беспокоится Удалов. — Кто будет обед готовить, за детьми ухаживать?

— Ничего, — отвечает шкаф. — Ты двигайся, заботься, а я постою.

Удалов был готов к дальнейшим чудесам и потому не очень удивился, когда собравшаяся за завтраком семья Попси-кона оказалась иной, чем вчера. Самого Попси-кона Удалов узнал сразу, а вот милая Кукси предстала в образе толстой обезьянки и засмеялась, когда Удалов пытался отогнать животное от стола, чтобы не утащило коржики.

Кто из остальных родственников сменил за ночь обличье, а кто остался в старой шкуре, Удалов выяснить не смог, да и не стал углубляться в расспросы. Захотят — сами скажут.

После завтрака Попси-кон повел Удалова в музей.

— Здесь у нас скучновато, — сказал Попси, когда они шли через тенистый парк. — Население невелико, жизненный уровень высокий, а культура развита слабо. Скучаем.

— Слушай, — не выдержал Удалов. — Что это у вас происходит? Сначала девушка, потом обезьяна? Неустойчивость какая-то.

— Да, — согласился Попси-кон, — это у нас от скуки. Кстати, Кукси вроде бы раза в три меня толще. Я, правда, давно ее не видел.

— А где ее естественный вид? В шкафу висит?

— Кто знает...

— И трудно в естественный вид вернуться?

— Ну уж нелегко, — согласился Попси-кон.

— А как же преступность? Ведь раздолье для злоумышленников, если у людей внешность меняется. Скрыться легко.

— Ну, с этим мы справляемся, — возразил Попси-кон. — Проследить всегда можно.

Навстречу им шла группа молодых людей. При виде экзотически одетого и экзотически выглядевшего Удалова молодые люди остановились и, как по команде, вынули из карманов мячики с грецкий орех размером и с улыбками протянули Удалову.

Удалов нерешительно взглянул на Попси-кона.

— У меня ничего в обмен нету, — сказал он.

— И не надо, — ответил Попси-кон и велел молодым людям проходить дальше.

Те спрятали шарики в карманы и послушно удалились.

— Неловко получилось, — огорчился Удалов. — Мы их не обидели?

— Нет. Ты же иностранец, тебе уезжать скоро.

— Это меня не оправдывает, — сказал Удалов. — Надо было значков захватить, сувениров.

На улице возле музея Удалова окликнули.

— Эй, — сказало небольшое развесистое деревцо. — Давай, а?

К Удалову протянулась тонкая ветвь, в которой был зажат шарик.

— Нету, — сказал Удалов. — Нет у меня никакого обмена.

В музее Удалов получал эстетическое наслаждение, а Попси-кон шел рядом и радовался, что угодил другу. Все шло нормально до тех пор, пока в одном из залов они не столкнулись с экскурсией, которую вела очень крупная полная женщина с гривой рыжих волос.

— Какая красота! — вырвалось у Попси-кона.

— Нравится? — спросил Удалов. — Признаю. Но не в моем вкусе.

— Это моя мечта, — признался Попси-кон.

— Тогда знакомься, — предложил Удалов. — Если жена не возражает.

— Она не возражает, — ответил Попси-кон. — Она сегодня, если не ошибаюсь, ветеран-железнодорожник. А ты не обидишься? — спросил Попси-кон. — Вроде бы по законам гостеприимства...

— Забудь, — успокоил его Удалов. — Гостеприимство не в этом. Главное в человеке — душа, а формальности оставим дипломатам.

Эти слова убедили Попси-кона. Он направился к экскурсоводше, вынимая из кармана шарик.

Экскурсоводша улыбнулась Попси-кону и сказала слушателям:

— Простите, я сейчас к вам вернусь.

Ой, как у них здесь все просто, подумал Удалов. Даже не познакомились толком. И перед его женой неловко...

Из деликатности Удалов отвернулся и стал смотреть на полотно, изображающее сельскую сцену в момент уборки урожая. Любовался он картиной минуты две, не больше, и вернулся к действительности оттого, что его вежливо тронули за плечо. Рука была мягкой и крупной. Удалов обернулся. Рядом стояла женщина-экскурсовод.

— Пойдем, — сказала она. — Я хочу тебе, Корнелий, показать зал современной скульптуры.

Взгляд Удалова метнулся к группе экскурсантов. Его друг Попси-кон уходил из зала, уводя за собой группу, и даже не обернулся.

Оттолкнув женщину, Удалов метнулся к выходу.

— Попси! — закричал он, нарушая тишину. — Попси, куда ты?

Попси исчез, а внушительная женщина крепко схватила Удалова за рукав.

— Не хватайте, гражданка! — возразил Корнелий. — У меня жена на Земле осталась. Мне это ни к чему.

— Ах, Корнелий, Корнелий, — сказала женщина, не ослабляя хватки. — Ты же не возражал.

— Против чего? — удивился Корнелий. — У нас с вами разговора ни о чем не было. Я вас вообще первый раз вижу.

— Нет, — возразила женщина. — Погоди, я объясню. Садись.

— А мой Попси тем временем исчезнет? Я в этом городе даже дороги домой не найду.

— Я и есть твой Попси, — прошелестела пышная женщина.

— А там?

— А там — экскурсоводша. И я благодарен тебе, Корнелий, что ты не помешал мне воплотить давнюю мечту — побыть в облике настоящей красавицы...

— Объяснитесь... — Удалову трудно было перейти с этой женщиной на «ты», хоть она и претендовала на роль его друга.

— Понимаешь, Корнелий, — сказала женщина, — ты же сам сказал: главное в человеке — душа. Я поменял только телесную оболочку. Мой ум, мои чувства — все сохранилось. Я ощущаю мир как женщина-экскурсовод, я постигаю вселенную, обогащая себя новыми впечатлениями и открытиями. Но внутри — это все равно я, Попси-кон, твой друг. И если не веришь, я скажу тебе, что живешь ты, Корнелий Иванович Удалов, в городе Великий Гусляр, на Пушкинской улице, в доме номер шестнадцать, где еще недавно я пил чай в обществе твоей жены Ксении и твоего соседа Саши Грубина. Как ты понимаешь, такой информацией на всей нашей Палистрате обладаю лишь я, Попси-кон.

— Да, тут ты меня убедил, — сказал Удалов. — Хоть все равно странно. А ты в таком виде замуж можешь выйти?

— Разумеется, могу. Но это случается чрезвычайно редко. Ведь благодаря изобретению нашего великого ученого, покойного Ксикаке-кона, который придумал генератор обмена, — Попси-кон показал Удалову шарик размером с грецкий орех, — меняемся те-

лами мы исключительно для развлечения. С жиру бесимся. Можно сказать, что обмен телами у нас популярное хобби.

— Так, значит, мне предлагали телом поменяться! — воскликнул Удалов. — А я все думал — сувениры, сувениры...

— Но я не хотел вовлекать тебя в наши развлечения, — сказал Попси-кон, поправляя прядь волос, упавшую на лоб. — Тебе возвращаться на Землю, и хотелось вернуть тебя в привычном виде. Разумеется, каждому хочется побывать в шкуре инопланетянина. Но ищи потом Удалова...

— Это правильно, — сказал Удалов, — что ты меня оградил.

— У нас, бывает, тело уйдет по рукам... Говорят, центр нападения в нашей футбольной сборной в каждом матче другой. Потому с футболом у нас неладно — никакой психологической стабильности. Некоторые тела — большой дефицит. Футболистом, кинозвездой каждый хочет стать. Большие деньги приплачивают...

— А премьер-министром? — спросил Удалов.

— Государственным служащим нельзя. Запрещено.

— И правильно, — сказал Удалов.

Удалов кинул взгляд на друга, и глаза его уперлись в полную белую дамскую шею. Стало неловко. Удалов потупился.

— А тебе, Корнелий, советую беречься, — сказал Попси-кон. — Повторяю, желающих на тебя много...

— Нет! — произнес Удалов уверенно. — Ни в коем случае.

Но по дороге к дому Удалова начал терзать соблазн. Ведь можно попробовать на минутку, на десять минут — и обратно. Попросить кого-то знакомого, ну хотя бы Попси-кона...

Попросить Попси-кона Удалов не успел, потому что они подошли к дому, а там Попси сразу вызвали к телефону. Удалов направился в гостиную и уселся в кресло. Его переполняли чувства и мысли. Он решил подождать, пока Попси освободится, чтобы попросить его одолжить на минутку тело... с возвратом.

Тут в комнату вошел пожилой горбун в черном смокинге.

— Здравствуйте, Корнелий Иванович, — сказал он.

— Простите, — ответил Удалов, — я не знаю, с кем имею честь...

— А я Пукси, младший сын Попси, — сказал горбун, разглаживая усы. — Мне девять лет, уже разрешили меняться.

— Ну и как? — спросил Удалов. — Нравится?

— Очень смешно, — ответил мальчик. — Я хочу в школу таким пойти. Правда, у нас вчера Крауксо-коник пришел в виде балерины — его с урока выгнали. А меня выгонят?

— Не знаю, — сказал Удалов. — Я бы выгнал.

— А если я приду в образе инопланетянина? — спросил мальчик.

— В каком образе?

— В вашем! У нас вы один такой. Одолжите свое тело?

— Нет, — сказал Удалов, — ты его потерять можешь.

— А если я не буду из дому выходить? — спросил ребенок.

— Нет... — Но в голосе Удалова не было уверенности.

— Может, вам мое тело не нравится? Так я сейчас поменяюсь. У меня друг в соседнем доме живет...

— А у него что? — спросил Удалов, замирая от предчувствия.

Но горбун с резвостью, странной для пожилого человека, обремененного недугом, уже побежал к выходу.

В доме было тихо. Попугай, населенный в этот момент неизвестно кем из домочадцев, мирно дремал на жердочке, на кухне звенели посудой, рядом прожужжала муха, Удалов хотел было ее прихлопнуть, но испугался. А вдруг она — известный здешний скрипач?

Минуты через три в комнату быстро вошла курчавая девочка лет пятнадцати. В руке она держала шарик. Она протянула его Удалову:

— Это вам генератор, я его взаймы взял. Давайте, быстро меняемся. А то папа придет, он мой поступок не одобрит.

— Это ты, Пукси? — спросил Удалов. — Неловко как-то...

— Да скорей же, скорей, — поморщилась девочка.

— И тут же обратно, — сказал Удалов.

— Ну конечно, попробую и тут же обратно.

Удалов принял шарик, сжал в пальцах. Шарик был тяжелым и прохладным. Девочка вынула из кармашка платья такой же шарик и, протянув руку, коснулась им шарика Удалова. У Корнелия на мгновение помутнело в глазах, он зажмурился, а когда открыл глаза, оказалось, что он стоит не лицом к двери, как только что, а спиной, а перед ним знакомый полный мужчина средних лет с пшеничными редкими, вьющимися на висках волосами и круглым невыразительным лицом. «Господи, — понял Удалов, замирая от ужаса и восторга, — это же я! Какой прогресс!»

Руку холодил шарик.

— Спрячьте, а то потеряете, — сказало ему тело Удалова, в котором скрывался сынишка Попси-кона.

Удалов взглянул на свою ладонь и удивился, увидев, насколько она узка и бледна. Типичная ладошка девочки-подростка. Удалов спрятал шарик в кармашек на юбке — пальцы нашли его привычно. И тут же рука поднялась к виску и обнаружила там густые девичьи кудри.

— Вот это достижение! — сказал Удалов. Голос его оказался тонким и нежным.

А Пукси заметил голосом Удалова:

— Это самое интересное развлечение на свете. Хотел бы я завтра пойти в школу в таком виде. Может, вам нравится девчонкой быть? Я как из школы вернусь...

— И не мечтай! — сказал Удалов тонким девичьим голоском. — Я папе скажу.

В коридоре послышались тяжелые шаги.

— Ой, он идет! — сказал Удалов-Пукси.

Он бросился к раскрытому окну, перемахнул через подоконник и исчез. Удалов-девочка метнулся за ним и только увидел, как его родное тело пробирается сквозь кусты.

— Стой! — закричал он. — Отдай тело!

— Ты кто, девочка? — спросила женщина-экскурсовод.

Удалов обернулся. Горло его свела судорога. Страшно захотелось заплакать. Наверное, обладательница тела была плаксой. Он попытался вспомнить, где у него лежит носовой платок, но рука его коснулась девичьего бедра и в ужасе отдернулась...

— Неужели это ты, Корнелий? — спросил Попси-кон.

— Может быть, — сказал Удалов. — Я не знаю.

— Ты с кем поменялся?

Слезы хлынули из девичьих глаз Корнелия. Он произнес:

— Это твой сын... Он сказал: на минуточку...

— Ну, успокойся. — Толстая женщина обняла девушку за узкие плечики и прижала к себе. — Мы его поймаем, мерзавца!

— А если не пойма-а-а-аем...

Слезы буквально душили Удалова, хлестали из глаз.

— Ты сам виноват, — сказал Попси, — я тебя предупреждал!

— Но я на минутку... Он обещаааааал...

К этому времени все домочадцы Попси-кона сбежались в гостиную, проклиная неразумного мальчишку и глубоко сочувствуя несчастному гостю. Однако Удалов все никак не мог успокоиться, и тогда толстая обезьяна, в которой неизвестно кто в тот момент располагался, сказала так:

— Дорогой Корнелий Иванович, мы обещаем тебе, что найдем гадкого мальчишку и отнимем у него твое тело. Но я советую тебе использовать обстоятельства, в которых ты оказался.

— В каком смысле? — всхлипнул Удалов.

— Иди гулять, наслаждайся погодой и своей молодостью, нюхай цветы, ощути, насколько острее и тоньше стали твои чувства и органы обоняния. Гуляй, Удалов.

— Правильно, — сказал Попси-кон, — погуляй, друг. Мы виноваты не меньше тебя и не оставим тебя в беде...

— Никакая это не беда! — воскликнул попугай. — Считайте, что Удалов приобщился к нашим играм.

Удалов встал со стула, поправил юбочку и, звонко стуча каблучками, пошел к выходу. «В самом деле, — думал он, — все обойдется — ведь не на помойку мое тело выкинули, ну покажет товарищам и отдаст. А пока... Ну кто еще из моих земляков гулял в девичьем теле?»

В саду Удалов остановился перед цветущим кустом роз и вдруг, глядя на шелковые лепестки, на упругие бутоны, впервые в жизни ощутил нежность аромата и изысканное совершенство цветов. «Господи, — подумал он, — какая красота! Что же делал я все мои сорок лет? Почему этот немыслимый рисунок жилок на зеленом листе, почему эта уверенная завершенность траектории полета пчелы раньше проходили мимо моего внимания? Почему я раньше не понимал прелести живой природы? Вот идет юноша, черные волосы шевелит ветерок, глаза синие, глубокие, с вниманием и интересом замерли на мне, он замедлил шаги, вглядываясь в мое лицо. Я краснею?..»

Удалов резко отвернулся от юноши. Это черт знает до чего можно дойти!

В окно высунулась рыжая голова Попси-кона.

— Удалов! — сказал он. — Мы обзваниваем его друзей. Далеко он уйти не мог. У одного он уже побывал, но отказался поменяться телом. Что? — Попси-кон повернулся к кому-то внутри комнаты и исчез.

Удалов непроизвольно кинул взгляд на черноволосого юношу. Юноша не уходил. Бабочка, элегантно покачиваясь в струях душистого воздуха, опустилась на цветок, и Удалов залюбовался ею.

Толстая обезьяна вспрыгнула на подоконник.

— Беда! — сказала она. — Только что звонили! Этот негодяй поменялся твоим телом с подругой. Погоня продолжается!

Удалов не ответил.

А не все ли равно, подумал он, в какой оболочке находиться? Жизнь многообразна, и нужно познать ее тайны, пока не стал стариком и не потерял интереса к преобразованиям.

Удалов поправил юбку и медленно, расцветая девичьим стыдливым румянцем, направился к юноше.

— Здравствуй, — сказал он. — Ты здесь живешь?

— Да, — ответил юноша ломким баском.

— Может, в кино пойдем? — спросил Удалов.

— Нет, — сказал юноша. — У меня к тебе другая просьба.

— А как тебя зовут? — спросил Удалов дрогнувшим голоском.

— Погоди. — Юноша увлек Удалова за кусты, чтобы его не увидели из окон.

Удалов послушно пошел за юношей, заранее трепеща от тех слов, которые суждено услышать. И этот внутренний трепет был, как ни странно, приятен.

— Слушай, — сказал юноша, вынимая из кармана шарик-генератор. — Ты в моем теле. А оно мне страшно понадобилось. Мой друг, враг обменов, сказал, что не будет со мной водиться, если я каждый раз черт знает в каком виде буду ему показываться. Я третий день себя ищу...

— Ты девушка? — спросил Удалов. — А я понял...

— Сделай одолжение, отдай мне тело, — сказал голубоглазый юноша. — Тебе все равно, оно ведь не твое. Хочешь, я приплачу?

— Как не стыдно! — возмутился Удалов. — Я здесь приезжий, второй день живу, сам свое тело разыскиваю... Как не понять!

Удалов извлек шарик, коснулся шарика юноши, и они поменялись телами, хотя, надо признать, Удалов чувствовал некоторую горечь оттого, что юноша оказался девушкой...

В новом теле было жить приятно — тело кипело энергией, хотело прыгать, бегать и совершать поступки. На прощание Удалов пожал девушке руку, ощутив тонкость и хрупкость пальчиков, столь недавно принадлежавших ему, и пожелал ей успехов в личной жизни.

Что теперь? Вернуться домой и ждать у телефона?

Он подошел к окну, заглянул внутрь и спросил обезьяну:

— Новости есть?

Обезьяна удивилась:

— Ты кто такой?

— Удалов.

— Опять поменялся? Ну, ты шустрый!

— Меня очень попросили, — сказал Удалов.

В комнату вошел Попси-кон в облике экскурсоводши.

Удалов ему представился. Попси-кон был подавлен.

— Твое тело передали дальше. Мой сын скрывается в неизвестном виде и в неизвестном месте. Сейчас объявим о пропаже по радио и телевидению. Только не волнуйся!

— Я не волнуюсь, — сказал Удалов.

Но на самом деле он волновался. Новизна ощущения прошла. И в его сердце начала забираться тревога. Тревога усилилась к вечеру, когда обнаружилось, что на телевизионный призыв никто в городе не откликнулся, а вернувшийся домой в образе слоненка и

жестоко выпоротый отпрыск Попси-кона сообщил, что ничем помочь не может.

Новое тело Удалова все время требовало пищи и желало прыгать и бегать. Удалов этого тела стеснялся. До середины следующего дня он скрывался в доме, удерживая тело от попыток вырваться на простор. Попси-кон утешал друга как мог, но разве поможешь утешениями, если у друга хорошо развито воображение и он представляет, что скажет жена Ксения, если он появится в Великом Гусляре в молодежном виде? А что скажут на службе? А если его тело уже утонуло? Или упало с горы? Положение становилось критическим.

После обеда, когда в доме все спали, Удалов вышел на улицу. Его влекло собственное беспокойство и нетерпение молодого тела, которому хотелось размяться. Удалов сдерживал шаги, чтобы не пуститься рысью, и нервно оглядывался по сторонам, потому что не терял надежды случайно встретиться со своим телом.

Он вглядывался в лица и думал: все на свете только фасад, только маски. Так и на Земле бывает: под лицом негодяя скрывается добрейшей души человек, за маской красавицы таится кобра, и как их всех разгадаешь, если не по поступкам?

«А вот и я!» Удалов бросился вслед за округлым мужчиной в черных очках.

— Стой! — закричал он, расталкивая прохожих. — Стой!

Он поймал человека за полу плаща и потянул к себе. Лицо в черных очках воззрилось на него удивленно, и Удалов, сорвав очки, понял, что жестоко ошибся. На зубах незнакомца были золотые коронки, чего себе Удалов никогда не позволял.

— Простите, — сказал печально Удалов, возвращая на место темные очки. — Я вас за себя принял.

— Потеряли тело? — спросил сочувственно прохожий. — Эта проблема встает в нашей жизни все чаще и острее. Собственное тело оказывается нужным при поездках за рубеж, на суде или на экзаменах, при прохождении военной службы или при совершении свадебной церемонии. А некоторые легкомысленные особы позволяют своему телу потеряться. Нет, пора принимать меры!

— Совершенно согласен! — воскликнул Удалов. — Вот мне сорок лет, и притом я здесь приезжий...

— Соблазнились! — вздохнул прохожий. — Вот я тоже... И видите, чем это кончилось?

— Чем?

— Хромаю. Ногу где-то повредили, даже не знаю, при каких обстоятельствах. Поглядите: и рука обожжена, и глаз подбит, приходится в темных очках ходить...

— А мое тело тоже мальчишки взяли, — сказал Удалов.

— Ну, может, обойдется, — успокоил прохожий.

— Мне бы мое... — сказал Удалов. — Пускай с гастритом и зубной болью, но знаете... привык за сорок лет. Если не найду своего тела, уж лучше такое, как ваше, возьму. Хоть не стыдно перед женой и детьми.

И Удалов пошел дальше по улице, ощущая противоречие между бурлящей энергией своего юного тела и горьким настроением сердца.

— Постойте! — догнал его крик прохожего. — Я не могу смотреть без горести на ваше положение. Я согласен помочь вам. Берите!

— Чего брать?

— Тело мое берите. Не первой свежести, но все же... Если вам это поможет.

— Спасибо, — искренне сказал Удалов. — Большое спасибо. Вы настоящий Человек с большой буквы.

Через две минуты Удалов продолжал путь в пожилом, страдающем болями в печени и одышкой теле прохожего. Через темные очки было трудно различать краски, нога не слушалась и все время старалась подогнуться. Чувство благодарности к прохожему постепенно начало уступать место подозрительности. Уж очень тело было никудышным. Даже передвигалось еле-еле. А вдруг его никто не захочет взять? Что же тогда — уходить на пенсию и проводить остаток жизни по санаториям и больницам? Эх, до чего неладно получилось! Знал бы, никогда бы не полетел на Палистрату. Говорила же Ксения — сиди дома, не доведут тебя до добра твои космические приключения!

Путаясь в печальных мыслях и раскаянии, Удалов добрался до реки, что текла на окраине города. У реки сидели несколько рыболовов, кто-то купался, кто-то загорал на травке у берега.

Удалов грустно глядел на эту картину, размышляя, вернуться ли домой или утопиться в этой реке.

И вдруг его взгляд случайно упал на тот берег.

И он не поверил глазам.

Его собственное тело, почти обнаженное, в знакомых синих трусах, загорало на берегу, смежив веки и обратив столь знакомое и в общем приятное лицо к солнцу.

— Корнелий! — закричал он сам себе и тут же замолчал: обладатель его тела и не подозревает, что он и есть Корнелий Удалов.

Проклиная свою немощную оболочку, Удалов сбежал к воде.

— Гражданин! — позвал он.

Но, видно, обладатель его тела спал и не слышал.

Как перебраться через реку?

— Мальчик! — крикнул Удалов ребенку, который резвился в воде. — Ты не хочешь побыть немножко взрослым дядей? Я тебе свое тело дам.

— Такое? — спросил мальчик презрительно. — А что я с ним делать буду? Оно же ничего не умеет.

— Но мне на минутку. Мне очень надо!

— И не надейся, — ответил мальчишка и нырнул.

Ну кого позвать на помощь?

В отчаянии Удалов принялся раздеваться, чтобы попробовать переплыть речку самому, хотя все инстинкты и предчувствия подсказывали, что его новое тело плавать никогда не умело.

Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы Удалова не пожалел рыболов и не перевез на тот берег в лодке.

Его тело мирно дремало под солнцем. Удалов наклонился над телом, искренне любуясь линией своего лба, курчавостью волос на висках, маленькой родинкой на щеке. Мог ли он когда-нибудь предположить, что будет любоваться сам собой...

Обладатель тела почувствовал на себе пристальный взгляд Удалова и открыл глаза.

— Вы кто такой? — спросил он.

— Я Удалов, — сказал Корнелий. — Я за своим телом пришел.

— Не меняюсь, — сказал обладатель тела и повернулся на бок.

— Это еще почему? — удивился Удалов. — Мне домой улетать. Как же я в чужой оболочке, а?

Обладатель смежил глаза и игнорировал просьбы Удалова.

Вокруг стали собираться люди. Рыболов, который привез Удалова с того берега, пришел на помощь.

— Это же гость, понимаете? — сказал он. — Ваш долг вернуть тело.

— Нет, — сказал обладатель, — ни за что! Второго такого тела мне не отыскать.

— Да почему же? — воскликнул Удалов.

— Да потому, что я — Кююкси-кон.

При этих словах обладатель тела раскрыл глаза, сел и обвел удаловским взором толпу любопытных. По толпе прокатился почтительный шепот.

— Кто такой Кююкси-кон? — спросил Удалов.

— Это величайший из писателей нашего времени!

— Ну и что? — удивился Удалов. — Если величайший, значит, тело отдавать не надо?

— Поймите, — сказал Кююкси-кон Удалову. — Я талантливо вживаюсь в чужие образы и фиксирую в убедительных словах но-

вые ощущения и чувства. Для моего нового гениального романа нужен настоящий пришелец. Сегодня утром мне удалось раздобыть ваше тело. Вы теперь — герой будущего шедевра. Понимаете?

— Не хочу, — отрезал Удалов. — Вы мне тело верните. Я заплачу.

— Не нужны мне деньги, — сказал писатель. — Мне нужна слава.

— Ну как же так! — возмутился Удалов, обращаясь к толпе. — Помогите мне, товарищи, войдите в мое положение!

Но никто не сочувствовал Удалову. Все восторженно смотрели на своего знаменитого земляка и стремились пожать ему руку, удаловскую руку. И Удалову хотелось крикнуть: «Поосторожнее! Вы мне пальцы отдавите!»

В этот момент сверху донеслось жужжание. С неба спускался вертолет. Из него выскочил взволнованный Попси-кон.

— Нашли! — закричал Попси-кон, бросаясь к удаловскому телу.

...Переговоры с великим писателем о возврате тела продолжались до полуночи. Сначала на пляже, потом в доме у Попси-кона, наконец на вилле писателя, за бутылками вина. В конце концов договорились, что писатель вернет Удалову тело за день до отъезда, а пока попользуется им, чтобы войти в образ. К ночи писатель с Удаловым так сблизились, что, обнявшись, долго гуляли по тихим улицам, пели песни, как русские, так и палистратовские, и Удалову было странно, но приятно держать самого себя под руку, обнимать за плечи и заглядывать самому себе в пьяные глаза.

Писатель честно вернул Удалову его оболочку в намеченный срок, а две недели до того Удалов, успокоившись, провел в развлечениях. Достаточно сказать, что он посетил восемь музеев, три раза был в театре, дважды в ресторане, пять раз на морских купаниях и, что самое интересное, поменял, теперь уже без боязни, восемь тел, в том числе побыл полчаса тигром, полетал над морем в образе альбатроса и шутки ради обещал руку и сердце одному провинциалу, когда проживал в теле прекрасной манекенщицы.

Провожать Удалова пришли не только Попси-кон с семейством, но и новые друзья, в частности обладатели тел, в которых Удалов пожил. Мальчик, сын Попси, попросил прощения, и Удалов расцеловал его на прощание, что сделать было нетрудно, потому что именно этот сорванец унаследовал тело манекенщицы...

Ксения встретила Удалова ласково — ясно почему, ведь Удалов привез целый чемодан подарков. Поставив обед, Ксения начала разбирать чемодан, а Удалов сел просматривать газеты за последний месяц, так как он сильно отстал в вопросах политики и спорта.

— А это кому? — услышал Удалов голос жены. — Фрукты, что ли?

Ксения держала в руке два шарика. Теперь трудно сказать, забыл ли Удалов вернуть генераторы или сунул в чемодан, надеясь, что вернется когда-нибудь на Палистрату и воспользуется ими снова.

— Положи на место, — сказал Удалов. — Это чуждая техника.

— Техника, говоришь? — сказала Ксения, которая отличалась подозрительностью. — Если чуждая, зачем привез? Сознавайся!

— Ну как тебе объяснить... Есть такая невинная игра... — Удалов отложил газету «Советский спорт» и вкратце поведал жене о странных обычаях на планете Палистрата. Ксения, разумеется, не поверила. Она удаловским рассказам не верила. Зато сразу взревновала мужа к тамошней манекенщице и возмутилась преступными, на ее взгляд, отношениями Удалова и пятнадцатилетней девчушки, тело которой ее муж якобы носил в саду.

Когда Удалову надоело слушать, он поднялся с кресла, протянул жене один шарик и сказал:

— Дотронься до моего шарика, увидишь, что не вру.

— А током не ударит? — спросила Ксения.

— Током не ударит, — сказал Удалов. — На минутку перейдешь в мое тело, а потом обратно. И чтобы больше до шариков не дотрагиваться. Ясно?

Ксения подчинилась. Встала по стойке «смирно», протянула вперед руку с зажатым шариком, зажмурилась, и Удалов, улыбаясь воспоминаниям о Палистрате, легко и привычно коснулся генератором генератора жены. И стал собственной женой.

— Открой глаза, — приказал он.

Ксения в облике Удалова открыла глаза, увидела перед собой Корнелия в образе Ксении и пошатнулась.

— Ох, — сказала она удаловским голосом. — С ума можно сойти.

И бросилась к зеркалу.

— Придумают тоже... — проворчала Ксения, ощупывая мужнино лицо. — Делать людям нечего.

— Ну ладно, — сказал Удалов, протягивая шарик, — поиграли, и хватит. Давай спрячу генераторы.

— Прячь, — согласилась Ксения.

Она обернулась к Удалову, поглядела на его полную женскую фигуру, на встрепанные волосы, на руки, огрубевшие от стирки, и задумалась.

— Ну, — сказал Удалов. — Сколько я ждать буду? Мне к Грубину сходить надо, сувениры я ему привез.

— Ага, — сказала Ксения голосом Удалова. — Сувениры... Козла забивать сядете. Знаю.

— Что за муха тебя укусила? Что случилось?

— А ничего, — проговорила вдруг Ксения. — Ничего особенного. Я раздумала.

— Кончай шутить.

— А я не шучу. Гляжу я сейчас на тебя, Удалов, и думаю. Сравни ты наши жизни. Я весь день с двумя детьми и с тобой вожусь, стираю, готовлю, по магазинам бегаю. Ни минуты мне покоя и никакого просвета в жизни. А ты как живешь? Пришел с работы — к телевизору, от телевизора оторвался — побежал в домино играть, в домино отыграл — с приятелями ля-ля, потом на рыбалку... Наша жизнь несравнима.

— Да ты что? — возмутился Удалов. — Я же конторой руковожу!

— А вот теперь поймешь, что такое мои заботы по сравнению с твоими, — жестко ответила Ксения. — Конторой твоей я руководить смогу — дело нехитрое. А вот ты...

— Нет! — испугался тут Удалов. — Я готовить не умею...

— Научишься, на первых порах помогу.

— Ксения, брось эти шутки. Отдай генератор!

— *И не подумаю, мой любезный.*

Широко размахнувшись, Ксения выкинула генератор в открытое окно. Он сверкнул в солнечных лучах и скрылся в пыльном мареве.

— Ты психопатка! — завопил Удалов и, путаясь в полах халата, метнулся к двери.

Бежать было трудно, тело на этот раз ему досталось рыхлое, тяжелое, натруженное. Ноги сопротивлялись резким движениям, норовили притормозить... Вслед ему несся знакомый смех. Кто смеет смеяться над ним? Да это его же собственный смех.

Соседи как раз усаживались за стол на дворе, они собрались играть в домино.

— Ксения! — крикнул Саша Грубин, увидев соседку. — От Корнелия вестей нету?

— Вернулся! — ответила со злостью Ксения. — Лучше бы не возвращался.

— Что с женщиной случилось? — удивился Ложкин. — В жизни не видел, чтобы она с такой скоростью передвигалась.

Соседи посмеялись словам Ложкина и стали перемешивать кости.

Удалов в растерянности остановился посреди пыльной улицы. Шарика нигде не видно. Он поднял голову. Курчавая лысеющая

голова Удалова торчала в окне. Голова ухмылялась джокондовской улыбкой.

— Ксюша, — простер к ней руки Удалов. — Ты не заметила, куда генератор упал? Может, заметила, а?

Ксения покачала удаловской головой и, не снимая с лица джокондовской улыбки, затворила раму.

Полная, грузная женщина в домашнем халате опустилась на колени и медленно поползла по дороге, разгребая ладонями пыль.

— Пока не найду, не уйду, — тихо твердил Удалов. — Пока не найду, не уйду... А то прощай, рыбалка, прощай, свобода! Не доросли мы еще до инопланетных игр.

А со двора донесся голос Корнелия Удалова:

— Подвиньтесь, друзья. Я вернулся со звезд!

Веселый шум голосов был ему ответом.

— Садись! — кричали соседи. — Забьем козла!

Толстая женщина в домашнем халате плакала на улице.

СВОБОДНЫЕ МЕСТА ЕСТЬ

Молодой человек в строгом синем костюме и темном галстуке остановился в дверях и нерешительно спросил:

— Кто здесь будет, простите, Лев Христофорович?

В кабинете стояли, обернувшись к нему, два человека. Один был не то чтобы толст, но объемен. Обнаженная голова удивляла завершенностью линий. Маленькие яркие голубые глаза уставились на молодого человека настойчиво и внимательно. Второй человек был моложе лысого, лохмат, худ и постоянно взволнован.

— Вы Лев Христофорович? — обратился молодой человек к лохматому, который был более похож на гения.

Но лохматый с улыбкой указал глазами на лысого, а лысый сказал строго, словно Шерлок Холмс:

— Я профессор Минц. А вы недавно назначены на руководящий пост и столкнулись на нем с непредвиденными трудностями, правильно?

Молодой человек покорно кивнул.

— И трудности оказались столь велики, что справиться с ними вы не в состоянии. Тогда кто-то из знакомых, вернее всего, руководитель нашей стройконторы Корнелий Удалов, дал вам совет пойти к доброму старику Минцу и попросить, чтобы он изобрел бетон без цемента, потому что цемент вам забыли подвезти, а сроки поджимают. Так или не так?

Молодой человек ответил:

— Почти так.

— Почему почти? — удивился Минц. — Я всегда угадываю правильно.

— Прийти к вам мне посоветовал Миша Стендаль из городской газеты, и руковожу я не строительством, а гостиницей «Гусь».

— Неужели! — воскликнул Минц. — Ивана Прокофьевича сняли!

— Давно пора, — подхватил лохматый Грубин. — Садитесь, чего стоите?

Грубин подвинул молодому человеку стул, но тот отказался.

— Насиделся, — объяснил он, — третий день отчетность принимаю.

— Ничем не могу быть полезен, — сказал Минц. — Гостиниц строить не умею, в отчетности — полный профан.

— Выслушайте сначала! — взмолился молодой директор. — Зовут меня Федор Ласточкин, работал я в кинопрокате, а теперь кинули меня в сферу обслуживания. Надо, говорят. Согласился. Гостиница небольшая, желающих остановиться много, обслуживание хромает. Да что там говорить, без меня знаете.

— Знаем, — сказал Грубин. — У вас вывеска «Мест нет» к двери приварена.

— В принципе, вы правы. Но мне от этого не легче. Два дня я объяснял отсутствие номеров ошибками предыдущего директора, а сегодня меня вызвал Белосельский и говорит, что послезавтра в нашем городе открывается симпозиум по разведению раков и значение его выходит за пределы области. А нужно для симпозиума двадцать восемь комфортабельных мест. А у меня в гостинице их всего тридцать три. И все с командировками, и все ругаются. Да еще в вестибюле человек пятнадцать сидят на чемоданах. Рассказал я обо всем моему другу Мише Стендалю, а он ответил: единственный, кто может тебе помочь, это профессор Минц. Он буквально гений. Я и пришел.

Федор поглядел на Минца страдающими глазами. И у Минца кольнуло в сердце. Еще мгновение назад он не сомневался, что укажет очередному просителю на дверь. Но молодой человек находился в критической ситуации. Побуждения его были благородны. И всего-то нужно — отыскать жилье...

И еще: замечательный мозг профессора Минца, столкнувшись с неразрешимой проблемой, начинал активно функционировать помимо воли его владельца. Он искал и отбрасывал множество вариантов, он стремился решить задачу, не давая Льву Христофоровичу нормально принимать пищу и спокойно спать.

— Нет, — услышал Лев Христофорович голос Саши Грубина. —

Тут вам, Федя, даже профессор Минц не поможет. Никому еще не удавалось устроиться в нашу гостиницу просто так. Проблема эта не научная, а социальная.

— Проблем, в решении которых наука не может принять участие, не существует, — резко ответил профессор Минц. — Все на свете взаимосвязано.

— Ого, — отозвался Саша Грубин. — Видно, все мои предупреждения впустую. Чует мое сердце, вы возьметесь за гостиницу.

— И немедленно, — сказал Минц. — Все свободны. Я начинаю думать.

— А когда приходить за ответом? — спросил с надеждой в голосе директор гостиницы.

— Симпозиум послезавтра? Значит, завтра после обеда.

Назавтра в три часа Федор Ласточкин уже стоял под окнами профессора Минца. Он нервно потирал руки, взглядывал наверх, покашливал и сохранял деликатность. Наконец голова профессора появилась в окне, солнце отразилось от лысины и ярким лучом ударилось в облако.

— Что же вы не поднимаетесь? — крикнул профессор.

— Я боялся вам помешать, — ответил директор гостиницы.

— Можно, — сказал Минц, — заходите. Яблоко уже упало.

Они просидели в кабинете Минца с трех до девяти. Из комнаты доносились голоса, иногда они поднимались в споре, иногда стихали в раздумье. Через шесть часов гостиничный кризис в городе Великий Гусляр был разрешен. И Федор отправился к себе, прижимая к животу тяжелый металлический ящик с установкой, которую Лев Христофорович разрабатывал для других целей, но мудро приспособил для расселения постояльцев.

Уже совсем стемнело, когда Федор вошел в желтое здание некогда отеля «Променад» для заезжих купцов, а теперь, когда достроился третий этаж и заменили бархатные портьеры на нейлоновые шторы, — гостиницы «Гусь» горкоммунхоза.

В холле под громадной, в натуральную величину, копией картины Репина «Иван Грозный убивает своего сына» томились, как погорельцы, неустроенные клиенты. Директора с ящиком никто за директора не посчитал, и тот без помех прошел к себе в кабинет. Лишь пышная Дуся, дежурный администратор, взглядом остановила черноусого человека, который протягивал ей заполненный бланк, чтобы получить номер. Администратор Дуся была уверена, что чем меньше жизненных благ, тем лучше ей — их распределительнице, ибо всегда найдется мудрый человек, готовый оценить услуги.

На следующий день директор гостиницы пришел на работу ра-

но. Дуся еще дремала за барьером, в холле на стульях и чемоданах спали неустроенные клиенты. У себя в кабинете директор раскрыл сейф, где ночевала установка, изобретенная профессором Минцем, и поставил ее на стол. Потом включил в сеть. И тут раздался телефонный звонок: звонил сам Белосельский.

— Что будем делать, Ласточкин? — спросил он.

— Разместим, — ответил спокойно Федор.

Белосельский вздохнул и предупредил:

— Учти, без безобразий. Чтобы прежних постояльцев силой не выселять. Имей в виду, что лозунг «Цель оправдывает средства» придумали иезуиты, средневековые мракобесы. Нам с ними не по дороге.

— Никаких иезуитов, — ответил Ласточкин. — Я даже думаю, что свободные номера останутся.

— Ну-ну, — сказал Белосельский. Его задача заключалась в том, чтобы подчиненные делали свое скромное дело, не нарушая принципов гуманизма. А детали — это их забота.

Установка работала. Мигала лампочками и тихо гудела, как положено фантастической машине. Повесив трубку, Ласточкин принялся нажимать кнопки...

Через полчаса он вышел в холл. Погорельцы ютились под картиной. Дуся красила в голубой цвет накладные ресницы. Ее золотые перстни нагло поблескивали под утренним солнцем. Она была тяжелым наследством, оставшимся от старого директора.

— Вы свободны на сегодня, — сказал Ласточкин. — Места буду распределять я сам.

— Чего там распределять, — ответила Дуся. — Нету мест.

Федор спорить не стал. Он дождался, пока Дуся покинет гостиницу, и открыл книгу регистрации. Вытащил из кармана записку с таинственными значками и быстро перенес их на страницу книги, вышел на улицу, сорвал никелированную вывеску «Свободных мест нет», прикрепил на ее место листок бумаги с надписью «Свободные места есть», вернулся в холл, от двери обратил свой взор к просыпающимся погорельцам и сказал им:

— Товарищи, прошу проходить по очереди. Постараемся обеспечить вас жилым пространством.

Последующие три дня были праздником в жизни города. Участники симпозиума с большими значками на груди, изображающими красного рака на голубом фоне, гуляли по улицам, интересовались памятниками архитектуры и плодотворно спорили на пленарных заседаниях. Когда они разъехались, недоверчивый Белосельский инкогнито посетил гостиницу «Гусь» и заглянул в книгу регистрации, в которой не нашел ничего неправильного, а по-

том и в книгу жалоб и предложений, содержащую шестнадцать благодарностей директору. После этого на заседании в горисполкоме Белосельский выступил с небольшой яркой речью о пользе выдвижения молодежи на ответственные посты. В качестве примера привел положительные изменения в работе гостиницы, которой ныне руководит товарищ Ласточкин Ф.Ф.

С тех пор так и повелось. В дни затишья Федор уступал бразды правления администраторам, а когда надвигался большой заезд, отправлял всех по домам и, посидев полчасика в обществе установки профессора Минца, умудрялся разместить и утешить приезжих.

Недовольна была только Дуся. Директор казался ей не более как низким обманщиком и даже грабителем. Она имела достаточный опыт работы в коммунальном хозяйстве, чтобы сообразить, что штучки Ласточкина отдают колдовством и мошенничеством. Она-то знала, что гостиница время от времени вмещает вдвое больше, чем имеет лежачих мест. Поступления в виде личной признательности резко сократились, Дуся разорялась. Но разоблачить директора оказалось не таким уж легким делом. Он правильно вел книги, а в моменты наплыва гостей избавлялся от Дуси. Один раз ей удалось было поймать его за руку, но директор ушел от разговора.

Дело было так. Приехал автобус с туристами из Владивостока, приехал неожиданно, гостиница была полна. Когда Федор вышел, чтобы их разместить, Дуся только сделала вид, будто уходит, а на самом деле сознательно забыла свою сумку и через пятнадцать минут тихонько, на цыпочках вернулась обратно. Федор был так поглощен работой, что не сразу заметил ее появление. Дуся смогла подойти совсем близко и заглянуть ему через плечо. И увидела, что он выписывает туристу квиток на номер четырнадцатый. На тот самый, куда она только вчера поместила знатную доярку из Вологды. Дусе бы промолчать и продолжить наблюдение, собрать побольше фактов да ударить ими как из тяжелой артиллерии, а она не сдержалась и сразу стала разоблачать:

— Что же вы делаете, Федор Федорович? Там женщина живет, а вы туда мужчину суете! За такое моральное разложение вам не поздоровится!

— Какая женщина? — удивился турист. — Этого я не хочу. Я женат.

— Евдокия Семеновна, — директор гостиницы захлопнул книгу, поднялся и вперил в администраторшу недобрый взгляд, — потрудитесь уйти. Знатную доярку я временно перевел в другой номер. Не распространяйте слухов.

Дуся, конечно, взяла сумку и ушла. Но не сдалась. На следующий день, когда директора поблизости не было, она поднялась в четырнадцатый номер, увидела там знатную доярку и без обиняков задала ей вопрос:

— Вас вчера в другой номер переселяли?

— Нет.

— У вас чужой мужчина в номере ночевал?

— Как можно, — ответила доярка, заливаясь румянцем.

Она была молода и красива, ее жених остался в Вологде.

— Значит, в двадцать три часа покинул? — спросила Дуся.

— Не было никого. — Глаза доярки наполнились слезами. — Как можно!

Дуся поверила и удвоила наблюдение за директором. Тот попался через два дня.

Вот как это случилось.

В гостиницу сообщили, что утром прибудут двадцать аквалангистов-любителей, а туристский сезон уже начался, гостиница полна, и Дуся почувствовала, что обычный оптимизм директору изменяет. Она даже подслушала, как он звонил Белосельскому и просил избавить его от аквалангистов, а Белосельский, уверовавший во всемогущество директора, сказал коротко:

— Надо, Федя.

Другому он, может быть, уступил, освободил бы для такого экстренного случая общежитие речного техникума, но Федор начальника избаловал. Начальникам ведь тоже хочется иногда легкой жизни.

Так или иначе, Федор в тот день домой не пошел, а заперся в кабинете. В десять вечера Дуся подкралась к двери и услышала мужские голоса: директор был не один. Дуся приложила к замочной скважине ухо, но слов разобрать не смогла. Тогда она выбралась наружу и подошла к окну. Штора не доставала до подоконника, и Дуся смогла одним глазом заглянуть внутрь. Потом она упала в обморок. А когда пришла в себя от ночной свежести и звона комаров, то сразу же села писать жалобу на директора с требованием немедленно прислать ревизию и достойно наказать мерзавца.

Подводников кое-как разместили на раскладушках, а ревизия явилась в тот же день после обеда, потому что письмо Дуси было очень тревожным.

Ревизия сразу уселась проверять бухгалтерские книги, а директор выскользнул из гостиницы и бросился к профессору Минцу.

— Спасайте, — сказал он. — Не уберегся я от этой кобры по имени Дуся. Навела на меня стихийное бедствие. Как только они пойдут с книгой по номерам, все и откроется.

— Эх, — вздохнул Минц. — Не хотелось мне отрываться от очередного изобретения, но придется. Пошли к Белосельскому. Он человек широкий, печется о судьбах города, будем с ним искренни. Если поверит, тогда, считайте, обошлось. А о ревизии не беспокойтесь. Ничего она не найдет.

Белосельский принял посетителей сразу. Минца он уважал, даже гордился тем, что знаменитый изобретатель предпочел город Великий Гусляр другим городам. К Федору у него тоже было хорошее отношение.

— В гостинице «Гусь» работает ревизия, — сказал Минц, когда они уселись. — Ревизия ничего не найдет.

— Уже написали! — понял Белосельский. — Это, Федор, надо искать внутри коллектива. Внутри коллектива всегда найдется кто-то недовольный реформами и даже стоящий на пути нового.

Федор покорно опустил голову. Он был согласен.

— Ревизия ничего не найдет, — продолжал Минц. — Нарушений финансовой дисциплины нет. Все номера оплачены. Можете мне поверить.

— Тогда чего волнуетесь? — спросил Белосельский с некоторым облегчением.

— А волнуемся потому, что ревизия эта не последняя, — объяснил Минц. — И рано или поздно попадется дотошный человек, который обнаружит неладное.

— Но вы же сказали, что ничего такого нет.

— Нарушений нет, — ответил Минц. — А неладное есть. Нам, людям, свойственно гнать от себя тревожные мысли. Вот вы, наверное, давно подозреваете, что в гостинице не все как положено: много лет нельзя было попасть, а теперь попасть можно всегда. Но пока дело шло тихо, вы предпочитали об этом не думать.

— Вы правы, — согласился Белосельский. — Это моя недоработка. Так расскажите мне, в чем дело, будем думать вместе.

— Я расскажу вам все без утайки, — согласился Минц. — Ко мне пришел товарищ Ласточкин и попросил помощи. Я стал думать, как разрешить гостиничный кризис с помощью науки. Сначала я было остановился на методе минимизации.

— Поясните, — попросил Белосельский.

— Поясняю. При методе минимизации мы уменьшаем расстояние между атомами, и любое существо становится в несколько раз меньше. Подобный эксперимент был проведен мною с начальником стройконторы Корнелием Удаловым и прошел нормально, если не считать осложнений в его семейной жизни.

— Погодите, погодите, — возразил Белосельский. — Как так? Вчера я видел Корнелия на заседании. Он же нормального вида.

— Минимизация действует ограниченный период времени, допустим, сутки. Она не вредна для организма. Подвергнутый минимизации индивидуум становится размером с мышь, а потом возвращается в нормальное состояние. Я полагал, что мы закупим в детском магазине наборы кукольной мебели, сделаем пеленочки, пижамки...

Белосельский недоверчиво покачал головой.

— Вот-вот, — уловил его движение профессор Минц. — Я тоже думал о трудностях организационного периода. Каждому придется объяснять, в чем дело, создать кладовые для личных вещей. А что, если командированный захочет сходить в город за сувенирами? А если у него незапланированное совещание?

— Нет, — резко сказал Белосельский. — Простите, Лев Христофорович, но «добро» на это я не дам. Не позволю.

— И правильно сделаете, — согласился Минц. — Я себе этого тоже не позволил. Но сейчас делюсь с вами воспоминаниями о том, как смело движется моя мысль.

— Это правда, — подтвердил Белосельский. — Очень смело.

— Отвергнув первую идею, а затем и восемь других, о которых я распространяться не буду, я остановился на самой чистой, элементарной и в то же время сумасшедшей идее. На идее параллельных миров.

— Но разве это не антинаучно? — спросил Белосельский.

— Это научно, — возразил Минц. — И доказательством тому наша гостиница.

— Попрошу подробнее, — сказал строго Белосельский. — Раз уж ревизия работает, я должен быть в курсе всех деталей.

— Деталей немного. Вы должны мне поверить, что наша Земля далеко не единственна во Вселенной. Существует множество миров, которые движутся ей параллельно в иных измерениях. Так вот, я изобрел прибор, который позволяет выходить на связь с теми из параллельных миров, которые нам особенно близки. Там тоже есть город Великий Гусляр, гостиница «Гусь» и прочие наши реалии.

— И я есть? — спросил Белосельский.

— Разумеется. Хотя и не в точности. Может быть, в одном мире вы уже женаты, в другом у вас есть усы, в третьем еще что-нибудь.

— Любопытно, — прошептал Белосельский и коснулся пальцем верхней губы.

— Различия между мирами все-таки существуют. На этом мы и построили наш эксперимент. Допустим, если сегодня у нас симпозиум по разведению раков, то на Земле-два он начнется только

завтра, а на Земле-три вместо него уже завершилась вчера встреча экспертов подледного лова крокодилов.

— Ясно! — воскликнул Белосельский. — И сегодня у них там гостиница пустует.

— Я поражен вашей догадливостью, — сказал Минц. — Вы настоящий мыслитель.

— Ну что вы, — возразил Белосельский. — Но как же клиентов перевозить?

— В этом и заключается мое изобретение. Надо найти точки соприкосновения между мирами, а они существуют во множестве. И, найдя, использовать. Приходит клиент в номер, где уже, допустим, живет знатная доярка, открывает дверь, но в тот номер не попадает, а оказывается в таком же номере, только на другой Земле. А уж администрация той гостиницы должна позаботиться, чтобы, выходя из комнаты, он вернулся на нашу Землю.

— Великолепно, — признался Белосельский. — Но рискованно.

— Как и все новое, наш эксперимент может вызвать толки и недоброжелательство. Вы думаете, только на нашей Земле ревизия? Наивно. Сейчас работают по меньшей мере три ревизии.

— И три Дуси? — вдруг спросил Федор Ласточкин.

— Может, и больше. Да что там разговаривать. Сейчас вы убедитесь.

Минц извлек из кармана миниатюрный пульт и нажал на кнопку. В глазах Белосельского возникло странное дрожание, стены заколебались, и он на мгновение потерял сознание. Когда же он пришел в себя, то увидел, что кабинет как бы расслоился, не изменившись, правда, в размерах. И в кабинете находятся три профессора Минца, три Федора Ласточкина и еще два Белосельских (один при усах). Белосельские внимательно посмотрели друг на друга. Федоры улыбнулись друг другу приветливо, потому что давно уже были знакомы и не раз совещались вместе, как разместить клиентов, — не зря же Дуся упала в обморок, увидев в кабинете Ласточкина сразу трех директоров. А профессоры Минцы вежливо наклонили головы, с уважением глядя друг на друга. Ведь это они изобрели способ преодоления гостиничного кризиса.

— Что будем делать с ревизиями? — спросил один из Федоров.

Белосельский не знал, какой из них, уж очень похожи.

— Не в этом дело, — услышал он собственный голос. — Есть проблемы и поважнее. Кто одолжит мне на неделю асфальтовый каток?

— Если у тебя найдется полтонны кровельного железа, — ответил ему второй Белосельский, — то катком я тебя обеспечу.

— Остался пустяк, — сказал третий Белосельский. — Что будем делать с Дусями?

РАЙОННЫЕ СОРЕВНОВАНИЯ ПО ДОМИНО

Маленькие смерчики катились по пыльной улице, долетали до мощных лип у входа в парк и рассыпались бесследно. Ветер был горячим, бюро прогнозов намекало, что он пришел из Африки в составе циклона. Корнелий Удалов отбегал от смерчиков, жался к штакетнику, Саша Грубин шагал прямо, смерчам не кланялся, а только отмахивался от них, если вставали на пути.

— Опасаюсь, — говорил Удалов. — Горюхин подведет. От хорошего удара стол пойдет в сторону.

— Разберемся, — отвечал Грубин. — Убедим.

Над их головами репродуктор рассказывал о больших потерях обеих сторон в клубийско-варийской войне, которая достигла опасного накала.

— Мы не можем ударить в грязь, — говорил Удалов. Он волновался. Он снял кепочку и вытер ею лысину. — Двенадцать команд. Лучшие таланты района — что они подумают об организаторах?

— Разберемся, — отвечал Грубин.

Они вошли в парк. Сразу стало прохладно, ветер унялся.

Впереди слышались глухие удары.

Аллея некоторое время шла по берегу реки, и с реки доносился кислый запах — фабрики и заводы вышестоящих городов спускали туда лишние отходы.

На поляне возле эстрады для танцев работал паровой молот. Перед ним лежали на земле деревянные просмоленные сваи длиной метров по шесть. Некоторые уже были вбиты в землю так, что наружу торчали лишь столбы в метр высотой. Паровой молот замер. Стало тихо.

— Иваныч! — крикнул из кабины усатый молодец Горюхин. — Земля. Порода плотная идет. Пересчитывай коэффициент.

— Вот, — сказал Удалов Грубину, подходя к ближайшему столбу и пытаясь пошевелить его. — Не доверяю я Горюхину.

Грубин тоже потрогал столб. Потом два других, которые были вбиты в землю рядом.

— Один бы не выдержал, — произнес он. — По четырем удар распределится.

— Ты забыл, как забивает Драконин из Потьмы? Его удар в области знают! Он на прошлых поселковых играх стальной лист прошиб. Рассматривают вопрос, чтобы ему играть в боксерских перчатках.

— А он?

— Отказывается. Как ты кости в перчатках удержишь?

Горюхину обещали премиальные, но удаловские сомнения не рассеялись. Он боялся ударить в грязь лицом перед гостями из дальних пределов Гуслярского района.

Доски с пилорамы еще не привезли. Доски будут двухдюймовые, поверх них — стальной лист.

На полу танцевальной эстрады местный художник делал плакат: «Привет участникам всерайонных соревнований по домино!» Буквы были метровые — плакату висеть на центральной площади.

Удалов постоял за спиной художника. Налетел ветер, стал рвать концы фанерного щита, пришлось зевакам, которых набралось немало, сесть на углы и держать их.

Пошел снег. Сразу похолодало. Видно, африканский циклон сменился циклоном из Норвегии. Так уже было на прошлой неделе.

— Если климатические условия будут неблагоприятными, — сказал Грубин и задумчиво запустил пятерню в буйную шевелюру, — надо будет искать резервный вариант.

Они подошли к трибунам, которые сколачивали плотники.

— Может, сделаем навес? — спросил Удалов.

— Ассигнований не выбить, — заметил Грубин.

— А если всенародную подписку?

— Уже две провели. Народ устал. И времени до завтра не осталось.

— Обойдется, — решил тогда Удалов. — У нас всегда обходится.

Крупные хлопья снега пригибали к земле траву. Один из пыльных смерчей, странным образом прорвавшись сквозь стену деревьев, выскочил на поляну и перевернул фанерный лист с лозунгом, разметав по сторонам художника и зевак. Художник ругался. Краска текла по доскам.

— Возьми себя в руки, — посоветовал художнику Удалов. Они с Грубиным, пригибаясь, чтобы не снесло ветром, поспешили дальше, к летней читальне, где ждали команды и приближенные болельщики.

Все сидели за столиками. Удалов прошел вперед и обернулся.

Все они — соратники, бойцы, закаленные, с мозолистыми ладонями, острым взглядом, умением считать до ста и далее, знатоки дебютов и эндшпилей, известные мастера «рыбы».

— Столы будут в срок, — объявил Удалов.

За окнами стемнело. Надвинулся неожиданный буран. По стеклам колотило снегом, градом и мелкими камнями, что ветер поднял в Кызылкуме.

— Включить свет, — велел Удалов, перекрывая аплодисменты.

Свет не загорелся — провода были оборваны. Звенели, рассыпаясь, стекла.

Никто не покинул зал.

— Получены заявки двенадцати команд! — кричал Удалов, перекрывая грохот бури. — В большинстве они не страшны. Но нельзя скидывать со счетов Драконина и Змиева из Потьмы.

Раздался свист болельщиков, сильнее свиста ветра.

— Но обе наши команды, — продолжал Удалов, — мы с Грубиным...

Аплодисменты.

— ...и Ложкин с Погосяном...

Бурные аплодисменты.

— ...готовы и не страшимся.

Гром аплодисментов.

Обратно они возвращались под проливным дождем. Было тепло. С неба изредка падали лягушки. Барометр, который уже сто лет висел на базарной площади, лежал в грязи: он упал так низко, потому что свалился со столба.

— Природа нам сильно мешает, — произнес с досадой Грубин.

— Природу будем игнорировать, — сказал Удалов. — Нам некогда отвлекаться. За деталями опасно забыть о большом.

Когда Удалов пришел домой, там царило плохое настроение.

Виновато было телевидение. Оно сообщало, что отступающие клубийские войска нанесли атомный удар по варийской столице. Есть многочисленные жертвы. Радиоактивное облако распространяется в сторону Европы.

Удалов искренне посочувствовал варийцам. Но главная проблема была в том, что горкоммунхоз мог выделить лишь тринадцать номеров в гостинице «Гусь». Два двухместных, остальные четырехместные. Можно поставить еще несколько раскладушек. Все равно болельщикам и гостям не хватит. Они съедутся из Глубокого Яра, из Муравьев и из Матейки.

Пришел пенсионер Ложкин, он был не в форме — мучило давление. Удалов ему объяснил, что в такой момент преступно думать о здоровье. Старик возражал, ссылаясь на сообщения газет о том, что слой ионосферы над Антарктидой совершенно истощился и космические лучи беспрепятственно достигают Земли, губя флору и фауну. Удалов доступно объяснил, что с ионосферой справятся ответственные международные организации. У нас другие задачи. Впервые за всю историю Великого Гусляра городской команде брезжит надежда стать чемпионами района. Ложкин был сражен и пошел к себе кушать валидол.

Бывает, судьба ополчается на идею. Об этом написано в некоторых биографиях великих людей. Но сила духа заключается именно в том, чтобы провести четкую грань между важным и неважным, принципиальным и мелочами, основной целью и боковыми проулками.

Взмокший, еле живой велосипедист из Глубокого Яра постучал в дверь Удалова в десятом часу вечера. Он сообщил, что переполненная промышленными отходами речка Коровка залила поселок, отрезала его от цивилизации. Отбытие команды Глубокого Яра на соревнования под угрозой. Команда сидит на крыше клуба, держа над головами шкатулки с фирменными костяшками. Удалов обещал с утра послать к Глубокому Яру буксир. Обнадеженный велосипедист укатил в ночь. Он был из породы скромных героев.

Удалов не спал. На столе приглушенно бормотал приемник. Удалов не выключал его, потому что надеялся, что радио сообщит о соревнованиях. Радио говорило о заносах на Гавайских островах и заседании ООН. С клубийско-варийского фронта новых сообщений не было, лишь спутники уловили еще ряд ядерных вспышек. В конце новостей представитель бюро прогнозов попросил прощения у слушателей, так как предсказать погоду на завтра он не сможет. О соревнованиях ни слова.

К трем часам ночи началось землетрясение. Оно было несильным, но длительным. Многие в городе проснулись. Удалов беспокоился, как переносит его Ложкин.

В семь утра Удалов пошел через город к Синюшину. Тот играл в домино еще в период первых пятилеток и скрывал дома ценные дебютные заготовки. Удалов рассчитывал, что сейчас, в решающий в жизни Великого Гусляра момент, пенсионер пойдет навстречу.

Удалов добирался до цели более часа. За ночь в некоторых местах намело барханы песка, в других — сугробы. День все не начинался, деревья стояли голые, возле них — вороха листвы.

Синюшин долго не открывал — он отсиживался в подвале. Он был закутан в одеяла, поверх них — покрывало, сшитое из пластиковых мешков. Удалов напомнил, почему пришел. Сказал, что присутствие Синюшина на открытии игр обязательно. Старик рассердился и побрел обратно в подвал.

Удалов спустился за ним.

— Эвакуация скоро будет? — спросил старик.

— Об этом потом, — сказал Удалов. — Где дебютные заготовки? Без них Драконова — Змиева не свалить.

Старик не понял. Ему хотелось узнать про ядерную зиму. Удалов держал себя в руках. Главное было не рассердить старика.

Когда старик выбился из сил, Удалов отнес его на руках наверх, к заветному сундуку. Старик сдался.

Обратный путь домой занял два часа, потому что упали многие деревья и телеграфные столбы. Пришлось перебираться через опрокинутый бурей автобус. Радиоактивное небо светилось зеленым.

Удалова беспокоило, доберутся ли люди из Матейки — дорога туда проселочная. Может, послать навстречу трактор?

Пока Удалов переодевался и искал галстук, к нему поднялся Грубин. Грубин был при полном параде. Сзади на пиджаке было пришито: «Грубин № 2», «Великий Гусляр». Грубин сообщил, что Ложкин плох, но готов сражаться. Они положили Ложкина на раскладушку и понесли. Ложкин прижимал к груди дебютные заготовки Синюшина.

По дороге остановились у гостиницы. В гостинице было пусто. Администратор исчез. Прошли по номерам. В некоторых еще были целы стекла.

Из одного номера доносился слабый крик. Когда отгребли песок от двери, нашли там болельщика из Потьмы.

Вышли на улицу. Похолодало. Откопали раскладушку. Ложкин окоченел. Пришлось растирать его снегом. Удалов страшно волновался, потому что надвигался момент открытия, а неизвестно, где оркестр. К тому же предстояло разместить на трибунах почетных гостей.

На базарной площади образовалась гора. Земля вздрагивала и шевелилась. Ложкина пришлось переносить через трещину неизвестной глубины.

Уже возле парка догнали оркестр. Это были настоящие музыканты и болельщики. От оркестра остались скрипка и литавры. Далее шли, держась друг за друга. Совсем стемнело, и с неба срывались метеориты.

Настроение было приподнятое. Хотелось петь и смеяться. Удалов был почти убежден, что команду Драконова — Змиева они одолеют.

По парку идти было трудно, потому что большая часть деревьев уже упала. Раскладушку бросили. Поддерживаемый товарищами и величием момента, Ложкин брел сам.

У поляны их встретил Погосян, могучий человек, напарник Ложкина. Надпись на его спине оторвалась и металась под ветром, как белый флаг.

— Доложи, — попросил Удалов.

— Болельщики раскапывают столы, — сказал Погосян. — Хорошо, что оркестр привели.

К тому времени от оркестра остались только литавры, скрипку потеряли в буреломе.

— Драконов прибыл? — спросил Удалов.

— И Змиев тоже, — ответил Погосян. — У Змиева сломана рука.

— Надеюсь, не правая?

— Нет, левая, все в порядке. Какие новости в городе?

— В городе все в порядке. Город живет ожиданием матча, — ответил Удалов.

Буря стихла. Выглянуло багровое солнце.

Природа переводила дух.

Болельщики — их набралось больше дюжины, хотя Удалов рассчитывал на большее, — уже прокопали в снегу и грязи траншеи к столу. Стол понадобится один: как оказалось, команды из Матейки и Глубокого Яра прибыть не успели. Может, прибудут позже.

Команды сели так: Ложкин напротив Погосяна, Драконов против Змиева. У Змиева левая рука была в лубках, он морщился от боли, но в глазах горел огонь. Драконов был, как всегда, мрачен и уверен в себе.

Удалов судил первую партию. Грубин ему ассистировал.

Решили, что победители будут сражаться с парой Грубин — Удалов.

Багровое солнце смотрело сверху.

Расклад оказался удачным для Ложкина.

Он ударил по столу первым.

Ледниковый щит Гренландии сполз на юг, и Атлантический океан хлынул на сушу. Луна сорвалась с орбиты и быстро пошла в открытый космос.

Погосяну пришлось пропустить ход. Драконов так рубанул по столу дублем тройки, что шестиметровая свая ушла сантиметров на десять в землю. Болельщик из Матейки кричал «Ура!». Он болел за Драконова.

Густой зеленоватый туман окутал эту сцену.

Партия шла к концу, но исход ее все еще был неясен.

К сожалению, небольшой вулкан, проснувшийся именно в районе парка, неожиданно взорвался. Сваи, игроки и судьи полетели в разные стороны.

Удалов очнулся на берегу моря — соленые валы били в берег. Атлантический океан добрался до Великого Гусляра.

Удалов помог подняться Драконову.

Они отступали от моря, стараясь не попасть под извержение вулкана.

— Доиграем завтра, — улыбнулся Удалов.

— Я расклад помню, — сказал Драконов. — У меня все записано.

И они поползли искать соратников.

НУЖНА СВОБОДНАЯ ПЛАНЕТА

Прискорбный скиталец

Корнелий Иванович Удалов собирался в отпуск на Дон, к родственникам жены. Ехать должны были всей семьей, с детьми, и обстоятельства благоприятствовали до самого последнего момента.

Но за два дня до отъезда, когда уже ничего нельзя было изменить, сын Максимка заболел свинкой.

В тот же вечер Удалов в полном расстройстве покинул дом, чтобы немного развеяться. Он пошел на берег реки Гусь.

Большинство людей вокруг были веселы и загорелы после отпуска и, честно говоря, своим удовлетворенным видом удручали Корнелия Ивановича.

Удалов присел на лавочку в тихом месте. Сзади, в ожидании грозы, шелестел листьями городской парк. Вдали лирично играл духовой оркестр.

Невысокий моложавый брюнет подошел к лавочке и попросил разрешения присесть рядом. Удалов не возражал. Моложавый брюнет глядел на реку и был грустен настолько, что от него исходили волны грусти, даже рыбы перестали играть в теплой воде, стрекозы попрятались в траву и птицы прервали свои вечерние песни.

Удалов еле сдерживал слезы, потому что чужая грусть совместилась с его собственной печалью. Но еще сильнее было сочувствие к незнакомцу и естественное стремление ему помочь.

— Гляжу на вас — как будто у вас беда.

— Вот именно! — ответил со вздохом незнакомец.

Был он одет не по сезону — в плащ-болонью и зимние сапоги.

Незнакомец в свою очередь разглядывал Удалова.

Его глазам предстал невысокий человек средних лет, склонный к полноте. Точно посреди круглого лица располагался вздернутый носик, а круглая лысинка была окружена венчиком вьющихся пшеничных волос. Вид Удалова внушал доверие и располагал к задушевной беседе.

— У вас, кстати, тоже неприятности, — заявил, закончив рассматривание Удалова, печальный незнакомец.

— Наблюдаются, — ответил Удалов. И вдруг, помимо своей воли, слегка улыбнулся. Ибо понял, что его неприятности — пустяк, дуновение ветерка по сравнению с искренним горем незнакомца.

Они замолчали. Тем временем зашло солнце. Жужжали комары. Оркестр исполнял популярный танец «террикон», с помощью которого дирекция городского парка одолевала влияние западных ритмов.

Наконец Удалов развеял затянувшееся молчание.

— Закаты у нас красивые, — сказал он.

— Каждый закат красив по-своему, — сказал незнакомец.

Нос и глаза у него были покрасневшими, словно он страдал простудой.

— Издалека к нам? — спросил Удалов.

— Издалека, — ответил незнакомец.

— Может, с гостиницей трудности? Переночевать негде? Если что, устроим.

— Не нужна мне гостиница. — Голос незнакомца заметно дрогнул. — У меня в лесу, на том берегу, космический корабль со всеми удобствами. Я, простите за нескромность, космический скиталец.

— Нелегкий труд, — посочувствовал Удалов. — Не завидую. И чего скитаетесь? По доброй воле или по принуждению?

— По чувству долга.

— Давайте тогда рассказывайте о своих трудностях, постараюсь помочь. В разумных пределах. Зовут меня Удаловым Корнелием Ивановичем.

— Очень приятно. Мое имя — Гнец-18. Чтобы отличать меня от прочих Гнецов в нашем городе. Так как я здесь в единственном числе, зовите меня просто Гнец.

— А меня можете называть Корнелием, — сказал Удалов. — Перейдем к делу. Давайте перекладывайте часть ваших забот на мои широкие плечи.

Гнец окинул взглядом умеренные плечи Удалова, но, видно, сильно нуждался в помощи и поддержке, поэтому произнес следующее:

— Мне, Корнелий, нужна свободная планета. Летаю, разыскиваю. В одном месте сказали, что на Земле, то есть у вас, свободного места хоть отбавляй. Только, видно, информация была устарелой. Ввели меня в заблуждение.

— Может, тысячу лет назад и были свободные места, — согласился Удалов. — Но в последние годы нам самим тесновато. Да вы

не расстраивайтесь. По моим сведениям, в беспредельном космосе свободных планет множество. Разве не так?

Мимо проходили влюбленные парочки, косились на скамейку и даже выражали недовольство, что двое мужчин средних лет заняли такой укромный уголок, как бы специально предназначенный для романтических вздохов. Да, не так уж свободно на Земле, если ты далеко не сразу и не всегда можешь найти укромное место для произнесения нежных слов.

— Планет много, — сказал Гнец-18. — Но нужна такая, чтобы имела растительность, воздух для дыхания и природные ресурсы. Мы проверили весь наш сектор Галактики, и, кроме Земли, нет ничего подходящего. Придется мне возвращаться домой, брать другой корабль и искать свободную планету в дальних краях. А вы же знаете, насколько ненадежны звездные карты.

Удалов кивнул, хотя звездных карт никогда не видел.

— И как я один за месяц справлюсь, не представляю, — сказал пришелец. — Сколько дел, столько трудностей...

— Вы кого-нибудь возьмите себе в помощники, — подсказал Удалов, — вдвоем будет легче.

— Ах, Корнелий! — сказал горько Гнец-18. — Вы не представляете себе, насколько у нас на планете все заняты. По нескольку лет без отпуска. Руки опускаются. Нет, вряд ли я смогу подобрать себе спутника. Да если и подобрал бы, пользы мало.

— Почему же?

— Мои земляки очень плохо переносят невесомость, — объяснил Гнец-18. — И еще хуже перегрузки. Меня с детства специально тренировали для космических полетов. И все равно после каждого старта я два часа лежу без сил. Нет, придется мне лететь одному...

Горе пришельца было искренним и глубоким. Вдруг что-то дрогнуло в сердце Удалова, и он с некоторым удивлением услышал собственный голос:

— У меня как раз отпуск начинается, а мой сын Максим заболел свинкой. Так что я совершенно свободен до восемнадцатого июля.

— Не может быть! — воскликнул Гнец. — Вы слишком добры к нашей цивилизации. Нет, нет! Мы никогда не сможем достойно отблагодарить вас.

— Вот уж чепуха, — сказал Удалов. — Если бы не встреча с вами, мне, может, пришлось бы ждать космического путешествия несколько лет или десятилетий. А тут вдруг предоставляется возможность облететь некоторые малоизвестные уголки нашей Галактики. Это я вас должен благодарить.

— Вы, очевидно, не представляете себе трудностей и опасностей космического путешествия, — настаивал Гнец-18. — Вы можете погибнуть, дематериализоваться, провалиться в прошлое, попасть в шестое измерение, превратиться в женщину. Наконец, вы можете стать жертвой космических драконов или подцепить галактическую сухотку.

— Но вы-то летаете, другие летают! — не сдавался Удалов. — Значит, практически Галактика не очень опасна... И, знаете, в конце концов, почетнее погибнуть в зубах космического дракона, чем дожить до пенсии без приключений.

— Я с вами не согласен, — возразил пришелец. — Мечтаю дожить до пенсии.

— Ваше право, — сказал Удалов. — Я — романтик дальних дорог.

Последние слова окончательно убедили Гнеца-18. Его лицо озарила добрая улыбка, и он произнес, глотая непрошеные слезы:

— Ты благородный человек, Корнелий!

— Ну что ты! — отмахнулся Удалов. — На моем месте так поступил бы каждый.

На следующее утро, солгав жене Ксении, что уезжает на дальнюю рыбалку, взяв с собой удочки, теплую одежду и резиновые сапоги, Удалов покинул свой дом, переправился на пароме через реку, углубился в лес и, послушно следуя указаниям Гнеца-18, нашел его небольшой космический корабль. Гнец-18 предложил удочки зарыть, а сапоги оставить на Земле, но Удалов не согласился, потому что ни он, ни Гнец-18 не знали толком, что их ждет в далеком путешествии.

Первая планета

Сначала надо было вернуться домой к Гнецу, поменять корабль на другой, помощнее, и заправиться всем необходимым для долгого пути. Перелет занял всего несколько часов, потому что корабль Гнеца-18 был гравитолетом, а гравитационные волны, как известно, распространяются почти мгновенно. Гнец-18 паршиво переносил путешествие, и поэтому Удалову пришлось самому осваивать приборы управления и готовить пищу. Корнелий был так занят, что не успел справиться у Гнеца, зачем ему понадобилась свободная планета. Он только спросил своего нового товарища, предлагая ему тарелку с куриным бульоном:

— Вы что, колонию основать хотите?

— Если бы так просто, — ответил Гнец. Тут ему опять стало плохо, и он даже не доел бульон.

На космодроме Гнеца-18 встретили встревоженные члены правительства. Гнец не успел даже представить Удалова, как они засыпали его вопросами на местном языке, который Удалову был понятен как русский, потому что Гнец-18 снабдил его универсальным транслятором.

— Ну и что? — волновался президент. — Земля свободна?

— Мы можем начинать? Дело не терпит, — сказал премьер-министр.

Удалов мог бы все объяснить правительству, но он, как человек деликатный, ждал, что скажет Гнец-18. Стоял в сторонке и дышал свежим воздухом, рассматривал странные одежды встречающих и общественные здания непривычных очертаний, окружавшие космодром.

Наконец Гнец-18 решительным жестом остановил министров.

— К сожалению, очередная неудача. На Земле живет множество людей, достигших высокой степени цивилизации, не такой, конечно, как мы, но довольно высокой.

Члены правительства расстроились и осыпали Гнеца-18 незаслуженными упреками. Гнец-18 выслушал упреки, но вместо оправдания сказал:

— Еще не все потеряно. Представитель Земли по имени Корнелий любезно согласился помочь нам в дальнейших поисках. У него богатый опыт космических встреч, и он отлично переносит межзвездные путешествия.

Члены правительства продемонстрировали Удалову знаки своего уважения и тут же пригласили в город, чтобы он смог провести ночь в нормальных условиях. А тем временем корабль подготовят к полету.

Комната в гостинице была невелика, лишена украшений, и в ней были только самые необходимые вещи: кровать, стул и умывальник. Вообще Удалов успел заметить, что в городе совсем нет украшений и излишеств. Словно его обитатели были очень сухими и деловыми людьми. Удалов вспомнил слова Гнеца-18, что здесь все так заняты, что по нескольку лет не бывают в отпуске.

Наступила ночь. Удалову не спалось. Он решил немного погулять.

Улица была пустынна, но хорошо освещена. Удалов пересек площадь со странным монументом посредине и свернул на широкую улицу, вдоль которой тянулись магазины. Витрины были не освещены, и на них рядами стояли те вещи, что продавались внутри. Без всяких попыток расположить их красиво.

Вдруг Удалов услышал шуршание шин. Из-за угла выехала странная процессия. Она состояла из двух десятков катафалков или платформ, которые показались Удалову схожими с катафалками, потому что на каждой стояло по прозрачному гробу. А то и по два. И в каждом гробу лежало по человеку.

Это были удивительные похороны. В них участвовали только водители платформ. И ни один родственник, ни один друг не пришел проводить умерших в последний путь.

Отзывчивое сердце Корнелия дрогнуло. Он не мог не принять каких-нибудь мер. Он сорвал с клумбы, окружающей монумент, несколько цветков и, догнав процессию, прошел вдоль катафалков и возложил по цветку на каждый гроб.

Водители катафалков косились на него, но не препятствовали проявлять сострадание.

Украсив по возможности все гробы цветами, Удалов пошел в хвосте процессии, понурив голову и как бы замещая собой скорбящих родственников.

Процессия двигалась медленно. Удалов шел и размышлял о странных обычаях, которые встречаются вдали от дома. Потом подумал, что, может быть, на планете свирепствует эпидемия и они не успевают хоронить своих умерших как положено. Но почему тогда никто не сказал Удалову об этом? Может, в этом таится причина того, что нет желающих полететь в космос? А может быть, привилегированные слои местного общества ищут свободную планету, чтобы избежать заразы?

Первый катафалк остановился перед громадным серым зданием. В полуподвале было открыто окно, и из него изливался теплый желтый свет. Катафалк развернулся, и его платформа поднялась, как у самосвала. Гроб скользнул вниз и исчез в подвале. Удалов только ахнул.

Примеру первого катафалка последовал второй, третий. Лица водителей были безучастны, словно они перевозили картошку. Удалова так и подмывало вмешаться, но он взял себя в руки. Нельзя лезть в чужой монастырь со своим уставом. Лучше завтра поговорить с Гнецом, и он все объяснит. Но тут любопытство пересилило Удалова. Он подумал, что ничего плохого не случится, если он заглянет в серое здание и выяснит, крематорий это или что иное.

Удалов дождался, пока последний катафалк свалил в подвал свою ношу. Убедившись, что его никто не видит, он осторожно обогнул здание, разыскивая вход.

Вот и дверь. Она была открыта, и никто ее не сторожил. Удалов вошел внутрь и направился по широкому, тускло освещенному

коридору. Навстречу ему попался спешащий человек в белом халате, и Удалов уже приготовился ответить на вопрос, как он сюда попал, но человек не обратил на него внимания. Поэтому, когда за поворотом коридора Удалову встретился второй человек, он уже чувствовал себя смелее. Но на этот раз его заметили.

— Что за безобразие? — спросил человек. — Почему не в халате? Что за порочное небрежение к стерильности!

— Простите, — сказал Удалов. — Я здесь случайно. Шел, понимаете, вижу дверь...

— Случайностей быть не должно, — ответил человек, распахивая стенной шкаф.

Он вытащил оттуда белый халат и протянул Удалову. Удалов послушно натянул халат, который был велик, и поэтому пришлось закатать рукава. Человек нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

— Ну вот, — сказал Удалов. — Переоделся я. А дальше что?

— Дальше? Дальше — за работу. А вы на что рассчитывали?

Человек схватил Удалова за руку и потянул за собой. Удалов не сопротивлялся, семенил следом, потому что пребывал в полной растерянности.

Через сотню шагов они оказались в громадном зале. Там было зябко, морозно, ослепительный ледяной свет ламп под потолком освещал жуткую картину: вдоль стен, в несколько ярусов, стояли одинаковые гробы.

— Ой! — в ужасе вскрикнул Удалов. — Вы их так содержите?

— А что прикажете делать? — строго спросил его спутник. — Вы можете предложить иной способ хранения?

По транспортеру, тянувшемуся через весь зал, медленно плыл гроб.

— А ну, беритесь! — сказал человек.

— Я боюсь, — возразил Удалов.

— Еще чего не хватало!

Пришлось взяться за холодный и страшно тяжелый гроб и тащить его к стеллажу.

Всю ночь Удалов трудился не покладая рук. Большей частью он работал у транспортера в большом зале, носил, ставил, перетаскивал гробы, к утру окончательно вымотался, притом робел перед своим напарником настолько, что не решался спросить его, что за странные обычаи на этой планете. Терпел до конца смены, решив подробно допросить Гнеца-18.

На рассвете сирена объявила о конце смены. Удалов, несколько привыкший к местным порядкам, повесил белый халат в стенной шкаф и поспешил в гостиницу. Солнце уже встало, на улице было тепло и появились первые прохожие. Когда Удалов подбегал к гостинице, навстречу ему попалась еще одна длинная похоронная процессия. И никто, кроме Корнелия Ивановича, не обратил на нее ровно никакого внимания.

Только успел Удалов не раздеваясь прилечь на кровать, как в комнату ворвался Гнец-18.

— Все готово! — воскликнул он. — За ночь мы подготовили корабль.

— Я никуда не полечу! — отрезал Удалов.

— Как? Почему? Что стряслось? Как можно нарушить данное слово?

— Я бы рад не нарушать. Но знаешь ли ты, где я провел ночь?

— Не подозреваю.

И тогда Удалов вкратце поведал о своем ночном приключении.

— Я во всем виноват! — опечалился Гнец-18. — Я вселил в твое сердце недоверие, потому что не спешил с рассказом. Полагал, что в полете будет для этого достаточно времени. Но клянусь тебе, нет в этом никакой тайны и тем более никаких гробов.

— Но я же их собственными глазами видел, — возразил Удалов.

— Это поучительный пример того, как нельзя доверяться собственным глазам, если уж попал на чужую планету. На деле все наоборот: на нашей планете практически побеждена смерть. Мы — планета торжествующей жизни.

Но почему-то это оптимистическое заявление заставило говорившего грустно вздохнуть.

Затем Гнец-18 продолжал:

— Мы раньше, чем Земля, вступили на путь научного прогресса. И дальше ушли по этому пути. Были побеждены болезни и сокращены несчастные случаи. Мы раскрыли секреты старения и долголетия. Теперь у нас люди живут столько, сколько считают нужным. И как минимум двести лет.

— Это очень важное достижение, — согласился Удалов.

— Но мы не изобрели лишь одного — космических путешествий. Как ты мог убедиться на моем примере, мы типичные домоседы и к космосу относились с опаской и недоверием. Вот вы, к примеру, на Земле заранее решили осваивать космос. Мы же только сейчас спохватились. Когда поняли, что наша планета страшно перенаселена. Несмотря на наши достижения, нам приходится с каждым годом уменьшать площадь квартир и даже высоту потолков, что невыносимо для цивилизованного человека.

— Совершенно невыносимо, — подтвердил Удалов, кинув взгляд на низкий потолок гостиничного номера.

— У нас страшные очереди в библиотеки и на стадионы, хотя,

например, мы пошли на то, чтобы увеличить число команд в первой лиге по цукенолу до тысячи восьмисот двадцати.

— Это что еще за игра? — удивился Удалов. — Такой не знаю.

— Трудно объяснить, ведь на разных планетах совершенно разные развлечения. В цукеноле собираются две группы игроков, и им выдают один круглый предмет. Цель игры — закатить этот предмет в сетку противника.

— Руками или ногами? — поинтересовался Удалов.

— Что ты, только ногами. Если кто-нибудь дотронется до круглого предмета рукой, с него берут штраф.

— Очень похоже на футбол, — подумал вслух Удалов. — А поле какое? А игроков сколько?

— Вот в этом еще одна наша трагедия. Когда-то, в недавнем прошлом, цукенолисты играли на поле длиной в сто метров. Но с современным перенаселением пришлось уменьшить поля в десять раз, а число игроков с десяти до трех. Сам понимаешь, что наши поклонники цукенола — самые несчастные люди во Вселенной.

— Да, на десяти метрах не разгуляешься!

— И вот наши ученые сделали очередное открытие: научились безболезненно усыплять людей, погружать их в анабиоз. И тогда те, кому надоело жить в тесноте, решили, что они поспят, пока наша проблема перенаселения не будет решена. Сначала их было сравнительно немного, но потом к ним присоединились несколько тысяч не очень красивых девушек, которые решили поспать до тех пор, пока наука не придумает, как всех людей сделать красивыми. Еще через год в анабиоз решили улечься два миллиона болельщиков цукенола, которые не в силах были глядеть на уменьшение спортивных полей. Когда вернутся славные времена, тогда и проснемся, заявили они. Но ведь многие засыпают со своими семьями...

Гнец-18 удрученно замолчал.

— И сколько же всего набралось сонных? — спросил Удалов.

— На сегодняшний день насчитываем чуть более двух миллиардов человек.

— С ума сойти!

— Вот именно. Все больше нужных планете специалистов заняты строительством анабиозных ванн и хранилищ для них, половина нашей промышленности вырабатывает охлаждающие растворы и контрольные приборы, старых хранилищ не хватает, приходится все время строить новые. И ты, Удалов, как раз присутствовал при заполнении очередного «спального дома». Научный прогресс неизбежно замедлился, а население продолжает расти, так что даже

если бы мы захотели сейчас разбудить всех наших спящих, им бы некуда было деваться.

— Положение! — сказал Удалов.

— Мы вынуждены были отказаться от многих искусств и даже музыки. Мы живем без отпусков и выходных, бережем наших спящих и лихорадочно ищем пути выхода.

— И свободную планету, — продолжил за Гнеца Удалов. Он уже все понял.

— Да. Привлекательную планету с умеренным климатом и богатой растительностью. Мы отвезли бы туда два миллиарда ванн, построили бы там дома и косметические кабинеты, разбили бы там скверы и цукенольные поля... Но такой планеты нет.

— А сами принялись бы развивать искусства и литературу, — предположил Удалов.

— Но нет такой планеты, — повторил печально Гнец-18. — Мы разыскиваем ее уже который год, но все напрасно.

— Найдем, — сказал Удалов. — Как не найти! У нас весь отпуск впереди.

Вторая планета

Перед отлетом Удалов с Гнецом изучили звездные карты и решили лететь в сектор 5689-бис. Сектор был неблизкий, триста световых лет, меньше чем за три дня туда не доберешься, но зато в тех краях было отмечено несколько очень перспективных планетных систем.

Премьер-министр приехал проводить разведчиков. На прощание он сердечно пожал Удалову руку и произнес с надеждой в голосе:

— Сами понимаете, Корнелий Иванович...

— Понимаю, — ответил Удалов, — и постараюсь не обмануть доверие.

Гнеца-18 сразу укачало, чувствовал он себя паршиво, большую часть времени лежал на диване и думал. Удалов готовил пищу, прибирал на корабле, а в свободные минуты любовался пролетавшими за иллюминатором разнообразными звездами, планетами, кометами и метеорами. Картины звездного мира доставляли ему несказанное удовольствие. Отпуск начался удачно. Если бы не Максимкина свинка, стоило бы взять мальчишку с собой. Набирался бы впечатлений, чтобы поделиться с товарищами по классу.

К вечеру третьего дня Гнец-18 сказал:

— Тормози, Корнелий.

Удалов перешел на капитанский мостик и начал торможение. Он освоился с управлением и посадку провел гладко, мастерски.

Уже при подлете было видно, что планета попалась спокойная, зеленая, поросшая большей частью кустарником и совершенно необработанная. Ни городов, ни деревень, ни дорог сверху не было видно.

Опустились на берегу реки. Река была широкая, прозрачная, текла медленно и величаво. За рекой начинался невысокий лес, в котором щебетали вечерние птицы и рычали какие-то звери.

— Ура! — обрадовался Гнец-18, когда отдышался после посадки. — Это то, что нам нужно. Климат, растительность и никакой разумной жизни.

— Погоди, — остановил его осторожный Удалов. — С утра возьмем катер, поглядим. Если бы ты на Земле сел в верховьях Амазонки, то тоже решил бы, что населения у нас нет. Был со мной в прошлом году случай. Отправился я затемно за опятами на Выселки. Прихожу, лес пустой, а грибы уже собраны. Оказывается, меня те, кто с ночи выехал, опередили.

— Это так, — согласился Гнец-18. — Я, когда сел в лесу у Великого Гусляра, тоже решил, что Земля необитаема. А потом услышал, что лесопилка работает, и расстроился.

И космонавты легли спать.

Настало свежее, светлое утро. Белое солнце поднялось на небо. Удалов с Гнецом отправились на разведку. Они перелетели через реку, долго парили над безлюдным лесом, а когда началось поле, поросшее редкими кустами, Гнец сказал:

— Что-то мне летать надоело. Давай пойдем дальше пешком.

Они взяли бластеры, чтобы отбиваться от хищных зверей, и поставили катер на автоматику. Они шли пешком, а катер летел над ними, и это было очень удобно, потому что стало жарко, можно было получить солнечный удар, а под катером всегда была прохладная тень.

Удалов набрал букет душистых цветов и решил засушить наиболее красивые экземпляры, чтобы привезти их сыну для гербария, собрать который задала ему на лето учительница. Шли часа два. Потом Гнец сказал:

— Ну, теперь ты убедился, что здесь никто не живет?

— Нет, — ответил Удалов. — Нужна осторожность. Речь идет о судьбе двух миллиардов людей.

И он оказался прав.

Не успели они пройти и десяти шагов, как увидели, что из травы торчит ржавый железный штырь.

— Это свидетельство разумной жизни, — сказал уверенно Удалов.

— Совсем не обязательно. Может, сюда прилетали с другой планеты и забыли. А может, туристы-межпланетники. Ты же знаешь, какие они неаккуратные. Пробудут день, а напакостят, словно жили три года.

— С туристами бывают трудности, — согласился Удалов, — но туристы таких штук не забывают.

Он раздвинул кусты и показал Гнецу-18 поросшую мхом пушку с изогнутым стволом.

— Да, — подтвердил Гнец-18. — Туристы этого с собой не возят.

— Поехали обратно? — спросил Удалов.

Гнец подумал немножко и сказал:

— Давай получше исследуем. А вдруг они все погибли?

— Как так?

— Воевали до тех пор, пока друг друга не перебили.

Гнец с Удаловым забрались в катер и полетели вперед. Чем дольше они летели, тем больше попадалось им следов человеческой деятельности. То громадная воронка от бомбы, то взорванный завод, то целый город, разрушенный до основания. И что удивительно — все так заросло кустами и мхом, что если б Гнец с Удаловым не искали эти следы специально, можно было бы принять их за природные образования. С каждой минутой Гнец-18 все больше убеждался, что люди здесь друг друга взаимно уничтожили, но Удалов настаивал доисследовать планету до конца. Может быть, они куда-нибудь эвакуировались?

— Эвакуировались! — возмущался Гнец-18. — И потом сто или двести лет не догадывались вернуться назад! Что же они, дураки, что ли?

— Все бывает, — ответил на это Удалов, которому были свойственны здравый смысл и осторожность.

Они долетели до самого полюса, заглянули на экватор, пересекли океаны. И везде одно и то же. Следы войны и разрушения — и ни одного живого человека.

Удалов был уже готов согласиться с Гнецом. В самом деле, все друг друга перебили. Очень прискорбно, но что поделаешь?

— Для страховки мы сделаем вот что, — произнес вдруг Гнец-18. — Есть у меня на борту Искатель Разума. Специально сконструирован для подобных случаев. Определяет, есть ли разумная жизнь в радиусе тысячи километров вокруг...

Гнец достал белый ящичек с антенной и настроил его. Сразу же раздалось гудение и щелканье.

— Вот видишь, — сказал Удалов, — значит, есть.

— Это на тебя показывает, — заметил серьезно Гнец-18. — И на меня тоже. Придется надеть шлемы, чтобы наши разумы ему не мешали.

Они надели специальные шлемы и посмотрели на прибор. Он продолжал щелкать, хоть и не так громко, как раньше. Еле-еле. Где-то на планете, далеко от них, теплился разум.

Гнец искренне огорчился, а Удалов предложил:

— Пообедаем сперва и полетим отыскивать твоего отшельника. Может, если он один, то сам будет умолять: «Пришлите мне переселенцев, не с кем поболтать длинными осенними вечерами».

Отправились они на поиски после обеда. Направление показывал сам Искатель Разума. Антенна, направленная куда надо, вела их к цели.

Они спустились к обширной холмистой равнине. Разум обитал где-то здесь. И это было странно. Ни деревца, ни кустика, лишь пахнет полынью и столбиками у своих нор стоят грызуны.

— Может, врет твой прибор? — спросил Удалов.

— Когда он на тебя жужжал и показывал, то не врал, — заметил саркастически Гнец-18. — А когда на других показывает, то врет?

— Ну, тогда ищи сам, — обиделся Удалов. Пребывание на этой планете ему уже надоело, и хотелось отправиться дальше.

Гнец-18 долго бродил по равнине, прислушиваясь к прибору, и забрел далеко. Удалов снова занялся гербарием. Вдруг Гнец обернулся и закричал:

— Корнелий, иди сюда!

Удалов подошел.

Гнец-18 стоял перед грудой камней и металла. Прибор надрывался от обилия разума.

— Здесь, — показал Гнец, — был вход в подземелье.

Теперь входа не оказалось. Он был засыпан. И довольно давно.

— Какой ужас! — воскликнул отзывчивый Удалов. — Они замурованы и не могут выйти наружу!

Он попытался голыми руками расшвырять камни и железки, но его сил на это не хватало.

— Отойди, — сказал Гнец.

Он достал свой бластер и начал плавить преграду смертоносным лучом. Вскоре образовалась воронка, а еще через несколько минут последний камень превратился в раскаленную пыль и перед путешественниками предстало черное отверстие.

— Нам туда, — просто сказал Гнец-18, который не любил тратить время попусту. Он достал из кармана паутинную веревочную

лестницу и прикрепил ее верхний конец к еще горячим камням. — Вперед!

Они долго шли по наклонному туннелю. В туннеле было темно и сыро. С потолка свисали небольшие сталактиты, и с них, словно с сосулек, капала вода. Стены были в ржавых потеках и блестели в лучах фонарей. Потом они спустились по скользкой лестнице на следующий ярус, долго ковыляли по шпалам разрушенной узкоколейки и добрались до глубокой шахты. В шахту пришлось спускаться по скобам, укрепленным в стене, и Удалов опасался, что скобы могут сорваться. Маленький водопадик срывался с края шахты, струйкой летел рядом, и иногда Удалову попадала за шиворот холодная вода. Спускались они полтора часа, и Удалов с ужасом думал, как они будут подыматься обратно. Потом снова начались переходы и туннели, и лишь после сорок четвертого поворота впереди забрезжил тусклый свет.

— Я думал, что мы их никогда не спасем, — сказал Удалов.

— А ты уверен, что их надо спасать? — спросил Гнец-18.

Теперь они шагали по коридору, в котором были следы жизни. По стенам тянулись кабели и провода, изоляция, испорченная водой, кое-где была починена, обмотана тряпками. В куче земли, свалившейся сквозь большую трещину в потолке, была протоптана тропинка. Спустившись еще на один этаж вниз, они услышали шаги. Навстречу шел человек в изношенном пиджаке и трусах, сделанных из брюк. Он был бледен и тяжело дышал. В руке у него был потертый чемоданчик, подобный тем, какие на Земле носят водопроводчики. Человек несказанно изумился при виде путешественников.

— Как вы сюда попали? — спросил он.

— Мы ищем население, — ответил Гнец-18.

— Тогда вам ниже, — сказал водопроводчик. — Здесь только я. Чиню проводку. Трубы текут, изоляция никуда не годится, вентили заржавели. Вы там, внизу, скажите, чтобы прислали замазку, изоляцию и новые трубы.

— Обязательно скажем, — пообещал Удалов. — И давно вы здесь живете?

— Испокон века, — ответил водопроводчик. — А где же еще жить?

— Наверху.

— Где? — Водопроводчик поглядел на Удалова как на сумасшедшего.

— Наверху! — Удалов показал пальцем.

— Там нельзя. Там темно и сыро. Там жить невозможно.

— Но я же имею в виду не туннели, а поверхность вашей плане-

ты, — объяснил Удалов. — Там светит солнце, растет лес, текут реки и ручьи.

— Какой лес? Какое солнце? Вы откуда свалились?

— Именно оттуда.

— Опасные вы слова говорите. Таким, как вы, не место на свободе.

— Пойдем отсюда, — вмешался Гнец-18, — пойдем скорей.

— Правильно, — одобрил водопроводчик. — Только не забудьте про трубы и замазку сказать.

Они спустились еще на несколько этажей и наконец попали в населенные места. Иногда им встречались люди. Двигались они медленно, лица у всех были бледные и тоскливые. В стенах коридоров были выдолблены ниши, в которых эти люди обитали. На перекрестке двух туннелей путешественники увидели человека в блестящей, хоть и поношенной форме.

— Гляди, похож на полицейского, — сказал Удалов. — Он нам и нужен.

— Вы случайно не страж порядка? — спросил Гнец-18. — Скажите, пожалуйста, как нам пройти к...

— Одну минутку. — Человек в форме вынул из-за спины палку и ударил по голове проходящего мимо старичка. — Ты где переходишь? — спросил он его.

Старичок послушно вынул из кармана монету и отдал полицейскому.

— Вам чего? — повернулся к ним полицейский.

— Нам надо пройти к вашему начальству, — сказал Гнец-18.

— Зачем? — спросил полицейский, размахивая палкой, как маятником.

— Мы хотим узнать, ваша планета свободная или занятая?

— Это как так? — удивился полицейский.

— Мы побывали наверху, — объяснил Гнец-18. — Там все свободно. Но тут, внизу, занято.

— Что-то твои слова мне не нравятся, — сказал полицейский. — Я бы тебя отправил сейчас куда следует, только ты одет слишком хорошо. Ты, часом, не грабитель?

— Простите, — вмешался Удалов. — Там, наверху, водопроводчик просил прислать ему трубы, а то течет.

— Вечно ему что-то нужно. Обойдется, — ответил полицейский. — А вы зачем туда ходили?

Удалов потянул Гнеца-18 за рукав:

— Идем дальше.

— Нет уж, голубчики, — возразил полицейский. — Вы пойдете

только со мной. Или платите шесть монет за переход улицы в неположенном месте.

— А где положенное? — спросил Удалов.

— Это только я знаю, — усмехнулся полицейский. — На то меня здесь и держат.

Тут полицейский поднял палку и повел путешественников вниз через переходы и лестницы до большой ниши, в которой разместился полицейский участок.

В участке они долго не задержались. Там их допросили, для порядка избили палками и на скрипучем лифте отправили ниже, чуть ли не к центру планеты, в пещеру, которую занимал кабинет Начальника № 1.

— Итак, — сказал Начальник № 1, когда ему изложили суть дела, — вы нагло утверждаете, что пришли сверху. Это чепуха, потому что наверху ничего нет. Там никто не живет. Человек не муха, чтобы ползать по потолку. Теперь остается только выяснить, зачем вы лжете.

— Да не лжем мы! — возмутился Удалов. — Погодите, я вам паспорт покажу. Он вообще прописан на другой планете.

— Я не знаю, что такое паспорт, — сказал Начальник № 1, — но в любом случае ваш паспорт здесь недействителен, потому что других планет не существует. Придется посадить вас в тюрьму, пока вы не сознаетесь, зачем пожаловали, кто вас подослал подорвать нашу бодрость.

— Не нужна нам ваша бодрость! — продолжал спорить Удалов. — Мы искали свободную планету. Ваша показалась нам ненаселенной. А обнаружилось, что вы спрятались под землей и носа наверх не высовываете.

— Для нас это загадка, — добавил Гнец-18.

Тогда Начальник № 1 приказал всем посторонним выйти из комнаты, запер дверь, заглянул под стол — не остался ли там кто-нибудь, поманил путешественников пальцем и сказал шепотом:

— Я-то знаю, что наверху жить можно. Но другим об этом знать не положено. Триста лет назад на нашей планете бушевала война. Она была такой всеобщей, что абсолютно все было разрушено. И люди сохранились только в глубоких бомбоубежищах. После войны жить наверху было нельзя. Даже выглянуть опасно. Там все было настолько разрушено и заражено, что даже комар через три минуты умирал. Вот мы и переселились под землю. В этом есть недостатки, зато очень удобно держать в руках население. Вот мы и внушаем, что никакого другого мира не существует. А вы для нас — опасные существа и возмутители спокойствия. Так что придется вам провести остаток своих дней в тюрьме.

Закончив речь, Начальник № 1 вызвал стражу, путешественников затолкнули в темный каменный мешок и захлопнули за ними железную дверь.

— Вот попались! — произнес в сердцах Удалов. — У меня же отпуск скоро кончится. Так дело не пойдет.

Он хотел было барабанить в дверь и требовать справедливости, но Гнец-18 объяснил, что ничего из этого не выйдет. Они все равно проникли сюда без разрешения, а раз местные жители думают, что, кроме их мира, никакого другого нет, а если и есть, то он для жилья не приспособлен, значит, Удалов с Гнецом ниоткуда не приезжали, а они — местные жители с вредными мыслями.

— Все равно, — ответил упрямо Удалов, — я этого так не оставлю.

— А что можно сделать? — удивился Гнец-18. — Наш путь завершен. У нас даже ничего нет — ни фонарей, ни бластеров, ничего. Все отобрали полицейские. Жаль только, что мы не выполнили задания и нас будут понапрасну ждать дома. Прощай, друг Корнелий. Прости, что я впутал тебя в эту историю.

— Ни-че-го подобного, — ответил Удалов, глядя в кромешную тьму. — У меня дела дома. У тебя дела дома. А ты собираешься просидеть здесь всю жизнь. Эй! — продолжал он, подходя к двери. — Здесь есть кто?

— Я на страже, — отозвался голос из-за двери.

— Нас скоро выпустят?

— Из этих каменных мешков еще никто не выходил живым, — ответил глухой голос стражника.

— Я так и думал, — прошептал Гнец-18.

— Может, никто и не выходил, — сказал тогда Удалов. — Но все равно я обязан открыть тебе, стражник, глаза. Ты меня слышишь?

— Слышу, — ответил стражник.

— Мы пришли сверху, — произнес Удалов. — Там, наверху, светит солнце, растет трава и поют птицы. Там светло и сухо. Планета уже забыла, что на ней была страшная война. Она ждет, когда снова вернутся люди. А вы сидите внизу, как кроты в подземелье.

— Наверху ничего нет.

— Это тебе вдолбили с детства, что ничего нет. Твои начальники боятся, что как только вы выберетесь на волю, то разбежитесь во все стороны.

— Наверху ничего нет, — повторил стражник. — Там пусто. Там смерть. Жизнь кончается на двадцать третьем ярусе. И не понимаю, зачем все эти разговоры? Может, вы сумасшедшие?

— Тогда зачем нас посадили в каменный мешок? Ведь сумасшедших надо отправлять в больницу.

— У нас нет больниц. Мы живем и умираем, когда наступает для этого время.

— Пойдем с нами наверх, — предложил Удалов. — Там тепло, светло и сухо.

— Не соблазняй меня.

— Там поют птицы и журчат светлые реки...

Стражник грустно вздохнул:

— Это похоже на сказку.

— Ты ничем не рискуешь, — сказал Удалов. — Если тебе не понравится, ты вернешься.

— Не соблазняй, — сказал стражник. — Ты говоришь, тепло, светло и сухо?

— И дует ветер. И шелестят листьями деревья. И жужжат пчелы, отыскивая путь к улью, и стрекочут кузнечики.

— Я не знаю, что такое деревья, и не слышал, как жужжат пчелы... А если ты лжешь, незнакомец?

— Тогда ты приведешь нас обратно и никогда не выпустишь отсюда.

— Хорошо, — согласился стражник, — только я вам завяжу руки, чтобы вы меня не убили. Ведь не исключено, что вы сумасшедшие или хитрые преступники.

— Соглашайся, — прошептал Гнец-18. — Соглашайся на все.

Он воспрянул духом.

Стражник связал путешественникам руки и повел их коридорами к скрипучему грузовому лифту.

— Этот лифт поднимет нас на предпоследний ярус, — сказал он, подведя путешественников к ржавой клети, — а там посмотрим.

Лифт поднимался целую вечность. Гнец боялся, что за ними будет погоня, и спрашивал, нельзя ли поторопить лифт.

— Других нету, — мрачно ответил стражник, который оказался сутулым мужчиной с бледным, рыхлым, как манная каша, лицом. — Куда дальше? — спросил он, когда лифт через полчаса остановился. Он явно жалел, что поддался на уговоры, и вот-вот готов был повернуть назад.

— Теперь недолго осталось, — сказал Гнец-18, в котором, словно компас, было заложено чувство направления.

Они шли так быстро, что стражник еле поспевал за ними. Его керосиновый фонарь раскачивался как маятник, и оттого казалось, что туннель заполнен прыгающими тенями. Они миновали шахту, поднялись по лестнице, попали в тупик, и пришлось возвращаться назад, пробежали через узкий проход, в котором ржавели автомобили и мотоциклы, и в тот момент, когда стражник, за-

пыхавшись, сказал, что больше не сделает ни шагу, увидели впереди пятнышко света.

Удалов первым добежал до входа в подземелье и вскарабкался наверх без помощи рук, которые были связаны за спиной.

— Свобода! — закричал он, как джинн, выпущенный из бутылки.

Следом выбрался Гнец-18.

— Вылезай, — сказал он стражнику, который, зажмурившись, стоял на дне ямы.

— Не могу, слишком светло, — отказался стражник.

Удалов и Гнец-18, повернувшись спинами друг к другу, развязали путы. Потом Удалов лег на край воронки, протянул руку вниз и помог стражнику выбраться на поверхность.

— Открывай глаза понемножку, — сказал Удалов. — Солнце зашло за облака, не страшно.

Стражник стоял на краю воронки, и у него дрожали колени.

Наконец он осмелился открыть глаза и, щурясь, огляделся. Вокруг расстилалась холмистая равнина, поросшая травой и полынью. Далеко, у горизонта, стеной стоял лес и начинались голубые холмы. Это было не самое красивое место на планете, но все равно здесь было в миллион раз лучше, чем под землей.

Но стражник этого не понял. Он ухватился за Удалова и простонал:

— Не могу. Лучше умру.

— В чем дело? — спросил Удалов.

— Слишком много места и слишком много света. Лучше я пойду обратно. Я вам верю теперь, но под землей лучше. Спокойнее и всегда стены под боком.

И как Удалов ни уговаривал стражника осмотреться, подождать, как ни соблазнял его полетом над лесами, тот говорил только:

— Нет, нет, я лучше под землю. Я там рожден и умру в четырех стенах.

— Оставь его, — сказал Гнец-18. — Каждый волен выбирать тот образ жизни, который ему нравится.

— Человеку не свойственно жить под землей. Это место для кротов и червей, — возражал Удалов.

Но стражник был непреклонен.

— Прощайте! — произнес он и прыгнул вниз. Оттуда он крикнул: — Наверно, все это мне приснилось! Я постараюсь обо всем забыть. Только бы не проговориться случайно, а то придется самому вместо вас гнить в тюрьме.

И стражник убежал вниз, в привычную темноту, тесноту и сырость.

Когда Удалов с Гнецом вернулись на корабль, Корнелий сказал:

— Все-таки я надеюсь, что они когда-нибудь сами отыщут выход.

— Возможно, — ответил Гнец-18, — но мы не должны вмешиваться. Спасибо тебе, Корнелий, что ты помог мне выбраться из тюрьмы. Давай искать другую планету. Такую, чтобы и в самом деле была совершенно свободной.

Третья планета

На следующий день они заглянули на одну плотно заселенную и цивилизованную планету, где заправились гравитонами, купили сувениры и отправились в справочное бюро, чтобы узнать, нет ли по соседству подходящей свободной планеты.

— Точно не скажем, — ответили им. — Мы сами рады бы найти такое место, чтобы построить там дачи и туристские лагеря, потому что спасения нет от собственных туристов. Жгут костры, ломают деревья... Попробуйте, впрочем, заглянуть к звезде Энперон, около которой вращается несколько планет. Мы туда не летаем, потому что боимся космических драконов.

— Драконы — не самое страшное в Галактике, — сказал Гнец-18. — Где у вас ближайший магазин?

В магазине путешественники купили бочку уксуса и распылитель, потому что каждому космическому страннику известно, что космические драконы не выносят уксусного запаха, и полетели к Энперону.

Надо сказать, что им повезло. Единственный дракон, встретившийся на пути, был сравнительно маленьким. Как он ни старался, корабль Гнеца не поместился в его пасти, а когда Удалов распылил уксус, дракон трусливо бросился наутек и спрятался в ближайшей туманности.

— Вот, погляди! — воскликнул Гнец, глядя на первую же планету. — Какая чудесная растительность! Зеленая и яркая! Какие разноцветные озера и реки! Какие сизые и зеленые облака плывут над ней! И вроде бы нет людей!

— Не нравится мне это разнообразие, — сказал Удалов. — Реки должны быть бесцветными или голубыми, в крайнем случае зеленоватыми, но никак не красными и не желтыми. И зеленые облака — тоже ненормальность. Ну что делать, раз уж прилетели, поглядим.

Они опустились на берегу оранжевого озера и вышли наружу.

Черная туча надвигалась с запада. Пахло кислой капустой и соляной кислотой. От озера поднимался пар.

Удалов первым подошел к воде, прихватив удочки, потому что решил порыбачить, пока Гнец приходит в себя после посадки. Он закинул удочку с высокого берега. С озера тянуло гнилью, и надежд на хорошую рыбалку было немного. Крючок сразу зацепился за что-то, и Удалов с трудом выволок на берег ком гнилых водорослей. Он освободил крючок, насадил червяка из земных запасов и закинул снова. Тут же клюнуло. Удалов подсек, потащил осторожно к себе. Показался черный плавник, но это была не рыба. Это был скользкий червь с плавником. Пока Удалов, содрогаясь от отвращения, тащил червя к берегу, из оранжевой воды выскочил еще один червь, вдвое больше первого, и вцепился в добычу Удалова. А когда все это уже было на берегу, вода вздыбилась и из нее выпрыгнул червь втрое больше второго. И проглотил обоих первых. Удалов бросил удочку и побежал наверх. Нет никакой гарантии, подумал он, что следующий червяк не сожрет и самого Удалова.

Навстречу ему шел Гнец-18.

— Ну, что новенького? — спросил он, потирая руки.

— Только черви в озере, — ответил Удалов. — Боюсь, что они всю рыбу сожрали.

— Пустяки, — отмахнулся Гнец-18. — Мы их выведем.

Ему очень хотелось, чтобы планета оказалась свободной.

— Ты лучше доставай свой Искатель Разума, — сказал Удалов.

Он был мрачен, потому что лишился своей лучшей удочки с японской леской. Только Гнец собрался последовать совету товарища, как их накрыла черная туча. Стало темно. Вонючий дождь хлынул сверху, как из помойного ведра. Пока они добежали до корабля, промокли насквозь и покрылись синяками — в дожде попадались гайки, ветки, гнутые гвозди и иная рухлядь.

— Не нужен нам твой Искатель, — сказал Удалов, захлопывая люк и вытаскивая из уха ржавый шуруп. — И без него все предельно ясно.

— Не уверен, — сказал Гнец-18, включив обогреватель, чтобы просохнуть, и обрызгивая Удалова одеколоном. — Может, им не хотелось жить в таком безобразии. Вот они и улетели. А мы эту планету вычистим и приведем в порядок. По крайней мере леса здесь зеленые.

Но когда дождь кончился и они отправились в лес, оказалось, что листьев на деревьях нет и в помине, зато мириады зеленых тлей обгладывали кору, а жуки и гусеницы терзали стволы — деревья были такими трухлявыми, что, когда Удалов нечаянно задел одно из них плечом, дерево рухнуло и превратилось в пыль.

— Обрати внимание, — сказал Удалов, стряхнув с себя труху и насекомых, — здесь даже птиц нету. Не говоря уже о более крупных животных.

И тут они увидели местного жителя. Это был хилый карлик в рваной накидке, наброшенной на узкие плечики, с грязным мешком в руке. Притом в противогазе.

При виде незнакомцев карлик попытался скрыться в чаще, но ноги его подкосились, и он сел на землю.

— Здравствуйте, — сказал Удалов, протягивая вперед руки, чтобы показать, что не взял с собой никакого оружия. — Вы здесь живете?

— Разве это жизнь? — удивился карлик. — Это существование. А вы-то не боитесь?

— А чего нам бояться? — спросил Удалов.

— Как чего? Свежего воздуха, вони, заразы, червей и безнадежности. Вы, наверное, приезжие?

— Правильно, — ответил Гнец-18. — Мы ищем свободную планету. С воздуха ваша нам сначала понравилась. Она кажется такой разноцветной и пустынной...

— Что правда, то правда, — кивнул карлик. — Разноцветная — это да. И пустынная — тоже. Пойдемте лучше ко мне домой, побеседуем, а то опять град собирается. Еще пришибет ненароком.

Путешественники последовали за карликом, который повел их по тропинке, усеянной проржавевшими железками, через черные лужи, в которых шевелились пиявки, мимо пустырей, заваленных смердящим мусором. Удалов просто поражался, как же он не заметил всего этого безобразия с воздуха. Но потом понял: все здесь было покрыто слоем разноцветной плесени, и только вблизи можно было удостовериться, насколько мрачен и безрадостен окружающий пейзаж.

— Городов у нас, простите, не осталось, — сказал карлик, — живем поодиночке.

Он пригласил их в подвал заросшего лишайниками и плесенью когда-то величественного замка. Внутри было множество помещений, со сводчатыми потолками, но вонь, которая пронизывала все, была совершенно невыносима. Удалов очень удивился, когда карлик снял противогаз и глубоко вздохнул.

— Можно воспользоваться? — спросил Удалов, протягивая руку к противогазу.

— Пожалуйста, возьмите, носите на здоровье. Вот и запасной для вашего друга, — ответил карлик, и его бесцветные губы искри-

вились в подобии улыбки. — Странные вы люди — в лесу, где дышать трудно, столько там ядовитого кислорода, вы без противогазов обходились, а здесь дышать не можете. Мне, например, от кислорода дурно делается.

Из соседнего подвала вырвался клуб серой пыли. Внутри его кто-то шевелился и хрипел.

— Моя супруга, — объяснил карлик. — Занимается приборкой. Чистюля.

— Простите за нескромность, — сказал Гнец-18, — а почему ваша планета такая, можно сказать, запущенная? Что-нибудь случилось?

— Планета как планета, — ответил карлик. — Жить можно. Бывает хуже. Вот у вас, например.

— Почему вы так думаете?

— Если бы хорошая была, зачем вам другую искать?

— Вы ошибаетесь, — возразил Гнец-18, — наша планета чистая, благоустроенная. У нее только один минус — она перенаселенная.

— Ха-ха! — саркастически произнес карлик и подтянул штаны, которые расползались по швам. — Все это ложь и лицемерие.

— Мы бы рады вам помочь, — сказал Удалов. — Но не знаем чем.

— Так зачем нам помогать? Мы и так довольны.

Не сразу, фразу за фразой, удалось вытянуть из угрюмого карлика историю его планеты. Когда-то она была не хуже других — росли леса, в озерах водилась рыба, летали птицы и так далее. Но карлики, которые населяли планету, были законченными индивидуалистами. Не было им дела до окружающих, а тем более до всей планеты. Они вычерпывали рыбу из озер, не думая, что будет дальше, рубили леса, не заботясь о том, вырастут ли новые. И если один из них выбрасывал в речку мешок со ржавыми железками, то соседи спешили его перещеголять, и тут же каждый выбрасывал туда по два, а то и по три мешка. Когда передохли птицы и звери, расплодились вредные насекомые и принялись безнаказанно пожирать фрукты и овощи. Нет чтобы карликам объединиться — они даже вытаптывали последние посевы у соседей, чтобы всем было плохо. На месте полей выросли джунгли могучих сорняков, которые ничем не возьмешь — ни химией, ни прополкой. Наконец наступил день, когда на всей планете остались лишь карлики, крысы да вредители сельского хозяйства. С деревьев осыпалась последняя листва, в реках развелись хищные червяки, которые пожирали нечистоты и случайных купальщиков. Но и это никого не смутило. Каждый карлик доживал сам по себе, привыкал постепенно к от-

сутствию воздуха и даже радовался, что у соседа еще хуже, чем у него.

— И много осталось народу на планете? — спросил Удалов, совершенно потрясенный рассказом карлика.

— А я не интересуюсь, — ответил тот. — Чем меньше, тем лучше.

— А может, эвакуировать их отсюда? — подумал вслух Гнец-18. — Нет, поздно. Они ведь уже нормальным воздухом дышать не могут. Да и как восстановишь животный и растительный мир, если ничего не осталось, кроме чучел и воспоминаний?

— Чучел нету, — сказал карлик. — Чучела жучок съел. Туда им и дорога.

Видно было, что гости ему уже надоели, ждет не дождется, когда уйдут. Но вдруг его осенила мысль.

— Скажите, а не купите ли вы нашу планету? Я вам ее дешево отдам. За кормежку. Будете меня с женой кормить, покуда мы не вымрем.

— Нет, никто вашу планету не купит, — возразил Гнец-18. — Ее же надо продезинфицировать и начать эволюцию сначала, с простейших.

— Так я и думал, — сказал карлик. — Нет добрых людей на свете. А вы пока присядьте в уголке, отдохните, если вам уходить не к спеху. Я обедать буду. Вам не предлагаю. Вы, наверное, сыты.

Из облака пыли выползла карлица. Она несла чашку с теплой водой и тарелку с кашей из плесени.

— Вы чего не раздеваетесь? — спросила она, показывая на противогазы.

— Не приставай к ним, они приезжие, — ответил за гостей карлик.

— Может, все-таки поедите с нами? — предложила карлица.

— Они не хотят! — поспешил ответить карлик.

— Спасибо, — сказали путешественники хором. — Мы сыты.

— Брезгуют, — произнес карлик. — Ничего, нам больше достанется.

Карлица тоже присела за стол, и хозяева подвала начали быстро хлебать кашу, заедать глиной и запивать водой.

— А на третье, — сказала карлица, не глядя на гостей, — будут блинчики из лишайников. Очень вкусные.

— Не может быть! — обрадовался местный житель.

Удалов с Гнецом потихоньку вышли наружу, сбросили противогазы и, кашляя от едкого дыма, приползшего в низину как туман, побрели по шевелящемуся лесу обратно к кораблю.

— Хоть эта планета и почти пустая, — сказал Гнец, — но я бы ее и злейшему врагу не предложил.

— И чего же они раньше не спохватились! — горевал отзывчивый Удалов.

— Как же они могли спохватиться, если каждый сидел в своей норе? Поучительно, хоть и горько смотреть на этих эгоистов.

— Надеюсь, — сказал Удалов с чувством, — что это единственный прискорбный случай во всей Галактике. Надо будет обязательно рассказать об этом дома. Знаешь, у нас в Великом Гусляре директор кожевенной фабрики стремится таким же способом Землю загубить. Единственное, что меня утешает, наша общественность резко выступает против, и не сомневайся, реку Гусь мы погубить не дадим.

— Обязательно расскажи, — согласился с Удаловым Гнец-18. — Что-то у тебя, Корнелий, по моей вине отпуск мрачный получается.

— Ничего подобного! — возразил Удалов. — Я отпуском очень доволен. Всегда бы так проводил время. Столько новых людей, столько встреч, столько всего поучительного! Нет, я тебе благодарен за приглашение.

Четвертая планета

Следующая планета показалась примерно через полчаса. Она вращалась вокруг той же звезды Энперон.

Удалов прильнул к телескопу, разглядывая ее материки и океаны.

— На вид ничего, — сказал он наконец, пропуская к телескопу Гнеца. — Но я теперь своим глазам не доверяю.

— Я тоже не доверяю. Но, может быть, она все-таки свободная?

Он с такой надеждой посмотрел на Удалова, словно Удалов мог ему помочь.

— Не обещаю, — ответил Удалов. — Городов нету. Заводов не видно. Кое-где в зелени и на полях виднеются черные проплешины. Происхождение их неизвестно.

Во время путешествия Удалов стал экономнее в словах и точнее в формулировках.

Опустились. Вышли. Было очень тихо. Только чуть пахло гарью. Далеко-далеко слышался какой-то стук. Может быть, это стучал дятел?

— Поглядим, — предложил Удалов.

Они пошли вдоль низкорослого леса по зеленому лугу, и, когда

отошли уже на километр от корабля, наслаждаясь предвечерним миром и спокойствием, Удалов спросил:

— Гнец, а где твой Искатель Разума?

— Опять забыл, — ответил Гнец. — Ты знаешь, Корнелий, мне так хочется, чтобы не было разума, что я все время забываю этот Искатель. Ты не представляешь, как я переживаю за своих соотечественников! Им приходится трудиться не покладая рук, а мы здесь с тобой гуляем.

— Мы не просто гуляем, — возразил Удалов. — Мы проводим разведку.

— Все равно стыдно. Ну что здесь разведывать? Если бы я не боялся сглазить, я бы сейчас сбегал на корабль, взял Искатель и...

— Беги-беги, — добродушно сказал Удалов, усаживаясь на пенек.

«Благодать, — думал он, — если бы у нас в Гусляре места были не лучше, взял бы семью и переехал сюда». Но тут же вспомнил, что скоро в эти мирные места могут прибыть два миллиарда совершенно незнакомых ему и, может, даже разочарованных людей.

В тишине и спокойствии теплого вечера что-то Удалова смущало. Интуиция подсказывала ему, что здесь не все ладно. Он ощущал, что за ним наблюдают. Удалов подошел к кустам, раздвинул их, но кусты были пустыми. Он вернулся на пенек. Что же неладно? Конечно же, сама тишина, зачарованность леса. Как будто кто-то поджидает, чтобы наброситься... А на чем он сидит? На пеньке. А почему в диком лесу пенек, да еще так ровно спиленный?

Мысли Удалова прервал Гнец-18.

— Так спешил, — сказал он, подбегая, — что не успел включить. Может, нам посчастливилось?

И он протянул Удалову защитный шлем.

— Нам почти наверняка не посчастливилось, — сказал Удалов. — Посмотри.

Гнец долго смотрел на пенек, а потом сказал, не веря собственным глазам:

— Знаешь, тут могут быть животные, которые так ровно отгрызают деревья.

— Бобры?

— У нас они иначе называются.

— Все может быть, — согласился Удалов, но про себя лишь усмехнулся: «Знаем мы этих бобров, с циркулярной пилой».

Включили Искатель Разума. И он тут же защелкал так, словно находился в московском магазине ГУМ.

— Может, это из-за нас? — спросил Гнец с надеждой. — Шлемы испортились?

— Нет. Пойдем посмотрим.

Но в каком бы направлении они ни двигались, щелканье, жужжание и мигание аппарата были совершенно невыносимыми. Разум просто кишел вокруг.

— Ничего не понимаю, — сказал Гнец-18.

— А я полагаю, что здесь комары разумные, — ответил Удалов, шлепнув себя ладонью по шее.

— Такое маленькое тело, — серьезно заметил Гнец, — не может поддерживать в себе разум.

— Может, они невидимые?

— Ты веришь в чудеса?

— Скорее нет.

— И я тоже нет. Невидимость противоречит законам природы. Все, что мы с тобой, Корнелий, видели и слышали за последние дни, имеет научное объяснение. Но невидимость — это жалкая выдумка фантастов.

Удалов был вынужден согласиться.

И тут раздался строгий голос:

— Невидимость не выдумка. Каждый хороший солдат обязан быть невидимым для противника. Попрошу поднять руки. Вы в плену.

— Ну вот, — вздохнул Удалов. — Второй раз за неделю.

Пенек откинулся, и из-под него вылез солдат с ружьем. Кусты поднялись из земли, и в корнях их обнаружились солдаты с пулеметом. Стволы деревьев распахнулись, словно дверцы шкафов, и из них вышли офицеры и генералы.

Путешественники вынуждены были сдаться в плен.

Их привели в штаб, умело спрятанный под большим муравейником. Единственное неудобство заключалось в том, что муравьи часто падали сверху и больно кусались.

— Вернее всего, вы шпионы, хотя для шпионов вы вели себя очень неосмотрительно, — сказал полковник, который вел допрос.

Чины у них были, конечно, другие, но Удалов для удобства поделил их по числу и величине крестиков на погонах.

— Мы не шпионы, — возразил Удалов. — Мы совершенно штатские лица.

— Это еще не аргумент, — вмешался молодой лейтенант в маскхалате. — Ни один шпион сразу не признается в своих преступлениях.

— Молчать! — рявкнул полковник. — Кто ведет допрос?

— Слушаюсь, ваше превосходительство! — Лейтенант присел на корточки и превратился в болотную кочку.

— Теперь обратимся к вам. Что вы предпочитаете: смерть на виселице, расстрел или вечное заключение в тюрьме?

— Как вам сказать, — ответил Удалов. — Вечное заключение мы уже испытали. Это очень неприятно. Так что лучше всего расстрел.

— Почему? — удивился полковник. — Вы не хотите жить?

— Хотим, — задумчиво произнес Удалов. — Я передумал. Мы выбираем виселицу.

— Объяснитесь, шпион, — потребовал полковник.

— Я надеюсь, что у вас плохие веревки. И они оборвутся.

— Приготовить тройные веревки, — приказал полковник. — Я сам лично проверю. Я сначала повешу на ней того сержанта, который на прошлой неделе чихнул на посту.

— Знаешь, — сказал Удалов Гнецу-18, — это явно несвободная планета.

— Что? — спросил полковник.

— Я сказал, что планета ваша несвободная.

— Так ты не только шпион, но и клеветник? У нас совершенно свободная планета.

— Если она и на самом деле свободная, — сказал Гнец-18, — то для нас это просто находка.

— Почему?

— А потому, что нам очень нужна свободная планета. Мы уже вторую неделю ищем такую. У нас есть два миллиарда людей, которых негде разместить.

— А где они сейчас живут? — спросил полковник.

— Сейчас они заморожены.

И Гнец-18 чистосердечно поведал полковнику о своих затруднениях. Удалову эта исповедь не понравилась. Он полковнику не доверял. Он с самого начала понял, что под словом «свободная» Гнец и полковник имеют в виду совсем разные вещи. Но перебивать товарища он не стал, хотя и решил уже, что не позволит везти сюда замороженных. Неладно здесь.

— Так, — сказал полковник, выслушав рассказ Гнеца. — В этом что-то есть. Подумаем. Сейчас вас отведут в камеру, а я пока проведу совещание.

По подземному переходу их провели в замаскированную тюрьму. Все это находилось в замечательно замаскированном городе, который ни за что не увидишь сверху. По замаскированным улицам ходили строем дети в военной форме, старушки в военной форме и девушки в полувоенной форме. Все при этом тщательно

маскировались, изображая из себя кусты, деревья, камни и прочие неодушевленные предметы.

В камере, замаскированной в дупле старого дерева, путешественники пробыли недолго. Вскоре их снова провели в штаб, где, кроме полковника, их уже ждали восемь генералов, которые даже кренились под грузом галунов и позументов.

— Покажите документы, — приказал генерал-фельдмаршал.

Удалов показал свой паспорт, а Гнец-18 — свое поисковое удостоверение, но так как генералы не умели читать ни по-русски, ни на языке Гнеца, то они только повертели документы в руках, сверили фотографии с их владельцами и сделали вид, что удовлетворены.

— Если вы не врете, — сказал генерал-фельдмаршал, — вам нужна планета, на которой ваши замороженные соотечественники могли бы приобщиться к настоящей свободе. Что же, мы согласны их приобщить.

— Вы меня не совсем правильно поняли, — ответил Гнец-18, которого Удалов призывал, пока они были в дупле, к крайней осторожности. — Нам нужна планета, где не было бы людей.

— Правильно, — сказал генерал-поручик. — Народу у нас нехватка. Мы всех ваших соотечественников пристроим к делу. Всех используем.

— Как вы их используете?

— Для защиты свободы. Сейчас у нас перемирие, и мы, и наши противники, жалкие выскочки и коварные предатели, тщательно замаскировались. Потому что и у них, и у нас осталось мало солдат, а детские сады еще не успели подготовить нам достойную смену. У нас каждый человек на учете. У нас больше пушек, чем артиллеристов, больше самолетов, чем летчиков, нам не хватает рабочих на патронных фабриках и пороховых заводах. И если вы отдадите нам своих соотечественников, то мы согласны заплатить за каждого достойно. За стариков и старух по пуле, за женщин по целой обойме, а за здоровых мужчин и подростков не пожалеем и винтовок.

— Но нам не нужны пули и винтовки, — возразил Гнец-18.

— Чепуха, — сказал генерал-фельдмаршал. — Не набивайте цену. Всем нужны патроны и винтовки. У нас их сейчас избыток, и потому мы благородно делимся с нашими союзниками.

— Нет, ни в коем случае, — сказал Гнец-18. — Как вы могли подумать, что мы наших соотечественников отдадим вам в качестве пушечного мяса! Отпустите нас, мы улетим.

— Ну нет, голубчики, — сказал генерал-фельдмаршал. — Никуда вы от нас не улетите. Вы будете находиться в заточении, на хлебе и воде, до тех пор пока не согласитесь с нашими справедливыми и законными требованиями.

— Не надейтесь, что вам это сойдет с рук, — возмутился Гнец-18. — Нас найдут и вас сурово накажут.

— Не найдут, — возразил генерал. — Мы лучшие в мире мастера по камуфляжу. Вы пробыли у нас полдня и не заметили даже простых солдат-новобранцев, которые скрывались совсем рядом с вами. Подумайте, как вы будете через полгода гордиться своими соотечественниками, которые станут такими же мастерами камуфляжа.

— Нет, не уговаривайте нас, мы улетаем.

— Мы не такие наивные, — расхохотался генерал. — Мы вас отпустим, а вы сразу броситесь к нашим противникам. Не думайте, что они вам дадут больше.

— Никуда мы не бросимся.

Но генерал больше не слушал пленников. Он обернулся к полковнику:

— Замаскируйте их так, чтобы родная мать не узнала. И приготовьтесь к допросу восьмой степени.

Снова пленники оказались в дупле. Только на этот раз под сенью дерева рядом с дуплом поставили котел, в котором кипятили смолу, и свалили кучей железные орудия пыток.

— Нам бы дотянуть до темноты, и мы бы убежали, — сказал Гнец-18, который думал, что можно сбежать от генералов.

Но Удалов отнесся к этому трезвее.

— Ничего не выйдет. Пойдем на военную хитрость.

— Нет, это не принципиально. Я этого не позволю.

Тогда Удалов махнул рукой и решил немного поспать. Если тебя собираются пытать, то нет ничего вреднее, чем сидеть и смотреть, как подготавливают к работе орудия пыток.

Его растолкал Гнец.

— Корнелий, — прошептал он, — я в ужасе. Я согласен на все. Только спаси меня.

— Что случилось? — сонно спросил Удалов, которому снилось, что он уже вернулся из отпуска и рассказывает о разных планетах своим соседям, а соседи не верят ни единому слову. Кстати, впоследствии оказалось, что сон был пророческим.

— Ты погляди наружу.

Удалов выглянул из дупла, и его глазам предстало жуткое зрелище. Во-первых, на площадке, хорошо замаскированной сетями и листвой деревьев, уже установили виселицу и дыбу, разложили щипцы, зубья, колья и прочие страшные вещи. В котле кипела

смола, а палач в красном мундире, замаскированный под пышный розовый куст, помешивал смолу медным черпаком.

— Хорошо, — сказал Удалов, протирая глаза. — Придется помочь. Только чтобы ни слова. Что бы ты ни услышал, соглашайся со мной, не сомневайся в моем дружеском постоянстве.

— Спасибо, друг.

— Не спеши, — ответил Удалов. — Может, еще ничего не выйдет.

Он высунулся из дупла и, нарушая все правила маскировки, закричал:

— Срочно ведите меня на допрос к генералу!

— Тиш-ше! — рассердился палач, даже затрепетав от такого нарушения маскировки. — Ты нас выдашь своим криком. У меня есть приказ подвергнуть вас первой серии пыток, а когда вы уже кое в чем сознаетесь, вернуть на допрос.

— Эй! — закричал тогда Удалов еще громче. — У меня сведения государственной важности!

Тут же несколько кустов и пней по соседству поднялись и оказались младшими офицерами. Несмотря на ворчание и угрозы палача, лишенного любимой работы, младшие офицеры отвели пленников в штаб. Генералы сидели за столом, обменивались военными воспоминаниями и распивали едко пахнущий местный алкогольный напиток.

— Уже? — удивился генерал-фельдмаршал. — Что-то я не замечаю следов пыток.

— Мы не успели начать, — ответили младшие офицеры. — Они уже сломались.

— Великолепно. Отличная работа! — Генерал-фельдмаршал пришел в благодушное настроение. — Хотите присоединиться? — спросил он пленников, указывая на стол с напитками.

Удалов наотрез отказался. Гнец-18 последовал его примеру.

— Я, — сказал Корнелий, — готов обсудить с вами условия, но только чтобы этого, — он указал на Гнеца-18, — здесь не было.

— Ага, раскол! — обрадовался генерал-фельдмаршал. Он просто ликовал. — Все правильно. Может, твоего напарника вообще ликвидировать?

Удалов долго раздумывал. Гнец дрожал и в ужасе глядел на него.

— Корнелий! — взмолился он наконец. — Я всегда был тебе другом.

— Когда дело идет о поставках оружия, — ответил хладнокровно Удалов, — о дружбе и прочих абстрактных чувствах приходится забыть.

— Молодец. Люблю прямоту! — воскликнул генерал-фельдмаршал. — Уведите второго и надежно изолируйте его.

— Не верьте Корнелию! — кричал Гнец-18, когда его вытаскивали из комнаты дюжие лейтенанты. — Он предал меня, значит, предаст и вас! Мы никогда не отдадим вам наших замороженных соотечественников!

— Отдадут, — заметил Удалов цинично, как только крики Гнеца стихли за дверью. — Ну, сами судите, кому нужны два миллиарда древних соотечественников? Так что я вам их с удовольствием уступлю. Только, конечно, не за ту жалкую цену, которую вы предлагаете.

— Что ж, стоит обсудить, — сказал генерал, замаскированный под клумбу незабудок, который раньше молчал и не вмешивался в беседу.

— Во-первых, — продолжал Удалов, присаживаясь за стол рядом с генералитетом, — никаких патронов и никаких винтовок. У нас на Земле есть еще, к сожалению, оружие, перед которым ваши винтовки и патроны — жалкие детские игрушки, даже сравнивать стыдно.

— Какое оружие? — просто взвились генералы.

— Так я вам и раскрыл карты! — усмехнулся Удалов. — Как только сделка состоится, вот и узнаете.

— Ваши условия! — настаивали генералы, сверкая глазами.

И тут оказалось, что условий Удалов придумать не успел. Он сморщил лоб, старался, думал, но озарение не наступало.

Генералы приняли его молчание за преднамеренное. Им казалось, что Удалов хитрит, набивает цену. Они нервно переглядывались.

— Он знает, — шепнул генерал-фельдмаршал генералу-клумбе.

До ушей Удалова долетел этот шепот. Значит, генералам есть что скрывать. Что ж, можно рискнуть.

— Да, я знаю! — сказал он твердо. — И не пытайтесь меня обмануть.

— Но этого же никто не знает! Даже мы чуть было не забыли.

— Не важно, — отрезал Удалов. — Неужели вы думаете, что человек, готовый продать вам два миллиарда ничего не подозревающих живых душ да секретное оружие в придачу, так наивен, что прилетел сюда без предварительной разведки? Уж лучше бы я отправился к вашим врагам.

Генералы послушно закивали. Они поверили Удалову.

— Где это? — спросил Удалов.

— Закопано, — поспешил с ответом генерал-фельдмаршал, — и замаскировано под муравейник.

— Отлично. Везите сюда.

— А где же люди? Где оружие?

— Послушайте, вы мне надоели, — обнаглел Удалов. — Я и так иду с вами на невыгодную сделку. Но я люблю...

«Ну что я люблю?» — лихорадочно думал Удалов.

— Вы любите искусство, — подсказал генерал.

— Не вмешивайтесь, — оборвал его Удалов. — Если бы я не любил искусства, меня бы здесь не было.

— А как вы докажете, что с вашей стороны нет обмана?

— Никак.

— Но мы не привыкли без гарантий.

— Тогда не получите оружия.

— Я придумал выход из положения, — произнес генерал-клумба. — Мы пошлем с вами наблюдателя. Наблюдатель не отстанет от вас ни на шаг. И если кто попробует крутить, пуля в спину — и готово.

Удалову совсем не нужна была пуля в спину. Но другого выхода не оставалось.

— Я отлетаю через час, — сказал он. — Моего слабонервного спутника прошу доставить на корабль в связанном состоянии.

— Будет сделано, — сказали генералы.

— Произведение искусства доставить к самой ракете. И чтобы без подделок.

— Ну как можно! — испугались генералы. — Вы же тогда не привезете свой товар.

— Угадали, — согласился Удалов и пожалел, что ему не хватает решительности на Земле. Если бы он так же умел находить выход из любого положения, когда работал в стройконторе, быть бы его конторе лучшей в области.

С Удаловым решил лететь генерал-клумба. Удалов дошел до корабля замаскированными тропинками и проследил за погрузкой связанного Гнеца, который сжигал Удалова презрительным взглядом.

Тяжелый сверток неизвестного назначения тащили восемнадцать замаскированных солдат. Генерал-клумба умудрился добраться от штаба до корабля, скрываясь в траве и иногда зарываясь в землю так, что Удалов, шагавший рядом, периодически упускал его из виду.

Остальные генералы вылезли из подземного хода, чтобы попрощаться с Удаловым, и напоследок генерал-фельдмаршал вежливо спросил его:

— Простите, если мой вопрос покажется вам нескромным, но какой у вас чин?

Удалов хотел было сказать правду, что он младший лейтенант запаса, но решил, что этим может испортить впечатление, и потому ответил просто:

— Маршал танковых войск.

— Я так и думал, — ответил фельдмаршал и пожал ему руку как равному.

А остальные генералы отдали Удалову честь.

Удалов помахал им рукой из открытого люка. За спиной Удалова стоял замаскированный под клумбу генерал и прижимал к его лопатке пистолет. Планета казалась тихой, мирной и совершенно безлюдной. Генералы и солдаты растворились в траве и спрятались в стволы деревьев. Удалов проследовал на капитанский мостик и поднял корабль в воздух.

Прошло полчаса. Планета превратилась в зеленый кружочек. Удалов отправился в кубрик и развязал Гнеца-18.

— Я вас презираю, — сказал Гнец, но тут ему стало плохо, и Удалову пришлось бежать за водой, чтобы привести товарища в чувство.

Генерал-клумба стоял в проходе, держа пистолет. Из ушей у него торчали цветочки, на плече вырос мухомор.

— Вы так все время будете стоять? — поинтересовался Удалов, проходя мимо со стаканом воды.

— А что делать? — спросил генерал.

— Первым делом снимите с себя эти ветки и траву. Мне за вами убирать не хочется.

— Вы хотите сказать, что можно размаскироваться? — удивился генерал.

Но Удалов его не слушал. Он отпаивал Гнеца.

— Простите, маршал, — настаивал генерал, войдя за Удаловым в кубрик. — Но как я размаскируюсь, если в любой момент могут появиться враги?

— Не могут. Не догонят.

— Вы серьезно?

— Серьезно. Спрячьте пистолет. Еще выстрелит невзначай. Шелуху с себя снимите на кухне. И помойтесь немного. Жизнь в лесу вас не украшает.

Гнец пришел в себя.

— Корнелий! — сказал он с горечью. — Как ты мог меня предать?

— Послушай, — ответил Удалов, — мне это надоело. То ты говоришь, что согласен на все, только бы тебя не пытали, то вдруг начинаешь на меня кидаться.

— Но не такой ценой, Корнелий, не такой ценой!

— А какой? — удивился Удалов.

— Ты предал моих соотечественников! Два миллиарда человек!

— Я правда выменял их на какое-то произведение искусства, но это была военная хитрость.

— А почему на борту этот тип?

— Чтобы держать пистолет и стрелять при первом моем или твоем подозрительном движении.

Гнец тут же снова потерял сознание.

— Господин маршал! — раздался из кухни голос генерала-клумбы. — А каким полотенцем можно вытираться?

— Ну вот, — проворчал Удалов. — Даже полотенца с собой не взял. Возьмите голубое! — крикнул он генералу. — Это мое. А завтра что-нибудь сообразим. Если нужно белье, то мое вам подойдет. Оно в левом шкафчике.

Удалов не успел снова привести Гнеца в чувство, как вымытый генерал появился в дверях.

— Могу ли быть чем-нибудь полезен? — спросил он.

— Вот так-то лучше, — сказал Удалов, оглядывая генерала.

Перед ним стоял мужчина средних лет, мирного вида, в удаловской ковбойке и черных трусах.

— Сейчас будешь приводить в чувство Гнеца-18. Учти, что он мой друг, а никакой не пленник. Я сам тоже не маршал, а зовут меня Корнелий Иванович. Никаких людей мы продавать вашим милитаристам не намерены. У нас на Земле это не принято. Войны больше не будет. Маскировки тоже. Пистолет можешь выбросить в мусоропровод. А пока я тебя включаю в число членов экипажа в качестве юнги.

— Спасибо, — произнес генерал, и на глаза у него навернулись слезы. — Я и не смел на это надеяться: мир и дружба.

— Мир и дружба, — согласился Удалов, а Гнец, который уже пришел в себя, все слышал и осознал, добавил:

— Ты, Корнелий, настоящий друг моей планеты.

Потом они втроем пошли на капитанский мостик искать новую свободную планету. На полпути Корнелий остановился и хлопнул себя по лбу:

— Забыл! А что же мы от твоих генералов получили?

— Не беспокойтесь, Корнелий Иванович, — сказал бывший генерал, которого Удалов условно решил звать Артуром. — Это генералам совершенно не нужно. Когда на нашей планете еще не было всеобщей перманентной войны, там жил один великий скульптор. И он изваял из изумруда статую женщины. Все знают, какая она прекрасная и ценная, но последние пятьдесят лет она была замас-

кирована, а недавно мы обсуждали, как бы разбить ее на части и продать какому-нибудь ювелиру.

Тогда они вернулись в багажное отделение и распаковали статую. Она изображала собой женщину изумительной красоты в человеческий рост и с распущенными волосами. Статуя была зеленой и полупрозрачной.

— Нет, — сказал Удалов. — Статуе не место в багажнике. Поставим ее в кают-компании и будем ею любоваться в трудные минуты. А потом сдадим в музей или в детский сад, потому что детям тоже надо приобщаться к прекрасному.

Пятая планета

Пятую планету отыскали лишь на четвертый день. Правда, планеты на пути встречались, но некоторые были негодны для жизни, а другие населены. За эти дни Артур стал всеобщим любимцем, потому что отличался добрым характером и изумительно готовил.

— Я, Корнелий Иванович, — произнес он, — всю жизнь хотел стать поваром. Но повара нам не нужны, а нужны только кашевары. Я не люблю обижать других людей, но с детства меня учили быть жестоким. Вот я и терпел. Но больше в этом нет необходимости.

На планету сначала садиться не хотели, потому что с воздуха увидели постройки. Но так как устали лететь без посадки, опустились.

Неподалеку был маленький городок, окруженный садами и полями. На лугу паслось стадо коров. Но никто не вышел встретить путешественников, никто не работал в поле и не пас стадо.

Они прошли к городу по дорожке между полями. В полях выросли сорняки, и васильков было больше, чем ржи. Коровы мычали, завидя людей, будто их неделю не доили. На улицах городка было много мусора, краска облупилась с вывесок, и машины, брошенные у тротуара, были покрыты пылью.

На улицах не было ни единого человека.

— Новая загадка, — сказал Удалов. — Я уже устал от загадок.

Он обернулся к Гнецу-18:

— Ты взял с собой Искатель Разума?

— Взял.

— Тогда давай отыщи, где они скрываются.

Гнец включил Искатель, но он молчал.

В какую сторону ни направляли они антенну, огонек в нем не

зажигался. Разума в окрестности тысячи километров не наблюдалось.

— Но это совершенно невероятно, — сказал Артур, выходя из пустого магазина. — Они где-то неподалеку.

— А почему ты так думаешь? — спросил Удалов бывшего генерала.

— Да потому, что в магазине есть свежее мясо и огурцы. Его хозяин был здесь по крайней мере сегодня утром.

Они обыскали весь город, заглянули в подвалы и на чердаки, но не нашли ни одного человека.

Уже стемнело, когда они решили вернуться к кораблю и облететь всю планету. Может, таинственные силы перевезли людей на другое полушарие? Гнец все время включал свой Искатель Разума, и Удалов подумал, что его спутник не имел бы ничего против, если бы жители исчезли бесследно. Планета вполне годилась для переселения.

Только путешественники направились к выходу из города, как внезапно раздался шум и на улицах, в домах — всюду появились люди. Каждый из них тут же прятал в карман какой-то прибор и начинал заниматься своими делами. Люди бурно обменивались впечатлениями.

— Это неповторимо! — слышались голоса.

— Другой такой нету.

— Только бы дожить до завтра!

Удалов подошел к одному из возникших жителей города, почтенному старику в очках, и схватил его за пуговицу.

— Вы где были? — спросил он строго.

— Чудак, — ответил старик, не пытаясь сопротивляться. — А вы где были, позвольте вас спросить?

— Я? — удивился Удалов. — Последние два часа я хожу по вашему городу и удивляюсь, куда все запропастились.

— Последние два часа? — Старик был потрясен. — И вы хотите сказать...

Он обратился к прохожим.

— Люди! — кричал он. — Сограждане! Вы знаете, что эти люди делали последние два часа?

Вокруг собралась толпа.

— Они были здесь, в городе, и искали нас.

— Не может быть! — раздались голоса вокруг.

— Они, наверно, с неба свалились!

Удалов остановил крики, подняв руку.

— Да, — подтвердил он, — мы свалились с неба. Вернее, прилетели с другой планеты. И мы ровным счетом ничего не понимаем.

Я должен указать, что вы невежливо обращаетесь с гостями, и, вместо того чтобы объяснить, куда пропало население всей планеты, вы над нами смеетесь.

— Никто над вами не смеется, — сказал из толпы толстый мальчик. — Мы вас жалеем.

— Мы выражаем вам искреннее соболезнование.

— Но почему?

— Потому что вас с нами не было.

— А где вы были?

— Придется объяснить, — сказал старик.

— Объясните им, бургомистр, — поддержали старика в толпе.

— Нас не было. Никого не было. Ни в этом городе, ни в соседнем. Ни на дальнем континенте. Нигде. Мы были в прошлом году.

— Да, — раздались голоса, — мы все были в прошлом году.

— Вы умеете путешествовать во времени? — спросил Гнец-18.

— Да, умеем. Но не в этом дело. Мы смотрели дальнозор.

— Зачем? — Удалов представил себе нечто вроде супербинокля.

— Потому что ровно год назад на нашей планете, в Центральном зале концертов, выступала певица Кавалия Чух.

— Чух! — повторили все слушатели с глубоким волнением.

— Они не знают Кавалию Чух, — заметил толстый мальчик. — Они не дрожат при ее имени.

— Несчастные! — воскликнул старик. — Вы никогда не слышали, как поет Кавалия Чух?

— Нет, — сказал Удалов.

— Тогда вы самые несчастные и самые счастливые люди на свете. Вы завтра вместе с нами пойдете на ее концерт.

— Так она каждый день выступает? — не понял их Удалов.

— Как вы не понимаете! Она выступала один раз, год назад. После этого улетела дальше, но впечатление, произведенное ее чарующим искусством, было таково, что мы не можем его позабыть. К счастью, у нас есть возможность путешествовать во времени. И вот уже год мы каждый вечер возвращаемся в тот день, когда она пела, и вновь слушаем ее выступление. А самые избранные счастливцы каждый вечер приходят в Центральный концертный зал и внимают ей наяву.

— Теперь понятно, — сказал Удалов. — Отравление искусством.

— Значит, у вас планета не свободная? — спросил Гнец-18.

— Она свободна каждый день с семи до десяти, — ответил старик. — В это время вы не найдете ни одного человека. В прошлое отправляются даже больницы и родильные дома.

На корабле, когда они вернулись, вышел спор. Гнец-18 хотел

немедленно улетать дальше, потому что больше на этой планете делать было нечего. Но Удалов воспротивился:

— В конце концов, я в отпуске. И ни одного развлечения. На Земле бы я хоть раза два сходил в кино. Вместо этого я должен бороться с черными полковниками, бегать из тюрьмы и глядеть на орудия пыток. Где справедливость?

— Но мои соотечественники ждут!

— Подождут лишний день.

И тут Удалова неожиданно поддержал Артур:

— Я бы тоже хотел слетать на год назад и послушать Кавалию Чух. Все последние годы я провел в лесу, замаскированный под клумбу. Мне очень хочется приобщиться к искусству.

Гнец понял, что он остался в меньшинстве, и сдался. Сел читать справочник по холодильникам, чтобы не терять квалификации.

На следующий день к вечеру Удалов и Артур переоделись, причесались и отправились в дом к бургомистру. Тот уже ждал их. Он вручил им по карманной машинке времени и пригласил садиться в приготовленные кресла. По улицам спешили люди, чтобы наскоро закончить свои дела и успеть к дальнозору, который оказался просто-напросто цветным телевизором.

— В вашем увлечении пением есть и отрицательные стороны, — заметил Удалов бургомистру. — Я, как работник городского хозяйства, должен заметить, что санитарное состояние города оставляет желать лучшего. Любовь к искусству сама по себе благородна. Мы, например, возим с собой на корабле изумрудную статую в человеческий рост. Но если потерять чувство меры, то...

— Тише, — остановил его бургомистр. — Пора.

Они нажали кнопки на машинках времени и перенеслись на год назад, в значительно более прибранный и чистый город. И тут Удалов удивился так, как давно не удивлялся. В комнате возникли сидящие на стульях еще один бургомистр и еще одна жена бургомистра. Бургомистр поздоровался со своим двойником и поцеловал руку своей второй жене. А второй бургомистр поцеловал жену первого.

— С ума сойти, — прошептал Артур. — Я военный человек и ко всему привык, но не к этому.

— Не обращайте внимания, — сказал первый бургомистр. — Я тоже привык не сразу. Но потом привык. Это тот же я.

Второй бургомистр согласно кивнул:

— Ведь год назад я уже сидел в этой комнате и смотрел дальнозор. Вот я и сижу. А через год я снова уселся у дальнозора. Так что я дважды сижу. Неужели не понятно?

— Ага, — сказал Удалов и не стал больше спорить.

Так они и сидели. Артур, Удалов, два бургомистра и две жены бургомистра. Тут зажегся большой телевизионный экран, и еще минут через пять Удалов совершенно забыл о странностях этого вечера.

Кавалия Чух не отличалась особой красотой или статностью. Это была скромная женщина из системы Альдебарана. Но она оказалась великой певицей и великой актрисой. Ее искусство так захватывало, увлекало и вдохновляло, что, когда в перерыве Удалов смог перевести дух, он искренне пожалел, что Кавалию не слышат его соседи из Великого Гусляра и упрямый рациональный Гнец-18, который остался на корабле читать справочник по холодильным установкам, потому что на его планете искусство считают недопустимой роскошью, когда у тебя такая гнетущая ответственность перед предками.

К концу концерта Удалов вместе со всеми присутствующими бил в ладоши и кричал «бис!». Ему казалось, что он несется по могучим волнам музыки. А когда концерт кончился, зажгли свет и они попрощались с тем из бургомистров, который остался в прошлом году, все увидели, что в глазах у Артура стоят слезы.

У дома бургомистра уже собралась толпа. Все хотели узнать, понравился ли гостям концерт. Удалов вышел к народу первым. Он поднял над головой сомкнутые руки и сказал:

— Спасибо, товарищи, вы доставили мне неизгладимое удовольствие.

— И только?! — возмутились жители города. — Вы не останетесь с нами, чтобы каждый день уходить в прошлое и вновь переживать сладкие мгновения?

— Я бы рад, — ответил Удалов. — Но у меня дела. Я должен найти свободную планету. Два миллиарда человек ждут от меня помощи. Кроме того, у меня скоро кончается отпуск.

— А я останусь! — крикнул Артур. — Я был генералом на жестокой планете и был замаскирован под цветочную клумбу. Но теперь я понял, что смысл жизни заключается в ином. Я остаюсь.

Все закричали «браво» и захлопали в ладоши. Один Удалов оставался спокойным. Он не одобрял чрезмерного увлечения Кавалией Чух. Да, она была изумительной певицей, но ведь жизнь продолжается! Он не стал спорить, а сказал Артуру:

— Хорошо, оставайся. Только проводи меня до корабля. Надо будет обсудить кое-что на прощание.

Артур с готовностью согласился. Он чувствовал себя обязанным Удалову. Они быстро дошли до корабля. Удалов молчал, а Артур объяснялся междометиями.

— Она... — говорил он. — Ах... Вот так... Да-аа!

Гнец-18 все еще читал и подчеркивал ногтем важные места в справочнике.

— Ну как? — спросил он. — Можно лететь?

— Я остаюсь, — сказал Артур. — Это было невыразимо.

Гнец посмотрел на Артура с удивлением.

Удалов развернулся и изо всех сил ударил Артура в челюсть. Артур свалился как подкошенный.

— Закрывай люк! — крикнул Удалов Гнецу. — Немедленно стартуем!

Гнец подчинился, но крикнул Удалову, который поспешил на капитанский мостик:

— Это очень нецивилизованно с твоей стороны. В культурной Галактике так не поступают.

— Он меня еще благодарить будет, — ответил Удалов и дал старт.

Потом привязал Артура к креслу, чтобы не особенно буйствовал, когда очнется. Поступил с ним так же, как древние мореплаватели с Одиссеем, чтобы тот не нырнул в море, наслушавшись сирен.

— Люди, которые только слушают музыку и ничего больше не делают, — сказал он назидательно Гнецу-18, — постепенно деградируют. Меня вообще беспокоит судьба этой планеты. А Артуру надо еще учиться, чтобы стать полноправным членом Галактики.

Кроме того, у Удалова были свои планы в отношении Артура.

Шестая планета, и последняя

Когда Артур пришел в себя, он был ужасен. Он часа два буйствовал в кресле. В конце концов Удалову удалось убедить его, что, если решение Артура слушать каждый вечер один и тот же концерт будет неизменным, на обратном пути Удалов его отпустит. И Артур несколько успокоился, хотя был мрачен и говорил о насилии над личностью, что, впрочем, свидетельствовало о прогрессе в его образовании.

Опять потянулись длинные дни в космосе. Опять были планеты метановые, планеты безвоздушные, планеты обледенелые и планеты раскаленные, планеты, населенные высокими цивилизациями и цивилизациями молодыми.

И вот, когда до конца отпуска Удалова оставалось всего шесть дней и он уже боялся, что придется вернуться домой, так и не выполнив задуманного, они увидели еще одну планету.

Светлые облака плыли над ней, закрывая легкими тенями озера, реки и сосновые леса. Ни единого города, ни единой деревни. Необитаемый остров!

— Теперь, пожалуй, все в порядке, — произнес Удалов, выходя из корабля и садясь на траву. — Записывай координаты и начинай работу.

— Ой, не доверяю я твоей интуиции, — сказал Гнец-18. — Сколько уже планет мы облетели, и ни одной свободной.

Он достал из кармана Искатель Разума и осторожно включил его.

Искатель защелкал, и лампочка в нем зажглась.

— Я же говорил. Полетели дальше.

— И все-таки интуиция подсказывает мне, что еще не все потеряно, — настаивал Удалов.

— Смотрите! — Артур показал вверх. — Кто-то летит. Давайте собью.

— Ты свои шутки брось, — строго сказал Удалов. — Тоже мне, поклонник чистого искусства. Сразу сбивать.

Громадная белая птица опустилась рядом с путешественниками и сказала:

— Добро пожаловать в наши края.

— Здравствуйте, — ответил Удалов. — Вы здесь хозяева?

— Да. Мы хозяева в небе.

— А мы думали, что это свободная планета, — объяснил Удалов. — Вот товарищ ищет место, где бы разместить своих соотечественников. Если бы знали, не стали вас тревожить.

— Ничего страшного, — успокоила птица. — Мы не возражаем.

— Против чего не возражаете? — спросил Гнец-18.

— Против ваших соотечественников. На что нам земля, раз наша стихия — небо? Если ваши соотечественники обещают не поганить воздух своими заводами и не запускать слишком громких самолетов, мы согласны.

— Конечно, обещаем! — обрадовался Гнец. — За нас вся Галактика может поручиться. Больше того, у нас очень хорошо развиты медицина и холодильная промышленность. Если вы питаетесь, например, рыбой, то мы можем ее для вас сохранять. И если вам нужно медицинское обслуживание, омолаживание, исправление физических недостатков, всегда рады помочь.

— Нам, по-моему, повезло, — сказала птица и полетела собирать своих товарок, чтобы сообщить им приятную новость.

На следующее утро было заключено официальное и торжественное соглашение между птицами, хозяевами неба, и будущими

жителями земли. Удалов вздохнул свободно. Главное дело было сделано.

— Ты прямо домой? — спросил его Гнец, когда они, попрощавшись с птицами, покидали атмосферу планеты.

— Нет. У меня еще несколько дней осталось. Хочу кое-какие дела утрясти.

— Только смотри: главный закон Галактики — невмешательство!

— Что-то ты, Гнец, слишком проницательным стал, — заметил Удалов.

— И еще, — добавил Гнец-18, — я думаю, что лучше потеряю два-три дня, но составлю тебе компанию. В конце концов, наша планета тебе, Корнелий, многим обязана. Я лично тоже. Куда направляемся?

— Сначала завезите меня на планету, где в прошлом году пела Кавалия Чух, — напомнил Артур.

— Успеется. — Удалов обернулся к Гнецу, обнял его и сказал: — Спасибо, друг. Я знал, что ты не покинешь меня. Я постараюсь не особенно вмешиваться, но ты знаешь, как трудно удержаться. И если я не попытаюсь кое-что сделать, меня всю жизнь будет мучить совесть.

— Ладно, располагай мной и кораблем, как считаешь нужным, — сказал Гнец.

— Тогда я должен первым делом вернуться на планету к генералам.

— Ты с ума сошел! — закричал в ужасе Гнец. — Я не имею права рисковать нашими жизнями. Как мои соотечественники узнают, что наша проблема решена, если мы погибнем?

— Тебе и не надо спускаться. Мы с Артуром все берем на себя.

— Ни за что, — сказал Артур. — Я ведь дезертир. Меня повесят, а я не хочу, потому что у меня есть цель в жизни.

— Постыдись! — сказал Корнелий Удалов. — Слушать музыку — это удовольствие, может, даже наслаждение, но настоящий мужчина не может избрать наслаждение целью жизни. Помогать другим — вот в чем цель жизни. Гнец помогает другим, я помогаю другим. А ты никому не хочешь помогать. Неужели тебе не горько, что все население твоей планеты сидит замаскировавшись и воюет друг с дружкой?

— Мне горько, — сознался Артур.

— И ты устраняешься?

— Нет, я не устраняюсь. Но ведь это бесполезно.

— А если я говорю, что не бесполезно?

— Тогда я с вами, Корнелий Иванович.

И корабль взял курс на планету замаскированных генералов.

Снова четвертая планета

— Скажи, Артур, — спросил Корнелий, — а много среди вас таких, как ты?

— Каких?

— Которым надоело воевать и маскироваться.

— Таких большинство, — сказал Артур.

— Так я и думал. И они не смеют в этом признаться.

— Даже самим себе.

— А у ваших противников?

— То же самое.

— Замечательно. Этот ответ я и надеялся услышать. Ты хорошо разбираешься в маскировке?

— Отлично. Я лучший специалист по маскировке.

Тогда Удалов обратился к Гнецу.

— Сколько, — спросил он, — может взять людей на борт наш корабль?

— Если лететь недалеко, то человек тридцать.

И тогда Удалов поделился с друзьями своим планом. Перед тем как подлететь к воюющей планете, они изготовили несколько снотворных бомб. Потом Артур показал, как найти главные штабы обеих армий.

Ночью корабль низко опустился над тщательно замаскированным штабом, в котором Удалову пришлось провести несколько неприятных часов, и бросил бомбу прямо в спальню генерал-фельдмаршала. Операция прошла совершенно бесшумно, потому что на той планете не было самолетов и ночью никто не ждал опасности с неба.

Потом корабль опустился на поляне у штаба, второй бомбой Удалов привел в безопасное состояние стражу. Спящих генералов и солдат, общим числом в двадцать человек, погрузили на корабль, в багажное отделение.

Перед рассветом то же самое сделали и со штабом враждебных войск. Всего на борту накопилось около сорока сладко спящих военных. Перегруженный корабль снова поднялся в космос и взял курс к планете, где остатки населения бедовали в подземельях.

Артур с Удаловым тщательно следили, чтобы пленники не проснулись раньше времени и в багажном отделении стоял туман от снотворного газа.

Когда корабль опустился на холмистой, поросшей полынью равнине у входа в подземный город, пленников поштучно перетащили к входу в туннель и опрыскали нашатырным спиртом.

Удивлению солдат и генералов не было конца. Представьте се-

бе: вы заснули в надежном и хорошо замаскированном штабе, а очнулись среди голой равнины, обезоруженные, по соседству со злейшими врагами. Некоторые генералы и солдаты попытались зарыться в землю, другие старались превратиться в полынь, но это им не удалось. Удалов и Артур, на всякий случай вооруженные бластерами, приказали им встать.

— Предатель! — воскликнул генерал-фельдмаршал, узнав Удалова.

— Дезертир! — крикнул генерал-поручик, с трудом угадав в загорелом мужчине в ковбойке генерала-клумбу, шефа камуфляжного управления.

— Спокойно, ни с места! — сказал им Артур. — С вами будет говорить сам Корнелий Иванович.

— Маршал танковых войск, — подсказал генерал-фельдмаршал, потому что генералу всегда приятнее, если его побеждает достойный соперник.

— Так вот, господа генералы и товарищи солдаты, — начал Удалов. — Мы привезли вас сюда не случайно. Мы хотим показать вам ваше собственное неприглядное будущее. Здесь, на этой планете, долгие годы бушевала война.

— Не может быть, — прервал его генерал-фельдмаршал. — Здесь негде маскироваться.

— Раньше было где. Вот они и воевали. Довоевались до того, что ни одного живого места на планете не осталось. И пришлось им, бедным, спрятаться под землю, в бомбоубежище. Прошло уже много лет, и они живут там, потому что люди со временем забыли, что есть другой мир, кроме подземного. Они влачат жалкое существование, словно кроты и черви. Им страшно вылезти на белый свет. Вот эта дыра — единственное место, через которое можно проникнуть внутрь. Еще через несколько лет они все вымрут. Такая же судьба ждет и вас. Я ясно выразился?

Генералы и солдаты были поражены, но не поверили.

— Тогда вот что, — сказал Удалов. — Желающие могут пойти внутрь вместе с Артуром и Гнецом-18. Идите осторожненько, чтобы вас не поймали. А мы, остальные, подождем здесь.

Так и решили. Пока часть визитеров пробиралась под охраной Артура по темным коридорам, остальные беседовали с Удаловым о жизни на других планетах и обсуждали актуальные проблемы. Удалов был доволен тем, что среди его слушателей в основном были солдаты, которые рады были не маскироваться и посидеть спокойно на солнышке.

В общем, к тому времени, когда вернулись экскурсанты, Удалов полностью разагитировал солдат, как балтийские моряки разагитировали казаков во время революции. Солдаты тепло братались и уже обсуждали мирные планы.

Экскурсанты вернулись из подземелья мрачные и потрясенные виденным.

— Это невероятно, — проговорил генерал-поручик, который обозвал Артура дезертиром. — С этим надо покончить. Нам стыдно за наших братьев по разуму.

— Долой маскировку! Да здравствует мир! — выкрикнул один из солдат, остававшихся с Удаловым.

— В ваших словах что-то есть, — ответил солдату генерал-поручик, который еще вчера с ним и разговаривать бы не стал.

Артур приблизился к Удалову и встревоженно прошептал ему на ухо, что генерал-фельдмаршала они потеряли. Он скрылся в темноте и убежал к начальству подземного города.

— Плохо дело, — заметил Удалов, не теряя самообладания.

Генералы последовали примеру солдат и сбрасывали с себя маскировочные халаты. Тут и остальные заметили отсутствие генерал-фельдмаршала.

— Он заблудился? — спросил генерал-поручик.

— Нет, — ответил честно Удалов. — Я полагаю, что он сбежал. Для него, кроме войны, других дел не существует. Вот он и хочет объединиться с подземными милитаристами.

— Этого допускать нельзя, — сказал один из солдат.

— Погодите, не в этом дело, — остановил его Удалов. — Многих из вас я, пожалуй, убедил. Но нельзя думать только о себе. Если мы не поможем подземным жителям, они вымрут. Уговорить их выйти наружу подобру-поздорову мы не сможем. Они боятся дневного света и отвыкли от свежего воздуха, но оставлять их внутри тоже нельзя.

— Надо заставить их выйти наружу. Силой, — решил генерал-поручик.

— Но нас ведь горстка, а внутри есть полиция.

Наступило молчание.

— Кстати, — заметил Артур, — генерал-фельдмаршал их наверняка уже предупредил, и они теперь организуют оборону.

— Мне нужны добровольцы, — сказал Удалов.

Десять солдат и пять генералов сделали шаг вперед.

— Остальные остаются здесь и принимают беженцев.

— Но что вы хотите сделать? — спросил генерал-поручик.

— Мы проникнем на самый нижний уровень и взорвем там баллончики с очень вонючим, отвратительным слезоточивым газом, я случайно обнаружил эти баллончики в корабле. Они предназначены для того, чтобы отгонять хищных зверей. Газ распро-

странится по подземелью, и его жители будут вынуждены отступать до тех пор, пока не выйдут наружу. Мы же пойдем сзади и, если какие-нибудь старики или больные не смогут идти сами, будем им помогать.

Удалов раскрыл чемоданчик и вынул из него подготовленные баллончики, противогазы для десантников и большой пакет с бутербродами.

Все поели бутербродов, потому что операция предстояла длительная, а генерал-поручик произнес так, чтобы все слышали:

— Корнелий Иванович — настоящий стратег.

Удалов покраснел, но ничего не ответил.

Операция прошла, как было запланировано. Восемь часов добровольцам пришлось продвигаться по туннелям и коридорам, идя за волной газа, поднимаясь с уровня на уровень и подгоняя перед собой отстающих. Полиция была дезорганизована и не могла оказать сопротивления. На пятый час, прикрывая глаза от мягкого предвечернего света и обалдевая от свежего воздуха, показались первые жители подземелья. Солдаты встречали прибывших и успокаивали их.

Удалов выбрался из подземелья последним. Он гнал перед собой генерал-фельдмаршала и Начальника № 1. Они сдаваться не хотели, сопротивлялись, и пришлось их на ночь связать.

А утром, на первом собрании жителей двух планет, стало ясно, что пути назад нет, что война на одной планете и подземный плен на другой заботами неугомонного человека с Земли закончились. Лишь фельдмаршал и Начальник № 1 сказали, что жить в новых условиях не могут. На что их подданные заявили, что жить с ними не хотят.

— Ладно, — сказал тогда Удалов. — Я знаю, чем им заняться. Мы их будем перевоспитывать трудом.

— Расскажите, Корнелий Иванович! — попросили его.

— Есть тут одна планета, — сказал Удалов. — Я все мучился, что с ней делать. Люди на ней вели себя неразумно и полностью ее испакостили. Там предстоит большая работа, пока удастся ее очистить и как-то приспособить для нормального житья. Я на обратном пути намерен заглянуть в космический трест по очистным сооружениям. Они, конечно, дадут технику и подкинут кое-какие кадры. Но с людьми у нас всегда трудности. Все хотят быть или космонавтами, или врачами, или певцами. Я думаю, что для перевоспитания генералу и Начальнику стоит потрудиться в ассенизационном обозе галактического значения. И специальность полезную заодно приобретут.

И все одобрили предложение Удалова, лишь будущие ассенизаторы воздержались высказать свое мнение.

В эту последнюю ночь перед возвращением домой Удалов не спал. Было много дел. Плакали детишки, стонали старики и старухи, непривычные к свежему воздуху. Где-то перед рассветом, когда солдаты и генералы уже собирали вещи, чтобы грузиться на корабль и спешить домой, устанавливать там мир и убирать маскировочные сетки, Удалов случайно столкнулся с Артуром.

— Ну, как? — спросил он. — Тебя закинуть поближе к телевизору? Небось ждешь не дождешься сладкого момента.

— Куда? — не сразу понял Артур. — Нет, мне домой пора. Работать надо.

— Хорошо, — согласился тогда Удалов. — Обещаю тебе взамен, что, если встречу певицу Чух, приглашу ее на твою планету дать концерт.

— Спасибо, Корнелий Иванович! — сказал с чувством Артур.

— Да, еще одна вещь, — вспомнил Удалов. — Там, на корабле, ценная статуя. Вернуть бы ее надо.

— Ни в коем случае! — возмутился Артур. — Это наш скромный дар чудесному человеку и великолепному организатору от населения всей планеты. Не отказывайтесь, Корнелий Иванович.

Корнелий искренне пожалел, что нет рядом товарищей из горсовета, часто журивших Удалова за недостаток организаторских способностей. «А что, — подумал он, — может, просто масштабы на Земле для меня мелки? А здесь задачи как раз по плечу». И он внутренне улыбнулся.

Заключение

После того как завезли домой солдат и генералов и попрощались с Артуром, Гнец-18 высадил Удалова на межзвездном космодроме в Силярии. Сделал он это потому, что оттуда через день летел в сторону Солнечной системы пассажирский корабль. Он будет пролетать в каком-нибудь парсеке от Земли, и капитан обещал выделить для Удалова посадочный катер. А Гнец-18 спешил с добрыми вестями домой.

Он долго жал на прощание руку Удалову, обещал прилететь, как только выпадет возможность, расстраивался, что ничего не может подарить на память. Потом вдруг вспомнил.

— Держи, — сказал он, — наверняка тебе пригодится в будущем.

Он протянул Удалову Искатель Разума. Удалов сначала отнеки-

вался, не хотел брать такую ценную вещь, но пришлось согласиться. Может, и в самом деле пригодится, подумал он.

Они обнялись. Гнец пригласил Удалова в следующий отпуск побывать у него в гостях и, лукаво улыбнувшись, выразил надежду, что Удалову где-нибудь поставят памятник.

Потом Гнец-18 улетел, и Удалов остался один. До отлета был еще час, так что можно было выпить чашечку кофе и купить на память сувенир для Максимки. Максимка уж, наверно, выздоровел от свинки, а Ксения себе места не находит, волнуется, куда делся Удалов, что за рыбалка длиной в месяц? Ревнует, наверно, а может, в милицию заявила.

Но подарка Удалов купить не успел. Когда он проходил мимо ряда кресел, в которых отдыхали транзитные пассажиры, одно лицо показалось ему знакомым. Где же он его видел? В доме отдыха или на работе? И тут же Удалов понял бессмысленность подобных подозрений. Ну как мог человек из дома отдыха оказаться в другом конце Галактики?

— Вам автограф? — спросила его просто одетая женщина, заметив настойчивый взгляд.

— Вспомнил! — воскликнул Удалов. — Вы Кавалия Чух. Я только на днях видел вас по телевизору.

— Вы не могли меня видеть, — ответила знаменитая певица. — Я уже три месяца не выступаю.

— А что случилось?

— Вы присаживайтесь, — улыбнувшись очаровательной, но усталой улыбкой, сказала Кавалия. — Сами-то вы откуда?

— С Земли.

— К сожалению, там не бывала. Даже не слышала о такой планете. Так вот, у меня творческий кризис. Бросаю петь. Да, я знаю, что знаменита, что мне аплодируют, присылают цветы. Но глубокой, искренней любви к моему искусству я не ощущаю.

— Ясно, — сказал Удалов. — Такое случается с работниками искусства. Это и у нас называется — творческий кризис. Но вы не правы — вас помнят и ценят.

Кавалия Чух печально покачала головой:

— Не утешайте меня, незнакомец. Вы меня не переубедите, потому что ваши слова объясняются добротой вашего сердца, а не действительным положением вещей.

— Еще как переубежу! — возразил Удалов. — Я отлично знаю, как вас излечить от меланхолии. Послушайте, в секторе 5689-бис есть одна планета, мне там пришлось недавно побывать. На этой планете каждый вечер все население, включая стариков и детей,

уходит на год в прошлое. И знаете почему? Потому что они не в состоянии жить без вашего искусства...

И Удалов, не жалея времени, подробно изложил Кавалии Чух события, которые имели место на планете, одурманенной ее искусством.

Кавалия Чух слушала затаив дыхание. Она была так растрогана рассказом Корнелия, что прослезилась и только минут через десять смогла взять себя в руки и заявить:

— Я сегодня же, немедленно, откладываю все дела и лечу на ту планету. Вы мне открыли глаза, Корнелий Иванович! Как я могла настолько заблуждаться в людях? В благодарность за такое теплое отношение я готова петь там двое суток подряд...

— Ни в коем случае! — прервал ее Удалов. — Именно этого делать вам не следует. Они же вообще переселятся в прошлое! Поймите же, что планета находится на краю гибели!..

— А что же делать?

— Вы должны поступить иначе. Я предлагаю вам объехать по очереди все их крупнейшие города и спеть на стадионе в каждом из них. И взять с них слово, что они перестанут ездить в прошлое, а будут заниматься своими текущими делами и терпеливо ждать, когда вы приедете к ним собственной персоной.

— Хорошо, вы правы, — тут же согласилась великая певица.

В этот момент объявили посадку на космический лайнер, который должен был отвезти Удалова домой, и он тепло попрощался с певицей, которая тут же побежала к кассе, чтобы взять билет в другую сторону.

— Погодите!

Удалов вырвал листок из записной книжки и написал на нем адрес Артура. Догнав певицу, он передал ей листок с адресом.

— Дорогая Кавалия, если у вас выдастся свободная минутка, слетайте, будьте добры, на эту планету. Там у вас тоже есть верные ценители. Кроме того, планета только что пережила тяжелую и длительную войну, и ее обитатели очень тянутся к настоящему искусству.

Певица поцеловала Корнелия в щеку и на прощание подарила ему свою объемную фотографию с трогательной надписью.

А еще через два дня посадочный катер незаметно приземлился в лесу на окраине Великого Гусляра.

Было раннее дождливое утро. С елей осыпались холодные брызги. Из травы торчали оранжевые шапки подосиновиков. Вслед за Удаловым на траву спустили изумрудную статую, и катер улетел.

Идти было трудно. Удалов волочил за собой статую по земле и

чуть не надорвался. Ему удалось дотащить ее только до городского парка.

Ну что ж, рассудил он, значит, здесь ей и место. Он остановился у детской площадки с качелями, гигантскими шагами и теремком, развернул драгоценную реликвию и взгромоздил ее на пустой постамент, где раньше стояла гипсовая девушка с веслом. Под голубым рассветным освещением статуя мерцала, словно сотканная из теплой тропической ночи.

Все. Дела сделаны. Отпуск прошел удачно, поучительно и интересно.

— Это я сделал, это я сказал, это я предупредил... — произнес вслух Удалов, вспоминая свои обязательства перед Галактикой.

Теперь оставалось лишь спрятать куда-нибудь подальше фотографию великой певицы Кавалии Чух, чтобы жена Ксения чего не подумала, и предупредить сына Максимку, чтобы не отдавал ребятам во дворе Искатель Разума для всяческих детских конструкторских затей.

Удалов бросил последний взгляд на статую.

Статуя улыбалась загадочной неземной улыбкой.

— Я пошел домой, — сказал Удалов статуе. — До свидания.

ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ МИКРОВ

Глава 1, в которой Корнелий Удалов получает приглашение на СОС и принимает решение

Утренняя почта доставила Корнелию Ивановичу Удалову авиаконверт, в котором было письмо следующего содержания:

Уважаемый Корнелий!

Ты приглашен на первый СОС делегатом от Земли с правом решительного голоса. Твое явление обязательно. В случае неявления ответственность делит вся Земля, которая будет дешифиширована сроком на 34 про-ку-ла.

Первый СОС состоится с 21 по 36 июля с. г. по адресу: 14xxXX-5:%=ъ34.

Транспорт, сопровождение, кормление, погребение (в случае необходимости), приемлемую температуру и влажность обеспечивает Оргкомитет СОС.

Созывающий секретарь ОК СОС Г-Г

Удалов дважды прочел приглашение, потом подошел к окну и с грустью поглядел на двор. Двор был зеленым, уютным, старуха Ложкина развешивала белье, тяжелые капли воды падали с белых простыней на траву, рыжий петух взлетел на раскрытую дверь сарая и громко хлопал крыльями, из окна Гавриловых доносилась джазовая музыка, а по голубому утреннему небу плыли розовые облака, под которыми с пронзительными криками носились стрижи. И вот этот мирный, обжитой и родной мир придется покинуть ради неизвестного СОС, ради сомнительных наслаждений и реальных опасностей космического путешествия.

— Придется ехать, — сказал Удалов, отворачиваясь от окна и с нежностью глядя на Ксению, которая собирала на стол завтрак. — Какое сегодня число?

— Восемнадцатое, — ответила Ксения, поглядев на настенный календарь. — Куда собрался? Опять на рыбалку?

— Три дня всего осталось, — задумчиво произнес Удалов. — Не на рыбалку, а на первый СОС.

— И не мечтай, — возмутилась Ксения. — Хватит с нас. Небось опять пришельцы? Опять жертвовать своим временем и нервами ради галактической дружбы?

— Надо, Ксюша, — сказал Удалов и сел за стол.

Позавтракав, он пошел к Николаю Белосельскому.

Глава 2, в которой Удалов беседует с Николаем Белосельским и выслушивает возражения

Николай Белосельский учился в одном классе с Корнелием Удаловым. Окончив школу с золотой медалью, уехал в область, где с отличием завершил высшее образование, а затем, заслужив уважение своими способностями и любовью к работе, был направлен в родной город на руководящий пост.

Белосельский возвращался в Великий Гусляр с большой неохотой. Он был человеком принципиальным, серьезным и объективным, а потому предчувствовал неизбежность конфликтов. Живое воображение подсказывало ему, что при известии о его скором приезде многие жители города начнут говорить: «Как же, помню Кольку Белосельского! Я с ним в детском саду баловался». Или «Колечка? Белосельский? Близкий человек! Моя двоюродная сестра Леокадия была замужем за его дядей Костей». Беда небольшого города в том, что все всех знают.

Предчувствия Белосельского оправдались. На улицах к нему подходили незнакомые люди, напоминали об общем счастливом детстве, а затем приглашали в гости или просили протекции. В кабинет проникали троюродные бабушки, желавшие улучшить жилищные условия, и приятельницы по пионерскому лагерю, лгавшие о непогасшей любви.

Белосельский стал нелюдим, избегал людей, страшась неожиданного крика: «Колька, друг!» — был строг к родственникам и похудел. Он мечтал о переводе в далекий Петропавловск-Камчатский. Но своей принципиальности он не изменил.

Удалов знал о драме Белосельского и поэтому, хоть сидел с ним шесть лет за одной партой и совместно владел голубятней, ни разу не зашел к нему домой, а встречаясь на совещаниях, сдержанно здоровался, избегая прямого обращения. Белосельский тосковал по старой дружбе и рад был как-нибудь посидеть с Удаловым, вспомнить далекое детство, но сдерживался. Борьба с фаворитизмом не должна знать исключений.

Удалов вошел в кабинет Белосельского и с порога сказал:

— Доброе утро. Я по делу.

— Здравствуй, Корнелий, — ответил Белосельский. При виде Удалова взгляд его смягчился, и ему захотелось сказать бывшему другу что-нибудь теплое. — Погода хорошая в этом году. Радует нас июль.

— Да, жарко, — согласился Удалов.

— Ты садись. Как в стройконторе дела? План сделаете?

— Постараемся, — сдержанно пообещал Удалов, сел и вытащил из кармана приглашение.

— Когда в отпуск? — спросил Белосельский.

— Уж и не знаю. Собирался в августе, да вот... Надо посоветоваться.

Он ладонью перегнал по столу к Белосельскому приглашение и стал ждать.

Белосельский внимательно прочел письмо, кинул на Удалова быстрый взгляд, затем вынул из деревянного высокого стакана хорошо заточенный карандаш и стал читать письмо вновь, помечая галочками ошибки и ставя в непонятных местах на полях вопросительные знаки. Удалов глядел в окно, за которым ворковали голуби, и мечтал о рыбалке.

Дочитав письмо вторично, Белосельский задумался, не поднимая глаз. В письме таилась каверза. Не стоило распускаться и радоваться при виде Удалова. Ведь он друг детства и потому вдвойне опасен. Недаром он все эти месяцы держался на расстоянии и проявлял тактичность. И ты, Брут, расстроился Белосельский. Уж

лучше бы попросил новую квартиру. Думая так, он нечаянно встретился взглядом с чистыми голубыми глазами Удалова, увидел его гладкий выпуклый лобик, полные розовые щеки, курчавую поросль вокруг ранней лысины и неожиданно для себя спросил:

— СОС — это что такое?

— Ума не приложу, — честно признался Удалов.

— Ясно, — сказал Белосельский. Потом добавил: — Как известно, в июле тридцать один день.

— У них, видно, система отсчета другая, — сказал Удалов. — Так, может, не стоит ехать?

— Не стоит, — согласился Белосельский.

— И жена будет рада. Недовольна она моими космическими связями. Ревнует.

— О семье тоже подумать надо, — сказал Белосельский. — О семье мы зачастую забываем.

— Значит, решили? Мне же посоветоваться надо было. А с кем посоветуешься по такому вопросу? Я пошел? А то в контору опоздаю.

— Иди. Работай спокойно.

— Спокойно не получится, — возразил Удалов. — Спокойно нельзя, потому что буду тревожиться за судьбу Земли.

— А что такое?

— Дешифишировкой грозят. На тридцать четыре про-ку-лы.

— Про-ку-ла, — поправил Белосельский, заглянув в приглашение. — Чепуха какая-то.

— Конечно, чепуха, — согласился Удалов. — Может, обойдется.

Белосельский подчеркнул слово «дешифиширована» красным карандашом.

— В словарь иностранных слов заглядывал? — спросил он.

— Там нету. У них своя терминология.

Белосельский посмотрел в окно. Ворковали голуби, облака сгустились, в отдалении гремел гром. Белосельскому очень хотелось уехать в Петропавловск на далекую Камчатку, где нет друзей детства.

— Значит, игнорируем? — переспросил Удалов. Он стоял посреди кабинета, переминался с ноги на ногу. Ему было не по себе, что он поставил Колю Белосельского в неловкое положение.

— А если это не шутка? Нам бы ясность.

— Откуда ей быть?

— А как ты планировал туда ехать? Адрес неразборчивый.

— Для них понятно. Для них это все равно что для нас Малые Кочки.

Друзья детства немного помолчали. Удалов подумал, что, если удастся отделаться от СОС, надо будет позвать Колю на рыбалку.

— Если приедут, — решил Удалов, — я им скажу, что заболел. Или теща заболела. Дипломатично, и никто не в обиде.

— Это разумно, — согласился Белосельский. Он понял, что Удалов искренен и прост. — Так и скажешь.

— А это... насчет рыбалки... — Но завершить приглашение Удалов не успел. Посреди кабинета, как раз между Удаловым и столом Белосельского, возник человек в черном трико. В облике его было что-то неземное.

— Простите, — сказал человек быстро, с легким инопланетным акцентом. — Я из СОС. Ищу Удалова Корнелия. Корабль на орбите. В чем задержка?

— Я не еду, — быстро произнес Удалов. — Я заболел.

— Поедешь, — просто ответил человек в трико. — Надо, Корнелий.

— Погодите, — вмешался в разговор Белосельский. — Во-первых, это мой кабинет...

— При чем здесь кабинет? — удивился человек в трико. — Я должен доставить Удалова на первый СОС, а у нас пересадка на Альдебаране. Времени в обрез.

И посланец СОС властно положил руку на плечо Удалову.

Удалов метнул отчаянный взгляд на Белосельского. Что еще придумать?

— Может быть, произошла ошибка? — спросил Белосельский. — Может быть, вы ищете другого Удалова?

— Именно этого, — сказал посланец. — Он уже вычислен и по всем параметрам подходит для СОС.

— Так хоть скажите, кто такой этот СОС! — взмолился Удалов, пытаясь высвободить свое мягкое плечо от железной хватки человека в трико.

— Съезд Обыкновенных Существ.

— Я недостоин!

— Правильно, — поддержал Удалова Белосельский. — Почему представлять Землю на международном форуме должен именно Корнелий Иванович? Мы могли бы порекомендовать вам более достойных представителей. Например, инженера Сидорова. Общественник, спортсмен, рационализатор, выдающийся человек...

— Правильно! Сидорова! — крикнул Удалов.

— Нам не нужен Сидоров, — сказал посланец. — Нам нужен Удалов.

— Странно, — сказал Белосельский, и в этот момент зазвонил телефон.

Белосельский взял трубку, не согнав хмурой складки со лба. А Удалов, воспользовавшись паузой, спросил посланца:

— Домой за вещами можно зайти?

Удалов уже понял, что от СОС ему не отвертеться.

— Некогда. — Посланец подхватил Удалова за пояс и сильно повлек вверх, к потолку.

Последнее, что Удалов увидел в кабинете Коли Белосельского, было запрокинутое кверху, встревоженное лицо старого друга. Лицо пропало, и через секунду Удалов, подлетая к небольшому летающему блюдцу, уже смотрел на Великий Гусляр с высоты километра.

А Белосельский, проводив глазами Удалова, произнес в телефонную трубку:

— Повторите, что вы сказали?

— Не пускайте Удалова на СОС, — ответил странного тембра далекий голос с инопланетным акцентом. — Это может трагически кончиться для Земли.

— Кто вы?

— Доброжелатель.

— Удалов уже улетел, — сообщил Белосельский. — Назовите свое имя и причины, по которым вы не желаете присутствия Корнелия Ивановича на международном съезде.

— Жаль, что упустили, — ответил инопланетный голос. — Пеняйте на себя.

В трубке что-то щелкнуло, и затем женский голос известил:

— Разговор с омегой Дракона закончен. Три минуты.

Белосельский сказал: «Спасибо» — и медленно положил трубку.

Глава 3, в которой Удалов совершает пересадку на Альдебаране

Космический корабль набрал скорость. Земля скрылась из глаз, и Солнце превратилось в незначительную желтую звезду. За иллюминатором клубились туманности. Удалов отошел от окна и похлопал себя по карманам, проверяя, на месте ли документы. Посланец поставил корабль на автопилот и обратился к Удалову:

— Повезло. Успели.

— А что? — спросил Удалов.

— Могли задержать. Что-то твоя, Удалов, скромная персона вызывает повышенный интерес в определенных кругах.

— Вот это лишнее, — сказал Удалов. — Я к вам на СОС не на-

прашивался, лечу из чувства долга. В любой момент согласен вернуться. Тем более что на Земле миллионы более достойных.

— Может быть, — согласился посланец, — достойных миллионы, а Удалов один.

— Ну что ж, — не стал спорить Удалов. — Будем считать, что мне повезло. Увижу новых братьев по разуму.

— Садись, перекуси, — уклончиво ответил посланец. — На Альдебаране буфет паршивый.

Они пообедали и начали торможение перед Альдебараном.

Любознательный Удалов был потрясен зрелищем космопорта на Альдебаране. В громадных залах гуляли, сидели, отдыхали, парили, висели вниз головами, спорили, ожидали, стояли в очередях за билетами, питались в буфете десятки тысяч альдебаранцев, сирианцев, дескасийцев, тори-тори, прулей, кофкриавфеев, 45/67-цев, молчаливых испужников, вегиан, плетчиков, моссадеров, антропоидных локов, порников, апрет-тт-воинейцев и многих других, имен которых Удалов не запомнил. И ни одного обитателя Солнечной системы.

Посланец быстро провел обалдевшего от разнообразия разумной жизни Удалова сквозь толпу, протолкнул его в узкую дверь с непонятной надписью и сказал:

— Жди здесь. Рекомендую не покидать помещения. Иначе пеняй на себя. А я билеты закомпостирую.

Посланец удалился, а Корнелий Иванович осмотрел помещение. По здешним меркам оно было невелико, от изящного фонтана распространялся мускусный аромат, вокруг стояли мягкие кресла. Большинство кресел пустовало. В остальных скучали существа в странных одеждах.

Удалов прошел к свободному креслу и сел. Он старался вести себя так, словно космические путешествия ему не в диковинку. В общем, это так и было, хотя Удалов уже три года не попадал в дальний космос, а на великом пересадочном вокзале Альдебарана оказался впервые.

Остальные обитатели кресел кинули в сторону Удалова равнодушные взгляды и вернулись к своим занятиям. Было тихо. Порой динамик под потолком начинал урчать на чужих языках, видимо объявляя посадку. Удалов подумал: как там Ксения, наверное, волнуется? Послать бы ей телеграмму, да разве здесь отыщешь телеграф? На всякий случай он обратился к своему соседу, который снизу и до плеч был схож с человеком, но книжку, которую он читал, держал в цепких щупальцах, склонив к странице изысканную пернатую голову с клювом вместо носа.

— Простите, — сказал Удалов. — Вы не знаете, здесь телеграммы на Землю принимают?

Существо отложило книжку, склонило голову набок и сказало:

— Чир-чрик-чири-пипити.

— Простите?

— Не обращайте внимания, — послышался голос с другой стороны. — Он по-русски не понимает.

Удалов с чувством облегчения повернулся в сторону голоса и увидел подтянутого, стройного и хорошо одетого кузнечика метрового роста.

— А вы понимаете?

— Я понимаю, — сказал кузнечик. — Я синхронный переводчик. Лечу на первый СОС.

— И много языков знаете? — спросил Удалов.

— Трудно сказать, не считал, — ответил кузнечик. — А вы, судя по нерешительности манер, провинциальному виду и глуповатому лицу, из города Великий Гусляр?

— Угадали! — обрадовался Удалов. Он даже пропустил мимо ушей нелестные высказывания кузнечика. — Откуда вы про мой город знаете?

— И зовут вас Корнелий Иванович, — добавил кузнечик. — Не отказывайтесь. Очень приятно. Я проглядывал списки делегатов, а у меня феноменальная память. Так что пойдем, отправим телеграмму вашей супруге Ксении?

— А на корабль не опоздаем? — встревожился вдруг Удалов.

— Задержат, — ответил кузнечик. — Без нас не полетят. Я забыл представиться. Меня зовут Тори, с планеты Тори-Тори, из города Тори, с улицы имени Тори.

— Столько совпадений сразу? — осторожно спросил Удалов, который понимал, что в Галактике что ни планета — свои обычаи и порой невежливым вопросом можно нанести смертельное оскорбление или даже вызвать войну.

— Нет, — ответил синхронный переводчик. — У нас все Тори, и все города Тори, и все улицы имени Тори.

— А не путаете?

— Наоборот. Просто. Не спутаешь.

— Это верно, — согласился Удалов. — Так где же телеграф?

Кузнечик быстро вскочил с кресла, потянул Удалова острым коготком к двери, затем завел за угол, и они оказались в низком белом помещении, у стены которого были установлены рукомойники различного размера, формы и высоты.

— Здесь мы можем говорить спокойно. Никто не подслушивает, — прошептал кузнечик Тори. — У тебя есть что на продажу?

— Не понял, — сказал Удалов. — Я на телеграф хочу.

— Нет здесь связи с Землей. Я тебя серьезно спрашиваю. Что везешь? Драгоценности? Сувениры?

— Ты меня удивляешь, — произнес Удалов. — Откуда у меня драгоценности? Я сюда так спешил, даже домой зайти не успел, плаща не взял.

— Жаль, — огорчился кузнечик.

— Странно, — вздохнул Удалов, наблюдая, как какой-то транзитник моет свои семь лап. — Ты языки знаешь, наверное, зарабатываешь неплохо. А решил спекуляцией заняться.

— Я авантюрист, — сказал кузнечик просто. — Ничего не поделаешь. А мои языковые способности на конференции никому не нужны. Тебе знание всех языков вместе с мандатом выдадут.

— Так ты говоришь, нет здесь телеграфа?

— Откуда ему быть? Кто отсюда шлет телеграммы на Землю? Наивный ты, Удалов.

— Нет, — сказал Удалов. — Я доверчивый.

В этот момент динамик, который висел у них над головами, прервал лопотание на неземном языке и заговорил по-русски:

— Удалов Корнелий Иванович, вас ждут у статуи Государственного колена в центре восьмого зала. Повторяю, делегата первого СОС Удалова Корнелия Ивановича ожидают в центре восьмого зала у статуи Государственного колена.

— Вот видишь, — сказал Удалов кузнечику. — А ты говорил.

— Погоди, — встревожился кузнечик. — Один не ходи.

— Так пойдем вместе, — предложил Удалов.

Через две минуты Удалов и Тори стояли возле внушительного бронзового памятника Государственному колену. Удалов огляделся. Вокруг все так же кипела толпа. «Кто бы это мог быть? — думал Удалов. — Неужели Коля Белосельский прилетел?»

— Корнелий! — раздался рядом девичий голос.

К Удалову спешила девушка ослепительной красоты и редкого обаяния, одетая легко, в серебристый купальный костюм. При виде Корнелия девушка широко раскрыла голубые глаза и лукаво улыбнулась, показав множество жемчужных зубов в обрамлении полных розовых губ.

— Осторожно, Корнелий! — предостерег кузнечик.

— Я понимаю, — согласился Корнелий, не в силах отвести взгляда от красавицы.

— Я счастлива, — сказала девушка, тонкими пальцами дотрагиваясь до руки Удалова. — Я мечтала встретиться с тобой. Пошли. Наш уютный летающий рай ждет у второго причала. Мы проведем

с тобой отпуск у журчащего ручья возлюбленных, под сенью бананов забвения. Идем, мой кролик!

И Удалов, ровным счетом ничего не понимая и ни о чем не думая, покорно последовал за красавицей. И может быть, дошел бы с ней до второго причала и добрался бы до бананов забвения, если бы его не перехватила жесткая рука посланца в черном трико.

— Делегат Земли, — произнес посланец твердо. — Вы забываетесь.

— Он мой, — сказала красавица нежно. — Ты мой, подтверди.

— Я твой, — кивнул Удалов.

Кузнечик бросился вперед и вклинился между Удаловым и красавицей.

— Удалов! — сказал он, оглядываясь на посланца. — С нашей точки зрения эта особь не представляет интереса. Возможно, она синтетическая...

— Не верь им, Корнелий, — возразила красавица, — сами они синтетические.

Посланец подхватил сопротивляющегося Корнелия под руки и быстро повлек за собой. Удалов рванулся из рук посланца, красавица громко рыдала и взывала к Удалову.

— С первого взгляда! — кричала она. — Я полюбила. На всю жизнь. Я не перенесу разлуки!

— Я тоже! — ответил Удалов.

Транзитные пассажиры с любопытством смотрели на эту сцену, полагая, что наблюдают чей-то национальный обычай.

Через десять минут кузнечик с посланцем посадили потерявшего от любви рассудок Удалова в космический корабль и привязали его к креслу, а Удалов все еще не мог прийти в себя и повторял:

— С первого взгляда... с первого взгляда и на всю жизнь...

Глава 4, в которой Удалов прилетает на место проведения первого СОС

Вскоре после взлета посланец дал Удалову таблетку, и Корнелий заснул. Когда он проснулся, корабль уже подлетал к планете 14xxXX-5:%=ъ34, где проводился СОС. Голова у него болела, конечности дрожали. Удалов увидел перед собой прекрасные голубые глаза, но глаза эти были подернуты дымкой прошлого. Он услышал, как рядом тихо разговаривают его спутники, но ни слова

не понял, кроме знакомой фамилии Удалов. С трудом Корнелий вспомнил, что это его фамилия.

— Вам лучше? — спросил синхронный кузнечик. — Припадок любви миновал?

— Плохо, — ответил Удалов. — В жизни со мной такого не случалось, с десятого класса средней школы.

— И как в десятом классе? — спросил синхронный кузнечик. — Обошлось?

— Я уж не помню деталей, — сказал Удалов. — Но было нелегко.

Кузнечик задумался, приставив коготок ко лбу, а сопровождающий посланец сказал:

— Нам это не нравится. Слишком пристальное к тебе, Удалов, внимание.

— И то правда, — согласился Удалов. — Она же меня по имени знала. Может, фотографию где-нибудь видела?

— Ты что, думаешь, она тебя на фотографии увидела, влюбилась и начала за тобой по космосу гоняться?

— Но ведь бывает, — сказал робко Удалов. Ему хотелось верить в любовь.

— А скажи, Корнелий, — спросил посланец. — Ты по земным меркам красавец? Герой? Любимец женщин?

— Пожалуй, так не скажешь, — признался Удалов. — Я скорее обыкновенный.

— Так и должно быть. Иначе бы тебя на СОС не отобрали. А лицо той женщины тебе знакомо?

— Нет. Только если в мечтах...

— Тем более это меня тревожит, — заключил посланец.

И тут корабль начал тормозить, а за иллюминатором появилась частично покрытая облаками планета.

Корабль с Альдебарана пристал к спутнику медицинского контроля. Когда Удалов вслед за кузнечиком и посланцем сошел с корабля, он оказался в длинном белом зале, где его и других пассажиров поджидали медики в халатах и масках. Медики поделили между собой пассажиров и принялись их обследовать.

Удалов достался солидной женщине, которая приказала ему раздеться, а потом напустила на свою жертву с десяток шустрых механизмов, которые опутали Удалова проводами, искололи иглами, промыли желудок, сделали рентген — и это за какие-то две минуты. Исследуясь, Удалов не терял присущей ему любознательности и наблюдал, как обрабатывают остальных пассажиров. В сплетении проводов и иголок поблескивал желтый живот кузнечика, а у посланца под черным трико оказались смятые розовые перья.

Механизмы, завершая работу, извлекали из себя длинные листочки желтой бумаги и передавали их врачихе. Врачиха читала их и накалывала на штырь, к которому уже была прикреплена неизвестно когда сделанная цветная и малопохожая фотография Корнелия Ивановича.

Врачиха взглянула на очередной бумажный листочек, громко присвистнула и сказала:

— Ну и дела!

Удалов встревожился.

Врачиха нажала на кнопку в подлокотнике кресла и отъехала от Удалова метров на пять.

Кузнечик и посланец уже спокойно одевались. Видно, для них осмотр закончился благополучно.

Врачиха свистнула погромче, и рядом с ее креслом появились еще два врача. Все трое начали внимательно изучать листочки, пересвистываясь и бросая на Удалова укоризненные взгляды.

— Тори, — позвал Удалов. — Чего они у меня нашли?

Кузнечик, застегивая свой элегантный костюм, подошел поближе и свистнул врачам на их языке. Врачи в ответ высвистели целую песню, а механизмы с новой силой принялись вертеть, колоть и мять Удалова.

— Ты учти, — предупредил Удалов, — я долго не выдержу. Они меня терзают.

— Потерпи, — сказал кузнечик. — Плохо твое дело.

Удалов так испугался, что закрыл глаза. Этого делать не следовало, потому что перед его внутренним взором сразу возникла прекрасная незнакомка и начала любовно вздыхать.

Удалов задрожал и тут услышал голос посланца:

— Корнелий, слушай меня внимательно. Тебе придется пройти дезинфекцию. Ясно?

— Ничего не ясно. — Удалов раскрыл глаза, увидел, что врачи смотрят на него строго и опасливо. — В чем дело?

— А в том, что ты прибыл с отсталой планеты, на которой масса микробов и вирусов. Среди них абсолютно неизвестные галактической науке и, возможно, опасные для окружающих.

— Может, домой отпустите? — спросил Удалов. Но голос его прозвучал неискренне. И не потому, что ему хотелось заседать на СОС, а потому, что в нем жила надежда еще раз встретиться с прекрасной незнакомкой. Он понимал всю губительность такого намерения, но его душа жаждала встречи и страдала.

— Домой возвращаться поздно, — сказал посланец. — По вашим, земным, варварским, меркам ты здоров. По нашим же ты — заповедник заразы.

— Что делать, — лицемерно вздохнул Удалов. — Такие уж мы уродились.

Больше он ничего не сказал, потому что сверху на него опустился металлический колпак, и в полной тьме Удалову показалось, что его разбирают на части. Так оно и было. И пока карантинный контроль не промыл каждую клетку его тела, Удалова как личности не существовало. Затем его собрали вновь, к счастью, точно таким, как прежде, вернули костюм и прочую одежду. Одежда воняла карболкой, а ботинки сделались жесткими. Внутри тела все чесалось. Жизнь стала такой некомфортабельной, что Удалов забыл о красавице.

Посланец повел Удалова к выходу из зала, а врачи смотрели им вслед и громко пересвистывались.

— Они такого в своей практике не видали, — перевел кузнечик.

За первым залом поджидала вторая проверка. Удалова измерили, сверили с фотографией в паспорте. Тут он не выдержал и сказал:

— Вижу, что здесь у вас неладно. Чего-то опасаетесь, кого-то боитесь. Поделитесь со мной опасениями.

— Не могу, — ответил посланец. — Не имею полномочий. Все в свое время.

Глава 5, в которой Удалов прибывает на СОС и старается обжиться на новом месте

До гостиницы доехали быстро, в основном туннелями, так что Корнелию не удалось полюбоваться местной архитектурой.

В холле гостиницы, украшенном множеством флагов и лозунгов на неизвестных языках, посланец подвел Удалова к длинной стойке, передал его милой пожилой даме с тремя глазами и в очках. Потом вежливо, но без душевности, распрощался.

Дама близоруко водила носом по спискам делегатов, наконец отыскала его фамилию.

— Удалов, — сказала она, — Корнелий Иванович. Место обитания — Земля. Возраст средний, социальное положение среднее, достаток средний. Я правильно излагаю?

— Не спорю, — согласился Удалов.

В гулком холле звучали, переплетались голоса, различного вида существа собирались небольшими группами, общались между собой, порой пробегали организаторы разных рангов, а роботы-официанты разносили подносы с жидкостями в бокалах.

— Так, — продолжала пожилая дама. — Вы двуногий, кислорододышащий, размер средний, температура средняя. Вот вам ключ от комнаты триста два двенадцать. Лифт на тридцатый этаж, северное крыло по коридору вправо. Теперь держите мандат и папку. Проверьте, все ли на месте.

Старушка передала Удалову папку делегата. Папка была черной, пластиковой, с тиснением, а в ней нашлись следующие вещи:

1. Блокнот, авторучка, которая, как вскоре догадался Удалов, меняла цвет чернил в зависимости от настроения владельца, ластик, стирающий не только написанное, но и память о нем.
2. Таблетки, они же талоны на питание в столовой для кислорододышащих. В случае нужды их можно было принимать от несварения желудка.
3. Папка докладов, запланированных заранее, путеводитель по гостинице со встроенным компасом, аппарат для записывания мыслей, три объемные видовые открытки, значок.
4. Брошюра «СОС — надежда Галактики».
5. Бланк для голосования.
6. Приглашение на заключительный банкет и текст тоста-экспромта, который Удалов должен произнести от имени земного человечества.
7. Билет до Земли с пересадкой на Альдебаране.

— Ознакомились? — спросила дама.

— Да, — подтвердил Удалов. — Интересно.

— А теперь снимите пиджак и закатайте рукав сорочки.

Дама держала в руке большой шприц.

— Это еще зачем?

— Вакцина для преодоления языкового барьера, — объяснила пожилая дама и вкатила Удалову два кубика раствора.

Было больно. Но действие вакцины сказалось сразу. Многочисленные неразличимые голоса стали разделяться по смыслу, и, что самое удивительное, стали понятны все вывески и плакаты, висевшие вокруг.

Удалов потер уколотое предплечье, надел пиджак, вежливо поблагодарил даму на ее родном языке и пошел искать лифт. По дороге он уже не стеснялся, спрашивал встречных, те его понимали, словно разговор происходил на родной улице в Гусляре, но в объяснениях путались, потому что сами были приезжими. Удалов хотел было уже вернуться к даме, но и обратного пути отыскать не

смог. В результате поднялся на лифте, который остановился только на пятидесятом этаже, переехал эскалатором в другое крыло, спустился по лестнице и оказался в прачечной, оттуда служебным подъемником добрался до большого бассейна, где резвились дети делегатов, попал в помещение для тихих игр, в кабаре для сухопутных осьминогов, потом в библиотеку и лишь к исходу второго часа, многое повидав и страшно утомившись, отыскал номер триста два двенадцать.

Дверь в номер Удалову не понравилась. Она была круглой и находилась на уровне груди. Удалов с трудом отворил ее и втиснулся в люк. Он оказался в длинной и темной трубе, по которой скользнул головой вниз. Сзади щелкнула, закрываясь, дверь, тьма сгустилась, и Удалов, прорвав головой некую мембрану, влетел в теплую, сладкую на вкус, липкую среду, к сожалению, лишенную воздуха.

Погружаясь на дно, Удалов стал барахтаться, надеясь отыскать входное отверстие, но в темноте он не мог определить не только направление к двери, но и такие элементарные понятия, как верх и низ. Сознание его помутилось, и он безжизненно опустился на дно.

И в этот момент в ушах Удалова, открытых теперь пониманию любого галактического языка, прозвучали отчаянные проклятия:

— Кто посмел нарушить мой покой? Кто не дает мне спать? Я буду жаловаться.

Удалов хотел было ответить, что нуждается в срочной помощи, но в рот хлынула сладкая жидкость, и он потерял сознание.

Очнулся Удалов в коридоре, куда его вышвырнул разозленный сироподышащий обитатель номера триста два двенадцать. Пухлая женщина с добрым лицом делала ему искусственное дыхание. Когда Удалов окончательно пришел в себя, женщина, оказавшаяся уборщицей, объяснила Удалову его ошибку, чуть не ставшую трагической: вместо северного крыла он попал в западное. Затем она любезно проводила его до нужного номера.

По дороге женщина обещала Удалову выстирать и погладить одежду, а также достать новую папку и мандат взамен потерянных.

Они благополучно добрались до нужной комнаты, небольшой, уютной, с окном во двор. Уборщица отвернулась, пока Удалов раздевался и закутывался в одеяло, а Корнелий, передав ей вещи, спросил растроганно:

— Скажите, добрая женщина, как я могу вас отблагодарить?

— Я рада помочь человеку, — улыбнулась женщина. — Ведь мы, земляне, здесь в ничтожном меньшинстве.

— Как же так? — не понял Удалов, который полагал, что он первый землянин в этих краях.

— Мы с Атлантиды, — сказала простодушно женщина. — Когда наши тонули, давно это было, мимо пролетала летающая тарелочка. Тех, кто еще плавал, они подобрали. А потом сюда переселили. Мы прижились, сельским хозяйством занялись, размножились. Но порой по родине скучаем. Как там у нас? Нашли Атлантиду?

— Честно скажу, нет. Даже сомневаются, была ли она, — ответил Удалов.

— Была, милый, была, как не быть, — сказала уборщица и покинула Удалова, который за время ее отсутствия принял душ, привел себя в порядок и даже внутренне улыбнулся своему приключению. Ведь расскажешь такое на Земле — засмеют.

Когда Удалов вышел из ванной, его белье и костюм уже висели в чистом, отглаженном виде на спинке кресла. Уборщица стояла, отвернувшись к окну.

— Вы так добры... — сказал Удалов.

— Не надо благодарности... Вот только...

— Продолжайте, продолжайте, — поторопил женщину Удалов.

— Дочка у меня пропала, — сообщила женщина, заливаясь слезами. — Единственная моя радость, девочка моя драгоценная. Полетела в соседнюю звездную систему в институт поступать и пропала. Дорогой Корнелий Иванович, памятью наших общих предков прошу, погляди на фото моей Тулички, а вдруг?

И женщина, не оборачиваясь, протянула Удалову небольшую любительскую фотографию, на которой несложно было узнать таинственную красавицу, которая объяснялась Удалову в любви на Альдебаране.

— Ах! — сказал Удалов и замолк от взорвавшихся в нем чувств.

— Что? — воскликнула несчастная мать, обернувшись к Корнелию. — Я чувствую, что вы ее видели.

— Да. Она подошла ко мне на Альдебаране и объяснилась в любви.

— Так просто и подошла?

— Это и удивительно.

— Первая подошла?

— Первая.

— Мерзавец ты, Удалов, — возмутилась уборщица. — Хоть и земляк по происхождению. Моя дочь думает только о генетикоматематической лингвистике в области футурологии и никогда, повторяю, никогда не подойдет к незнакомому мужчине.

— Вы, конечно, извините. Я, может, и заблуждаюсь. Может,

просто очень похожая девушка. Но на меня она произвела неизгладимое...

Уборщица из Атлантиды вырвала из рук Удалова фотографию и выбежала из номера.

Удалов постоял посреди комнаты, тяжело вздохнул, пожал плечами и сказал вслух:

— Нет, это не ошибка...

Голубые призывающие глаза стояли перед его мысленным взором.

Впервые в жизни Удалову захотелось написать стихотворение о любви.

Он даже стал искать бумагу и карандаш, но в этот момент в дверь постучали.

Глава 6, в которой Удалов продолжает пребывать на конференции и вступает в сделку

За дверью стоял знакомый кузнечик, который успел переодеться в фиолетовый наряд, схожий с фраком. В твердые блестящие уши он вставил по цветочку, пахнущему пряно и сильно, а носки его башмаков непрестанно шевелились.

— Очень модно, — сообщил Тори Удалову. — В них электромоторчики. Хочешь купить?

Кузнечик был оживлен, вел себя как старый приятель, сразу уселся в кресло и спросил, нет ли чего выпить прохладительного.

Удалов ответил, что и сам бы не отказался.

— Ах ты, провинция, провинция, — засмеялся кузнечик-синхронист.

Он нажал на кнопку в ручке кресла, и в стене откинулась дверца, за которой, подсвеченные оранжевым, стояли бокалы и сосуды разной формы.

— Мне только не крепкого, — предупредил Удалов. — Я чуть не утонул. К тому же женщину обидел.

— Рассказывай, — произнес кузнечик, разливая прохладительные напитки.

Рассказ Удалова вызвал в новом приятеле смех, сочувствие и понимание.

— С этой красавицей загадка, — сказал он наконец. — Хотя я предпочитаю брюнеток. Я этим займусь. Но вообще-то я пришел

тебе кое-что показать. Ведь должен же ты, Удалов, интересоваться диковинами дальнего космоса или по крайней мере сувенирами.

— Я сказал, мне расплачиваться нечем, — ответил Удалов. — Денег я с собой не захватил, сувениров тоже, а в нелегальные сделки я, прости, — не вступаю. Не забудь, что я представитель небольшой, но гордой планеты.

— Ах уж этот мне патриотизм! Как приобщишься к благам космической цивилизация, на Землю и смотреть не захочешь.

— Это как сказать, — возразил Удалов. — Вот я тут разговаривал с простой женщиной, уборщицей. Ее предки покинули родину много столетий назад. А как увидела земляка, бесплатно костюм отгладила.

— И мерзавцем обозвала, — заметил ехидно кузнечик.

— За дело. Надо было мне промолчать. Зачем трепать материнские нервы? Ведь, может, ее дочь испортилась в дальних странах, попала в дурную компанию, а для матери она всегда остается отличницей, скромницей, студенткой.

— Значит, ты теперь думаешь, что если женщина полюбила тебя, Удалова, значит, она из дурной компании?

— Не знаю, не знаю, — вздохнул Удалов, печально глядя в большое зеркало, которое отражало его округлую невысокую фигуру. — Трудный мир, чуждые нравы...

— Ладно, смотри, — сказал кузнечик.

Он достал из кармана бутылочку сложной формы с чем-то зеленым внутри.

— Что это? — спросил Удалов.

— Могу продать. Средство от всего.

— Как так — от всего?

— В зависимости от потребностей.

— И от насморка?

— И от насморка. И от любви. И от комаров. И от дождя. Большая редкость. В промышленное производство не поступило. Делается из корня, который растет только на одном астероиде. Сам понимаешь.

— Так на что мне такое средство? — спросил Удалов равнодушно, но глаза его загорелись и выдали Корнелия опытному пройдохе Тори.

— А ты не для себя, для народа, — предложил демагогически кузнечик.

— Нет, — отказался Удалов. — Ты с меня что-нибудь нереальное попросишь.

— Не беспокойся, я щедрый.

— Средство-то ценное?

— Но я тебя люблю.

— Прости, — сказал Удалов. — Не верю. Чего бы тебе меня любить? Я не заслужил.

— За заслуги уважают. Любят за недостатки.

— Я и недостатков тебе не показывал.

— Они очевидны, — коротко ответил кузнечик. — Берешь средство?

— Сколько? — спросил Удалов.

— Восемнадцать, — сказал кузнечик.

— Много.

— Шестнадцать и ни одной меньше.

— Пятнадцать и по рукам.

— Только из любви к тебе, — сказал кузнечик.

Он протянул Удалову бутылочку, тот принял и спросил:

— А действовать будет?

— У нас без обмана. Ты попробуй.

Удалов огляделся, на что бы употребить средство.

— У тебя прыщ на лбу, — подсказал кузнечик.

Удалов подошел к зеркалу. Прыщ был. Правда, небольшой.

— Да ты не бойся, — сказал кузнечик. — На палец возьми, помажешь. Самую малость.

Удалов послушался. Он вытащил пробку, намочил палец и прикоснулся ко лбу. Палец приятно холодило.

Так он и стоял с пальцем у лба. Эта поза навела его на новые размышления.

— Погоди, — сказал он. — А как же?

— Ты чего?

— Как же я расплачиваться буду?

— Как договорились. Сам же сказал — пятнадцать.

— Сказал, да не знаю чего.

— Ну и дурак. Когда торгуешься, обязательно надо знать, что отдаешь.

— Так что я отдал?

— Причастность к искусству, — ответил кузнечик. — В объеме пятнадцати минут.

— Я к искусству непричастен.

— Послушай, Удалов, я о твоем благе пекусь. Но и себя не забываю. Когда я узнал, что ты человек обездоленный, даже зубная щетка здесь у тебя казенная, я стал голову ломать, как тебя облагодетельствовать, чтобы не разориться. И придумал. У тебя, как у каждого разумного существа, есть ненужные воспоминания. Тяжелый груз твоему и без того натруженному мозгу. Вот их я у тебя и возьму. Лишнего трогать не буду — здесь за это судят.

— А на что тебе воспоминания, связанные с незатейливой жизнью в небольшом городе Великий Гусляр? — спросил Удалов.

— Для тебя это обыденно, — сказал кузнечик, — а для нас странная экзотика. Ты бы хотел посмотреть фильм из жизни моих соседей, как они по утрам демонстративно круфают, потом уходят в трагические прцэки и рискуют в лофэ улытиться от проговоркифы?

— Не понял, — ответил Удалов. — Но любопытно.

— Вот и нам любопытно. Надеюсь получить за твои ненужные воспоминания некоторую мзду. Я делец честный. И если заплатят больше, чем стоит эта драгоценная бутылочка, сдачу принесу тебе. Да отними ты палец от лба!

Удалов послушно отвел палец и увидел, что прыщик исчез. Средство действовало.

— А как я тебе ненужные воспоминания отдам?

— Сейчас все сделаем.

Кузнечик кинулся в коридор, прискакал обратно, катя перед собой заранее заготовленную тележку с приборами — все предусмотрел, хитрец!

— Сначала посмотрим, какие воспоминания у тебя переместились за ненадобностью в мозжечок. Из них я отберу, что подойдет. Сам понимаешь, дружище, я ведь тоже рискую. А вдруг у тебя воспоминания скучные?

В этот момент дверь приоткрылась, и в щель влетела папка, за ней мандат.

— Держи, клеветник! — послышался голос доброй уборщицы. — Достала я тебе все новое.

— Я не хотел обидеть вашу дочку Тулию! — воскликнул Удалов. — Я к ней тепло отношусь.

— Не верю! — послышался ответ, и дверь захлопнулась.

Удалов печально вздохнул, а потом произнес с беспокойством:

— Только чтобы воспоминания о ней не трогать!

— И не подумаю, — сказал кузнечик. — Они у тебя свежие, замкнутые на слуховой аппарат и глазные нервы. Как их вытащить?

Кузнечик ловко подключил Удалова к приборам, а сам при этом глядел в глазок, направленный на мозжечок Удалова. Больно не было, лишь немного щекотало в затылке. Удалов сидел послушно и размышлял, как бы получше использовать универсальное лекарство у себя дома, чтобы не разменяться на мелочи. Например, надо попытаться избавить жену Ксению от склонности к попрекам. Удалову уже пятый десяток, но его все равно дома считают почти ребенком, требуют отчета, где был, с кем был и так далее,

даже стыдно. Но как только Удалов подумал о жене Ксении, вместо грусти по оставленной семье его охватило тревожное и свербящее чувство к красавице Тулии, он даже пожалел, что не попросил у ее матери фотографию. Хоть какая память бы сохранилась. Погоди, а если с помощью этого средства внушить Тулии настоящее чувство к Удалову? Она сказала о любви, а сейчас уже, может, забыла обо всем, смотрит такими же расширенными глазами на какого-нибудь инопланетянина с персональной летающей тарелочкой...

— Все, — сказал кузнечик. — Операция закончена. Большое спасибо.

— Нашел чего-нибудь на продажу? — спросил Удалов.

— Гарантии дать не могу, — ответил кузнечик. — Но надежды не теряю.

— И на том спасибо. Бутылочка моя?

— Твоя, пользуйся.

И кузнечик принялся сворачивать оборудование, будто опасался, что Удалов спохватится и передумает. Но Удалов этого не заметил. Он нежил в ладонях бутылочку, связывая с ней различные планы на будущее.

Глава 7, в которой Удалов присутствует на открытии первого СОС

Первый Галактический Съезд Обыкновенных Существ торжественно открылся 21 июля по земному календарю, что, разумеется, не соответствует прочим календарям Вселенной.

В гигантском зале конгрессов разместились в креслах те делегаты, которые привыкли жить в кислородных атмосферах, а таких в Галактике большинство. За прозрачными стенами круглого зала расположились сотни камер, наполненных водой, метаном, пропаном, бутаном, соляными и кислотными растворами, паром, гравием, вакуумом, ватой, туманом, мхом, сероводородом — теми атмосферами, в которых существуют остальные обитатели разумной части Галактики.

В президиуме сидели члены оргкомитета и руководители планеты 14xxXX-5:%=ъ34.

Удалову досталось место в амфитеатре, удобно, хорошо видно.

— Дорогие гости, — обратился к делегатам двухголовый председатель оргкомитета Г-Г. — Мы собрались сюда с разных концов

Галактики для того, чтобы упорядочить судьбу нашей Вселенной. Есть проблемы, которые оказались не по зубам гениям и правительствам. Для того чтобы их решить, мы отобрали на каждой из обитаемых планет самого среднего индивидуума...

Речь председателя Удалову понравилась, но, занятый разглядыванием соседей по залу и тех существ, что томились за стеклянными перегородками, он не заметил, как выступившего Г-Г сменил на трибуне председатель мандатной комиссии. Речь его Удалов захватил где-то в середине:

— ...На съезде присутствуют две тысячи шестьсот восемь делегатов с решающим голосом от двух тысяч шестисот двадцати двух планет и планетных систем. Отсутствуют по уважительным причинам четырнадцать, в том числе умерло в пути три, убит в стычках с космическими гнирами — один, распочковались и впали в детство — два, оказался гением и возвращен как самозванец — один, либустировался — один, дезертировал — один, пропало без вести — пять...

Когда мандатная комиссия отчиталась, Удалов подумал, что пора бы устроить перерыв. Он оглянулся, размышляя, не сходить ли ему в буфет, и тут ему показалось, что он видит синхронного кузнечика. Удалов помахал ему рукой, но это оказалось ошибкой, потому что председатель Г-Г заметил этот жест и неправильно его истолковал.

— Слово для приветствия, — сказал он, — просит делегат Земли Корнелий Удалов.

Удалов хотел было возразить, но его возражения утонули в аплодисментах, и пришлось идти через весь зал на трибуну, не представляя, о чем говорить.

Удалов поднялся на трибуну, сделал рукой знак, чтобы прекратить аплодисменты, и решил, что его опыта пребывания на совещаниях достаточно, чтобы не опозорить родную Землю перед столь важным собранием.

— Товарищи, — начал Удалов, — дамы и господа. И те господа, которые не имеют пола. Я прибыл к вам с небольшой планеты Земля, о которой некоторые из вас и не слыхали. Но это не так важно, потому что я тоже не слыхал о некоторых ваших планетах, что никак не уменьшает моего к вам уважения.

Раздались аплодисменты и другие звуки, которые заменяют аплодисменты у существ, не обладающих ладонями.

— Я летел сюда, не зная, чем мы должны заниматься. Хотя надеялся, что займемся делом. Сегодня утром я прочитал программу съезда, а также брошюру «СОС — надежда Галактики». И должен сказать, что меня вдохновила идея, лежащая в основе нашего съез-

да. Давно пора объединиться обыкновенным людям всего мира. Их больше всего, и они самая здоровая часть разумного человечества. Какие бы опасности ни угрожали Вселенной, они никогда не исходят от средних людей, а от умных или от дураков. А что умные или дураки могут сделать без нас, обыкновенных?

Вновь раздались шум и аплодисменты.

— Кому решать судьбы Вселенной, как не нам? — продолжал Удалов, все более вдохновляясь. — Мы положительное большинство. Кто чаще всего женится и рожает детей? Обыкновенные люди. Кто реже всех разводится? Обыкновенные люди. Что бы делали другие, если бы не было обыкновенных? Вымерли бы, ручаюсь, от глупости или от излишнего ума. Кто начинает войны? Наполеоны. А кто их кончает и заключает мир? Мы, обыкновенные люди. Да и как бы мы могли оценить величие и опасность того же Наполеона, если бы не было множества обыкновенных полководцев, с которыми мы его сравниваем? Как бы стали великими выдающиеся писатели, если бы не было множества обыкновенных писателей, которые делают свое скромное дело, оттеняя величие Льва Толстого? Как бы мы могли оценить прелесть некоторых красавиц, если бы рядом не было обыкновенных женщин — наших жен?

Тут снова раздались аплодисменты, а также отдельные свистки и гневные возгласы, потому что не все были согласны с Удаловым. Удалов смешался, покраснел и понял, что переборщил. Потому он закончил свою речь кратко:

— Я передаю приветствие нашему первому СОС от имени обыкновенных людей Земли и надеюсь, что мы совместными усилиями многого добьемся. Середина непобедима!

При громе оваций Удалов сошел с трибуны, а некоторые делегаты тут же на больших листах бумаги начали рисовать последние слова делегата с Земли: «Середина непобедима!» К перерыву в зале уже покачивалось несколько плакатов с такой надписью, а к вечеру лозунг появился и на стенах города, жители которого немало гордились тем, что он дал прибежище такому славному съезду. А еще через день в продаже появились большие круглые значки с изображением улыбающегося Удалова и надписью «СЕРНЕП», что означало, естественно, — «Середина непобедима!».

После речей организаторов и приветствий от Сириуса, Альдебарана и неизвестных Корнелию планет начались прения. Удалов с удивлением отметил, что средние существа довольно разнообразны. Например, средний человек с Просидоры был по земным меркам математическим вундеркиндом, а любой Тори с Тори-Тори — талантливым лингвистом. Средний ярык был чуть умнее пя-

тилетнего земного ребенка и куда более вздорен, чем дворняжка Ложкиных из соседней квартиры.

Завязалась горячая дискуссия о том, как обыкновенным существам выработать среднюю программу и установить в Галактике мир и покой. И вскоре основное внимание сосредоточилось вокруг планеты Кэ, с которой была связана неприятная тайна.

Дело в том, что еще несколько лет назад эта планета ничем не отличалась от прочих передовых и миролюбивых миров, но затем все ее жители заболели непонятной болезнью и лечиться отказались. Это было бы еще терпимо, если бы общение с обитателями планеты Кэ не заражало всех, кто находился с ними в контакте. Вроде бы человек оставался совершенно здоровым, но характер его менялся к худшему, он рад был оправдать любую гнусность, обман и предательство, совершенные своими новыми друзьями, а затем исчезал. Внезапно отупевшие мужья не узнавали своих жен и детей, били их и бежали на космодром. Государственные деятели забывали о своих задачах и обязанностях, пытаясь объявить свои миры колониями планеты Кэ, а когда им это не удавалось, тоже пропадали. Лучшие умы Галактики бились над этой проблемой, но разрешить ее не смогли. В результате решено было объявить карантин и не пускать жителей Кэ в другие миры. Но те проявляли удивительную изобретательность, подсылая вместо себя обращенных в свою веру, зараженных существ из других миров. К счастью, один медик придумал анализ, по которому известное вещество триэтилмононуклеон становилось зеленым, если на него дышал человек, зараженный болезнью Кэ. Именно по этой причине так тщательно проверяли пассажиров, прилетевших с Альдебарана.

В некоторых выступлениях название планеты Кэ произносилось с тревогой и даже страхом. Все понимали, что в числе первоочередных задач СОС — спасение жителей Кэ.

В перерыве Удалов пообедал по талону в столовой, разделенной на отсеки по образу питания. Питание было сносным, хоть и непривычным. К сожалению, из-за перегородки несло сероводородом — там стоял столик с планеты, где сероводород пьют вместо чая. Когда Удалов, насытившись, встал из-за стола, к нему подошел оранжевый шар на тонких ножках в галошах, чтобы пожать ему руку и поздравить с удачной речью. Поблагодарив шар, Удалов увидел бегущего к нему кузнечика. Кузнечик был одет еще шикарнее вчерашнего, в золотой смокинг с бриллиантовой застежкой у ворота, в золотые лосины и красные сапожки, носки которых шевелились сильнее, чем раньше. Цветы в ушах были усыпаны самоцветами.

— Удалов! — закричал он и бросился к приятелю так быстро,

что чуть не попал под ноги шестиногому сиреневому слону, который нес ведро с сосисками.

— Я здесь, — откликнулся Удалов, идя ему навстречу, потому что полагал, что кузнечик хочет поздравить его с удачным выступлением.

Но кузнечик Тори думал о другом.

— Слушай, Корнелий, — сказал он громким шепотом. — У тебя не осталось лишних воспоминаний?

— Ты разве не все вчера забрал?

— Не уверен. Но взял бы и такие, что тебе вроде и не нужны, хотя кажется, что могут пригодиться.

— Что-то ты активный! Наверное, удачно мои вчерашние воспоминания продал?

— Какое там! — быстро ответил кузнечик и отвел в сторону круглые глаза. — Еле-еле окупил расходы.

Его лапка совершила незаметное путешествие к горлу, прикрывая бриллиантовую застежку. Удалов внутренне улыбнулся. Он понял, что его подозрения обоснованны, но спорить не стал. На что человеку лишние воспоминания? Все равно что вчерашний снег. Тем более что нехватки их Удалов не ощущал.

— Тогда почему интересуешься? — спросил Удалов.

— Нашел для тебя нужную вещь, — сказал кузнечик. — Отойдем, покажу. Только дорого просят.

Когда они отошли в сторонку, кузнечик достал из-за пазухи зеленый шарик, чуть побольше грецкого ореха.

— Видишь? Дали подержать на время.

— Объяснись, — сказал Удалов.

Тут зазвенел звонок, собирая делегатов на послеобеденное заседание.

— Одна минута. — Кузнечик поддел коготком орех сбоку.

Там обнаружилось маленькое отверстие.

— Вот здесь, — продолжал Тори, — можно жить. И живут.

— Кто? Блохи? — сообразил Удалов, продвигаясь к выходу.

— В том-то и секрет, что люди. Это растение. Растет оно на далекой планете Сапур. Сначала оно вот такое, через год — с футбольный мяч, а через три года будет с тебя, Удалов, ростом.

— Ну и пусть растет, — сказал Удалов, шагая по коридору. Неловко опаздывать, особенно если ты уже пользуешься известностью.

— Это саморастущий дом, — продолжал кузнечик. — Пока растение маленькое, в него детишки поселяют своих кукол, когда подрастает, получается комнатка, в которой живут холостяки и невесты. Еще через год-два комната внутри становится такой большой, что можно городить на две. Семья увеличивается, дом растет, и никаких жилищных проблем.

— А оно не возражает? — спросил Удалов.

— Чего же ему возражать? Ты же в школе учил: растения поглощают углекислоту и выделяют кислород. Чем сильнее ты в нем дышишь, тем ему приятнее. И воздух всегда свежий, проветривать квартиру не надо. Уже лет двадцать прошло, как эти растения завезли на Сапур, все население там переселилось в живые дома. С виду лес, а на самом деле город. И природа в порядке, и людям не тесно.

— А вдруг на Земле дома не приживутся? — спросил Удалов.

— Приживутся. На Сапуре климат как под Москвой. Не веришь — слетаем, проверим. Представляешь, никаких проблем в жилищном строительстве. Каждому ребенку выдаешь дом, ребенок растет, и дом растет...

Тем временем они вошли в зал заседаний. Кузнечик, убедившись, что Удалов снова попался ему на крючок, побежал наверх, к синхронным будкам, а Удалов прошел к своему месту. И сильно задумался, даже не слышал выступлений первых ораторов. Ведь можно принести громадную пользу Земле! Может, в самом деле пожертвовать еще какими-нибудь воспоминаниями?

Глава 8, в которой Удалов идет в кино и удивляется

Удалову было приятно слушать, как некоторые делегаты в своих выступлениях ссылались на его речь, а другие заканчивали выступления лозунгом «Середина непобедима!». Так что заседание прошло для него незаметно и интересно, к тому же он узнал массу любопытного о жизни в других мирах и даже пожалел, что не обладает писательским даром, чтобы запечатлеть услышанное для земных читателей. Хотя, подумал он, скептики на Земле, которые до сих пор даже не верят в летающие тарелочки, наверняка сочтут его правдивые рассказы за лживую выдумку.

Наконец прозвенел гонг председателя, и заседание завершилось. Было объявлено, что завтра съезд начинается после обеда, потому что некоторые делегаты не привыкли так много заседать и должны отдохнуть. Желающих пригласили посетить магазин путеводителей для иностранных гостей, пригородные озера или раскопки подземного города. Удалов поднялся со своего места и отправился искать председателя Г-Г. Ему пришла в голову интерес-

ная идея: а не поехать ли завтра на пригородные озера и не порыбачить ли до обеда? Надо только узнать, как здесь с удочками и наживкой.

Но председателя он не нашел. Не успел. Как демон-искуситель, рядом возник кузнечик Тори.

— Ты подумал о жилищной проблеме? — спросил он Удалова.

— Трудно решить, — сказал Удалов. — Надо ознакомиться с начинанием на месте. Может, эти дома для нас, земных жителей, совершенно не годятся. Неизвестно, как они проблемы канализации и водопровода решают, как с отоплением и освещением. Не могу я воспоминаниями разбрасываться.

Кузнечик задумался.

— Ты прав, — согласился он наконец. — Сапур недалеко. Завтра за полдня управимся. Только учти, стоимость поездки я включу в общий счет. Забота о тебе недешево обходится. Просто не представляю, почему я тебя так люблю. Может, в самом деле в тебе недостатков много?

— Может быть, — сказал Удалов.

— Тогда я за тобой в шесть утра зайду, — предупредил кузнечик.

И ускакал.

Теперь уже не было смысла искать председателя. Все равно рыбалка пропала. Не везло Удалову с рыбалкой. «Ну, ничего, — подумал он, — зато произведу переворот в строительной технике».

Он решил пойти погулять по городу, благо выдался хороший, теплый вечер. У выхода из гостиницы его окликнули. Это была милая уборщица, мать удаловской возлюбленной.

— Корнелий Иванович, вам телеграмма с Земли. Только что получили.

— Спасибо. — Удалов развернул телеграмму. Он думал, что телеграмма от Ксении, но предчувствие его обмануло. Телеграмма оказалась от Коли Белосельского.

Поздравляю открытием съезда, — звучала телеграмма. — *Надеюсь, что не посрамишь чести нашей планеты. Семья здорова. Желаю успеха. Николай.*

Сердце Удалова преисполнилось благодарности к другу детства, который раздобыл его адрес и поздравил. Удалов решил тут же ответить и потому спросил уборщицу:

— Телеграф далеко?

— Он закрыт уже, — ответила уборщица. — Завтра откроется.

— Как жаль, — сказал Удалов. — Спасибо, что меня отыскали.

— Для меня это не труд, а удовольствие, — сказала уборщица. — Хоть вы меня и обидели подозрениями в адрес моей дочери, но все-таки вы мой земляк и приятный человек. А сегодня так хорошо выступали, я вас по телевизору смотрела!

Уборщица была еще не старой, миловидной женщиной, и если бы не всегдашняя печаль и готовность к слезам, она была бы похожа на свою прекрасную дочь.

— Я не хотел вас обидеть, — сказал Удалов. — И тем более обидеть вашу дочь.

Разговаривая так, они пошли по ярко освещенной праздничной улице, через которую уже висели транспаранты: «Середина непобедима!» Некоторые из прохожих узнавали Удалова, кланялись ему или жали руку. Настроение у Корнелия было приподнятое, он вежливо и дружелюбно разговаривал с уборщицей из Атлантиды, хотя о красавице Тулии они не упоминали. Так они дошли до какого-то ресторана. Удалов пригласил было уборщицу поужинать, но уборщица возразила, что в ресторане дорого, и этим напомнила Удалову о его стесненном имущественном положении. В чем Удалов и признался ей со смущенной улыбкой, которая очень красила его простодушное курносое лицо.

— Я тут мог денег заработать, — сказал он. — Но вместо денег уникальную штуку получил.

И Удалов рассказал уборщице о бутылочке, которую получил за ненужные воспоминания. Потом достал и бутылочку.

Уборщица вдруг нахмурилась, повертела бутылочку в пальцах и сказала со вздохом:

— Провели тебя, Корнелий Иванович. Воспользовались твоей простотой. Это не средство от всего на свете, а только лекарство для сведения прыщей. Хорошее лекарство, только ничего, кроме прыщей, им не вылечишь. В любой аптеке продается.

Удалов было опечалился, но взял себя в руки.

— Хорошее средство от прыщей тоже нелегко найти. А я с ним прошлогодним снегом расплатился. Значит, получается, что вор у вора дубинку украл.

Они как раз проходили мимо кинотеатра.

— Пойдем в кино, — предложила уборщица. — Здесь билеты недорогие, а вы, когда будет возможность, мне деньги за них вернете.

Удалов был тронут такой прямотой, и они пошли в кино. Сначала показывали фильм про космическое путешествие. Уборщица шепотом объяснила ему, что фильм документальный, других здесь

не знают, и записан он с памяти одного известного космонавта. Потом начался фильм «Первая любовь». И тут Удалов сильно удивился.

На экране в цвете и реальном объеме возникла пыльная, странно знакомая Удалову улица. По сторонам ее тянулись одноэтажные домики с палисадниками, в палисадниках цвели флоксы и астры, лениво перебрехивались псы, просунув носы в штакетник. Было знойно и покойно. Над домами, в конце улицы, горел под закатным солнцем золотой купол...

— Земля... — радостно прошептала уборщица из Атлантиды.

— Земля, — отозвался Удалов. И добавил: — Великий Гусляр, улица Кулибина.

Это было удивительно, словно Удалов погрузился в сон, древний, почти детский. Ведь он, как руководитель стройконторы, отлично знал, что эта улица выглядит теперь иначе, что домики с правой стороны частично снесены и на их месте построен двухэтажный детский сад и стеклянная химчистка.

...По улице шла девушка, почти девочка, в голубом ситцевом платье, с косичками до плеч. Девочка улыбалась своим мыслям, и она показалась Удалову чем-то схожей с красавицей Тулией.

Видно, это сходство не укрылось и от уборщицы, потому что она всхлипнула: «Моя тоже такой была... отличницей».

Девочка посмотрела прямо в экран и обрадованно воскликнула:

— Здравствуй!

— Здравствуй, — откликнулся юношеский голос, и на экране появился невысокого роста молодой человек с круглым лицом, маленьким носом, кудрявый и загорелый. Чем-то молодой человек был Удалову знаком, но воспоминание промелькнуло по краю памяти и исчезло. Удалова больше интересовали виды родного города, и он с гордостью хозяйственника отмечал, что нынче эта улица уже покрыта асфальтом и тем избавлена от пыли, а деревья по сторонам выросли и дают густую тень.

Девушка и юноша взялись за руки и пошли к скверу, который зеленел неподалеку.

— Теперь здесь детский городок, с качелями, — сообщил Удалов своей соседке, но та отчужденно взглянула на него и отвернулась.

Кадр сменился другим. Тот же молодой человек и та же девушка купались в неширокой голубой речке. Ивовые кусты опускались к самой воде, а в глубине золотыми тенями проскальзывали рыбы. Юноша плыл на тот берег, к соснам, а девушка стояла по пояс в воде и кричала ему:

— Вернись, потонешь!

Следующий кадр. Вечер. Неподалеку играет оркестр. Девушка и юноша идут по темной аллее, и вдруг девушка останавливается и смотрит на юношу в упор. В темноте ее глаза горят как звезды. Они растут, заполняют весь экран... Зрители затаили дыхание.

— Теперь, — прошептал Удалов уборщице, — мы обеспечили в парке освещение, и темных аллей практически не осталось.

— Отстаньте, — прошептала раздраженно уборщица, и Удалову стало даже обидно из-за такого невнимания к его деятельности по благоустройству.

Юноша осторожно дотронулся губами до щеки девушки, она резко повернулась и побежала прочь. Он за ней... Вот они вбежали в освещенный круг у танцевальной веранды, где играл маленький, из четырех человек, оркестр, толпились, щелкая семечки, парни и стайками щебетали девушки.

— Да, — вздохнул Удалов. — Здесь и я когда-то бывал...

...Вот юноша и девушка плывут по веранде в танце танго. Юноша робко прижимает к себе тонкий стан девушки и смотрит на нее влюбленными глазами.

Оркестр замолкает, но они продолжают стоять посреди веранды, не замечая, что музыка кончилась.

И тут к ним подходит высокий парень и произносит срывающимся баском:

— Уходи отсюда. Чтобы ноги здесь твоей не было. И чтобы тебя рядом с ней я больше не видел.

— Да я что, — робеет юноша. — Я же ничего.

— Пошли, — говорит девушка юноше и берет его за руку, отважно глядя в глаза высокому парню.

— Ты с ней не уйдешь, — предупреждает высокий парень.

— Он уйдет со мной, — настаивает девушка. — И учти, что я тебя не боюсь. И он тоже. Ты не боишься?

Но юноша молчит.

Разыгрывается напряженная немая сцена. Словно шпаги, скрещиваются взгляды. И, не выдержав взгляда девушки, высокий парень отступает.

Зал с облегчением вздохнул. Кто-то неподалеку плакал. В этой сцене была жизненность, понятная всей цивилизованной Галактике.

— Все-таки хулиганство, — сказал Удалов сам себе. — Пристают к девушке.

...Юноша с девушкой медленно сошли с веранды. Что-то произошло в их отношениях, что запрещало прикоснуться другу к другу... Внизу, в темной аллее, их поджидал тот высокий парень.

— Разъединитесь! — приказал он.

— Не смей! — крикнула девушка, глотая слезы.

— А я его не трону, — усмехнулся парень. — Он сам уйдет. Ты уйдешь?

И после долгой паузы, которая показалась зрителям почти бесконечной, юноша вдруг сказал сдавленным голосом, обращаясь к девушке:

— Я к тебе завтра зайду.

— И не мечтай, — захохотал высокий парень. — Беги.

— Если ты сейчас уйдешь, ты меня никогда больше не увидишь, — сказала девушка.

Но юноша уже уходил по аллее, низко склонив голову и приподняв плечи, словно опасался, что его ударят сзади.

Потом возник еще один кадр: берег реки. На берегу, в траве, сидит и всхлипывает юноша. Он один. Только луна смотрит на него с черного неба...

Зрители встретили конец фильма аплодисментами. Удалов не аплодировал. Он думал. Он никак не мог понять, почему здесь показывают фильмы о Великом Гусляре. К тому же пессимистические. Не хлопала и уборщица. Только посмотрела на Удалова внимательным взглядом и спросила:

— Может, уйдем?

— Уйдем, — согласился Удалов. Он устал за день и хотел спать.

Когда они вышли на улицу, уборщица спросила:

— Ну и что вы об этом думаете?

— Трудно ответить, — признался Удалов. — Есть, конечно, отдельные случаи неправильного поведения подростков. Но мы с этим непрерывно боремся...

— Он вам ничего не напомнил?

— Нет. Правда, я удивился. Я же в этом городе всегда живу. Город узнал, улицы узнал, изменения в нем угадал правильно, а вот этих молодых людей помню смутно. Наверное, они младше меня были. В таком возрасте один год уже играет роль.

— А я узнала.

— Что?

— Вас узнала, Корнелий Иванович. В молодости.

— Кто же там меня играет?

— Да не играет! Это про вас фильм. Это ваши воспоминания, которые вы загнали в мозжечок, чтобы забыть, а потом продали кузнечику за средство от прыщей.

— Нет! — возмутился Удалов. — Не мог я такого забыть. Не было этого!

— Теперь для вас этого нет, — подтвердила уборщица, и слеза скатилась по ее щеке. — Что продали, того нет.

— Так не бывает, — сказал Удалов.

— А может, вам без такого воспоминания легче будет? Только беднее... Не надо меня провожать.

И уборщица быстро пошла по улице, прочь от Удалова. Удалов вздохнул, не убежденный словами уборщицы, и вернулся в гостиницу. Хотя, конечно, червь сомнения в нем остался. Лицо юноши было знакомым.

Глава 9, в которой Удалов выясняет отношения и тайком отправляется на Сапур

Может, Удалов и забыл бы о вечернем приключении, если бы не газета. Кто-то подсунул ему в щель под дверь местную газету, в которой красным карандашом была отчеркнута заметка: «Успех нового фильма».

В мнемотеатре «Открытое сердце» демонстрируется новый мнемофильм «Первая любовь» из воспоминаний юности землянина У. Правдивость, искренность и душевная боль этого интимного зрелища не оставляют равнодушными многочисленных зрителей. Так и хочется воскликнуть: «До чего душевные проблемы едины во всех уголках Галактики!» Организатор и продюсер фильма Тори (Тори-Тори) отказался встретиться с нашим корреспондентом ввиду крайней занятости на СОС, однако мы получили интервью у владельца сети мнемотеатров, который сказал, что ввиду большого художественного и воспитательного значения фильма продюсер получил за него тройную оплату и выплатил бескорыстно всю рекордную сумму владельцу воспоминаний землянину У. Мы надеемся, что столь значительное вознаграждение склонит землянина У. к дальнейшему сотрудничеству с нашими кинозрителями. Мы ждем новых, не менее трогательных и правдивых фильмов! Хватит нам питаться тоскливыми поделками не знающих чувств спекулянтов от искусства!

Удалов отложил газету. Настроение у него несколько упало. Получалось, что уборщица не ошиблась. Если землянин У. — это и есть Удалов, то получается, что Корнелий заработал репутацию дельца и стяжателя...

Открылась дверь, и вбежал оживленный кузнечик.

— Доброе утро! — воскликнул он. — Все готово! Мы летим!

Тут его острый взгляд упал на развернутую газету.

— Ты уже прочел? — спросил он живо. — А я как раз хотел тебе принести, но забыл. Видишь, как мы с тобой прославились! Приятно, да? Нас ждут дальнейшие творческие успехи!

— Значит, так, — сказал Удалов жестко. — Значит, торгуем моими интимными моментами, позорим меня на всю Галактику?

— Не будь наивным, Корнелий, — ответил кузнечик. — Ты мне это воспоминание продал и не заметил его отсутствия.

— Продал, — саркастически произнес Удалов. — За бутылку средства от прыщей.

— А разве плохое средство? — нашелся кузнечик. — Разве не выводит?

— А кто мне сказал, что это средство универсальное? От всего?

— Не исключено, — сказал синхронист. — Его еще никто не пробовал употребить с другими целями. Кто может гарантировать, что оно не помогает от любви? Я лично не могу. Но не в этом дело. Собирайся живее, нас ждут растительные дома. Ты забыл?

— Кукольные? — спросил Удалов. — Как я могу верить человеку, дважды меня обманувшему?

— Почему дважды?

— А деньги? Рекордную сумму получил, бриллиантовую заколку купил, а за перелет с меня содрать хочешь!

— Клевета! — возмутился кузнечик. — Ты попал в дурную компанию! Завистники склоняют тебя к вражде с другом и благожелателем. Этот выжига, хозяин мнемотеатров, ввел в заблуждение прессу. Я с трудом покрыл расходы.

Круглые глаза кузнечика сверкали. Он был оскорблен в лучших чувствах. Но Удалов пересилил возникшую было жалость и решил кузнечику не верить. В конце концов, Удалов не первый день как на свет родился. То, что он средний, не значит, что он глупый. Поэтому Удалов притворно вздохнул и сказал:

— Ладно, не будем ссориться. Я должен признаться, что получил предложение сотрудничать в постановке фильмов. Вся выручка пополам. Через полчаса ко мне придут с авансом.

— Ты с ума сошел! — закричал кузнечик, и Удалов понял, что одним ударом выиграл битву. — Это же жулики! В лучшем случае они отдадут тебе треть!.. Ты их просто не знаешь! Тебе нужен искренний друг и защитник. Без меня ты погибнешь.

Кузнечик нервно вскинул коготки и проговорил совсем другим голосом:

— Кстати, Корнелий, я все забываю. Таскаю с собой твои деньги, да забываю отдать.

Лапка кузнечика исчезла на мгновение за пазухой золотого смокинга и выскочила обратно с пачкой денег. Кузнечик хлопнул стопкой о стол:

— Возьми, это твоя доля.

— Не надо, — ответил Удалов. — Я уже договорился.

— Да ты посчитай, посчитай... Неужели я тебя обману?

— Не хочу считать. Клади деньги обратно.

Кузнечик замер будто в задумчивости, потом внезапно ахнул:

— Как же так! Моя проклятая рассеянность! Я же остальные твои деньги в другой карман положил!

Кузнечик запустил лапку в тот же самый карман и вытащил оттуда еще одну пачку банкнот, вдвое толще первой.

— Все правильно, — сказал он. — Как камень с души упал. Теперь я беден, ты богат, и мы квиты. Чего только не сделаешь ради друга!

Кузнечик взмахнул лапками, но так неудачно, что из-за пазухи у него посыпались денежные купюры в таком количестве, что, даже упав на них, кузнечик не смог прикрыть их тельцем.

— Что делать! — воскликнул он. — Помоги мне, Удалов, собрать наследство, полученное мною сегодня утром от погибшей в извержении вулкана тетушки Тори.

Удалов помогать не стал. Он уже видел этого жулика насквозь. Но, честно говоря, не обижался. Жулики похожи, в каком бы месте Галактики они ни действовали. Обижаться на них нельзя. С ними надо планомерно бороться.

Удалов собрал деньги со стола, не считая, сложил в бумажник и, пока кузнечик ползал по полу, причесался, аккуратно уложив последнюю прядь поперек лысины, поправил галстук и произнес:

— Ну что ж, пора ехать. Проверим, сохранились ли в тебе остатки совести.

— Конечно, сохранились! — обрадовался кузнечик, поняв, что его простили. — Ты не думай, дорогу в оба конца я оплатил, билеты в кармане. Кстати, возьми от меня небольшой подарок. Обожаю дарить тебе подарки.

Кузнечик достал небольшую коробочку, прозрачную сверху.

— Только не выпускай, — сказал он.

В коробочке сидел, шевеля клешнями, маленький скорпиончик.

— На что мне такой подарок?

— Ах, Удалов, Удалов, — вздохнул кузнечик. — Не знаешь сво-

его счастья. Я вчера этого звереныша в карты выиграл. Незаменим в жару или ненастье. Все знатные люди в этой части Галактики с ними не расстаются.

— Объясни, — сказал Удалов строго.

— Как известно, — ответил кузнечик, — скорпиончики живут на планете, где мягкий климат и множество фруктов. Но во время брачного сезона они перебираются на соседнюю планету, для чего проделывают несколько миллионов километров в вакууме и ищут своих подруг среди вулканов и песчаных бурь. Чтобы выжить, они научились менять в свою пользу окружающие условия. В радиусе метра. Там, где скорпиончик, всегда прохладно и приятно пахнет. Попробуй, испытай...

— Где я его испытаю? — спросил Удалов. — Здесь и так хорошо, прохладно.

— Проще простого.

Кузнечик убежал в ванную и пустил там горячую воду. Через минуту ванную заволокло клубами пара. Из клубов возник влажный Тори и сказал Удалову:

— Иди сюда, не бойся.

Удалов подчинился. Пар встретил его в дверях ванной, старался оглушить, обжечь и поглотить. Впечатление было отвратительным, но Удалов терпел. Он сделал еще один шаг в глубь помещения и вдруг увидел, как пар вокруг его головы и верхней части тела рассеивается, как будто Удалова поместили в шар, в центре которого была ладонь Корнелия с коробочкой на ней. Запахло свежими цветами. Скорпиончик зыркнул на Удалова маленькими глазками.

— Ладно, — согласился Удалов, — беру подарок в счет будущих расплат. А он не кусается?

— Как же ему кусаться, если он в коробочке? — Тут кузнечик взглянул на часы и обеспокоился. — Побежим, только осторожно, чтобы нас не заметили. Если будут спрашивать, мы идем гулять.

— Почему такая тайна? Не люблю тайн.

— Здесь все экскурсии запланированы, а поездка на Сапур не запланирована. Пока мы ее будем планировать, обед наступит, — объяснил кузнечик.

Но в глазах его Удалов не увидел искренности и потому решил быть начеку.

— Хорошо, — сказал Удалов. — Пошли, только сначала мне надо отправить телеграмму домой.

Кузнечик согласился, они зашли на телеграф, и Удалов, благо теперь у него было достаточно валюты, отправил сразу две телеграммы. Одну Белосельскому с благодарностью и сообщением,

что работа съезда проходит на высоком уровне, другую домой, чтобы семья не беспокоилась. Он бы послал и третью, прекрасной Тулии, но адреса Тулии Удалов не знал.

Глава 10, в которой Удалов летит на планету Сапур для обмена опытом в области жилищного строительства

— Вот наш корабль, — сказал кузнечик, подходя к небольшой летающей тарелочке, стоящей в стороне от звездных кораблей, там, где бетон летного поля уступал место зеленой траве и подорожникам.

— Долетит? — спросил Удалов, смущенный скромными размерами судна.

— А что с ним сделается? Не бойся. Я тоже жить люблю.

Удалов подумал, что кузнечик на этот раз говорит правду, и первым вошел в тесное, но комфортабельное нутро тарелочки.

— Лететь до Сапура полчаса. Управление автоматическое, — сказал кузнечик. — Предупреждаю: там меня слушайся беспрекословно. Чужая страна, чужие нравы. Если понравится, закупим семена.

Кузнечик уверенно сел у руля, а Удалов устроился в другом кресле и пристегнулся ремнями. Ему было приятно думать, что одолел межпланетного жулика, и потому он с удовольствием пощупал в кармане растолстевший бумажник. Потом вынул коробочку и подмигнул скорпиончику, отчего в салоне тарелочки запахло земляникой и подул легкий бриз.

Тарелочка медленно поднялась над космодромом и, набирая скорость, помчалась на соседнюю планету.

Кузнечик уверенно действовал рычагами, тарелочка неслась за пределы атмосферы — и вдруг кто-то оглушительно чихнул.

— Это ты чихнул? — спросил Удалов.

— Нет. Разве не ты?

Они замолчали. Стало тревожно. На корабле таился кто-то третий.

— Здесь кто есть? — повысил голос Удалов.

Молчание.

— Выходи или стреляю, — пригрозил кузнечик.

И тогда послышалось шуршание, дверь шкафа, в котором хранились посуда и скафандры, открылась, и оттуда робко вышло уз-

кое существо, схожее с грибом-мухомором в трауре. На существе была тесная одежда с бахромчатым поясом и мятая широкая шляпа черного цвета с белыми круглыми пятнами. Руки его были в белых перчатках, в правой руке саквояж.

Существо откашлялось, сняло шляпу, обнаружив под ней совершенно голую голову без следов растительности, и спросило:

— Я вам не помешал?

— Мы не пассажирский корабль, — невежливо ответил кузнечик. — Что, денег на билет не было?

— А куда мы летим? — спросил мухомор.

— А куда вам надо?

— Подальше, — сказал мухомор.

Удалов понял, что лицо мухомора густо покрыто белой и голубой краской, по которой нарисованы скорбные синие брови, а под глазами черным намазаны большие пятна.

— Признавайся, зачем забрался в нашу тарелочку, — а то высажу тебя в вакуум, — пригрозил кузнечик Тори.

— Человеколюбие не позволит, — ответил мухомор, — хотя мне это уже все равно. Одним мертвецом больше...

— Успокойтесь, — сказал Удалов. — Здесь нет врагов. Вас кто-то преследует?

— Нет. Хуже. Я преследую. Небезуспешно.

— Несчастная любовь? — спросил Удалов сочувственно.

— В своем роде, — согласился мухомор. — Я, понимаете, могильщик.

— Я сразу почувствовал в нем что-то зловещее, — заметил кузнечик.

— Продолжайте, — сказал Удалов. — И у могильщиков могут быть переживания.

— Спасибо, — кивнул могильщик. — Вы добрый человек. Хотел бы я узнать ваше имя. Вы первый, кто сказал мне доброе слово за последний год.

— Меня зовут Корнелий Удалов. Кто же вы такой, несчастный могильщик?

— Моя история ужасна, — сказал могильщик, усаживаясь в кресло, уступленное ему Удаловым. — Я прожил свою жизнь на далекой отсюда планете шесть-Г в созвездии Кита.

— Как же, знаю, — вмешался кузнечик, который не скрывал своего раздражения появлением пассажира. — Паршивое место. Я там лихорадку подхватил.

— Я сын могильщика и внук могильщика. Это наша наследственная специальность. Я не представляю себе иного ремесла, зато

в своем я профессионал. Ко мне специально приезжали умирать с соседних континентов.

— Ты ближе к делу, — сказал кузнечик. — Самореклама нас не интересует.

— Тори, ты нетактичен! — упрекнул его Удалов.

— Я продолжаю, — сказал мухомор. — В последние годы наша планета переживает экологический кризис. Стало меньше лесов, сказывается недостаток древесины, бумаги, дорожают естественные продукты.

— И повышается смертность, — вставил сочувственно Удалов.

— Ах, не в этом дело! — возразил могильщик. — Дело в том, что сегодня достойно похоронить человека стоит в три раза дороже, чем десять лет назад. Мы, могильщики, чтобы не разориться, вынуждены поднимать цены.

— Во сколько раз? — спросил кузнечик.

— Нет, только так, чтобы покрыть расходы. Главное — честь фирмы. Мы постепенно разорялись и беднели и все же старались обеспечить нашим согражданам достойное погребение в пределах их бюджета. Правда, нам не всегда это удавалось. И вот в обстановке экономического кризиса нам был нанесен предательский удар в спину.

— Правительство прижало? — спросил кузнечик ехидно.

— Хуже. Началась всеобщая забастовка населения планеты.

— Они сами себя хоронили? — догадался Удалов.

— Еще хуже. Они отказались умирать. Представляете, все вплоть до древних стариков забастовали и перестали умирать с одной лишь коварной целью — разорить людей, которые озабочены тем, чтобы обеспечить людям достойную встречу с вечностью.

— И не умирают? — захихикал кузнечик.

— Уже полгода.

— И даже штрейкбрехеров нет?

— Было два, — признался мухомор. — Из числа наших родственников.

— Вы бы снизили цены, — посоветовал Удалов. — Ведь людям тоже трудно — полгода без единой смерти.

— Нет, дело в принципах, — сказал мухомор. — Мы эмигрировали. Я, в частности, прилетел сюда.

— И здесь не умирают?

— Умирают, но здесь свои могильщики, которые не пустили меня в свой профсоюз. Поэтому я забрался в ваш корабль, чтобы отыскать планету, где живет население, достойное услуг моей древней фирмы.

— Да, история, — сказал Удалов. И понял, что никак не может вызвать в себе сочувствие к горю могильщика.

Кузнечик продолжал хихикать, повторяя:

— Никто не умирает! Вот молодцы!

Мухомор подобрал ноги, надел шляпу и спросил:

— Завтрак будут подавать?

Удалов вынул бутерброды, угостил спутников, пожевал сам. «Вот лечу я с одной планеты на другую, — рассуждал он, — в отдаленном пункте космоса жую спокойно бутерброд даже не с маслом, а с неизвестным жиром и с колбасой, которая сделана из чего-то, о чем лучше и не думать. Лечу как будто в командировку, ничему не удивляюсь, гляжу в иллюминатор на неизвестные мне созвездия, а в бесконечной дали пространства затерялась моя родная Земля, и на ней незначительной точкой разместился город Великий Гусляр, мало кому известный даже в пределах нашей необъятной родины. А на другом конце Галактики, может быть, тоскует обо мне незнакомая, но любящая девушка Тулия, у которой такая милая и добрая мама родом из Атлантиды. Вот так сближаешься с людьми, перестаешь удивляться, как переставал в свое время удивляться путешественник Марко Поло, обойдя Землю, а ведь нельзя не удивляться, иначе и нет смысла пускаться в дальние странствия. Не удивляться можно и дома, у экрана телевизора...» За иллюминатором, двигаясь параллельным курсом, мигала какая-то точка.

— Погляди, Тори, — сказал Удалов, — кто-то за нами летит.

— Ничего интересного, — ответил кузнечик, — блуждающая звезда.

— Не похоже на блуждающую звезду, — сказал могильщик. — Я много по космосу летал, спецпогребения обслуживал, а таких блуждающих звезд не видал. По-моему, и в самом деле за вами кто-то гонится.

— Не обращайте внимания, — поспешил возразить кузнечик. — Мало ли дряни в космосе летает. Лучше доедайте и готовьтесь к посадке.

Могильщик смерил кузнечика недоверчивым профессиональным взглядом, но промолчал, а Удалов снова пустился размышлять о странностях своей судьбы.

— Надо ездить, — сказал он наконец вслух. — Надо больше ездить и смотреть.

— Нет, — возразил могильщик. — Лучше не ездить и умирать дома.

Глава 11, в которой с Удаловым происходят неприятные события на планете Сапур и его постигает разочарование

Кузнечик сверился с картой и посадил корабль в поле, неподалеку от растительного города.

— Ты, Удалов, — сказал он, — вперед не лезь. Торговаться буду я. А то тебя надуют. Подсунут негодные семена.

— Хорошо, — согласился Удалов. — Ты опытней, ты и действуй. Только я буду за тобой, прости, наблюдать, потому что тебе не доверяю.

Кузнечик снисходительно отмахнулся и быстро пошел по тропинке в лес. Он был озабочен, все поглядывал на часы, и Удалов предположил, что синхронный переводчик боится опоздать к дневному заседанию СОС.

Мухомор шагал сзади, оглядывался, принюхивался и своим обликом придавал экспедиции прискорбный оттенок. А уж как он раздражал кузнечика, даже трудно представить.

— Отстань, — говорил кузнечик. — Чего за нами плетешься? Топай в другую сторону, там, я слышал, кладбище есть.

— Извините, но кладбище меня не интересует, — отвечал могильщик. — Меня интересует не результат, а процесс. Я в некотором смысле олимпиец.

Удалов поглядывал на высокие деревья, мимо которых пролегал их путь, но деревья были самые обыкновенные, стволы без дверей.

— Потерпи, — сказал кузнечик, заметив интерес Удалова к природе. — Еще пять минут.

Лес был привычный взгляду, лиственный, с птицами и насекомыми, дорожка тоже была обычной, и Удалов от такого мирного окружения даже стал напевать песню... И вдруг кузнечик замер, а его спинка задрожала от волнения.

— Ничего не понимаю, — признался он. — Только на той неделе я сюда прилетал... Где же город?

Они вышли к краю громадного, изрытого ямами поля. Меж ям тянулись тропинки, у тропинок стояли столбы, и на них были указатели с названиями улиц.

— Могу поклясться... — сказал кузнечик, а Удалов, почувствовав неладное, спросил его прямо:

— Опять, Тори?

— Погоди! — Тори увидел лежащую на траве человеческую фигуру.

Они подбежали к человеку. Тот был в беспамятстве и тихо стонал. Могильщик наклонился над ним, достал из саквояжа флакон и дал человеку понюхать. Тот со стоном открыл глаза.

— Что случилось? — спросил нервно кузнечик. — Где весь город?

— Это ужасно, я скоро умру, — ответил человек и смежил веки.

— Он еще не сейчас умрет, — сказал могильщик. — Поверьте моему опыту. Он еще немного протянет.

— Говори же, что случилось с вашим городом? — настаивал кузнечик.

— Несчастье. И мы сами виноваты, — простонал человек. — Мы поселились в домах-растениях, полагая, что комфорт нам обеспечен навсегда. Так прошло двадцать лет. Наши квартиры послушно росли, мы не знали жилищного кризиса и всегда дышали свежим воздухом. Новые семьи отпочковывались вместе с деревьями. Но мы не учли...

Человек закатил глаза, и могильщику пришлось снова поднести к его носу флакон.

— На чем я остановился? — спросил умирающий. — Ах да! Мы забыли узнать у путешественников, которые привезли нам семена, как эти деревья размножаются.

— И как же? — поинтересовался Удалов.

— Мы узнали об этом сегодня ночью. С вечера наши квартиры зацвели громадными пахучими цветами, а ночью деревья вытащили корни из земли и побрели искать своих подруг. Оказалось, что у нас в городе обитают лишь деревья мужского пола, а для того, чтобы продолжить род, они должны опылить женские цветы.

— Но где же женские деревья?

— Их забыли импортировать, — прошептал человек. — Теперь наши квартиры вместе со всем населением бредут неизвестно куда и неизвестно когда остановятся... А я нечаянно выпал из своей квартиры и разбился...

На этих словах несчастный житель ушедшего города окончательно потерял сознание.

— Пошли догонять, — сказал Удалов. — Там же жители волнуются, дети...

— А как мы их найдем? — спросил кузнечик.

— По следам. Они же следы оставляют. Как стадо слонов.

— Нет, подождем здесь. Может, нагуляются, возвратятся.

— Идем, идем, — настойчиво повторил Удалов и потянул переводчика за рукав.

— Я останусь! — крикнул им вслед могильщик. — Возможно, этот страдалец помрет. Я уж похороню его бесплатно, для практики. Соскучился без дела.

Не успели Удалов с кузнечиком пробежать и ста метров, как нечто круглое и огромное закрыло свет солнца. Удалов поднял голову и понял, что прямо на них опускается космический корабль.

Приятели бросились в сторону, но, не долетев до земли, корабль завис, и из открывшихся люков принялись прыгать на траву тяжело вооруженные десантники.

Еще через минуту Удалов сдался в плен. Неизвестно кому. Удалова подвели к офицеру, который командовал десантом. Справа от Удалова стоял понурившись кузнечик, слева могильщик, которого оттащили от потенциального мертвеца.

— Здравствуйте, ваше Преимущество, — сказал неожиданно кузнечик. — Ваше задание выполнено.

— Где город? — спросил офицер спокойно и даже вяло.

Лицо его было неподвижно, зрачки замерли посреди белков, словно у слепого.

— Случилось непредвиденное осложнение, — объяснил кузнечик виновато. — Оказывается, город ушел искать своих самок.

— Не шутить, — сказал строго офицер и тонким хлыстом ожег плечо кузнечику, отчего золотой смокинг франта с планеты Тори-Тори разорвался, обнаружив зеленое покатое плечо.

— Город был растительный, — объяснил Удалов, чтобы рассеять недоразумение. — Он был весь из деревьев, и деревья ушли.

— Они издеваются над нами. Деревья категорически не ходят, — сказал вяло офицер. — По сто плетей каждому.

— Погодите! — вскричал могильщик. — Вон там лежит пострадавший местный житель. Он в таком состоянии, что лгать не будет. Допросите его и поймете, что мы вас не обманываем.

Офицер приказал солдатам стеречь пленников, а сам, помахивая хлыстом, направился к умирающему.

— Скажи мне, Тори, — обратился Удалов к кузнечику. — Откуда тебе знаком этот офицер и какое задание ты выполнил?

— Это тебя не касается, Удалов, — сказал Тори. — Но скрывать не стану. Его Преимущество — энтомолог. По его просьбе я наблюдал за ночными бабочками.

— Кстати, — заметил могильщик, — в космосе нас преследовал именно этот корабль.

— Совпадение, — ответил кузнечик, но никто ему не поверил.

Офицер вернулся к ним и сказал:

— Ваш местный житель так быстро умер, что мы не успели его пытать. Но он успел признаться, что выпал из уходящего дома. А где Удалов? Тори обещал его сюда доставить.

— Но не бесплатно, — нагло, но притом трусливо заметил подлый кузнечик.

— Не рекомендую упрямиться, — посоветовал офицер, помахивая хлыстом.

— Я Удалов, — признался Корнелий. — Что вам от меня нужно?

— Узнаешь, когда доставим. А кто второй?

— Я могильщик, — сообщил мухомор. — Но в данный момент я без работы. По вашему воинственному виду я полагаю, что мне в вашем уважаемом мире найдется достойная работа. Я согласен лететь с вами.

— Берите и его, там разберемся.

— Ваше Преимущество, — настаивал кузнечик, — мне пора возвращаться на СОС. Расплатитесь со мной, и я уеду.

— Задание ты выполнил только наполовину, — сказал офицер. — Города ты мне не обеспечил, а за одного Удалова платить не имею полномочий.

— Тогда я не буду больше на вас работать, — сказал кузнечик, — и вы лишитесь лучшего агента в сердце СОС.

— Другого найдем, — ответил офицер. — Не такого склочного. Попроще, поисполнительней.

Солдаты загоготали.

— Ах так! — воскликнул кузнечик. — Я буду жаловаться! Я немедленно возвращаюсь на СОС и сообщаю, что вы украли одного из самых популярных делегатов, любимца всего съезда, Корнелия Ивановича Удалова. Берегитесь, разбойники!

— Взять мерзавца! — приказал офицер своим солдатам, и те с нескрываемым удовольствием подхватили кузнечика под локти.

Через несколько минут кузнечик вместе с Удаловым и могильщиком оказались в стальной утробе космического корабля. К тому же надо отметить, что в ходе этой операции и Удалов, и кузнечик лишились своих сбережений, а могильщик саквояжа.

Дверь в утробу задвинулась, зажужжали двигатели, и космический корабль взял курс неизвестно куда.

— Предатель, — сказал Удалов без особой обиды, хоть и с отвращением. — Заманил меня на планету...

— Ты не понимаешь, — оправдывался кузнечик. — Я из принципиальных соображений. Я идейный предатель. Деньги только символ моей предательности. Учти, они разберутся, и наглый офицер будет жестоко наказан.

— Но прежде я накажу тебя, — сказал Удалов.

— Правильно, — обрадовался могильщик. — Не удалось мне похоронить лесного жителя, совершу погребение этого негодяя.

Поверив в серьезность намерений Удалова, кузнечик бросился к стальной двери и принялся стенать и ударяться о нее телом, однако никто не откликнулся на его жалобы.

Могильщик тем временем вытащил из кармана рулетку, легкими, буквально незаметными движениями обмерил кузнечика и сообщил Удалову:

— Это обойдется недорого, можно использовать детский гробик. Оркестра заказывать не будем. Венок один, из желтых лютиков.

Спокойный и деловой тон могильщика произвел на кузнечика удручающее впечатление, и его вопли достигли такого накала, что в корабле началась опасная вибрация и стали образовываться трещины, сквозь которые со свистом уходил воздух. Сирена тревоги частично заглушила крики кузнечика, и Удалов подивился, какая сила жизни, какое стремление к благополучию заложены в этом небольшом теле.

Могильщик протянул руку в направлении к Удалову и, повернув большой палец к дребезжащему полу корабля, сделал известный на аренах Древнего Рима жест, который употреблялся, когда общественность требовала добить поверженного гладиатора.

«Нет», — покачал головой Удалов. Он вспомнил, что представляет здесь гуманистическое передовое общество.

— Может, он еще исправится! — закричал Удалов, но крик его затерялся в прочем шуме.

Так жизнь коварного кузнечика, уже висевшая на волоске, была спасена — неизвестно еще, на благо действующих лиц нашей драмы или им во вред.

Постепенно кузнечик перестал вопить и лишь тихо рыдал, сжавшись в комок у двери и бросая опасливые взгляды на спутников. Могильщик, разочарованный милосердием Удалова, рисовал карандашиком на стене проекты коммунальных катафалков, а Удалов расстраивался из-за того, что нечаянная задержка заставит его пропустить вечернее заседание съезда.

Глава 12, в которой Удалов оказывается в плену и узнает о странной судьбе населения планеты Кэ

Вскоре пленникам приказали покинуть стальную комнату и привели их к выходу из корабля, который опустился на планете Кэ.

Планета встретила Удалова легким грибным дождем, капли которого выбивали веселую дробь по листве деревьев и лепесткам роз. За пределами выжженной и умятой кораблями бетонной площадки местность была покрыта ковром разнообразных цветов, из которого поднималось массивное здание космовокзала. Несказанный аромат обволакивал тело и нежил органы чувств, а мириады бабочек оживляли общую картину, соперничая с цветами яркостью и неожиданностью расцветок.

— Неплохо, — сказал Удалов, который умел ценить заботу о красоте и экологии. — Просто замечательно: если они любят цветы, значит, у них открытые сердца.

Кузнечик почему-то хихикнул, а шедший сзади солдат больно толкнул Удалова прикладом.

Здание вокзала оказалось давно не крашенным, штукатурка осыпалась, но вьющиеся растения придавали руинам живописный и романтический вид.

Над входом в здание висела потрепанная дождями и ветрами выцветшая вывеска: «Добро пожаловать на планету Кэ, где вас ждут всегда!» В здании космодрома было душно и влажно, как в оранжерее. Горшки с резедой и ящики с ландышами стояли на полу, и порой приходилось через них прыгать.

Навстречу офицерам вышел исхудалый толстяк с кожей, обвисшей, как у голодающего слона, и в башмаках не на ту ногу. Толстяк был небрит, нестрижен, нечесан. Он жевал ландыш.

— Привезли? — бросил он коротко.

— Только Удалова, — ответил офицер. — Город успел сбежать.

— Удалов сопротивлялся? — спросил толстяк, почесываясь.

— Куда он денется?

Удалов обратил внимание на странную особенность губ толстяка. Они двигались не в такт словам, будто толстяк не очень умело дублировал кого-то другого. Удалов даже оглянулся, заподозрив какой-нибудь фокус, но рядом никого, кроме солдат, не оказалось.

Кузнечик оттолкнул Удалова и сделал шаг вперед.

— Прошу немедленно провести меня к Его Необозримости, — потребовал он. — Имею секретное донесение.

Неопрятный толстяк удивился, приподнял брови и замер, словно прислушиваясь.

— Нет, — сказал он после паузы. — Сначала разглядим Удалова. Здравствуйте, Удалов.

— Здравствуйте, — кивнул Корнелий. — Я весь на виду.

— Где мое уменьшительное стекло? — спросил толстяк.

Никто не смог ему помочь. Толстяк принялся копаться в складках своей широкой мятой одежды, наконец вытащил откуда-то стекло, приставил его к глазу, отчего глаз несказанно увеличился, и уставился на Удалова. Он рассматривал делегата с Земли минуты две. Удалову даже надоело стоять, и он переступил с ноги на ногу.

— Не производит впечатления, — произнес толстяк разочарованно. — Накормите их и приготовьте к церемонии.

Солдат отвел пленников в столовую. Столовая была недалеко, за перегородкой из ящиков и чемоданов, оплетенных диким виноградом. Стены ее были покрыты коричневой краской, пол заплеван, окна запылены, сквозь трещины в полу пробивалась трава.

Кухни при столовой не было. Только стойка, на которой лежали груды мятых лепестков роз и букетики гиацинтов. Повар с помощником рубили лепестки широкими ножами, а мальчишки на побегушках перемалывали гиацинты в мясорубках. Удалов подумал, что цветочные запахи ему начали понемногу надоедать. Очень захотелось селедки.

Народу в столовой было немного. Ели одно и то же — салат из рубленых лепестков, на второе — кашу из провернутых лепестков. Ели быстро, скучно, равнодушно, хотя порой из уст вырывались удовлетворенные возгласы.

Солдат подтолкнул пленников к стойке, где повар шлепнул им в тарелки по горсти салата, а мальчишки на побегушках положили на блюдца по ложке цветочной кашки.

Взяв свои порции, пленники отыскали свободные места за длинным столом. Могильщик принюхался к пище и сказал:

— Как у нас на кладбище!

— Вы тоже так едите? — удивился Удалов.

— Нет, только нюхаем, а венки потом выкидываем.

Удалов покачал головой, внутренне осуждая черный юмор, а потом посмотрел на соседа по столу. Им оказался небритый молодой человек с тупым взглядом, в пиджаке задом наперед. Ел он размеренно и тихонько ухал. Напротив Удалова питалась старуха в скатерти, накинутой на плечи. Удалов протер грязную ложку но-

совым платком, зачерпнул салата и осторожно поднес ко рту. Как он и опасался, салат из лепестков оказался горьковатым.

— Нет, — вздохнул Удалов. — Так не пойдет. Хоть бы подсахарили.

— Не нравится? — враждебно спросила старуха в скатерти. — Вы только посмотрите — ему нектар не нравится.

— А вам нравится? — удивился Удалов.

— Вздор! — рявкнула старуха. — Всем нравится.

— Я не спорю, — смутился Удалов. — Красиво, элегантно, пахнет приятно. Но ведь это чтобы нюхать, а не чтобы жевать.

— А эфирные масла? — строго напомнил молодой человек в пиджаке.

— Эфирные масла для одеколона и бабочек, — не согласился Удалов. — Хотя с чужими обычаями спорить не буду.

— Странно, — не успокаивалась старуха. — Господам нравится, а ему, видите ли, не нравится. Так что же тебе, любезный, подавать прикажешь?

— Хлебушка бы, — признался Удалов.

— Он хочет хлеба! — воскликнула старуха, не двигая губами. — Мерзавец!

Но при этом глаза старой женщины увлажнились, а молодой человек так шумно и судорожно проглотил слюну, что Удалову стало ясно — от хлеба они бы не отказались.

Наступила тишина. Будто кто-то невидимый, но властный приказал всем замолчать. И тут же люди, словно забыв о еде, стали подниматься со своих мест, выстраиваться в колонну по два и пустились по залу, скандируя, сначала робко и разрозненно, а потом все громче и горячее:

— Да здравствует цветочный салат! Да славятся эфирные масла! Долой хлеб и ненавистные эскалопы!

— Долой! — катилось по залу.

Звенела посуда. Повара, помощники поваров и мальчишки на побегушках аплодировали и кричали оскорбления в адрес белков и углеводов.

Правда, губы у всех двигались невпопад.

Приплясывая, охваченные энтузиазмом, люди продвигались к дверям и исчезали. Наконец последний из них покинул столовую, и остались лишь обслуживающий персонал, солдат и пленники. Солдат как ни в чем не бывало продолжал уплетать цветочную кашу.

Кузнечик презрительно поглядел на него и сказал:

— Они себя заживо губят.

— Исхудали, — согласился с ним могильщик. — Готовый материал для меня. Не планета, а золотые прииски.

— Если вы их переживете на этой диете, — заметил Удалов.

— Не переживет, — криво усмехнулся кузнечик. — Всех вас психически уничтожат.

— А тебя?

— Меня нет. Я подлец, а законченные подлецы дефицитны. Я иногда сам себе поражаюсь. Феноменальная атрофия совести: всех готов продать.

— Удалов, — проговорил могильщик, — надо было нам его ликвидировать на корабле. Похоронили бы давно, и никаких забот.

— Вот видишь, Тори, — сказал Удалов. — Могильщик, может быть, и прав. А если еще не поздно?

— Поздно, — хихикнул кузнечик, показав выпуклыми глазками на солдата.

Солдат вылизал тарелку, потом понюхал ее, подобрал упавший на стол лепесток, встал, подошел к пленникам и сказал:

— Пора, потенциальные!

Следующий час пленники провели в бывшей комнате матери и ребенка, переделанной в изолятор с помощью решеток на окнах.

В изоляторе было пыльно и зябко. Здесь хранились мешки с цветочными семенами. Могильщик храбрился и говорил, что профессионально наслаждается в атмосфере кладбищенского склепа. Удалов быстро ходил, перешагивая через детские стульчики и ломаные игрушки. Вдруг кузнечик воскликнул:

— Ты плохой товарищ, Удалов! Ты эгоист.

— Почему? — удивился Корнелий.

— Коробочка со скорпиончиком где? В кармане?

— Я совсем забыл. Прости, — сказал Удалов.

Он вынул из кармана скорпиончика. Скорпиончик принюхался к холодному воздуху и тут же создал вокруг нормальную атмосферу. В изоляторе потеплело, запахло розами, и узники сбились в кучу, чтобы на всех хватило тепла.

— Странная планета, — сказал Удалов, когда согрелся. — Глаза у всех пустые, едят цветочки, говорят, что хлеба им не нужно, эскалопы, говорят, долой, и вообще вид неопрятный.

— Это объяснимо, — ответил кузнечик. — Весь цивилизованный мир бьется над тайной планеты Кэ, все считают их больными загадочной болезнью. А дело просто — планета попала в плен.

— Так что же ты раньше не сказал? Давно бы уж меры приняли.

— А ты забыл, что я им продался? — спросил кузнечик.

— Не очень выгодно продался, — заметил могильщик.

— Я уже от них отрекся. Поэтому и сообщаю страшную тайну. Тебе, Удалов, первому.

— Ну, рассказывай.

— Рассказывать недолго. Забрели как-то на эту планету микробы. То ли забрели, то ли сами вывелись — в общем, не важно. Отличаются эти микробы от обыкновенных тем, что они мыслящие. Казалось бы, что такого — занимайся созидательным трудом, участвуй в общем братстве Галактики. Так нет, они сами созидать не хотят, а паразитируют в других существах...

— Значит, паразиты! — воскликнул Удалов.

— Ничего подобного, — раздался голос, и дверь в изолятор открылась.

Неопрятный бывший толстяк, который встретил пленных на космодроме, вошел, тяжело ступая по куклам и погремушкам.

— Ничего подобного, — повторил толстяк. — Никакие не паразиты, а глубокоуважаемые господа микроорганизмы.

— А я так и сказал, — поспешил исправиться кузнечик. — Так именно и сказал. Глубокоуважаемые и милостивые господа благородные микроорганизмы.

Что-то внутри толстяка треснуло и заверещало. Толстяк стоял с открытым ртом и покорно ждал, пока эти звуки прекратятся.

— Мы смеемся, — сказал он, когда все смолкло. — А ты, продажный Тори, продолжай. Секретов здесь нет. От нас еще никто не уходил таким же, как пришел. Говори!

Кузнечик отошел от своих товарищей, неловко поклонился и сказал:

— В общем, остальное понятно. Господа микроорганизмы по просьбе жителей планеты Кэ поселились здесь, и тогда жители планеты Кэ обратились с просьбой к уважаемым микроорганизмам, чтобы для большего единения между населением планеты и уважаемыми микроорганизмами последние внедрились внутрь жителей планеты Кэ. С тех пор в каждом жителе планеты Кэ обитает уважаемый микроорганизм и подсказывает ничтожному жителю планеты Кэ ценные мысли. Я правильно излагаю?

— Нет, конечно, — ответил неопрятный толстяк. — Какое уж тут единение! Мы, микроорганизмы, или паразиты, как сказал дорогой Удалов, да не простится ему это хамство, хозяева. Мы приказываем, а люди слушаются. И никакого равноправия. Все делается так, как удобно нам, кхе, паразитам. Это мы, кхе-кхе, паразиты, любим эфирные масла душистых цветов. Поэтому все на планете любят только эфирные масла, разводят цветы, нюхают цветы и жуют цветы. Мы никогда не убиваем пленных. Зачем? Каждый новый человек — домик для одного из нас. Ведь мы быстро

размножаемся. У нас уже очередь на новые тела. Вот теперь и в вас вселимся.

— Только не в меня, — проговорил быстро кузнечик. — Я добровольно и сознательно служу благородному делу.

— А почему не в тебя? Будет в тебе жить мой брат или внук, будет, как ты сам сказал, с тобой в единении, будете вы дружить, и будет он тебе подсказывать, как думать, о чем думать, о чем не думать, когда чего говорить, а когда лучше промолчать. Твоя же цена как агента втрое повысится. Радуйся, дурак!

— Я, конечно, радуюсь...

— Радуйся молча. И ты, могильщик, нам пригодишься. Нам могильщики нужны. Мы все время распространяемся, а наши человеческие тела так несовершенны! Живут мало, дохнут как мухи. Работы тебе хватит.

— Спасибо, — произнес могильщик с чувством. — Мне все эти споры о единении и подчинении чужды, я аполитичен. Мне нужен созидательный труд и заслуженное вознаграждение.

— А вот о вознаграждении забудь, — сказал неопрятный толстяк.

А так как губы толстяка были неподвижны, Удалов уже сообразил, что говорит хозяин толстяка — уважаемый микроорганизм. И понятно стало Удалову, почему люди здесь так плохо одеты, небриты и немыты. Зачем? Микроорганизмам это неинтересно. Они-то голые.

— Я не могу забыть о выгоде. Я деловой человек, — объяснил могильщик.

— А вот вселится в тебя мой дядя, и станет тебе безразлично, за деньги ты копаешь могилы или для собственного удовольствия. Вставайте, пора.

— Куда? — спросил Удалов.

— Во дворец. Там нас ждет Его Необозримость Верховный микроб. Он лично намерен вселиться в тебя, Удалов. В торжественной обстановке. Тело у него хоть и почетное, но старое, малоценное. А твое нам подходит. Особенно ввиду твоей будущей роли в Галактике.

— Моя роль самая скромная, — сказал Удалов. — Не вижу причин обращать на меня особое внимание. К тому же должен вас официально предупредить, что я не какой-нибудь бродяга без рода и племени, а представитель Земли. За мной стоят шесть миллиардов земляков, которые никогда не дадут в обиду своего товарища. Так что, поднимая руку на меня, учтите: вы поднимаете руку на свободолюбивую Землю!

Удалов говорил громко и торжественно. Он даже пожалел, что

рядом нет Коли Белосельского и товарищей по работе, которые бы смогли оценить правильность и убедительность его речи.

Неопрятный толстяк терпеливо дождался, пока Удалов кончит, потом криво усмехнулся и сказал:

— Хорошо излагаешь. Нас не обманули. Верховный микроб будет рад поселиться в твоем теле. А что касается шести миллиардов жителей Земли, то нам приятно слышать о таком количестве носителей. Какие перспективы для нашего размножения! Так что Землю мы тоже покорим! Может быть, даже с твоей, Удалов, помощью.

Глава 13, в которой Удалов встречается с Его Необозримостью Верховным микробом и с девушкой Тулией

— Перед Его Необозримостью вести себя культурно, — предупредил неопрятный толстяк, ведя пленников по коридорам космопорта к выходу на улицу. Сзади топали солдаты. — Его Необозримость не выносит хамства.

— А почему вы его называете Необозримостью? — спросил Удалов.

— Во-первых, из уважения к его уму и талантам, — ответил толстяк. — А во-вторых, он воистину огромен. Ты не поверишь, но Верховного микроба можно разглядеть невооруженным глазом.

— Не может быть! — подобострастно воскликнул кузнечик.

— И он продолжает расти, — добавил толстяк.

Полдороги они проехали в старом открытом автомобиле, но на одном из поворотов двигатель заглох, и завести его не удалось. Шофер лениво копался в моторе, потом задремал на дороге, а когда солдаты принялись его лупить, микроб, который жил в шофере, потребовал прекратить избиение, потому что от этого в теле шофера возникала неприятная для микроба вибрация.

Пришлось вылезать из машины и идти дальше пешком, что было нелегко, так как с улиц давно уж никто не убирал сор и отбросы. На одном из перекрестков пришлось остановиться. По улице медленно двигалась демонстрация. Демонстрация состояла из нескольких сот кое-как одетых и полуодетых женщин в цветочных венках и гирляндах, которые несли коряво написанные плакаты и лозунги. Кое-какие из них Удалов запомнил: «Мой микроб всегда со мной», «Ни шагу без микроба», «Порадуем хозяев повышенной

рождаемостью!» Многие несли круглые щиты с тремя буквами П. Буквы по-разному располагались на щитах.

— Что это значит? — спросил Удалов у неопрятного толстяка.

— Послушание-Прилежание-Простота. Наш главный лозунг. Нравится?

— Не нравится, — честно ответил Удалов.

— А мне нравится! — сказал кузнечик. — Я просто счастлив видеть такую стройную организацию населения, такое единодушие, такую любовь к микробам!

— Попробовали бы они иначе, — заметил толстяк. Потом он поднял руку и закричал: — Старайтесь, дорогие женщины! Мы с вами!

— Ура! — закричали нестройно женщины.

Как только демонстрация миновала, толстяк поспешил через дорогу. Солдаты лениво семенили сзади, нюхая розочки, вставленные в дула автоматов.

Дворец бывшего Президента планеты Кэ, как нетрудно догадаться, был в плачевном состоянии. Штукатурка осыпалась, некоторые колонны рухнули, их обломки загораживали подъезд ко дворцу, отчего туда проходили по вьющейся тропинке, поглядывая наверх, не свалится ли еще что-нибудь.

Никто не охранял входа, да, видно, на этой планете в охране не было смысла, потому что в каждом преступнике сидел бдительный наблюдатель, а к борьбе за власть между собой микробы еще не приступили.

В коридорах и холлах дворца слонялись тусклые люди, человек, на котором были только ботинки, спал на ступеньках, большой бак с цветочным отваром стоял на лестничной площадке, лакей в рваной ливрее мрачно жевал гладиолус. При виде поднимающихся по лестнице солдат с пленниками он вскочил, изобразил на лице радость и слишком громко закричал:

— Не желаете ли нектара? Нет ничего вкуснее нектара!

— Спасибо, на обратном пути, — вежливо ответил Удалов. Наконец они вошли в центральный зал, где их ожидал предупрежденный заранее Верховный микроб. Увидеть его невооруженным глазом Удалов не мог, потому что микроб был спрятан в теле немощного старика, бывшего Президента планеты. Старик, хранивший в себе микроб, сидел на возвышении в золотом потертом кресле, а вокруг толпились сановники.

Неопрятный толстяк, обогнав пленников, прошел прямо к креслу и объявил:

— Корнелий Удалов с Земли и взятые с ним лица просят разрешения приблизиться.

— Молодец, молодец, — произнес добрым голосом старик, поглаживая морщинистой рукой белоснежную жидкую бороду. — Значит, ты и будешь Удалов?

Глазки старика уперлись в лицо Удалову, и тому показалось, что за зрачками таится крупный микроб. Но, разумеется, это было не так.

Удалову было трудно смириться с мыслью, что старик перед ним не настоящий, а только оболочка и сановники, стоящие по бокам, тоже только оболочки. Он не удержался и задал неделикатный вопрос:

— Простите. А вот вы, человек, в котором сидит паразит, как вы это ощущаете?

И, к его удивлению, старик ответил совершенно другим голосом:

— Погано... — И тут глаза его остекленели, губы сжались, и через ноздри прозвучало окончание фразы: — Я наслаждаюсь постоянным присутствием Его Необозримости. Я счастлив быть оболочкой.

— Понимаю, — вздохнул Удалов, — как же, понимаю.

И только теперь до него дошел весь ужас его положения. Раньше все было не очень реально. Ну попал в плен, с кем не бывает, ну привезли во дворец, понятно... Но когда он увидел, как остекленели, застыли глаза несчастного Президента, когда заговорил в нем микроб, Удалов сжался. Даже сердце застучало с перебоями...

— Как доехали? — спросил Президент, подергивая бороду. — Вас хорошо разместили?

— Что? — спросил Удалов, почти не слыша.

За него ответил кузнечик:

— Мы отлично доехали и удобно устроились, Ваша Необозримость. Мы рады, что увидели лично вас!

— Меня не видно, — сообщил Президент. — Мне говорили, что ты продажный и неумный агент. Это так?

— Не умен, — поспешил согласиться кузнечик. — Совершенно недостоин быть оболочкой уважаемого микроба.

— А нам твой ум ни к чему, — раздался мелодичный женский голос.

Сановники засмеялись.

Удалов вздрогнул и обратил взор в направлении голоса. В толпе придворных, не замеченная раньше, стояла его возлюбленная.

— Тулия! — закричал Удалов. — Дорогая! Мы встретились! — Он сделал шаг к девушке и простер вперед руки.

— Что с ним? — удивился Президент.

— Он влюблен в меня, — ответила со смехом прекрасная Тулия. — Когда я выполняла твое задание на Альдебаране и попыталась выкрасть Удалова с пересадочной станции, мне пришлось изобразить некоторую заинтересованность в этом барашке. Вот он и попался.

Сановники, сам Президент, солдаты и даже неопрятный толстяк чуть не умерли от хохота. Оказалось, что и у микробов бывает чувство юмора. Захихикал даже кузнечик, и мрачно, не поднимая опущенных углов губ, улыбнулся мухомор-могильщик.

Удалов был готов провалиться сквозь землю. Он опустил руки, и они плетьми повисли вдоль тела. Он чувствовал, как позорная алая краска залила ему щеки. Он судорожно проглотил слюну и, когда смех немного стих, произнес:

— Тулия, ваша мама не имеет от вас никаких известий и очень беспокоится.

— Мама! — воскликнула девушка, но тут же гнездящийся в ней микроб перехватил ее голос и сказал: — У меня нет отца и нет матери. Мы все родственники Его Необозримости Верховного микроба.

И Удалов понял, что больше ему разговаривать с этой девушкой не о чем. И понял другое: если удастся ему, если повезет избавиться от ужасной угрозы стать оболочкой для микроба, он сделает все, что в его силах, чтобы спасти и вернуть к матери и к учебе в университете эту несчастную девушку. И конечно, спасти остальных жителей планеты Кэ.

Глава 14, в которой Удалов вступает в нечаянное единоборство с Верховным микробом

— Ну что ж, начнем, пожалуй, — сказал скрипучим голосом Президент.

— С кого начнем? — спросил неопрятный толстяк.

— Со второстепенных персонажей, — решил старик. — Например, с вашего неудачливого агента.

— Я удачливый! — закричал кузнечик. — Я вам доставил Удалова! Совершенно бесплатно, из идейных соображений. Меня можно отпустить.

— Сейчас ты и получишь награду, — ответил Президент. — Высшую награду. Ты возводишься в высокий чин носителя моего двоюродного брата, который только вчера потерял предыдущее тело. Приступайте.

Неопрятный толстяк с одним из солдат прошел в угол зала, где за колоннами лежало нечто, покрытое коврами. Они приподняли ковер за угол, оттянули на себя, и под ковром обнаружилось несколько мертвых тел.

— Какой из них ваш кузен? — спросил толстяк.

— По-моему, первый справа, — сказал Президент.

Вдруг, к ужасу Удалова, из второго слева мертвеца послышался голос:

— Нет, я здесь.

Толстяк вытащил из своего воротника иголочку и нагнулся к мертвецу. Удалов отвернулся, чтобы не видеть этого зрелища. Кузнечик потерял сознание и с хрустом упал на пол. Прекрасная Тулия мелодично смеялась.

Неопрятный толстяк возвратился к пленникам, осторожно неся перед собой иголку и прикрывая ее ладонью, как огонек свечи. Удалов зажмурился. Раздался отчаянный крик Тори. Потом была пауза. Корнелий открыл глаза и увидел, что кузнечик медленно поднимается с пола.

Кузнечик отряхнул пыль с золотых штанов, потянулся, его лицо исказилось неестественной улыбкой, и он сказал, почти не шевеля губами:

— Спасибо, кузен, все в порядке, а то я за три дня соскучился без движения.

И, подчиняясь приказу своего нового хозяина, кузнечик пустился в пляс.

Раздались аплодисменты сановников и солдат.

— Тори! — воскликнул Удалов. — Тори, ты меня слышишь?

— Слышу, — ответил Тори, не переставая плясать. — Я счастлив. Теперь я буду спокойно наслаждаться нектаром и ни о чем не думать.

— Браво, — сказал Президент. — Следующий!

Операция с могильщиком заняла всего минуту, потому что иголочка с микробом была уже подготовлена. Могильщик пытался сопротивляться, и Удалов даже рванулся, чтобы прийти к нему на помощь, но солдаты быстро подавили бунт, и еще через пять секунд могильщик объявил, что он тоже счастлив.

Остался один Удалов. Один несчастливый во всей этой большой удовлетворенной компании.

— Я займусь им лично, — сказал Президент, сходя с возвышения.

Солдаты подперли Удалова автоматами в спину, чтобы он не отступил, и Удалов решил, что не уронит своего достоинства даже в такой критической ситуации. Он замер и высоко поднял голову.

Старик шел с трудом, сановники поддерживали его под локти, и Удалов даже успел подумать, что, наверное, нельзя кормить одними лепестками такого пожилого и привыкшего к разносолам господина.

Не доходя до Удалова двух шагов, старик вдруг остановился. Внезапная тревога исказила его лицо.

— А вы уверены, что это тот самый Удалов? — спросил он.

— Совершенно уверены, — ответила прекрасная Тулия и достала из сумочки сложенный вчетверо лист бумаги. — Вот что написано в предсказании Острадама: «И прибудет на съезд делегат Земли Корнелий Удалов. И прославится на съезде большими делами. И будет от него страшная угроза могуществу микробов. И станет он...»

— Хватит, — прервал девушку Президент. — До сих пор Острадам не обманывал. Хотя предсказания его туманны. Тебя зовут Корнелий? Ты с Земли?

— Меня зовут Корнелий Иванович Удалов, — сказал пленник. — Я прилетел с Земли, из города Великий Гусляр, и я клянусь посвятить все свои силы освобождению Галактики от паразитов.

— Тот самый, — сказал Президент. — Без сомнения. Ты от нас на Земле ушел, ты от нас на Альдебаране ушел, но здесь тебе деваться некуда.

Президент подошел вплотную, сложил губы трубочкой и заверещал:

— Скорее! Я хочу в новое тело. Мое старое умирает.

Тут Президент начал покачиваться, и ноги его подкосились.

Но Удалова это не спасло. Падающий Президент успел обнять Удалова старческими руками и вцепиться с такой силой, что стряхнуть его не было никакой возможности. Президент потянулся мертвеющими губами к губам Удалова. Несмотря на протестующие крики сановников, Удалову удалось отклонить голову, но что-то мелкое и шустрое пробежало у него по щеке и нырнуло в ноздрю. Тело Президента, лишенное хозяина, сползло на пол, и умирающий старик прошептал:

— Уничтожайте паразитов... пить!

— Воды! Дайте ему воды! — закричал Удалов. — Человеку плохо!

Он начал нагибаться к бездыханному Президенту, но что-то случилось с его позвоночником, что-то замкнулось в его грудной клетке, и Удалов замер в неудобной позе, услышав внутренний голос:

— Не надо, Удалов, не беспокойся. Все в порядке. Ты теперь не одинок в этом мире. В тебе есть верный и неотлучный друг. Угроза

существованию микробов ликвидирована. И мы с тобой вместе будем бороться за счастье и благоденствие паразитов.

— Нет! — закричал было Удалов, но крик исчез, не долетев до рта, а вместо этого кто-то удаловским голосом сказал: — Отличное тело. Подвижное, крепкое, вполне достойное меня.

Раздались радостные крики сановников, к которым присоединились счастливые кузнечик и могильщик, а больше всех радовалась прекрасная Тулия, в которой, как узнал Удалов, жила сама Верховная матка племени микробов.

— Погодите, — мысленно сопротивлялся Удалов. — Вы не имеете права! Я буду жаловаться!

Но в ответ внутри Удалова, зарождаясь где-то в районе гайморовой полости, раздался тихий удовлетворенный смех, который перешел в убеждающий, мягкий и чем-то даже добрый голос Верховного микроба:

— Отныне, Удалов, мы с тобой будем жить безмятежно, питаться нектаром и беспрекословно выполнять все мои приказания. Мы будем кричать на всех перекрестках, что мы счастливы. Мы будем ратовать за «послушание, прилежание и простоту». И ничего нам не надо, кроме моего счастья... А задумайся, как хорошо беспрекословно подчиняться, сколько это снимает с тебя проблем и забот. За тебя думает паразит, решение за тебя принимает паразит, даже зубы по утрам чистить необязательно, потому что паразиту плевать, чистые у тебя зубы или грязные... Мы с тобой, Удалов, покорим всю Вселенную, мы принесем счастье Галактике, мы принесем спокойствие Земле... Что такое? Что такое? Кто сюда идет?

Вдруг внутренний голос Удалова замолк, и Корнелий, все еще скованный волей Верховного микроба, обрел способность глядеть по сторонам и видеть, что творится вокруг.

Сановники о чем-то беседовали, могильщик принялся снимать мерку с трупа Президента, хотя, видно, в этом не было нужды, потому что солдаты уже приготовили ржавые крючья, чтобы оттащить труп старика на свалку. Прекрасная Тулия, не подозревавшая о том, что Верховный микроб столкнулся с какими-то неприятностями в недрах удаловского организма, подошла к нему и сказала:

— Полагаю, что моя оболочка все еще вызывает в тебе нежные чувства. Так что можешь пользоваться. И пока вы с Тулией будете любить друг друга, мы с Его Необозримостью займемся плодотворным обсуждением вопросов дальнейшей экспансии.

Глаза Тулии были пусты и показались Удалову совсем не такими прекрасными, как прежде.

— А как же любовь? — спросил он.

— Зачем тебе любовь? — удивилась Тулия. — Главное — простота.

— Прекратите! — произнесли губы Удалова помимо его воли. Видно, внутри его творилось что-то неладное. — Сейчас же отпустите меня!

— Что случилось? — всполошилась Тулия. — Что с тобой?

— На меня напали! Здесь полчища бандитов! На помощь! Спасите!

Тулия ударила Удалова по голове кулачком.

— Прекратите, подрыватель! — закричала она. — Оставьте в покое моего сына! Ты на кого поднял руку, подлец!

— Я совершенно ни при чем! — воскликнул в ответ Удалов, но слова получились смятыми и неубедительными, потому что сквозь рот Удалова рвались отчаянные вопли страдающего паразита. Боль Верховного микроба передалась Удалову, и его начало корчить и мотать, разболелись одновременно все зубы, ломило голову и взрывалось в ушах. Удалов помимо своей воли совершал нелепый танец, закидывая руки, выпячивая живот и стуча ногами. Успела мелькнуть мысль, что он сейчас со стороны, наверно, похож на древнего шамана, но тут же эта мысль исчезла и наступило помутнение сознания. И как будто сквозь туман к Удалову тянулись гневные руки сановников и его бывших товарищей — кузнечика и могильщика, все вокруг вопили, грозились убить Удалова и даже старались его убить, но мешали друг другу, и это Удалова спасло.

А тем временем изо рта Удалова продолжали вырываться страшные проклятия.

— Я гибну! — вопил Верховный микроб. — Меня окружили! Здесь хищные враги! Они едят меня! На помощь... Я не могу вырваться... Предательство... измена! Аааа...

И последний крик Верховного паразита угас, превратившись в невнятные всхлипывания. В ужасе сановники отшатнулись от Удалова, и он, избитый, измученный происходившей в нем борьбой, лишился чувств.

Глава 15, в которой Удалов попадает в подземелье и встречается с предсказателем Острадамом

Когда Удалов пришел в себя, оказалось, что он лежит на холодном грязном полу тронного зала. В зале слышался гул голосов, но никто более Удалова не бил.

Удалов с трудом сел. Голова болела, все члены тела были измучены и не хотели подчиняться. Когда удалось сфокусировать зрение, оказалось, что сановники столпились вокруг золотого кресла, на котором сидела Тулия, и обсуждали создавшееся положение. На Удалова никто не обращал внимания.

Кузнечик суетился у трона, а могильщик стоял с солдатами неподалеку и с сочувствием смотрел на Удалова.

В этот момент сановники отошли от трона, и Тулия, обратив строгий, начисто лишенный любви взгляд к Удалову, сказала:

— Мы пришли к выводу, что в тебе, Удалов, несмотря на дезинфекцию, сохранились враждебные нам бактерии и вирусы... Разумеется, мы могли бы поместить в тебя для проверки еще одного из наших братьев, но риск его гибели слишком велик, и потому лучше тебя уничтожить. Надеюсь, ты согласен с нами, что такое решение разумно?

— Нет, — возразил Удалов. — Совершенно дикое решение.

— Но ведь ты убил лучшего из нас!

— Я никого не убивал. И никто не просил его в меня соваться.

— Удалов, нам, микробам, суждено покорить всю Галактику, и не пытайся встать на пути исторического регресса. Ты приговорен к уничтожению, однако исполнение приговора откладывается. Мы рассудили, что если ты нам опасен, то еще опаснее вся Земля. Вместо одного врага мы получили теперь шесть миллиардов врагов. А это нас удручает. Следовало серьезнее отнестись к предсказанию Острадама и уничтожить тебя на Альдебаране.

— Опоздали, — согласился Удалов. — Ваше дело проиграно. Учтите, что я самый средний землянин, а у нас есть очень умные люди.

— Мы учитываем, — сказала прекрасная Тулия. — Поэтому перед уничтожением ты подвергнешься пыткам для добровольной выдачи информации, которая позволит нам ликвидировать Землю. Увести его!

Солдаты знаками показали Удалову, чтобы он двигался к выходу, и Удалов не стал сопротивляться. Он так устал, что мечтал только об одном — немного поспать. А там видно будет. И он спокойно пошел к выходу.

На улице так же светило солнце, плыли кучевые облака, по соседней улице шла очередная демонстрация за увеличение потребления нектара, и никому не было дела до одинокого человека, который попал в переплет и вполне мог сгореть на костре подобно Жанне д'Арк, Джордано Бруно и Тарасу Бульбе.

Перейдя площадь, Удалов оказался перед входом в тюрьму. Предупрежденный о его приходе, тюремщик открыл двери, а сам

опасливо отошел, и это было понятно, так как на планете Кэ не было смысла держать преступников в тюрьме, когда их можно было использовать и перевоспитывать более надежным образом.

Скрипели ржавые двери, пыль поднималась с лестничных ступенек, и путешествие показалось Удалову бесконечным.

Наконец он добрался до нижнего этажа подвалов. Железная дверь с глазком отворилась перед ним, и Удалов оказался в холодном каменном мешке, освещенном голой лампой под потолком. Здесь стоял табурет, на полу валялась куча гнилой соломы да в углу виднелась черная дыра в полу — простейшее туалетное устройство.

— Ну что ж, — сказал Удалов сам себе, — еще не вечер.

Глазок в двери приоткрылся, и женский голос произнес:

— Нет, вечер.

Удалов узнал голос прекрасной Тулии и крикнул в ответ:

— Я требую справедливого суда!

— Суд уже состоялся, — заявила Тулия. — Ты приговорен к сожжению на костре за убийство Президента этой планеты.

— Постойте! — возмутился Удалов. — Но ведь суда не было и я ни в чем не признавался! И Президента я не трогал. Вы его сами лепестками уморили.

— Не важно! — ответила Тулия из-за двери. — Копия приговора после вынесения наказания будет послана на СОС и на Землю, чтобы все морально осудили убийцу.

Четкие шаги Тулии удалились, и наступила тишина, которую нарушали лишь капли, падавшие с потолка каменного мешка. Удалов вытащил из кармана коробочку со скорпиончиком. Скорпиончик посмотрел на Удалова с осуждением, видно, никогда еще не попадал в такую ситуацию. Потом мелко задрожал хвостом и начал согревать промозглый воздух. Запахло флоксами, и Удалов немного приободрился.

Согревшись, Удалов свернулся калачиком на соломе и задремал, во сне увидел родной город, жену Ксению в процессе приготовления блинов, сына Максимку, бегающего по зеленой лужайке перед церковью Параскевы Пятницы с сачком для ловли бабочек в руке, а также школьного друга Колю Белосельского, который уверенно говорил: «Не падай духом, Корнелий! Мы не оставим тебя в беде! Мы не поверим клевете, которую распространяют о тебе злые силы реакции! Вся Земля, затаив дыхание, следит за твоей неравной борьбой за справедливость и национальное освобождение трудолюбивых обитателей планеты Кэ от жестоких угнетателей. Мы с тобой, Корнелий!» Застучали барабаны, и Корнелий проснулся.

Оказалось, что кто-то негромко стучит в стену. Но не равномерно, а прерывисто, словно это азбука Морзе, которую Удалов, к сожалению, не знал.

Удалов протянул руку к стене и, отогнав мокрицу, постучал в ответ.

— Не падай духом! — услышал он незнакомый голос.

Удалов поднял голову и увидел, что в дыре под потолком камеры появилась человеческая голова. Голова подмигнула Удалову и повторила:

— Главное, не падать духом.

— Это вы стучали? — спросил Удалов.

— Я. — Человек оглушительно чихнул и сказал: — Извините, у меня насморк.

— Что вы здесь делаете?

— Я не делаю, я сижу в соседней камере и жду смерти.

— Кстати, я тоже, — сказал Удалов. — Удивительное совпадение. Вы тоже кого-нибудь убили?

— Нет, — ответил человек. — Я самоубийца. Разрешите, я к вам слезу, а то мне очень неудобно разговаривать на весу.

— Разумеется, — согласился Удалов. — Я буду рад.

— Тогда подойдите поближе и подставьте мне спину. Вы же не хотите, чтобы я сломал ноги?

— Ни в коем случае, — сказал Удалов и подошел к стене.

Человек протиснулся в дыру, тяжело спрыгнул на спину Удалова, съехал по ней на пол и оказался коренастым карликом с пышной смоляной шевелюрой.

— Спасибо, — поблагодарил карлик, запахиваясь в парчовый халат и усаживаясь на единственную табуретку. — Мне очень приятно с вами познакомиться, Корнелий Иванович, потому что я до определенной степени виновник всех ваших несчастий.

— А я думал, кто же во всем виноват? — сказал Удалов. — Зачем же вы так?

— Исключительно из-за тщеславия и любви к роскоши. У вас закурить не найдется?

— Не курю.

— Знаю. Это я так, для того, чтобы переменить неприятную для меня тему. Я ненавижу доставлять людям неприятности, всю жизнь с этим борюсь. И вы представить себе не можете, сколько неприятностей я им доставил. И себе тоже.

— А вы кто будете по специальности?

— Предсказатель.

— Что-то вроде фокусника?

— Хуже, — вздохнул карлик.

Они помолчали. Потом Удалов сказал:

— Вот меня здесь все знают, а представиться забывают.

— Мой псевдоним — Острадам. А имя мое никому не известно.

— Очень приятно. А меня откуда знаете?

— Ничего удивительного. Вы, Корнелий, личность известная и перспективная.

— Если бы я был необыкновенным, — возразил Удалов, — меня не пригласили бы на СОС. В обыкновенности моя сила.

— Тоже правильно. Но вы же самый обыкновенный из всех обыкновенных. Это уже уникальность. У вас закурить не найдется?

— Я не курю.

— Знаю. Простите. Измучился без курева. Третью неделю держат меня здесь на одном цветочном нектаре. Скорей бы уж казнили.

Карлик расчихался, и прошло минуты две, прежде чем он смог продолжить разговор.

— Погодите. — Удалова посетило страшное подозрение. — А как же вы?

— Чего?

— Как же вас казнить, если в вас сидит уважаемый паразит?

— Нет во мне паразита, — ответил карлик.

— Наверное, это провокация, — сказал Удалов. — Здесь во всех паразиты. Даже во мне был, только я его укокошил.

— Знаю. Вся планета знает. Хотя твоей заслуги, Корнелий, в этом не было. Случайность, скажем, отсталость Земли. Во всей Вселенной вирусы и прочие микроорганизмы побеждены, а на Земле еще существуют.

— А вы подумайте, — возразил Удалов, — кому в результате лучше? У меня иммунитет такой, что даже Верховного микроба победил. А вы все сдаетесь на милость паразитов.

— Я не сдаюсь, — ответил Острадам. — Я предпочел смерть.

— Что-то не верится, — сказал Удалов. — Паразиты бы этого не допустили.

— Как видишь, допустили.

— А можно, я тебя одним вопросом проверю? — спросил Удалов.

— Валяй.

— Ты любишь цветочные лепестки?

— Хуже дряни в Галактике еще не придумано.

— Да, похоже, что нет в тебе микроба. Так почему же они в тебя не залезли?

— Это долгая история. А у нас времени мало.

— А ты вкратце расскажи. Конспективно.

— Постараюсь. Дело в том, что в молодости я любил путешествовать. И однажды за черной дырой, в двойной туманности, у белого коллапса угодил в водоворот времени, где перепутано прошлое и будущее.

— Ну и что?

— Я из этого водоворота полгода выбраться не мог. Чего только не насмотрелся! Кое-что запоминал, в блокнот записал. А дальше все просто. С твоим, Удалов, жизненным опытом и проницательностью тебе нетрудно понять, как велик был соблазн прославиться, когда я вернулся и увидел одного некрупного политического деятеля, о котором я в водовороте подсмотрел, что лет через пять он станет премьером своей страны...

— Так ты все про будущее знаешь? — спросил Удалов.

— Какое там! Ничего подобного. Случайные клочки. Даже не всегда известно, что уже было, а что будет. А уж тем более сомнительно, где происходит действие.

— Так как же ты с такой недостаточной информацией в предсказатели полез?

— А чем я хуже других предсказателей?

— А разве лучше? Людей обманываешь.

— Не скажи, Удалов. Ведь другие предсказатели вообще ничего не знают, а я недостаточную информацию имею. Вот и преуспел.

— Как же тебе с такой информацией удалось преуспеть?

— Про премьера я угадал. Кое-что еще вспомнил. Тоже угадал. Известность моя росла. Ну и опыт ширился. Ведь людям надо давать, что они хотят. Они и довольны. Если я угадывал, они мне верили, запоминали, а если ошибался, находили мне оправдание, забывали. И стал я постепенно гордостью моей планеты.

— Сомнительная слава, — сказал Удалов.

— Не спорю. И должен тебе сказать, что слава моя особенно выросла, когда я занялся предсказаниями в космическом масштабе. В моем блокноте накопилось множество имен и названий. Некоторые я расшифровал, другие нет, и стал я употреблять их в своих предсказаниях. И тоже не без попадания в цель. Представляешь, Удалов, нежданно-негаданно приходит нота из какого-нибудь инопланетного посольства: какое вы имеете право предсказывать трагическую гибель нашему любимому диктатору? Я молчу, а диктатор вскоре попадает в автомобильную катастрофу. Кто об этом предупреждал? Я предупреждал. Но погубил я себя тем, что переоценил свои силы. Обленился, устал, захотел свободной и вольготной жизни и решил покончить с будущим одним ударом. Составил общее предсказание на двадцать лет вперед. Войны

предсказал, смерти, художественные выставки, полярные сияния — в общем, побаловался на славу. И в конце пошутил: предсказал собственную смерть. Ха-ха!

Но Удалов не засмеялся. Он спросил серьезно:

— А основания у тебя к этому были?

— Ровным счетом никаких оснований, — сказал карлик. — Но пойми меня, к своей работе я относился халтурно, а двадцать лет показались мне гигантским сроком.

— Нет, — возразил Удалов, — двадцать лет — это совсем не такой большой срок. Я, как сегодня помню, влюбился в одну девушку...

— Ты чего замолчал? Говори. Я не выдам.

Удалов покачал головой. Нахмурился:

— Нет, я просто забыл. Вроде бы влюбился, но в кого, почему и чем это кончилось... забыл.

— Бывает, — сказал предсказатель. — У меня хуже получилось. Из-за моей великой славы и непоколебимой репутации. Поверили мне, размножили мое всеобщее предсказание в миллионах экземпляров, развешали во всех общественных местах и в частных жилищах, осыпали меня золотом, предоставили все жизненные удовольствия. Растолстел я страшно. У тебя закурить не найдется?

— Я не курю, — сказал Удалов.

— Почему же мне кажется, что ты куришь? Странно. И вот началась на моей планете нелепая жизнь. Допустим, предсказал я на июнь войну с соседями. Наше правительство послушно собирает армию и начинает войну. Даже никому в голову не приходит, что я могу ошибиться. Только война кончится, а по моим предсказаниям — проливные дожди и наводнение. И хоть ни одного дождя не намечается, открывают плотины и заливают поля и города. Предсказал я, допустим, смерть председателя землевладений. И что же ты думаешь? Он с горя проводит ночь перед смертью в кабаках, нажирается как свинья и помирает от несварения желудка. Не предсказал бы я, жил бы он и сегодня. Понимаешь, куда я клоню?

— Грустную историю ты рассказываешь, — сказал Удалов. — Историю о человеческом легковерии и твоей безответственности.

— Все это я понимал, не такой уж дурак. Но ты и меня пойми! Даже если бы я вышел на площадь и сказал народу: обманываю я вас, родимые, не верьте мне, грешному! Что бы из этого вышло?

Удалов задумался и ответил правдиво:

— Полагаю, ничего бы не вышло. Но поверили бы тебе. А твои предсказания всей Галактики касались?

— С другими планетами я осторожнее был. Опасался конфлик-

тов. Но некоторые туманные сведения поместил в свою сводку, не удержался. О тебе, например.

— Что обо мне? — спросил Удалов.

— А разве тебе микробы не зачитывали?

— Читали. Что я им угроза и так далее.

— Так у меня написано следующее: «И прибудет на съезд СОС делегат Земли Корнелий Удалов. И прославится на съезде большими делами. И будет от него страшная угроза могуществу микробов. И станет он...»

— А дальше что?

— А дальше я и сам не знаю. Понимаешь, Корнелий, в водовороте времен увидел я тебя в каком-то большом зале. Там все кричат: «Слава делегату Земли Корнелию Удалову! Изберем его! Он достойный! Он — гроза микробов...» И так далее в этом роде. Полная абракадабра с точки зрения моего тогдашнего положения.

— А может, еще чего увидел? — спросил Удалов недоверчиво.

— Может, и увидел, — улыбнулся карлик, показав мелкие желтые зубы. — Но считай, забыл.

Удалов не стал настаивать. Настоишь, а окажется, что карлик видел твою смерть. И будешь ты переживать... Нет, лучше не знать своего будущего.

— Жил я безмятежно девятнадцать лет и несколько месяцев. Вдруг ощущаю, стали на меня как-то странно посматривать окружающие. И дружат уже не так горячо, и девушки меня меньше любят, а родственники с каждым днем все настойчивее намекают, что пора бы мне составить завещание. Проснулся я однажды утром, и на меня снизошло озарение! Ведь моя смерть надвигается! Они ее все ждут не дождутся. Я им за последние двадцать лет осточертел до безумия. Представляешь, все время поглядывай в мой списочек: то на войну идти, то на похороны... Ой, подумал я, если сам в назначенный день не погибну, они меня задушат! Ни минуты лишней не дадут прожить. Ни друзья, ни родственники, ни общественность. Смотрю на календарь — а жизни мне осталось чуть больше месяца. У тебя закурить... Ах да, ты не куришь.

Карлик замолчал, задумался. Удалов не посмел его торопить, хотя стал нервно прислушиваться, не приближаются ли к двери шаги. В любой момент могли войти палачи.

— В тот же день вышел я из дому, будто бы за сигаретами, купил в ближайшем театральном магазине темные очки и рыжий парик — и прямым ходом на космодром. Сел в первый же корабль и был таков. Только мы вышли в открытый космос, как нас догнал военный корабль и взял меня в плен. Оказалось, это была работорговая экспедиция микробов с планеты Кэ. Согнали всех пассажиров в салон и начали внедрять в нас микробов. Дошла очередь до меня, я стал сопротивляться, потерял в борьбе очки и парик. И тут меня узнали. Видели в газете мою фотографию. Я тогда не знал, что микробы, как прочли мое туманное предсказание об угрозе Удалова, всполошились. Пожелали со мной встретиться. И, представляешь, я попадаюсь к ним в лапы! «Ты что это летишь инкогнито?» — спросили они меня. Я ответил честно: «Поглядите в мое комплексное предсказание. Жить мне осталось три недели». Тогда они привезли меня сюда и посадили в подвал. Пригрозили, что, если не скажу им все, что знаю об удаловской угрозе, они приблизят мою смерть. Конечно, это все шутки. Мою смерть они приблизить не смеют. Зато и внедриться в меня не пытаются. Кому хочется занимать свободную квартиру всего на три недели?

Карлик закончил. Удалов подошел к двери. В коридоре было тихо.

— Значит, эти микробы меня с самого начала опасались?

— Мне все верят, — произнес гордо карлик.

— Ну уж не все, — сказал Удалов. — В Великом Гусляре я ни одного не видел.

— Земля — окраина Галактики, — сказал карлик, который в гордыне своей бывал неделикатен.

— Тогда чего ж они на Земле меня не задержали?

— Не успели. Они, как я слышал, позвонили какому-то Белосельскому, чтобы он тебя на съезд не пускал.

— Я с ним в школе учился, — сказал Удалов. — Хороший человек, не подведет. Если бы он здесь был, наверняка бы придумал, как нас с тобой спасти. Он и в школе был отличником.

Далеко, в недрах тюрьмы, послышались шаги палачей.

— Ну вот, — вздохнул Удалов. — Придется, видно, погибать.

— Нет, погибать нельзя, — решительно заявил карлик. — Не могу я этого допустить. Профессиональная гордость не позволяет.

— Ну при чем тут твоя профессиональная гордость, когда тебе со дня на день помирать пора?

— Не обо мне речь. Я предсказал, что ты прославишься на съезде большими делами? Я предсказал, что от тебя будет страшная угроза микробам? Если тебя замучают, мое предсказание не сбудется. Это позор, который будет преследовать меня и после смерти. Пошли. Будем тебя спасать.

— Как? — спросил Удалов, прислушиваясь к шагам палачей.

— Лезь в дыру, через которую я сюда проник. Давай я подсажу тебя, а ты потом мне руку дашь.

Так они и сделали. И вовремя. В тот момент, когда ноги карлика скрывались в дыре, дверь в камеру Удалова открылась, и вошли палачи в водолазных костюмах.

Глава 16, в которой рассказывается о событиях, вызванных исчезновением Удалова

Удалов, переползавший, обдирая колени, в соседнюю камеру подземной тюрьмы на планете Кэ, и не подозревал, что его исчезновение уже вызвало цепную реакцию значительных событий в разных местах Галактики.

На самом СОС, когда Удалов не появился на вечернем заседании, его отсутствие было замечено. Все-таки не последний человек на съезде.

Послали в гостиницу. В гостинице Удалова тоже не обнаружили.

Начали всех опрашивать, а так как делалось это организованно, в масштабе всей планеты, то поговорили и с уборщицей из Атлантиды. Уборщица рассказала, что Удалов сгорает от любви к ее пропавшей дочери и вполне мог отправиться на поиски своей возлюбленной. Заглянули в кино и увидели там фильмы из юношеских воспоминаний Корнелия Ивановича, принялись искать кузнечика. А кузнечик тоже пропал. Поиски продолжались до вечера, а вечером на планете Сапур обнаружили покинутый корабль, в котором туда прилетели Удалов с кузнечиком. В корабле еще сохранились микроследы пропавших и следы неизвестного третьего лица, которое в материалах следствия именовалось «Х», хотя на самом деле это был могильщик.

Загадка исчезновения Удалова встревожила весь съезд. Специальные группы обыскивали планету Сапур, другая группа улетела на Альдебаран, чтобы искать там следы красавицы Тулии, остальные следователи и добровольцы из делегатов разыскивали Удалова на планете, где проходил съезд. Оргкомитет съезда подал в отставку, которая не была принята. Под сомнение встал один из основных принципов съезда — безопасность его участников.

Ночью руководство съезда в качестве последней меры связалось с Землей. Телефонный звонок поднял с постели Николая Белосельского.

— Нет, — сказал он твердо, когда выслушал тревожное сообщение из космоса, — Удалов домой не возвращался, да и не мог он

возвратиться за один день. Для того чтобы долететь от центра Галактики до Земли, надо потратить как минимум двое суток. Вы это знаете лучше меня.

— Но мы решили не упускать никаких шансов.

— Правильно, — согласился Белосельский. — Тем не менее чудес не бывает. Ищите Удалова в вашем районе. Желаю успеха.

Руководители СОС заверили Николая Белосельского, что будут приняты все возможные меры, и повесили трубку.

— Чепуха какая-то, — сказал сам себе Белосельский, спуская ноги с кровати и закуривая. Спать, естественно, расхотелось. — Все беды происходят от друзей детства. Как бы я хотел работать в Петропавловске-Камчатском...

Но рассуждения рассуждениями, а Белосельский был человеком действия. И хотя шансов найти Удалова в Гусляре практически не было, он докурил сигарету, оделся и пошел на Пушкинскую улицу, к дому № 16, в котором раньше жил Удалов.

Город спал, нежась в объятиях летней ночи. Звезды, мигавшие сквозь темную листву, казались декоративными украшениями. Во дворе двухэтажного дома Белосельский остановился и поглядел на знакомое по детским годам окно. Его вдруг посетила странная надежда, что все, чему он был свидетелем в последние дни, — дурной сон. И Удалов сейчас мирно спит или читает, не подозревая ни о каких СОС. К сожалению, Белосельский вынужден был отогнать эту эфемерную надежду. Он знал, что чудес не бывает. Он знал, что, к сожалению, действительность сурова и обыденна: Удалов улетел на съезд в другой сектор Галактики и пропал там без вести.

Белосельский вздохнул, посмотрел на часы, которые показывали уже первый час, и, стараясь не скрипеть ступеньками, поднялся на второй этаж, к квартире школьного друга.

Ксения открыла почти сразу. Она не спала. Ее круглое, чем-то схожее с удаловским лицо было сковано тревогой.

— Коля! — воскликнула она громким шепотом. — Ты!

Колю Белосельского она знала по школе, а также по пионерскому лагерю. Тогда она была тонкой смешливой девчонкой с косичками, как крысиные хвостики, а Коля был высоким тонким подростком, который проводил все свободное время с книгой в руках, хотя при этом неплохо играл в гандбол, отлично катался на лыжах и исключительно бегал стометровку.

— Коля, — сказала Ксения, — заходи. Дети спят. Что случилось с Корнелием?

Она так уверенно произнесла эти слова, что Белосельский понял, что он совершил ошибку, придя к Удаловым домой.

Лгать подруге детства он не сможет.

— Удалов пропал, — сказал Белосельский.

— Я так и знала, — прошептала Ксения. — Не надо было нам его отпускать.

Ксения первой вошла в комнату и без сил опустилась на диван. У нее хватило духу лишь протянуть руку к буфету и показать Белосельскому, где стоит валерьянка.

Накапав лекарства, Белосельский сел на стул и подождал, пока Ксения окончательно возьмет себя в руки. Все в этой комнате возбуждало в нем детские воспоминания. Сколько проказ было задумано здесь, сколько шпаргалок написано, сколько томов энциклопедии прочитано!

— Извини, Коля, — сказала Ксения. — Но пойми меня правильно...

— Я все понимаю, Ксения.

— Он бросает меня одну с двумя детьми, уматывает неизвестно куда, ради сомнительной космической дружбы. А теперь вот это! Он себе новую бабу нашел! — произнесла вдруг Ксения громко и ударилась в слезы. — Стонет мое раненое сердце.

— Ну, погоди, при чем тут баба? — возразил Белосельский. — Твой муж уехал делегатом на съезд, прошло всего четыре дня, а пропал он только сегодня утром...

— Что, мало ему времени? Достаточно. И не утешай. Не утешай. Если не баба, значит, он погиб!

— У тебя все крайности, — сказал Белосельский. — Я-то подумал, что он по дому стосковался, уже вернулся. Иначе бы и не стал тебя так поздно тревожить.

Но Ксения не слушала утешений Белосельского. Она решительно поднялась, распахнула дверцы шкафа, достала оттуда выходное платье, бросила на диван и приказала Белосельскому:

— Отвернись.

— Ты чего задумала? — спросил Белосельский.

— Лечу туда. Без меня им не обойтись. Если уж я его не найду, никто его не найдет. Окрутит она его, как пить дать.

— Но как же так, ночью, без договоренности...

— Вот ты сейчас и договорись. Гуманист ты, в конце концов, или нет?

— Гуманист, — согласился нехотя Белосельский.

— Тогда звони им, чтобы присылали транспорт. Без замедления. Не смогли моего мужа сберечь, будут со мной сотрудничать.

— Ксюша, Ксюша... — пытался урезонить ее Белосельский, но Ксюша уже повернулась к другу детства округлой спиной и приказала:

— Застегни «молнию». Надо бы мне поменьше мучного есть.

И, застегнув «молнию», Белосельский пошел к телефону. Он знал, что с разъяренной Ксенией Удаловой ему не справиться.

Глава 17, в которой предсказатель ведет Удалова к иным мирам

— Я не зря провел две недели в подземелье и выдержал пытки этих мерзавцев, — сказал карлик, когда они оказались в его камере. — В камере нашлась лопата, которую забыли унести после ремонтных работ. Я выкопал подземный ход и совершенно случайно попал прямо в подвал лаборатории знаменитого профессора.

— А где профессор? — спросил Удалов, прислушиваясь к тому, как взволнованно переговариваются за стеной палачи.

Через минуту они обязательно увидят дырку под потолком.

— Профессор не выдержал в себе микроба и умер от стыда и унижения. К счастью, его лаборатория была закрыта на ключ, и микробы не догадались ею воспользоваться. Я полезу первым, я потоньше тебя, а если будешь застревать, я тебя буду тянуть. Но тебе придется раздеться.

— А если там холодно?

— В одежде ты застрянешь. Я сам копал, точно знаю.

Удалов колебался. Ему было неловко остаться без верхней одежды в чужом мире. Но в голосе карлика звучала такая уверенность, что Удалов подчинился, сбросил пиджак, рубашку, начал снимать брюки и замер, услышав прямо над головой торжествующий крик:

— Вот он! Держите его!

Удалов взглянул наверх. Там, в дыре, торчали две головы в водолазных шлемах. Палачами оказались бывший могильщик и прекрасная Тулия.

Карлик уже нырнул в подкоп и позвал оттуда:

— Скорее!

Удалов наступил на брючину, чуть не упал. Его спасло лишь то, что преследователи в желании скорее пробраться сквозь дыру мешали друг другу и застряли.

Удалов нырнул в черный зев подкопа. Впереди слышалось частое дыхание карлика. Стены подкопа сжимали тело Корнелия, и он мысленно поблагодарил карлика за то, что тот посоветовал раздеться. В пиджаке Удалов давно бы застрял. Впрочем, он и без

пиджака раза три застревал, и карлику приходилось тащить его за уши.

Через несколько минут, измаранный в земле, исцарапанный, измятый, с горящими ушами, Удалов стоял в подвале лаборатории покойного профессора. Вокруг высились приборы и аппараты, горели светильники — все, к счастью, осталось таким же, как в тот момент, когда профессор попал в плен к микробам.

— Что теперь? — спросил Удалов.

— Профессор занимался проблемой мгновенных путешествий, — сказал карлик. — Проблема еще совсем не исследована. Вот из этой машины можно ступить в один из миллионов миров Галактики. Только не знаю, в какой попадем.

— А может быть, нам здесь остаться? Доберемся до космодрома, залезем в корабль...

— Доберешься! — возмутился карлик. — На этой планете все начеку, все с микробом в сердце. Мы и двух шагов по улице не сделаем, как попадемся. Единственный шанс — поискать по другим планетам какой-нибудь выход к нормальным людям. Нам нужна планета, куда прилетают космические корабли. Может, не сразу, но мы ее отыщем.

Из подкопа послышалось тяжелое дыхание.

— По-моему, там кто-то застрял, — сказал карлик.

— Не уходи, — послышался из-под земли глухой голос Тулии. — Поговорим по-дружески.

— Знаем мы вашу дружбу, — ответил печально Удалов.

Сердце его было неспокойно. Он не мог окончательно изгнать из него любовь к несчастной красавице. Поэтому, пока карлик готовил приборы, чтобы перейти в параллельный мир, Удалов склонился к подкопу и сказал:

— Тулия, я тебе обещаю, что приму все меры, чтобы освободить тебя от паразита и вернуть маме.

— Спаси... — послышалось в ответ, но тут же вырвавшаяся из сердца девушки благодарность оборвалась, и Верховная матка микробов сказала тем же сладким голосом: — Доберусь я до тебя!

— Сюда, Корнелий! — позвал карлик. — Путь открыт.

И Удалов, не дожидаясь, пока Верховная матка приведет свою угрозу в исполнение, кинулся к карлику, который раскрыл люк в сложной и громоздкой машине. Удалов последовал за карликом и мгновенно оказался на какой-то другой планете.

Неизвестная планета показалась Удалову гостеприимной и мирной. На ней свежий ветер шуршал сосновыми иглами, пели птицы, журчали ручьи и парили стрекозы.

— Ну прямо как дома, — сказал Удалов. — Даже жаль, что фотоаппарата нет. Вот бы знакомые удивились такому сходству.

— Пошли, не теряй времени даром, — сказал карлик. — В любой момент может показаться погоня.

— Разве ты дверь за нами не закрыл?

— А как закроешь? — спросил карлик сварливо. — На ней не написано. К тому же, если мир не тот окажется, нам придется возвращаться и искать другой.

— А если они засаду устроят?

— Надеюсь, что нет. Надеюсь, что они за нами побегут.

Удалова эти слова мало успокоили. Но, может, они с первого раза попали в подходящий мир, откуда есть сообщение с СОС?

— Далеко отходить не будем, чтобы не заблудиться, — сказал карлик.

Они оглянулись. Машина, сквозь которую они сюда попали, вылезала черным боком на поляну, и ее было видно издалека. По узкой тропинке путники сошли к реке.

Удалов опустился на корточки, чтобы вымыть в прозрачной воде руки и лицо. Тут он увидел свои обнаженные ноги и вспомнил, что он в одних трусах. Стало неловко.

Вдали послышались выстрелы.

— Ого! — воскликнул карлик. — Ладно, пошли. Там разберемся.

Но пойти сразу не удалось. Из машины выскочили палачи. Карлик оказался прав. Тулия была в серебристом купальном костюме, могильщик в балахоне, шляпа в руке. Водолазные костюмы они сняли, иначе бы им никак не пролезть в подкоп.

Преследователи оглядывались, размышляя, куда могли скрыться беглецы. В руках у них поблескивали пистолеты.

Не обнаружив следов, носители микробов быстро пошли к лесу.

Удалов с Острадамом, подождав, пока палачи скроются из глаз, перебежками, пригибаясь и даже иногда падая на землю, побежали в другую сторону.

Когда беглецы решили, что опасность миновала, они выпрямились и помчались со всех ног. Они так спешили, что ничего не слышали и не видели. И это их чуть не погубило.

Жжик! — просвистела пуля у самого уха Удалова.

Жжик! — другая пуля вонзилась в ствол дерева рядом с карликом.

Беглецы упали в траву.

— Это что такое? — спросил Удалов.

— Это разумные существа, — ответил с сарказмом карлик. — С разумными всегда надо быть настороже.

В чаще леса затрещали ветки, и через несколько секунд на прогалине появились двое мужчин. Удалов сразу угадал, что это охотники. Он немало насмотрелся на них дома, хотя сам относился не к охотникам, а к рыболовам. Охотники огляделись, потом один из них произнес:

— Он, наверно, в кусты ушел. Я его подбил.

— А я моего точно ранил. Далеко им не уйти. Славная добыча.

— Что-то он мне показался незнакомым, — сказал первый охотник.

— Моего я тоже не встречал.

— Смотри, как бы нам случайного не угрохать.

— Да не должно быть. Случайные в сезон сюда не сунутся.

Охотники собрались было уходить, и тогда карлик достал носовой платок и принялся им размахивать, прячась за поваленным деревом.

Охотники заметили этот сигнал и подняли ружья.

— Мы сдаемся! — крикнул карлик. — Мы случайные прохожие, а не дикие звери!

— Тогда вставайте, только руки держать над головой, — приказал один из охотников. — А то мы рисковать не хотим.

Беглецы медленно поднялись из травы, держа руки над головами.

— Так вы, говорите, случайно здесь оказались? — спросил охотник, подходя поближе и не спуская их с прицела.

— Мы даже не с этой планеты, — пояснил Удалов.

— В самом деле, на охотников не похожи, — сказал второй охотник.

— И на дичь тоже, — постарался улыбнуться Удалов.

— А при чем тут дичь? — удивился охотник.

— Так вы же нас чуть не подстрелили!

— Правильно! А при чем здесь дичь?

— Но вы же охотники? — спросил Удалов.

— Разумеется, охотники. Самые настоящие.

— Значит, вы охотитесь на дичь. Или на зверя.

— С чего вы это взяли?

— Не стоит на него время тратить, — сказал его товарищ. — Они же приезжие. Сами говорят, что из другого мира.

— Ну, тогда идите, куда шли, — разрешил первый охотник.

— А стрелять не будете? — спросил Удалов.

— Мы-то не будем, — заверил второй охотник. — Другие могут подстрелить.

— Больше я никуда не пойду, — сказал Удалов Острадаму. — Хватит с меня. Убьют — и не сбудутся твои липовые предсказания.

Удалов уселся на траву. Ему все это надоело.

— Объясните невежественным пришельцам, — попросил карлик, — почему в нас могут стрелять? Разве мы похожи на птичек или на медведей?

— Объясни ему, — сказал второй охотник. — Они же в самом деле ни при чем.

— Все просто, — начал первый охотник. — У нас охота — самый популярный вид спорта и отдыха. На планете чуть ли не каждый третий — охотник. Вот мы и охотились тысячу лет, пока не перебили большинство животных. Некого стало бить. Наши жены стали возмущаться — леса опустели, экология нарушается — и объединились с друзьями живой природы, чтобы запретить охоту.

— А как запретишь охоту, — вмешался второй охотник, — если мы с детства другого развлечения не знаем? Нельзя у нас запретить охоту. Национальная катастрофа.

— Тогда и нашли компромисс, — сказал первый охотник. — Решено было, что охотники разделятся на две половины. И будут охотиться друг на друга.

— Но это же бесчеловечно! — воскликнул Удалов.

— Я с тобой не согласен, — сказал Острадам. — Это очень разумно. И люди развлекаются, и звери целы. И много охотников погибает?

— Бывает, — сдержанно ответил первый охотник. — А вы здесь с какой целью?

— Ищем дорогу к цивилизации. Скажите, от вас корабли летают к другим планетам?

— К другим планетам от нас никто не летает. Космических путешествий мы еще не изобрели. О чем очень жалеем. Когда изобретем, тут же отправимся охотиться на другие планеты.

— Тогда не спешите изобретать, — посоветовал карлик.

В этот момент неподалеку раздались выстрелы. Удалов с карликом привычно нырнули в траву, а их знакомые охотники начали отстреливаться.

— Бежим отсюда, — сказал Удалов. — Убьют.

Острадам согласился, и короткими перебежками они бросились обратно к машине. По дороге они чуть не натолкнулись на костер. У костра сидели в кружок охотники, а на громадном вертеле что-то жарилось.

— Ой! — испугался Удалов. — Ты посмотри! Они не только взаимно уничтожаются, но и поедают друг друга.

— Да, это ужасно, — согласился карлик. Он осторожно приход-

нялся, пригляделся и потом, улыбнувшись, заметил: — Никогда не видел у охотников рогов.

— Рогов?

Удалов присмотрелся и понял, что ошибся. На вертеле жарился самый обыкновенный олень.

— Но как же так? Они же постановили? Они же должны только друг за другом... Ведь экологический баланс, животный мир, защита окружающей среды...

— Это все для общественности, — сказал цинично Острадам. — Если они и пристрелят кого-нибудь, то таких вот дураков, как мы с тобой. Чтобы их жены видели, что они зря патронов не тратят. Побежали!

И они побежали дальше.

Но не успели пробежать и ста шагов, как услышали сзади топот. Раздался выстрел.

— Охотники! — крикнул Удалов. — Скорее, мой друг!

Удалов оглянулся и понял, что их настигают не охотники, а палачи.

К счастью, могильщик и Тулия были никуда не годными стрелками.

Глава 18, в которой продолжается путешествие Удалова по другим планетам

Даже не успев отдышаться, беглецы снова нырнули в машину и перескочили на следующую планету, лишь на минуту опередив преследователей. Планета сначала испугала.

Такого мрачного запустения, такой экологической безнадежности путешественникам встречать не приходилось, несмотря на то что оба побывали в различных космических местах.

Черные озера источали отвратительные промышленные запахи, бывшие леса поднимались скелетами бывших стволов, горы давно уже превратились в карьеры и холмы отработанного шлака, воздух был приспособлен для чего угодно, только не для человеческого дыхания.

Зажимая нос рукой, Удалов произнес:

— Давай дальше полетим. Пока живы.

— Погоди, — хладнокровно ответил Острадам. — То, что мы видим, — следы деятельности развитой, хотя и не очень разумной цивилизации. Настолько развитой, что они использовали на планете все, что можно использовать. Допускаю, что они строили космические корабли.

— Если и строили, — разумно возразил Удалов, — то их корабли так воняли, что далеко не улетишь.

— Ах, Удалов, — сказал Острадам, — ты не представляешь, до чего изобретательны разумные существа. Пока окончательно не вымрут, они продолжают жить, размножаться и даже смотреть кино.

Удалов тем временем огляделся и обратил внимание на то, что леса заводских труб не выделяют никакого дыма, развалины бетонных сооружений лишены признаков жизни, а по дорогам, заваленным бумагой и консервными банками, никто не ездит.

— У меня подозрение, что они уже вымерли, — сказал Удалов. — Так что на кино рассчитывать не приходится.

— Или возьмем оптимистический вариант, — поправил его Острадам. — Оптимистический для них и грустный для нас.

— Какой?

— Улетели они отсюда. Эвакуировались. Нашли другую планету и улетели. Из чувства самосохранения. Но все-таки надо пройти немного вперед, проверить.

Удалов покорно поплелся за предсказателем, стараясь не дышать. Но дышать приходилось, и от этого кружилась голова.

Они прошли шагов сто, чуть не провалились в заброшенную канализационную систему, как вдруг в огрызке бетонной стены распахнулась дверь и оттуда вышел прилично одетый человек, по внешнему виду инопланетянин. Он был сравнительно чист, сравнительно умыт и производил благоприятное впечатление, если не считать волнения, отражавшегося на его лице.

— Простите! — закричал он. — Извините. Я запоздал. Установка сломалась! Какое счастье, что вы меня дождались.

— Здравствуйте, — произнес Острадам осторожно.

— Добрый день, — сказал Удалов, который заподозрил, что их с кем-то спутали. — Вы кого ждете?

— Вас, — откликнулся абориген. — Но нашу планету так трудно отыскать, что мы почти отчаялись.

— Зачем же вы нас ждете? — спросил Острадам.

— Для консультации. Вы разве нашего письма не получили?

— Нет. Мы вообще попали к вам случайно.

— Так вы не специалист по первобытным водорослям?

— Ни в коем случае!

— Значит, вы специалист по первобытным водорослям? — обратился абориген к Удалову.

— Нет, я по жилищному строительству, — признался Удалов.

— Но, может быть, вы что-нибудь понимаете в водорослях?

— Понимаю, — вдруг сказал Острадам. — Мне пришлось както полгода прожить на планете Океан и питаться только морской капустой. Очень укрепляет здоровье, но портит настроение.

— Все! — обрадовался абориген. — Поехали!

— Нам некогда.

— Клянусь, мы задержим вас на полчаса, зато наградим за консультацию лучшими жемчужинами Вселенной. Неужели у вас нет родственников или любимых, кому вы хотели бы привезти по жемчужине?

Этот аргумент сразил Удалова. Ему очень захотелось привезти по жемчужине жене Ксении и... нет, о другой женщине он заставил себя не вспоминать.

— Прошу за мной, — сказал абориген, открывая дверь в бетонной стене.

Эта дверь не вела никуда. За ней в кривом проеме были видны те же черные трубы мертвых заводов и испарения, поднимавшиеся над отравленными ручьями.

Абориген смело шагнул в ложную дверь и исчез.

— Подземные жители, — сказал Удалов, который уже все понял. — Там у них лифт. — И ступил вслед за аборигеном.

Неведомая сила подхватила его и понесла по бесконечному неосвещенному туннелю среди разноцветных разводов и искр. Это путешествие продолжалось неопределенное время, потому что время перестало существовать. Потом в глазах Удалова что-то сверкнуло, и раздался приятный голос аборигена:

— Промежуточная станция.

Удалов открыл глаза и обнаружил, что стоит в дверном проеме, в окружении пейзажа, очень напоминающего тот, что он только что покинул. Труб, правда, меньше, и расположены они иначе, испарения несколько иного цвета, воздух пахнет гадко, но по-другому, чем минуту назад.

— Что случилось? — спросил Корнелий у аборигена. — Куда мы переехали?

— Простите, — сказал абориген. — Это еще не конец пути. Надо спешить. Следуйте за мной.

Он снова шагнул в пустой проем двери и исчез.

Не останавливаться же на полпути. Удалов последовал его примеру. И все повторилось вновь — ощущение пустого туннеля, мелькание цветов и искр...

Они стояли у проема двери в окружении опустошенного пейзажа. Воздух здесь был куда более сырым, хоть и не менее вонючим, желтый туман скрывал окрестности, а из него торчали заводские

трубы, развалины домов были крупнее, но тем не менее оставались развалинами...

— Ну все? — спросил Острадам. — Приехали?

— Простите, — сказал абориген. — Попрошу следовать за мной.

И снова шагнул в дверь.

Острадам поглядел на Удалова, Удалов на предсказателя, они согласно пожали плечами — что остается делать в таких случаях? — и шагнули в дверь.

На этот раз опустошение казалось не таким полным. Может, потому, что неподалеку шумело море, горы на горизонте были не настолько разрушены, как в предыдущих пейзажах, однако полное безлюдье и господство пыльных запахов приводило к мысли, что и в этом мире жить человеку противопоказано.

— Все? — спросил Удалов. — Надоело по вашим туннелям летать.

— Почти все, — заверил абориген. — Последний виток. — И он юркнул в дверь, опасаясь, что гости будут возмущаться.

На этот раз абориген не обманул.

Мир, в котором они оказались, был кое-как пригоден для дыхания. Свидетельством тому были люди, встречавшие их у двери. Они собрались там небольшой толпой, кое-кто в противогазах, кое-кто в скафандрах... На склоне горы виднелась зелень, в воздухе пролетела странная птица, похожая на летучую мышь...

Удалов, пожимая руки хозяевам, сделал несколько шагов вперед и тогда только понял, что находится на небольшом острове. Зеленое море, усеянное нефтяными вышками и отдельными платформами искусственного происхождения, тянулось к горизонту.

— Специалист приехал... специалист приехал... — прокатывался по толпе встречавших шепот. Грустные лица несколько оживились.

— Так что же вы хотели нам показать? — нетерпеливо спросил Острадам. — Где ваши водоросли?

— Сначала пообедаем, — сказал их проводник. — Потом вы выберете себе по жемчужине...

За обедом, скромным, без спиртных напитков, состоящим в основном из даров моря и синтетической картошки, хозяева планеты поделились с гостями своими проблемами и тревогами.

— Вы видели, в каком состоянии находится наш мир? — спросил сидевший во главе стола президент планеты.

— Видели, — вздохнул Удалов. — Безобразие.

— А что можно поделать? Мы же цивилизация. А цивилизация — это уничтожение природы.

— Не совсем так, — поправил Удалов. — Это зависит от нас.

— Правильно, — согласился президент. — Но если вы далеко зашли по порочному пути, остановиться трудно, а порой уже невозможно. Мы не смогли.

— Жаль, — сказал Острадам. — Значит, все погубили, а потом эмигрировали?

— Да. Иначе нечем было дышать, нечего было копать, нечем было питаться.

— И вы стали осваивать другие континенты, — сообразил Удалов.

— Все не так просто, — вздохнул президент. — Континенты к тому времени, когда мы спохватились, были уже опустошены.

— Так это мы путешествовали по другим планетам! — догадался Острадам.

— Нет, мы на своей планете. Куда перевезешь пять миллиардов жителей?

— Сейчас нас уже меньше, — вмешался проводник. — Сейчас нас и миллиона не наберется.

— Все равно... Все в природе взаимосвязано.

Наступила грустная пауза, и Удалов не посмел ее прервать. Наконец президент смахнул набежавшую слезу и продолжал:

— Нас спасло путешествие во времени. Временные туннели, которые мы открыли в самый критический момент. Мы научились перемещаться в прошлое и догадались, что можно эвакуироваться в те времена, когда людей на планете еще не было. И вот мы взяли личные вещи, детей и ценности и перевезли нашу цивилизацию на миллион лет назад. Это было великолепно. Первые годы мы нежились на лужайках и купались в море... А потом...

Тяжелый вздох пронесся над обеденным столом.

— И вы погубили собственную планету за миллион лет до вашей эры? — спросил Острадам.

— Разумеется. Мы оказались верны своим привычкам.

— И двинулись дальше в прошлое?

— И двинулись дальше. И с каждым разом мы губили природу быстрее, чем прежде. В конце концов мы попали в такое отдаленное прошлое, что суши стало недостаточно, чтобы прокормить население. И вот мы стоим на пороге отступления в первобытный океан. В океан, в котором лишь зарождается жизнь, в котором господствуют водоросли и мелкие амебы. Обратного пути для нас нет — все будущее уже безнадежно загажено...

— Вы умудрились погубить собственную планету пять раз! — в ужасе воскликнул Удалов.

— Если бы пять... — сказал президент. — Мы ее загубили восемнадцать раз!

— Но вы же загубите и океан!

— Весьма возможно. Тогда нам придется отступить в момент возникновения планеты...

— И пожить в вулканах? — В голосе Острадама прозвучал сарказм.

— Боюсь, что так. — Президент был серьезен.

— А пока этого не случилось, — натянуто улыбнулся проводник, изображая исторический оптимизм, — мы просим вас слетать с нами на разведку в первобытный океан, куда мы переселяемся в будущем году, и помочь нам наладить производство продуктов питания из водорослей и амеб...

Острадам, сжалившись над обреченной цивилизацией, натянул водолазный костюм и отправился в океан. Но Удалов так и не узнал, были ли советы предсказателя полезны. Настроение у него испортилось, и даже тот факт, что ему позволили покопаться в коробке с жемчугом, чтобы выбрать самую красивую жемчужину для жены, его не утешил. Конечно, ему хотелось дать добрые советы аборигенам, поделиться с ними положительным опытом, накопленным на Земле, но иногда добрые советы только раздражают.

И когда через несколько часов, миновав в обратном порядке все временные двери и вернувшись в современность, они попрощались с аборигеном, Острадам сказал:

— Чует мое сердце, докатятся они до вулканов.

— Сюда экскурсии возить надо, — ответил Удалов. — Ну ладно погубить свою планету раз, это каждый может, но восемнадцать раз...

Глава 19, в которой уменьшаются тираны

Попав вновь в машину мгновенного перемещения, Удалов опять провалился в темный бесконечный туннель, опять закружилась голова и сперло дыхание. Привыкнуть к таким ощущениям было трудно, и Удалов утешал себя некогда прочитанными словами полярного путешественника Амундсена: «К холоду привыкнуть нельзя, но можно научиться терпеть его».

Путешествие закончилось благополучно. Удалов вылез из кабины неподалеку от величавого, застроенного помпезными зданиями инопланетного города. Было тихо, над головой парили птицы и курчавились розовые облака.

— Знаешь, что мы сейчас сделаем? — спросил карлик.

— Пойдем в город, — ответил Удалов. — Искать космодром.

— Сначала мы отыщем какое-нибудь скромное кафе и пообедаем. И только потом купим билеты на межпланетный корабль.

Удалов не возражал, и они направились по лугам к городу.

Уже на подходе к нему путникам стало очевидно, что и на этой планете не все ладно. Уж очень она была пустынна.

Улица, по которой они вошли в город, была покрыта толстым слоем пыли, штукатурка с домов кое-где обвалилась, кусты и деревья разрослись, взломав асфальт. И ни одной живой души...

Таинственная, зловещая тишина подавляла и уговаривала бежать отсюда, пока жив.

— Здесь никого нет, — прошептал Удалов.

— И давно никого не было, — откликнулся шепотом Острадам.

— И они ушли в прошлое, — предположил Корнелий.

— Или умерли от эпидемии.

— Или перебили друг друга в атомной войне.

— Или улетели на другую планету.

— И много лет назад...

Силы сразу покинули утомленных путешественников. Одно дело — оказаться у цели и предвкушать скромный обед и мирный полет на космическом корабле, совсем иное — осознать, что и здесь нельзя надеяться на спасение.

После короткого приглушенного совещания путники решили поискать космопорт, не осталось ли там случайного корабля.

Через несколько минут они вышли на большую площадь, и их взорам предстало удивительное зрелище.

Центр площади был застроен множеством игрушечных домиков, словно здесь когда-то резвился детский сад, сооружая жилища для кукол. Домики во всем были схожи с настоящими: у них были стекла, вывески, печные трубы, возле одного даже стояла игрушечная автомашина.

Удалов заглянул в окошко четвертого этажа, которое располагалось как раз на уровне его глаз, и внутри разглядел комнатку с диваном, столом, миниатюрными тарелочками и чашечками на нем и даже недопитой бутылкой вина. Но никаких следов пребывания живых существ ни в комнатке, ни в домике, ни на всей площади не обнаружилось.

— Они любили детишек и устраивали им игры на площадях, — неубедительно предположил Острадам.

Удалов покачал головой.

— Нет, — сказал он, — этот игрушечный город был бы слишком большой помехой для городского транспорта.

От площади они взяли курс по той улице, что вела вверх, к холму, увенчанному дворцом с множеством башен и башенок. Оттуда они намеревались обозреть весь город. Путь наверх занял около получаса. За это время Удалов убедился в том, что некогда этот город процветал и мог похвастаться культурой и искусствами. Но к разгадке он так и не приблизился.

Войдя в покинутый, запущенный, пыльный дворец, путешественники некоторое время бродили по его залам и комнатам, и никто их не окликнул, никто не встретился. Они поднялись наверх, на галерею, что окружала одну из дворцовых башен, и принялись глядеть на город с высоты.

— Удалов! — воскликнул Острадам. — Там стоят корабли!

Корнелий обратил взор в том направлении. Не надо было обладать особо острым зрением, чтобы понять: космодром давно мертв и заброшен. Большой лайнер, стоявший посреди поля, был покрыт ржавчиной, люки его раскрыты...

— Может, это не космодром, — предположил Удалов, — а музей?

Все же они решили дойти до космодрома и поглядеть на запустение вблизи.

На этот раз улица вела вниз, к широкой реке, разделявшей город надвое. На набережной возле каменного моста они увидели еще один игрушечный городок.

По масштабу он был меньше прежнего раза в два. В таком могли жить только оловянные солдатики — куклы бы не уместились в домиках. Этот городок также был покинут и покрыт пылью.

Там путешественники задержались ненадолго. Тайну этой планеты разгадать они не в силах, пока не встретят кого-нибудь, кто согласится их просветить. Минут через двадцать утомленные до предела путники вышли к окраине города. Дома здесь были одноэтажными, не столь долговечными, как в центре, многие покосились, а то и вовсе рассыпались. Улица была завалена гнилыми досками, штукатуркой и обломками мебели. Так что продвижение к космодрому сильно замедлилось.

Внимание Удалова привлек воробей или схожая с ним мелкая птичка. Воробей летел над самой мостовой, словно искал насекомых. Неподалеку от Удалова птичка ринулась вниз, и взгляд Корнелия непроизвольно проследовал за ней.

К удивлению Удалова, обнаружилось, что птичка пытается схватить не паучка или жучка, а махонького человечка, который метался по выщербленной мостовой.

— Кыш, людоед! — гневно крикнул Удалов воробью. — Разве

тебе не известно, что даже самый мелкий человек — все равно царь природы?

То ли испугавшись, то ли усовестившись, воробей сиганул к облакам.

Острадам не понял, в чем дело, и спросил:

— Ты чего на птиц кричишь?

— Отыскал человечество, — ответил Корнелий, опускаясь на колени. Тихонько, чтобы не оглушить брата по разуму, он сказал дрожащему человеку ростом в два сантиметра: — Не беспокойся, ты среди своих.

Человечек заткнул уши, а Удалов взял его двумя пальцами и поставил себе на ладонь, как это проделывал с лилипутами литературный герой Гулливер.

Сообразив, что опасность ему более не угрожает, человечек оправил свою одежду, приосанился и тонким голоском произнес:

— Человек, которому я несказанно благодарен за спасение моей недостойной жизни, откуда ты прибыл? Ведь космические путешествия у нас давно отменены.

Удалов вкратце поведал лилипуту о своих приключениях, а затем не удержался от прямого вопроса: что же случилось со старинным городом?

Лилипут в ответ на это попросил донести его до соседнего квартала. И пока это недолгое путешествие продолжалось, человечек поведал Удалову и Острадаму о трагической истории планеты.

Оказывается, планета жила, как и положено цивилизованным мирам, развивалась, шагала по пути прогресса и имела контакты с другими планетами. И так продолжалось до несчастного дня, когда власть захватил человек, которого в народе прозвали Тираном. Этот Тиран некоторое время подавлял свободу, искусства и науки, но затем мания величия толкнула его на радикальные действия.

Сам Тиран был невелик ростом, что с тиранами случается нередко. Из-за этого он смотрел на своих подданных снизу вверх и удручался.

— Мне прискорбно сознавать, — признавался он в узком кругу приближенных, — что я превзошел остальных в свирепости, интригах, злодействе и понимании искусства, но уступаю ростом даже среднему подданному. Это несправедливо и должно быть исправлено.

Самый простой путь к исправлению несправедливости был подсказан министром безопасности: отрубить головы всем жителям планеты и этим превратить Тирана в самого высокого человека. Но гуманизм Тирана не позволил ему воспользоваться таким простым ходом. Тем более что население планеты было значительно прорежено репрессиями, отчего происходили сбои в экономике.

Тиран созвал ученых и приказал решить проблему без излишнего пролития крови. И намекнул при этом, что, если проблема не будет решена к Новому году, придется всех ученых казнить.

Перед лицом такой опасности ученые трудились день и ночь, пока не изобрели способ уменьшать вдвое рост человека уже в утробе матери.

Тиран все-таки казнил ученых и стал дожидаться, пока на планете народится достаточно младенцев нового типа. Затем он перебил их родителей и родственников, а также всех нормальных людей и стал самым высоким человеком в своей державе. С тех пор придворные живописцы могли, не кривя душой, писать групповые портреты, на которых, окруженный народом или соратниками, стоял Тиран, возвышаясь над прочими на три головы.

В те годы пришлось пустить на слом старые машины, трамваи, мебель и даже зубные щетки, так как они стали велики новому населению планеты. От этого происходили большая экономия и прогресс, который, правда, затормозился через несколько лет, потому что малочисленное уменьшенное население не могло справиться с работой, что была по плечу его предкам.

Миновали еще годы. Тиран скончался, и жители планеты вздохнули свободно. Но, к сожалению, ненадолго. Тирания заразительна, а на планете уже стала складываться тираническая традиция.

Так что власть там захватил некий мерзавец, которого именовали Диктатором. Этот Диктатор из нового плюгавого племени был страшен, злобен и решителен. Одно его беспокоило — почему это опять все жители планеты выше его ростом? И он вызвал к себе новое поколение ученых и приказал им сделать так, чтобы младенцы в утробах матерей стали вдвое меньше, чем было принято...

На этом месте рассказа наши путешественники достигли малюсенького городка, обосновавшегося на бывшей волейбольной площадке. Этот город вдвое уступал размерами тому, покинутому, что Удалов видел у моста, зато был оживлен. По улицам, поглядывая на небо и страшась птичек и стрекоз, пробегали лилипутики, а на центральной площадке маршировала рота солдат.

Опуская спасенного человечка на землю, Удалов спросил шепотом:

— И это все, что от вас осталось?

— Да, — ответил человечек. — Ведь за Диктатором, который повторил опыт Тирана, последовал Деспот, затем Деспот Второй, затем три Угнетателя и один Узурпатор, а сейчас нами правит Душегуб, которого вы имеете счастье видеть...

Человечек указал на правителя городка, который как раз вышел из своего игрушечного дворца. Ростом Душегуб достигал трех с

половиной сантиметров и грозно возвышался над своим народом. Увидев на окраине столицы двух неизвестных гигантов, Душегуб ничуть не оробел, а приказал палить из пушек. Пушечки развернулись против путешественников и начали кидать в них ядра размером с перечное зерно. Ядра небольно ударялись в щиколотки Удалова.

— Это ужасно! — воскликнул Острадам, имея в виду не артиллерийскую канонаду, а судьбу города и его обитателей.

— И с каждым разом нас все меньше! — откликнулся спасенный человечек, который уже нырнул в траншею, прокопанную через площадь. — С каждым новым тираном у нас все больше врагов! Любой воробей нам смертельно опасен! Любой жук — враг! Моего брата до смерти высосал комар!

Лилипутик уморился, лег на дно траншеи и замер.

— Ну прямо бы раздавил этого Душегуба! — в сердцах вскричал Острадам.

— Могут пострадать невинные, — возразил Удалов. — К тому же индивидуальный террор мы отвергаем.

— Это не индивидуальность, а плод генетического безумия! — сказал Острадам.

— Не упрощай, — вздохнул Удалов. — Ты плохо знаешь историю. Если существуют условия для процветания тирана, если продажная бюрократия и жестокая полиция держат в узде общественное мнение, если задавлена демократия, то тираны будут вырастать здесь, как грибы после дождя. Но они не могут затормозить исторического развития. Со временем народ опомнится и начнет новую жизнь.

— А за это время люди превратятся в микробов и их сожрут амебы, — усмехнулся Острадам.

— Нет, — сказал Удалов. — Людей мы вернем в исходное состояние. И я знаю, как это сделать.

Он осторожно вошел в город, остановился на площади прямо перед палящими пушками, наклонился и схватил бросившегося было в укрытие Душегуба.

— Спокойно, — приказал Корнелий, поднимая Душегуба к своему лицу. — Ничего тебе не грозит. Но выслушай мое конструктивное предложение.

Душегуб был мелким лилипутом, но ему нельзя было отказать в храбрости и хладнокровии, что помогло ему пережить шесть заговоров и три восстания.

— Я вас слушаю, — сказал он Удалову, становясь в позу на его ладони.

— Интересно ли вам, — прошептал Удалов, — править муравьишками, когда вокруг возвышаются громадные каменные здания?

— Это нам не по зубам, — с тоской произнес Душегуб.

— Сегодня не по зубам. А завтра?

— А что изменится завтра?

— Вы и ваши предшественники-тираны, — сказал Удалов, — думали только о том, как сделать прочих ниже себя. Занятие, достойное тиранов, но ведущее к стагнации.

— Не выношу, когда кто-то выше меня, — признался Душегуб.

— Молодец, — проговорил Удалов. — Так будь выше всех!

— И выше тебя?

— Значительно выше!

— Но как?

— Прикажи увеличить все население страны в десять раз! В сто раз!

— А я?

— А себя увеличь в сто пятьдесят раз!

— Опусти меня вниз! — приказал Душегуб.

Удалов подчинился.

— Ученых ко мне! — громко пискнул тиран.

В мгновение ока сбежались ученые.

Удалов слушал, как тиран дает им рабочее задание, смотрел, как разбегаются по своим лабораториям обрадованные ученые, а сам в это время отгонял от возбужденного города мух и стрекоз.

Острадаму надоело ждать, и он пошел обратно к машине мгновенного перемещения. От угла он обернулся и крикнул:

— Корнелий, идем, они сами разберутся!

Корнелий кивнул и вскоре догнал товарища. Дальше они шли молча, занятые своими мыслями. Через три часа город остался позади. У машины Удалов вынул из кармана Душегуба и поставил его на землю.

— Что ты наделал! — охнул Острадам. — Ему же до города три месяца идти. Да и дорога опасная...

— Дай ученым потрудиться в свое удовольствие, — сказал Удалов. — Дай отдохнуть населению. Глядь, и перерастут тирана...

Глава 20, в которой бушует гражданская война

Следующая планета встретила путешественников утробным гулом и раскатами жестяного грохота. Шум настолько въелся в ее атмосферу, что воздух, насыщенный пылью, сажей и газами, посто-

янно колебался, дрожал, отчего очертания предметов были неясными и обманчивыми.

— Опять экологические беды? — закричал Удалов, стараясь перекрыть гул.

Острадам кивнул. Хотя вскоре обнаружилось, что он ошибся.

По низине, затянутой туманом, где среди редких гнилых пней валялись ржавые станки, рваные шины, сплющенные консервные банки и прочие ненужные вещи, путешественники добрались до широкого разбитого шоссе. Они вскарабкались на выступавшую из тумана насыпь и оттуда смогли обозреть окрестности.

В пределах видимости обнаружилось несколько строений. Насколько можно было разобрать сквозь пелену дрожащего воздуха — это были странные гибриды между феодальными замками и промышленными предприятиями. Из-за высоких стен над вершинами зубчатых башен поднимались фабричные трубы, выплескивая в серое небо разноцветные струи дыма.

Пока Удалов с Острадамом рассуждали, к какому из замков им направиться, грохот усилился. По шоссе надвигалась колонна машин.

Отступив на обочину, путешественники ждали приближения колонны.

Шествие открывало сооружение, схожее с бронепоездом. Оно состояло из нескольких бронированных вагонов и платформ. Из вагонов торчали дула пулеметов, на платформах стояли длинноствольные орудия.

Одно из орудий развернулось, показав Удалову черную внутренность ствола, но тот стоял неподвижно, памятуя из книжек, что хуже нет, чем убегать от крупного хищника. На неподвижных храбрецов тигры и медведи обычно не нападают.

Бронепоезд миновал Удалова. Сквозь грохот до Корнелия донесся дробный мелкий стук — это колотились зубы Острадама, которого пришлось крепко схватить за руку, чтобы он не кинулся бежать и не погубил этим себя и своего товарища.

За бронепоездом ехали самоходные орудия грозного, но примитивного облика, затем десятка два тяжелых грузовиков. Кузова их были пустыми, а в кабинах находились строгие автоматчики в надвинутых на глаза серых касках.

За грузовиками следовал штабной бронеавтомобиль.

И надо же было так случиться, что именно в тот момент, когда он поравнялся с путешественниками и Удалов решил, что встреча с боевой колонной закончилась благополучно, у броневика лопнула шина. Накренившись, он скатился к обочине и замер.

В узкой щели над дверью показались глаза.

Глаза строго смотрели на Удалова. Удалов несмело улыбнулся и кивнул — ему не хотелось портить отношения с владельцем глаз, у которого под рукой был спаренный пулемет.

Броневик тревожно загудел, и по колонне прокатились ответные гудки. Грузовики и самоходки тормозили, поднимая густую пыль.

Дверца броневика распахнулась, оттуда выскочили два автоматчика в серых касках и взяли путешественников на прицел. Острадам снова было рванулся в бега, но Удалов ухитрился в последний момент удержать его.

Вслед за автоматчиками из броневика тяжело выбрался толстый, ответственного вида мужчина в полувоенной одежде и начищенных сапогах.

За мужчиной следовал бравый адъютант с аксельбантом, при эполетах, в фуражке с пышным гербом. Под мышкой он держал папку для бумаг.

По знаку адъютанта автоматчики шустро обыскали Удалова и Острадама, но ничего подозрительного не нашли, о чем и доложили начальнику.

— Шпионы? — произнесло начальство, пронзая Удалова взглядом.

Непроизвольно вытянувшись, Удалов ответил:

— Никак нет. Путешествуем.

— Общественность? — спросило начальство еще строже.

— Но не местная, — поспешил с ответом Острадам. — Пролетная.

Удалов протянул документы, и адъютант, изучив их, доложил начальству, что Удалов — существо с другой планеты.

У Острадама документов, конечно, не было, но Удалов за него поручился.

Тем временем водитель с помощью автоматчиков менял колесо, а прочие военнослужащие рассыпались по обочинам шоссе и отдыхали.

— Простите, — спросил Удалов, воспользовавшись паузой. — А что у вас происходит? Война?

Этот вопрос вызвал в начальстве вспышку подозрительности.

— Может, они из газеты? — предположило оно, обращаясь к адъютанту.

Слово «газета» вызвало неожиданную и довольно резкую реакцию со стороны автоматчиков и даже экипажей соседних машин. Все схватились за автоматы и пистолеты.

— Нет, — заверил Удалов. — Мы проездом. Сейчас осмотримся и дальше. Нам тут нечего делать и, честно говоря, не нравится.

— Не нравится, — задумчиво произнесло начальство. Оно сняло шляпу, вытерло ею лицо и село на складной стул, который адъютант вынес из броневика. — Мне тут тоже не нравится. Вы у себя там какую должность занимаете?

На Острадама оно не глядело. Может, по причине малого роста, а скорее, как догадался Удалов, оттого, что у Острадама были длинные волосы, чего начальство на дальних планетах не выносит.

— Руковожу стройконторой, — честно ответил Удалов.

— И трудно? — спросило начальство. Оно говорило усталым голосом немолодого человека, обремененного обязанностями.

— Когда как. Сейчас я в отпуске.

— А я вот четвертый год без отпуска, — сообщило начальство.

— Дела? — догадался Удалов.

— Дела.

Помолчали.

Адъютант принес начальству стакан воды. Удалову и Острадаму не предлагали. Они и не обижались. В Удалове боролись два чувства: любопытство и опасение. Любопытно было узнать, что творится на этой незнакомой планете. Опасно было оставаться долго в обществе начальства, которое направляется в военный поход.

— Я бы не назвал ситуацию критической, — сказало начальство, допивая и возвращая стакан адъютанту. — Войны у нас нет. Но работаем в трудных условиях.

— Простите, но нам, пришельцам, это непонятно. Что за работа?

— Вот там, видишь? — Перейдя незаметно на «ты», начальство показало рукой на отдельный замок, увенчанный заводскими трубами. — Там мое графство.

— Какое графство?

— В переводе на ваш земной язык оно именуется Главтяжпрокатконструкцией.

— А зачем такие стены?

— А как же без стен?

Удалов кивнул, будто согласился, что без стен графству нельзя.

— Значит, делаете конструкции, — продолжал он. — А сейчас куда собрались?

— В поход, — ответил граф. — Вон против них.

Он показал вперед, где несколько в стороне от шоссе возвышались стены другого замка и дымили другие трубы.

— А кто они? — спросил Удалов.

— Наши заклятые поставщики, — ответил граф. — Княжество Главтяжлитейпрокатлист.

— А зачем в поход?

— А как иначе нам добиться поставки листового проката? Уже второй квартал мы задыхаемся, а они игнорируют все наши требования. После прошлой трехмесячной войны, в которой с нашей стороны выступали герцог Главстанкострой и боевые дружины Главсельхозмашины, они обязаны выдать нам контрибуцию в объеме...

— Триста тонн листа ежемесячно, — подсказал адъютант.

— Но эти мерзавцы втянули в свою коалицию три баронства и одно герцогство, переманили посулами и жалкими подачками Главхолодильмонтажсбыт и дезавуировали мирный договор. И теперь мы идем жестоко мстить этим лицемерам и обманщикам. Неужели мы не правы?

— Конечно, правы! — искренне согласился Удалов. — Они же вас лишили сырья. У вас стоят станки. Народ ждет от вас продукции... Я разделяю ваше возмущение.

— Вот насчет народа, ты эту демагогию брось, — поморщился граф. — Народ — это мы. Наш славный народ Главтяжпрокатконструкции в едином порыве сплоченно идет за мной.

— Но ведь вы же выпускаете продукцию.

— Разумеется. В этом смысл существования нашего замка.

— А какие это конструкции?

— Да вот они — на шоссе стоят. — И начальство показало обескураженному Удалову на вереницу самоходок, бронегрузовиков и другой военной техники.

— И когда вы отвоюете этот прокат...

— Тогда мы утроим наши силы и пойдем в бой на остальных поставщиков!

Удалов растерянно кивнул. Он еще не до конца осознал особенности экономической структуры этой планеты.

— А впрочем, Удалов, — произнес граф, изобразив на лице отеческую улыбку, — я вижу, что ты прилетел с очень отсталой планеты. Тебе еще учиться и учиться. Так что предлагаю — присоединяйся к нам, поглядишь в деле молодцов из Главтяжпрокатконструкции. Все готово? По машинам!

— Я бы с удовольствием, — ответил Удалов. — Но, к сожалению, дела требуют присутствия...

Он не успел договорить, потому что Острадам внезапно дернул его за рукав:

— Смотри.

Удалов оглянулся.

По низине, скрываясь по пояс в пыли и тумане, к ним спешила Тулия с могильщиком. Удалов сразу принял решение.

— Спасибо, — сказал он графу. — Мы согласны. Куда садиться?

— Давай ко мне в броневик, — пригласил граф.

Они мгновенно нырнули в открытую дверцу боевой машины, надеясь, что преследователи не успели их разглядеть среди сотен сотрудников и бойцов Главтяжпрокатконструкции.

В броневике было душновато и тесно. Граф уселся в обитое бархатом кресло, остальные устроились на ящиках с боеприпасами. Колонна медленно двинулась вперед.

Глянув в узкую смотровую щель, Удалов увидел, что могильщик и Тулия семенят вдоль шоссе, заглядывая в боевые машины. Удалов облегченно вздохнул. Теперь оставался пустяк — избежать прямого участия в конфликте с поставщиками.

— Значит, — Удалов обратился к графу, — все предприятия на вашей планете такие... автономные.

— Каждое блюдет свои интересы, — согласился собеседник. — Интересы расширенного воспроизводства. Иначе наступит анархия.

— А за пределами ваших замков...

— За пределами — моральная пустота, — резко ответил граф.

— Общественность! — воскликнул, поморщившись, адъютант.

— Пресловутая якобы общественность, — уточнил граф.

Броневик подпрыгивал в рытвинах, пыль пробивалась в щели.

— А впрочем, — граф лукаво улыбнулся, — нет худа без добра.

Они с адъютантом засмеялись, и тут же граф пояснил:

— Почему мы едем за поставками именно сегодня? Потому что гарнизон противника сильно ослаблен. Разведка донесла, что вчера при попытке отравить для заводских нужд последнее в этих краях озеро мелиоративный батальон Главтяжлитейпрокатлиста попал в засаду, устроенную так называемой общественностью соседнего города.

— Исторически объяснимо, — вмешался адъютант. — Может, в учебнике читали: конфликт между городами и баронами?

— Это было при феодализме! — резко оборвал его граф. — Мы же вырвались далеко вперед.

И он похлопал пухлой ладонью по рукояти пистолета.

— И что же было дальше?

— Прокатлист подтянул основные силы. С ночи идут упорные бои на берегах озера. И пока они конфликтуют с общественностью, мы ударим в тыл! — торжествующе воскликнул граф. — В этом наша стратегия!

— Вы добудете прокат и будете из него делать броневики, чтобы добывать прокат и делать броневики? — постарался осмыслить ситуацию Острадам.

Но граф игнорировал вопрос длинноволосого карлика. Он приподнялся и смотрел в щель — видно, цель похода была уже близка.

Вдруг впереди послышались грохот, выстрелы, лязг и визг тормозов. Адъютант начал задавать вопросы в рацию, но рация лишь трещала и ничего не выдавала в ответ.

— В разведку! — крикнул граф.

Адъютант шумно вздохнул. Автоматчик открыл дверцу броневика и первым выскочил на шоссе. Адъютант последовал за ним. И тут же в открытую дверь влетело несколько небольших белых снарядов.

«Все! — мелькнуло в голове Удалова. — Конец!»

Он бросился на пол. Сверху на него навалился визжащий граф. Но взрыва не последовало. Лишь легкий треск, заглушаемый криками... И страшная вонь...

Удалов попытался освободиться из-под графской туши. Прямо перед глазами было что-то знакомое... Конечно же! Разбитое тухлое яйцо.

Дышать было невозможно. Все новые тухлые яйца и иные некогда съедобные, а ныне разложившиеся предметы влетали в дверцу броневика. Граф сполз с Удалова и, хрипя, рванулся к двери. Его туша застряла в ней, и это оказалось роковым для экспедиции. Покрытая плесенью, невероятно вонючая и скользкая палка вареной колбасы, выпущенная, как потом понял Удалов, из катапульты, установленной в засаде у дороги, поразила графа в переносицу, и он без чувств вывалился на шоссе.

Удалов с Острадамом, отделавшись малыми ранами, скатились в кювет.

Там скрывались остатки армии графства Главтяжпрокатконструкция. Рядом с ними, задыхаясь от миазмов, корчился адъютант.

— Кто это? — спросил у него любознательный Удалов. — Чья засада?

— Негодяи! — прохрипел адъютант. — Ничтожные выродки из Главмясяйцомолока!

— Сдавайтесь! — послышался голос, усиленный рупором. — Ваш граф в плену. Если не сдадитесь сейчас, задохнетесь!

— Пора сдаваться, — с горечью произнес адъютант.

— Но что им нужно? — настаивал Удалов.

— Наша боевая техника, — ответил адъютант, с поднятыми руками выползая из кювета. — У них ведь тоже есть поставщики и потребители...

— Бежим! — шепнул Удалов. — Пока они пленных считают...

И они с Острадамом быстро уползли в туман.

Через два часа, чуть не попав в центр боя между батальонами

Главтяжлитейпрокатлиста и общественностью, чудом избежав трех засад и двух перестрелок, они вернулись к машине мгновенного перемещения.

Глава 21, в которой путешественники попадают на планету, не достигшую цивилизации

Еще один мир удалось увидеть на бегу. Преследователи буквально наступали на пятки.

Он был населен существами, склонными заниматься не своим делом.

Как раз возле того места, где Удалов с Острадамом высадились на планете, располагалось поэтическое издательство, где редакторами служили свинарки, а авторами были ассенизаторы. Редакторы же выкармливали свиноматок, а поэты чистили нужники. Но никого это не удивляло.

Чуть дальше путешественники увидели балетный театр, в котором танцевали бухгалтеры и дискоболы, потому что балерины были по горло заняты выведением слонов, в то время как погонщики слонов добивались успехов в теоретической алгебре. Все были при деле, все были страшно заняты, но все же Удалову посчастливилось: обнаружились люди, которые сооружали космический корабль. Со строителями удалось поговорить. Они даже показали тот корабль. Их детище оказалось пышным по форме и многоцветным. Строители клялись, что сооружение корабля будет завершено в ближайшие дни, и звали гостей присоединиться к созидательному труду. Но путешественники от приглашения отказались: строители космического корабля оказались по специальности кулинарами.

Несмотря на очевидную ненормальность такого перераспределения труда, тамошняя пресса и телевидение не уставали воспевать живописцев, что высиживали за пингвинов яйца, и врачей, отдававших все силы выпиливанию по дереву. Впрочем, в газетах трудились большей частью умельцы по гибридизации ананасов.

— Как же вы? — спрашивал Удалов у аборигенов.

— А то как же? — говорили некоторые.

Другие говорили:

— Еще как!

Но глаза Удалова открылись только после случайной встречи с бабусей, на которую он натолкнулся в густом кустарнике, когда

пробирался обратно к машине мгновенного перемещения, таясь от преследователей.

Бабуся, по ее признанию, собирала лечебные травки для аптеки.

— И попадаются? — спросил Удалов.

— Откуда мне знать, — ответила бабуся. — Я председатель местного общества слепых.

— Разве вы не зрячая?

— А у нас в обществе все зрячие. Настоящие слепцы из луков стреляют. Но траву эту я не выношу, и, по мне, эти травинки все на одно лицо.

— Так и отравить кого-нибудь можно, — сказал Острадам.

— Не без этого, — призналась бабуся.

— Но кто же это дозволяет?

— Король наш. По специальности он спелеолог и третий год живет в пещере без связи с внешним миром.

— Как же ваше государство существует? — изумился Удалов.

— А нам все равно, — ответила бабуся.

— Всем все равно?

— Абсолютно всем.

— Ну, если всем, — согласился мудрый карлик Острадам, — тогда без разницы.

Тут в кустах зашуршало. Похоже, приближалась неутомимая Тулия.

Удалов с Острадамом еле успели нырнуть в машину... Через несколько мучительных минут перелета они вылезли на планете, которая вначале внушила им надежды.

В оранжевых закатных облаках, собравшихся над холмами у горизонта, пролетело космическое тело. За ним тянулся дымный след. Карлик, уже отчаявшийся выбраться из этого лабиринта чужих миров, схватил Удалова за рукав:

— Корнелий, мы спасены!

— Хорошо бы, — сказал Удалов. — Пора возвращаться. Опасаюсь, что слухи о моем исчезновении достигнут Ксении, а в стрессе она ужасна.

— Тогда поспешим, пока не выскочили эти дьяволы. Никак они след не потеряют.

— Что поделаешь, микробы, примитивные существа. Пока нас не прикончат, не успокоятся.

— С ними не договоришься, — согласился карлик. — Не найдешь разумного компромисса. Погляди, что там за рощей?

За рощей располагалось первобытное поселение, обнесенное высоким тыном. На углах ограды возвышались деревянные башни.

— Неужели и здесь графы и бароны промышленности ведут войну? — произнес Удалов. — Хотя надеюсь, что нет здесь еще никакой промышленности. И воздух чистый. Но тогда и кораблю взяться неоткуда.

— Корнелий, перестань сомневаться! — осерчал Острадам. — Разве ты собственными глазами не видел, как по небу пролетело что-то современное?

Они выбрались на пыльную проселочную дорогу с глубокими колеями, оставленными телегами или колесницами. Солнце припекало. Удалову докучали слепни и мухи, которые то и дело садились на его обнаженные плечи и безжалостно жалили его.

Корнелий отломил хворостину и принялся стегать себя по плечам и груди. От ударов оставались красные полосы. Конечно, было больно, но лучше, чем когда тебя жалят. Удалов стегал себя столь усердно, что местный поселянин, который увидел Удалова, воскликнул:

— Святой человек! Плоть истязает!

И с этой вестью, не замеченный усталыми беглецами, поселянин бросился короткой дорогой к замку, чтобы сообщить о достойном страннике.

А беглецы не дошли до замка. В километре от него карлик вдруг остановился и сказал:

— Кажется, это то, что мы ищем.

Удалов перестал себя стегать и осмотрелся. Никаких следов космического корабля или хотя бы космодрома.

— Ты что имеешь в виду? — спросил он.

Острадам, который сохранил куда больше сил, чем его спутник, резво сбежал с дороги и, пробравшись сквозь бурьян, выскочил на голое поле.

— Сюда, Удалов! — крикнул он. — Мы и вправду спасены!

Удалов с трудом перебрался через канаву, угодил в крапиву и, чуть не плача, подошел к карлику.

— Ты посмотри, где стоишь! — торжествовал Острадам. — Ты погляди под ноги.

Удалов посмотрел под ноги и ничего не увидел. Земля как земля, твердая, голая...

— Она же прокалена! — Карлик топнул ногой, и раздался гулкий звук, словно он стучал по обожженному горшку. — Сюда садятся космические корабли! Никакого другого объяснения я не нахожу и искать не намерен.

— Так где же корабли?

— Не понимаешь? Это отсталый мир, связь с которым поддерживают только экспедиции. Они прилетают обменивать промышленные товары на местное сырье. Обычная система в Галактике. Никакого вмешательства во внутренние дела развивающихся планет, но ограниченное экономическое сотрудничество.

Площадка была невелика, круг диаметром метров в сто. Значит, сюда прилетали не очень большие корабли. Ну что ж.

У Острадама есть опыт космических путешествий. Ему лучше знать, куда садятся космические корабли.

— Я посижу, подожду, — сказал Удалов. — Устал очень.

— И не мечтай! — ответил предсказатель. — Ты что, забыл, что за нами гонятся микробы? Затаимся в кустах.

— Затаимся, — покорно согласился Удалов. — Хорошо бы корабль поскорее прилетел. А то ведь и от голода можно помереть.

Послышался стук копыт.

По дороге от замка к путникам неслась кавалькада. Деваться было некуда, прятаться поздно.

Всадники, одетые в плащи и куртки из звериных шкур, вооруженные короткими мечами и копьями с бронзовыми наконечниками, неслись на Удалова так стремительно и грозно, что Корнелий зажмурился, размышляя о том, как обидно погибнуть от руки дикаря после всех приключений и чудесных избавлений.

Но стук копыт прервался у края площадки, и послышался густой бас:

— Какой из них святой человек?

— Вот этот!

Удалов раскрыл глаза и увидел, что оборванный поселянин указывает на него солидному, облаченному в львиную шкуру мужчине с зеленой бритой головой и длинными, спадающими на грудь фиолетовыми усами. В руке у мужчины была тяжелая палица.

— Ты свою плоть изнурял? — спросил мужчина Удалова.

— Она у меня изнурена до крайности, — признался Удалов. — Скоро кончится.

Гигант с усами подъехал поближе и разглядел шрамы, царапины и крапивные ожоги на обнаженном теле Удалова.

— Смотри, как ты себя, — произнес он с уважением. — А чего пожаловали?

— Ищем спасения, — сказал Удалов.

— Правильно, — ответил усач. — Мы все на этой земле гости. Мы все должны искать спасения. Мне наш жрец об этом говорил.

— Это очень разумно, — вежливо согласился Острадам.

— Слишком абстрактно, — возразил усач. — Лучше бы конкретными делами помогал своему племени. А то не мог хорошей погоды к страде обеспечить. Пришлось его убить.

— Но ведь это не в его силах, — сказал Удалов. — Даже на очень

передовых планетах предсказания погоды еще недостаточно надежны.

— Мне плевать, что творится на так называемых передовых планетах. Но, как вождь племени, я несу ответственность за наше земледелие. И если я не найду виновного в плохом урожае, виноватым буду я. Что же, прикажете меня, что ли, убивать?

Возмущенные возгласы диких наездников, которые сопровождали вождя, были ответом на эти слова. Ясно было, что наездники не дадут вождя в обиду и не позволят его убивать.

— Так что я теперь без жреца, — сказал усач. — Вдруг мне сообщают: идет по дороге святой человек, стегает себя прутом. Ну, думаю, если он без зрителей это делает, значит, настоящий жрец. Придется тебе перейти ко мне на службу.

— Нет, спасибо, — ответил Удалов. — Я строитель, а не агроном. Вот, может, мой товарищ согласится? Только, говорят, ему завтра-послезавтра умирать. Сам себе предсказал.

— Это так, — поклонился вождю Острадам. — Я с удовольствием остался бы у вас и занялся предсказаниями на примитивном уровне. Но на что вам жрец, который так скоро помрет?

— Да, если бы сейчас у нас была жатва, тогда такой предсказатель в самый раз. Убили бы тебя за неурожай, и дело с концом. А у нас сейчас только-только сев закончили. Рано...

Усач задумался, потом предложил:

— Пошли, что ли, ко мне, святые люди?

— Нельзя, — ответил карлик. Он обвел рукой вокруг себя, показывая на обожженную землю. — Ждем.

— Кого?

— Корабль, — объяснил Удалов.

— Космический шлюп, — уточнил Острадам.

— Зачем его ждете? — спросил усач подозрительно.

— Нам улететь на нем надо.

— Так прямо на нем и летаете?

— Как же еще?

— О! — раздались возгласы в толпе наездников. — Это великие чародеи. Не отпускай их, вождь!

— И не страшно? — спросил вождь.

— Чего бояться? Мы привыкшие.

— А я вот в моем должностном бесстрашии никогда бы не полетел, — сказал усач.

Все замолчали. Дикие воины почтительно ждали, к какому решению придут чародеи. В отдалении послышались шум, выстрелы, затем звон оружия и крики.

— Что там еще? Кто нас отвлекает? — возмутился вождь. — Мы же беседуем. Выясни!

По приказу вождя один из наездников пришпорил коня и поскакал за холмы узнавать, в чем дело. Удалов с карликом переглянулись. Похоже было, что их палачи близко.

— Враги нас преследуют, — сказал карлик вождю. — Может, укроете нас, пока суд да дело?

— Не понимаю, — пробасил усач. — Как же так, такие чародеи — и кого-то боитесь?

— А у нас и враги соответствующие. По нашим масштабам подбираем, — сказал карлик. Говоря так, он выпятил покрытую черной шерстью грудь и засверкал глазками.

— Это правильно, — согласился вождь. — Врагов надо выбирать по уровню. Дрянной враг может подорвать престиж.

«Интересная личность, — подумал Удалов, глядя на зеленую голову и фиолетовые усы вождя. — Как стремится к цивилизации! По его речи и манере выражаться видно, что, прежде чем убить очередного колдуна, он с ним ведет поучительные беседы».

— Но даже стосильных врагов таиться стыдно, — произнес вождь.

— Мы безоружны, — ответил карлик. — Вооружимся, сами за ними начнем бегать.

— За оружием дело не станет, — заверил вождь. — Дать им коней и мечи!

Затем он обернулся к беглецам и добавил:

— Я с искренним интересом буду наблюдать за вашей битвой с врагами. Даже буду за вас переживать. А если вы погибнете, над вами будет насыпан почетный курган, а врагов ваших мы убьем и съедим. Так что сражайтесь спокойно.

— Нет, — возразил карлик, принимая копье из рук всадника. — Таким оружием с нашими врагами не справиться. У них оружие заколдованное, действует на расстоянии.

— Ну и что? — удивился усач. — Заколдуйте свое оружие, и оно тоже будет действовать на расстоянии. Да я и без колдовства могу.

С этими словами вождь метнул свое копье, оно пролетело метров пятьдесят и вонзилось в ствол большого дерева, расщепив его пополам.

— Славный бросок! — закричали наездники. — Слава вождю!

Из-за расщепленного дерева показалась небольшая процессия. Впереди плелись, понукаемые всадниками, избитые и несчастные девушка Тулия в измаранном землей серебристом купальном костюме и могильщик, длинный балахон которого порвался, сквозь прорехи виднелось костлявое тело, а поля мухоморовой шляпы

опустились на уши, скрывая лицо. Прекрасная Тулия была не причесана, глаза были не подведены, а губы не накрашены.

Один из воинов подскакал к вождю, бросил перед ним на землю пистолеты пленников и сказал:

— Великий вождь, эти ничтожные возмутители тишины бегали по твоим владениям, искали какого-то Удалова, напали на вашего уважаемого дедушку и попытались заставить его признаться, где Удалов.

— Ай-ай-ай, — огорчился вождь. — Какая наглость! Моему дедушке сто три года. Могли бы и пожалеть. И чем все это кончилось?

— Чем и должно было кончиться, — ответил древний старик, похожий на вождя, только усы у него были белыми и доставали до пояса. Старик крепко сидел на коне и держал в руке концы веревок, которыми были связаны руки пленников. — Очень я на них рассердился. Сижу, размышляю о нетленном, вечном, о праве любой букашки на неприкосновенность, солнышко светит, орлы прилетели, из моих рук зерно клюют, вдруг эти мерзавцы подбегают и начинают шумно требовать, чтобы я им выдал Удалова. Машут перед моим носом этими палками. — Старик показал на пистолеты, лежащие на земле. — Я им говорю: отойдите, я думаю. А они угрожают. Вот и пришлось их скрутить.

Старик легко спрыгнул с коня и добавил:

— Их счастье, что я так стар и немощен. А то бы невзначай придушил.

— Да здравствует дедушка нашего вождя! — закричали наездники.

— Ну, что вы мне скажете? — спросил вождь у пленных. — Зачем пожаловали?

— Произошла ошибка, — сказала Тулия. — Мы просто заблудились... — И в этот момент ее взгляд упал на Удалова. — Ах вот ты где! — воскликнула девушка. — Вот ты мне и попался!

Тулия рванула к Удалову, и тот от неожиданности даже отступил на шаг. Старик дернул веревку на себя, Тулия не удержалась и упала. Могильщик тоже на всякий случай упал.

— Погоди! — взревел вождь. — Чародей Удалов! Не ваши ли это могущественные враги?

— Они самые.

— И не их ли чародейское оружие лежит у наших ног?

— Оно самое, — сказал Удалов.

— Какие же вы чародеи, если мой немощный дед с вашими врагами справился? И я хотел такого ничтожного человека сделать

своим личным жрецом! Да ты знаешь, каких я жрецов уже уничтожил? Героев! Мастеров своего дела!

— Простите, но я не просился к вам в жрецы, — возразил Удалов. — Я даже отказывался.

— И правильно делал, — сказал вождь. — Твое счастье. Что с этими наглецами будем делать? Дедушка, тебе рабы нужны?

— Не нужны мне рабы, — ответил дедушка. — Я теперь думаю о вечности. Незлобивый я стал, непритязательный.

— Тогда придется их в жертву принести, — решил вождь. — А то дождей вторую неделю нет.

— Правильно, — поддержал вождя карлик Острадам. — Только близко к ним не подходите, когда в жертву будете приносить. Они очень заразные.

— Не исключено, — произнес вождь. — Мне один жрец, вечная ему память, рассказывал, что есть на свете разносчики заразы ростом меньше комара. Невероятно, но допустимо. А вы как думаете?

— В миллион раз меньше комара, — сказал карлик. — Я сам видел.

— Вот и врешь, дурак. Как же ты их видел, если и комар с трудом поддается наблюдению?

— Не дурак я, — обиделся Острадам. — Если не умру послезавтра, пришлю прибор, именуемый микроскопом. В нем все видно.

— И не обманешь? — спросил вождь. — А то мне один жрец, чтобы я его не убивал, обещал Прибор раздобыть. Я его отпустил за Прибором, а он не вернулся. Может, наврал он мне? Может, и нет на свете Прибора?

— Есть Приборы, — заверил вождя карлик. — Привезет. Может, у вашего жреца трудности с транспортом.

— Ну, ладно. Постарайся не умирать, — сказал вождь. — Я очень заинтересован в этом самом микроскопе. А чтобы зараза нам не грозила, давай поскорее принесем твоих врагов в жертву. Как их лучше умертвить?

— Сжечь, — предложил карлик, — самое гигиеничное.

— Правильно, — согласился вождь, — мы же стремимся к культуре и гигиене. Молодцы, собирайте сучья, а мы пока перекусим.

Удалов был страшно голоден, но вдруг аппетит пропал. Он всегда такой, Удалов. Казалось бы, не должно быть пощады врагам...

— Пощадите нас, — проговорила тихо Тулия. — Мы обещаем никогда больше вас не беспокоить. Мы ошиблись.

— Не могу. Я другу обещал, — ответил вождь, усаживаясь на подушки и внимательно наблюдая, как слуги расставляют на шкуре кувшины с вином и миски с пищей. — Он мне микроскоп дос-

танет. Я ведь страшно любознательный. Мне до цивилизации осталось каких-нибудь два шага.

— Три микроскопа! — закричала Тулия. — Четыре микроскопа! Целую микробиологическую лабораторию!

— Ах, не надо меня соблазнять! — раздраженно ответил вождь. — Я человек простых устоев и стойкой морали. Следовательно, своих обещаний не отменяю. Если я буду продаваться за микроскопы, какой пример я подам моему народу? Все вокруг начнут продаваться за микроскопы. Ну, гости, садитесь за стол. Выпьем за знакомство.

Удалов послушно сел вместе со всеми, но на душе у него было неспокойно. Он то и дело оглядывался на Тулию и думал о том, что, если не считать отвратительного микроба, это простая, добрая и очень красивая девушка, несмотря на то что у нее не подведены глаза и не подкрашены губы. А Тулия, перехватив сочувственный взгляд, воззвала к состраданию Удалова:

— Корнелий, мы же любили друг друга.

— Это был обман, — отметил Удалов. — Я полюбил тебя без начинки.

Могильщик сказал негромко:

— Может, дадут мне выпить немножко? Перед смертью.

— Дайте ему кубок, — сказал вождь.

Тулия тихо плакала. Могильщик поднял кубок и произнес:

— Похоронить меня здесь будет некому. Такой позор. Я могильщик в десятом поколении, а меня некому похоронить.

Отпив половину вина, могильщик протянул кубок вождю. Вождь, приняв из рук могильщика недопитый кубок, задумчиво понес его к губам. Он уже готов был отхлебнуть из него, как, почувствовав неладное, Удалов неожиданно бросился к вождю и отчаянным ударом выбил кубок из его руки.

— Что такое? — Вождь вскочил и выхватил меч. — Ты умрешь раньше, чем они! Такого оскорбления...

— Погодите, уважаемый, — послышался голос могильщика. — Удалов сейчас спас вас от участи худшей, чем смерть. Мой микроб в опасении моей гибели перепрыгнул на край кубка и готов был уже внедриться в вас через рот. Благодарите Удалова, что не заразились.

— Вы можете меня убить, — сказал Удалов. — Но я вас спасал.

— Если оба так говорят, то я предпочитаю верить. А где же тот микроб, который хотел меня заразить?

— Он очень мал, — объяснил Удалов. — Его не увидишь без микроскопа.

— Так почему же вы медлите с доставкой микроскопа?! — возмутился вождь. — Я даже не могу разглядеть своих врагов!

В этот момент Острадам заметил, что Тулия потянулась к краю шкуры, заменявшей скатерть.

— Назад! — крикнул карлик, а сообразительный дедушка вождя дернул за веревку.

Рука Тулии повисла в воздухе.

— Она хотела его подобрать, — сказал карлик, становясь на четвереньки и водя носом над самой скатертью. — Он где-то здесь.

Карлик так спешил и волновался, что ногой опрокинул миску с жареным гусем и кувшин с самогоном. Но никто не обиделся. Все были захвачены стремительным ходом событий.

— Кипяток! — приказал карлик, протягивая руку назад. — Быстро!

В голосе и манерах его было что-то, напоминавшее Удалову хирурга, который в детстве вырезал ему гланды.

Слуга, державший в руках медный чайник, послушно передал его карлику, и карлик принялся поливать кипятком край шкуры. Вдруг раздался громкий писк. И прервался...

Тулия подняла руки к вискам и сказала скорбно:

— Вечная слава тебе, мой двоюродный племянник! Ты погиб в войне с коварными врагами.

— Все, — проговорил карлик, выпрямляясь и возвращая чайник слуге. — С одним врагом покончено. И я советую поскорее уничтожить второго.

— Что вы там медлите? — прикрикнул вождь на слуг. — Костра разжечь не умеют!

И вождь, будучи человеком первобытным, потер ладони, предвкушая жестокое развлечение.

— Корнелий, — взмолилась девушка, — ты же знаком с моей мамой.

— Да, — подтвердил Корнелий.

— Корнелий, мои чувства к тебе не изменились. Я только вынуждена была их скрывать. Теперь больше не буду. Я твоя. Делай что хочешь. Хочешь — убей своими руками.

— Нет, — сказал Корнелий. — Мне трудно в это поверить. Я знаю, насколько коварная Верховная матка сидит в тебе и говорит твоими устами.

— Мы вместе говорим, — ответила Тулия. — Мы совершенно солидарны в любви к тебе, Корнелий. Мы скроемся на дальней планете и будем жить в любви и согласии.

Корнелий поднялся с места и сделал шаг к девушке. Чувства в нем воспалились. Бывает так в жизни! Корнелий отчетливо пони-

мал всю пагубность любви к этой девушке, внутри которой таился злобный и равнодушный к Удалову микроб. Нельзя ее любить! Но и разлюбить ее Удалов не мог.

— Придется его связать! — воскликнул Острадам. — Он сейчас опасен. Он подобен спутникам Одиссея, которые услышали сирен и попрыгали в море.

— Про Одиссея ты нам расскажешь потом, — произнес вождь, — а Удалова мы свяжем. Я не выношу, когда ради красивой бабы мужчины теряют чувство собственного достоинства.

По знаку вождя слуги навалились на Удалова и собрались уже его вязать, как в голову Корнелию пришла светлая мысль.

— Я знаю! — закричал он, барахтаясь под сильными молодыми телами диких воинов. — Я попытаюсь спасти Тулию!

— Хитрит, — сказал карлик. — Безумие любви.

— Хитрит, — согласился вождь.

— Я тоже когда-то любил, — припомнил дедушка. — И меня тоже вязали.

Только могильщик не сказал ничего. Он сидел в сторонке и обгладывал кость. Он истосковался по настоящей пище.

— Ну что сделать, чтобы получить право приблизиться к девушке? — спросил Удалов в отчаянии.

— Нельзя тебе приближаться, — сказал карлик.

— Но для меня микробы не опасны.

— Потом поздно будет разбираться.

— Я бы выкупил у вас девушку, — предложил Удалов вождю.

— Я не продаю лиц, предназначенных на убой, — сказал вождь с чувством собственного достоинства.

— Неужели нет никакого выхода? — кричал Удалов, извиваясь под молодцами.

— Думай, Удалов, думай! — поддерживала его девушка Тулия. — Я всегда с тобой!

— Есть выход, — сказал вдруг дедушка.

— Ну, это не выход, а самоубийство, — ответил вождь, который понимал своего дедушку с полуслова.

— Это древний обычай, — произнес дедушка, — и не нам отменять обычаи. Без традиции общество деградирует.

— Какой обычай? — спросил Удалов.

— Вот если он прилетит, тогда, считай, тебе повезло. Или не повезло.

— Кто прилетит? — вмешался Острадам.

— Тот, кого вы ждете. Сами же сказали, что хотели на нем отсюда улететь. И не боитесь.

— Мы хотели на космическом корабле улететь.

— О космических кораблях по причине низкого уровня нашей цивилизации мы не подозреваем, — заявил вождь. — Нет у нас космических кораблей.

— Но кто же у вас по небу летает? Кто же тогда это поле выжег? — удивился карлик. — Чья это посадочная площадка?

— Известно чья, — сказал вождь, — дракона.

— Еще дракона не хватало, — возмутился Острадам. — Зачем вы нас вводили в заблуждение?

— Никто не вводил, сами ввелись, — заметил вождь.

— А что я должен сделать с драконом? — прохрипел придавленный Удалов.

— Что обычно с драконами делают? Убить. Отрубить все три головы. Кстати, это еще никому не удавалось.

— Это несерьезно, — сказал карлик. — Удалов нам нужен живой.

— Обычай есть обычай. Наши предки постановили. Если герой хочет получить в вечное пользование девушку, он может выйти на бой с драконом. И погибнуть. Но если он победит дракона в честном бою, то девушка достанется герою и он должен на ней жениться.

— Великолепный обычай, — произнесла Тулия так сладко, что если у Корнелия и возникли какие-то сомнения или опасения, то они при звуке этого голоса тут же пропали.

— Я готов! — сказал Удалов. — Где дракон?

Глава 22, в которой Удалов вступает в смертельный бой

Дракон не заставил себя долго ждать. То ли услышал, что его зовут, то ли почуял запах жареной пищи, но вскоре он, застилая перепончатыми крыльями солнце и вытянув вперед три огнедышащие головы, спланировал на свою посадочную площадку. Слугам пришлось срочно собирать остатки пищи, и пировавшие отступили под защиту деревьев.

Дракон не спеша обошел площадку, прожег ее огнем из ноздрей, смахнул пыль шиповатым хвостом и, подлизав остатки пиршества, собрался спать.

Удалов понял, что боится. Смертельно боится. Он никогда раньше не видел драконов и не подозревал, что они бывают такими большими и неуязвимыми.

— Отпустите его, — приказал вождь. — Пусть приведет себя в порядок, подготовится. Пускай коня выберет, оружие по руке.

Молодцы разошлись, помогли Удалову подняться. Все смотрели на него с нескрываемым уважением. Кроме, разумеется, карлика.

— Дурак ты, Удалов, — сказал карлик с чувством. — Всю репутацию мне погубишь. Международный деятель, руководитель стройконторы, отец семейства, наконец, а бросаешься в бой с непобедимым драконом ради девицы сомнительной репутации.

— Репутацию мою не задевай! — строго оборвала его Тулия.

— Она права, — сказал печально Удалов.

Он рад бы сейчас и не сражаться с драконом, но если ты, человек Земли, дал слово, то должен его сдержать. А Удалов дал слово дважды. Во-первых, обещал матери-уборщице найти и вернуть дочь, во-вторых, дал слово освободить девушку от власти микробов. Не говоря уж о личных чувствах.

Удалов поглядел на коня, которого подвели к нему, и отрицательно покачал головой. На конях он сроду не ездил. Меч он, правда, принял. Меч был тяжеловат, но нельзя же идти на дракона совсем без оружия.

Карлик передал Удалову лежавший на земле пистолет.

— Вот, — сказал он. — Единственная твоя реальная надежда.

— Спасибо, — без особой надежды ответил Удалов.

— Цельсь в глаз, — посоветовал карлик.

— В какой? — спросил Удалов.

Глаз у дракона было шесть, и все маленькие.

— Ну, пошел! — сказал вождь, положив руку на плечо Удалову. — Желаю тебе счастья. Очень тронут твоим отважным поступком. Когда достигнем нужного уровня цивилизации, поставим тебе памятник.

— Я тоже когда-то любил, — сказал дедушка, — но на дракона пойти не посмел.

— И хорошо, — заключил вождь. — Женился на моей бабушке, и родили вы моего папу. А то как бы мне без вас?

— Может быть, может быть, — тихо ответил дедушка, и глаза его затуманились воспоминаниями.

Вождь легонько подтолкнул Удалова в спину, и, не чувствуя под собой ног, Корнелий пошел к дракону. Дракон его не замечал, он мирно похрапывал, испуская из ноздрей зловонный дым, хвост его порой судорожно колотил по земле — видно, дракону снился тревожный сон.

По мере того как Удалов приближался к дракону, чешуйчатый бок чудовища вырастал все выше. Вскоре он уже заслонил половину неба. Бок медленно надувался и опадал. Когда Удалов подошел совсем близко, дракон перевернулся во сне, почесал когтистой лапой бронированную грудь, при этом раздался страшный скрежет. Удалов еле успел отскочить.

«Черт с ним, — подумал Удалов малодушно. — Все равно я его не убью. Да и неловко убивать дикое и наверняка редкое животное, которое тебе не причинило никакого вреда». Удалов хотел было вернуться к людям и сообщить о своем решении, но тут до него донесся ласковый голос возлюбленной:

— Корнелий, смелее! Если ты умрешь, я умру вместе с тобой! И умру ужасной смертью, сожженная на костре на забаву дикарям.

И Удалов, придя в себя, широко размахнулся и ударил мечом дракона в бок. Меч отскочил от бронированной чешуи и чуть не вылетел у Корнелия из рук. Дракон бы и не заметил этого удара, если бы не дружный крик зрителей, которые приветствовали отважный жест Удалова.

Дракон удивленно поднял одну из голов и осмотрелся. Не сразу, но он увидел Удалова. Брови дракона удивленно приподнялись. Наверное, с высоты пятиэтажного дома, на которой находились глаза чудовища, Удалов показался ему ничтожным и не стоящим внимания.

— Ах так! — воскликнул Удалов, увидев, что дракон снова закрывает глаза и намеревается игнорировать врага. — Ну, держись! — И Корнелий, отыскав щель в стальной чешуе, вонзил в нее конец меча.

Тут уж дракон сильно удивился. Он даже приподнял лапу, чтобы смахнуть вредную букашку. Но Удалов был готов к этому, отбежал на десять шагов и достал пистолет. Дракон поднял все три головы и дунул огнем из ноздрей в Удалова. Удалову опалило брови и ресницы, а некогда белые трусы — единственная одежда Корнелия — стали коричневыми. Было больно.

Удалов поднял пистолет и выпустил в дракона всю обойму, целясь в глаза. Пули отскакивали от морды чудовища, лишь одна попала в цель. Дракон поднял лапу и извлек пулю из глаза, словно соринку.

Теперь Удалов был почти безоружен, а дракон обижен и разозлен. Он решил разделаться с обидчиком одним ударом, для чего поднял лапу, и хотя промахнулся, так как с возрастом потерял ловкость и точность движений, комьями взметнувшейся земли Удалова избило, как картечью.

Но это Удалова не остановило. Каждого, даже самого обыкновенного и робкого человека, можно довести до такой степени отчаяния, когда он становится героем. И в то время, как все зрители этого захватывающего поединка отбежали подальше, Удалов сно-

ва поднял меч и пошел на дракона с самоубийственной отвагой. Он был готов к смерти, но не согласен на поражение.

И неудивительно, что Удалов не заметил, как на него опустилась густая тень. Не заметил ее и дракон, вставший на дыбы и всерьез бросившийся навстречу человеку.

Но со спускавшегося космического корабля вся эта сцена была видна как на ладони, и торговцы, прилетевшие на планету, схватились за фото- и кинокамеры и принялись лихорадочно снимать это редчайшее зрелище.

Все три головы дракона выпускали струи огня и дыма, лапы разрезали воздух в миллиметрах от тела героя, но Удалов прорвался сквозь все препятствия и вонзил свой меч в брюхо дракона.

Дракону стало щекотно, он прижал лапы к брюху и начал чесаться. И в это время увидел нависший над ним космический корабль.

У дракона не было опыта общения с космическими кораблями, так как он вырос и провел жизнь на отсталой планете. Поэтому неудивительно, что он ошибся, приняв корабль за другого дракона. Забыв об Удалове, дракон тяжело взмыл кверху и попытался сбить космический корабль, который с трудом выдержал такую атаку. В борту его появилась гигантская вмятина, и он начал быстро терять высоту.

Но дракону пришлось еще хуже. Грудь его была разбита, крыло погнуто, головы оглушены... И дракон, признав поражение, медленно и неверно полетел к горам, чтобы зализать свои раны.

Удалов с трудом поднялся с земли, куда его швырнуло порывом ветра при взлете дракона, и огляделся. Он еще ничего не понимал и не знал даже — победитель он или побежденный.

Но никто не обращал на него внимания. Все смотрели на космический корабль. С самыми различными чувствами.

Дикари в изумлении и страхе. Карлик с надеждой, что это мирные торговцы, которые помогут Удалову добраться до цивилизованной планеты. А Тулия тоже с надеждой, что ей на выручку прилетели оболочки микробов.

Удалов, несмотря на раны и усталость, быстро оценил обстановку и сразу направился к Тулии. Почти никто не обратил на него внимания.

Тулия спохватилась только тогда, когда Удалов заключил ее в свои объятия.

— Ты что? — пыталась сопротивляться она, отталкивая Корнелия обеими руками. — Сейчас не время для любви!

Но Удалов не выпускал девушку.

— Один поцелуй для борца с драконом, — сказал он. — Ты обещала.

— Ах, какие глупости! — произнесла красавица. — Целуй, только поскорее. Теперь, надеюсь, мне не грозит костер. А ты, голубчик, все равно погибнешь.

Но глаза Тулии, контроль над которыми Верховная матка временно упустила, выдали истинные чувства девушки — благодарность к мужественному человеку. И поцелуй получился длительным и нежным.

— Молодец, заслужил этот скромный дар, — заметил дедушка вождя, который был романтиком и потому смотрел на Удалова, а не на космический корабль. — Жаль, что я в свое время не сразился с драконом.

Переведя дух, Удалов отошел от Тулии, и могильщик, который по роду своей деятельности и характеру относился к людям с недоверием, сказал:

— Не похоже на тебя, Удалов.

Могильщик отправил в рот еще кусок мяса и запил вином. Он пользовался тем, что внимание окружающих отвлечено кораблем.

— Не понимаю, — сказал Удалов, но на губах его играла странная улыбка.

— Все понимаешь, — вздохнул могильщик, оглядываясь, не осталось ли съестного. — Но замыслил какую-то каверзу. Я верю, что ты влюблен в эту девушку, и потому тем более недопустима мысль, что ты можешь броситься к ней с поцелуями так вот просто, без приглашения.

— Погоди, — сказал Удалов, поглядывая краем глаза на взволнованную Тулию, которая, прижав к груди обнаженные, испачканные землей руки, глядела, как космический корабль выпускает пандус.

И вдруг страшная судорога исказила ее лицо.

— Что такое? — спросила она. — Кто на меня нападает? Спасите...

— Что? — переспросил деловито могильщик. — Пора хоронить?

— Не спеши, — ответил Удалов, не скрывая торжествующей ухмылки. — Если хоронить, то надо делать очень мелкий гробик.

— Я все поняла! — воскликнула, корчась от мучений, девушка. — Это твое коварство, презренный Удалов. Ты воспользовался тем, что я отвлеклась, и поцеловал меня в губы.

— Правильно, — ответил Удалов. — А известно, что при гриппе и других заразных заболеваниях поцелуи совершенно противопоказаны. Вернейший путь перехода инфекции из организма в орга-

низм. Вот я и рассудил, что ко мне в организм Верховная матка перелезть не посмеет. Она знает, что это для нее верная смерть. Но о том, что мои микробы могут перебраться в Тулию, она в суматохе не подумала.

— О горе, горе! — причитала Тулия. — Они жрут меня живьем! Спасите... на помощь...

Голос паразитки слабел, и Тулия неверными шагами устремилась к кораблю, питаемая последней надеждой на то, что прилетели ее земляки. Но веревка, которую держал наблюдавший за этой сценой дедушка, ее не пустила.

— Все ясно, — сказал дедушка, глядя, как Тулия клонится к земле. — Несчастная одержима бесом, и сейчас он с помощью чародейства Удалова из нее выходит.

— В общих чертах правильно, — согласился Удалов.

Двери корабля раскрылись, и по наклонному пандусу на землю спустились аккуратные, модно одетые, завитые и умытые торговые работники. Увидев их, Тулия прошептала: «Не те!» — пошатнулась, пискнула предсмертным криком Верховной матки и упала без чувств.

— Разрази меня небо! — раздался громовой вопль вождя, подскакавшего поближе к кораблю. — Кого я вижу! Мой предпоследний жрец! Где мой Прибор?

— Одну минутку, — ответил пожилой строгий мужчина в расшитой тоге.

Он широким жестом указал на двери корабля. По наклонному пандусу торжественно съехал цветной телевизор.

— Вот он, обещанный Прибор! — сказал жрец.

— О господин Прибор, ты прекрасен! — закричали дикари, падая ниц перед телевизором.

— Шарлатан, — пробормотал Удалов, склоняясь над Тулией.

— Теперь они добьются подъема цивилизации, — заключил старый циник могильщик-мухомор, обгрызая ногу барана.

Глава 23, в которой Удалов появляется на СОС и встречается со своей женой

Руководители СОС, его делегаты, правительство планеты, не говоря уже о друзьях и родственниках Удалова, пребывали в полном отчаянии, когда Удалов сошел с попутного корабля на спутнике планеты и такой же, как и прежде, веселый и жизнерадостный, полный сил и энергии, направился к медицинскому контролю.

Его узнали прежде, чем он успел открыть рот. Сначала по залу прокатился шепот:

— Удалов! Удалов вернулся! Неужели он жив? Какое счастье для человечества!

Затем шепот перешел в громкие возгласы и радостные крики.

— Удалов! — прокатывалось по залу.

Врачи и таможенники подняли пропавшего без вести делегата на руки и пронесли к катеру, который взял курс к планете.

Может быть, не исчезни Удалов так драматически, не стань он центром интриг и беспокойства, значение его для делегатов и судеб СОС не было бы столь громадным. Но теперь, когда никто не надеялся на его возвращение, встреча Удалова вылилась во всенародный праздник.

Удалов стеснялся, краснел, утверждал, что не нуждается в таких шумных знаках внимания, но, разумеется, никто его даже не слышал.

Апогей радости пришелся на тот момент, когда смущенный Удалов вошел в зал съезда.

Делегаты встали. Ведь за время отсутствия Удалова все только о нем и говорили, его скромная речь в день открытия съезда превратилась в воспоминаниях очевидцев в кардинальный и основополагающий доклад. Лозунг «Середина непобедима!», брошенный Удаловым с трибуны, стал самым распространенным словосочетанием на планете, и уже несколько городов боролись за право поставить Удалову памятник в случае, если его не отыщут, а одна небольшая безответственная планета Пршекай официально объявила, что Удалов родился на ней, в небольшом городке, и в младенчестве был выкраден землянами.

Напрасно отговаривался Корнелий усталостью и нездоровьем. Под шум аплодисментов его вынудили подняться на трибуну и сказать речь.

Удалов откашлялся, одернул полы пиджака и проговорил таким знакомым всем присутствовавшим высоким застенчивым голосом:

— Здравствуйте, дорогие коллеги, дорогие средние существа Вселенной. Мне приятно вновь вернуться в лоно родного съезда.

Раздались бурные аплодисменты, которые во время речи Удалова стихали лишь изредка.

— Вас всех, — сказал Удалов, — явно волнует вопрос: где я был все это время, куда я исчез и почему никого не предупредил? Разрешите мне начать с самого важного. Я был на планете Кэ.

В зале грянула тишина.

— Я знал об опасности, угрожающей всему человечеству. Я знал о тайне, связанной с этой планетой, и счел своим долгом лично направиться туда в сопровождении моего друга синхронного переводчика Тори. Мы решили, что либо разгадаем тайну и ликвидируем опасность, либо погибнем.

Когда аплодисменты стихли, Удалов продолжал:

— С большими трудностями и приключениями добравшись до планеты Кэ, мы обнаружили, что наши опасения оправдались. Планета Кэ была захвачена микроорганизмами, которые внедрились во всех свободолюбивых жителей планеты и намеревались расширить агрессию, чтобы населить своими потомками тела всех жителей Галактики и таким образом поработить Космос. К счастью, мне удалось найти способ обезвредить микробов, хотя наша борьба, о которой я расскажу подробнее при первой же возможности, была тяжелой и повлекла жертвы. От рук микробов смертью храбрых пал наш общий друг, синхронный переводчик Тори с планеты Тори-Тори. Прошу почтить его память минутой молчания.

Голос Удалова дрогнул. Председатель СОС Г-Г налил ему воды из графина и подвинул под локоть. Но Удалов отрицательно покачал головой. Он продолжал:

— Трудно представить, каким мучениям и издевательствам подвергались разумные существа на планете Кэ. В каждом из них сидел микроб, который говорил, что им надо делать, каким нектаром питаться и как размножаться.

Вопль негодования пронесся по залу съезда. У многих на глазах выступили слезы.

— И хотя тайна разгадана, — продолжал Удалов, — и меры принимаются, население планеты Кэ истощено, лишено моральной поддержки и совершенно деморализовано. Надо спасать наших друзей. Как это сделать, как помочь братьям по разуму, я еще не решил и прошу вашего совета.

Удалов сел и скромно отвернулся от урагана, вызванного рукоплесканиями.

С мест раздавались возгласы, славившие Удалова, а также советы, как спасти планету Кэ. Шум стоял невообразимый, и никто не заметил, как в зал вбежала запыхавшаяся и растрепанная, уставшая от пересадок и нервного напряжения Ксения Удалова, которую поддерживал под локоть Николай Белосельский.

Ксения тут же увидела своего мужа и помахала ему рукой. Но, разумеется, в этом гаме и мелькании конечностей ее не заметили.

— Видишь? — крикнула Ксения на ухо своему спутнику. — Сидит! Нарочно меня волновал. Может, никуда и не исчезал.

— Вот и хорошо, — сказал Белосельский с облегчением. — Значит, нам можно возвращаться. Подойдем к нему в перерыве, пожелаем счастья и успехов в работе, а потом домой.

— Нет, — произнесла Ксения твердо, — не для того я его догоняла, чтобы оставить в одиночестве. Полетим домой все вместе. Так я решила.

И Белосельский с ужасом понял, что ничего поделать с этой женщиной он не может. И понял другое: хоть он и уехал от Гусляра дальше, чем расположен город Петропавловск-Камчатский, все равно никуда не делся от тяжелого груза прошлого.

— Погляди, Коля, — продолжала между тем Ксения, которая умела быстро успокаиваться. — Всюду портреты моего мужа, плакаты на непонятных языках — тоже в его честь. Уважают Корнелия. Приятно это. Пойду, пожалуй, скажу народу, что я его жена.

— Ты не права, Ксюша, — остановил ее Белосельский. — Это уважение оказывается не лично Удалову, а всему населению нашей планеты. Мы же с тобой рядовые ее граждане и не должны зазнаваться.

Председатель съезда Г-Г поднялся на трибуну и постучал карандашом о графин.

— Тишина! — потребовал он.

Тишина наступала медленно, делегаты с трудом успокаивались. Наконец председателю удалось утихомирить зал, и он сказал:

— Мы тут посоветовались с уважаемым делегатом Удаловым и пришли к положительному решению, которое я выношу на голосование. Мы предлагаем всем делегатам, кто может и хочет передвигаться в кислородной атмосфере, провести, конечно приняв необходимые меры предосторожности, заключительное заседание на несчастной планете Кэ, этим продемонстрировав нашу солидарность с ее населением, а также на месте найти реальные меры помощи пострадавшим.

Удалов вскочил с места и крикнул:

— Я всем сердцем поддерживаю это предложение. Да здравствует наш председатель Г-Г!

Зал взорвался шумной овацией, диссонансом в которой прозвучали лишь возмущенные протесты некислорододышащих делегатов, которые тоже хотели немедленно лететь на планету Кэ.

Ксения далеко не все поняла, так как знала только русский язык, но была горда своим мужем и громко воскликнула:

— Да здравствует мой муж Корнелий Удалов! Так держать!

Крик ее прорвался сквозь общий шум, и многие обернулись, а по залу прокатилось известие о том, что жена Удалова прилетела с Земли, чтобы присутствовать при историческом моменте.

— Проходите в президиум! — кричали делегаты, и Ксения с удовольствием последовала этому совету.

Она хотела взобраться наверх, но тут ее остановил голос Удалова:

— Ксения, опомнись! Ты меня ставишь в неловкое положение.

— Это ты меня поставил в неловкое положение, когда сбежал из дома! — огрызнулась Ксения, но в президиум не пошла, а остановилась в нерешительности на ступеньках.

— Погоди, — сказал ей Удалов. — Сейчас организуем поездку на освобожденную мною планету, и я с тобой воссоединюсь.

Председатель обратился к делегатам с предложением голосовать за идею Удалова. Делегаты единодушно подняли руки, лапы, щупальца, когти и прочие конечности.

— Предложение принято, — известил председатель. — Корабли ждут. Немедленно начинаем погрузку.

Делегаты принялись вставать со своих мест, спеша и толкаясь, чтобы скорее успеть на планету Кэ. И в этот момент от двери послышался хриплый голос:

— Остановитесь!

Глава 24, в которой все разрешается, герои вознаграждены, а злодеи наказаны

Голос, прозвучавший от двери, принадлежал странному существу.

Существо было в одних трусах, страшно измаранных землей, на плечах существа была чья-то чужая куртка, лицо было исцарапано и изранено, а волосы, венчиком вокруг лысины, настолько спутанны и грязны, что невозможно было даже определить, к какому виду или типу живых существ относится обладатель хриплого голоса. Достаточно было поглядеть на окровавленный меч в его руке, чтобы понять, что существо первобытно и агрессивно, что никак не соответствовало общему благодушному настроению съезда.

Два других существа, стоявших по обе стороны дикаря, также были грязны, оборванны и совершенно неопознаваемы.

Справа от дикаря стояла несчастная дикая девушка в серебристом купальном костюме, слева совсем уже непонятный феномен в страшно мятой шляпе, схожей со шляпкой мухомора, по которому долго ходили ногами, и в жалких остатках некогда черного одеяния, бахрома которого волочилась по полу.

— Кто такие? — раздались крики. — Почему их пустили?

Грязный голый человек, не опуская меча, прошел к сцене, уверенно забрался на нее и сказал:

— Никуда вы не поедете. Ни на какую планету Кэ. Там вас уже ждут. И сделают из вас таких вот безвольных рабов.

И голый дикарь указал мечом на Удалова.

— Клевета! — раздались вопли в зале. — Бандит! Уберите его! Благородный Удалов освободил планету Кэ от угнетателей! Мы все едем туда, чтобы помочь пострадавшим!

— Благородный Удалов ничего не смог поделать с микробами, — ответил, ухмыляясь, дикарь. — Он еле от них сбежал.

И эти неуважительные слова в адрес известного героя были встречены громовым хохотом зала.

— Покиньте помещение, хулиганы! — велел председатель, оглядываясь на настоящего Удалова. — А то мы прикажем вывести вас. Не мешайте нам готовиться к перелету на планету Кэ.

— Ничего подобного, — сказал нахальный дикарь и, подняв меч, направил его конец на председателя съезда. — Этот меч обагрен кровью дракона, этот меч поднимается только на правое дело. А я, кстати, и есть Удалов.

— Долой! — кричали делегаты. — Это издевательство!

Одетый Удалов поднялся со своего места и развел руками, как бы говоря: «Ну что ты будешь делать!»

— Кто ты, я еще не знаю! — воскликнул дикарь в трусах. — Но сильно подозреваю, что ты подослан паразитами, чтобы заманить делегатов на свою планету и там поголовно заразить их.

— Какая наглая клевета! — закричал одетый Удалов.

Ругаясь, Удалов и дикарь приблизились друг к другу, и тут некоторые из наиболее наблюдательных делегатов обратили внимание на явное сходство дикаря и одетого Удалова.

Председатель встал на пути голого дикаря и, жертвуя собой, перекрыл дорогу к отступившему перед нападением одетому Удалову.

— Он прав! — воскликнула вдруг непричесанная девушка в серебристом купальном костюме. — Он настоящий Удалов! Он прошел сквозь страдания и битвы, чтобы предупредить вас об опасности, он лишился всего, даже одежды, а вы верите самозванцу!

Председатель сделал знак, и в зал вошли служители. Они умело подхватили голого дикаря под локти, чтобы вывести его. Меч звякнул о пол.

С точки зрения возмущенных и законопослушных средних делегатов, уже собравшихся было на планету Кэ с благородной мис-

сией, все было ясно. Справедливость восторжествовала, хулиган укрощен. Но оказалось, что не все еще кончено.

Высокий стройный человек в темном костюме и со вкусом подобранном галстуке решительно прошел к сцене, легко вскочил на нее и обратился к залу.

— Главное, — сказал он, — не сделать роковой ошибки.

— Да что там думать! — откликнулся кто-то из зала. — Все ясно.

— А вдруг этот жалкий дикарь и есть настоящий Удалов? Каких только не бывает случайностей.

— Правильно говоришь, друг моего детства Николай Белосельский! — воскликнул дикарь, которого крепко держали охранники. — Надо разобраться.

Одетый Удалов повторил как эхо:

— Да, друг моего детства Николай Белосельский, надо разобраться. Только меня удивляет, что ты еще сомневаешься в моей личности.

— Скажу тебе честно, — ответил Белосельский, — тот человек тоже похож на Удалова. Поэтому я предлагаю спросить мнение присутствующей здесь жены Удалова Ксении. И таким образом мы себя гарантируем от случайностей.

— Правильно! — закричал голый дикарь. — Где ты, Ксюша?

— Я здесь, — отозвалась массивная супруга Удалова.

— Вот это лишнее, — проговорил одетый Удалов. — Зачем впутывать в плохой детектив мою уважаемую жену? Зачем нашей семье такая гласность?

Слова одетого Удалова вызвали сочувствие и понимание большинства делегатов, но любопытство все-таки пересилило, а так как это был съезд средних существ, которым, как известно, свойственна склонность к сенсациям, Ксении разрешили выйти на сцену.

Два Удалова стояли перед женщиной.

Один был неплохо одет (Ксения сама покупала ему этот костюм), причесан и положителен. Другой вызывал сомнение и даже раздражение. В глазах его сверкала дикость, как в далекие годы юности, он был гол, изранен и жалок. Но и он будил в ней какие-то родственные чувства.

— Ксения, — солидно сказал одетый Удалов. — Скажи свое положительное мнение, и вскоре мы вернемся с тобой обратно, к нашему семейному очагу.

— Хочется домой? — спросила Ксения.

— Мечтаю воссоединиться.

— Тогда ты и есть мой, — сказала Ксения, но палец ее, направленный было на одетого Удалова, замер, не поднявшись. Потому

что она заметила на боку голого Удалова знакомую и любимую родинку. — Нет, — добавила она. — Раздетый тоже мой.

В зале поднялся гул.

— Да что же это получается! — не выдержал раздетый. — Мы теряем время, а микробы его не теряют. Тулия, скажи им, что я настоящий. Скажи, милая!

Девушка, поднявшаяся на сцену, несмотря на растерзанность внешнего вида, была прекрасна и молода. Она сказала уверенно:

— Со всей ответственностью повторяю, что раздетый Удалов настоящий.

— Ты сама ненастоящая! — крикнул одетый Удалов. — Ты микробная шпионка.

— Погоди, Корнюша, — остановила его Ксения. — А ты, голубушка, кем приходишься Корнелию Удалову?

— Я его друг, — ответила девушка.

— Друг, значит? — В голосе Ксении трепетал мороз. — А сама откуда родом?

— Я отсюда. Моя мама работает в гостинице...

— Дочурка! — раздался женский голос. По проходу к Тулии бежала, обливаясь слезами, ее несчастная мать.

— Мама! — Девушка кинулась матери навстречу.

Ксения остро взглянула на голого Удалова и уловила в его глазах томление. Томление относилось к девушке Тулии.

— Такой мне не нужен, — сказала Ксения. — Даже если настоящий. Мне отдайте положительного.

И, сделав выбор в пользу одетого Удалова, Ксения села на свободный стул, рядом со своим мужем.

— В дорогу, в дорогу! — призвал одетый Удалов делегатов. — Теперь-то все сомнения разрешены.

— Нет, не все, — вмешался тогда Николай Белосельский.

Он-то знал Удалова с детства, и потому голый и буйный Удалов вызывал в нем куда большие симпатии, чем положительный.

— Разрешите, я тоже кое о чем спрошу.

— Разрешим? — спросил председатель.

— Только чтобы это был последний вопрос, — согласились делегаты.

— Скажи мне, Корнелий одетый, — обернулся к нему Белосельский. — Как звали нашего учителя физики?

— Ах, какие мелочи! — быстро ответил одетый Удалов. — Я даже не помню.

— Карабасом мы его звали! — закричал голый Удалов. — А химичку Кислотой, а историка Иваном Александровичем...

— Хватит, — сказал Белосельский. — Еще один вопрос. Теперь к голому Удалову. Где я познакомился с твоей женой?

— Всю жизнь мучаюсь, — ответил Удалов. — Вернее всего, в пионерском лагере. Или в кружке юных натуралистов, где ты резал лягушек, а Ксюша разводила гладиолусы.

— Я ненавидел резать лягушек, — сознался Белосельский и пожал израненную руку голому Удалову. — Мы познакомились в кино.

— Безобразие! — заявил одетый Удалов. — Я протестую.

Но в этот момент Ксения, которая сидела, ласково положив руку на плечо одетому Удалову, совершила резкое движение, рванула пиджак на себя, и тот соскочил с Корнелия. И под пиджаком обнаружился золотой смокинг кузнечика Тори, синхронного переводчика. Вторым движением Ксения стащила с кузнечика маску и парик.

Кузнечик совершил громадный прыжок, стараясь скрыться от преследования, но голый Удалов был начеку. Еще мгновение — и Тори, затрепетав в руках Удалова, запричитал:

— Я ни в чем не виноват! Я жертва обстоятельств.

— Вызывайте врачей, — сказал Удалов. — Пусть они вынут из Тори паразита и исследуют его. Тогда нам легче будет найти способ бороться с этой опасностью.

— Не смейте! — закричал микроорганизм голосом кузнечика. — Я представитель суверенного народа!

Но к нему уже спешили врачи в масках и защитных халатах.

Удалов вернулся к Ксении. Ксения плакала.

— Ты когда догадалась, кисочка, что я настоящий? — спросил Корнелий у жены.

— А тогда догадалась, — ответила Ксения, — когда тебя эта тварь с длинными ногами стала всенародно защищать. Донжуан немытый!

И на глазах всего съезда Ксения отвесила любимому мужу оглушительную пощечину.

Разумеется, эта пощечина не помешала делегатам СОС избрать на последнем заседании Удалова почетным председателем Союза Обыкновенных Существ. Удалов был признан единогласно самым достойным и самым средним из всех средних существ Галактики. С тех пор его даже на самых дальних звездных системах официально именуют Председателем Космоса и Сокрушителем дракона, а любовно — Победителем паразитов.

Глава 25, заключительная

Вечером, перед отъездом домой, когда закончились ликования по поводу избрания Удалова на ответственный пост, а манифестация, карнавальные шествия и концерты самодеятельности уже догорали на улицах, Удаловы уединились у себя в номере.

Ксения зашивала мужу пиджак, порванный во время разоблачения кузнечика. Удалов разбирал бумаги: те, что пригодятся на Земле, откладывал направо, а те, что без надобности, — налево.

— Теперь мне с тобой сладу не будет, — сказала Ксения, откусывая нитку. — Что ни день — в космос, то на заседание, то на совещание.

— Нет, — ответил Удалов. — Пускай сами ко мне приезжают. У меня в стройконторе дел много.

— Будешь, будешь в космос гонять. К своей возлюбленной.

— Она мне не возлюбленная, Ксюша, — возразил Удалов. — Она только выполняла задание.

— А ты и распустил перья.

— Извини.

— Никогда. А то женись на ней, я не возражаю. Поселяйся здесь, занимайся общественной работой, воюй с драконами. Из-за меня небось ни разу с драконами не воевал.

— У нас, кисочка, драконов нет, — напомнил Удалов.

Но голос его был невесел. Какие-то рецидивы страстного увлечения Тулией сохранились. И хотя еще по дороге домой Тулия объяснила Удалову, что испытывает к нему чувство благодарности, чувство дружбы и чувство почтения, но не больше, что теперь она полностью отдастся учебе, чтобы забыть об ужасных и позорных месяцах плена, Удалову трудно было забыть, как Тулия расширяла прекрасные глаза при виде Корнелия и повторяла: «С первого взгляда... и на всю жизнь!»

Неужели, мысленно вздыхал он, некоторые женщины могут так легко и убедительно притворяться? Как трудно поверить... и как не хочется верить.

Удалов искоса взглянул на Ксению и принялся шустрее раскладывать бумаги, опасаясь, как бы, по своему обыкновению, Ксения не прочла его мыслей. Но Ксения прочесть их не успела, потому что в дверь постучали и вошли Белосельский с Тулией. При виде Тулии Ксения поморщилась, Удалов тоже. По разным причинам. Ксении вообще Тулия внешне не нравилась, а Удалову не понравилось, что Тулия шла, положив золотую головку на плечо Николаю, как будто это была для нее самая привычная поза.

— Мы с печальной новостью, — сообщила Тулия.

— Говорите.

Удалов пытался преодолеть в себе остаточную ревность к другу детства. Пора было привыкать. Тулия уже третий день ходила, положив голову на плечо Николаю.

— Пришла телеграмма с дикой планеты. Вождь и дедушка передают привет, желают счастья в личной жизни. Они глядят Прибор и ждут высоких урожаев.

— А что же в этом печального? — спросил Удалов.

— Предсказатель умер. Умер наш Острадам.

— Не может быть! — Удалов отошел к окну и прижался лбом к прохладному стеклу. — Значит, он был прав в последнем своем предсказании.

— Да. Он проснулся утром в день своей смерти бодрый и совершенно здоровый и сказал, что, видно, ему не удастся умереть от естественных причин. Потом написал записку Удалову, ушел в поле, отыскал дракона и обозвал его жалкой лягушкой.

— Где письмо? — спросил Удалов.

— Вот.

Тулия протянула Удалову небольшую записку. Удалов прочел:

Дорогой Корнелий!

Я вспомнил еще одну деталь из твоего будущего, которую я от тебя скрыл, потому что она указывала на то, что ты останешься жив. А это нарушило бы естественность твоего поведения. Когда я находился во временном водовороте, я видел, что ты не выполнишь годовой план и по инициативе Белосельского тебе будет вынесен выговор в приказе.

Прощай, Корнелий, ты мне полюбился. Если сам не умру, попробую довершить твой бой с драконом. Что-то мне этот дракон неприятен.

Не забудь выслать вождю микроскоп.

Записка была без подписи.

— Все ясно, Острадама погубило тщеславие... И чувство ответственности. — Удалов передал записку Белосельскому, чтобы тот ознакомился.

Белосельский прочел и сказал:

— Все может быть. В конце года посмотрим.

В комнату заглянула уборщица из Атлантиды.

— Ты здесь, Туличка? А то я уже беспокоюсь. Боюсь тебя отпускать даже на полчаса.

— Не беспокойтесь, — произнес Белосельский. — Я возьму на себя заботу о вашей дочери. Она будет в надежных руках.

— Ах да, мамочка, — тем самым ласковым голосом, посылавшим когда-то Удалова на бой, произнесла Тулия. — Мы с Колей решили пожениться.

Ксения сказала:

— Слава богу, что от моего отвязалась.

Уборщица из Атлантиды пошатнулась, собираясь упасть в обморок, и Удалову пришлось броситься за водой. А сам Удалов ничего не сказал, все и так было понятно. Зря он побеждал дракона. Он мог бы победить десятерых чудовищ — все равно красавицы достаются отличникам. Но кто бы догадался, какие они красивые, если бы не было обыкновенных женщин, наших жен, с которыми мы и сравниваем красавиц? К тому же у наших жен есть свои преимущества. И Удалов нежно посмотрел на Ксению.

Дверь снова открылась. В комнату въехала машина, за которой шел, толкая ее, кузнечик. Рядом, помогая ему, шествовал председатель оргкомитета Г-Г.

— Дорогой Корнелий, — проговорил он, пока кузнечик вешал на стену небольшой экран, — из уважения к твоим заслугам перед галактическим населением СОС выкупил у киномагнатов мнемофильм, снятый без твоего ведома синхронным переводчиком Тори на основе твоих воспоминаний.

— Виноват, — сказал кузнечик. — Я уже раскаялся.

— Так как мы полагаем, что даже забытые воспоминания важны для полноты личности, особенно для такой ценной в масштабах Галактики, как личность Корнелия, этот фильм будет продемонстрирован таким образом, что по мере показа его события будут возвращаться в память Удалова, исчезая с пленки.

После этого присутствующие расставили кресла и стали смотреть фильм. Удалов старался на экран не смотреть. Он достал коробочку со скорпиончиком, чудом сохраненную в странствиях и приключениях, и начал кормить его крошками.

Через несколько минут фильм закончился, и кузнечик зажег свет.

— Все, — возвестил он. — Пленка пуста, а воспоминание вернулось к владельцу.

— Я вспомнил, — откликнулся Удалов. — Даже странно, что мог забыть. Это про то, как мы с Ксенией познакомились и как чуть было не расстались.

— Из-за меня, — улыбнулся Белосельский. — Это я был тем верзилой, который тебе угрожал. Но я бы никогда тебя не побил.

— Помню, — сказал Удалов. — К тому времени мы с тобой уже не так дружили, как в детстве.

— Нас с тобой всегда разлучали женщины, — сказал Белосельский, поглаживая плечо прижавшейся к нему Тулии.

— Коля, как тебе не стыдно! — укорила Ксения. — Подождал бы до загса.

— Эх, Тори, Тори! — вздохнул Удалов. — Не принесло тебе богатства предательство. Злые дела никогда не окупаются.

— Знаю, — улыбнулся в ответ кузнечик. — Жизнь меня многому научила. Теперь я зарабатываю на нее честным путем.

— Каким же? — спросил Удалов, который не очень доверял кузнечику.

— Я купил у торговых работников документальный фильм о бое Удалова с драконом. С завтрашнего дня начинается демонстрация во всех кинотеатрах. Билеты раскуплены на год вперед. Рассчитываю без лишней скромности стать миллионером.

— А это не повредит моей репутации? — спросил Удалов, который в последние дни относился к себе куда серьезнее, чем прежде.

— Твоей репутации все на пользу, — честно ответил кузнечик. — Достать тебе билет на премьеру?

— Даже не знаю... — Удалов колебался.

Он взглянул на Тулию, но Тулия смотрела на Колю. Он посмотрел на жену, и Ксения сказала:

— Иди, иди, только домой после этого не возвращайся.

— Прости, Тори, — сказал Удалов. — Не придется мне побывать на премьере. Дела.

И еще раз открылась дверь. Вошел могильщик в новой шляпе и новом балахоне.

— Поздравьте меня, — произнес он. — Я возвращаюсь. Забастовка на моей планете кончилась.

Часть III

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ГУСЛЯР

ВОЗВЫШЕНИЕ УДАЛОВА

Водевиль в одном действии с прологом

Пролог

Корнелий Удалов шел полем, отягощенный ведром с грибами. Грибы были незавидные, большей частью сыроежки и даже валуи, два подберезовика, один белый, но червивый, найденный на тропинке, где он лежал ножкой кверху — видно, какой-то более удачливый грибник нашел его, разочаровался и выбросил. Человек, который ходил по грибы, а несет домой банальную мелочь, склонен размышлять о тщете жизни и о том, что время бежит слишком быстро, а мы так и не научились тратить его с пользой. Он понимает, что ему уже за сорок, а главного в жизни еще не сделано и даже не выяснено, что в жизни главное. Такого человека обязательно начинают преследовать оводы и кусать комары, его печет солнце, а на лысину ему прыгают кузнечики. Конечно, неплохо бы идти лесом, но человеку обязательно надо пересечь клеверное поле, тяжелое и рыхлое после недавнего дождя. И поэтому человек мечтает о тени, о квасе в холодильнике и думает о том, что никогда больше не пойдет в лес...

И в этот момент раздался грохот, потрясший всю Вселенную, заставивший сжаться листья на деревьях и замолкнуть певчих птиц. Нечто громадное, сверкающее, окутанное паром и неземным огнем рухнуло точно посреди поля и оказалось шаром из обугленного металла. Шар достигал четырех метров в диаметре и, очевидно, был космическим кораблем — либо советским, либо американским, либо неземного происхождения.

Пока Удалов стоял неподвижно, размышляя о превратностях судьбы и радуясь тому, что эта чушка не упала ему на голову, в шаре открылся люк, и из него поочередно вышли три инопланетных пришельца, отличительной чертой которых было наличие трех

ног. Пришельцы повертели зелеными головами, оглядывая местность, и, никого не заметив, побежали к лесу.

— Стойте! — закричал Удалов. — Стойте! Я не причиню вам зла! Я ваш брат по разуму!

Однако пришельцы либо не захотели, либо не смогли понять успокаивающих слов Удалова. Они мчались к лесу так, что только магнитные подковки сверкали на их каблуках.

Удалов испугался, лег на землю и немного полежал, прижав щеку к траве. Он решил, что пришельцы сбежали потому, что их корабль сейчас взорвется. Удалов лежал и ни о чем не думал, а корабль все не взрывался и стоял посреди поля с открытой дверью.

Уставши ждать смерти, Удалов поднялся, смахнул с колен цветы клевера и раздавленных муравьев и медленно направился к инопланетному кораблю. В нем пробудился дух исследователя.

Перед дверью он задержался и спросил:

— Здесь кто остался, чтобы войти со мной в контакт?

Нельзя сказать, что он ожидал ответа, — спросил только для того, чтобы проявить вежливость.

Ответа не последовало. Удалов поставил на землю ведро с грибами и вошел в космический корабль. Внутри было полутемно, и Удалову пришлось с минуту привыкать к полумраку. Потом он разглядел приборы и руль, которым управлялся корабль, а также койки космонавтов и их личные вещи, забытые в ходе бегства. Удалов присел на стульчик и задумался, что же делать дальше. Видно, придется идти в город и сообщить о космическом корабле куда надо.

По кораблю, где в тесноте и неудобстве жили космонавты, были разбросаны детали одежды, посуда и всякие мелочи. Удалов нашел там голубую каскетку с кометой вместо звездочки и примерил ее. Каскетка пришлась впору. И когда Удалов заглянул в зеркальце, висевшее над рулем, собственный вид ему очень понравился. Затем он поднял с койки хороший инопланетный бинокль и выглянул наружу, чтобы проверить его силу. Бинокль оказался сильным. В него Удалов увидел, как к кораблю, подпрыгивая на кочках, несется зеленый «газик», в котором сидят люди в штатском. Когда «газик» подъехал поближе, Удалов узнал среди пассажиров автомашины лично товарища Батыева, председателя гуслярского исполкома, в просторечье главгора.

Удалов приветственно поднял руку. Машина затормозила, и пассажиры вышли из нее, пораженные редким зрелищем. Они надеялись, что упавший космический корабль — наш, советский, и они смогут первыми, раньше партии и правительства, прижать к

своей груди смелых космонавтов. Но на корабле не было опознавательных знаков и по форме он был подозрительным.

И тут приехавшие увидели, что в двери корабля стоит человек в голубой не нашей каскеточке с изображением кометы и с большим иностранным биноклем на груди. Человек этот был невысокого роста, плотный, и весь его остальной костюм изобличал в нем местного жителя — грибника или рыболова.

— Пупыкин, ты что здесь делаешь? — спросил заместитель Батыева по имени Семен Карась.

Он хотел сказать «Удалов», потому что был давно знаком с Корнелием Ивановичем, но в растерянности назвал его именем директора бани Пупыкина, который ничем на Удалова не был похож.

— Пупыкин? — спросил человек в сером пиджаке, которого Удалов уже встречал на совещаниях. Он достал синюю книжечку и записал в нее несколько слов.

От леса бежали деревенские дети с полевыми цветами и кричали:

— Слава космонавтам!

— Я не Пупыкин, — сказал Удалов.

— Он не Пупыкин? — спросил человек в сером пиджаке.

— Постыдились бы, товарищи, — сказал Батыев. — Внешнее сходство не должно вводить в заблуждение.

— Я и сам вижу, что не Пупыкин, — сказал Карась. — Я против света смотрел.

— Откуда будете? — спросил Батыев.

Он не получил ответа, потому что Удалов был растерян и молчал. Молчание Удалова смутило Батыева. Человек в сером пиджаке снова достал из кармана синюю книжку, раскрыл ее и спросил на иностранном языке:

— Ар ю американ?[1]

Не дождавшись ответа, он задал другой вопрос:

— Вот из йор таск? Ар ю э спай?[2]

— Здравствуйте, коли не шутите, — сказал Удалов, спрыгивая на землю и протягивая руку товарищам из горисполкома. — Не узнали, что ли? Удалов я, из стройконторы. Корнелий Иванович Удалов.

Его слова были заглушены звонкими криками пионеров и школьников, которые приветствовали космического героя.

---

[1]Вы американец?

[2]Какое у вас задание? Вы шпион?

Сквозь детские голоса до Удалова, отличавшегося острым слухом, донеслись слова человека в сером пиджаке, сказанные на ухо Батыеву:

— Допускаю, что он может быть из КНР. Там производят опыты. Нельзя спускать с него глаз. Ясно?

Батыев отступил на шаг. Он смотрел на Удалова с неприязнью.

Удалов надвинулся на Батыева, и тот отступил еще на шаг. Удалов повернулся к Семе Карасю, но между ними втиснулась группа школьников, которые нагрузили Удалова букетами цветов, а один из детей защелкал аппаратом, фотографируя прибытие Удалова из космоса.

Человек в сером пиджаке неуловимым движением протянул руку к мальчику с фотоаппаратом и изъял камеру. Мальчик было заплакал, но человек в сером пиджаке сказал строго:

— Аппарат получишь обратно. Мамку пришлешь, ясно?

Мальчик пошел через поле к лесу, одинокий и грустный, но никто из его товарищей не заметил этой маленькой трагедии. Не заметил и Удалов, который пытался в этот момент пробиться сквозь букеты к Семену Карасю и кричал ему:

— Не Пупыкин я, не Пупыкин! Пупыкин в бане, а я Удалов!

— Я и сам вижу, что не Пупыкин, — сознался Карась. — Какой ты Пупыкин? Пупыкин же в бане. Он и ростом выше.

— А Удалов? — спросил Корнелий Иванович.

— Удалов стройконторой заведует, — сказал Семен Иванович. — Какой ты Удалов?.. Удалов ростом пониже будет.

Батыеву надоело ждать на ветру.

— Попрошу в машину, — сказал он. — Разрешите... подвиньтесь... вот сюда... попрошу...

Человек в сером пиджаке выяснил, кто из детей отличники учебы и поведения, и составил из них охрану космического корабля.

Удалова посадили между человеком в сером пиджаке и самим товарищем Батыевым, и соседи сильно сжали Удалова локтями. Карась сидел рядом с шофером.

— Трогай, — сказал Батыев шоферу.

— А грибы мои? — спросил Удалов.

— Грибы?

— Ведро тут стояло, с грибами. Сыроежки, правда...

Человек в сером пиджаке изогнулся, рука его странным образом вытянулась метра на три, быстрыми движениями обшарила землю, не задевая при этом детей, и нашла ведро с грибами. Но Удалову ведро не отдали, поставили рядом с шофером.

Машина взвыла и поскакала по кочкам. Дети кричали вслед:

«Слава героям-космонавтам!» — и расходились по местам, чтобы охранять корабль. Те же, кто плохо учился или плохо вел себя в школе, остались в стороне и смотрели на корабль издали.

Пока «газик» несся к городу, гудя и разгоняя встречный транспорт, человек в сером пиджаке достал из кармана ножичек и начал тихо перепиливать ремешок, на котором висел бинокль. В это время товарищ Батыев по договоренности с ним отвлекал внимание Удалова, показывая ему окрестности и делясь успехами.

— Поглядите налево, — говорил он. — Вы видите богатые колхозные поля, засеянные злаками и овощами. Несмотря на неблагоприятные климатические условия, мы в этом году намерены перевыполнить планы по производству кукурузы на силос, а также по откорму крупного рогатого скота. Некоторые отдельные враги ставят под сомнение возможности нашего района в деле производства бобовых. Но поглядите направо...

— Ш-шшш, — сказал человек в сером, — направо смотреть нельзя.

Удалов знал, что направо смотреть можно, потому что там строилось здание свинарника под его, Удалова, руководством. Но человек в сером, наверное, не знал, что это здание свинарника, а потому на всякий случай запретил смотреть. Его можно было понять. Сегодня ты свинарник, а завтра — объект.

— Можно, — сказал Удалов. — Смотрите, это свинарник.

Тут же человек в сером свободной рукой вежливо, но энергично прикрыл Удалову рот.

Так они и ехали дальше. Человек в сером пилил ремешок и, когда уставал, обыскивал карманы Удалова со своей стороны. Батыев достал из кармана газету и начал читать Удалову статью о международном положении, медленно, но верно произнося отдельные длинные и трудные слова. Жесткая ладонь человека в сером на всякий случай лежала на губах Удалова, и потому тот не мог сказать Батыеву, что эту статью он уже читал и, хоть очень благодарен за внимание, предпочел бы послушать про спорт.

— Куда его? — спросил Батыев, когда машина въехала в город. — К вам?

— Ни в коем случае, — сказал человек в сером. — Все будет официально. Может быть, его на наших менять будем. Может, из Москвы позвонят. К тебе поместим.

— Ко мне нельзя, — возразил Батыев. — Я номенклатура.

— Тогда к товарищу Карасю, — не стал спорить тот, что был в сером пиджаке. С ним тоже не спорили.

Удалова провели в кабинет Карася. Они быстро шли коридо-

ром, впереди Карась, за ним Удалов, сзади человек в сером, который не оставлял попыток перепилить ремешок, а совсем сзади милиционер Селькин, которого взяли с площади.

Действие

Секретарша Карася, Мария Пахомовна, давнишняя приятельница удаловской жены Ксении, увидела это шествие, но не разобралась в его значении.

— Корнелий Иванович, здравствуй, — сказала она. — Грибов набрал?

Ведро с грибами осталось в машине под охраной шофера, но Удалов все равно ответил женщине открыто и прямо, как всегда всем отвечал.

— Какие там грибы! — сказал он. — Одни сыроежки. Правда, три белых.

Он забыл, что белый был один и тот червивый. Человек в сером подтолкнул Удалова в спину, а милиционеру велел остаться возле Марии Пахомовны. Уже скрываясь в двери кабинета, он обернулся и сказал:

— Он такой же Удалов, как ты курица. Понятно?

— Нет, — сказала секретарша.

— Потом поговорим, — сказал человек в сером. — Понятно?

— Нет! — воскликнула бедная женщина. — Корнелий Иванович, что происходит?

Карась зашипел как змея.

Хлопнула обитая черной кожей дверь, и они остались в кабинете втроем.

— Вот так, — сказал человек в сером, подходя поближе к Карасю и говоря шепотом, чтобы Удалов не слышал. — Неизвестно, может быть, он знает русский язык. Поэтому нужна осторожность...

— Знаю язык, знаю, — вмешался Удалов, который все слышал.

— Не перебивайте, — сказал ему человек в сером и принялся вновь шептать на ухо Карасю: — Их обучают нашему языку. Так что в его присутствии ни-ни. Я уже дал указание осмотреть его корабль. Думаю, его сбили наши славные соколы из хозяйства Пантелеенко. Теперь вы будете его отвлекать. Поговорите с ним, а я пойду на связь.

Серый человек испарился, будто его и не было. Удалов мог бы поклясться, что дверь он не открывал и к окну не приближался. Сеня Карась был несколько смущен обществом Удалова и начал

листать англо-русский разговорник, разыскивая какое-то нужное выражение.

— Семен, — сказал Удалов, когда они остались одни, — не узнаешь ты меня разве?

Карась наконец нашел нужное выражение и произнес:

— Ду ю лайк аур кантри?[1]

— Этого я не понимаю, — сказал Удалов. — Это я забыл. Раньше знал иностранные языки, потом забыл.

Карась Удалова понял и испугался. Он был мужчиной некрупным, но полным в животе и чем-то похож на Удалова.

— Нравится ли вам пребывание в нашей стране?

— Если ты, Семен, — сказал удрученно Удалов, — все еще думаешь, что я китаец, то ошибаешься, потому что я русский и живу на Пушкинской, дом шестнадцать. А если мое слово меньше значит, чем слова вашего товарища, с которым я раньше почти не встречался, то мне это обидно.

— Его к нам из области перевели. — Карась осекся, взял себя в руки, вспомнил, что не имеет права иностранному космонавту выдавать внутренние тайны, и схватился за разговорник. — Вот из йор нейм? — спросил он и на всякий случай перевел: — Как ваше имя?

— Удалов мое имя, — ответил устало Корнелий Иванович.

— Знаю, — сказал Карась с некоторым раздражением, какое испытывает руководитель, сталкиваясь с тупостью подчиненного. — Знаем. А на самом деле как?

— Допрашивать меня не здесь надо, — возразил Удалов. — Хотя оснований для этого не вижу. Ведро мое видел? С грибами? Вот я за грибами и шел. А тут корабль упал. Я в него зашел, шапочку взял, а вы приехали. Ну в чем я виноват перед народом и правительством?

— А он куда делся? — строго спросил Карась.

— Кто?

— Который сначала прилетел?

— Которые там были, на трех ножках, в лес сбежали.

— Почему же это они в лес сбежали? Тебя испугались?

— Может, и меня, но вряд ли. Так ты, Семен, лучше бы ловил настоящих пришельцев, чем известного работника городского хозяйства брать в плен и возить под охраной.

— Понимаешь, Удалов, какое дело... — ответил Карась, как бы признавая этим, что и Удалов имеет право на существование. —

[1] Вам нравится наша страна?

Ты не представляешь, какой хитрости достигают наши идеологические противники. Для них прикинуться моим знакомым соседом Удаловым ничего не стоит.

— А где же тогда Удалов?

— Чего пристал — где да где? Нет Удалова! Закопали. Может, ты сам и закапывал!

— Это сам себя, что ли?

— Давай не будем притворяться, а?

— Я тебе это припомню. Ты лейку вчера просил? Черта с два теперь получишь.

— А ты не грози. Мне твоя вдова даст.

Тут за дверью послышался страшный шум и грохот ломающейся мебели.

— Ни с места! — взвизгнул Карась, прижав тяжелым животом Удалова к письменному столу и взяв в руку массивную пепельницу.

Дверь распахнулась, и в кабинет ворвалась Ксения Удалова с дымящейся кастрюлей в одной руке и паспортом в другой. Весть о том, что Удалова взяли, настигла ее на кухне, и, не выпуская из рук кастрюли, она схватила паспорт Корнелия, сунула туда свидетельство о браке и побежала в горисполком.

— За что взяли? — крикнула она с порога. — Ничего он не сделал, а если чего натворил, то по незнанию. Отпустите, умоляю вас и заклинаю последними словами!

Карась оробел, стал отступать, но тут в открытую дверь быстрыми шагами вошел человек в сером пиджаке и остановил Ксению такими словами:

— Гражданка Удалова, вы можете утверждать, что этот иностранный космический агент был раньше вашим мужем?

— Как так? — удивилась Ксения. — Вот его паспорт.

— Я не про паспорт. Уверены ли вы, что этот человек некоторое время проживал в вашей семье под видом вашего мужа? Это может иметь важное значение на суде.

— Ты ему, Ксюша, не отвечай, — сказал Удалов, освобождаясь от хватки Карася. — Он тебя на провокацию берет.

— Так он в паспорте прописан. С давних лет. Ребенок у нас есть, — сказала Ксения.

— А какие у него особые приметы? — поинтересовался человек в сером.

— Какие? Ну, лысый он, чавкает, когда щи ест...

— Это не приметы.

— А какие приметы?

— Родинки, шрамы и пятна на коже. Где, как, когда?

— Родинки? — удивилась Ксения. — Родинки есть...

— Ксюша! — предупредил Удалов.

— Вспомнила! Конечно, родинка есть, только место у нее не очень хорошее.

— Ксюша!

— Вы можете сказать мне это по секрету, — сказал человек в сером костюме. — На ухо. Вот сюда.

— Можно, Корнелий?

— Говори, — махнул рукой Удалов. — Все говори. Только чтобы этот кошмар скорее кончился.

Вошел милиционер с ящиком, из которого торчали разноцветные прутья и свисали волосы проводов.

— По вашему указанию, — доложил он, — сняты все секретные навигационные приборы нарушителя воздушного пространства. Приборы извлечены с помощью молотка и отвертки.

Милиционера звали Пилипенкой, он жил в Красноармейском переулке, за углом от Пушкинской, и, конечно же, знал Удалова, поэтому поздоровался и сказал, ставя ящик на стол перед Карасем:

— Как хорошо, Корнелий, что я тебя встретил!

— Чего уж тут хорошего...

— Я не шучу. Я по делу. Ты же обещал поделиться по части опыта работы в народной дружине с нашей молодежью из речного техникума. Никакой сознательности у тебя нет!

— Уж и не знаю... — вздохнул Удалов, бросив неуверенный взгляд на типа в сером пиджаке.

— Я понимаю, что ты занят, — сказал Пилипенко, неправильно истолковав уклончивый ответ соседа. — Мы все занятые.

Тут человеку в сером надоело ждать, когда друзья наговорятся, и он раздраженно заметил:

— Занятый, так проходи, не мешай работать.

— А чего это вы себе со мной позволяете? — удивился милиционер, который был человеком независимым и даже смелым. В прошлом году он один обезоружил двух преступников, приехавших в Гусляр на гастроли из Лебедяни.

— А то и позволяю. Выйди отсюда!

Милиционер возмущенно вышел. Вся спина его выражала возмущение.

Убедившись, что свидетелей не осталось, человек в сером подозвал к себе жестом Ксению и прошептал:

— Говорите мне на ухо.

— А чего говорить-то? — смутилась Ксения.

— Докладывайте шепотом о месте, форме и размере родимого пятна у вашего супруга.

Ксения густо покраснела и сказала:

— На этой...

— На какой этой?

— На букву «я»...

— Говори, Ксюша, говори! — подбодрил ее Удалов.

— Так ты сам знаешь, вот и говори!

— Стоп, стоп, стоп, стоп! — закричал человек в сером. — Без подсказок! Будете подсказывать, удалю с поля!

Карась не удержался и захихикал — ему эта ситуация показалась очень смешной.

— Задержанный! — обратился человек в сером к Удалову. — Следовать за мной.

Он широким жестом распахнул дверцу пузатого шкафа, в котором хранились вымпелы, значки, памятные медали и труды классиков марксизма.

— А ну, заходи за дверь, чтобы никто не видел!

Удалов зашел.

— А теперь раздевайся! — велел человек в сером.

Удалов решил было сопротивляться, но передумал — угаданная родинка может его спасти. Он зашел за дверь, распустил ремень и спустил брюки.

Человек в сером пиджаке взял за руку Ксению, провел ее за дверь шкафа и сказал:

— Ну, показывайте.

Карась заглянул через дверцу шкафа сверху, но Ксения замахнулась на него кастрюлей, из которой почти весь суп уже вылился, чтобы не подглядывал.

— Пусть трусы снимет, — сказала она. — Сними, Корнюша, не стесняйся. Тут все свои.

Корнелий спустил трусы, и человек в сером пиджаке нагнулся, чтобы разглядеть родинку в указанном месте. Родинки не было.

— Вчера еще была, — удивилась Ксения.

— Ясно, — сказал человек в сером пиджаке. — Одевайся. Этого мы и ожидали. Ваш брат всегда попадается на мелочах. Небось не думал твой шеф, что мы брюки с тебя снимем!

— Погоди, — сказал Удалов, все еще находясь в позе пингвина, который разглядывает своего детеныша, укрывшегося у него между лап для спасения от жгучего мороза Антарктиды. — Должна быть.

Человек в сером пиджаке пронзил Ксению взглядом и произнес с гипнотизирующей силой:

— Вы, гражданка, у своего мужа видели родинку. А у этого родинки нет. А кстати, вы у своего мужа когда-нибудь видели такую фуражку с таким гербом?

И он указал на голубую каскетку с изображением кометы, которую Корнелий забыл снять в помещении, хоть и был человеком воспитанным.

И тогда Ксения залилась горькими слезами и сказала:

— Но он такой похожий!

— Ксения!

— Не приближайтесь к ней! Если вы — это вы, то где родинка?

— Ксюша, может, ты не там посмотрела? — молил Удалов. — Мне же не видно в таком месте!

Карась крепко схватил Удалова за руки, чтобы он не прибегнул к секретным приемам джиу-джитсу.

— Спасибо вам, вы наш человек, — сказал человек в сером пиджаке, крепко пожимая руку Ксении и выталкивая ее в прихожую.

— Может, я плохо посмотрела, — сказала Ксения. — Может, я стороной тела ошиблась?

— Все ясно, все ясно, не давайте себя запутать. Нет у него родинки ни с какой стороны.

И он стал подталкивать Ксению к двери.

— Ксения, заботься о ребенке! — крикнул Удалов вслед жене. Он был на нее не в обиде.

Ксения плакала. Человек в сером пиджаке все-таки выставил ее за дверь, где она присоединилась к милиционеру и Марии Пахомовне. Те встретили ее сочувственно, и Мария Пахомовна сказала:

— А как замаскировался, стервец!

Милиционер Пилипенко сказал:

— Любопытно, что они с настоящим Удаловым сделали? Может, под поезд бросили? Они обычно под поезд кидают... А я ему про народную дружину сказал... Не стоило раскрывать наших карт.

Ксения тихо рыдала.

В кабинете Карася человек в сером пиджаке извлек из кармана моток тонкой и прочной капроновой веревки, и Удалов удивился тому, как много у этого человека вмещается в карманы, а потом почему-то подумал, что его сейчас будут вешать, и даже бросил обреченный взор на люстру, прикрепленную за крюк к высокому потолку, хотя, конечно, никто его вешать не собирался.

— Думаю, для надежности стоит привязать его к креслу, — сказал человек в сером пиджаке. — Если мы его упустим, нам не простят.

— Конечно, товарищ, — согласился Карась. — Я его держать буду. А вы туда сообщили?

— Уже вылетают, — сказал человек в сером пиджаке, разматывая веревку. — Ждем с минуты на минуту. Наши люди дежурят на аэродроме. Поэтому и надо спешить. Между нами говоря...

Карась вздрогнул и выразительно повел глазами в сторону Удалова.

— Ничего, — сказал человек в сером. — Я проверял, он по-русски плохо понимает. Будем менять его на нашего человека. Может, даже уже договоренность есть.

— А с кем меняться будете? — спросил Удалов.

Человек выразительно покрутил пальцем у виска.

— Ладно уж, договаривайтесь с кем хотите, — махнул рукой Удалов. — Только скорее. А то у меня стресс.

— Я тебе покажу стресс! — пригрозил человек в сером, прикручивая Удалова к креслу.

Карась подвинул по столу ящик с приборами, выломанными из космического корабля, и достал лист линованной бумаги.

— Я буду фиксировать, — сказал он.

— Правильно. Вам бы у нас работать, — похвалил его человек в сером пиджаке.

— Спасибо, — с чувством сказал Карась, развинчивая ручку. — Никогда не поздно.

Человек в сером пиджаке вытащил из ящика длинный цилиндр с двумя шишками на концах и с оборванными проволочками, свисающими с боков.

— Хотя бы с этого начнем, — сказал он. — Это что такое? Для чего употребляется? Для съемки?

— Честное слово, не знаю, — сказал Удалов. — А вы это откуда выломали? Могут быть неприятности.

— Удалов, — укоризненно сказал Карась, — как тебе не стыдно грубить товарищу майору?

— А я вам не Удалов, — ответил Удалов, терпение которого уже иссякло. У него за какие-нибудь два часа отобрали доброе имя, национальность, жену, сына, народную дружину, а взамен оставили только чужую голубую каскетку. — Я неизвестной национальности нарушитель воздушного пространства.

— Записывай, Карась! — сказал человек в сером пиджаке, не скрывая торжества в голосе. — Признался в том, что проник в воздушное пространство незаконно и с целью... С какой целью?

— Какая вам лучше, с той и проник.

— Проник с целью взорвать объекты в районе города Великий Гусляр.

— Но он этого еще не говорил, — попытался соблюсти приличия Карась.

— Сейчас скажет, — ответил человек в сером.

— Скажу, — согласился Удалов. Веревка резала ему руки, и хотелось пить.

— Тогда записывай, Карась. Он уже во всем сознался.

Карась начал записывать крупными буквами удаловские признания по части его вредного образа действий, а человек в сером пиджаке подсказывал ему детали. Потом обернулся к Удалову, который с тоской смотрел, как за окном беседуют голуби:

— Предупреждаю, что тебе придется на каждом листе внизу подписываться.

— А у меня руки связаны...

В этот момент в дверь громко постучали.

— Мы же заняты, — возмутился Карась.

Человек в сером сказал:

— Одну минутку. Сейчас я им отвечу.

Из своего бездонного кармана он достал пистолет-пулемет и снял предохранитель. На цыпочках подошел к двери. Удалов и Карась невольно замерли. Карась пригнулся к столу, а Удалов вжался в кресло. Человек в сером резким движением распахнул дверь. Он поднял пистолет-пулемет так, чтобы тот был нацелен в грудь любому, кто попытается войти в кабинет.

— Руки! — коротко сказал он.

В дверях кабинета стоял сам товарищ Батыев. Он побледнел и медленно поднял руки.

И в то же мгновение два незнакомых Удалову человека вынырнули из-под мышек товарища Батыева, влетели в кабинет и выбили оружие из рук человека в сером. Оружие отлетело к потолку и дало короткую очередь. Посыпалась штукатурка.

Один из вбежавших ударил ребром ладони по горлу человека в сером, и, пока тот медленно, как в фильме с приключениями, падал на персидский ковер машинного производства, второй из вбежавших незнакомых людей воскликнул:

— Да это же Матвей из второго отдела!

— Перестарался майор, — сказал второй незнакомец с искренним сочувствием и, выглянув в прихожую, приказал милиционеру Пилипенко вынести и положить где-нибудь бесчувственное тело товарища Матвея.

Только потом, когда товарищ Батыев догадался опустить руки, товарищ Карась, бережно поддерживая под локоть, провел его к своему столу, а Мария Пахомовна быстренько вымела осыпав-

шуюся штукатурку, пулеметные пули и гильзы, вспомнили об Удалове.

— Это он? — спросил Батыев, словно впервые встретился с Корнелием.

— Это...

Дальше Карась заговорил шепотом, и Удалов, который был очень доволен, что его все-таки не подстрелили, не стал прислушиваться к разговору начальства. В другом случае он бы доказывал и спорил, даже, может, напомнил бы Батыеву, как тот три дня назад грозился снять Удалова с занимаемой должности за то, что его контора не выполнила ремонт дома отдыха. Но теперь он молчал. Он только думал, что, судя по современной международной обстановке, лучше, если его признают американским космонавтом, а не китайским или еврейским. Ведь если признают американским, то допросят, погрозят, подержат в тюрьме (в Москве ведь, в столице, не в нашей провинции), и тебе придется признать, кто и зачем тебя подослал. Потом наверняка международное сотрудничество возьмет верх, и отправят Удалова обратно в Соединенные Штаты Америки в порядке обмена, там он поживет, пока все не выяснится, вернется обратно, приодевшись и даже купив кое-чего для жены и сына. Но если придется признаться в том, что ты китаец, тогда путь твой, Корнелий, лежит в город Пекин, где тебе обломают собачьи ноги-руки и отправят в деревню навоз перебирать, перевоспитываться. Ну а если признают евреем? Вышлют к ним, на их родину. А по дороге обязательно доберутся до Удалова палестинские экстремисты и взорвут его пластиковой бомбой. И за дело. А если не взорвут — и того хуже, забреют Удалова в еврейскую армию, сделают ему обрезание, и занесет песок его кости в суровой Синайской пустыне... Слеза покатилась по щеке Удалова. А за полуоткрытой дверью все плакала, не могла удержаться Ксения, которая вспомнила уже, что ошиблась с родинкой. Та родинка была вовсе не у Удалова, а у давнего знакомого ее молодости, о котором Удалов и не знал, но большое душевное расстройство и напряжение как бы застили туманом глаза Ксении, и она спутала местоположение... Теперь-то она ясно вспомнила, где настоящая родинка, удаловская, но тот человек, который задавал вопросы, только что был пронесен мимо в таком состоянии, что уже ничем не интересовался. И Ксения не знала, у кого требовать, чтобы с Удалова снова сняли штаны.

— Развяжите его, — сказал товарищ Батыев громовым голосом.

Эти слова дошли до задумавшегося Удалова не сразу. Только когда один из незнакомцев стал распутывать веревку на его онемевших руках, он понял, что пришло освобождение.

Сам товарищ Батыев лично помогал разматывать Удалова, а Семен Карась дрожащей от переживаний рукой налил воды в хрустальный стакан из графина и поднес стакан Удалову, тому самому Удалову, которого только что за человека не держал. И тогда Удалов понял, что его все-таки решено считать американским гражданином.

Товарищ Батыев сказал:

— Надеюсь, вы не обиделись на наших сотрудников, которые проявили бдительность, и я думаю, когда ваши товарищи встретят впервые наших посланцев, они тоже проявят бдительность. Разве в этом есть что-нибудь удивительное?

— Нет, ничего удивительного нет.

— Представьте себе... — Товарищ Батыев был руководителем современного склада, с университетским значком в петлице и в хороших очках, привезенных из командировки на конгресс энтомологов в Испанию. Там он выступал в роли большого специалиста по сосновому точильщику и видел много интересного из архитектурных памятников и тяжелой жизни местного населения. — Представьте себе, что вы гуляете по лесу и тут падает наш корабль. Без опознавательных знаков. Вы ведь тоже можете решить, что корабль подослан с определенной целью...

Тут товарищ Батыев осторожно подмигнул, потому что ему надо было улаживать отношения с этим чертовым пришельцем, которые так преступно испортили слишком ретивые подчиненные.

Удалов не знал — откуда ему, связанному, было знать, — что после сигнала товарища Матвея в сером пиджаке в области началась паника, которая докатилась по проводам до самой Москвы. Оттуда тут же пришло сообщение, что, по всем данным, корабль, приземлившийся под Великим Гусляром, не был ни американским, ни китайским, ни каким другим, а самым настоящим межзвездным кораблем, вестником далеких звездных миров, на которые указывал Циолковский и контакта с которыми давно ждали в соответствующих кругах. Больше того, высказывалось мнение, что инопланетные пришельцы могут первоначально с целью контакта приземлиться в какой-нибудь буржуазной, империалистической или, на худой конец, неприсоединившейся стране. На это компетентные люди резко возражали, так как инопланетные пришельцы, будучи передовыми в области идеологии, никогда не позволят себе идти на контакт с отсталыми в общественном отношении формациями, хотя могут быть введены в заблуждение. И поэтому, когда из Москвы позвонили товарищу Батыеву и сказали, что реактивный самолет вылетает в ближайшие десять минут, имея на борту ответственных товарищей, а последующие самолеты поле-

тят следом, Батыев понял — или пришелец, прилетевший во вверенный ему район, будет приемом доволен, или он сам будет недоволен жизнью в целом.

И тут же обнаружилось, что, пока Батыев получал накачку из Москвы, за пришельца взялся майор из городского управления и уже привязал его к стулу веревкой. Но самое тревожное, что по его приказу из корабля выломаны все ценные приборы и отправлены в горисполком на предмет выяснения их шпионской сути.

С минуты на минуту могли прилететь академики, генералы и руководители правительственных органов. И пришелец, очень похожий на директора стройконторы Удалова, сидит привязанный к креслу и подвергается непристойному допросу.

И хоть пришелец, растирая поврежденные веревкой руки и стряхивая с себя штукатурную пыль, упавшую на него после столь неудачной стрельбы в кабинете Карася, делал вид, что не обижается, Батыев с каждой секундой все более проникался справедливым гневом на этого идиота Карася, не говоря уже о КГБ в целом. Но с КГБ взятки гладки. Они всегда при исполнении. А вот с Карася мы спросим. Без снисхождения.

— Ты чего ему подсовываешь! Ты чего подсовываешь нашему дорогому инопланетному гостю! — воскликнул Батыев, отводя в сторону толстую руку Карася со стаканом воды.

— Она кипяченая, — только и мог сказать Карась.

— У тебя что, представительской нет? У тебя, хочешь сказать, в нижнем ящике стола нет бутылки коньяка «Двин»?

— «Двина» нет, — бормотал Карась, потому что наступил его последний час. — Есть «Мартель», на областной конференции давали.

— А ну!

Карась изогнулся и извлек из нижнего ящика стола бутылку французского коньяка большой выдержки и начал зубами скусывать пробку. Один из незнакомцев элегантным, привычным движением вынул бутылку изо рта у Карася, свинтил пробку, второй незнакомец поднес стакан, и тот тут же был наполнен коньяком.

Товарищ Батыев лично поднес стакан Удалову.

— Примите, — сказал он. — С дороги никогда не мешает.

— Ну что вы, — сказал Удалов. — Днем, в рабочее время...

Карась, которому никто ничего не объяснил, все еще держал Удалова за американско-китайского космического шпиона и полагал, что поведение товарища Батыева объясняется в первую очередь тем, что к врагам угодил какой-то наш космонавт и его нужно срочно выменять, пока не наговорил там лишнего. А может быть, думал он, произошло какое-нибудь потепление в международном

климате и этого шпиона вовсе решено сделать общим международным героем. А вот мысли о том, что есть жизнь на других мирах, Сеня Карась не допускал, потому что не мог смириться с тем, что Земля круглая. Он про все знал, читал газеты и так далее, отмечал вместе со всем народом День космонавтики, но в душе считал Землю плоской, а остальное — требованиями текущей политики.

— Не отказывайтесь, — настаивал товарищ Батыев, поднося стакан к самым губам Удалова. За стеклами импортных очков его глаза сверкали строго, как на квартальном совещании по сельскому хозяйству.

— Только если за компанию, — сказал Удалов наконец. — Только если с вами.

Громкий вздох облегчения вырвался из груди Батыева. Пришелец не сердился!

Батыев сделал пальцами знак, и незнакомец тут же налил во второй стакан и ему.

Карась пытался из бутылки слить себе в третий стакан, но незнакомец ему не позволил. Он знал, кто тут прав, кто виноват.

— Закуску, — приказал Батыев.

Карась засуетился, позвонил Марии Пахомовне, и та принесла из холодильника на тарелочке чуть подсохшие бутерброды с семгой. Сделала она это моментально, потому что обрадовалась облегчению в судьбе Корнелия Ивановича, которого по необразованности хотели посчитать за американского шпиона. Когда она выдала тарелочку и вернулась к себе в приемную, то сказала Ксении, ожидавшей на кожаном диване:

— Сердце мне подсказывает, что все образуется. Твоего Сам из стакана поит.

— Лучше бы отпустил. Я сама ему поднесу дома, — сказала Ксения. — Где ты видела, чтобы главгор простого директора стройконторы из рук поил? Не кончится это добром.

Не могло быть более ошибочного мнения. Батыев выпил с Удаловым. От французского коньяка перехватило дух, и, прежде чем приняться за бутербродики, пришлось им похватать с минуту воздух ртами, как рыбам на суше. Но ничего, обошлось. Оба они были привычные.

Батыев искательно поднял взор к ополовиненной бутылке. Карась сказал: «С легким паром», дверь распахнулась от удара, так что все подскочили, а незнакомцы схватились за бедра — хотели достать табельное оружие, да не успели, и ворвалась на этот раз Ксения, которая поняла, что с переменой начальства есть надежда отспорить мужа.

— Снимай штаны! — закричала она, тяжело дыша, отчего ее полная упругая грудь бешено вздымалась. — Я покажу.

Батыев стоял, двигал ртом, но произнести ничего не смог. Удалов хотел было сказать, объяснить, но от принятого коньяка произошла временная местная анестезия языка. Карась зажмурился. Незнакомцы все еще рассуждали, стрелять или не стрелять, как Ксения завопила снова:

— Снимай штаны, говорят тебе!

Тут Батыев в полной тишине начал быстро рассупонивать ремень, не отрывая взгляда от грудей Ксении, а Удалов испугался, что он может, пользуясь служебным положением, соблазнить Ксюшу, и двинулся к нему, чтобы воспрепятствовать. Батыев отталкивал его локтем, повторяя почти беззвучно:

— Какая баба! Какая баба! Жанна д'Арк!

Штаны его упали на пол, обнаружив длинные серые трусы, а Удалов постарался подхватить их, только Ксения не потеряла присутствия духа. Она поглядела на мужские прелести Батыева и приказала ему:

— Одевайсь! Не про тебя спрос. Я хочу родинку у Удалова показать. Вспомнила я, на другой ягодице и поближе к серединке! Давай, Корнюша, покажи этому козлу свой зад.

Батыев стоял, придерживая едва державшиеся штаны, а Карась, который уже сообразил, что к чему, стал давиться от непочтительного смеха и объяснять, что Ксения — жена Корнелия Удалова из стройконторы и приняла космического путешественника за своего мужа, что и пытается доказать с помощью родинки, с которой произошел конфуз в присутствии товарища майора.

Ксюша тоже пришла в себя, смутилась, отвернулась от Батыева, и Корнелий, успокоив ее, как мог, вывел из кабинета. Ксения принюхивалась на ходу и уже подозревала мужа, что он придумал эту инсценировку, чтобы напиться с новыми приятелями. Но Корнелию удалось уговорить жену подождать немного в приемной у Марии Пахомовны.

Когда Удалов вернулся в кабинет, Батыев уже привел себя в порядок и, смущенно улыбаясь, протянул Удалову второй стакан коньяку. Карась стоял рядом и судорожно облизывался.

— Бабы у нас тут огонь! — сказал Батыев смущенно. — Опять конфуз с космонавтом — что же нам, русским людям, так не везет в межпланетном содружестве!

— Согласен, — сказал Удалов, принимая стакан.

— Давай за баб употребим, — предложил Батыев.

— Так она ничего, — сказал Удалов. — А сейчас за меня переживает. Можно понять. Сколько же прожили!

— Это бывает, — согласился Батыев. — Огонь баба!.. А ты женись на ней. Свадьбу сыграем. Как ее зовут, Семен?

— Ксения, — сказал Карась. — Ксения Удалова.

— Ну вот, женим тебя на Ксении. Найдешь свое человеческое счастье!

Батыев возмечтал, чтобы космический странник дал согласие. Это была бы инициатива, которую одобрит и Политбюро — такой шаг к межгалактической дружбе! А если устроить так, чтобы свадьбу сыграть у них...

— А меня к себе на свадьбу позовешь, — сказал Батыев. — Согласен?

Удалов согласился. Но сказал:

— Только вот перед соседями неудобно.

— С соседями поговорим.

— А сын?

— Сына я усыновлю, — сказал Батыев.

Больше у Корнелия аргументов не осталось, и они выпили по второму стакану.

Приятное тепло разлилось по утомленному происшествиями удаловскому телу. В голову ударило и принесло расслабление и добрую любовь не только лично к товарищу Батыеву, но и к другим, милым и отзывчивым людям.

— Ну и как там у вас? — спросил Батыев, усаживаясь напротив Удалова с бутербродиком в руке. — Большого прогресса достигли?

— Ничего, не жалуемся.

Удалов понимал, конечно, что его опять не за того принимают, но спорить не стал, не хотелось обижать хорошего товарища Батыева. За такой коньяк можно и душой покривить. А то еще снова привяжут.

— Долго к нам летели?

— Как вам сказать...

— Понимаю, понимаю... — Батыев окинул взглядом присутствующих в кабинете, но никто из них не изъявил желания уйти.

— Один добирались?

— Сюда-то?

— Сюда.

— Вот меня товарищи привезли. Товарищ Карась и еще один, его майором тут называли.

— Понятно. — В голосе Батыева звякнул металл. — С этими товарищами мы разберемся, поговорим, не беспокойтесь. От ошибок не гарантирована ни одна система. У нас ошибок меньше, чем в системе капиталистической эксплуатации, но, сами понимаете, люди есть люди... И хоть мы уже уничтожили социальные причи-

ны пьянства, хулиганства и проституции, отдельные случаи тем не менее имеют место под влиянием враждебной нам пропаганды.

— И проституция наблюдается? — удивился Удалов.

Об этом он раньше в родном городе не слыхал, ему не сообщали.

— Нет, — сказал товарищ Батыев. — Не в прямом смысле, а в больших городах и только в виде исключения.

— Ага, — сказал Удалов.

— А вы русским языком хорошо владеете, — сказал Батыев. — Почти без акцента. У себя на родине изучали?

— Дома, — согласился Удалов. «Интересно, — подумал он, — а какой у меня теперь акцент? Постараюсь следить за собой, чтобы не было никакого акцента».

— Этот гражданин, — Карась пытался вернуть себе расположение товарища Батыева, но не знал, как это сделать, — также хорошо владеет и английским языком. Мы с ним беседовали.

— Чего? — испугался Батыев.

Он понял, что, если эти сведения проникнут в западную прессу, там поднимется бешеная кампания, направленная на дискредитацию нашей страны. Наймиты пера тут же заявят, что инопланетный пришелец летел вовсе не к ним, а на Запад и его попросту захватили наши истребители-перехватчики и заманили в плен.

— Я точно говорю, — настаивал Карась, который хотел показать свою образованность. — А вы подтвердите: мы по-английски с вами говорили?

— Это он говорил, — сказал Удалов. — На каком языке он со мной говорил, не скажу, не уверен. Но все требовал, чтобы я ему какие-то сведения сообщил...

Карась заметно задрожал. Он понял, что сказал лишнее. Это поняли и незнакомцы, которые с обеих сторон сдвинулись и прижали его локти.

— Удалов! — взмолился Карась, забыв, кто перед ним сидит. — Скажи, что я по настоянию органов. Скажи, что я по разговорнику. Скажи им, что я никаких языков не знаю!

— Это точно, — сказал Удалов, который был добрым человеком и зла не помнил. — Он по наущению и по разговорнику.

Но было поздно. Незнакомцы быстро вывели Карася из его кабинета, а тот почти не сопротивлялся, только кричал по пути:

— Я же неграмотный! Я же алфавита не знаю!

По выходе Карася Батыев нагнулся поближе к Удалову и сказал тихо:

— Вы его не жалейте. Он заслужил. Интриган, знаете?

— Знаю, — сказал Удалов. Раньше бы не сказал, да еще Само-

му. Но сейчас был пьян и решил, что городу лучше будет без Карася, народ станет жить свободнее, зажиточнее, средние руководящие кадры получат больше личной инициативы. Уж очень этот Карась наглый взяточник и мздоимец. Все это он и сказал товарищу Батыеву. Батыев с готовностью поддержал соображения Удалова и даже изъявил удивление и почти восторг по поводу того, как в далеких звездных мирах осведомлены о жизни его родного города.

— Я надеюсь, вы нас не осудите, — продолжал Батыев. — Наши товарищи вынули из вашего корабля некоторые детали. Надеюсь, не самые жизненно важные, но вынули. Хотели поближе ознакомиться. Заблуждались. Я бы мог отмежеваться, но считаю своим долгом нести ответственность за все, что происходит во вверенной мне части нашей страны.

— Так я что вам скажу, — доверительно сообщил Удалов. — Если взяли, значит, надо на место положить. А то неудобно получится.

— А если осторожно положим, жаловаться не будете?

— А мне что? — сказал Удалов. — Мне это дело до лампочки.

По этому поводу Батыев обрадовался, а потом предложил еще принять, что и сделали с помощью двух незнакомцев, которые вернулись в кабинет и присутствовали, даже сказали им вслух: «За ваше здоровье».

После этого Удалов совсем полюбил товарища Батыева, а Батыев полюбил Удалова. Только Удалов любил с открытыми глазами. Он знал, что Батыев — это главгор, но хороший, душевный человек. То есть любил он не кого иного, как Батыева. А Батыев заблуждался. Если бы он поверил, что Удалов — это Удалов, то разлюбил бы. А пока они обнялись и спели популярные песни. Если Удалов где забывал слова, товарищ Батыев ему подсказывал и не удивлялся — инопланетный пришелец вправе не знать про Каховку и про тайгу, которая под крылом самолета, хотя, конечно, стыд и позор ему не знать песню, где действие происходит на пыльных тропинках далеких планет. Об этом он со всей прямотой сказал Удалову, и Удалов не обиделся, понял. Незнакомцы тоже пели, но вполголоса, чтобы не затенять руководящих товарищей. А за дверью, в приемной, грустила Ксения, различала высокий и веселый голос мужа, но не вмешивалась, а только повторяла: «Вот пусть он у меня попробует домой вернуться!»

По окончании песен обнялись и хотели было пойти в пляс, но в дверь заглянул милиционер Пилипенко и сказал, что там рвется какой-то из области. Его впустили, но оказалось, что это не настоящий из области, а просто какой-то профессор, специалист

24 – 4504

якобы по иноземным цивилизациям. Он в Удалове не признал пришельца, чем очень обидел и Батыева, и Корнелия, и они вместе с незнакомцами профессора из кабинета выгнали, чтобы не выдавал себя за кого ни попадя и не вводил в заблуждение.

— Ты только подумай, — сказал потом Батыев Удалову. — Он тебя за простого человека принял. Это же, можно сказать, оскорбление.

— А я не прост, — ответил Удалов. — Простых людей вообще не бывает.

Батыев обнялся с Удаловым и поцеловался с ним в губы троекратно. Потом они договорились звать друг друга на «ты».

Тут и приехали товарищи из области. Они были совсем трезвые и потому не сразу разобрались, кто пришелец, а кто свой. Им объяснили, а один из них сразу сказал:

— Это только доказывает, что во всей Вселенной действуют одни и те же законы.

— Наши законы, — сказал ему секретарь обкома Чингисов и тоже троекратно поцеловался с Удаловым.

— Поздравляем вас, товарищ, с благополучным прибытием! — крикнул он.

Обнимаясь с Удаловым, он уловил исходящий из его рта запах хорошего коньяка, и у него отлегло от сердца. Он ведь тоже всю дорогу беспокоился, доволен ли пришелец, хорошо ли ему.

— Я с ним принял бутылочку, — сказал ему Батыев, понизив голос. — Вы уж простите, я так не употребляю, только за компанию или по делу...

— Знаем, как ты не употребляешь, — сказал ему секретарь обкома. Но не сердито, а так, по-братски.

Батыев подумал, что, если все дальше гладко пойдет, открывается прямая дорога в область.

Секретарь обкома сделал знак рукой, и его секретари и незнакомцы, которые с ним приехали, внесли заготовленный на всякий случай сундук с припасами.

— Сейчас, — сказал Чингисов, — по случаю нашей встречи, а также, раз уж вы устали с дороги, устроим маленький закусон.

— Ну, гуляем! — сказал Удалов с некоторым ужасом.

Все обрадовались, забили в ладоши, а журналист, который уже снял удаловское объятие с Чингисовым, вытащил магнитофон и попросил:

— Ну, два слова, первые впечатления.

— Речь скажи, — поддержал журналиста секретарь. — Если надо, то мой референт Рабинович сейчас подготовит.

— Это правильно, — согласился Удалов, — пускай подготовит. Все-таки мероприятие.

Со стола сбросили телефон и чернильный прибор, постелили чистую скатерть, принесли из райкомовского буфета приборы и хлеб с маслом, а Удалов в это время немного вздремнул в кресле, надвинув на лоб каскетку. Все говорили шепотом, не беспокоили, а товарищи Батыев и Чингисов проверили все, что написал референт Рабинович, кое-что вычеркнули, кое-что добавили. Рабинович оправдывался.

— Я, — стенал он шепотом, — раньше не имел опыта написания выступлений для столь отличающихся от нас товарищей. Но показания товарища из местного горкома и общее впечатление убедили меня, что прилетевший к нам с отдаленных звезд товарищ проникнут нашим, прогрессивным образом мыслей. Я думаю, что нужно по возможности записать его речь, может, ее возьмут на московское телевидение, на первую программу.

А Удалову снился сон, связанный с его дальнейшим повышением. Во сне он уже подлетал к Москве, и самолет, несущий его на борту, медленно приземлялся в аэропорту Шереметьево. К самолету раскатали красную ковровую дорожку, а из здания, украшенного красными флагами, вышли руководители партии и правительства и солидно направились навстречу первому гостю из иной звездной системы, который прибыл сюда, чтобы поделиться знаниями, опытом строительства и вообще проявить дружбу и сотрудничество. И вот все встречающие отстали на один шаг от первого встречающего, и тот раскрыл объятия...

Тут Удалов очнулся и удивился. Как же это он во сне считал себя не советским человеком! Ему стало немного страшно и стыдно, но тут же он подумал, что, вернее всего, он уже не Удалов, а самый настоящий звездный пришелец. Ведь не зря же даже близкий человек, жена, не нашла приметной родинки. И поэтому, когда Чингисов протянул ему бумажку с речью для произнесения на торжественном обеде, Удалов блеснул глазками на накрытый стол и понял, что обязан отработать надвигающуюся выпивку и сказать приготовленные слова.

В кабинете уже стояла кинокамера, горел свет и суетились операторы. Незнакомая женщина в белом подошла к Удалову, причесала его немного и подмазала ему щеки розовой пудрой. Удалова провели за стол, и по обе стороны его встали Чингисов и Батыев.

Подняли первый тост за дружбу и процветание. Подняли второй тост за приезд. Потом Удалову подмигнули, и он развернул бумажку, написанную товарищем Рабиновичем, с помарками других товарищей.

— Дорогие товарищи! — прочел Удалов. — Дамы и господа!

Удалов окинул взглядом стол, но ни дам, ни господ не заметил. Потом сообразил, что передача будет рассчитана на весь мир и потому нужно мыслить широко. И он продолжил чтение, несколько задерживаясь на сложных словах и читая их по складам.

— Разрешите мне приветствовать вас на советской земле в канун большого праздника — завершения очередного пятилетнего плана...

За дверью послышались шум и суетня. Кто-то кого-то в дверь не пускал. Незнакомцы, удивленные и возмущенные попыткой вторжения, бросились к двери и, к сожалению, опрокинули кинокамеру.

— Эх, — вздохнул Рабинович, — придется вам всю речь снова читать.

— Вижу, — сказал Удалов.

Незнакомцы старались сдержать страшный натиск с той стороны, грудью держали дверь, но странная, неземная сила оттолкнула их, и вместе с сорвавшейся с петель дверью они были вброшены в кабинет.

«Да, — подумал Удалов снова, — есть еще враги нашей дружбы».

В дверном проеме обнаружились три странных существа совершенно фантастического вида, в одежде, которая прикрывала их почему-то только выше пояса, хотя ниже пояса у них ничего неприличного не было. Существа стояли на трех ногах каждый и махали множеством рук, чтобы навести порядок. Сначала их никто не хотел слушать и раздавались лишь отдельные крики: «Хулиганство!», но потом все трое так громко рявкнули на присутствующих, что пришлось их выслушать, потому что тот, кому не положено, так рявкать не будет.

— Это что же есть получается? — воскликнул один из трехногих монстров с явным неземным акцентом. — Не успеешь отвернуться, а тебя уже грабят? Мы есть будем жаловаться в ООН, да!

— Что такое? — спросил строго Чингисов у Батыева. — Здесь твое хозяйство, ты и разбирайся, что за претензии у товарищей.

— Да-да, — сказал Батыев. — Давайте выйдем, товарищи, поговорим, все выясним. А еще лучше заходите завтра ко мне часиков в одиннадцать на прием. Там все и провентилируем. А то, видите, у нас сейчас мероприятие по встрече с инопланетным гостем. — И Батыев указал на Удалова. Скандала он не хотел, неизвестно еще, что за стиляги и хиппи приперлись.

Трехногие взглянули на Удалова, и один из них закричал:

— Так вот кто спер мою любимую форменную фуражку!

А второй увидел, что на груди у Удалова все еще висит бинокль, и закричал:

— Ясно, кто есть похититель мой бинокль!

— Да не хотел я красть, — возразил Удалов. — Только примерил, тут меня и скрутили.

Удалов тут же снял с себя каскетку и протянул одному из трехногих. Снял с груди бинокль и протянул второму трехногому.

— Это еще ладно, — смягчился трехногий. — А куда стащили наши приборы? Что же получается за местность у вас? Такого мы еще не встречали ни на одной планете. Не успели войти в лес по случаю несварения желудка, как нас полностью обокрали, а потом еще в наш родной корабль пускать не хотели.

— Приборы? — спросил Удалов. — Приборы вон там, на тумбочке стоят, в ящике.

Трехногие подобрали и приборы. И притом качали головами, находя приборы в плачевном состоянии.

— Больше мы к вам ни ногой, — сказали трехногие хором. — Никогда. Через двадцать минут улетим на нашу родную альфу Центавра, только вы нас и видели, недостойные гуслярцы!

— А жаль, — сказал Удалов вслед настоящим иноземным пришельцам.

Пришельцы ушли, захватив ящик с деталями. Будто их и не было.

А в кабинете еще несколько секунд стояло подавленное молчание, до тех пор стояло, пока оставшиеся не поставили общими усилиями на место дверь.

Товарищ Чингисов перевел дух, словно долго бежал. Потом повернулся к Батыеву и спросил его:

— Что за психи к тебе в кабинет врываются? Как ты так всех распустил?

— Не мой кабинет, — ответил Батыев. — Карася кабинет. Это он всех распустил. Только мы его сегодня уже лишили народного доверия, сняли, будет библиотекой заведовать.

— Вот это правильно. Ты потом проверь, что за люди, зачем шумели.

— Обязательно, — сказал Батыев. — Вот завтра придут они ко мне на прием к одиннадцати, там я с ними серьезно поговорю. Они у меня разучатся без вызова в кабинет заходить.

А раз все уладилось, то товарищ Чингисов обернулся к Удалову, который собирался, пока они заняты, вырваться из кабинета, соединиться с женой и пойти потихоньку домой.

— Вы куда, товарищ пришелец? — спросил Чингисов строго.

— Домой, — сказал Корнелий Иванович. — Какой я пришелец? Вот они, настоящие, уже улетели.

— Давайте, товарищ, без штучек, — обиделся Чингисов. — У нас пока другого пришельца нет, а мы уже в Москву рапортовали. Эй, операторы-моператоры, как вас там, включайте машину, будем приветственную речь продолжать.

Загудела камера. Удалов вернулся на место, развернул бумагу и начал читать с самого начала.

Занавес

СЪЕДОБНЫЕ ТИГРЫ

В городе Великий Гусляр не было цирка, поэтому приехавшая труппа разбила брезентовый шатер-шапито на центральной площади рядом с памятником Землепроходцам. По городу были расклеены афиши с изображением львов и канатоходцев. Представления начинались в семь часов, а по субботам и воскресеньям еще и утром для детей.

Александр Грубин попал в цирк в первый же день, на премьеру. Он выстоял длинную очередь, записывал на ладони порядковый номер, и проходивший мимо Корнелий Удалов, увидев Грубина в очереди, сказал с усмешкой:

— Тщеславие тебя заело, Саша. Хочешь первым быть. А я через неделю без очереди билет возьму. Городок наш невелик.

— Это не тщеславие, — сказал Грубин. — Меня интересуют методы дрессировки. Ты же знаешь, что у меня есть ручные животные.

У Грубина были белый ворон и аквариумные рыбки.

— Ну ладно, я пошутил, — сказал Удалов. — Стой.

Потом отошел немного, вернулся и спросил:

— А по сколько билетов дают?

— Не больше чем по два, — ответили сзади.

— Я тоже постою, — сказал Удалов.

Но его прогнали из очереди.

Место Грубину досталось не очень хорошее, высокое. Он всем во дворе показал билет, сам себе выгладил голубую рубашку, сходил в парикмахерскую, вычистил ботинки и, отправляясь в цирк, сказал своему говорящему ворону:

— Я, Гришка, обязательно с дрессировщиком побеседую. Может, говорить тебя обучим.

— Давай-давай, — согласился ворон.

Осенний ветер приносил из-за реки сырость. Цветные фонарики у цирка раскачивались, словно на качелях, и отблески их падали на головы зрителей, которые толпились у входа, спеша попасть внутрь. Встретилось много знакомых. Кое-кого Грубин знал раньше, а с другими познакомился в очереди и сблизился на почве любви к искусству.

Арена была посыпана опилками, ее окружал потертый бархатный барьер, по которому обычно ходят передними ногами слоны и лошади. Над входом на арену разместился маленький оркестр. Музыканты настраивали инструменты. Среди униформистов Грубин узнал одного парнишку с соседней улицы и пенсионера, тоже соседа. Униформистов цирк набирал на месте.

Молодой толстенький дирижер поднялся на мостик, встал спиной к арене и взмахнул палочкой. Загремел цирковой марш, и разноцветные прожекторы бросили свет на арену, к красной занавеске, из-за которой вышел высокий распорядитель в черном фраке и сказал:

— Добрый вечер, уважаемые зрители!

В цирке было тепло и немного пахло конюшней. Запах этот за годы въелся в брезент шапито, в стулья и даже в канаты. Грубин вместе со всеми приветствовал распорядителя бурными аплодисментами и, как все, был охвачен особенным цирковым чувством. Он готов был смеяться любой шутке клоуна и обмирать от ужаса при виде прыжков под куполом.

— Воздушные гимнастки сестры Бисеровы! — объявил распорядитель, и тут же на арене показались три девушки в голубых купальных костюмах, расшитых серебром. У девушек были сильные ноги и светлые волосы, завязанные тесемками, чтобы не мешали работать. Девушки поклонились публике, и по знаку распорядителя сверху к ним спустились три одинаковые трапеции, за которые они схватились руками и медленно взмыли вверх, к серому куполу, а зрители запрокинули головы, чтобы не терять гимнасток из виду. Гимнастки перелетали с трапеции на трапецию, хватали друг дружку в воздухе за руки и ноги, и порой казалось, что они вот-вот упадут вниз, но в последний момент они спохватывались и элегантно укреплялись на трапециях. Играл оркестр, иногда весь целиком, иногда, в особо опасные моменты, один барабан, люди аплодировали и долго не отпускали девушек с арены, и потому им приходилось несколько раз прибегать обратно, разбегаться веером по арене и кланяться, разводя руками.

Перед следующим номером выступал клоун. Клоун всем понравился. Он был обыкновенно одет, лишь ботинки велики номеров на десять. За клоуном вышли пожилые артисты — муж и жена.

Муж стрелял в жену из всех видов оружия, а она оставалась невредима. Но лично Грубина больше всех потрясла Таня Карантонис. Она легко ходила по проволоке и делала на ней сальто. Таня была высока ростом, у нее были пышные волнистые каштановые волосы, вздернутый нос и очаровательная улыбка. Во втором отделении, перед самим дрессировщиком Сидоровым она появилась вновь, в качестве ассистентки фокусника Грей-Аббаса. Она подавала фокуснику вазы и зайцев, а потом фокусник поставил девушку перед вертящимися дисками, на которых были изображены цифры, и девушка угадывала сумму, разницу, произведения этих цифр и даже возводила их в немыслимые квадраты.

Но все померкло перед дрессировщиком. Дрессировщик Сидоров работал с группой разнообразных хищников. На манеже, обнесенном высокой железной оградой, он стоял в окружении тигров, белых медведей, львов и пантер. Многие в зале поражались, что Сидоров до сих пор не заслуженный артист, так удивительны были трюки, которые выполняли его звери. Номер Сидорова строился в основном на имитации. Одни животные имитировали других. Казалось бы, пустяк, но вы видели какого-нибудь прыгающего белого медведя? А трех тигров, лающих в унисон? А льва, ходящего на передних лапах, высоко задрав хвост с кистью на конце? Белые медведи играли в чехарду с леопардами, а потом даже мяукали, и тигры вторили им громким лаем. Грубин сначала даже заподозрил какой-то фокус, слуховую иллюзию, но видно было, как звери разевали пасти и звуки доносились именно с арены. В конце аттракциона Сидоров приказал белому медведю пройти по проволоке, и тот выполнил этот номер и спрыгнул вниз, перевернувшись в воздухе.

Зал был потрясен искусством дрессировщика, и многие решили прийти в цирк еще раз, чтобы полюбоваться невиданным зрелищем. Даже те, кто бывал в цирке в крупных городах, никогда не слышали о таком искусстве.

После представления Грубин пытался найти Сидорова. Он хотел лично поблагодарить его за доставленное удовольствие. Для этого он спустился вниз, вышел на улицу, под ветер и дождь, зашел за забор, окружавший фургоны труппы, и долго стоял за первым из них, глядя, как суетятся служители и Сидоров, загоняя зверей по клеткам. Сквозь шум дождя и ветра слышно было, как лают и мяукают медведи и тигры. В окнах фургонов горели огни. Откуда-то потянуло жареной картошкой. Голоса на площади стихали — последние зрители расходились по домам. Сидоров все не освобождался, давал распоряжения. Его стройная подтянутая фигу-

ра мелькала у клеток. Совсем рядом в темноте между фургонами мужской голос произнес:

— Через две недели мы в Перми. Там живут мои старики. Я тебя с ними познакомлю. Ты им наверняка понравишься.

— Ты, Вася, это говорил стольким девушкам, что верить тебе невозможно. А потом, нам никогда не быть в одном номере.

— Ты бросишь цирк. Хватит. Я смогу прокормить тебя.

— Нет. Я не могу девчат подводить.

Сначала Грубин решил почему-то, что некто объясняется в любви милой Тане Карантонис. Но потом из слов девушки понял, что это одна из воздушных гимнасток. А когда влюбленные вышли на свет, Грубин убедился, что не ошибся. Васей оказался клоун. Он сильно помолодел без грима и оказался не рыжим, а брюнетом. Клоун обнимал гимнастку за талию, и, когда они проходили мимо, Грубин вжался в тень фургончика — очень неудобно было, что забрался без спросу и подслушивает.

— Пойдем к реке, погуляем, — сказал Вася.

— Не простудишься? — спросила гимнастка. — У тебя и так насморк.

Грубина они, к счастью, не заметили. Он взглянул снова в сторону клеток под навесом. Сидорова там не было. Ну вот, сказал он себе, пропустил человека.

Дальше стоять было бессмысленно. Грубин вышел на скользкую тропинку между фургонами, подошел к клеткам поближе. Хоть бы один служитель остался! Пустота. Лишь звери возятся перед сном, обмениваются впечатлениями о прошедшем дне.

— Вы кого-нибудь ищете? — спросил приятный женский голос.

Грубин оглянулся, и если бы не полумрак, рассеиваемый лишь одной лампочкой у клеток, видно было бы, как он покраснел.

— Нет, — сказал он. — То есть ищу товарища Сидорова. Вы не думайте.

— Я ничего не думаю, — сказала Таня Карантонис.

Она была в куртке и темных брюках, плечи куртки потемнели от воды.

— Нет, вы не думайте, — настаивал Грубин. — Я очень животных люблю. У меня есть белый ворон. Хотел побеседовать с товарищем дрессировщиком. Вы не думайте.

— Вот смешной человек! — сказала Таня Карантонис. — Сидоров уже ушел. К себе в фургон. Если свет горит, значит, он не спит. А вы не пьющий?

— Почти нет, — сказал Грубин.

— Сидоров любит пьющих, — сказала она и засмеялась. — Вы не думайте, что я сплетничаю, я не сплетница.

— Что вы! — радостно сказал Грубин. В этом была рука судьбы, потому что именно Таня Карантонис более всего поразила Грубина. И вот он стоит рядом с ней, под дождем, в темноте, и она разговаривает с ним, как со старым знакомым.

— Я вас проведу к Сидорову, — сказала Таня. — А вы мне за это тоже поможете, хорошо?

— Конечно, — сказал Грубин. — Только сначала я вам помогу, а потом вы меня проводите.

— Идемте, — сказала Таня и пошла впереди Грубина к фургону дрессировщика.

— Свет не горит, — сказала Таня. — Наверное, нет его дома. В город ушел.

— Ну и ладно, — сказал Грубин, который уже готов был забыть о дрессировщике. — А чем я могу вам помочь?

— Вы в город идете?

— Да, в город.

— Если не трудно, проводите меня до столовой. Которая еще не закрылась. Я приехала сегодня, не успела себе ничего на вечер купить и голодная как собака.

— А столовая уже закрыта. Она до восьми.

— Ой, какой ужас! — сказала Таня. — Придется идти к Федюковым, а я у них уже соль занимала и яйца.

— Ни в коем случае, — сказал Грубин. — Я вас так не оставлю. У меня дома есть сосиски. И яйца. Если вы стесняетесь зайти, то я вам сейчас сюда принесу. Я близко живу, десять минут туда и обратно.

— Что вы, как вы могли подумать, что я буду вас утруждать, — запротестовала Таня и улыбнулась благодарно и светло. И от этой улыбки сердце Грубина застучало, как барабан в цирке в опасный момент воздушного полета. Грубин стоял перед Таней, приглаживал в смущении мокрые всклокоченные волосы и мечтал о том, чтобы она все-таки позволила ему побежать сейчас под дождем домой, занять у соседей масла и хлеба, принести сюда эти сосиски и другие скромные яства. — Нет, — сказала Таня решительно. — В следующий раз. В городе должен быть ресторан. В каждом маленьком городе есть ресторан. И зовется он по имени местной реки или озера.

— А у нас он называется «Золотой гусь», — сказал Грубин. — Сейчас уже почти десять, а он в двадцать три тридцать закрывается.

— А далеко идти?

— Шесть минут.

— Тогда подождите минутку, я деньги возьму. Вам не холодно?

— Не холодно. А про деньги не думайте. У меня есть.

Но Таня Карантонис не слушала. Она убежала в темноту, и слышно было, как она звенит ключами у невидимой двери.

Грубин стоял, подставив лицо ветру, чтобы не так пылало. В ветре смешивался цирковой запах конюшни и запах мокрых грибов, что росли в лесу за рекой. Он представил себе на мгновение, что Таня Карантонис пришла к нему в гости и пьет чай. Но тут же Грубин отогнал эту мысль, потому что, во-первых, в комнате у него было тесно и не прибрано, а во-вторых, о таких вещах нельзя даже мечтать.

— Я недолго? — спросила Таня.

— Нет, что вы.

— Вы не сердитесь, что я к вам не пошла. Я жутко самостоятельная.

Они вышли из-за загородки и направились через темную площадь. В окнах горели теплые желтые огни, а где-то далеко, в парке, играла гитара.

— Как я могу! — сказал Грубин. Он шел, повернув голову набок, чтобы лучше видеть Таню, и профиль ее навечно отпечатался в мозгу Грубина.

— Возьмите меня под руку, пожалуйста, — сказала Таня, и Грубин как во сне сунул руку вбок. Под мышкой у гимнастки пальцам было тепло, и Грубин отвел вниз мизинец, чтобы он находился точно под локтем Тани и мог поддержать его, если Таня поскользнется. — Я такая трусиха, вы не представляете, — сказала Таня. — А когда первый раз в незнакомом городе, то все улицы кажутся страшными. Мне просто повезло, что я вас встретила. Спасибо Сидорову.

— Да-да, — согласился Грубин, делая усилие, чтобы вспомнить, кто такой Сидоров.

— Вы были очень любезны, — сказала Таня, когда они остановились под вывеской «Ресторан «Золотой гусь».

— А как же вы обратно пойдете? — испугался Грубин.

— Теперь я знаю, что это близко. Ведь отсюда цирк видно.

— Нет, — сказал Грубин. — Если хотите, я вас здесь подожду.

— Сумасшедший, — сказала Таня и засмеялась. В глазах ее горели зайчики от уличных фонарей, а зубы казались ровными и белыми. — Если вы так обо мне беспокоитесь, то пойдемте со мной в ресторан. Вы не голодны?

— Я голоден, — сказал Грубин смиренно, хотя никакого голода

не чувствовал. Он был счастлив пойти в ресторан с Таней, но, по правде говоря, несколько разочарован, потому что ему хотелось пострадать ради Тани. А для страдания больше подходило ожидание под дождем.

— Вот и отлично, — сказала Таня. — Пошли. А потом проводите меня обратно. Договорились?

В гардеробе Таня сняла куртку, и Грубин отметил, что она успела переодеться. На ней уже было платье. Грубин поглядел в зеркало и себе не понравился. Нос был слишком велик, глаза слишком выпучены, сам он, несмотря на недавнюю стрижку, слишком худ и лохмат. «Сейчас она посмотрит на меня, — думал он, — и скривится. И тогда я уйду на улицу, под дождь».

— Причешитесь, — сказала Таня Карантонис. — Расческу дать?

Грубин давно не был в ресторане, не приходилось как-то. Зал был не полон, но дымен. Его начали переоборудовать на современный лад, но ограничились только столами, шторами и буфетом в углу. Остальное — лепной потолок и стены с позолоченным трафаретом — осталось от старых времен.

Грубин, в неустойчивости чувств, возрадовался, что надел костюм с галстуком. Играл эстрадный оркестр из четырех человек. Грубину очень захотелось, чтобы хоть кто-нибудь из знакомых увидел его здесь с прекрасной циркачкой. Но знакомых, конечно, не было.

— А вот и Сидоров, — увидела Таня. — Какое приятное совпадение!

Дрессировщик сидел за столом в одиночестве. Перед ним стояли бутылка портвейна и тарелка с супом-харчо.

— Сидоров, — позвала Таня, подходя к столику. — Добрый вечер. Вы сегодня хорошо работали.

«Ну зачем я сказал ей, что ищу Сидорова!» — проклинал себя Грубин.

Вблизи Сидоров был не так привлекателен, как на манеже. У него было длинное сухое лицо в глубоких морщинах, волосы так плотно прилегали к голове, что все шишки черепа были наружу. У Сидорова были очень длинные сильные пальцы и на одном из них большой перстень. Дрессировщик лениво поднялся из-за стола, поцеловал Тане руку, и, когда выпрямился, во взгляде его Грубин уловил нечто хищное, словно дрессировщику передались качества его подопечных.

— А это кто? — спросил Сидоров, обращаясь к Грубину. — Почему не знаю?

— А это вовсе не мой, а ваш поклонник, Сидоров, — сказала

Таня. — Он вас искал, а я его мобилизовала, чтобы он меня поесть проводил.

— Здравствуйте, — сказал Грубин. — Грубин.

— Очень приятно, — сказал Сидоров в пустоту. — А я скучаю. Садитесь. В этой дыре есть нечего. Вот, видишь, суп ем.

— Здесь очень котлеты хорошие. По-киевски, — сказал Грубин. — Их в кулинарии продают, каждый день очередь.

— Наверное, на ружейном масле, — сказал Сидоров. — У меня желудок не в порядке.

— Правильно, давайте закажем по киевской котлете, — сказала Таня Грубину. — Я вам верю. Сидорову — никогда. Он хочет меня съесть.

— Шутка, — сказал Сидоров. — Хотел бы съесть только в переносном смысле.

— И еще возьмем вина. Сухого. За встречу и премьеру. Вы будете пить? Да, кстати, я не знаю, как вас зовут.

— Александром, — сказал Грубин.

— Значит, Сашей. А меня Таней.

— Я знаю, — сказал Грубин. — Мне очень понравилось, как вы выступали. В первый раз.

— А во второй?

— С фокусником?

— Ну да, с Аббасом.

— Но ведь в первом номере вы сами выступали, а во втором только помогали.

— Вот всегда так. Послушайте его, Сидоров. Голос народа. Придется мне уйти от Аббаса Семеновича. Хоть и жалко. Все думают, что это фокус.

— Это не фокус, — сказал Сидоров, маня пальцем официанта. — Это не фокус. Две котлеты по-киевски, бутылку сухого, бутылку коньяку и всякой закуски.

— У нас мясное ассорти есть, — сказал официант.

— Давайте. Все давайте. Это не фокус. Таня обладает феноменальными способностями к математике.

— Саша, — сказала Таня, — задайте мне любое число перемножить. Или корень извлечь.

— Ну зачем же, — сказал Грубин. — Я верю, конечно, я верю.

— А все-таки задайте.

— Ну хорошо. Сто тридцать на сто сорок.

— Восемнадцать тысяч двести, но вы мне задайте что-нибудь потруднее. Пожалуйста, я прошу вас, Саша.

Пришел официант, сказал, что мясного ассорти нет, осталось только рыбное.

— Ладно, — сказал Сидоров, — несите рыбное.

Грубин смотрел на Таню, и она покачала головой, ободряя его.

— 125 646 умножить на 6 733 687, — сказал Грубин.

Таня задумалась на мгновение, выпалила очередь цифр, и Сидоров сказал снисходительно:

— Вы не кивайте головой, товарищ. Вы возьмите карандаш, запишите и на досуге перемножьте сами. Но я со своей стороны гарантирую, что ошибки здесь нет. Таня — живая электронная машина.

— Я верю, — сказал Грубин, послушно записывая в книжку длинный ряд цифр. Потом Таня напомнила ему, что на что она множила, и тут принесли рыбное ассорти и кету семужного посола.

— Я страшно голодная, — сказала она и тут же принялась за еду.

— А мы по маленькой по случаю знакомства, — сказал Сидоров. — Ты присоединишься?

— Только сухое вино, — сказала Таня. — Завтра вставать рано. Аббас Семенович новый номер задумал. С таблицей логарифмов.

Выпили. Грубин почти не закусывал, старался не глядеть на Таню, очень стеснялся Сидорова. Бутылка коньяка опустела наполовину, и он почувствовал, как хмель завладевает головой, превращает мир в добрый и яркий спектакль, в цирковое представление, которое невозможно и нельзя прерывать и в котором ему, Грубину, тоже найдется роль. Может быть, он станет жонглером, может быть, дрессировщиком. И уйдет вслед за Таней далеко-далеко, за пределы области... Причем в этом далеком и сладком походе находилось место и для Сидорова. Он оказался совсем не таким неприятным человеком, как поначалу. Бывают люди, которые не милы с первого взгляда, а потом у них обнаруживается много хороших качеств. Сидоров был добродушен, образован и ничем не показывал перед Грубиным своего превосходства. А когда уходили из ресторана, потому что он уже закрывался и официантки по очереди подходили к столику и собирали подотчетный инвентарь — одна взяла солонку, другая — пустые бутылки, а третья — фарфоровый стакан, в котором стояли бумажные салфетки, — когда уходили, Сидоров отказался принять от Грубина деньги за оплату ужина, и Грубин даже обиделся немного, хотя Таня с доброй улыбкой успокоила его и сказала, что все еще впереди и Грубину представится возможность проявить гостеприимство — цирк остается на гастролях на две недели.

Таня пожелала мужчинам доброй ночи у циркового городка, и тут Сидоров сказал, что спать ему еще не хочется и он хотел бы по-

гулять. И именно с Грубиным, потому что Грубин ему симпатичен. Грубин был растроган. Его случайная встреча с артистами уже перерастала в дружбу.

— Спокойной ночи, Саша, приходите завтра на репетицию, — пригласила Таня и исчезла в темноте.

— Очаровательна, — сказал Сидоров.

— Да, — согласился Грубин. — Я такой буквально не встречал.

— А со многими знаком? — спросил Сидоров.

— Есть опыт, — признался Грубин, хотя понимал, что его опыт далеко уступает опыту Сидорова.

Впереди блестела река, отражая луну, прорвавшуюся в разрыв между облаками.

— Люблю природу, — сказал Сидоров.

— И животных тоже, — дополнил Грубин. — Животные вас любят, слушаются. Я никогда не видел, чтобы они так любили человека.

— Да, — задумчиво произнес Сидоров. — Они во мне своего чуют.

— Разумеется, — сказал Грубин, преклоняясь перед новым другом.

Дошли до реки. У берега, под откосом, словно моржи, спали баржи. Буксиры держали на мачтах фонари, хотели показать, что они начеку, спят вполглаза.

— Как вам удалось достичь такого уровня? — спросил Грубин. Решил, что вопрос этот не может вызвать неудовольствие. Вопрос приятный.

— Работой, — ответил коротко Сидоров. — Неустанным творческим трудом.

— Но ведь другие тоже работают.

— Не знают, куда приложить свои силы.

Сидоров был задумчив, как человек, который думает о чем-то, но не уверен еще, поделиться ли сокровенными мыслями с собеседником.

— Нет, друг Саша, им не добиться моих успехов... никогда.

— Конечно, чтобы белые медведи, как тигры, прыгали, а тигры лаяли. Это же надо!

Воспоминание развеселило Грубина, он взмахнул головой и залаял, подражая дрессированному тигру.

— Нет, — сказал Сидоров. — Не так. — И раза два тявкнул так натурально, что Грубину даже жутко стало, еле удержался, чтобы не отбежать на почтительное расстояние.

— Вы мастер, — сказал он. — Вы мастер, товарищ Сидоров, я это могу повторить где угодно. И я даже удивлен и возмущен, что

вы до сих пор не народный артист хотя бы республики. Это, простите, выше моего понимания.

— Саша, Саша! — сказал Сидоров, сдерживая слезы. — Если бы ты понял мои возможности и мои запросы! Если бы ты только понял!

— Понимаю, — сказал Грубин искренне, — понимаю.

— Ничего ты не понимаешь. Да что мои звери — я сам могу.

И с этими словами Сидоров вдруг напружинился, изогнулся не по-людски и взмыл в воздух. Черное тело пролетело над обрывом, и Грубин только издал вскрик:

— Ах!

Нет, это был не дрессировщик — это дикий зверь немыслимым прыжком преодолел три десятка метров, отделяющих его от ближайшей баржи, и с мягким прихлопом опустился на палубу. Баржа покачнулась, и по серебряной воде пошли неровные волны.

— Гру-бин! — раздался голос дрессировщика снизу. — Ты видел?

— Не может быть, — сказал Грубин.

— Жди обратно!

Снова качнулась баржа, черное тело взмыло вверх, и с кошачьим мяуканьем странное существо замерло рядом с Грубиным. Нет, Грубин не был пьян. Не настолько он был пьян, чтобы ему померещились странные превращения дрессировщика.

— Видишь теперь, Саша, — сказал Сидоров, — почему они никогда не дадут мне заслуженного? Они мне завидуют.

Он был взволнован, но дышал ровно, будто не потребовалось от него особого усилия, чтобы совершить этот нечеловеческий прыжок.

— Ты ведь друг мне? — спросил Сидоров.

— Больше того, — заверил Грубин. — Я вас очень уважаю.

— Вижу, — сказал Сидоров. — Тогда усвой — я не дрессировщик. Я великий экспериментатор. Знаешь это слово?

— Знаю, разумеется, — сказал Грубин.

— Тогда пойдем дальше. Будем гулять. Я могу животных чему угодно обучить. Хочешь, завтра у меня тигры летать начнут? Или слоны удавами извиваться? Нет, не получится... Но не важно. Я все могу. И сам могу: что звери могут, то и я могу. Они меня уважают. Кстати, ты, Саша, меня уважаешь?

— Я вас даже люблю, товарищ Сидоров, — признался Грубин.

— Какой я дрессировщик? Я — гений! Я — владелец великой тайны! А они даже не стараются понять. Потому что недостойны. Именно так и не иначе. И я ее съем.

— Кого?

— Не важно. Меня, думаешь, звери интересуют? Никогда. Я, тебе признаюсь, средним дрессировщиком был. Самым средним. Даже в Москву меня не пускали. А если в загранпоездки, то только когда кто-нибудь заболеет. И то в монгольскую Швейцарию. Понимаешь?

— Понимаю. Конечно, понимаю! Я в том году в Болгарию оформлялся, а кто поехал? Ложкин поехал!

— Я один раз в Индию пробился. Понимаешь? Город Бомбей — слышал? Поехал я тогда с тремя бурыми медведями. Велосипед они у меня работали, стойку на передних лапах — пустяки, банальность. В гостинице мы стояли, на берегу моря. Там я одного человека однажды встретил. Простой такой человек, в белых кальсонах ходил — там принято. Я, говорит, очень уважаю ваше искусство. А номер у меня так себе был, средний. Спасибо, говорю тебе, друг. И значок ему даю, естественно. Неплохой значок, с гербом города Ярославля, с медведем, как на грузовике. Понимаешь?

— Понимаю, — сказал Грубин.

Было холодно, хмель понемногу покидал голову, а в глазах все стояла картина невероятного полета товарища Сидорова на баржу и обратно. Опять небо заволокло черными тучами и ветер усилился.

Сидоров остановился напротив Грубина, уперся зрачками ему в глаза, словно хотел загипнотизировать.

— И этот человек... Мне!.. Сказал!.. Только тебе я могу доверить мою великую тайну!

— А на каком языке? — спросил Грубин. Потому что страшно было слушать, как завывал Сидоров.

— По-английски, — обыкновенно ответил Сидоров. — Я по-английски со словарем вполне прилично. А если для обычного разговора, то пожалуйста. Хочешь попробовать?

— Нет, я верю.

— А ты спроси, спроси меня по-английски.

— Я же только со словарем!

— Я тоже только со словарем, но могу. А ты со словарем, но не можешь.

— Понял, — сказал Грубин. — Извините.

Сидоров закурил. На среднем пальце сверкнул под луной массивный перстень. «Артистическая натура», — подумал Грубин.

Сидоров перехватил взгляд Грубина и произнес со значением:

— Об этом перстне и речь!

Густые облака светлого дыма поднимались над его головой и стремились к быстро бегущим облакам.

— Пошли мы с тем Рамакришной в ресторан, — продолжил Си-

доров. — Он оказался профессором, биологом, только не признавали его. А знаешь почему? Завидовали его таланту. Посидели мы с ним, выпили ихнего джина с ихним тоником — так себе напитки. Он за меня заплатил — какая у меня валюта по ресторанам ходить? И стали мы говорить про планарии.

Продолжая свой рассказ, Сидоров пошел прочь от реки, к цирку. Грубин шел рядом и внимательно слушал. Слушал и кивал, даже когда не все понимал.

— Ну что ты все киваешь! — воскликнул Сидоров. — Будто понимаешь, кто такие планарии.

— Я не перебиваю, — сказал Грубин.

— Думаешь, цветок?

— Думаю, — сказал Грубин.

— Или лиана такая?

— Не исключено, — согласился Грубин.

— А если червяк? А? Зажмурился?

— Я согласен, — сказал Грубин.

— И правильно делаешь, — сказал Сидоров. — Потому что планария — это и есть червяк. И с ним опыты делают. Какие?

— Какие?

— Его растолкут в ступке, а потом едят.

— Сырым?

— Неумный ты, Грубин! Не люди его едят, а собственные его товарищи, может, родственники, — в той же банке.

— Зачем?

— Голодные, вот зачем! Небось, когда проголодаешься, кого угодно сожрешь. А? Сожрешь или не сожрешь?

— Нет, не сожру.

— Ну и дурак! А надо жрать. Тогда тебя уважать будут.

— Не надо мне такого уважения, основанного на страхе, — торжественно заявил Грубин.

— Красиво говоришь, — сказал Сидоров. — Но меня ты не убедил. Потому что я мастер, а ты так... зритель, публика.

— Но я читаю, сам опыты ставлю.

— Расскажите вы мне, цветы мои! — презрительно произнес Сидоров.

Грубин обижаться не стал, потому что не имел права обижаться на великого артиста.

— Ты меня не перебивай, — продолжал Сидоров. — Сейчас будет самое интересное. Рассказал мне Рамакришна, царство ему небесное, что если планарией накормить других планарий, то все, что она, болезная, запомнила за свою короткую жизнь, другие тут же узнают. Допустим, умеет она выползать из лабиринта. А другие

планарии не обучены. И только они пожевали подругу, как уже знают — выход прямо, потом налево, потом три раза направо! Усвоил?

— Это очень интересно, — сказал Грубин. — Честное слово, это открывает перед наукой большие просторы!

— Не в науке дело. Наука должна служить людям. Дальше мне Рамакришна поведал, что некоторые ученые старались это свойство планарий другим животным передать. Понимаешь зачем?

— Конечно! — обрадовался Грубин. — Чтобы из лабиринта... чтобы все выползали!

— Мелко мыслишь. Я другого от тебя и не ждал. Это же великая революция в науке! И в первую очередь в народном образовании! Макаренко бы от зависти тут же лопнул. А Песталоцци? Песталоцци! Ты представляешь, что было бы с Песталоцци?

Саша Грубин, честно говоря, не знал, кто такой Песталоцци. Но понял, что деятель из народного образования. Поэтому согласился, что Песталоцци умрет от зависти.

— Они, понимаешь, всю жизнь учат, учат, учат... Ну сколько можно! А мы скормили корове кашку — вот она и все знает.

Последняя фраза звучала загадочно. Сидоров опять остановился, чтобы говорить внушительнее. Медленно, доступно, в простых выражениях.

— Мой индийский друг Рамакришна сделал растворитель из смеси яиц хамелеона и нефритовой пыли. При добавлении в растертую ткань живого существа получается возможность усваивать способности.

Сидоров поддел ногтем камень, которым был увенчан перстень, и тот откинулся, как крышка кастрюльки. В углублении виднелся светлый порошок.

— Вот он, видишь? Перед смертью он мне завещал.

— Объясните еще раз, — попросил Грубин. — Вы только не сердитесь — я не все понял.

— Что тебе непонятно?

— Куда добавлять?

— В растертую ткань. В мясо!

— Значит, если планарию... растереть, то из нее получится растертая ткань?

— Молодец, Грубин. Начинаешь соображать, — открыто и добродушно, насколько позволяли его глубокие морщины, улыбнулся Сидоров. — Точно. Я возьму кого надо, подбавлю растворителя — и кушай!

— И это надо кушать?

— Я повторяю: если ты смешаешь с растворителем кашицу, по-

лученную из ткани любого существа, то приобретешь его способности! Неужели это так сложно понять?

— Непривычно, — признался Грубин. — Несложно, но непривычно. Это надо понимать, что ваш Рамакришна не только планарий растирал?

— И кошек! — произнес тихо Сидоров, и лицо его, претерпев неожиданное неприятное изменение, вытянулось вперед, скомкалось, а изо рта послышалось кошачье мяуканье. Само тело дрессировщика Сидорова изогнулось так, словно у него был большой хвост.

— Вы и кошку в кашицу?.. — спросил Грубин.

— Пантеру, — сказал Сидоров. — Она все равно старая была. На списание шла.

— А ваши животные... — Грубина посетила страшная догадка.

— Мои животные тоже позаимствовали свои способности у других, — признался Сидоров. — Тигры ели петухов, а медведи крокодилов, не говоря о прочих тварях.

— Но зачем? Зачем? — в отчаянии воскликнул Грубин. — Что толкало вас на такую сомнительную деятельность?

— Сомнительную? — Сидоров расправил плечи и будто бы стал выше ростом. — Сомнительной науки не бывает! Наука сама диктует свои законы. Если открытие сделано, надо его использовать. Другого не дано! Меня еще признают на уровне Нобелевской или хотя бы Государственной премии.

— А этот ваш друг... Рамакришна? — спросил Грубин, который все с большей опаской относился к дрессировщику.

— С моим дорогим Рамакришной случилась трагедия. Я взял его к себе в ассистенты — мы проводили совместные опыты над моими дрессированными крошками... И однажды Рамик нажрался слоновьего экстракта и вошел в клетку со львами. Он думал, что ни один лев не посмеет его тронуть... В общем, он переоценил свои силы.

— Что, пьяный был? — спросил Грубин.

— Ни боже мой! Они там, в Индии, не пьют. Только если по маленькой. — Сидоров отводил глаза — у него было лживое выражение лица.

— А раствор вам достался?

— Какой раствор?

— Из хамелеонов и нефритовой пыли?

— Тиш-ш-ше! Ты что, услышат!

— Услышат — не поймут... Ну ладно, я пошел.

— Ты куда?

— Домой.

— Да я же только начал рассказывать!

— А мне уже не так интересно, — признался Грубин. — Я думал, что вы в самом деле дрессировали своим трудом. А оказывается, каша под соусом из нефрита с хамелеонами!

— Нет, Саша, так ты не уйдешь, — сказал Сидоров и обнял Грубина за плечи. — Я хочу с тобой поделиться моими планами на будущее.

— Не надо!

— Я лучше знаю, что надо, а что не надо, — сказал Сидоров, а потом зарычал так, что у Грубина ослабло в коленях.

Сидоров засмеялся.

— Мы тут с моими мишками одного тигра слопали. Мясо жесткое — две мясорубки сломал, не поверишь... Теперь у меня в номере медведи на двадцать метров прыгают. Я тоже могу. Показать?

— Не надо, ты уже показывал.

Они подходили к цирку — впереди горели его ночные огни.

— Ты думаешь, что я эгоист, все для себя? — сказал Сидоров. — А я не такой! Я для народа хочу, для человечества, чтобы все могли! Чтобы детишек рыбой кормить, а они чтобы с грудного возраста не тонули. Некоторых можно и летать научить. А почему нет? И Красной Шапочке — ты только послушай, какая умора! — Красной Шапочке привить от волка характер: он ей зубы покажет, а она ему в ответ!

Тут Сидоров расхохотался так, что в доме рядом раскрылось окно и женский голос закричал:

— Милицию позову! Спать не дают!

— Так что же вы не спешите делать человечество счастливым? — спросил Грубин. — Что вас останавливает?

— Эх, Саша, куда я пойду со своим эпохальным открытием?

— В Академию наук, — сказал Грубин. — Куда же еще.

— А они меня спросят: в каком институте вы разрабатывали свою тему? И кто был ваш научный руководитель?

— Но вы им объясните все как было — и про Индию... и про Рамакришну!

— А ты меня в сумасшедшем доме будешь навещать? Апельсины носить будешь?

Сидоров глубоко и печально вздохнул.

— Эх, Саша! — сказал он. — Неужели я не понимаю, что с таким открытием мог бы прославиться! Я не хочу, чтобы оно попало к милитаристам. Что хочешь... я простой советский человек, я хочу через научную общественность достичь законной славы.

— Ну и достигайте! — сказал Грубин.

— У меня же только цирковое училище за плечами, как ты не

понимаешь! Мне нужен диплом университета! Мне нужен талант физика или на худой конец математика. Тогда я экстерном экзамены сдам, а там уж докторскую дадут, до академика пустяки останутся.

Сидоров всхлипнул, и глаза его сурово блеснули под луной.

— А если не удастся — уйду за кордон, — сказал он.

— Зачем?

— Там к человеку гуманнее относятся. Устроюсь в Иране — мне же цены не будет: скормлю взводу партизан одного тигра — такой взвод двух батальонов стоить будет!

— Ох, Сидоров, вы меня пугаете, — сказал Грубин. У него уже весь хмель выветрился.

Сидоров заметил, что Грубин загрустил, и сказал:

— Шутка. Шучу. Я все-таки в нашу Академию наук пойду. А может, в Комитет по делам спорта. Понимаешь: рекорд мира по прыжкам в высоту — наш. Только съешь зайца. Рекорд мира по бегу на длинные дистанции — наш...

— Только съешь оленя, — подсказал Грубин.

— И выгонят меня, — подытожил Сидоров.

— Это почему?

Они стояли перед входом в цирковой лагерь. В фургончиках уже погасли огни, тигры приглушенно лаяли и кудахтали в клетках.

— Образования нет, — сказал Сидоров. — Английский знаю со словарем. А формального образования нет.

— Так вы учитесь, заочно...

— Погоди. — Сидоров перешел на громкий шепот. — Я знаю, что им скажу. Я скажу, что я кандидат наук, только кандидатское удостоверение потерял. Пусть меня проверяют.

— А каких наук кандидат?

— Математических.

— А сможете?

— Смогу. Есть у меня один план. Выношенный уже. Только тебе говорить нельзя. У тебя нервы слабые.

— У меня слабые? — обиделся Грубин. — Тогда я уйду.

— Нет, не уходи. Ты только поклянись, что ни одной живой душе ни слова.

— Клянусь.

— Тогда слушай. — Сидоров наклонился к самому уху Грубина и прошептал: — Я Таню Карантонис съем.

— Чего?

— Я не всю, я немножко. Тебе тоже достанется, не беспокойся. Математика всем нужна. Я однажды удава ел — отвратительно, как

резина. Зато теперь могу в любую щель проникнуть, будто у меня костей нету. Показать?

— Нет, — сказал Грубин, с тоской глядя на темные фургончики. Он знал, что Сидоров не врет.

— Ну и ладно. У этой Тани замечательные способности к математике. Мы ее с тобой съедим — и сразу в академию. Тебе тоже кандидата дадут. Будешь моим заместителем. Понял?

— Понял, — сказал Грубин, стараясь унять внутреннюю дрожь.

— Откладывать нельзя. Я бы ее и раньше съел, но все в разных городах выступали. А сегодня наконец наступил момент. Ты иди, иди, завтра придешь, я тебе помогу. Всю математику знать будешь. Сколько будет дважды два — назубок.

И Сидоров тихо засмеялся.

— Я с тобой, — сказал быстро Грубин.

Он понял, что оставлять Сидорова одного нельзя. Жизнь прекрасной Тани в опасности. Нельзя допустить преступления! Только сам он может его остановить, милиция не поможет. Если он, Грубин, придет в милицию и скажет, что этот артист съел Таню Карантонис, все решат, что Грубин сошел с ума, и выгонят его прочь. А Сидоров в отместку напустит своих тигров на невинного Грубина.

Эти мысли мелькали в голове Грубина как молнии, пересекались и с треском бились внутри о черепную коробку.

— Я с тобой, — сказал Грубин.

— Свидетелей мне не нужно, — возразил Сидоров. — Ты меня выдашь. Я вообще-то тебе зря все рассказал. Может, я пошутил.

— Хорошо. — Грубин сделал вид, что послушался Сидорова. — А я уж решил, что на самом деле.

— Иди-иди, — сказал Сидоров. — Поздно уже.

— Хорошо, — согласился Грубин.

Сидоров руки не протянул и скрылся за оградой. Грубин понимал, что он не ушел, слишком уж тихо было вокруг. Значит, стоит — следит за Грубиным.

Саша повернулся и медленно пошел прочь. В ботинки заливала вода и хлюпала там. Спиной Грубин ощущал холодный, как вода, взгляд дрессировщика. Далеко сзади раздалось басовитое «ку-ка-ре-ку!». Тиграм не спалось.

Грубин осмелился обернуться лишь тогда, когда брезентовый купол полностью растворился в темноте. Он постоял, прислушиваясь. Потом медленно пошел обратно. Он шел не прямо к воротам, а забирал левее. Вот и изгородь. Невысокая, можно перелезть. Грубин прислушался. Все тихо. Он перемахнул через изгородь, изгородь пошатнулась. Грубин замер. У Сидорова есть какой-то

план. Он должен сделать так, чтобы убийство прошло безнаказанным. Может быть, он попросту заманит Таню в клетку к тиграм и скажет, что она сама виновата? На него это похоже. Ведь он сам тигра ел. Как же отыскать фургон Тани?

Грубин крался по проходу между фургонами. Слабый отсвет упал на мокрую землю. Будто где-то неподалеку светилось окошко в сторожке. Грубин завернул за фургон. И в самом деле там горело маленькое окошко. Грубин, гоня от себя надежду, подкрался к нему, приподнялся на цыпочки.

Таня Карантонис сидела в халатике за столом и читала книжку.

У Грубина от сердца отлегло.

Она была жива.

Но Сидоров мог быть поблизости. Грубин прижался к стене фургона. Дождь стекал с крыши прямо ему за шиворот. Но Грубин уже так промок, что лишние капли не ощущались.

Так прошло минут двадцать. Сидоров не появлялся. Грубин невероятно продрог. Ногу свело судорогой. В любой момент он мог умереть от переохлаждения организма. Появился насморк, потом начало щекотать в носу. Грубин сдерживался. Разок чихнул в ладонь, почти неслышно. И тут у него начался приступ. Он чихал, чихал так, что, казалось, должны были сбежаться люди со всего города. Он чихал, согнувшись пополам, сотрясая стену фургончика, и не было даже сил отойти в сторону.

В таком вот согнутом положении его и обнаружила Таня Карантонис, выскочившая из фургона. Свет из открытой двери упал на Грубина, и Таня его сразу узнала.

— Что случилось? — спросила она в ужасе.

— Не... не...

— Заходите немедленно внутрь. Сидоров утонул?

Приступ прошел. Стараясь восстановить дыхание, Грубин поплелся к двери. Он еще не разобрался, хорошо или плохо, что Таня обнаружила его. Но по крайней мере он не умрет от холода.

Таня протянула тонкую сильную руку, помогая ему подняться по ступеням.

— На вас лица нет, — сказала она. — И сухого места. Все-таки что же случилось?

— Ничего, — смог наконец ответить Грубин. В фургоне было сравнительно тепло, и лампа над столом освещала учебники.

— Где Сидоров?

— Готовится, — сказал Грубин.

— Вы себя плохо чувствуете? — спросила Таня.

— Нет. Дайте соберусь с силами. Извините меня.

— За что?

— За то, что ворвался в такое позднее время.

— Так вы же не ворвались. Я сама вас позвала. К чему же готовится Сидоров?

— Чтобы вас убить.

— Убить? — засмеялась Таня. — За что же он будет меня убивать?

— За математику.

— Вы себя плохо чувствуете?

— Послушайте меня, Таня, — сказал Грубин тихо, но убедительно. — Я совершенно нормальный человек. Хотя, может быть, сейчас и не похож на нормального. Но Сидоров вас хочет съесть.

— Он всегда так говорит. Это его любимая шутка. Он в общем не злой.

— Это не шутка, Таня. Он вас и в самом деле хочет съесть. Чтобы овладеть вашими знаниями в математике.

— Так зачем же для этого меня есть? Учиться надо.

Таня не переставала улыбаться. Она, хоть и полагала Сидорова чудаком, все равно не боялась его. Она решила отвлечь Грубина от ненормальных мыслей.

— А я вот русским языком занимаюсь, — сказала она. — Я к математике способная, а к русскому языку не очень. Я двадцать школ сменила, пока с мамой и папой ездила по циркам. Вот и хромает у меня грамотность. Знаете, я парашют через «у» написала в диктанте. Смешно, правда?

— Нет, все это не смешно. Вам грозит опасность. И если мы не поймаем сегодня его за руку, русский язык вам никогда не понадобится. Не перебивайте меня. У него как звери выступают? Они у него изображают других зверей. А почему? Потому что он одних зверей другими кормит и всю информацию из клеток им передает, как планарии.

— Ничего не понимаю, — сказала Таня.

В этот момент Грубин замер и прижал палец к губам. Таня тоже замолчала.

Кто-то неподалеку поскользнулся, угодил, видно, в лужу и выругался.

— Садитесь за стол, — прошептал Грубин. — Как ни в чем не бывало.

Сам он нырнул в открытый шкаф, спрятался среди платьев. Блестки царапали кожу, и пахло пудрой.

Таня и в самом деле подчинилась настойчивости, прозвучавшей в голосе Грубина. Она села за стол, и тут же Грубин в щель между платьями увидел за стеклом мокрое длинное лицо дрессиров-

щика. Грубин весь сжался, как перед прыжком в воду. Заскрипели ступеньки. В дверь тихо постучали.

— Кто там? — спросила Таня, не вставая с места.

Она вдруг побледнела.

— Это я, Сидоров, — сказал дрессировщик, открывая незапертую дверь. — У меня сигареты кончились, а все спят. У тебя, Танечка, не найдется?

— Вы же знаете, что я не курю, — сказала Таня, поднимаясь и отходя на шаг назад.

— Не бойся, девочка, — сказал Сидоров. — У меня в голове только хорошие мысли.

С Сидорова стекала вода, от гладко причесанной головы поднимался пар. Сидоров быстро дышал. Он сделал два шага по направлению к Тане.

— Спокойно, милая, — сказал он. — Я только погреюсь. Посижу и погреюсь. Ты не возражаешь?

— Вы пьяны, Сидоров, — сказала Таня. — Идите спать.

— Нет, — сказал Сидоров и вынул из кармана руку. В руке был нож. Сидоров прыгнул вперед.

Но Грубин прыгнул ему навстречу. Он, хоть и не ел никогда тигров, был готов к действиям Сидорова. Он был мужчиной и защищал жизнь женщины. Он не мог допустить, чтобы Таню съели.

Они столкнулись в воздухе. Нож дрессировщика скользнул по руке Грубина и выпал.

— Ты! — вскричал Сидоров, отлетая в угол. — Ты! Предатель! Иуда! Сам не ешь и другим не даешь!

Грубин успел наступить на нож и схватил стул. Сидоров на четвереньках отползал к двери.

— Держите его, — сказала Таня. — Мы его свяжем!

Дрессировщик метнулся назад, громадным прыжком выскочил из фургона. Грубин бросился за ним.

Снова вышла луна, и видно было, как фигура, мало схожая с человеческой, несется к клеткам.

Еще мгновение — звякнул засов, и Сидоров оказался за прутьями решетки.

Саша и Таня бежали к клеткам и почему-то молчали, не звали на помощь, не будили людей. Как будто стеснялись того, что происходило у них на глазах. А у них на глазах голодные тигры, раздраженные гадкой погодой, невыспавшиеся, кинулись к дрессировщику. Короткая схватка, сплетение тел, рычание, лай и мяуканье...

Открывались двери фургонов. Артисты выскакивали, разбуженные шумом, повсюду загорались огни.

Но когда удалось войти в клетку, все было кончено. Сидорова растерзали хищники.

Никто не заметил, как Грубин нагнулся у решетки и поднял свалившийся с пальца Сидорова перстень старинной индийской работы...

Дня через два Таня Карантонис сидела у Грубина в маленькой, хоть и прибранной, но все-таки захламленной комнате. Они пили чай. Соседи уже раза по три заглядывали — кто просил соли, кто сахару. Соседей измучило любопытство.

— Спасибо за ужин, — сказала Таня. — Вы все приготовили лучше, чем в ресторане.

— Старался. — Грубин поглядел на Таню с нежностью. — А как цыпленок табака под утюгом? Неплохо?

— Я бы никогда не догадалась, что под утюгом, — сказала Таня.

Она осунулась, похудела за эти дни — то допрос у следователя, то собрание в цирке.

— Так, значит, следствие решило, что это был несчастный случай? — спросил Грубин, хотя и сам все знал.

— Да. В состоянии опьянения Сидоров забрался в клетку с тиграми и погиб. Ужасно все это! Ведь из-за меня, понимаете, из-за меня!

— Отлично понимаю, — сказал Саша Грубин. — Если бы он не погиб, то вас бы не было в живых.

— Ужасно! — повторила Таня. — А вы говорили про перстень. Он у вас?

— Да. В Москву его отошлю, на исследование.

— Но ведь признайтесь, Саша, что это был бред. Что он был больной человек.

— Рад бы, — сказал Грубин.

— Признайтесь, мне будет легче.

— Вы умеете звукам подражать?

— При чем здесь это? Не умею.

— Тогда прокукарекайте.

— Я не умею.

— Попробуйте.

Таня улыбнулась вымученной, усталой улыбкой.

— Вы хотите меня отвлечь?

— И все-таки.

Таня открыла рот, и тут дом огласился веселым натуральным петушиным криком.

— Ой! — сказала Таня и зажала рот рукой.

— Вот видите, — сказал Грубин. — Мы же с вами цыпленка табака ели.

— И вы туда подсыпали растворителя?
— Да, иначе как бы вы мне поверили?
— Как вам не стыдно!

Старик Ложкин, натуралист-любитель, который жил над Грубиным, сказал жене:

— Скрытным Грубин стал. Петуха дома держит. А зачем?

— Это у него циркачка сидит, звукоподражательница, — ответила жена и вернулась к прерванному вязанию.

РАЗЛЮБИТЕ ЛОЖКИНА!

История, рассказанная здесь, относится к моральным неудачам профессора Минца, несмотря на то что с научной точки зрения здесь и комар носа не подточил бы. Минц о ней не вспоминает, любое поражение, даже маленькое, он попросту выбрасывает из памяти. Случилось это вскоре после переезда в Великий Гусляр известного ученого, без пяти минут лауреата Нобелевской премии Льва Христофоровича Минца. Он бежал из Москвы, от забот и славы, от международных конгрессов и торжественных собраний. Он выбрал Великий Гусляр местом постоянного пребывания, потому что из этого города была родом его мама и когда-то в детстве она возила Левушку к родственникам. Минцу запомнилась торжественная просторная тишь этого вольного городка, синева неба и реки, покорно ждущие разрушения церкви и церквушки... Город пребывал в запустении, в немилости у области, но в этом была прелесть тихого увядания, происходившего от отсутствия какой-либо промышленности.

Минц переехал в Великий Гусляр и временно поселился в доме № 16 по Пушкинской улице. Встревоженные его появлением и полные подозрений, городские власти тут же предложили Минцу переехать в трехкомнатную квартиру в Заречной слободе, в новом доме. Но Минц от квартиры отказался, ибо узнал, что лишает жилья очередницу с четырьмя детьми и неблагополучным мужем.

— Мне многого не надо, — сообщил Минц в гордоме. — Две комнатки на первом этаже — мечта одинокого мужчины.

Вскоре Минц завалил обе комнаты книгами, рукописями и научными журналами, которые приходили к нему со всего света. Районный почтовый проверяльщик извелся, пытаясь разобраться в экзотических языках, и в конце концов сдался, пришел к Минцу и попросил того переводить хотя бы названия журналов и книг —

для чекистской отчетности. Что Минц и делал. Они выпивали с проверяльщиком по две кружки пива, доставать которое приходилось сотруднику органов.

Для городка от Минца была прямая выгода. Он с удовольствием решал неразрешимые задачи городского быта и пригородного сельского хозяйства. На общественных началах.

Никогда не отказывал Минц и своим соседям по дому. Но тут не все выходило у него удачно.

Порой просьба была связана с неожиданным изобретением, которое приводило к последствиям, никем не предусмотренным. В доме к Минцу относились тепло, но настороженно. И шли к нему за помощью только в крайних случаях.

Так случилось и в тот приятный октябрьский день, когда бабье лето уже отпело, полоса дождей тоже миновала и установилась прохладная, с ночными заморозками, свежая и чистая погода и лишь набегавший из Сибири ветер легонько снимал с деревьев золотые листья и раскладывал их на черных мокрых тротуарах.

В тот день Минц долго гулял по берегу реки, размышляя о путешествии во времени, которое намеревался изобрести, хотя знал, что изобрести его невозможно. Попутно он доказал теорему Ферма, но встретил Удалова, соседа по дому, и забыл гениальное доказательство.

Беседуя о погоде и шахматах, Минц с Удаловым, в то время еще средних лет крепким мужчиной с лысинкой, добродушно окаймленной пшеничными кудряшками, вошли во двор дома и увидели, что за крепким столом для игры в домино томятся в ожидании партнеров Саша Грубин с Василь Васильичем.

— К нам, к нам! — позвал Василь Васильич. — Ты, Христофорыч, козла забивать умеешь?

— Не выношу вида крови, — начал было Минц, но тут же сообразил, что здешний козел не имеет отношения к животному миру, лукаво улыбнулся и закончил фразу: — Простите, вы, очевидно, имели в виду игру?

— Да вы когда-нибудь в домино играли? — спросил Удалов.

— Сам не играл, но видел, как играют другие. И понял, что это несложно.

— Тогда сидайте!

Минц с трудом втиснул тугой живот в щель между столом и скамейкой, достал из портфеля синий козырек на резинке и натянул на лысину, потому что эта часть двора была залита вечерним солнцем.

Минц сидел напротив Удалова и потому должен был играть вместе с ним против Грубина и Василь Васильича. Удалов был

этим несколько огорчен, потому что хотя и верил в замечательные научные способности Минца, но в игре предпочитал иметь дело с надежными партнерами.

— Шесть к шести, а два к двум? — спросил Минц, выражая в этих словах всю сущность игры в домино.

— Это так, но в жизни все сложнее, — заметил Грубин и рассказал Минцу о рыбе и дублях.

Минц послушно кивал козырьком. Он был заинтересован.

Разобрали кости. Началась игра. Удалов следил за Минцем во все глаза, потому что понимал — придется всю игру брать на себя. И когда Минц на втором ходу ошибся, Удалов сказал ему не без ехидства:

— Проигравшие лезут под стол. Это вам известно, Лев Христофорович?

— Очень любопытно, — ответил ученый. — Но нам с вами это не грозит.

После четвертого хода Минц надолго задумался. Будь на его месте кто другой, игроки бы такого мыслителя заклевали. Но Минца перебивать не посмели.

Вдруг Минц положил свои кости на стол и сказал:

— Удалов сделает рыбу находящейся у него фишкой с пятью и тремя точками.

Хоть терминологически профессор высказался неправильно, слова его произвели впечатление. Игра была еще в самой середине, и такие предсказания делать было рано.

Удалов поглядел в свои кости. Три-пять у него была.

— Если не верите, давайте доиграем, — сказал Лев Христофорович. — Можно даже с открытыми фишками.

Когда предсказание Минца полностью подтвердилось, он встал из-за стола и сказал:

— Полагаю, что больше меня приглашать не будут. Да я и сам не хотел бы портить вам игру. Понимаете, у меня фантастическая математическая интуиция. А правила домино для человека, знакомого с теорией игр, не представляют трудностей.

Всем стало грустно, тем более что возразить Минцу было нечем. Ясно, что приглашать его более нельзя.

Минц выбрался из-за стола и выпрямился. Освещенная солнцем, его полная фигура производила странное, двойственное впечатление. С одной стороны, он казался толстым человеком. С другой — может, оттого, что головка у него была маленькая, похожая на птичью, — он казался человеком худым...

Тут в ворота вошел старик Ложкин.

Ложкин был на пенсии, но два месяца в году трудился на старом месте. Сейчас истекал первый месяц его пенсионной службы. Ложкин был помят, зол и пропитан пылью.

— И что меня понесло? — пожаловался он соседям. — Сидел бы дома, пенсия, слава богу, нормальная, никто меня за руку не тянет.

— Что у тебя случилось? — спросил Василь Васильич.

— Разучился в городском транспорте ездить в часы пик, — сказал печально Ложкин. Его гвардейские усы поникли, как у Тараса Бульбы. — Все лезут, все толкаются, все злобятся. Совершенно забывают, что я пенсионер и ветеран. На службе никакой радости по поводу моего прихода. Год меня не было, а даже никакого поздравления. Молодежь совершенно обнаглела. Я больше скажу: приду сейчас домой, а Матрена вместо «здравствуйте, обедать садитесь» и так далее начнет меня пилить.

Как будто в ответ на слова Ложкина на втором этаже распахнулось окно и высунулась голова старухи Ложкиной.

— Супостат! — воскликнула она с чувством. — Масло купил?

Ложкин готов был заплакать, и другие мужчины ему сочувствовали. А Минц настолько растрогался, что сказал старику вслед:

— Как освободитесь, зайдите ко мне. Может, что-нибудь мы с вами придумаем.

Вскоре и Минц ушел к себе, а Василь Васильич задумчиво произнес:

— Не стал бы я на месте Ложкина соглашаться на услуги Христофорыча. Сначала вроде бы и выгодно, а потом оборачивается другим концом.

Удалов кивнул, соглашаясь с соседом.

Ложкин сел вместо Минца, и они поиграли еще минут сорок. Потом все пошли по домам, а Ложкин к Минцу.

При виде Ложкина, несмело остановившегося у двери, Минц, который сидел за столом и читал книгу в своей обычной манере — быстро перелистывая страницы и запоминая при этом все написанное до последней запятой, широко улыбнулся.

— Вы не боитесь последствий? — спросил Лев Христофорович.

— Я в жизни через многое прошел, — осторожно заметил Ложкин. Он чуял приближение удачи.

— Отлично! — Из ящика стола Минц вытащил часы «Полет» с одной стрелкой. — Наденьте и пользуйтесь!

— Разъясните! — потребовал Ложкин. Но застегнул на левой руке черный ремешок.

— Все просто, — сказал Минц, которому не терпелось вернуться к чтению. — Сейчас вы надели регулятор окружающего эмоционального фона. Это вовсе не часы, но из соображений безопас-

ности пользователя и удобства в обращении регулятор замаскирован под часы. Если вы начнете поворачивать головку так, чтобы стрелка двигалась вперед, то уровень положительного эмоционального фона будет расти. Если нужда в нем пропадет, поставьте головку часов на исходную позицию — ноль часов. И эмоциональный фон станет нейтральным.

— А я ничего не понимаю! — с вызовом заявил Ложкин. — Я слушаю вашу чепуху и ничего не понимаю.

— Объясняю для вас персонально, — сказал тогда Минц, и Ложкин почувствовал себя умственно отсталым. — Вам надоела человеческая злоба. Вам надоело, что вас не любят. Как только вы переведете стрелку вперед, люди начнут лучше к вам относиться.

— Так просто?

— Так просто. Вы свободны. — Минц сел на стул и открыл книгу.

Ложкин был неглуп. Он тут же повел стрелку направо, и вдруг Минц вскочил со стула, отбросил книжку, раскрыл объятия и воскликнул:

— Ложкин, я тебя люблю! И если ты не хочешь, чтобы я тебя целовал, а мне хочется тебя целовать, немедленно отведи стрелку назад.

Ложкин быстро отвел стрелку назад — ему не хотелось целоваться с профессором Минцем.

— А почему так получается? — спросил Ложкин, потому что был доволен и хотел поговорить. На самом деле плевать ему было на науку.

— Внутри этих часов, — сказал Минц, отходя от Ложкина, — тончайший прибор, который сначала улавливает ваши биотоки, а затем посылает нужной длины волны в мозг окружающих людей. Идите, Ложкин, идите к людям, они вас полюбят. Но будьте осторожны. Любовь — рискованное чувство.

Ложкин ничего не ответил. Ни спасибо, ни прощай. Пока прибор еще не проверен, нечего Минца баловать!

Он поднялся к себе. Жена вязала. Ложкин подошел поближе и сдвинул стрелку на три часа.

— Откуда новые часы? — спросила жена. — У тебя с утра денег не было.

Ложкин двинул стрелку еще на три часа. При таком излучении Минц уже лез целоваться.

— Я тебя спрашиваю! — прикрикнула на него жена.

— Что у тебя на обед, Матильда? — спросил Ложкин.

— Я тебе сорок лет как не Матильда, а Матрена, — огрызнулась жена.

Или прибор никуда не годился, или у жены был сильный иммунитет против Ложкина. Пришлось подвинуть стрелку еще на три часа.

Матрена вздохнула и неожиданно спросила:

— Хочешь, картошечки поджарю?

Ложкин чуть не упал — такого он не слышал от Матрены уже лет пятнадцать.

— Ты чего молчишь, дуралей? — проворчала с нежностью жена. — Сейчас, пока ты лапы моешь, я за сметанкой сбегаю.

Ложкин отмахнулся и, почти уверовав в прибор, поспешил вниз, во двор, где соседи за столом перемешивали костяшки.

Прибор стоял на девяти часах. Но Ложкин не спешил подходить к столу, хотел увеличивать этот самый фон постепенно.

Соседи не заметили Ложкина, они разговаривали между собой.

— Боюсь, — сказал Василь Васильич, — как бы Минц не навредил старику Ложкину.

— Мне даже сходить к нему хочется, — поддержал Василь Васильича Грубин, — предупредить надо Ложкина, чтобы он был осторожнее. Старикан-то хороший.

Это чтобы Грубин о нем доброе слово сказал?.. Такого быть не может. У Ложкина кольнуло в сердце.

— А что, в самом деле славный мужик, — согласился личный неприятель Ложкина Корнелий Удалов. — Я с тобой пойду, может, защищать его придется.

— И меня не забудьте, — сказал Василь Васильич. — Хочется мне пожать мужественную руку нашего соседа.

Они как по команде встали, даже домино не подобрали. И пошли к Ложкину. Но не домой, а к кусту сирени, за которым тот стоял.

Ложкин хотел было отступить, но соседи накинулись на него с объятиями, хлопали по плечам, даже немного помяли от радости. Так что Ложкин с трудом вырвался от них и быстро ушел со двора, надеясь испытать прибор на чужих людях. Ведь соседи в глубине души любят его, хотя обычно стесняются это показать.

Ложкин спешил по улице. Некоторые люди, попавшие в сферу действия часов, начинали его любить и кивали или кричали что-нибудь радостное. Чтобы не пожимать чужих рук, Ложкин отвел стрелку обратно. Стало спокойнее. Любовь имела и недостатки.

На остановке стояла толпа — автобусы в Гусляре ходят редко и нерегулярно. Автобус появился набитый, и Ложкин с трудом в него втиснулся. Все не любили друг друга и ругали правительство и городской транспорт.

Ложкин с трудом перевел стрелку на три часа вперед и пригото-

вился вздохнуть с облегчением. Но ничего из этого не вышло. Вместо того чтобы дать Ложкину воздуха, пассажиры сдвинулись со всех сторон, старались его обнять, пожать ему руку, облобызать... Ложкин решил, что если его не задавят, то он задохнется.

А в такой атмосфере трудно отвечать взаимностью на любовь. И даже становятся неприятны голоса:

— Отойдите, дайте мне поглядеть на нашего героя!

— Ах, какой он красивый, как славно сохранился!

— Пустите меня к нему, я хочу видеть этого человека!

В автобусе возникла страшная давка, Ложкин задыхался, а женщина рядом с ним упала в обморок, но, к сожалению, осталась стоять. А Ложкин, как назло, не мог никак дотянуться до часов «Полет», чтобы отодвинуть стрелку назад.

— Умираю! — прохрипел Ложкин.

— Он умирает! — С этими словами окружающие сдвинулись еще теснее.

Ложкин уж не помнил, как вылез из автобуса, как умудрился, несмотря на возраст, дворами уйти от толпы, и, лишь оказавшись в сквере у Параскевы Пятницы, он опомнился и вернул стрелку назад.

И вовремя, потому что из песочницы стали выскакивать малые дети и с криками: «Наш дедушка приехал!» — бежали к нему.

Отдышавшись на скамейке, Ложкин принялся рассуждать. Он уже понял, что обращаться с человеческой любовью надо осторожно. Оказывается, люди не знают предела своим чувствам, не понимают, что губят любовью невинного прохожего.

Конечно, можно возвратить прибор Минцу, но жалко. Неужели ты, умный человек Ложкин, не догадаешься, как его использовать с выгодой?

И Ложкин почти придумал, как использовать прибор, но тут его попутал бес.

В овощном магазине служит одна кассирша. Ужасно развратное существо. По крайней мере в глазах Ложкина. Он встречал ее на улицах с разными мужчинами, тогда как на Ложкина она внимания не обращала, и это было обидно, ибо при виде ее в Ложкине просыпались желания и даже страсти давно прошедших лет. Ложкин не раз пытался заигрывать с ней, но кассирша отводила карие глаза, являла старому коню свой чеканный толстогубый профиль и черные кудри и делала вид, что не слышит его любезностей.

И вот в тот момент, когда Ложкин уже почти придумал, как использовать прибор, он увидел, что по улице сразу за сквером идет — видно, возвращается со службы — та самая кассирша.

Ложкин вскочил и на прямых, плохо сгибающихся ногах при-

пустил за кассиршей. Услышав шаги, та обернулась и, видно узнав назойливого старика, презрительно поморщилась.

На улице темнело, начали зажигаться окна, вот-вот загорятся фонари, так что кассирша не заметила, как назойливый старик перевел стрелку наручных часов и прибавил скорости.

Но тут ее охватили сомнения.

А почему она убегает от этого товарища? Чем он ей неприятен? Хоть и пожилой, он тем не менее строен и вовсе не толстый. Днем она его заметила у кассы — и лицо было не лишено приятности...

Кассирша обернулась. В свете уходящего дня она поняла, что преследующий ее мужчина настолько ей приятен, что стоит разглядеть его получше. Кассирша притормозила.

Ложкин, не рассчитав скорости, врезался в нее. Высокий упругий бюст принял его, как амортизатор. Все тело кассирши охватила сладкая истома: так вот каков он, ее преследователь!

Ее полные губы отыскали лоб старичка и стали покрывать его жаркими поцелуями.

Редкие прохожие, видевшие эту сцену на плохо освещенной улице, с умилением кидали взгляды на целующуюся пару, уверенные в том, что наблюдают встречу дедушки и внучки после долгой разлуки.

— Оу! — рычал дедушка.

— Иди ко мне! — отвечала внучка.

И в этот момент старичок ощутил сильный удар по голове жестким предметом. Как потом выяснилось, этим предметом была хозяйственная сумка его супруги Матрены Тимофеевны, наполненная пакетами с солью, потому что кто-то еще с вечера сказал ей, что скоро начнется война и надо закупать соль.

— Ах ты! — закричала Матрена Тимофеевна.

Испуг несчастной кассирши — жертвы дьявольского эксперимента — был так велик, что она смогла преодолеть чувство к Ложкину и убежать прочь. И по мере того как она удалялась от часов «Полет», в сердце ее поднималась волна изумления: «И что на меня нашло? Так я скоро примусь козлов целовать!»

Как следует отдубасив своего мужа, которого давно подозревала в том, что он скрытый сексуальный маньяк, Матрена Тимофеевна уморилась и потащила домой соль, а Ложкину приказала купить наконец масло и тут же возвращаться, если он не хочет попасть на товарищеский суд в качестве обвиняемого. И еще добавила, что за то, что остался в живых, он должен быть благодарен чувству любви к нему, что поселилось с недавнего времени в сердце Матрены Тимофеевны.

Ложкин побрел в магазин, уже ненавидя Минца и всю его за-

тею. Эта так называемая любовь пока что оборачивалась какой-то странной стороной. Ложкин уже жалел, что согласился на эксперимент. Может, в Москве или в Париже, где народу бесчисленно, с часами «Полет» можно затеряться и использовать их анонимно. У нас же в Гусляре ты всегда на виду, тебя сразу застукают или ославят в сплетнях... Что делать? Нет ответа.

Ложкин вошел в гастроном и, к своему ужасу, обнаружил, что перед закрытием в молочный отдел выстроилась очередь. Все беспокоились, что не успеют купить продукты до закрытия, ругались и взаимно друг друга ненавидели.

Стоя в дверях, Ложкин подумал, что, видно, наш национальный характер сформировался под влиянием вечных наших очередей. И потому основными чертами стал страх, что не хватит, и боязнь не успеть вкупе с ненавистью к тем, кто стоит впереди тебя. В этом смысле...

Ну что будешь делать? Без масла домой лучше не возвращаться. Убьют. Но и становиться в хвост очереди тоже нельзя. Не успеешь.

Так что сама судьба снова толкнула Ложкина на использование часов.

Он перевел стрелку на три часа вперед, и в очереди люди стали на него посматривать. Среди них были знакомые, они-то просто улыбались.

Ложкин еще перевел стрелку вперед — не было времени на улыбки и сюсюканье. И смело пошел к прилавку.

И тут очередь забыла о том, что ее цель — приобрести молочные продукты. Люди кинулись к Ложкину, принялись его обнимать, лобзать и в экстазе валить на пол.

— Мне масло нужно! — кричал Ложкин. — Только масло! Идите вы все в рай!

Никто его не слушал. За исключением выбежавшей на крик и также охваченной любовью к старику-покупателю директорши Ванды Казимировны. Она принялась метать в Ложкина пачками замороженного масла, чтобы он мог отнести их домой. Пачки ударяли людей по головам, попадало и в Ложкина, он кричал и сопротивлялся, но лишь через несколько минут смог схватиться за часы. В гневе и расстройстве Ложкин перевел стрелку куда дальше назад, чем было дозволено, — в минусовые деления...

И не сразу сообразил, что любовь к нему сменилась недоброжелательством, отвращением, а затем и ненавистью...

Люди отпрянули от отвратительного старика. Им хотелось поскорее покинуть магазин. Только подальше от этого урода!

Все забыли уже о том, что минуту назад стремились целовать его руки.

— Я его обслуживать не буду! — закричала продавщица, стараясь скрыться в подсобке.

— А вот ты, Ванда Казимировна... — сказал Ложкин, кинувший взгляд на часы и сообразивший, что же произошло. — А вот ты меня обслужишь. В порядке очереди, в которой никого, кроме меня, не осталось.

Ванда швырнула в Ложкина пачкой масла и юркнула в подсобку.

— Вот и отлично, — сказал Ложкин, оставив деньги на тарелочке в кассе, потому что был порядочным человеком. — И нужна ли нам любовь, если она выражается в хватании и обнимании?

Ложкин уже сам забыл о сладком моменте единения с кассиршей. Он думал трезво и холодно... На автобусной остановке стояла толпа. Ложкин держал стрелку в нейтральном положении. Он был спокоен, как космонавт перед взлетом в космос. Сейчас должна была подтвердиться его теория. Тогда он окажется самым умным ученым нашей планеты, куда умнее Минца.

Склоняясь набок, подошел перегруженный автобус: желавшие вылезти на этой остановке нажимали на правый бок.

Ложкин встал на изготовку. Автобус затормозил. Люди посыпались из него.

Ложкин перевел стрелку далеко назад и направился к двери автобуса.

Как он и ожидал, все шарахались от него, охваченные нелюбовью к старику.

— Разлюбите Ложкина! — повторял старик, подходя к дверям.

К этому времени народ уже повыскакивал наружу и, стараясь не приближаться к Ложкину, кинулся врассыпную.

Ложкин спокойно ступил в полупустой автобус. Оставшиеся в нем пассажиры ринулись в переднюю дверь. Но не успели, потому что водитель, почувствовав затылком что-то очень неприятное, захлопнул двери, дал газ и помчал машину по улице.

Ложкин спокойно стоял в одиночестве, поглядывая в окна, стараясь понять, где проезжает автобус. И когда увидел родную улицу, перевел стрелку в нейтральное положение. Водитель затормозил и открыл дверь. Ложкин вышел из автобуса и пошел домой.

Когда Ложкин проходил мимо двери Минца, тот услышал, высунул лысую голову и спросил:

— Как дела? Любит ли вас народ?

— Мне не нужна любовь, — ответил Ложкин и перевел стрелку назад так решительно, что Минц от отвращения к старику захлопнул дверь и запер ее на ключ.

Из коридора донесся удовлетворенный дьявольский смех Ложкина.

С тех пор Ложкин с часами не расстается. Никто его не любит, но всюду его пропускают без очереди.

ПО ПРИМЕРУ БОМБАРА

В помещении «Гуслярского знамени» — осенняя тишина, редактор уехал в область на совещание. Миша Стендаль смотрел в окно и мечтал о значительном материале, который перепечатает «Литературная газета». Еще ни одного материала Миши Стендаля «Литературная газета» не напечатала, правда, он туда ничего и не посылал. В центральной печати лишь два раза появлялись его заметки. В журнале «Вокруг света» поместили сообщение о подледном лове крокодилов на пригородном озере Копенгаген, и еще один журнал опубликовал репортаж о встрече жителя Великого Гусляра Корнелия Удалова с инопланетными пришельцами под рубрикой «А если это не пришельцы?». Слава избегала Мишу Стендаля.

Вчера неожиданно пошел обильный снег, а деревья облететь не успели, и снежные шапки, как взбитые сливки, лежали на мокрых зеленых листьях. По тротуару, шаркая галошами, шел знакомый Мише старик Ложкин, нес под мышкой черную школьную папку, в которой хранились письма и жалобы, большей частью необоснованные. Старик Ложкин, похоже, направлялся в редакцию, и Стендаль пожалел, что в доме нет заднего хода.

Но тут его внимание отвлеклось отдаленной суетой на площади. Нечто белое двигалось в сторону редакторского дома, а за этим белым бежали мальчишки и шли взрослые люди.

Стендаль прижался к стеклу носом, ему мешали очки, но снимать их он не стал, потому что без них плохо видел и терял сходство с молодым Грибоедовым.

Хотя в городе нередки были удивительные события, Мише еще никогда не приходилось видеть, как по улице едет русская печь без видимых колес и с высокой трубой, из которой идет дымок.

На печи сидел молодой человек в хорошем синем костюме, при галстуке. Рядом лежала аккуратная поленница дров. Молодой человек взял одно бревнышко, склонился вниз и приоткрыл дверцу топки. Там уютно светило оранжевое пламя. Молодой человек затолкал полешко в печь, захлопнул дверцу и вновь принял непринужденную позу.

— Эй, прокати! — кричали мальчишки, бегая вокруг. Молодой

человек не обращал на них внимания. Взрослые шли гурьбой сзади, обсуждая технические данные машины.

Когда печь поравнялась с дверью в редакцию, молодой человек похлопал ладонью по трубе, и печь послушно остановилась. За спиной послышалось мерное сопение. Миша обернулся. Сзади стоял старик Ложкин.

— Придется написать, — сказал старик. — Непорядок.

— Чего написать? — не понял Стендаль.

— Жалобу.

— На что?

Старик быстро нашелся:

— Он без номера ездит. И без прав, наверное. А если кого задавит?

— А на печки номера не выдают, — рассеянно сказал Стендаль.

Молодой человек ловко спрыгнул с лежанки, что-то быстро сказал зрителям и скрылся в дверях редакции.

Старик Ложкин уселся за свободный от бумаг стол, раскрыл папку и достал оттуда лист чистой бумаги в клетку. Стендаль направился было к двери, но тут по коридору простучали четкие шаги, в комнату заглянул молодой человек в синем костюме и спросил:

— Где я, простите за беспокойство, могу увидеть главного редактора?

— А что вам нужно? — вежливым голосом спросил Стендаль, прижимая указательным пальцем дужку очков к переносице.

— Мы письмо писали, — сказал молодой человек, входя в комнату и с осуждением глядя на разбросанные бумаги и застарелый беспорядок.

Стендаль хотел предложить гостю присесть, да не посмел, потому что стул был пыльным, а уборщица уже четвертый день хворала.

Неловкую паузу заполнил Ложкин, который отложил ручку и спросил строго:

— Ваш транспорт?

— Печка-то? Моя.

— Не ожидал, — сказал Ложкин.

«Сейчас он скажет, что номера нет, — испугался Стендаль. — А молодой человек может подумать, что Ложкин — наш газетный начальник».

— Это товарищ Ложкин, — пояснил он молодому человеку. — Пенсионер, к нам зашел на минутку.

Ложкин грустно вздохнул и поднял палец, словно хотел возразить.

— А где же редактор? — спросил молодой человек.

— Редактор в области, на совещании. Вы можете говорить со мной. Я литературный сотрудник газеты. Моя фамилия Стендаль.

— Слышал, — сказал молодой человек. И тут же покраснел, потому что догадался, что слышал не о Мише Стендале, а о его великом однофамильце.

— Даже не родственник, — улыбнулся Стендаль. — Меня часто спрашивают. А о чем вы нам письмо писали?

Молодой человек тоже улыбнулся и сказал:

— Ну и грязищу вы тут развели.

— Уборщица захворала, — сказал Стендаль. — Но, если хотите, садитесь.

— Я садиться не буду. Я хотел только поговорить по поводу письма, которое мы с братом писали. А ответа пока нет. Я думал, что появились сомнения, вот и приехал их развеять. Раньше собраться не мог. Мы с братом лесники — летом охрана, посадки, экологический баланс приходится поддерживать... Вот сейчас немного посвободнее.

— А где сапоги покупали? — строго спросил Ложкин, которому было обидно, что его участия в разговоре не требуется.

— Васина жена, Клава, в Ленинград ездила, за деталями. Вот и купила там.

— Правдоподобно, — сказал Ложкин. И стало ясно, что во всем он видит обман и ответу не поверил. Молодой человек снова зарделся.

— Не обращайте внимания, — попытался его ободрить Стендаль. — Так вы о печке писали?

— Что вы! — удивился лесник. — Разве бы мы стали беспокоить по пустякам? А я вам даже не представился. Фамилия моя Зайка. Такая, простите, фамилия. Брат мой Василий, а я Терентий Зайка. Живем в лесном массиве, в Заболотье.

— Так это же далеко...

— Не близко. Километров сто тридцать будет. Точно не скажу, спидометр сломался.

— И вы весь путь на этой?..

— Я на мотоцикле хотел. Но Вася, он старший, велел печку взять. Решил, что больше впечатления произведет, что мы не какие-нибудь жулики. С нами еще батя живет, но он уже в летах и больше теорией занимается. Все издания читает. А как свежую идею углядит, кличет нас и говорит: «Детишки мои, я тут обмозговал...» Ну и мы сразу за работу. Артуром нашего батю зовут. Артур Иванович Зайка.

— Очень даже странное имя, — сказал Ложкин, который тем

временем обошел Терентия сзади и рассматривал его костюм и прическу.

— А какой принцип действия у печи? — спросил Стендаль.

— Принцип действия не наш, чуждый, — снова вмешался Ложкин, держа перед собой, как щит, черную папку.

— Так вы, может, письма не получали?

— Наверное, в отделе писем лежит. А у сотрудницы сегодня выходной. Вы про печку мне не рассказали.

— Печка обычно работает, — ответил Зайка, — как и положено, на дровах. Дома стоит, как запасная. В морозы мы топим ее, лабораторию обогреваем, парники. А иногда ездим, если что тяжелое надо перетащить. На дровах работает.

— Знаем мы, какие дрова, — сказал неугомонный Ложкин.

— Дрова не ворованные, — обиделся Терентий. — Мы же санитарные рубки проводим.

— А колеса где? — спросил Стендаль.

— Колеса? Где же это вы видели печь на колесах? Она у нас на воздушной подушке. А вот про письмо...

— Может, вы мне своими словами расскажете? И мы вместе подумаем.

— Я сразу понял, что затеряли, но не обижаюсь. Мы с Васей новый способ передвижения предлагаем. Для наших лесных участков он годится или для пожарников. Вы меня, товарищ Бальзак, поймите правильно...

Стендаль не стал поправлять гостя. Но тут снова вмешался Ложкин.

— Отойди в сторонку, Стендаль, — сказал он.

Терентий заметил свою оплошность с фамилией и опять покраснел. Ложкин оттянул Стендаля за рукав в угол и громко зашептал:

— Ты что, не видишь?

— Чего не вижу?

— Типичный инопланетный пришелец. Проник к нам в доверие. Ты когда-нибудь видел, чтоб в таком костюме на печке ездили?

— Я вообще не видел, чтобы на печке ездили.

— Ты мне печкой зрение не застилай. Ты на детали смотри. Они всегда на деталях попадаются. Ты такой галстук видел? У нас в универмаге видел? Неземного цвета.

— Ах, оставьте, товарищ Ложкин! — сказал Стендаль.

— Зря вы меня подозреваете, — сказал Терентий, который все слышал. — Я вам и паспорт могу показать, и военный билет. Мы грамотами награждены.

— Я не сомневаюсь, — поспешил заверить его Стендаль. — Не надо документов.

— Документы ему сделали, — настаивал Ложкин. — А вот с галстуком накладка вышла.

— В Вологде куплен, — возразил Терентий.

— Я бы и то лучше придумал, — съязвил Ложкин.

— А вы хоть видали живого пришельца?

— А как же? Различаем.

— Пришельцы у нас бывают, — сказал Стендаль. — Но к нашему разговору это отношения не имеет. Продолжайте, пожалуйста, Терентий Артурович.

— Наивный простак, — обвинил его Ложкин, снова сел, достал лист бумаги из папки и сделал вид, что все дословно записывает.

— Так вернемся к нашему разговору, — сказал Терентий, который уже привык к Ложкину. — Вы Бомбара читали? «За бортом по своей воле»? Моя любимая книга.

— Я тоже к ней хорошо отношусь, — сказал Стендаль, присаживаясь на край стола. — И тоже люблю море.

— Дело не в море. От нас оно далеко и неактуально. Бомбар что доказал: если твой корабль утонул, погибать из-за этого совсем не обязательно. Почему люди в лодке гибнут? Потому что боятся погибнуть. Парадокс, но правда. Они, так сказать, себя заранее хоронят в морской пучине.

— Правильно, — сказал Стендаль. — Психологический шок.

— И этих людей мы можем понять. Ведь страшно.

— Страшно.

— Учтите, — пригрозил Ложкин, — у нас океана нет и не предвидится.

— Я о Бомбаре только к примеру сказал, — продолжал Терентий, не обращая внимания на Ложкина. — Для ощущения психологии. Наш батя, когда Бомбара прочел, говорит нам: «Ребятишки, у меня идея в психологическом плане. А что, если страх человеческий, который есть главный ограничитель наших дерзаний и планов и вообще прогресса, влияет не только на плавание по океану, но и на другое?» Тут мы с братишкой и задумались.

— И поплыли по реке Гусь, питаясь планктоном, — не удержался Ложкин.

— Мы о чем задумались? Возьмем, к примеру, лыжника, который прыгает с трамплина. Если посчитать, с какой высоты лыжник прыгает, то ведь это смертельно! А он хоть бы что. Почему?

— Как почему? — удивился Стендаль. — Он же вперед прыгает. С разгона.

— Но вниз тоже.

— Но больше вперед.

— А если лыжник струсит, как потерпевший крушение? Если он перестанет равновесие держать?

— Тогда он упадет.

— Расшибется?

— Конечно.

— Что и требовалось доказать. Тогда вот, придя к такой мысли, мы с Васей стали думать, как без лыж обойтись.

— Нельзя, — сказал Стендаль. — Нужна начальная скорость.

Терентий поглядел на Мишу снисходительно, как академик от физики на кандидата исторических наук, который сомневается в пи-мезонах.

— Это дело можно проверить, — сказал он.

— Что проверить?

— Проверить, как идеи Бомбара приложимы к нашей скромной действительности. Пошли?

— Куда?

— На испытания метода без лыж по Бомбару. Правда, мой братишка это лучше делает, красивее. Но в принципе у любого получится. Главное — заранее не помереть от страха.

— Пришелец, — сказал Ложкин убежденно, следуя за молодыми людьми к выходу.

— Нет, мы гуслярские, — ответил с достоинством Терентий Зайка.

На улице, подойдя к печке, Терентий нагнулся, подкинул полешек в топку и сказал:

— Забирайтесь, не качает. Это я по городу медленно езжу, а на шоссе до шестидесяти даю.

По улице шел провизор Савич в пальто нараспашку и думал о чем-то своем, значительном. Вдоль груди у него струился сиреневый галстук, точно такой же, как у пришельца Зайки.

— Здравствуйте, — сказал Стендаль. — Где галстук покупали?

— А, здравствуйте, Миша. В универмаг вчера привезли. Вам нравится?

И Савич проследовал далее, не заметив печки. А Стендаль обернулся к Ложкину и спросил:

— Как будет с галстуком?

— Дьявольская хитрость, — сказал Ложкин.

— Куда поедем? — спросил Стендаль, устраиваясь на лежанке и стараясь сохранить достоинство, потому что раньше на печках не ездил.

— Я на ней не поеду! — воскликнул Ложкин. — Еще в космос

умыкнете. Я читал, что там человеческие рабы нужны. Вы мне скажите куда, и я пешком пойду.

— Рабы нам нужны, — ответил Терентий без улыбки. — Рабочих рук в лесу ой как не хватает.

— Вот-вот. Я издали погляжу. А куда идти?

— К колокольне, на берег, — сказал Терентий. — Где раньше торговые ряды стояли.

Печка беззвучно приподнялась и поехала вперед. Лишь потрескивали дрова да разговаривали любопытные зрители.

— Товарищи, разойдитесь, — сказал им Терентий. — Нездоровое любопытство. Уставились, как на машину «Кадиллак».

Зрители послушались и освободили дорогу.

— Сейчас я поднимусь на колокольню, — сказал Терентий, когда печка, набрав скорость, двинулась по улице. — Там отперто, я проверял. Вы останетесь внизу и будете наблюдать. Ясно?

Колокольня была высока, над ней кружились вороны и тянулись серые облака. Печка замерла на краю высокого обрыва у реки Гусь. От колокольни ее отделял засыпанный мокрым снегом, с проплешинами зеленой травы пустырь. В будущем году на пустыре должны были строить новую гостиницу. От реки тянуло пещерным холодом.

— Ну, пока, — сказал Терентий, спрыгивая с печки. — Я бы плащ взял, холодно, но эксперимент должен быть чистым.

Не произнеся больше ни слова, Терентий скинул пиджак на руки Стендалю и четкими шагами направился к колокольне. Стендалем овладели тревожные и высокие предчувствия, и он понимал, что обыденными словами можно лишь сорвать торжественность момента.

Прошло минуты три. Стендаль стоял, облокотившись о теплую стенку печки, ждал, но ничего не происходило, лишь кричали вороны да прибежал старик Ложкин.

— Где *пришелец? — спросил он.*

— Терентий Артурович на колокольне. Он сейчас будет демонстрировать опыт.

— Он пришелец, ему все дозволено, — сказал Ложкин.

На вершине колокольни, на площадке у звонницы, показалась маленькая человеческая фигурка. Была она столь незначительна и беззащитна, что у Стендаля сдавило в груди.

— Ах! — сказал Ложкин, предчувствуя недоброе. Не таким уж он был злым и бессердечным человеком. — Если что случится, даже с пришельцем, все равно жалко.

Маленькая фигурка поднялась на площадку, и несколько се-

кунд человечек, широко расставив руки, старался удержать равновесие. Потом шагнул вниз...

Стендаль от ужаса непроизвольно зажмурился. Ложкин сказал: «Ах!» А вдруг он сумасшедший? И они его не остановили?

Стендаль открыл глаза. Человек все еще падал. Но как-то странно. Он будто шел по воздуху, по пологой дуге, расставив в стороны руки и перебирая ногами все чаще по мере того, как приближался к земле. Последние несколько метров он быстро бежал по воздуху и, достигнув земли, не упал, а продолжал свой бег и, добежав до Стендаля, обхватил его руками, но так, чтобы не помять свой пиджак.

— Извини, Бальзак. — Он тяжело переводил дух. — Ветер меня сносил. И замерз я основательно. Давай пиджак. Ну, как эффект?

— Я думал, не переживу, — сказал Стендаль, отдал пиджак и постарался дышать глубоко и мерно, чтобы успокоить сердце.

— Пришелец, — сказал Ложкин, не отнимая ладони от сердца, — разве можно так пугать простых земных людей?

— Нет, — ответил Терентий твердо. — Не пришелец, а последователь Бомбара, убежденный в силе человеческого духа, в материальном его проявлении.

— Мистика, — сказал Ложкин.

— Никакой мистики, — возразил Терентий. — Результат трехмесячного эксперимента. Мы с Василием рассудили, что можно прыгать с любой высоты по принципу трамплина. Чем скорее ты падаешь вниз, тем скорее перебирай ногами и иди вперед. И ни на секунду не останавливайся. А то каюк. И никто об этом раньше не догадывался, потому что люди как срывались вниз, так уже все, пиши пропало. А надо равновесие соблюдать и помнить, что никакого падения нету, а есть только страх и разыгравшиеся нервы. Но пока людям не покажешь, они не верят. Вот сознался бы я вам, что хочу сойти пешком с колокольни без помощи лестницы или летательного аппарата. И что бы случилось? Поймали бы, связали и вместе с печкой — в клиническую больницу. Ведь со стороны даже посмотреть жутко, а когда сам впервые начинаешь, еще страшнее.

— Я бы на первом метре помер от страха, — признался Стендаль.

— Умер бы и не испытал бы власти Человека с большой буквы над силами природы. Как Колумб.

— А отчего он умер? — спросил Стендаль, хотя понимал, что вопрос глупый.

— Нет, ты меня не понял. Я имел в виду, если бы Колумб трусил, никогда бы не открыл Америку, а, как и ты, на первом бы метре умер. Человеку все должно быть подвластно — и земля, и вода,

и воздушный океан. Это наш батя так сформулировал. А вы письма в редакции теряете.

Терентий дружески положил руку на плечо Стендалю. Опыт удался, и он теперь на редакцию не обижался. В Стендале он видел союзника, а для настоящего ученого много значит общественная поддержка.

— Если хочешь, Бальзак, я тебя научу. Начнем, правда, с небольших высот.

— Я пошел, — сказал Ложкин. — Сердце колет. Кордиамину приму.

Он ушел, шаркая галошами, а Терентий сказал ему вслед:

— Не поверил. Собственными глазами видел, а не поверил. И многие еще не верят. А ты?

— Я верю. И сам бы попробовал. Только страшно.

— Ничего. Мне в первый раз тоже было страшновато. Поехали? Подвезу тебя и домой отправлюсь. Кстати, если вздумаешь без меня тренироваться, начинай со стола. А то ушибешься...

У дверей редакции они расстались. И договорились, что через два дня, когда Стендаль сдаст номер газеты, он приедет к Зайкам с фотокорреспондентом. Стендаль долго смотрел вслед печке. В редакцию возвращаться не хотелось. Шел уже шестой час, начало смеркаться. Стендалю представилось, как он делает шаг с немыслимой высоты и шагает дальше как ни в чем не бывало, только ветер свистит в ушах и разлетаются в стороны вороны. Только бы не потерять равновесия...

Вялый мокрый снег валил с неба. Стендаль шел, не думая, куда идет, и ноги принесли его к реке, к пустырю за колокольней. Он кинул взгляд на колокольню, но искушение взобраться туда поборол.

Далеко внизу, под обрывом, текла темная холодная река, посреди нее плыл одинокий плотик. Стендаль старался думать о будущей статье и даже решил назвать ее «По следам Бомбара». А дальше дело не пошло, потому что Стендаль вновь представил себе, как делает шаг... С дальнего низкого берега донесся женский крик. Стендаль присмотрелся. Там, неясная в сумерках, металась одинокая женская фигура. Что такое? Правильно, на плотике, замерев от ужаса, сидел маленький сорванец.

Вчера бы Стендаль рассудил, что мальчишке ничего не угрожает. В конце концов плотик прибьет к берегу. И может, сам Стендаль начал бы искать спуск с обрыва... Все это было бы вчера. А сегодня Стендаль даже не задумывался. Он владел великой тайной. Главное — идти вперед и не терять равновесия.

Самым страшным и трудным оказался первый шаг — воздух,

зыбкий и бесплотный, не желал держать тяжелое человеческое тело, словно болото, тянул вниз. Захотелось закричать, сжаться в комочек, чтобы не так ужасен был удар... Но Стендаль удержал раскинутые в стороны руки и заставил себя сделать быстрый шаг вперед и еще один шаг и тут почувствовал, что идет, идет, проваливаясь вниз, но тем не менее не падая... Он считал — раз-два-три, все ускоряя счет и понимая, что надо взглянуть вниз, далеко ли до воды, но взглянуть было некогда — надо было считать, ускоряя шаг и опираясь о воздух руками.

И вдруг случилось самое страшное — неожиданный порыв ветра толкнул его, и очки легонько соскользнули на нос. Стендаль сделал то, что делает каждый человек, когда его очки сползают на нос, — он поправил их. Рукой.

И, как птица с подстреленным крылом, тут же рухнул вниз.

На счастье, в тот момент Стендаль был только метрах в четырех-пяти над черной водой и лишь десяти шагов не дошел до плотика.

Белый столб воды, словно от разрыва снаряда или мины, поднялся вверх. Уходя в обжигающую холодом глубину, Стендаль успел подумать, что теперь он обязательно простудится.

А вода уже выталкивала его наверх, и Стендаль быстро замахал руками, отфыркиваясь и, конечно же, потеряв очки.

Плотик был недалеко. Его Стендаль различил сквозь пелену мокрого снега и сразу вспомнил о мальчишке. Цель прежде всего. Не чувствуя холода, Стендаль рванулся к плотику и уцепился за его край. Он плыл к берегу, толкая плотик перед собой. Сорванец на плоту не двигался, замер, молчал, наверное, думал о том, как его взгреют дома.

Наконец, а Стендалю казалось уже, что прошла вечность, он проплыл двадцать метров до берега. Под ногами обнаружилось скользкое покатое дно. Стендаль выпрямился, вода была по бедра, и воздух был теплым, даже горячим, после студеной купели.

Он увидел женщину, подбежавшую к кромке воды, и сказал ей усталым, полным значения голосом, как пионер, остановивший поезд, которому грозило крушение:

— Держите ваше сокровище.

— Господи! — сказала женщина. — Ты вылезай из воды-то, простудишься.

Она нагнулась, взяла с плотика ведро с бельем и протянула свободную руку Стендалю, чтобы помочь ему выбраться на берег.

— Мостки обломились, — сказала она. — Сама не понимаю, как это случилось. Как уж я испугалась!..

Стендаль стоял на берегу рядом с женщиной, и его била крупная, как судорога, дрожь.

— Ты как же прыгнул-то? — спросила женщина. — Я даже и не заметила откуда. Пойдешь ко мне, погреешься.

— Давайте ведро, — сказал Стендаль. — Я... я... я помогу вам его донести.

Любой, даже успешно закончившийся эксперимент (на это указывает и Бомбар) чреват опасностью побочных эффектов. На следующее утро Стендаль слег в жестокой ангине. Через три недели он выбрался к Зайкам и узнал, что за два дня до него там побывал корреспондент одного столичного журнала.

НАСТОЙ ЗАБВЕНИЯ

Этот настой профессор Минц не изобретал. Руслан Хабаев, народный медик из Нижнеселенгинска, прислал ему пучок травы кут на анализ. Лев Христофорович исследовал траву и подтвердил действие ее сока на живые организмы — принявший настой этой травы забывал то, что с ним происходило ранее. В зависимости от дозы время провала памяти изменялось. От одного дня до одного месяца.

Определив химическим путем состав сока и выделив активный агент, Минц сделал для себя некоторый запас этого средства, но применения ему не придумал. В один прекрасный день Минц повстречал во дворе Ксению Удалову. Соседка вела сына в школу и была удручена.

— Что случилось, Ксюша? — спросил добрый Минц. — По глазам вижу, что беда.

— И не говорите, Лев Христофорович, — откликнулась Ксения. — Третий день жизни нет. Увидела я во сне страшный кошмар. Будто возвратилась домой, а мой Корнелий с актрисой Акуловой в одном неглиже распивают водку.

— Но ведь это неправда! Ваш супруг — примерный семьянин. А актрисе Акуловой в нашем городе нечего делать.

— Мама сервиз разбила, — сообщил Максимка. — О папину голову.

— Не может быть! — воскликнул Минц. — А зачем?

— Они же из него водку пили, — ответила Ксения.

— Но только во сне! Не на самом деле.

— Конечно, не на самом деле! Но ведь пили! Сама видела.

— Давайте зайдем ко мне на минутку, — сказал Минц. — Может быть, я смогу быть вам полезен.

У себя в комнате Лев Христофорович отыскал на полке маленькую бутылочку с настоем забвения, накапал Ксении в стакан, разбавил водой и предложил выпить. Притом, чтобы не было недомолвок, разъяснил Ксении, что она забудет происходившее с ней в течение последних четырех дней.

Поблагодарив, Ксения отвела Максимку в школу. Как назло, именно в тот день Алла Степановна, учительница по русскому, по прозвищу Марфута, женщина добрая, но уставшая от постоянных неуспехов Удалова-младшего, вызвала Максима к доске и осталась его ответом недовольна.

И тогда она предупредила, что на следующем уроке обязательно будет гонять мальчика по всем правилам грамматики, а в случае очередного прогула будет вынуждена вызвать в школу родителей.

Максим вышел из школы как в воду опущенный. Не потому, что раскаивался, а потому, что ему грозила катастрофа: через два дня день рождения — и обещанный велосипед. Завтрашний провал перечеркивает велосипед и грозит телесными наказаниями.

Максим брел, волоча по пыли портфель, и даже начал подумывать, не взяться ли за учебники, но тут увидел во дворе профессора Минца, который сидел под кустом сирени и читал иностранный журнал. В тот миг утренние события проснулись в памяти Максимки. Он понял — надежда есть! Если Марфута забудет о своем злодейском намерении, велосипед можно спасти.

Максимка знал, что, когда Лев Христофорович читает, его и пушками не отвлечешь. И еще он знал, что дверь к Минцу никогда не запирается.

Через пять минут Максимка пошел домой. В портфеле лежал заветный пузырек.

За обедом, чтобы проверить профессора, Максим спросил маму:

— Как твой сон, не беспокоит?

— Какой сон? — не поняла Ксения.

— Об актрисе Акуловой.

Корнелий в ужасе прижал к губам палец.

Но Ксения не заметила этого отчаянного жеста.

— Ешь, сынок, а то остынет, — сказала она.

И Максимка поверил профессору Минцу.

После обеда Максим пошел к дому Марфуты, решив, что не вернется домой, пока не накапает ей в чай или в суп настоя.

Он хотел разыграть кающегося грешника, попросить о дополнительных занятиях. Все равно она забудет.

Дверь открыла Марфутина мать, она сказала, что Алла Степановна уехала в Потьму на совещание и вернется только к ночи.

Это была трагедия. Не приходить же к учительнице ночью в виде кающегося грешника.

Расстроенный Максимка уселся на берегу речки и стал думать.

В реке текла вода, много воды, но в кран Марфуты эта вода не попадет. А какая попадет?

И тут Максим сообразил: вода попадает в дома из водопровода. Если найти, где водопровод начинается, влить туда пузырек, то хоть капля доберется до учительского дома.

Сообразительный мальчуган пробрался на городскую водопроводную станцию и, пользуясь доверием тамошнего дежурного, которому Максим рассказал, что готовит доклад о работе водопровода, был допущен к водозабору и вылил в городскую сеть пузырек с настоем.

Это случилось в восьмом часу вечера. В десять Максим уже спал сном праведника. Ему снился велосипед, на котором каталась актриса Акулова...

Великий Гусляр просыпается рано. Идут на работу люди, тянутся к базару подводы и «жигулята», спешат пассажиры к первым автобусам, с реки доносятся голоса матросов и рыболовов...

Семья Кобчиковых проснулась в предвкушении большого праздника. Пока Зина чистила зубы, мать все поучала ее через дверь в ванной:

— Все начинается с ЗАГСа. Ты там должна им показать, кто в семье будет командиром.

— Ах, оставь, мама! — отвечала Зиночка. — Он у меня ручной.

Белое платье висело на плечиках и блестело стеклярусом. Все уже сидели за столом, завтракали, пили чай, только Зиночка не могла оторваться от платья. Наступал ее День.

Наконец она присоединилась к семье.

Отец, в черном костюме, при галстуке, тем временем уже встал из-за стола.

— Ты куда, папа? — спросила Зина, наливая себе из чайника.

— Куда-куда, на службу пора, — ответил папа.

И Зина весело рассмеялась.

— Разрядился как петух, — проворчала мать, отодвигая чашку. — Извозюкаешь костюм-то.

— Мама! — Зиночка сочла, что шутка идет слишком далеко.

Она нервно пила чай.

— А ты чего? — спросила мать. — Весь техникум тебя ждет не дождется, пока ты на урок явишься.

— Мама! — Но тут возмущение Зиночки тем, что родители по-

зволяют себе так шутить в день ее свадьбы, уступило место беспокойству — в самом деле, не опоздать бы на занятия.

Зиночка побежала к себе одеваться и в изумлении увидела, что у ее кровати на плечиках висит белое подвенечное платье.

— Мама! — закричала Зиночка. — Мама, ты что здесь повесила?

Мать вошла на крик и замерла в изумлении.

— Я не вешала, — сказала она.

— Я знаю! — обрадовалась Зиночка. — Это отец купил, сюрприз хотел сделать. Он знает, что я... что мы с Колей дружим...

— Он с ума сошел! Так же сглазить можно!

— Красивое платье, — одобрила Зиночка. — А может, он в самом деле сделает мне предложение?

— Теперь деваться некуда, — сказала мать. — Платье куплено. Так что ты ему намекни.

Когда Зиночка подбежала к техникуму — она и в самом деле опоздала, — у входа маялся Коля. Несмотря на теплый сентябрьский будний день, он был в новом черном костюме.

— Ты что разоделся? — спросила Зиночка.

— Сам не понимаю, — ответил Коля. — Состояние какое-то приподнятое. Будто тебя целый месяц не видал, а сейчас увидел. Понимаешь?

— Честно, Коля?

— Честно, Зина. А может, пойдем распишемся?

Нет, не зря таинственное белое платье появилось дома.

— Жди меня после техникума, — сказала Зиночка, — поговорим. Мне надо подумать...

А между тем Зинин отец Кобчиков, понимая, что напрасно надел черный костюм, шагал по улице и удивлялся — еще вчера деревья стояли зеленые, а сегодня начали желтеть. Что с климатом делается! И все из-за спутников.

С этими мыслями он вошел в горуправление и поднялся к себе на второй этаж, заглянул по пути в приемную к Батыеву, того еще не было, но Людмила сидела за машинкой, красила ногти. Перед ней стоял какой-то приезжий и уныло повторял:

— Вы же вчера сказали, чтобы я пришел...

— Не помню, — отвечала Людмила. — Никогда вас не видела.

А сам Батыев с утра поднялся злой. Почему — не знал, но злой. Стал собираться на работу. Подумал, что виноват в этом настроении Карась. Копает под него тихой сапой, а на вид — пальцем можно раздавить. И тут в дверь позвонили. Жена была на кухне, Батыев сам открыл. Там стоял почтальон, отдал заказное письмо.

Батыев расписался, разорвал конверт. В конверте почему-то

лежали два билета на поезд Вологда — Туапсе на тридцатое сентября.

— Это что еще такое? — взревел Батыев и кинулся на кухню. — Ты зачем билеты заказывала?.. Почему на тридцатое сентября? Мы же в отпуске в июле были.

— На тридцатое? — удивилась жена. — Какие билеты?

— Смотри!

И тут взгляд Батыева упал на отрывной календарь, что висел над кухонным столом. На календаре была дата — 28 сентября.

— Кто листки отрывает? — еще больше рассердился Батыев. — Кто целый месяц оторвал? Ты совершенно за внуками не следишь!

— Васечке до календаря не дотянуться, — сказала жена, продолжая рассматривать билеты. — Может, ошибка?

— Знаю я, какая ошибка, — догадался Батыев. — Это Карась подстроил.

— Но зачем?

— А вот сейчас приеду на службу, вызову его и уволю! Хватит!

Снизу гуднула машина — пора ехать.

А у Карася в то время были свои неприятности. Он, как встал, полез в гардероб, в свой ящик, достать чистую сорочку. И вдруг пальцы его нащупали на самом дне нечто завернутое в бумагу. Ничего не понимая, Карась вытащил сверток, развернул его. В бумаге была коробочка, на которой было написано по-французски. Это были духи. Почему французские духи лежат под его сорочками?

Карась хотел спросить об этом у жены, но жена уже вошла в комнату и сама увидела мужа с духами в руке.

— Это что такое? — спросила она.

— Я у тебя хочу спросить, что это такое? — искренне ответил Карась.

Разница между супругами заключалась в том, что Карась не помнил, как и почему французские духи оказались в его белье, а его жена была убеждена, что ей-то он никогда бы не купил французских духов. Значит, он купил другой, попался и теперь нагло лжет.

Так что Карась на работу опоздал, и это было плохо, потому что надвигался последний этап борьбы с Батыевым. Не сегодня-завтра в области должны принять решение, а пока надо таиться и не давать злобному, подозрительному Батыеву предлогов для расправы.

Карась добежал до управления, прижимая к глазу холодный пятак, пригнувшись, мелькнул коридором и юркнул за свой стол — справа от стола, за которым уже сидел Кобчиков в черном костюме, что само по себе было подозрительно.

— Батыев не проходил? — робко спросил Карась у Кобчикова, на что сослуживец ответил, что вроде бы только сейчас прошел.

Пронесло, возрадовался Карась. Тут зазвонил телефон, и какой-то пенсионер начал кричать, что у них в доме уже месяц трубу никак не заварят, потоп. Карась обиделся, ответил, что про трубу стало известно только вчера, а пенсионер все кричал: «Вы на календарь поглядите, бюрократы!» Карась поглядел на календарь — на календаре был конец сентября, чего быть не могло, потому что сентябрь только-только начинался. Кобчиков обернулся к соседу по столу и спросил:

— Карась, нам премию за август давали?

Карась понял, что не помнит... А вдруг он духи купил на премию? Но для кого? Неужели для Людмилочки, батыевской секретарши? Но ведь они же договорились тайно, что соединятся в тот день, когда он, Карась, займет это место...

И тут по управлению разнесся жуткий зловещий рык.

В следующее мгновение в комнату ворвалась перепуганная Людмилочка и завопила:

— Карася к Батыеву, на полусогнутых!

Карась хотел перекреститься, но не посмел и потому попросил упавшим голосом Кобчикова:

— Пойдем со мной, а? Ты в месткоме, он при тебе меня съесть не посмеет.

Батыев стоял спиной к ним в собственной приемной, перед собственной дверью. К двери была привинчена табличка: «С. КАРАСЬ». Батыев старался отколупнуть табличку ногтями, но винты не поддавались.

Карась зашатался от страха. Чья-то злая шутка, такая несвоевременная, могла стоить головы.

Кобчиков поддерживал осевшего Карася. Людмила рычала. В двери приемной заглядывали другие сотрудники.

— Я вам гарантирую, — промямлил Кобчиков, — что Карась никогда и в мыслях...

Батыев оторвал табличку, метнул ее в окно, потом полез, глядя на Карася оловянными глазами, в карман за платком. С платком из кармана выпала книжечка. Кобчиков подобрал ее и протянул Батыеву.

— Это еще что? — прорычал тот, раскрывая ее. Прочел, что там написано, выронил книжечку и упал в обморок.

Кобчиков книжечку подобрал. Она была пенсионной книжкой на имя товарища Батыева.

Пока Карася и Батыева откачивали, Кобчиков прошел в кабинет и позвонил в область. И спросил в орготделе, кто у них в Гус-

ляре начальник? И ему ответили, что начальник уже две недели как Карась, а Батыев на заслуженном отдыхе. О чем Кобчиков и сообщил сослуживцам.

Батыева повели вниз, на отдых, а Карась, собравшись с духом, вошел в кабинет, занял место за большим столом и вдруг воскликнул:

— Здесь все мое!

Остальные проверили: в самом деле, на столе были вещи Карася — папка, блокнот, ручки и даже фотография супруги с детьми.

— Кто помнит, как это случилось? — спросил Кобчиков.

Никто не помнил.

А Карась уже пришел в себя и сказал незнакомым, батыевским голосом:

— Попрошу очистить мой кабинет. Работайте спокойно. Кого надо, вызову. А вы, Людмила Иосифовна, останьтесь.

— Это наваждение... любимый, — сказала Людмила, когда они остались вдвоем.

— Будут тебе духи, — пообещал Карась. — Но не сразу.

Несмотря на то что подобные истории происходили в тот день в разных концах города, во всех домах и учреждениях, порой даже более трагические или куда более забавные, нежели те, о которых рассказано, жизнь продолжалась. Своим чередом.

Когда впоследствии профессор Минц размышлял, почему же город к вечеру смирился с пропавшим месяцем, он понял, что жизнь, за редкими исключениями, течет однообразно и месяц сентябрь во всем схож с октябрем.

Наиболее лукавые чиновники с тех пор в критических ситуациях ссылаются на объективную забывчивость.

Среди гуслярцев была по крайней мере одна персона, которая ни о чем не забыла. Учительница русского языка Алла Степановна по утрам пьет молоко. Так что, когда она пришла в школу и начался урок, первым делом к доске был вызван Максим Удалов. Оказалось, что грамматические правила ему неведомы. Она вызвала в школу Ксению Удалову, и Максим не получил велосипеда на день рождения.

И не огорчился. Он не помнил, что ему был обещан велосипед, а Корнелий Удалов, разумеется, не помнил, что обещал подарить велосипед сыну.

КОГДА ЧАПАЕВ НЕ УТОНУЛ

Удалов с Грубиным шли мимо кинотеатра. Была субботняя первая половина дня, и дел до самого обеда не намечалось. На сеансе 11.30 шел кинофильм «Чапаев».

— Саша, — спросил Удалов, — ты давно это кино смотрел?

— Любимый фильм моего детства, — сказал Грубин. — Тогда еще не было широкого экрана и телевизора. Как бы теперь психическую атаку показали бы!

— А может быть, и не лучше, — сказал Удалов. — Всему свое время.

— Что, купим билеты по десять копеек и пойдем в компании с мальчишками? — спросил Грубин и пошел к кассе.

Перед кассой было пусто. Даже странно, что никто не хотел смотреть такую заслуженную картину.

— Что? — спросил Грубин у сонной кассирши Тони. — Нынешнее поколение детей предпочитает «Семнадцать мгновений»? Так дай же по билету старожилам этого света.

— Дети ничего не предпочитают, — сказала Тоня. — У меня только последний ряд остался.

— А куда же остальные билеты делись?

— А остальные куплены вместе с прошлым сеансом. По два раза, сорванцы, смотрят.

Они вошли в пустое фойе кинотеатра, где за стойкой буфета тосковала пожилая женщина, а по стенам висели поблекшие фотографии наших, советских, кинозвезд из настенного календаря. Купили по пиву, заели бутербродами с голландским сыром. Удалов спросил:

— Ты сколько раз, Саша, эту картину наблюдал?

— «Чапаева» имеешь в виду? Раз десять.

— И я раз пять, — сказал Удалов. — Потом перестал. Очень меня травмировало то, что Чапаев в реке утонул. Я все ждал, может, разок не утонет. А он тонет.

— Таких глупостей я даже в детстве не думал, — сказал Грубин, и тут, видно, утренний сеанс кончился, открылись двери в зал, и оттуда к буфету наперегонки выскочили сто пятьдесят мальчиков и пять девочек. Все они бежали, зажимая в кулачках мелочь на конфеты и лимонад. Грубину с Удаловым пришлось вцепиться в стол, чтобы их не снесло этим потоком. Дети толкались у стойки, спешили насладиться, прежде чем начнется следующий сеанс.

Один из самых шустрых детей, мальчик лет десяти с лукавым взором и множеством царапин на носу и на щеках, первым успел добыть себе пирожное эклер и стакан лимонада и присел за стол к взрослым.

Ел он быстро и сказал Грубину с Удаловым:

— Вы бы пошевеливались, а то опоздаете.

— До начала десять минут, — сказал Грубин, а Удалов, у которого был собственный ребенок, добавил:

— Так со взрослыми разговаривать не следует, мальчик.

— Ну, как хотите. Не достанется места, и все тут. Я же из лучших побуждений.

— У нас на билетах места указаны, — сказал Грубин.

— Места! — воскликнул мальчишка с пафосом. — Какие могут быть места, когда каждый хочет быть поближе к экрану!

— Чепуха, — сказал Удалов, а Грубин поверил ребенку, одним глотком допил пиво, дожевал бутерброд и сказал Корнелию:

— Я пойду и тебе займу.

Но Корнелий уже спешил за Грубиным. Они отыскали приличные места, в центре зала, лучше тех, что были положены им по билету. Сели. В зале оставалось много народу. Некоторые из ребят берегли свои хорошие места, другие просто не имели финансов, чтобы сбегать в буфет.

— И вы все это кино по второму разу смотрите? — спросил Грубин у соседа.

— Многие и на третий раз остались бы, — сказал лукавый мальчишка.

— А если фильм шел бы весь день?

— Кое-кто бы остался. Но некоторые бы сбежали, от голода.

— А ты почему такой исцарапанный?

— Кошку дрессировал. А вы чего на эту картину пошли?

— Соскучились по ней, — сказал Грубин. — Захотелось детство вспомнить.

— Нашли чего вспоминать, — сказал мальчишка с презрением. — Я жду не дождусь, чтобы с этим детством покончить.

В зал тем временем влетали из фойе мальчики и девочки и неслись занимать свободные места. И что удивило Удалова: прямо перед ними, в пятом ряду, пустовало в центре одно место, и никто его не занимал, и даже никто на него не покушался. «Может, стул там сломанный?» — подумал Удалов. И хотел было подсказать одному ребенку, который стоял в проходе с конфетой в зубах, но без места, чтобы он туда шел, как в зале начал меркнуть свет, и тогда последним не спеша вошел невысокий худенький мальчик в очках. Мальчик жевал мороженое, и на него все смотрели с уважением, и для того, чтобы мальчику пройти на его место, все, кто сидел в том ряду, поднялись и посторонились.

— Он, наверное, отличник, — сказал тихо Удалов, глядя на странного мальчика.

— Или большой хулиган, — сказал Грубин. — Самбист.

— Ничего подобного, — сказал лукавый сосед. — Это Тиша Зеленко, он не отличник и не хулиган, но большой человек.

Большой человек опустился на свой стул в середине пятого ряда и сделал движение ручкой, чтобы сидевшие впереди немного раздвинули головы и ему не мешали. И сидевшие впереди раздвинулись, хоть им так сидеть было неудобно.

— А почему он большой человек? — спросил Грубин.

Мальчик Тиша услышал эти слова, обернулся и поглядел на Грубина строго.

Тут свет погас, и начался мультфильм про Чебурашку. Мультфильм все отсмотрели без особого восторга, потому что знали его наизусть и там не было драматических событий. Потом начался сам фильм. Все в нем было как надо. Удалов с Грубиным вспоминали, что, казалось бы, совсем вылетело из памяти, и даже удивлялись, как это они могли забыть такие известные кадры. Зал реагировал на кино, как и было ему положено, — с энтузиазмом, восторгом, а когда надо, и негодованием, а события тем временем шли к своему трагическому концу.

Вот уже отступают чапаевцы, и помощи ждать неоткуда. Вот уже виден высокий обрыв реки Урал, и все ближе наши к этому обрыву. В зале царило молчание, почти бездыханное. «Эх, если бы...» — подумал Корнелий Удалов, когда Чапаев уже плыл через реку Урал и пули шлепались о воду в непосредственной близости... Сколько раз он смотрел этот фильм и надеялся, что на этот раз Чапаев преодолеет-таки водную преграду, спасут его, придут на помощь...

Но вот чапаевская голова уже скрылась в водах, и Удалов даже непроизвольно прикрыл глаза, чтобы не переживать вновь такой неприятности. И тут в зале поднялся общий детский крик и топанье ногами. «Держись! — кричали дети. — Еще немного! Тиша, давай! Тиша, спасай Чапая!»

— Ого! — сказал Грубин, и в голосе его было такое удивление, что оно заставило Удалова приоткрыть зажмуренные глаза. И он увидел невероятное зрелище: Чапаев вновь показался на поверхности и, хоть был ранен, плыл с трудом, видно было, что на этот раз ему удастся добраться до берега. И навстречу ему уже вбегали в воду товарищи, и почему-то среди них оказались и верный Петька, и Анка-пулеметчица, и даже неизвестно откуда взявшийся комиссар. Дети начали хлопать в ладоши, потом зажегся свет, и никто из зала не вышел, даже самые малыши, пока со своего места не поднялся мальчик Тиша Зеленко, усталый, но довольный. А когда он проходил мимо, то лукавый сосед Удалова сказал ему:

— Сегодня у тебя лучше, чем вчера.

— Вчера не было Анки-пулеметчицы, — ответил Тиша, блеснув очками.

— Слушай, мальчик! — опомнился наконец Грубин, когда Ти-

ша Зеленко покинул зал, сопровождаемый шумной толпой сверстников. — Слушай! — Он схватил за рукав соседа. — Как он это сделал?

— Он не первый раз так делает. Пока Тиша с нами не ходил, Чапаев всегда тонул. А теперь конец хороший. И каждый раз другой.

— Но как он это делает? — спросил Грубин. — Гипноз это, что ли?

— И зачем вы только на детские сеансы ходите? — ответил вопросом мальчик. — Так вы все испортите. Если его мать узнает, скандал начнется! Тиша Зеленко такой образованный! Он все про войну знает — и про Гражданскую, и про Отечественную. У него миллион книг про войну, он чуть было в прошлом году на второй год в пятом классе из-за этого не остался. И потому родители ему запретили ходить на военные фильмы. «Если, — говорят, — про животный мир, про строительство, ходи, развлекайся. Про войну — ни-ни». А Тиша сильно переживает. Он обязательно будет военным историком. Несмотря на все строгости.

Разговаривая так, они вышли на улицу и шли под летним каникулярным солнцем.

— Как же случилось, что этот мальчик смог конец фильма переделать? — спросил Грубин.

— А может, теперь для детей счастливый конец сделали? — спросил Удалов. — Специально для детских сеансов? Чтобы не травмировать психику?

— Чепуха это, — ответил невежливо мальчик. — Вчера Тишу Зеленко родители дома заперли, нам его выкрасть не удалось. Так утонул Чапаев за здорово живешь. Нет, это все Тишкина работа. Он так это за всех представляет, чтобы Чапаев не утонул, что тот и не тонет. Разве не понятно?

— Понятно, — сказал Грубин задумчиво, потому что у него было развито воображение.

— Непонятно, — сказал с раздражением Удалов, у которого тоже было развито воображение, но которому возмутительна была власть пятиклассника над классическим произведением киноискусства. — А может...

И тут сомнения, одолевавшие Удалова, приняли иную форму. Тут он подумал, что, может, все куда проще, чем кажется. Может, зря они поддаются шуткам малышей, может, Чапаев вовсе и не погиб? А только в кино это так изобразили?

— Удалов, — прервал течение мыслей друга Грубин, — надо нам с мальчиком Тишей обязательно побеседовать. Это же явление психологического порядка и первостепенного значения. Наука не может игнорировать.

— Ах да! — спохватился Удалов. — Конечно. Только я в это мало верю. Это какой-то фокус.

— Только Тихон с вами разговаривать не будет, — сказал мальчишка. — Он мамашу свою боится. Вдруг она узнает, чем он в кино занимается. Он же обещал родителям за ягодами в лес пойти.

— Мы его не выдадим. Слово, — сказал Грубин. — Но интересы науки твой Тиша должен учитывать.

— Попробую, — сказал мальчуган и побежал за Тишей.

Минуты через две он Тишу привел. Тот был скучен и говорил нехотя. Не верил он в науку, опасался родительского гнева.

— Мальчик, — сказал Удалов ласковым голосом, — ты что в кино наделал?

— Ничего не наделал, — сказал Тиша. — Смотрел, как все.

— А кончается картина как?

— Кончается тем, что Чапаев реку переплыл.

— Ага. А потом что с ним стало?

— Потом он в боях погиб. При штурме Перекопа. Он уже корпусом там командовал.

— Лживый ребенок, — сказал Удалов вполголоса. — Нечего нам с ним делать.

— Погоди, — сказал Грубин. — Так не пойдет. Я тебе даю слово, как исследователь исследователю. Ни слова родителям, ни слова в школе. Но у тебя такие способности, что они представляют интерес. Есть у меня одна книга. «Жизнеописания российских фельдмаршалов». Издана она сто с лишним лет назад. В ней биографии, которых ты нигде больше не встретишь. Хочешь ли ты ее получить задаром?

— Хочу, — сказал мальчик.

— Тогда ты мне должен оказать содействие.

Удалов вздохнул. Не одобрял он этой мистики.

— Спрашивайте, — сказал Тиша Зеленко совсем как взрослый. — Только где гарантия, что я эту книгу получу?

— Мое слово, — просто ответил Грубин, и мальчик ему поверил. — Скажи, как тебе удается оказать влияние на кино? Ты гипнозом действуешь?

— Нет, что вы! — сказал мальчик. — Я просто очень хочу, чтобы Чапаев не утонул. Так сильно хочу, что просто ужас. И все ребята хотят. Вот он и не тонет.

— Но ты каждый раз новый конец делаешь?

— Немножко. Сегодня я про Анку-пулеметчицу вспомнил. Чтобы она участвовала. А в прошлый раз Чапаева из воды комиссар вытащил.

— А позавчера Петька за ним нырнул, — сказал мальчик.

— Так, — задумался Грубин. — Раз ты такой феномен, будем тебя испытывать. Что дальше в кино идет?

— Детектив, — подсказал собеседник. — Про одного филателиста...

— Отлично, — сказал Грубин. — Вот мы сейчас все и проверим. Сеанс еще не начался?

— Вот-вот начнется.

— Удалов, беги за билетами! На всех.

— Четыре брать?

— Четыре бери.

— А меня дома ждут, — сказал Тиша, которому хотелось пойти на детектив.

— Я скажу твоей маме. Сам скажу, — обещал Грубин.

Так они вчетвером оказались в кино. На этот раз в зале сидели и взрослые, шума не было, все переживали сдержанно.

— Ты знаешь, чем кончится? — спросил шепотом Грубин у лукавого мальчика.

— Знаю. За этим длинным будут гнаться по крышам, он упадет прямо в бетон. Я уже три раза смотрел, я все новые кино смотрю.

— Отлично, — сказал Грубин. — Слушай, Тиша. Ты можешь захотеть, чтобы он не погибал в бетоне?

— Зачем? — удивился Тиша. — Туда ему и дорога.

— Нет, все-таки он живой человек, его еще перевоспитать можно, новую жизнь начнет. Спасем его, а? Если спасешь, книга твоя.

— А вы же так обещали?

— Да, если ты науке поможешь.

Грубин был нежадным человеком, книгу он все равно бы отдал, но требовались дополнительные методы воздействия. Если этот мальчик мог переделать видимый мир силой своей недетской воли, то он должен был захотеть это сделать.

Тиша вздохнул и сосредоточился. Блестел очками, глядел в экран.

Началось самое драматическое в фильме. Длинный бегал по крышам, а за ним бегали преследователи.

— Ну! — почти крикнул Грубин, когда герой фильма пошатнулся, готовясь погибнуть на глазах у зрителей. Тиша весь напрягся, подался вперед.

Длинный балансировал на краю крыши, вот-вот упадет.

Побалансировал и благополучно свалился в яму с жидким бетоном.

«Может, еще вынырнет», — подумал Грубин.

Но тут кадр сменился, началась сцена на другую тему. Вышли из кино молча. Тиша чувствовал себя виноватым, про книгу даже

не упоминал. Удалов с облегчением вдыхал свежий воздух. Он устал развлекаться. Грубин был расстроен провалом эксперимента, но полагал, что отрицательный результат — тоже результат.

— Что же, до свидания, — сказал Тиша. — Спасибо за кино.

— Постой, — остановил его Грубин. — Зайдем ко мне, книжку возьмешь.

— Да я же не оправдал, — сказал мальчик совсем как взрослый.

— Слово надо держать, — сказал Грубин. — Ты все-таки принял участие в эксперименте. Зато мы теперь знаем, что ты к этому явлению с Чапаевым, наверное, не имеешь отношения.

— Не имею, — согласился мальчик.

— И, может даже, это явление было кажущееся.

— Конечно, — сказал мальчик.

Грубин взял расстроенного ребенка за руку, так они и дошли до дома. Грубин вынес ценную книгу и распрощался с Тишей Зеленко, который поспешил домой, чтобы получить заслуженное наказание за столь долгое отсутствие.

— Так что же это было? — спросил Удалов, прощаясь с Грубиным.

— Сдвиг в психике при массовом воздействии, — сказал Грубин, но эти слова ничего не значили и ничего не объясняли.

На следующее утро было воскресенье. Удалов поднялся поздно, в домино играть не хотелось, в гости было рано. Спустился к Грубину. Того дома не было. Куда-то ушел с утра. Удалов отправился гулять один и незаметно для себя вновь оказался перед кинотеатром. Было около одиннадцати. Сеанс девятичасовой еще не кончился, до следующего было далеко. И тут Удалов понял, что там, в зале, картина подходит к концу. И вроде бы какое дело Удалову до этого, но стремление увидеть еще раз конец и выяснить, что же случилось с полководцем — потонул он все-таки или выплыл, одолело Удалова. И он подошел к окошку кассы и уговорил кассиршу дать ему билет на сеанс, который начался больше часа назад. Кассирша очень удивилась, билета давать не хотела, но Удалов объяснил ей, что его сын там сидит, а его надо извлечь наружу, потому что бабушка из деревни приехала.

Удалов вошел в зал и встал сзади, у стенки. Картина подходила к концу. Уже беляки напали на штаб дивизии. Вот уже отстреливаются из последних сил защитники штаба. Вот близка река. В зале творится что-то неописуемое. Уж очень ребята переживают за полководца. А он плывет через реку Урал, и пули шлепаются в воду совсем близко... И утонул Чапаев. Хоть и кричали ребята, переживали. Утонул. Никто не смог его спасти...

Зажгли свет. Удалов со всеми пошел к выходу. Не к выходу

на улицу, а к выходу в буфет. Там он постоял в очереди за пирожными, выпил стакан лимонада и понял, что надо идти домой. Фокус не удался. Видно, у него нервы растрепались. И Чапаева жалко было.

Но домой Удалов не пошел. Удивительно, он сам не мог бы объяснить почему, но он вернулся в зал, устроился в последнем ряду, чтобы никто его не видел, и поглядел вперед. Место в пятом ряду пустовало. Не было сегодня мальчика Тиши.

И вдруг Удалов услышал тихий голос:

— Корнелий, ты что здесь делаешь?

Вот странно! В последнем же ряду за колонной сидит Грубин.

— Ты давно здесь?

— Первый сеанс отсидел. А ты?

— Конец только видел.

— А Тишка не приходил?

— Нет, не приходил.

И тут в двери в окружении ребят появился Тиша. Шел он быстро, склонив голову, под мышкой держал книжку про фельдмаршалов и на укоры и попреки друзей говорил:

— И ничего у меня не получится. Меня вчера научно проверили. Нет во мне таких способностей.

— Мы тебе поможем, Тишка, — говорили ребята. — Ты не дрейфь.

Тишка обернулся, разыскивая кого-то глазами. Удалов испугался, что его, и нырнул под стул. И увидел совсем близко от своей головы трепаную шевелюру Саши Грубина. Оказывается, тот тоже не хотел попадаться на глаза ребенку. Так они и просидели, пока не зажегся экран.

— Как ты думаешь, получится? — спросил Удалов Грубина, когда Чапаев на экране рассказывал о тактике с помощью картофелин.

— Не думаю, — сказал Грубин. — Не всегда можно вот так, руками, в душу лазить и подвергать все исследованию. Наверное, мы что-то погубили.

— Значит, ты веришь, что было?

— Верю.

Дальше они сидели молча. А когда настали последние минуты в жизни Чапаева, все ребята в зале начали кричать: «Держись, Василий Иванович! Еще немного осталось!» А другие кричали: «Тишка, давай!» И в этом крике раздался тонкий и грустный голос: «Не могу, ребята!» — «Давай-давай! — кричали другие. — Спасем Чапая!»

А тем временем голова полководца уже скрылась под водой, уже взяли враги верх над героем, и в зале поднялся вой, рев, шум, и

Тиша даже привстал, а Грубин и Удалов, которые незаметно для себя орали вместе со всеми Тишке, чтобы он постарался, заметили, как Тишка поднял кулачонки, борясь с тяжелой правдой киноискусства, и тогда голова Чапаева поднялась снова на поверхности, навстречу Чапаеву с берега кинулись его друзья и соратники. И вытащили его на мелкое место. Чапаев остался жив.

Удалов с Грубиным подождали, пока все выйдут из зала. Удалов хотел было подойти к мальчику и укорить его за то, что вчера он себя не проявил, а сегодня вот проявил, но Грубин остановил его и сказал:

— Не лезь, Корнелий. Тут все сложнее, чем просто эксперимент. Понимаешь?..

СНЫ МАКСИМА УДАЛОВА

Обстановка была на вид непринужденной. Ксения Удалова вязала себе шапку из мохера, Корнелий Иванович с Грубиным смотрели по телевизору хоккейный матч, а Максимка готовил уроки и одним глазом следил за экраном. Но за внешним спокойствием этой картины скрывались бурные страсти. Аутсайдер выигрывал три шайбы у без двух минут чемпиона, а до конца игры оставалось восемь минут. Если так будет продолжаться, то удаловский «Спартак» получает реальные шансы, а грубинские без двух минут чемпионы остаются ни с чем. Удалов ломал пальцы, а Грубин теребил кудри. Друг друга они в этот момент не любили.

— Нет, — сказал Удалов, — так быть не может. Такого счастья не бывает.

И посмотрел на часы.

— Все бывает, — ответил Грубин. — Ксения, ты нам чайку не поставишь?

Грубин старался владеть собой.

— Не бойся, дядя Саша, — сказал Максимка. — Победа будет за чемпионами. Сейчас они пять безответных загонят.

— Уроки делай! — взъелся на сына Удалов. — Не то в другую комнату выгоню.

— Гони не гони, — ответил Максимка, — а дядя Саша будет спать спокойно.

В этот момент чемпионы загнали первую безответную.

Удалов встал, подошел к столу, за которым сидел Максимка, и, взяв одной рукой его за ухо, а второй захватив тетрадь и учебник, повел сына вон из комнаты. Максимка не сопротивлялся.

— Что делать, — сказал он, — Джордано Бруно тоже на костре сожгли.

— Начитался, — заметила Ксения. — Теперь отцу грубишь.

В этот момент чемпионы отквитали еще одну шайбу. Удалов забыл о дерзости сына и бросился обратно к телевизору, чтобы своим присутствием как-то остановить неблагоприятное развитие событий. Он с отчаянием глядел на экран и подсказывал хоккеистам правильные действия, а хоккеисты-аутсайдеры его совершенно не слушались, растерялись и начали допускать такие ошибки, что комментатор был вынужден сделать строгий выговор за малодушие.

Матч закончился победой чемпионов с перевесом в две шайбы. Грубин мог торжествовать, но ему хотелось чаю, и он отложил торжество на следующий раз, потому что его друг Корнелий был вне себя от гнева.

Разлив чай по чашкам, Ксения позвала сына.

— Чай будешь пить, горе луковое?

«Горе луковое» несмело возникло в дверях. На лице его блуждала торжествующая ухмылка.

— Иди уж, — сказал отходчивый Корнелий Иванович. — Как ты догадался?

— А я во сне видел, — заявил ребенок, усаживаясь за стол.

— Бывают совпадения, — согласился Грубин.

— А я во сне видела, — сказала Ксения, — словно по нашей улице слон идет.

— Ну и что? — буркнул Удалов.

Он вспомнил, что «Спартак» лишается шансов, и снова помрачнел.

— А то, что картошка сегодня крупная в магазине была. Пять штук на кило. Слоны, а не картошка.

— Так ты во сне именно этот матч видел? — спросил Грубин.

— А какой же? Даже удивился: как во сне, пять шайб за семь минут.

— Врет, — сказал Удалов.

— Я еще не такое могу увидеть, — ответил Максимка. — Я один раз, в том месяце, пятерку себе по контрольной увидел.

— И получил? — спросил Корнелий Иванович. — Что-то я такого праздника не помню.

— А я в тот день мороженым объелся, температура поднялась, и я дома остался. А то бы обязательно получил. Если я что увидел, считай, сделано.

— Ох! — сказал Удалов.

— Корнелий! — остановила его руку Ксения. — А ты, Максим, допил — уходи. Видишь, отец не в духе.

Дня через два Грубин стоял утром во дворе, снимал с веревки свои высохшие холостяцкие вещи, а мимо бежал в школу Максимка Удалов.

— Дядь Саша, — обрадовался он, увидев соседа, — а я сон видел.

— А кто сегодня играет? — не удивился Грубин, который давно уже привык не удивляться необычным вещам и событиям, потому что жизнь в городе Великий Гусляр — самая главная неожиданность, которая может случиться на свете с человеком.

— Нет, не про хоккей, — сказал Максимка, — а про старика Ложкина.

— Так что же сделает старик Ложкин?

— Его в милицию заберут за хулиганство, — сказал Максимка. — Смешно, правда?

— Ох, твое счастье, — сообщил Грубин, — что это ты мне рассказал, а не кому еще.

— Что же я, не понимаю, кому рассказывать? Мне тоже своя рубашка ближе к телу.

Максимка иногда бывал не по годам рассудителен.

— И все-таки, — заметил Грубин, — мог бы кого иного выбрать для своих шуток. Старик Ложкин сам кого хочешь в милицию отведет. Он же первый друг закона и порядка.

— Вот и смешно, — сказал Максимка. — Ну, ладно, я в школу пошел, у нас сегодня литература первая, а я плохо стихи запоминаю.

Вечером, часов в шесть, старшина милиции Пантелеймонов ввел во двор старика Ложкина. Ложкин стеснялся неожиданной скандальной славы, отворачивался от взглядов и возгласов соседей и делал вид, что ведут вовсе не его, а кого-то другого.

Старшина Пантелеймонов вел за собой ложкинский велосипед с погнутым передним колесом.

— Матрена Тимофеевна! — воскликнул он, становясь посреди двора. — Принимай своего хулигана.

— Что такое, что такое? — Старуха Ложкина высунулась по пояс из окна на втором этаже. — Быть этого не может.

— Ну зачем вы так, — сказал Ложкин милиционеру укоризненно. — Люди же смотрят.

— А это и есть гласность закона, — сказал старшина. — И профилактика.

— Чего он натворил-то? — спросил Корнелий Удалов. — Может, на поруки брать пора?

— Нет, мы его так отпустим, — сказал Пантелеймонов. — Он на козу на велосипеде наехал, травму ей нанес, а потом скрылся с места происшествия. Пришлось чуть ли не городской розыск объявлять, да хорошо, что свидетели нашлись. Теперь будет штраф платить.

— Нечего козам на проезжей части делать, — пробурчал Ложкин. Но тут выбежала из дома его жена, приняла старика с велосипедом, а старшина Пантелеймонов ушел.

На следующий день Грубин без особого дела ошивался с семи часов во дворе, ждал, когда Удалов-младший пойдет в школу.

— Поджидаешь, дядя Саша? — спросил лукавый мальчуган. — А говорил, что Ложкина арестовать нельзя.

— Оказывается, можно, — сказал Грубин. — Так что ты сегодня во сне смотрел?

— Не беспокойся, — сказал Максимка. — Тебя не касается.

— Но интересно же с научной точки зрения.

— Какая же может быть научная точка зрения на Ваську Борисова? — удивился Максимка.

— Так что же будет с Васькой Борисовым?

— А ничего, — сказал Максим и пошел к воротам.

— И не мечтай. — Грубин в два шага обогнал молодого человека и вынул из кармана яблоко «джонатан».

Максимка улыбнулся:

— Угостить хотите? Так я уже завтракал.

Он ловко обогнул Грубина и продолжил путь к воротам, но потом сжалился и сказал:

— Кидайте яблоко. Ваську Борисова по английскому вызовут, а он будет стоять и глазами хлопать. Так ему и надо... отличнику.

Грубин довольно долго стоял посреди двора и думал. Он уже почти не сомневался в том, что неизвестный ему Васька Борисов сегодня из школы без двойки не уйдет. Но как объяснить странное явление природы, проявившее себя в скромном доме № 16 по Пушкинской улице? Ведь чудес не бывает, сказки также в большинстве случаев оказываются ложью или имеют под собой естественное основание. А что делать с вещими снами?

Грубин обратил внимание на то, что окно в квартире профессора Льва Христофоровича Минца, временно проживающего в городе Великий Гусляр, распахнуто. Перед окном профессор делал утреннюю зарядку.

— Лев Христофорович, — спросил Грубин, — как бы вы объяснили вещие сны?

— Вещих снов не бывает, — сказал профессор Минц, и тут же

голова его исчезла за подоконником, потому что он сделал приседание.

— Теоретически, — сказал Грубин. — Чисто теоретически. Если бы вещие сны были...

— Рассмотрим, — голова профессора возникла вновь, — теоретическое предположение.

Голова исчезла. Грубин ждал.

— Все ясно, — сказал профессор, закончив упражнение. Он глубоко дышал, разводил руки в стороны. — Я бы — ух — сказал — ух, — что мы имеем дело — ух — с временным сдвигом — ух. Понятно?

— Нет!

— Субъективное время при вещем сне движется быстрее, чем объективное. — Профессор растирал себя махровым полотенцем, и луч весеннего солнца ослепительно отразился от его потной лысины. — Субъект во время вещего сна движется по оси времени поступательно и, естественно, заглядывает в будущее. Затем просыпается и возвращается в обычное состояние. Проще пареной репы. Когда-нибудь напишу об этом статейку. Практического значения не имеет, но парочку интересных уравнений я в этом усматриваю. Спасибо, Саша.

— И никакого практического значения?

— Ровным счетом никакого.

Профессор исчез — ушел готовить себе завтрак, а Грубин чуть нахмурился. Он не стал говорить Льву Христофоровичу о своем открытии — победила свойственная Грубину деликатность. Не хотелось ему раньше времени травмировать ребенка, подвергать его излишнему вниманию науки. Вместо этого Грубин направился к Корнелию Удалову, чтобы поговорить с ним как с отцом феномена.

Отец феномена как раз спускался по лестнице, направляясь в контору. Грубин сказал:

— Я провожу тебя, Корнелий.

Корнелий удивился, но возражать не стал.

Когда друзья вышли на улицу, Грубин сказал:

— Что будем с Максимкой делать?

— Опять чего набедокурил? — Удалов встревожился — неужели с раннего утра неприятности по семейной линии?

— Я о том, что ему снится, — сказал Грубин.

— Как он про хоккей угадал?

— И другое. Я тебе должен глаза открыть. Вчера утром он мне неприятность с Ложкиным предсказал. Включая милиционера...

Друзьям бы обернуться, посмотреть, не идет ли кто сзади. Ведь беседа не предназначалась для чужих ушей.

Но они были так увлечены, что не заметили старуху Ложкину, которая все услышала и примчалась домой в заметном озлоблении.

— Николай, — заявила она, — все твои вчерашние несчастья были подстроены.

— И без тебя знаю, — сказал Ложкин. — Кто, кроме моих врагов, мог так умело козу на проезжую часть выпустить? Я вот сейчас сижу и думаю: кто? Может, наш бывший старший бухгалтер?

— Нет, не старший бухгалтер, — сказала Ложкина. — А твои дорогие соседи Удаловы.

— Ну чего ты мелешь? Они даже козы не имеют. Не говоря об отсутствии на месте события.

— Нет, не все Удаловы, хотя не исключаю, что все, а Максимка. Хулиган малолетний. Он во сне подсмотрел и повлиял. Понимаешь?

— Нет, — сказал Ложкин, — не понимаю. Этого никто в здравом рассудке не поймет.

— Так слушай, я сама только сейчас узнала. Удалов с Грубиным обсуждали. Грубин говорит, что научное событие, а Удалов грозится — выпорю.

— Ему лучше знать. Продолжай.

— Значит, Максимка во сне подсмотрел, как тебя с милицией и позором домой приведут. Заранее.

— Заранее? И не предупредил? Ну, соседи...

И вечером, дождавшись, когда семья Удаловых собралась вместе, Ложкин, накопивший за день солидный запас гнева, ворвался к ним с официальным заявлением.

— Я все знаю! — вскричал он. — Чему сына учишь?

Удалов сразу почуял неладное, вскочил из-за стола и стал приглашать Ложкина к чаю, но тот был неумолим. Чего он хотел, не сразу стало понятно, но, когда Удалов наконец разобрался в сбивчивых речах соседа, он внутренне содрогнулся.

— Нет! — воскликнул он. — Никогда. Не позволю ребенка калечить!

— Тогда я к общественности обращусь, — сказал Ложкин. — Общественность тебе покажет, как ребенка использовать в целях опорочивания честных пенсионеров.

— Послушай, Ложкин. — Удалов пытался вытолкнуть соседа грудью в коридор. — Максимка еще ребенок. Разве можно? А вдруг ему это психическую травму нанесет?

— Не нанесет.

— Вы о чем там? — спросила Ксения.

— Сейчас скажу ей, — прошептал Ложкин. — Тогда не выкрутишься. Соглашайся!

— Нет.

— Пап, — послышался спокойный голос феномена. — Я все слышал.

— А ты, стервец... — И тут Удалов осекся. Сын Максимка, еще вчера особых надежд не подававший, сегодня приобрел новое качество. И вроде он сын Удалову, и вроде бы уникальное, самостоятельное явление. И уже не потаскаешь его за ухо и не дашь ему подзатыльник — совестно перед мирозданием.

— Попробуем, — сказал Максимка. — Мне не жалко. Только чтобы завтра в школу не ходить.

— Максимушка, голубчик, — засуетился старик Ложкин, — да я тебе сам справку напишу, письмо твоему учителю сделаю.

— Ну, постараюсь, — сказал Максимка. — Телевизор досмотрю и постараюсь.

Тут Ксения Удалова не выдержала. Вышла к мужчинам в прихожую.

— Что за дела? — спросила.

— Сейчас, кисонька, сейчас, миленькая, — сказал Удалов слишком ласковым голосом. — Расходимся.

— Расходимся, — поддержал его Ложкин. — Сыночка твоего похвалить я приходил. Такой мальчик растет, сердце мое стариковское радуется. Приятно сознавать, что наша смена достойна наших дел и дел наших отцов, включая дедов...

Удалов вошел в комнатку, где стояла кровать сына.

За перегородкой возилась, укладываясь спать, Ксения.

— Не спишь? — спросил он.

— Собираюсь, — сказал Максимка. — Ты мне инструкции повтори.

— Может, не будем?

— Давай, папа. Ты его знаешь. Не отвяжется. Ты не представляешь, сколько он у наших ребят мячей отобрал.

— Ну, значит, постарайся, сынок, думать о том, как придет завтра к нам во двор милиционер и при всем народе реабилитирует старика Ложкина. Скажет, что не виноват он в наезде на козу... Даже думать противно, какими тебе вещами с детства заниматься приходится.

— Ничего, папа, я постараюсь это во сне увидеть, — успокаивал отца мальчик. — Мне уже приходилось. Вот ты, наверное, думаешь, что Васька Борисов просто так пару по английскому схлопотал? Нет, я специально об этом вечером думал. Вот, думаю, неплo-

хо бы Ваське Борисову пару по английскому схлопотать. Очень уж он задается. Ну и что, если отличник, разве задаваться нужно? Ты меня понимаешь?

— Понимаю, сынок.

— Я тут подумал, папа, и решил, что надо мне пользу людям приносить. Ну, старик Ложкин, конечно, исключение, и на козу он без моей помощи наехал. А вот тебе бы я мог помочь.

— Как же ты бы мне помог?

— Еще не придумал. Придумаю — обязательно скажу. Может, ко дню рождения подарок... Ну, чтобы поймал ты щуку в десять килограммов.

— Таких щук в нашем озере давно не осталось. Выловили.

— Я подумаю. Ну, что бы тебе, папа, больше всего хотелось?

— Как что? Ясное дело, квартальный план выполнять.

— Какой это квартальный план?

— Не надо, — прошептал Удалов. — Не думай об этом, сынок.

— Ты не беспокойся, папа. Мне нетрудно. Я эти сны как орехи щелкаю.

Удалов нахмурился. И в самом деле несправедливо, что его родной сын помогает вещими снами довольно склочному старику, который заслуженно должен платить штраф за травмированную козу, а у его отца план горит. Но забота о здоровье сына пересилила.

— Нет, — сказал Удалов. — Ты мне не поможешь. Здесь никто не поможет. У меня дом стоит в лесах, до третьего этажа леса, а на пятый этаж лесов не хватает — лесопилка подвела. Понимаешь? Но ты лучше о козе думай. Чтобы она пришла. То есть не так думай, ты о Ложкине думай, о милиционере Пантелеймонове думай, а о лесах на доме ты не думай и о квартальном плане тоже не заикайся...

Удалов не заметил, что глаза его сына смежились, дыхание стало ровным. Он еще некоторое время бормотал, разрываясь между надеждой и жалостью к ребенку. Потом махнул рукой и ушел к себе.

А утром Удалов проснулся от странного шума за окном. Люди выбегали со двора, бежали по улице, взмахивали руками, куры кудахтали, собаки лаяли, мотоциклы ревели.

— Что случилось? — закричал Удалов из окна. — Может, космический корабль спустился? Или бананы в овощной магазин завезли?

Но никто ему не ответил.

Удалов кинул взгляд на мирно досыпающую семью и метнулся на улицу, за народом.

Человеческий поток нес Удалова через центр города, к району новостроек.

И там центром притяжения гуслярцев возвышалось сооружение странного вида. Возвышалось оно точно на месте, где вчера еще находился пятиэтажный кирпичный дом, завершение которого срывалось из-за отсутствия строительных лесов.

Бывший дом являл собой скалу, густо обросшую лесом. Лес был необычный для природных условий города — в нем соседствовали сосны, финиковые пальмы, липы и дубы, бамбуки и растения вовсе невиданные. Так как деревья росли не только наверху, но и из стен дома, некоторые стволы тянулись параллельно земле, и дом был схож с гигантским ежом.

Но еще удивительнее для зрителей было то, что в густых лесных зарослях на вершине недостроенного дома стояла белая коза и занудно, пронзительно, как испорченная пластинка, повторяла:

— Николай Ложкин невиновен!

ЖИЛЬЦЫ

Грубин изобретал объемный телевизор.

В свое время он создал обыкновенный, потом собрал цветной, когда их еще не продавали в магазинах. Тот, цветной, показывал во всем великолепии красок любую черно-белую программу.

А теперь ему хотелось создать объемный. В любом случае это дело недалекого будущего, лет через десять-пятнадцать такой можно будет приобрести в кредит в любом специализированном магазине. Так чего же ждать?

Полгода Грубин трудился. Все свободные деньги он тратил на транзисторы, провода и кристаллы, соседи трижды жаловались в милицию — дышать невозможно из-за постоянных утечек инертных газов, спать трудно из-за ночных взрывов, к тому же часто перегорают пробки. Грубин оправдывался, спорил, сопротивлялся, но не уступал.

Профессор Минц, сам значительный ученый, спустился как-то к Грубину на первый этаж и сказал:

— Саша, я специально проглядел всю доступную литературу. На нынешнем уровне науки эта проблема практически неразрешима.

Минц стоял посреди комнаты, по пояс скрытый отвергнутыми моделями, схемами, поломанными деталями, инструментами, изоляционными материалами. Грубин отмахивался паяльником и возражал:

— Кто-то должен изобрести первым. Вы уперлись в невозможность и верите в нее. Я не верю и изобрету.

— Дело ваше, — вздохнул профессор Минц. — Я все-таки оставлю вам последние журналы по этому вопросу. Посмотрите на досуге. Куда положить?

— Куда хотите. Вряд ли я буду их читать. Вы думаете, что Галилей читал в журналах статьи о том, что Земля не вертится?

— Тогда не было журналов. Но я полагаю, что он был широким и любознательным ученым.

— Нет, не читал, — не слушая профессора, продолжал Грубин. — Он с детства знал, что Земля не вертится. Ему хотелось доказать обратное.

Минц все-таки оставил журналы. Он полагал, что Грубин кокетничает. Пахло паленой изоляцией.

Вечером того же дня Грубин демонстрировал частичные успехи соседу и другу Корнелию Удалову. Изображение на экране двоилось и было нечетким. Но порой казалось, что часть экрана заметно вспучивается, выгибаясь в комнату. Тогда Удалов говорил:

— Гляди, объем!

— Вижу, — отвечал Грубин. — Значит, в принципе достижимо. Главное — не читать тех самых статей.

Беда была в том, что объемной могла становиться, к примеру, рука диктора, или галстук, или, наконец, один из этажей дома. За счет выпуклости в экране образовывалась впадина. Электронные трубки не выдерживали и лопались.

— Одолжи сотню, — сказал Грубин. — Я на мели.

— Ты же знаешь, — сказал Удалов, — Ксения уже прячет от меня деньги.

Но опыты продолжались. В начале ноября Грубин позвал Удалова поглядеть на очередное достижение. Диктор, читавший последние известия, наполовину вылез из экрана. Тут он прервал речь и оглянулся по сторонам, словно понял, что попал в другую комнату. Удалов приблизился к экрану и заглянул сбоку. Нос диктора был вне телевизора.

— Саша, — сказал Удалов, — какая же это объемность? Он в самом деле наружу вылез.

— А ты чего хотел?

— Должно только казаться.

— Вот тебе и кажется.

— Да ты встань на мое место, погляди!

— Чего глядеть? Уж нагляделся. Настоящая объемность должна быть со всех сторон.

Тут раздался взрыв, и трубка разлетелась на куски. Никто не пострадал. Удалов ушел ужинать.

Окончательная победа пришла к Грубину вечером в пятницу, когда не перед кем было похвастаться. Все ушли в кино.

Грубин включил первую программу. Показывали балет. Видно было, как далеко вглубь уходит сцена, как оттуда набегают на Грубина балерины. Одна с разбегу выскочила за рамку, но, видно, сообразила, что падает со сцены, ухватилась за край и перемахнула обратно.

Эпизод с балериной так взволновал Грубина, что он выключил телевизор и задумался. Ведь он мечтал о полной объемности изображения и добился своего. Но возник побочный эффект: для тех, кто был внутри телевизора, комната Грубина тоже казалась реальным миром. Балерина побывала вне экрана, но смогла вернуться.

Надо бы пойти к Минцу посоветоваться, какова физическая основа этого явления. Но Минц все поставит под сомнение, привлечет авторитеты и в результате докажет, что этого быть не может.

Значит, надо убедиться самому.

Грубин положил перед экраном подушку, чтобы чего не случилось, и снова включил телевизор.

Балет кончился. Показывали цирк. Элегантная дрессировщица в блестящем наряде ходила в глубине экрана и погоняла палочкой крупных животных — тигра, льва и медведя. Животные прыгали с тумбы на тумбу, рычали и становились на задние лапы. Дрессировщица никак не подходила к краю экрана, звери тоже оставались вдали. Грубин опечалился — дрессировщица ему понравилась. На мгновение ему пригрезилась судьба Пигмалиона, который изваял скульптуру и полюбил ее. Если бы дрессировщица вышла из телевизора, она бы осталась на некоторое время здесь и Грубин узнал бы, как ее зовут. За грезами он упустил момент, когда дрессировщицу начали снимать другой камерой и она оказалась к Грубину спиной.

Лев надвигался на женщину, а она, отступая, как бы манила зверя за собой. Грубин потянулся к телевизору, чтобы выключить его. Он был согласен на дрессировщицу, но не терпел дома львов. Но выключить телевизор он не успел: в тот момент, когда его рука прикоснулась к кнопке, дрессировщица оступилась, споткнулась о край экрана, и лев, почуяв ее мгновенную слабость, прыгнул, скотина, на свою повелительницу. Дрессировщица сделала еще один быстрый шаг назад, конечно, не удержалась, с высоты рухнула на подушку у экрана, а за ней стрелой вылетел лев... И тут же трубка лопнула, посыпались осколки стекла, в телевизоре что-то

зашипело, шипение передалось на громоздкую приставку, занимавшую чуть не половину комнаты, послышался треск, и стало темно — перегорели пробки.

Грубин ощупью выбрался из комнаты и, взяв в привычном месте свечу и спички, полез чинить пробки. Хорошо, что никого нет дома. Еще вчера Ксения Удалова предупреждала: «Пережжешь еще раз, Саша, добьюсь, что тебя выселят из дома, жизни не пожалею на это доброе дело».

Взбираясь на стремянку, Грубин краем уха прислушивался к тому, что происходит в его комнате. Разумеется, он понимал, что вся история с объемным изображением — кажущееся явление, но все равно встречаться со львом не хотелось.

Свет загорелся. Грубин не спеша слез со стремянки, потушил свечу и с минуту постоял перед своей дверью.

— Ну, — сказал он сам себе, — пошел, изобретатель.

Он приоткрыл дверь на сантиметр. Внутри было тихо и пусто. Как и следовало ожидать. Ни девушки, ни льва. Грубин подошел к телевизору и опечалился, потому что для продолжения опытов придется покупать новую трубку, а денег нет и занять не у кого.

Подушка перед экраном была завалена осколками трубки. Чем-то эти осколки напомнили Грубину новогоднюю елку. Он подумал, что на подушке придется спать, потому взялся за угол ее, чтобы стряхнуть осколки на пол, но тут его взгляд упал на нечто цветное. Грубин приподнял крупный осколок и увидел, что на подушке лежит дрессировщица — без чувств, ростом с цыпленка. Впрочем, ничего удивительного в этом не было. Ведь на экране все фигурки очень маленькие и естественные человеческие размеры — плод воображения зрителей, а если телевизионное изображение выпадает из экрана, то оно должно быть меньше экрана.

Осознав это, Грубин оглянулся в поисках льва. Хоть лев был размером с крысу, по характеру он остается львом. Льва не было видно.

Дрессировщица лежала на подушке, очень похожая на настоящую. Грубину захотелось снова включить телевизор и поглядеть, осталась ли дрессировщица на арене или тигр с медведем бегают без присмотра?

Грубин осторожно потрогал дрессировщицу пальцем, чтобы понять, пройдет ли палец насквозь или нет. Палец не прошел. На ощупь дрессировщица была теплой и упругой. От прикосновения она открыла глаза. Глаза были темные.

— Ну, не ожидал, — сказал ей Грубин с некоторой укоризной. И в самом деле он ожидал иного. Если уж объемность оказалась такой реальной, лучше бы дрессировщица была ростом побольше.

Дрессировщица показалась Грубину совсем молоденькой. Даже странно, что в таком возрасте ее доверили хищникам.

— Ну, что мне с тобой делать? — спросил Грубин.

Девушка открыла рот, но никаких звуков не получилось. Девушка заплакала, но беззвучно, словно звук выключили. В дверь постучали.

— Кто? — спросил Грубин.

Вместо ответа раздался крик.

Грубин обернулся. Удалов с побелевшими от ужаса глазами стоял в дверях, приподняв ногу, в которую вцепилось небольшое желтое животное.

— Не бойся, — сказал Грубин, — это лев.

Дрессировщица рыдала, а Грубин думал, как бы ей объяснить, что все обойдется... Вдруг она иностранка, гастролирует у нас? А вдруг начнется международный скандал?

— Какой еще лев? — возмущался Удалов, размахивая ногой, чтобы стряхнуть хищника. Хищник отлетел по дуге в сторону и исчез в груде бракованных транзисторов. — Ты чего крыс развел? Ты представляешь, если Ксения узнает?

— А ты ей не говори.

— Нельзя. Она все равно узнает. Я конспиратор никакой. Чего там у тебя?

Удалов подошел к Грубину и заглянул ему через плечо.

— Мама родная! — сказал он. — Куклами занялся!

В этот момент дрессировщица приподнялась на локте и попыталась сесть. Если встречу со львом Удалов еще пережил, то при виде ожившей дрессировщицы силы оставили его. Он опустил голову и тихо пошел вон из комнаты. Грубину бы его остановить, объяснить научность феномена, но мысли его были столь встревожены, что ухода друга он не заметил.

— Что же произошло? — спросил Грубин у дрессировщицы. — Пожалуй, тут нет ничего удивительного. Ведь все живое состоит из электронов. И ты из электронов. Так что мы с тобой в чем-то одинаковые. Только ты кажешься, а я настоящий.

Дрессировщица обратила к Грубину умоляющий взор и протянула тоненькие ручки.

— Просишь, чтобы вернул в телевизор? — спросил Грубин.

Дрессировщица закивала головкой.

— Прости, но в настоящий момент у меня нет средств, чтобы приобрести новый кинескоп. Кроме того, боюсь, что есть повреждения в приставке. Придется потерпеть. Ты есть хочешь? А пить будешь? Значит, эти функции у тебя отсутствуют? Придется тебе пока отдыхать.

Грубин отыскал старую коробку из-под ботинок, положил в нее тряпочку и на всякий случай поставил блюдце с водой.

— Ложись, — сказал он. — Утро вечера мудренее.

Он перенес дрессировщицу в коробку и добавил:

— Если ты стесняешься, то я свет погашу.

Дрессировщица, конечно, ничего не ответила. Грубин подошел к шкафу, распахнул его и стал думать, что бы завтра продать — новый костюм или плащ? Решил, что все-таки продаст костюм, завернул его в бумагу. Потом заглянул в коробку. Дрессировщица не спала.

— Ну что ты будешь делать! — сказал Грубин. — Женщина есть женщина. Я на твоем месте давно бы спал.

Ночью Грубин проснулся от ужаса. Что-то шуршало неподалеку. Он вспомнил, что по комнате бродит взбешенный лев. Для Грубина он не опасен, а для девушки — страшный хищник.

Грубин вскочил и босиком пробежал к выключателю. Если девушку растерзали, то она, немая, не могла даже позвать на помощь.

Зрелище, представшее его глазам, успокоило и даже развеселило. Дрессировщица, не раздеваясь, спала на тряпочке, положив головку на живот льву. Видно, в темноте лев отыскал свою хозяйку. И правильно, лев-то ручной, только на чужих кидается...

Утром, пока гости из телевизора еще спали, Грубин сбегал, продал одному человеку костюм за полцены, дождался открытия универмага, купил кинескоп, кое-что перекусить и вернулся домой.

Дом жил субботней утренней жизнью. Профессор Минц сидел у окна, читал журнал, Ксения Удалова выбивала во дворе ковер, юный Гаврилов гулял по двору с транзисторным приемником наперевес, в коридоре Грубину встретилась какая-то кошка. Он сначала принял ее за льва, а потом встревожился: как бы кошка не пронюхала, что у него за жильцы.

С жильцами ничего плохого не произошло. Они проснулись, сидели в коробке, дрессировщица заплетала львиную гриву в косички, а при виде Грубина вскочила и стала делать руками выразительные движения, которые Грубин истолковал так: «Ну сколько это может продолжаться? Вы оторвали меня от близких и любимой работы, утащили в разгар представления. Будьте любезны вернуть меня в коллектив!»

— Сейчас, — ответил Грубин. — Примем меры. Не беспокойся... А ты ведь даже не представляешь, какое значение для мировой науки имеет твое существование...

Этого дрессировщица, как человек искусства, конечно, не поняла.

К вечеру Грубину удалось наладить телевизор. Дрессировщица ничего не пила, не ела. Лев тоже не требовал пищи.

Пора включать. Зажужжали лампы, включились печатные схемы, задрожали стрелки могучей телеприставки, и на экране возникла надпись: «Публицистическая студия «Дискуссионный клуб».

Тут же показали строительный пейзаж, уставленный башенными кранами, а на переднем плане стоял молодой человек с микрофоном в руке, который рассказывал зрителям о непорядках на этом строительстве. У ног молодого человека крутила поземка, подмораживало. Грубин хотел было, не тратя времени даром, отнести жильцов к экрану, но замешкался, потому что дрессировщица и лев были без теплой одежды. Пока он думал, как поступить, раздался грохот. Грубин увидел выражение ужаса на лице дрессировщицы. Он обернулся к экрану. Поздно...

Кинескоп снова лопнул, телевизор вышел из строя, и виной тому был молодой человек, выпавший из телевизора. Все еще сжимая в пальцах микрофон, он сидел на столе и стряхивал с себя мелкие осколки стекла.

— Этого еще не хватало! — в отчаянии воскликнул Грубин.

Когда Грубин пересаживал молодого человека в коробку из-под ботинок, тот отчаянно сопротивлялся и даже умудрился цапнуть Грубина за палец. Видно, находился в шоке, не соображал, что происходит. А звуков, как и девушка, не издавал.

При виде новенького лев замотал гривой, выражая недовольство. Зареванной девушке пришлось удерживать льва обеими руками, а молодой человек, не обращая на остальных жильцов внимания, принялся вылезать из коробки. Пришлось его отсадить в пустой ящик из-под гвоздей. Молодой человек принялся метаться по ящику и колотить в стенку кулачками.

Грубин совсем опечалился. Он попал в финансовую, научную и моральную пропасть. Придется обратиться за советом и помощью к профессору Минцу.

Стоило прийти к такому решению, как дверь в комнату распахнулась и на пороге возник сам профессор Минц, словно отчаянные мысли Грубина проникли сквозь потолочные перекрытия.

— Здравствуйте, голубчик, — сказал профессор, протискиваясь к центру комнаты. — Говорят, здесь у вас чудеса.

— С Удаловым разговаривали?

— Что же делать, если вы таитесь. Говорят, что разводите желтых крыс и живых кукол. Так что же произошло?

— Сами поглядите. — Грубин, поддерживая профессора под локоть, подвел его к коробке из-под ботинок.

При виде огромной лысой головы профессора дрессировщица метнулась ко льву, словно ища защиты. Минц замер над коробкой, легонько почесывая кончик носа.

— Откуда? — спросил он наконец.

— Из телевизора, — признался Грубин. — Переборщил я с объемностью. Вот и стали вываливаться.

— А, фантомы, — успокоился профессор. — А я уж испугался, что вы начали опыты по минимализации живых людей.

— Как вам сказать... — возразил Грубин. — Что-то есть в них от живых людей. Даже переживают.

— Любопытно. Но давайте отвлечемся от эмоций.

Профессор протянул руку, чтобы взять дрессировщицу и рассмотреть ее поближе. Лев приподнялся на задние лапы и попытался прикрыть собой девушку.

— Очень любопытно, — повторил профессор, отбросив льва в угол коробки и умело подхватив дрессировщицу двумя пальцами. — Полное впечатление реальности...

— Вы ей не повредите? — спросил Грубин.

— Зачем же вредить? Я вижу, вы загипнотизированы функциональностью этих изображений и опускаетесь на уровень темного Удалова.

— Они же проявляют чувства.

— А чем питаются?

— Ничем.

— Вот видите! Вы, голубчик, оказались в положении зрителя перед телевизором, который верит приключениям, имеющим быть на экране. А это всего-навсего сценарий и операторское мастерство.

— А вдруг это она и есть?

— Не понял.

— Та, что выступала. А вдруг она сюда переместилась?

— Простите, Саша, но с такими мистическими настроениями вам лучше науку бросить. Наука не терпит сантиментов. Идите в поэты, воспевайте фей и русалок, начните верить в привидения и астрологию.

В голосе профессора звучал металл. Для него наука была богом, семьей, возлюбленной, родной матерью — всем. Колебания он рассматривал как предательство.

— Этот голографический фантом я забираю с собой, — сказал Минц. — У вас еще есть?

— Есть еще один, — сказал Грубин. — В том ящике сидит.

— Добудьте еще несколько образцов. Мы должны оперировать не случайными находками, а широким ассортиментом экземпляров.

Дрессировщицу он все еще держал двумя пальцами.

— Вот вам деньги. На три кинескопа. Потом рассчитаетесь. Наука требует жертв. Кстати, загляните потом ко мне, возьмите аргентинский сборник. Там статья Рудольфа Перейры о возможной фантомизации при стереоэффектах. Оттуда сможете многое почерпнуть в теоретическом плане. И еще одно: как только пустите установку, вызовите меня.

От двери Минц обернулся и добавил:

— Я рад за вас, коллега. Вы сделали большое дело. Учиться надо.

Дрессировщица простирала к Грубину ручки. Дверь за профессором захлопнулась. Грубин заглянул в коробку. Лев в отчаянии лежал на дне, положив голову на лапы.

— Нет! — крикнул Грубин, бросаясь за профессором. Он налетел на стол, ушиб колено, опрокинул на пол стопку печатных схем. — Стойте!

Спина профессора была уже в конце коридора.

— Что такое?

— Пускай она пока у меня побудет.

— Вы о ком?

— Пускай девушка у меня побудет. Лев очень переживает.

— Какой еще лев?

— Отдайте, пожалуйста.

— Саша, я поражен, — сказал Минц. — Из вас никогда не получится настоящего экспериментатора. Вы даете чувствам обмануть себя.

Грубин подошел к профессору и протянул ладонь.

— Ах вот что, — насупился профессор. — Ясно... Держите свое сокровище.

Профессор передал девушку Грубину и развел руками.

— Простите, — сказал он сурово. — Я не сразу понял. Но должен вас заверить, что у меня и в мыслях не было примазываться к чужой работе и славе. Так что ваши опасения беспочвенны.

Высказавшись, профессор сердито потопал по коридору, к лестнице.

— Лев Христофорович! — крикнул вслед Грубин. — Вы не так поняли!

— Еще как понял! Не впервые сталкиваюсь с такими настроениями в научных кругах. Деньги можете пока не возвращать. Я не мстителен.

Ступеньки взвизгнули под тяжелыми шагами профессора.

— Эх, — махнул свободной рукой Грубин. — Как вам объяснишь!

Словно муха пробежала по ладони: дрессировщица, сидя там, неловко повернулась и задела его каблучком. «Ну что ж, — подумал Грубин, — настоящего ученого из меня не выйдет. А жаль».

Грубин возвратил дрессировщицу в коробку и сказал:

— Пойду за новым кинескопом. Учти, если не получится, придется тебе остаться тут навсегда. Средства у нас кончились.

Лев прыгал по коробке, как котенок, радовался встрече...

Грубин вернулся через час, склоняясь под тяжестью трех кинескопов. Первым делом он проверил, как себя чувствуют жильцы. В коробке было мирно, а вот журналист исчез. Исхитрился вылезти из ящика. Вот незадача. Сейчас бы работать, каждая секунда на счету, а надо искать беглеца. А то станет жертвой какой-нибудь кошки.

— Что делать? — спросил Грубин дрессировщицу. Как старый знакомый, он рассчитывал на сочувствие.

Дрессировщица вскочила, не понимая, что еще стряслось.

— Пропал твой напарник, — объяснил Грубин. — Сбежал. Где искать — ума не приложу.

Дрессировщица задумалась, а потом показала на льва.

— Предлагаешь использовать? Умница! А то мне без помощников час пришлось бы потратить — видишь, какой здесь беспорядок? Как бы только лев его не покалечил.

Грубин выпустил жильцов из коробки, а сам принялся за работу.

Для дрессировщицы со львом комната казалась минимум городской свалкой в несколько гектаров. Они медленно пробирались сквозь завалы, и порой Грубин терял их из виду. Минут через десять Грубин настолько увлекся любимым делом, что забыл о жильцах. Прошло еще полчаса, прежде чем он спохватился: где же они? Он вскочил, принялся крутиться, осторожно переступая, чтобы не наступить на них невзначай.

Увидел он жильцов в необычном месте. Они сидели в ряд на грубинском галстуке, забытом под столом. Втроем. Дрессировщица увидела в вышине встревоженное лицо Грубина и помахала ему, утешая: продолжай, мол, трудиться, мы уж как-нибудь без тебя разберемся.

Грубин вернулся к установке. Но бывает же так: нужно спешить, а работа не клеится. До позднего вечера бился Грубин. Даже не поел.

Для жильцов время тянулось еще медленнее. Они забрались в

коробку — все-таки свой угол, — о чем-то переговаривались знаками. Порой молодой человек принимался взволнованно ходить из угла в угол, а лев поворачивал голову ему вслед.

Наступила ночь. Грубин не ложился. Ему казалось, что жильцы побледнели. Их электронная структура в любой момент могла отказать — и погибнут люди. Ничего не оставалось, как работать и надеяться...

В половине пятого Грубин не выдержал, свалился на кровать, а когда очнулся, уже наступило воскресенье. Три часа коту под хвост! Он метнулся к коробке, как мать к колыбельке больного младенца. Жильцы спали — лев посередке, люди по бокам, прижавшись к зверю.

При виде этой картинки Грубин смахнул набежавшую слезу. Притащил махровое полотенце, накрыл спящих и обернулся к машине.

— Нет, — прошептал он, — ты покоришься!

Он стиснул зубы и схватил отвертку, словно винтовку. И через час сопротивление телевизора было сломлено. Начали разгораться лампы, дрогнули стрелки приборов, и знакомый гул наполнил помещение.

Главное теперь — не упустить момент. Грубин был как сапер, который ошибается лишь раз. Если кто-то еще вывалится из экрана или перегорит трубка — лучше пулю в лоб.

По экрану пошли цветные полосы. Грубин бросился к коробке, подхватил ее — и обратно к телевизору. От сотрясения жильцы проснулись и хлопали глазами от ужаса и непонимания.

— Держитесь, ребята! — воскликнул Грубин. — Сейчас или никогда!

На просветлевшем экране обозначилась группа поющих детей. Спиной к экрану стоял дирижер. Он находился в опасной близости от рамы, и поэтому, выхватывая из коробки пленников и бросая их без церемоний внутрь, Грубин не спускал с дирижера глаз.

Жильцы так и не поняли, что же произошло. Один за другим они оказались внутри телевизора — дрессировщица, молодой человек и лев. Дети, увидев льва, бросились врассыпную, дирижер отпрыгнул, и хорошо еще, что Грубин его подстраховал — подхватил на лету и кинул обратно... Продолжения этой драматической сцены Грубин не увидел. Раздался страшный треск. На всей улице вылетели пробки, в комнате зазвенели стекла и распространились горелые запахи...

Грубин с облегчением вздохнул и опустился на пол у телевизора. И тотчас заснул. И не слышал, как шумели соседи, стучались к нему, грозили милицией...

Однако на этом история не закончилась.

Грубин прервал опыты. Следовало освоить теорию. Грубин помирился с Минцем, читал журналы. Профессор переводил ему непонятные места с иностранных языков. Чтобы расплатиться с долгами, Грубин много работал, экономил на питании и все ждал того часа, когда создаст базу для новых достижений.

К весне Грубин исхудал, волосы стояли дыбом, глаза провалились так глубоко, что их не было видно. Удалов, который собрался в отпуск, пожалел друга и достал ему соцстраховскую путевку.

Так они попали в Сочи.

Как-то друзья гуляли по городу, и вдруг Грубин замер, словно пораженный молнией.

— Гляди, Корнелий! — вскричал он.

— Что? Где?

— На афишу гляди! Узнаешь?

На афише была изображена дрессировщица. Она стояла, опираясь рукой о гриву льва. Кроме одежды, она во всем совпадала с жиличкой.

— Кто такая? — спросил Удалов.

— Да я ж ее из телевизора вытащил! А ты еще удивлялся.

— Не может быть!

Грубин уже влек Удалова в сторону цирка. Удалов не сопротивлялся. Только бормотал:

— Почему не может быть, очень даже может быть... Скажи, Саша, она в коробке жила?.. Саша, а вдруг она на тебя в обиде?

Чем ближе они подходили к цирку, тем меньше было в Грубине уверенности. О чем они спросят дрессировщицу? Подозревает ли она, что ее уменьшенная копия прожила три дня в коробке из-под ботинок?

Грубин замедлил шаги. Впереди показался цирк.

— Корнелий, — сказал он, — может, домой пойдем?

— Нет уж. Истина прежде всего. Погляди, это не она?

Грубин поглядел вперед. У служебного входа стояла девушка.

— Она.

— Тогда иди.

— Ни в коем случае.

— А то я сам пойду.

— Может, не надо?

Удалов быстро пересек площадь. Грубин остался на месте. Удалов подлетел к девушке, но она его не заметила. Она смотрела в другую сторону. Грубин проследил за ее взглядом. К девушке спешил высокий молодой человек в кожаной куртке. Он поднял руку, приветствуя дрессировщицу. Тот самый молодой человек!

Мысли Грубина носились по кругу, как мотоциклисты по гаревой дорожке. Надо было отозвать Удалова. Но как отзовешь, если он уже вцепился девушке в рукав, и Грубин, хотя стоял в ста шагах, отчетливо, видно, на нервной почве, слышал каждое слово.

— Простите, девушка, но ваше лицо мне знакомо, — это голос Удалова.

— Я вас не знаю, — это голос девушки.

— Что ему от тебя нужно? — это голос молодого человека.

— Может, вы меня в цирке видели? — это голос девушки.

— Нет, я вас в другом месте видел. Вы в доме шестнадцать на Пушкинской улице бывали? — это голос Удалова.

— Мы спешим, — это голос молодого человека.

«Откуда же ей знать о доме шестнадцать?» — это мысли Грубина.

— И вы не знаете моего друга Александра Грубина? — это голос Удалова.

— Простите, не встречала, — это голос девушки.

«Откуда ей знать, как меня зовут?» — это мысли Грубина.

— Тогда простите за беспокойство, — это голос Удалова. — А на афише лев? Это ваше животное?

— Это Акбар.

— Как же, помню, он меня за брюки хватал.

Молодые люди посмотрели на Удалова как-то странно и пошли прочь.

И вдруг, словно ощутив настойчивый взгляд Грубина, девушка посмотрела через площадь. Встретилась с ним взором. Грубин даже сжался.

— Сережа, — сказала девушка. — Откуда мне так знакомо лицо того человека? Очень знакомо. У меня с ним связаны неприятные воспоминания.

Молодой человек взглянул на Грубина. Пожал плечами.

Они пошли дальше. Но через несколько шагов остановился уже молодой человек.

— Ты права, — сказал он. — Где-то я его встречал.

Удалов вернулся к Грубину.

— Пустой номер, — сказал он. — Забудь об этом.

ОПОЗОРЕННЫЙ ГОРОД

Клеймо позора, поставленное судьбой на лбу Великого Гусляра, как и всякое клеймо, несмываемо. В его появлении не обвинишь масонов, сионистов, ЦРУ и мафию.

Сами виноваты.

Но признаться в этом невозможно.

Началось с того, что в окрестностях Великого Гусляра совершил посадку самый обыкновенный космический корабль из системы Сципиона. В корабле был один космонавт, имени которого никто не знает.

Цели у пришельца, по-видимому, были вполне безобидные. Может быть, ему понадобилась крапива, которая считается в Галактике универсальным воспитательным средством, а может, он хотел нарвать ландышей для своей подруги.

Космонавт выбрал безлюдное место в лесу неподалеку от Великого Гусляра, нашел там ярко-зеленую поляну и ударил по тормозам!

Пока корабль медленно приближался к земле, космонавт посмотрелся в зеркало и остался собой доволен. Выглядел он как самый обыкновенный гуслярский грибник. Это на случай, если состоится случайная встреча в лесу. Космонавт строго соблюдал правила невмешательства!

Корабль коснулся земли, трава расступилась, на поверхности появилась черная грязь, и оказалось, что по недосмотру капитана и приборов корабль опустился в небольшую, но глубокую трясину.

Космонавт срочно открыл верхний люк похожего на гигантское серебряное яйцо корабля и выскочил на его последнее сухое место.

Космонавт постоял еще полминуты на макушке корабля. Он еще не терял надежды, что корабль вот-вот коснется дна трясины, но, когда черная грязь стала собираться со всех сторон к его ботинкам, космонавт поднатужился и сиганул на сухой бережок, находившийся метрах в десяти от макушки корабля.

Космонавт постоял минут десять, глядя, как макушка исчезает в трясине, как чавкнула, засасывая его, жижа, как успокоилась, покачавшись, болотная грязь.

Космонавт готов был плакать.

Положение, в которое он попал, можно назвать трагическим.

В десятках световых лет от дома и ближайшей технической станции, совершенно один на планете, куда раньше почти не ступала нога существа из цивилизованной Галактики, он должен был достать из глубокой трясины свой тысячетонный корабль и улететь отсюда, не выходя на связь (это категорически запрещалось) с местными властями и прессой.

Если же не удастся выполнить этой нереальной задачи, ему не остается ничего, кроме самоубийства. А самоубийство было для того космонавта немыслимым и даже отвратительным актом.

Так ничего и не решив, космонавт отправился пешком в Великий Гусляр, по дороге надеясь что-нибудь придумать.

Как каждый путешественник по Вселенной, космонавт учился на курсах выживания. Он мог тридцать две минуты сдерживать дыхание, подниматься с глубины в полкилометра без акваланга, падать с шестого этажа и не разбиваться, умел общаться со встречными на их языках, бегал быстрее американских негров и плавал лучше, чем крокодил.

Он знал о хитростях, к которым можно прибегать космонавтам на чужих планетах.

И вот, размышляя о том, как спастись, космонавт вспомнил об одной хитрости, которая могла ему помочь, если жители Земли были склонны к распространенному в Галактике греху, вернее, скажем, слабости. Следовало проверить свое предположение. Раздумывая об этом, космонавт вошел в Великий Гусляр.

Крайние улицы города застроены одноэтажными домиками с палисадниками, однако по мере приближения к центру дома становятся выше, достигая в самом центре высоты в четыре этажа.

Между домами стоят пережившие антирелигиозную пропаганду церкви, по улицам ездят велосипедисты и мотоциклисты. «Мерседесов» космонавт не заметил, хотя в земных марках машин разбирался отлично.

Направляясь к центру Гусляра, пришелец изучал расположение магазинов и лавок.

Во всех магазинах и лавках космонавт подолгу замирал перед прилавками, разглядывая товары и стараясь понять, какие из них пользуются спросом, а какие не вызывают интереса покупателей.

Наконец он убедился в том, что никто не покупает кофейный напиток «Бодрое утро», изготовленный из экологически чистых продуктов: желудевой муки, жженой коры боярышника и некоторых других любопытных компонентов. Пожалуй, этот продукт годился для психологического опыта.

Космонавт присел на скамейку в садике, что возле церкви Параскевы Пятницы, и стал смотреть на бегущие облака. Вел он себя точно как паук, неподвижно и даже лениво поджидающий свою добычу.

Добыча появилась через десять минут в лице запыхавшейся от тяжелой сумки бабушки, имени которой мы не знаем.

Бабушка просидела молча минуту или две, прежде чем ее сосед обратился к ней с вопросом:

— Давление беспокоит?

Бабушка повернула голову и увидела рядом человека скорее молодого, чем зрелого, но того типа мужчин, которые внушают

доверие именно пожилым женщинам. Из таких выходят замечательные зятья, но никудышные мужья.

— Давление замучило, — согласилась бабушка. — С утра в голове так стучит и стучит, будто поезд идет и никак не пройдет.

— А у моей мамы прошло, как рукой сняло. Сам тому свидетель.

— И что же она делала? — заинтересовалась бабушка.

— Вот не знаю, есть ли у вас в магазинах — средство на первый взгляд странное, можно сказать, никогда не догадаешься, но у моей мамы как рукой сняло.

И тут космонавт замолчал и стал смотреть на облака, будто ничего интереснее в жизни не видел.

— Да вы говорите, говорите, если не скрываете.

— Вообще-то я дал слово маме никому не говорить. Но вам, чувствуя искреннюю симпатию и сочувствие, я открою тайну.

— Я вам обещаю: никому ни слова! — на всякий случай произнесла бабушка.

Молодой человек уже не слушал ее. Словно молитву, словно длинное языческое заклинание, он бормотал:

Растворить в воде горячей
Две-три ложки на стакан.
И считай до сорока:
Суть лечебную обрящешь!

— Как вы сказали? — взволновалась бабушка. Она боялась забыть.

— Вам записать или будем учить? — спросил космонавт. — Кофейный напиток «Бодрое утро».

— Лучше бы записать, память пошаливает.

Космонавт записал четверостишие печатными буквами. Потом сказал:

— Лучше не кипятить. Доведите до кипения, но не кипятите.

— Поняла. — Бабушка с трудом оторвалась от бумажки. — Две-три ложки на стакан, суть лечебную обрящешь!

Она не видела космонавта. У нее была высокая цель в жизни.

Космонавт пошел в гостиницу, обольстил дежурную и получил койку в полулюксе. Там жили еще три человека. Из области.

Не снимая обуви, космонавт улегся на свою койку и стал думать. Думалось хорошо, потому что в разгар трудового дня никого в полулюксе не было.

Первый шаг, сделанный им, еще ничего не значил. Даже в случае удачи. Слух, пущенный таким способом, мог заглохнуть, натолкнувшись на нелюбопытного посредника. Следовало придумать следующий ход в том же направлении. Ведь прежде чем пришелец мог приняться за основную идею, ему следовало сбить город с толку, раскачать его, как лодку, запутать, как ребенка в дремучем лесу.

Нужна была следующая нелепица.

— Эврика! — воскликнул пришелец, поднимаясь с койки после получасового раздумья. — Эврика!

Разумеется, слово «эврика» — лишь приблизительный перевод его высказывания.

Пришелец вышел на центральную улицу и стал разыскивать предмет своей следующей диверсии.

Он подошел к лотку, с которого полная усатая женщина торговала нетипичными для Гусляра фруктами, а именно бананами, ананасами, киви и манго. Три или четыре человека стояли в очереди, не волнуясь, не крича и не боясь, что фрукты кончатся, — такие наступили времена!

Космонавт подождал, пока подойдет его очередь, выбрал гроздь бананов пожелтее и не стал уходить далеко, чтобы скушать бананы тайком, а, наоборот, вышел к детской песочнице, в которой учились возводить замки малыши. Их мамы и бабушки сидели на лавочках рядом.

Подстелив большой носовой платок, космонавт положил гроздь бананов на лавочку рядом с собой. Потом отломил от грозди один банан и медленно, даже демонстративно очистил его. И делал он это так элегантно, что молодые мамы смотрели на него и подспудно думали: как жаль, что судьба выдала мне в мужья Петю или подсунула Васю. Почему бы ей не подождать и не выдать меня за этого скромного, полного внутреннего достоинства человека?

И тут этот достойный человек в мгновение ока разрушил приятный образ.

Очистив банан, он выбросил в урну сам плод, оставив в руке шкурку. И принялся пожирать шкурку со странной, нечеловеческой жадностью.

Только попрошу не думать, будто космонавту это доставляло удовольствие. Наоборот, космонавт в обычной жизни никогда бы не пошел на такой извращенный трюк.

Некоторые мамаши начали ахать, другие отворачивались. А космонавт думал, что для следующего эксперимента ему следует взять куриные яйца. Можно очень эффектно выливать содержимое себе под ноги и хрустеть скорлупой...

Мамаши разочарованно молчали, а чья-то бабушка, держа в руке пачку напитка «Бодрое утро», направилась к пришельцу, чтобы сделать ему внушение. Но сделать внушения она не успела, так как

ее обогнала девочка Вера трех лет. Девочка Вера подошла к дяде, который ел кожуру банана, и сказала:

— Ты дурак, да?

— Нет, — ответил космонавт, с радостью прислушиваясь к тишине, упавшей на садик. — Я не дурак.

— Зачем ты кожуру кушаешь? Надо кушать банан.

— Ты не права, девочка, — ответил космонавт. — Я ем то, что полезно.

— Тогда ты ешь, что полезно, а мне дай, что неполезно. — И девочка Вера показала на остальные бананы. Тут ее мама, приятного вида, склонная к полноте крашеная блондинка, подбежала к пришельцу, подхватила Верочку и потянула ее прочь, сказав при этом:

— Вы уж простите ребенка, она у меня такая впечатлительная.

— Вот, — сказала бабушка с пачкой «Бодрого утра». — Так вот детей портют. Показывают им какие-нибудь глупости, а они повторяют.

— Ах, — удивился пришелец, — вы, наверное, не читали книги профессора Полежаева «Живите долго, живите с удовольствием»?

— Нет, не попадалась, — сказала бабушка, с некоторым ужасом глядя на то, как молодой человек очистил второй банан, снова выбросил серединку, а жует шкурку.

— Там черным по белому сказано на основе статистики. Именно кожура банана обладает удивительным омолаживающим эффектом. Люди, регулярно принимающие по четыре кожуры ежедневно перед едой, не только приобретают, извините, удивительную потенцию в любви, но и все морщины на них разглаживаются, не говоря о надпочечниках.

— Вот уж, — сказана бабушка с презрением, — люди скажут!

— А вот вы попробуйте купить в Японии банан! — сказал космонавт. — Да что в Японии — поезжайте в Москву. У нас там за бананами с вечера очереди выстраиваются.

— Ну уж и вправду... — пропела бабушка.

Одна из мамаш потянула своего ребеночка к выходу из садика.

— Ты куда, Дуся? — спросила ее товарка.

— Так пора уже, у меня Георгий через полчаса прийти на обед должен.

И сказала она это таким лживым голосом, что остальные поняли — Дуся спешит скупить все бананы.

Понял это и космонавт, который ласково кинул вслед Дусе:

— Помногу кожуры зараз опасно! Может произойти катастрофическое омоложение организма.

Со свойственной русскому народу отзывчивостью Дуся крикнула в ответ:

— Не учи ученую!

Этот крик как бы послужил сигналом прочим женщинам собирать своих детей и покидать садик.

Последней ушла бабушка, прижимая к груди пачку «Бодрого утра».

Космонавт вытянул ноги в купленных с утра ботинках фирмы «Саламандер», о чем давно мечтал, и, потянувшись, стал придумывать новую каверзу для гуслярцев.

Следовало охватить опасными слухами иные слои населения.

Для этого космонавт пошел к винному магазину.

Прошли те времена, когда за водкой люди давились, убивали друг друга. Теперь ее — залейся.

Но, несмотря на это, у гуслярских любителей спиртного есть прочная память о местах, с которыми связаны светлые воспоминания. Главное такое место — винный отдел гастронома № 1. И чего сюда только не привозили! И чего здесь только не выбрасывали, и за чем здесь только не давились! Святое место. Разве можно покупать теперь водку в другом магазине, даже если она везде без очереди?

— Что любопытно, — сказал космонавт, обращаясь к людям у витрины, — что любопытно, так это нарушение технологии.

— А в чем дело? — недоверчиво спросил человек с детским прозвищем Красноносый Олень. Сейчас не время и не место объяснять, при каких драматических обстоятельствах Вениамин Уткин потерял свое имя и приобрел индейское прозвище.

— Газеты читать надо, — сказал космонавт строго. В этой аудитории приходилось говорить строго, другой речи многие не понимали.

— В газетах ничего уже нет, — заметил Погосян. — Газеты все продались.

— А «Экспертизу» вы читали? — спросил, не смущаясь афронтом, пришелец.

— Это какую такую экспертизу?

— В «Экспертизе» — приложении к «Известиям» сказано, что сейчас по всему миру ищут виноватого. Из-за конкурентной борьбы водка «Российская» уже вторую неделю выпускается на два градуса крепче, чем раньше. В ней, вы мне не поверите, сорок два градуса!

— Врешь, — сказал тогда Красноносый Олень. — Я вчера ее пил. Водка как водка.

— То-то тебя вчера в канаве видели, — заметил Погосян.

— Вот видите, — сказал пришелец. — Не выдержал товарищ.

Вы же понимаете, что не водка важна. Лишний градус — вот что человека ломит!

— А то! — сказал человек из толпы.

— «Российская», — сказал пришелец, — но не любая «Российская», а только с зеленой этикеткой.

Тут мимо прошли две девушки, которые на ходу, оживленно беседуя, жевали шкурки бананов. Зрелище было настолько необычным, что собеседники на минуту забыли о водке, а космонавт порадовался тому, что его действия уже начали приносить плоды.

— На два градуса, говоришь? — спросил Погосян, человек доверчивый и простой. — Это что же получается?

— А получается, что ты выпил литр. А на самом деле не литр, а литр и пятьдесят грамм, — пояснил человек из толпы.

— Бесплатно? — спросил Красноносый Олень.

— Вот именно, — сказал пришелец и отправился дальше смущать город подобно дьяволу, хотя, конечно же, дьяволом он не был, а был самым простым бухгалтером, который нечаянно попал на чужую планету и должен был с нее улететь.

Беспокойство, царившее в человеческом муравейнике, космонавта радовало. Его прикидки оказались правильными, интуиция его не обманывала. Но для того чтобы нанести городу Великий Гусляр последний сокрушительный удар, требовались время и дополнительные мозговые усилия.

Любой город, как живой организм, обладает венами и артериями. Это улицы. А наполнение их — кровь города, его обитатели. Направление потоков всегда определенно и полезно. Утром люди несутся на работу, заполняя артерии и средства транспорта, днем неработающие и работающие ходят по магазинам, вечером по венам стекаются к своим жилищам, а потом порой покидают их снова, совершая вылазки в кино или на дискотеку.

Пришелец же занимался тем, что эти потоки перекраивал, чтобы организму стало невмоготу и он запутался в действиях своих эритроцитиков.

Дикая очередь, как тромб, собралась у двух магазинов, в которых обнаружился кофейный напиток «Бодрое утро». Опустошив ларьки с бананами, толпа женщин, в основном молодых, скопилась у речной пристани, потому что им сообщили, что там, в слободе Заречной, в ларьке у Кавиньякяна еще остались бананы.

Мужчины носились от лотка к лотку, разыскивая «Российскую» в сорок два градуса крепостью...

Оставались неохваченными дети.

— Сегодня, — сказал пришелец, наклонившись к третьекласснику, — в клубе речников будут показывать восемнадцать серий про черепашек ниндзя, но бесплатно...

Так что к обеду во многих семьях не дождались своих родных мальчиков и девочек.

Ну а пожилое поколение мужского пола?

Для них пришелец не пожалел денег, купил корзину белых грибов, для чего пришлось опустошить весь рынок, затем встал на автобусной остановке в самом центре и каждому интересующемуся выдавал бумажку с планчиком. А на планчике было показано, где расположены буераки, в которых космонавт якобы собирал белые грибы, которых там осталось на два грузовика.

Последним ударом того утра было сообщение, сделанное пришельцем Корнелию Удалову. Хотя пришелец, конечно же, не догадывался, что имеет дело с самим Корнелием Удаловым, которого на дешевой иноземной мякине не проведешь.

— Странно, — сказал он, подойдя к Удалову, который ждал автобуса на углу Пушкинской. — Я такого еще не видел.

— Чего *не видели? — из вежливости откликнулся* Удалов.

— Такого всплеска. Двадцать лет рыбачу, но чтобы так плеснуло — даже не представлял, что это возможно.

Каким шестым чувством пришелец угадал, что Удалов — завзятый рыболов, неизвестно. Но Удалов сразу насторожился.

— Где? — спросил он.

— Да вон там пруд. Видите — церковь, а за ней пруд.

— Да что вы! — засмеялся Удалов. — Какой еще всплеск? В том пруду только лягушки водятся.

— Странно, очень странно, — подумал вслух космонавт. — Я на берегу сидел, а он прямо у моих ног прошел.

— Кто?

— Сом. Небольшой, метра полтора, но я его видел собственными глазами. Не был бы я здесь проездом, взял бы спиннинг и порадовал бы семью славным уловом. Благо что далеко ехать не надо.

Тут *подошел автобус.*

Удалов, который этого автобуса ждал, остался стоять на мостовой и хлопать глазами, а пришелец спокойно вошел в автобус, где повторил рассказ о соме двум молодым бездельникам, которые подняли пришельца на смех, а на следующей остановке соскочили.

Так что когда Удалов, поборов в себе сомнения, прибежал к пруду с удочкой и сачком, на берегах его, словно лягушки, сидели двадцать шесть рыболовов разного возраста.

Удалов плюнул, но уселся, раздвинув локтями конкурентов помоложе.

Теперь, когда город пришел в состояние организма, схватившего свинку в тяжелой форме, космонавт решился на главный трюк.

От этого зависела его судьба.

И судьба зависела от того, готов ли Великий Гусляр добровольно кинуться в пропасть позора и унижения.

Здесь ошибок быть не могло. Космонавт, как и сапер, имел право лишь на одну ошибку. И она может стать роковой.

Ему были нужны мужчины. В расцвете сил.

Мужчины стояли возле стадиона «Речник» и лениво рассуждали о шансах одноименной футбольной команды. До начала матча оставалось более получаса. Сначала космонавт прислушался к беседе. Беседа, как он и рассчитывал, не имела к футболу никакого отношения.

Разговоры в семьях, пораженных недугом сплетни и слуха, запутанных в паутину сомов, банановых шкурок, напитка «Бодрое утро» и еще трех или четырех мероприятий, запущенных инопланетянином, проходили на редкость однообразно, но эмоционально и закончились не в пользу мужчин. И мужчины совершенно потерялись, верить или не верить... А кому верить? Очень хотелось верить. Русскому человеку всегда хочется верить, и всегда находятся люди, которые говорят ему: «Верь мне, Иван Иванович! Я те укажу!»

— Но что интересно, — вмешался в разговор космонавт, — Удалов таки сома в пруду взял! Метр двадцать. Я видел.

— Двух сомов, — поправил космонавта мужик в синем тренировочном костюме.

— И щуку, — сказал третий.

— Щуки не было, — сказал человек в синем костюме. — Я его видел. Два сома и осетр.

— Да какой осетр! — озлился юноша в американской каскетке. — Откуда в той луже осетру быть! Там одни пиявки водятся.

— И что, сома не взял, сома не взял? — разозлился человек в синем.

— Ну, сома взял, — признал парень, чтобы не схлопотать по затылку.

— Это что, — остановил его жестом бывший спортсмен с лиловым лицом пьяницы. — А вот машину с белыми грибами видели?

Начался спор. Некоторые видели, другие не видели или не верили...

— А я вот тоже в это не верю, — сказал космонавт громко, так что остальные замолчали. — Хоть я и приезжий, но меня удивляет, сколько всякой чепухи про вас люди распространяют. Честно говоря... — Тут космонавт запнулся, вытер вспотевший лоб, и все окружающие вдруг поняли, что если до этого незнакомец и не врал, то намеревается врать. — Честно говоря, я боюсь — пойду завтра на болото за редкими растениями, а кто-нибудь у вас вспомнит эту глупую сказку и за мной увяжется. А я не выношу некомпетентных попутчиков. Не потому, что золота жалко, нет, не жалко мне золота, а вот некомпетентности не выношу.

С этими словами пришелец повернулся и пошел прочь, а все болельщики, числом более двадцати, кинулись за ним и, окружив, отрезали ему пути к отступлению.

— Я вас попрошу, — сказал человек в синем тренировочном костюме, явный лидер по психологическому типу. — Какие такие редкие растения?

— Руки прочь! — воспротивился допросу инопланетянин.

— А ты документ покажи на редкие растения! — кричал мужик, метр с кепкой, борода из ушей.

— Из ЦРУ он, из ЦРУ!

Космонавт с удовлетворением отмечал, что разнообразие и сила слухов растут на глазах. Завтра весь город будет говорить, как агента поймали — воду в пруду травил, плевал в колодцы.

— Да какие растения! — вздохнул, сдаваясь, незнакомец. — Конечно, я за канистрой приехал. За канистрой от бронепоезда.

— Говори! — строго приказал мужчина в синем. Остальные быстро и мелко дышали.

— Только чтобы никому ничего! — велел космонавт. — Это сами понимаете.

— Понимаем, понимаем, как не понять, — поспешили с ответом слушатели.

— В революцию в болото кинули. Вывозили на бронепоезде казну Северного фронта. Но красные настигали. Понимаете? Они туда, красные — туда! Они сюда, красные — сюда! И тогда генерал Миллер приказал кидать канистру в болото!

— Повторите фамилию генерала, — попросил старичок, похожий на лабораторную белую мышку. Он держал блокнот и хотел записать.

— Только без записей! — предупредил космонавт, и соседи накинулись на старичка, отобрали блокнот, а самого его выгнали пинками из группы окружения.

— У меня карта есть, — сказал инопланетянин. — Кто смотреть хочет? Только чтобы один.

— Я буду смотреть, — сказал человек в синем.

— Нет-нет, выборы! Надо выбирать делегатов! — возразил метр с кепкой.

— Вот карта, — сказал космонавт и достал из кармана заранее заготовленный листок.

Он стал объяснять по листку, в какой части болота лежит канистра с золотом, остальные подглядывали через плечо пришельца, сопели, но ничего не понимали.

— Ты нас веди, — сказал старичок из заднего ряда.

— Зачем же я вас поведу? — удивился пришелец. — Мне экскаватор нужен, а не толпа оболтусов. Мне лопаты нужны, насосы. Мне техника нужна!

— Так техника туда не пройдет! — крикнул метр с кепкой.

— Посмотрим, — сказал пришелец. — В случае чего по трупам.

Это заявление многих воодушевило. Значит, вождь им попался серьезный.

— А ведь точно, — сказал старичок из заднего ряда. — Помню, были такие разговоры в двадцатые годы. Я тогда еще был пацаном, но помню.

Не прошло и часа, как с шоссе на восьмом километре съехали на проселок экскаватор, три самосвала, ассенизационная машина с большой гофрированной трубой, чтобы отсасывать жижу, автокран, «газик», а за этой собранной непонятно откуда и непонятно как техникой спешили пешеходы с лопатами, граблями и садовым инвентарем.

Машины завязали в грязи на проселке, люди вытаскивали их на плечах, ухали, матерились, боролись, но не сдавались. Казалось, они форсируют Днепр. Но не получилось бы такого массового ослепления, если бы город не был подготовлен, размягчен, встревожен и приведен в смятение лавиной слухов, которые на него были обрушены.

Пришелец даже не стал вмешиваться в организацию работ. Только показал круглое пятно трясины, где следовало искать канистру, а остальную руководящую деятельность препоручил человеку в синем тренировочном костюме.

Люди выстроились в цепочки. Одни помогали экскаватору рыть отводные каналы, другие вместе с ассенизационной машиной отсасывали жижу, третьи грузили самосвалы... Всем нашлось дело. И все были охвачены тем самым трудовым порывом, в котором человек забывает, ради чего он вкалывает столь самоотверженно. Главное — работать!

Через час трудов над поверхностью болота показалась макушка схожего с гигантским яйцом космического корабля. Все восторженно завопили, понимая, что это и есть канистра.

— Теперь удвоим осторожность, товарищи! — заявил пришелец и приказал экскаватору перенести себя в центр жижи.

Там он под рукоплескания товарищей по труду спрыгнул на свой корабль.

— Удвоим усилия, друзья! — крикнул он. — Конец близок. Сокровища уже почти у нас в руках.

Некоторые стали спрашивать, что он там мелет о сокровищах, ведь ловим осетрину, а другие решили, что сейчас пойдут белые грибы, — много было предположений.

Совершенно спокойно пришелец открыл верхний люк, забрался в корабль, который был уже наполовину освобожден от грязи.

Все настороженно замолчали.

Почувствовав неладное, пришелец высунул голову из люка и крикнул:

— Отойти на двадцать шагов! Мною обнаружена мина! Пока не обезврежу, не подходить!.. Прекратить работы! Ну, кому я говорю — отведите экскаватор, машину, чего доброго, погубим!

Все подчинились, а метр с кепкой крикнул пришельцу:

— Осторожнее обезвреживай, береги себя!

— Береги! — поддержали его разные голоса.

Растроганный пришелец задраил люк, через перископ проверил, нет ли близко зрителей. К счастью, все послушались его — отошли на сухое место, расселись вокруг болотца на корточках.

«Прощайте, друзья!» — мысленно произнес пришелец.

Космический корабль не сразу, а после минутной схватки с грязью вырвался вверх и, увлекая за собой черные потоки болотной жижи, рванул к небу... Еще через минуту он скрылся из глаз.

...Много любопытных историй расскажут вам в Великом Гусляре. Но никогда вы не услышите рассказа о том, как гуслярки жевали банановую кожуру, пили напиток «Бодрое утро», а их мужья ловили осетров в пруду или запускали из болота канистру с золотом.

Правда, нет-нет, да вдруг какая-нибудь красотка съест шкурку банана и выбросит сердцевину. А еще кто-то почти нечаянно опустит леску в пруд... Но это исключения, атавизм.

ЯВЛОНЯ

— Прошу обратить внимание.

Было похоже на научно-популярный фильм, где замедленной съемкой вам показывают, как распускаются цветы и зреют ягоды. Зеленый тонкий росток вылез из земли и начал на глазах набирать силу, крепнуть, толстеть, подрастать, и люди поняли, что оторвать глаз от такого зрелища нельзя. Оно притягивало так, как притягивает горящий костер или ровный бег прибоя.

Из оцепенения вывел резкий голос Минца:

— Грубин, срочно ко мне в кабинет! Под столом лежит бумажный мешок. Только не рассыпь. Удалов, еще воды!

В голосе Минца была такая уверенность в своем праве приказывать, что Удалов с Грубиным со всех ног бросились выполнять приказы. К тому времени, когда Грубин приволок бумажный мешок, зеленый росток достиг десятисантиметровой высоты и выпустил несколько листочков. Земля вокруг стала сухой и пошла трещинками. Минц первым делом опрокинул на росток ведро воды, знаком прогнал Удалова за следующим, а сам взял у Грубина мешок и пояснил:

— Удобрения.

Видно, росток нуждался в помощи. Сразу стало заметно, что внизу, возле земли, стебель стал коричневеть и покрываться тонкой корой.

— Можно передохнуть, — сказал Минц. — Удалов польет.

Он отошел к столу, сел на скамейку так, чтобы не выпускать растения из виду.

— Это из семечка? — обрел наконец голос старик Ложкин.

— Вот именно, — улыбнулся Минц. — Из самого обыкновенного семечка — самая обыкновенная яблоня.

— И яблоки будут? — спросил растерянно Погосян.

— И яблоки.

— А когда?

— Часа через полтора, — сказал Минц. — Этот сорт относится к числу поздних.

Когда через час с рынка вернулась Ксения Удалова, она застала странную картину. Мужчины сидели за столом для домино и глядели, как на могучей раскидистой яблоне, выросшей посреди двора за то время, пока ее не было, наливаются зеленые плоды. Ксения окинула мужчин подозрительным взглядом, полагая, что они напились и потому яблоня мерещится им так сильно, что этот бред оказывает влияние и на нее. Среди мужчин она сразу углядела профессора Минца, но не увидела мужа. Потому спросила:

— Где Корнелий?

— Я тут, — ответил Корнелий.

Он бежал через двор с двумя полными ведрами.

— Я тут, кисочка, — повторил он, выливая воду под яблоню. — Ты хотела что-то спросить?

— Я только хотела сказать, что гулянки не доведут тебя до добра, — сказала Ксения и пошла домой.

А Минц между тем рассказывал:

— Я подумал: если в растениях заложена информация, когда им

расти, когда распускать листья и когда плодоносить, то мы, люди, этой информацией можем воспользоваться. При условии, что моя догадка верна.

— Какая догадка? — спросил Ложкин.

— А что, подумал я, — ответил Минц, — если в информации закодированы не приказы, не разрешения, а запреты? Представьте себе ребенка. Он видит кучу шоколадных конфет, которые выложили на стол, потому что родители ждут к чаю любимую тетю. Ребенок топает к столу и тянет свою лапку к конфете. Ну ладно, одну ему еще разрешают съесть. А как потянулся за второй, ему сразу — шлеп по ручке! Остановись. Конфеты плохо влияют на здоровье и вызывают диатез. Может, в самом деле родители в тот момент думают не о диатезе, а о том, что тетя останется без конфет. Не важно. Родители выполняют свою биологическую функцию — запрещать излишества. Подумайте, смысл воспитания на девяносто процентов в запретах. Не будь их, человечество давно бы вымерло от обжорства или простуды. У растения нет таких родителей, которые бы велели ему не плодоносить или сбросить листья, потому что их все равно погубит мороз. Некому их учить жизни, кроме собственных клеток, кроме тех внутренних воспитателей, которые заложила в них природа. Вам понятен ход моих мыслей?

Все согласились, что понимают. Поглядели на яблоню. Яблоки начали желтеть, и некоторые даже покраснели по бокам.

— Итак, представил я... Слушайте внимательно. Итак, представил я, генетический код, который регулирует жизнь любого растения, играет роль неутомимого и строгого родителя. Растение хочет вырасти быстро. Но родитель говорит: и думать не смей. Откуда ты возьмешь столько воды и питательных веществ, чтобы в два часа вымахать до самого неба? Ты погибнешь от жажды и голода. Терпи, расти год за годом, не торопись, жизнь имеет свои прелести. Любуйся, упрощенно говоря, закатами и восходами. Растение хочет любви и плодоношения, а родитель ему говорит: погоди. Все вокруг ждут осени, чтобы принести плоды. Не высовывайся, поджимай корешки и погружайся в спячку.

Тут Минц насупился, видно, пожалел растение. Насупились и его слушатели.

— Да, судьба, — сказал Удалов и почему-то посмотрел с опаской на собственные окна.

Из окна выглянула сердитая Ксения, поглядела на яблоню. Яблоня ей не нравилась. Яблоне быть на дворе не положено. И не положено яблоням в мае сгибаться под тяжестью зрелых плодов. Ксения погрозила Удалову пальцем, и тот быстро отвернулся.

— Может, все это и хорошо для диких растений, которые живут

без помощи человека и с ним, можно сказать, не общаются. Совсем иначе обстоит дело с домашними растениями. Им-то чего слушаться своего родителя? Им надо служить нам беспрекословно. И тогда я взял отросток кактуса, который растет у меня на окне. Видели?

— Видели, — сказал Ложкин. — Только я латинское название забыл.

— Не важно, — сказал Минц. — Не в названии дело.

И все строго поглядели на Ложкина, потому что и в самом деле латинское название ничего не меняло.

— Обработал я его химическим путем. Сделал срез. Нейтрализовал фактор запрета, скажем, снял с растения инстинкт самосохранения. И что же?

Все молчали. Не смели прерывать.

— Я угадал, — сказал Минц скромно. — Через час на моем новом кактусе распустился цветок. Правда, он цвел недолго...

Минц указал пальцем на яблоню, на землю вокруг нее, еще засыпанную лепестками.

— Вот и все, — сказал Минц. — Дальнейшее ясно.

Он поднялся с места и сделал шаг к яблоне. Протянул руку к ближайшему яблоку. Дернул. Яблоко послушно отвалилось от черенка и осталось на ладони ученого. Минц обернулся, чтобы отдать яблоко Удалову, но в этот момент другое яблоко, сорвавшись с вершины дерева, ударило Минца по лысине. Он резко отскочил в сторону. Но еще два или три яблока успели его задеть. Красные сочные яблоки раскатывались по земле, по двору, и это было удивительное осеннее зрелище. Минц сказал:

— Столкновение головы с яблоком порождает не только болевые ощущения, но и усиливает мыслительные процессы. Мне надо идти.

И Минц поспешил к себе в кабинет, потому что в голове его рождалось новое изобретение, о котором еще было рано говорить.

Листья яблони желтели на глазах и начали осыпаться. Ложкин пошел за корзиной. Соседка Гаврилова пришла с кастрюлей. Наконец соблаговолила спуститься и Ксения. С ведрами. Она с опаской поглядывала на странную яблоню, но плоды все же собирала.

Чтобы не объясняться с женой, Корнелий Удалов сунул в карман яблоко. Ему хотелось поговорить с людьми о загадках генетики. Ему хотелось о них размышлять. Так он дошел до парка. Вечерело. В пивном баре было пусто. Корнелий взял кружку пива, соленую сушку и отошел в сторонку. Там, у высокого столика, стоял знакомый ему Иван Пузилло, которого он угостил яблоком и ко-

торому рассказал о событиях прошедшего дня. Пузилло кивал головой, слушал, но думал о своем.

— Ты ешь, — говорил ему Удалов. — Видишь, какое сочное. По всем параметрам настоящее.

Пузилло кивал.

— Перспективы понимаешь? — спросил его Удалов. — Ты их не понимаешь на своем посту директора бани. Мы же с Минцем совершим переворот в сельском хозяйстве.

— Я уже не директор бани, — сказал Пузилло. — Меня перекинули.

— Не суть важно, — сказал Удалов. — Не перебивай. За день наша яблоня даст пять-шесть урожаев. Понимаешь? Возьмем яблоневый сад. Обычных размеров. За сезон — тысяча урожаев. Может, полторы тысячи. Многотонные составы с яблоками и грушами мчатся из Великого Гусляра во все концы страны...

— Многотонные? — спросил Пузилло печально. — Может, не надо?

— Надо. Научный прогресс не затормозишь, — возразил Удалов. — Кроме того, начинаем разводить ананасы. Выбираем жаркий день, за этот день — тридцать урожаев с куста. Пять тонн с гектара. И это в наших условиях, в северной России. Теперь возьмем бананы...

— Этого я и боюсь, — сказал Пузилло. И пошел куда-то.

— Не веришь? — крикнул вслед Удалов. — Приходи к нам во двор. Там первая яблоня растет. Завтра высаживаем на опытном участке.

Тут Удалов заметил, что совсем стемнело, и поспешил домой. Яблоня стояла посреди двора и в сумерках казалась куда более могучей, чем днем.

— Ага, — сказал Удалов, поднимаясь к себе. — Следующий шаг — разведение строевого леса. Утром посадили — вечером готово бревно. Надо будет завтра с Минцем побеседовать. И про ананасы не забыть. Давно хочется побаловаться ананасом.

На лестнице Удалов столкнулся со своей супругой Ксенией. Она несла в руках таз и громко требовала отдать ей на расправу этого самого профессора. Удалов еще не знал, в чем дело, но на всякий случай начал отступать. Далеко он отступить не успел, потому что с улицы ворвалась соседка Гаврилова с большой кастрюлей.

— Издевается? — спросила она. — Издевается над одинокой женщиной.

Женщины остановились перед дверью в квартиру Минца. Удалов осторожно последовал за ними.

— Открывайте, Лев Христофорович, — сказала Ксения притворно ласковым голосом. — Поглядите, что вы натворили.

Минц приоткрыл дверь. Был он в халате и шлепанцах, готовился отойти ко сну.

— Простите, — сказал он. — Чем могу служить?

— Глядите, — сказала Ксения. — Глядите, предатель!

Она подняла таз и подставила его к самому носу Минца.

— Что это? — спросил он.

— Что? Это у вас надо спросить. Час назад это были яблоки.

Удалов протиснулся сквозь толпу сбежавшихся соседей. Заглянул в таз. Таз был полон бурой жижей.

— Только я собралась их ребенку предложить, — говорила Гаврилова, — только собралась... хорошо еще, что не успела.

— А я варенье сварить хотела.

— Ах! — сказал Минц. — Я все понял. Я во всем виноват. Старый дурак. Ну кто же мыслит только до середины? Кто, я спрашиваю?

— Что случилось? — спросил Ложкин. — Объясните, не таитесь.

— Все просто. Мы сняли ограничения с растений. Растения в считаные часы достигают половой зрелости и дают плоды. Но ведь ускоряется все! Понимаете, все! Значит, и гниют их плоды в тысячу раз быстрее. Все, что быстро растет и быстро зреет, так же быстро умирает и рассыпается в прах... Простите меня, люди.

Наступила тишина. Даже буйная Ксения поняла, что профессор не хотел никому причинить зла... И тут все услышали, как во дворе раздаются короткие злые удары. Удалов первым выбежал наружу. В синеве сумерек он увидел, что перед яблоней стоит Пузилло и машет топором, вонзая его не очень умело в толстый узловатый ствол старой яблони.

— Остановись! Что ты делаешь! — крикнул Удалов. — Это же эксперимент! Это же народное добро!

Пузилло словно не слышал. Он еще раз взмахнул топором, и яблоня, обламывая безлистные ветки, тяжело рухнула на землю.

— Варвар! — закричала Ксения. — Мы тебя засудим.

— Судите меня, люди, — сказал Пузилло, роняя топор на землю. — Но у меня не было другого выхода.

— Почему же? — спросил профессор Минц.

— Потому что я пять дней назад назначен директором плодоовощной базы.

— И что?

— А то, что помещение у нас небольшое, скромное. Мне вчера уже грозили выговором за то, что я не успеваю урожай обработать.

Растить яблоки — это каждый может. А вот сохранить их попробуйте...

Заведующий базой Пузилло замолчал, понурив голову. Минц подошел к нему и положил руку на плечо.

— Я вас понимаю, — сказал он. — Вы не преступник, а человек, попавший в тяжелые обстоятельства и не нашедший выхода. Но не беспокойтесь. К сожалению, выговор вам не грозит.

— Вы отказались? — воспрял Пузилло.

— Мы отказались, — вздохнул Минц. — Временно. — Он поставил ногу на толстый ствол яблони, и нога провалилась внутрь ствола. Ствол оказался трухлявым...

«Со строевым лесом тоже придется подождать», — подумал Корнелий Удалов. И все же ему очень хотелось побаловаться ананасом.

СИЛЬНЕЕ ЗУБРА И СЛОНА

1

— Вам письмо, Мишенька, — прошелестела редакционная секретарша, беленькое пушистое существо с детским точным прозвищем Курочка.

Миша Стендаль поморщился. У него сидел пенсионер с жалобой, шел солидный разговор о водопроводе, пенсионер величал Мишеньку по отчеству, так что обращение Курочки было неуместным.

— Положите на стол, Антонина Панфиловна, — сказал Миша.

Курочка вспыхнула от такого афронта и обиженно уцокала каблучками из комнаты. Миша вздохнул и обратился к пенсионеру:

— Продолжайте, я слушаю.

А сам покосился на письмо. Письмо было личное. «Гор. Великий Гусляр. Редакция газеты «Гуслярское знамя». Т. Стендалю М.А.».

Но главное — обратный адрес. Стендаль даже перестал слушать пенсионера, только поддакивал и ждал момента, когда можно будет письмо вскрыть. Обратный адрес был такой: «Гуслярский район, Заболоцкое лесничество. Зайке Терентию Артуровичу».

Терентий Зайка был старым знакомым Стендаля, представителем семейства талантливых изобретателей. Месяца три назад Зайка приезжал в город на самоходной русской печи своего изобретения, и тогда Стендаль написал о нем яркий очерк, который был перепечатан в сокращенном виде в областной газете.

Стендаль давно просился к Зайкам в гости, ждал приглашения. И вот письмо...

Наконец пенсионер ушел. Стендаль сразу потянулся к письму, вскрыл его и прочел следующее: «Здравствуй, дорогой друг Михаил Бальзак!» Слово «Бальзак» было аккуратно вычеркнуто и поверх написано «Стендаль». Терентий вечно забывал, с каким великим писателем Миша однофамилец, — рассеянность, простительная для самородка.

«Пишет тебе Терентий Зайка, если вы меня не забыли. Жизнь у нас тихая, природа начинает оживать после зимней спячки, хотя до весны еще не близко. Зимний период для нашей семьи выдался занятый. Надо подготовиться к лету, к борьбе с лесными пожарами, вредными насекомыми и туристами, подкармливаем диких животных, ведем текущие дела и немало времени отдаем научной работе. Как вы знаете, Миша, наш батя Артур Иванович, мой брат Василий и лично я склонны к размышлениям. Раза два приезжали корреспонденты, жаль, что тебя с ними не было, но мы с чужими людьми держим себя сдержанно, потому что некоторые из них гоняются за сенсацией. Печка наша на ходу, не жалуемся. Последние три месяца мы посвятили биологии. Кое-чего добились. Если тебе интересно, приезжай к нам в субботу или воскресенье, буду ждать тебя с нетерпением, адрес ты знаешь.

Остаюсь преданный тебе друг Терентий».

От Гусляра до Заболотья полтора часа на автобусе, а оттуда до кордона по проселку час пешком, если не будет попутки.

Когда Стендаль, одурев от долгой езды и духоты, выбрался из автобуса, его ждали.

Стоял хороший, яркий, морозный, искристый мартовский день. Солнце светило по крышам, бросало сиреневые тени от голых деревьев на серебристый снег, посреди площади стояла большая беленая — на снегу не сразу различишь — русская печь. В печке трепетал огонь, из трубы тянулся прозрачный дымок, рядом с печкой стоял Терентий Зайка собственной персоной в темном костюме, при галстуке, в блестящих ботинках.

— Эй! — обрадовался корреспондент. — Терентий! Какими судьбами? Не простудись!

— Здравствуйте, Миша, — ответил Терентий. — А я за вами.

По площади шли люди, бежали дети, никто не обращал внимания на русскую печь, на которой приехал Терентий. В округе привыкли к чудачествам Заек, но уважали за талант и добрый нрав.

В истории человечества встречаются гениальные изобретатели. Порой они имеют обыкновение уединяться для того, чтобы готовить гибель всему живому, или сходят с ума от одиночества. Совсем иное дело Зайки. Эта дружная семья состоит из Артура Ивановича, его сыновей Василия и Терентия, а также из Васиной жены Клавдии. В обыденной жизни эта семья ничем не отличается от окружающих. Василий и Терентий окончили в Заболотье среднюю школу, отслужили в армии, работают, учатся заочно в лесотехническом институте. Василий в этом году защищает диплом. Артуру Ивановичу не пришлось получить высшего образования — война помешала. Однако он начитан, способен к иностранным языкам. В лесной глуши выучил английский, французский, японский, хинди, санскрит, латынь и некоторые другие. Полиглотство Артура Ивановича не пустое, оно направлено на чтение журналов и научной литературы. Василий и Терентий — верные помощники отцу и мастера золотые руки. В силу того, что они работают коллективом, Зайкам удалось сделать некоторые изобретения, которые не по зубам целым научно-исследовательским институтам как у нас, так и за рубежом. Клава в этом коллективе служит здоровой оппозицией, критическим центром. Если она признала новую работу, работе открывается широкая дорога. Если забраковала, лучше сменить тему.

Есть в деятельности Заек и недостаток — мало кто с ней знаком. Виной тому излишняя скромность. Они даже порой заблуждаются, полагая: если даже что-то изобрели, все равно в больших городах это давно известно.

Терентий принял у гостя из рук тяжелую сумку с гостинцами и покачал головой:

— Зря вы себя так утруждали, Миша.

Стендаль забрался на лежанку, укутал ноги тулупом, Терентий подбросил в печку дровишек. Печка немного приподнялась на воздушной подушке, накренилась, сильнее потянуло дымом. Терентий сидел спереди, свесив ноги и управляя изящно вырезанными из дерева рычагами.

Печка шла мягко, километров сорок, не больше, ели покачивали темными лапами, белки выбегали на дорогу, приветствовали лесника взмахами хвостов.

— Ой! — сказал Стендаль. — Погляди.

На краю дороги стоял бурый медведь оранжевого цвета. Медведь сложил на животе лапы и мычал, покачивая головой.

— Что, красиво? — спросил Терентий, притормаживая.

— Красиво? Да медведь-то оранжевый.

— Ясное дело, оранжевый, я не дальтоник, вижу.

Терентий метнул в медведя бубликом, тот подхватил подарок и удалился в лес.

— Мы преследовали две цели, — сказал Терентий, прибавляя скорость. — Во-первых, контроль над крупными хищниками. Его издали видно, хочешь — наблюдай, хочешь — контролируй численность.

— А вторая цель?

Оранжевая точка мелькнула в просвете между стволов и исчезла.

— Вторая цель — создание новых мехов. Ты еще увидишь — у нас два зеленых волка бегают.

— Это великолепно! — воскликнул Стендаль. — И цвет крепко держится?

— Цвет натуральный. Другого не держим. А вот насчет великолепно или нет, у нас разногласия.

— Почему же?

— А потому, что медведю тоже питаться надо. На одних ягодах не проживешь, а он теперь в лесу как светофор. Вот и пришлось ему обратиться за помощью к людям. Подкармливаем. Или вот взять, к примеру, зеленых волков...

И тут Стендаль увидел, что по дороге, низко опустив головы и вытянув в струнку хвосты, вслед за печкой несутся два зеленых волка. Зрелище было почище, чем оранжевый медведь.

— Вот они!

— Они, это точно. Не бойся, они не кусаются. Они обедать торопятся.

И в самом деле, волки обогнали печку и пронеслись дальше.

— Летом такому волку раздолье — маскировка в лучших традициях. А зимой он — как пальма на снегу. Тоже пришлось взять на снабжение.

За такой беседой и коротали дорогу.

— А ты чего, Терентий, без пальто, в одном костюме? — спросил Стендаль. — Тоже изобретение?

И уже догадывался: или в синем костюме Терентия вживлены электрические нитки, или, может, вокруг него лежит силовое поле.

— С детства, — ответил Терентий, — имеем обыкновение обливаться холодной водой. Батя нас всегда в строгости держал. Вася, тот раньше в проруби регулярно купался. Теперь Клава возражает.

— Ясно, — сказал Стендаль с некоторым разочарованием. Очень уж сложно сплеталось в Зайках научное, передовое с обыденным. Печка въехала в открытые ворота.

2

— Вы уж простите за нескромность, отведайте нашего, домашнего, — сказал Артур Иванович, приглашая гостя за стол. Стол был уставлен снедью.

Миловидная Клава в широких джинсах и белой, расшитой большими цветами куртке навыпуск смущенно зарделась, когда Стендаль похвалил пищу — телятину в кляре, артишоки, малиновый мусс, протертый луковый суп и другие неприхотливые достижения домашней кулинарии.

— А ты, Клавочка, не стесняйся, — сказал Василий, очень похожий на младшего брата, такой же золотоволосый, тонкий и аккуратный. — Гость воздает тебе должное. Чего уж стесняться.

После сладкого Клава подала мужчинам кофе.

— Сами выращиваем кофе, — сказал Терентий. — В теплицах, на гидропонике. Жаль, ты рано приехал, ананасы еще не поспели. К апрелю первые пойдут.

— А мы ему в город пошлем, — сказал Артур Иванович. — Пусть побалуется витаминами.

— Большое спасибо, — сказал Стендаль.

Он наслаждался уютом и гостеприимством Заек. От камина тянуло теплом, под ногами лежали разноцветные экспериментальные шкуры диких животных. В душе жило сладкое томительное ощущение грядущих чудес.

Артур Иванович, словно угадав мысли Стендаля, произнес:

— Мы о вас, Миша, простите за прямоту, наслышаны от Тереши. Он очень тепло отзывается.

— Ну что вы!

— И вот решили мы показать вам наши последние опыты, а вы уж сами думайте, что достойно опубликования на страницах прессы, а с чем еще надо погодить.

— Я готов! — Стендаль вскочил с мягкого кресла, готовый к действиям.

3

Зайки вывели Стендаля на голубой заснеженный двор. Уже вечерело. Примораживало. Солнце спустилось к вершинам елей.

За высокой проволочной сеткой виднелось несколько темных холмиков.

— Ну вот, — сказал Артур Иванович. — Полагаем, простите, что это может вас заинтересовать. Поди сюда, баловница.

Один из холмиков зашевелился, и из него вытянулась вверх длинная шея с клювом на конце. Открылись стеклянные глупые глаза, страус поднялся на ноги и медленно, словно делал большое одолжение, подошел к загородке. Вид страуса был несколько необычен, ибо он казался одетым в толстую шубу — такие у него были длинные перья или шерсть, даже ноги были укутаны. В мороз он чувствовал себя легко и вольно, не подумаешь, что тропическое существо.

Артур Иванович угостил страуса конфетой, и тот вежливо взял ее сквозь сетку.

— Другие не встают, — сказал Артур Иванович, показывая на остальные холмики, из которых выросли длинные шеи и клювы повернулись к людям. — Другие на яйцах сидят. Это наше главное достижение. Что морозоустойчивые — куда ни шло, но что яйца на снегу научились высиживать — большое достижение. С пингвинами скрещивали. Внешний вид и размеры страуса, а повадки пингвиньи.

Стендаль смело сунул руку в загон, потрепал птицу по клюву и чуть не лишился пальца.

— Осторожнее, — укорил его Василий. — Он чужих не признает. Неукротимая птица.

— Значит, Миша, — подытожил Артур Иванович, — работаем мы в двух основных направлениях. Первое направление ты видал — это разноцветные животные. Вторая задача, которую решаем, — продолжал Артур Иванович, — приближение некоторых тропических животных, даже, простите за выражение, экзотических, к нашим условиям.

— Замечательно, — сказал Стендаль. — Вы разрешите написать об этом в нашей газете?

— Пиши, милый, — сказал Артур Иванович. — Пиши. Поможешь преодолеть трудности по внедрению в жизнь.

Они пересекли двор и пошли по просеке.

— А теперь, если хочешь, покажем тебе один незавершенный опыт, — сказал Артур Иванович. — Не для публикации, а для интереса.

Просека кончилась, упершись в поляну. Там находился загон, обнесенный толстыми бревнами.

Посреди загона стоял зубр, какого Стендалю не приходилось видеть даже в зоопарке. Ростом он превосходил Стендаля, в длину достигал трех метров, морда у него была тупая и безжалостная. Первобытное чудовище. Но, правда, натурального цвета. Стендаль, хоть и не трус, отступил на шаг от загородки.

— Внушает почтение? — спросил Терентий. — Вельзевулом зовут.

Вельзевул оглядел присутствующих маленькими злыми глазками и вдруг без предупреждения наклонил голову и бросился на людей. Бревна, из которых была сложена изгородь, содрогнулись от страшного удара, и по всему лесу прокатился жуткий гул. С деревьев посыпался снег, взлетели испуганно вороны. Зубр отошел на несколько шагов назад, чтобы возобновить нападение.

— Дикая сила, — сказал уважительно Артур Иванович. Он был здесь самый маленький, даже ниже и легче Клавочки, но единственный не отпрянул назад, когда зубр штурмовал бревенчатую преграду.

— Клава, ты готова?

— Готова.

— Смотри, осторожнее, — сказал Василий. Он был серьезен.

Что-то будет, понял Стендаль.

Клава подошла к изгороди, оперлась рукой о бревно и легко перелетела в загон.

— Стойте! — вырвалось у Стендаля.

Но никто не поддержал его.

Зубр медленно повел головой в сторону Клавы, пытаясь уразуметь своим маленьким мозгом, кто посмел нарушить его уединение.

— Ты, Миша, не беспокойся, мы не изверги, — улыбнулся Терентий. — Мы Клаву любим.

— Обратите внимание, пресса, — сказал Артур Иванович. — Это зрелище, простите за беспокойство, достойно внимания.

Клава спокойно ждала, пока зубр приблизится к ней. А тот сначала отступил для разгона и начал рыть снег копытом.

И вдруг с глухим ревом бросился на Клаву.

Та стояла прямо, дубленка распахнулась, шапочка чуть сбилась набок.

«Беги», — беззвучно шептал Стендаль.

Но Клавочка и не думала бежать. Она дотронулась кончиками пальцев до рогов несущегося Вельзевула, и все дальнейшее произошло так быстро, что Стендалю захотелось закричать, как при наблюдении хоккейного матча по телевизору: «Еще раз покажите! В замедленном темпе!»

Потому что Клава, взявшись за рога зубра, не только остановила эту махину, но и умудрилась неуловимым движением повалить зубра в снег.

И когда Стендаль опомнился, Клава уже стояла над тушей и придерживала ладошкой голову своего противника.

— Отпустить? — крикнула Клава.

— Отпусти, чего животное унижать, — откликнулся Артур Иванович. — И сюда беги, а то спохватится.

— Я быстро. — Клава отпустила зубра и легко побежала к изгороди. Зубр и не думал подниматься, он лежал, моргал глазками и переживал. Словно бандит, которому дал достойный отпор маленький ребенок.

Клавдия уже стояла рядом с мужчинами.

— И что ты думаешь, Миша, по этому поводу? — спросил Терентий.

— Ничего не думаю, — сознался Миша. — Она что, какое-то место знает, чтобы его выключить?

Клава весело засмеялась. Она приблизилась к журналисту, дотронулась тонкими пальчиками до его груди, и в тот же момент Стендаль понял, что поднимается в воздух. Земля находилась где-то далеко внизу и притом была наклонена. Там же, внизу, всей семьей стояли Зайки и, задрав головы, улыбались. А Клава держала Стендаля над головой на одной руке, и это не составляло для нее никаких трудностей, потому что она при этом спросила гостя:

— А скажите, Миша, это правда, что в гуслярском универмаге японские складные зонтики давали?

— Простите, я не в курсе, — откликнулся сверху Стендаль, хотя положение, в котором он находился, не склоняло к беседе о японских зонтиках.

— Отпусти его, Клава, — сказал Артур Иванович. — Он уже убедился. А то наука превращается в дешевые шутки.

Клава осторожно поставила Стендаля на снег.

— Пошли домой, — сказала она. — Надо мне отдохнуть.

Зубр медленно поднимался на ноги, отворачиваясь от унизивших его людей.

— Клава, иди вперед с Васей, — сказал Артур Иванович. — Ты помнишь, где глюкоза лежит?

— Сейчас, одну секундочку, — ответила молодая женщина, — надо еще одно дело сделать, а то все руки не доходят.

Она свернула с дороги к вылезающему из чащи клыкастому пню в три обхвата.

— Осторожно, шубку не замарай, — предупредил ее Артур Иванович.

Клава легонько пошатала пень, как хирург пробует больной зуб, прежде чем взяться за него щипцами. Пень громко заскрипел.

— Ты его туда, в сторону положи, — сказал Василий. — Я его потом распилю.

Клава рванула пень, оглушительно взвыли рвущиеся корни, и откатила громаду, куда велел Василий.

— А теперь пошли, — сказала она, запахивая дубленку.

4

Василий с Клавой покинули гостя. Остальные вернулись в горницу к камину.

— Как тебе, Миша, достижения Клавы? — спросил Терентий.

— Я с нетерпением жду объяснений! — ответил Стендаль, прихлебывая из кружки квас, чтобы остудить свои чувства.

— Проще простого, — сказал Терентий. — Надо только задуматься. А мы, Зайки, очень даже любим задумываться.

Артур Иванович согласно кивнул.

— Вот ты задумывался, по какому принципу работают мышцы?

— Ну, сокращаются. И расслабляются...

— Это не принцип, — вздохнул Терентий. — А принцип у них — как у любого двигателя: сжигают топливо, выделяют энергию, совершают работу.

— Ну, разумеется, — согласился Миша.

— То-то, что не разумеется. Вот ты можешь, например, поднять двадцать килограммов.

— Больше, — утвердительно возразил Миша.

— А спортсмен может сто или даже двести. Для этого он такую массу мускулов на себе наращивает — смотреть страшно. И все чтобы жалких двести килограммов поднять. Очень неразумно мы устроены.

— Здесь, Тереша, прости за вмешательство, ты не прав, — блеснул голубыми глазами Артур Иванович. — Устроены мы разумно, только ограничитель стоит на нашей машине. Чтобы топлива на подольше хватило. Умный человек пятьдесят килограммов на спину взвалит и весь день топает. А топливо в мышцах себе горит, идет гликолиз, хранится актомиозин. Подробностей тебе говорить не будем, все равно, прости за недоверие, не поймешь.

— Не пойму, — покорно согласился Стендаль.

— А если нам нужно все топливо сразу истратить, костер зажечь? Ведь мышцы на это способны. Их волокна такой крепости и эластичности, что ты, Стендаль, прости, не представляешь. Может, помнишь, в школе опыты делали: лягушачью лапку электротоком раздразни, она целую гирю поднимет. Так вот, представь себе, что мы ограничитель сняли, подбросили в мышцу креатинфос-

фат. И пускай все топливо в мышцах сгорит за десять минут, зато результат достойный.

— А потом что? — спросил Стендаль. — Ведь природа жестоко наказывает тех, кто пренебрегает ее законами.

— Смотри, как правильно рассуждает! — обрадовался Терентий.

— А ты не злоупотребляй, — сказал Артур Иванович. — Сделал свое дело, сразу в постельку, прими компенсацию и следуй режиму. Что же это за изобретение, если во вред человеку? И пока мы не изобретем способа быстро в человеке потерянную энергию восстанавливать, мы наше средство в народ не пустим, не опасайся.

— А когда опыты закончите? — спросил Стендаль деловито.

Ему уже виделась статья, которая прославит его в журналистском мире.

— Не спеши. Может, еще год работать будем. А то получится опасное для окружающих баловство.

— Как жаль, что я не взял фотоаппарат!

— Еще успеешь.

Стендаль не слушал. Он уже представлял себе, какие возможности откроются перед людьми. Ведь если в мозгу у человека тоже есть мышцы, можно будет за минуту придумать то, над чем бьешься месяцами и впустую. Правда, эту мысль он высказывать вслух не стал, потому что не был уверен, есть ли в мозгу мускулы.

— И когда, вы думаете, можно будет об этих опытах написать?

— В конце лета приедешь, поговорим. А что, про мех и страусов для газеты не подойдет?

Стендалю даже стыдно стало, словно он опорочил другие, тоже важные открытия.

— Я и не думал так. Я обязательно напишу о ваших замечательных достижениях.

Но проблема мышечного ограничителя настолько захватила воображение журналиста, что он с трудом мог думать о чем-либо ином.

* * *

Автобус приехал в Гусляр в двенадцатом часу ночи. Он остановился на площади, и немногочисленные пассажиры вышли на скрипучий снег. Стендаль поежился от крепкого морозца, поднял воротник и поспешил домой.

Славный выдался день. День больших открытий и встреч с интересными людьми. Пройдет месяц, может, два. Зайки пришлют, как договорились, условленную телеграмму, и Стендаль сразу

опубликует в газете статью об антиограничителе. Первым из всех журналистов мира. Таковы преимущества дружбы с великими изобретателями. А пока надо написать очерк о домашнем хозяйстве лесников... И там будет светлый образ отважной и работящей Клавы, такой простой и такой привлекательной женщины...

ГРАДУСНИК ЧУВСТВ

Ни биография, ни анкетные данные Эммы Проскуряковой нас не интересуют. Важно лишь одно — эта стройная зеленоглазая девушка отличается крайней замкнутостью. Посудите сами: четыре раза Эмма ходила в кино с Михаилом Стендалем, сотрудником городской газеты, два раза была с ним в кафе, провела вечер на скамейке в парке, но ни взглядом, ни словом не раскрыла своего к Стендалю отношения.

А Стендаль кипел. От овладевшего им чувства и от незнания, разделяет ли это чувство прекрасная Эмма.

Наконец, провожая Эмму из кино, он осмелился спросить:

— Эмма, вот мы гуляем, а скрывается что-то за этим?

— А что? — спросила Эмма.

— Может, я неточно выразился, но, с другой стороны, я вчера ночью написал стихотворение.

— Вы мне его уже прочли, — сказала загадочная Эмма. — Я с интересом выслушаю любое ваше новое произведение.

— Эх! — сказал тогда Миша Стендаль.

И до калитки, за которой обычно скрывалась Эмма, они прошли в полном молчании.

На следующий день Миша Стендаль был у профессора Минца, знаменитого ученого, временно живущего в Великом Гусляре. Профессор Минц принял его в своей небольшой комнате и на вопрос Миши, как дела на птицеферме, ответил:

— Дорогой юноша, вы задели оборванную струну моей души.

Профессор Минц порой любил выражаться изысканно. Он погладил себя по сверкающей лысине и указал на клетку, в которой скучало странное существо с клювом.

Стендаль пригляделся к существу. Оно было похоже на барана и на курицу. Точнее, на барана размером с курицу или на курицу, покрытую бараньей шерстью.

— Я рассчитываю на статью, — сказал Стендаль.

— О чем писать? — вздохнул ученый.

— Начать с того, как вы задумались...

— Я задумался над тем, что картофель мы научились чистить

машинами, а вот птиц приходится ощипывать руками. Это непроизводительно.

— И вы решили...

— И я решил вывести обнаженную курицу. Что нетрудно при моем опыте. И я ее вывел. Но голые цыплята простужались. Мы изобрели для них попонки, но цыплята росли, а менять попонки по росту непроизводительно. Проще ощипывать птицу.

— И тогда вы...

— Тогда мы переслали яйца обнаженных кур и всю документацию нашим индийским и кубинским коллегам, для которых проблемы климата уже решены самой природой, и стали думать дальше.

И я вывел породу кур, покрытых бараньей шерстью, кур, которых не нужно резать, побрил — и снова выпускай пастись. Притом новая природа, назовем их «куровцы», в отличие от овец несет яйца.

— Но теперь вы...

— Да, теперь я неудовлетворен. Оказалось, что куровец трудно стричь по причине их небольшого роста и подвижности. Ощипывать кур было легче.

— Но неужели сам факт замечательного эксперимента...

— Сам факт бессмыслен, если он не приносит пользы человечеству, — отрезал профессор. — Кроме того, я обнаружил, что у кур, покрытых шерстью, вырабатывается комплекс неполноценности. Они чураются своих перьевых товарок. И я нашел этому причину.

Профессор Минц сделал шаг к письменному столу, заваленному научными журналами, рукописями и приборами, разгреб завал, вытащил из него градусник, подобный тем, которыми меряют температуру воды в детских ванночках, и потряс им перед носом Стендаля.

— Принесите мне из коридора вторую клетку. В ней петух, — приказал он журналисту.

Стендаль подчинился. Клетка с петухом была накрыта старой скатертью, и, когда Минц стянул скатерть с клетки, петух встряхнул гребнем, попытался расправить крылья и заклекотал подобно орлу.

— Чудесный экземпляр, — сказал Минц. — Люблю петухов. Глупы, но сколько чувства собственного достоинства!

Он поднес градусник к клетке с курчавой куровцой, которая глядела на петуха, нервно переступая желтыми ногами.

— Что вы видите на шкале?

Столбик ртути полз вверх и остановился примерно на двадцати градусах по Цельсию. О чем Стендаль и сообщил профессору.

— Правильно. А теперь поднесем градусник к петуху.

Столбик обрушился вниз, проскочил нулевую отметку и показал пятнадцать градусов мороза.

— Ясно? — спросил Минц.

— Нет, — признался Стендаль.

— Странно. Вы производите впечатление неглупого молодого человека. Это же не просто термометр, а термометр, измеряющий эмоции. Отношение одного живого существа к другому. Ноль — никакого отношения. Если столбик ртути пошел вверх, значит, отношение положительное. Чем выше он поднимается, тем горячее эмоции. Двадцать градусов по Цельсию — степень положительного отношения куровцы к обыкновенному петуху.

— А наоборот... — догадался Стендаль.

— И наоборот! Петух презирает куровцу. И это факт.

— Невероятно! — воскликнул Стендаль. — Я напишу об этом.

— Ни в коем случае. Опыты с куровцами я закрываю. Я не могу вывести расу презираемых отщепенцев — кур, на которых их товарки будут смотреть с презрением, цыплят, которых будут обижать сверстники, петухов, которых не одарит любовью ни одна подруга.

— Я не о том, — сказал Стендаль. — Я о градуснике.

— Ах, оставьте, молодой человек! Я потратил на изготовление термометра полчаса. Это же вспомогательный прибор.

— И все-таки...

— Все. Наш разговор окончен. С завтрашнего дня выводим длинношерстных коров-мериносок.

Стендаль распрощался и покинул комнату в состоянии преклонения перед концентратом изобретательского гения, обитавшим в тугом теле профессора.

Да, рассуждал Стендаль, пересекая двор, полчаса мышления — и перед нами замечательный прибор. Но изобретателю прибор замечательным не кажется. Ему это уже неинтересно, он пошел дальше. А ведь сколько применений может найтись такому градуснику... Стендаль остановился посреди двора.

— Да, — сказал он вслух. — Именно так.

И вернулся к профессору.

— Простите, — сказал он от двери, потупив взор, — у меня к вам личная просьба.

— Да? — Профессор заложил пальцем страницу в книге.

— Я, простите, нахожусь в таком положении, когда мне очень важно... Ах нет! Не это...

Стендаль заметил, что рука профессора начала совершать медленное движение к карману замшевого пиджака, где должен был храниться бумажник с деньгами.

— Вы не могли бы одолжить мне на два часа ваш градусник? Я верну вам его в полной сохранности, сегодня же...

Стендаль заметил, как на ближайшую к нему стену упал алый отблеск — от его щеки.

— Вы влюблены? — спросил строго профессор.

— В некотором смысле...

— Я, честно говоря, зарекся давать в руки любителей мои изобретения.

— Но мне только узнать... понимаете, вверх или вниз? Только узнать, и все. Я же не буду воздействовать...

— Эх, молодежь! — сказал укоризненно профессор. — В мое время мы заглядывали друг другу в глаза.

— Но здесь особый случай.

— Все случаи особые. Стандартных не бывает, — сказал профессор. — Иначе бы любовь потеряла романтический ореол. Возьмите термометр, молодой человек. Желаю личного счастья!

Дорогу до редакции Стендаль провел в размышлениях. Градусник оказался столь велик, что употребить его незаметно было невозможно. Жаль, что он не похож на наручные часы. Придется его вынуть в присутствии Эммы. Но под каким предлогом?

— Тебя главный спрашивал, — встретил Стендаля Степан Степанович, редакционный ветеран, пушкинист-любитель. — Велел, как появишься, — к нему. На ковер.

— А что? — Стендаль рухнул на грешную землю и мысленно ушибся: беседы с главным редактором редко проходили безболезненно, Малюжкин полагал, что его газета — центр Вселенной.

— Мы же начинание профессора Минца подхватили, на весь район аванс дали, а ты очерка не несешь.

— Эта тема закрыта, — сказал Стендаль. — Все. Выводим мохнатых коров.

— С твоим профессором не соскучишься. Только вряд ли Малюжкин тебя поймет. Он уже отрапортовал, сам понимаешь...

Стендаль положил на стол свою потертую папку. Мысли его сразу же покинули редакцию и перенеслись в тот близкий миг, когда он наконец узнает, да или нет... да или нет... А вдруг этот градусник реагирует только на кур?

Стендаль осторожно раскрыл папку, извлек градусник. Сердце колотилось. Руки дрожали. Градусник был теплым и увесистым.

— Ты чего? — спросил Степан Степанович, поднимая голову. — Градусник купил? Детей купать? Да у тебя и детей-то нет.

Стендаль смотрел на шкалу. Ртутный столбик покачался у нуля, пополз наверх и замер в районе семи градусов. Немного. Стендаль полагал, что Степан Степанович ему симпатизирует.

— Нет, — сказал он, стараясь казаться равнодушным. — Новая модель. Мгновенно измеряет температуру, влажность, давление и насыщенность воздуха пылью. Минцу прислали на испытания.

— Ой, Миша, Миша! — вздохнул Степан Степанович. — Взрослый парень, а шутишь над пожилыми.

Он сел обратно, а ртутный столбик пополз вниз.

— Простите, Степаныч! — взмолился Стендаль. — Я не шутил над вами. Вы знаете, как я вас уважаю.

Редакционная секретарша, тайно влюбленная в Стендаля, о чем знала вся газета, заглянула в комнату.

— Миша, — сказала она, — вас главный спрашивает.

Стендаль тут же направился к ней, не спуская глаз со шкалы. По мере приближения к секретарше столбик начал расти. Когда температура поднялась до двадцати пяти, Стендаль спрятал градусник за спину и улыбнулся секретарше.

— Спасибо, — сказал он.

— За что, товарищ Стендаль? — зарделась секретарша.

— Сте-е-енда-а-аль! — донесся отдаленный рык.

Редактор Малюжкин глядел в упор на стоявшего в дверях Стендаля. Взгляд из-под густых черных бровей был ясным и твердым. Малюжкин был красив и величествен, седеющие упругие кудри и глубокие морщины в углах рта придавали ему сходство с каким-то известным киноактером.

— Садись, Михаил, — сказал Малюжкин.

Стендаль положил градусник на колени так, что письменный стол закрывал его от взора главного редактора.

— У профессора Минца был?

— Только что от него, — сказал Стендаль.

— Как новая порода пернатых, то есть... — Малюжкин улыбнулся, — волосатых?

— Профессор отказался от дальнейших опытов.

— Не надо шуток, — сказал Малюжкин. — Не время. Несколько хозяйств запросы прислали. Есть возможность возглавить движение. Отказываться поздно. Надеюсь, ты так и сказал профессору?

Стендаль покосился на градусник. Под столом было темно, пришлось вытянуть его оттуда. Столбик нервно метался возле нуля.

— А мы, — продолжал задумчиво редактор, — уже шапку придумали: «Золотое руно птицеферм!» Красиво?

— Это, конечно, хорошо, — согласился Стендаль. — Но профессор уже начал выводить длинношерстных коров. И мы можем набрать другую шапку: «Золотое руно скотных дворов!»

— Издеваешься? В тот момент, когда наша газета может прославиться на всю область? Иди и без согласия профессора разводить длинношерстных кур не возвращайся. Если к шести не будет согласия, пеняй на себя.

Стендаль вздрогнул. В шесть у него было свидание с Эммой.

— Товарищ редактор! — взмолился он. — Профессор не согласится. Профессор меня не примет. Профессор занят.

— Ах, все отговорки! — сказал Малюжкин. — Все отговорки. А в номере должны быть новые данные о курах. Без сомнения.

Стендаль понял, что правдой здесь ничего не добьешься. Главное было — выиграть время.

— Профессор Минц, — сказал Стендаль, — попал под машину. Ничего страшного.

— Как ничего страшного? Гордость науки нашего города — под машиной, а ты считаешь, ничего страшного? Где он? В больнице?

— В городской. Его завтра выпишут. Легкие ушибы.

— Сейчас же звоню туда, — сказал Малюжкин, протягивая руку к телефону.

— Зачем? Он не может разговаривать. У него нервный шок.

— Странно. А ты уверен, что это не шутка?

— Такими вещами не шутят, — сказал Стендаль, проклиная себя за душевную слабость.

Одна ложь всегда тянет за собой другую. И остановиться нельзя. Надо лгать. Пускай завтра на него обрушатся все громы и молнии. Через полчаса он должен стоять у входа в городской парк. А дальше... Ему будет все равно.

— Ты уверен? — настаивал Малюжкин.

— Я знаю это наверняка, — сказал Стендаль мрачно. Собственная ложь была отвратительна, но остановиться он не мог. — Потому что все это произошло на моих глазах. Профессор спас меня.

— Спас тебя?

— Да. Мы стояли с ним на улице. Ребенок выбежал на мостовую, и груженый самосвал... — Стендаль перевел дыхание. Он чувствовал, что излагает воображаемое событие языком газетной заметки, — не успев затормозить, был вынужден выехать на тротуар. На пути грузовика оказался сотрудник городской газеты М. Стендаль. Всего мгновение оставалось до трагедии. Но в этот момент находившийся рядом известный ученый Л.Х. Минц успел оттолкнуть Стендаля в сторону, получив при этом легкие телесные повреждения... Так и было.

— Не может быть! — Стиль рассказа убедил Малюжкина, что Стендаль говорит правду. — Какой поступок! Но ты уверен, что завтра он вернется к нашим курам?

— Вернется, — сказал Стендаль дрожащим голосом.

— Тогда срочно пиши небольшое сообщение. Назови его «Так поступают настоящие ученые!». Изложи все как было. Ни слова неправды. В завтрашний номер. Ясно?

— Ясно.

Стендаль понял, что ложь засосала его, как бездонное болото. Спасения нет.

Сжимая в потной руке градусник, Стендаль поднялся.

— Я пойду?

— Иди. Одну минутку. Как напишешь, сразу в больницу. Не забывай, кто тебя спас. Вот, возьми пять рублей. На все купишь цветов. Самых свежих. От газеты. От коллектива. Иди.

Стендаль взял свободной рукой деньги.

— А это градусник? — догадался Малюжкин. — Для него? Он просил?

Стендаль кивнул. Говорить он не мог. Он отступил к двери. Спиной. Поэтому не заметил, как дверь отворилась.

Сзади раздался знакомый быстрый голос:

— Извините, что ворвался! Разыскивал вашего молодого сотрудника. Он забыл у меня свою белую кепочку. А я проходил мимо...

Стендаль не мог заставить себя посмотреть в глаза редактору Малюжкину. Он не мог заставить себя обернуться и посмотреть в глаза профессору Минцу. Он смотрел на градусник, направленный шариком ртути в сторону главного редактора газеты.

И в наступившем молчании Стендаль увидел, как столбик ртути стремительно катится вниз. Вот уже тридцать градусов мороза, сорок... Послышался легкий треск. Стеклянный столбик не выдержал эмоционального мороза, исходившего от редактора Малюжкина, лопнул, и ртуть серебряными брызгами разлетелась по кабинету.

До назначенного свидания оставалось всего пятнадцать минут.

КАЖДОМУ ЕСТЬ ЧТО ВСПОМНИТЬ

Почти все человеческие трагедии начинаются исподволь, с незаметного пустяка. Именно незаметность первого толчка и делает трагедии столь неожиданными и сокрушительными.

Выступая на квартальном совещании в горисполкоме, Корне-

лий Удалов почему-то сослался на опыт своей молодости, на творческое горение строителей, возводивших в конце сороковых годов здание универмага. И был доволен тем вниманием, с которым выслушали этот исторический пример слушатели.

После совещания к Удалову подошел товарищ Белосельский и сказал:

— Пора делиться опытом с молодежью.

После чего он подозвал редактора гуслярской районной газеты Малюжкина и добавил:

— Товарищ Малюжкин, не проходите мимо.

— Не пройдем, — ответил Малюжкин.

Уже на следующий день после работы к Удалову домой явился Михаил Стендаль, корреспондент и старый знакомый Корнелия Ивановича. Он присел на край скамейки под сиреневым кустом и некоторое время наблюдал, как Удалов с Грубиным проигрывали в домино соседям по дому — Ложкину и профессору Льву Христофоровичу Минцу.

Корнелий Иванович догадывался о цели визита Стендаля, но, будучи человеком скромным, делал вид, что тот зашел к нему случайно, скажем, занять опарышей для рыбалки.

Когда партия кончилась, Миша с прямотой, свойственной молодости, разрушил эту иллюзию, сказав:

— А я за статьей пришел.

Все насторожились, потому что раньше Удалов никогда статей не писал.

— Может, сам напишешь? — предложил Удалов неуверенно. — Я скажу, что надо, ты в библиотеке старые газеты посмотришь, а?

— Нет, Малюжкин велел, чтобы вы сами, Корнелий Иванович, — возразил Стендаль. — Он получил указание.

Наступила пауза. Удалов глядел в темнеющее летнее небо, по которому плыло зеленое закатное облако, и стеснялся соседей.

— С каких пор, — услышал он ехидный голос старика Ложкина, — наш Корнелий пишет в прессу?

Раньше Ложкин по меньшей мере раз в месяц относил в редакцию гневные письма, посвященные непорядкам в городе, но сейчас делает это реже — годы берут свое. Большинство писем на поверку оказывалось неточным в своей фактической основе, отношения с газетой у Ложкина не сложились, и, естественно, он не хотел, чтобы они складывались у других.

— Да это так... заметка, — ответил Удалов, краснея.

— Неправда! — сказал Стендаль, вытаскивая из кармана большой блокнот, распухший от адресов и интервью. — Корнелий Иванович выступает на наших страницах с большим материалом,

посвященным истории строительных организаций Великого Гусляра и героическому труду его молодости.

— Это кто же героически трудился? — спросил Ложкин, который был убежден, что во всем мире лишь ему удалось героически потрудиться.

До этого момента Удалов был убежден, что откажется от написания статьи. Он ведь даже в школе отставал по части сочинений. Но последние слова Ложкина вызвали у него возмущение. И следующий шаг на пути к трагедии выразился во фразе, которая непроизвольно вырвалась у Корнелия Ивановича:

— Каждому есть что вспомнить!

— Корнелий Иванович прав, — подтвердил профессор Минц, аккуратно складывая в коробочку костяшки домино. В последние месяцы он пристрастился к этой игре, стараясь выключить на время непритязательного развлечения свою гениальную голову, иначе бы он мог вычислить исход любой партии в домино в самом ее начале. — Любой из нас — это сокровищница воспоминаний, уникальных, бесценных, которые, к сожалению, проваливаются в бездну времени и исчезают для потомства. Из-за этого каждое новое поколение частично повторяет наши ошибки. А мы обязаны помогать подрастающему поколению.

— Ему некогда информироваться, — заметил Саша Грубин. — Оно балдеет.

И с этими словами Грубин показал на открытое окно в квартире Гавриловых. На подоконнике сидел, укутав голову громадными наушниками, подросток Гаврилов, что не мешало, однако, стоявшему рядом динамику реветь на весь двор.

— А что? — сказал Удалов. — И напишу. Обо всем напишу. И как голодно было, и как мы мерзли, но выходили на рабочие места, и какие были сознательные.

Тут он решительно встал. Стендаль поднялся следом, но Корнелий произнес:

— Иди, Миша, отдыхай, я сам справлюсь. Завтра к обеду статья будет на твоем столе.

Удалов отправился к себе, а Ложкин сказал вслед негромко:

— Сомневаюсь. Для этого способности требуются.

Удалов поднялся по лестнице, не зная, что шагает навстречу своей трагедии. Дома была только жена Ксения. Она удивилась, потому что по выверенному жизнью расписанию Корнелий должен был еще часа полтора играть в домино, а затем прийти домой с видом измученного труженика и потребовать ужин. Ничего такого не случилось.

Удалов проследовал к столу сына Максима, уселся, отыскал

чистую тетрадку, затем долго шарил по ящикам и коробочкам в поисках ручки, которая бы писала. Не нашел, взял карандаш, открыл тетрадку и замер над ней, подобно тому, как замирают почти все великие писатели, прежде чем написать первое слово.

Ксения была так поражена, что вышла из кухни, встала в дверях и спросила:

— Чего натворил?

— Натворил?

— Объяснительную пишешь?

— Нет, — сказал Удалов, — статью надо писать. Заказали мне статью.

Ксения, конечно, не поверила, потому что ее муж никогда статей не писал. Она подошла поближе и увидела, что тетрадка пустая.

— Где статья? — спросила она. — Не вижу.

— Так я же думаю. Я думаю, а ты над душой стоишь. Разве так статью напишешь?

— Интересно, что это теперь статьей называется.

Ксения, будучи женщиной доброй, но вздорной, всегда подозревала мужа в супружеских изменах, хотя он этому не давал оснований. Отсутствие оснований никак не успокаивало Ксению. Она лишь убеждалась, что муж ее не только неверен, но и дьявольски хитер, если за тридцать лет совместной жизни ни разу не попался. И поэтому она терпеливо ждала, когда же он наконец попадется с поличным.

Ксении казалось, что если она сейчас уйдет, то Удалов примется за нежное послание или, еще хуже, начнет сочинять разлучнице любовные сонеты.

Но оставаться было бессмысленно. Корнелий при своей хитрости будет сидеть, и все. Значит, следовало сделать вид, что поверила, а потом незаметно вернуться и застать врасплох.

— Нужна мне твоя статья! — сказала Ксения с презрением и медленно, не оглядываясь, ушла на кухню.

А Удалов поводил карандашом над чистой страницей и написал: «Как сейчас вспоминаю». Потом стал думать, что же он вспоминает.

Он пришел на стройку после седьмого класса, вскоре после войны, учеником. Учеником штукатура. А когда это было? Вроде бы зимой. Нет, тогда дождь шел. А там был бригадир, дядя Леша! Нет, дядя Паша! Такой, с усами. Вот усы Удалов вспомнил, и это его обрадовало. Усы стали как бы якорем. Потом дядя Паша уехал на Дальний Восток. Или в Среднюю Азию. Он был хорошим наставником. Совсем не пил и Корнелия, у которого отец пропал на

фронте, жалел. В чем проявлялась его жалость? Важно вспомнить, потому что в статье хорошо бы написать о наставнике молодежи. Как он говорил: «Ты, Корнюша, как пуговица, круглый и под ногами катаешься. Все боюсь наступить». Или это он сказал не Корнелию, а Гошке Сидорову, который на Дусе женился? Нет, на Дусе он потом женился, а сначала на Маше хотел жениться. Маша такая смешливая была, черноглазая, с длинной косой. Он с ней в палисаднике целовался, только это потом уже было, в сорок седьмом, наверное.

И рука Удалова, погруженного в туманные воспоминания, вывела на странице большими буквами «Маша». Потом еще крупнее: «Машенька».

На этом сладкие воспоминания прервались возмущенным криком Ксении, которая подкралась как раз вовремя, чтобы увидеть, как блудливая рука ее мужа выводит на странице женское имя.

— Так я и знала! — громко возмущалась Ксения, и это возмущение, ломая перегородки и стены, прокатилось по всему затихающему дому. — Развратник! Уходи к ней!

Дальнейший монолог Ксении протекал в том же духе, и нет нужды тратить время на цитаты из него.

Удалов отмалчивался даже после того, как в голову ему полетела тарелка, потому что объяснить забывчивостью и далекими воспоминаниями появление женского имени он не мог. И кто бы ему поверил?

Минут через десять он очутился на лестнице, где решил переждать затянувшуюся грозу. Он не возмущался и был даже спокоен. Его тревожило другое — за пределами воспоминаний о поцелуе Машеньки и доброте дяди Паши никаких ярких картин его память не сохранила. Но ведь если дядя Паша — еще куда ни шло — в статье помещался, то Машеньке, чтобы добиться права возникнуть на газетной странице, надо было совершить что-нибудь конструктивное.

Удалов стоял на лестничной площадке, ощущая тупую усталость. Надо было с кем-нибудь посоветоваться.

Ноги сами привели Удалова к двери профессора Минца. К счастью, из-за двери доносились шумы футбольного репортажа. Это было хорошим знаком — профессор не работал, а отдыхал. Удалов постучался и вошел.

Отдых профессора Минца — понятие условное. Да, он слушал футбольный репортаж, да, он решал кроссворд, да, он раскладывал левой рукой пасьянс «Невский проспект». Но в то же время мозг Льва Христофоровича продолжал настойчиво трудиться, завершая решение неразрешимой задачи о квадратуре круга.

— Чем могу помочь? — спросил Лев Христофорович, который был отличным физиономистом. — Семейные неурядицы?

Понятно, что монолог Ксении он слышал — его слышали и в Вологде.

— Проблема совсем иная, — объяснил Удалов. — Проблема статьи. Мне нечего сказать людям.

— Чепуха! — ответил профессор. — Каждому из нас есть о чем сказать людям.

— Я забыл, — признался Удалов. — Так, в общих чертах помню — почти сорок лет прошло, а деталей не помню. А мне статью сдавать завтра. Позор. И Ксению надо успокоить. Пока не поверит, что речь в статье о далеком прошлом, не будет мне домашнего покоя.

— Память подводит?

— Думал, у меня память как память. И вдруг — надо же! Ощущения есть, даже положительные, а деталей кот наплакал. Сроков не помню, дат... Что делать?

— Делать? — Минц задумался и пошел к широкой полке над письменным столом, где стояли известные уже всему дому и цивилизованному человечеству снадобья и средства, которых сегодня не знают, но которые завтра или послезавтра обязательно произведут переворот в науке.

Изобретения универсального гения Льва Христофоровича непредсказуемы, парадоксальны и удивительны. Они призваны облагодетельствовать людей. Но, к сожалению, порой настолько опережают время, что их эффект не вписывается в обыденную жизнь. Результаты вдруг оказываются прямо противоположны ожидаемым. Именно поэтому благое намерение профессора, который шел к полке с открытиями, на самом деле было еще одним шагом к личной трагедии Корнелия Удалова.

Минц поводил рукой над бутылками и коробочками, затем его указательный палец замер над одной из них.

— Вот то, что нам надо.

Он извлек небольшую бутылочку, в которой лежали сизые, несъедобные на вид облатки. Одну из таблеток он вытряс из бутылочки на листок бумаги и протянул Удалову.

— Что это? — спросил Корнелий Иванович.

— Условно, до утверждения фармакологами, я именую это средство церебромагом. Понятно?

— Непонятно. И медициной не утверждено?

— Обычная бюрократическая волынка, — ответил Минц. — Надо проверить на мышах, тараканах, обезьянах и добровольцах. Лишь потом запускают в серию. Что разумно, но меня не касается.

Я могу гарантировать полную безопасность для вашего, Корнелий Иванович, здоровья, но в то же время призываю вас к разумной осторожности.

— А что будет? — Удалов держал таблетку перед ртом, но не спешил глотать. При всем доверии к гению Льва Христофоровича он хотел и дальше наслаждаться радостями жизни.

— Ничего особенного. Церебромаг включает спящие клетки памяти. Все, что вы прожили, что видели, навсегда отпечаталось в вашем мозгу. Но проводящие пути засоряются. И вам кажется, что вы многое забыли. Но только кажется! Завтра утром вы проснетесь и убедитесь в том, что это только кажется! Глотайте.

И Удалов проглотил таблетку.

Потом он вошел домой.

Ксения, которая к тому времени убедила себя, что Удалов ушел к своей Машеньке, удивилась его возвращению, но виду не показала, была мрачна, молчалива и в глаза не глядела. А на восклицания Корнелия: «Кисочка, пойми!» — она отвечала однообразно: «Знаю, кто твоя кисочка». Но не знала о ней ничего, кроме имени, и это ее смущало и заставляло перебирать в памяти всех Машенек, Марусь, Марий и Марь-Петровн.

Удалов устал уговаривать супругу и лег спать, кинув прощальный взгляд на чистую тетрадь на столе сына — первая страница с крамольными словами была вырвана. Понятно кем.

Утром Удалов проснулся сразу. От душевного неудобства.

Он знал — случилось что-то очень плохое. Но не сразу сообразил, что именно.

Это был момент истинного начала трагедии.

Удалов еще не знал, что девятый вал обрушился на его беззащитную голову.

Он все вспомнил!

То есть он не осознал еще, что все помнит, но сжался от одного конкретного воспоминания, потому что оно было очень болезненным. Он совершенно четко представил себе, что сейчас войдет мать с перекошенным от злости лицом и скажет:

— Где чайник? Где чайник с розовыми цветочками, мерзавец, спрашиваю?

И от ужаса неминуемой физической расправы Удалов захныкал тонким и жалобным голоском, разбудив Ксению, которая, конечно, не знала, каким был голос ее мужа в возрасте пяти лет.

Потому что инцидент с разбитым чайником произошел еще до войны и наказание за этот проступок никак не соответствовало вине — чайник был разбит неумышленно, но у матери не было

другого чайника. И забыл Удалов об этой экзекуции много лет назад.

Не в силах удержать слез, Удалов поднялся с постели, отворачиваясь от Ксении, потому что к нему возвратилось горькое мгновение тридцатилетней давности, когда он застал Ксению, тогда еще тонкую, игривую и недоступную, целующейся с Василием Криватым у ее палисадника, а случилось это именно в тот день, когда Удалов наконец-то решился объясниться ей в любви. И хоть впоследствии Ксения уверяла, что ее поцелуи были не более как сестринскими и объяснялись тем, что Василий уезжал на целину, горе — неожиданность жестокого удара — пронзило вдруг сердце пожилого и давно разлюбившего жену Корнелия Ивановича, и он кинул на нее взгляд, полный такой неприязни и обиды, что Ксения не посмела ничего спросить. Она привыкла говорить о своем муже, будь он рядом или отсутствовал, тоном презрительным и даже сварливым — хоть бы провалился! Муж был никчемным грузом, проклятием, вечным напоминанием о бесцельно прожитой жизни. Но в случае, если возникала, чаще всего вымышленная, опасность потерять его, в Ксении просыпалась орлица, готовая лететь в партком с заявлением: «Мой муж — никчемный мерзавец, немедленно верните мне мужа!»

И вот сейчас, встретив горький взгляд Корнелия, Ксения истолковала его ложно, мысленно связала с таинственной Машенькой и поняла, что пора готовиться к походу в общественные организации.

А Удалов, выйдя в ванную, чтобы умыться и почистить зубы, уже понял, что виной его состоянию — обострившаяся память, и начал побаиваться самого себя. Стараясь изменить течение событий, он принялся вслух себя уговаривать:

— Подумаем о приятном, а? Вспомним чего? Ну как в ЗАГС ходил с Ксенией. Или как пятерку получил на контрольной в шестом классе.

Обе эти сцены послушно и мгновенно вспыхнули в мозгу во всех деталях, вплоть до синего платья регистраторши в ЗАГСе и насморка свидетеля Семенского, но радость была чисто формальной и сердца не задела. Зато он почему-то вспомнил, как при выходе из ЗАГСа Ксения сломала каблук, и как она расстроилась из-за этого, и как тогда же, глядя на покрасневшее в неожиданном гневе лицо молодой жены, Удалов с ужасом понял, что выбор его был неверен и ему предстоит отныне много раз, пока не кончится жизнь, видеть эти покрасневшие от гнева щеки и слышать этот визгливый голос.

Удалов, близкий к слезам, с нервно бьющимся сердцем вышел

из ванной и направился было к письменному столу, чтобы приняться за статью. Разумеется, он отлично помнил теперь все наставления дяди Георгия (именно Георгия) и тот яркий день, когда они, молодые члены бригады, дав обещание завершить кладку второго этажа, не уходили со стройплощадки восемнадцать часов кряду. И Удалов уже был готов сесть за стол, чтобы зафиксировать это воспоминание на бумаге — воспоминание приятное, несшее в себе чувство удовлетворения, приобщения к созидательному труду... и вдруг он замер. Рядом с тем большим и добрым воспоминанием в памяти как клещ таилось воспоминание мелкое, присосавшееся к главному, ведь именно в тот день... С какой яркостью Корнелий мысленно увидел эту картину: вот он стоит наверху и видит, как через улицу бежит к нему песик Брысь, беспородный, никчемный, но свой. И как несущийся грузовик сшибает собачку. Буквально на глазах.

Ксения, вышедшая за мужем в большую комнату, увидела, что тот почти одет, стоит с зубной щеткой в руке над письменным столом и тихо рыдает.

Удалов спиной почувствовал взгляд жены, отбросил зубную щетку и выбежал на улицу. Но добежал лишь до ворот. Невероятная горькая боль пронзила его, как только он увидел почерневшие от старости, отполированные временем столбы у ворот... Это было в войну, у Удалова был друг Митя. Удалов жить не мог без друга Мити. И однажды он увидел, как из ворот с трудом, задев за столб осью правого колеса, выезжает тяжело груженная телега, а наверху сидит плачущий Митя — никто не сказал Удалову, что Митя с бабушкой и матерью уезжает в город Вологду, и никому из взрослых не пришло в голову, что Удалов не может жить без Мити, а Митя — без Удалова...

Корнелий Иванович гладил почерневший столб ворот и понимал, как непростительно было все эти десятилетия не думать о Мите и вычеркнуть его из памяти...

— Корнелий Иванович! — Из окна второго этажа выглянула лысая, блестящая голова Льва Христофоровича. — Как дела со статьей? Помогло средство?

— А идите вы... — Удалов махнул рукой и быстро пошел со двора.

Ксения выбежала из подъезда и замерла, не смея бежать за мужем.

— Что с ним? — спросил Минц.

— Не знаю, Лев Христофорович, — ответила Ксения. — Что-то случилось. Уходит он от меня, вижу, что уходит, а я ни в чем не виновата...

А в это время Удалов стоял в ста метрах от дома. Конечно, он никуда не уходил. Он лишь старался спрятаться от воспоминаний, но каждый новый шаг наталкивал его на них.

Он замер над прудиком. Нет, это сегодня водоем кажется прудиком. А тогда, в детстве, когда Удалова сбросили в воду два пятиклассника, он представлялся большим и бездонным озером. Но страшнее тогда было не это, а то, что пятиклассники отобрали деньги, выданные матерью на молоко, и еще страшнее — то, что вечером собирались идти обедать к тете Агриппине и мать велела беречь выглаженные штаны.

Удалов побежал прочь от прудика.

Он бежал посреди улицы, ничего не видя и стараясь не смотреть по сторонам. Он боялся любого предмета, дома, камня, могущего вызвать острое сжатие в груди или неожиданную вспышку горя.

Ему даже некогда было осознать, что происходит, почему он, человек уравновешенный и скорее счастливый, чем наоборот, вдруг попал в жуткую передрягу только из-за того, что у него хорошо заработала память. И он не видел, что за ним спешат Ксения и профессор Минц.

— Все время плачет? — спрашивал на бегу Лев Христофорович.

— Сердится! — отвечала Ксения. — Не улыбнулся ни разу, на меня волком смотрит, бешеный...

— И статью не пишет?

— Поглядел на нее и зарыдал, буквально слезы полились...

— Понятно.

Они настигли Удалова у реки Гусь.

Было такое впечатление, что он собрался топиться. Он быстро спускался по косогору, расстегивая рубаху. В этот момент он видел перед собой лишь поднимающуюся в мольбе голову Машеньки, слышал ее сдавленный крик — вода тогда была холодной и серой, и лодка, в которой она перебиралась с того берега, перевернулась уже недалеко от Удалова, который ждал ее, и Машеньку быстро понесло течением, и надо было сделать страшное усилие над собой, чтобы кинуться в воду, холодную и злую, а он ведь плавал елеле и знал заранее, что Машеньку ему не спасти, но надо было все равно нырять и утонуть самому, потому что остаться на берегу тоже было нельзя. И он тогда вошел в воду по колено — вода обожгла ноги и прижала брюки к икрам и начала толкать вниз, вслед за Машенькой, и Корнелий все медлил, никак не мог заставить себя сделать еще один шаг. А потом он увидел, как совсем недалеко с берега в столбе брызг, как торпеда, врезался в воду дядя Георгий — почему он оказался тут? И он плывет, и они с Машенькой все

уменьшаются и растворяются в серой мгле... А потом дядя Георгий долго болел воспалением легких, а Машенька ничего не сказала Удалову. Но это было потом.

Ксения успела забежать между водой и Удаловым и встала на его пути как танк.

— Не пущу! — кричала она.

— Пусти, — вяло сказал Удалов.

Он понимал, что хоть сейчас, с опозданием на много лет, он должен броситься в воду, чтобы искупить тогдашний свой страх. Он никогда не думал, что это так ужасно — вспомнить.

Минц нажал ладонью на его плечо, заставив сесть на траву.

— Выпейте. — Он протянул желтую таблетку. Ксения набрала в горсть воды из реки, и Удалов покорно запил таблетку.

— Что вы со мной сделали! — тихо произнес он.

— Простите, — сказал Минц, который все уже понял. — Побочный эффект.

— Я не хочу жить, — ответил Удалов.

— Мне надо было испытать средство на самом себе, — произнес Лев Христофорович. — Но и то, что мы с вами сегодня узнали, хоть и дорогой ценой, послужит темой для серьезной и в целом оптимистической статьи.

— Оптимистической? — спросила Ксения.

— Природа милосердна, — объяснил Лев Христофорович, — а я попытался лишить ее милосердия. Память человека гуманна и потому избирательна. Мы куда острее переживаем горе, разочарование, потерю, чем радость или достижение, потому что жизнь учит нас на наших ошибках. Но горе уходит — с горем нельзя жить рядом. В прошлом мы запоминаем хорошее. Дурное уходит в подсознание. Оно живет там как бы за занавеской. Чтобы не мучить нас. Мы с улыбкой вспоминаем о том, как мальчишкой потеряли двадцать копеек и как ужасно было остаться без мороженого, потому что эти двадцать копеек ты копил целую неделю. Мы снисходительны к ужасу, который вроде бы выветрился из памяти. А представляете, каково было сегодня Корнелию пережить все те трагедии, которые на самом деле с высоты лет давно уже перестали быть трагедиями?

— Нет, — сказал Удалов. — Там рубля два было, мне мать на молоко дала. А они отобрали. — Он вытер слезу. Он на глазах успокаивался. Видно, желтая таблетка начинала действовать. — Но ведь она утонуть могла.

Минц с Ксенией переглянулись. Они не поняли, они решили, что Удалов заговаривается.

Поддерживая Корнелия под локти, они повели его обратно.

Удалов был мрачен и старался не глядеть по сторонам. У поворота на Пушкинскую им встретился Стендаль, который спешил в редакцию.

— К двенадцати часам жду статью! — весело крикнул он.

— Нет, — вздохнул Удалов. — Писателя из меня не вышло.

В этот момент его лицо исказила жалкая гримаса.

— Я согревал ее руки поцелуями, — произнес он с невыразимой болью, — и жаром своего дыхания. Всю ночь напролет я бодрствовал подле нее и возносил к небу молитвы о ниспослании ей сна тихого и безмятежного. О Боже, сколь пламенны и искренни были мои моления! И сколь жестоко Ты их отверг!

Удалов плакал.

— Я умру сама! — воскликнула Ксения. — Он опять о ней!

— Нет, — возразил профессор, морща лоб. — Это что-то знакомое...

— Конец ее страданий приближался, — продолжал Удалов. — Я потерял ее. Она засвидетельствовала мне свою любовь в самую минуту смерти. Это все, что я в силах сообщить вам о сем роковом и горестном событии.

Удалов уселся на мостовую и закрыл лицо руками.

— Аббат Прево, — вспомнил и облегченно вздохнул Лев Христофорович. — «Манон Леско». Заключительная сцена. Смерть Манон в диких прериях Америки.

— Правильно, — согласился Удалов. — Я читал эту книжку в восьмом классе.

ДВА САПОГА — ПАРА

— Ты, Саша, — сказал Лев Христофорович Минц, — пытаешься добиться невозможного в пределах законов физики. Это бесперспективно.

— Не знаю. — Саша Грубин загнал длинные пальцы в лохматую шевелюру. — Но я верю в упорство.

— В упорство жука, который срывается со стекла, но снова и снова ползет вверх. А куда — не знает.

С этими словами Лев Христофорович осторожно подобрал со стекла черного усталого жучка и выкинул его в форточку.

— По законам физики, Саша, вечный двигатель невозможен.

— Знаю, — согласился Грубин. — Но прошлая модель три дня крутилась.

Минц задохнулся от возмущения. Спорить с Сашей Грубиным он считал своим долгом, но тут не выдержал.

Резким движением профессор схватил со стола лежавший там белый шар сантиметров шести в диаметре и запустил им в Грубина. Тот успел выставить вперед руки, но шар скользнул по ним и покатился в угол комнаты. Совершенно беззвучно.

— Что это еще такое? — спросил Грубин.

— А ты подними, не укусит.

— У вас никогда не знаешь, что укусит, а что нет, — сказал Саша и подобрал скользкий упругий шар.

— Что скажешь? — спросил Минц.

— Не знаю, — признался Грубин. — Мячик какой-то.

— Не мячик, а нарушение физического закона, — сказал Минц. — Не понравился мне закон, вот я его и нарушил. Но не так, как ты. Не в лоб.

— Расскажите, — попросил Грубин, понимая, что присутствует при рождении нового направления в науке.

— Ты присутствуешь, — как всегда, Минц угадал ход мыслей Грубина, — при рождении нового направления в науке. Пришел ко мне на днях Спиркин. Знаешь Спиркина?

— Нет.

— Директор нашего гастронома. Достойный человек, болеет за свое дело. Пожаловался на упаковку. Просто слезы на глазах. Присылают с фабрики молоко, кефир и прочие текучие продукты, а пакеты ненадежные. Течет молоко по полу, проливается кефир и ряженка. Жалуются покупатели, а толку нету. Что, говорит, делать?

— Это молоко! — воскликнул Грубин. — Молоко в новой упаковке. Я понял! Тонкий пластик, почти невидим...

Минц глубоко вздохнул и застучал кончиками пальцев по подоконнику, что было у него выражением крайней досады.

— Ах, Грубин, Грубин! — сказал он. — Я говорю, доказываю, убеждаю, наконец, что изменил закон природы, сломал константу! А ты мне — пластиковое покрытие, пластиковое покрытие. Да если бы я сделал пластиковое покрытие, то завод-изготовитель наверняка бы не нашел нужного пластика, а нашел бы — так нарушил бы технологию... Нет, спасти магазин от проливания жидких продуктов я мог только путем революции в физике. Иного пути нет. Гляди.

Минц взял со стола другой шар, кинул в пустую кастрюльку, достал толстую иглу и проколол оболочку шара. Шар исчез, а кастрюлька оказалась на треть наполненной молоком.

— Вот и все, — сказал профессор. — Вот и все.

— Погодите, погодите, — сказал Грубин. — Как же так?

Он взял кастрюльку, поболтал ею, чтобы посмотреть, где обо-

лочка. Оболочки не было видно. Грубин перелил молоко в стакан, снова заглянул в кастрюлю. Кастрюля была пуста.

— Ничего не понимаю, — сказал Грубин. — Неужели оболочка пакета такая тонкая?

— Вот именно! — Минц расхохотался, как фокусник, которому удалось одурачить скептически настроенную аудиторию. — Где оболочка? Ищешь? Ищи. До вечера будешь искать, потому что твой мозг движется по проторенным путям.

— Но если нет оболочки, то как...

— Вот именно — нет оболочки! И не надо оболочки! Измени константу — и не надо оболочки.

— Какую еще константу?

— Поверхностное натяжение жидкости! Это просто и потому...

— Потому гениально, — тихо ответил Грубин.

— Именно поверхностное натяжение заставляет воду собираться в капли, когда она падает с небес на землю. Оно позволяет водомеркам бегать по реке...

Грубин глядел на Льва Христофоровича и поражался. В самом деле, тысячи умных людей обдумывали, как запаковать молоко. Пропитывали бумагу воском, изготовляли консервные банки и бутылки разного размера и формы. И никому не пришло в голову, что можно вообще обойтись без тяжелой, ненадежной и грубой тары... Какие перспективы открываются перед народным хозяйством!

— Ну, как тебе понравилась моя идея?

— Замечательно! — ответил Грубин. — Удивительно, как и все, к чему вы прикасаетесь. Вы просто Мидас! Прикоснулся — получилось золото.

— Да? — Минц был явно польщен. Он был не чужд человеческих слабостей. — Мидас — это слишком. Мидас — фигура отрицательная. Он не думал о человечестве, он думал только о себе. В этом наше принципиальное различие. Но стоит крикнуть...

Грубин внутренне содрогнулся. Он был готов поверить в любую неожиданность, в любой изгиб мысли профессора. А так как у Грубина было хорошо развито воображение, то он сразу представил себе страшную картину: профессор Минц решает пожертвовать собой, чтобы увеличить золотой запас нашей страны. И вот все, чего он коснется, превращается в золото. Сотрудники Министерства финансов стоят рядом и подают профессору небольшие слитки свинца или олова, профессор усталым жестом дотрагивается до них, и слитки, теперь уже золотые, тут же опечатывают и увозят на бронеавтомобилях в соответствующие кладовые. Профессор шатается от усталости и недоедания. И никто не может помочь ему...

Никто не может придумать, как его накормить и напоить. Последним движением профессор дотягивается до бронеавтомобиля. Бронеавтомобиль вспыхивает золотым сиянием, оседает, потому что рессоры не выдерживают его веса, а рядом с бронеавтомобилем падает, выполнив свой долг перед Родиной, Лев Христофорович Минц...

— Ты о чем-то задумался, Саша? — спросил Лев Христофорович.

— Нет, — спохватился Грубин и постарался согнать с лица грусть. — Я думал о трагедии царя Мидаса.

— Тогда в дорогу, — сказал Минц.

— В какую дорогу?

— Нельзя же останавливаться на достигнутом. Если в моих силах изменить поверхностное натяжение воды, то мы должны испробовать иные возможности этого изобретения.

Профессор натянул стоявшие в углу резиновые сапоги, затем схватил со стеллажа пробирку, покапал из нее на тряпку, протер тряпкой швы сапог и направился к выходу.

Поздняя холодная весна стояла на улице. Дул пронзительный ветер, в тенистых уголках двора еще таился серый снег. На закраинах луж хрустел ледок. Минц остановился, поежившись. Грубин, догнав его, накинул ему на плечи пальто.

— Спасибо, — сказал Минц. — Ты понимаешь, куда и зачем я пошел?

— Нет еще, — сказал Грубин.

— Любое изобретение должно быть развито до пределов. Упаковка молока — лишь один из аспектов применения моего нового открытия. Причем это не самый важный аспект. Я увеличиваю тысячекратно поверхностное натяжение химическим методом. На молекулярном уровне. Состав, изобретенный мною, реагирует с молекулами жидкости и упрочивает их связи. Следовательно, мы можем обрабатывать им не только саму жидкость, но и предметы, которые с этой жидкостью будут соприкасаться. Ясно?

— Не очень.

— Я обрабатываю сапоги, и в тех местах, где они соприкасаются с водой, получается зона повышенного поверхностного натяжения. Гляди!

Минц шагнул к луже и смело вступил в нее. Вода в луже чуть прогнулась, но выдержала вес профессора. Он медленно и спокойно пересек лужу, не замочив сапог.

— А что будет дальше? — спросил гордый изобретатель, остановившись по ту сторону лужи. — Дальше мы обрабатываем своим

составом шины автомобилей! И решена проблема мостов и переправ! Что ты на это скажешь?

Грубин ничего не сказал. Он любовался профессором, который резко повернулся и суворовским шагом, не обращая внимания на лужи, направился к воротам. Он быстро шагал к реке Гусь, а Грубин спешил за ним, обегая лужи.

По реке Гусь шел лед. Льдины плыли торжественно и неспешно, от реки веяло весенним свежим холодком.

— *Лев Христофорович! — взмолился Грубин. — Не надо!*

— Почему не надо? Я, как исследователь, должен сам сначала все испытать.

— Пускай этим займутся специальные люди, — возразил Грубин, придерживая профессора за локоть, чтобы он не бросился в ледяную, опасную воду. — Пловцы, мастера спорта. А вдруг ваш состав кончится на середине реки? Вы ведь даже плавать не умеете.

— Я не собираюсь плавать! — возразил Минц. — Я собираюсь ходить по воде яко посуху.

— Я все-таки возражаю. Вы можете простудиться. Глядите, какой ветер!

Минц как будто только сейчас сообразил, что и в самом деле холодно. Он заколебался. И неизвестно, чем бы кончился этот спор, если бы острый взгляд профессора не уловил движения на маленьком островке посреди реки.

— Глядите, — сказал он. — Какая трагедия!

На островке, испуганно поджимая хвостик и лапы, в ужасе глядя на плывущие неподалеку льдины, сидел заяц. Вода поднималась, и ясно было, что бедняге долго не продержаться.

— Мы не можем ему помочь, — сказал Грубин и почувствовал, сколь неубедительны его слова.

— Не можем? Сейчас же отпусти меня!

— Не отпущу.

Тогда Минц извернулся и ловко выскользнул из пальто. Пока Грубин соображал, в чем дело, и махал пальто, как знаменем, Минц смело шагнул в бегущую воду, которая чуть прогнулась под сапогом, в два шага достиг первой льдины, прошел по ней, широко расставив руки, чтобы не потерять равновесия, так как льдина подозрительно зашаталась, и прыгнул с нее в воду. Грубину показалось, что каблуки профессора обязательно пробьют ее верхний слой. Но вода выдержала, только прогнулась сильнее прежнего, и Минц зашагал дальше, стараясь обходить льдины.

Грубин стоял на берегу, переживал, шаря глазами вдоль берега в поисках какой-нибудь лодки, хотя понимал, что лодок на берегу

сейчас нет и быть не может, да если бы и была, все равно на лодке в такой ледоход профессору не поможешь. Но вот Минц уже у островка. Заяц сжался, попытался отпрыгнуть в сторону, но льдина, резанувшая краем по островку, заставила его метнуться прямо в руки профессору. Тот подхватил зайца, прижал к животу, и заяц сразу затих.

— Э-ге-гей! — закричал Минц, перекрывая шум льдин и воды. — Грубин! Жди меня!

Обратно профессор шел совсем уверенно. Он миновал уже большую часть пути, отталкивая сапогами льдины, распевая какую-то бравурную опереточную арию. И излишняя самоуверенность его подвела. Когда до берега оставалось всего метров двадцать, профессор необдуманно наступил на край льдины, и она ушла из-под ног, показав свой острый край. Профессор потерял равновесие и сел в воду. К несчастью, составом, повышающим поверхностное натяжение воды, были смазаны лишь подошвы сапог, но не брюки изобретателя. Профессор провалился в глубь реки, и это было странно для глаз Грубина, который за последние минуты уже привык к тому, что Минц идет по воде пешком. И вдруг... как будто Лев Христофорович нашел дырку в воде и ухнул в нее, как в яму. Он продолжал прижимать к груди зайца, закричавшего в предсмертном ужасе.

Грубин не раздумывал. Он бросил пальто и прыгнул на проплывавшую мимо льдину. С нее на другую. Теперь перед ним была полынья метра в три шириной. В нормальной жизни Грубину никогда бы не одолеть такого расстояния. Но сейчас он даже не размышлял, прыгнул и удержал равновесие...

Через минуту Грубин уже дотянулся до профессора и рванул его вверх. Минц буквально вылетел из воды.

От этого движения Грубин наверняка бы упал, если бы не сапоги профессора. Вылетая из воды, Лев Христофорович ухитрился подогнуть ноги и встать на корточки. Сапоги сразу принялись за работу. Для них вода была твердой. Профессор выпрямился и поддержал Грубина.

К этому времени их вынесло на середину реки. Они стояли, держась за руки. Профессор Минц на воде, а Грубин на льдине. Профессор промок, но не чувствовал холода. Заяц тоже промок и больше не кричал, а лишь мелко дрожал.

— Спасибо, — сказал Минц.

— Н-н-не стоит, — сказал Грубин.

Ноги его подгибались после пережитого. Опасность еще не исчезла. Профессор Минц мог бы теперь добраться до берега, но Грубин был не в силах повторить свое путешествие.

— Значит, так, — сказал Минц, опираясь на Грубина и медленно, осторожно поднимая правую ногу. — Придется нам совершить не совсем элегантное, но вынужденное путешествие. У тебя какой размер обуви?

— Сорок третий, а что?

— Ничего, будет немного жать, — сказал Минц. — На одной ноге прыгать умеешь?

— Н-н-не знаю...

Профессор, стоя на одной ноге, стащил с другой сапог и протянул Грубину.

— Будем прыгать, — сказал он, — держась за руки.

И они запрыгали по воде к далекому берегу. Свободной рукой Минц держал зайца. Когда до берега оставалось метра три и стало ясно, что спасение близко, Минц вдруг сказал:

— Какое счастье, что никого не было на берегу! Мы бы стали посмешищем для всего города.

ПЛОДЫ ВНУШЕНИЯ

Лето прошло, а сыграть в домино все не могли собраться. Меняются времена, меняются люди. Раньше, как вечер наступит, со двора слышен гром — мастера долбят по столу костяшками. А теперь кто уехал, кто занят, кто разлюбил эту рыцарскую игру.

В октябре — вечер выдался мягким, теплым, почти летним — старик Ложкин вынес во двор заслуженную коробку, рассыпая по влажной от утреннего дождя столешнице черные костяшки. И стал ждать.

Сначала появился Корнелий Удалов. С женой повздорил. Потом выглянул из своего окошка Саша Грубин, увидел людей, подошел, сел на скамью, смахнув прилипший желтый лист. Последним появился профессор Минц Лев Христофорович.

— Трудный день, — сказал он. — Газеты читал, а еще и работать нужно.

Все согласились, что трудный день.

— И времена трудные, — сказал Ложкин.

— Да, трудные, — подтвердил Минц. — Не успеваешь прессу читать. Центральные газеты, областные газеты, городская пресса...

— Шумим, — проворчал Ложкин. — Шумим.

Старик был в оппозиции. Грустно ему было смотреть на активность молодого поколения.

Удалов размешал костяшки тщательно, как в старые времена. Но никто не спешил забрать свои.

— Тебе бы Батыева вернуть, — сказал Грубин Ложкину. — Чтобы был порядок и спокойствие.

— Молчи, кооператор, — ответил с презрением Ложкин.

Ложкину было противно считать, сколько Грубин заработал за последний месяц, делая мелодичные дверные звонки для жителей Великого Гусляра. Звонки исполняли любую мелодию, а в случае нужды говорили ласковым голосом, что хозяина нет дома. Звонки пользовались спросом. А когда Ложкин сказал, что такой звонок ему не по карману, то Грубин сделал ему в подарок звонок с негромким колокольным перезвоном, в котором угадывался «Марш энтузиастов». Подарок Ложкина возмутил, потому что укрепил в мысли, что Саша Грубин бесстыдно обогатился, раз может позволить себе делать такие подарки.

— При Батыеве, — заметил Ложкин, — мы тоже немалого добились. Переходящих знамен завоевали штук шестьдесят. Мне звание почетного гражданина дали, семь юбилейных значков... Организованно жили. Солидно. А вот я недавно пришел к Белосельскому с жалобой на Гаврилова, а у Белосельского дверь в кабинет раскрыта. Заходи любой. Так можно и без авторитета остаться.

С Ложкиным спорить не стали.

— Ну, начнем? — спросил Удалов.

— Движение вперед, — сказал Минц, не делая попыток забрать костяшки, — вот главный закон природы.

Новые люди, новая инициатива. Смотрите, сколько перемен вокруг!

— Что же получается, движение ради движения? — спросил Удалов.

— Любое движение, — ответил Минц, — подразумевает перемены. А нам нужнее всего перемены.

— Да здравствуют перемены! — воскликнул Грубин.

Наступила пауза. Слышно было, как в соседнем дворе заскрипела калитка. Захлопала крыльями ворона, опускаясь на крышу.

— Нет, — сказал Удалов. — Любые перемены — это опасно. Некоторые так думают, что изобрел, отрапортовал, выдвинулся, а какой ценой — не важно. Есть такая тенденция.

— Есть, — сразу согласился Ложкин. — Устал я от этого.

— Значит, ты против прогресса? — спросил Грубин.

— Я за прогресс, но без лишнего изыска. Хотите историю расскажу?

— Только не выдумывай, — предупредил Грубин.

— Чистая правда, — сказал Удалов.

И он поведал соседям историю, что приключилась с ним на одной планете во время последнего космического путешествия. Название планеты он не запомнил, да и не важно это — сколько их разбросано по просторам Галактики! И на каждой свои проблемы, свои трудности. Имен действующих лиц и их должностей Удалову также узнать не довелось. Поэтому тамошние к-армины он называл городами, а вкушера Крисловиа именовал просто начальником. Это мы с вами знаем, что вкушер Крисловиа — плакорисс к-армины Пр. А Удалов не знал. Зато он был свидетелем тех событий и излагал их правдиво.

— Попал я туда проездом, — начал Удалов. — Остановился в гостинице. Вечером делать было нечего, включил телевизор. Круглый такой, в воздухе висит, как раз над кроватью. Передавали про ихнего врача-психолога. Женщине делали операцию, а он внушил ей, что никакого наркоза ей не надо. Такая у него была сила внушения.

— Это я тоже видел, — сказал Ложкин. — У нас передавали.

— Погоди, не перебивай, — сказал Удалов. — Сидит, значит, этот психолог в своем кабинете, вокруг телевизионная аппаратура. И говорит той женщине: расслабься, сейчас в тебя ножик войдет, как в хлеб с маслом, ты ничего не почувствуешь. Она улыбается, закрывает глаза и подтверждает: ничего не чувствую, только режут меня, как хлеб с маслом. А врачи тем временем кромсают ее своими скальпелями. Вырезали все, что надо, психолог по телевизору приказывает: открой глаза и признайся, хорошо ли тебе? Ой, хорошо, говорит та женщина. И психолог ей объявляет: все, теперь десять дней ты ничего чувствовать не будешь, а потом все заживет.

— Гипноз, — сказал Минц.

— Ясное дело, что гипноз, — согласился Грубин.

— По нашему телевизору он тоже про хлеб с маслом говорил. Неужели такое совпадение?

— А они такие слова во всех галактиках говорят, — догадался Грубин.

— Может быть, — сказал Удалов. — Главное, что потом произошло. Вернулся тот психолог домой, и тут же ему телефонный звонок от городского начальника. Прибыть на ковер. Психолог отвечает: я устал от нервного напряжения, не пойду! Только лег спать — стук в дверь и появляется начальник. Начальник был новый, активный, все искал, как бы выделиться, как бы соответствовать новым веяниям. Просто извелся от желания себя показать. Увидел он по телевизору передачу, и сердце у него забилось: понял, что есть у него шанс. Вошел начальник к психологу и вежливо говорит: «Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе».

— У них и Магомет есть? — спросил Ложкин, ухмыльнувшись.

— Условно, условно! — отмахнулся Удалов. — Пришел, значит, к психологу начальник и говорит: «Наша великая борьба с алкоголизмом идет с переменным успехом. То мы пьянство потесним, то оно нас». — «А я тут при чем? — спрашивает психолог. — Я непьющий». — «А ты скажи: на одного человека можешь влиять по телевизору или на коллектив замахнешься?» — «Можно и на коллектив». — «Тогда выступи, внуши людям о вреде спиртных напитков. Сделаешь — улучшим тебе жилищные условия. Не сделаешь — разоблачим в фельетоне».

Делать нечего, психолог согласился. Условия у него оставляли желать лучшего.

В назначенный час местное телевидение объявило, чтобы все спешили к голубым экранам, потому что будет чрезвычайное сообщение. Все поспешили, экраны включились, психолог посмотрел в глаза горожанам и сказал: «Дорогие товарищи зрители! С сегодняшнего дня вы больше не хотите пить водку и даже пиво. Вызывают они в вас отвращение. И склонности к этому вы больше не имеете».

Сделал он свое дело и пошел спать.

А городской начальник спать не пошел. Он сначала на себе проверил, достал из бара бутылку коньяка, покрутил в руках и подумал: зачем же люди свое здоровье губят? Но начальство — это еще не весь народ. Так что начальник к открытию винного отдела затаился поблизости и стал наблюдать.

Магазин открылся, но никакой очереди не было. За первый час зашли в него человека два-три, из тех, у кого телевизора нет. Купили они по бутылке, а распить не с кем.

С чистым сердцем поехал начальник в область. Там на совещании отрапортовал: «Наш город трезвый на девяносто девять и девять десятых процента. Не верите — проверьте! И можете нашей торговле плана по водке не спускать».

В зале зашумели, даже засмеялись. Но прошел месяц, везут из того города в область непроданную водку. И ни одной жалобы на нехватку спиртного. Пришлось поверить.

Больше всего это сообщение встревожило начальника соседнего города. Они давно с первым городом соревновались, а тут такое событие! А надо сказать, что у начальника второго города сестра жены в первом городе жила. Так что тайна открылась скоро.

И задумал второй начальник диверсию, потому что был молод, полон сил и выдумки. Он сказал своей секретарше: «У моего соседа золотой петушок в руках, а он им гвозди забивает».

Тем же вечером перед новой квартирой врача-психолога оста-

новилась машина. Из нее вышел помощник второго начальника и внес в квартиру фирменный торт и букет алых гвоздик.

«Это от ваших почитателей, — сказал он. — Из нашего города». — «Спасибо, — сказал врач-психолог. — Я очень тронут». — «Скажите, — спросил помощник начальника, — за какой гонорар вы согласитесь выступить по нашему городскому телевидению с лекцией о вреде алкоголя? У нас тоже еще остались некоторые пьяницы, и нам очень нужно их перевоспитать».

Не хотелось психологу ехать в незнакомый город, но его убедили, что он послужит благородному делу. Так что он согласился.

Там, на городском телевидении, он провел успешную борьбу с алкоголизмом, а начальник, который при этом присутствовал, сказал ему задушевно: «Дорогой ты наш психолог, есть у нас для тебя задание. Только ты не возражай, руками не махай, не сопротивляйся, потому что ты у нас в руках. Беда у нас в городе — совсем нет мяса и сахара». — «Ну и что?» — спросил психолог, который был далеко не такой сообразительный, как начальник. Может, поэтому и не стал начальником. Я вот вспоминаю, какой случай был у нас в Гусляре...

— Не отвлекайся! — сказал Ложкин. — Говори по делу. Без лирики.

Удалов извинился и продолжал:

— «Ты, — сказал второй начальник, — должен выступить по нашему городскому телевизору и убедить народ, что он не любит сахара и совсем не выносит мяса».

Психолог возмутился, стал возражать. А ему — гонорар! Он от гонорара отказался, тогда его арестовали и посадили в отделение за нарушение общественного порядка.

— Хорошо, что не на нашей планете, — сказал Грубин. — А то бы мы тебе, Удалов, не поверили.

— Я и говорю, что не на нашей, — сказал Удалов и продолжал: — Трое суток сопротивлялся психолог. Сломили его в конце концов. Выступил. И такая у него была сила гипноза, что на следующий день перестали жители того города покупать сахар и мясо. И сразу прекратился дефицит.

— Безобразие! — сказал Ложкин. — За такие вещи следует судить!

— А надо сказать, — продолжал Удалов, — что первый начальник сразу хватился, что его психолог пропал. Подняли на ноги милицию, подсуетились и обнаружили, что в соседнем городе не только пить водку перестали, но люди сахара и мяса не покупают. Тут первый начальник начал на себе волосы рвать, что сам не догадался, и потребовал от соседа: «Верни психолога!» Тот психолога

не вернул, только смеялся. Он готовил своего пленника к следующей акции — к отказу от масла.

Но не успел. Первый начальник уже добрался до области и поднял там страшный бум. Пробился к областному начальнику и выложил ему всю правду — себя не пожалел, но уж своего соседа разоблачил.

Вызывает область по вертушке второго городского начальника. И приходится тому везти психолога в область.

— Его домой не вернули? — спросил Грубин.

— Нет, в область перевезли. В области тоже проблемы. И областной начальник там новый, энергичный, с идеями.

Как ни крутился психолог, как ни просил отпустить его к научной и лечебной деятельности, пришлось ему по областному телевизору выступать, отучать людей от пьянства в масштабе области. А потом... — Тут Удалов сделал долгую паузу, а его друзья терпели, потому что им очень хотелось узнать, чем же кончилась та история. — Уже на следующий день психолог выступил по телевизору и убедил жителей области выйти на субботник по уборке города, а в воскресенье уехать добровольно в пригородные хозяйства на прополку.

— Ну это ты хватил! — возмутился Ложкин. — Откуда на далекой планете субботники?

— Ну, может, это четверговниками называлось. Разве так важно? — сказал Удалов. — Главное, что пропололи. С энтузиазмом. И область отрапортовала. И это был последний день работы психолога в той области.

— Возмутился? — спросил Грубин.

Удалов отрицательно покачал головой.

— А что ему возмущаться? — спросил Ложкин. — Он делал хорошее дело. Разве по доброй воле народ на прополку поднимешь? Я помню, в сорок седьмом на заем подписывал. В размере двухмесячного заработка. Ох, как сопротивлялись! До принятия мер.

— Ложкин, — сказал Грубин, — ты нам когда-нибудь о своей общественной деятельности в эпоху культа личности отдельно расскажешь.

— А я что? — Ложкин уловил опасное в голосе Грубина. — Я был рядовым бухгалтером. В профкоме. Как все, так и я...

— Нет, — продолжил Удалов. — Не возмутился психолог. А если возмутился, то не показал виду. Оробел. После отсидки в ихнем отделении. Но случилось так, что в ту же ночь его отвезли в столицу.

— Правильно, — одобрил Ложкин. — Если бороться с пьянством, то в масштабе всей планеты. Одним ударом.

— Вряд ли на центральном телевидении разговор шел о пьянстве.

— Почему? — вскинулся Ложкин.

— Бороться с ним нужно, но если никто не будет покупать вино, — сказал задумчиво профессор Минц, — то встанут серьезные финансовые проблемы. Это закон Галактики.

— Правильно, — сказал Удалов. — О пьянстве речи не было. Были среди столичных начальников такие, что ставили интересы ведомства выше народных и хотели выполнить свои планы и задумки одним ударом. Первым психолога схватил министр текстильной и обувной промышленности, фабрики которого совершенно не справлялись со своими обязательствами. Психолог по его приказу внушил населению полное презрение к одежде. Тогда, помню, стояло лето, и все пошли по улицам в купальниках или трусиках, а то и вовсе обнаженные.

— А ты сам? — спросил Грубин. — Разделся?

— Я не разделся, потому что ихнего языка не знал.

— Продолжай, — сказал Ложкин. — Ври дальше.

— На следующий день до психолога добрался министр транспорта, который никак не мог решить проблему топлива. Пришлось психологу внушать народу, что ходить пешком куда приятнее, чем ездить на автомобилях и в автобусах. От этого, конечно, разладилась работа на заводах и в учреждениях, так как многие стали опаздывать. Пришлось вмешаться в дело министру труда. Он приказал психологу, чтобы тот внушил народу любовь к труду такого масштаба, что многие вообще перестали уходить с рабочих мест, только бы не отрываться от дела.

— Славно! — воскликнул Ложкин, но никто его не поддержал.

— Начались голодные обмороки и болезненные осложнения, — продолжал Удалов. — И обеспокоились в первую очередь министр идеологии и министр культуры. Один — потому что опустели все лектории и библиотеки, второй — потому что люди перестали ходить в театры и в цирк. Обиженные министры посадили психолога перед камерами и встали за его спиной, следили, как он внушал народу любовь к изящному искусству и духовной пище. Но когда передача была в разгаре, в студию ворвался министр торговли. Экономия экономией, а магазины прогорают. В студии начался кровавый бой между министрами, и психолог постарался ускользнуть. Он очень устал от выступлений.

У выхода с телевидения психолога поджидала черная бронированная машина. В машине сидел почти голый министр обороны.

«Подожди, — сказал он, — съешь бутерброд, выпей чарку солдатской наливки. Сейчас мои молодцы возьмут студию штурмом,

и тогда ты скажешь народу то, что ему в самом деле пора услышать». — «А что?» — спросил психолог упавшим голосом. — «Наш народ, — сказал министр обороны, — никак не проникнется чувством справедливой ненависти к пултянам, которые двести лет назад предательски оттяпали кусок нашего исконного болота! Ты должен внушить народу желание взять в руки винтовки и показать презренным врагам, где раки зимуют».

Психолог с грустью смотрел, как пробегают по улицам дрожащие, голодные, охваченные трудовым энтузиазмом жители столицы, и представил себе, как завтра они будут корчиться и умирать под пулями. И тогда он сказал: «Я согласен сотрудничать с вами, но при одном условии. Я должен быть уверен, что мою последнюю передачу будут слышать все жители государства без исключения». — «Разумеется», — сказал министр обороны. «Но для того, чтобы я был в этом уверен, вы должны будете приставить людей даже к министрам и прочим высоким чинам государства. Я не хочу, чтобы кто-нибудь из них хоть на мгновение отвернулся от экрана». — «Справедливое требование, — согласился министр. — Мне тоже не нужна оппозиция. Боевым энтузиазмом надо охватить всех».

И он отдал соответствующие приказания. Психолог вошел в студию, подождал, пока включатся камеры, и сказал, глядя пронзительным взором на зрителей: «Уважаемые зрители...»

Тут Удалов прервал рассказ и поглядел на замерших соседей.

— Что он сказал?

— Не тяни! — воскликнул Ложкин. — Хоть и врешь, но захватывает.

— Позвал всех на фронт? — спросил Грубин.

— Погодите. — Лев Христофорович почесал лысину. — Все не так просто. Этот психолог по натуре был наверняка интеллигентом, а по призванию — гуманистом. Значит, он... призвал к миру!

— И его тут же пристрелили, — сказал Грубин.

— Может, и нет, — возразил Минц. — Если он внушил им всем, включая министра обороны, крайнее миролюбие, то солдаты не стали бы в него стрелять. Но тогда бы он не решил остальных проблем.

— Вот именно! — сказал Удалов. — А он хотел с ними покончить. Ведь надвигалась осень. И раздетые, усталые, голодные жители наверняка бы погибли. Вот что он сказал: «Господа министры и заместители министров, господа высокие бюрократы и столоначальники! Господа, думающие о сохранении своего места, а не о собственном народе! Сейчас вас всех охватило страстное желание немедленно уйти в отставку! И никогда не возвращаться к руково-

дящей деятельности. А прочие жители государства — живите, как жили до моих гипнотических сеансов, но, пожалуйста, поумнейте!»

— И удалось? — спросил с надеждой Грубин.

— Начальники тут же написали заявления об отставке. Они так спешили, что той же ночью собрали вещички из кабинетов и потом даже удивлялись: что это их тянуло командовать человечеством? А психолог вернулся в свой город.

— И квартиру сохранил? — спросил Ложкин.

— Квартиру он получил законно. Так что сохранил, — сказал Удалов. И добавил: — Надеюсь, что сохранил...

— Не было этого. — Ложкин складывал костяшки домино в коробку. — И быть не могло. Даже на отдаленной планете.

Удалов пожал плечами и пошел к себе, мириться с женой.

Так они и не сыграли в домино.

САПОЖНАЯ МАСТЕРСКАЯ

> Если ловить рыбу, осушив поток, улов будет богатым, но на следующий год рыба исчезнет. Если охотиться, выжигая леса, добыча будет обильной, но на следующий год дичи не станет.
>
> *«Весна и осень Люя».*
> *Китай. III в. до н.э.*

Долгие годы в городе Великий Гусляр был только один ресторан — при гостинице. Он пользовался сомнительной славой, потому что туда, как бывает в небольших провинциальных городах, никто не ходил питаться, а ходили гулять. Правда, порой белыми воронами возникали в нем гостиничные постояльцы. Они хотели кефира и яичницы. Они получали бифштекс и сто граммов коньяка.

Два года назад положение изменилось, потому что открылся новый ресторан, ресторан-баржа, при общежитии для туристов. У ресторана было игривое название «Гусь лапчатый», и он был оформлен в русском стиле. На стенах трюма висели прялки, грабли и чеканенные по меди домашние животные. Здесь туристов кормили комплексными обедами, в днище баржи стучала вода, и, если поднимался ветер, баржу слегка покачивало. За рекой начинались дремучие леса — место было романтическое, и там можно было проводить время, а не только гулять.

Сюда директор кожевенного завода пригласил милого, еще молодого, склонного к полноте и романтике Мирона Ивановича, городского архитектора, на обед. Обед должен был быть приятным, но деловым, а дело было деликатным. Завод строил корпус заводоуправления, рядом положено быть проходной и стоянке для машин.

На месте предполагаемой стоянки и проходной торчала и всем мешала старая развалюха-часовня, которую занимала сапожная мастерская. Часовню надо было снести, но мешала общественность во главе с Еленой Сергеевной, директоршей городского музея. Сейчас директорша уехала в отпуск, и надо было снести развалюху, пока она не вернулась.

— Я же не против. — Мирон Иванович и не скрывал своей позиции. — Часовня вылезает на мостовую, мешает движению.

— Не только мешает, а нарушает, — говорил директор завода, сводя к переносице схожие с черными мохнатыми гусеницами брови. — Нарушает общий вид твоего проекта. Ну представь себе, ты же творческий человек, что останется от лица, если она будет высовываться? Ты кушай рыбку, Мирон, хорошая рыбка. Ничего, что я с тобой попросту?

Завод был намерен построить два типовых дома. Мирон Иванович привязывал их к местности и рассчитывал на квартиру в одном из них. Житейская история. И часовня была обречена, ничто ее уже не могло спасти.

Есть маленький город, в нем относительно крупный завод, городу завод нужен. К тому же эстетический момент тоже играл роль — городу хотелось иметь новое здание из стекла и сборного железобетона.

— Спасибо, рыбка вкусная, — отвечал Мирон Иванович. — Архитектурной ценности часовня не представляет. Я осматривал.

— Видишь, даже осмотрел, — сказал заместитель директора, при первом же взгляде на которого было ясно, что он шалун и страстный рыбак. — Значит, проявил ответственность. А что ты завтра делаешь, в субботу?

— Не планировал, — ответил Мирон Иванович.

— Завтра нас Степанцев на рыбалку зовет. Присоединишься?

Мирону Ивановичу, человеку в городе сравнительно новому, было приятно общаться с городской элитой.

— Я, честно говоря, совсем не имею опыта, — сказал Мирон Иванович.

— А мы рыбку с собой возьмем, — засмеялся директор густым голосом. — Степанцев свиными шашлыками обеспечит.

Степанцев был заведующим свинофермой. Мирон Иванович глядел на своих собеседников, и ему было приятно. И от несильного опьянения, и от забавных мыслей, которые неожиданно посещали его. Например, о том, что Степанцев совсем не похож на заведующего свинофермой. А похож на писателя Гоголя и даже пишет стихи. А заместителя директора завода зовут в область, на новый пост, а он всем говорит: «Лучше быть первым парнем на деревне, понимаешь?»

Они выпили еще, за прогресс. Заместитель директора сказал, что, будь он архитектор, он бы половину города снес. Эти подслеповатые хибары, в которых жили купцы, только портят пейзаж. Директор не дал Мирону Ивановичу возразить, он сам ответил.

— Ты что же думаешь, Сергей, — сказал он, — туристы едут с разных концов нашей родины, только чтобы твоим заводом полюбоваться? Им дорога история.

— Правильно, — поддержал директора Мирон Иванович. — Вы в самую точку попали. Я потому и согласился поехать в Великий Гусляр, что здесь удивительное сочетание старины и новизны. Мы должны сохранять память о культуре. Это живая нить.

— Живая нить на живую нитку, — пошутил заместитель.

Мирон Иванович заметил краем глаза, что за соседним столиком сидит девушка в голубом платье, одна, и прислушивается к его словам. Незаметно для себя он повысил голос:

— Отсюда уходили на восток землепроходцы, которые несли память о Великом Гусляре к берегам Камчатки и Ледовитого океана.

Директор не смог более терпеть — ему тоже хотелось сказать. Он остановил Мирона Ивановича мягким, но властным движением ладони и подытожил:

— Туристы едут с разных сторон нашей Родины, не только чтобы нашим заводом полюбоваться. Им дорога и история.

Тут заместитель директора догадался, что можно уточнить. И он сказал, тоже подняв ладонь, мягко, но решительно, чтобы Мирон Иванович не вмешался:

— Но им дорог и наш завод. Потому что это завтрашний день Великого Гусляра. Им будет чем любоваться.

Мирон Иванович взглянул на девушку в голубом. Она смотрела на него.

— С другой стороны... — решительно произнес он.

Но тут директор снова остановил его движением ладони, которого Мирон Иванович не мог ослушаться, и добавил:

— Но это не исключает.

После этого Мирону Ивановичу нечего было добавить.

В голове приятно шумело, и захотелось покурить. Но курить в трюме баржи нельзя, а спутники его были некурящими, так что он извинился и пошел наверх, на палубу, где был прибит железный лист и стояло ведро для окурков.

Мирон Иванович стал глядеть вниз по реке. Вечерело, оттуда тянуло сырым еловым воздухом, и он представил себе, как завтра рано утром они поплывут на катере к Веселому омуту. По реке будет плыть утренний туман, а потом они будут есть шашлыки и весело беседовать.

И тут он уловил движение у поручней. Он быстро поглядел в ту сторону и увидел, что девушка, та самая, взгляд которой он перехватил в ресторане, стоит совсем близко. И в этом не было ничего удивительного, потому что бывают счастливые вечера, когда все в жизни получается, когда судьба идет тебе навстречу, даря славных собеседников и неожиданную щемящую встречу.

— Вы курите? — спросил Мирон Иванович, обычно крайне стеснительный с девушками. Но сейчас в нем жило глубокое убеждение, что девушка вышла на палубу именно из-за него, что она ждет, когда он осмелится к ней обратиться, и не возмутится такой самоуверенности.

— Нет, спасибо, — сказала девушка, — я не курю.

— Душно стало? — спросил Мирон Иванович, смело разглядывая девушку и удивляясь ее изяществу, хрупкой и угловатой линии шеи и рук, светящейся в полутьме голубизне платья, а главное, естественной воздушности небрежно парящих над плечами русых волос.

— Нет, — ответила девушка, поглядев на него в упор, и Мирон Иванович увидел ее глаза — они раскрылись навстречу ему, голубые, а может, серые, но впитавшие в себя отблески бесцветного сумеречного неба, большие и доверчивые.

— А почему? — вдруг защекотало у него в груди. Она должна сейчас ответить, и от этого ответа в его жизни все может перемениться — то был момент сладкого страха, вызвавшего такую слабость в ногах, что Мирон Иванович быстро выкинул сигарету за борт и вцепился в поручень.

— Я вышла вслед за вами.

— А, — сказал Мирон Иванович. Стеснение и щекотание в груди не прошло, а усилилось, но никакого ответа он придумать не смог.

— Мне надо с вами поговорить, — сказала девушка и чуть приблизилась к нему.

Можно было протянуть руку и дотронуться до ее тонких пальцев. Но, конечно, Мирон Иванович не посмел этого сделать.

Мирон Иванович молчал. Девушка заговорила тихо, как будто они были на свидании, когда близко злые любопытствующие уши и нельзя им открыться.

— О чем... поговорить?

— О вас, Мирон Иванович.

— А вы откуда знаете, как меня зовут?

— Я вас увидела еще вчера, — сказала она, — и узнала ваше имя.

Трап, ведущий на палубу, заскрипел, кто-то поднимался. Девушка еще тише, настойчивее, чем прежде, сказала:

— Я вас буду ждать на берегу. Не спешите, я дождусь.

На палубу поднялся заместитель директора.

— Ты здесь, — сказал он, — а я уж решил, что ты утонул. — Он подошел к Мирону Ивановичу и обнял его за плечо мягкой несильной рукой. — Пошли вниз. Директор хочет тост сказать.

Девушки на палубе не было.

Мирон Иванович вырвался из дружеской компании только через полтора часа. Мирон не мог сказать старшим товарищам, что у него свидание с девушкой, имени которой он не знает. Впрочем, для себя он не называл встречу с девушкой свиданием. Это было не свидание, а нечто высшее — как юношеская мечта.

Он извелся за последний час, потому что официантка не спешила со счетом, а директор желал, чтобы к кофе принесли ликер, которого в ресторане не было.

После каждой досадной задержки Мирон Иванович представлял себе, как девушка смотрит на часы и уходит, растворяется в синей тьме навсегда. Она же не местная! Мирон Иванович работает здесь второй год, но никогда ее не видел. Может, приехала к кому-нибудь на студенческие каникулы? Или туристка?

На выходе из трюма висело зеркало, и, пока его спутники получали в гардеробе шляпы, он украдкой поглядел на себя. Обычно он не переоценивал своих мужских качеств и зеркал не замечал. Но сейчас посмотрел, даже расправил плечи и убрал недавно приобретенный животик. И тут же пожалел, что поддался слабости.

На берегу Мирон Иванович крутил головой, стараясь увидеть девушку. На высокий берег тянулась деревянная лестница. Наверху горели огоньки окраинных домов, по откосу росли кусты, но девушки нигде не было. Мирон Иванович огорчился и чуть не дал себя отвезти домой на директорской машине. Но наверху лестницы он вдруг заупрямился и заявил, что пойдет домой пешком.

— Ладно, — сказал директор, — гуляй, пока молодой, в машине еще наездишься.

Заместитель директора засмеялся этой шутке. Машина уехала. Мирону Ивановичу не хотелось уходить, надо было справиться с разочарованием. И тут он услышал голос:

— Вы заставляете себя ждать.

— Ой! — обрадовался Мирон Иванович. — Неужели вы меня дождались? Я этого даже не ожидал. Знаете, это как... как небо в алмазах.

— Преувеличение, — сказала девушка, и в ее голосе Мирон Иванович уловил улыбку. — Вы меня проводите?

— Если бы вы знали, — сказал Мирон Иванович доверительно, — как было трудно уйти. Вы поймите меня правильно. Они такие милые люди, а иногда чувствуешь необходимость общения.

— Милые? — сказала девушка будто в сомнении.

Она пошла по набережной. Мирон Иванович в два шага догнал ее и стал размышлять, имеет ли он моральное право взять ее под руку или это будет нетактично.

— Вы их не знаете? — спросил Мирон Иванович. — Вы местная?

— Нет.

— А как вас зовут? А то получается смешно: вы меня знаете, а я вас нет.

— Меня зовут Таней, — сказала девушка.

— Вы на каникулы приехали?

— Простите, Мирон Иванович, — сказала девушка, — но разговор сейчас не обо мне.

— Конечно, — согласился Мирон Иванович и вдруг понял, что ему нельзя взять девушку под руку: что-то в ее голосе запретило ему это сделать. — О чем же? — спросил он.

— Разговор пойдет о ваших ошибках, — сказала девушка.

— Правильно, — согласился Мирон Иванович. — Грешен. Ошибался. — И взял девушку под руку.

Та освободила руку, без враждебности, но очень равнодушно, словно смахнула бабочку.

— Я весь внимание, — сказал Мирон Иванович, совсем не обидевшись.

— Сегодня вы наконец-то решились снести часовню.

— Часовню? А, часовню! Это не принципиально.

— Вам ее не жалко?

— Жалко, — сказал Мирон Иванович. — Очень жалко. Она такая милая. Чудесная часовня. Но мешает движению.

— Так вот, Мирон Иванович, — сказала девушка. — Часовню мы вам сносить не дадим.

— Ну и отлично, — согласился Мирон Иванович. Ему совсем

не хотелось ссориться с девушкой. — А у вас платье так нежно светится. Как вы этого добиваетесь?

— Вы меня поняли?

— Я вас понял. Пускай стоит.

— Значит, вы ничего не поняли. Вы отлично знаете, что в понедельник, пользуясь вашим потворством, директор завода часовню снесет. А вы потом, когда приедет Елена Сергеевна или когда к вам прибегут возмущенные пенсионеры, разведете руками и будете отчаянно доказывать, что часовни и не было, а если была, то никому не нужна.

— Не было? А может, мальчика и не было? — Мирону Ивановичу эта мысль понравилась. Он даже засмеялся. — А Елену Сергеевну вы тоже знаете? Чудесная женщина. Такая патриотка, а стоит на пути прогресса. На пенсию ей пора.

Они вышли на замощенную часть набережной. Одноэтажные домики, глядевшие на речку маленькими, светящимися голубым телевизионным светом глазками, кончились. Пошли дома каменные, двухэтажные. Пока они еще стояли редко, потеснее они столпятся у центра, за гостиными рядами. С речки тянуло холодком, комары не приставали, набережная была совсем пустой, никто не гулял, потому что по телевизору показывали третью серию французского фильма о любовных связях Берлиоза.

Они миновали церковь Святого Духа, повернули на Гоголевскую улицу. И тогда Мирон Иванович понял, что гуляют они не без цели, а приближаются к часовне. Ему показалось, что приход сюда был его инициативой, и потому он сказал:

— Вот о ней мы и спорили. Никакой ценности, а углом вылезает на улицу.

Купол часовни давно исчез, она была крыта двускатной железной крышей и покрашена в желтый казенный цвет. Над дверью, сохранившей еще следы лепнины, была прибита вывеска «Мастерская по ремонту обуви». А по сторонам двери у маленьких окошек были прикреплены щиты с изображением всяких видов обуви и написано: «Ремонт срочный и в течение недели». Часовня вылезала углом на проезжую часть, потому что строилась она, когда улица была куда уже. За часовней начинался забор — там была строительная площадка заводоуправления. Фонарь, горевший на вершине крана, казался звездочкой.

— Я вам честно скажу, Таня, — произнес Мирон Иванович. — У меня есть тщеславие. Вы думаете: вот архитектор, наверное, неудачник, живет в городишке, черт знает где. Это неправильно. Я как настоящий полководец — я ношу в сумке маршальский жезл.

И Мирон Иванович похлопал себя по карману пиджака.

— А зачем? — спросила девушка.

Они стояли перед сапожной мастерской, порывы ветра дергали за край плохо прикрепленной вывески, и та мелко дрожала, а иногда била по штукатурке.

— Другие мои сверстники, даже более талантливые, просиживают штаны в больших душных комнатах столичных мастерских, воплощая чужие идеи. В тридцать, в сорок лет они остаются мальчиками на побегушках. А ради чего? Чтобы перейти площадь и попасть в Зал Чайковского на симфонический концерт? Нет, я хочу всегда быть первым. Сегодня в Великом Гусляре, завтра в области. И я вернусь в Москву победителем!

— Я сделаю все, чтобы так не случилось, — сказала девушка.

Мирон Иванович не понял, надо ли улыбнуться или обидеться, но предпочел улыбнуться, хотя улыбка вышла неуверенной.

— Если вы решили оставить меня здесь, потому что сами остаетесь, я не возражаю, — сказал он и снова протянул руку, но Таня сделала маленький шаг в сторону, будто ветер отнес ее, как лепесток.

Рука Мирона Ивановича повисла в воздухе, потом он указал ею на часовню и сказал:

— Что ее стоило снести сто лет назад? Никто бы не возмущался, никто бы не бил в барабаны общественности. Старое должно уступать дорогу.

— Чему?

— Новому.

— Вот этому? — Таня показала на забор, за которым спал подъемный кран.

— Именно. Хотите посмотреть? Там уже вышли на нулевую отметку.

— Нет, не хочу, — сказала девушка. — Мне некогда.

— А я думал, что мы гуляем.

— Это вы гуляете.

— Странно. Самое удивительное свидание, которое было в моей жизни.

— Теперь послушайте меня, — сказала Таня. — А то вы все говорите, а дело не двигается.

— Пожалуйста, — согласился Мирон Иванович. — Пойдем тогда в сквер. Там лавочки.

— Что вы знаете об этой часовне? — спросила Таня, будто не слышала приглашения.

— Старая, — сказал Мирон Иванович серьезно, так как вопрос

был задан серьезно. — Если что и было, то ничего не осталось. И очень нам мешает.

— Эта часовня, — Таня подошла к ней поближе и дотронулась до обрамления узких окошек, — одно из первых каменных зданий такого рода на севере России. Построена она в четырнадцатом веке. Уже поэтому она уникальна. Это самое старое каменное здание в городе.

— Вы архитектор или историк? — спросил Мирон Иванович.

— Я генетик, — ответила Таня. — Часовню, конечно, перестраивали, но внутренняя планировка и стены, к счастью, полностью сохранились. Зайдите внутрь.

— Нельзя, — сказал Мирон Иванович. — Заперто. Там чужие ботинки лежат. — И он тихо засмеялся.

— Нам с вами не нужны чужие ботинки, — строго возразила девушка. Она подошла к двери, что-то сделала с замком, и дужка его послушно отвалилась. Таня вынула дужку из скобы и толкнула дверь. Дверь тяжко заскрипела, и Мирон Иванович вдруг захотел убежать, потому что никогда еще не взламывал дверей.

— Таня! — прошептал он. — Не надо.

— Заходите, — сказала Таня, уверенно зажигая свет, как делают, вернувшись домой.

Часовню пополам разделяла стойка. По эту сторону выстроились стулья для тех заказчиков, которые в ожидании срочного ремонта сидели, поджав под себя ноги или поставив их на газеты, расстеленные на полу. За стойкой были видны два станка, рабочие столы сапожников и во всю заднюю стену — полки с ячейками. В ячейках, выставив носки наружу, стояли парами ботинки и туфли. Мирону Ивановичу приходилось здесь бывать, но только днем, когда заходил починить ботинки. Тогда здесь было шумно, людно, сильно пахло лаком и кожей. Сейчас почему-то даже запахи сапожной мастерской куда-то исчезли.

— Таня, — сказал Мирон Иванович, — там, на стройке, есть сторож. Он услышит, и будут неприятности.

— Посмотрите на потолок. Видите эти своды? — сказала Таня.

Мирон послушно посмотрел наверх и подумал, что потолок давно пора покрасить. Он на самом деле был сводчатым, и в плавных линиях его была неправильность, будто его не выкладывали из кирпичей, а лепили из глины.

— Таня, — сказал Мирон Иванович, — давайте там, в сквере, поговорим.

При ярком свете лампы Таня была куда менее романтичной, чем в ресторане или на улице. И глаза у нее оказались меньше, чем десять минут назад. И в движениях девушки была какая-то сухость, точность, словно яркий свет сорвал с нее вуаль и ограничил ее в пространстве жесткими линиями. И платье не светилось. Обычное голубое платье.

— Под моими ногами, — сказала Таня, топнув по истертым, крашенным в шоколадный цвет доскам пола, — на глубине полуметра находится настоящий пол часовни. Он представляет собой мозаику. Уникальную мозаику конца четырнадцатого века. Это вам что-нибудь говорит?

— Я ухожу, — сказал Мирон Иванович.

— Сейчас пойдем, не волнуйтесь. Сторож спит. А если снять все эти слои белил и штукатурки со стен, то вы увидите чудесные фрески, повествующие о жизни Николая Мирликийского. А почему именно Николая?

— Ума не приложу, — сказал Мирон Иванович, глядя на голубые стены, покрашенные масляной краской до уровня груди.

— Потому что Николай-угодник — покровитель моряков и путешественников. А эта часовня была знаменита тем, что именно сюда приходили те отважные путешественники, что оправлялись из Великого Гусляра в Сибирь или на Камчатку. Здесь они просили покровительства у святого. Здесь они проводили последние минуты. Неужели у вас не дрогнуло сердце?

Мирон Иванович пошел к двери и, выйдя, вкусил свежий ночной воздух, пропитанный ароматом цветущей липы, закурил, глядя на синее звездное небо. Ему было грустно. Уж лучше бы он поехал на машине вместе с директором завода, посидели бы у него, поговорили. Любая романтика не выдерживает яркого света, сказал он себе. И это очень обидно. Не хватает еще очередной краеведши, которая решила обольстить архитектора ради никчемной часовни.

Он услышал, как Таня запирает часовню.

— Давайте я вас провожу домой, — сказал он скучным голосом.

— Лучше я вас провожу, — ответила Таня так, что Мирон Иванович сразу подчинился и даже обрадовался такому предложению, потому что ему очень хотелось домой и он уже боялся, что не успеет выспаться перед завтрашней рыбалкой.

Таня шла уверенно, словно знала, где живет Мирон Иванович. Впрочем, он не удивился бы теперь и этому — в ней была очевидная, никак не связанная с романтикой цель, и эта цель была неприятна Мирону Ивановичу. Он шел на некотором расстоянии от Тани, как бы показывая, что не испытывает к ней никакого влечения, а если ей и показалось что-то ранее, то это была ошибка.

— У меня такое впечатление, — сказала Таня, — что я вас не убедила.

— В чем?

— В том, что часовню нельзя сносить.

— Почему нельзя? Потому что вы придумали сказку о мозаичном поле и каких-то фресках? Я могу такое придумать про любую развалину в этом городишке.

— Елена Сергеевна еще не все знает об этой часовне, но она уже нашла документы о ее освящении.

— Елена Сергеева найдет любые документы, — Мирон Иванович старался не раздражаться, — потому что ее святая цель превратить Великий Гусляр в мертвый музей, куда бы приезжали оголтелые туристы, ахали и щелкали фотоаппаратами.

— Почему же оголтелые?

— Да потому, что турист живет в нормальном высотном доме, пользуется водопроводом и ездит по широким улицам. Ему и в голову не приходит, что здесь тоже живут люди, не менее его склонные к комфорту и прогрессу.

— Кто вам мешает строить дома не на месте старых, а в стороне?

— А вам известно, Танечка, — слово «Танечка» было лишено всякой ласки, оно было куда официальнее нежного «Таня», — что такое коммуникации? Вы слышали что-нибудь о транспорте? Знаете что, — наконец-то Мирону Ивановичу удалось распалить себя справедливым негодованием, — занимайтесь своей генетикой и не мешайте тем, кто строит вам дома! Если каждый будет лезть в чужие дела, мы ни черта не сделаем!

— Это не чужое дело, — сказала Таня и чуть улыбнулась при этом. — Это наше общее дело.

— Я все знаю. Я не меньше вас берегу природу и культурное наследие. Но нельзя же держаться за это культурное наследие, как за соску. Мы выросли из колыбели!

— Ах вот вы какой! — сказала Таня заинтересованно. — А на вид кажетесь мягким, даже растяпой.

— Спасибо.

— Вы знаете, что будет на месте этой часовни?

— Знаю. Стоянка для автомобилей. К тому же мы наконец-то сможем спрямить улицу.

— А палаты, которые стояли раньше за часовней, вы уже снесли.

— Какие, к черту, палаты? Там стояли бараки.

— Не надо мне врать, — сказала Таня учительским голосом. — Вам удалось их снести, потому что вы вместе с вашими новыми друзьями смогли доказать, что реставрировать их обойдется дороже, чем построить заново. И вы победили Елену Сергеевну.

— Вот видите! — сказал Мирон Иванович.

Такая осведомленность девушки была удивительной, потому что решение о сносе каменных бараков, которые Елена Сергеевна упорно именовала палатами, не было обнародовано.

— Ну вот и ваш дом, — сказала Татьяна.

Они дошли до трехэтажного типового дома, в котором у Мирона Ивановича была небольшая квартира. А он и не заметил, как дошли.

— Тогда спокойной ночи, — сказал Мирон Иванович.

— Может, посидим на скамеечке? Или вам уже расхотелось?

— Мне спать пора.

— Чтобы завтра браконьерствовать?

— Не надо громких слов. Завтра мы едем на рыбалку.

— Знаю я эту рыбалку, — сказала Таня и села на скамеечку. — Садитесь.

— Нет.

— Я вам сказала — садитесь! Пока вы надеялись, что будете со мной целоваться, вы никуда не спешили.

— Пять минут, — сказал Мирон Иванович.

Он сел.

— Знаете что, — сказала Таня. — Если вы согласитесь не сносить часовню, я вас поцелую. Честное слово.

— Дешево цените мою принципиальность, — сказал Мирон Иванович.

— Да поймите же, принципиальный архитектор. Я знаю куда больше вас. Я знаю, что часовню вы не снесете, мы вам этого не позволим. Я знаю, что вы не поедете завтра на рыбалку, потому что в шесть утра вам позвонит этот толстяк... ну как его... заместитель директора, и все отменит.

— Не думайте, что вы меня заинтриговали. — Мирон Иванович клял себя за слабость. Надо было сразу уйти.

— Я и не пытаюсь. Неужели вы думаете, мы будем тратить время и силы на то, чтобы я сидела с вами на лавочке или гуляла под луной?

— Тогда идите спать.

— Последний раз обращаюсь к вашему разуму — спасите часовню!

— Глупости! Часовня нам мешает. Она никому не нужна. Мы возводим города будущего — башни из стекла и сборного железобетона.

— Я вам гарантирую, что эта часовня переживет ваши шедевры из сборного железобетона, потому что они, в сущности, времянки. Стандартные времянки, поставленные за неимением лучшего.

Пройдет совсем немного времени, и строительство снова станет созиданием прекрасного.

— У нас с вами разные вкусы.

— Не сравнивайте, потому что у вас нет никакого вкуса. Откуда быть вкусу у человека, лишенного корней?

— Все, — сказал Мирон Иванович. — Мне это надоело.

— Если бы вы знали, как вы мне надоели, — сказала девушка. — Ведь такие уроды, как вы, думающие только о сегодняшней выгоде, о том, чтобы посидеть в ресторане с заказчиком и выполнить план, снесли в этом городе шесть церквей, гостиные ряды и не счесть сколько старых домов, созданных людьми, которые знали, что такое красота.

— Зачем же обвинять меня в перегибах тридцатых годов? — удивился Мирон Иванович. — Это нечестно. Я сам выступал за реставрацию крепостной башни.

— К счастью, ваше поколение — последние истребители русской культуры.

— Вы надеетесь, что придут другие? Лучше?

— Я убеждена.

— Что ж, подождем, — сказал Мирон Иванович. — Спокойной ночи. — Он не знал, надо ли прощаться за руку, потом решил, что не надо, кивнул и пошел к подъезду.

Таня догнала его в дверях.

— Погодите, — сказала она. — Я вам только покажу один снимок. Надеюсь, это останется между нами.

Она протягивала ему цветную фотографию, размером с открытку. В подъезде было светло, и Мирон Иванович явственно разглядел картинку — небольшую приземистую белую церквушку с куполом, двумя узкими стрельчатыми, в глубоких нишах, окошками и низкой дверью под тяжелым, будто витым из ветвей порталом.

— И что? — спросил он.

— Это она, — сказала Таня. — Нравится?

Мирон Иванович сразу догадался, что, если переделать оконные проемы, восстановить портал, да еще барабан и купол, из сапожной мастерской получится памятник архитектуры.

— Пришлось снять метр земли, — сказала Таня, — ведь культурный слой здесь трехметровый, зато сразу изменились пропорции, правда?

Мирон Иванович заметил, что за часовней, там, где должен возвышаться корпус заводоуправления, видны только зеленые деревья.

— Липа, — сказал он уверенно.

— Почему?

— Здания нет. Рисуете, так соблюдайте историческую правду. Где заводоуправление?

— Снесли, пока совсем не развалилось.

— Снесли? В прошедшем времени?

Почему-то Мирон Иванович подумал о том, какие тонкие в доме стены и соседи услышат, что он поздно вечером беседует с девушкой, причем на странные темы. Поэтому конец вопроса он произнес шепотом.

Девушка ничего не сказала. В руке у нее были еще две фотографии. Одна изображала какой-то довольно грубый орнамент, вторая — белесую картинку с наивными волнами и кораблем, полным примитивных человечков.

— Это мозаичный пол, — сказала девушка, — и фреска. Как видите, я вас не обманывала.

— Я не знаю, зачем вы все это нарисовали, — сказал шепотом Мирон Иванович, — но на мое решение эти фальшивки не окажут никакого влияния.

Он чувствовал себя оскорбленным судьбой заводоуправления. Совсем неплохое получилось здание, с просторными кабинетами, столовой, залом заседаний — такое здание не стыдно построить и в крупном городе.

— Это не фальшивки, — сказала Таня, — а фотографии.

— А когда же, простите, их сделали? Где, простите, — Мирон Иванович не скрывал сарказма, — вы увидели купол над сапожной мастерской?

— Эти фотографии будут сделаны через сто двадцать лет.

Неестественность и в то же время уверенность этого ответа заставила Мирона Ивановича забыть, что он не хочет терять ни минуты на пустые разговоры. Если допустить совершенно невероятное, если счесть, что ты не жертва дурацкого розыгрыша, а очевидец невероятного события... Впрочем, в облике этой девушки с самого начала виделось нечто неземное и совершенно необыкновенное, иначе почему Мирона Ивановича, человека сдержанного и никак не влюбчивого, потянуло к ней, как мотылька к яркому свету?

И пока эти спутанные и неосознанные мысли прыгали в мозгу, как кузнечики в высокой траве, Мирон Иванович так и стоял с фотографиями в руке, не желая глядеть на них и в то же время не смея поднять глаз на Таню.

— Что же вы предлагаете? — спросил наконец Мирон Иванович.

— Не сносить часовню.

— Но ведь вы считаете, что ее и так не снесут.

— Правильно. Но мы еще не знаем, какой ценой.

Таня поглядела в пустые от шока глаза Мирона Ивановича, взяла его за руку и вывела в летнюю ночь. Мирон Иванович покорно сел на лавочку.

— Я отказываюсь понимать, — сказал он, наконец возвращая фотографии.

— Вы все понимаете.

— Так чего же вы раньше ждали?

— Все очень просто — мы на пределе проникновения.

— Проникновения к нам? — догадался Мирон Иванович.

— Да, глубже мы опуститься в прошлое не можем. Сто двадцать лет — предел.

— И вы столько всего упустили?

— Сегодня нас очень мало, — сказала Таня. — Единицы. Завтра будет больше. Пока на это уходит три четверти энергии всей Земли.

— Ну зачем так много! — Потрясение боролось с недоверием в душе Мирона Ивановича.

— Неужели вы не поняли? Мы живем в мире, который сделан вами. Сделан вами вчера и сегодня. Построен или разрушен. Облагорожен или загажен. Если мы можем остановить дурное, мы будем это делать. Завтра, послезавтра, каждый день. Сегодня — один из самых первых дней.

Таня положила узкую ладонь на руку Мирона Ивановича, как бы успокаивая его.

— Вы не волнуйтесь, — сказала она. — Мы вообще стараемся не говорить людям прошлого. Но вы были такой упрямый.

— Впрочем, эта часовня — пустяк, — оживился Мирон Иванович. Он вдруг не только поверил — внутренне, искренне, окончательно, что именно его избрали в качестве интеллигентного доверенного собеседника, но и понял, что они поступили верно. — С ней вы справитесь. Я вам должен сказать, что есть куда более важные проблемы. Беспрерывно загрязняются водоемы, леса — знаете, как идет рубка и сплав леса? А загрязнение атмосферы? Вам же этим надо дышать. Или вы занимаетесь только культурой?

— Мы занимаемся всем.

— Вот вы и займитесь. Это не терпит отлагательства.

— Мирон, милый, — сказала Татьяна, и глаза ее светились ярче голубого платья, — вы, по-моему, не все поняли. Мы вам не няньки. Мы — это вы, только завтра. Не нам, а вам надо остановиться и не травить себя и нас.

— Конечно, — сказал Мирон Иванович. — Разумеется. Это очень точно сказано о нашей общей ответственности.

— Я тут всего несколько дней, и меня, честно говоря, потрясает пропасть между благими пожеланиями и вашими каждодневными действиями. Вы все согласны не губить лесов и не травить рек. Вы все согласны не сносить древних памятников и не кидать в траву консервные банки. Но когда это касается именно тебя, когда ты совершенно один и никто не видит и не может схватить тебя за руку, почему ты кидаешь консервную банку и глушишь рыбу динамитом? Почему?

Мирон Иванович держал в руке окурок, который он намеревался бросить в кусты. Окурок жег пальцы, но бросить его было как-то неловко.

— Рыбу я не глушу, — сказал он, поджимая, чтобы не обжечь, пальцы. Он понял, что надо спешить. Таня уйдет. В любой момент. Ей Мирон не нужен. Добьется своего и уйдет. — Мне надо узнать, я никому не скажу. Пожалуйста, в виде исключения. Я, конечно, понимаю, что заводоуправление сто лет не продержится. Материалы оставляют желать лучшего. Но ведь в будущем я перейду на монолит. У меня есть кое-какие задумки. Мне очень важно знать, что я осуществлю. Скажи, пожалуйста.

Сигарета обожгла пальцы, и Мирон Иванович кинул ее в кусты.

— Я только знаю, что заводоуправление снесут. Это еще до меня случится. А больше я ничего не знаю.

— Жалко, — сказал Мирон Иванович. — Впрочем, архитекторов везде забывают. А часовню будем беречь.

— Хорошо, — сказала Таня. — На той неделе вы вступите в общество охраны памятников. Не формально, а как его активный член.

— Разумеется, — сказал Мирон Иванович. — Можно личный вопрос?

— Я не замужем.

— Нет, я про часовню. — Мирону Ивановичу показалось, что наверху приоткрылось окно. Может, кто-то подслушивал. Он опять перешел на шепот. — Вот вы мне показали фотографии, и это означает, что часовня обязательно сохранится. И доживет до ваших дней. Мне лично это очень приятно. Но если в этом уже есть определенность, как бы закон вечности — можно мне в этом не участвовать?

— Как так?

— Лично не участвовать. Мы сегодня так хорошо посидели с моими заказчиками, с ними мне и дальше придется работать: завод в городе — это сила. А если я завтра приду и скажу им, что я отказываюсь, потому что ко мне пришла одна девушка из будущего...

— Этого вы никогда не скажете. Вы не дурак. Вам не поверят и правильно сделают. Вы объясните, что как городской архитектор...

— Погоди, Танюш, пойми... Если все равно эта проклятая сапожная мастерская сохранится, то, значит, мне можно ничего им не говорить?

— Ах вот вы о чем! — Таня так громко это сказала, что Мирону Ивановичу захотелось зажать ладонью ее пухлые тубы. — Значит, я в принципе «за», но и пальцем ради этого не пошевельну.

— Ну зачем так категорично! Ты здесь чужой человек — пришла-ушла, а мне жить. Они же мне не простят, я лишусь их доверия.

— А ведь нет доверия.

— Есть. Есть добрые человеческие отношения. Я буду совершенно откровенен — мы сдаем заводской дом. Улучшенной планировки. В нем они дают мне двухкомнатную квартиру. Это не аргумент для такого светлого будущего. Там у вас проблем, может, и нет. Сколько у тебя комнат?

— Не скажу. Я тебе больше ничего не скажу.

— Но ведь часовня все равно будет стоять! Значит, кто-то другой примет меры. Кто-то более высокостоящий.

— Архитектор, — и тут Мирон увидел, как глаза Тани зажигаются голубоватым, ослепительным прожигающим светом, — ты ничего не понял. Часовня будет спасена именно потому, что ты ее спасешь.

— Нет. — Мирон покачал головой. — Не я.

— И если ты не спасешь ее добром, мы перейдем к действиям.

— К каким же, простите, вы приступите действиям в чужом веке? Вы здесь, простите, не прописаны.

— Слушайте. Я сейчас ухожу. И больше тратить времени на вас не буду. Я все объяснила. Я сказала, что мы идем в прошлое, чтобы спасти свое настоящее — и ваше будущее. Мы знаем, кто конкретно виновен в том или ином проступке против земли, воздуха, планеты, людей. Мы идем к этим людям. Мы говорим с ними добром. Но бывают случаи, когда нам попадается темный эгоист, себялюбец, преступник.

— Таня!

— И тогда мы принимаем другие меры. Неужели ты полагаешь, что ради будущего всей Земли мы пощадим нескольких подонков?

— Я тебе не давал повода!

— Я виновата. Я подумала: ах, какой милый человек! Он все поймет.

— Я все понимаю — ты не хочешь понять меня!

— Ты завтра же скажешь, что часовня остается. Даже если рискуешь потерять новую квартиру и собутыльников.

— А если нет — убьете?

Мирон Иванович сказал это роковое слово будто в шутку, но глаза Татьяны стали колючими, как обломки льдинок.

— Да, — сказала она.

— Мы для вас... так? Ничто?

— Я пошутила. Но подумай о судьбе Степанцева.

— Кого?

— Заведующего свинофермой.

Таня быстро поднялась, словно взлетела над скамейкой.

И побежала прочь.

Мирон Иванович ринулся было за ней, но понял, что бессмысленно бегать. Ему было обидно. Он не хотел ничего дурного, он хотел только, чтобы его поняли, каждый человек хочет, чтобы его понимали.

Вдали за кустами светлячком мелькнул голубой огонь.

Мирон Иванович поднялся к себе в малогабаритную однокомнатную квартиру — скорее бы в новую переехать! — лег спать и сразу заснул, хотя полагал, что будет всю ночь думать.

Ему казалось, что он только прилег, как раздался телефонный звонок. Он гремел, как колокол, он заставил вскочить, кинуться к телефону, еще не вспомнив о вчерашнем.

— Что? Кто?

— Спишь? Прости, старичок. — Это был голос заместителя директора завода. — Я думал, ты уже во дворе стоишь с рюкзачком.

— Здравствуйте. А сколько времени?

— Скоро семь.

— Я сейчас. Сейчас выйду.

— Не спеши, отдыхай. Отменяется путешествие. И шашлыки тоже.

— А что случилось?

— Через час дамбу прорвет.

— Какую дамбу? — Мирон Иванович уже проснулся, но никак не мог вспомнить никакой дамбы в Великом Гусляре.

— Не знаешь ты еще нашей специфики, Мироша, — сказал заместитель и вздохнул. — Дамба у Степанцева на свиноферме, где пруд с отходами. Все никак не наладит вывоз на поля. Вот этот пруд каждый год переполняется и — уух! — прорывает! Черт знает что! Надо же, чтобы сегодня!

— Куда прорывает?

— В реку, куда же еще. Каждый год. Так что до завтрашнего дня

к реке не подходи. А какая рыба сбежит от этого навоза, ей надо недели две, чтобы вернуться. Усек? Вся рыбалка прикрывается.

— Надо же принять меры!

— Какие?

— Всех мобилизовать — молодежь, школьников, чтобы дамбу укрепить.

— Во-первых, там вонь — с мобилизацией не выйдет. Во-вторых, зачем ее укреплять? Ее укрепишь, через две недели все равно прорвет — еще хуже. Нет, стихийное бедствие должно быть стихийным. Ты спи, отдыхай, только к реке сегодня не ходи.

Заместитель хихикнул, но как-то невесело и повесил трубку. Мирон Иванович отдыхать не стал. Он уже окончательно проснулся и все вспомнил. И вчерашнюю Таню, и сомнительную — теперь, ярким утром, она казалась сомнительной — историю с фотографиями. Почему он поверил ей? Это же чепуха. Может, потому, что светилось платье?

Ему захотелось выйти к реке. Пока еще можно. Он оделся и пошел. У скамейки остановился, как будто там мог остаться след Тани. Никакого следа не было. Потом он пошел вниз, к реке. Сапожная мастерская еще была закрыта, но за забором шумела машина — стройку гнали в две смены. Он поглядел на сапожную мастерскую, но угадать в ней той часовни с фотографии не смог. И это еще более укрепило его в мысли, что он стал объектом злого розыгрыша, и стало стыдно, что он унижался перед этой студенткой.

Он остановился на высоком берегу реки. Далеко справа была видна баржа-ресторан. «Если прорвет, — подумал он, — то на баржу тоже не поедешь». И он начал раздражаться против этого заведующего. Как его фамилия — Степанцев? А что говорила Таня? «Подумай о судьбе Степанцева». Она знала о нем. Значит, она имела в виду прорыв дамбы. И штраф, который тот Степанцев заплатит рыбоохране. И Мирон Иванович снисходительно улыбнулся, потому что Степанцев каждый год платит эти штрафы — привык. Наверное, субъективно, подумал Мирон Иванович, Степанцеву, как рыбаку, горько сознавать, сколько рыбы гибнет, но что поделаешь? Через час прорвет? Час уже прошел. Может, пойти поглядеть на дамбу, что-то придумать — он же главный архитектор города. Но тут Мирон Иванович вспомнил об отвратительном запахе, который исходит от того пруда. Нет, туда он не пойдет.

Река текла чистая, только ближе к берегу тянулась, как всегда, полоса рыжей воды — от кожевенного завода. «Мы можем быть жестокими», — говорила Татьяна, или ему это померещилось? Интересно, дамбу прорывает сразу, с шумом, или она просто расползается?

Стоять на берегу и ждать стихийного бедствия надоело.

Мирон Иванович пошел домой — все равно день получался какой-то неустроенный. Куда же девалась эта Таня? Кого-нибудь еще пугает? Нет, голубушка из так называемого будущего, нас не запугаешь! Вам нужны великие потрясения — нам нужна великая Россия!

Ему понравилась последняя фраза! Как будто он сам ее сочинил. Но, будучи честным человеком, Мирон понимал, что фразу *сочинили раньше — кто-то из классиков. Может быть, сам Маркс.*

Дома он позавтракал — холостяцкая яичница да простокваша из скисшего молока. Скромно жил Мирон Иванович, да и не бегал за богатством.

Тут снова зазвонил телефон. Снова на проводе был заместитель директора завода.

— Ты не спишь, Мирон? — спросил он.

— Нет, не сплю.

— А тут такое дело...

Голос заместителя Мирону не понравился. Беспокойный был голос.

— Говорите, — потребовал Мирон.

И уже заранее знал — что-то связанное с этой Татьяной, принесла ее нелегкая в наше время. Хотя, вернее всего, она и не из будущего, а из-за самого элементарного кордона. Враг.

— Прорвало дамбу. Слышишь?

— Так вы же предупреждали.

— Понимаешь, не в ту сторону прорвало. Должно было в речку прорвать, как всегда, а прорвало наверх, к лесу. Такого и быть не может.

— Ну и слава богу! — сказал с чувством Мирон. — Значит, едем?

— Куда?

— На рыбалку.

— Чудак-человек! Дослушай сначала, а потом говори. В том направлении дом Степанцева стоит. У самого леса, со стороны господствующего ветра, чтобы амбре не достигало...

— И пострадал?

— Степанцев?

— Дом пострадал?

— Дом затопило, говорю! До второго этажа. И ковры, и мебель, и картину в раме. Степанцев как увидел, что на него девятый вал

от фермы идет, успел пожарную команду вызвать, но те остановились, не доехали, издали смотрели.

— А Степанцев?

— Степанцев? Что Степанцев... Тело достали — его вынесло на лужайку. Но откачать не смогли. В противогазах откачивали, а не смогли.

— Что? Утонул?

— Царство ему небесное... Несчастный случай. Во цвете лет... Ты чего замолчал?

— Так... думаю.

— Чего думать? Мы его не возвратим. Хороший хозяйственник был, смелый. И человек хороший. Бутылку из горла за минуту выпивал. По часам.

— А там никого не заметили посторонних?

— Думаешь, акция?

— Не знаю...

— Погоди, не вешай трубку. Я тебе что звоню... Ты насчет сапожной мастерской придумал аргументы? Ты не тяни, думай. В понедельник общественность ломать будем. Какой-то мерзавец Елену Сергеевну из отпуска вызвал. Телеграммой. Она завтра приезжает. «Молнию» нам отбила: «Иду на вы!» Эх, не люблю я некоторых! Бой будет, как под Полтавой. Чтобы порох был сухим, понял?

Мирон молчал... Полминуты молчал и его собеседник, слушал его частое дыхание, ждал.

— Я вот думаю, — сказал Мирон Иванович наконец. — Все-таки постройка четырнадцатого века, культурное наследие... Не исключено, что под полом есть мозаика.

— Мироша, ты себе цену не набивай, — сухо ответил заместитель директора. — Ты и вчера знал, какая ценность. В случае надобности мы тебя прикроем, в другой район переведем. А в случае ненадобности — берегись!

— Вот и Степанцев берегся.

— Степанцев утонул, как крейсер «Варяг». В бою. За что ему слава.

— Крейсер «Варяг» в воде утонул.

— Думай до понедельника, — сказал спокойно заместитель директора. — И учти: мы всегда побеждаем.

Мирон попрощался, повесил трубку, медленно подошел к окну. День был светлый, ветреный, солнечный. Сквозь листву был виден угол крыши сапожной мастерской. Заныл зуб...

ПОДОПЛЕКА СКАЗКИ

Появление археологической экспедиции в окрестностях города Великий Гусляр было сенсацией куда более неожиданной, чем, скажем, прилет космического корабля с Сириуса.

Это не означает, что в Гусляре не было археологических ценностей. Своими корнями история города уходит в далекое прошлое. А если как следует поискать в соседних лесах и по берегам озер, найдутся и стоянки троглодитов, и остатки древних скитов, и даже языческие капища. Не исключено, что в сосновом бору за озером Копенгаген, куда дороги нет, стоит упорно упоминаемый в легендах, ушедший в болото город Крутояр.

Но археологи эти места упорно обходили стороной. Они пытались оправдать свое равнодушие дикостью здешних мест, молчанием о Великом Гусляре «Повести временных лет» и «Слова о полку Игореве». На самом деле они панически боятся гуслярских лесных комаров, которые отличаются злобным нравом и чужаков бьют с лету.

И вот свершилось! Самая настоящая археологическая экспедиция, во главе с рыжим кандидатом исторических наук Анатолием Борисовичем Гамалеевым, разбила лагерь в двух километрах от города, там, где в реку Гусь впадает ручей Старока и где возвышается обширный и крутой лысый холм, издавна известный под характерным названием Городище.

Несмотря на относительную молодость, тридцатилетний Анатолий Борисович был ветераном девяти экспедиций, изнывал от жажды в Туркмении, замерзал на Чукотке, чуть не утонул при раскопках Червяковского водохранилища, был трижды арестован в пограничной зоне на Кавказе. Он был без корысти предан археологии, но долго оставался на вторых и третьих ролях, несмотря на то что ему всегда сопутствовала удача.

Как известно, удача в археологии играет куда большую роль, чем в сапожном деле или при эксплуатации атомных ледоколов. Если ей вздумается, она одарит сказочной славой профана Шлимана и отвернется от неизвестного нам профессионала, который из-за этого за сорок три полевых сезона соберет лишь тонну кухонных черепков.

Везение Анатолия Борисовича было притчей во языцех университетских коллег. Ну кто еще, будучи студентом и убегая от сторожа совхозного виноградника, умудрится провалиться в гробницу хазарского хана, откуда выберется лишь на третьи сутки, обросший огненной щетиной, умирающий от жажды, но не тронувший ни одного из ста восьмидесяти пяти золотых предметов и трехсот

сосудов, которыми была наполнена гробница! Тем не менее в специальной литературе, не говоря уж о средствах массовой информации, будет сообщено, что гробница хазарского кагана Купака обнаружена экспедицией доцента Спирина, который, если обратиться к документам, в те дни болел скарлатиной в Ростове. Правда, Спирин успел вернуться к последнему дню сезона и подписать отчет, а затем многократно выезжал за рубеж со слайдами и докладом о сенсационной находке.

Не менее известен в кругах археологов случай при раскопках кургана Кривая Могила. Курган был ограблен еще скифами, и начальник экспедиции Муля Дудкин готов был довольствоваться остатками конской сбруи и костяками принесенных в жертву рабов, оставленными грабителями для археологов, однако интуиция подсказала Толе Гамалееву, что уходить с Кривой Могилы рано.

Ночью он сидел на склоне разворошенного кургана, целуясь с экспедиционной поварихой Аришкой, из местных жителей. В один прекрасный момент страстная повариха откинулась назад и прошептала: «Ой, какие вы настойчивые!» Намереваясь подчиниться властному шепоту, Толя оглянулся, не бродит ли по соседству кто-нибудь из коллег, могущих ложно истолковать значение этой интимной сцены, и тут его случайный взгляд отметил неровность склона. «Погоди, Ариш», — сказал он поварихе, с трудом освободился от ее объятий и пополз к отмеченному месту. Приложив ухо к земле, Толя убедился, что от этого места исходит иная, чем от прочих, эманация, и удовлетворенно произнес: «Здесь!» Что сказала на это Аришка, история умалчивает, зато известно, что с рассветом Толя начал копать сам, а после завтрака к нему присоединились товарищи во главе со скептически ухмыляющимся Мулей Дудкиным. К полудню лопата Гамалеева ударилась о край бревенчатого сруба. Это было более позднее впускное погребение, в котором, помимо прочего, лежала совершенно неповрежденная золотая ваза со сценами из амазономахии, исполненная греческим ювелиром, жившим среди королевских скифов. Разумеется, Дудкин прославился и поехал на конгресс в Рио-де-Жанейро, а Гамалеев остался в университете сдавать кандидатский минимум и склеивать керамику.

Гамалееву принадлежала находка на мысе Дежнева резного моржового клыка с нанесенным на него путем миграции протоиндейцев в Америку. В то время Толя работал в экспедиции Арутюняна, и хоть Арутюняну этот клык был вовсе не нужен, потому что опровергал его гипотезу о передвижении народов, он вошел в историю как «клык Арутюняна». О Толе ни слова!

Так продолжалось десять лет. На исходе этого срока Анатолий

Борисович обратился в инстанции с просьбой дать ему под начало любую замухоренную экспедицию, но назначить его начальником.

Собрались корифеи археологии. Им не хотелось отпускать Гамалеева в вольное плавание, потому что у каждого из них были свои эгоистические планы и надежды, связанные с Толей. Но так как вслух о таких надеждах они говорить не смели, то в конце концов коварно порешили отдать Гамалеева на съедение гуслярским комарам. Тем более что экспедиция в те края была запланирована еще в начале двадцатых годов.

Корифеи надеялись, разумеется, что Гамалеев струсит и откажется от гуслярских лесов, но Толя с радостью ухватился за открывшуюся вакансию. Он верил в свою звезду.

Несмотря на то что экспедиция была невелика (сам Толя, аспирант Лютый, три студента и шесть рабочих из местных старшеклассников), с первого же дня работы пошли битые горшки, пряслица, шейные гривны, бересты, подвески и неизвестные предметы культового назначения. Корреспондент гуслярской газеты поседевший Михаил Стендаль буквально дневал на раскопках в ожидании очередного чуда. В воскресных выпусках газеты регулярно публиковались его заметки «Героическое прошлое нашего края?», «А был ли город?», «Мы потомки славных предков?». Стендаль был склонен к риторическим вопросам.

Мостовые в поселении, раскрытом археологами на Городище, были сложены из могучих лиственничных бревен. По мере износа предки клали новый слой бревен на предыдущий. И это давало возможность установить возраст каждой из мостовых, а потому и всего Городища.

С этой целью в середине июля Анатолий Борисович, захватив также наиболее ценные находки, уехал в Новгород, чтобы посоветоваться со знаменитым профессором Яновым, докой по этой части.

Совещания в Новгороде затянулись на неделю, аспиранты, оставленные без присмотра, вставали поздно и ложились за полночь, влюблялись в гуслярских барышень и купались до одури в реке Гусь. Но Анатолий Борисович отсутствовал не впустую. Задержался он потому, что сделал, оказывается, открытие настолько большое, что ему никто не поверил, как не поверили в свое время открывателю Трои археологу Шлиману.

Верхние мостовые Городища относились к раннему Средневековью, когда там был город, впоследствии перенесенный туда, где теперь стоит Великий Гусляр. Под этими мостовыми оказался толстый слой пустой земли и валунов, а еще ниже снова пошли мос-

товые. Эти нижние мостовые оказались древнее Вавилона и Иерихона, о чем свидетельствовала дендрохронология, определяющая даты по срезам бревен.

Самое разумное было свернуть раскопки, чтобы не стать посмешищем. Но Толя был не таков. Смелая интуиция заставила его вспомнить о сомнительной и даже порочной гипотезе, высказанной Салимой Хабибовной Мансуровой, сотрудницей Шамаханского районного музея. Салима Хабибовна высказала в республиканской печати предположение, что, помимо известных исповедующему марксизм человечеству эпох рабовладельческой, феодальной и первобытнообщинной, существовала еще и неучтенная эпоха, название которой она дать не осмелилась. Эпоха эта разместилась между предпоследним и последним ледниковыми периодами и практически не оставила следов, так как они были стерты ледниками с лица земли. По той же причине, а также ввиду невысокого уровня социально-экономического развития исчезли материальные следы этой эпохи. Но осталась народная память.

Салима Хабибовна утверждала, что люди ничего целиком не придумывают, а в основе всех, казалось бы, самых невероятных выдумок лежит историческая правда. Нападения половцев на русские земли и деяния Ивана Грозного отразились в фольклоре и частично модифицировались. Чем дальше от нас отстоит событие, тем большим налетом неправдоподобия оно покрывается. Эпоха Мансуровой отстоит от нас так далеко, что факты ее биографии скрылись под очень толстым слоем времени. И все же их можно угадать.

Салима Мансурова утверждала, что последний ледниковый период, погубивший множество животных типа саблезубых тигров или мастодонтов, погубил также и цивилизацию, которая бурно развивалась в те тысячелетия. Однако шла она иными путями, чем наша. Разумные существа той эпохи не трудились, зато отличались удивительными качествами, и память о них осталась в таких сказочных персонажах, как Кощей Бессмертный, гномы, лешие, русалки и так далее. Обладая громадными возможностями в духовной сфере, эти существа не смогли освоить материальных ресурсов и изнежились. Ледниковый период застал их врасплох, и они либо вымерли, либо совершенно одичали в борьбе с холодом и льдами. Так что после ледникового периода человечеству пришлось все начинать заново.

Разумеется, научная общественность отнеслась к сообщению Салимы Хабибовны с иронией. Посмеялся над ним и Толя Гамалеев, но потом задумался, ибо любил смелые гипотезы и даже назвал для себя ту эпоху эпохой легенд.

Бревна мостовой, обнаруженной Анатолием Борисовичем на высоком крутом холме у Великого Гусляра, были такими древними, что специалисты не смогли их датировать. Тогда Анатолий Борисович побежал к палеоботаникам, и они подтвердили, что лиственница, из которой сложены мостовые, вовсе не лиственница, а ископаемая лиственница, исчезнувшая на Земле как раз в начале последнего ледникового периода.

Вернувшись в Великий Гусляр, Толя написал письмо Салиме Хабибовне, а затем сделал сообщение для гуслярской прессы, то есть лично для Михаила Стендаля. Результатом чего явилась заметка в газете, которая называлась «Древнейший город на Земле — Гусляр?».

Жители Великого Гусляра с интересом посещали раскопки, которые возобновились после возвращения Толи Гамалеева, и предлагали ему добровольные услуги. Многие из них давно подозревали, что Великий Гусляр древнейший город на свете, так что не удивились. Теперь на раскопках трудилось вдесятеро больше работников, а Толя потерял сон и аппетит — его приходилось каждый вечер связывать и запирать в палатке, чтобы не ночевал на раскопе.

Следует сказать, что предметов быта в поселении легендарной эпохи попадалось немного. И это понятно. Если верить гипотезе Мансуровой, люди, наши непосредственные предки, в ту эпоху занимали подчиненное место. Они обитали в примитивных хижинах, спасаясь от постоянных раздоров и схваток, которые кипели вокруг. Богатыри сражались с драконами, волшебники заколдовывали красавиц, феи порхали над долинами, русалки рвали сети... Мало где людям удавалось объединиться, возвести укрепленные поселения. Они старались строиться в стороне от излюбленных волшебниками путей. Толя предположил, что предки гуслярцев уцелели и сберегли независимость на холме Городища, потому что гуслярский комар уже в те времена был настолько злобен, что волшебники не посмели с ним состязаться.

Тем временем сенсационные находки продолжались. Десятого августа из земли показалась большая кость, за ней другая. При дальнейших раскопках обнаружилось, что это фаланги пальцев крупного дракона, который старался пробиться в Городище, но погиб у его ворот. Голов у дракона было три. Все три были найдены тринадцатого. Они оказались так велики, что в каждой можно было устроить пивной ларек.

Пока добровольцы раскапывали дракона, Анатолий Борисович посвятил все свое время изучению остатков дворца, в котором обитал князь города. Остатки дворца несли следы пожара. Он был

тоже деревянным, и от него мало что осталось. Это означало, что когда-то кому-то из врагов все же удалось взять город штурмом или обманом. Среди угольев Толя отыскал каменный трон, подлокотники и сиденье которого были сильно стерты от длительного употребления. В тронном помещении удалось также раскопать оружие — наконечники стрел и копий, обломок щита и каменное ядро. Были обнаружены также украшения, немногочисленные предметы быта и черная непрозрачная бутыль.

Четырнадцатого августа аспирант Лютый, работая за троном, отыскал в спекшейся золе смятую царскую корону, сделанную из низкопробного золота. Радости гуслярцев не было предела. Нашлось неопровержимое доказательство того, что некогда Гусляр был суверенным царством!

В атмосфере приподнятости и народного энтузиазма раскопки продолжались.

В одном месте, сразу за стеной дворца, слой сгоревшего дерева был толще, чем в других местах. Это доказывало, что здесь стояла башня. Там Толя Гамалеев нашел несколько медных гвоздей и небольшую золотую птицу, которая, возможно, выполняла роль флюгера. Птица была полая внутри. От искусно сделанных ножек, оканчивавшихся медным штырем для крепления, до гребешка на макушке она достигала шестнадцати сантиметров. Глаза птицы были сделаны из темного агата, а перья доведены резцом. Птица поражала своей примитивной выразительностью и отличием от всех известных искусству стилей и школ. Уже одной этой находки было бы достаточно, чтобы прославить Гамалеева.

Гамалеев разрешил Стендалю сфотографировать птицу, а затем осторожно запаковал ее в большую коробку из-под дамских сапог.

Слух о находке птицы быстро разнесся по городу. Уже после обеда некоторые жители стали подходить к раскопкам и вызывать Толю с просьбой показать птицу. Возникло даже подозрение, что она инопланетного происхождения. Некоторое время Толя сопротивлялся, так как не хотел отвлекаться от любимого дела, но потом поддался настойчивым просьбам и пригласил зрителей к себе в палатку. Птица лежала на столе рядом с бутылью и обломком щита.

Она произвела большое впечатление на собравшихся, и Корнелий Удалов из стройконторы сказал:

— Где-то я такую видел.

Другие тоже согласились, что птица кого-то напоминает. Потом старик Ложкин сказал:

— Полагаю, что это сходство с петухом.

— Первобытный петушок, — сказал Удалов. — И со штырем. Зачем он им был нужен?

— Есть целый ряд предположений, — сказал Гамалеев. — Я склоняюсь к мысли, что эта птица должна была украшать собой жреческий жезл или царский скипетр.

— Какие в легендарную эпоху жрецы? — удивился Стендаль.

— И зачем скипетр? Ведь это все потом уже придумали, после ледниковых периодов, — поддержал его Грубин.

— Может быть... — задумчиво произнес Толя, поворачивая петушка в руке. — Но какая у птицы может быть сказочная функция?

— А вот американский писатель Вашингтон Ирвинг... — начал образованный Удалов, но тут же старик Ложкин, который, к сожалению, Вашингтона Ирвинга не читал, перебил его.

— Ясное дело! — сказал он. — Это Золотой петушок!

— Вот именно! — повысил голос Удалов. — Учтите, что я первым сказал. Это бродячий сюжет, оставшийся от легендарной эпохи. Видно, в те времена эти петушки изготовлялись почем зря. Стояли они на вершинах башен и крутились в ту сторону, откуда шла опасность.

— Ку-ку! — вспомнил Грубин. — Царствуй, лежа на боку.

— Не может быть! — возрадовался Анатолий Борисович, который был склонен прислушиваться к мудрым советам. — Разумеется! Очень похоже! Но как проверить?

— Проще простого, — сказал Удалов. — Укрепим его на пожарную каланчу посреди Гусляра и будем смотреть, куда петушок повернется.

— Бред какой-то! — возмутился Стендаль. — И сколько же мы будем ждать?

Удалов не ответил. Он понял, что Стендаль по большому счету прав. Вряд ли скоро половцы или татаромонгольские захватчики нападут на Великий Гусляр.

— Ну, тогда, — сказал Ложкин, — воздвигнете столб возле экспедиции и будете ждать. Экспедиции грозит куда больше опасностей, чем районному центру.

Хоть никто не знал, что за опасности могут подстерегать археологическую экспедицию, времени терять не стали, притащили с берега бревно, заострили его, вкопали и укрепили сверху золотого петушка, несмотря на вялые протесты руководителя экспедиции, который опасался, что петушок может стать жертвой злоумышленника и пропадет для науки.

Жители Великого Гусляра коллективно поклялись, что в городе не найдется такого варвара. И петушок, отмытый, как новенький, гордо поднял гребешок над лагерем экспедиции.

Весь следующий день нескончаемым потоком шли к лагерю

гуслярцы. Стояли, смотрели на петушка, ждали, когда он повернется хоть куда-нибудь. Но петушок стоял неподвижно.

Гамалеев тоже часто отрывался от раскопок и, прикрыв глаза от солнца ладонью, всматривался в петушка. С одной стороны, ему не хотелось набегов и опасностей, с другой — желательно было, чтобы петушок заработал. Это будет замечательное и неотразимое свидетельство в пользу легендарной эпохи.

Ни в тот день, ни на следующий петушок не шелохнулся. Завистливый к славе начальника, аспирант Лютый сказал в кругу своих знакомых:

— Во-первых, сказочного петушка не было, он — плод литературного творчества А.С. Пушкина, а во-вторых, наш дорогой начальник сошел с ума на почве бредовой идеи.

Толя нечаянно подслушал эти слова. Он был внутренне согласен с аспирантом Лютым. Конечно, в высшей степени наивно прикреплять ценную археологическую находку на заостренное бревно и ждать от нее работы. Притом сказочной.

Но снять петушка он не мог. Что-то сопротивлялось внутри. Словно само Городище оказывало волшебное влияние на археологов.

И петушок остался на вершине бревна.

Вдруг на третье утро, часов в десять, когда все уже трудились на раскопе, а первые зрители из города начали собираться под холмом, при полном безветрии золотой петушок дрогнул, скрипнул и медленно повернулся в сторону шоссе.

— Ой! — сказал кто-то детским голосом.

Было так тихо, что все услышали. Старик Ложкин, который стоял там с подзорной трубой, повернул ее в сторону шоссе.

— Голые суеверия, — злобно произнес аспирант Лютый. И, чтобы доказать, что он выше суеверий, Лютый взял длинную палку, подошел к бревну и, встав на цыпочки, дотянулся концом палки до петушка.

Окружающие были так возмущены этим демонстративным поступком, что не успели ничего сказать, когда, сильно толкнув петушка в клюв, аспирант Лютый отвернул его на девяносто градусов от шоссе.

— Вот так-то, — сказал он нагло, оборачиваясь к зрителям. — Его же ветром повернуло!

— Как ты смел! — закричал Гамалеев. — Палкой! По уникуму!

— Был бы уникумом, давно бы вернулся в исходное положение, — ответил аспирант.

— А вы лучше поглядите! — прервал конфликт Удалов. — На петушка поглядите!

Петушок (а было полное безветрие) медленно и упорно, будто кто-то тащил его за клюв, вернулся в исходное положение — клювом к шоссе.

Тут у аспиранта Лютого опустились руки, а на шоссе показалась черная точка.

В экспедицию ехала ревизия из Москвы.

Ревизия — гость непрошеный и нежеланный, особенно для такой маленькой и бедной экспедиции. Но кто-то где-то, выбирая маршрут для ревизии, ткнул пальцем в Великий Гусляр.

Ревизоры были строги, они не только просмотрели все ведомости и нормы питания сотрудников, но даже пересчитали лопаты и сняли показания спидометра у экспедиционного «рафика». Все обошлось, но работа экспедиции затормозилась. Ведь Анатолий Борисович был материально ответственным лицом и два дня подряд оправдывался, хоть и не был виноват. Перед ревизией положено оправдываться.

Когда ревизия наконец отъехала, Гамалеев сказал Корнелию Удалову:

— Спасибо, Корнелий Иванович. Именно вам принадлежит честь открытия. Именно вы связали нашу находку с известной сказкой. Как человек и ученый, я вам многим обязан. Просите что хотите, никогда не откажу.

— Эх, что с вас взять, с археологов! — вздохнул Удалов. Но был польщен признанием. — Как-нибудь сочтемся.

— Я своих слов на ветер не бросаю, — сообщил Толя.

— Отложим этот разговор, — великодушно сказал Корнелий.

С тех пор даже аспирант Лютый замолчал, хоть в кругу знакомых любил повторять, что поворот петушка лицом к ревизии — пустая случайность. Если бы от петушка был толк, он бы предсказал ревизию за неделю.

В следующий раз петушок повернулся двадцать восьмого августа. Это было уже в конце рабочего дня, и за исключением археологов и подпаска Тимофея, зубного техника в отпуске, никто движения не заметил. Петушок несколько раз крутанулся вокруг оси, как будто не был уверен, откуда грозит Анатолию Борисовичу опасность. Наконец повернулся к реке и замер.

На этот раз никто не подвергал действия петушка сомнению. Археологи и молодые добровольцы вылезли из раскопа и стали смотреть в сторону реки. Река была спокойна. Но все равно люди уже верили петушку больше, чем собственным глазам. Даже аспирант Лютый, известный скептик, взял в руки лопату, как винтовку, и направил на реку.

Настороженность археологов была вознаграждена. Воды реки

расступились, и на поверхности показались две зеленые выпуклости. Выпуклости беззвучно и зловеще неслись к берегу. У берега они затормозили, а затем из воды показалась длинная зеленая морда, усеянная множеством острых желтоватых зубов...

Затем в полном молчании из воды вылез громадный, метров пять длиной, крокодил и, шустро перебирая кривыми короткими ногами, направился вверх по склону холма — туда, где стоял в окружении помощников Анатолий Борисович.

Надо сказать, что никто не струсил, не убежал, не закричал от страха. Держа на изготовку лопаты, археологи ожидали приближения чудовища, перебрасывались отрывистыми словами:

— Это крокодил.

— Или аллигатор.

— Может, аллигатор.

— У нас они не водятся.

— Они в Африке водятся.

— Или в Бразилии.

— Своим ходом доплыть не мог?

— Нет, не мог. А на вид голодный.

— Значит, злой. Лопату перекусит?

— Лопату точно перекусит.

Крокодил добрался до вершины холма и широко разинул пасть. Тут было от чего пасть духом, но археологи дружно взмахнули лопатами, показывая, что шутить не намерены. При этом они продолжали разговаривать:

— Типичный хищник.

— И мозг примитивный.

— Из него сумочки делают.

— Он, наверное, в Красную книгу записан.

— Должен быть записан.

— Так что, ребята, вы его осторожнее!

— Лучше раз пожалеть, чем потом раскаиваться.

Крокодил увидел строй поднятых лопат и раздумал нападать на начальника экспедиции. Несколько раз он разинул и закрыл пасть, словно безмолвно угрожая, и начал отступать к воде. Его не преследовали.

По пути он наткнулся на куст и зацепился за него ошейником.

Раньше никто этого узкого ошейника не видел, потому что археологи были заняты обороной. Теперь же все поняли, что крокодил в ошейнике. А это категорически меняло дело.

Отважный Анатолий Борисович сумел зайти крокодилу сбоку, пользуясь кустом как прикрытием. На ошейнике висел медальон. Гамалеев медальон сорвал. В нем оказалась записка: «Крокодил

ручной, принадлежит цирку № 6 им. Парижской коммуны. Просьба мясом не кормить, телеграфировать по месту гастролей в город Новороссийск».

Гуслярцы подивились способностям крокодила к путешествиям, привязали его к кустам, дали телеграмму в Новороссийск, где выступал цирк, упустивший крокодила во время морского круиза. Многие приходили смотреть на крокодила, но больше на Золотого петушка, так замечательно себя проявившего.

Не прошло и суток после того, как был увезен крокодил, а петушок встрепенулся вновь. На этот раз он глядел на автобусную остановку.

Увидев движение петушка, Анатолий Борисович неожиданно обрадовался и воскликнул:

— Правильно! Она приехала!

Он поспешил к автобусу, за ним побежал аспирант Лютый с лопатой, который не хотел оставлять начальника в минуту опасности, за ними побежали школьники.

Автобус остановился на площади. Из него среди прочих пассажиров вышла девушка невероятной красоты, черноволосая, кареглазая, в джинсах, белой блузке и кроссовках «Адидас».

— Здравствуйте! — вскричал Гамалеев. — Я поражен вашей красотой! Вы наверняка сотрудница Шамаханского городского музея Салима Мансурова?

— Салима Хабибовна, — ответила шамаханская научная сотрудница, протягивая Анатолию Борисовичу узкую изящную ладонь.

Аспирант Лютый тут же влюбился в сотрудницу и забыл на площади лопату.

Гамалеев под локоток отвел Салиму Хабибовну к гостинице. По дороге он беспрестанно ворковал, а жители Великого Гусляра смотрели на эту пару с удивлением.

С утра следующего дня Салима Хабибовна находилась на раскопках. Гамалеев показал ей все, что нашли археологи. Он беспрестанно хмурился и краснел. Аспирант Лютый не мог заставить себя вернуться в раскоп. Он ходил следом, только улыбался и тоже краснел. В тот день всем было не до раскопок. Петушок беспрерывно крутился на вершине бревна, показывая этим, какие неладные дела творятся во вверенном ему царстве.

После обхода площадки и любования петушком Анатолий Борисович со своей шамаханской гостьей удалился в палатку, и больше никто не видел его до самого вечера, когда он наконец вышел, взволнованный и, можно сказать, отрешенный. Он рассеянно взглянул на петушка, который все еще вертелся в лучах заходяще-

го солнца. Потом пошел провожать в гостиницу Салиму Хабибовну.

— Завтра, — сказал он, прощаясь, — все решится.

Поздно вечером во двор дома № 16 по Пушкинской улице, где проживают Удалов и старик Ложкин, вошел расстроенный аспирант Лютый. Друзья сидели под сиреневым кустом, отдыхали. По виду Лютого они сразу поняли — случилось нечто тревожное.

— Что произошло, аспирант? — спросил Удалов.

— Что-нибудь на раскопках? Что нашли? Или потеряли? — спросил старик Ложкин.

— Вы на петушка глядели? — спросил Лютый.

— Все вертится? — сказал Удалов.

— Это же ненормально! — воскликнул Лютый. — Петушок извертелся. Он сигнализирует, что от Салимы Хабибовны нам всем грозит страшная опасность.

— А, — сказал Ложкин, — понимаю. Я вчера ее видел. Очень представительная девушка. А моей супруге она не показалась.

— А почему ты к нам пришел? — спросил Удалов.

— Вы уважаемые люди, общественники. Вы должны спасти Гамалеева. Что он делает с ней в палатке?

— Дело молодое, — сказал Ложкин. — Даже если и целуются...

— Раскопки прерваны! — произнес Лютый, сгорая от ревности. — Тайна города останется неоткрытой.

— Ну ничего, Гамалееву тоже отдохнуть надо, — сказал Удалов.

— Он не вернется в археологию, — сказал Лютый. — Я это понимаю, петушок это понимает. Только вы не понимаете.

— А производит она такое положительное впечатление, — вздохнул Ложкин.

— Вы наивные или притворяетесь? — закричал аспирант Лютый. — Вы знаете, откуда она приехала?

— Откуда?

— Я видел ее командировочное удостоверение! Она приехала из так называемого Шамаханского музея!

Значение слов Лютого далеко не сразу дошло до Удалова и Ложкина.

Они смотрели на аспиранта выжидающе, думая, что он разъяснит, чем Шамаханский музей хуже другого.

— Шамаханский музей! Ша-ма-хан-ский! — кричал Лютый.

Во дворе открывались окна, выглядывали соседи.

— Шамаханский музей, шамаханский дворец, шамаханский шатер...

— О! — тихо и значительно произнес Ложкин. — Роковая шамаханская царица!

— Она самая. Теперь вы понимаете, что Анатолий Борисович обречен?

В другой ситуации жители дома № 16 подняли бы аспиранта на смех. Мало ли какие бывают смешные совпадения. Но после случая с ревизией и крокодилом все понимали, что факт существования эпохи легенд доказан. А если так, то сказочные явления, которые теоретически прекратились с наступлением последнего ледникового периода, на самом деле не совсем прекратились.

И это заставило всех глубоко задуматься. Начали обсуждать, что предпринять. Можно было, конечно, написать письмо директору института археологии и объяснить ему, что творится в Великом Гусляре. Но, вернее всего, очень занятой директор института не примет всерьез жалоб гуслярцев, так как относится к числу тех археологов, которые категорически не согласны с существованием эпохи легенд. Можно было написать Розе Григорьевне, маме Гамалеева, с просьбой приехать и воздействовать на Толю, можно было сигнализировать в Шамаханский музей... Последнее, правда, отмели сразу — понимали, что, если даже таковой музей и существует, никто в нем Салимы Хабибовны не видел, которая десантировала к ним из легендарного прошлого с туманными зловещими целями.

И вот в разгар споров Удалов сказал:

— Эврика!

— Чего? — спросил Ложкин.

— Все свидетели, что начальник экспедиции, — сказал Удалов, — обещал выполнить любое мое желание за то, что я разгадал тайну Золотого петушка.

— И что?

— А я пожелаю, чтобы он отдал мне... — Тут Удалов понизил голос, чтобы его супруга Ксения не услышала и не истолковала ложно его слова: — Чтобы он отдал мне шамаханскую царицу.

— Ну что ж, — сказал старик Ложкин. — Поглядим, хозяин ли он своему слову!

Наутро, когда Удалов и Ложкин в сопровождении Саши Грубина шагали к лагерю экспедиции, Ложкин выразил опасение:

— Ты только осторожнее, Корнелий. Он ведь расставаться с этой шамаханской соблазнительницей не захочет. Может быть, в отчаянии постарается тебя убить.

— Ничего, — сказан Удалов с наигранной храбростью, — в случае чего петушок за меня отомстит.

Ему было не по себе. Он уже раскаивался, что согласился идти. Но отступать было некуда. Раскопки следовало завершить — и

этим исполнить долг Анатолия Борисовича перед наукой и Великим Гусляром.

Полог палатки был опущен. Возле палатки монотонно шагал — пять шагов направо, пять шагов налево — бледный, лохматый, остервеневший аспирант Лютый. На раскопе кто-то лениво копался в земле, но в целом работы затормозились.

— Они здесь? — спросил Удалов.

Лютый нервно кивнул. Из палатки донеслось: «Хи-хи-хи, ха-ха-ха». Это был голос шамаханской царицы.

Друзья Корнелия стояли за его спиной, готовые, если надо, прийти Удалову на помощь.

— Анатолий Борисович! — позвал Удалов и отступил на шаг назад.

Никто не отозвался. Из палатки доносились тихие голоса. Потом снова зазвучал нежный женский смех, от которого у всех дрожь прошла по коже.

— Гамалеев, выйди! — еще громче закричал Удалов.

Полог палатки поднялся, и оттуда выглянул рыжий археолог. Он заморгал от солнечного света и улыбнулся.

— Доброе утро! — сказал он. — Вам чего?

— Выходите, разговор есть, — сказал Удалов. — От имени общественности.

Анатолий Борисович вышел из палатки.

— Только ненадолго. Я очень занят.

— Видим, — сказал Ложкин. — Весь город видит, как вы заняты.

— Обещание давали? — спросил Удалов.

— Какое обещание?

— Выполнить любое мое желание. За петушка. — Удалов показал на золотую птичку, что по-прежнему вертелась на бревне.

— Разумеется, — сказал Анатолий Борисович, не удержавшись от смеха. — Так что же вы надумали?

— Отдавай мне шамаханскую девицу! — решительно произнес Удалов.

В этот момент полог еще раз шевельнулся, и возникла шамаханская девица во всей своей свежей красоте. На этот раз она была облачена в розовую блузку и белые брюки.

— Кого надо отдать? — спросила она, посмеиваясь.

— Вас, гражданка, — сказал Удалов тверже.

— Зачем? — Девица приподняла соболиные брови и сверкнула карими очами.

— Раскопки под угрозой, а петушок скоро сойдет с ума от опас-

ности, которая грозит Анатолию Борисовичу. Вы только поглядите наверх.

— А что вы со мной будете делать? — спросила шамаханская девица.

— Я? С вами?

— Вот именно! — раздался сзади грозный голос Ксении, жены Удалова. — Что ты с ней делать намылился, старый распутник?

Удалов в некоторой растерянности бросил взор на красавицу шамаханского происхождения, затем метнул взгляд на собственную жену. Но нашелся.

— Отправлю обратно! — заявил он.

— Товарищи! Вы неправильно все поняли! — возмутился Гамалеев, который, видно, понял, что произошло. — Сейчас не легендарная эпоха! Салима Хабибовна — квалифицированный и уникальный специалист по археологии и филологии легендарной эпохи.

— Значит, не отдашь? — спросил Удалов зловещим тоном. — Петушок жестоко отомстит!

От этих слов все внутренне сжались. Ложкин поглядел на петушка. Петушок тоже замер. Даже Ксения Удалова замерла.

— Товарищи! — сказала тогда прекрасная Салима Хабибовна. — Прошу минуту внимания. Я приехала сюда в командировку для оказания профессиональной помощи моему коллеге кандидату исторических наук Гамалееву. Двое суток мы с ним, практически не отрываясь, горя творческим энтузиазмом, проводили опыты над откопанным здесь материалом.

— Знаем мы ваши опыты! — ревниво вякнул аспирант Лютый. — Зачем в палатке прятались от общественности?

— Мы не хотели знакомить общественность с опытами до тех пор, пока они не будут завершены. Однако недоразумение, возникшее здесь, хоть и не делает чести вам, товарищи, должно быть рассеяно. Попрошу желающих пройти в палатку.

Желающие вошли в палатку и остановились у входа. И замерли. Было от чего удивиться.

На рабочем столе, рядом со старой темной бутылью, сидел маленький человечек с длиннющей белой бородой, в красной чалме и цветастом поношенном халатике. Перед ним стояло блюдце с клубникой, которую он ел, хватая каждую ягоду обеими руками. На вошедших он не обратил ровным счетом никакого внимания.

— Не бойтесь, подходите ближе, — сказала Салима Хабибовна. — Как вы видите, вокруг джинна, обнаруженного в черной бутыли при раскопках дворца, проведен мелом круг волшебного свойства, создающий силовое поле, за пределы которого он выйти

не в состоянии. Этот волшебник — последний представитель разумной фауны эпохи легенд. Его показания при нашем совместном докладе в Академии наук будут неопровержимыми свидетельствами правильности нашей с Анатолием Борисовичем теории. Поэтому мы, — тут Салима Хабибовна показала на видеомагнитофон в углу палатки и ворох кассет возле него, — двое суток непрерывно записываем все, что нам говорит этот волшебник. Если же вы подозреваете, что у нас, охваченных научным энтузиазмом, было время, чтобы предаваться личным отношениям, вы глубоко заблуждаетесь.

— Куда им предаваться! — сказал джинн, дожевывая ягоду. Сок стекал по бороде, окрашивая ее в розовый цвет. — Я им ни одной минуты отдыха не дал! То излагаю, то словесно хулиганю!

Говорил он по-русски, но с сильным восточным акцентом.

— Я понимаю, — виновато сказал Удалов. — Мы вас оторвали от работы. Простите нас!

Ксения, которой было страшно глядеть на джинна, взяла мужа за руку.

— В частности, — добавил Анатолий Борисович, — без помощи Салимы Хабибовны мне никогда бы не извлечь джинна из бутылки. И я не смог бы заставить его держать себя в рамках. Что касается беспокойства Золотого петушка, то оно вызвано присутствием джинна, которого Золотой петушок не выносит, потому что джинн многократно навязывал петушку свою недобрую волю.

— Я до тебя доберусь, археолог, — грозно сказал джинн. — Мне смертельно надоели твои разоблачения!

Он запустил пальцы в бороду и невнятно завопил на восточном языке.

— Осторожно! — крикнула Салима Хабибовна, которая единственная поняла угрозу джинна.

Раздался треск, что-то тяжелое ударилось о крышу палатки, в крыше возникла дыра, и внутрь, словно метеор, свалился Золотой петушок. Судя по всему, он намеревался ударить клювом по голове Анатолия Борисовича, однако присутствие шамаханской сотрудницы спасло археолога. Она успела оттолкнуть Гамалеева, тот упал на Удалова, а петушок ушел по плечи в земляной пол.

Джинн расхохотался и принялся доедать клубнику. Завершение этой истории буднично, как сама наша жизнь.

Раскопки под Великим Гусляром более не дали любопытных находок, но и то, что удалось найти, вызвало бурю восторгов и споров среди археологов и журналистов. Трудно поверить, но рок безвестности, преследующий Гамалеева, вновь догнал его. Отчет об экспедиции был подписан Салимой и Толей. Фамилия дамы

стояла первой, поэтому эпоха легенд, как вам известно, называется теперь эпохой Мансуровой. Доклад об экспедиции на общем собрании Академии наук сделала Салима, и степень доктора «гонорис кауза» была присвоена ей. В этом году доктор Мансурова уезжает копать эпоху легенд (эпоху Мансуровой) на остров Сопотру где-то в Красном море, и неизвестно, возьмет ли она с собой Гамалеева или оставит его дома с близнецами Толенькой и Салимочкой.

Старый джинн прожил осень в академическом санатории «Узкое» и всем смертельно надоел своими дешевыми фокусами. Особенно невзлюбили его академики и обслуживающий персонал за то, что он в больших количествах сотворял из воздуха рахат-лукум и трюфели, жрал их килограммами и ни с кем не делился.

Спасла всех сестра-хозяйка, которая хитростью заманила джинна в бутылку из-под шампанского, заткнула ее пробкой и бросила в верхний пруд.

Петушок хранится в Историческом музее, на шкафу в кабинете директора, предупреждая его об опасных визитерах.

ОТЦЫ И ДЕТИ

Преимущества новой жизни в Великом Гусляре пожирала инфляция.

— Словно черная пасть, — произнес Николай Белосельский, расхаживая по своему кабинету и не глядя на собеседников. — Мы подняли пенсию, и тут же подорожал хлеб. А что я могу поделать, если муку присылают из области по новым ценам?

— Пенсионерам трудно, — сказал Удалов, которому скоро уже было пора на пенсию — а так хотелось еще пожить и даже съездить на Канарские острова. Не исключено, что, если дальше так будет продолжаться, закроют границу, как при Сталине, и прозеваешь жизненный шанс.

— Вот мы и решили обратиться к вам, Лев Христофорович, — продолжал Белосельский, не услышав реплики Удалова. — Изобретите что-нибудь кардинальное.

— Новую пищу? — спросил профессор Минц.

— А из чего ее делать будете?

— Из органики, — неуверенно ответил Минц и замолчал.

— Это может пройти в больших городах, — сказал тогда умный Белосельский. — А у нас завтра все будут знать, откуда вы взяли эту самую органику.

— Мы не космический корабль, где все оборачивается по сто раз, — поддержал Белосельского Удалов.

Его пригласили на беседу Минца с Белосельским как представителя общественности и третейского судью, потому что трезвое мнение Корнелия Ивановича было важно для собеседников. Даже если он его не высказывал.

— Что-то из ничего не бывает, — сказал Минц, будто был в том виноват. Хотя закон сохранения энергии и иных вещей придумали задолго до него.

— Вы думайте, профессор, думайте! — приказал Белосельский. — Люди не могут поддерживать достойное существование.

— Будем думать, — сказал профессор.

Он был серьезен. Никогда в жизни перед ним еще не ставили такой глобальной проблемы — спасти государство от кризиса.

— Майские праздники у нас с Пасхой совпадают — людям хочется сесть за стол и на свои средства досыта наесться и напиться, — закончил беседу Белосельский. Он надеялся на Минца. Не раз профессор находил парадоксальные выходы из безвыходных положений.

Профессор Минц разбудил Удалова на следующую ночь, часа в три.

Удалов открыл на нерешительный звонок, полагая спросонья, что сын Максим пришел с очередного приключения и боится потревожить маму. Но это был Минц в пижаме. Остатки волос торчали как крылышки над ушами, очки были забыты высоко на лбу.

— Корнелий, прости, но надо поделиться, — громко прошептал Лев Христофорович.

— Неужели «эврика»? — спросил тоже шепотом Удалов. — Неужели так скоро?

— Вижу свет в конце туннеля, — сообщил Минц. — Спустись ко мне, а то на лестнице зябко.

Когда они спустились к профессору, Минц поставил перед Удаловым лафитничек с фирменной настойкой сложного лесного состава и предложил глотнуть.

— Спасибо, — сказал Удалов. — Горю желанием узнать первым.

— Вот именно! — обрадовался профессор. — Дружба для меня стоит выше прочих привязанностей. От твоей реакции на мое очередное изобретение зависит судьба страны.

— Спасибо, — потупился Удалов, потом налил себе глоток из лафитничка. Все-таки исторический момент.

— Какая была поставлена задача городскими властями? — задал Минц риторический вопрос. И сам, разумеется, ответил: — Накормить на праздники, а потом и вообще городское население при условии, что ни зарплата, ни пенсии, ни другие доходы не увеличатся. Полагаю, что любой другой ученый в мире, исключая Ньютона и Эйнштейна...

— А они померли, — вмешался Удалов.

— А они скончались, не смог бы решить такую проблему. А я ее, кажется, решил именно потому, что мыслю оригинально. Наоборот. Казалось бы, что надо сделать?

На этот раз вопрос был обращен к Удалову, и надо было отвечать.

— Надо пенсии прибавить.

— Чепуха. Денег на это нет.

— Надо... аппетиты уменьшить.

— Удалов, ты гений. Так проблему мог бы поставить лишь выдающийся ум современности.

Удалов смутился и налил из лафитничка в рюмку.

Настойка была крепка и душиста.

— А как уменьшить аппетиты?

— Таблетки от аппетита, да? — попробовал догадаться Удалов.

— А как уменьшить ткани на одеяла и простыни? На пеленки? Как разместить в автобусе пятьсот человек, когда с трудом помещается сто? Ну? Один шаг остался, Удалов! Таблетки тут не помогут.

Удалов этого шага сделать не смог.

Тогда Минц взял со стола коробку из-под ботинок. В ней шуршало.

— Смотри! — приказал он.

На дне коробки лежала кошка с двумя котятами. Кошка была размером с мышку, а котята — с мышат.

— О нет! — воскликнул Удалов. — Только не это!

— Не бойся, все не так трагично, — улыбнулся Минц. — Я не намереваюсь превращать людей в мышей. Мы уменьшим нас лишь в два раза. В тебе сколько сейчас?

— Метр шестьдесят шесть.

— Будет восемьдесят сантиметров. И тогда аппетит у тебя вдвое уменьшится, и в автобус тебя вдвое влезет. А так как все остальные будут такие же, то разницы никто не заметит. Зато благосостояние возрастет вдвое!

— А стулья? — спросил Удалов.

— Подпилим ножки, — ответил профессор.

Все было не так просто, как можно подумать. Времена у нас демократические. Компартия собрала митинг протеста, хотел было приехать один депутат Думы, но в последний момент испугался уменьшиться вместе со всеми. Именно со всеми, потому что референдум дал 78 процентов голосов за минимизацию, 9 процентов были против, а остальные мнения не имели.

Внесено было одно уточнение. Его сформулировал старик Ложкин, который перед референдумом сказал:

— Детей жалко. Мы-то свое отжили, нам бы покушать, а вдруг они расти перестанут?

Минц согласился с мнением Ложкина, поддержанным всем городом: хоть ты, Минц, и обещаешь нас вернуть в обычное состояние, как только инфляция закончится, рисковать здоровьем детей детсадовского и младшего школьного возраста, которые, считай, много не съедят, народ не намерен.

Ночью над городом поднялся воздушный шар, и Грубин с Минцем опылили спящие дома, а детям перед сном дали таблетки, чтобы с ними чего не случилось.

Сделав дело, Минц, все еще в противогазе, попрощался с Грубиным за руку и сел за руль своего «Москвича». Его ждали в области на конференции по благосостоянию.

Грубин махал ему вслед, уменьшаясь на глазах. Отъехав от города, Минц снял противогаз. На следующий день жители Великого Гусляра проснулись уменьшенными в два раза.

На конференции доклад Минца вызвал страстные споры. Некоторые отвергали его с порога, защищая права человека, другие просили поделиться опытом и самим средством.

Так что Минцу пришлось задержаться в области на несколько дней, а затем вылететь в Москву для переговоров на высоком уровне.

И возвратился он домой только перед самыми Майскими праздниками.

* * *

С тревожным чувством подъезжал профессор к Гусляру. Он боялся, не вызвало ли его изобретение побочных эффектов, а главное — смогут ли им достойно распорядиться в центре, где сталкиваются интересы могучих ведомств.

Странная тишина встретила Минца на въезде в Великий Гусляр.

Улицы были пустынны, нигде ни души.

Пушкинская улица недалеко от центра была перекрыта баррикадой из ящиков. Минц вышел и негромко крикнул:

— Есть кто живой?

Отозвался только утренний ветер, что нес по улицам мусор.

Вот и продовольственный магазин. Витрины разбиты, внутри тоже разорение. Больше всего досталось кондитерскому отделу — от него остались только осколки и груды ярких оберток. Винный отдел сохранился лучше прочих, и хоть часть бутылок была разбита, но ни одна не почата.

Махонькая, уменьшенная вдвое мышка пробежала, как паучок, по полу и исчезла в углу.

Минц пошел по улице дальше, прижимаясь к стенам домов. Чувство ужаса овладело им.

Когда он проходил мимо подвала магазина сельхозтехники, он услышал стон.

Вровень с тротуаром было окошко, забранное решеткой. Стон доносился оттуда.

— Кто там? — спросил Минц.

— Это мы, люди...

Минцу показалось, что он узнал голос Удалова.

В несколько секунд Минц сбежал вниз по ступенькам, откинул засов, и из темного подвала стали выползать ослабевшие, изможденные, несчастные люди. Некоторые из них были избиты и исцарапаны. Можно было подумать, что на город в отсутствие Минца напала стая пантер.

Среди теней, в которые превратились гуслярцы, Минц встретил Удалова и самого Белосельского. Махонькие, не достающие до пояса профессору, они столпились, пошатываясь, и пищали, требуя внимания, пищи и обвиняя Минца в предательстве. Перебивая друг друга, пигмеи поведали Минцу страшную историю о гибели Гусляра, подготовленную необдуманным открытием профессора.

Когда утром жители Гусляра проснулись уменьшенными, сразу возникло множество проблем. Одни стали пилить ножки у стульев, другие не доставали до верхней полки на кухне, третьи не могли почистить зубы... Но морально шокирующей и, главное, совершенно неучтенной оказалась встреча с детьми. Представьте себе положение ребенка, который намерен идти в детский садик, но его будит не мама, а как бы мамина кукла, ростом меньше самого дошкольника. А в соседней квартире папа пытается отправить в школу первоклассницу, которая на голову выше его... Сначала родители попытались подтвердить свое право распоряжаться детски-

ми судьбами с позиции силы, и надо сказать, что растерянные дети покорно разошлись по детским садам, школам и всяким площадкам. Но затем по мере того, как родители прибегали ко все более репрессивным мерам и даже телесным наказаниям, чтобы удержать детей в руках, те стали объединяться. На третий день они выбрали вождя — второклассницу и второгодницу по прозвищу Дылда, самую высокую теперь жительницу города. От имени детей Дылда потребовала открыть кондитерские магазины и выдать детям бесплатно все жвачки и конфеты, затем закрыть школы и отменить умывание и суп.

Тут нашла коса на камень. Родители встали как один, пытаясь остановить детей, но у родителей нет такого опыта рукопашных, как у младшеклассников, а им хочется порядка и уважения к личности, тогда как дети не знают, что такое уважаемая личность. Таким образом, исход сражения, охватившего город, был предрешен. На четвертый день родителей безжалостно заточили в подвалы, и началась вольница: грабежи кондитерских и игрушечных отделов, разгром магазина «Кукла Барби» и еще многое другое, о чем и упоминать в цивилизованном обществе не пристало. Я уже не говорю о том, что за три последних дня ни один ребенок ни разу не почистил зубы. Даже те, кто хотел это сделать, не смели показаться паиньками в глазах зачинщиков переворота...

Минц отослал друзей открывать другие подвалы и узилища, а сам перебежками спешил к своему дому, надеясь, что новые господа Гусляра не добрались до его лаборатории.

Первое массовое скопление детей он увидал на площади Землепроходцев.

Там шел веселый бой яйцами, вывезенными из ближайшего продовольственного магазина. В стороне стояло несколько ящиков из-под шоколада — детишки дрались, роясь в обертках в надежде отыскать забытую плитку.

— Эй! — услышал Минц пронзительный детский голос. — Шпион!

Он обернулся. К нему неслась толпа детей во главе с длинноногой прыщавой девочкой, очевидно, Дылдой. Они были вооружены игрушечными и настоящими пистолетами из магазина «Охотник».

Несмотря на свой вес, возраст и живот, Минц помчался так, как не бегал с десятого класса. Ему удалось юркнуть во двор и промчаться к себе, оторвавшись от преследователей настолько, что они потеряли его из виду.

Переведя дух, Минц открыл последний баллон с антигазом и

включил газовый насос. Облако газа заполнило город, вновь превращая взрослых во взрослых. И когда Минц подошел к телефону, он уже слышал, как с улицы несется детский плач — выросшие взрослые взялись за воспитание неблагодарных отпрысков всерьез.

Под отдаленный и близкий рев детей Минц набрал телефон области. Он хотел срочно предупредить руководство об опасности, грозящей последователям гуслярцев.

В области никто не отвечал.

Тогда Минц положил в свой «Москвич» баллоны с антигазом, позвал на помощь Удалова, и они помчались в область.

Город встретил их молчанием.

Сначала Минц решил, что там тоже произошла детская революция.

Но магазины были не тронуты. Даже кондитерские отделы.

Минц стоял посреди гастронома и прислушивался, не донесется ли человеческий голос.

Голос донесся, но был таким тонким, что Минц сначала не сообразил, откуда он прилетел.

— Это же надо! — закричал Удалов и как молодой кинулся туда. Падая, он поймал жирного магазинного кота.

Кот завопил и выпустил из зубов махонькую обнаженную толстушку — как оказалось впоследствии, заведующую молочным отделом его гастронома.

Нежно держа несчастную женщину в кулаке, Удалов выбрался на улицу.

В тени цветущей сирени он увидел шевеление.

Минц доставал из машины баллоны с антигазом.

Удалов раздвинул листья — несколько человечков, размером в полспички каждый, пытались спастись от курицы, которая деловито склевывала их.

— Скорее! — закричал Удалов, отгоняя курицу.

Через полчаса немногочисленные жители области, которые смогли пережить эти дни, скрываясь под крылечками и в щелях в асфальте, поведали им страшную историю. Оказывается, городское начальство посчитало идею Минца половинчатой. И решило продовольственную проблему одним ударом — дали стократную концентрацию газа. Оказав услугу населению, чиновники разъехались по дачам. Так что многие остались целы.

...Когда друзья возвращались в Гусляр, они молчали. Только у въезда в город Минц прошептал словно самому себе:

— А там, на совещании, ведь разные хозяйственники были...

— И что? — спросил Удалов.

— Не исключено, — ответил Минц, — что в некоторых городах население без микроскопа не отыщешь...

ОТРАЖЕНИЕ РОЖИ

Разговор начался банально — с собак. Минц с Удаловым сидели на лавочке у дома № 16, чувствуя себя старичками, хотя, конечно, в душе ими не были. И смотрели, как внучка Ложкина Дашенька, приехавшая в Гусляр на каникулы, гуляла со своей стройной, поджарой, почти породистой собачкой и вся была под стать ей поджарая, стройная, почти породистая.

— Любопытно, — сказал профессор, — каков механизм подбора людьми собак?

Удалов, который понимал Льва Христофоровича с полуслова, возразил:

— Но, может, это собаки подбирают себе хозяев, похожих на них?

Так как разговор происходил в сентябре и окна были открыты, с первого этажа откликнулся Грубин:

— Я думаю, что собаке и хозяину надо пожить вместе, тогда они становятся на одно лицо.

Спорить с Грубиным не стали. Тем более что в подтверждение общих мыслей из-за угла вышел хулиган Корочкин, крутой качок, как называла его с придыханием Дашенька, мелкий рэкетир и террорист, который недавно приобрел в области за баксы настоящего бультерьера — существо, более всего похожее на большую жирную корявую крысу. Говорили, что Корочкин, известный в уголовном мире Великого Гусляра под кликухой Крыс, в память о популярном в детстве мультфильме, ходит со своим булем на операции и тот уже задушил двух или трех лоточников. Может, и не в самом Гусляре, но на станции или в Потьме. В любом случае хозяин и собака были похожи, и, только когда они прошли, пугнув по пути Дашеньку Ложкину, Удалов несмело произнес вслед кожаной спине Корочкина:

— При взгляде на собаку понимаешь суть хозяина. А вы говорили!..

Удалов ждал возражений, но не дождался. Через некоторое время Грубин сказал из открытого окна:

— Это даже неплохо.

Удалов, который прожил с Грубиным больше двадцати лет в одном доме, все понял и возразил:

— В тех случаях, когда облик соответствует содержанию, собака может многое поведать о своем хозяине. Но бывает множество исключений. Идет болонка, ведет болонку, а внутри бульдог-душитель.

Все помолчали.

На втором этаже открылось окно, и старик Ложкин позвал:

— Даша, ужинать пора.

Даша застучала каблучками, собака — коготками. И скрылись в подъезде за хлопнувшей дверью. Ложкин сказал:

— Главная беда человечества — несовпадение облика и содержания.

Значит, он весь разговор о собаках слышал.

— Я сейчас по телевизору министра слушал, не буду называть его фамилии. Он врет, улыбается, дикторшу по заднице гладит, а я знаю — врет!

— Ну уж и гладит! — засмеялся Грубин.

— Морально гладит. А она хвостиком виляет.

— Он, наверное, сам себя со стороны не видит, — сказал Удалов. — Это часто бывает с людьми. Даже удивляешься порой — ну как же ты не видишь, что ты скотина!

— А что делать? — спросил напряженно молчавший Минц, что свидетельствовало о бурной работе его мысли. — Как открыть истинное лицо? По собаке?

— Чудесная мысль! — донесся сверху голос Ложкина. — Вижу волкодава — и сразу владельца в тюрягу!

— Я же не о действиях, — возразил Минц. — Я хотел обратить ваше внимание на неточность выводов, которые можно сделать из нашего наблюдения. Не раз человечество пыталось найти способ определить наклонности и способности человека по формальным признакам. Одни искали преступников по форме черепа, другие гениев по почерку, третьи определяли характер с помощью звезд.

— Хорошо вам говорить, ученым, — откликнулся Ложкин. Сказал он так, чтобы его опровергли, потому что считал себя человеком грамотным и в свое время, пока еще перо рука держала, сочинил немало кляуз в журнал «Знание — сила». Даже печатали их порой.

Но никто Ложкина не опроверг, никто не закричал: «Ты у нас первый ученый, дедушка Николай!»

— Конечно, — сказал Удалов, — легко было бы жить, если бы каждому человеку выдать по лицу, которое бы соответствовало его поступкам и душевному состоянию. Посмотрел на человека — и сразу на другую сторону улицы. Потому что видишь не лицо, а убийственную рожу.

— Интересная задача, — задумчиво произнес Минц. Словно задачу эту задали ему и он готовился ее разрешить.

— А как этого добьешься? — подумал вслух Грубин, который и сам был не последним изобретателем.

— Впрыснуть! — не выдержал Ложкин. — Каждому впрыснуть средство от лжи. А то идет, видите ли, улыбается, красавчик! А сам только что тетеньку задушил.

— Не получится, — сказал Минц, подумавши. — Люди куда сложнее, чем вам кажется. Человек — это целый мир. Он может быть сейчас грабителем, а через полчаса вытащит ребенка из проруби или в горящую избу войдет.

— Но все равно, — подзуживал соседа Удалов, который подумал, как будет славно, если он придет домой, а у Ксении все на лице написано и не надо гадать. Успеешь принять меры против семейного конфликта. — Эта задача по плечу только гению.

— Если вы имеете в виду меня, то я не претендую на уникальность, — скромно возразил Лев Христофорович. — Я всегда с благодарностью вспоминаю своих учителей — Ньютона и Эйнштейна.

— Их с нами нет, — сказал Грубин.

— В самом деле? — рассеянно спросил Минц и, неожиданно поднявшись, быстрыми шагами пошел в подъезд, к себе. Думать. Творить. Пробовать. На горе или на счастье человечества.

Дня три Минца никто не видел. Соседи, зная о том, какие научные «запои» бывают у профессора, ставили у двери молоко, хлеб и пепси-колу. Минц инстинктивно отворял дверь и брал приношения. Не замечая этого.

На четвертый день веселый Минц с утра включил оживленную музыку Гайдна, отворил окно, потопал немного, изображая зарядку, выпил принесенное Ксенией молоко, а потом отправился к Удалову. Корнелий только что вышел из ванной, побритый и добрый.

— Корнелий, кажется, я решил проблему, — сказал Минц.

— Истинной рожи? — догадался Удалов.

— Или истинного лица.

— Вы проходите, проходите. Ксюша, принесешь каши Льву Христофоровичу?

— Несу! — откликнулась Ксения. — Вам с молочком или с вареньем?

— С медом, — ответил профессор и продолжал, обращаясь к Удалову: — Мы с вами пошли по неправильному пути. По пути,

лишенному парадоксов. Мы хотим увидеть истинное лицо человека. Но зачем?

— Чтобы он стал лучше, — без запинки ответил Удалов. — Или чтобы задержать его и сдать в милицию.

— Именно твой первый ответ, Корнелий, меня порадовал. А второй огорчил. Мы хотим увидеть истинное лицо человека, чтобы уменьшить на планете число преступлений и злых дел, изжить несправедливость и жестокость. А для этого надо, чтобы человек увидел самого себя!

— Не понимаю, — сказал Удалов.

Минц не спеша поскреб ложкой по тарелке, собрал с каши мед и сунул в рот.

— А когда человек увидит собственное лицо таким, каков есть его внутренний облик, он ужаснется и скажет: что я наделал! Каждый из нас живет с самим собой, и воспитание человечества я переношу на индивидуальный уровень.

Удалов ничего не понимал.

— Сиди здесь, я тебя позову, — приказал Минц.

Он поднялся из-за стола, подошел к платяному шкафу, узкая створка которого была зеркальной, вынул из кармана пузырек с какой-то мазью и ватку. И, потряхивая пузырьком, чтобы мазь попадала на ватку, он стал возить ваткой по зеркалу.

Когда работа была завершена, Минц сказал:

— Теперь подождем, пока просохнет.

Удалов сделал вид, что ничему не удивляется, хотя не переставал удивляться гениальности Минца, и принялся за чай.

Но не успели они допить чай, как Лев Христофорович, кинув взгляд на зеркало, произнес:

— Ну вот, все готово.

— Что готово?

— Истина, Корнелий. Подойди к зеркалу.

Корнелий послушно поднялся и подошел к зеркалу. И ничего особенного не увидел. Полчаса назад это же лицо он лицезрел в ванной, в тамошнее зеркало.

— Ничего особенного не вижу, — сообщил он. Наверное, эксперимент провалился.

— Что и следовало доказать! — ответил профессор. — Потому что ты, Удалов, полностью соответствуешь сейчас своему внутреннему содержанию.

— А что дальше?

— Дальше я хотел тебе сказать, что видел вчера на улице Батыева. Вернулся он к нам в Гусляр, ходят слухи, что назначат его главгором вместо Коли Белосельского.

— Что?! — воскликнул Удалов. — Не может быть!

— Посмотри на себя в зеркало! — приказал Минц.

Удалов обернулся к зеркалу и был поражен тем, что из зеркала на него глядело странное животное, похожее во многом на Удалова — например, лысиной и цветом венчика волос вокруг лысины. Но уши его стояли высоко, на лице почему-то росла шерсть, верхняя губа была раздвоена — Удалов увидел себя в образе зайца, правда, зубы у зайца были хищные, оскаленные, и это нарушало полноту образа.

— Кто это? — спросил Удалов.

— Кто это? — откликнулся зверь в зеркале.

— Это ты сам, Корнелий, — ответил Минц. — Это твоя истинная сущность на настоящий момент. Мое сообщение о Батыеве испугало тебя, превратило внутри в дрожащего зайчишку, а все сильное в тебе сконцентрировалось в зубах, так что получился заяц, который будет кусаться до последнего патрона.

— Это я?

Но на вопрос Корнелия и не стоило отвечать, потому что изображение зайца на глазах расплывалось, возвращаясь к привычному образу Корнелия Удалова.

— А теперь сам покажись, — попросил Удалов профессора. Ему нужно было время, чтобы осознать величие изобретения.

Минц безропотно подошел к зеркалу.

Корнелий увидел Минца. Но вокруг его головы сияли яркие лучи, отчего в комнате Зазеркалья было куда светлее, чем в комнате Удалова.

— А это что? — спросил Удалов.

— Думаю, что отблеск моей гениальности, — сказал профессор и начал в зеркале надуваться, превращаясь в гигантский воздушный шар, и даже стал покачиваться, намереваясь оторваться от земли.

— Высокого мнения о себе? — спросил Удалов, догадавшийся о причине метаморфозы.

— В сущности, я ничего особенного не изобрел, — быстро ответил профессор и принял первоначальный вид. Даже нимб вокруг его головы потускнел.

— Спасибо, Лев Христофорович, — сказал тогда Удалов. — Я думаю, что человечество отныне начнет новую жизнь. У вас найдется еще мазь?

— Я хочу сделать ее побольше. Чем больше истинных зеркал, тем выше моральный облик жителей города.

И с этими словами профессор помазал зеркало в ванной, трюмо в спальне и еще зеркало в прихожей.

Когда он возвратился в комнату, друзья принялись обсуждать возможности великого изобретения.

— Надо в общественных местах намазать, — подумал вслух Удалов.

— В общественных местах у нас зеркал нету, — усомнился Минц. — Трудно отыскать такое, чтобы все в него смотрели.

— А что, если установить? — спросил Удалов. — Ты пришел куда-нибудь, допустим, на собрание пенсионеров, посмотрись сначала в зеркало. Если увидел что-то непотребное, поворачивай и иди домой, не порти людям настроение. Пусть везде будут зеркала!

И тут из ванной донесся дикий крик.

Кинувшись туда, мужчины столкнулись в дверях с Ксенией Удаловой. Она была бледна как мел, руки ее тряслись, а сама она старалась через плечо показать на зеркало, висевшее в ванной.

— Там... — бормотала несчастная женщина. — Там чудовище...

Удалов все понял.

— О чем ты думала, когда в зеркало смотрела?

— Я... Да я ни о чем не думаю, когда в зеркало смотрюсь! — Ксения нервным движением поправила упавшую прядь волос.

— А сейчас думала?..

— Ну только об этой...

— О ком?

— О Ванде, вот о ком! Вчера к ним аргентинскую индюшатину привезли, дешевую, под соусом. Она мне оставила? Нет, ты мне скажи, почему она мне не оставила?

— Все ясно, — сказал Удалов. — Работает наше изобретение.

И он рассказал пораженной Ксении о волшебной мази.

Ксения встретила известие с искренним восторгом. Правда, восторг был эгоистического свойства. Суть его сводилась к фразе: «Вот теперь я их всех выведу на чистую воду!»

Николай Белосельский использовал изобретение практически. Во-первых, приказал милиции установить зеркала на автобусной станции, в ресторане «Золотой Гусь» и у входа в парк культуры. Возле зеркал распорядился поставить милиционеров с записными книжками, которые должны были фиксировать особо неприятные отражения. Милиционеры, конечно же, поставили еще одно зеркало у себя в отделении, а Белосельский на столе в приемной, так что в ближайшие два дня раскрылось множество преступлений, дурных замыслов и планов.

На третий день обычный поток посетителей к Белосельскому

иссяк. Оказалось, что людям не так уж и приятно оглядываться на зеркало, которое строит тебе рожи.

Кризис наступил, когда к Белосельскому пришла Маша Дюшина, человек тихий, невзрачный и безвредный. Она просила помочь с пособием ей как матери-одиночке, а Белосельский, прежде чем начать беседу, нажал на кнопку, связался с секретаршей, и та сказала условным шифром:

— Катастрофа!

Это означало крайнюю степень озверелости на лице Маши Дюшиной.

Так что, руководствуясь объективным средством заглядывания в душу, Белосельский сразу внутренне сжался, готовясь отказать женщине. На все его вопросы Маша отвечала робко, ласково и беззлобно. Но Белосельский понимал, что имеет дело с крайне хитрой и замкнутой стервой. Отказав, он проводил плачущую Дюшину до приемной и поглядел, что же отразится в зеркале.

В зеркале отразилось существо махонькое, бабочка с обломанными крыльями, которая беспомощно ползла по лужайке...

— Стойте! — вскричал Белосельский, понимая, что трагически ошибся.

И в этот момент картинка в зеркале изменилась. Страшное лицо женщины-убийцы заняло все зеркало.

— Стой! — повторил Белосельский. Но уже другим тоном: — О чем вы сейчас подумали?

— Я их ненавижу, — произнесла Маша Дюшина, — я их всех перебить готова. — И она показала на таракана, который мирно полз по плинтусу.

Тогда Белосельский пригласил Дюшину снова в кабинет, выписал ей чек на материальную помощь, а сам задумался. И понял, что к изобретению Минца следует относиться с осторожностью. Не исключено, что в городе из-за этого могут произойти трагические ошибки и неприятные недоразумения.

Сам он попросил секретаршу зеркало убрать, а после работы подъехал к своему приятелю, семью которого любил за уют и взаимную любовь.

Когда он вошел в дом к приятелю, то увидел, что зеркало в прихожей разбито, а осколки его сметены в угол.

— Здравствуй, — сказал Белосельский, делая вид, что не заметил погрома. — А Белла где?

— А Белла твоей милостью уехала к маме, — ответил его приятель.

— Что такое?

— Она в зеркало заглянула, когда я брился и думал о палестинских экстремистах, которые вчера самолет с заложниками захватили.

— И что?

— Она сказала, что с убийцей жить не может.

— А кто зеркало в гостиной разбил? — спросил Белосельский, входя в комнату.

— А это уже сегодня утром, — ответил приятель. — Она собиралась к маме, а телевизор был включен. Там в сериале этот самый играл... усатый Педро!

— И что?

— Я смотрю, а она в зеркале уже голая и к кровати бежит. Тогда я ей и сказал, что она правильно делает, что к маме уезжает.

К рассвету четвертого дня все зеркала в Великом Гусляре были разбиты. Даже в милиции — с помощью кулака начальника отделения майора Пронина, увидевшего себя при входе в отделение в тот момент, когда переживал за судьбу футбольной команды «Гусляр», которой грозил переход в нижнюю областную лигу.

Минц так сказал Удалову, когда они обсуждали эту проблему:

— Само мое изобретение гениально. Но оно не учитывает того, что человек внутренне может реагировать на события неадекватно. Он может показаться страшилищем, хотя подумал всего-навсего о соседской собаке, которая лает во дворе, и равнодушно отнестись к землетрясению в соседнем городе, из-за чего тот провалился под землю. Понимаешь?

— Что же делать?

— Передать зеркала следователям с предупреждением быть осторожными.

— А в городе?

— В городе мы придумаем что-нибудь другое.

Удалов вернулся к себе. У него, конечно же, тоже все зеркала были разбиты: большое — сыном Максимом, а туалетное — Ксенией.

Но тут Удалов вспомнил, что в чулане должно оставаться старое зеркало, намазанное профессором Минцем на всякий случай.

Он открыл чулан. Там было пыльно и пусто. Лишь низкое рычание донеслось из того угла, где стояло на полу, прислоненное к стене, зеркало. Удалов прищурился, приглядываясь к полутьме, и не мог не рассмеяться.

Перед зеркалом сидел кот Васька. У его ног лежала придушенная мышь.

В зеркале отражался могучий бенгальский тигр, а у его ног лежала дрожащая Ксения Удалова с половой щеткой в руке.

ПЛАТЬЕ РЭКЕТИРА

Меняется жизнь в стране, меняется она и в Великом Гусляре. Не так быстро, но тоже драматично.

Поэтому, если раньше в людях ценились законопослушность, активность в рамках профсоюзного собрания, товарищеское отношение к женщине и коммунистическая начитанность, то теперь многие качества, за которые гладили по головке, только мешают стать богатым и веселым.

Так случилось с Колей Гавриловым.

Гаврилов вырос, кое-как окончил речной техникум, поработал в одной конторе, второй конторе, и разочарование в жизни схватило его за глотку железной рукой. К тому же его бросила Тамарка по прозвищу Томи-Томи, финалистка городского конкурса «Лучший бюст», и ушла к лавочнику Ахмету. Любопытно, что Ахмет раньше был Василием, жил на Пролетарской, но не мог пробиться в люди, так как не имел связей и друзей. Объявив себя Ахметом, он вызвал к себе настороженное отношение соседей, но нашел друзей в области.

И тогда, видя, как гибнет ее сын, мать Гаврилова пришла к профессору Минцу, который все еще обитал в доме № 16 по Пушкинской улице. Профессор, к сожалению, состарился, что не повлияло на его научный гений, но резко ослабило тормоза и ограничители в его мозгу. Раньше, прежде чем изобрести что-нибудь, профессор трижды отмерял, а потом, может, даже и не резал. Хотя и тогда случались накладки. Теперь же профессор потерял способность предвидеть, чем закончится очередное его вторжение в земную цивилизацию.

— Лев Христофорович, — взмолилась гражданка Гаврилова, что она уже не раз делала за последние десять лет, — помогите моему великовозрастному. В последний раз.

Профессор повернул к Гавриловой крутолобую лысую голову и спросил:

— Опять Николай?

— Не в том дело, что наделал чего, — ответила мать Коли, — а в том, что нет ему дороги в новой жизни. А деньги нужны.

— Как же так? — удивился профессор. — И мальчик вроде неплохой.

— Никому такой не нужен, — всхлипнула Гаврилова. — Слишком он хороший.

— Это качество еще никому не мешало, — ответил Минц. — Я вас попрошу высказаться конкретнее.

— Вы тут сидите в своей изоляции, — сказала Гаврилова, — и не

видите, кто у нас правит миром. Негодяи у нас правят миром! Бандиты и капиталисты.

— А раньше? — спросил профессор.

— А раньше правили душевные люди, коммунисты, — сказала Гаврилова. — Раньше если что — в райком! А теперь только вы и остались.

— В чем ваша идея? — спросил Минц, задумываясь над тем, зачем же раньше чуть что Гаврилова бегала в райком.

— Моя идея в том, чтобы дать ему, то есть Коле, шанс в этой жизни. Чтобы он перестал всем дорогу уступать и извиняться.

— А как же я узнаю, какие еще качества ему мешают, а какие помогают?

— Мы сейчас же пойдем с вами по улице, — решила Гаврилова, — а я как уловлю лишнее качество, буду вам сообщать.

— А я?

— А вы воздействуйте на мозг.

— Как бы блокировать? — Идея показалась профессору интересной. К сожалению, если профессору идея покажется интересной, он забывает о ее моральном аспекте. И как назло, он недавно смастерил биоблокатор, правда, с целью лечения шизофреников.

— Вот именно! — согласилась Гаврилова и побежала одеваться и звать Колю на прогулку.

Коля собрался послушно, благо все равно делать было нечего — он лежал на диване и предавался рефлексии. Он думал о том, что жизнь прошла зазря, что он не сделал в ней ничего красивого, а наступающая смерть — закономерный исход.

Профессор Минц представляет в науке искреннюю школу. Эта школа говорит больному или подопытному всю нелицеприятную правду. Так что Лев Христофорович уже у подъезда сообщил Гаврилову:

— Сейчас мы с тобой будем избавляться от лишних качеств и чувств, потому что твоя мать считает их вредными.

— А как избавимся, — сказала Гаврилова, — сходим в кафе-мороженое, угостим Льва Христофоровича и начнем новую жизнь.

В этот момент мимо пробегал котенок, имени не имеющий, из дворовых животных. Колю он знал и выделял из прочих людей. И на этот раз Коля при виде остановившегося животного сказал:

— Погоди, где-то я тебе специально котлетку захватил.

— Лев Христофорович, видите! — закричала Гаврилова. — Немедленно уберите! Это же лишнее качество!

Гаврилов отыскал кусок котлеты, завернутый в бумажку, котенок кинулся к нему и встал на задние лапки, опершись передними

о штаны Коли. В этот момент Минц вытащил свой блокатор и нажал на кнопку.

Эффект был мгновенным. Гаврилов больше не видел котенка. Глаза его потухли, и он сделал шаг к воротам, стряхнув по пути котенка с брюк. Но, к счастью, котенок этого не заметил, потому что пытался развернуть бумажку с котлетой. Минц остановился, нагнулся, несмотря на свой тугой живот, и помог котенку. А с улицы уже неслась призыв гражданки Гавриловой:

— Лев Христофорович, вы только поглядите!

Выйдя за ворота, Лев Христофорович был удивлен таким зрелищем.

Увидев надломанный сук росшей на улице липы, Гаврилов стащил с себя галстук и перевязал им дерево.

— Идиот! — кричала на него любящая мать. — Ну кто тебя после этого уважать будет!

Профессор Минц был иного мнения, к тому же в нем зрело желание показать этой женщине, что человека любят именно за слабости, но он не стал возражать, а отключил в Коле чувство жалости.

Коля рванул за конец галстука, сук липы обломился, а Коля на ходу принялся повязывать себе галстук большим узлом.

И тут они встретили Тамарку по прозвищу Томи-Томи, которая шла по улице вся в слезах и соплях, потому что потерпела жизненное крушение. Несколько минут назад Ахмет поменял ее на Римку, которая была старше Ахмета в полтора раза и бюстом уступала Томи-Томи, зато была умела в любви и соблазнении наивных мужчин.

— Оу, Николя! — кинулась к бывшему возлюбленному девица.

Коля замер, и лицо его озарила робкая улыбка надежды.

— Лев Христофорович, включай блокатор! — зашипела Гаврилова.

Минц послушался. Драма жизни, разворачивавшаяся перед ним, его забавляла.

И тут же вместо того, чтобы раскрыть свои объятия согрешившей, но раскаявшейся подруге, Коля прорычал неприличное слово и поднял кулак, чтобы вместо чувства любви ввести в дело чувство мести.

Но Гаврилова и тут решительно вмешалась.

— Лев Христофорович, ненависть слишком близко расположена к любви, — сообщила она профессору. — Ненависть нам не нужна.

И вот щелкнул блокатор, опустилась рука Николая, и он прошел мимо рыдающей девушки, словно не было между ними ничего и не соблазняли его знаменитый на весь город бюст и эти прекрасные телячьи глаза.

На следующей улице чуть не произошла трагедия. Навстречу им бежал взбешенный Ахмет-Василий, который при виде Коли прорычал вопрос:

— Где Римка? Куда дел? Убью!

Римка в этот момент нежилась в объятиях пенсионера Батыева, но это особый рассказ.

Николай побледнел. Он всегда боялся Ахмета и его дружков. Он стал отступать назад, и Минц тихо спросил его маму:

— Блокировать или как?

— Блокируйте! — воскликнула мать древнегреческим голосом.

Коля остановился, подобрался, сжал пальцы в кулаки, и все увидели, что он на полголовы выше Ахмета, а уж о кулаках и говорить не приходится. Коля спокойно пошел на Ахмета, а Ахмет с той же скоростью пошел задом наперед, пока не натолкнулся на провизора Савича, но получил от того подзатыльник и кинулся бежать — что-то испугало его в глазах Коли Гаврилова.

Это что-то, уже по пути домой, увидел и профессор Минц: глаза Коли были спокойными, равнодушными и чуть сонными.

Во дворе, у подъезда, он оттолкнул профессора, который мешал ему открыть дверь, а когда увидел, что мама задержалась возле Льва Христофоровича, выражая ему благодарность, позвал ее:

— Обедать пора. — Чувство стыда он тоже потерял за эту прогулку.

И Гавриловы скрылись в своей квартире.

Черная звезда Коли Гаврилова взошла над Великим Гусляром быстро, грозно, но в отсутствие Льва Христофоровича, который отбыл на конгресс биофизиков в Утрехте, а оттуда в гости к Иву Кусто, с которым решил побывать на острове Пасхи.

— Удалов, — сказал он перед отъездом, — я никогда в жизни не был на острове Пасхи. Я боюсь, что там случится землетрясение, удивительные скульптуры меня не дождутся и тогда никто не догадается, кто и зачем их изваял. Так что ради человечества я обязан плыть в Тихий океан.

Они в тот момент стояли на автобусной остановке. Профессор прошептал ему на прощание:

— И черт его знает, чилийцы могут закрыть остров Пасхи, особенно для евреев. А я всю жизнь мечтал.

— Я думаю, — ответил Удалов, — что специально евреями те-

перь заниматься не станут. Слишком мало их осталось. Вот для лиц кавказской национальности остров Пасхи закрыть могут.

Постояли. Помолчали. Больше Минца никто не пришел провожать, потому что все были заняты своими делами. Раньше бы весь дом сбежался...

— Как с твоей мастерской? — спросил Минц.

— Спрос есть, но больше среди приезжих, — ответил Удалов. — У нас народ консервативный.

Мастерская также была изобретением профессора Минца. Он как-то натолкнулся на смешную идею — не сделать ли одежду, которая сама бы подгоняла себя по фигуре. Это же такой прогресс для легкой промышленности! Минц сразу пошел на швейную фабрику имени Клары Цеткин. Профессора там знали и некоторые даже любили — многим успел помочь Лев Христофорович за годы жизни в Великом Гусляре. Поэтому, когда профессор предложил руководству фабрики свое новое изобретение, в кабинет к Варваре Ипполитовне набились все свободные работницы.

— Дайте мне образец вашей продукции, — попросил профессор.

— Стандартный или выставочный вариант? — спросила Варвара Ипполитовна.

— Самый обычный.

— Размер какой?

— Да как на вас!

Наступила неловкая пауза, потому что Варвара Ипполитовна была женщиной грузной и широкой в кости. И платьев, способных на нее налезть, фабрика не выпускала. К тому же к продукции своей фабрики Варвара Ипполитовна относилась скептически и шила в ателье № 1.

— Как на меня нельзя, — сказала директорша.

Никто не рассмеялся. Все знали, что она уже истратила триста долларов на иностранное средство гербалайф, но в результате поправилась килограммов на десять.

— А мы попробуем! — радостно сказал Минц, потирая крепкие короткие руки. — Несите средний размер.

Раздался визг и женская суета. С хихиканьем швеи притащили сразу три платья. Модели «Красная Шапочка», «Просто Мария» и «Орлица».

Минц выбрал серую обвислую «Орлицу» и предложил надеть ее Кларе Анапко, стройной, как ива, робкой, как тушканчик, швее-мотористке второго разряда. Анапко стала отнекиваться. Тогда вперед выступила Дарья Шейлоковна, художник-модельер фабрики, и сказала, что готова пожертвовать собой и примерить любую модель бесплатно.

Не лишенные чувства юмора работницы фабрики все же настояли на том, чтобы платье надела Клара.

Обливаясь слезами, та подчинилась, и платье повисло на ней, как дряхлая гигантская медуза, севшая верхом на палочку.

— А теперь смотрите, — заявил Минц, как фокусник, который вот-вот вытащит из-за пазухи зайца или шелковый платок.

Он провел рукой над плечом Кларочки, нечто маленькое и плоское прикрепилось к плечу платья, и, повинуясь невероятному закону совершенства, платье резко уменьшилось в размерах, силуэт его точно улегся на тонкую фигурку швеи-мотористки, вытачки и пуговочки тоже нашли свои места, и через минутку директриса фабрики Варвара Ипполитовна погрозила кулаком Шейлоковне, а та рухнула в обморок, так как контраст был непереносим.

Профессор Минц не стал делать секрета из своего нового изобретения. Он вообще не умел держать секретов. Оказывается, ему удалось изготовить микрокомпьютер-закройщик, который работает только тогда, когда готовое изделие соприкасается с человеческим телом. И тогда этот мини-компьютер превращает изделие или материю в оптимальную одежду, которую хотел бы носить объект эксперимента; в соответствии, конечно, с современной парижской модой, но без ее закидонов.

Профессор Минц предложил свое изобретение фабрике № 1 имени Клары Цеткин, полагая, что в расчеты ее коллектива и руководства входит превратиться в один из центров мировой моды. Но на деле получилось иначе.

Сначала все согласились. И даже выпустили пробную партию и передали ее на реализацию в универмаг Ванде Савич. Женщины примеряли, удивлялись и вешали платья и пальто обратно на вешалки. А когда Ванда Казимировна спрашивала их, что же не понравилось в изделии, клиентки отвечали:

— Если такое, то уж лучше от Кардена, чем свое.

И переубедить жительниц Великого Гусляра не удалось.

Партию чудо-одежды отправили в Вологду, а тем временем на фабрике произошла революция. Сначала руководство, а потом и рядовые работницы отказались от «штучки» Минца: фабрика катастрофически теряла свое лицо, мощный отдел конструирования во главе с Дарьей Шейлоковной терял работу, особенно когда обнаружилось, что достаточно задрапировать себя отрезом ткани нужной длины и он превращается в красивое платье без помощи тени Клары Цеткин.

Минцу, не сказав спасибо, возвратили аппаратик, и он, чтобы

не пропадать добру зазря, отдал его Ксении Удаловой и старухе Ложкиной, которые на двоих открыли в подвале, выходившем на улицу, «Ателье-молния». Без всяких объяснений они обещали изготавливать платья в течение десяти минут на теле заказчика. И клиентура нашлась. Немного, но нашлась. Одна девушка спешила в ЗАГС и прожгла свое платье утюгом, а другой жених упал за день до свадьбы — в лужу. У Барыкиных сгорел шкаф, а Барыкину надо было на следующий день ехать в командировку... А Римка, хитрая душа, шила себе платья у Удаловой, а наклейки привозила из Вологды. Многие думали, что платья импортные. Но далеко не все.

Вот об этой мастерской и спросил Минц, когда прощался с Удаловым перед отъездом на остров Пасхи.

— Нормально наши дела, — сказал Удалов. — Завтра приезжает делегация из Южной Кореи.

— Вы с ними осторожнее, — предупредил Минц. — Очень хитрые на руку джентльмены.

— Знаем, — согласился Удалов. — Да и моя баба не лыком шита. Сказала, чтоб без предоплаты не появлялись. Пускай открывают счет в нашем городском «Гуснепорочбанке». Нужны счета на строительство нового роддома и машины времени.

— Ты прав, — согласился Лев Христофорович и нежно обнял Корнелия на прощанье.

А Корнелий смотрел вслед автобусу, махал и при этом представлял, как готовятся сейчас женщины к встрече иностранных гостей.

Проводив автобус, Корнелий Иванович пошел домой и по дороге увидал соседского юношу Колю Гаврилова. Коля ехал в своем новом «Москвиче», который был замаскирован под «Мерседес» специфическим кольцом на радиаторе. Добродушный Удалов поднял руку, узнав соседа, и подумал: вот проходит жизнь, одни уступают дорогу, другие растут и, может, составят нашему городу мировую известность... Коля Гаврилов на Удалова не обратил внимания, вернее, это Удалову показалось, что не обратил, а на самом деле он чуть притормозил, дожидаясь, пока Удалов поравняется с океанской лужей, и тогда, не жалея своей собственности, дал газу так, что облил мутной водой пожилого соседа с ног до головы. При этом он позволил себе лишь снисходительно улыбнуться, не оборачиваясь, но кося взглядом.

— Ах ты, мерзавец! — воскликнул Удалов, который гонял этого Гаврилова крапивой еще в нежном возрасте.

Но Гаврилов уже мчался дальше по улице и, увидев впереди милую девушку Клару Анапко со швейной фабрики, направил машину прямо на нее, перепугав девушку до полусмерти.

Но во дворе дома Удалов снова увидел псевдо-«Мерседес» Коли Гаврилова. Псевдо-«Мерседес» стоял посреди двора, подмяв и поломав любимый всеми сиреневый куст, а самого Гаврилова уже не было видно.

Удалов заходить домой не стал, а постучал в окно Саше Грубину и, когда тот высунулся, сказал:

— Подвинем машину, что ли?

Грубин так давно дружил с Удаловым, что понимал его с четверти слова. Он вышел во двор и присоединился к Корнелию. Рядом стоял Ложкин, уже очень пожилой, но еще крепкий мужчина.

— С Колей надо что-то делать, — сказал Ложкин. — Он стыд потерял, честь и всякие человеческие качества.

Из окна второго этажа высунулась мама Гаврилова и громко прошептала:

— Это я виновата. Я попросила Льва Христофоровича у Коли лишние качества отменить, чтобы ему в современной жизни легче было вертеться. Как бы профессор не перемудрил...

— Ты своего не защищай, — сказал Грубин. — Ведь как меня или Удалова не обездоливай, мы плохого не сделаем.

— Тш-ш! — Гаврилова захлопнула окно, видно, почему-то испугалась сына.

— Хуже нет, и на исторических примерах это доказано, — вздохнул Ложкин, — когда королева-мать боится своего сына, значит, скоро слететь ее голове.

— Николай Иванович, окстись! — испугался Удалов. — Нам еще этого не хватало!

Он обернулся к окну Гавриловых и сказал громко, зная, что через летнюю раму его слова проникнут внутрь квартиры:

— Николай, я тебя предупреждаю! Мы сейчас твой «Мерседес» отодвинем, и это тебе будет первое предупреждение. Сирень оберегается законом и экологией.

Удалов поплевал на ладони, и они втроем взялись за задок «Москвича» и оттащили его в сторону. Правда, в этой операции мерседесовский кружок, что был прикреплен к самому носу машины, упал и покатился по земле.

И тут, подобно пулеметной очереди, раздался стук каблуков Николая по лестнице, хлопнула дверь, и тот выскочил на улицу, сжимая в руке газовый баллончик и сверкая глазами, как Александр Македонский.

— Да я вас сейчас! — закричал он. — Да я вам сейчас...

— Обратите внимание, — сказал друзьям Грубин, — одно чувство Лев Христофорович убрать забыл — чувство собственности.

— И чувство злости, — добавил Ложкин.

— Это не чувство, а постоянное состояние людей, у которых других чувств не осталось, — поправил его Корнелий.

Коля грозно махал газовым баллончиком, а Удалов сказал ему:

— Коля, ты случайно не нажми, а то выпорем тебя по-соседски!

Открылось окно, и Гаврилова стала умолять соседей:

— Пожалуйста, не надо! Он еще фактически мальчик и обязательно исправится. Вот как разбогатеет, так сразу исправится.

Коля схватил мерседесовское кольцо и, ругаясь сквозь зубы, стал прилаживать его к «Москвичу». Бить его не стали. Поглядели, покачали головами, имея в виду общее падение нравов, и разошлись по домам.

В четыре часа ночи кто-то кинул камень в окно Грубину. Окно вдребезги, недостроенная новая модель машины времени повреждена... А кто? Грубин решил, что это Гаврилов, но мать его клялась, что Коля спал.

На следующий день разбили окно у Ложкиных. К тому же вдребезги разлетелся аквариум, и, пока суд да дело, ценных рыбок пришлось держать в трехлитровых банках. Кто сделал — догадывайтесь.

В машине Васи-Ахмета также окошки разбиты, а шины распороты. А ведь раньше в Великом Гусляре ни угонов, ни повреждений не случалось.

Вася-Ахмет пошел к Гаврилову. Но не дошел. Оказывается, два приезжих качка в камуфляжах, которые проживали уже четыре дня в гостинице «Гусь», приехали в город не для закупки льна, а с целью выполнять некоторые дела для Коли. Вот они и избили Васю так, что он попал в больницу.

Город был встревожен, на Колю смотрели косо, а он все ждал, когда же у него будет настоящий «Мерседес». На это не хватало лишь двадцати тысяч баксов.

Южные корейцы посетили мастерскую Удаловой «Ателье-молния», а там новые манекенщицы Тамарка Томи-Томи и Клара Анапко со швейной фабрики демонстрировали одежду, которая сама себя подгоняет по фигуре заказчика. Более того, они поделились с корейцами некоторыми задумками, полученными для перспективных разработок от Льва Христофоровича. Больше всего потенциальным заказчикам показалась перспективной модель «Сними-наденься» — «для тех, кто всегда спешит». Сначала модель вела себя как обычная — подгонялась по фигуре, но потом, если нужно, сама снималась с тела и возносилась на вешалку или возвращалась на заказчицу по условному сигналу. Ты ей свистнешь, она отзовется коротким птичьим лепетом, как иномарка, стоящая на электронной охране, — и летит к тебе или от тебя большим крылом.

Южные корейцы не удержались от аплодисментов, а потом устроили ужин владелицам и работницам мастерской в ресторане при гостинице, а после ужина попрощались за руку с Ксенией и старухой Ложкиной, а девиц пригласили к себе в номера, чтобы совместно полюбоваться оттуда видом на ночной Гусляр. Клара Анапко еще была непривычна к иностранному вниманию и выпрыгнула в окно, но без вреда для себя, потому что была гимнасткой-перворазрядницей, а Томи-Томи осталась и веселилась с корейцами.

Ксения с Ложкиной перед сном вернулись в мастерскую, чтобы прибрать там, запереть все, обесточить, повесить замок и договориться, как они завтра будут требовать деньги — франками на текущий счет или сразу оборудованием для роддома?

Старуха Ложкина села на диван для посетителей и сказала:

— Ох и устала я, Ксения, будто дрова возила.

А Ксения ответила:

— Чую, выгонит меня Корнелий из дома за то, что я хозяйство запустила.

Сказано это было не без гордости. Почти всю жизнь Ксения прожила в трепете. На совещании ли муж задержался, на встрече с инопланетными пришельцами или изменяет ей, домашней хозяйке? А теперь вот она сама стала фигурой международного масштаба.

...Не постучавшись и открыв дверь ногой, в ателье ввалился Коля Гаврилов в легком подпитии и сказал:

— Слушайте меня, бабки! Чтобы завтра подготовить в пакете двадцать тысяч баксов. Иначе ваши уши будут доставлены вашим мужикам. Усекли?

— Каких басков, Колечка? — спросила Ксения, которая с детства любила этого мальчонку.

— Молчать! — рявкнул Коля. — Двадцать тысяч. Или уши.

Первой опомнилась старуха Ложкина.

— Коля, а тебя давно никто не порол? — спросила она. — Постыдись!

— Что-что? — ответил Коля. — Я теперь как Терминатор. С дерьмом смешаю и не замечу. Такой вот я человек.

Ксения Удалова очень осерчала и пошла гнать Колю из мастерской. Но Коля словно ждал этого. Он врезал пожилой женщине в

скулу так, что та упала на диван, оттолкнул старуху Ложкину к стенке, свистнул, и тут в ателье вошли два мужика в камуфляжах, с мешками, в которые они стали складывать, срывая с вешалок, международные туалеты.

— Дурак, — сказала Ксения, опомнившись, — если ты туалеты возьмешь, за что нам деньги заплатят? — Это означало, что жена Корнелия уже пришла в себя и принимала меры.

Ее аргумент подействовал на бандитов-рэкетиров. Они взяли лишь себе по костюму да Римке пару платьев, потому что Римка теперь с Колей сожительствовала, несмотря на превышение в возрасте.

— Двадцать тысяч завтра, как стемнеет, — приказал Коля. — У памятника Землепроходцам. И если кому-нибудь проговоритесь, хоть вздохом, тетя Ксения, то вашему Максиму не жить, а Корнелию Ивановичу тоже, не говоря уж о Николае Николаевиче.

Стеная и хромая, несчастные предпринимательницы поплелись домой. Уже на подходе к дому они услышали отдельные дикие крики: во дворе их ждали мужчины, встревоженные долгим отсутствием женщин. Сразу хотели звонить в милицию, арестовывать Колю, но потом Удалов увел всех к себе, чтобы обсудить проблему без свидетельницы. Они же понимали, что мать — она и у Гитлера мать, а уж у Гаврилова — тем более союзник.

Дома Удалов сказал так:

— Нам его сейчас не взять. Доказательств никаких. А вот положим ему деньги, тут его и возьмем с поличным.

Утро было деловым.

Удалов дал факс на остров Пасхи, и с острова ответили, что профессор Минц в последние дни был задумчив, встревожен, на статуи почти не смотрел и все повторял: «Ах, как я был неосторожен! Ах, зачем я дал такое необычное и страшное оружие, как бесчувственность, Коле Гаврилову!» Так что уже вчера он сел на попутный самолет и вылетел в Дели с пересадкой в Джакарте.

Когда корейцы пришли в мастерскую, для них уже был упакован контейнер, а они выписали чек на швейцарский банк и генеральное соглашение. Из разных концов города между тем в дом № 16 стекались неприятные новости. Преступная троица сожгла табачный киоск у станции, угнала и бросила трактор, устроила драку в станционном буфете. А когда стемнело, то на «Москвиче»

с мерседесовским кружочком на радиаторе рэкетиры подъехали к памятнику Землепроходцам.

Надо сказать, что к тому времени весь город уже знал, что сегодня возможна разборка, и потому старшина Пилипенко взял бюллетень по поводу катара верхних дыхательных путей, но не от страха, а потому, что так попросил его Удалов.

— Дело соседское, — сказал он. — Чего нам стрелять! Ты же понимаешь.

Пилипенко понимал.

Многие люди, которые в это время гуляли по набережной и площади Землепроходцев, на этот раз отошли подальше к домам или выглядывали из-за старых лип у гостиного двора. А у памятника стояли лишь Удаловы — так было решено — Корнелий и Ксения. А между ними на постаменте лежал пакет. В синей пластиковой обертке.

В девять часов «Москвич» с мерседесовским кружком выехал на площадь и, сделав круг, остановился у памятника, представляющего собой нос ладьи землепроходцев. На носу, прислонив ладошки к козырькам шлемов, стоят Ермак, Дежнев и Крузенштерн — уроженцы этих мест.

— Давай капусту, — сказал Коля Гаврилов, спокойно вылезая из машины и подходя к Удаловым. — Остальные-то где?

Его спутники целились в Удаловых из пистолетов, может, газовых, а может, и боевых.

— Коля, — сказал Корнелий в последней попытке урезонить соседского юношу и спасти его от позора, — опомнись! Как тебе не стыдно!

— Быстро! — ответил Коля. — Гони капусту! Будешь мне отстегивать по двадцать «лимонов» в месяц. У меня весь город схвачен.

— Коля, подумай о маме, — произнесла Ксения металлическим голосом.

Гаврилов насторожился.

Он направил пушку на Удаловых. Телохранители тоже. Их кожаные куртки блестели под фонарями.

— Все на колени! — зарычал Гаврилов нечеловеческим голосом. — Весь город на колени!

— Мне тоже? — спросила его мать, которая пришла на площадь.

— Тебе в первую очередь. Забыла, как в детстве меня порола?

Гаврилова пала на колени. Остальные не подчинились. Более того, повинуясь жесту Ксении, пустившей микрокомпьютер задом наперед, одежда бандитов превратилась в бесформенные хламиды, которые тут же стреножили их по рукам и ногам. Пистолеты

грохнулись на землю, а сами негодяи стали бороться и выпутываться из одежд, словно жрец Лаокоон и его сыновья на античной скульптуре.

К тому времени, когда им это удалось, Корнелий подобрал пистолеты, и, видя неминуемую гибель, телохранители, подобно голым королям, осознавшим весь ужас своего положения, убежали в ближайший лес. Одежда же рэкетиров таинственным образом взлетела кверху и облегла широкие плечи каменных землепроходцев.

Единственным, кто не потерял присутствия духа, был Коля. Он спокойно забрал пакет с долларами и пошел прочь с площади, заявив на прощание Удалову, что стоял с пистолетами в обеих руках:

— Ты стреляй, дядя Корнелий, стреляй в ребенка.

Но тут на площадь ворвался и замер междугородный автобус, из которого выскочил профессор Минц.

— Ах, как я виноват! — воскликнул он и вытащил деблокатор, изобретенный им на острове Пасхи. Он направил его на уходящую голую фигуру.

Голубая молния догнала Колю и пронзила его.

— Возьми обратно стыд! — громовым голосом вскричал профессор.

Коля попытался прикрыться пакетом с деньгами. Он с ужасом оглядывался.

— Жалость! — сказал профессор.

Коля увидел Ксению и робко протянул ей пачку с деньгами.

— Доброту...

Коля рухнул на колени.

Его мать подбежала к нему и обняла молодого человека. Он стоял, прижавшись к ней, как блудный сын на полотне Рембрандта.

— Страх! — продолжал Минц.

Колю охватила дрожь.

— Любовь! — громовым голосом воскликнул Минц.

Безумный взор Коли отыскал в полутьме фигурку Томи-Томи, которая уже забыла о корейцах. И они оба зарыдали...

Домой жильцы возвращались все вместе. Только Гавриловы с Томи-Томи шли поотстав. На Коле был ладный костюм, вернувшийся с памятника.

— Вот мы и победили! — сказала старуха Ложкина.

— Ага, — согласилась Ксения. — Надо бы нам теперь железные двери заказать.

— Наука поможет нам исправить нравы! — Минц был настроен

оптимистично. — На каждое безобразие мы придумаем противоядие.

— А они — новое безобразие, — вздохнул Удалов.

Так они и не пришли к единому мнению.

НОВЫЙ СУСАНИН

В лесах под городом Великий Гусляр таится озеро Копенгаген, окутанное тайнами и легендами, заветная Мекка гуслярских рыболовов.

Многие десятилетия оставалось загадкой название озера, непривычное для здешних мест. Рассказывают, что в тридцать седьмом году покойный отец старика Ложкина поехал в Вологду продавать метровую щуку, выловленную им в том озере. На вологодском рынке к нему подошел один человек, одетый в штатское, и спросил, где Ложкин выудил такую рыбину. Ложкин честно признался, что в Копенгагене, и после многих допросов и неправедного суда отправился в лагерь как датский шпион, а Николай Ложкин дождался папу только через восемнадцать лет.

Лишь лет двадцать назад директорша краеведческого музея Елена Сергеевна выудила в городском архиве информацию, что озеро получило свое название случайно. Оказывается, в начале прошлого века в тех краях построил свой охотничий замок англоман Архип Гулькин, велевший именовать его просто Гулем. Както приехавший к Гулю на рыбалку либерально настроенный гуслярский мировой посредник пошутил, что Копенгаген — английский вице-адмирал. Гуль был потрясен звучностью адмиральского имени и велел переименовать озеро Темное в озеро Копенгаген. Название окрестным мужикам понравилось, хотя казалось ругательным. Гуль пытался разводить в озере крокодилов, крокодилы прижились, но мужики их выловили и пустили крокодилью шкуру на подошвы валенок.

Уже в почтенном возрасте Гуль влюбился по переписке в проживавшую на Украине госпожу Ганскую, представительницу старого шляхетского рода. Но, несмотря на переписку, теплые слова и даже обещания, госпожа Ганская вышла замуж за француза Бальзака. Помещик Гуль не выдержал такого расстройства и утопился в Копенгагене. Его охотничий замок, разграбленный поселянами, превратился в руины. И люди обо всем забыли.

Елена Сергеевна послала заметку о помещике Гуле в «Вестник Вологодского пединститута», но заметку не напечатали, как ли-

шенную актуальности. Зато в Великом Гусляре об открытии Елены Сергеевны некоторые люди узнали, потому что она провела беседу на эту тему в лектории музея.

Несмотря на то что Великий Гусляр лежит в стороне от основных коммуникаций государства, а население в нем обитает консервативное, новые веяния долетают и до его площадей и переулков. В Гусляре есть свои демократы, коммунисты, сторонники парламента, поклонники президента и даже представители капитализма. И как положено российской глубинке, в недрах ее таятся такие социальные движения и водовороты, что порой и Москва бы позавидовала прыти нашего городка.

Поджарый Салисов и грузный Ахмет Собачко пришли в газету «Гуслярское знамя» к ее корреспонденту Михаилу Стендалю и изложили свою позицию. Тот, желая им помочь, повел их на бывшую Пушкинскую, ныне, в результате кампании за возвращение исторических названий, переименованную в Старозалупенскую, в дом № 16, где проживает его старый друг, а также заядлый рыболов Корнелий Иванович Удалов.

В то субботнее утро Корнелий страдал радикулитом, отчего не смог пойти на рыбалку и даже спуститься вниз сыграть в домино. Правда, и в домино он играть не очень стремился — пришло новое поколение, которое привнесло в игру денежный интерес. Раньше люди собирались вокруг стола, чтобы как следует стукнуть по столешнице, сделать «рыбу», а то и просто поговорить с соседом. Молодежь, занявшая стол, играла теперь на деньги, причем порой с улицы Софьи Перовской приходили сущие террористы, а играли они на «зеленые», или баксы, сам вид которых Корнелию Ивановичу, как человеку старой закваски, был неприятен. Ведь во времена его молодости такими «зелеными» агенты США расплачивались с отщепенцами за измену Родине.

Корнелий Иванович стоял у окна, глядел во двор и рассуждал, соберется ли дождик или обойдет стороной. Он увидел, как осторожно, словно катафалк, влекущий тело члена Политбюро, в ворота вполз «Мерседес», замер и из него вылез помятый и встрепанный корреспондент газеты «Гуслярское знамя» Михаил Стендаль, а за ним два закованных в кожу молодых человека. Мода, осчастливившая революцию кожаными куртками, сделала странный исторический виток и вновь призвала кожаные куртки в период контрреволюции.

Один молодой человек был бородатеньким, маленьким и тще-

душным, а второй — внушительным и полным, но куртки скрадывали различия в комплекции.

Стендаль поднял голову, угадал за стеклом Корнелия и сделал жест рукой, означавший просьбу отворить дверь.

Корнелий обернулся и крикнул:

— Ксюша, открой, пришли!

Никто не откликнулся, и Корнелий вспомнил, что Ксения ушла на рынок.

— Максим! — позвал тогда Удалов.

Но сын тоже не откликнулся, потому что с утра забрал гитару и смылся из дома, чтобы не готовиться к экзаменам в училище парикмахеров.

Пришлось Удалову, припадая на левую ногу и держась за позвоночник, брести к двери.

У двери Удалов выпрямился и принял бодрый вид. И даже улыбнулся гостям.

Гости вежливо поздоровались и сразу проникли в комнату, причем сделали это так ловко, что Удалов со Стендалем далеко отстали от них и оказались в комнате, когда молодые люди уже заканчивали поверхностный обыск.

— Все в порядке, заходите, — пригласил Удалова худой и злой на вид человек, утонувший в кожаной куртке и заросший густым черным волосом. — Располагайтесь.

После этого гости уселись в кресла, а Стендалю и Удалову достались стулья. Впрочем, когда у тебя приступ радикулита, то лучше сидеть на стуле.

— Наши гости, — сдавленным голосом сообщил Стендаль, — приехали из Москвы. У них есть сенсационная информация, связанная с Великим Гусляром, и они просят нашего содействия.

— Не так громко, — предупредил худенький гость.

— Разрешите, я вам их представлю, — сказал Стендаль. — Товарищ Салисов — аквалангист и экстрасенс.

— С мировым именем, — добавил бородатый и чуть наклонил остроносую голову. — И предупреждаю: все ваши мысли мне известны.

Помолчали. Видно, экстрасенс читал мысли Удалова, а Удалов удивлялся, почему же это у него с утра ни одной мысли в голове не было. А сейчас мысли появились и были связаны с ненормальным взвинченным состоянием корреспондента.

— А вот, познакомьтесь, — продолжал Стендаль, — господин Ахмет Собачко.

— Не господин, а товарищ, — поправил Стендаля грузный, лы-

сый, украшенный лишь длинными висячими усами человек. — Не люблю этих модных штучек.

Выждав деликатную паузу, Стендаль сообщил:

— Наши гости смогли сделать важное открытие. Они приехали, чтобы поделиться им с нами.

— Не продаст? — спросил Салисов.

Михаил Артурович совсем смутился.

— Ну как можно! — сказал он.

— А это вопрос суммы, — сообщил Собачко. У него был высокий девичий голос и очень красные губы.

— Удалов молчалив как могила, — сказал Стендаль, смущенный ролью, которую ему пришлось играть.

Могилой Корнелий себя не считал, но спорить не осмелился. Ждал.

— Знаете ли вы, в каких местах совершал свои подвиги Иван Сусанин? — резко спросил Салисов. Его черные глаза горели отчаянным нутряным огнем.

— В отдаленных отсюда, — послушно ответил Удалов. — В костромских лесах, если не ошибаюсь. Я в Костроме ему памятник видел — рукой за речку показывает, куда идти не следует.

Удалов хихикнул, приглашая остальных присоединиться. Никто не присоединился.

Удалов осекся. Здесь никто не собирался шутить.

— Подскажите мне, — произнес Салисов, — чем прославился Иван Сусанин в памяти русского народа?

— Он завел поляков в лес, — послушно ответил Удалов, — где не было видно ни зги. Сусанину с сердцем вскричали враги: «Куда ты завел нас — не видно ни зги!»

— Хватит! — оборвал Удалова Салисов. — Не пытайтесь показаться глупее, чем вы есть.

В комнате воцарилось молчание. С каждой секундой оно все тяжелее ложилось на плечи присутствовавших.

Наконец Удалов не выдержал и пискнул:

— Ну?

— Стендаль сказал, что вам можно доверять, — произнес Собачко с некоторым удивлением, словно хотел показать всему миру, что на самом деле Удалову лучше не доверять.

— Выхода нет, — помог гостям Стендаль.

— Историческая правда, — строго сказал Собачко, — заключается в том, что поляки, которых завел Сусанин, несли с собой большой и важный груз — награбленные в Вологде ценности.

— Золото, драгоценности, мебель, бусы, янтарь, жемчуг, — подытожил Салисов.

Он вытащил из кармана черный лаковый бумажник, раскрыл его, вынул листок, исписанный мелко и густо, и проверил по нему, правильно ли перечислил награбленное поляками.

— По нашим сведениям, — продолжал Салисов, — оставленные в глуши Сусаниным поляки, в отчаянии перед гибелью, прорубили полынью в озере Темном в окрестностях города Великий Гусляр, а потом замерзли в чаще леса.

— Исторический факт! — воскликнул Собачко и погладил себя по животу, радуясь тому, что ему сытно, тепло и не грозит смерть от холода.

— Все это обнаружено нами в архивах КГБ, — сказал Салисов. — Большевики скрывали эти сведения от народа, надеясь сами отыскать сокровища. Но не вышло, потому что документы были утеряны в годы великих чисток. Вы понимаете?

— Но мы теперь знаем, — продолжил Собачко. — Озеро Темное! Мы должны отыскать это озеро и нырнуть в его глубины. Сокровища, которым нет цены, лежат на его дне. В тине. И вы нам поможете.

— Почему? — спросил Удалов.

— Потому что это ваш гражданский и нравственный долг, — сказал Собачко.

Стендаль в отчаянии глядел на Удалова.

— Сокровища, говорите... — протянул Удалов, поглаживая лысину, обрамленную пегими вьющимися кудрями. — Тогда вам, товарищи, следует обратиться в наш музей. Он и заботится о сокровищах.

— Ах, оставьте! — отмахнулся Салисов. — В музее сидят некомпетентные, ограниченные люди.

Удалов укоризненно покачал головой. Стендаль взволнованно вмешался в разговор:

— Корнелий Иванович, эти господа просят им помочь.

— В чем?

— Проведите нас к Темному озеру, — жестко произнес Собачко. — Мы вам заплатим.

— Я бы рад, — сказал Удалов, которому эти люди страшно не нравились. — Но, к сожалению, такого озера в наших краях не существует.

— Ложь! — отрезал Собачко. — Такое озеро у вас есть, хотя, может быть, под другим названием. Так что вы, Корнелий Иванович, не манкируйте. Иначе нам придется принять меры.

— Корнелий Иванович! — Голос Стендаля дрожал от волнения и страха. — Корнелий, помоги им!

Произнося эти отчаянные слова, Стендаль старался незаметно для приезжих подмигивать Удалову.

Удалов и без подмигивания знал, что положение критическое. К озеру Копенгаген, которое ранее звалось Темным, тайных троп нет. Лесом по шоссейке районного значения доезжаешь автобусом до шестнадцатого километра, потом тропинкой, довольно исхоженной, идешь еще километр с небольшим. Вот ты и на месте. Эту дорогу знает каждый пятый житель Великого Гусляра. Секрет лишь в том, что мало кому известно прежнее название озера Копенгаген. Если ты не был на памятной беседе Елены Сергеевны в позапрошлом году и не читал опубликованной тогда же заметки Стендаля в «Гуслярском знамени», то сочетание слов «Темное озеро» ничего тебе не скажет. Впрочем, если подозрительные молодые люди выйдут на улицу, покажут десяти прохожим зеленую купюру, то наверняка отыщут хотя бы одного проводника в гуслярские леса.

— И как же вы намереваетесь искать этот клад? — спросил Удалов, глядя на Собачко проникновенно и целеустремленно.

Тот принял этот взгляд за чистую монету и ответил:

— Оборудование на подходе. Летит вертолетами. Батискаф, катер, надувной плот, скафандры...

Собачко загибал пальцы. Салисов добавил, глядя на его пальцы:

— Акваланги, сухой паек, гранатомет...

— Базилио! — оборвал спутника Собачко.

— Имеется в виду гарпуномет, — поправился Салисов и тонко усмехнулся под бородой.

— А потом? — спросил Удалов.

— У нас есть фонд. Международный фонд — пострадавшим от землетрясения детям Ашхабада.

— В каком же году было там землетрясение? — удивился Стендаль.

— Важен факт, — отрезал Собачко.

— У тех детей уже внуки, — заметил Удалов, но никто его не услышал.

— Выходим сейчас, — сказал Салисов. — Берем удочки, резиновые сапоги.

— Кепку! — подсказал Собачко.

— Стендаля берем? — спросил Удалов.

— Обойдется! — ответил Собачко.

Говорил Собачко тонким пронзительным голосом с какой-то странной бабской кухонной интонацией, будто бранился.

— А чего я без Миши пойду? — сказал Удалов. — Что вы меня, купили, что ли?

— Наш фонд людей не покупает. Они добровольно ходят, — проворчал в бороду субтильный Салисов.

Удалов стоял как небольшая круглая скала. Непоколебимо.

— Иди, Корнелий, — прошептал Стендаль. — Понятно же!

Корнелий понимал, что сопротивляться бесполезно, но упрямство было его второй натурой. Он повторил:

— Вы меня купили, да?

Салисов был обижен.

— Корнелий Иванович, уважаемый человек, а не понимаете простых вещей. У вас дачный участок с летней постройкой есть?

— Ну?

— А то ну, что сгорит ваше строение сегодня ночью вместе с запасенной на зиму семенной картошкой.

— А на вашего сына Максимку нападут злые парни, сломают ему гитару и нижнюю челюсть, — добавил Собачко. — Так что, ты идешь, падла, или как?

— Иди, иди! — умолял Стендаль.

— Видите, и товарищ из газеты подсказывает, — обрадовался Салисов. — А ведь мы его почти не пугали.

Собачко ступил в прихожую, сорвал с вешалки брезентовую куртку Удалова, которую тот использовал для рыбачьих походов, кинул под ноги Корнелию резиновые сапоги.

И Удалов перестал сопротивляться. Радикулит почти прошел.

Они сели в «Мерседес». Собачко за руль, Салисов на заднее сиденье рядом с Удаловым. Салисов тут же развязал рюкзак, лежавший на сиденье. Там была маскировочная одежда для туристов-рыболовов. Искатели кладов тоже намеревались переодеться.

Своим спутникам Удалов не верил. Против этого был его жизненный опыт и школьные знания. Ведь Ивану Сусанину от родных костромских мест добираться сюда лесами недели две. Неужели ему достались такие живучие поляки? Быть не может. Сейчас бы какой-нибудь учебник или знающего человека, чтобы подсказал: а доходили ли поляки до Вологды? Если не доходили, то и грабить не могли.

— Правильно едем? — спросил Салисов. Удалов поглядел на его лицо и подумал: в таком узком лобике никакому уму или чувству не уместиться. Только злость удержится. Несчастный человек!

Удалов не знал, какую информацию эти люди получили заранее. По крайней мере направление, притом правильное, они выбрали без его совета, значит, были осведомлены. Так что Удалов,

как и Сусанин за четыре века ранее, постарался не вызывать подозрения у незнакомцев, а вместо ответа спросил:

— Какое я получу вознаграждение?

— Покажешь — поговорим.

— Нет, — возразил Удалов, — так не пойдет. Вам жемчуга и золото, а мне сапогом под зад, правильно?

— Правильно! — злобно ответил Салисов.

— Ты к нам хорошо, и мы к тебе хорошо, — исправил грубость своего товарища Собачко. — Не обидим.

— Сколько? — спросил Удалов.

Внимание Собачко и Салисова было приковано к Удалову, и, конечно же, они просмотрели тропинку, которая углублялась в лес от автобусной остановки.

— А сколько ты хочешь? — спросил Салисов, не скрывая злобы.

— Миллион, — ответил Удалов.

Собачко даже тормознул.

— Ты что, — спросил он, — с луны свалился?

— Каждая жемчужина, погребенная в озере, — наставительно сообщил Удалов, — стоит не меньше миллиона. А их там целый сундук, правда?

— А ты откуда знаешь? — спросил Собачко.

— У нас свои местные легенды, — сказал Удалов.

Собачко промолчал, по его круглой кожаной спине видно было, как сильно он думает.

Салисов больно ткнул Удалова в бок кулачком.

— Кончай придуриваться! — рявкнул он. — Какой еще клад? Какой еще сундук?

Теперь настала очередь Удалова промолчать. Тропу на озеро Копенгаген они уже миновали, скоро надо будет высаживаться. И если раньше, перед отъездом, у Удалова оставались какие-то сомнения, то теперь было совершенно ясно: эти люди — жулики и бандиты, нужно им на озере Копенгаген что-то иное, нежели клад, и Удалов, разумеется, подозревал, что и зачем им нужно. И потому был готов сыграть благородную, но рискованную роль патриота Ивана Сусанина.

— Останавливай машину, — приказал Удалов.

— Зачем?

— Дальше идем пешком. По чаще. Лишнего с собой не брать, проверить обувь!

Собачко проехал чуть дальше, где был удобный съезд с дороги на лужайку, и загнал «Мерседес» под одиноко стоящий могучий дуб.

Потом они вылезли из машины.

В лесу было мирно. Не боясь пришельцев, пели птицы, грибы выглядывали из-за пней, кузнечики сигали из травы, стараясь долететь до солнца. Чудесное время, чтобы гулять по лесу!

Удалов пошел первым, «поляки» за ним.

Видно было, что они не приспособлены для дальних походов, так как шли суетливо, тратя много сил. Удалов знал, что впереди их ждет обширное болото, и заранее злорадствовал.

Он на ходу рассуждал, и его рассуждения были пессимистическими. Сусанину было куда легче, потому что тогда стояла зима и был жгучий мороз. Так что заблудившиеся поляки вскоре замерзли до смерти. Собачко и Салисову смерть от охлаждения не грозила, следовательно, их надо уничтожить другим способом, а если способа не было, то завести в глухие дебри без возможности выхода. В таких глухих дебрях самому Удалову бывать не приходилось и, ясное дело, самому оттуда тоже не выбраться.

Не читая удаловских мыслей, но постепенно проникаясь тревожным чувством, которое навевали тесно стоящие вековые ели, искатели кладов нервно задавали вопросы.

— А вы-то сами на том озере бывали? — спросил Собачко.

Удалов заметил, что толстяк перешел на цивилизованную форму обращения, значит, в себе не уверен.

Когда такие люди в себе уверены, они обязательно тыкают.

— Как-то приходилось, — ответил Удалов, раздвигая удочкой еловые лапы. Зря он согласился взять с собой удочки — явная помеха в глухом лесу.

— Там опасно? — спросил Салисов.

Тут он запутался своей удочкой в ветвях и принялся тупо дергать ее вместо того, чтобы распутать леску.

— У нас тут везде опасно, — признался Удалов.

— А каких-нибудь редких животных на озере не замечали? — спросил Салисов, кидая свои удочки в кусты.

Хорошие, импортные, бамбуковые удочки. Надо бы запомнить место, чтобы на обратном пути подобрать.

— Я повторяю свой вопрос! — строго сказал Салисов. — Редких животных на Темном озере не встречалось?

Вот он, роковой вопрос! Его Удалов ждал и боялся. А как его боялся Стендаль — подумать страшно! Удалов взял левее, к болоту.

— Был случай, — отозвался он. — Сам я не присутствовал. Но Ложкин рассказывал. Только вы не поверите.

— Погодите! — позвал сзади Собачко. Он вырвался из еловых объятий и прыгал через корни и ветви. — Вы признавайтесь, — попросил Собачко. — А наше дело — верить или не верить.

— Была одна, — сказал Удалов, останавливаясь и поджидая Салисова. — Крупного размера.

— Крупного?

— Метра два по крайней мере.

— Таких не бывает, — сказал Собачко.

— Наши мерили.

— И какая она? — крикнул Салисов. Он догнал спутников и тяжело дышал.

— Зеленая, тиной воняет, — сообщил Удалов.

— Говорящая?

— Сказок начитались? — рассмеялся Удалов. — Разве щуки бывают говорящие? Они даже в цирке молчат, ей-богу!

Удалов счастливо смеялся, а Салисов, высоко прыгая через корни, догнал его и как следует врезал ботинком по заду.

— За что?! — закричал Удалов.

— Тоже мне хохмач нашелся! — ответил Салисов. — Щука, говорит.

— А что я должен говорить? Дельфин, да? Акула? Кашалот? Что я должен говорить?

Сейчас бы самое время бежать от этих мерзавцев, но, вернее всего, они догонят и убьют. Сусанина ведь тоже убили.

Эта мысль Корнелия огорчила. Он как-то об этом не подумал. Знал о древнем подвиге, помнил памятник Сусанину в городе Костроме, но начисто забыл, что Сусанин сначала принял мученическую кончину, а уж потом его почтили как могли. Кто-то этому был свидетелем. Кто-то бежал за ним по лесной чаще, скрываясь за темными стволами. А потом доложил о подвиге в партизанском штабе. А то бы никто ничего не узнал о Сусанине. Думали бы, что тот честно отрабатывал свой предательский хлеб, да заблудился.

В надежде на объективного свидетеля своего подвига Удалов внимательно обозрел окрестные кусты. Ему показалось, что он видит неясное шевеление за одним из них, но это мог быть какой-нибудь лесной зверек. На всякий случай Удалов подмигнул животному и побрел дальше в чащу.

— Ты над нами не издевайся, — бормотал злобный Салисов. — Щука!

Он так произнес это слово, будто Удалов и был вонючей скользкой щукой.

Удалов пожал плечами. Чего спорить с жуликами! Все Удалову было ясно: откуда-то Собачко и Салисову, а вернее всего, тому спонсору, которому они служат, попала в лапы ценная информация о фауне озера Копенгаген. Информация неполная, настолько неполная, что даже современное название озера, к счастью, им не-

известно. Как же это могло случиться? Впрочем, сейчас не время и не место заниматься расследованием. Важнее зайти в болото так, чтобы и их загубить, и в живых остаться.

Болото, известное всем грибникам, окружало истоки ручья Комсомольского, который, зародившись в тростниках, питаемый ключами, протекал с километр по густой чащобе и давал жизнь затем самому озеру Копенгаген. Надо сказать, что Удалов, как и Михаил Стендаль, не надеялся, что пришельцы из Москвы навсегда сгинут в зыбучих глубинах болота — не было там таких глубин. Главное было оттянуть время, дать возможность Стендалю предупредить своих на озере, эвакуировать кого успеется.

Так что Удалов с каждым шагом сбивался все левее, и, по его расчетам, они уже были близки к цели.

Под ногами уже начало всхлипывать, почва теряла свою изначальную твердость, и это смутило чуткого Салисова, который спросил:

— А правильно идем, а?

— Видишь, мокрее стало, — откликнулся Удалов. — Значит, приближаемся к водному резервуару.

— Не завязнуть бы в этом резервуаре! — передразнил Удалова Собачко.

— Не завязнете, — серьезно ответил Удалов. — Вы же мягкий.

Нельзя сказать, что Собачко воспринял слова Удалова как комплимент, но выругался он сдержанно, без истерики — приходилось смотреть под ноги, чтобы не провалиться между кочек.

Теперь надо было уже подумывать об отступлении, ведь кладоискатели добровольно не сдадутся. Но для этого следовало завести их поглубже в болото.

— Я дальше не пойду, — заявил Салисов.

— И не надо, — откликнулся Удалов. — Пошли обратно.

— Помолчи! — рявкнул Собачко.

Он вышел вперед и начал продвигаться сквозь тростники, с каждым шагом поднимая фонтаны брызг.

Попискивая от страха, махонький Салисов следовал за ним, быстро промокнув до пояса. Удалов замыкал шествие, стараясь отыскивать глазами и ногами незаметные для посторонних кочки. Но все равно промок.

Чтобы не было так страшно, Собачко начал петь бодрую песню прежних эпох:

Сердце мое ты отыщешь всегда
Там, за облаками, там, за облаками,
Там, та-та-там, та-та-там!

Под этот шум и плеск Удалов затормозил.

Громкое пение Собачко удалялось к непроходимому центру болота. Салисов пытался подтягивать, но голос его срывался на хриплый визг. Удалова тянуло за язык крикнуть кладоискателям, что им не повезло, так как они встретили на своем пути современного Ивана Сусанина в лице Корнелия Ивановича. Конечно, приятно кинуть врагам в лицо описание их ужасного будущего, но опасно, что в таком случае они кинутся к Удалову, догонят его и побьют. Не оставалось ничего иного, как незаметно отстать от кладоискателей и тропкой вдоль Комсомольского ручья, порой проваливаясь в грязь, побежать в сторону озера Копенгаген.

Вскоре Удалова догнали возмущенные крики заведенных им в трясину неприятелей, но он взял себя в руки, не поворачивал назад, не давая жалости овладеть собою.

Пробежав с полкилометра, Удалов услышал встречное хлюпанье по грязи и увидел, что сквозь кусты и камыши пробивается к нему Михаил Стендаль в сопровождении молодой девушки в скромном синем сарафане и платочке.

— Ну и что? — крикнул запыхавшийся Стендаль.

— Поляки заплутались в глубоких снегах, — с облегчением ответил Удалов, который устал от своего приключения. — Можете брать их голыми руками, товарищ Минин-Пожарский.

— А если без шуток? — спросила молодая девушка. Она была привлекательна собой, хоть и бледна в прозелень, глаза у нее были завлекательного болотного цвета, губы полные и светло-розовые.

— Где они?

В ответ издалека донесся крик о помощи.

— Ясно, — отсекла девушка возможные пояснения. — Пока они выбираются из Куриной лужи, ими займется дедушка Водограй, я уже попросила.

— Вот и ладушки, — заметил Удалов. — Надеюсь, он их не утопит?

— Гарантирую, что к темноте они снова будут на шоссе, — сказала девушка.

— Какая ты у меня умница! — восторженно произнес Стендаль, глядя на девушку нежным взором.

— А как на озере? — спросил Удалов. — Меры приняты?

— Тетя все сделает, — ответила девушка. — Наша задача — не пропустить их на Копенгаген с этой стороны.

— Я бы к вам зашел погреться, — сказал Удалов.

— Правильно, — сказал Стендаль. — Не дай бог, простудишься.

Они поспешили к озеру, полагая, что им удалось отвлечь кладоискателей от цели. Они весело разговаривали и даже смеялись,

представляя, как их противники возятся в жидкой грязи, марая импортные кожаные куртки.

Но на самом деле никаких оснований для радости у них не было — никогда нельзя недооценивать противника.

Читатели историй о Великом Гусляре привыкли к их оптимизму, к тому, что пришельцы, как правило, оказываются доброжелательными или по крайней мере миролюбивыми созданиями, изобретения идут на благо человечеству, негодяи раскаиваются и перевоспитываются или послушно уходят со сцены.

К сожалению, в реальной жизни такое случается все реже и реже.

В том числе и в Великом Гусляре.

История, которую я рассказываю, начавшаяся на тревожной ноте, закончится, предупреждаю, на ноте грустной. Так что не желающие встречаться с горькой правдой жизни прекратите, пожалуйста, чтение. Возьмите в руки «Тома Сойера» или «Дэвида Копперфилда».

Молодая женщина, которую Стендаль называл Машенькой, а Удалов — Марией, вывела друзей не к самому озеру, а, миновав его, к непроходимой чаще леса, где в зеленых ветвях открылся тоннель, приведший их к заросшим листвой и опутанным корнями развалинам погибшего еще в революцию имения помещика Гуля.

Раздвинув ветви малины, Мария толкнула деревянную дверцу, и та послушно, хоть и со скрипом, отворилась. В низком, кое-как освещенном помещении — некогда винном погребе имения Гуля — стоял большой бак, наполовину налитый водой.

Пришедшие первым делом кинулись к этому баку и заглянули внутрь.

Михаил Стендаль шевелил губами и загибал пальцы, Удалов улыбался. Послышались шаги. В погребе появилась женщина средних лет, похожая на Марию. Она несла ведро.

— Вроде все, — сказала она Марии, а потом поздоровалась с Удаловым и вылила ведро в бак.

— Поосторожнее, тетя Поля, — сказала Мария.

Она подошла поближе к баку и склонилась над ним, помешивая в нем пальцем. Удалов последовал ее примеру.

— Агу! — произнес он. — Агусеньки!

В баке плавали друг за дружкой, взволнованные необычной обстановкой, шустрые головастики крупного размера.

— Осторожнее, — предупредила молодая женщина. — Для них это большая душевная травма.

— Это так, — согласился вошедший в погреб известный в Европе ветеринар-ихтиолог, член Ганноверской академии болезней рыб и лягушек Иван Шлотфельдт. — Я тут привез витамины для малышей.

Пока женщины вместе с ихтиологом занимались подготовкой к уколам, Стендаль метался по погребу, заламывая руки и взывая к небу.

— Что делать? — кричал он. — Куда эвакуироваться?

Женщина, которую называли тетей Полей, заметила:

— Не иначе как у них есть осведомитель в нашей среде.

— Наверняка, и не один! — воскликнул Удалов. Он разулся и сушил сапоги над железной печкой-«буржуйкой», стоявшей рядом с баком. — Я никогда не доверял женским коллективам. В них всегда найдутся сладострастные или корыстные особы.

— Ну ты, Корнелий, поосторожнее, — оборвала его тетя Поля. — Дурные люди и в Гусляре водятся.

Корнелий не ответил. Он глядел, как ветеринар Иван Андреевич вытащил из воды головастика. Тот был размером с пол-литровую бутылку, снабжен зеленым хвостиком, и в облике его была одна необычная черта — совершенно человеческие ручки и девичья, хоть еще и не до конца оформившаяся головка с короткими черными волосами. То есть, судя по всему, ветеринар держал в руке маленькую русалочку, которая еще жила под водой и не сбросила хвоста.

— Боже мой, осторожнее, Иван Андреевич! — воскликнул Стендаль.

— Ох уж эти мне молодые папаши! — в сердцах ответил ихтиолог. — Вы, наверное, не представляете, сколько русалочек я перехватал в жизни.

— Наверное, чаще взрослых, — сказал уже частично обсохший Удалов, за что был награжден негодующим взглядом Маши, которая тоже подошла к ветеринару и любовалась маленьким земноводным созданием.

Удалов заглянул в бак. Там кружилось десятка три русалочек. Посторонний взгляд наверняка спутал бы их с крупными головастиками, что, впрочем, и помогает русалкам выжить в наших отдаленных речках и озерах, иначе браконьеры давно бы их истребили.

Иван Андреевич делал русалочкам витаминные уколы, а Удалов дивился тому, как они похожи. Впрочем, что в этом удивительного, ведь они все вылупились из икринок, снесенных чудесной девушкой Машей.

За десять месяцев до описываемых событий редактор газеты

«Гуслярское знамя» Малюжкин вызвал с утра Михаила Стендаля в свой кабинет, обшитый фанерными панелями под дуб.

— Тираж падает, — сказал Малюжкин. — Накладные расходы растут. Мы на краю краха.

Малюжкин являл собой внушительное зрелище — большую, благородных линий голову украшала буйная седая шевелюра, взгляд был пронзительный, орлиный. Однако редактор не любил вставать из-за стола — приходил в газету раньше всех, садился за стол и сидел до тех пор, пока все не разойдутся. Малюжкин стеснялся своего малого роста и коротких ног.

Стендаль покорно стоял, как царевич Алексей перед своим грозным отцом Петром Великим на картине художника Ге, и не понимал, куда клонит шеф.

— Вот наши коллеги в «Потемской правде», — продолжал редактор, подвигая по столу газетный лист в сторону Стендаля, — идут на постыдные меры для привлечения подписчиков. Видишь — утверждают, что их газета заряжена взглядом великого колдуна Эпикурея и излечивает от геморроя.

— Вы же знаете, — вздохнул Стендаль, понимая, что разговор перешел в привычное и даже надоевшее русло, — что этого Эпикурея два месяца назад выпустили из нашей тюрьмы за злостное уклонение от алиментов и воровство в детском саду.

— К сожалению, верующих этим не убедишь. Они что нам ответят? Они ответят, что их родного Эпикурея оболгали завистники. А ты сам читал эту газету?

— У меня нет геморроя, — сухо ответил Стендаль, поправляя указательным пальцем очки на переносице.

— Я и говорю — шарлатаны! Куда деваться? Белый маг Тапочкин по имени Азерналий Третий предлагает нам рекламу. Шестнадцать тысяч рублей. А нам деньги нужны...

Малюжкин принялся задумчиво катать по столу карандаш, а Стендаль наблюдал за ним и ждал, когда беседа кончится.

— Надо что-то делать, — сказал наконец Малюжкин. — Если мы не привлечем читателей чем-то необыкновенным, можно закрывать газету. Ты согласен?

— Так вы будете объявление Тапочкина печатать?

— А почему нет? — вскинулся Малюжкин. — Разве мы живем не в свободной стране? Одни рекламируют сигареты и вино — бич человечества, а мы — народную медицину.

— Мне можно идти? — спросил Стендаль.

— Какие мы гордые и принципиальные! Погоди. Мы тоже принципиальные. И я обещаю тебе, что не Тапочкина, не Эпику-

рея в «Гуслярское знамя» не допущу, если ты сделаешь мне такой материал, чтобы газету из рук рвали. Чтобы с мистикой и загадкой.

— Где я его возьму?

— А вот это твое профессиональное мастерство.

Стендаль хотел было уйти, решив, что дело ограничилось пожеланиями и теперь, очистив совесть, Малюжкин откроет страницы всем колдунам и экстрасенсам области, но редактор, оказывается, еще не закончил.

— Погоди, — сказал он. — Есть идея. Мне тут как-то Савич рассказывал, что в озере Копенгаген русалки водятся или заплывают туда. Ну, бред в общем, а все-таки и тайна, и народная мудрость.

— Я слышал, — сказал Стендаль, — там налимы крупные, вот их и принимают за русалок.

— И все-таки я бы на твоем месте не отмахивался. Поезжай туда, поищи русалок. Найдешь — твое счастье, не найдешь — сделаешь материал о том, что найдешь их завтра. Лады?

И Малюжкин счастливо расхохотался.

* * *

Днем в столовой № 2 Стендаль встретил Корнелия Удалова. И так, между делом, со смехом рассказал ему о задании редактора.

Но Удалов смеяться не стал. Ведь Стендаль был здесь приезжим, он после Ленинградского университета получил сюда распределение, вот и остался в Гусляре, живет много лет. Совсем свой, да не местный. А Удалов местный. Его дедушка на озеро Копенгаген ходил, когда оно еще Темным озером называлось, у дедушки были до революции отношения с одной русалкой, а чем они кончились — семейная тайна. Ничего хорошего, говорят, не вышло. А Панкрат Сивов, купец второй гильдии, и вообще сгинул в озере. Говорили, но шепотом, что и сам Гуль имел с русалками соглашение, но какое — никто не запомнил.

Так что в отличие от Стендаля Удалов в русалок на озере верил. Но посоветовать Стендалю отправиться на озеро с целью выследить водяных жительниц он не имел морального права. Это было рискованное дело и могло плохо кончиться для Стендаля.

Но чем больше Удалов отговаривал Михаила Артуровича от похода, тем сильнее тот стремился на озеро. И вот, сказав дома, что уезжает в командировку в Потьму, в теплый июльский вечер он выбрался на Копенгаген, взяв с собой лишь записную книжку и бутерброды.

Полагая, что русалки вряд ли выходят на истоптанный, близкий к шоссе берег озера, он за час обогнул водоем и оказался в местах нехоженых, топких, комариных и явно русалочьих.

Отбиваясь от комаров, он затаился за кустом. Совсем стемнело, вышла луна. Прошло полчаса, и Стендаль уже готов был бежать из леса, пока всю его кровь не выпили комары, как услышал мелодичный девичий голос:

— Простите, что вы здесь делаете?

Обернувшись, Стендаль увидел невысокую худенькую стройную девушку с длинными прямыми волосами, которые представляли единственный предмет ее одежды. Даже при слабом свете луны было видно, что ее ноги от бедер до щиколоток покрыты мелкой чешуей. Это была русалка.

В первый момент Стендаль смутился из-за наготы девушки, но ее доверчивые глазищи, ее робкая и чистая улыбка развеяли его смущение. И уже через десять минут они разговаривали, не обращая внимания на комаров, так, словно были давно знакомы.

Русалку, которая влюбилась в Стендаля с первого взгляда, звали Машей. В отличие от большинства своих сверстниц, она была от природы умна, умела читать и писать, знала географию. Всем этим она была обязана своей тете Поле — дочери одного волжского водолаза.

И нет ничего удивительного в том, что уже к полуночи Маша и Михаил, несмотря на двукратную разницу в возрасте, обнялись и принялись целоваться. Ведь издавна известно, что, несмотря на примесь рыбьей крови, русалки — существа страстные и их соблазну поддавались многие железные люди. Романы с русалками были у Александра Македонского, Вольтера и командарма Фрунзе.

Когда другие русалки узнали о том, что Маша стала возлюбленной земного корреспондента, они тут же стали завлекать Стендаля в хоровод в надежде заманить его в озеро и утопить, как и положено поступать с мужчинами, уже выполнившими свой генетический долг перед русалочьим племенем. Но за Стендаля вступилась тетя Поля — представительница новых тенденций в этом обществе. Да и Маша так полюбила Мишу, что готова была сама утонуть, только не погубить возлюбленного.

Маша старалась быть достойной своего избранника, она читала книжки, которые Миша приносил ей, слушала радиоприемник, а когда вылезала из воды, то обязательно надевала сарафанчик, который ей купил Стендаль. В будущем она намеревалась поступить в речной техникум, хотя побаивалась, что над ней будут смеяться из-за ее чешуйчатых ног.

А потом старые русалки по известным лишь им признакам догадались, что Маша уже с икрой.

Значит, скоро вылупятся на свет девчушки, мальки, русалочки. К сожалению, а может, к счастью, русалки устроены так, что мальчики из икринок не вылупляются, только девочки, будущие русалочки. Так распорядилась мудрая природа. Распорядись она иначе, весь фольклор полетел бы к чертовой бабушке — что бы вы стали делать с мускулистыми рысаками, которые бы утаскивали в камыши проходящих доярок или туристок?

Издавна известно, что, полюбив мужчину и понеся от него, русалка мечет икру— крупные, с лесной орех, икринки, которые попадают в стоячую воду. Из икринок, избежавших зубов щуки или жвал жука-плавунца, выводятся десять, двадцать, тридцать головастиков-русалочек, идеально одинаковых, как две капли воды похожих на маму, а изредка на папу. Дочки Стендаля были похожи на него — те же серые близорукие выпуклые глаза, тот же короткий прямой нос и полные, хорошо очерченные губы. Если для мужчины облик Стендаля был излишне мягок, то в женском варианте это лицо было очаровательным.

Когда множество одинаковых русалочек вывелось в озере, сладостная весть об этом событии разнеслась по всем лесам, речкам и озерам, где еще сохранились русалки.

Русалочек берегли всем миром — не только водяные жители, но и друзья Михаила Стендаля. Некоторые старые русалки готовы были держать детей в аквариуме, но выписанный специально из Ганновера Иван Андреевич Шлотфельдт приказал аквариум разбить, потому что детям нужно движение воды и ее естественное перемешивание.

Несмотря на все меры и круглосуточное дежурство, всех детей вывести не удалось. Десяток икринок погибло, еще двадцать пропало без вести, но двадцать шесть вылупились, подросли и шустро плавали по озеру.

Нельзя сказать, что Стендалю легко жилось. Он все время разрывался. Разрывался между любовью к Маше и невозможностью построить с ней настоящую дружную семью, разрывался между любовью к дочкам и невозможностью играть с ними на лужайке или кормить их кефиром из соски. Да и как это сделаешь, если, только вылупившись из икринок, его доченьки кинулись на охоту за жуками, лягушками и прочей озерной мелочью.

Тяжело было Стендалю и на службе. Ну не мог он стать источником нездоровой сенсации. Представляете заголовок статьи: «Молодой журналист ждет, когда его двадцать шестая дочь вылупится из икринки», «Нам с милой уютно под водой!», «Где твой

хвост, невеста?» Эти заголовки снились Стендалю, и он вскакивал в поту с криком: «Мама, что они со мной сделали!» Его мама Раиса Федоровна, которая не знала точно, что происходит с сыном, но понимала, что происходит неладное, утешала Мишу как могла, приносила холодный чай с мятой и поила на сон грядущий отваром из столетника.

Лишь близкие друзья — Удалов, Минц и Грубин — знали о тайне Стендаля и даже надеялись, что все образуется. И хоть формально Стендаль оставался холостяком, а русалка Маша, как и все русалки, пребывала в девках, для друзей они составляли молодую семью, о которой следовало заботиться.

Кто, кроме профессора Минца, мог бы вызвать из Ганновера тамошнюю ихтиологическую знаменитость, выходца из рода Шереметевых, ветеринара Шлотфельдта? Кто, кроме Саши Грубина, смог бы изобрести автоматическую кормушку для девочек, которая выдавала им строго отмеренные порции пищи и витаминов, разработанных профессором Минцем? А кто застолбил весь южный низменный, болотистый берег озера надписями «Купание и ловля рыбы запрещены!», «Внимание! Повышенное содержание технеция и калифорния!», «Вход и распитие воспрещены по причине энцефалитного клеща!»? Разумеется, это сделал трудолюбивый Удалов и этим отпугнул от озера рыболовов.

Теперь, когда читатель полностью в курсе необычных событий, имевших место на берегу и в глубинах озера Копенгаген, он поймет, почему Михаил Стендаль так испугался «Мерседеса», нагло затормозившего возле редакции газеты «Гуслярское знамя», и почему он срочно повел кладоискателей к Удалову — старшему находчивому другу.

Ни Стендаль, ни Удалов ни на секунду не поверили в историю с подводным кладом. Нечего здесь было делать Ивану Сусанину и ведомым им полякам — в эти места в семнадцатом веке даже бурые медведи не осмеливались совать носы.

Было очевидно, что Собачко и Салисов откуда-то пронюхали о местных русалках и возжелали на них заработать, а может быть, запланировали нечто еще более страшное.

О погребе в руинах замка помещика Гуля знали единицы, даже среди русалок, но, как сказал по-немецки Иван Андреевич, молодую поросль следовало бы эвакуировать в более надежное место. А такого в лесу не было.

— Отвезем их ко мне домой, — молил Стендаль. — Моя мама так хотела, чтобы у меня были дети.

— Только не двадцать шесть, — отрезал Удалов. — Как она их будет отличать?

Стендаль только махнул рукой — он и сам понимал, что его предложение относится к разряду платонических. Исход встречи с внучками для нервной мамы мог быть только трагическим.

Снаружи доносился некий неясный шум, встревоживший Удалова. Он решил, что должен немедленно выбраться наверх и посмотреть, что там творится, и, если опасность реальна, попытаться еще раз изобразить Сусанина и отвести ее в сторону. Стендаль вызвался сопровождать его, так же как и тетя-русалка. Маша осталась с ихтиологом стеречь бак, который они принялись забрасывать сухими ветвями.

Как и следовало ожидать, шум производили выбравшиеся из болота Собачко и Салисов, грязные, мокрые, злые, но в то же время торжествующие.

— Черт побери, какая трагическая ошибка! — вырвалось у Стендаля.

Проследив за его взглядом, Удалов понял, что произошло.

Оказывается, кладоискателей сопровождал, медленно вплывая в озеро из ручья, сам пан Водограй — личность отвратительная, вредная, но почти никому лично не известная.

Еще со времен помещика Гуля он каким-то образом перебрался в эти края из Волги, где его не терпели, и обосновался в болоте, страшно завидуя русалкам, плескавшимся в чистых озерных водах. Почему-то эта хитрая злобная бестия полагала себя поляком и требовала, чтобы его именовали паном, на что не имела никаких прав. Но, кстати, водяной не имел прав и на то, чтобы носить пришитые к голому голубому телу генеральские эполеты французского Иностранного легиона и лампасы от генеральских брюк.

Водограй, которого на Копенгагене все звали просто водяным, неоднократно пытался сблизиться с кем-нибудь из русалок для продолжения рода, но даже самые некрасивые и одинокие из них этого себе не позволяли.

Так он и вековал в болоте, нападал на лягушек, порой ловил и пожирал нутрию или кролика, если тот лез выкупаться в самую жару. Рассказывали, что он утопил двух маленьких девочек, которые пошли за грибами и пропали без вести. Но это было еще до войны, и факт этот теперь трудно проверить.

Хоть его не любили, но давно уже привыкли к нему, звали то дядей, то дедушкой, пользуясь его глупостью, устраивали розыгрыши, а то со скуки водили вокруг него хороводы.

Внешность пана Водограя оставляла желать лучшего не только с человеческой, но и с рыбьей точки зрения. Водограй являл собой

желеобразный студенистый шар, к которому снизу были прикреплены короткие лапы с перепонками, с боков были приделаны руки тоже с перепонками между пальцев, а венчала это сооружение круглая нашлепка с белыми глазами, которую условно называли головой.

Водограй порой выбирался на берег, ворошил добро, брошенное на берегу туристами выходного дня, и если находил там газету, то прочитывал ее от корки до корки. Так что он знал о переменах в стране, о падении Варшавского Договора, отделении Прибалтийских республик и даже Украины. Когда же он узнал о желании Польши вступить в НАТО, он назло ей объявил о своем вступлении в Коммунистическую партию СССР, потому что лишь она одна могла вернуть империю, без которой Водограю жить далее не хотелось.

Будучи водяным немолодым, Водограй знал грамоту и держал на болоте под пнем много бумаги и карандашей из трофеев, собранных за столетия, — то подберет нужную вещь на берегу, то снимет с утопленника, то сам кого утопит за авторучку или хороший блокнот. Высушит потом на солнышке — и в дело.

Никто не знал в лесу, что Водограй — графоман-кляузник. За свою жизнь он написал тысячи анонимных писем на всевозможные злобные темы. Но обратного адреса он никогда не указывал, поэтому никто не мог принять мер против птиц, которые слишком громко поют, против комаров, которые слишком тонко пищат, против людей, которые топчут траву, против лесника, который срубил ель, против русалки Поли, которая грубо разговаривала с Водограем.

Так и прошла бы жизнь, но, ощутив свежий ветер перемен, водяной понял, что пора выходить в люди.

Поэтому он написал письмо в Москву, в акционерное общество «Секстрансинвест», которое рекламировало казино с эротическими услугами. В письме коряво, неубедительно водяной сообщил, что на озере Темном под городом Великий Гусляр скрывается целая банда русалок, которые могут оказывать эротические услуги кому угодно, а он, пан Водограй, за эту информацию требует себе пост директора. И приписал обратный адрес. Только вместо слова «Копенгаген» по старческому убеждению обозвал озеро Темным, как было в дни его молодости.

Долго не было ответа из Москвы. И вдруг сегодня к нему прибежала эта шлюха Машка и велела идти на болото и придержать там двух бандитов, которые хотят пробраться на озеро.

Тут-то Водограй и понял, что пробил его звездный час.

И он был прав.

Приехали по его письму.

Поэтому вместо того, чтобы придерживать незваных гостей, водяной торжественно привел их на озеро.

Еще не увидав Удалова, который пригнулся за кустом, Водограй визгливым голосом закричал, распугав уток и встревожив далеких, кажущихся муравьями рыболовов, которые коротали время на том близком к шоссе и удобном для рыбалки берегу озера.

— Уголовное дело! — вопил он. — Попытка убийства отечественных бизнесменов! Страшное преступление! Где милиция?

Из озера неподалеку от берега, таясь в густых камышах, выглядывали русалки. Не все знали, что происходит, ведь некоторые из русалок глупы, как рыбы, но любопытны, как кошки.

— Сиди, — прошептал Удалову Стендаль и не спеша вышел на открытое место. — С прибытием, — сказал он. — Что случилось?

— Это он, — прошипел злобный, мелкий, бородатый и промокший Салисов. — Это он нас к Удалову привел, это он организовал наше потопление.

— Кстати, — спросил Стендаль, снимая и протирая очки, — а где же Корнелий Иванович? Вы его не кинули в лесу?

Стендаль нервничал и переигрывал. Врать он не умел, врал обычно только маме и главному редактору Малюжкину. Но друзья Водограя не ожидали такой наглости от Стендаля и даже опешили.

— Вы что, не видели его? — спросил дискантом толстый Собачко. С него свисали водоросли.

— И где мы будем искать сокровище Вологодского кремля? — спросил Стендаль.

— Чего? — удивился Водограй, существо подозрительное и жадное.

— Наши друзья приехали сюда за кладом, который спрятали поляки в начале семнадцатого века.

Водограй всем телом медленно развернулся к кладоискателям.

— Какой такой клад? — спросил он визгливо, но тем не менее грозно.

— Ах, это тактический прием! — отмахнулся Собачко. — Не обращайте внимания.

— Какой клад, я спрашиваю!

Старый бездельник был подозрителен и всю жизнь мечтал отыскать клад. Любая русалка, любой карась в окрестных лесах знали, что Водограй перерыл всю тину в окрестных болотах, надеясь сказочно разбогатеть. Отыскал старую шину, остов зонта, танк времен Гражданской войны, случайно потерянный англичанами, не-

открытую банку сгущенки и, говорят, скелет утопившейся жены помещика Гуля. С зонтиком Водограй почти не расставался, шутил, что ждет дождя. А если дождь начинался, то водяной нырял в воду, а зонтик оставлял снаружи.

— Да погоди ты! — возмутился Собачко. — Не буду же я этому Стендалю рассказывать, что мы озеро в аренду взяли. Что мы тут клуб интересных встреч устраиваем. Так бы он нас сюда и привел!

— Спросили бы кого-нибудь другого!

— Спрашивали. Никто не знает, что за озеро — Темное. Сказал бы ты с самого начала, что это и есть озеро Копенгаген, мы бы давно здесь оказались.

— Забыл я, забыл, чего уж там! — рассердился Водограй. — Старый стал, вот и забыл.

— Какой еще клуб интересных встреч? — не выдержал и вмешался Стендаль. — Кто с кем будет встречаться?

Не удостоив его ответом, Собачко достал из кармана переносную рацию, вытер ее о рубаху и начал бормотать. Это тем более встревожило Удалова. Они, конечно же, имели дело с мафиозной организацией. Но что значат слова о клубе?

Салисов уже малость обсох и обнаглел.

Он стал прохаживаться по берегу и громко вещать в расчете на обитателей озера:

— Живут некоторые в тишине, бедности и полном отрыве от цивилизации. Нигде не бывают. А вокруг творятся удивительные вещи. Американцы ходят по Луне, машины играют в шахматы, а в разных странах уже укрепилась свободная любовь.

При последних словах в камышах произошло оживление, так как некоторые русалки уже слышали о свободной любви, но не умели отличить ее от несвободной.

Под влиянием слухов многие русалки решили, что им все дозволено. Были совершены даже две попытки эмиграции — нет, не на соседнее озеро и даже не в реку, а в город Гусляр. А совсем уж тупую русалку Прасковью Филипповну Удалов с тетей Полей выловили у самой станции — она подалась в Америку.

Будто там своих русалок нет! А как такой дуре объяснишь, что без регулярного купания в настоящей лесной воде русалки умирают, как птицы в стратосфере?

Слова Салисова падали на благодатную почву. До появления здесь Салисова с Собачко русалки действовали по собственной неумной инициативе. Теперь же появились вожди. И возможности для бунта.

— Ты говори, говори, любезный! — закричала из камышей перезревшая в девках русалка Римма. Она всюду распространяла

сплетни, будто живет с лешим, но так как каждому разумному человеку известно, что леших на свете не бывает, то ясное дело — Римма томилась в девках.

— Мы пришли дать вам свободу! — закричал Салисов басом. — Теперь каждая русалка получит столько мужчин, сколько пожелает, и, самое интересное, — любого цвета.

— Это еще что значит — любого цвета? — удивился Стендаль.

— А у нас уже создано, молодой человек, — заявил Собачко, — акционерное общество по эксплуатации вашего озера. Теперь, когда мы с вашей помощью обнаружили его и нанесли на карту, сообщили его координаты в область, проходит приватизация озера его трудовым коллективом.

— Каким еще трудовым коллективом?

— Вы задаете слишком много вопросов, молодой человек, — оборвал Стендаля Салисов. — Трудовой коллектив — это наши отечественные русалки, гордость советских лесов и рек.

Из камышей выглядывали глупые хорошенькие русалочьи физиономии.

Блестящий мир приключений и чувственных наслаждений сверкал ожиданием в их зеленых глазах.

— Да вылезайте, вылезайте! — торопил их Салисов, который не был до конца уверен в своей правоте. — Покажитесь вашим сопредседателям!

— Девочки! — закричала тетя Поля. — Остановитесь!

Честь русалке дается единожды. Лишь раз в жизни можно метать икру. И надо выметать ее так, чтобы не было мучительно больно за пустые хлопоты! Но ее мало кто слушал.

Из камышей, из прибрежного тростника, а то и прямо из глубины поднимались все новые стройные девичьи фигуры. И вот уже первая из них — известная нам Римма — вышла из воды и замерла по щиколотку в озере, совершенно обнаженная, если не считать занавески длинных волос, прикрывавших правую грудь. Но ее живот и бедра, плавно и изящно покрытые мелкой зеленой чешуей, были открыты и представлены для всеобщего обозрения.

Удалов со Стендалем эту чешую не раз видали, к ней привыкли, находя в том свою прелесть. Но Салисов с Собачко были поражены. Пожалуй, им легче было бы увидеть не обычные девичьи ноги зеленого цвета, а настоящие рыбьи хвосты, как изображалось на средневековых картинках.

— Вот это да! — закричал Собачко, восторженно принявший такое зрелище.

— Закройся! — закричал громче и басовитее Салисов.

Однако русалкам нечего было закрываться в собственном доме,

да и не привыкли они это делать. Единственная приемлемая одежда для диких русалок — речные водоросли да ночной туман.

Шорох камышей, куда отступили испуганные окриком русалки, был не слышен из-за шума вертолета, который снизился над озером, пустив по нему концентрические волны. Вертолет сместился к берегу и замер у самой земли. Из него выскочил кавалерийского вида человек в милицейской фуражке и розовом аргентинском плаще. Он держал в руках стопку бумаг.

— Это документы! — кричал он, стараясь перекрыть шум вертолета. — До-ку-мен-ты!

Приказывая жестами вертолету убираться, Салисов развернул бумаги и принялся проглядывать их.

Вертолет покрутился над озером, отлетел в сторону и завис над соснами.

— Тут мне прислали план местности, утвержденный райисполкомом, — объявил Салисов. — Можете полюбоваться, Стендаль.

Стендаль подошел к Салисову, они стали смотреть на чертеж, а водяной, которому было тоскливо и которого мучили подозрения, как бы его не обманули сообщники, постарался вползти на берег, но тело его было таким мягким и скользким, что пришлось оставаться наполовину в воде.

— Видите, что здесь обозначено? — спросил Салисов, указав пальцем на квадрат неподалеку от озера. — Читайте...

— Развалины усадьбы помещика Гулькина, — прочел Стендаль.

— Показывайте, где развалины.

— А зачем они вам?

— А затем, что там будет построен нами дом отдыха и развлечений для трудящихся из-за рубежа. Именно в этом культурном заведении девушки-русалки получат заодно и среднее образование, они будут плодотворно трудиться и хорошо отдыхать.

— Как трудиться? — Нехорошее предчувствие охватило Стендаля.

— Они будут оказывать нашим клиентам сексуальные услуги, — улыбнулся Собачко. — За валюту.

Тут кусты у берега раздвинулись и оттуда вылетел кипящий справедливым гневом Удалов.

— Какие еще сексуальные услуги! — кричал он. — Это же невинные дети лесов и морей! Я в милицию заявлю, я до Москвы дойду!

— А вот и явление третье, — сказал Собачко. — Мелкий преступник Корнелий Удалов, взявшийся за восемьдесят долларов

отвести нас на ваше озеро, дорогие русалки. Деньги он взял, прикарманил, а нас завел в болото. Как это называется?

Русалки отозвались из камышей отдельными негромкими возгласами ужаса и отвращения, а Удалов принялся выворачивать карманы и кричать:

— Да я доллара в жизни не видал! Нужны мне ваши доллары!

Салисов провел пальцем воображаемую линию и последовал по ней — воображаемая линия вела к спрятанным в лесу руинам замка Гуля.

Стендаль попытался преградить ему дорогу, но человек в милицейской фуражке ловко отбросил несчастного молодого отца приемом карате. Такая же судьба постигла и Удалова.

Вертолет спустился пониже, как бы страхуя своих хозяев. Русалки вышли из озера и любопытствующей и даже сочувственно настроенной к соблазнителям толпой робко последовали за Собачко. Собачко отстал немного, приблизился к Римме и легонько провел ладонью по ее бедру. Ощущение чешуи ему не понравилось, и он сказал:

— Во, блин, экзотика!

Римма громко рассмеялась. Маленькие изящные жабры, похожие на вторые ушки, затрепетали.

— Ах ты, мой налим! — проговорила она.

Тетя Поля, которая присоединилась к процессии, выругалась сквозь зубы. Среди русалок бытовало убеждение, что у Риммы завязался неприличный роман с налимом двухметрового размера. Это не было сплетней, хоть любовники и уединялись в камышах, ведь в озере Копенгаген все стены прозрачные. Но одно дело, когда о связи русалки с налимом говорят свои, озерные, другое — когда такая весть вырывается наружу. К счастью, налим погиб в прошлом году, когда на озере проходили соревнования по ловле рыбы на банан. Налим пожадничал и погиб.

С шумом и треском прорвавшись на прогалину перед руинами, Салисов остановился, не скрывая торжества.

— Вот тут, — сказал он, — мы воздвигнем дворец-казино под названием Салисания! Сюда будут прилетать денежные мешки.

— Мешки? — удивилась одна из молодых русалок, что следовали за Салисовым. — Зачем нам мешки? Мы хотим любви.

— Помолчите, вы мешаете мне думать! — оборвал ее Салисов. — Ну, где же техника и живая сила? Почему не завозят кирпич?

— Вы когда же строить будете? — упавшим голосом спросил Удалов.

Чувство неминуемого поражения охватило его. Он понимал,

что с появлением казино не только погибнет озеро, не только будут совращены и пойдут по рукам невинные русалки, но рухнет и весь мир Великого Гусляра. Неумолимые законы рыночной экономики в их самом худшем выражении взяли родной Удалову город в свои безжалостные тиски.

— Строить будем немедленно. Вот постановление городской администрации, вот документы на акционирование, приватизацию и ваучеризацию.

Документы выглядели совершенно настоящими. Загадочно было, когда дельцы успели получить их, если еще час назад и не подозревали, как добраться до озера с русалками?

Но надежды на подлог и последующее разоблачение были тут же развеяны. Из окошка низко спустившегося вертолета высунулся недавно пробившийся в председатели комиссии по приватизации Пупыкин. Он грозил сверху Удалову и пронзительным голосом, перекрывая шум винтов, кричал:

— Все законно! Все законно! Я проверял! Не сметь препятствовать!

— Ты лучше технику сюда гони! — крикнул Собачко. — Давай!

Спешил Собачко, волновался. Не был уверен в себе. Но и Удалов не мог придумать, как бы противостоять этой агрессии. Он был как отсталая Абиссиния в войне с Италией в тридцатых годах нашего века, когда против стрел и копий защитников свободы выступали итальянские танки и тяжелые мортиры.

Салисов подошел к заросшему лазу, ведущему в развалины, и спросил:

— А там что?

— А там ничего! — слишком громко откликнулся Стендаль и этим выдал себя.

— А мы посмотрим, — сказал Салисов, подзывая жестом человека в милицейской фуражке и вторым жестом кидая его внутрь развалин.

Стендаль кинулся перекрывать дорогу к убежищу, где скрывались его дочери, но новое развитие событий остановило его.

Из черного лаза, согнувшись втрое, но не потеряв при этом гордого достоинства потомка одновременно германской и русской аристократии, вышел, сверкая моноклем в левом глазу, граф Шереметев по матери, а по отцу великий ихтиолог Нижней Саксонии Иван Андреевич Шлотфельдт.

— Прошу остановиться, — сказал ихтиолог, и все послушно остановились. Стендаль, Удалов и русалки остановились потому, что были знакомы с Иваном Андреевичем, приехавшим в Гусляр, чтобы оказывать гуманную помощь русалкам, а Салисов и его сообщ-

ники потому, что почувствовали в голосе, акценте и движениях Ивана Андреевича настоящего европейского джентльмена. Перед такими наши мошенники почему-то до сих пор тушуются. — Видите? — спросил Иван Андреевич, поднимая над головой объемистую книгу, которую Удалов поначалу принял за Библию и решил, что Шлотфельдт хочет обратиться к богу как к последнему защитнику русалок.

Никто не ответил. Все понимали, что ихтиолог задает риторический вопрос.

Ростом ихтиолог был очень высок, носил бороду и усы, как Николай II, и было в его повадках нечто строевое и даже конногвардейское.

— У меня в руках есть Красная бух! Вы понимаете?

Все, кроме русалок, понимали, что значит — Красная бух. Это означает — Красная книга, куда записывают всех редких и вымирающих животных.

— В этой бух записано следующее: русалка есть легендарное существо, которое уже есть вымереть во всем мире, и если не вымирать, то последний экземпляр охранять в настоящий заповедник, а никакой частный сектор ни-ни! Ферботтен!

— Ну это мы еще посмотрим, — нагло ответил Салисов, который уже пришел в себя от первого шока. — Это, может, в вашей Бенилюксе русалок не осталось, а мы еще с ними побалуемся. Побалуемся, девочки? — обратился он к столпившимся сзади русалкам. Их зеленая нагота казалась жалкой и превращала их в часть леса. Русалки дрожали, потому что не привыкли стоять на холодном ветру.

— Летят! — закричал человек в милицейской фуражке. — Наши летят!

И впрямь со стороны Вологды строем шли грузовые вертолеты, к которым были привязаны балки и швеллеры, стропила, сетки с кирпичом.

Небо усеяли белые пятнышки парашютов — спускались архитекторы, сметчики, счетчики, бухгалтеры и прочие работники проектных организаций, которые, приземлившись на берегу и не обращая внимания на обнаженных зеленоногих русалок, тут же принялись раскладывать столы, разбивать палатки и платить профсоюзные взносы.

— О, найн! — воскликнул граф Шереметев. — Так далеко не пойдет!

И тут всем пришлось стать свидетелями зрелища, подобного которому никому еще видеть не приходилось. Вверх по речке Скагеррак, со стороны большой реки Гусь, видно проникнув во внут-

ренние воды России посредством Северной Двины или через Мариинскую водную систему, поднимая носом белый бурун, ворвался с песнями и гудками сверкающий белой краской, стройный и решительный корабль международного общества «Гринпис», что для непонятливых русалок можно перевести как «Зеленый мир». Эти отважные люди, невзирая на опасности, побои и даже уничтожение, самоотверженно охраняют животный и растительный мир нашей планеты. Для этих людей Красная книга всегда лежит рядом с Библией. Известно даже, что в штаб-квартире организации «Гринпис» есть древний свиток на еврейском языке, где подробно перечислены все особи, вывезенные Ноем на ковчеге, и как только на земле вымирает очередная пара, спасенная Ноем, но погубленная современным человечеством, по всем местным организациям «Гринпис» объявляется трехдневный траур. А так как на земле каждый день исчезает какой-нибудь вид птиц или насекомых, то патриоты и сотрудники «Гринписа» траура не снимают.

— Спасибо, — тихо произнес Иван Андреевич Шлотфельдт, — вы приплыли даже быстрее, чем я ожидал. Ни одна из русалок еще не обесчещена, никто не успел умереть, хотя эта судьба всем грозила.

С этими словами тайный резидент «Гринписа» по Российской Федерации сбросил белый халат и твидовый пиджак, и обнаружилось, что он облачен в скромный траурный костюм, который он не снимал с того дня, как в экологически грязной речке погибла последняя говорящая золотая рыбка.

Испуганные появлением корабля, проектанты во главе с Салисовым и Собачко погрузились в вертолеты и умчались в областной центр, чтобы там с помощью интриг, подкупа и угроз добиваться строительства казино и публичного дома с русалками.

— Мы еще вернемся, сионисты проклятые! — кричал с неба Салисов.

Некоторые русалки были разочарованы, потому что ждали любви и приключений. Что поделаешь — примитивные создания! Другие, поумнее, радовались сохранению привычного образа жизни. Хотя всем было понятно, что даже создание заповедника для русалок не спасет их от порочного влияния цивилизации.

К счастью, русалки не были разочарованы и обижены тем, что их не возьмут в публичный дом, так как были потрясены видом корабля и его экипажа — молодых людей в траурных одеждах, словно черных рыцарей возмездия. Русалки призывно улыбались молодым людям и звали их купаться. Тем временем более взрослые и разумные представительницы русалочьего племени проводили краткое совещание с профессором Шлотфельдтом. Всем было яс-

но, что даже создание заповедника для русалок в озере Копенгаген не решает проблемы — слишком уж близко и доступно озеро для подозрительных личностей. Единственный выход заключался в срочной эвакуации племени в дикое, нехоженое место. Рассматривалось несколько вариантов: бразильская сельва, озеро Лох-Несс, склоны горы Килиманджаро, а также заповедные леса к востоку от Архангельска.

Пока кипел горячий спор, Удалов, заметивший отсутствие Стендаля, решил заглянуть в погреб помещика Гуля и узнать, как себя чувствуют Стендаль и двадцать шесть его дочек.

Погреб встретил его пустотой и тревожной тишиной.

— Миша, где ты?

Никакого ответа.

— Маша, отзовись!

Тишина.

Удалов ощупью добрался до темного угла, где только что, скрытый ветками и тряпьем, стоял бак с мальками-близняшками. Но и бака не было — лишь мокрая щебенка под ногами.

Впереди был подземный сумрак. Удалов сделал несколько осторожных шагов, ступая по кирпичам и пыли, отодвинул доску — и в глаза ударил зеленый свет лесной чащи. К свету вели стесанные кривые ступени. На ступенях темнели пятна — пролитая вода. Кто-то волочил здесь бак, понял Удалов. Хорошо бы не враги — Миша этого не переживет.

Мокрые следы вывели Удалова к заросшей нехоженой тропинке, а та, через полсотни метров, к речке Скагеррак, той самой, что вытекает из озера Копенгаген и впадает в реку Гусь.

На берегу сидела и рыдала Маша. Возле нее валялся опрокинутый бак.

На коленях возле Маши стоял Стендаль, нежно и как-то неумело гладил ее темные зеленоватые волосы и тоже плакал.

Удалов подождал с минуту — не хотел прерывать горе друзей. Но потом все же поинтересовался:

— Что за беда стряслась?

— Я хотела... — ответила сквозь слезы молодая русалочка, — я хотела дочек спасти. Они же... эти... работорговцы, они бы их захватили.

— И что же ты сделала? — в ужасе спросил Удалов, уже догадываясь о страшном ответе. — Ты их убила, чтобы не достались врагам?

— Да ты что, Корнелий Иваныч, — испугалась русалочка, даже плакать перестала. — Да разве мать на такое пойдет? Разве можно собственную икру уничтожить?

— Она их в речку выплеснула, — печально ответил Стендаль. — Уплыли мои девочки.

— Но они же могут заблудиться, простудиться, попасть в зубы щуке!

— Не терзайте мою душу, — ответила русалочка. — Я же думала, что лучше смерть на свободе, чем жизнь в зоопарке.

— Этой фразе я ее научил, — горько, но не скрывая гордости за возлюбленную, ответил Стендаль. — У человека должны быть высокие принципы.

Они замолчали и стали смотреть на быструю веселую воду узкой речушки.

— Может, их выловят, — сказал Удалов. — Ты скажи своим подругам, чтобы поискали.

— Нет, туда нельзя! — закричал Стендаль. — Там ее поймают и отдадут в вертеп разврата!

— Дурак, ты не заметил, что наши временно победили. Сейчас обсуждается проблема, куда эвакуировать русалок, чтобы скрыть их от коммерческих структур...

— Неужели... — Тут Стендаль оборвал себя. Он-то знал, что в нашей действительности справедливость если и восторжествует, то лишь на время, а потом за это приходится дорого расплачиваться.

— Ну, может, сколько-нибудь поймаете, — сказал Удалов. — Все лучше, чем ничего.

— Правильно! — К Стендалю постепенно возвращалось умение владеть собой. — Ты возьмешь тех дочек, кого удастся отловить! Я останусь здесь, и мы с Удаловым будем каждый день ходить с бреднем. Правильно, Корнелий?

— Только не каждый день, — робко возразил Удалов, но Стендаль его не слышал. Он был готов нестись в город покупать бредень для ловли мальков-русалочек.

— Ой! — прервал его мысли отчаянный крик Маши.

Удалов со Стендалем обратили взоры на середину речки, где из воды высунулась голубая пришлепка — студенистая голова пана Водограя. Его белесые глаза смотрели бессмысленно и нагло, в открытой пасти желтели щучьи зубы. В толстой блестящей конечности он держал маленькую русалочку, которую только что поймал, и, не скрывая торжества, подносил ее ко рту, чтобы сожрать.

Маша стрелой кинулась к воде и нырнула, подняв фонтан до неба. А так как речушка была всего метров шесть шириной, то вода в ней покачнулась и оголила сизое пузо водяного. Тот потерял равновесие и промахнулся мимо пасти — русалочка ударилась о его ухо, и в тот же момент русалка Маша, в обычных условиях опасаю-

щаяся водяного, так ударила Водограя, что тот окунулся с головой в воду, вырвала дочку, а когда водяной выскочил, чтобы погнаться за ускользнувшей добычей, подоспевший Стендаль долбанул его по студенистой голове осиновой дрыной так, что голова его ушла в плечи и на ее месте образовалась круглая впадина, подобная небольшому лунному кратеру.

В таком виде водяной, как заснувшая медуза, медленно и безвольно поплыл по течению. Удалов крикнул с берега:

— Ты его не до смерти?

Маша, которая нежила, гладила, ласкала дочку, ответила за Стендаля:

— А он бессмертный... К сожалению.

Оставив дочку Стендалю, Маша нырнула в речку и поплыла по течению, надеясь догнать и перехватить хоть сколько-нибудь из дочерей, а Удалов отправился обратно к озеру, где уже началась погрузка русалок на белый корабль союза «Гринпис». Некоторые русалочки, поднимаясь на борт, сразу же начинали соблазнять экологов, но капитан строго осаживал пассажирок. Удалов понял, что устал от всей этой колготни. Незамеченный, он пошел по тропинке обратно к городу. Роль Ивана Сусанина оказалась ему не по нутру, и выполнил он ее неудачно.

И настроение было плохое. Ведь история не знает обратных дорог.

ПРИШЕЛЬЦЫ НЕ К НАМ

Старик Ложкин, почетный пенсионер Великого Гусляра, постучал к Корнелию Ивановичу, когда тот доедал компот «Дары Гонолулу», купленный обленившейся Ксенией в магазине «Альмавива», открытом супругами Савичами на площади Землепроходцев. С прошлого года этой площади возвратили историческое наименование Скотский выгон, однако жители Гусляра все еще редко его употребляют. Нелегко проходит реинкарнация исконных ценностей!

— Корнелий, — сказал Ложкин, — опять прилетели.

— Кто прилетел? — спросил Корнелий.

— Пришельцы.

— Какого вида?

— Не знаю.

— Почему? Невидимые?

— Нет, что-то они не опускаются. Уже полчаса как над площадью кружат, а не опускаются.

— А чем я тебе могу помочь? — спросил Корнелий.

— Ты не мне должен помочь, а всему человечеству. Как нам с ними в контакт войти? Может, надо предотвратить конфликт? Может быть, они готовятся нас истребить?

Корнелий тяжело вздохнул, отложил ложку и отмахнулся от экзотического аромата.

— Зря ты иностранными продуктами себя балуешь, — заметил Ложкин. — Когда они кончатся, тосковать будешь.

Корнелий не ответил соседу, а крикнул жене:

— Ксюша, я на минутку, на небо взгляну и обратно.

Выйдя во двор, Корнелий закинул лицо к небу. И в самом деле, над желтеющей кроной липы виднелся край висящего над городом космического корабля.

— Значительный корабль, — сказал Удалов. — Давно таких не видал.

— Может, завоевывать будут, — ответил Ложкин.

— Зови Грубина, — приказал Корнелий. В трудные моменты жизни в этом немолодом полном лысом человеке пробуждался Наполеон, который всегда готов вызвать огонь на себя.

Ложкин подбежал к приоткрытому окну на первом этаже и принялся звать Александра Грубина — для друзей все еще Сашу. Тот долго не отзывался. Оказалось, у него были в гостях благодетели, те, которых в больших городах, подверженных иностранным влияниям, называют спонсорами. В благодетелях состояли бывший редактор городской газеты Малюжкин и кожушовка Глаша — посол немногочисленного лесного народа кожухов, обитающего в окрестностях Великого Гусляра. Совместно они создали горнодобывающее предприятие, но не о нем сейчас речь. Главное заключалось в том, что это предприятие «Недра-Гусь» субсидировало будущий кругосветный полет Саши Грубина на воздушном шаре, на котором руками девушек из текстильного техникума было вышито метровыми буквами: «Недра-Гусь! Повезет, за что ни возьмусь!»

— Что случилось? — спросил Саша Грубин, высовывая в окно поседевшую, но еще буйную шевелюру. — Что могло привести сюда моих друзей во время обеденного перерыва?

Все засмеялись веселой шутке Грубина, но тут Удалов оборвал смех, сказав:

— А вот на небо поглядеть — это вам чуждо!

— Что случилось? — С этим вопросом благодетели и Грубин выбежали во двор и тоже увидели космический корабль пришельцев.

— Пришельцы, однако, — сказала скуластая Глаша.

— Если это, конечно, пришельцы, а не замаскированная налоговая инспекция, — ответил осторожный и подозрительный Малюжкин.

— Пришельцы, — уверенно произнес Удалов. — Таких кораблей у налоговой инспекции пока нет.

— Я сам видел, как они опустились! — поддержал Удалова старик Ложкин. — Сначала была звездочка, потом она превратилась в тарелочку.

Беседуя, они отошли на середину двора, чтобы лучше разглядеть корабль.

Он представлял собой диск, очевидно, огромных размеров, что подчеркивалось тремя рядами из сотен круглых иллюминаторов, а также различными надстройками поверх диска.

— Ну что ж, — сказал Удалов, — давай, Саша, выходи на связь на галактической волне.

Галактический передатчик стоял у Саши на письменном столе, и, если возникала необходимость о чем-то поговорить с Космосом, Саша никогда никому не отказывал.

Сам Удалов сопровождал Сашу на переговоры, но остальных попросил подождать во дворе, не создавать толкотни. И никто не посмел возразить Удалову, хотя, конечно, хотелось послушать инопланетян — зачем прилетели, что за намерения у них, будут ли завоевывать или, наоборот, предложат дружить.

В большой комнате Грубина, набитой приборами и книгами, было неопрятно и полутемно, к тому же зрители торчали у окна, застя свет.

Грубин быстро отыскал на экране пульсацию, соответствующую инопланетному гостю, и, когда она сформировалась, вызвал корабль на нужной волне.

— Отзовитесь! — сказал он. — Зачем прилетели?

Корабль не ответил.

— Повторяю! — настаивал Грубин. — Мы, жители свободной планеты Земля, настаиваем на вашем ответе.

— Нужно будет — ответим, — послышался в динамике грубый голос с неизвестным акцентом. — Сначала надо разобраться.

— В чем будете разбираться? — спросил Удалов.

В ответ царило молчание.

Больше ни слова от визитера добиться не удалось.

Отчаявшись наладить контакт, Грубин с Удаловым вышли наружу. Остальные настороженно молчали, не смея нарушать ход мыслей Корнелия Ивановича.

— Придется подниматься, — сообщил он наконец.

— Да, — согласился Грубин. — Придется подниматься.

Глаша заголосила, сообразив, что подниматься придется на рекламном шаре, но Малюжкин ее остановил.

— В интересах человечества, — сказал он. — Придется рискнуть.

— А если собьют? — спросила Глаша.

— Вся Галактика увидит нашу фирму, — ответил Малюжкин. — Большими буквами в языках пламени.

— Окстись! — осерчал Ложкин. — Там же на борту наш человек, а ты — «в языках пламени».

— Значит, обойдется, — сразу же поправился Малюжкин и бессмысленно улыбнулся. Так всегда улыбаются миллионеры, когда их уличают в обмане трудящихся.

Все вместе пошли на поле за церковь Параскевы Пятницы, где в пустом гараже хранился воздушный шар. Корабль пришельцев все так же висел посреди неба, ничего не излучая и не выказывая признаков жизни. У многих жителей города возникало от этого паршивое ощущение, будто ходишь под плохо привязанной связкой арматуры или нависшей скалой, готовой рухнуть от слабого движения воздуха. Но люди в Великом Гусляре ко многому привыкли, они продолжали ходить по улицам, дети бежали в школу, а матери готовились рожать.

Воздушный шар резво разложили на траве, разогнав гуляющих там собачников, затем принесли горелку и принялись надувать. Шар уже не был новостью для гуслярцев, и на него обращали внимания не многим больше, чем на летающую тарелку.

В открытую корзину шара забрались Удалов с Грубиным. Хотел забраться и Ложкин, но ему не разрешили из-за пожилого возраста.

Осень была ранняя, теплая, именуемая в наших краях бабьим летом. Даже на высоте было не холодно.

Удалов глядел вниз, на родной город, панорама которого, постепенно расширяясь, разворачивалась под ногами. Улицы с каждой секундой становились у́же, дома ниже и теснее друг к дружке, к городу приблизились леса и заречные заросли...

— Нет, ты только погляди! — услышал задумавшийся об относительности жизненных ценностей Удалов удивленный голос Грубина.

Он обернулся на крик и поразился не менее своего спутника.

Оказалось, что они достигли корабля пришельцев куда быстрее, чем рассчитывали. Висел он не под самыми облаками, как казалось наблюдателю с земли, а немного повыше церковной коло-

кольни. И лишь по причине отсутствия в небе предметов, с которыми его можно было сравнить, казался таким гигантом. Правда, он был все равно раза в три побольше, чем воздушный шар фирмы «Недра-Гусь». Но если бы полчаса назад Удалова спросили о размерах корабля, он сказал бы, что тот в несколько раз больше футбольного поля.

Стоя в корзине воздушного шара, Удалов попытался привлечь к себе внимание пришельцев, размахивая руками и подавая сигналы голосом. Однако ответных сигналов с корабля не поступало, хотя Грубин уверял, что видит в иллюминаторах миниатюрные головки космонавтов, которые глядят на воздушный шар и даже двигаются.

Воздушный шар имеет малые возможности для маневра, и поэтому толком облететь пришельцев не удалось. Поднялись повыше, поглядели сверху на антенны и оборонительные системы корабля в надежде на то, что действия воздушного шара не будут сочтены враждебными, — хоть ракеты и пушки корабля были невелики, убить можно и иголкой.

Покружившись возле таинственного пришельца, воздушный шар пошел вниз. И вскоре без особых приключений опустился на поле, где его поджидали остальные.

— Ну как? Вы живы? — с таким криком кинулась к шару кожушовка Глаша и стала гладить его корзину, видно, уж и не надеялась дождаться свою собственность обратно.

— Что они сказали? — спросил Ложкин.

— Отмалчиваются, — ответил Удалов.

— Плохо дело, — сказал Ложкин. — Надо ПВО вызывать.

— Погоди с ПВО, — ответил Удалов. — Тут неувязка с размерами получается.

И он рассказал, что корабль рассчитан не на людей, а на существ малого размера, судя по приблизительным измерениям, на существ двух- или трехсантиметровых, меньше мышки, ну примерно как небольшие оловянные солдатики.

Эта информация заставила всех задуматься. Разумеется, Космос полон тайн и загадок, но раньше таких лилипутов в окрестностях Земли не встречалось.

— И что же будем делать? — спросил Малюжкин.

— Ждать, — твердо ответил Удалов, в голове которого уже созрел план, подсказанный ему жизненным опытом.

Удалов поделился своим планом только с Грубиным, потому что ему нужен был помощник.

— Саша, — объяснил он ситуацию Грубину, — ведь они не просто так прилетели. Если просто так прилетают, то покружат, по-

снимают, поглазеют — и домой. А эти уже вторые сутки висят, многим даже надоели. Значит, планируют.

— Ты прав, Корнелий, — согласился Грубин.

— А раз планируют — значит, выйдут на связь.

— Точно.

— И наша с тобой задача — узнать, кто с ними на связи. Мало ли какие опасности могут исходить для нашего с тобой города от такого странного союза...

Сойдясь на этом, друзья взяли бинокль и, разделившись на шестичасовые смены, стали вести наблюдение за кораблем с крыши дома № 16, надеясь, что долго это дежурство не продлится, по крайней мере не до осенних холодов, а главное — не до того, как истощится терпение ревнивой Ксении.

Идея Удалова дала плоды на вторую ночь. Отбив очередную проверку Ксении, которая была в глубине души уверена, что к Удалову на крышу лазает на свидание небезызвестная Римка, Корнелий вновь взялся за бинокль и увидел, как от корабля отщепился небольшой предмет круглой формы и медленно спланировал к земле.

Поднаторевший в космических делах, Удалов тут же определил предмет как посадочный катер. Он оказался прав! Пришельцы вышли на связь!

Корнелий проследил место, куда спустился катер, продовольственный магазин № 2 «Гастроном», и, спустившись по пожарной лестнице, стукнул кулаком в окно Грубину.

Грубин спал одетым и потому тут же выскочил в окно и побежал следом за Удаловым.

Но, как ни спешили друзья, они опоздали.

Магазин был, разумеется, закрыт, сторож крепко спал, и будить его не имело смысла. Удалов решил обойти вокруг магазина, надеясь отыскать катер в непосредственной близости от гастронома либо найти место, через которое он мог проникнуть внутрь.

Первая версия принесла результат.

На заднем, хозяйственном дворе гастронома в одном из деревянных без крышки ящиков, что были раскиданы по асфальту, и находился искомый катер. Однако Удалов не сразу догадался о ящике как о возможном месте укрытия и потерял минуту или две. Он стоял посреди хозяйственного двора и крутил головой, когда из ящика поднялся матовый шар и, набирая скорость, помчался в небо.

— Стой! — крикнул вслед катеру Грубин.

А Удалов молча бросился к ящику, надеясь увидеть связников.

Но и тут опоздал.

Ящик был пуст. Только два иди три таракана разбежались по щелям под грозным взглядом Корнелия Ивановича.

Несолоно хлебавши Грубин с Удаловым вернулись домой. Больше сидеть на крыше не было смысла. Пришельцы уже сделали свое дело, но что это было за дело, осталось неизвестным.

Ясность в ситуацию внесла Ксения Удалова, когда на следующее утро кормила мужа яичницей. Она уже побывала на рынке и в магазине, так что в городе от нее секретов не оставалось.

— Ну что, зря сидел на крыше? — спросила она ехидно.

— Не совсем так, — ответил невыспавшийся Удалов. — Односторонний контакт все же произошел — мы за ними наблюдали и проследили место посадки. Во дворе гастронома.

Удалов никогда ничего не скрывал от Ксении. И хотя ее мало волновали космические проблемы, для средней гуслярской женщины она была в них достаточно информирована.

— Никого не увидели?

— Кроме тараканов, никого, — признался Корнелий. — Пустой номер.

— Вот именно, — сказала Ксения. — Люди то же самое говорят.

— Что говорят люди? — насторожился Удалов. Его всегда интересовало общественное мнение. У общественного мнения, которое, конечно, склонно преувеличивать всякую чепуховину, есть свои законы, и, следуя им, оно порой удивляет прозрениями.

— А люди врать не будут, — ответила Ксения. — Они с тобой согласны.

— А я ничего такого не сказал, чтобы со мной соглашаться.

— Сказал, ангел мой, сказал, — ответила Ксения. — Сказал, что твои пришельцы, — тут она показала пальцем в потолок, напоминая, что корабль мелких пришельцев все еще висит над городом, — к тараканам прилетали.

— Что?

— Весь народ уже знает.

— Да ты с ума сошла! На что им тараканы?

— Родственники им, — ответила Ксения. — Из одной расы. Так сказать, из одной весовой категории.

— Нет! — закричал Удалов. — Быть того не может, потому что тараканы неразумные, отсталые, безмозглые насекомые!

— Ты так думаешь? А если это так, почему они за наш счет живут и ничем их вывести нельзя? Почему люди всегда терпят поражение в борьбе с тараканами?

Ксения говорила, встав в позу оратора, и текст у нее получился торжественным.

— Ну уж поражение... — неуверенно возразил Удалов.

— А вот теперь сомнений у тебя не будет. Эти, что наверху, прилетели специально, чтобы защитить тараканов от наших нападок, от истребления. По тараканьей жалобе.

— Ну уж...

И тут взгляд Корнелия упал на небольшое черное существо, которое стояло на диванной подушке и поводило в воздухе передними лапками. Это был крупный таракан-прусак, таких Удалов даже на кухне редко видел, а уж чтобы такое неприятное существо осмелилось выйти на свет днем — такое было немыслимо.

— Это еще что? — Корнелий стал искать глазами, чем бы смахнуть на пол и раздавить вечного человеческого противника, но Ксения, догадавшись, схватила его за руку.

— Корнюша, опомнись! — закричала она. — Внуков пожалей.

Ксения висела на руке Удалова, и тот, удивившись, спросил:

— Ты-то чего испугалась?

Ему почудилось, что таракан, которого резкие движения Удалова вовсе не испугали и не заставили спрятаться, слегка улыбается. Он даже пригладил усы передней лапкой!

— Дай я его хоть с дивана сгоню, — сказал, сдаваясь, Корнелий.

— Захотят, сами уйдут, — сказала Ксения о таракане, как говорят о сумасбродном барине, которого нельзя раздражать и дразнить.

— Откуда ты набралась этой чепухи? — грозно спросил Удалов, отворачиваясь от дивана и нахального таракана.

— Люди говорят, — ответила Ксения. — Люди врать не будут.

— И что же еще они говорят?

— А то говорят, что тараканы объединились и направили к своим собратьям послание, что мы, люди, их угнетаем и уничтожаем. И потому они просят помощи.

— А эти прилетели! — Сарказм бушевал в голосе Удалова.

— А эти прилетели, — ответила Ксения мирно, собирая крошки на блюдечко и капая туда же варенья. — И не только в Гусляр. Говорят, что уже над всеми городами Земли они повисли. И скоро выйдет приказ, чтобы люди отдали всю власть тараканам и подчинялись им во всем. Чтобы любили, кормили и так далее.

— Что такое «так далее»? — подавленно спросил Удалов.

— А это нам тараканы сами скажут, — пояснила Ксения. — Говорят, что будут девушек наших брать в гаремы, что запрягать нас будут в ихние кареты, а еще положено будет спать с тараканами, потому что тараканы уважают человеческое тепло.

— Еще чего не хватало! — Удалов в гневе обернулся к прусаку, но тот уже был не один — на подушке сидело и стояло штук двадцать тараканов.

Удалов не успел даже дотронуться до них, как Ксения ласковым голосом заблеяла:

— Миленькие мои, голодненькие, идите, покушайте, подкрепитесь.

И с ужасом Удалов наблюдал за тем, как тараканы вереницей пересекли пол, поднимаясь по ножке стола, окружили блюдце с едой и принялись дружно питаться.

В отвращении Удалов погрозил тараканам кулаком и увидел, как самый крупный из тараканов погрозил ему лапкой в ответ.

Тараканы, почувствовавшие, что наконец-то историческая справедливость, как они ее, паразиты, понимали, восторжествовала и теперь они с людьми поменялись местами, в течение нескольких минут вылезли из всех укрытий и темных мест. Они и в самом деле нагло заходили в места общественного питания, в столовые, ресторан «Золотой гусь», в коммерческие кафе и даже служебные буфеты, всюду требуя лучшей еды, и были совершенно ненасытны. К тому же они умудрялись хапать куда больше, чем были в состоянии сожрать, и разбрасывали объедки по всему городу.

Удалов как раз пришел к городскому голове Коле Белосельскому, чтобы спросить его совета — что делать, как жить дальше под тараканами и нельзя ли вызвать из центра ракетную дивизию, когда делегация из нескольких крупных тараканов выставила Белосельского из кабинета, сказав, что он числится в главных тараканьих врагах и потому отныне ему вход в помещение запрещен.

— На что я надеюсь, — сказал Белосельский, стоя на лестнице, — так это на их внутренние дрязги. Мне звонили из райпищеторга, что отмечен первый конфликт между рыжими и черными тараканами.

— Дай-то бог! — ответил Удалов.

Они помолчали. Из оставленного кабинета доносилось шуршание. Тараканы уничтожали неприятные им бумаги.

Прибежал Савич. Он был разорен. Магазин супругов Савичей подвергся нападению. Наиболее нахальные тараканы потребовали, чтобы его жена Ванда открывала для них консервные банки, в ином случае грозились обесчестить.

Но наибольшая сенсация ожидала Удалова, когда он добрался до дома. Это путешествие заняло куда больше времени, чем обычно, потому что по улицам семьями фланировали тараканы и приходилось их пропускать. Сенсация заключалась в том, что пресловутая Римма сделала предложение руки и тела старшему тараканю их дома и получила милостивое согласие. Церемония была назначена на ближайшее время...

— Черт знает что! — мрачно сказал Грубин, стоя у стола для домино во дворе их дома. — Может быть, эвакуировать население? У нас же воздушный шар есть.

— Куда бежать, — вздохнул Удалов, — если над каждым городом планеты по такому кораблю висит? Они же все продумали и, пока мы ушами болтали, подготовили переворот со всей тщательностью. Что ты будешь делать, на земле каждый наш шаг контролируется тараканами, а в небе висят враждебные космические корабли тараканьих покровителей. И как только мы допустили, чтобы они связались между собой?

— Я слышал, — сказал Грубин, — что какой-то таракан пробрался на земной космический корабль. Может, даже с семьей. А дальше все дело техники.

— Интересно, они людей потом начнут истреблять или нет?

— В их среде на этот счет нет согласия, — ответил Грубин. — Но если сегодня они этого не планируют, то через год-другой бесконтрольного размножения обязательно возьмутся за уничтожение людей.

Они помолчали.

Корабль тараканьих союзников висел над ними как дамоклов меч.

— Да, — сказал незаметно подошедший Ложкин, — не следовало нам так их уничтожать. В чем-то по большому счету мы сами виноваты.

Небольшой, но строгого вида рыжий таракан сидел у него на ухе и, видно, осуществлял цензуру высказываний почетного пенсионера.

— Нет, — сказал Удалов. — Вы как хотите, а я не сдамся. Я в леса уйду. В лес они не сунутся. В шалаше буду жить.

Остальные молчали. План Удалова показался им наивным.

Сила силу ломит.

Из дома доносилась музыка, бухал барабан, взвизгивала скрипка — свадьба Риммы была в полном разгаре.

Ночью тараканы набились к Удаловым в постель: им нравилось ночевать на простынях и жаться к человеческим телам. Удаловы сбежали и сидели кое-как одетые на лестнице, благо еще было не холодно. Другие соседи разделяли их изгнание.

Не спалось. Было стыдно и больно за человечество.

— И чего мы их раньше не передавили! — прошептала жена Ложкина.

— Тише, — попросил ее муж. — Они же с тарелочки подслушивают.

— Вот именно, — сказал проходивший мимо таракан.

И тогда над плохо спавшей встревоженной Землей разнесся, казалось бы, негромкий, но всепроникающий голос с корабля пришельцев:

— Тараканы Великого Гусляра! Ваш час пробил. Просим всех вас собраться на поляне за церковью Параскевы Пятницы для торжественного посещения корабля ваших братьев и союзников. Гарантируются бесплатные подарки и питание.

И тут по всему городу пошло шуршание — в путь двинулись миллионы тараканов. Пьяный Малюжкин, проходивший в то время по площади, был потрясен зрелищем сплошного шевелящегося покрова, на несколько сантиметров покрывшего траву. В ужасе Малюжкин застыл, не сделав следующего шага, и увидел, как на космическом корабле раскрылись широкие по его масштабам ворота и оттуда к земле протянулся плоский яркий зеленый луч. По лучу, как по пандусу, широким потоком потекли счастливые победители — тараканы. Один из последних, ожидавших своей очереди, заметил несчастного Малюжкина и пискнул ему:

— Историческая справедливость рано или поздно всегда торжествует. Угнетенные массы поднимаются против угнетателей, и нашим врагам становится страшно, что они родились на свет.

— Я в жизни не раздавил ни одного таракана, — возразил ему Малюжкин.

— Из отвращения, а не из гуманизма! — рявкнул таракан. — А другие, даже дети, — они нас сотнями уничтожали. И учтите, что когда мы вернемся с подарками и инструкциями, то возьмемся за вас всерьез.

С этими словами последний таракан поспешил вверх по зеленому лучу и вскоре скрылся в чреве корабля пришельцев. Люк закрылся. Наступила тишина.

Люди начали выходить из домов и смотреть наверх. Что-то будет, когда возвратятся тараканы? Постепенно уныние все более охватывало людей.

И тут, когда напряженное ожидание беды полностью охватило жителей Великого Гусляра, рядом с кораблем образовалось светящееся пятнышко, которое превратилось в небольшой посадочный катер, помчавшийся к земле. На полпути к ней он, видный из любого окна и с любой улицы, замер.

Свечение вокруг шарообразного катера становилось все ярче, распространялось во все стороны, пока не превратилось в овальный вогнутый экран в несколько метров диаметром.

И тогда все жители города впервые увидели пришельца, который решил лично обратиться к людям.

Обитатель корабля и в самом деле был отдаленно похож на таракана, вернее, скажем, на насекомое тараканьего семейства. Но надо признать, что было и множество отличий — например, у пришельца была куда более крупная голова, выразительные глаза, передние лапы заканчивались несколькими пальцами, в одной руке он даже держал сигарету. И самое главное заключалось в том, что пришелец был одет. Скудно, но со вкусом.

— Господа! — обратился пришелец к замершим людям. — Простите, что заставили вас поволноваться. Но нашей вины в том нет. Вы сами придумали и распространяли лживые слухи. И сами стали их жертвой. Нам трудно понять, как вы могли попасться на такую дешевую уловку. К сожалению, мы не могли вас успокоить раньше, так как тогда рухнула бы схема, столь тщательно продуманная и не раз опробованная нами. На самом деле наш корабль — один из эскадры кораблей, направленных на Землю для истребления наглых тараканов, которые стали просто стихийным бедствием. Простите нас за то, что из-за необходимости соблюдения тайны вы вынуждены были терпеть, как распустились и обнаглели тараканы, всерьез поверившие в сплетню о том, что если мы с ними одного размера и несколько схожего вида, то обязаны быть их друзьями и покровителями. Но теперь ваши мучения кончились. Тараканы завлечены на наш корабль и уже сожжены в печке. Больше тараканов на Земле нет! Спите спокойно.

На этих словах экран потускнел и погас, катер возвратился к кораблю и растворился в нем.

Люди не могли поверить своему счастью.

На этот раз обошлось!

Были предприняты попытки отыскать виновного за распространение страшной сплетни, но, конечно же, никого не нашли.

Несмотря на поздний час, людям не хотелось расходиться.

Молодой Гаврилов принес магнитофон, и все танцевали на площади под его музыку. Некоторые торговцы открыли свои магазины и бесплатно или задешево раздавали свои товары. Это была чудесная, славная, дружная ночь.

Когда шли домой, Удалов спросил Грубина:

— И чего же они на тараканов взъелись?

— Я думаю, что им за них стыдно. Как бы существа одного племени, но одни — интеллигентные и гуманные, а другие — ну просто мелкие хищники!

Удалов согласно кивнул головой.

— Улетает, улетает! — крикнул кто-то в толпе. И в самом деле, темное округлое тело корабля пришельцев растворилось в черном небе.

Ксения взяла мужа под руку.

— Вот оно — счастье, — сказала она. — А ведь мы живем и не чувствуем его, пока не случится беда.

Так, прижавшись друг к другу, словно в молодости, они поднялись на второй этаж.

Попили чаю.

Перед сном Удалов пошел мыться.

На краю рукомойника сидел похожий на таракана, но куда более приятный на вид пришелец из корабля и шевелил усами.

— Ты чего? — удивился Удалов. — Опоздал вернуться?

— Я теперь здесь буду жить, — сказал пришелец. — Вместо таракана.

— Как так? Вы же сами сказали...

— А крошки будешь оставлять мне на кухонном столе, — приказал пришелец.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление 5

Часть I. ЧУДЕСА В ГУСЛЯРЕ

Как его узнать? *Рассказ* 9
Поступили в продажу золотые рыбки. *Рассказ* 21
Любимый ученик факира. *Рассказ* 40
Недостойный богатырь. *Рассказ* 57
Домашний пленник. *Рассказ* 90
Две капли на стакан вина. *Рассказ* 103
Прошедшее время. *Рассказ* 120
Ретрогенетика. *Рассказ* 128
Ленечка-Леонардо. *Рассказ* 136
Перпендикулярный мир. *Повесть* 142
Марсианское зелье. *Повесть* 212

Часть II. ПРИШЕЛЬЦЫ В ГУСЛЯРЕ

Космический десант. *Рассказ* 343
Свободный тиран. *Рассказ* 349
Титаническое поражение. *Рассказ* 354
Спóнсора! *Рассказ* 362
Ответное чувство. *Рассказ* 368
Кладезь мудрости. *Рассказ* 387
Надо помочь. *Рассказ* 399
Разум в плену. *Рассказ* 407
Родимые пятна. *Рассказ* 426
Соблазн. *Рассказ* 436
Технология рассказа. *Рассказ* 448
Повесть о контакте. *Рассказ* 462
О любви к бессловесным тварям. *Рассказ* 471
Паровоз для царя. *Рассказ* 478

Связи личного характера. *Рассказ* 487
Обида. *Рассказ* 496
Копилка. *Рассказ* 504
Они уже здесь! *Рассказ* 511
Прощай, рыбалка. *Рассказ* 514
Свободные места есть. *Рассказ* 531
Районные соревнования по домино. *Рассказ* 540
Нужна свободная планета. *Повесть* 546
Глубокоуважаемый микроб. *Повесть* 596

Часть III. ВОЗВРАЩЕНИЕ В ГУСЛЯР

Возвышение Удалова. *Водевиль в одном действии с прологом* . . . 717
Съедобные тигры. *Рассказ* 742
Разлюбите Ложкина! *Рассказ* 764
По примеру Бомбара. *Рассказ* 774
Настой забвения. *Рассказ* 784
Когда Чапаев не утонул. *Рассказ* 790
Сны Максима Удалова. *Рассказ* 799
Жильцы. *Рассказ* 807
Опозоренный город. *Рассказ* 819
Яблоня. *Рассказ* 831
Сильнее зубра и слона. *Рассказ* 837
Градусник чувств. *Рассказ* 847
Каждому есть что вспомнить. *Рассказ* 853
Два сапога — пара. *Рассказ* 864
Плоды внушения. *Рассказ* 870
Сапожная мастерская. *Рассказ* 878
Подоплека сказки. *Рассказ* 899
Отцы и дети. *Рассказ* 915
Отражение рожи. *Рассказ* 922
Платье рэкетира. *Рассказ* 930
Новый Сусанин. *Рассказ* 943
Пришельцы не к нам. *Рассказ* 974

Литературно-художественное издание

Кир Булычев

КОСМИЧЕСКИЙ ДЕСАНТ

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Редактор *Т. Новикова*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *И. Ковалева*
Корректор *Т. Пикула*

В оформлении переплета использована иллюстрация художника *В. Савватеева*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8435) 70-40-45/46.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.
Во Львове: Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.
Информация по канцтоварам: **www.eksmo-kanc.ru** e-mail: **kanc@eksmo-sale.ru**

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:
В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12 . Тел. 937-85-81.
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.
В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

Подписано в печать 27.09.2006.
Формат 84×108 $^{1}/_{32}$. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 52,08.
Тираж 5100 экз. Заказ № 4904.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.